ЛУЧШИЙ ШУТНИК СРЕДИ КИБЕРПАНКОВ

Пол Ди
ФИЛИППО

Рот, полный языков

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ!

Пол Ди
ФИЛИППО

Рот, полный языков

Рот, полный языков

Пол Ди Филиппо

Аннотация
Пол Ди Филиппо. Рот, полный языков
Рот, полный языков. Роман
  Часть первая
  Часть вторая
  Часть третья
Потерянные страницы. Роман в рассказах
  Вступление
  Двадцатые. Дело Галки
  Тридцатые. Анна
  Долина счастья на Краю света
  Сороковые. Коняшка понюшку тащит
  Мир Кэмпбелла
  Пятидесятые. Нестабильность
  Шестидесятые. Третьи Мировые войны
  Линда и Фил
    1
    2
    3
    4
    5
  Алиса, Альфи, Тэд и пришельцы

1. Женщина, которая закупорилась
2. «Холидей», «Холидей»!.. А вы читали?
3. Закружившиеся в вихре
4. Над Гудзоновым заливом едкий дым
5. Она рождена для всех мужчин, которые ждут
Стимпанк. Роман в новеллах
Виктория
1. Полуночная политика
2. Прямой поезд до Китая
3. Человек с серебряным носом
4. Женщина по имени Отто
5. Роковой танец
6. Предательство в Каркинг-Фарделс
7. То, о чем знали все остальные
Готтентоты
1. Обезьянья харя
2. Sinus pudoris
3. Китовый ус
4. Что принес почтальон
5. Липкая ситуация
6. Один или одна сотня
7. Пришивание пуговицы
8. Рыбная история
9. Моби Дагон
Уолт и Эмили

1. «Утро несет оправданный риск… для любовника»

2. «Смерть — гибкий поклонник»

3. «Душа сама выбирает себе общество»

4. «Воздухом опьяненный я…»

5. «Микроскопы полезны на случай необходимости»

6. «Какой мистический швартов ее удерживает нынче»

7. «Належда, оперенная»

8. «Дух смотрит вниз на прах»

9. «Земля по носу! Вечность!»

10. «Уронен в акр эфира в одеянии мужеложца»

11. «Дел у травы нет никаких,. И я хотел бы сеном быть»

12. «Как странно выглядит жизнь девушки за этим мягким затмением»

13. «И была на каждый холмик предназначена фигурка»

14. «Ухо может человеческое сердце разорвать быстрее, чем копье»

Рибофанк

Однажды в Телевизионном Городе

Работяжка

Петушиный бой

Большой Едок
Шунт
Пеленка
Бешеная помесь
Макгрегор
Атака на мозг
Уличная жизнь
А вот и не слабо!
По больной реке
Любимый компонент
Рассказы
Год в Линейном городе
1. Боязнь голубков
2. Охотники за эгидами
3. Вечеринка и самоубийство
4. Миры для вопрошающих
И сбежала вилка с тарелкой вослед
Научная фантастика
Сизиф и Посторонний
Жизнь в Антропоцене
Интервью. Фантазии в стиле «Рок»

Аннотация

Сборник лучших повестей и рассказов американского писателя-фантаста. Эротический роман «Рот, полный языков», публикуется на русском языке впервые.

Пол Ди Филиппо
Рот, полный языков

Пол Ди Филиппо

Рот, полный языков

Минск
„Подсолнечник"
MMVII

Рот, полный языков
Роман

Часть первая

Снова всё тот же сон — глубокий, тяжкий, тревожный.

Слежавшаяся лесная подстилка шуршит под ногами, мелкие сучки и шелуха от семян покалывают босые подошвы. Радужно-слепящий солнечный свет прожигает дыры в плотном лиственном пологе над головой, обдает расплавленной бронзой морщинистые древесные стволы, рикошетом отражается от блестящей кожуры плодов и орехов, проникает сквозь густую чащу, сочится янтарными искрами по змеистым лианам. Тайный язык насекомых звучит в ушах церковным хором, птицы сопровождают каждый шаг непонятными пронзительными комментариями. Тёплое влажное одеяло тропического воздуха окутывает тело — обнажённое? — да, совершенно обнажённое.

Шаг за шагом она погружается всё глубже в пышные манящие заросли, упиваясь покоем и счастьем, теряя ощущение времени. Беспечно раскинув руки в стороны, ласково проводит ладонями по тёплому золоту коры и вощёному нефриту листьев. Опустившись на колени

и зарывшись лицом в щекочущие тычинки, благоговейно прикладывается к сверкающей чистотой чаше цветка, полной ароматной дождевой влаги. Угрюмые ящерицы срываются с насиженных мест на горячих плоских камнях и прячутся под приветливой сенью широких листьев. Красноклювый попугай, не отставая от гостьи, перепархивает с ветки на ветку и следит за её непонятными блужданиями, внимательно наклонив голову. Бабочки, величиной с дамские носовые платки и столь же изящно разукрашенные, возникают в воздухе, мерцая всеми цветами радуги, и тут же исчезают.

Что это? Она застыла на месте. Впереди, на полоске голой земли, чётко отпечатался след огромной лапы.

Солнце поспешно скрывает за облаком свой испуганный лик. Отрывисто кашляет какой-то невидимый зверёк. Тропинку пересекает полосатая змея — скользящий росчерк, соединивший две неизвестности. Пронзительно хохочет обезьяна. Кажется, что след разрастается вширь, заполняя всё поле зрения. От него веет ледяным холодом. Пустое пространство, будто негатив, воссоздаёт то, что оставило отпечаток: мощную пятку-подушечку шириной с чайное блюдце,

четыре основных пальца, вооружённые страшными когтями, и один боковой, рудиментарный, прочертивший тонкую полосу по земле.

Край следа крошится, несколько песчинок одна за другой скатываются внутрь. Внезапно ожившее время пускается вскачь. Охваченная ужасом, она бежит, не разбирая дороги.

Лес отбросил фальшивое гостеприимство — теперь он открыто враждебен. Ветки хлещут по рукам, оставляя рубцы, шипы впиваются в кожу. Скрытые норы грызунов угрожают переломом щиколотки. Деревья сближаются, загораживая путь.

Воздух с хрипом вырывается из лёгких, едкий пот заливает глаза. Она ловит языком струйку крови, медленно сползающую по верхней губе, словно первые капли из готовой прорваться плотины.

Преодолев, наконец, плотную завесу зелени и вырвавшись на широкую поляну, она осознаёт, что совершила смертельную ошибку. Слишком поздно: упругий барьер из сплетенных ветвей не даёт вернуться. В отчаянии она бросается вперёд, надеясь найти спасение в дальних зарослях. На полпути невольно оглядывается через плечо…

Ягуар.

Выделяясь на фоне зелени, будто рухнувший на землю сгусток космической тьмы, огромный кот царственно шествует в своей меховой мантии, сотканной из вечной ночи. От него трудно отвести взгляд, всё окружающее кажется мелким и незначительным. Густые блестящие усы торчат по обе стороны широкой морды как пучки стекловолокна, гранатовые глаза сверкают, ноздри влажно раздуваются, глотка пульсирует в такт толчкам мощного сердца. Язык вывешивается из пасти бархатным полотенцем, и, качнувшись из стороны в сторону, снова исчезает. Хвост рассекает неподвижный воздух — извилистый мазок кисти на холсте старого мастера.

Почти парализованная страхом, не в силах изгнать из души кошмарный образ, она пытается бежать дальше, но, сделав лишь несколько шагов, спотыкается и падает на четвереньки.

Ягуар уже здесь, прямо над ней — окутывает, как жаркое одеяло, тяжёлое, неподъёмное. Охваченная ужасом, не в силах даже вскрикнуть, она инстинктивно сжимается, ожидая удара клы-

ков, рассекающего шею и позвоночник. Однако хищник почему-то медлит. Вся мокрая от едкого пота, она немного приходит в себя и начинает прислушиваться к своим ощущениям.

Передние лапы зверя обхватывают её влажное горячее тело подмышками, словно тугие меховые обручи. Тяжёлая голова покоится на правом плече, человеческое и кошачье ухо стиснуты как две створки раковины. Стоит повернуться, и её глаза встретят взгляд узких вертикальных зрачков. Щёку обдаёт жарким мясным духом. Ноги прижаты к земле мощными задними лапами, один боковой палец больно впился в икру. И ещё…

Что-то с силой раздвигает её ягодицы, и она знает, что это.

Быстро разбухая и сочась смазкой, половой орган ягуара выдвигается из своего шерстяного чехла. Ближе к основанию на нём есть утолщение, похожее на сдвоенный грецкий орех. Прикосновение горячей плоти обжигает, и женщина чувствует, как её щель предательски увлажняется, не признавая различий между зверем и человеком.

Не ослабляя хватки передних лап, кот слегка отодвигается — теперь его колючий подбородок упирается женщине в затылок. Острый конец

члена, скользнув по выступающей кромке ануса, безошибочно находит вход во влагалище и останавливается на мгновение, увлажняя соком разгорячённые губы. Мощный толчок — член скользит внутрь, задерживается в тесном отверстии. Женщина вскрикивает, руки её подкашиваются. Ещё толчок — ягуар вводит член полностью.

Правой щекой она лежит на траве, соски трутся взад-вперёд о землю. Из груди вырываются нечленораздельные возгласы. Внутренние губы влагалища растягиваются то внутрь, то наружу под жёстким напором кошачьего пениса. Движения всё ускоряются, ягодицы женщины колышутся в такт. Ещё одно яростное, почти непереносимое вторжение — и могучее орудие ягуара взрывается спермой, заставляя её тело сотрясаться в фантастическом по силе оргазме. По мере того, как обжигающий вязкий сок проникает всё глубже через узкие каналы, закупоренные разбухшей головкой фаллоса, с женщиной происходит странное, возможное лишь во сне превращение. Руки и ноги тают, меняют форму, тело удлиняется, челюсти вытягиваются… Проходит несколько секунд, и любовники расслабленно падают в мягкую густую траву — пара ягуаров, один большой,

другой поменьше. Сплетая гибкие чёрные тела, блестящие на солнце, они нежно вылизывают друг друга.

Керри Хэкетт открыла глаза. По её телу всё ещё пробегает дрожь, затихая внизу живота — последний отголосок удивительного сна. Шея и грудь пышут жаром, приходится откинуть одеяло, несмотря на зимний холод в квартире. Топить начнут только с полудня — режим экономии. Простыня между ног вся мокрая, что если Танго заметит? Вряд ли: он крепко спит, вытянувшись во весь рост на своей половине кровати, похожий на длинный иссохший труп, требующий усердной работы бальзамировщика, хоть и сохранивший бледные остатки былой красоты.

Рдеют цифры в темноте — шесть тридцать, ещё полчаса до тонка. Отключив будильник, Керри выскальзывает из постели. Грубый деревянный пол оскорбляет её нежные подошвы, и она спешит в ванную, где тряпичный коврик хоть немного защитит от суровой действительности.

Ужасно холодно. В тусклом электрическом свете виден пар изо рта. Присев на ледяной унитаз, она орошает гладкую керамическую поверхность дымящейся струёй. Туалетной бумаги опять нет — не хватает денег, да и в магазине не найдёшь,

сразу разбирают. Ничего страшного, всё равно идти в душ. Если, конечно, снова не отключили газ.

Глядит вниз, прежде чем встать — нет ли признаков месячных? Нет, пока ничего.

Льющаяся из крана струйка постепенно теплеет. Сжавшись было в ожидании ледяного шока, Керри облегчённо вздыхает и берёт с полки кусочек желтоватого мыла. Отняв от лица полотенце, встречает взгляд своего двойника в зеркале: коротко стриженные чёрные волосы, падающие на высокий лоб рваной чёлкой, васильковые глаза, небольшой нос, полные чувственные губы, волевой подбородок. Однако такова лишь половина лица. Другая стонет в первобытном хаосе огромного родимого пятна. Винно-багровый отпечаток поцелуя богов или — как знать? — результат оплошности неловкого аиста расползается асимметричной кляксой, стекая со лба по левой щеке на нижнюю челюсть.

Отвернувшись и встав под душ, Керри принимается старательно намыливаться, будто старается отмыться от навязчивого сна. Она трёт и массирует промежность, будто выдавливая оттуда семя призрачного ягуара — а может быть, загоняя его глубже? Несмотря на только что испытанное удовлетворение, собственные руки

действуют возбуждающе, заставляя соски напрячься. Наконец она выключает воду и ступает на коврик. Капли воды на гибком обнажённом теле — словно золотистые искры света в перепутанных лианах недавнего ночною кошмара.

Высыпав в ладонь немного питьевой соды и смешав её с перекисью водорода, она чистит зубы получившейся комковатой пастой. Потом, с трудом вглядываясь в запотевшее зеркало, накладывает лёгкий макияж: серебристые тени и блеск для губ в тон ногтям.

Вернувшись в спальню, освещенную лишь полоской света из ванной, Керри торопится одеться. Голубой бюстгальтер, такие же трусики, чёрные эластичные чулки тесно охватывают бёдра до самого верха. Коричневый деловой костюм, запасной — парадный уже требует стирки. Золотая цепочка, доставшаяся от матери, прекрасно смотрится на стройной шее, хоть и выглядит одиноко без других украшений. Старое пальто с воротником из искусственного меха, грубые ботинки, подходящие для заснеженных тротуаров. В сумочке — лёгкие туфли на смену.

Открыв комод, она достаёт кошелёк и запускает в него руку, не питая, впрочем, особых надежд. Порывшись, находит две последние пятёрки и

подсовывает одну из них под пузырьки с лекарствами для Танго — туда он наверняка заглянет.

Её благоверный всё ещё спит, зарывшись лицом в подушку. Вздохнув, Керри небрежно чмокает его в затылок и покидает квартиру без завтрака и ненужных прощаний.

В подъезде, тускло освещённом одинокой жёлтой лампочкой, гуляет ветер, гоняя уличный мусор из угла в угол — входная дверь с выломанным замком была приоткрыта. На полу у стены спит человек, закутавшись с головой в синее пластиковое одеяло. Оттуда выглядывает лишь бородатое туберкулёзного вида лицо, настолько заросшее грязью, что расу и возраст невозможно определить. Когда Керри пытается обойти живую мумию, та приоткрывает слезящийся глаз и выпрастывает из синтетического кокона обмороженную руку, покрытую тёмными пятнами.

— Немного мелочи, мисс?

Керри нащупывает в кармане несколько монеток и высыпает их в мозолистую ладонь.

— Храни вас Бог, мисс.

Оттянув на себя дверь, насколько позволяют закутанные ноги нищего, она протискивается наружу.

Над крышами домов занимается заря, атакуя

боевые порядки свинцовых туч. Старые сугробы, похожие на свалку грязного покоробленного пластика, громоздятся у подвальных окон и вдоль узких тротуаров, как будто специально устроенных так, чтобы ломать ноги. Керри осторожно спускается по разбитым ступенькам, застёгивает, ёжась от ветра, воротник пальто и отправляется на работу.

Навстречу то и дело попадаются патрули национальной гвардии, внушая одновременно уверенность и тревогу. Парами и тройками, одетые в камуфляж, эти следопыты городских джунглей с опаской обходят квартал за кварталом, неловко сжимая свои блестящие ружья, словно крестьяне — снопы колосьев на сельском празднике. Иногда они идут вчетвером, разделив между собой части газовой пушки для подавления беспорядков. Патрульные провожают Керри равнодушными взглядами. Она старается держаться спокойно, высока подняв голову и глядя прямо перед собой.

Машин на проезжей части почти нет — только неуклюжие автобусы с метаноловым двигателем, бронированные лимузины да трёхколёсные грузовички.

У перекрёстка слышны резкие хлопки, похожие

на выстрелы. Неужели снайпер? Однако прохожие спокойно продолжают идти вперёд, никто не спешит в укрытие, и Керри, поколебавшись немного, следует их примеру. Причина мнимой стрельбы скоро выясняется — это всего-навсего пневматические молотки. Рабочие заколачивают листами фанеры всё ещё дымящийся остов здания на Шепард-стрит.

На углу уже ждёт автомат, где можно купить завтрак: рогалик в вакуумной упаковке, заранее разрезанный и намазанный джемом, и стаканчик травяного чая. Получив деньги, лоток на колёсах отправляется навстречу другим клиентам, следуя заложенному в память маршруту.

Вот и конец пути — ничем не примечательное здание с бронзовыми табличками на двери. Керри привычно скользит взглядом по одной из них: «ПАРАБИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ДИАВЕРДЕ». Войдя в вестибюль, кивает администратору за стойкой. В зале, как всегда, дежурит охрана: двое в стеклянном бронированном укрытии, ещё несколько прохаживаются по залу. Пристроив стерильный рогалик на крышку горячего пластикового стаканчика, она вкладывает свободную руку в пасть сканера, вмонтированного в стену. Захватив чешуйку кожи, сканер мгновенно

идентифицирует двойную спираль личности владельца, убеждается, что рука принадлежит телу, и командует лифту открыть двери.

Лаборатории Диаверде занимают шесть этажей — с десятого по пятнадцатый. Керри работает на самом верхнем, где размещается дирекция. За небольшим столиком в приёмной сидит хорошенькая чернокожая девушка с гладкой блестящей причёской а-ля Джозефин Бейкер и большими кольцами в ушах. Девушка с улыбкой бросает взгляд на табло электронных часов — ровно восемь.

— Ты что-то рано сегодня.

— Не спалось. Шеф у себя, Ориша?

— Вряд ли. Хотя кто его знает? Не человек, а привидение.

— Тогда я успею перекусить. Голодная, аж голова кружится.

— Валяй, подружка. Видела — на Шепард-стрит дом сгорел?

— Да, конечно, а что там было?

— Разное говорят. Может, бомбы делали, а может, медок сосали.

— От медового притона военные бы камня на камне не оставили.

Ориша выразительно пожимает плечами,

кольца в ушах подпрыгивают.

— Может, им уже и наплевать — пускай травятся кто чем хочет.

— Ладно, что бы там ни было, у меня своих дел выше крыши.

Крошечный офис Керри втиснут между приёмной и кабинетом шефа. Поставив завтрак на стол, сияющий чистотой, она включает компьютер, потом снимает пальто и переобувается, достав туфли из сумочки. На экране тем временем появляется анимированная заставка компании Диаверде, выполненная в стиле Морица Эшера: лист превращается в рыбу, та — в краба, краб — в птицу, птица в человека, человек — в лист и так далее, по кругу. Усевшись за стол, Керри бросает взгляд через плечо: за дверью с золотыми буквами «ПИТЕР ДЖАРИУС, ДИРЕКТОР» не слышно ни звука. Она вскрывает чай, стягивает с рогалика плёнку-презерватив и начинает понемногу откусывать, одновременно сортируя входящие электронные письма и отвечая на те из них, что не требуют внимания шефа. Внезапно за спиной открывается дверь.

— Мисс Хэкетт, зайдите, пожалуйста, ко мне.

Сжавшись от неожиданности, Керри машинально прикрывает лицо — пальцы сияют белоснежными полосами на тёмно-багровом

фоне, жар обжигает руку.

— Хорошо, мистер Джариус.

Заставив себя успокоиться, она нажимает несколько клавиш, чтобы выйти из сети — инструкция требует делать это каждый раз, даже если выходишь на минутку, — потом берёт карманный компьютер и входит в дверь с золотыми буквами.

Питер Джариус уже успел вновь усесться за свой шикарный стол строгого дизайна. За его спиной — окно во всю стену с дымчатым стеклом, за ним — грязно-серая панорама городских кварталов. Сегодня на шефе тёмный, почти чёрный костюм модного бордового оттенка. Густые рыжеватые волосы, эспаньолка, короткие баки, лицо смуглое, слегка попорченное мелкими шрамами от угрей. Губы растянуты в хищной улыбке, обнажающей ослепительно белые зубы и дёсны, ярко-розовые, как мякоть грейпфрута. Его взгляд ощупывает Керри с головы до ног и останавливается на лице — или на уродливом пятне?

— Сегодня вы выглядите особенно элегантно, мисс Хэкетт. У вас превосходный вкус, — объявляет он звучным раскатистым баритоном.

Нормальная часть лица Керри наливается краской, почти сравниваясь в цвете с другой

половиной.

— На мне нет ничего нового.

— Так или иначе, ваш сегодняшний деловой костюм особенно уместен. Дело в том, что сегодня у нас неожиданные гости, группа сенаторов с инспекционным визитом, а поскольку вам предстоит проводить встречу вместе со мной, а также присутствовать вечером на обеде, ваш внешний вид имеет огромное значение. Впрочем, вы всегда выглядите в высшей степени профессионально и благопристойно.

— Обед? Сегодня? Но у меня планы на вечер…

Небрежным взмахом руки Джариус отметает в сторону ничтожные планы секретарши.

— Придётся их отменить. Не общаться же мне в одиночку с этими пронырливыми федералами! Что, если они затребуют статистику, статьи расходов, цифры? Это ваша епархия, мисс Хэкетт, сфера приложения вашей удивительной компетентности. — Белые зубы снова сверкают. — Вы мой личный секретарь, мисс Хэкетт, и без вас мне никак не обойтись.

— Мне придётся позвонить домой…

Шеф хмурит брови — разгневанный демиург, столкнувшийся с непокорством своего творения.

— Мисс Хэкетт, могу я задать личный вопрос?

Вы по-прежнему живёте под одним кровом с тем индивидуумом, которого приводили в прошлом месяце на рождественскую вечеринку? Некий мистер Сантанджело, если не ошибаюсь.

— Да, а почему вы спрашиваете?

Джариус презрительно кривит губы.

— Мне кажется, этот человек несколько странно смотрится рядом с вами. Он… я бы сказал, он слишком неотёсан и груб для женщины вашего воспитания.

— Ему просто не везло в последнее время. Танго хороший человек.

— Танго? Что за ребячество…

Керри потупилась. Джариус продолжает:

— Он всё ещё страдает, подобно многим несчастным, от своего… э-э… недуга?

— Да.

— И всё ещё принимает свои многочисленные лекарства, эти жалкие псевдопанацеи, с помощью которых наши конкуренты держат в заложниках такое количество измученных пациентов? Нам бы не хотелось, чтобы вы пали жертвой вируса, если ваш сожитель нарушит курс лечения.

— Я слежу, чтобы он принимал всё, как прописано.

— Его таблетки ведь довольно дорого стоят, не так ли? Как я понимаю, даже с учётом страховки они съедают заметную часть вашего жалованья.

— Мы пока обходимся.

— Ну что ж. мисс Хэкетт, возможно, мне удастся выкроить для вас небольшую прибавку, учитывая вашу преданность компании Диаверде. Вы отличный сотрудник, и мне кажется, что мы с вами отлично понимаем друг друга.

— Спасибо, мистер Джариус.

Шеф сдвигает белоснежную манжету, стянутую золотой запонкой, и смотрит на часы.

— Ну что ж, до приезда сенаторов осталось чуть больше часа. Думаю, за это время вы успеете загрузить свою чудесную машинку всевозможной впечатляющей информацией. Когда гости прибудут, мисс Прессер нас предупредит.

Развернув кресло, он обращает взгляд в окно, давая понять, что разговор окончен.

Вернувшись за свой стол, Керри пару минут сидит неподвижно, сложив руки на коленях, потом берёт мобильный телефон с эмблемой компании и набирает свой домашний номер, но слышит лишь записанный на плёнку текст и сигнал автоответчика.

— Алло, Танго, это я, ответь, пожалуйста!

Однако глухая механическая тишина так и не прерывается человеческим голосом. Керри кратко объясняет, почему ей придётся задержаться и даёт отбой. Потом подключает карманный компьютер к настольному и принимается начинять его данными по текущим проектам. Она едва успевает закончить, как Ориша уже вводит сенаторов. Джариус появляется в дверях кабинета, и начинается обмен витиеватыми приветствиями. Сенаторы, трое мужчин и одна женщина, отличаются свойственной их профессии ненатуральной полнотой: под официальными серыми облачениями скрываются лёгкие, но надёжные бронежилеты.

Шеф дружески берёт под локоть сенаторшу и ведёт всю компанию к лифту. Керри замыкает процессию.

— Сейчас вы увидите, сколько у нас тут чудес, сенатор Ферривей, — радостно провозглашает Джариус. — Успехи парабиологии поразительны, они тысячекратно окупят затраты налогоплательщиков!

Ферривей подозрительно осматривается, будто проверяет, не подслушивает ли кто.

— Нас особо интересует Протей…

Лицо Джариуса расцветает в улыбке.

— У этого проекта потрясающий потенциал. Правда, его подробности не предназначены для широкой публики…

— Разумеется.

Керри заглядывает в компьютер и прокручивает список файлов. Что ещё за «Протей»? Нет такого проекта, и никогда не было.

То и дело обращаясь к секретарше за помощью, шеф ведёт экскурсию. Следующие несколько часов целиком заполнены интервью с ведущими учёными, сонными презентациями с компьютерными моделями и слайдами, показательными опытами с участием унылых лабораторных животных. За чашкой кофе во время короткого перерыва сенаторы выглядят усталыми и подавленными избытком информации, за исключением Ферривей, которая продолжает настаивать на своём.

— Я вижу, вы решили оставить Протея на закуску?

— Совершенно верно, сенатор. Последние станут первыми — ха-ха! — простите за мистические аллюзии. Ну что ж, прошу за мной.

Вход в боковое крыло на десятом этаже блокирован и контролируется ручным сканером. Прежде чем Джариус успевает открыть дверь,

женщина-сенатор бросает холодный взгляд на Керри.

— А у вашего секретаря есть допуск?

Пылкая реакция шефа, похоже, скорее призвана произвести впечатление на Керри, чем успокоить сенатора:

— Ну конечно же, есть! Она имеет полный и безоговорочный доступ в это крыло. Мисс Хэкетт, прошу вас… — Джариус широким жестом указывает на сканер.

Керри неуверенно кладёт ладонь на поверхность детектора — первый раз в жизни. Замки в двери внушительно щёлкают, открываясь.

Джариус почтительно кивает, уступая дорогу сенаторам. Когда они входят, он с заговорщической улыбкой оглядывается на сбитую с толку Керри.

— Я всё объясню позже, моя милая, — шепчет он.

По ту сторону толстой стальной двери лаборанты и учёные собрались кучками возле сложных установок, напоминающих не то промышленных роботов, не то причудливые морские замки обитателей рифов. Здесь есть приборы для титрования, генные пушки, криогенные дьюары, ультразвуковые автоклавы, синтезаторы ДНК,

компоновщики протеинов и множество других, ещё более сложных устройств, ни название, ни назначение которых Керри не известны. Работающие, бросив взгляд на посетителей, возвращаются к своим таинственным делам. Один из них, крепкий черноволосый мужчина с неуклюжими повадками циркового медведя, подходит к Джариусу с вопросительной улыбкой.

— Доктор Тигг, наши друзья хотели бы ознакомиться с плодами ваших творческих изысканий.

Лицо Типа светится от удовольствия: ему явно льстит неожиданное внимание со стороны таких важных персон.

— А, так вы пришли посмотреть на Протея? Замечательно, просто замечательно! Прошу сюда.

На дальней стене лаборатории за толстым смотровым стеклом находится воздухонепроницаемая камера. В стекло встроен дистанционный манипулятор с парой резиновых перчаток. Сбоку, на внешней стороне — пульт управления с кнопками и рычагами.

Стекло усеяно наклейками со знакомым трилистником в круге — знаком биологической опасности.

Тигг подходит к пульту, небрежно нажимает несколько кнопок и берётся за рычаг управления.

Тележка-робот по ту сторону стекла начинает двигаться по направлению к подъёмному люку, похожему на дверцу кухонного лифта.

— Наш Протей, — объясняет учёный, — это совершенно уникальное создание, единственное в мире существо, которое на сто процентов состоит из полноценных и жизнеспособных полипотенциальных клеток. Протей живёт в тщательно контролируемой внешней среде, воспроизводящей физиологические параметры организма человека. Мы можем помещать его в демонстрационный контейнер лишь на очень короткое время.

Из люка выдвигается небольшой стеклянный ящик, похожий на аквариум, облепленный контрольными датчиками. Металлический язык подцепляет его и поднимает на тележку, которую Тигг затем, ловко действуя рычагом, подводит вплотную к смотровому окну. Теперь зрители могут разглядеть, что находится в наполненном жидкостью контейнере.

Бесконечные извивы бархатной золотисто-пурпурной субстанции, причудливый хаос аморфных ветвящихся отростков, собранных в складчатые пучки. Двигаясь с игривой грацией, щупальца то застенчиво прячутся, то бесстыдно

обнажают свою поверхность, усеянную волосками или присосками. Странное, лишённое всякой симметрии существо лениво разворачивает мощные кольца, приоткрывает, будто дразня зрителей, какие-то сложные потаённые органы и вновь сжимается, выбрасывает изящные усики и ложноножки и тут же втягивает их обратно. Прихотливое мельтешение форм мешает угадать истинное строение тела, словно развевающийся плащ танцора, прозрачный и всё же непроницаемый для взгляда. По весу Протей вряд ли больше домашней кошки, однако, судя по его невероятной пластичности, наверняка способен покрыть собой всю комнату.

Фрактальные эволюции загадочного монстра завораживают Керри. Она стоит, затаив дыхание, не в силах отвести взгляд от такой красоты. Протей искрится и переливается красками, как внезапно оживший костюм матадора. Как могла она столько времени находиться в одном здании с этим сверхъестественным живым артефактом и не ощутить биение его жизненной силы даже через бетонные перекрытия?

Сенаторы также поражены видом фантастического существа. Ферривей первая обретает дар речи.

— И оно… он действительно может делать всё, о чём вы рассказывали?

— Вы сами смотрели записи, сенатор, — пожимает плечами Джариус. — Или вы подозреваете, что мы их подделали?

— Нет, но это настолько невероятно…

Джариус сверкает белоснежными зубами.

— Достижения компании Диаверде вызывают, как правило, именно такую реакцию, сенатор.

Так и не притронувшись к перчаткам манипулятора — не то к разочарованию, не то к облегчению Керри, — Тигг вмешивается в разговор:

— Протея пора возвращать в специальную среду.

— Ну что ж, наверное, мы видели уже достаточно, — поворачивается Джариус к гостям и, не встретив возражений, уводит экскурсию из секретного крыла.

Остаток дня проходит как во сне. Всплывая иногда на поверхность из потока навязчивых мыслей, Керри, обнаруживает, что работает так же усердно, как и всегда. Три раза во время таких просветов она пытается связаться с Танго, но безуспешно. Наконец, рабочий день подходит к концу. Ориша просовывает в дверь голову, лосня-

щуюся от бриллиантина.

— Вас с мистером Джариусом ждёт служебная машина, — сообщает она, хитро подмигивая. — Доставь мне удовольствие: закажи самое дорогое, что есть в меню. Таким, как мы с тобой, не часто приходится развлекаться с большими шишками.

— А если дороже всего то, что я не люблю? — улыбается Керри.

— Чёрт побери, подружка, тогда придётся полюбить!

Бронированный лимузин Джариуса стоит, как всегда, в подземном железобетонном гараже: садиться в машину на улице слишком опасно. Керри, уже в пальто и ботинках, нервно переминается с ног и на ногу возле дверцы. Шофёр с безликим каменным лицом сидит в ожидании за рулём. Питер Джариус появляется из лифта лишь через полчаса, когда большая часть сотрудников компании уже покинула здание. Заметив Керри, он спешит к ней, сверкая своей обычной отточенной улыбкой.

— Мисс Хэкетт, ради бога, извините, что заставил вас томиться в этом застывшем каменном мешке. Проблемы руководства, знаете ли. Я с тоской вспоминаю времена, когда скромно трудился в лаборатории. Впрочем, мой сумасшедший рабо-

чий график известен вам не хуже моего, так что, думаю, вы простите меня.

— Конечно.

Джариус берёт её за руку.

— Вы не против «Обжоры какаду»?

— Я о нём только слышала…

— Там есть всё, о чём болтают бездельники, у которых денег больше, чем мозгов, и многое другое. Вы позволите?

Джариус открывает дверцу, и Керри забирается в машину. Он садится следом, и ей приходится подвинуться, так что юбка слегка задирается. Джариус смотрит на открытые ноги без вожделения, бесстрастным оценивающим взглядом. Поправлять юбку было бы неловко, и Керри, сделав вид, что не заметила, отворачивается к окошку.

Темнеющие улицы пустеют, ночные развлечения, которые там предлагаются, слишком опасны для здоровья. В сумерках виднеются лишь фигуры патрульных. На углу двое военных прижали к стене какого-то бродягу. Когда его поворачивают спиной, чтобы обыскать, в глаза бросается скатанное синее одеяло.

Перед главным входом в «Обжору какаду» — крытая галерея для въезда машин, у ворот во-

оружённая охрана. Выйдя из машины, Джариус подаёт Керри руку. Улыбчивый швейцар в цилиндре, с шоколадным карибским лицом и столь же шоколадным басом, распахивает массивную стеклянную дверь.

— Ну и погодка! Заходите скорее, милости просим!

Зеленовато-лимонные светильники, искусственные пальмы, видеоролики с дикими животными, звуки джунглей, тропические ароматы. В воздухе висит лёгкий искусственный туман, увлажняя дорогие причёски и заставляя блестеть лица. Прислуга исключительно женская, у каждой официантки сзади пучок перьев и птичий хохолок на голове, предельно открытые платьица яркой радужной расцветки напоминают оперение колибри.

Гостей ведут к небольшому столику, накрытому на двоих.

— А где же сядут сенаторы? — удивляется Керри.

На рябоватом лице Джариуса появляется виноватая улыбка.

— Наших прославленных законодателей неожиданно вызвали обратно в Оттаву. Они звонили и извинялись, потому я и задержался в

офисе, но когда спустился и увидел, как вы ждёте у машины, то просто не нашёл в себе сил отменить наше свидание.

Керри отступает на шаг от столика.

— Тогда я… мне нужно идти. Так нельзя.

Джариус горько вздыхает.

— Мисс Хэкетт, неужели вы сможете отказать мне, одному из самых близких коллег, в невинном удовольствии отдохнуть после работы в вашей компании? Неужели вы никогда не заходили выпить после трудного дня вместе, скажем, с мисс Прессер? Я надеялся, что тоже могу рассчитывать на эту дружескую привилегию.

— Но я не знаю…

Джариус театральным жестом задумчиво подпирает шёку указательным пальцем.

— Ах да, понимаю. Наверное, мистер Сантанджело преданно ждёт вас сейчас у домашнего очага, перед накрытым столом?

Нахмурившись, Керри нехотя отвечает:

— Я весь день не могла ему дозвониться.

Джариус торжествующе хлопает в ладоши.

— Тогда всё в порядке! Прошу вас, располагайтесь поудобнее в этом чудесном мягком кресле и позвольте, наконец, нашему истомившемуся в ожидании сомелье похвастаться своей коллекцией вин. Посмотрите: он вот-вот лопнет от гордости.

Через несколько минут Керри уже наслаждается вином. Такое ей ещё никогда не приходилось

пробовать — ароматное, крепкое, с терпким ягодным вкусом. Джариус тем временем сыплет забавными историями из жизни сильных мира сего, известных простым смертным лишь по заголовкам новостей. Невидимый груз на плечах Керри становится легче, складки беспокойства на хорошеньком личике, обезображенном родимым пятном, разглаживаются. После третьего бокала она уже вовсю смеётся над колкими остротами собеседника. Однако появление блюда с устрицами вызывает неловкую паузу. Керри опасливо глядит на отливающие молочным перламутром комочки плоти, затаившиеся в ромбовидных раковинах, и рискует попробовать лишь после долгих уговоров Джариуса. Вскоре она уже с аппетитом уплетает изысканное морское лакомство.

— Отлично, моя милая! Когда вас что-то пугает, смело идите навстречу.

— Я стараюсь, мистер Джариус…

— Просто Питер, Керри. Пожалуйста.

— Хорошо, Питер.

На стол ставят тарелки, разукрашенные зеленью и разноцветным соусом, слишком большие для крошечных порций. Джариус промокает губы бордовой льняной салфеткой и бросает на Керри острый испытующий взгляд.

— Скажите, дорогая моя, чего вы ждёте от кратких мгновений жизни, которые нам дарованы? — спрашивает он, немного помолчав. — Каковы ваши мечты?

Керри выпрямляется в кресле и закидывает ногу на ногу, задумчиво теребя носком край скатерти.

— Ах, Питер, я не знаю. Наверное, те же, что и у всех. Побольше денег, хорошее жильё, хорошая работа…

Джариус в шутливом отчаянии бьёт себя в грудь.

— Вот как? Значит, я злобный деспот-рабовладелец, а Диаверде — сырая мрачная каменоломня?

— Нет, что вы, совсем нет! — хохочет Керри. — Однако согласитесь, моя работа не самая творческая на свете.

— Да и моя тоже, но подумайте сами: во что бы превратился мир без наших тяжких трудов? В хаос! Ладно, так или иначе, всё это вещи материальные, даже ваша воображаемая идеальная работа. Я хочу знать, о чём мечтает ваша душа, каковы её сокровенные желания, какие возвышенные стремления скрываются в тайниках вашего сердца.

— Ну… Наверное, я хотела бы жить в более

простом и спокойном мире…

Джариус, морщась, останавливает её жестом.

— Только не говорите, что хотите помогать пожилым людям. Вы, безусловно, куда обворожительнее любой из кинозвёзд, занимающихся благотворительностью, но я ведь могу и обидеться.

— Ну что вы, Питер… Строите из себя старика, чтобы вызвать моё сочувствие?

— Прямо в точку. Мне и в самом деле нужно ваше сочувствие. И не только оно, а и другие милости. Вот почему я допустил вас к особо секретному проекту — в знак моего уважения. Пожалуйста, продолжайте.

— О, я даже не знаю, как объяснить. Я мечтаю о таком мире… почти первобытном. О таком зелёном, жарком, полудиком, где чувства и мысли, проблемы и их решения просты и понятны. О месте, где есть истинная свобода, глубокие, настоящие чувства…

— Например, любовь?

- Да.

— И секс?

Керри берёг вилку и задумчиво водит ею по тарелке.

— Конечно, — не поднимая глаз, отвечает она.

Девушка-попугай подкатывает тележку с десертами. Смутно знакомое аморфное колыхание полупрозрачного желе заставляет Керри непроизвольно отшатнуться. Взяв себя в руки, она выбирает кусочек чёрного шоколадного торта. Джариус тем временем заказывает для обоих кофе с ликёром.

Когда они встают, чтобы уходить, ноги подводят Керри, и она исполняет несколько неловких танцевальных па в обнимку с креслом. Тут же оказавшись рядом, Джариус подхватывает её за талию.

— Позвольте, я помогу, моя милая. В моих жилах алкоголь не так бурлит, как в вашем юном теле. Моё истрёпанное сердце давным-давно успокоилось, а ваше пока ещё впитывает всё слишком жадно.

— О, мистер Джариус… простите, Питер… как ловко вы всё-таки умеете закрутить фразу!

— Лучше закрутить фразу, чем вывернуть лодыжку, дорогая.

Керри хихикает, и они покидают искусственный тропический рай «Обжоры какаду».

Ночной мрак, холод, выпученные циклопьи глаза светофоров, вопли автомобильных сирен — и вот уже шофёр распахивает дверцу под

застывшими сводами ещё одного подземного гаража. Лифт поднимается, мелодичный звон колокольчика отсчитывает этажи. Элегантная фигура Джариуса маячит рядом с Керри, его рука по-прежнему обнимает её за талию. За входной дверью ноги сразу утопают в густом ворсе тёмно-коричневого ковра.

— Смелее, Керри, будьте как дома. Сбрасывайте ваши тяжёлые галоши. Это шерстяное море просто создано, чтобы ласкать такие стройные ножки.

Оставшись в чулках, Керри с трудом добирается вброд до дивана, обтянутого дорогой матово-блестящей кожей, и, пошатнувшись, тяжело падает на него.

— Какой чудесный вечер! Так приятно иногда сменить обстановку.

Джариус стоит у бара, повернувшись к ней спиной. Слышится звяканье стекла.

— Мы оба слишком долго откладывали возможность вознаградить себя за тяжкий труд. Впрочем, не будем слишком сокрушаться о прошлых грехах.

Он уже сидит рядом на диване и протягивает бокал. Керри отпивает немного, с её губ срывается вздох.

— Питер, вы так внимательны ко мне.

— То, что я делал до сих нор — лишь знак моих искренних чувств по отношению к вам, дорогая.

Керри делает большой глоток, глубоко вдыхая густой пьянящий аромат. Потом опускает бокал на колени, откидывает голову на тёплую спинку дивана и на мгновение закрывает глаза. Открыв их, она видит, что Джариус расстёгивает её тонкий коричневый жакет.

— Я хочу, чтобы вы как следует отдохнули, дорогая. И конечно же, я хотел бы насладиться видом вашей прекрасной юной груди, которой так часто восхищался на расстоянии, отделённый от вас безжалостным административным барьером.

Керри не помогает ему, но и не сопротивляется. Голубое фестончатое кружево её бюстгальтера на фоне белой кожи напоминает линию прибоя на белом песчаном пляже, ловкие мужские пальцы — любопытных крабов, снующих по песку. Пальцы находят переднюю застёжку, и чашечки соскальзывают с едва различимым шорохом, открывая две изящные возвышенности. Губы, обрамлённые щёточкой усов, нежно сжимают набухший сосок, пальцы одновременно ласкают его двойника. Одной рукой Керри приподнимает левую грудь, помогая ей получить свою

долю наслаждения. Правой поднимает бокал, ищет на ощупь, куда его поставить, не находит и разжимает пальцы. Звяканье кусочков льда, плеск жидкости, жадно впитываемой ковром. Теперь рука свободна, Керри обнимает Джариуса за шею и притягивает к себе. Тот продолжает, не торопясь, заниматься сосками. Через несколько минут она раздвигает колени. Он гладит её бёдра, обтянутые шелковистым нейлоном, поднимая руку всё выше. Дойдя до полоски обнажённой кожи, рука замирает. Керри немного сдвигается, задирая юбку, теперь уже намеренно, а не случайно, как в машине. Джариус сжимает в ладони её интимный бугорок, и она мурлычет от удовольствия.

Внезапно ощущение блаженства обрывается. Керри поворачивает голову. Джариус стоит в нескольких шагах, руки, только что дарившие ей наслаждение, теперь шарят в ящике стола.

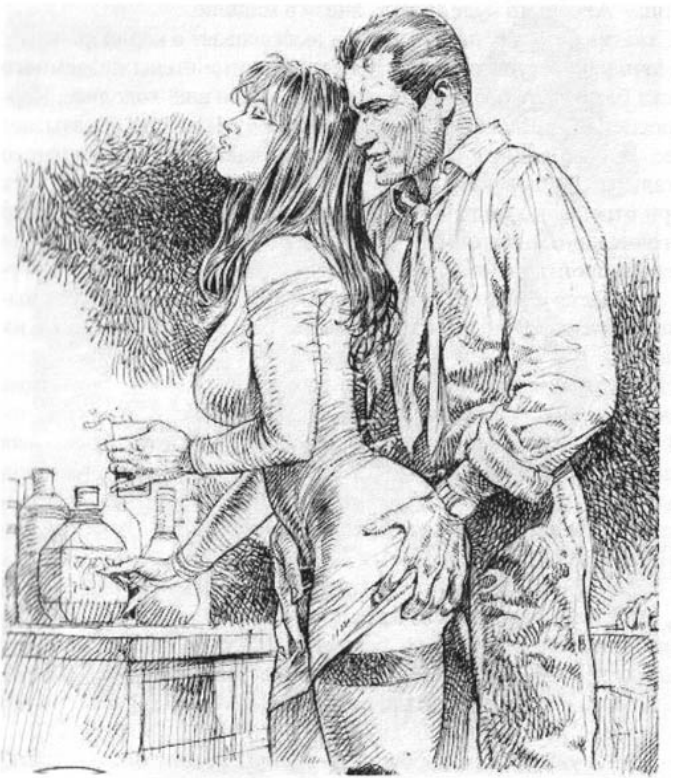
— Питер, что случилось?

Его глаза, будто вобрав в себя весь тусклый свет из комнаты, кажутся двумя огненными точками.

— Прежде чем мы продолжим, дорогая, я хочу, чтобы вы кое-что сделали — это безмерно увеличит моё удовольствие. У меня есть одна вещь, очень простая, но я думаю, что она приятно воз-

будит нас обоих. Наденьте её.

В его руках свёрток из мягкой белой кожи. Джариус разворачивает его и гордо демонстрирует жестом продавца, расхваливающего свой товар. С виду это обычный капюшон с молнией для садомазохистов, хорошо знакомый по порнофильмам, за исключением одной особенности: с левой стороны в нём сделан вырез неправильной формы, контуры которого в точности повторяют фиолетовую кляксу на лице Керри. С таким дополнением врождённое уродство, о котором и так невозможно забыть, будет бесстыдно выставлено напоказ, будто в сфокусированном свете прожектора.



Ахнув от неожиданности, Керри прикрывает лицо рукой, потом судорожно оправляет юбку.

— Нет! Я не могу! Так нельзя…

Джариус садится рядом и наклоняется к ней,

продолжая протягивать мерзкий колпак, словно бесовский папа, жалующий митру новому епископу.

— Признайтесь, моя дорогая, вы же отлично понимаете, в чём состоит ваше главное очарование. Это невинное приспособление всего лишь сконцентрирует мысли партнёра на вашем уникальном и таком эротичном дефекте. Как часто в своих мечтах я ласкал и целовал ваше личико, налитое соком, как переспевшее яблоко с бочком, которое так и хочется надкусить! Надеюсь, вы оценили тот факт, что, даже находясь на грани интимной близости, я воздержался и прежде попросил вашего разрешения. Наше первое свидание должно пройти идеально…

Груди Керри уже скрылись за голубым кружевом, она застёгивает жакет.

— К сожалению, мне пора, мистер Джариус. Спасибо за обед. Извините, если я невольно создала ложное впечатление о себе.

Джариус подавленно смотрит на девственно белый капюшон, прикрывающий гак и не расстёгнутые брюки и уже спадающую эрекцию.

— Я заказал его специально для вас, Керри.

Керри натягивает левый сапог на правую ногу, сдёргивает его, надевает другой.

— Вы поможете мне доехать домой, мистер Джариус? Уже поздно, на улицах опасно.

Опустив голову, Джариус нежно гладит мягкую белую кожу, потом решительно выпрямляется и вздыхая отбрасывает капюшон в сторону.

— Наши отношения на этом не заканчиваются, мисс Хэкетт. Придёт время, и мы снова всё обсудим. — Он тяжело поднимается с дивана и подходит к переговорной панели на стене возле двери.

Отдав спокойным голосом распоряжение, вновь поворачивается к Керри.

— Ансельмо будет ждать внизу в машине.

Схватив в охапку пальто, Керри выскакивает в коридор.

Ночь уже вступила в свои права. Бетонные стены подземного гаража блестят от осевшей влаги, здесь стало ещё холоднее. Керри поспешно захлопывает за собой дверцу машины и называет адрес. Шофёр сидит с каменным лицом, как будто ему поручено доставить не человека, а картонную коробку. Весь недолгий путь Керри отрешённо смотрит в окно, словно составляя в уме реестр многочисленных непотребств равнодушного мегаполиса. Она не успевает пройти сквозь разбитую дверь, как сыто урчащий лиму-

зин срывается с места, оставив после себя мёрзлое облако выхлопных газов. В тесном подъезде на сей раз пусто — никаких нищих.

На первый взгляд крошечная квартирка лишена признаков жизни, как пустая раковина, брошенная на берегу. Автоматический ночник на кухне героически борется с темнотой, отбрасывая бесполезный свет на гладкую поверхность стола. Как и следовало ожидать, пятёрка, которую Керри подсунула под пузырьки с таблетками, исчезла. Однако исчезли и сами пузырьки.

— Я их толкнул на углу.

Голос Танго, злобный и пропитой, доносится из угла гостиной, где стоит его любимое кресло с цветастой обивкой, бесформенное, больше похожее на болотную кочку. Керри пересекает тускло освещённую комнату и опускается на широкий подлокотник. Положив руку на жёсткие волосы Танго, откидывает их со лба.

— Да ты уже совсем хороший, — устало говорит она. — Зачем? Что на тебя нашло?

— А тебе не всё равно? — фыркает он. — Являешься чёрт знает когда… Один хрен. Я никогда не вылечусь, ни я, ни кто другой. Столько бабок угрохано на эти таблетки, а толку от них, как от пальца в жопе. Лучше уж без них.

— Ну что ты наделал! — Керри готова разрыдаться. — Ты должен сейчас же пойти и забрать их назад! Пожалуйста!

— Ничего я тебе не должен, сука! Понятно? — взрывается Танго. Внезапно его мощная лапа оказывается у Керри под юбкой. — Даже трусы не сменила, блядища, прямо со случки, так и капает!

— Нет, Танго, что ты…

Иссохшие от болезни, но ещё сильные руки Танго обхватывают её талию железным обручем. Он вскакивает на ноги.

— Мне, может, и недолго осталось, но я тебе напомню, с кем ты должна трахаться!

— Танго, не надо… — Керри пытается вывернуться, но тщетно. Он поднимает её и несёт в спальню. Свет уличных фонарей, пробивающийся сквозь жалюзи, лежит полосами на полу и мебели. Танго грубо кидает её на смятую постель и расстёгивает брюки.

Керри пытается говорить рассудительно, но голос её срывается от страха.

— Я не против, Танго, но тебе надо предохраняться, тем более что ты с утра ничего не принимал…

— Хрена лысого! Думаешь, я полезу туда, где

побывал твой хахаль?

— Нет, Танго, нет!!! — Керри в панике пытается сползти с матраса.

Он рывком разворачивает её и швыряет обратно, лицом вниз. Одной рукой прижимает голову к подушке, другой — сдирает трусики. Керри судорожно всхлипывает. Оседлав её, Танго обнажает свой возбуждённый пенис. В полосе холодного света хорошо видны шишковатые рубцы, похожие на церемониальные шрамы. Он плюёт на руку, смачивает член и с силой вводит его Керри в задний проход. Массивная головка больно растягивает узкое мышечное кольцо, лишь задетое во сне остроконечным пенисом ягуара. Грубые толчки продолжаются, к счастью, недолго. Танго кончает и поднимается на ноги, оставляя Керри лежать на кровати. Её тихие рыдания заглушаются визгом застёгиваемой молнии.

— А теперь вали отсюда!

Керри перестаёт всхлипывать.

— Как? Ты что, Танго?

— Выметайся, я сказал! А то пинками вышибу!

— Куда же я пойду?

— К своему любовничку!

— Я не могу. Он не мой…

Подскочив к туалетному столику. Танго одним движением сметает на пол косметику и фотографии в рамках.

— Вали, я сказал! Или ты ждёшь, когда у меня

опять встанет?

Керри молча смотрит на него — задыхающегося, растрёпанного, сгорбленного. Недоверие на её лице постепенно сменяется мрачной покорностью. Болезненно морщась, она слезает с кровати. Один чулок сполз и висит складками. Она даже не подходит к гардеробу, где остались её вещи, а просто подхватывает пальто, сумочку и молча выскальзывает из квартиры, чувствуя себя, как узник, который отбыл долгий срок заключения и теперь идёт навстречу внезапно обретённой свободе, ещё не зная, как встретит его чужой враждебный мир.

На лестнице она останавливается, чтобы подтянуть чулок. Рука окрашивается кровью. «О Боже, только не сейчас!» Порывшись в сумочке, Керри находит смятый гигиенический пакет, разрывает его и поспешно засовывает под трусики прокладку, забыв даже оглянуться по сторонам.

В подъезде снова никого нет. Керри выходит на пустынный ночной тротуар и, запахнув поплотнее тонкое пальто, шагает прочь от осквернённого и потерянного дома.

На полпути к своему единственному убежищу она замечает одинокую фигуру в военной форме. Понимая, что прятаться поздно, Керри останав-

ливается, держа руки подальше от карманов. Солдат быстро направляется к ней, держа оружие на изготовку. Молодой, чернокожий, он выглядит в форме неловко, видимо, призван на службу совсем недавно. Грубые черты лица под шлемом вызывают в памяти языческого божка, вырезанного из черного дерева. Нашивка на груди гласит: РЯДОВОЙ ШАНГОЛЬД.

Не смея пошевелиться, Керри дрожит от холода под тонким пальто.

— Документы у меня в сумочке, — дрожащим голосом произносит она.

— Заткнись. Пошли со мной.

— Как, почему? Погодите, а где ваш напарник?

Солдат хватает её за руку.

— Заткнись, я сказал! — Он толкает её перед собой, и Керри, спотыкаясь, подчиняется. Через десяток шагов перед ними открывается тёмный зев подворотни. Сильный толчок в спину — она влетает в сырой смрадный туннель, гулко ударившись о высокий мусорный бак. Ремешок с треском лопается, сумочка отлетает в сторону. Повернувшись. Керри видит, что солдат закинул ружьё на плечо.

— На колени!

— Нет, я не…

Он кладёт тяжёлые руки ей на плечи, и Керри приходится подчиниться. Острые камешки больно впиваются в колени, защищенные лишь тонкими чулками, ноги утопают в мелком мусоре. Грубо схватив женщину за волосы, солдат приближает её лицо к ширинке своих брюк, потом расстёгивает ремень и молнию.

Нижнего белья на нём нет — длинный тёмно-коричневый пенис свободно свисает из волосяного гнезда поверх сморщенной мошонки. Большой палец с грязным обломанным ногтем поднимает головку члена и подводит вплотную ко рту Керри, два других пальца той же руки сноровисто раздвигают челюсти, больно царапая дёсны. Сдерживая тошноту, Керри послушно принимает на язык зловонную разбухающую плоть. Омываемый горячей слюной, фаллос быстро расширяется и твердеет, заполняя рот. Чёрный человек начинает работать бёдрами, крепко держа свою добычу за волосы. Член скользит взад-вперёд, голова Керри качается в такт движениям, как у марионетки. Чтобы не упасть, ей приходится держаться за волосатые ляжки мужчины. Темп всё ускоряется, слышны глухие стоны, он вот-вот кончит. Наконец член рывком выходит, Керри инстинктивно отворачивается,

и струя пахучей спермы выстреливает ей в висок, испещряя серебристо-молочными озёрами багровый континент родимого пятна и ложась капельками ртути на длинные густые ресницы.

Прикрыв рукой испачканное лицо, Керри вдруг слышит, как что-то со свистом рассекает воздух над её головой, потом — глухой удар и хруст раздробленных костей. Её мучитель мешком валится на усыпанную мусором мостовую.

Неловко ёрзая коленями по грязному асфальту, Керри с трудом поднимается на ноги и поворачивается к мусорному контейнеру. Узкий вертикальный люк приоткрыт, и оттуда, словно Панч в кукольном спектакле, выглядывает тот самый нищий, что ночевал в подъезде. Беззубый рот щерится в ухмылке, в руке — кусок ржавой железной трубы, запачканный кровью.

— Вы лучше бегите, мисс. Бегите…

Её рука, вложенная в сканирующее устройство у лифта, всё ещё дрожит. Ночной дежурный и его напарник, аккуратные и подтянутые, с подозрением глядят из своего неприступного пластикового убежища, удивляясь грязной одежде девушки и отсутствию у неё сумочки. Оба знают Керри в лицо, но когда лифт, наконец, открывает двери, на их лицах отражается явное

облегчение.

В этот час, слишком ранний даже для самых фанатичных трудоголиков, коридоры десятого

этажа совершенно пусты. Звук шагов Керри отражается от стен гулким эхом, создавая ощущение идущего рядом двойника. Второй сканер, у двери в секретную лабораторию, с готовностью отзывается на робкое прикосновение её руки. Стальная дверь захлопывается за спиной, в лаборатории автоматически вспыхивает свет. Подойдя к знакомому пульту управления, Керри воспроизводит последовательность команд, извлекающую Протея из его родной среды. Не проходит и минуты, как тележка с аквариумом подъезжает к смотровому стеклу с манипулятором.

Загадочное существо, не знающее разницы между днём и ночью, продолжает свой акробатический танец. По-видимому, Протей вообще не нуждается в отдыхе: искусственные клеточные резервуары, сочащиеся избытком энергии, дают ему возможность сутки напролёт извиваться в дразнящем чувственном танце, выбрасывая и втягивая ветвистые плети шелковистых щупалец.

С трудом оторвав взгляд от извращённо соблазнительной игры форм феерического создания, запертого в своём полипотенциальном царстве, Керри протягивает руку к лабораторному столу с аккуратно разложенными инструментами.

Зажав между большим и указательным пальцем тонкий скальпель, она вводит руку в гибкую металлическую манжету перчатки манипулятора. Просунув лезвие как можно дальше внутрь пальца из толстой резины, с силой нажимает. Блестящий кончик лезвия показывается из перчатки по ту сторону стекла, и контрольной панели начинает мигать красная сигнальная лампочка, предупреждая о разгерметизации камеры. Керри несколько раз поворачивает скальпель, увеличивая дыру, потом вытаскивает его и бросает на пол. Уверенно вставляет руку в перчатку. Раздаётся тихое жужжание — перчатка оживает, сопровождая и облегчая движения руки. Откинув крышку контейнера-аквариума, Керри решительно окунает распоротый резиновый палец в его содержимое.

Отреагировав с готовностью и чуткостью опытного любовника, фантастическое существо с невероятной скоростью втягивается в прорез, словно тонкая кружевная шаль в обручальное кольцо. Не успевает Керри выдернуть руку, как живая слизистая масса проникает под рукав и, мгновенно распространившись до самого плеча, разливается по телу. Отшатнувшись от стекла, Керри отступает на несколько шагов. Пустая

перчатка бессильно обвисает под затихающее жужжание сервомоторов. В лаборатории наступает тишина.

Широкий блестящий отросток нежно-коралового оттенка появляется из выреза жакета, слегка отклонившись назад и покачиваясь, точно кобра перед броском. В тот же самый момент Керри в ужасе вскрикивает, прикрывая руками промежность. Щупальце тут же находит цель, и бесконечный поток биомассы, словно обращая во времени известный трюк фокусника, начинает вливаться в глотку женщины, распирая её и выдавливаясь наружу тонкими струйками из глаз, ушей и ноздрей. Керри падает навзничь, её лицо, покрытое золотисто-пурпурной плёнкой, искажается странной гримасой.

С этого момента начинается перевоплощение, претворение плоти нечто большее, чем плоть, полипотенциализация сущности. Керри Хэкетт никогда уже не будет прежней.

Одежда медленно растворяется, будто разъедаемая изнутри кислотой. Новая, уже не человеческая, гиперпористая кожа жадно впитывает взвесь органических молекул. Отвергнутые металлические застёжки со звоном падают на кафельный пол. Цепочка на шее лопается и

соскальзывает, образуя золотистый островок, похожий на пятно солнечного света в тропических джунглях.

Теперь полностью обнажённая, Керри лежит совершенно неподвижно, не сознавая течения времени, погрузившись в вечность. Потом её тело, от головы до пяток, начинает сотрясаться в судорогах и медленно оседает, как проколотый воздушный шар, растекаясь по полу аморфной массой. Короткие чёрные волосы втягиваются внутрь, черты лица разглаживаются и исчезают, то же происходит и с грудью. Руки, ноги, голова сливаются с телом, образуя подобие мягкого яйцевидного кокона, по которому время от времени пробегают разноцветные переливающиеся волны. Так проходит больше часа. Лабораторный кондиционер работает с полной нагрузкой, пытаясь нейтрализовать поток метаболического тепла, исходящий от протоплазменной личинки.

На следующей стадии превращения картина пульсации кокона усложняется: волны делятся, сталкиваются и вновь разбегаются — кажется, что внутренний каркас, обтянутый кожей, вибрирует сразу во многих местах. Перепрограммирование завершается, начинается морфогенез. Первыми появляются пальцы, нежные, розовые,

с изящными, уже окрашенными ногтями зеленовато-перламутрового оттенка, потом руки и ноги, на которых проступают мышцы и сухожилия. Поверхность тела постепенно обретает структуру, восстанавливая все детали, вплоть до струйки менструальной крови. Пупок, очертания рёбер, груди, увенчанные сосками, голова, волосы, уши… Последними восстанавливается индивидуальное сочетание лицевых костей, мышц и хрящей.

Черты лица Керри медленно прорастают изнутри, подобно изображению из тысяч микроскопических штырьков в детском конструкторе.

Сияющая гладкой матовой кожей, совершенная до последнего волоска, обнажённая Кэрри Хэкетт лежит, глубоко дыша, на холодном кафельном полу лаборатории. Лишь одна деталь отличает её новую телесную оболочку от прежней. На безупречном лице нет никаких следов родимого пятна — оно стёрто, как старый макияж.

Глаза Керри открываются — сразу, без предварительного дрожжания ресниц. В них светится что-то новое, какой-то странный сверхчеловеческий юмор. На губах улыбка, спокойная и немного лукавая. Без видимого усилия, не помогая себе руками. Керри вскакивает на ноги — ей

приходится лишь слег ка напрячь мышцы.

На стене висит лабораторный халат. Накинув девственно белое облачение, она босиком выскальзывает в коридор.

Охранники по-прежнему сидят в своей кабинке в вестибюле, лениво обмениваясь репликами.

— Кто нас сегодня сменит?

— Морин и Исайя.

— Пора бы уже.

Неожиданное появление Керри заставляет их забыть про усталость. Босая и полуголая, девушка излучает неизъяснимое очарование, от неё исходит почти сверхъестественная жизненная сила. Старший охранник включает переговорное устройство.

— Вам помочь, мисс?

Керри распахивает халат, обнажая своё новое тело — белоснежный тропический цветок, полный совершенства. Она прижимается к стеклу кабинки и трётся об него грудью, соблазнительно извиваясь.

— Совсем тёпленькая. Надо задержать, пока чего-нибудь не учинила…

Замок щёлкает, и бронированная дверца открывается, выпуская одного из мужчин. Керри тут же бросается к нему в объятия. Ошарашенный

охранник почти не сопротивляется, и она овладевает его губами в страстном поцелуе. Вытаращив глаза и схватившись за горло, он валится на пол.

Рука второго охранника тянется к кобуре. Девушка уже в кабинке.

— Не двигайтесь, мисс!

Керри нежно улыбается, сладострастно облизываясь. Однако язык, вместо того, чтобы продолжить движение, странным образом застывает на нижней губе, распухая в ярко-розовую пупырчатую ягоду. Он невероятным образом отделился от своего корня и теперь полностью автономен — маленький хищник, подобный лягушке или ящерице. Бросок — розовый ком растекается по лицу окаменевшего от ужаса охранника и вливается в глотку, заглушая крик и отключая сознание. Керри быстро переодевается. Брюки слишком узки, но это не проблема — достаточно чуть-чуть иначе распределить массу тела. Через несколько секунд из здания выходит молодая женщина в полувоенной униформе. Смена ещё не прибыла.

На предрассветных улицах уже появились первые прохожие. Керри идёт лёгкой беспечной походкой, с любопытством глядя по сторонам и явно наслаждаясь жизнью. Через несколько

кварталов от Диаверде взгляд её привлекает витрина турагентства. На большом, красочном плакате — тропический пейзаж: золотистый песок пляжа, морской прибой, белые паруса яхт. За пальмовой рощей виднеется бар с напитками. Дальше начинаются джунгли — не смотрят ли оттуда янтарные кошачьи глаза? Внизу плаката есть текст, и Керри, с удовольствием попробовав во рту новый язык, громко читает вслух:

— БАИЯ ЖДЁТ ВАС!

На кредитной карточке охранника хватает денег, чтобы купить билет на челночный автобусный рейс до аэропорта. Там, пройди сквозь строй вооружённых солдат, Керри направляется к ближайшему туалету. Пока ещё рано, пассажиров почти нет, и ей приходиться ждать несколько минут, прежде чем появляется первая посетительница — миниатюрная рыжеволосая женщина латиноамериканского вида в платье с ярким цветочным рисунком. Она катит за собой большой чемодан на колёсиках. Керри с улыбкой кивает. Видя перед собой молодую симпатичную охранницу, пассажирка улыбается в ответ.

— Вы присмотрите за моими вещами? — показывает она на чемодан.

— Конечно.

Открыв дверцу кабинки, женщина оборачивается. Керри стоит у нее за спиной.

— Что случилось?

— Ничего.

Лжеохранница вталкивает её внутрь, затем затыкает рот жарким поцелуем. Ещё один язык, ещё одно бездыханное тело. Керри усаживает свою жертву на унитаз и начинает раздевать, одновременно уничтожая отслужившую своё форму. На этот раз растворённая органика исчезает в водостоке туалета вместе с излишками биомассы самой Керри. Её тело сжимается и корчится, сотрясаясь в волнах деформации, пока не становится точной копией тела незадачливой пассажирки.

В новой одежде, с документами и багажом Керри направляется к автомату и покупает билет по кредитной карточке латиноамериканки.

Офицер у стойки проверяет паспорт.

— Счастливого пути, мисс Йемана!

— Спасибо.

Расположившись в комфортабельном кресле первого класса, Керри расслабляется. Кондиционер что-то уютно бормочет, стюарды разносят еду и напитки. За иллюминатором сквозь разрывы в облаках виднеется неразрывная гладь океана,

под которой бурлит тайная жизнь невероятных существ. Поглаживая с мечтательной улыбкой мягкую обивку сиденья, Керри с улыбкой подносит к губам бокал со звякающими кубиками льда и по-кошачьи подбирает капельки ароматной жидкости кончиком языка — уже четвёртого по счёту, но пока ещё соединённого с телом. Она на мгновение прикрывает глаза, и гладкая ткань под её пальцами становится грубой мешковиной, которой прикрыто деревянное сиденье неуклюжего дребезжащего автобуса. В открытое окно врывается горячий ветер, слепящее солнце обдаёт жаром скопища деревянных лачуг вдоль дороги. Люди в автобусе, смуглые и бедно одетые, что-то тараторят на непонятном языке. Керри снова закрывает глаза, теперь рука перебирает жёсткую шерсть мула, ноги сжимают его мощные ребристые бока. Впереди другие всадники, они неспешно двигаются гуськом по изрытой просёлочной дороге, окаймлённой густыми зарослями. Прохладный ветерок доносит из джунглей пряные экзотические запахи. Вокруг поднимаются силуэты зданий, Керри вылезает из повозки, уверенно шагает по булыжной мостовой, по тротуару, вымощенному гранитными плитами, и входит в дверь гостиницы.

Из стационарного радиоприёмника, громоздкого как вебсервер (веб-сервер?), несутся задорные карнавальные мелодии. За стойкой — крепко сбитый мужчина средних лет с густыми чёрными

усами, один рукав его рубашки пуст и заколот булавкой. Улыбаясь, он произносит несколько слов — очевидно, своё имя: «Арлиндо Кинкас» — и явно интересуется именем гостьи. Приветливо улыбаясь в ответ, но не говоря ни слова, Керри дотрагивается до его руки, блестящей от пота, и впитывает немного влаги кончиками пальцев. Нежное прикосновение очаровательной миниатюрной девушки делает улыбку мужчины ещё шире, он продолжает говорить. Через несколько секунд смысл его слов фокусируется в сознании Керри:

— …рады вам, сеньорита. Добро пожаловать в Баию!

Часть вторая

По трём сторонам просторной белой веранды с колоннами, окружавшей гостиницу «Ясный полдень» — на северной стороне, отделенной от улицы изгородью, валялась сломанная мебель и всякий мусор, — тянулась высокая живая изгородь. Сочные густые побеги с широкими листьями, напоминавшими зелёные отпечатки пальцев, отрастали с невероятной скоростью, сводя на нет ежедневные усилия индейца-садовника. Нацепив старую соломенную шляпу, обтрёпанные поля которой едва прикрывали лицо цвета красного дерева, он и сегодня, несмотря на палящий послеполуденный зной, занимался привычным делом — ленивое «чик-чик» длинных садовых ножниц то и дело доносилось до веранды. Пышный кустарник, вцепившийся в жирную почву сильными корнями, похожими на пальцы, поражённые артритом, пропускал через себя прославленный океанский бриз Баии, обогащая его аромат оттенками древесной смолы, эвкалипта и розмарина.

На веранде, за стеклянным столиком с коваными железными ножками рядом с парадным

входом, откуда легче всего было видеть проходящих мимо торговцев, служащих и туристов, в удобных плетёных креслах расположилась компания местных жителей. Здесь присутствовали всевозможные оттенки кожи, от молочно-белого до кофейно-коричневого, однако вели себя собравшиеся непринуждённо и беседовали вполне на равных. Цветастые рубашки из лёгкой бумажной ткани, расстёгнутые на груди, свободные парусиновые брюки, плетёные сандалии на босу ногу. У каждого в руке высокий бокал с коктейлем изумрудного цвета: крепкий ликёр из гуавы, лёд, ананасовый сок. В центре стола — запотевший кувшин с той же смесью. Лениво прихлёбывая напиток, они вытирали вспотевшие лица тонкими батистовыми платками, которые любовница или жена, мать или сестра украсили затейливо вышитыми инициалами, и с видимым равнодушием, но весьма внимательно разглядывали всех входящих и выходящих. Легкий ветерок резвился, как игривый котёнок. Бокалы пустели и вновь наполнялись.

— Говорят, сеньор Арлиндо Кинкас завёл себе женщину, прямо здесь, в гостинице. — сказал тощий костлявый человек с глубоко запавшими глазами.

— О таких вещах сразу становится известно всему городу, — кивнул собеседник постарше, представительного вида. В чёрных зарослях на его груди поблёскивала седина.

— Она иностранка. — с энтузиазмом подхватил тему третий, моложе всех, со свежим румяным лицом. — Приехала сюда без единого пера, после первой же недели не смогла заплатить по счёту и уговорила Кинкаса принять плату в другой валюте.

Мужчины обменялись понимающими улыбками. Четвёртый собеседник, круглый как шар и с жирными складками на лице, спросил:

— Её кто-нибудь видел?

— Нет, она не выходит из номера.

— Я слышал, у неё кровотечение, — продолжал самый молодой.

— Такое, как при месячных?

— Вроде бы. Уже целую неделю.

— Может, больная?

— Вряд ли. Так или иначе, Кинкас всё равно с ней развлекается.

— Может, другим способом?

— Наверное.

— А как она ест… — возвёл глаза к небу толстяк.

— Ест? А что такое?

— Очень много. Даже мне столько не одолеть. И очищает все тарелки до последней крошки.

Друзья замолчали, размышляя о пикантной новости, нарушившей ежедневную рутину. Потом юркий остроносый человечек, похожий на хорька, который до сих пор лишь слушал, спросил елейным голосом:

— А известно ли об этом уважаемому сеньору Реймоа?

— Разве на свете существует что-нибудь, до чего не дотянутся жадные лапы Овида Реймоа? — процедил костлявый с кислой гримасой. — Ему непременно надо заграбастать всё, будь то вещи, золото или что-то иное. А если не дотянется сам, подберут его алчные сынки.

— Моты и бездельники, что один, что другой, — кивнул самый старший. — Овид, по крайней мере, сам заработал свои деньги, а его сыновья… Даже не знаю, кого из них я презираю больше — Эрмето или Жетулио.

— Дочка даст фору им обоим.

— Уж это точно. Дарсиана хуже их всех, потому что прячет низкую натуру под привлекательной оболочкой.

Снова воцарилась тишина — очевидно, со-

беседники перебирали в уме грехи семейства Реймоа. Наконец представительный мужчина снова заговорил, вернувшись к прежней теме:

— Я слыхал, что любовница Кинкаса, хотя и не имеет чести быть уроженкой Баии, владеет нашим языком безупречно.

— О!

— Очко в её пользу!

— Мало кто из иностранцев чтит наш благородный язык.

— За это можно простить многое.

Удовлетворённые тем, что нашли хоть одно достоинство у подозрительной представительницы прекрасного пола, друзья откинулись в креслах и обратились к своим напиткам и носо-

вым платкам, торопясь насладиться прохладой угасающего дня, пока вечерние заботы — обед, театр, свидание, ночная рыбалка или постель — не заставили их разойтись.

Лаковые деревянные панели, творение давно исчезнувших рук, изъеденные ржавчиной кованые петли с растительным орнаментом, дверные ручки из гранёного стекла, бронзовые цифры. Лёгкий душок плесени из щелей, ощутимый даже на фоне более сильных ароматов паркетной мастики, лаванды и инсектицидов…

Дойдя до двери с номером 334, Арлиндо Кинкас остановился. Единственной рукой поправил заколотый рукав накрахмаленной рубашки, пригладил напомаженные волосы и старательно втёр оставшееся на пальцах ароматное масло в густую щётку усов. Тихий и безлюдный в этот жаркий послеполуденный час, сумрачный коридор гостиницы, казалось, тянулся бесконечно в обе стороны, а потёртая ковровая дорожка напоминала реку без начала и конца. Морской бриз, пахнущий йодом, ласково шевелил кремовые шторы на распахнутых окнах.

Приведя себя в порядок, Кинкас робко постучал.

— Входи, Арлиндо. — ответил из-за двери уве-

ренный женский голос.

Услышав своё имя, однорукий мужчина глубоко вздохнул, будто пытался справиться с обуревавшими его чувствами. Костяшки руки, сжавшей дверную ручку, побелели от напряжения. Шагнув внутрь и закрыв за собой дверь, он остановился у самого порога.

Богато обставленная спальня, наполненная странными резкими запахами, тонула в искусственном полумраке, словно гнездо феникса, сотканное из дымных нитей. Верховная владычица этого призрачного царства лежала обнажённая на широкой кровати, зажав между ног скомканное полотенце. Идеальные формы её тела тут же без остатка поглотили внимание Кинкаса. Женщина лишь чертами лица напоминала ту, которая десять дней назад пошла в гостиницу и прикоснулась к его руке, приблизив тем самым последующие невероятные события. В остальном это был совершенно другой человек. Из смуглой она стала белокожей, прибавила в весе и странным образом выросла — по крайней мере, на полголовы. Рыжие волосы стали почти чёрными и совершенно выпрямились. Кроме того, она их, видимо, подстригла, хотя ни ножниц, ни обрезанных концов Кинкас так и не нашёл.

Оранжевая ящерка с жёлтыми полосами скользнула по стене над кроватью, вкрадчиво шурша коготками по обоям.

— Как вы провели день, сеньорита Йемана? — почтительно осведомился Кинкас.

— Как всегда, Арлиндо. Изучала себя.

Кинкас вежливо кашлянул.

— Если верить философам, это занятие требует всей жизни.

— Да нет, я уже разобралась.

Кинкас не нашёл что ответить на такое необычное заявление. Он сморщил нос.

— Извините меня, но тут пахнет, как от львиной клетки в зоопарке. Вы позволите мне, наконец, убрать ваши грязные бинты или собираетесь и дальше их копить?

— Не беспокойся, я больше не теку. Мое тело в этом уже не нуждается.

Сеньорита Йемана села в постели, качнув грудями, похожими на спелые дыни, и вытащила кроваво-красный комок из тёплого гнезда. Немного помяла влажную ткань в руках, как месят тесто, добавила туда пенистый сгусток слюны, потом повернулась и просила в щель между кроватью и стеной, в общую кучу.

Кинкас украдкой перекрестился, шёпотом по-

мянув нечистую силу.

— Не понимаю, почему это счастливое событие отменяет необходимость выбрасывать протухший мусор.

— Не забивай себе голову пустяками, Арлиндо. Иди ко мне. Сегодня ты, наконец, можешь попробовать меня всю. Или ты уже привык по-другому?

— Я… я не могу… — заикаясь, пробормотал Кинкас. От духоты лоб его покрылся капельками пота.

— Не можешь выбрать? Ещё бы. А зачем выбирать? Иди сюда.

Нетвёрдо ступая, он подошёл к кровати. Напряжённый член больно упёрся в туго натянутую ткань, преграждающую путь к новому витку удовольствий. Сверхъестественно ловкие пальцы сеньориты Йеманы едва коснулись пуговиц, и брюки упали, собравшись в кучу возле ног. Кинкас неловко переступил через них, цепляясь туфлями за штанины. Его осязаемое мужское достоинство гордо возвышалось над мускулистыми бёдрами, поросшими жёсткими волосами.

Женщина взяла член одной рукой. Головка покоилась на белоснежном запястье, пронизанном голубыми жилками, пальцы едва доставали до

половины длины. Кинкас снова глубоко вздохнул и на всякий случай закрыл глаза, как привык делать всю последнюю неделю.

Придвинувшись поближе, сеньорита Йемана приоткрыла влажные блестящие губы. Во рту её уже расцветал новый фантастический цветок. Развернувшись в воздухе, как лепесток невиданной гигантской орхидеи, ярко-розовый бархатный язык лёг на мужской пенис и мгновенно обволок его, соединив свои края в тугую эластичную трубку. Кинкас испустил глухой стон. Женщина обхватила его бёдра и притянула к себе, втягивая язык в рот вместе с пленённым фаллосом. Её лицо прижалось к животу мужчины, губы погрузились в густые заросли волос. На этом все внешние движения прекратились, однако потное лицо Кинкаса с зажмуренными глазами выражало целую бурю эмоций. По щекам градом катился пот, он стонал и рычал от удовольствия. То, что происходило за сомкнутыми губами женщины, явно не шло ни в какое сравнение с обычной оральной стимуляцией. Не прошло и минуты, как он резко напрягся и кончил. Пока судорожные движения не прекратились, сеньорита Йемана не отпускала его, присосавшись к мужскому телу, словно рыба-прилипала. Потом, откинув голову,

широко улыбнулась, продемонстрировав почти нормальный человеческий язык.

— Теперь ложись.

Кинкас открыл глаза, колени его тряслись.

— Но я не смогу так быстро снова…

— Делай, как я сказала.

Кинкас забрался на постель и перевернулся на спину. Быстро оседлав его, женщина подняла почти уже опавший член и подвела к входу во влагалище. Потом стала медленно опускаться. Казалось, что её партнёр прав, и надеяться на успех глупо. Внезапно бёдра мужчины, будто сами по себе, подались вверх, и втянутый какой-то сверхъестественной силой, пенис вошёл внутрь так глубоко, что из виду исчезла даже половина мошонки. Кинкасу пришлось опереться на локти, чтобы удержаться в неудобном положении. Время снова остановилось, тела замерли. Необыкновенный половой орган сеньориты Йеманы, не менее совершенный, чем рот, начал свою работу. На этот раз оргазм не наступал гораздо дольше, то ли из-за усталости партнёра, то ли по воле женщины, искусственно продлевавшей приятные ощущения. Минуты шли одна за другой, а одноручий любовник всё ещё стонал с перекошенным лицом, выгнувшись дугой, исступлённо отдава-

ясь подчинившей его сверхъестественной силе.

Деловито выкачивая из партнёра вторую порцию спермы, сеньорита Йемана бросила взгляд в сторону, вновь заметив радужно-полосатую ящерку на обоях. Крошечная рептилия, наклонив голову, присматривалась к чему-то в щели за кроватью. Внезапно с той стороны за край матраса уцепилась чья-то рука, маленькая, но виду детская, туго забинтованная и покрытая бурыми пятнами. За ней последовала другая, и на кровать, подтянувшись, вскарабкалось странное существо, похожее на египетскую мумию или грубо слепленную куклу из папье-маше. Рождённое из кучи слипшихся бинтов, пропитанных менструальной кровью и выделениями, оно встало на короткие ножки, и, казалось, устремило на мать взгляд, полный наивной детской любви, хотя не имело ни глаз, ни лица. Продолжая ублажать ослеплённого наслаждением Кинкаса, женщина нежно провела рукой по щеке своего тряпичного отпрыска.

— Теперь уходи, — прошептала она.

Человечек стал обходить странно неподвижных любовников, по пути задев ногу мужчины.

— Что это? — испуганно дёрнулся тот.

Сеньорита Йемана поспешно прикрыла его

глаза рукой.

— Ничего, просто муха. Ну-ка, а теперь попробуем вот так…

— Что это? — снова воскликнул Кинкас, на сей раз ахнув от удовольствия.

— Еще один маленький подарок для твоего приятеля. Расслабься.

Тряпичное существо уже стояло у выхода в коридор. Подпрыгнув, оно повисло на ручке двери, приоткрыло её и бесшумно выскользнуло наружу.

Кончая, Кинкас взревел как раненый бык.

Женщина отделилась от него, встала с кровати и принялась рассматривать новую одежду, недавно заказанную любовником, — старая была уже мала.

Придя в себя, Кинкас заговорил, спокойно и серьёзно, хоть и без всякой надежды в голосе:

— Я не женат, у меня нет ни родственников, ни обязательств. Зарабатываю вполне достаточно, чтобы обеспечить нас обоих. Не могли бы вы остаться со мной хотя бы ненадолго? Сколько захотите…

Сеньорита Йемана стояла спиной, обвязывая вокруг бёдер длинную юбку с крупным рисунком из орхидей. Когда она повернулась, на её лице — теперь уже англо-американском, совершенно

незнакомом Кинкасу — пылало огромное родимое пятно багрово-фиолетового оттенка.

— Нет, Арлиндо, мне надо идти дальше. Так уж я устроена.

Кинкас судорожно всхлипнул, не стыдясь своих слёз. Женщина с лицом иностранки подошла и стала расстёгивать его рубашку.

— Я окажу тебе ещё одну, последнюю услугу в благодарность за твою доброту.

Она наклонилась, свесив полные груди, тронула языком обрубок ампутированной руки и стала медленно вылизывать сглаженную временем поверхность.

— Щиплет, — пожаловался Кинкас сквозь слёзы.

— Это хорошо. — Добавив ещё слюны на красную вспухшую кожу, она отвернулась и продолжала одеваться, дополнив юбку светло-лиловой блузкой и шнурованными сандалиями.

У двери она остановилась, снова заметив полосатую ящерку. На этот раз любопытный обитатель комнаты устроился на косяке, явно собираясь провожать удивительную гостью. Мгновенно схваченная за хвост ловкими пальцами, ящерка неподвижно повисла в воздухе, странно равнодушная к собственной судьбе. Кинкас про-

должал рыдать.

— Не валяй дурака, Арлиндо. Если бы ты знал меня лучше, то понял бы, насколько глупа твоя просьба.

Ящерица куда-то пропала. Потом исчезла и женщина.

Когда Арлиндо Кинкас появился на веранде в модной белой рубашке без рукавов из универмага Велосо, пятеро потрясённых завсегдатаев бара осыпали его восторженными восклицаниям. Новая рука, загорелая и мускулистая, была точной копией своей пары — вплоть до последнего волоска. Не веря своим глазам, друзья без конца трогали, теребили и ощупывали её, словно целая секта последователей Фомы Неверного.

— Рука настоящая! Чудеса да и только. Современная медицинская наука должна быть полностью пересмотрена, — авторитетно заявил старший.

Утерев платком потное лицо, украшенное римским носом, он поднял бокал:

— Господь милостив. Будем здоровы!

Ликёр в кувшине быстро убывал. Краснокожая официантка с непроницаемым лицом принесла ещё, поставив рядом блюдо с шашлычками. Движения гибкого тела индианки, полные до-

стоинства, сопровождались таинственным чуть слышным постукиванием, похожим на звук кастаньет.

Оторвав зубами от вертела кусочек мяса кинкажу, представительный мужчина предложил:

— Вот что, давайте-ка прямо сейчас пойдём и расскажем обо всём доктору Флавио Зефиро!

Опасливо спрятав за спину новую руку, Кинкас покачал головой.

— Ещё чего! Я не собираюсь весь остаток жизни быть музейным экспонатом или подопытной крысой. Это моё личное чудо, и рекламировать его я не стану.

— Доктора всё равно сегодня нет, — объявил тощий кадыкастый тип. — Никто его не видел, и лошадь с коляской тоже исчезли. Говорят, он уехал в столицу за лекарствами для аптеки.

Самый молодой из собутыльников никак не мог успокоиться.

— Вы не сможете сохранить такое чудо в секрете от всего города. Разговоры так или иначе пойдут.

— Пускай говорят что угодно, я буду всё отрицать. Никакого несчастного случая на сахарном заводе не было, вот и всё. Пятнадцать лет прошло, кто об этом помнит? Память и не такие шутки

шутит. Забывается иногда даже то, что случилось недавно. Да и кто докажет, что у меня в гостинице жила какая-то беспутная иностранка, да ещё наделённая невероятными способностями? Она всего два дня как уехала, а мне уже кажется, что прошла целая жизнь. Сначала я вообще себя не помнил — целый день провалялся в лихорадке.

— А есть, значит, всё равно хотелось? — поднял брови толстяк, теребя жирный подбородок.

Кинкас кивнул.

— Только и делал, что жевал и глотал. Правда, всё было как во сне…

— А о финансовой стороне вы не подумали? — перебил его юркий человечек, многозначительно постучав пальцем по бородавке у себя на носу. — Люди заплатят хорошие деньги за то, чтобы увидеть вашу руку и узнать всю историю.

— Нет, ни за что! — возмущённо воскликнул Кинкас. — Память о ней для меня священна, и наживаться на том, что она сделала для меня, было бы просто грешно.

Тощий человек с запавшими глазами насмешливо фыркнул.

— Вот как? Судя по тому, что я слыхал об этой вашей Лилит, грехов она не очень-то боится.

Побагровев, Кинкас сжал кулаки.

— Пожалуй, пора проверить, на что способна моя новая рука.

Старший из собеседников, исполнявший за столом обязанности председателя, поспешил уладить конфликт, и скоро шестеро приятелей уже мирно беседовали за новым кувшином своей излюбленной зелёной смеси. Тем временем щёлканье ножниц невидимого садовника становилось всё громче. Ветер донёс из-за живой изгороди густое облако табачного дыма.

— Даже индейцы, несмотря на все их суеверия, нормально воспринимают мою удачу и не пристают с глупыми идеями. — благодушно кивнул Кинкас в сторону кустов. — Сейчас сами убедитесь. Иксай! Поди сюда.

Садовник поднялся по ступенькам и подошёл к столу. Почтительно сдёрнув дырявую шляпу, он обратил к сидящим своё тёмное загрубевшее лицо с глазами-щёлочками, продолжая невозмутимо попыхивать сигарой-самокруткой.

— Иксай, что у вас говорят о моей новой руке?

Индеец вынул сигару изо рта, выпустил последний клуб дыма и проговорил со спокойной рассудительностью:

— Ты встретил очень сильную ведьму, обошёлся с ней по-доброму и получил награду. Тут нет

ничего странного. Мой отец тоже встречал ведьму, она могла жить под водой, потому что в ней была кровь ламантина. Однажды она помогла найти нож, который отец уронил за борт, когда ловил рыбу. Однако не всякому, кто встретит твою ведьму, повезёт так же, как тебе. Я могу работать дальше?

— Да-да, иди работай.

Некоторое время друзья сидели молча, обдумывая слова индейца. Потом самый молодой произнёс, задумчиво пощипывая светлую бородку:

— Интересно, где она сейчас? Может, всё ещё в городе? Очень интересно.

Хижина стояла среди высоких пальм с широкими кронами. Их листья, жёсткие и блестящие, как кожаные ремни, росли так густо, что другим растениям не хватало света, и роща напоминала огромный пустой зал с пирамидальными колоннами, составленными из массивных деревянных колец. Однако жизнь здесь кипела вовсю: пронзительно верещали обезьяны, что-то тараторили попугаи, выводили свои трели певчие птицы. Шелуха пальмовых орехов, расщепляемых зубами и мощными клювами, сыпалась на землю дождём. Неторопливые лемуры, молчаливые как монахи,

пробирались сквозь лиственный полог, выверяя каждое движение с математической точностью, и таращились оттуда глазами-пуговицами. На голых камнях сидели рядами надменные ящерицы — последние аристократы царства рептилий, укрывшиеся в стенах ещё не павшей Бастилии. Гигантские тропические бабочки в изысканных нарядах угощались сладким нектаром из сосудов тысячи форм и расцветок, порхая среди орхидей, свисавших со стволов перепутанными гроздями, будто причудливый занавес в невиданном волшебном театре.

Сложенная как попало из негодных досок и листов фанеры, крошечная хижина едва ли могла вмещать больше одной комнаты. Из угла наклонной крыши, выложенной кусками мохнатой коры, торчала жестяная труба. Окон не было вообще, а дверь, слишком большая и явно прежде принадлежавшая какой-то более изящной постройке, висела косо на двух самодельных петлях из морского каната. Её нижний угол прочертил в земле глубокую борозду.

На тропинке, ведущей к хижине с восточной стороны, появилась одинокая человеческая фигурка. Худощавая девочка- подросток, босая, в скромном платьице, тащила на спине плетёную

корзину размером чуть ли не больше её самой. Судя по всему, в жилах девушки текла смешанная кровь: иссиня-чёрные волосы и красноватая кожа сочетались с прямым носом и тонкими губами. В проколотых ушах болталось с полдюжины дешёвых колец из красной меди и разноцветного стекла.

Подойдя к закрытой двери хижины, метиска тяжело опустила корзину на землю и выпрямилась, разминая плечи и спину. Потом робко постучала.

— Сеньор Лазаро, вы не спите? Я принесла продукты.

Ответа не было. Девушка не стала стучать ещё раз и молча ждала у двери. Животные и птицы над головой шумно возились, занимаясь своими делами, лучик солнца под ногами продолжал своё недоступное глазу движение. Она положила руку на грубую ткань, покрывавшую корзину, и стала отбивать кончиками пальцев ритм новой песенки, которую услышала в городе.

Минут через пять из хижины послышался скрип кровати, неразборчивое бормотание и звяканье бутылки о стакан. Потом причмокивание губами, ворчание… и грохот падения, сопровождаемый оглушительными проклятиями.

— Чёрт бы побрал эту проклятую метлу! Кто её здесь оставил? Каозинья! Какого дьявола ты там торчишь, если вернулась?! Заходи живее, чтоб тебя разорвало!

Прекратив свои музыкальные упражнения, Каозинья вздохнула и с натугой отодвинула дверь, делая борозду в земле ещё глубже.

Обстановка хижины, с трудом различимая в тусклом свете керосиновой лампы, напоминала музейную экспозицию, которую составляли вместе археолог-любитель, увлечённый ре-

конструкцией быта пещерного человека, и филантроп-реформатор — с целью привлечь внимание к бедственному положению народа. В углу были свалены примитивные инструменты: мотыги, пилы, колья. У стены — узкая кровать с продавленным матрасом и сбитым в кучу покрывалом. Рядом — небольшая печка из листового железа. Древний расшатанный стол, который не разваливался только потому, что его подпирали два грубо сбитых стула из неструганного дерева, украшали бутылка и глиняная кружка. На скошенных полках громоздились коробки, банки и кувшины с различными припасами. Из-под кровати выглядывал черенок метлы, виновницы скандала. Но средоточием всей композиции был, безусловно, сам хозяин — светлокожий мужчина огромного роста, который нетерпеливо топтался по скрипящим доскам пола, подслеповато щуря оливково-зелёные глаза, отвыкшие от дневного света. Его грузное расплывшееся тело, сплошь заросшее бронзовыми курчавыми волосами, прикрывали лишь грязные белые шорты, какие обычно носят рыбаки. Спутанная клочковатая борода свешивалась на грудь, над шортами нависал живот, круглый и налитой, как у беременной женщины, массивные кулаки были размером

почти с голову метиски.

— Давай, двигай своей тощей задницей! — раздражённо повторил он.

Каозинья послушно принялась втаскивать корзину внутрь. Когда закрытая дверь отрезала солнечные лучи, комната стала похожа на склеп. Лазаро уже сел на стул и наливал себе вторую порцию из бутылки.

— Что-то слишком долго ты болталась в городе, — хмыкнул он, сделав солидный глоток.

— Неправда, сеньор, я всё купила быстро, да ещё и потом торопилась. Там в лесу было что-то странное. Оно шло за мной.

— Странное? Что там может быть странного?

— Не знаю, я как следует не разглядела. Размером оно было с грудного ребёнка, но двигалось как дикое животное.

Лазаро залпом допил содержимое кружки, выплеснув часть на бороду.

— Что за чушь! Скорее всего, это был какой-нибудь мальчишка из города. Увязался следом, чтобы тебя трахнуть — все знают, какая ты шлюха.

— Мне надо разобрать покупки, — опустив голову, пробормотала Каозинья.

— А где сдача?

— Какая сдача? Нет никакой сдачи! Я и так торговалась как сумасшедшая, чтобы хватило.

— Ладно, давай скорей, — фыркнул Лазаро.

Метиска принялась вытаскивать припасы из корзины, расторопно, но явно не слишком спеша. Мужчина продолжал пить, не сводя с неё горящих глаз.

— О чём говорят в городе? Слышала какие-нибудь сплетни? — спросил он.

— Нет, сеньор. — помолчав, ответила Каозинья. — С тех нор, как и ходила в прошлый раз, ничего интересного не случилось.

Лазаро угрюмо кивнул — с таким видом, будто ничего и не ждал от этого сонного городишки.

Тем временем, несмотря на старания Каозиньи, работа подходила к концу. Повесив корзину на гвоздь, девушка повернулась к Лазаро. Тот уже сжимал в руке свой массивный бледный член, выглядывавший из расстёгнутой ширинки как оголодавший угорь из подводной пещеры.

— Иди сюда.

Каозинья медленными шагами пересекла комнату и, опустив глаза, остановилась перед сидящим мужчиной.

— Раздевайся.

Она принялась неловко стягивать одежду. От-

пустив член, Лазаро схватился за подол, одним рывком стащил платье через голову, чуть не надорвав мочку уха зацепившимся кольцом, и швырнул в угол. Каозинья сморщилась от боли, но промолчала.

Без одежды смуглое тело метиски казалось более зрелым и в то же время почти детским. Узкие бёдра, грудь плоская, хотя соски вполне сформировались. Её половая щель, дерзко выдававшаяся вперёд и почти не прикрытая редкими волосами, напоминала вмятину от пальца гончара на блестящей поверхности глиняного кувшина.

Лазаро нетерпеливо тряхнул членом.

— Намочи его, как я тебя учил.

Сплюнув сначала на одну ладонь, потом на другую, Каозинья взяла фаллос двумя руками, словно дубинку, едва сумев обхватить его, и принялась двигать кожицу вверх-вниз, смазывая головку слюной.

— Хватит. Повернись.

Каозинья послушно повернулась спиной. Великан взял её за талию и легко приподнял. Она привычно раздвинула ноги, слегка согнув их в коленях, и он с улыбкой, похожей на прореху в живой изгороди, стал медленно насаживать её на стоящий член. Когда ноги метиски косну-

лись пола, член вошёл во влагалище до самого основания.

— Теперь давай! Разогрей его в своей печке.

Опершись руками на колени мужчины, Каозинья начала энергично работать задом, то вставая на цыпочки, то прижимаясь к мощному телу партнёра. Лазаро, откинувшись на спинку жалобно скрипящего стула, помогал ей встречными движениями. Его жирные отвисшие соски, заросшие волосами, тряслись в такт. Положив руки ей на грудь, он стал хрипло шептать:

— Твоя мать тоже была шлюхой, разве нет? Индейская подстилка — вот кто она была! А ты ещё хуже неё — ты стала бы трахаться с кем угодно, ни одной палки бы не пропустила, если бы я не накачивал твою пизду каждый день. Стой, погоди — так, теперь вниз — медленно… Она хотела знать мою фамилию, твоя мамаша — хотела, чтобы и ты её носила. Но я-то точно знаю, что ты не моя, уж больно ты чёрная. У неё было слишком много мужиков — до самой смерти трахалась. Скорее всего, твоим отцом был моряк — какой-нибудь араб из Африки. Как ты думаешь? Трахал своих верблюдов, а потом твою мать. Ты здорово умеешь таскать тяжести, наверное, в тебе есть верблюжья кровь…

Каозинья не отвечала, впрочем, ответа и не требовалось. Её движения постепенно учащались. Лазаро опустил руку на её клитор и начал массировать его по кругу, одновременно сжимая обе груди другой рукой. Она начала стонать, и он, будто по сигналу, выпустил свою сперму, сильно поддав задом.

Когда партнёры, расслабившись, откинулись назад, ножки стула заходили ходуном, как будто исполинское насекомое исполняло фантастическую самбу. Переведя дух, Лазаро опрокинул себе в глотку ещё одну кружку. Лишь после того, как его член достаточно опал, Каозинья смогла освободиться.

— Одевайся! — скомандовал он. — И приберись-ка здесь. Потом наберёшь ореховой шелухи на растопку. Я пошёл спать, вчера всю ночь провёл за писаниной. Так что смотри, чтоб ни звука.

Каозинья натянула платье, промокнув подолом промежность. Ноги её были скользкими от спермы. Нагнувшись, она вытащила метлу из-под кровати, на которую уже взгромоздился Лазаро, и стала подметать пол. Скоро к шуршанию метлы прибавился звучный храп.

В самом тёмном углу валялась куча скомканной бумаги. Опасливо оглянувшись через плечо на Лазаро, который продолжал храпеть, Каозинья взяла метлу под мышку и подняла один из комков. Выбрав место посветлее, она развернула бумагу, разгладила её как могла и принялась читать текст, нацарапанный карандашом:

Лазаро Сабино
САМКА

Никто в крошечной деревушке, затерянной в джунглях, не знал, откуда пришла эта странная женщина. Подобно камню, исторгнутому землетрясением из неведомых глубин, она просто взяла и появилась однажды, вызвав переполох среди добропорядочных граждан.

Первой, кто встретил её, была бедная крестьянка по имени Таис, которая пришла за водой к деревенскому колодцу…

Повествование не вызвало у Каозиньи никакого интереса, и она, не став искать продолжения, бросила листок в холодное печное нутро, усыпанное золой. Закончив приводить в порядок жалкую обстановку хижины, девушка взяла корзинку, стоявшую у печки, и тихо выбралась наружу, прикрыв за собой дверь. Щедрый поток солнечного света, разбавленного хлорофиллом, заставив её зажмуриться. Подождав, пока глаза привыкнут к буйству красок, метиска принялась собирать ореховую скорлупу, разбросанную повсюду, выбирая самую сухую. Она очень скоро наполнила корзину, поставила её возле двери и, облегчённо разогнув спину, двинулась прочь от хижины, напевая ту же самую песенку, что недавно барабанила пальцами.

На краю рощи, там, где пышная растительность Баии вновь набирала силу, избавившись от гнёта деревьев, девушка стала увлечённо шарить по кустам и в высокой, доходящей до пояса траве. Наконец чуть в стороне она нашла то, что искала: раскидистую розетку из стреловидных побегов вроде алоэ. Отломив сочный мясистый лист и хорошенько размяв его в руках, метиска задрала подол и приложила прохладную кашицу к своей зудящей припухшей плоти.

— У тебя есть вода?

Каозинья взвизгнула, подпрыгнув от неожиданности.

Перед ней стояла высокая женщина в лёгкой городской одежде, когда-то красивой, но теперь грязной и рваной. Смотрела она приветливо, но довольно равнодушно. Половину лица покрывало фиолетовое родимое пятно, похожее на маску.

Каозинья ответила не сразу, и женщина, как бы желая поясниц, свою просьбу, подняла руку. Её ладонь была сплошь усеяна муравьями. Насекомые сидели неподвижно, будто увязнув в патоке. Казалось, рука покрыта вторым слоем кожи из блестящего хитина.

— От них хочется пить, — сказала женщина и несколькими движениями языка деловито слизала муравьёв - сначала с ладони, потом с тыльной стороны руки.

— Вода есть — там, в хижине, — показала Каозинья, обретя, наконец, дар речи.

— Хорошо. Пошли.

— Но мой хозяин…

— Хозяин?

— Мужчина, с которым я живу. Он не любит гостей.

Женщина хмыкнула, слегка раздув ноздри.

— Он только что трахнул тебя?

— Да, — опустила голову Каозинья.

— Подойди.

Мегиска послушно сделала шаг вперёд. Женщина сунула руку ей под подол и, проведя пальцем по внутренней поверхности бедра, слизала с него серебристые капельки слизи.

— Всё будет в порядке, — помолчав, кивнула она. — Пошли.

Почтительно пропустив незнакомку вперёд, Каозинья стала пробираться вслед за ней сквозь заросли. Выйдя на открытое место, женщина решительно зашагала к хижине.

— Как вас зовут? — робко спросила девушка.

— Самка.

Несколько шагов они прошли молча.

— Вода у нас вон там, Самка, — снова заговорила Каозинья, указывая на примитивный сборник дождевой воды, похожий на гигантский гамак из парусины, растянутый между четырёх деревьев. Под дырой, проделанной в его центре, стояла бочка.

Женщина повернула туда, Каозинья последовала за ней. Подойдя к водосборнику, гостья приподняла провисшую влажную ткань и принялась лакать прямо из бочки, не обращая внимания

на плавающих сверху насекомых. Напившись и подняв голову, она удовлетворённо улыбнулась. С подбородка капала вода.

— Теперь пойдём к твоему хозяину.

Не решившись возразить, девушка робко двинулась вслед за ней к хижине. Незнакомка не стала стучать — просто открыла дверь и вошла.

Лазаро проснулся мгновенно, будто учуял новое странное дуновение в застоявшемся воздухе хижины. Он сел, с грохотом опустив ноги на пол, и несколько секунд молча мерил взглядом фигуру светлокожей женщины.

— Кто ты? — наконец спросил он.

— Самка.

Лазаро недоверчиво фыркнул.

— Чушь собачья. Это тебе моя сучка наболтала. Ладно, чёрт с ней. Чего надо?

— Хочу здесь пожить немного. Ещё мне нужна компания.

Лазаро поскрёб кривыми ногтями заросший подбородок.

— А что ты можешь предложить в обмен на гостеприимство?

— Я могу исполнить желания, которые ты даже не можешь выразить.

— Нет у меня никаких желаний.

— Хочешь, покажу кое-что?

— Ладно, валяй.

Женщина расстегнула юбку и перешагнула через неё. Потом сбросила блузку цвета лаванды, оставшись в одних сандалиях. В неверном свете керосиновой лампы её тело светилось расплавленной бронзой.

Каозинья попятилась к двери.

— А ты смотри, тварь! — прикрикнул на неё Лазаро. — Будешь нашей дуэньей. Может, чему-нибудь и научишься.

Опустив голову, метиска покорно села на стул. Задумчиво теребя кольца в ушах, она исподлобья наблюдала, как гостья подходит к Лазаро.

— Дай, я это сниму. — Женщина протянула руку и ловко стащила с него шорты, обнажив ляжки и бёдра, такие же мохнатые, как и остальное тело. Несмотря на недавние развлечения, массивный фаллос снова напрягся.

— Хочешь мои сиськи? — Она приподняла пышные груди, сжав их руками. — У твоей малышки таких нет.

Довольно ухмыльнувшись, Лазаро положил руки ей на плечи.

— Тогда становись на колени.

Опустившись на пол, женщина слегка откло-

нилась назад, подставив живот. Лазаро встал сверху, пристроив член между грудей. Она снова подняла их руками и сжала, потом внезапно отпустила. Каким-то чудом груди остались на месте, охватывая член, будто приклеенные.

— Отличный фокус… — начал Лазаро и вдруг осёкся. На лице по отразилось изумление.

Сомкнутые груди были внешне неподвижны, лишь по их атласной поверхности пробегала лёгкая рябь, словно по глади пруда, под которой резвится мелкая рыбёшка. Однако, судя по всему, в узкой искусственной трубке между ними происходило нечто куда более впечатляющее. Лазаро корчился, будто от боли, но не делал никаких попыток освободиться. Тем временем женщина зажала одну руку у себя между ног, а другой страстно обхватила ляжку партнёра. Её соски мерно ходили взад-вперёд, вторя мощному кипению плоти в новообразованном канале.

Не прошло и нескольких минут, как мужчина, стонущий и рычащий, с раскрасневшимся лицом, уже готов был кончить, однако женщина всё ещё не позволяла ему, продолжая ласкать свой клитор. Наконец вся она напряглась, её рот раскрылся, необыкновенно широкий язык вывалился наружу и разлился по подбородку.

Из открытого верхнего конца чудесной трубки брызнул горячий вязкий сок. Приняв на себя основной его заряд, язык ловко изогнулся и подхватил кончиком последние капельки. Лазаро тяжело осел на колени, груди женщины разошлись по сторонам, приняв нормальную форму, она выскользнула из-под мужского тела и легко поднялась на ноги. Лазаро бессильно откинулся на кровать.

— Ты можешь остаться, — хрипло проговорил он, немного отдышавшись. — Каозинья, приготовь ей поесть.

Лицо метиски не выдавало никаких чувств, но дышала она так, будто всё это время бежала без отдыха. Она встала со стула, но женщина остановила её.

— Не надо, я уже сыта.

Круговорот солнца и луны, палящего зноя и тропических циклопов, повседневной рутины и торжествующего буйства плоти. Мирные сельские будни внезапно прерывались вспышками яростного спаривания, смерчем сплетающихся тел и ливнем извергающихся телесных соков.

Ежедневные обязанности Каозиньи мало изменились с появлением таинственной Самки. Метиска по-прежнему прибиралась в хижине,

подметала, собирала топливо, готовила, стирала. Всех этих дел хватало по меньшей мере на половину дня. Свободное время она обычно проводила вне хижины, хотя никогда не выходила за пределы рощи, да и там то и дело оборачивалась через плечо, будто высматривая непонятное существо, преследовавшее её по пути из города. Единственное, что теперь не надо было делать — это заниматься сексом с Лазаро. Все постельные упражнения Самка с удовольствием взяла на себя.

Деля с хозяином его продавленный матрас, странная гостья трансформировала своё тело всеми немыслимыми способами в угоду многочисленным желаниям ненасытного гиганта. Лёжа то сверху, то снизу, то сбоку, она обволакивала его нежной горячей плотью, изобретая всё новые позы, неведомые простым смертным. Испуская звериные вопли, они достигали вершин наслаждения по несколько раз каждую ночь, а частенько ещё и раз-другой в течении дня. Каозинья наблюдала все эти фантастические метаморфные сцены со своей тонкой подстилки в углу, поскольку тесная хижина не позволяла уединиться. Да и хозяин всё равно не разрешил бы уйти. Впрочем, смотрела она внимательно, не

отворачиваясь.

Держалась метиска как всегда скромно, по большей части молчала, ограничиваясь ответами на вопросы, и заговорила сама лишь однажды. Они с Самкой остались в хижине вдвоём — Лазаро вышел по нужде. Подняв голову от рваных шорт хозяина, на которые ставила заплату, Каозинья спросила:

— Разве вам никогда не хочется выйти на свежий воздух?

— Зачем? У меня и здесь есть всё, что нужно, — ответила Самка, томно вытянувшись на растерзанной постели.

Когда Лазаро не развлекался с женщиной, не спал и не уничтожал съестные припасы — последнее делалось так жадно и часто, что очередной поход метиски по магазинам был уже не за горами, он сидел и прилежно писал. Приход Самки, явившейся как будто из мира его фантазий, чудесным образом освободил всю до сих пор запертую творческую энергию лесного отшельника. Пристроившись за шатким столом, волосатый великан лихорадочно царапал карандашом по бумаге. Аккуратная стопка листков росла теперь гораздо быстрее, чем куча скомканных, брошенных на растопку.

Однажды утром Лазаро достал с высокой полки в дальнем углу старую пишущую машинку, тяжёлую и неуклюжую как паровая молотилка, и торжественно водрузил её на стол, который зашатался как новорожденный телёнок и покосился, привалившись к стене. Потом аккуратно разложил рядом дюжину страниц рукописи, уселся, вставил в машинку чистый лист и принялся медленно печатать двумя пальцами.

Каозинья наблюдала это зрелище с большим интересом. Самка лежала на кровати с закрытыми глазами, хотя явно не спала. Её нагое тело, отливавшее в полумраке молочным перламутром точно белокаменная статуя богини в древнем храме, казалось, окружала некая магнетическая аура. Однако Лазаро, с головой, уйдя в работу, не обращал никакого внимания ни на неё, ни на Каозинью. Через некоторое время метиска вышла подышать. К её удивлению, через полчаса у водосборника к ней присоединилась Самка, по-прежнему вызывающе обнажённая.

— И часто он этим занимается? — нарушила молчание гостья.

— С прошлого года первый раз.

— Я хотела взять в рот его член, но он оттолкнул меня.

— Ничего удивительного.

Самка задумалась.

— Может быть, он согласится, когда закончит?

— Скорее всего, — буркнула Каозинья, отвернувшись.

Из хижины продолжал доноситься дробный механический стук. Замолк он лишь к середине дня. Женщины заглянули внутрь. Лазаро стоял у стола, осторожно укладывая пачку отпечатанных

страниц в холщовую сумку.

— Каозинья! Сколько у нас денег?

— Десять когтей, шесть чешуек и восемнадцать перьев.

— Давай всё!

Встав на цыпочки, метиска достала с полки жестяную банку из-под муки и вытряхнула на стол рядом с сумкой кучку серебра и несколько радужных банкнот.

Лазаро рывком стянул с себя шорты. Его массивная нагота, казалось, заполнила собой всю хижину.

— Ты выстирала городскую одежду? Я хочу встретиться с Тиноко-газетчиком — опять будет проезжаться насчёт моих лохмотьев.

Каозинья подошла к громоздкому самодельному сундуку, откуда брала утром шорты, чтобы зашить, и стала в нём рыться.

Глаза Самки зажглись аквамариновым огнём. Она бочком подобралась к Лазаро и жадно вцепилась в его пенис, впечатляющий своими размерами даже в спокойном состоянии.

— Теперь можно, Лазаро? — с надеждой спросила она.

Великан схватил её за талию и одним движением развернул спиной к себе.

— Нагнись.

Расставив ноги. Самка наклонилась вперёд, опершись руками в колени. Лазаро продолжал сжимать её бёдра. Соблазнительно застонав, она задрала зад ещё выше. Блестящие перламутром влажные губы раздвинулись, маня к себе с непреодолимой силой. Рванув женщину к себе. Лазаро до упора ввёл во влагалище свой мгновенно отвердевший член. Она снова издала утробный стон.

— До самых печёнок, девочка, — ухмыльнулся великан.

Неожиданно Самка подняла одну ногу, зацепившись ею за ляжки партнёра. Потом сделала то же самое второй ногой. Сцепив лодыжки крест-накрест и вытянув руки вперёд в позе ныряльщика, она повисла на теле Лазаро, который по-прежнему крепко держал её. Слегка покачивая в воздухе полными грудями, фантастическая любовница начала обрабатывать фаллос с помощью своей уникальной внутренней мускулатуры. Потом вдруг, совершив мгновенный, едва различимый воздушный пируэт, она перевернулась в мужских руках, поменяв местами ноги, и теперь смотрела в потолок. Синевато-багровое родимое пятно, разлившееся по половине лица, искажённого

звериным оскалом, вновь бросилось в глаза — казалось, с крыши только что пролился кровавый дождь. От неожиданности Лазаро отпустил руки. Однако, к его удивлению, женское тело не изменило положения. Удержанное неестественно мощными мышцами и скелетом почти стальной крепости, оно продолжало висеть под прямым углом как ветка, отходящая от древесного ствола. Бурные внутренние сокращения симбиотического полового органа продолжались, ни на йоту не сбившись с ритма, груди набухли, соски призывно торчали вверх. Лазаро стал ласкать их — женщина сжимала свои бёдра в такт его движениям, постанывая от удовольствия.

Достигнув оргазма одновременно с партнёром и дав ему немного отдышаться, она соскользнула с члена, блестящего и скользкого от её выделений, и удовлетворённо растянулась на постели.

— Каозинья, одежду! — скомандовал Лазаро.

— Вот она, сеньор.

— Если я не совсем идиот, — сказал Лазаро, одеваясь, — то Тиноко должен купить все три рассказа, и у нас, наконец, появятся настоящие деньги, не говоря уже о том, как выиграет моя репутация. Да и «Вестник Севера», этот бульварный листок, не останется внакладе. Но сначала

ублюдка придётся поить и кормить, так что до завтра меня не ждите.

— Хорошо, сеньор, — кивнула Каозинья. Самка промолчала.

Великан широкими шагами удалялся по тропинке — соломенная шляпа набекрень, широкие белые штаны и голубая рубашка, похожие на примитивный двуцветный флаг. Холщовая сумка через плечо болталась в такт размашистым движениям. Метиска смотрела вслед. На её смуглом лице со смешанными чертами застыло непроницаемое выражение.

Завершая свой ежедневный маршрут, солнечный диск с быстротой курьерского поезда скрылся за стволами деревьев, а вскоре исчез и за горизонтом. В тёмном бархате тропической ночи зазвучало привычное многоголосье обитателей леса, прерываемое сольными партиями хищников и их жертв.

В хижине было темно, как в глухой пещере — лампу никто не зажигал. Подняв с пола край своей подстилки, Каозинья немного потопталась у двери, не решаясь провести ночь снаружи,

потом вернулась на прежнее место. Самка не покидала кровати с тех пор, как ушёл Лазаро. Когда призрачный лунный свет посеребрил щели косо висящей двери, женщина вдруг заговорила:

— Каозинья.

Ответ последовал сразу же.

— Вы в первый раз обращаетесь ко мне по имени. Почему?

— Мне одиноко, Каозинья.

— Вы отняли у меня хозяина, а теперь ищете дружбы со мной?

— Нам не обязательно быть подругами, мы можем просто заняться любовью.

— Нет.

— Хорошо, — вздохнула Самка. — Тогда ложись спать рядом со мной. Я не дотронусь до тебя до самого утра, клянусь.

— Клянётесь? Чем?

— Главным, что у меня есть.

Каозинья долго молчала. Потом послышался шорох, шлёпанье босых ног и скрип кровати.

— Ты пришла. Спасибо.

— Вы дали единственную клятву, которую не сможете нарушить.

Ночь, казалось, будет тянуться бесконечно. В темноте слышалось мерное дыхание спящей

девушки. Внезапно неровная серебристая полоса вокруг двери начала расширяться, дерево зашуршало о мягкую землю. В светом прямоугольном проёме обозначился странный силуэт. Маленький человечек, напоминавший тряпичную куклу, опирался одной рукой на дверной косяк, а другую робко вытянул перед собой, будто умоляя о чём-то.

— Уходи, — прошептала Самка. Голос её прозвучал неожиданно мягко, даже ласково. — Мы увидимся позже.

Человечек медленно, словно нехотя, сделал шаг назад, потом неловко развернулся всем телом и вновь растворился в темноте.

Лучи восходящего солнца торжествующе ворвались в хижину через открытую дверь, разливаясь жидким золотом по грубым доскам пола и скудной мебели. Каозинья пошевелилась и открыла глаза. Самка сидела рядом, поджав ноги.

— Уже утро.

Она поднялась на коленях и перекинула ногу через тело метиски.

— Чувствуешь её тепло, её запах, видишь, как она хочет тебя?

Каозинья могла бы ещё выскользнуть, но осталась лежать неподвижно. Самка опустилась

ниже, тесно прижавшись к её лицу. Внезапно ожившие внутренние губы её главного сокровища скользнули в рот и раздвинули его, в то время как внешние ласкали губы девушки в страстном поцелуе, нежно извиваясь и складываясь в изящные хоботки. Потом в рот метиски проникло и стало быстро набухать что-то мягкое и влажное, очень похожее на ее собственный язык. Казалось, невероятный поцелуй будет длиться без конца. Застонав и выгнувшись всем телом, Каозинья опустила руки и начала массировать свой клитор. Через несколько минут женские тела, блестящие от пота, уже сотрясались в оргазме. Наконец Самка отняла трепещущие губы от лица девушки, оставив на нём широкую полосу серебристой слизи. Глаза метиски закатились, дыхание было чуть слышно, и лишь шевелящиеся пальцы, зажатые между ног, свидетельствовали о том, что она не лишилась чувств.

— А теперь я дам тебе то, чего ты больше всего хочешь.

Развернувшись и поменяв местами колени, она отвела руки Каозиньи, нежно потёрлась щекой о её влажную, набухшую от сока промежность, потом широко раскрыла рот. Оттуда, совершенная до последней детали вплоть до капельки

смазки, показавшейся из вертикального зрачка, выдвинулась блестящая головка мужского члена. Быстро увеличиваясь, пульсирующий жезл из горячей плоти мощно раздвинул влагалище, заставив девушку вскрикнуть. Продолжая выдвигаться изо рта невероятной женщины, он входил всё глубже. Мошонка, появившаяся следом, уже налитая и соответствующих размеров, вывалилась изо рта полностью и прижалась к промежности. Мужские железы слегка пульсировали, повторяя ритм движений фаллоса, который самостоятельно сжимался и растягивался внутри тела. Внезапно у двери послышались шаги.

Самка вскочила с кровати. Дверной проём заполняла гигантская фигура Лазаро. Лицо его было красным и опухшим с похмелья, рваная рубашка залита вином, ширинка расстёгнута.

— Ах вы, сучки поганые! — Он шагнул к кровати, рывком поднял метиску за трещащую ночную рубашку и швырнул в угол. — Вон из моей постели!

Каозинья скорчилась на мятой подстилке. Чудесный автономный фаллос внутри неё продолжал свою невидимую циклическую работу.

Подскочив к Лазаро. Самка попыталась прижаться к нему.

— Это всё она, Лазаро! Она сама упрашивала меня…

— Заткнись, шлюха! — Рука, похожая на окорок, наотмашь ударила женщину по щеке, оставив багровую отметину, почти повторяющую родимое пятно на другой стороне.

Превращение соблазнительницы в злобную фурию произошло почти мгновенно. Короткие чёрные волосы Самки встали дыбом как у рассвирепевшей кошки, лицо исказилось от ярости. Она сильно толкнула Лазаро в грудь, в то же время неуловимым движением ноги подсекая его сзади. Великан с размаху грохнулся на пол. Не успел он пошевелиться, как женщина уже оседлала его и тянула к горлу руки с хищно скрюченными пальцами. Длинные изогнутые ногти, сочащиеся перламутровой слизью, до сих пор сохранили свой безукоризненный нефритовый блеск. Одновременный удар всех десяти мигом усмирил сопротивление волосатого гиганта, который тут же оцепенел, будто поражённый параличом.

Гнев Самки остыл так же быстро, как и вспыхнул. Улыбаясь и мурлыча под нос какую-то мелодию, она принялась с педантизмом и тщательностью художника трудиться над неподвижным телом. Фантастически гибкие пальцы,

на которых непрерывно выступала мутноватая жидкость, прошлись по лицу, шее, груди, животу, оставляя за собой совершенно гладкую белую кожу. Грубый волосяной покров на глазах размягчался и плавился, стекая струйками на пол. Потом женщина без всякого усилия перевернула тело и, обработав так же точно другую его сторону, снова положила на спину. Теперь настала очередь более серьёзной трансформации. Повинуясь ловким и сильным рукам, которыми гордился бы любой скульптор, жир с живота распределился по телу, превратив безобразно отвисшие мешки в женскую грудь соблазнительных очертаний и добавив полноты бёдрам. Живот стал плоским, талия — тоньше. Шея также стала тоньше и стройнее, овал лица смягчился, объём мышц на руках и ногах ощутимо уменьшился. Ещё немного поколдовав над лицом и старательно, словно повар тесту, придав форму пышным соскам. Самка с видимым удовольствием оглядела результаты своего труда. Однако главное было впереди. Широко разведя в стороны ноги Лазаро, она приподняла его массивные гениталии и с силой втиснула их в тело. Потом, набрав полную пригоршню выделений у себя в промежности, принялась увлечённо мять и массировать

мужскую плоть, которая послушно менялась, на глазах приобретая женские черты. Через несколько минут всё было кончено — на полу хижины, скользком от растворённой органики, распростёрлась высокая полногрудая амазонка, сияющая белизной кожи. Солнечные тучи, падающие из открытой двери, золотили бронзу волос между её мощных бёдер, где расцвёл прекрасный цветок с нежно-розовыми лепестками.

Удовлетворённо вздохнув, Самка повернулась к Каозинье. Всё это время метиска, не замечая ничего вокруг себя и даже не отреагировав на удар об пол, корчилась в непрерывном оргазме, судорожно впитывая ласку живого фаллоса, бешено пульсировавшего в её влагалище. Самка резко сжала рукой торчащую наружу мошонку, и исступлённые конвульсии измученного тела тут же прекратились. Просунув пальцы по обе стороны от члена и с силой разведя края половой щели, Самка протолкнула мужские железы внутрь. Пышущая жаром промежность метиски с распухшими половыми губами заходила ходуном, вздуваясь буграми и опадая. Узкие бёдра девушки судорожно подёргивались. Наконец из истекающей влагой щели показалась блестящая розовая головка члена, который сумел

непонятным образом перевернуться. Однако, выдвинувшись весь, вместе с мошонкой, он не отделился от тела, как можно было ожидать, а остался висеть, удержанный мощным корнем из только что образованной плоти. Место соединения моментально покрылось новой кожей, навеки запечатав женское влагалище, которому предстояли дальнейшие превращения.

Самка поцеловала Каозинью в губы, подарив ей на прощанье капельку чудодейственной слюны, потом сделала то же самое с Лазаро. Потом вышла из хижины и зашагала по тропинке между пальм, шуршащих жёсткими листьями. Джунгли поглотили её так же быстро, как иссохшая почва впитывает капли дождя.

Лазаро открыл глаза. Каозинья опустилась на колени и погладила по волосам лежащую женщину.

— Мама, — всхлипнул юноша.

На губах амазонки появилась странная улыбка. Её лицо выражало мир и покой.

— Сын… — нежно прошептала она.

Изогнутая стойка бара, отделанная тёмным полированным деревом. была украшена резными фигурами, словно нос старинного корабля. Заняв место на капитанском мостике, Арлиндо Кинкас

сноровисто управлял своей разномастной бессловесной командой. Массивные стаканы из резного стекла, крошечные стопки-напёрстки, тонкие бокалы на длинных ножках, внушительные восьмигранные кружки с затейливыми ручками. Бутылки и графины — с широким и узким горлом, квадратные, круглодонные, сплюснутые и даже в виде женщины, сжимающей пробку в поднятых над головой руках. В недрах этой пёстрой коллекции, расставленной рядами на широких полках и удвоенной высоким зеркалом, нашли временное пристанище напитки всевозможных цветов и оттенков, ожидая своей очереди отправиться в желудки посетителей. В тусклом свете газового пламени под потолком, шипящего в стеклянном шаре как разъярённый джинн, Кинкас проворно разливал выпивку, разрубал кокосовые орехи, выжимал лимоны, колол лёд. одновременно то нагружая, то разгружая пробковый поднос индейской официантки, которая непрерывно сновала взад-вперёд. Движения её бёдер, сдержанные, но чувственные, по-прежнему сопровождались чуть слышным постукиванием, слегка напоминавшим цоканье каблучков-шпилек. В углу на почётном возвышении красовался новый радиоприёмник, из которого неслись приглушённые

звуки самбы, облагороженные сочным резонансом деревянного корпуса и тканевой мембраны.

Тяжело отдуваясь, в бар ввалился шарооб-

разный толстяк, один из пятёрки завсегдатаев веранды.

— От этой жары вода проходит сквозь меня, как рис через мельницу, — хихикнул он. — Уже который раз бегу отлить. И заметьте, не в ваши кусты, как некоторые.

Он многозначительно кивнул и исчез за дверью туалета. Появившись оттуда вскоре, спросил:

— Что, ваш бармен опять не пришёл?

Кинкас мрачно кивнул, поджав губы. Его густые усы сердито топорщились.

— Терпеть не могу увольнять людей, тем более с такими проблемами, как у него с женой. И всё-таки, наверное, придётся.

Толстяк зачерпнул из миски горсть жареных семечек, красных как речная глина, бросил в рот и начал с хрустом пережёвывать.

— Никакой жалости — мой вам совет. Как вы думаете, за счёт чего я сумел так наладить своё дело, чтобы спокойно прохлаждаться тут с утра до вечера?

— Одно дело печатная мастерская, Иво, и совсем другое — гостиница, — вздохнул Кинкас.

— Ерунда! И там и там главное — твёрдая рука.

Непрошеная лекция вынужденно прервалась — Кинкас принимал у невозмутимой индианки

очередной заказ. Быстро смешав в бокалах необходимые ингредиенты, он вновь повернулся к жирному пыхтящему Иво.

— В пятницу вечером, — начал тот новую тему, — мы собираемся всей компанией навестить сеньору Граку. Может, и вы с нами, Арлиндо? Рикардо, Белмиро, Януарио, Эштевао — мы все очень просим. Вам совсем не повредит немного развеяться. Грака обещала к концу недели новых девочек — если, конечно, пароход с Трёх Озёр придёт вовремя.

— Я подумаю.

— Подумаете? Да вы скоро лопнете от спермы! Сколько можно ждать? Ваша странная любовница никогда не вернётся, смиритесь с этим.

Кинкас угрюмо молчал. Потом повернулся и, присев на корточки, стал шарить в буфете, делая вид, будто ему что-то срочно понадобилось. Не дождавшись ответа, Иво пожал плечами и поплёлся к друзьям на веранду.

В баре всё шло своим чередом. Через полчаса, протянув не глядя руку к полке и не найдя там ничего, Кинкас чертыхнулся и вышел через заднюю дверь. Через минуту он вернулся с подносом, полным только что вымытых бокалов. У стойки ждал новый посетитель. Увидев его, хозяин го-

стиницы вздрогнул, чуть не уронив свою ношу.

Приземистый мужчина в дорогом костюме из светлого льна и модной широкополой шляпе казался целиком вытесанным из камня. Голова его, похожая на булыжник, крепко вросла в могучие плечи. Грубое угловатое лицо, иссечённое ножевыми шрамами, повествовало об одержанных победах не хуже древней стелы с иероглифами.

Кинкас зашёл за стойку и опустил на неё поднос. Бокалы нервно звякнули.

— Какая честь, сеньор Реймоа! Не желаете ли выпить за счёт заведения? Что вам налить?

Поставив ногу в лакированном ботинке на сияющее бронзовое ограждение стойки, Овид Реймоа не спеша окинул взглядом фигуру хозяина. Потом проговорил, тихо, но внушительно:

— Сними рубашку.

Не имея ни малейшего желания пререкаться с этим человеком, Кинкас немедленно повиновался. Оставшись голым по пояс, он с облегчением отметил, что остальные клиенты все как один демонстративно повернулись к стойке спиной, опасаясь вмешиваться в дела сильных мира сего.

— Значит, не врут… — Реймоа задумчиво поднял брови. Потом протянул через стойку руку, на которой не хватало двух пальцев, и взял Кинкаса

за локоть. — Где она? Где эта ведьма?

— Не имею понятия, сеньор… — железные пальцы чуть-чуть сжались, и Кинкас сморщился от боли. — Клянусь, это правда. Разве я дал бы такому сокровищу ускользнуть от меня, если бы знал? Она исчезла и ничего не сказала.

Белый отпечаток пальцев на загорелой коже медленно темнел, наливаясь кровью.

— Если она вернётся, скажешь мне.

— Конечно, конечно, сеньор, разве я способен…

— А пока её поищут мои люди. Фотография есть?

— Что вы, сеньор, откуда же мне…

— Тогда опиши внешность.

Кинкас с готовностью принялся перечислять многочисленные прелести сеньориты Йеманы. Рассказ грозил затянуться, и Реймоа пришлось вмешаться.

— Всё. Ясно. У меня и других дел хватает.

— Спасибо, что зашли, сеньор Реймоа! — поклонился Кинкас удаляющейся спине.

У выхода Реймоа обернулся.

— В эту пятницу моей дочери исполнится пятнадцать. Мы празднуем её первый выход в свет. Вы получите приглашение.

— О! Для меня будет великой честью, сеньор, получить возможность поздравить сеньориту Дарсиану!

— Разумеется.

Прошло немалое время, прежде чем хозяин гостиницы достаточно пришёл в себя, чтобы одеться, да и потом ещё не меньше четверти часа не мог унять дрожь в руках. Между тем волна посетителей успела отхлынуть, сменившись мёртвым штилем послеобеденной сиесты.

Кинкас тряхнул колокольчик, подзывая официантку. Она тут же явилась с привычным «клик-клик», полная первобытной грации, и встала перед хозяином, скромно потупив глаза.

— У сплетников на веранде полный кувшин?

— Да, сеньор.

— Тогда пошли.

Служебный коридор привёл их к запертой двери. Выбрав ключ из тяжёлой связки, Кинкас открыл её. В комнате на ветхих дощатых поддонах рядами лежали мешки с мукой и сахаром, образуя мягкие диваны по колено высотой, обтянутые джутовой тканью, между которыми оставались лишь узкие проходы. Вдоль стен тянулись полки, забитые разнокалиберными банками и бутылками. В воздухе склада, несмот-

ря на регулярную и тщательную уборку, стояла причудливая смесь всевозможных запахов, не лишённая, впрочем, приятности. Свет попадал сюда через окно под потолком, забранное толстой решёткой.

— Раздевайся, Иина.

Индианка не заставила себя ждать. Стянув блузку и юбку, она бросила их на одну из полок, оставшись лишь в чулках из грубого хлопка и высоких кожаных туфлях. Её остроконечные груди согласно обычаям племени украшала чёрная татуировка — загадочные извилистые линии и завитки.

— Ложись, — скомандовал Кинкас, расстёгивая брюки.

Краснокожая одалиска опустилась на край мешка, потом откинулась назад, раздвинув ноги и упершись каблуками в выступающие швы. Сквозь её внутренние половые губы были продеты два плоских отполированных кольца из лазурита. Под действием их веса губы соблазнительно раздвинулись. Женщина приподняла зад, устраиваясь поудобнее, и кольца, качнувшись, ударились друг о друга, издав характерный стук.

Кинкас шагнул вперёд и лёг на индианку. В надежде возбудить пока ещё вялый пенис он при-

нялся лизать её разрисованные груди и целовать тёмные набухшие соски оттенка пальмового масла. Через несколько минут, помогая себе рукой, ввёл член во влагалище и начал толчки. Привычно изображая лицом неземное блаженство, Иина опустила руки и, продев по указательному пальцу в каждое из колец, растянула половые губы в стороны. Однако, несмотря на эту соблазнительную деталь и загадочное магическое слово «гуликава», которое то и дело шёпотом повторяла индианка, все усилия хозяина гостиницы привели лишь к медленному, но необратимому увяданию его воспалённого от бешеной скачки полового органа. Удовлетворения достичь так и не удалось. Обречённо вздохнув, Кинкас поднялся на ноги.

— Одевайся и иди работай, — буркнул он, глядя в пол.

— Хорошо, сеньор.

Когда дробный стук целующихся каменных колец затих в коридоре, Кинкас тяжело плюхнулся на мешок и долго разглядывал уныло обвисший предательский отросток. Потом встал, натянул брюки и отправился навстречу собственным утомительным обязанностям, страстно и безутешно бормоча:

— Колдунья моя, ведьма моя! Где же ты? Вернись, вернись…

С высоты полёта морской чайки компактный жилой район, на краю которого находилась гостиница «Ясный полдень», напоминал своими очертаниями профиль кошачьей головы: остроконечные уши, морда, шея и единственный глаз — общественный колодец в центре небольшой круглой площади, вымощенной булыжником. Во все стороны от площади расходились узкие улочки, убогие обшарпанные дома теснились по их сторонам будто измученные батраки, спящие вповалку в душном хлеву. Растительность почти отсутствовала, лишь там, где дома кончались, росли редкие общипанные араукарии, отмечавшие границы посёлка. К востоку от Кошачьей Головы был парк, а за ним — широкий песчаный пляж. Дальше, за неровной полосой прибоя, до самого горизонта простиралось зеленовато-дымчатое волнистое покрывало, под которым прятались непостижимые морские тайны. Полуразвалившийся форт маячил над гаванью — усталый конкистадор, одряхлевший, но не побеждённый. Северная сторона посёлка упиралась в холмистые предгорья, где изрезанная террасами земля была поделена на обширные

поместья с богатыми особняками. По самому крутому склону поднималась канатная дорога. Ярко раскрашенные кабинки, похожие издалека на детские игрушки, непрерывно сновали вверх и вниз. На западе стояло несколько крошечных фабрик, а юг мог похвастаться лучшими магазинами. Там же, на южной стороне, располагались все государственные учреждения и частные конторы.

С наступлением сумерек, когда Кошачья Голова покрывалась пятнами света от факелов, газовых фонарей и редких электрических ламп, ожившие улицы заполняла толпа — извечно двойственное единство покупателей и продавцов, пользующихся и используемых, берущих и дающих. Музыканты с гитарами, флейтами и и аккордеонами изливали на булыжные мостовые струящиеся мелодии, будто торопились внести свою лепту в утреннюю мойку из шланга. Манящие ароматы кофе, жареной рыбы, свинины и рагу из креветок, замешанные на острых парах кактусовой браги, которая лилась нескончаемым потоком из оплетённых бутылей, боролись со своими извечными ночными антагонистами: вонью помоев, мочи, конского навоза и грязных тел. В безуспешной попытке примирить два враждеб-

ных лагеря в душном воздухе дипломатически извивался густой дым палочек из сандалового дерева. Лишь иногда залётный океанский бриз лениво заглядывал сюда, мигом унося с собой все городские запахи.

Бар «Усы и зубы», пристроившийся на самом краю кошачьей пасти, вдыхал и выдыхал публику как мощные лёгкие. Бесчисленные парочки, нежно сплетающие руки или обнимающие друг друга за талию, компании юнцов и девиц, гогочущие или визжащие, проститутки обоих полов и всех промежуточных, продавцы газет, фруктового льда, сигарет, лотерейных билетов… Время от времени сквозь толпу с важным видом проталкивался блюститель порядка, больше озабоченный бесплатной выпивкой, чем своими обязанностями.

Посетители, выходившие из «Усов и зубов», явно не жалели о потерянном времени. Шатаясь или пританцовывая, невнятно бормоча или голося на всю улицу, обмениваясь неловкими тычками или слюнявыми поцелуями, они рассыпались по округе как семена перезревшего плода и брели каждый к своему клочку земли, именуемому домом.

Далеко за полночь из дверей бара вывалились

ещё двое — мужчина и женщина. Пьяно привалившись друг к другу, они двинулись по мостовой заплетающейся походкой. Мускулистый мужчина — матрос или портовый грузчик — был одет соответственно профессии: голубая тельняшка, широкие холщовые брюки и кожаные сандалии. Чёрная кружевная блузка едва держалась на плечах женщины, длинная цветастая юбка на каждом шагу грозила зацепиться за высокие каблуки.

Звук шагов припозднившейся парочки эхом отдавался в пустых переулках. Женщина хихикала, её спутник чертыхался, спотыкаясь и озираясь по сторонам. Судя по тому, как они то и дело останавливались и поворачивали назад, словно шарик в детском бильярде, цель путешествия постоянно ускользала, прячась где-то за углом. Наконец, потеряв надежду добраться до уютной гавани, мужчина свернул в низкую замусоренную подворотню. Здесь было ещё темнее, под ногами хлюпали помои, в воздухе стоял отвратительный смрад. Пройдя лишь несколько шагов, моряк остановился и притиснул женщину к кирпичной стене. Тусклый свет уличного фонаря освещал их снизу только до пояса, делая похожими на пару странных раздвоенных существ.

— Я хочу тебя прямо сейчас, Ленира. — Моряк потянул подол юбки кверху, обнажая женское тело.

— Нет, Гозо, погоди! Давай дойдём до постели.

— Мой дружок не хочет ждать. Потрогай его, Ленира.

— Какой он большой у тебя, Гозо! — проворковала она. — Ну ладно, давай. Ты ласкаешь меня там так нежно, что я…

— Ласкаю? — удивился моряк, возясь с пуговицами ширинки. — Пока я только выпускаю на волю своего дружка.

Ленира испуганно взглянула под ноги. Там, где только что было пусто, теперь оказалась куча грязного тряпья. Оттуда торчало что-то длинное, похожее на неряшливо забинтованную руку, и эта рука действительно гладила её промежность.

Женщина в ужасе взвизгнула, мужчина выругался. Отступив на шаг, он изо всей силы пнул странный холмик. К его удивлению, он не рассыпался, вместо этого захватив в плен его ногу. Ленира отскочила в сторону, прижав обеими руками юбку к коленям. Гозо наклонился, изо всех сил дёргая ногой и молотя по мусору пудовыми кулаками. Неожиданно вся куча беззвучно взле-

тела вверх, будто взорванная изнутри, и грязная ткань как живая обмоталась вокруг его головы, полностью закрыв лицо. Моряк взвыл, отчаянно пытаясь отодрать ногтями липкую вонючую пелену, однако его сдавленные крики продолжались лишь несколько секунд. Пошатнувшись, он упал навзничь, глухо ударившись затылком о камни.

Ленира шагнула к нему, но тут же передумала. Она медленно попятилась в сторону улицы, потом развернулась и кинулась прочь, цепляясь за булыжную мостовую высокими каблуками.

Бездыханное тело Гозо лежало неподвижно. Некоторое время в подворотне царила полная тишина. Потом с улицы послышалось шлёпанье босых ног. В низком проёме ворот показалась человеческая фигура — высокая женщина с пышными формами, одетая в мужскую одежду. Слишком широкая рубашка висела пузырём, брюки были подвязаны верёвкой. Повернув голову, женщина оглядела пустую улицу. Очертания багрового континента на её лице поставили бы в тупик любого картографа. Керри Хэкетт, сеньорита Йемана, Самка… Шагнув в подворотню, она наклонилась над трупом.

— Вставай, Дитя Крови.

Полусгнившие тряпки, пропитанные менструальной кровью, слизью и слюной, задвигались, собираясь в кучу и принимая прежнюю трёхмерную форму. Женщина протянула руки, и тряпичная кукла размером с грудного ребёнка шагнула к ней в объятия, нежно обвив руками шею.

— Бедный мой малыш. Тебе не дано было родиться нормально, и это моя вина. Теперь ты страдаешь. Ничего, мы что-нибудь придумаем.

Ребёнок завозился, прижимаясь к ней теснее. Женщина поворковала над ним немного, потом поставила на землю.

— Сначала заберём его силу, а то зря пропадёт, — сказала она, опускаясь на колени рядом с распростёртым телом.

Мужской член, до половины заросший волосами, виднелся из расстёгнутой ширинки. Женщина вытащила его наружу и сжала пальцами, на которых уже выступила чудодейственная слизь. Член мгновенно отвердел, блестящие зеленоватые ногти ярко выделялись на его бледной коже, словно жуки на кукурузном початке. Несколько мастурбирующих движений — и несчастный Гозо кончил в последний раз, выпустив длинную струю спермы, ловко пойманную

в воздухе языком-щупальцем. Лишь одна капля упала на землю. Женщина подобрала и её, затем встала и двинулась в глубь двора. Ребёнок затрусил следом, не отставая ни на шаг.

Поток гуляющей публики на улицах Кошачьей Головы практически иссяк. Держась в тени домов и прячась в подворотнях, фантастическая парочка легко оставалась незамеченной и через час уже добралась до цепочки араукарий, за которыми виднелась вывеска гостиницы «Ясный полдень». С той стороны послышались шарканье шагов. Женщина и её маленький спутник прижались к стволу дерева.

На дорожке, освещённой лунным светом, появился худой измождённый человек. Сгорбившись, будто придавленный невидимым грузом, он едва передвигал ноги, бормоча себе под нос:

— Герсина, зачем ты мучаешь меня? За что, за что? У нас долгие годы ничего не получалось, ну почему ты так упорствуешь? Это же глупо, глупо, ты просто разрушаешь нашу жизнь!

Мужчина двинулся дальше, явно не ожидая от конца своего пути ничего хорошего. Его безутешный монолог затих в темноте.

Две тени бесшумно скользнули следом.

Невзрачный домик на несколько семей стоял неподалёку от площади Глаза. Истоптанная глина двора была завалена гнилыми отбросами, на верёвках болталось ветхое бельё. Из окна первого этажа проливался слабый свет. Тощий человек

открыл скрипящую дверь и вошёл. В душной темноте гремел нестройный концерт ночных насекомых.

Горящая керосиновая лампа едва позволяла разглядеть певчих птиц на выцветших обоях. На комоде перед импровизированным алтарём с иконками святых и языческими идолами горела свеча. Рядом была приколота картинка, вырезанная из журнала: дети, играющие в саду. На аккуратно застеленной кровати лежала обнажённая женщина — кожа цвета чёрного шоколада, полные налитые груди, широкие бёдра. Обратив к потолку неподвижный взгляд, она лениво шевелила пальцами, лаская свой клитор.

В дверях показался светлокожий мужчина с унылым лошадиным лицом, заросшим щетиной. Одет он был в белую рубашку с галстуком-бабочкой, чёрный шёлковый жилет и тёмные брюки.

— Галено, как ты долго, я тебя жду не дождусь, — сказала женщина.

— Да-да, я знаю, Герсина. Только подожди ещё немножко, ладно? Сегодня вечером клиентов было видимо-невидимо, да ещё сеньор Кинкас всё время придирался. После того чудесного исцеления с ним что-то неладное творится. Я…

— Ты должен лечь со мной прямо сейчас, Гале-

но. Это твой супружеский долг, — невозмутимо прервала женщина его жалобы.

Галено со вздохом снял галстук и расстегнул ворот рубашки.

— Но мы были вместе сегодня утром и ещё раз днём перед работой. Неужели тебе всё ещё хочется?

— Ты же знаешь, дело совсем не в этом. Я хочу ребёнка, Галено.

Раздевшись, мужчина остался в широких трусах и майке. Его костлявые руки походили на стебли сельдерея.

— Послушай, мы старались много лет, и ничего не вышло. Может, нам пора смириться?

— Но моя сестра…

— Боже мой, женщина, оставь меня в покое со своей проклятой сестрой!

Закрыв руками лицо, Герсина залилась слезами. Галено сел на кровать, стальные пружины взвизгнули.

— Прости, прости, дорогая. Я сказал, не подумав. Пожалуйста, не плачь.

Вскоре он уже барахтался в объятиях супруги как одинокий солдат, окружённый ротой противника. По-прежнему лёжа на спине, полнотелая негритянка обхватила своего бледного партнёра

мощными ногами и спустила с него трусы, вытащив наружу член. Её голодная щель, влажно причмокивая, проглотила одну за другой две порции спермы, после чего у несчастного Галено принялись вымогать третью. Полностью лишившись сил, он наконец перевернулся на бок и мгновенно заснул.

Герсина лежала с закрытыми глазами, тоже постепенно погружаясь в сон. По лицу её блуждала удовлетворённая улыбка.

В окне мелькнули белоснежные ноги и бесшумно, как пёрышко, опустились на пол. Босая женщина в мужской одежде неслышно шагнула к кровати. Маленькое существо, подтянувшись, проникло в комнату следом за ней, неуклюже перевалившись через подоконник. Звук его падения был не громче, чем от кома грязного белья, скатившегося с лестницы. Белая женщина протянула руку к неспокойно ворочавшемуся Галено и дотронулась до его губ благословляющим жестом. Мужчина тут же затих. Незваная гостья перелезла через него и встала на колени возле Герсины. Та дёрнулась в испуге, широко раскрыв глаза.

— Кто вы? Убирайтесь отсюда! Галено! Галено!

Керри стянула рубашку через голову, открыв пышную грудь, и развязала верёвку на брюках.

Между её ног блеснула влажная полоска розовой плоти, обрамленная тёмным треугольником.

— Молчи! Твой муж не проснётся, пока я ему не разрешу.

Глаза негритянки ещё больше расширились.

— Женщина! Что тебе надо? У нас нет денег…

Вместо ответа незнакомка схватила её за ноги и подняла их, разводя в стороны и разглядывая роскошный тёмно-фиолетовый цветок ириса, на котором ещё остались молочно-белые капельки спермы.

— Ну что, Дитя Крови, она тебе нравится?

Тряпичный малыш, выглянув из-за края кровати, беззвучно кивнул.

— О Боже, что это? — в страхе воскликнула Герсина.

— Твой ребёнок.

Герсина попыталась позвать на помощь, но гостья проворно закрыла ей рот ладонью. Как ни странно, этого оказалось достаточно, чтобы лишить негритянку всякого желания сопротивляться. Опустив её ноги на матрас, Керри ещё шире раздвинула их своими коленями.

— Сначала мы удалим мёртвое семя твоего мужа и приготовим место для моего сына.

Она раздвинула рукой свои половые губы, за-

пустив вглубь пальцы, украшенные изящными ногтями нефритового опенка. Из влагалища медленно выдвинулась головка мощного пениса. Настойчиво массируя её, Керри вытянула член на всю длину, потом крепко обняла бёдра женщины под коленями и придвинулась к ней поближе. По пути член случайно задел гладкую кожу, немедленно присосавшись к ней своим крошечным отверстием. Керри пришлось освободить руку и довольно сильно дёрнуть, прежде чем он с отчётливым чмоканьем отпустил свою добычу.

Подведя свой небывалый всасывающий аппарат к половой щели, залитой смазкой, Керри осторожно ввела его головку внутрь. Член напрягся и запульсировал, гонкие кровяные жилки на его поверхности вздулись, выступая наружу. Вздрогнув, он, будто живой, без всякого видимого усилия со стороны своей хозяйки скользнул во влагалище. Пышные волосяные подушечки тесно прижались друг к другу. Керри наклонилась вперёд и впилась губами в губы Герсины, охваченной суеверным ужасом. Белые груди слились с чёрными, влажные ягоды сосков тёрлись друг о друга. Бёдра Герсины судорожно подёргивались, отражая внутренние движения.

Определив по только ей одной известным признакам, что работа закончена. Керри поднялась на колени. Мужской член уже куда-то исчез. Она подала руку тряпичному младенцу, который всё

это время внимательно наблюдал за подготовкой своего будущего человеческого обиталища, и помогла ему подняться на кровать.

— Прощай, мой малыш, удачи тебе, — шепнула она, погладив мягкую кукольную головку. Потом, на мгновение прижавшись губами туда, где у младенца должен был быть лоб, крепко сжала концы его рук и протолкнула получившийся мягкий комок во влагалище негритянки.

Разворачиваясь, ткань начала втягиваться внутрь, исчезая между половыми губами, словно отжимаемое бельё между валиками: сначала руки, потом голова, потом остальное тело. Последними, брыкнувшись раз-другой напоследок, внутрь втянулись тряпичные ноги. Живот Герсины, начавший разбухать с самого начала, теперь надулся как шар. Пупок вывернулся наружу, как при девятимесячной беременности. Керри немного помассировала живот круговыми движениями, и женщина крепко уснула.

— Побудь там немножко, Дитя Крови. Отрасти себе белые кости, красную плоть и чёрную кожу. Пусть твоё сердце надёжно укроется за крепкими рёбрами, а мозг — в черепной коробке, а не под слоем мягкой ткани. Потом появись на свет, как обычный младенец, люби свою приёмную мать,

а меня забудь навсегда.

Снова облачившись в рубашку и брюки, она перемахнула через подоконник и двинулась навстречу восходящему солнцу.

В течение нескольких часов тишину в комнате нарушало лишь ровное дыхание супругов. Галено проснулся первым. Жена лежала на боку, повернувшись спиной. Он положил руку ей на плечо.

— Герсина, глянь в окно, уже совсем светло. Похоже, мы с тобой проспали.

Женщина грузно перевернулась на спину будто кит, играющий на волнах. Её умиротворённое лицо светилось радостью. Галено потерял дар речи от изумления.

— Будущей матери не грех и поваляться немного, — капризно проговорила она.

— Боже праведный! Что же я наделал!

— Ты сделал то, о чём я просила. Положи руку вот сюда. Чувствуешь, как брыкается наш малыш?

Всё ещё изумлённо качая головой, Арлиндо Кинкас вышел на широкую веранду, окружённую живой изгородью. Не обращая внимания на приветствия друзей и знакомых, лица которых выражали любопытство, а то и обиду, он стал энергично протискиваться между столиками, направляясь туда, где как обычно развалилась

на плетёных стульях компания бездельников. Обеденное время подходило к концу, и огромное блюдо с жареными козьими рёбрышками, стоявшее в центре стола, было уже почти пусто. На тарелках лежали горы костей, по которым можно было легко определить, кто их оставил. Толстый Иво мог похвастаться самой большой кучей. Рикардо, самый старший и рассудительный, разложил чисто обглоданные рёбрышки аккуратными рядами. Тощий Эштевао лишь слегка обкусал мясо, оставив почти всё на костях. Перед пронырливым Януарио лежало беспорядочное крошево — казалось, тут поработали зубы жадной гиены. Желторотый Белмиро сложил из косточек игрушечную пагоду.

Добравшись до столика, Кинкас сразу потерял всю свою энергию, как морской шквал, залетевший на сушу. Тяжело отдуваясь, он упал на стул, сразу оказавшись в центре внимания пятёрки завсегдатаев.

— Что с вами, друг мой?

— Не вешайте нос, жизнь прекрасна!

— Мои комплименты повару — рёбрышки были великолепны.

— Выпьете с нами, Арлиндо?

— Эй, Арлиндо, неужели опять ведьма?

Кинкас удостоил ответа лишь две последних реплики. Приняв запотевший стакан, он мрачно кивнул.

— Да. Похоже, сеньорита Йемана снова дала о себе знать.

Кинкас принялся излагать фантастическую историю, услышанную от бармена, который только что приступил к своим обязанностям за стойкой. Одни слушатели глубокомысленно кивали, другие ахали от изумления. Когда рассказ был окончен, они накинулись на хозяина гостиницы, перебивая друг друга.

— Значит, Галено так и не удалось узнать, что на самом деле случилось ночью? — прищурился Януарио. — Уж я бы выбил из неё всю правду!

— Такое внезапное ускорение событий едва ли принадлежит к разряду чудес, — заметил Рикардо. — Известно, например, что конский волос, упавший в застоявшуюся лужу, уже к следующему утру превращается в некую разновидность червя.

— А что вообще даёт вам основание полагать, что тут замешана та самая ведьма? — спросил Белмиро. — У вас есть какие-нибудь доказательства?

— Нет, конечно, — покачал головой Кинкас. —

Галено о ней ни разу не упомянул. Однако оба случая настолько похожи, что вывод напрашивается сам собой. Отросшая рука, мгновенная беременность — кто ещё мог бы такое сделать? Увы, бедняга Галено никак не может иметь к этому отношения, все уже сто лет знают, что он бесплоден.

Иво любовно погладил свой круглый живот.

— Ну, Арлиндо, мне, пожалуй, стоит держаться подальше от вашей бывшей подружки. Если сюда запихнуть ещё и младенца, я, пожалуй, не потяну.

— Так что теперь, Арлиндо? — спросил Рикардо, когда общий смех замолк. — Собираетесь прочёсывать Кошачью Голову в поисках вашей любовницы?

— Нет, она. наверное, уже далеко. Уж я-то знаю её беспокойную натуру. Вряд ли кто-нибудь может предсказать, где она появится в следующий раз.

— Может быть, в вашей постели? — хихикнул Януарио.

— Если повезёт, — ехидно кивнул Белмиро. — Нет уж, играть надо наверняка, уважаемый сеньор Арлиндо. В эту пятницу в блистательном и гостеприимном заведения сеньоры Граки вы

получите всё, что ваша душа только способна пожелать!

Скривившись, Кинкас застонал, будто от зубной боли.

— В том-то и вся проблема… — Он осторожно огляделся и продолжал, понизив голос. — Как раз в пятницу я приглашён к сеньору Реймоа. Он празднует день рождения и первый выход в свет сеньориты Дарсианы.

Толстый Иво презрительно фыркнул.

— Так вы предпочитаете тоскливую компанию юнцов и их высохших матерей любовным утехам с целым выводком свеженьких красоток из прославленных Трёх Озёр? Скучный фуршет с лимонадом вместо пышных задниц и доброй выпивки, и всё из-за миллионов, которые этот ваш бандит имеет на своём счету!

— Если не считать того, — веско добавил Януарио, — что обидеть Овида Реймоа обычно означает расстаться с немаловажной частью тела.

— Вот именно! — воскликнул Кинкас. — Мне вовсе не улыбается провести пятницу с выводком школьниц и сморщенными дуэньями, но нанести оскорбление дому Реймоа… Я не знаю, что меня ждёт, даже если приду, а уж если нет… Что же мне делать, друзья мои? Как быть?

— Положение, в котором оказался наш друг, напоминает мне один случай, о котором я узнал от деда, — вступил в разговор тиши Эштевао, который до сих пор молчал. — Пожалуй, вам будет интересно послушать.

Его собеседники одобрительно закивали.

— В то время в Баии жил некий Синвал Томоз, — начал Эштевао свой рассказ. — Дед часто упоминал о нём, потому что хранил деньги в его банке, и ещё потому, что эта странная история наделала тогда много шума. Так вот: подобно многим из нас, Томоз содержал любовницу. Однако его жена с большим предубеждением относилась к этому полезному и разумному обычаю и постоянно прибегала ко всяким ухищрениям, чтобы лишить Томоза возможности встречаться с его молодой красоткой. На несчастного градом сыпались всевозможные поручения по хозяйству, ему навязывались поездки, походы в гости и всё такое прочее — в результате ему удавалось навещать свою очаровательную подружку не чаще, чем раз в неделю. Томоз не знал, что и делать. Он перепробовал все хитрости, к которым прибегали неверные мужья со времён сотворения мира, но всё без толку. Наконец он решил прибегнуть к магии. В те времена, как, должно быть,

помнит старший из нас, уважаемый Рикардо, у дверей каждой лавки обязательно стояла статуя индейца, вырезанная из дерева в натуральную величину. Индеец обычно держал в руках связку сигар, рулон ткани, кастрюлю — в зависимости от того, чем торговали внутри. Вы не поверите, но таким примитивным способом наши предки рекламировали свои товары до появления радио! Короче, Томоз выбрал самого талантливого из мастеров, вырезавших деревянные фигуры, и пришёл к нему с необычной просьбой: сделать изображение самого Томоза, и как можно более похожее. Мастер трудился полгода, получил хорошие деньги и обещал никому не говорить о странном заказе. Когда статуя была готова, Томоз погрузил её в повозку, взял с собой запасную смену одежды и отправился в джунгли к индейскому колдуну. Тот с помощью ритуалов, заклинаний и не знаю уж каких ещё хитростей — в общем, оживил статую. Томоз надел на неё свой костюм и повёз обратно. Он вернулся в город ночью, подъехал к своему дому, где жил с женой — детей у них не было — и послал к ней вместо себя двойника, а сам, довольно потирая руки, не теряя ни минуты отправился к своей возлюбленной. Так продолжалось недели две. Поддельный

Томоз, получив чёткие указания от настоящего, каждое утро выходил из дома и отправлялся будто бы на работу. В условленном месте хитрый банкир встречал двойника и запирал в дровяной сарай, а вечером выпускал. На следующий день всё повторялось, и могло повторяться сколько угодно, если бы однажды какие-то сорванцы не взломали дверь и не выпустили деревянного человека. Вечером Томоз, как обычно, явился за своим заместителем и обнаружил, что сарай пуст. Ничего не поделаешь — пришлось ему идти к законной супруге, а ведь он не видел её с того дня, как уехал к колдуну. Жена встретила его на пороге, кинулась на шею и с ходу засунула кончик языка ему в ухо. «О, Синвал, — страстно прошептала она, — я так соскучилась! Ну пойдём же скорей в постель!». Томоз был вне себя от изумления — от таких нежностей со стороны жены он давно уже отвык. С трудом отлепив её от себя, он сбивчиво пробормотал что-то про срочные дела в банке и кинулся в дом любовницы, предчувствуя недоброе. Порвавшись в своё любовное гнёздышко, банкир обнаружил следующую картину. Его женщина стояла на четвереньках, подставив по-собачьи зад, и корчилась в оргазме, изрыгая непристойности, что было на неё совершенно

не похоже, в то время как фальшивый Томоз держал её за ляжки и наяривал что есть мочи. Взбесившийся банкир грубо оттащил наглого самозванца — и тут половой член статуи показался во всей своей красе. Обтянутый мягкой кожей, но всегда твёрдый, как и положено дереву, он был чудовищных размеров. За такую игрушку любая женщина пошла бы на убийство! Очевидно, услужливый скульптор решил таким образом польстить выгодному заказчику, однако услуга, как вы уже, наверное, поняли, оказалась медвежьей. Когда поражённая любовница поняла в чём дело, как вы думаете — кого она предпочла? Ну конечно же, двойника! Так прямо об этом и сказала. Томоз, конечно, выдал ей по первое число, а потом уныло поплёлся к жене и признался в своём обмане, сдавшись ей на милость. И что бы вы думали? Не сказав ни слова, жена тут же кинулась вон из дома. Несчастный банкир без сил упал в кресло и приказал подать себе бутылку и стакан. Через полчаса ему доложили, что жена и любовница устроили потасовку прямо на городской площади и рвут друг другу волосы, доказывая свои права на деревянную куклу! На это Томоз лишь пожал плечами: «Если мой двойник справится и с той и с другой, то пускай забирает

обеих». Услышав о таком соломоновом решении, женщины вмиг перестали драться, обнялись и сквозь слёзы поклялись друг другу и вечной дружбе. Потом собрали свои пожитки и вместе с гордо ухмыляющимся истуканом отправились жить на другой конец Баии, где об их прошлом никто ничего не знал.

Когда Эштевао закончил свой рассказ, друзья некоторое время молчали, переваривая услышанное. Наконец хозяин гостиницы нарушил тишину.

— Ну, и в чём же мораль этой невероятной истории? Или вы предлагаете мне вырезать такого же деревянного болвана и отправить вместо себя на приём?

— Нет, конечно, — усмехнулся Эштевао. — Я всего лишь хотел указать на опасности, которым подвергается человек, когда решает прибегнуть к помощи сверхъестественных сил. Если бы вы с самого начала не поддались чарам вашей ведьмы и не пустили её в свою постель, то не попали бы под колпак к Реймоа. Вам не пришлось бы поздравлять эту спесивую распутницу Дарсиану и мы спокойно могли бы всей компанией предаться невинным развлечениям в борделе.

— Как вы смеете обвинять сеньориту Йеману,

которой я обязан новой рукой! — взорвался Кинкас. — Смотрите, чтобы я не расквасил этой самой рукой вашу сморщенную физиономию!

— Ну, ну, друзья мои! — вмешался мудрый Рикардо. — Ведь вся проблема не стоит выеденного яйца. Детский праздник никак не может продолжаться допоздна, а наши постельные игры в доме сеньоры Граки едва начнутся к полуночи. Не волнуйтесь, Арлиндо, идите спокойно к Реймоа, а потом присоединяйтесь к нам и наслаждайтесь всей полнотой жизни.

Лицо Кинкаса просияло.

— И вправду, почему бы и нет? Какой же я осёл! Запросто успею и то, и другое.

Под дружный хохот собутыльники принялись

хлопать его по спине, и только угрюмый Эштевао недоверчиво покачал головой.

— Такие слова я слышал от многих, однако излишняя самоуверенность никогда ещё не доводила до добра.

На середине крутого подъёма подвесной вагончик, ярко размалёванный красным, жёлтым и оранжевым, разминулся, глухо задребезжав, со своим спускающимся двойником. Внизу расстилался покрытый густой зеленью склон горы, на котором, словно экзотические пирожные, красовались богатые особняки. Борта кабинки были облеплены людьми. Пристроившись на подножках и цепляясь за медные поручни, они с завистью поглядывали на счастливцев, занявших места внутри. За некоторыми исключениями, публика там резко отличалась: это была по большей части домашняя прислуга, разряженная в красочную униформу, в то время как снаружи преобладали незатейливые костюмы садовников, конюхов, лесорубов, кочегаров и прачек.

Достигнув вершины, вагончик остановился. Стыковочные защёлки глухо лязгнули в пылком стальном поцелуе. Ожидавшие своей очереди спуститься, которых в этот ранний утренний час было немного, устало кучковались поодаль,

давая выгрузиться новой смене. Те, кто висел по бортам, спрыгнули первыми и по дорожкам, обсаженным высоким кустарником, откуда доносились резкие крики попугаев, разбрелись по своим кухням, прачечным, клумбам и конюшням. Внутренние пассажиры спустились следом, подождав, пока сложится гармошка двери.

Молодая женщина, уверенно ступившая на деревянную платформу, выделялась среди своих соотечественников уже своими густыми огненно-рыжими волосами, собранными в увесистый пучок. Её гладкая светлая кожа с лёгким оливковым оттенком резко контрастировала с лицами цвета красноватой глины, преобладавшими в толпе пассажиров. Пышное мускулистое тело с высокой полной грудью и массивными бёдрами смотрелось несколько странно в скромном белом костюме горничной с высокими чулками и благопристойными чёрными туфлями, начищенными до зеркального блеска. Слегка изогнув губы в сдержанной улыбке, рыжеволосая красавица уверенно шагала по тенистой дороге, извивавшейся среди остролистых пальм и палисандровых деревьев. Время от времени из-за высоких кованых оград раздавался лай сторожевых собак. Няньки и гувернантки катили на колясках или вели за руку

своих малолетних питомцев. Рабочие с метлами и совками толкали тачки с конским навозом, накопившимся за вчерашний день на узких улицах, усыпанных гравием. Вежливо приветствуя всех встречных, женщина в белом дошла до высоких ворот, увенчанных заострёнными пиками. На металлической доске красовалась надпись: «ДОМ РЕЙМОА». Между прутьями ограды торчал раструб переговорного устройства. На той стороне труба уходила в землю и вела, по-видимому, внутрь дома. Приблизив вплотную к воронке полные ненакрашенные губы, женщина представилась:

— Маура Колапьетро, пришла на работу. — Сделав паузу, она добавила: — Я сегодня в первый раз.

Никакого ответа из трубы не последовало, вместо этого за оградой послышалось шарканье ног и показался пожилой сторож. Он отпер калитку тяжёлым ключом размером с собачью ногу, пропустил Мауру и молча указал ей на дверь чёрного хода.

В прихожей за дверью стояла женщина средних лет, одетая во всё чёрное. Её суровое угловатое лицо и жёсткий взгляд не обещали приятного разговора, каковое впечатление никак не мог-

ли ослабить густые серые волоски над верхней губой.

— Сеньорита Колапьетро, вы чуть не опоздали!

— Я пришла вовремя, сеньора Соареш.

Глаза гарпии сверкнули хищным огнём.

— Здесь я решаю, что бывает вовремя, а что не вовремя, заруби это себе на носу, соплячка! Будешь приходить за пятнадцать минут до начала смены, чтобы я могла посмотреть, в каком ты виде.

— Тогда мой рабочий день будет начинаться не в восемь, а в семь сорок пять. Могу я рассчитывать на дополнительную плату?

— Ещё чего! Какая наглость! Вот что бывает, когда иностранцев берут на работу вместо коренных горожан. Если бы тебя не наняла сама сеньорита Дарсиана, я бы дала тебе пинка под зад!

— Прошу прощения, сеньора Соареш, — попыталась Маура умилостивить грозную начальницу. — Я всего лишь хотела уточнить условия работы. У кого же спрашивать, как не у вас?

Сеньора Соареш фыркнула, с презрением отвергая предложенное перемирие.

— Надевай-ка передник и перчатки, будешь чистить столовое ребро, которое я выложила в

буфетной. И держи ухо востро — хозяйка и любой момент может тебя вызвать. Запомни: малейшая прихоть сеньориты Дарсианы важнее всех твоих дел.

— Слушаюсь, сеньора.

Вспомнив о своём намерении оценить внешний вид новой служанки, Соареш придирчиво окинула её взглядом с ног до головы и нехотя буркнула:

— Ну что ж, одежда у тебя чистая, и мылась ты вроде не так давно. А что, ничего побольше размером не нашлось? Застёжки вон — того и гляди лопнут.

— Я всегда ношу этот размер, сеньора.

— Оно и видно. А что у тебя с волосами? Ты что, их красишь?

— Нет, что вы.

— Кому могут понравиться рыжие волосы?

— Мне, сеньора.

Решив, видимо, что дальнейшие пререкания могут нанести ущерб её авторитету, сеньора Соареш сердито проворчала:

— Ладно, иди работай, нечего тут прохлаждаться.

Обнаружив в буфетной гору серебра, которой бы позавидовал турецкий султан, Маура натя-

нула перчатки и принялась начищать ложки и вилки, морща нос от едкого запаха абразивной пасты. Около одиннадцати её вызвали на кухню. Мрачный шеф-повар, затянувшись сигаретой, указал ей на большой поднос с горой разнообразных пирожных и стопкой тарелок. Рядом на подносе меньших размеров стоял кофейник, чашки, кувшинчик со сливками и сахарница.

— Сеньорита Дарсиана желает подкрепиться. Наша принцесса сегодня претерпевает адские мучения, и ей необходимо восстановить силы.

Маура окунула палец в миску со взбитыми сливками и сунула в рот, задумчиво выпятив губы.

— У неё что, занятия?

— Как же, жди! — расхохотался повар. — С тех пор, как умерла мать, дочка вытворяет что ей заблагорассудится, а уроки стоят далеко не на первом месте в её списке любимых развлечений.

— А что случилось с сеньорой Реймоа?

С опаской оглядевшись по сторонам, повар прошептал:

— Умные люди здесь об этом не говорят.

— Понятно, — кивнула Маура. — Так чем же всё-таки занята наша маленькая принцесса?

— Примеряет платье для завтрашнего бала.

— Это так мучительно?

— Для Дарсианы — да. Ну что, донесёшь оба или позвать кого-нибудь на помощь?

Маура подняла большой поднос на уровень плеч, потом, сдвинув одну руку к его центру, освободила другую и легко подобрала маленький.

— Ну и мышцы у тебя, — усмехнулся шеф-повар. — А ноги как — тоже в порядке?

- А вот этого тебе этого никогда не узнать, — ответила она с притворной чопорностью, благосклонно принимая игривый щипок.

Осторожно ступая, Маура поднялась по мраморным ступеням, застеленным ковровой дорожкой, и оказалась в коридоре второго этажа, который вёл в заднюю часть дома. Уверенно, будто жила всю жизнь, она миновала десяток закрытых дверей и остановилась у предпоследней, тихонько постучав в неё носком туфли.

— Входите! — голос принадлежал девочке-подростку, однако в нем явственно слышались стальные нотки.

— У меня заняты руки, сеньорита. Не могли бы вы открыть дверь?

— Мэй-Мэй! Положи булавки и пойди открой!

За распахнувшейся дверью стояла китаянка. Она была немного старше Мауры, но моложе

сеньоры Соареш и могла похвастаться большинством привлекательных черт, свойственных её расе. Чёрные раскосые глаза, красиво очерченные алые губы, золотистая кожа, длинные блестящие волосы цвета воронова крыла. Голубое шёлковое платье с разрезом сбоку было украшено затейливой вышивкой и дополнялось изящными туфельками на высоком каблуке.

Мэй-Мэй отступила в сторону, пропуская Мауру, и закрыла дверь.

— Запри эту чёртову дверь, чтобы нас больше не беспокоили! — приказала Дарсиана.

Поставив подносы на резной буфет, Маура повернулась к своей новой хозяйке.

Половину спальни занимала огромная кровать с пологом, окруженная комодами, гардеробами и туалетными столиками. Дарсиана Реймоа стояла полуодетая в центре комнаты на мягкой скамеечке, обтянутой малиновым бархатом и Мауре пришлось смотреть на неё снизу вверх. На девушке была кремовая хлопковая комбинация от плеч до середины бёдер. Под этим целомудренным покровом её тело с неразвитой грудью и узкими бедрами казалось совсем детским. Голые босые ноги также были ещё далеки от совершенства. Густые каштановые волосы спускались до поло-

вины спины. Узкое остроносое лицо нисколько не походило на грубую физиономию отца, однако холодный взгляд и поджатые губы свидетельствовали о таком же упрямстве и силе воли.

Рядом со скамейкой стоял безголовый манекен, на котором было надето пышное праздничное платье, всё в бантах и вышивке. Мэй-Мэй, уже успевшая вернуться к своим обязанностям портнихи, старательно орудовала иголкой с ниткой.

— Налей мне кофе, Маура, и принеси сюда, — снова подала голос Дарсиана.

— Как вы предпочитаете, сеньорита?

— По-арабски, крепкий и послаще.

Положив в чашку сахар, Маура подала сё хозяйке. Глядя в глаза новой служанке, Дарсиана сделала большой глоток и поставила чашку на блюдце.

— Мэй-Мэй, — обернулась она к китаянке. — я слезаю. Мне надо отдохнуть от твоего тиранства.

Портниха почтительно кивнула, но не сказала ни слова. Дарсиана спрыгнула со скамейки. Она была на голову ниже обеих женщин, однако держалась с такой непоколебимой властностью, не соответствовавшей возрасту, что, казалось, по-прежнему возвышается над ними.

— Ну что, Маура, как тебе понравился первый

рабочий день?

— Спасибо, сеньорита, всё очень хорошо, хотя сеньора Соареш, конечно, сущий дракон.

— Пока ты у меня в милости, можешь не обращать внимания на эту высохшую сучку. Лаудалина Соареш всем обязана моему отцу и ни за что не решится меня огорчить. Много лет назад папа спас её от нищеты. Её мужа убили наши враги, но папа потом их всех уничтожил, когда началась большая война за золотые прииски Минас Жераиш.

— Печальная история.

— Да, невесёлая, — кивнула Дарсиана. — У нас с папой вообще очень доброе сердце, и мы с состраданием относимся к простым людям. Я и сама уже успела спасти некоторых несчастных. Взять хотя бы Мэй-Мэй. — Дарсиана кивнула на китаянку, которая продолжала возиться с платьем. — Там у себя в Китае она осталась сиротой во время боксёрского восстания, и миссионеры вывезли её и нескольких таких же беспризорников в Баию. Но и тут всё было не гладко. То ли под давлением обстоятельств, то ли в силу собственных наклонностей она занялась проституцией. Не так ли, Мэй-Мэй?

Подняв голову от шитья, портниха бесстрастно

кивнула. Дарсиана продолжала:

— Мне рассказали о ней мои братья, Эрмето и Жетулио. Ты их уже видела?

— Нет, сеньорита.

— Ну, ничего, скоро увидишь. В общем, как только я узнала, то сразу решила что-нибудь сделать. Выкупила Мэй-Мэй из публичного дома и отправила на год учиться шить. Теперь у меня есть свой персональный модельер.

— Очень благородно с вашей стороны, сеньорита.

— Да, я тоже так думаю. И твоё положение вызвало во мне такие же чувства, хотя ты, конечно, оказалась покрепче Мэй-Мэй.

— Да, мне тоже в своё время пришлось не сладко. Судьба меня с самого детства не баловала.

Дарсиана допила кофе и протянула Мауре чашку с вязкой жижей нерастворившегося сахара на дне. Коснувшись пальцев служанки, она долго не отпускала руку.

— Пираты, говоришь? — она театрально передёрнула плечами. — Расскажи ещё раз.

Маура охотно принялась излагать свои приключения.

— Я дочь бедного рыбака из Бриндизи. Когда мне было двенадцать лет, моих родителей и всех

жителей деревни убили турецкие пираты, а меня увезли с собой. Это были настоящие звери, грязные, заросшие бородами — они плавали по всему Средиземноморью и везде, где только удавалось, грабили, жгли и насиловали. Я много лет служила им игрушкой для удовлетворения самых грязных желаний. Потом, наконец, возле Азорских островов, они наткнулись на португальский дредноут и получили по заслугам. В Бриндизи у меня никого не осталось, и я села на корабль, отплывавший в Баию. Здесь и осталась, подрабатывала чем могла, в последний раз, когда вы меня увидели, чистила рыбу на рынке — этому я научилась ещё в детстве.

— Значит, ты чувствуешь себя в долгу передо мной?

— Конечно, сеньорита.

— Я рада это слышать. Налей мне ещё кофе, Маура, и вам с Мэй-Мэй тоже.

— Спасибо, сеньорита. Мэй-Мэй, тебе с сахаром?

За портниху ответила Дарсиана:

— Она пьёт некрепко и без сахара, и сказала бы об этом сама, если бы бунтовщики там, в Китае, не отрезали ей язык. Покажи, Мэй-Мэй.

Красавица-китаянка послушно раздвинула челюсти, продемонстрировав влажно блестящую розовую пещеру, лишённую своего законного обитателя. Маура заглянула туда с интересом, но без особого страха, как будто ей приходилось наблюдать вещи и похуже. Мэй-Мэй снова сомкнула губы, искривив их в печальной улыбке.

— Понятно, что такой физический недостаток, — продолжала Дарсиана, — мешал Мэй-Мэй выполнять некоторые обязанности, связанные с её старым ремеслом, но она научилась с успехом это компенсировать, о чём свидетельствует её образцовый послужной список.

Китаянка отложила иголку и взяла чашку с кофе. Маура повернулась к хозяйке.

— Наверное, вам приходилось протягивать руку помощи и индейцам, сеньорита.

— Этим грязным дикарям? Тьфу! — Дарсиана сплюнула на пол. ещё чего! Я сочувствую только представителям цивилизованных рас.

Маура взяла кофейник и стала наливать себе. Некоторое время все трое, устроившись в мягких креслах, молча наслаждались напитком. Потом Дарсиана заговорила:

— Какой крепкий! Я даже вспотела. Вам тоже, наверное, жарко. Мэй-Мэй, я разрешаю тебе

немного расслабиться.

Мэй-Мэй поднялась на ноги и расстегнула застёжки на спине. Узкое шёлковое платье упало к ногам, собравшись вокруг туфель на высоких каблучках. Её сияющее тело золотисто-медового оттенка прикрывала лишь полоска ткани, поддерживавшая изящные небольшие груди, и свободные трусики.

Глаза девушки заблестели.

— Теперь ты, Маура.

— Но… моя скромная должность требует соблюдения приличий. Что, если кто-нибудь застанет меня в таком виде?

— Здесь моё слово — закон. Твоя работа состоит в том, чтобы во всём мне подчиняться.

Маура казалась не слишком обеспокоенной, как будто возражала лишь для проформы.

— Слушаюсь, сеньорита.

Пышное тело Мауры находилось на дальнем краю спектра, в котором Мэй-Мэй занимала середину, а незрелые формы Дарсианы — другой конец. Корсет из китового уса заканчивался чуть ниже её пупка, уступая место густым зарослям янтарно-морковного цвета, не прикрытым никакой тканью.

— Вот теперь я чувствую себя куда свобод-

нее, — объявила Дарсиана. — Не к лицу хозяйке находиться полураздетой рядом со своими служанками — если, конечно, они сами не в том же виде. Маура, принеси нам пирожные.

Соблазнительно колыхая полными тугими ягодицами, Маура подошла к буфету и вернулась с большим блюдом. Дарсиана выбрала эклер, поднесла длинную наполненную кремом трубочку ко рту и слегка надкусила.

— Очень похоже на член, правда, девочки? Мэй-Мэй, сними трусики и стань одной ногой на скамейку.

Китаянка повиновалась, открыв для обозрения изящную розовую щель, обрамлённую чёрными, аккуратно подстриженными волосами. Один высокий каблучок глубоко впечатался в малиновый бархат, другой твёрдо стоял на полу. Дарсиана опустилась рядом на колени, держа в руке эклер. Глаза её горели от возбуждения.

— Открой свою щёлку для этой сладкой палочки, моя милая потаскушка!

Мэй-Мэй раздвинула пальцами половые губы, расширив отверстие. Маура невольно подалась вперёд, её дыхание участилось. Осторожно вставив кончик пирожного во влагалище, Дарсиана начала медленно поворачивать туда-сюда по-

крытую мягким шоколадом трубочку задвигая её всё глубже и оставляя на губах жирный коричневый след.

— Приготовься, Мэй-Мэй, — хихикнула она, когда эклер исчез на две трети. — Попробуй, как он кончает. — Взявшись за открытый конец пирожного, она резко сжала его в руке.

Ощутив внутри себя холод выстрелившей начинки, немая китаянка издала нечленораздельный возглас. Дарсиана вытащила искалеченный эклер и с видимым наслаждением провела по нему языком, роняя капли влагалищной смазки, смешанной с шоколадом и кремом. В углах её рта застряли крошки заварного теста. Затем малолетняя владычица дома Реймоа повернулась к Мауре. Та уже сбросила корсет и с затуманенными глазами упоённо ласкала свои набухшие соски.

— Твоя очередь, озорница. Ложись на ковёр.

Опрокинувшись на спину, Маура широко развела колени, выставив вперёд и заставив раскрыться свой жаркий ярко розовый цветок, сверкающий капельками росы. Дарсиана взяла с подноса второй эклер и разыграла ещё один оргазм.

— Ни одной капли этой драгоценной спермы

не должно пропасть! — распорядилась Дарсиана. — Тебе, Маура, придётся поработать своими великолепными мышцами, чтобы помочь Мэй-Мэй. Впрочем, хоть у вас и один язык на двоих, остаются ещё пальцы.

Сеньорита Реймоа поставила китаянку на колени над лежащей Маурой. Полоса тонкой ткани соскользнула с золотистого тела, обнажив торчащие соски цвета заходящего солнца.

— Давай, и чтобы всё дочиста!

Приблизив лицо к раскрытым ягодицам Мэй-Мэй, Дарсиана не отрываясь наблюдала, как длинный бархатный язык служанки снова и снова раздвигает кончиком половые губы и углубляется во влагалище, зачёрпывая бело-коричневую поддельную сперму.

— Ну что ж, для начала неплохо! Теперь ты, Мэй-Мэй. Иди сюда, я покажу, как это делается.

Она глубоко запустила средний палец во влагалище Мауры, извлекла его, весь покрытый кремом и слизью, сунула в рот китаянке и стала медленно вытягивать, оставляя всё, что было на нём, за сомкнутыми губами.

Прижавшись друг к другу в позе 69, Мэй-Мэй и Маура принялись увлечённо поедать лакомый десерт, всё больше теряя контроль над собой.

Дарсиана увлечённо прыгала вокруг них, рассматривая с разных сторон и время от времени помогая и советуя. Однако она ни разу не прикоснулась к себе, нисколько не стараясь возбудиться сильнее — видимо, с целью сохранить свою руководящую роль.

Увидев, что женщины приближаются к оргазму, Дарсиана подскочила к столику, выхватила из коробки со швейными принадлежностями длинную иглу и, встав над китаянкой, воткнула ей в ягодицу. Мэй-Мэй глухо вскрикнула, продолжая исступлённо сосать влагалище Мауры и копаться в нём пальцами. На медовой коже выступила алая капелька крови.

— Вы в руках у пиратов, девочки, — объявила сеньорита Реймоа. — Покажите себя как следует, и тогда они, может быть, пощадят вас!

Повинуясь больше своим желаниям, чем театральной угрозе Дарсианы. партнёрши принялись сосать и лизать друг друга с удвоенной энергией. Иголка продолжала то и дело втыкаться в зад Мэй-Мэй, который весь покрылся красными точками. Наконец алые капли стали сливаться, и в щель между ягодицами потекли кровавые струйки.

— Лижи, Маура! — взвизгнула Дарсиана.

Обратив к хозяйке широко раскрытые глаза, служанка стала собирать кровь языком, покрытым сладкой коричневой жижей.

Женщины кончили одновременно, рыча и испуская дикие вопли. Мэй-Мэй без сил упала на тело Мауры. Несколько мгновений они тяжело дышали, потом со стоном отделились друг от друга.

Дарсиана стояла над ними с царственным видом, сложив руки на узкой груди.

— Разрешите нам теперь удовлетворить вас, сеньорита, — предложила Маура с наивным ве-

ликодушием.

— Что? И не думай об этом! — резко бросила сеньорита Реймоа. — У меня есть свои способы развлекаться. От вас мне сейчас нужно только одно: немедленно приведите себя в порядок и приберитесь в комнате. И чтобы никаких пятен крови на ковре! Если увижу хоть одно, вы обе сильно пожалеете.

Как была, в одном нижнем белье, она выскочила из спальни и побежала босиком по коридору вдоль ряда закрытых двойных дверей. Остановившись у одной из них, надавила на массивную бронзовую ручку и вошла.

Библиотека дома Реймоа представляла собой просторную комнату высотой в два этажа. Паркетный пол был натёрт до блеска, вдоль стен стояли стремянки на колёсиках и тянулись полки с книгами в одинаковых переплётах, стыдливо прячущими неразрезанные страницы. В центре комнаты на большом ковре овальной формы стоял стол для чтения с мраморным верхом, демонстрировавший раскрытую библию на подставке, и несколько роскошных кожаных кресел с высокими спинками. На двух из них, с почти непристойным самодовольством попыхивая душистыми сигарами и потягивая масляни-

стую жидкость из бокалов, развалилась парочка молодых людей. Примерно одного возраста, лет двадцати пяти, они были чисто выбриты и демонстрировали родственную близость черт — гранитные подбородки, выступающие скулы и голубые глаза. Различались лишь волосы: у одного белокурые, у другого — тёмно-каштановые. Молодые люди о чём-то горячо спорили, перебрасываясь репликами между затяжками, и не сразу заметили вошедшую девушку. Наконец блондин воскликнул, вглядевшись сквозь густую пелену дыма:

— Эрмето! Кажется, очаровательная сестрица решила порадовать нас своим визитом, и как раз вовремя! Вот она-то и разрешит наш спор.

— Удачные мысли всегда приходят к тебе первому, Жетулио. Дарсиана, дорогая, посиди с нами!

Хищно улыбаясь, словно ростовщик, которому просрочили платеж, Дарсиана скользящей походкой приблизилась к братьям. Она томно опустилась на колени к Эрмето, обняв его за шею, потом закинула ноги на колени Жетулио. Оба мужчины довольно рассмеялись. Эрмето поднёс свой бокал к губам девушки. Отхлебнув крепкого рома, она покатала его во рту, потом проглотила. Жетулио наклонился и смахнул с её губ крошки

от пирожного.

— Всё лакомишься сладеньким, сестричка?

— Как всегда, — подмигнула Дарсиана. — Послушайте, что я вам расскажу…

Подняв руку, Эрмето остановил её.

— Одну минуту. Сначала ты должна нас рассудить. Ну-ка, младший, дай сюда газету!

Жетулио взял со стола номер «Вестника Севера», открытый на расписании скачек, и подал ему со словами:

— Кстати, хоть я и не большой любитель всяких выдуманных рассказов, но хочу обратить твоё внимание на один из сегодняшнего номера. Странная история, и жутковатая, просто мороз по коже. Могу поспорить, что она сделает имя этому Сабино.

— Спасибо, братец, как-нибудь прочту, если руки дойдут. — Эрмето подал газету Дарсиане и указал пальцем на строчку. — Так, сестрица, слушай внимательно. Сегодня мы собираемся поставить тысячу когтей в первом заезде на Самбадроме. Мой младший брат выбрал клячу с дурацкой кличкой «Шоколадная Женщина», а я, как старший и более мудрый, предлагаю «Королеву Карнавала». Уступать никто из нас не хочет, так что решать придётся тебе.

— Шоколадная Женщина! — не раздумывая, выпалила Дарсиана.

— Ах ты, предательница! — Резко выпрямившись, Эрмето подбросил девушку на коленях, будто собираясь скинуть на пол. Дарсиана взвизгнула и вцепилась в него. — Кто тебя поил ромом, он или я? Ладно, ничего не поделаешь, придётся следовать твоему капризу. Но всё-таки, почему ты так решила?

— Знак свыше. Я только что пробовала киски у двух женщин, перемазанных в шоколаде.

Огонь спортивного азарта в глазах братьев сменился иным блеском.

— Давай, рассказывай скорей!

— И не вздумай что-нибудь упустить!

Дарсиана принялась излагать подробности её оргии со служанками, сладострастно теребя босыми ногами набухающий член под брюками у Жетулио. Другой член приятно вдавливался ей в промежность. Забыв про ром и сигару, Жетулио гладил ноги сестры, в то время как Эрмето ласкал её грудь.

— … и я обещаю, — закончила Дарсиана свой рассказ, — что Маура очень скоро задаст вам, греховодникам, жару почище Мэй-Мэй.

— Жаль, что ты так утомила своих красоток, —

вздохнул Эрмето, возясь с застёжками у неё на спине, в то время как Жетулио развязывал пояс, — но зато у нас есть ты.

Скоро Дарсиана уже стояла полностью обнажённая. Её вполне оформившийся лобок, покрытый тёмными волосами, контрастировал с бледными сосками ещё полудетской груди. Братья со всей поспешностью скинули лёгкие шерстяные брюки, выставив совершенно одинаковые, будто отражённые в зеркале, пенисы, и встали рядом. Дарсиана прижалась спиной к Эрмето, но разница в росте мешала ей — стоящий член упирался в поясницу. Тогда она подставила руки, согнутые в локтях, и брат легко поднял её. Сжав между ног его мощное напряжённое орудие, которое выступало вперёд, будто принадлежало ей самой, Дарсиана прикрыла глаза и испустила сладкий стон. Жетулио опустился на колени, приблизив лицо к соединённым гениталиям брата и сестры. Дарсиана обняла ногами ею плечи, а он нежно приподнял в руке мошонку Эрмето.

— Не сердись, старший, что сестра решила спор в мою пользу. Ты же знаешь, что мы оба готовы ради тебя на всё.

Выбритые до синевы губы сомкнулись вокруг головки члена. Жетулио заглатывал его, пока не

упёрся в пах Дарсиане, сидящей верхом. Тогда он стал как мог ласкать верхней губой её клитор, одновременно нежно сжимая мошонку брата. Потом, скользнув губами назад, принялся лизать и целовать головку члена, массируя клитор сестры большим пальцем. Наконец, почувствовав, что партнёры больше не выдерживают, Жетулио поднялся. Ноги Дарсианы соскользнули с его плеч и обняли талию. Он сжал её узкие бёдра и потянул на себя, освобождая Эрмето, и тот, слегка присев, ввёл скользкий от слюны член глубоко в анус сестры. Одновременно член Жетулио заполнил её влагалище, почти такое же узкое.

Вся троица некоторое время стояла неподвижно, пока глухие стоны извивающейся Дарсианы не дали сигнал к началу толчков — одновременно сзади и спереди. Мошонки сталкивались друг с другом, словно сдвоенные маятники, отмеряющие продолжительность экстаза. Пот и внутренние соки обильно смазывали ход замысловатой машины, составленной из трёх наборов гениталий. Эрмето, перевозбуждённый оральными ласками брата, кончил первый, выпустив струю спермы глубоко в задний проход сестры. Жетулио продержался всего на минуту дольше.

Когда остановившийся механизм вновь рас-

пался на три составные части, Дарсиана встала перед братьями, широко расставив ноги.

— Быстрее, мальчики! — нетерпеливо воскликнула она. — Или вам надо объяснять, чего я хочу?

Молодые люди быстро поменялись местами, встав на колени: Жетулио сзади, Эрмето спереди. Крепко вцепившись одной рукой в белокурые волосы, другой — в тёмные, Дарсиана с силой прижала оба рта к своим двум только что использованным отверстиям, и братья дружно заработали языками, возвращая себе то, что отдали.

— Все думают, что вас можно различить только по цвету волос, — хихикнула Дарсиана, — но я-то лучше знаю. У вас и сперма на вкус совсем разная. Ну-ка, давайте, высосите её всю и попробуйте сказать, что я не права!

Недоступный для посетителей пятый этаж гостиницы «Ясный полдень» представлял собой лабиринт комнатушек со скошенными потолками под самой крышей. Тонкие алхимические флюиды, исходящие из холодного тигля времени, где дерево превращается в пыль, остатки ароматной коры на плохо оструганных досках, а также бесчисленные поколения насекомых

наполняли воздух причудливой смесью запахов, наводившей на мысли о склепах и гробах. Даже солёный океанский бриз, изредка проникавший через ряд круглых окошек под крышей, похожих на иллюминаторы, не мог разогнать здешнюю тоскливую духоту.

В одной из комнат, ничем не отличавшейся от других на этом этаже, Арлиндо Кинкас приводил себя в порядок, стоя перед помутневшим захватанным зеркалом. Железная кровать, комод, гардероб, кувшин с тазом для умывания, ночной горшок — апартаменты хозяина гостиницы могли принадлежать любому из его служащих, обитавших по соседству.

Напомадив волосы и усы, Кинкас тщательно причесался. Плеснул в стакан немного тёплой воды, прополоскал рот, сплюнул в таз. Потом надел новый пиджак в тон серым брюкам, несколько раз нервно поддёрнув рукав — он слишком долго жил без руки, и симметрия одежды всё ещё немного раздражала.

Громкое тикание стенных часов, похоже на стук метронома, отдавалось гулким эхом в могильной тишине мансарды. Стрелки на циферблате показывали шесть часов. Солнечные лучи, золотившие раму круглого окна, падали под косым

углом — приближался вечер.

В дверь постучали, и Кинкас тяжело вздохнул. Тяжкий груз ежедневных обязанностей вновь напоминал о себе. Придав лицу внушительное начальственное выражение, он шагнул к двери и открыл её.

На пороге стояли индейцы — мужчина и женщина. Их лица, бесстрастные и неподвижные, как луна, вызывали в памяти недавний рассказ Эштевао о похотливом деревянном истукане.

— Иксай, Иина, что случилось? Почему вы здесь?

— Нам придётся на время уйти от вас, сеньор. — ответил садовник, невозмутимо моргнув.

Кинкас помотал головой, словно не верил своим ушам.

— Как это? Что ещё за глупости? Разве я чем-то обидел вас? Может, кто-то из гостей унизил ваше достоинство? Если так, назовите его имя, и он тут же вылетит отсюда!

Иксай обернулся к Иине, будто ожидал, что она заговорит, но индианка лишь кивнула.

— Нет, — покачал он головой, — ничего такого не было. Вы хороший хозяин, сеньор. Дело в другом. Нам только что передали приказ вождя: мы должны вернуться в деревню до наступления

ночи. По земле бродит зло, и все племя соберётся вместе, чтобы бороться с ним.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, друг мой, но вижу, что вы твёрдо решили уйти. Не бойтесь, ваши места никто не займёт. Возвращайтесь когда хотите, но лучше пораньше. Чёрт побери, кем же вас пока заменить? В город вот-вот прибудут перегонщики скота…

— Нам очень жаль, сеньор, но ничего не поделаешь.

— Ладно, пойдёмте в контору, нам надо рассчитаться.

— Пожалуйста, сохраните то, что мы заработали, у себя, сеньор. Там, куда мы уходим, деньги не нужны.

Вскоре невозмутимая парочка, закинув на спину кожаные дорожные мешки, отправилась по своим таинственным делам, сопровождаемая ароматом сигарного дыма и цоканьем каменных колец. Хозяин гостиницы вышел вслед за ними на улицу, где уже ждала двуколка, запряжённая парой лошадей, забрался на козлы и принял у мальчика поводья.

У подножия высокого холма, на склонах которого стояли особняки богачей, находился небольшой изобилующий зеленью посёлок, где селились купцы и солидные ремесленники.

Натянув поводья, Кинкас остановился возле скромного аккуратного домика. В окне дёрнулась штора, следом открылась парадная дверь. Из неё появился седовласый мужчина с белой как снег бородой, выглядевший как родной брат рассудительного Рикардо из пятёрки завсегдатаев веранды. Вместе с ним на крыльцо вышла женщина на вид немногим моложе. Супруги поцеловались, и мужчина поспешил присоединиться к Кинкасу, который тут же тронул лошадей с места.

— Спасибо вам, Арлиндо. Моей лошади на самом деле нужен отдых. Докторской кляче редко доводится спать по ночам.

— Не за что, Флавио. Сеньора Реймоа лучше посещать в компании. Выл бы я один, повернул бы с полдороги назад, ей богу!

— Бросьте! — махнул рукой доктор. — Страшные слухи, которые ходят об Овиде Реймоа, не могут помешать нам насладиться его едой и напитками. В конце концов, там будет много наших друзей, так что слишком уж тесно общаться с самим семейством и их прихлебателями нам и не придётся. Отвесим пару вежливых поклонов, поздравим сеньориту да и дело с концом.

— Меня мучает какое-то странное предчувствие…

— Стыдитесь, Арлиндо! Плюньте на эти глупости, предчувствия всегда врут. Вот вам свежий пример. Вчера вечером ко мне явился ваш бармен Галено — на нём просто лица не было. «Доктор, — кричит, — у меня жена рожает!» Поехали мы в Кошачью Голову, по дороге я его спрашиваю, нормально ли протекала беременность, а он и заявляет: «Откуда мне знать? Мы врачу ни разу не показывались, времени не было». Представляете? Господь Бог в милости своей даёт нам на подготовку целых девять месяцев, а этот тип не нашёл пары минут, чтобы показать жену доктору! Ну ладно, какой-нибудь фермер из глубинки ещё может так себя вести, но образованный горожанин… Позор да и только! Ну и, естественно, я ожидал самого худшего. А что вышло на самом деле? Самые спокойные роды из всех, какие мне приходилось принимать. Фактически я только присутствовал — ребёнок чуть ли не сам выкарабкался из материнской утробы! Такой ладный чёрный бесёнок, прекрасно сформированный до последнего мизинца. Я ещё не ушёл, а он уже сосал себе вовсю!

Слушая рассказ доктора, Кинкас качал головой, будто размышлял о чём-то своём.

— Галено стал отцом, — задумчиво произнёс

он. — Кто бы мог подумать, что он на это способен? Придётся мне, пожалуй, прибавить ему жалованье на пару когтей… — Он прищёлкнул языком. — И всё-таки, Флавио, вы должны признать, что иногда предчувствия сбываются.

— Только не сегодня, Арлиндо, — рассмеялся доктор. — Что может случиться во время праздника, который так тщательно спланирован?

Изрядно потрудившись на ухабистой дороге с крутыми подъёмами, взмыленные лошади наконец остановились у открытых ворот Дома Реймоа. Закат, словно усердный кондитер, покрывал небо красной глазурью, полная луна соперничала с исчезающим солнцем. Многочисленные пёстрые экипажи, все как один богаче двуколки Кинкаса, теснились вдоль подъездной аллеи, из некоторых ещё выходили пассажиры. Конюх в роскошной ливрее принял поводья, и хозяин гостиницы с доктором соскочили на землю, постаравшись, как могли, сохранить достоинство. Величественный особняк маячил впереди, словно древний окаменевший гигант, сохранившийся в вековых отложениях.

Внезапно парадная дверь с треском распахнулась и оттуда, будто из адских врат, с душераздирающими воплями вывалилась толпа

людей. Гости вперемешку со слугами, спотыкаясь и сбивая друг друга с ног, бросились вниз по ступенькам. Пожилая женщина в нарядном цветастом платье попыталась подняться на ноги, но была безжалостно затоптана, слуга в униформе успел подхватить на руки ребёнка в коротких штанишках, юная девушка, ровесница Дарсианы, запуталась в своих юбках, завертелась на месте как волчок и покатилась вниз.

Нижняя челюсть Кинкаса отвисла, словно ловушка для омаров. Неожиданный массовый исход людей был страшен, но странная серебристо-бледная волна студенистой вязкой жидкости, которая преследовала их по пятам, медленно колыхаясь и поднимаясь на дыбы как стая ленивых амёбообразных тигров, вселяла куда больший ужас.

Подобно неутомимому любовнику, океан вновь и вновь с маниакальным упорством, хоть и не слишком изобретательно, вылизывал пустынный берег, оставляя на колышущейся песчаной груди своего любовника пенистую кайму солёной слюны. Рыбацкая лодка со снятой мачтой лежала на боку, рядом были сложены паруса и сети. В воздухе стоял запах йода, смолы и рыбьих потрохов. Полная луна, словно чудесный строитель из

царства снов, прокладывала широкую светящуюся магистраль над затопленными фазендами морского дна.

Волнистая линия выброшенного морем мусора отмечала границу прилива. Здесь валялись клочья всевозможных водорослей, пустые раковины, хрустящие белёсые комки, бывшие когда-то медузами, изредка — обкатанные разноцветные кусочки стекла, топазов, лазурита и ализарина. В неглубокой яме, вырытой в сухом песке выше полосы отбросов, свернулась калачиком человеческая фигура. Скорее всего, это был бездомный бродяга. Едва прикрытый рваной одеждой явно с чужого плеча, он спал на боку, поджав босые ноги и положив голову на согнутый локоть. Вокруг человека в песчаной яме собралось несколько десятков живых крабов. Они не двигались, лишь иногда чуть шевелили клешнями или глазами на стебельках. Ряды их чёрных полувысохших панцирей, отражавших лунный свет, очерчивали контуры лежавшего человека, словно толстые линии, нарисованные углём. Уже в течение нескольких сотен медленных вдохов и выдохов крабы стояли на вахте вокруг спящего, будто исполняя некий таинственный ритуал.

Ещё дальше пляж постепенно переходил в рва-

ную линию небольших песчаных дюн, поросших жёсткой травой. Между дюнами по направлению к человеческой фигуре вилась цепочка следов, по которой крадучись ступали трое бандитского вида мужчин с дубинками и верёвками в руках. Кольца в их ушах ярко блестели в зловещем сиянии луны. Выйдя на открытое место, бандиты сразу же заметили спящего человека и бросились к нему, увязая ногами в песке и топча крабов-часовых. Двое упали на него и прижали к земле, а третий профессионально оглушил ударом дубинки по затылку. Судорожно дёрнувшись раз-другой, жертва обмякла.

— Это она? — спросил главарь.

Один из подручных достал из коробки толстую спичку и чиркнул об ноготь, другой ощупал снизу лежащее ничком тело.

— Всё на месте, и пизда, и сиськи, а вот и то самое пятно на щеке — от задницы дьявола, не иначе. Она самая, кто же ещё!

— Тогда вяжите, и покрепче. Ноги тоже.

Связанную по рукам и ногам как пойманную дичь, женщину подняли на плечи и понесли. Главарь шёл впереди. Через несколько мгновений вся компания скрылась за дюнами, и берег снова опустел.

В истоптанной песчаной впадине, всё ещё напоминавшей по форме человеческую фигуру, осталось небольшое пятно крови. Будто привлекаемые священной реликвией, оставшейся от их таинственной богини, уцелевшие крабы потянулись к центру ямы. Замерев вокруг пятна, они смотрели, как алая жидкость бурлит сама по себе, сверкая искрами в лунном свете и выбрасывая во все стороны тонкие нитевидные щупальца. Отрезанные от управляющего центра молекулы трансгенного гемоглобина и не имеющих аналога протеинов, слишком малочисленные, чтобы существовать автономно, лихорадочно метались в поисках питательной органики, находя лишь песок — осторожные крабы, повинуясь древним инстинктам, предпочитали держаться на безопасном расстоянии от бросков кровяного лассо. Наконец, истощив свой скромный запас энергии, фрагменты Протея начали сжиматься, умирать и на глазах разлагаться. Крабы снова зашевелились, снимаясь с места и разбредаясь по песку. Сияющая серебром луна продолжала свой ночной путь по небу, равнодушно проливая свет на лачуги и дворцы, грешников и святых, живых и мёртвых.

Как всегда, холм олигархов первым встретил

рассветные лучи, позолотившие гордые шпили и украсившие верхушки деревьев сверкающими диадемами. В кухнях дома Реймоа варили кофе, нарезали ломтиками дыни, поджаривали булочки и жирные колбаски. Еду раскладывали по тарелкам, тарелки ставили на плетёные подставки для завтрака вместе с накрахмаленными салфетками, столовым серебром и свежим номером «Вестника», потом разносили по спальням хозяев. После завтрака началась подготовка к ещё более важному событию. Работа шла вовсю: слуги ощипывали птицу, потрошили рыбу, чистили креветок, месили тесто. Вместительные печи открывали свои пышущие жаром недра для сочных окороков, роскошных тортов и разнообразных пирожных, в огромных кувшинах смешивался пунш и фруктовые коктейли, изящные канапе в виде разноцветных бабочек заполняли широкие блюда. На верхних этажах тоже началась суматоха. По комнатам разносили цветы, украшали бальный и банкетный залы, готовили развлечения для юных гостей. Весь дом кипел и бурлил, как огромный муравейник, на который бросили горсть сахарного песку.

Одна лишь библиотека казалась отрезанной от общей суеты. Её внушительные двойные двери

оставались закрытыми наглухо. Когда ближе к полудню братья Реймоа собрались по обыкновению насладиться любимым напитком и сигарами, массивные замки оказались запертыми.

— Интересно, — покачал головой темноволосый Эрмето. — Только сам старый хрыч мог запереть библиотеку. Вот только зачем?

Жетулио смахнул со лба прядь белокурых волос.

— Неужели у папаши внезапно пробудился интерес к классической литературе? — усмехнулся он. — Так увлёкся, что и о делах забыл.

— Ха! Да он скорей умрёт, чем прочитает хоть строчку. Нет, тут скорее замешаны какие-то его тёмные делишки — вымогательство, взятки и всё такое прочее.

— Одно можно сказать точно: он там не с женщиной, — снова ухмыльнулся Жетулио.

— Молчи, дурак! Он может…

Правая створка двери резко распахнулась. На братьев смотрело угрюмое жёсткое лицо, украшенное ножевыми шрамами. Могучая фигура в безукоризненном костюме плотно загораживала проём, позволяя разглядеть лишь корешки книг на противоположной стене. Глаза отца излучали холод, словно две пустых могилы.

— А вам что тут надо, гомики сраные? — прошипел он.

Эрмето, как старший, принял удар на себя.

— Ничего, сеньор. Просто мы обычно…

— Сегодня день не обычный! Библиотека нужна мне, а вы идите развратничать в другое место.

— Пару хороших сигар и глоток рома едва ли можно считать развратом, отец, — запротестовал Жетулио.

Кривая улыбка Овида Реймоа напоминала оскал голодной акулы.

— Сначала научись вытирать рот, когда сосёшь свою сестрицу, а потом разыгрывай невинность и рассуждай о благородных напитках! Если уж на то пошло, мне наплевать, чем вы там занимаетесь с Дарсианой. Пусть она лучше упражняется у себя дома, чем где-нибудь ещё. Мои враги только этого и ждут. Помните историю с вашей матерью? К сожалению, Дарсиана пошла в неё — такая же ненасытная. В конце концов, с кем трахаться женщине из рода Реймоа, как не со своей плотью и кровью? Так что валяйте, я не возражаю… Но только не смейте мне врать! Если мужчина открыто признаёт свои грехи, они делают его сильнее, а если скрывает, губят его. А теперь вон отсюда! У меня важные дела.

Дверь захлопнулась прямо перед носом у братьев, заставив их отскочить. Постояв немного и придя в себя, они обменялись нервными улыбками и вразвалку, обняв друг друга за плечи,

двинулись прочь по коридору.

Отвернувшись от двери, Овид Реймоа задумчиво окинул взглядом то, чем занимался в библиотеке.

Обнажённая, без сознания, заморская ведьма бессильно обвисла, привязанная к креслу с высокой спинкой. Державшие её верёвки обвивали крест-накрест грудь и талию, глубоко врезаясь во вздувшуюся кожу. Голова упала на грудь, давая разглядеть лишь уголок сатанинского пятна, короткие чёрные волосы слиплись от запёкшейся крови, перемешанной с песком. Руки, стянутые в запястьях, застыли, будто в молитве, на чёрном щите спутанных лобковых зарослей. Колени и лодыжки также обвивала верёвка.

Реймоа подошёл к пленнице, и тяжело опустился в кресло напротив. На столе рядом с початой бутылкой светлого рома лежало грубый самодельный нож, похожий на мачете, с засаленной кожаной рукояткой. Реймоа взял бутылку и хлебнул прямо из горлышка, оставив на нём потёки слюны. Потом откинулся в кресле и поставил бутылку себе на живот.

— Даю тебе ещё час, ведьма. Если не очнёшься сама, придётся помочь. Я не могу сидеть здесь весь день, как бы это ни было важно. У моей

девочки сегодня праздник, и папочка должен на нём присутствовать.

Прикрыв глаза, Реймоа затих, словно дикий кот, поджидающий в кустах добычу. Время от времени он оживал и прикладывался к бутылке, с неподдельным наслаждением причмокивая губами. Время шло, уровень рома уменьшился уже на три четверти, а женщина всё не шевелилась. Если бы не слабое чуть слышное дыхание, можно было бы подумать, что она мертва. Реймоа вытащил из жилетного кармана золотые часы, взглянул на циферблат и поднялся на ноги, не выказывая никаких признаков опьянения. Взяв со стола мачете, он склонился над связанной пленницей и несколько мгновений пристально смотрел ей в лицо. Потом поднял бутылку и перевернул над её головой. Обжигающая жидкость, смешиваясь с кровью, потекла по лицу женщины, однако и это не вызвало никакой реакции. Пустая бутылка с грохотом полетела в угол. Реймоа сжал в руке женскую грудь.

— Ну ладно, ведьма, я тебя предупреждал.

Сжав пальцами коричневый сосок, похожий на крупную ягоду, он не спеша оттянул его. Острое как бритва лезвие ножа, на котором кое-где виднелись пятнышки ржавчины, вдавилось в

белую полупрозрачную кожу. Женщина не шевелилась.

Реймоа чиркнул ножом. Потом невольно вытаращил глаза.

Снежно-белая пористая поверхность среза, лишённая всяких следов крови, внезапно вскипела, выпячиваясь и приобретая форму. На месте потерянного соска, подобно цветку, распускающемуся в замедленной киносъёмке, на глазах вырастал новый. Скоро груди женщины, покрытые вздувшимися ромбами от верёвок, ничем не отличались одна от другой.

Ведьма подняла голову. Небесно-синие глаза искрились весельем, чёрные бездонные зрачки притягивали взгляд.

— А вы хорошо подумали, прежде чем связаться со мной, сеньор? — улыбнулась она. — Сколько ещё таких цветков вы хотите? Наверное, хотя бы один — если, конечно, то, что о вас рассказывают, правда.

Оправившись от первого шока, Реймоа быстро взял себя в руки. Шагнув назад к столу, он взглянул на комок плоти, зажатый в руке, и небрежно бросил его в хрустальную пепельницу.

— Ну и что же обо мне рассказывают, ведьма? — презрительно бросил он.

— Что ты больше не мужчина. Ты евнух.

По лицу Реймоа прошла судорога, он сжал кулаки, но не сдвинулся с места. Казалось, он не знает, как реагировать на оскорбление. Наконец, сдержав ярость, он произнёс:

— Тебе сказали правду. Это случилось несколько лет назад. Смотри, сучка, внимательно смотри!

Расстегнув одной рукой брюки, он перешагнул через них, небрежно отшвырнув дорогую ткань носком туфли. Потом поднял подол рубашки, демонстрируя то, что она прикрывала. Искалеченный обрубок члена, похожий на обгрызенный карандаш, одиноко торчал на голом пустыре из рубцовой ткани.

— Ну как? — усмехнулся Реймоа. — Последней женщиной, которая это видела, была моя жена. Впрочем, раны тогда были свежими — она присутствовала, когда всё случилось, и прожила всего на пару минут дольше, чем мои яйца. Рассказать тебе? По крайней мере один слушатель нашёл мою историю весьма поучительной.

— Ты здесь хозяин. Делай, что хочешь, — пожала плечами ведьма.

— А ты смелая, — криво усмехнулся хозяин дома. — Только не забывай, что твоя жизнь в

моих руках.

Не обращая внимания на свою наготу, Реймоа подошёл к буфету и взял с полки ещё одну бутылку. Его мощные волосатые ноги были похожи на колонны. Срезав сургучную печать, он откупорил бутылку кончиком мачете и сделал большой глоток. Потом вернулся и сел в кресло с бутылкой в одной руке и ножом в другой, раздвинув ноги и бесстыдно выставив напоказ изуродованный член в качестве иллюстрации к печальному рассказу.

— Моя жена Соня — в девичестве Соня Мендес — была самой красивой женщиной из всех, кого я видел в своей жизни, — начал он. — Волосы как ночной водопад, кожа нежнее шёлка, грудь и бёдра полные наслаждений. Когда она согласилась выйти за меня, за обыкновенного бандита, — да-да, бандита, у меня нет оснований стыдиться своей профессии, во всяком случае, ничуть не больше, чем у адвоката или банкира, — я был так ей благодарен, что просто слов не находил. Свадьбу мы сыграли сразу, как только мне удалось убедить отца Сони дать согласие. К сожалению, папаша Мендес не смог лично выдать свою дочь замуж за безродного Овида Реймоа, потому что вскоре после нашей беседы попал в больницу.

Мои родители также не могли порадоваться за своего единственного сына, так как давно уже были на том свете — однажды ночью к ним забрался один из моих деловых партнёров, с которым у нас вышло недоразумение. В тот день я потратил больше десяти тысяч когтей. На одно платье для невесты ушло пять сотен чешуек. Гостей собралось видимо-невидимо, мы пировали, пели песни и танцевали до самого утра, а на рассвете я увёз Соню в свой новый дом — ещё не этот, но тоже вполне приличный — и стал трахать как бешеный, во все дырки. Отпустил спать только к вечеру… Короче, наш брак с самого начала был похож на сказку. И как в любой сказке, потом начались неприятности. Дело в том, что Соня была не только красива, но и очень хорошо это сознавала. Она обожала поклонников, а поскольку дела часто вынуждали меня покидать её на долгие недели, наш дом быстро наполнился всевозможными трутнями, которые так и вились вокруг моей прекрасной орхидеи. Даже родив троих детей, Соня не потеряла своей великолепной красоты, и материнские заботы нисколько не мешали её вечеринкам, пикникам и танцам. При детях постоянно находился целый штат прислуги — наверное, поэтому они так неуважительно

относятся к своему несчастному отцу. Целых двадцать лет я старался не думать о том, чем занималась жена во время моих отлучек. Впрочем, она была очень аккуратна в этом отношении, и когда я появлялся, не отходила от меня не на шаг. Я был образцовым мужем, современным во всех отношениях, и позволял ей многое из того, что обычно не позволено женщинам. Однако в конце концов наступил момент, когда я уже не мог отрицать, что трутни не только вились вокруг моего цветка, но и запускали в него свои хоботки. Пришлось что-то предпринимать, иначе я стал бы всеобщим посмешищем. Доказательств неверности Сони имелось более чем достаточно, однако я не стал выдвигать открытых обвинений, — так я её любил! — а всего лишь запретил ей уходить из дому в моё отсутствие. Она, разумеется, возмутилась таким ограничением свободы, но под влиянием моих убедительных аргументов согласилась и обещала подчиниться. И конечно же, соврала. Однажды я вернулся из очередной поездки в Минас Жераиш раньше, чем обещал, и обнаружил, что сеньора Реймоа, хозяйка моего дома и оплот моею доброго имени, отсутствует на своём посту. Мои агенты вскоре доложили, что она у некоего Пауло Виеры, гнусного ловеласа,

завсегдатая модных ресторанов. Я взял пистолет и отправился навестить любовников. Замок квартиры я вскрыл легко и бесшумно, потом одним пинком распахнул дверь спальни. Они были там, оба голые. В этот момент через комнату на меня бросилось что-то мохнатое. Мне удалось только выстрелить в жену, а потом огромный пёс — как я потом узнал, наполовину волк — сшиб меня на пол и начал терзать, причём сразу вцепился в пах, как научил его подлый хозяин. Я боролся с этим дьявольским отродьем сколько мог, но из-за потери крови быстро потерял сознание. Очнулся уже в больнице. Оказалось, что спасли меня соседи, которые услышали шум. Соня была уже мертва — кстати, со стороны властей ко мне не было никаких претензий, — но человек, который наставил мне рога, сбежал вместе со своей собакой. Лишь через несколько месяцев я немного оправился и мог наконец отомстить. Виеру я нашёл в Алегрете, у самой границы с Аргентиной. Он пытался скрыться среди гаучо — пас коров и подолгу жил один в пампасах с собакой. Это было мне на руку. Как-то ночью я привязал свою лошадь подальше и подкрался к ним, вспомнив навыки своей молодости. Застал их спящими. Сначала занялся собакой, но не

убил, а только прострелил задние ноги. Потом наставил ружьё на Виеру. Он даже не пробовал сопротивляться — сломался сразу, как дешёвый складной нож. Я связал его по рукам и ногам, а собаке накинул петлю на шею и привязал неподалёку к столбу. Потом стал ждать. Следующие семь дней собака — вы не поверите, её звали Бернардо! — не получала никакой еды, только воду. Виера ел нормально, то же, что и я. Правда, через пару дней он догадался, что у меня на уме, и попытался объявить голодовку, чтобы избежать мучений, и мне пришлось его заставлять. Мне он нужен был упитанным и сочным. Никогда не забуду тех ночей в степи под открытым небом: звезды над головой, точно тысячи сверкающих глаз, мычание коров, свежий прохладный воздух, напоённый запахом трав. Несмотря на жжение в паху, то ли от незажившей раны, то ли от воспоминаний, я наслаждался каждой минутой. На седьмой день Бернардо, привязанный к столбу, был похож на скелет и совсем ослаб, но злости в нём нисколько не поубавилось. Я протянул ему руку, и он тут же попытался вцепиться в неё. Решив, что момент настал, я подошёл к Виере, который так и лежал, связанный как свинья, и перекатил на вытоптанный круг, где стоял столб.

Пиршество продолжалось долго и превзошло все мои ожидания. Хотя Бернардо по привычке начал с самых нежных частей, агония Виеры длилась достаточно, чтобы, если не полностью, то хотя бы частично удовлетворить мою жажду мести. Я ждал и потом, после того как мой враг уже испустил дух, — ждал, пока пёс насытится. Когда он отполз в сторону, едва волоча по земле свой раздутый живот, я поднял ружьё… Но не дня того, чтобы выстрелить. Ружьё я приторочил к седлу, собрал вещи в мешок, а потом наклонился и снял петлю с собачьей шеи. Уезжая, я оглянулся — тяжело дыша, Бернардо смотрел мне вслед…

В продолжение всего рассказа сверкающий взгляд ведьмы был прикован к изуродованному паху мужчины. Теперь она подняла глаза, но её бесстрастное лицо выражало лишь слабое

любопытство. Встревоженный таким непонятным равнодушием, Реймоа снова приложился к бутылке.

— Почему же ты не завершил свою месть? — поинтересовалась ведьма.

— Бернардо сожрал мои яйца. Они стали его частью, и вся моя мужская сила — тоже. Стрелять в него означало бы стрелять в себя. Он был смелый, жестокий, благородный, и сделал лишь то, чему его учили, а поэтому заслужил свободу. Конечно, шансы выжить с такой раной невелики, но я хотя бы как следует накормил его впрок.

— Ну что ж, теперь я знаю твою историю. А какое я имею к ней отношение?

Реймоа поднялся на ноги и наклонился к пленнице. Алкогольные пары, исходившие от обоих, перемешались.

— Ты вырастила Кинкасу новую руку, а только что я сам видел, как у тебя отросла грудь. Я хочу, чтобы ты так же вернула мне член и яйца.

— Хорошо, только для этого мне нужна свобода.

Захваченный врасплох такой быстрой капитуляцией, Реймоа не сразу нашёл, что сказать. Потом, недоверчиво наклонив голову, произнёс:

— Не забывай, что я в любой момент могу пе-

перезать тебе горло, и я это сделаю, если замечу хоть одно подозрительное движение. — Он многозначительно поднял мачете.

— Понимаю. Могу я теперь освободиться?

Реймоа немного подумал.

— Ладно, я тебя развяжу.

— В этом нет необходимости, — последовал неожиданный ответ.

Внезапно верёвки, стягивавшие тело женщины, начали дымиться и крошиться, рассыпаясь холодным пеплом, словно перегоревший фитиль. Она легко поднялась на ноги, стряхнув серые хлопья с ослепительно белой кожи, на которой не осталось никаких следов.

Поражённый Реймоа отшатнулся.

— Как… Почему ты не сделала этого раньше?

Керри улыбнулась.

— Не хотела. Мне нравится узнавать новых людей и помогать им получать то, чего они больше всего желают. Ты мечтаешь производить сладкую сперму, много, очень много, и изливать её из большого крепкого члена. Отлично! Я могу тебе помочь.

— Что я должен делать?

— Сначала возьми другой сосок.

Реймоа нерешительно шагнул к женщине.

Она приподняла рукой грудь и ободряюще улыбнулась. Осторожно, каждую секунду ожидая подвоха. Реймоа повторил свою хирургическую операцию. Как и в первый раз, бескровная рана затянулась в считанные секунды, и грудь приняла прежнюю совершенную форму.

— Дай его мне, — проговорила Керри.

Реймоа послушно протянул ей сморщенный коричневый лоскуток. Ведьма взяла его и достала из пепельницы первый, на удивление свежий, будто живой.

— Теперь садись и расставь ноги пошире.

Реймоа подчинился.

— Не забывай о моём ноже. Я наточил его в первый раз, когда мне было шестнадцать, и на его счету множество жизней.

Не ответив, Керри опустилась на колени перед кожаным троном. Отрезанные соски возвышались на её ладони, словно два холма. Она опустила голову и облизала багровую рубцовую ткань под обрубком пениса. Потом приложила к тому месту, где когда-то была мошонка, два бурых комочка плоти. Они сразу же присосались, выступая из кожи двумя огромными бородавками.

— Ты ведь женщина, как же из них вырастут мужские органы? — удивился Реймоа.

— Я не женщина, и не мужчина. Но в то же время и женщина, и мужчина. Теперь сиди тихо, дай мне закончить.

Не успел Реймоа моргнуть глазом, как она уже нависла над ним, уперевшись широко раздвинутыми коленями в подлокотники кресла.

— Теперь мне надо туда пописать, — хихикнула она.

— Что-о? Нет! — Он рванулся вверх, но неожиданно сильные руки женщины сжали его плечи, не давая пошевелиться.

Струя горячей мочи оросила его пах, оставив в складках кожи золотистые лужицы. Когда женщина, закончив, отступила, Реймоа вне себя от ярости вскочил на ноги.

— Никто не может сделать это со мной и остаться в живых!

— Молчи, дурак! Разве ты не чувствуешь, что происходит?

Он посмотрел вниз. Бывшие соски, присосавшиеся к телу как пиявки, стремительно росли и раздувались, меняя форму и превращаясь в полноценную мошонку с парой увесистых яичек. Через минуту превращение завершилось. Реймоа онемел от изумления.

Керри шагнула к нему и приподняла в руке

своё творение.

— Отлично вышло. Они дадут столько семени, что ты сам не поверишь. Но сначала починим член.

Распрямив внезапно увлажнившиеся ладони, Керри принялась катать между ними искалеченный пенис, будто лепила трубочку из теста. Мужская плоть, вбирая в себя новый строительный материал, немедленно стала разбухать, заполняя недостающие участки. Продолжая работать. Керри тихо заговорила, приблизив губы к уху своего подопечного:

— Людей всегда завораживала непреодолимая граница между живым и неживым. Камень никогда не станет растением, а из зерна не вырастет алмаз. Это одна из самых глубоких тайн мироздания. По для меня куда интереснее разница между живым и тем, что когда-то было живым. Возьмём, к примеру, дерево. Сложнейшая система, настоящее чудо природы — но только пока оно живёт. Если его срубить, оно становится просто древесиной, которая, тем не менее, содержит все элементы, когда-то составлявшие жизнь. Чего же не хватает? Куда девается жизненная сила? Неужели не существует никакого способа её вернуть, хотя бы частично? Вот что меня интересует

больше всего…

Повинуясь движениям фантастических рук, член не только восстановил свою прежнюю форму, но необычайно удлинился, достигнув почти нечеловеческих размеров. Он уже висел почти до колен и имел соответствующую толщину, хотя никакой эрекции заметно не было. Загипнотизированный то ли этим зрелищем, то ли философскими рассуждениями Керри, Реймоа до сих пор молчал, но теперь наконец не выдержал:

— Перестань, хватит! Я не хочу становиться монстром.

Руки ведьмы замерли.

— Я всего лишь хочу, чтобы твой член годился для того количества спермы, которое будут вырабатывать новые мужские железы. Чувствуешь, как шевелятся живчики там внутри? Гляди: они уже пытаются выбраться наружу!

Длинный зеленоватый ноготь ловко подцепил серебристую капельку, показавшуюся из отверстия на конце гигантского пениса. Керри поднесла её к глазам, чтобы лучше рассмотреть.

— Они пока живые, но очень скоро умрут, если не найдут подходящее жильё, — задумчиво проговорила она. — А что, если какое-нибудь ве-

щество, которое когда-то было живым, окажется для них таким же гостеприимным, как женская матка? Например, дублёная кожа?

Нефритовый ноготь приблизился к тёмному матово-блестящему подлокотнику кресла… и капелька вдруг перепрыгнула туда, точно живая. Через пару секунд на гладкой поверхности мерцала и переливалась небольшая лужица. Её поверхность бурлила, она быстро расширялась, выбрасывая во все стороны тонкие нити, напоминавшие щупальца.

— Разумеется, они не трогают то, что ещё живёт, — продолжала Керри, — иначе сожрали бы твои собственные яички. Но всё остальное, что когда-то было живым, будут перерабатывать для своих собственных нужд.

Лицо Овида Реймоа стало пунцовым от ужаса и гнева, на висках вздулись червяки вен.

— Гадина! Психопатка! Как я смогу с этим жить?

Лезвие мачете сверкнуло в воздухе, но ведьма оказалась быстрее. Перехватив руку Реймоа, она сжала его запястье с невероятной силой. Нож выпал. Керри улыбнулась.

— Жить? Конечно, не сможешь.

Пять острых ногтей мгновенно вонзились в

затылок полуодетого бандита, превратив его в безвольную игрушку. Ведьма подтолкнула обмякшее тело к креслу, и Реймоа тяжело упал в него. Лужица на подлокотнике уже переливалась через край.

— Пора проверить, на что он годится, — озабоченно произнесла Керри.

Она сжала огромный член двумя руками и стала усердно работать ими, словно пытаясь добыть воду из только что пробитой скважины. Так продолжалось минуту или две. Внезапно член вздрогнул, и из него хлынула сперма — не отдельными порциями, отмеренными сокращением мышц, а сплошным потоком, как будто из шланга. Вязкая резко пахнущая жидкость ударила в живот Керри, украсив серебряными блёстками заросли волос в паху. Она рассмеялась, закрыла глаза и направила член себе в лицо, заливая спермой лоб и щёки и жадно глотая чудесный нектар, затем стала поливать стены. Там, где чудесное семя попадало на дерево, кожу или бумагу, оно мгновенно прилипало и начинало усиленно питаться. Книги на полках одна за другой превращались в белёсые аморфные кучки, на полу и на ковре, словно следы невиданной сверхчеловеческой оргии, росли лужи, сливаясь

и захватывая всё большую площадь.

Свободной рукой Керри протёрла глаза, одновременно облизав нижнюю часть лица невероятно длинным ярко-розовым языком.

— Теперь давайте смоем ваше дерьмо, сеньор!

С усилием согнув вдвое чудесный шланг, она подвела его конец к заднепроходному отверстию, воткнула туда как можно глубже и провела пальцем вокруг сфинктера, наглухо запечатывая место соединения. Потом отступила на пару шагов и стала ждать.

Тело Реймоа стало судорожно дёргаться, глаза

медленно вылезали из орбит, нижняя челюсть отвалилась. Перевалив через дамбу зубов и нижней губы, поток волшебного семени, съевший все остатки органики, но по-прежнему голодный, хлынул наружу, заливая грудь, растворяя одежду, и стекая струйками на пол.

Керри отвернулась и пошла прочь, оставляя липкие следы, которые тут же начинали кипеть и расширяться. Закрывая за собой дверь библиотеки, она улыбнулась, услыхав грохот развалившегося кресла и тяжёлый всплеск упавшего тела. Потом направилась по коридору в глубь дома.

Эрмето и Жетулио, заранее одетые к предстоящему торжеству, сидели в своей спальне и играли в карты. Под рукой у них, как обычно, стояли бокалы, в серебряной пепельнице дымились окурки сигар. Услышав шаги, братья обернулись. Их глаза слегка расширились, однако визит голой женщины, залитой с ног до головы спермой, почему-то не вызвал у них чрезмерною удивления.

— Помогите мне, — жалобно произнесла Керри. — Ваш отец сделал это со мной.

Эрмето невозмутимо положил свои карты на зелёное сукно и провёл рукой по тёмным волосам.

— Папаша всегда питал слабость к свально-

му греху. Полагаю, тебя наняли или похитили, чтобы потешить каких-нибудь важных гостей, приглашённых на сегодняшний приём?

— Нет, он был со мной один.

Жетулио недоверчиво ухмыльнулся.

— Папа? Интересно, как это он…

Керри шагнула вперёд.

— Ладно, какая разница? Проблема в том, что он только испачкал меня и оставил совершенно неудовлетворённой. Я не чувствовала в себе члена с тех пор, как переступила порог вашего дома.

Обнажённое женское тело и возбуждающий запах спермы явно возымели своё действие.

— Уступаю тебе очередь, братец, — усмехнулся Жетулио.

— Зачем? — возразила Керри. — Двое сразу — это намного лучше.

— Эрмето, разве мы можем в чём-нибудь отказать такой милой даме?

— Никоим образом, Жетулио. Тем более, что времени у нас достаточно: до коронации нашей дорогой Дарсианы ещё больше часа..

— Вот и чудесно! — воскликнула Керри. — Тогда начнём.

Братья быстро избавились от одежды, бережно разложив парадные фраки и брюки на кровати.

Керри опустилась на колени и взяла по члену в каждую руку, словно удильщик, хвастающийся двойной добычей. Набухшие блестящие головки покоились на её больших пальцах как трофеи, выставленные на всеобщее обозрение.

Член Жетулио первым исчез во рту. Сомкнутые губы женщины оставались неподвижными, и лишь чуть слышные сосущие звуки свидетельствовали о том, что внутри что-то происходит.

— Её язык — просто чудо, братец!

— Давай её сюда.

Жетулио неохотно подчинился, и Керри повторила свой фокус, теперь уже с Эрмето. Не прошло и минуты, как оба члена достигли крайней степени возбуждения.

— Ложись и возьми её спереди, младший. Пожалуй, мне сегодня больше подходит задница.

Жетулио опрокинулся на ковёр, и Керри быстро оседлала его. Взяв рукой член, она ловко заправила его во влагалище. Эрмето опустился на корточки, легко ввёл головку пениса в задний проход и затем одним толчком вошёл до конца. Несколько секунд трио оставалось неподвижным. Потом Керри неожиданно заговорила:

— Вы чувствуете, какая тонкая стенка разделяет вас? Что, если бы ваши члены могли

соединиться?

— Я едва смог заполнить твою задницу, женщина! — раздражённо бросил Эрмето. — Если хочешь, мы попробуем имеете, но сначала дай нам получить своё удовольствие.

— Ты меня не понял, — возразила она, — я вот что имею в виду…

В голосе Жетулио прозвучала тревога:

— Братец, там что-то странное! Такое ощущение, что кто-то схватил меня там, внутри.

— Я тоже это чувствую!

Мужчины попытались освободиться, но сморщились от боли.

— Даже не думайте, — усмехнулась Керри, — по крайней мере, пока я сама не разрешу. Пора вам двоим стать настоящими братьями.

Она ловко выбралась из середины бутерброда и поднялась на ноги. Её гениталии и анус уже приобретали нормальный вид. Лишившись опоры, Эрмето едва удержал равновесие, упершись руками в грудь брата. Потом они, как могли, извернулись, чтобы рассмотреть себя получше — сиамские близнецы нового вида с полностью сросшимися пенисами.

Керри стояла и безучастно смотрела на них.

— Сядьте лицом друг к другу и скрестите но-

ги, — посоветовала она. — Мне ещё нужна ваша сперма.

Убитый горем Жетулио лишь всхлипнул в ответ.

— Мы лучше умрём, проклятая ведьма! — бросил Эрмето.

— Как хотите, — пожала плечами Керри.

Наклонившись, она схватила мужчин за общий член, выволокла из спальни и потащила по коридору к библиотеке, не обращая внимания на протесты и крики боли. Улыбнувшись при виде серебристой лужицы на полу, просочившейся изнутри, решительно надавила на бронзовую ручку и распахнула дверь. В ноздри ударил резкий запах.

По полу библиотеки разливалось настоящее озеро. Белёсая жидкость уже забралась на стены и пожрала не только книги и полки, но и обшивку стен, оставив голые кирпичи. Мраморная крышка стола плавала в вязкой жиже. В центре озера сидел Овид Реймоа, продолжая изрыгать поток спермы, вырабатываемой за счёт его почти истощившихся органов.

— Семя не тронет ваших тел, — обратилась Керри к братьям, не разгибаясь и продолжая сжимать в руке член, — но вы можете просто

утонуть. Если я правильно поняла, это вполне согласуется с вашими желаниями.

Она распрямилась, продемонстрировав мощные мышцы под атласной кожей, легко оторвала от пола воющих от боли мужчин и зашвырнула их внутрь. Всплеск упавших тел утонул в оглушительном грохоте ружейного выстрела. Двойной заряд крупной дроби, выпущенный почти в упор, пришёлся в левую руку. Рука отлетела в сторону, тут же начав растворяться в озере спермы. Из обрубленного плеча полезли извивающиеся щупальца, переплетаясь и окутывая торчащую кость защитной подушкой из живой плоти. Керри обернулась.

Сеньорита Реймоа, облачённая в роскошное вечернее платье, судорожно пыталась перезарядить ружьё. Патрон выпал из неловких пальцев и со звоном покатился по полу.

— Сдохни, сдохни, поганая ведьма! — всхлипнула она. — Сука, тварь!

Одно движение Керри — и ружьё полетело на пол. Из обрубка плеча уже тянулись новые пальцы. Обхватив Дарсиану здоровой рукой, ведьма прижала сё к своему нагому телу и сладко улыбнулась.

— Люблю тебя. Я так люблю тебя…

Пышное платье таяло на глазах, стекая струйками на пол. Очень скоро Дарсиана оказалась полностью обнажённой. Между тем руки ведьмы уже ничем не отличались одна от другой. Она сжала ягодицы девушки и подтянула её вверх, заставив встать на цыпочки. Маленькие груди прижались к большим, узкие бёдра — к широким, лобковые волосы смешались.

— Поцелуй меня, — выдохнула Керри.

Невероятный язык развернулся и скользнул змеёй в глотку Дарсианы. Однако девушка каким-то чудом ещё была способна дышать, и поэтому смогла изумлённо ахнуть, когда мощный член раздвинул её половые губы и скользнул глубоко во влагалище. Кожа Керри вдруг ощетинилась тысячами крошечных шипов, которые вонзились в тело Дарсианы, впрыскивая туда одни соки и высасывая другие как тысяча голодных ртов.

Слившиеся тела двух женщин начали изменяться. Керри уменьшалась в росте, Дарсиана росла. Груди, казалось, перетекали из одного тела в другое. Лица, прижатые друг к другу, представляли собой непонятную мешанину плоти. В странном статическом танце партнёрши менялись внешностью, отражая одна другую словно зеркало.

Когда, наконец, Керри-Дарсиана отпустила Дарсиану-Керри, а шипы, член и язык исчезли без следа, девушка в теле ведьмы испуганно отшатнулась, изумлённо вытаращив глаза.

— Я постараюсь поддержать твою репутацию, моя милая. — улыбнулась ведьма в теле девушки. — А вот сможешь ли ты поддержать мою? — Она задумалась. — Пожалуй, нет. Ступайка в библиотеку!

Одним ударом лишив сознания своё старое тело, она толкнула его через порог. Громкий всплеск, брызги — и волшебная жидкость закипела в коридоре, готовая к новым завоеваниям.

Керри вприпрыжку побежала к лестнице, пританцовывая от избытка чувств. Как приятно ощущать, что тебе снова пятнадцать!

Резко спикировав, летучая мышь затрепыхалась в воздухе, будто падающий лист. Лёгкий ветерок дохнул ароматом жасмина и свежескошенной травы. За соседним домом горестно завыла собака, сетуя на прельстительное равнодушие серебристого лика луны.

Застыв подобно статуям в пурпурных отблесках уходящего солнца, хозяин гостиницы с доктором изумлённо взирали на паническое бегство домочадцев и гостей дома Реймоа. Лишь истошные вопли несчастных, преследуемых кошмарной студенистой волной, да хруст гравия под их ногами заставляли поверить, что всё это происходит наяву.

Словно очнувшись, доктор Зефиро воскликнул:

— Скорее, друг мой! Поможем им.

Кинкас бросился вперёд, расталкивая толпу растерявшихся слуг, и подхватил на руки девушку, которая запуталась в юбках.

— Вы целы, сеньорита?

Девушка не отвечала, потеряв дар речи от нервного потрясения. Кинкас донёс её до ближайшего

экипажа и бережно усадил на мягкое сиденье. Потом поспешил обратно к дому. Флавио Зефиро суетился неподалёку, также помогая кому-то. К ним присоединился крепкий осанистый мужчина в белом воротничке священника.

— Отец Тексейра! Как вы думаете, что всё это значит?

Священник перекрестился, породистое лицо с выступающим подбородком перекосилось в мрачной гримасе.

— Дело рук дьявола, не иначе.

Поток бегущих уже иссяк, лишь одна женщина осталась в дверях. Она стояла с воинственным видом, подобрав подол платья и почему-то босиком, и сверлила презрительным взглядом собравшихся зевак. Вязкая белёсая река, не столь уж и глубокая при ближайшем рассмотрении, лениво обтекала её щиколотки, медленно струясь по ступеням.

— Трусы! — сурово проговорила она. — Эта гадость не причиняет вреда людям, она разъедает только вещи. Надо спасать хозяина, мне кажется, он ранен.

Хозяин гостиницы, доктор и священник переглянулись.

— Сеньора Соареш права, — сказал Флавио. —

Мы должны сделать всё, что в наших силах.

— Святая Церковь никогда не отставала от медиков, — гордо выпрямился отец Тексейра. — Вперёд, во имя Господа!

— Принесите из сарая лопаты, — обратился Кинкас к толпе слуг, — и начинайте копать траншею вокруг всего дома. Нельзя допустить, чтобы это растеклось по всей округе.

Несколько мужчин кинулись выполнять приказание. Кинкас, Гексейра и Флавио осторожно приблизились к переднему фронту наступающего студня. Он уже сожрал несколько деревянных кадок, пощадив росшие в них пальмы, и теперь двигался медленнее, задержанный бесплодным гравием подъездной аллеи.

— Оно съедает одежду и обувь, — предупредила сеньора Соареш, показывая на свои босые ноги. — Снимите туфли и закатайте брюки.

Последовав её совету, мужчины с отвращением ступили в клейкую лужу и стали с трудом, поддерживая друг друга, карабкаться по скользким ступенькам.

— Сеньор Реймоа провёл весь день в библиотеке, — сообщила сеньора Соареш, когда они, отдуваясь, добрались до двери. — Я сразу кинулась туда, но едва заглянула в дверь, как пол тут

же провалился. Оставаться на втором этаже было опасно, и я побежала вниз. Искать сеньора надо в зале под библиотекой.

— Ведите, — кивнул Флавио.

Все четверо вошли в дом, морщась от резкого запаха. Едва удерживаясь на ногах, скользящих в отвратительной слизи, они стали пробираться по коридору.

— Послушайте, Флавио, неужели эта дрянь — то самое, о чём я думаю? — скривился Кинкас. — Что говорит ваш медицинский опыт?

— Боюсь, вы правы… Но откуда? Я просто теряюсь в догадках.

— Однажды мне пришлось изгонять дьявола, — заметил Гексейра, — и кровь лилась ручьём без всякого видимого источника. Думаю, Сатана, если захочет, может проделать то же самое и с семенем.

— Довольно глупостей! — одёрнула их Сонареш. — Сейчас не время для учёных споров — речь идёт о человеческой жизни.

Они добрались до бального зала и осторожно заглянули в открытую дверь. Там колыхалось обширное озеро спермы, поглотившее уже всю деревянную мебель. На поверхности плавали серебряные тарелки, кубки и подсвечники. Сквозь

остатки обвалившихся перекрытий виднелись ободранные стены второго этажа.

— Похоже, дом недолго простоит, — покачал головой Кинкас.

Соареш внезапно вскрикнула.

— Вон они! Четыре головы. Видите волосы? — показала она пальцем.

Четверо спасателей бросились в зал, сразу утонув по колено и забрызгав одежду, которая немедленно начала растворяться. Схватив за что придётся неподвижные тела, они вытащили их из зала, слыша за спиной треск рушащихся балок.

— Скорее на улицу!

Четвёрка рванулась к выходу, волоча по скользкому студню свой малоприятный груз, как лесорубы тащат поваленные стволы.

— Сеньор Кинкас! — сердито воскликнула Соареш. — Ваш как-то связан с моим, не бегите так быстро.

Скоро печальный улов уже был разложен в ряд на лужайке. Доктор Флавио наклонился и обтёр лица трупов носовым платком с монограммой.

— Все утонули, — таково было его краткое заключение.

Лаудалина Соареш испустила горестный

вопль.

Перед потрясённой толпой предстало жуткое зрелище. Овид Реймоа, замкнутый сам в себя как пустая бутылка Клейна. Эрмето и Жетулио — эмбрионы-переростки со слившимися гениталиями. Лицо четвёртой жертвы озадачило собравшихся, ожидавших увидеть Дарсиану. Лишь один мужчина удивлённо ахнул и бросился к ней.

— Сеньорита Йемана! Боже мой, нет!

— Вы знаете эту женщину, Арлиндо?

Кинкас молча кивнул, сдерживая рыдания. Наклонившись, он погладил испачканную слизью щёку своей благодетельницы.

Сентиментальную сцену прервал оглушительный грохот. Крыша над бывшей библиотекой обвалилась вместе с большей частью стен, подняв в воздух мощный белый фонтан. К счастью, брызги разлетелись недалеко. Рабочая команда, отвлёкшаяся было от своих обязанностей, кинулась завершать ров. К ней присоединялись всё новые добровольцы.

— Все наши старания потеряют смысл, — озабоченно проговорил доктор Зсфиро, — если кто-нибудь унесёт заразу на себе. Он стал раздеваться, вертя в руках распадающиеся лохмотья с

бесстрастным интересом учёного.

Пытаясь взять себя в руки, Кинкас с трудом выдавил:

— Конечно, вы правы, главное — это безопасность города.

Благодаря деловитости и организационным способностям трёх уважаемых горожан, а также твёрдой руке сеньоры Соареш, порядок удалось навести сравнительно быстро. Всех участников трагедии отыскали и заставили пройти дезинфекцию. Холодная вода из садовых шлангов смыла с обнажённых тел все следы опасной слизи. Заражённую одежду бросили в лужу спермы, растекание которой остановила вовремя вырытая траншея. Пострадавшим, пока не прибыла специальная команда, посланная за одеждой, выдали лошадиные попоны и дорожные пледы.

Одетый в рубашку и брюки, позаимствованные в соседнем доме, Арнольдо Кинкас печально наблюдал, как рушится особняк Реймоа. За несколько часов фантастическая сперма сожрала всю органику в пределах окопанного круга, оставив лишь каменный фундамент. Подвал представлял собой глубокий бассейн, из вязкой поверхности которого торчала черепица, куски стекла и всевозможные металлические

предметы. Зловещая жидкость, напоминавшая расплавленное серебро, беспокойно ворочалась, готовая отлиться в новые формы.

Раздался стук копыт и скрип кожаной сбруи — прибыла пожарная команда. Доктор Зефиро встретил их у ворот.

— Вы были на бумажной фабрике и кожевенном заводе? Заполнили цистерны?

— Да, сеньор, всё сделано, как вы передали.

— Тогда начинайте.

Пожарные развернули брезентовые шланги и принялись усердно качать насос. В студенистую массу ударили тугие струи, поднимая густые клубы пара. Воздух наполнился едким запахом химикатов.

К Кинкасу присоединился отец Тексейра.

— Я почти слышу вопли демонов, которых низвергают обратно в ад.

— Я вас понимаю.

— Что с вами, мой добрый друг? Мне кажется, у вас есть какая-то ещё причина для беспокойства.

— Эта погибшая женщина… Когда-то мы были близки.

Тексейра нахмурился.

— Я должен с вами поговорить, Арлиндо. Давайте, когда всё окончится, уедем вместе.

— Хорошо, святой отец.

Цистерна за цистерной химикаты, разрушающие клетки, перекачивались в живое озеро. Сперма умирала, превращаясь в зловонную гниль. Убедившись, что его рецепт работает, доктор окликнул пожарных:

— Окатите всю землю в пределах рва, и как следует.

Кинкас отвернулся и побрёл через толпу к воротам. Ему хотелось побыть одному. В шелестящей тени огромного дерева он заметил двух женщин, сидящих в обнимку под одеялом. Одна плакала, другая молча гладила её по голове. Кинкас направился к ним.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

Плачущая женщина повернула голову. В лунном свете сверкнули ярко-рыжие волосы.

— Ах, сеньор, мы не знаем, что и делать. Хозяева мертвы, вся прислуга потеряла работу. Куда же нам теперь?

Кинкас ласково похлопал её по плечу.

— Как ваше имя, сеньорита?

— Маура. Маура Колапьетро. А это Мэй-Мэй — она немая.

— Кем вы работали?

Маура улыбнулась.

— Я была горничной сеньориты Реймоа, а Мэй-Мэй — её портнихой.

Кинкас немного подумал.

— Если так, то я, наверное мог бы найти для вас работу в своём заведении. Гостиница «Ясный полдень». Приходите в понедельник.

Маура радостно взвизгнула и бросилась Кинкасу на шею. Мэй-Мэй последовала её примеру, молча, но с искренним чувством.

— Не знаю, как и благодарить вас, сеньор!

Окружённый благоухающей женской плотью, Кинкас ощутил одновременно блаженство и страх.

— Не стоит благодарности, я деловой человек и

всегда рад случаю нанять хорошего работника.

Кинкас бросил взгляд через плечо на развалины и, заметив приближающуюся фигуру отца Тексейры, поспешил вежливо отлепить от себя благодарную парочку.

— Извините, я должен идти. С вами всё в порядке?

— Да, теперь в порядке, благодаря вам! Кого нам спросить в гостинице?

— Сеньора Кинкаса. Итак, до понедельника.

Оставив счастливых женщин сидеть под деревом, Кинкас подошёл к священнику.

— Давайте поедем в вашей двуколке, Арлиндо, — предложил тот, — а мою оставим нашему уважаемому доктору. Я ему уже сказал.

Отъехав от опустошённого поместья, превратившегося в отравленное болото, мужчины долго молчали. Потом Кинкас спросил:

— Который час, святой отец?

— Уже почти десять. У вас назначена встреча?

— Вообще-то да, но я не уверен, что найду в себе силы присутствовать.

Священник усмехнулся.

— Хотите, угадаю? Вы собирались посетить дом сеньоры Граки и попробовать новых девочек.

— Как вы узнали?

— Иво и меня пригласил.

— И… вы согласились?

— Конечно, — кивнул Тексейра. — Женщины с Трёх Озёр имеют непревзойдённую репутацию.

— Но ваши обеты…

— Ерунда! Обеты нужно исполнять сердцем. Бывает, что человек сохраняет телесную чистоту, а душа его черна как ночь. Бывает и наоборот. Рим очень далеко отсюда, друг мой, и белые люди совсем не приспособлены к горячим необузданным тропикам. Неужели после всего, чему мы только что стали свидетелями, вы решитесь утверждать, что здешняя распущенность хоть немного отвечает европейским нормам? Иной климат диктует соответствующую этику и тип поведения. Не так ли, Арлиндо?

— Наверное, вы правы, святой отец.

— Пожалуйста, Арлиндо — в свете того, куда мы оба направляемся — зовите меня просто Бальтазар.

— Хорошо, святой… Бальтазар.

— Надеюсь, вы согласитесь сопровождать меня в наш излюбленный притон, если я изберу это для вас в качестве епитимьи?

— Епитимьи? — усмехнулся Кинкас. — Чем же, интересно, я заслужил такой необычный вид

искупления? Все мы, как говорится, не без греха, однако мне что-то неизвестны преступления, за которые грешников бросают в жаркие объятия шлюх.

— Вы поддались чарам ведьмы, друг мой, и ваше отношение к ней граничит с идолопоклонством.

Едва не выпустив из рук вожжи, Кинкас не нашёлся что ответить. Выдержав строгую паузу, отец Тексейра продолжал:

— Я всё знаю, Арлиндо. Сплетники из вашей гостиницы не упустили ни одной подробности, так что я без труда догадался, кто была та погибшая женщина. Не сомневаюсь, что разрушение дома Реймоа — дело её рук. Нам всем очень повезло, что она мертва.

Кинкас молчал.

— У вас просто не хватает силы духа согласиться со мной, — укоризненно проговорил священник, — что уже служит верным признаком дьявольского обольщения. Когда я говорю о гробах повапленных, сияющих снаружи, но наполненных тленом, то имею в виду именно это.

В голосе Кинкаса, полном праведного возмущения, прозвучала нотка неуверенности.

— Если бы вы знали её как я, Бальтазар… — на-

чал он.

— Мне и не нужно её знать. Будь она хоть самой Матерью Божией, ваше чрезмерное поклонение и то представляло бы опасность. Я вижу недоверие в ваших глазах, так позвольте мне рассказать вам одну историю. Надеюсь, вы найдёте её весьма поучительной. ещё в семинарии я познакомился с неким Жоакимом Кабралом. Мы были добрыми друзьями, но сразу после выпуска наши пути разошлись. Милостью Господа я получил место в Сан-Паулу, а Жоакима послали в Пернамбуко наставлять на путь истинный фермеров на плантациях какао. В его сельском приходе не было ни просвещённой компании, ни шумных городских развлечений. Жоаким отличался умом и образованностью, не говоря уже о темпераменте, и вдруг оказался среди краснокожих дикарей и неотёсанных крестьян — и ни одной прекрасной дочки плантатора по соседству. А до индейских женщин он не мог и пальцем дотронуться, иначе его высушенная голова мигом оказалась бы на поясе у какого-нибудь вождя. Местные племена нисколько не походили на наших мирных аборигенов, которые за последние столетия испытали облагораживающее влияние нашей культуры. За весьма короткое время Жоаким перечитал весь

свой скудный запас книг, пресытился общением с соседями и исчерпал сухие прелести онанизма. Он всей душой жаждал женской плоти, и настолько измучился, что даже стал заглядываться на молодого осла, самого чистого и откормленного в округе. И тогда у него возник невероятный план. Он решил, что сам продукт, которым изобиловал тот район, может послужить ему утешением. Скорее всего, источником его вдохновения послужили слухи о проделках рабочих на каучуковых плантациях. Жоаким добыл где-то мешок какао-бобов последнего урожая из тех, что не годились для экспорта, и наняв себе в помощь индейцев, сварил фунтов сто сладкого чёрного шоколада. Потом смастерил из листового олова фигуру женщины — с широкими бёдрами, грудью и всем, что положено, — и залил горячим шоколадом, не забыв вставить между ног длинный стержень. Несколько дней ему пришлось ждать, пока содержимое формы остынет. Чтобы ускорить дело, он погрузил своё творение в холодную проточную воду, подаваемую из реки по целой системе желобов. Наконец, когда торжественный день настал, он распустил рабочих и, дрожа от нетерпения, разбил оловянную оболочку. Женщина вышла на славу, совершенная во всех деталях,

включая соблазнительное отверстие. И разумеется, поскольку авторство проекта принадлежало самому Жоакиму, она была его идеалом. Жоаким полагал, что сможет совершить задуманное прелюбодеяние лишь один раз, поскольку от его жарких ласк шоколадная плоть растает и деформируется. Он решил, что будет собирать останки своей любовницы и отливать её заново, добавляя новый материал, чтобы восполнить неминуемые потери. Однако произошло непредвиденное. Что тут сыграло роль, неизвестно — то ли сверхъестественная похоть святого отца, то ли дьявольские козни индейцев, — так или иначе, шоколадная женщина ожила! Когда Жоаким разделся и заключил её в объятия, она ответила ему с невероятной страстью. Шоколадные веки раскрылись, показав шоколадные зрачки, а шоколадный язык показался между губами и проник ему в рот. Женщина легко раздвинула ноги, и её шоколадное лоно приняло напряжённый член священника, зажав его в тугие тиски. Жоаким совсем потерял голову и пустился вскачь, точно солдат, вернувшийся с фронта. Когда он кончил и вытащил член, белая начинка потекла из шоколадной щели, будто из надкушенной конфеты. Безмолвная любовница, сладкая и нежная, совсем

не пострадала от неистовых ласк — видимо, её сверхъестественная плоть каким-то образом могла сама собой восстанавливаться. Жоаким был на седьмом небе от счастья. Так продолжалось несколько месяцев. Он хранил своё сокровище в прохладном помещении с проточной водой и каждый день развлекался сколько хотел. А потом наступила небывалая засуха. Солнце палило вовсю, дождей не выпадало ни капли, земля потрескалась. Наконец пересохла и река. Плантации были заброшены, и Жоакима вызвали в столицу к епископу за новым назначением. Шоколадную женщину он взять с собой не мог, но настолько к ней привык, что пошёл против воли начальства и остался. Однако воды с каждым днём становилось всё меньше, и наконец благодатный источник совсем иссяк. Шоколадная женщина начала таять. Жоаким плакал и рвал на себе волосы, но сделать ничего не мог. Всего за несколько часов его красавица превратилась в оплывшую тёмную кучу на полу. И что же сделал Жоаким? Как вы думаете, Арлиндо? Он стал её поедать, запихивая в себя шоколад целыми фунтами, словно дикарь на ритуальном пиршестве. Провёл рядом с ней больше суток, весь перемазавшись шоколадом — ел и ел, пока его живот

не раздулся как бочка, а кишки не завязались в узлы. Сильно отравился, но всё же выжил, и долгие годы спустя рассказал мне эту историю, как я рассказываю её вам.

Кинкас долго молчал, погоняя лошадей по извилистой дороге, спускавшейся с холма. Потом спросил:

— А что с ним случилось потом?

— Для его же собственного блага отца Кабрала направили далеко от тех мест, в страну, где шоколад неизвестен. Теперь он наставляет диких патагонцев на Огненной Земле… Поворачивайте направо, друг мой. отпразднуем наши сегодняшние свершения в гостеприимном доме сеньоры Граки, где нет недостатка в обычной человеческой плоти!

Дом номер 23 дробь 1 по Лимонной улице представлял собой великолепный особняк, украшенный карнизами и лепниной. В окнах висели малиновые бархатные шторы, над парадной дверью позировали мраморные Амуры, бронзовая табличка гордо объявляла имя хозяйки.

Приткнув двуколку у тротуара — ближайшее свободное место нашлось лишь в квартале от дома, — Кинкас и священник поднялись по мраморным ступенькам. По булыжной мостовой

глухо процокали копыта клячи, запряжённой в телегу. Словно отвечая азбукой Морзе, Тексейра выбил отрывистую дробь дверным молотком. Кинкас нервно переминался с ног и на ногу.

— Я не уверен, что мне стоит быть здесь сегодня, святой отец.

— Бросьте! Мы с Иво и остальными долго обсуждали вашу затянувшуюся меланхолию и выбрали наилучшее лекарство. Как духовный наставник, я назначаю вам эту необычную, но необременительную епитимью.

Дверь бесшумно распахнулась. На пороге стояла высокая грудастая женщина солидных лет. Обширное декольте её атласного платья было щедро присыпано пудрой, крашеные чёрные волосы уложены в высокую причёску, лицо густо накрашено. Полное цветущее тело излучало старомодную сексуальность.

— Отец Бальтазар! — воскликнула женщина с нервической экспансивностью. — Как чудесно, что вы пришли сегодня! А вы что-то совсем нас забыли, сеньор Кинкас. Заходите, мы вам очень рады!

Войдя в переднюю, Тексейра наклонился и поцеловал руку хозяйки.

— Габриела, вы как всегда обворожительны.

Его комплимент явно не произвёл впечатления. Беспокойство хозяйки борделя стало ещё заметнее.

— Спасибо, святой отец. Прошу вас, проходите в гостиную.

Мужчины последовали за ней сквозь дверной проём, завешенный гобеленом. Тяжёлая ткань, расшитая пасторальными сценами, упала за спиной, отгораживая райский уголок от остального мира.

В гостиной на огромном ковре стояло с полдюжины мягких диванов и большой рояль. По углам располагались лаокоонообразные эротические скульптуры, в небольшой бар пестрел этикетками популярных напитков. Однако вращающийся стул перед роялем пустовал, а бармен отсутствовал. В то же время все сидячие места, включая резные подлокотники, были заняты жрицами любви. Газовое пламя, шипевшее в янтарных шарах, придавало коже всех цветов оттенок карамели. Все как одна пышно наряженные и соблазнительные, женщины напоминали пёстрое скопление райских птиц у водоёма, или, если прибегнуть к более низкому образу, стаю стервятников, собравшихся вокруг лакомой добычи.

Мужчин встретил залп обольстительных улы-

бок и манящих взглядов. Отец Тексейра обвёл оценивающим взглядом невиданное изобилие, достойное султанского гарема, и с удивлением повернулся к хозяйке.

— Послушайте, Габриела, я вижу здесь всех ваших девушек, включая самых новеньких. А кто же тогда развлекает клиентов? Мы едва нашли место, чтобы поставить экипаж — у вас сегодня, должно быть, не менее пятидесяти гостей. Где наш гениальный Америго, который так виртуозно ласкает пальцами нежные клавиши? Что случилось с волшебником Магали, умеющим творить амброзию из самых простых ингредиентов?

Сеньора Грака горько всхлипнула в ответ. Девушки помрачнели, их лица выражали страх и злобу.

— Ах, сеньор, сегодня всё идёт вкривь и вкось. Я теперь наверняка разорюсь, и всё из-за этой проклятой шлюхи Реймоа!

— Дарсианы? — поднял брови Кинкас, изумлённо подкрутив ус. — Да ведь она погибла, когда обрушился дом! По крайней мере, так мы считаем.

Горе хозяйки борделя тут же сменилось раздражением.

— Обрушился? О чём это вы толкуете? Я вам

сама скажу, что случилось — это же ясно, как моя левая титька! Девка просто перенервничала из-за своей вечеринки и сбежала. Явилась сюда несколько часов назад, важная как принцесса, заняла мою лучшую спальню, и с тех пор трахает всех, кто переступает порог дома, включая моих собственных служащих! В результате мы с моими девочками потеряли весь сегодняшний заработок.

— Невероятно! — воскликнул Кинкас. — Может быть, она повредилась в уме из-за катастрофы, а потом сумела выскользнуть…

— Какой катастрофы? О чём вы всё время говорите?

— Вы разве не слышали? Расскажите ей, святой отец.

Тексейра принялся излагать сверхъестественные подробности падения дома Реймоа. Сеньора Грака и её девочки слушали его, затаив дыхание. Когда он закончил, хозяйка ещё больше забеспокоилась.

— Не знаю, что и сказать. Впрочем, если этот мерзкий тиран Реймоа действительно мёртв, у меня хотя бы будет меньше неприятностей. Ладно, если хотите, можете подняться наверх и присоединиться к остальным кобелям. Может,

вам удастся втолковать ей, что случилось. А если не удастся, то по крайней мере трахнетесь на славу, судя по тому, что я там видела.

Длинная винтовая лестница на второй этаж, казалось, никогда не кончится. Её мраморные ступеньки напоминали замёрзший водопад. Тексейра и Кинкас поднимались молча. Хозяин гостиницы нервно вытирал вспотевший лоб. Наверху священник снял свой белый воротничок и спрятал в карман. Они двинулись по коридору к открытой двери, где мелькали тени и слышался невнятный шум.

Офомную кровать с расшитым балдахином едва можно было разглядеть сквозь толпу голых мужчин. Прямые и сутулые, подтянутые и обвисшие, мускулистые и тощие, они теснились в спальне, наполняя воздух острым гормональным смрадом. Демонстрируя разнообразную технику, они усердно возбуждали свои набухшие члены в предвкушении законной добычи, которая ждала их на кровати. Сжимая мясистый отросток двумя руками или одной, за головку или за стержень, гладя мошонку или бёдра, распалившиеся самцы стремились удержать свои орудия на пике готовности, не потеряв при этом драгоценное семя. Никто из них не разговаривал, ограничиваясь

хриплыми стонами и односложными восклицаниями.

Стоя в дверях, Кинкас и отец Тексейра некоторое время наблюдали за оргией. Потом священник начал расстёгивать рубашку. Кинкас взглянул на него с тревогой.

— Бальтазар, я надеюсь, мы не собираемся принимать участие в этой постыдной вакханалии?

— А когда ещё мне представится такая возможность, Арлиндо? Я бы скорее сравнил это с праздниками любви, принятыми у первых христиан.

— Не знаю, не знаю..

Бальтазар уже разделся донага и проталкивался сквозь толпу. Кинкас невольно двинулся за ним, хотя одежду снимать не стал. Собравшиеся встретили Тексейру ликованием.

— Святой отец!

— Дорогу служителю церкви!

— Пусть поучаствует в конфирмации!

Наконец круг прорвался, пропустив новых гостей к кровати.

Дарсиана Реймоа лежала поперёк кровати, раздвинув ноги. Она откинула голову назад, свесив длинные волосы на пол. Гибкое девичье тело было залито свежей спермой, словно один

из трупов, недавно лежавших на лужайке. Над девушкой в разных позах расположились пятеро мужчин. Случайно или нет, но это оказалась та самая неразлучная пятёрка с веранды «Ясного полдня».

Между раскинутыми ногами девушки пыхтел Иво, широко раздвигая своим толстым членом раскрасневшиеся половые губы.

Старший Рикардо и самый младший, Иво, стояли на коленях по бокам, лаская её груди, в то время как Дарсиана, сжимая в руках их члены — один старчески вялый, другой прямой как дубинка, — старалась добыть из них семя. Из члена Белмиро уже висела ниточка прозрачной смазки, ложась тонкой паутиной на торчащий сосок.

Скелетообразный Эштевао и суетливый Януарио стояли в головах. Их члены ритмично скользили туда и обратно между губ девушки, словно два рыцарских копья, направленных в дракона.

Встав позади Иво, отец Тексейра с горящими глазами наблюдал за действиями участников сцены. Кинкас тоже смотрел, словно загипнотизированный, не в силах отвести взгляд.

Иво кончил первый, сотрясая узкий таз девушки могучими финальными толчками, усилен-

ными его избыточным весом. Затем в глотке Дарсианы исчезли извержения двух других пенисов. Белмиро выстрелил так обильно и мощно, что забрызгал живот Рикардо, член которого в ответ пролил лишь несколько капель на ближайшую грудь.

Пятеро мужчин покинули свои места, уже начиная разогреваться для следующего раунда. Дарсиана легко поднялась и села на кровати, непобеждённая и ненасытившаяся.

— О, да это же наш служитель церкви! — пропела она, улыбаясь скользкими губами. — Вы как раз тот, кого я жду. Не хотите ли поиметь меня в зад?

Она ловко перевернулась, встав на четвереньки и выставив блестящие ягодицы.

Тексейра шагнул вперёд, держа в руке налившийся кровью член. Он подвёл его конец к анальному отверстию, сжал бёдра Дарсианы и натянул её на себя одним движением.

Дарсиана сладко застонала, потом оглянулась через плечо.

— Поцелуйте меня, святой отец! — Розовый кончик языка показался между губ.

Тексейра наклонился и приблизил губы к её лицу. Язык мелькнул в воздухе, исчезая у него

во рту. Священник задохнулся, будто подавился, потом судорожно сглотнул.

По-видимому, только Кинкас успел заметить эту анатомическую несообразность. В испуге он сделал шаг назад, но тут же встал как вкопанный — Дарсиана подмигнула ему и снова высунула язык, оказавшийся, как ни странно, на своём месте.

Священник с остекленевшими глазами начал бешено работать членом.

— Целуйте меня! Эй, вы, дрочилы, все сюда! Целуйте, кому говорю!

Боясь прогневать предмет своих вожделений, порабощенные похотью мужчины кинулись к кровати. Выстроившись в очередь, они один за другим приникали губами к грязной бездонной пропасти, полной языков.

Когда число поцелуев перевалило за четыре десятка, Кинкас с изумлением перевёл взгляд на Тексейру. Со святым отцом творилось что-то неладное. ещё не кончив, он прекратил толчки

и обвис на спине у Дарсианы. От тесно прижатых друг к другу тел вдруг пахнуло жаром. Тело Тексейры стало размягчаться, плавиться и на глазах уменьшаться. Внезапно, с нечеловеческой силой и ловкостью, женщина подпрыгнула, перевернулась в воздухе и упала на спину, прижав к кровати несчастного священника, вернее, то, что от него осталось. Скоро исчезло и это: руки и ноги мужчины слились с женскими, лицо расплющилось о затылок и пропало, потом растворилась вся голова. Тело женщины, наоборот, с каждой секундой росло, вбирая в себя чужую плоть. Когда всё было кончено, Дарсиана снова раздвинула ноги, демонстрируя роскошные формы амазонки.

— Следующий! — скомандовала она. — Кто будет следующим?

Дальнейшее пиршество представляло куда менее интересное зрелище. Толкаясь, падая, перелезая друг через друга, мужчины рвались вперёд, стремясь прижаться к телу своей богини. В чудовищном вихре плоти мелькали перепутанные части тела, ноги и руки торчали под немыслимыми углами из содрогающихся обезглавленных торсов, невозвратимо тонувших в прожорливой массе. Эта масса, в которой даже под грудой тел можно было различить прежние

женские пропорции, с каждой секундой разбухала, приобретая невероятные размеры. Лицо Дарсианы, искажённое в экстазе, то появлялось, то исчезало, заслонённое очередной жертвой.

Полумёртвый от ужаса, с бледным перекошенным лицом Кинкас начал медленно отступать к двери.

Ножки кровати с треском подломились, не выдержав веса великанши. За несколько минут она выросла настолько, что едва помещалась в комнате. Последние оставшиеся мужчины бросались на неё, исчезая, словно в морской пучине, в водовороте всепожирающей полипотенциальности.

Кинкас оступился на пороге и чуть не упал. Когда он снова оглянулся, лежавшая навзничь исполинская женщина больше не была Дарсианой Реймоа. Огромное родимое пятно на её лице, похожее на волнующееся озеро портвейна, тяжко пульсировало в такт ударам могучего сердца, спрятанного под грудями размером с призовые головы сыра.

— Сеньорита Йемана… — с трудом выдохнул хозяин гостиницы.

Телеграфные столбы рук протянулись к нему, сбив на пол комод, на котором горели свечи.

— Арлиндо!!!

Оконные стёкла со звоном вылетели наружу. Последовавший за этим могучий вдох великанши вызвал прилив свежего воздуха с улицы. Огонь на полу вспыхнул ярче, подпалив шторы на окнах. Кинкас в ужасе вскрикнул.

— Ты хотел меня, и ты меня нашёл! Иди же ко мне!

Кинкас в панике бросился прочь, зажимая уши, из которых сочилась кровь.

Споткнувшись на последней ступеньке, он упал и разбил подбородок, и, поднимаясь на ноги, едва не был затоптан толпой визжащих женщин, которая вывалилась из гостиной, словно душистый кружевной водопад.

— Пожар! Пожар!

Опомнился он только на улице. Второй этаж борделя был весь объят пламенем. Кто-то взял Кинкаса за плечо. Обернувшись, он увидел перед собой Иксая, своего садовника. Рядом стояла Иина — официантка, а позади — ещё десяток индейцев.

Голос Иксая был спокоен, лицо бесстрастно.

— Идите домой, сеньор, ночь кончается. Мы сделаем всё, что нужно.

Бесчувственное солнце вбивало золотые гвозди в нефритовую крышу джунглей. Бессчётные

литры испарённой растениями влаги окутывали землю удушливой пеленой. Бабочки мелькали среди цветущих побегов, прокладывая свои замысловатые пути в стороне от прямых маршрутов сверкающих стрекоз. Бронированные ящерицы наскакивали друг на друга, словно боевые скакуны средневековых рыцарей. Обезьяны прыгали по веткам, прислушиваясь к резким крикам попугаев. Ночные животные спали, и в их маленьком мозгу всплывали и исчезали одни и те же примитивные сны.

По обе стороны разъезженной грунтовой дорог и начинались непроходимые заросли. Их наступление сдерживали лишь регулярные расчистки, о чём свидетельствовали истекающие соком обрубленные ветки со следами мачете. Огромная повозка с высокими бортами, предназначенная для перевозки поваленных стволов, тяжело катилась по дороге, неохотно поддаваясь усилиям десятка измученных лошадей. Одинокий индеец-возница время от времени снимал соломенную шляпу, чтобы отогнать надоедливых мух. Остальные индейцы шли за повозкой, среди них были Иксай и Иина. Они ещё не сняли одежду белых, но тела большинства путников, как мужчин, так и женщин, украшали лишь свободные набедрен-

ные повязки, бусы да затейливая раскраска.

Громоздкое содержимое повозки, было обмотано старой парусиной и тщательно закреплено верёвками. На ткани местами виднелись тёмные влажные пятна, как будто её недавно поливали водой. Кое-где пятна отличались цветом и были темнее — видимо, какая-то жидкость просачивалась и изнутри.

Неутомимо шагая под цоканье каменных кастаньет, Иина дотронулась до края парусины.

— Как ты думаешь. Иксай, она не успеет высохнуть?

— Будем надеяться. Так или иначе, мы ничего не сможем сделать, пока не придём в деревню.

Иина долго рассматривала бугристую поверхность защитной ткани, словно пытаясь угадать состояние груза.

— Думаешь, богиня ещё жива? Её раны слишком тяжелы.

— Даже самый жаркий огонь не может убить такую как она. Меня волнует не её жизнь, а жизнь племени.

— Что ты имеешь в виду?

— Ксексео должен решить, что делать с безумной богиней. Я боюсь, что он выберет путь в другой мир, из которого нет обратной дороги.

Иина взяла ею за руку.

— Я не испугаюсь смерти, если вместе со мной её примут такие любовники, как Иксай и Туликава.

Иксай мрачно усмехнулся.

— Смерть — это слишком просто, маленькая цикада.

Подобно бестолковому пилигриму, который странствует годы напролёт и никак не достигнет цели, солнце чертило привычную дугу на лазурной глади неба. Индейцы всё шли и шли, почти не разговаривая и не останавливаясь. Ели они на ходу, запивая съестное, завёрнутое в широкие листья, водой из тыквенных фляг. Дорога теперь поднималась вверх, и лошади совсем выбивались из сил. На крутых подъёмах людям приходилось собираться всем вместе и помогать им. Как-то раз колесо наскочило на скалу, выступавшую из земли. Телегу сильно тряхнуло. Груз сдвинулся, и из прорехи в парусиновой обшивке что-то высунулось. Это был кончик пальца величиной с одноместное каноэ. Кожа на нём почернела и потрескалась. Нефритово-зелёный ноготь, широкий как блюдо для дичи, отошёл от мяса и едва держался. Индейцы попытались затолкать палец обратно, но сдвинуть руку, которой он

принадлежал, было невозможно, не потревожив всё покрывало.

— Пускай торчит, — решил Иксай. — Скоро мы будем дома.

Примерно через час телега выехала на вершину холма. На другом склоне джунгли, рассечённые надвое извилистой дорогой, постепенно уступали место широкой прибрежной равнине, за которой простирался океан. Вдали на берегу виднелась деревня, напоминавшая своими очертаниями магический круг. Солёный привкус в воздухе и вид родных домов воодушевили путников. Теперь дорога пошла вниз, и им приходилось, следуя указаниям возницы, изо всех сил нажимать на грубые рычаги тормозов. Медленно и осторожно, бормоча молитвы и проклятия, они спускались по пологому склону в сторону моря. Влажность нарастала с каждым шагом, непроходимые заросли постепенно сменялись солёными болотами и заливными лугами, поросшими жёсткой прибрежной травой, где важно расхаживали длинноногие птицы. Дорога скорее напоминала узкую дамбу, на которой телегу надо было придерживать, чтобы она не слишком кренилась.

Деревня занимала единственное сухое место на берегу. Вокруг большой центральной хижины с

плетёными стенами и высокой крышей концентрическими кругами располагались аккуратные жилища поменьше. От одного к другому вели узкие тропинки, усыпанные битыми раковинами. Широкая песчаная дорога длиной примерно в полмили соединяла противоположный край деревни с берегом океана.

Нина довольно принюхалась.

— Пахнет обезьяньим мясом. И тапиром.

— Пайве готовится к общему пиру. Сначала мы вдоволь наедимся, напьёмся мате, споём в последний раз все старые песни, и только потом Ксексео начнёт разговор о безумной богине. Конечно, иначе и быть не может. Кто же принимает важное решение, не уважив сначала старые обычаи?

Вокруг уже собирались люди. Здесь были мужчины, женщины с младенцами на руках, совсем юные девушки, толстощёкие ребятишки. Среди толпы возвышался красивый молодой мужчина, который, по-видимому, сидел на лошади. Её длинный хвост, отгонявший мух, то и дело мелькал за спинами.

— Туликава! — окликнула Иина всадника.

Юноша махнул рукой в ответ, но теснота не дала ему подъехать ближе.

Два человека стояли впереди, отдельно от толпы. Они резко отличались друг от друга. Первый, лет пятидесяти, был одет в длинную ночную рубашку европейского фасона из полосатой хлопчатобумажной ткани. Над голыми ногами нависал круглый живот. Из отрезанных рукавов рубашки торчали необычайно мускулистые руки. Завершал наряд широкий шёлковый галстук. Лицо мужчины сияло от радости. Рядом с ним стоял настоящий шаман. Невероятно старый и в то же время не имеющий возраста, он был наг за исключением футляра для пениса, который удерживался костяной иглой, протыкавшей насквозь крайнюю плоть. На грудь падали широкие бусы из перьев и костей. Истощённое тело с торчащими рёбрами представляло настоящий лабиринт извилистых линий, лицо напоминало разноцветную маску. Голова была украшена чем-то вроде короны из раскрашенной глины, перемешанной с соломой, с талии свисал на ремешке туго набитый кожаный мешок. Старик опирался на длинный узловатый посох, увенчанный черепом ягуара, и напоминал диковинное растение, привязанное к колышку.

Иксай шагнул к толстяку в ночной рубашке и обнял его.

— Вождь Пайве, мы вернулись и привезли безумную богиню, как приказал шаман. — Он почтительно поклонился голому старику. Тот по-прежнему стоял с каменным лицом.

Вождь сердечно похлопал Иксая по спине. Его голос прозвучал гулко, как из бочки:

— Отлично! Твоё имя будут помнить долго.

Ксексео наклонил посох, дотронувшись выбеленным черепом до плеча Иксая. Бывший садовник дёрнулся, словно от удара током. Когда шаман заговорил, всем показалось, что солнце спряталось за тучи.

— Я почти надеялся, что вы потерпите неудачу. Этот момент означает конец нашей жизни, какой мы её знаем.

Вождь Пайве попытался отмахнуться от мрачного пророчества.

— Мы ещё посмотрим. Я знаю только одно: солнце садится, а улитки исходят паром в своих раковинах, умоляя, чтобы их съели! Пойдёмте в дом и насладимся изобилием земли и моря!

Ксексео поднял посох.

— Подожди! Богине нужна влага. Полейте водой покрывало, но только пресной водой. Ни одной капли морской воды не должно на неё попасть!

Пайве повторил приказ, но это была лишь

формальность: ученики шамана уже бросились за водой.

Толпа повалила в главную хижину пировать. Скоро на улице остался лишь шаман. С торчащего из-под парусины пальца великанши медленно капала вода, слегка окрашенная розовым. Ксексео подставил руку, набрал немного жидкости и поднёс ко рту. Опустив туда кончик длинного языка, причмокнул губами, задумчиво кивнул и двинулся в хижину к своей пастве.

Ночь вступила в свои права, выставив во тьму усечённый лунный лик. Шумное пиршество шло полным ходом. Ароматный дым факелов и костров, казалось, распирал стены огромной хижины,

пульсируйте от пронизывающей воздух энергии. На длинных пальмовых листьях было разложено жареное мясо, овощи, перемолотые в пюре и сваренные целиком, стояли чаши с мучными десертами и мате. На коленях пирующие держали полные до краёв тарелки из морских раковин и кокосов. Вождь Пайве, Ксексео и Иксай сидели в центре на циновках из зелёных ветвей. Вождь ел за пятерых, что вполне соответствовало его репутации, в то время как шаман лишь жевал какой-то корень, на вид твёрдый, как железо. Иксай проявлял разумную воздержанность, заботясь лишь о том, чтобы восстановить силы после долгого пути. Неподалёку от открытой двери сидела Иина, обняв за талию Туликаву и набросив на ноги одеяло, чтобы защититься от прохладного морского ветра. Счастливую чету окружали играющие дети. Когда желудки наполнились, песни были спеты, а шутки и смех начали стихать, Пайве с трудом поднялся на ноги и жестом призвал всех к молчанию.

— Сейчас будет говорить шаман. Он расскажет о богине.

Опираясь на посох, Ксексео встал и обвёл собравшихся холодным взглядом, выдерживая долгую паузу. Потом заговорил.

— К нам явилась безумная богиня, и это одновременно благословение и проклятие. Приход богини означает, что наше племя избрано для перехода на другой уровень бытия, однако такой переход требует оставить позади все привычные радости и печали прошлой жизни. — Он замолчал, собираясь с мыслями.

— Шаман, а не можем ли мы отказаться от этого тяжкого благословения? — спросил Иксай. — Повернуться к богине спиной и продолжать жить прежней жизнью?

— Нет. Я скажу, почему. Богиню нельзя убить. Скоро она оправится от своих ран и проснётся. И тогда, поскольку она безумна, рождена за морем и не знает истинного пути, начнёт сеять ещё больший хаос в Баии и за её пределами. Сила богини лишена мудрости. Если мы хотим остаться верными заветам наших предков, то должны обуздать и воспитать эту силу. Нам придётся слиться с ней на её собственном уровне бытия. Иного пути нет.

Вождь Пайве нахмурился. Казалось, он делает это первый раз в жизни.

— Когда?

— Зачем откладывать неизбежное? Мы должны принять свою судьбу с радостью. Ещё одна неде-

ля, ещё месяц, ещё год — всего лишь отдельные поленья в общем костре нашей памяти и знаний. Надо сделать решительный шаг. Завтра.

Общий вопль собравшихся напоминал одновременно крик рожающей женщины и боевой клич воина. Послышался детский плач.

— Уверен ли ты, что боги одобряют наш выбор? — спросил Пайве. — Имеем ли мы право решать свою судьбу?

Ксексео спокойно кивнул.

— Боги сами нам скажут. Я зарою Огненную Жабу.

Ученики шамана быстро убрали циновки, обнажив земляной пол. Острым концом посоха Ксексео вырыл в утоптанной земле неглубокую ямку. Потом снял с пояса мешок, развязал его и вытряхнул содержимое. В яму сочно шлёпнулась живая жаба. Она сидела спокойно, не делая никаких попыток выбраться.

Ученик поднёс шаману раковину с горящими углями.

— Прими наш дар, посланница неба!

Жаба разинула рот, и Ксексео аккуратно высыпал ей в глотку раскалённые угольки. Даже не вздрогнув, священное животное спокойно проглотило огненную жертву.

— Я зарываю тебя в землю, Огненная Жаба! — пропел шаман. — Я наступаю на тебя! Задай мой вопрос богам, Огненная Жаба, и принеси ответ. Пусть морские волны отпустят меня, пусть сухая земля даст мне покой!

Загрубевшей подошвой он засыпал яму и утоптал её. Потом повернулся к соплеменникам.

— Мы получим ответ завтра. Боги одобрят мой выбор. Проведите эту ночь как последнюю в жизни смертных.

Индейцы начали разбредаться по хижинам. Вдали слышался рокот прибоя. Луна, словно рябой шут, проливала свой язвительный свет на печальную землю. Иксай шёл один, мрачно опустив голову. Внезапно он остановился, почувствовав на плече женскую руку.

— Иина? Я думал, ты останешься с Туликавой.

Прекрасное лицо бывшей официантки смотрело на него снизу вверх, облитое серебристым сиянием.

— Он ждёт меня в своей конюшне. Мы встретимся после полуночи. А сейчас я хочу побыть с тобой.

— Я тоже, просто не решался попросить.

— Глупый! Почему я должна просить первая?

Иксай с улыбкой ущипнул её за ляжку. Рука

об руку они пошли по тропинке. В темноте слышались стоны какой-то влюблённой парочки. Помолчав, Иксай заговорил:

— Неужели я погубил свой народ? Сперва я принял её за обычную ведьму, но потом…

— Перестань! Всё так, как должно быть. Только мы можем приручить такую, как она. Разве наша участь не прекрасна?

— Наверное. Но будем ли мы в состоянии ею гордиться?

— Кто знает. Будем жить, пока можем.

Скромная хижина, в которую они вошли, была освещена лишь горящим фитильком, плававшим в чашке с пальмовым маслом. Золотистый свет выхватывал из темноты татуированные груди женщины и мощную мускулатуру мужчины, словно на холсте старого мастера.

Иина опустилась на колени перед Исаем. Приподняв твердеющий член, она положила его себе на грудь. У основания пениса через морщинистую кожу мошонки проходил короткий деревянный стержень толщиной в палец, выступавший по обеим сторонам. Индианка провела влажным языком снизу вверх по мошонке, взяла член целиком в рот и сделала несколько глотательных движений. Потом Иксай нежно опрокинул

женщину на спину, опустился на колени и, приподняв её бёдра, ввёл член во влагалище. Концы деревянного стержня с лёгким стуком коснулись каменных колец, продетых сквозь половые губы. Иксай ждал. Иина отвела кольца в стороны и привычно надела их на концы стержня. Иксай начал толчки. Размах его движений был ограничен, однако сами ритмичные растяжения кожи мошонки и половых губ резко усиливали ощущения любовников. Скоро индианка начала издавать протяжные крики, Иксай хрипло застонал, и они одновременно достигли оргазма. Упав на Йину, Иксай перевернулся вместе с ней на бок и вскоре задремал. Дождавшись, пока он совсем заснёт, женщина отцепила кольца и выскользнула из хижины.

Ритмичные вздохи любовников и страстные восклицания слышались со всех сторон. Иина быстро шла по тропинке между хижинами. В порыве чувств она, как бы отвечая соплеменникам,

прикоснулась одной рукой к своему влагалищу, а другой приподняла грудь. Впереди показалось освещённое окно, в котором виднелось наклонённое лицо Туликавы и его мелькающая рука, державшая иголку с ниткой. Иина шагнула в дверь. Туликава обернулся, и сосредоточенное выражение на его лице тут же сменилось радостным. Он положил шитьё на узкий столик и поднялся на ноги. Четыре его копыта прочно упёрлись в земляной пол просторной конюшни. Хвост возбуждённо хлестнул по бокам, сбив с полки на пол глиняную кружку. Улыбнувшись Иине, Туликава рассеянно почесал живот в том месте, где человеческая кожа постепенно переходила в грубую лошадиную шкуру.

— Я уже думал, ты не придёшь! Смотри, что у меня есть, он уже совсем готов! Я начал его, когда ты уехала в последний раз. — Он развернул большой платок, расшитый цветами. — Это тебе.

Иина приняла подарок со слезами на глазах.

— Как красиво! Спасибо тебе. Я буду в нём до самого конца. — Она накинула платок на плечи и шагнула вперёд, чтобы обнять кентавра за талию.

— Ну нет! — шутливо запротестовал Туликава. — За такую работу этого маловато.

Иина лукаво улыбнулась.

— Хорошо. Я тебя поцелую. Сейчас, только поднимусь повыше.

Она отошла в угол и вспрыгнула на табурет. Цокая копытами, Туликава приблизился к ней, и они начали страстно целоваться. Остроконечные груди индианки с напряжёнными сосками прижались к волосатой груди кентавра. Он опустил руку и стал нежно гладить её влажную шель. Застонав, она потёрлась о него всем телом. Потом отстранилась.

— Ах, Тули, как жалко, что мы можем целоваться только сначала.

Туликава попробовал принять опечаленный вид, но мало преуспел в этом.

— Да, у меня другое тело, но у него есть и достоинства…

Иина спрыгнула на пол и потрепала кентавра по холке.

— А ну-ка, посмотрим на твоё достоинство! — Она наклонилась и заглянула ему под брюхо.

Огромный синеватый член пульсировал, налившись кровью. С его приплюснутой головки уже свисали нити тягучей смазки. Опустившись на корточки, Иина нежно потёрлась о член сначала одной щекой, потом другой, оставляя на лице

скользкие следы. Потом, обхватив массивный инструмент двумя руками у основания, стала ласкать головку, которая не помещалась в рот, губами и языком, глотая выступающий сок. Туликава начал поддавать задом, член его судорожно сокращался. Выскользнув из-под лошадиного брюха, индианка подошла к столу, расстелила на нём новый платок и легла на спину. Туликава радостно встал на дыбы и скакнул вперёд, поставив передние копыта на стол. Приподняв бёдра, женщина взяла в руки член и приставила головку к половым губам. Потом, взявшись за кольца, развела половые губы в стороны как можно дальше. Туликава шагнул вперёд. Иина вскрикнула от боли. Могучий стержень разломил её щель как переспевший плод, лазуритовые кольца вдавились в бёдра. Она изо всех сил ухватилась за край стола сзади, одновременно раскинув бёдра как можно шире и зацепившись ногами слева и справа. Член входил во влагалище всё глубже.

Введя его наполовину, кентавр остановился и начал медленные толчки. Исступлённые крики женщины взорвали ночную тишину. Стол качался и трещал как корабль, попавший в шторм. Когда Туликава кончил, его обильное семя сразу переполнило влагалище. Он вытащил член,

и пенящийся поток хлынул свободно, заливая стол. Кентавр отступил, с тяжёлым стуком опустив копыта на пол. Иина лежала с закрытыми глазами, её тело обмякло. Он приблизился и, наклонившись, поцеловал её в лоб. Чёрные ресницы затрепетали, раскрываясь. Она погладила ею по щеке.

— Мы запачкали твою вышивку? Ничего, я всё равно надену этот платок. Я хочу ощущать твой запах, когда буду встречать судьбу.

— Но крайней мере, мы пойдём вместе, — вздохнул кентавр. — Как же иначе, ведь мы с тобой дружим с детства. Если вы с Иксаем будете завтра рядом со мной, я приму свою участь с радостью.

— Я тоже, Тули. Я тоже.

В тот особый день природа преподнесла самые обычные утренние подарки. Ласковый бриз возвестил триумфальный выход солнца. Нарядные облака ушли со сцены, уступая дорогу. В зарослях послышались крики лесных обитателей, следом заголосили и домашние животные, которые сообщали о своих нуждах куда вежливее, привыкнув к регулярному питанию. Однако сегодня вместо обычного корма они получили свободу. Их выпустили из сараев и загонов, хлестнули хворостиной и предоставили самим себе. Стран-

но было и другое: из очагов не поднимался дым, не слышалось звуков стирки, никто не собирался на охоту. Люди выходили из дверей молча, с печальными, а то и заплаканными глазами, и потихоньку брели к центральной хижине.

Ксексео ждал их на пороге. Он стоял, выпятив грудь, лицо светилось гордостью и самодовольством. Кошачий череп на посохе вторил его улыбке.

Над хижиной высилось дерево, проросшее сквозь крышу — Огненная Жаба сделала своё дело. Густая листва на трёх его ветвях, красной, белой и чёрной, шуршала на ветру, нашёптывая волю богов.

Уверенный голос шамана накрыл толпу как зонтик:

- Нам подан знак! Белая ветвь — это любовь. Красная ветвь — отчаяние. Чёрная — смерть. Белая большая, красная поменьше, чёрная — меньше всех. Мы встретим нашу общую судьбу сегодня!

— Я не опоздал? Пропустите! — воскликнул кто-то в толпе.

К шаману протиснулся юноша-метис в городской одежде.

— Кто ты? — строго спросил Ксексео. — Почему

мешаешь нам в этот священный час?

— Ксексео, это же я, Каозиньо!

— Каозиньо?

— Бывшая Каозинья, дочь Зетвары и Лазаро Сабино, белого человека.

В толпе послышались смешки. Шаман поднял руку, и всё смолкло.

— Ты похож на дочь Зетвары, но ты не женщина! Как это может быть?

Каозиньо кивнул на телегу с грузом, накрытым парусиной.

— Это сделала безумная богиня. Я стал мужчиной, а отец — женщиной. Потом мы переехали в город, и отец, то есть, мать поменяла профессию и пошла работать в дом сеньоры Граки. Мы с сеньором Велосо ездили закупать товар и вернулись только вчера вечером. Мать рассказала мне, что случилось, и я сразу же вскочил на коня и помчался сюда. Я хочу помочь вам укротить богиню.

Ксексео глубоко задумался, потом важно произнёс:

— Ты не можешь нам помочь. В твоих жилах течёт кровь белого человека — она не нужна богу, которого мы хотим сотворить.

Каозиньо опустил голову. Вождь Пайве вышел

вперёд и положил руку ему на плечо.

— Ты не разделишь нашу судьбу, сынок, но сделаешь дело не менее благородное. Будь свидетелем сегодняшнего дня и расскажи миру о нашей жертве.

Лицо Каозиньо просветлело, он выпрямил спину.

— Мы должны доставить богиню к морю. — сказал Ксексео. — Расчистите путь.

Толпа бросилась выполнять приказ, растаскивая на части и унося в стороны лёгкие хижины, которые загораживали путь телеге. Иксай подошёл к шаману.

— Мы не уедем далеко. Колёса застрянут в песке.

— Что ты предлагаешь?

— Снять колёса и тащить телегу волоком.

— Хорошо.

Через час всё было готово. Через деревню, словно след пронёсшегося урагана, проходил широкий путь к морю. Телега превратилась в импровизированные сани, в оглобли запрягли свежих лошадей. Кнут щёлкнул, лошади рванулись вперёд, и богиня двинулась в путь, последний в её нынешнем земном воплощении. Самые сильные из мужчин налегали плечами на стойки телеги, помогая упряжке, остальные торжественно шагали сзади. Музыканты с флейтами и барабанами наигрывали мелодию, окрашенную в цвета волшебного дерева — белый, красный и чёрный. Процессия медленно продвигалась к берегу океана. Ксексео приказал установить сани у самого края волн открытым концом вперёд. Лошади не хотели заходить в воду, и лишь Туликава смог уговорить их. Наконец сани остановились.

Толпа молча ждала приказов шамана. Каозиньо стоял поодаль, там, где начинались травянистые дюны.

— Откройте её!

Узлы легко поддались умелым пальцам. Десятки рук вцепились в парусину и разом дёрнули.

Обугленное лицо, сожжённые груди, обгоревший живот, покрытые струпьями бёдра — женщине давно следовало быть мёртвой. Тем не менее, она дышала, чуть слышно, но ровно.

— Нож!

Ученик подал шаману острое мачете.

— Последними подойдут те, кто избран, чтобы столкнуть её в воду. Тогда они успеют потом присоединиться к нам. Пусть встанут отдельно, чтобы я их видел.

Несколько человек, в том числе Иксай, отошли в сторону.

— Хорошо. Остальные по очереди подходите ко мне.

Ксексео подошёл к великанше, похлопал её по боку, словно мясник, выбирающий лучший кусок от туши, потом начал резать. Первой в очереди причащавшихся была древняя старуха с отвисшими сосками. Она нерешительно взяла мясо в рот, пожевала и проглотила. Увидев, что с ней ничего не случилось, люди стали подходить увереннее. Очередь постепенно двигалась. Иина в вышитом платке сидела верхом на Туликаве.

Кентавр взял два куска и поделился со своей всадницей. С улыбкой глядя друг другу в глаза, они положили в рот мясо богини. К полудню свои порции получили все, включая рабочих Иксая. Остался один Ксексео. Отбросив посох и нож, он с неожиданной лёгкостью вскарабкался на тушу, прошёл по хрустящей обугленной коже к подбородку и бесстрашно запустил обе руки в полуоткрытый рот. Поднатужившись, вытащил на свет кончик языка и вцепился в нею острыми зубами. Набил полный рот и с натугой проглотил жёсткий ком.

— Толкайте!

Рабочие бросились вперёд и налегли на сани…

Когда первые солёные брызги попали на сожжённую кожу, по всему гигантскому телу, с головы до пяток, прошла крупная дрожь. Не удержавшись, шаман с плеском полетел в воду.

— Глубже! — крикнул он, кашляя и отплёвываясь.

Мужчины повиновались. Они заходили всё дальше, толкая перед собой плот, пока не потеряли дно, потом развернулись и поплыли к берегу.

Тело богини начато вздуваться и опадать, будто терзаемое изнутри штормом. Дальнейшее рассмотреть не удалось. Высокая волна перевернула

плот, и монументальная женская фигура исчезла в глубине, оставив за собой мощный водоворот.

Люди на берегу вдруг засуетились, заметались — им явно становилось не но себе.

— Все сюда, ко мне! Я семя! — скомандовал Ксексео.

Привыкнув подчиняться и ощущая новые непонятные желания, жители деревни начали собираться вокруг шамана, вскоре заслонив его полностью. Они облепили его как клейкие зёрна варёного риса, стараясь прижаться теснее. Те, кто были снаружи, стремились проникнуть глубже, словно сперма, атакующая яйцеклетку.

Каозиньо смотрел с холма, поражённый небывалым зрелищем.

Суматоха на берегу приобретала сверхчеловеческие масштабы. Плоть теряла границы, люди сливались друг с другом, притягиваясь к единому центру. Хаотическое мельтешение форм постепенно приобретало симметрию. Скоро всё было кончено. Толпа людей превратилась в огромный полупрозрачный ком с сальными прожилками, похожий на медузу, выброшенную на берег. Внутри протобога можно было различить медленно плавающие тени — последние следы человеческих тел.

Некоторое время ком плоти лежал неподвижно. Потом начал меняться: вытянулись лапы, выдвинулись челюсти с острыми клыками, уши поднялись торчком, ощетинились усы, развернулся хвост, удлинился пенис в кожаном чехле, глаза зажглись зелёным светом, бледная кожа стала покрываться густым чёрным мехом…

Гигантский ягуар-самец, вобравший в себя сотни человеческих тел, сел и замер у воды, направив взгляд туда, где исчезла женщина. Он напоминал домашнего кота, затаившегося возле мышиной норы. Его хищное возбуждение выдавал лишь кончик огромного хвоста, который нервно ходил из стороны в сторону, разбрасывая песок.

Каозиньо тоже неотрывно смотрел вдаль, встав на цыпочки и дрожа от нетерпения.

Поверхность моря начала кипеть. Ягуар вскочил на ноги, хлеща хвостом по бокам. Из волн выстрелило длинное щупальце, потом другое, третье… На свет показались блестящие бахромчатые складки нежного золотисто-пурпурного оттенка. Чувствительные отростки разной формы то появлялись, то пропадали, заставляя морскую воду бурлить и пениться. Попав в родную среду, рукотворный Протей, разделявший личность

Керри Хэкетт, резвился, наслаждаясь здоровьем и свободой.

Распластавшись в мощном прыжке, ягуар с громовым всплеском обрушился в воду. Он шёл вброд, полоща в волнах брюхо, потом поплыл… Когда, наконец, добыча оказалась в пределах досягаемости, огромный кот, рванувшись вперёд, впился клыками в морскую тварь. Немедленно среагировав, она растеклась по его морде как тесто и окутала голову. Лишённый возможности видеть, но нисколько этим не смущаясь, ягуар развернулся и поплыл назад. Выбравшись на мелководье, он вцепился в песок всеми четырьмя лапами и с силой тряхнул головой. Болтая щупальцами, Протей взмыл в воздух и обрушился в густые заросли за первой полосой дюн недалеко от того места, где стоял Каозиньо. Юноша испуганно втянул голову в плечи, но остался на месте.

Несколько минут из чащи слышался треск и какие-то непонятные звуки. Потом ветки с хрустом раздвинулись… Острые уши, горящие глаза, оскаленные клыки — над искалеченными деревьями поднялась ещё одна огромная кошачья голова. Из зарослей вышел второй чёрный ягуар. Два величественных зверя сверлили друг друга

глазами, издавая утробный рык, подобный отдалённым раскатам грома. Потом ягуар поменьше, который когда-то был Керри Хэкетт, повернулся и пустился бежать. Это была самка. Её выступающие половые органы покраснели и припухли, как в период течки. Ягуар-самец бросился за ней, оставляя в болотистой почве следы величиной с тележное колесо. Рычание, брызги слюны, резкий мускусный запах… Оба гигантских зверя промчались совсем рядом с Каозиньо. Юноша распластался по земле, чувствуя, как она трясётся. Когда он решился встать, в дальних зарослях мелькали лишь кончики хвостов да слышался треск сломанных деревьев.

Каозиньо посмотрел на волны, потом на пустой берег и покинутую деревню, будто старался понадёжнее закрепить в памяти невероятные события этого дня. Потом медленно пошёл прочь. Впереди лежал долгий путь домой.

Путь, проложенный ягуарами через джунгли, был шире, чем дорога в город. Поваленные стволы, груды веток, раздавленные животные. Самка ягуара неслась вперёд, проламываясь сквозь чащу, перепрыгивая через овраги и ручьи, но шум погони становился всё громче и громче. Воздух обжигал лёгкие, сердце стучало, как молот по

наковальне, глаза помутнели. Вырвавшись из объятий леса, она оказалась на краю широкой саванны. Впереди лежали многие мили травяных пустошей, где не было никакой возможности укрыться.

Пробежав ещё несколько шагов, она повернулась и стала ждать самца. Увлечённый погоней, он выпрыгнул на открытое место и, увидев свою добычу, остановился как вкопанный. Два гигантских зверя поднялись на задние лапы и бросились друг на друга. Ягуариха с диким воплем полоснула самца когтями, оставив на его морде кровавые полосы, но тут же получила достойный ответ. Могучая лапа сбила её с ног, она покатилась по земле. Самец рванулся вперёд — она перевернулась на спину, готовая распороть ему брюхо задними лапами, — но он проворно отпрыгнул в сторону и, извернувшись, схватил её за горло, не прокусывая кожу, но и не давая вырваться. Самка замерла, судорожно вцепившись когтями ему в плечо. Наступила долгая пауза. Они не двигаются и не могут встретиться глазами, но всё же каким-то образом — может быть, посредством когтей или клыков — обмениваются желаниями, испытывают готовность партнёра, проверяют его достоинства и слабости.

И вот, наконец, подан сигнал к окончанию этого безмолвного разговора.

Ягуариха убрала когти.

Не разжимая челюсти совсем, самец ослабляет захват, давая самке возможность перевернуться на живот. Затем занимает позицию сверху. Она выгнула спину, подставляя зад — он чуть- чуть отступил, выбирая положение. Пенис выдвигается из чехла и находит половое отверстие.

Как только хрящеватое утолщение у основания остроконечного стержня, обвитого венами, запирает разгорячённую скользкую щель, самец разжимает клыки. Самка испускает протяжный рёв, в котором смешаны поражение и триумф, наслаждение и отчаяние, любовь и смерть.

Нервое бурное совокупление оканчивается быстро. Выдрав когтями груды дёрна и подняв своими воплями тучи птиц с окрестных деревьев, ягуары на время затихают. Однако за первой дозой укрощающей спермы следует второй урок, а потом и третий. Насытившись, ягуары расслабленно падают в мягкую густую траву. Сплетая гибкие чёрные тела, блестящие на солнце, они нежно вылизывают друг друга.

Часть третья

Большие волосатые руки с коротко подстриженными ногтями и золотыми кольцами поддерживают раскрытую библию, из которой торчат алые ленточки закладок. С резким стуком толстая книга захлопывается. На её потёртой кожаной обложке видны готические буквы, вытисненные золотом. Голубой синтетический плащ священника облеплен снежной кашей, ноги вязнут в топкой грязи на краю свежевырытой могилы. Широкое румяное лицо, пышущее здоровьем, прикрыто профессиональной маской скорби.

Мокрый снег падает сплошной стеной со свинцово-серых небес. Мёрзлая вода, готовая вот-вот растаять, оседает рыхлыми холмиками, не в силах вырваться из цепких объятий зимы.

Кроме священника, на похоронах присутствуют только трое. Они застыли на краю зияющей ямы, словно фигуры диковинного фриза. Питер Джариус в элегантном непромокаемом пальто стоит рядом с мисс Прессер, чернокожей секретаршей из приёмной, держа над головой неуместно яркий полосатый зонтик. Ориша, вся в чёрном, размазывает по лицу косметику

мокрым скомканным платком. Чуть поодаль, склонив непокрытую голову, стоит Танго. По его измождённому лицу стекает вода, руки засунуты в карманы чёрной мотоциклетной куртки, разрисованной языками пламени.

Рокочет чуть слышно двигатель кладбищенского экскаватора, за запотевшими стёклами виднеется фигура водителя. Неподалёку топчутся двое рабочих в комбинезонах. По знаку священника они подходят ближе и берутся за рычаги лебёдки. Гроб висит над могилой, слегка покачиваясь на верёвочных тросах.

Унылый взгляд священника обегает лица присутствующих.

— Говорите… Что ж, если никто больше не хочет ничего сказать…

Люди молчат, отводя глаза.

Одинокая птица кружит над размокшими сугробами.

Время вышло, священник кивает рабочим. Гроб медленно опускается, позволяя прочесть надпись на могильном камне:

КЕРРИ ХЭКЕТТ
1990–2015
«О, светлый ангел, потерявший рай!

Блаженства не узнав, ушла она.
Как тает облачко, дождь выплакав до дна».
— Шелли

С глухим стуком гроб ударяется о дно. Поднатужившись, рабочие вытягивают наружу верёвки. Мотор экскаватора ревёт, набирая обороты.

— Служба закончена, — объявляет священник. — Спасибо всем, кто пришёл почтить память мисс Хэкетт. Если у кого-нибудь есть вопросы, я некоторое время буду в часовне, а потом вернусь в город. Соблюдайте осторожность на дорогах — погода сейчас опасная.

Зонтик Джариуса подпрыгивает в такт шагам, провожая безутешную секретаршу к лимузину, который припаркован у пересечения кладбищенских дорожек. Танго идёт напрямик через заснеженную лужайку к главным воротам. Машина нагоняет его уже на дороге. Заднее стекло скользит вниз.

— Вы собираетесь идти до города пешком, мистер Сантанджело?

— Здесь есть автобус.

— С моей стороны было бы бесчеловечно не подвезти вас, — говорит Джариус, — а вы посту-

пите жестоко, если откажетесь.

— Имел я в виду твои проповеди. Мне садиться или нет?

— Какая очаровательная непринуждённость! Отличное начало для дружеской беседы, на которую я рассчитывал. Падайте сюда, мистер Сантанджело, будьте так добры.

Джариус распахивает дверцу. Волна тёплого воздуха мгновенно рассеивается в окружающем холоде. Танго забирается внутрь. На широком заднем сиденье только он и Джариус — Ориша сидит впереди, рядом с водителем. Видно, что она продолжает всхлипывать, хотя стеклянный экран гасит все звуки. Ансельмо трогает с места, направляясь к выезду на шоссе, где возвышаются два мемориальных дуба. Когда машина поворачивает, за деревом обнаруживается человеческая фигура. Бродяга неуверенно жмётся к толстому стволу, будто хочет спрятаться. Из складок синего пластика, окутывающего тело, выглядывает почерневшее от грязи лицо. Лимузин набирает скорость, оставляя нищего позади.

Джариус протягивает Танго руку, тот небрежно шлёпает по ней ладонью.

— Нас свели вместе печальные обстоятельства, мистер Сантанджело, хотя мы так никогда и не

были представлены. Однако у меня есть ощущение, что мы хорошо знаем друг друга.

— Слишком хорошо.

— Что вы, — улыбается Джариус, — разве можно говорить так о мужчинах, которые оба удостоились любви женщины, подобной мисс Хэкетт? Впрочем, тут я немного льщу себе, хотя некоторые основания причислять себя к счастливцам у меня есть. Так или иначе, я уверен, что мы просто обязаны узнать друг друга получше.

Небритое лицо Танго с воспалёнными глазами медленно наливается кровью. Наконец он взрывается:

— Это ты убил её, ты, ублюдок! Признай это! Хотя бы сейчас, когда никто не слышит. Смерть Керри на твоей совести!

— О! Вы затронули самую суть вопроса, который я намеревался прояснить, мистер Сантанджело. Начну с того, что никто не сожалеет больше, чем я, о безвременной кончине мисс Хэкетт. Сияющий чистотой ангел был внезапно вырван из замкнутого круга унылых мирских забот… Однако бремя ответственности за такой ужасный конец следует возложить исключительно на своеволие и непредсказуемость самой мисс Хэкетт. Возможно, я поступил несколько опро-

метчиво, когда предоставил ей доступ в особо секретное подразделение компании Диаверде, но принятие подобных решений находилось целиком и полностью в моей компетенции. Не мог же я, в конце концов, предвидеть, что ваше зверское обращение вынудит её использовать экспериментальное существо, созданное нашими учёными, чтобы совершить изощрённое самоубийство!

— Что это ты несёшь? — рычит Танго. — По твоему, я заставил её наложить на себя руки?

— Вы, наверное, догадываетесь, мистер Сантанджело, что обстоятельства смерти мисс Хэкетт требовали тщательной экспертизы. Когда образцы ДНК уникального существа — увы, теперь навсегда потерянного для нас, — которое мисс Хэкетт так необдуманно выпустила, извлекались из её бренных останков, найденных ночной охраной на полу лаборатории, мы случайно обнаружили там кое-что ещё… В общем, если выражаться грубо — в вашем стиле, мистер Сантанджело, — мы достали из её задницы вашу заражённую сперму.

Танго сидит молча. Растаявший снег капает с куртки, оставляя пятна на сиденье.

— Вы ведь не знали о нашей находке, не так ли?

Думаю, что нет. Разумеется, я держал всё в тайне. У компании Диаверде и так неважные отношения с прессой, так что слухи об имевшем место изнасиловании ей ни к чему. Я говорю именно об изнасиловании, мистер Сантанджело. Вряд ли мисс Хэкетт пошла бы на анальное сношение с человеком, заражённым вирусной инфекцией. Даже не будь отдельного закона на этот счёт — закона, который вы наверняка знаете наизусть, мистер Сантанджело, — я уверен, что у мисс Хэкетт хватило бы здравого смысла воздержаться. Так что легко представить её душевное состояние после того, что вы с ней проделали — в ту самую ночь, когда она покончила с собой.

— Зачем копаться во всём этом?

— Мы оба должны понять, что определённая доля ответственности лежит на каждом из нас. Мне придётся жить с сознанием вины за то, мисс Хэкетт получила доступ к орудию самоубийства, а вам — за то, что подтолкнули её к грани безумия. В одном случае средство, в другом — мотив.

— Ну и что?

— А вот что: любые законные или незаконные акции, предпринятые вами против компании или меня самого, выйдут для вас боком, мистер

Сантанджело. Ни один из нас не останется незапятнанным. Однако это не значит, что мы не можем достичь соглашения. Мисс Хэкетт была отличным работником, и мне кажется, что вы заслуживаете того, чтобы получить после её кончины некоторую разумную сумму — так сказать, пособие в связи с потерей кормильца, — хотя, конечно, никаких законных прав не имеете. Вас устроили бы, скажем, семьдесят пять тысяч?

Болезненно скривившись. Танго скребёт ногтями запястье.

— Почему бы и нет? Жить мне осталось недолго, на хлеб с маслом хватит.

Джариус в улыбке раздвигает покрытые оспинами щёки.

— Я взял на себя смелость выписать чек заранее. Возьмите.

Показавшись на мгновение, чек переходит из кармана в карман. Напряжение, витавшее в воздухе во время разговора, рассеивается. Ориша Прессер больше не плачет, её неподвижный взгляд устремлён вперёд. Ансельмо ведёт машину по полупустому шоссе, впереди уже маячат безвкусные композиции из стекла и бетона. Джариус и Танго погружены в молчание, почти дружеское.

— А что за чушь там на надгробии? Керри никогда особо не жаловала стихи.

— Просто некий жест с моей стороны, мистер Сантанджело. Поскольку я сам платил за камень, то счёл себя вправе заказать подходящую к случаю надпись. Вы считаете её неуместной?

— Да какой там ангел! Она была такая же, как все. Просто человек.

— Наверное, вы правы, несмотря на мои романтические иллюзии. Но даже такой скромный статус она сохраняла лишь до момента своей смерти. Вы видели её тело в морге, мистер Сантанджело, вернее, то что от него оставил Протей. Разве можно назвать эти жалкие останки человеческими?

Танго молча передёргивает плечами.

Бледный свет, бледные лица — ещё одно хмурое утро в тесном обшарпанном мегаполисе. Пешеходы, торговые лотки, солдаты шаркают, катятся на колёсах или вышагивают по тротуарам. Роскошные лимузины элиты хозяйничают на полупустой проезжей части. Февральское солнце со щедростью скряги бросает тусклый свет на старые почерневшие от грязи сугробы. Одинокий голубь снуёт как броуновская частица, утоляя свой голод беспорядочными клевками.

В забытом переулке на углу болтается вывеска: «Амадор-стрит». Обшарпанные руины с пустыми глазницами окон, забитыми фанерой, слепо таращатся на заваленную мусором мостовую. На ступеньках крыльца расположилась компания пьянчуг. Они передают по кругу бутылку портвейна, споря о том, кому пить первым. Грязные окоченевшие руки тянутся вперёд, сталкиваются — драгоценный сосуд падает и разбивается вдребезги. Неуклюже пихаясь и оглашая тишину переулка потоками брани, бродяги ковыляют дальше в поисках выпивки или пары монет, которые можно в неё превратить.

Багровая лужа, усеянная осколками, сразу не замерзает и не успевает быстро высохнуть. По переулку проносится залётный ветерок и вмиг исчезает. Поверхность лужи подёрнулась рябью, на ней остался еле заметный налёт золотистой пыльцы. Проходит время. Стылых воздух неподвижен, однако рябь почему-то не исчезла. Жидкость потемнела, мелкие волны бегут в разных направлениях, отражаются, сталкиваются, сливаются в одну, которая вдруг выплёскивается через край и захватывает клочок бумаги, который начинает растворяться. Этот успех разжигает амбиции странной лужи. Захватив

в плен и сожрав дохлую крысу, лежавшую у края тротуара, она начинает расползаться во все стороны. К полудню пятно синевато-багровой желатиноподобной слизи занимает почти всю мостовую. Вязкая масса взбирается на ступеньки, пробует подняться по бетонной стене, облепляет разбитый пожарный гидрант.

Одинокий рассыльный на велосипеде первым замечает странную лужу. Он машинально поворачивает и объезжает её вдоль стены. Через некоторое время в переулке появляются мужчина и женщина. Увлечённые разговором, они проходят несколько шагов и останавливаются, удивлённо рассматривая свои запачканные туфли.

— Что это за клейкая штука?

— Похоже на вино. И запах…

— Да тут целую цистерну разлили.

— Есть же у людей такие деньги!

Парочка удаляется, оставляя на асфальте тёмно-красные следы.

Четвёртый прохожий, прыщавая девчонка с мешком пустых банок за спиной, становится свидетелем невероятною зрелища.

Лужа учится творить. Из неё торчат короткие толстые стебельки, похожие на ножки грибов,

на концах которых возникают слегка смазанные, но вполне узнаваемые формы: цветок орхидеи, дыня, перистый лист, банан, кокосовый орех… Постояв немного, дрожащие студенистые грибы втягиваются обратно, чтобы снова возникнуть в другом месте и в другом виде.

Рассыпанные банки грохочут по мостовой. Девочка в панике бросается прочь.

Вскоре появляется патруль. Солдаты осматривают переулок и удаляются, оставив по часовому на обоих концах квартала. Через полчаса опасный участок уже отгорожен, за металлическими барьерами толпятся репортёры, нацеливая камеры под разными углами, специальная команда надевает защитные костюмы. Пластиковые экраны шлемов похожи на компьютерные мониторы, показывающие крупным планом испуганные человеческие лица.

Бронированный автомобиль, словно навозный жук, потерявший шар, кружит по застывшему ночному городу.

— … объявлен комендантский час до шести часов утра. Нарушители будут расстреливаться без предупреждения. В связи с опасной ситуацией в городе объявлен…

Две женщины в бронежилетах шагают мимо

витрин, закрытых стальными щитами. Их лица угрюмы, глаза тревожно бегают. Стук грубых ботинок разгоняет могильную тишину. Миниатюрная латиноамериканка дотрагивается до серебристого металлического яйца, висящего на поясе.

— Как ты думаешь, эти штуки сработают?

— Что-то мне не верится. Амадор-стрит до сих пор закрыта.

— Какого чёрта тогда мы их таскаем?

— Вместо кроличьей ножки. Талисман для военных. Потрёшь и сразу успокоишься.

— Слава богу, они хоть на это годятся.

В конце полутёмного квартала мелькает тень. Человеческая фигура в военной форме вырисовывается на фоне стены, будто вырезанная из бумаги.

— Стой!

Фигура резко выпрямляется и скользит во тьму. Женщины поднимают ружья и делают несколько выстрелов наугад.

— Одинокий Солдат!

— Ты думаешь? Как там его зовут…

— Шангольд.

— По-моему, это легенда. Он просто не выжил бы в одиночку. Весь город за ним охотится.

— Этот выживет. Ублюдок. Насилует женщин, забирает деньги и тратит на медок.

— Может, поймаем?

— Ещё чего! У меня двое ребятишек, не хочу, чтобы они стали сиротами из-за такого дерьма. Мне не так много платят.

Беглец заворачивает в тёмную подворотню, пропахшую плесенью и гнилью. В отсветах лампочек ночной сигнализации мелькают широкие плечи, чёрные щёки и безумные глаза. Сломанная молния на ширинке заколота булавкой. Одинокий Солдат останавливается возле густо разрисованного мусорного контейнера, открывает железную дверцу и запускает руку внутрь.

Вытащив пластиковый свёрток, разворачивает его и достаёт обломок синтетических сот с ячейками, запечатанными красным желатином. Гнилые зубы жадно впиваются в клейкую мякоть, с небритого подбородка стекает золотистый сироп. Обтерев лицо рукой, чернокожий солдат тщательно вылизывает обёртку, подбирая все капли наркотика.

— Рядовой Шангольд, я так соскучилась по тебе!

Блестящие глаза испуганно расширяются. Солдат вихрем разворачивается и выпускает

длинную очередь в пустой полумрак.

— Я здесь, милый. — раздаётся голос за спиной.

Десять зеленоватых игл впиваются в затылок — Шангольд резко выпрямляется, закидывается назад и валится на грязную мостовую. Глаза его всё ещё открыты.

Обнажённые ноги, пышные бёдра, живот, торчащие груди, улыбающееся лицо… Керри Хэкетт смотрит на солдата сверху вниз, сияя белизной кожи. В застывшем воздухе виден пар изо рта, но холод её, по-видимому, нисколько не беспокоит.

— Ты должен помнить моё лицо, рядовой. Большая часть меня отправилась в другие миры, но другие части остались здесь. Одним повезло, другим не очень. Твоя память способна вместить иные миры? Моя способна. Может быть, мой рот поможет тебе вспомнить меня всю?

Керри приседает на корточки перед лежащим телом. Её руки расстёгивают булавку и стягивают с мужчины брюки, обнажая вялый подёргивающийся член. Она нежно проводит пальцем по длинному чёрному отростку, и тот мгновенно просыпается, на глазах наливаясь кровью. Керри приподнимает его рукой и, наклонившись, прикасается острым кончиком языка к узкому вертикальному отверстию. Присосавшись к го-

ловке пениса, язык обволакивает её и проникает в уретральный канал. Головка раздувается, и трубка из плоти начинает втягивать нежный розовый комок подобно тому, как удав заглатывает добычу. Наконец язык, отделившийся от своего корня, полностью исчезает внутри. Керри снимает с солдата куртку и рубашку, потом встаёт и делает шаг назад.

Через несколько минут обнажённая кожа лежащего мужчины начинает дрожать, приобретая чешуйчатый рисунок, словно у фантастической человекообразной рептилии. Потом на груди, животе, бёдрах — по всему телу появляется множество бугорков, которые быстро растут, превращаясь в головки живых ящериц.

Раздувая ноздри и тараща глаза, ящерицы лезут наружу, словно из пруда, покрытого плёнкой, вытягивая за собой длинные хвосты. За ними лезут новые и новые, превращая сжимающееся на глазах тело в эшеровскую мозаику из голов и тел. Шангольд ещё слабо дышит, глаза его раскрыты. Ящерицы продолжают вылезать, растекаясь по переулку извивающейся чешуйчатой массой. В конце концов от солдата остаётся лишь голова с пучком подёргивающихся хрящеватых волокон там, где раньше был позвоночник.

Керри со смехом пинает голову, и та отлетает в сторону. Шлем глухо ударяется о мусорный бак и катится по мостовой. Керри шагает прочь, беспечно топча босыми ногами осколки битого стекла и мелкий мусор.

В парадной двери всё так же выломан замок, подъезд тускло освещён одинокой лампочкой. Из синего пластикового кокона, лежащего у стены, слышится храп. Нищий беспокойно ворочается, высунувшаяся нога в рваном башмаке скребёт по полу.

Босые ноги неслышно ступают по замусоренному линолеуму и останавливаются возле спящего. Рука с зеленоватыми ногтями стягивает одеяло. Грязное лицо с проваленными щеками болезнен-

но морщится, глаза испуганно распахиваются. Увидев перед собой Керри, нищий успокаивается. Беззубый рот раскрывается в улыбке.

— Вы тогда дали мне денег, мисс. Только я слыхал, вы умерли?

— А ты мне помог, и я не умерла.

— Вы соовсем без одежды… Я что, сплю? Ну точно, сплю.

Керри опускается рядом на корточки.

— Не надо вопросов. Я всё равно не отвечу. Дай, я послушаю, как ты дышишь.

— Вы что, доктор? — удивляется нищий. — Ах да, простите, забыл. Пожалуйста, почему бы и нет.

Несколько слоёв давно не снимавшейся одежды с трудом поддаются скрюченным пальцам, задубевшим от холода, но мигом растворяются от прикосновения белоснежной женской руки.

— Эй, мисс, мне нужны эти рубашки! Я без них замёрзну. Что вы на меня вылили?

— Не бойся, я принесу тебе сухую одежду. Лежи смирно.

Грудь и живот мужчины густо усеяны багровыми вулканическими вздутиями, из которых сочится зловонный гной. Керри прижимается родимым пятном к мёртвой равнине разлагаю-

щейся плоти и внимательно слушает.

— Поцелуй меня, — говорит она, подняв голову.

— Послушайте, мисс, я не хочу ссориться с вашим мужчиной…

— Молчи!

— Нежные влажные губы прижимаются к потрескавшимся и окружённым щетиной. По горлу мужчины проходит волна судороги, его кадык подпрыгивает.

— Эй, мисс, — хрипит он, отворачиваясь, — что вы мне такое дали?

— Это чтобы ты поправился. Не вставай.

Она начинает нежно массировать его грудь. Нищий расслабляется и закрывает глаза. Продвигаясь всё ниже, Керри покрывает гниющую кожу блестящей полупрозрачной плёнкой, затем одним движением удаляет с больного остальную одежду, обнажив костлявые волосатые бёдра. Её рука нежно скользит по синеватому обвисшему пенису.

— У меня давно уже не стоит, мисс.

— Тихо!

Через несколько секунд нищий изумлённо ахает, не веря своим глазам.

Оседлав его, Керри втягивает в себя член и на-

чинает выкачивать сперму. Потом поднимается на ноги.

— Жди меня здесь.

— Куда же я пойду, мисс? Мне нечего одеть…

Монитор на стене показывает репортаж с улицы: пластиковые полицейские баррикады, за которыми, освещённые лучами прожекторов, покачиваются тропические деревья. Густая листва трепещет на ветру, отливая всевозможными оттенками жёлтого, зелёного и оливкового цвета.

— … новые районы. Сопротивляясь всем попыткам их очистить, первоначально заражённые зоны демонстрируют новый вид поведения, охарактеризованный специалистами как спонтанный экогенез. Там, где недавно были лишь участки неизвестной биоактивной жидкости пурпурного цвета, теперь одно за другим возникают сбалансированные растительные сообщества…

Танго голый выходит из ванной, вытирая голову полотенцем. Его некогда мощное гибкое тело изуродовано болезнью. Встав перед монитором, он смотрит новости. Внезапно женские руки нежно обнимают его за талию, Керри прижимается к нему сзади грудью и трётся мохнатым лобком о ягодицы.

— Ты скучал по мне, дорогой?

Лицо Танго каменеет, потом искажается в страхе.

— Т-ты… ты же умерла…

— Ну почему мне все это говорят? Неужели у мёртвой женщины может быть такой твёрдый горячий член?

Танго судорожно дёргает задом, из груди вырывается хрип. Он пытается освободиться, но железные руки обхватывают его с такой силой, что трещат рёбра. Он болезненно вскрикивает.

— Я не знаю, кто ты и как ты здесь оказалась, только пожалуйста, не втыкай в меня эту штуку!

— А почему нет? Разве тебе не нравится? Посмотри-ка, у тебя уже стоит… — Продолжая держать Танго одной рукой, Керри сжимает другой его деформированный пенис. — Твоя задница хочет меня. Сейчас я тебе докажу.

Она мощным толчком вгоняет ему свой член в задний проход. Танго воет от боли.

— Не будь неженкой, он хороню смазан. А теперь расслабься, дорогой.

— Керри, если ты меня любишь…

— Я люблю тебя. Танго, только не такого, как ты есть. — Не тратя лишнего времени, Керри извергает сперму. Несколько капель падают на пол. — Я ещё немного подержу тебя, а пока ты

тоже кончи. Последний раз, в знак примирения.

Вне себя от страха. Танго даже не сопротивляется. Несколькими умелыми движениями Керри заставляет его выстрелить длинную струю прямо в монитор. Сперма течёт по экрану, странно изменяя цвета. Кажется, что лицо диктора оплывает, словно свеча.

Танго с ужасом смотрит на своё тело. Кожа его сморщилась, собралась в складки и расщепляется на какие-то странные чешуйки, похожие на крылья насекомых. Это и есть насекомые. Сотни и сотни бабочек разных цветов, форм и рисунков появляются из его тела и разлетаются. Они не улетают далеко, окружая тело плотным облаком. Танго постепенно совсем исчезает из вида. Керри продолжает держать его — кажется, что она обнимает трепещущую живую колонну. Через некоторое время она отступает в сторону, и её руки свободно проходят через то место, где была мужская талия. Она распахивает окно, мельтешащее облако вздрагивает, распадается и всей массой устремляется в ночное небо.

Керри идёт в спальню и возвращается оттуда с охапкой мужской одежды.

Питер Джариус в халате и шлёпанцах сидит под абажуром, расписанным пасторальными сцена-

ми и читает, прихлёбывая коньяк и наслаждаясь симфонической музыкой. Тихие мелодичные звуки внезапно перекрывает звук разбитого стекла. Джариус отбрасывает книгу и вскакивает.

— Кто здесь? Я вызываю охрану!

В углу что-то шевелится. Два кружка янтарного света вспыхивают и тут же исчезают.

— Кошка… — нервно усмехается Джариус. — Откуда? Наверное, пришла от соседей.

Он делает большой глоток из бокала и садится обратно на кожаный диван, оказавшись на коленях у Керри.

— Чёрт!

Оправившись от первого шока, он обнаруживает, что лежит на ковре, облитый коньяком. Рядом ещё одно пятно от коньяка, более старое. Джариус встаёт на четвереньки, чтобы подняться, и тут взгляд его падает на обнажённые бёдра Керри. Расставив ноги, она сидит на диване и смеётся, груди её подпрыгивают. В руке у неё что-то знакомое.

Мягкая кожа, серебряная молния, вырез неправильной формы…

— Теперь я надену твою маску, Питер. Оказывается, это совсем не страшно.

Оцепенение Джариуса понемногу проходит, к нему возвращается обычная самоуверенность.

— Я вижу, слухи о вашей смерти сильно преувеличены, моя дорогая. Надеюсь, вам понравилось надгробие. Это лучшее, что можно было получить за деньги. Полагаю, что Протей…

— Можешь полагать всё, что хочешь. Главное другое — ты ещё хочешь меня?

— Ну конечно, конечно, милая! Разумеется, я хочу тебя. Может быть, даже больше, чем раньше. Женщина, которая побывала за гранью смерти… Ты просто сияешь, вокруг тебя настоящая аура. Но я сомневаюсь, что сейчас для этого подходящее время… При существующих обстоятельствах…

— Отлично, я получила ответ. — Керри надевает капюшон.

Белая телячья кожа полностью скрывает черты её лица. Две дырочки для ноздрей — единственная уступка человеческим слабостям. Родимое пятно сверкает как императорский пурпур, единственный глаз кажется принадлежащим окровавленной жертве снежной лавины.

Джариус застыл, потеряв дар речи от восхищения. Керри поднимается с дивана, хватает его за волосы и прижимает носом к своей промежности. Он лижет сначала робко, потом входит во

вкус. Его язык раздвигает половые губы и проникает во влагалище. Когда он пытается оторвать лицо, чтобы изменить позу, то обнаруживает, что приклеился, как муха к липкой бумаге.

Половые губы Керри начинают раскрываться, словно лепестки орхидеи, обволакивая нос, подбородок и щёки Джариуса. Он отчаянно старается вырваться, упираясь из всех сил в бёдра женщины, и, наконец, это ему удаётся, однако липкая непроницаемая плёнка так и остаётся на лице. Он царапает её ногтями, пытаясь отодрать, но плёнка будто приросла к коже и продолжает распространяться. Когда она затекает в глаза, Джариус падает навзничь и начинает судорожно извиваться.

Маска Керри растворяется, впитываясь в кожу. Застёгнутая металлическая молния падает на ковёр. Запустив руку в промежность, Керри возвращает растянутые половые губы в прежнее положение.

Корчи Джариуса почти прекратились. Его голова, обтянутая белёсой мембраной, постепенно меняет очертания. Под халатом тоже что-то происходит: что-то толкает и теребит расшитую золотом ткань, будто пытаясь выбраться. Наконец на свет показывается кончик чего-то острого.

Это птичий клюв. За ним следует голова, а потом и всё тело большого попугая яркой радужной расцветки. Помогая себе крыльями, он выбирается наружу, подскакивает к опрокинутому бокалу и пробует содержимое. Недовольно тряхнув головой, птица бормочет что-то и начинает чистить перья.

Птица за птицей, Джариус перестаёт быть тем, чем он был раньше. Оставив человеческую плоть позади, он начинает множественные реинкарнации в облике иных, более простых существ. Один человек — семь попугаев.

Свежий зимний ветер врывается в комнату из раскрытого окна. Тропические птицы вспархивают на подоконник и поднимаются в воздух, держа курс на оазисы экогенеза, готовые принять новых обитателей.

Словно россыпь винно-багровых родимых пятен на каменном лице, озёра пурпурного биокатализатора разбросаны по всему городу. С высоты птичьего полёта хорошо видно, как оазисы тропической растительности льнут друг к другу, стремясь объединиться в единые сплошные джунгли.

Сияя матовой бледностью кожи в предрассветной мгле, обнажённая женщина шагает вдоль

квартала недорогих, но ухоженных домов. Войдя в один из них, она поднимается по лестнице на третий этаж и негромко стучит.

Дверь открывается на цепочку. В щель осторожно выглядывает чёрное лицо — виден лишь глаз, половина носа и рот. Лицо вдруг исчезает. Слышится шум упавшего тела.

Зацепив пальцем цепочку, Керри легонько дёргает. Цепочка лопается. Керри толкает дверь, немного отодвигая лежащую женщину, и проскальзывает внутрь. Она поднимает Оришу и переносит её на раскладной диван. На чернокожей девушке фланелевый халат. Распахнув его, Керри разглядывает остроконечные груди с графитовыми сосками и чёрную дельту лобковых волос. Потом наклоняется и проникает языком в полуоткрытый рот. Ориша приходит в себя. Рывком приподнявшись, она испуганно отползает к спинке дивана.

— Ты скучала по мне, — говорит Керри.

Глаза Ориши готовы выскочить из орбит.

— Подружка, если ты не привидение, то тебе придётся чертовски много объяснять.

— Я не могу рассказать, что со мной случилось. Могу только показать. Я побывала в одном особенном месте и хочу забрать тебя туда.

— Там лучше, чем в этой поганой жизни?

— Лучше. Там чудесный мир, полный зелени и цветов.

— А что я должна сделать, чтобы попасть в твой рай? Продать свою душу?

— Нет, всего лишь лизнуть мою киску.

— Мне это как-то уже предлагали, — фыркает Ориша.

— Всё будет не так, как ты думаешь. Смотри.

Керри опускается на четвереньки и поворачивается к Орише задом. Её манящая влажная щель оказывается прямо перед лицом девушки. Та невольно подаётся вперёд, явно поддаваясь искушению, несмотря на первоначальную реакцию.

— Ещё рано, — предупреждает Керри.

Её тело начинает расплываться, меняя очертания. Ступни и ладони становятся когтистыми лапами, позвоночник удлиняется, вырастая в гибкий хвост, мышцы плеч и бёдер перераспределяются, меняя форму, белая кожа обрастает чёрным мехом. Однако превращение происходит только ниже линии груди. Керри оборачивается через плечо. Ориша не отвернулась в ужасе — наоборот, она не может отвести глаз от прекрасного и загадочного сфинкса.

— Давай. Теперь можешь лизать меня.

Ориша молча слезает на пол, качнув грудями. Керри приподнимает зад, отведя в сторону хвост. Чернокожая девушка закрывает глаза и решительно, будто бросаясь в воду, подаётся вперёд, утыкаясь полными раскрытыми губами в ароматную кошачью щель.

— Да! Так хорошо. Один человек завёл меня недавно, но так ничего и не сделал. Теперь языком.

Ориша отстраняет лицо и высовывает язык, но это уже не её язык, а длинное бархатное полотенце ягуара. Начав лизать Керри, она сама начинает терять привычную форму, становясь всё больше похожей на свою подружку. Потом жаркая волна проходит по телам обеих, распространяясь вверх от границы зверь-человек.

Ягуар-Ориша продолжает вылизывать сладкую слизь, вытекающую из щели Керри. Та низко мурлычет, рычит и, наконец, испускает протяжный торжествующий рёв.

В этот момент дверь распахивается, и в комнате появляется ещё один ягуар, величественный самец. Обе самки, забыв о своих играх, кидаются к нему. Он разворачивается, и все трое сбегают вниз по ступенькам.

Дверь подъезда, уже обвитая паутиной ли-

ан, выпускает их в пышные заросли, залитые жарким золотым светом восходящего солнца. Ящерицы скользят по камням, пёстрые бабочки мелькают в воздухе, попугаи испускают резкие крики, приветствуя начало нового дня. Асфальт под кошачьими лапами сменяется плотной лесной почвой, и три ягуара исчезают за стеной джунглей, погружаясь в удивительный сон. Глубокий, тревожный, чудесный.

Потерянные страницы
Роман в рассказах

Посвящается всем писателям, которые определили сюжеты моей книги, Джону Оуксу — издателю всех времен, которому нет равных, и Деборе, в этой и любой другой линии времен.

Вступление

Перепечатывается с разрешения «Журнала популярной культуры», том XXXI, № 9, сентябрь 1998 года

«Что убило научную фантастику?»

Доктор Джозия Карбери, профессор английского языка,
Брауновский университет Сан-Диего

КРАТКИЙ ОБЗОР: Ныне почти совсем забытый литературный и кинематографический жанр, известный как «научная фантастика», появился в 1926-м и достиг своего апогея в 1966-м, после чего ряд катастроф, в буквальном смысле и в переносном, привел к его стремительному закату и едва ли не полному исчезновению.

Современные произведения искусства лишены фантастической мысли, и уже трудно представить, что в мире кино и литературы лидирующее место когда-то за-

нимал процветающий развлекательный жанр, называемый «научная фантастика». Некоторые преданные поклонники с нежностью вспоминают любимые книги, хранят ветхие первые издания, потертые журналы и заезженные кинопленки. Однако, согласно последним статистическим данным, созданные после 1966 года произведения по большей части далеки от истинных представлений о «научной фантастике». Возрождению жанра препятствует разрыв основных связей.

Прежде чем рассмотреть причины его быстрого и постыдного отмирания, дадим краткий обзор лучших дней «НФ», как ласково называли поклонники этот жанр.

Основав в апреле 1926-го журнал «Эмейзинг Сториз», иммигрант из Уэльса, предприниматель Хью Гормсбек собрал несоизмеримое количество рассказов и писателей под рубрикой «саентификшн» — термин впоследствии превратился в «сайенс фикшн», «научную фантастику». Установив правила и поле игры в «НФ», Гормсбек проложил путь ее популярно-

сти, создав дух товарищества между читателями и писателями. В последующие сорок лет росла изощренность и замысловатость жанра, создавались эталоны. Выйдя за пределы журнальных изданий в твердый и мягкий переплет (приблизительно в пятидесятые — шестидесятые годы), «научная фантастика» произвела на свет настоящие зрелые шедевры, среди которых «Не такие, как человек» Теодора Старджона (1953), «Рысь! Рысь!» Альфреда Бестера (1957) и «Банда Новы» Генри Каттнера (1961).

Постепенно научная фантастика просочилась в другие средства масс-медиа. Радиодрамы вроде «Госпожи теней» и «Измерения X^2» завораживали миллионы. Газетные комиксы «Флэшмен Гордон», «Бакминстер Роджерс» и «Черное пламя» соперничали с такими нашумевшими сериалами, как «Капитан Непостижимый», «Кимболл Киннисон», «Галактические лупоглазики» и «Супериормен», стараясь привлечь внимание среднего, не слишком образованного читателя. Не отставал и Голливуд, выпустив массу са-

мой разнообразной продукции, начиная с великолепных лент «То, что могло бы быть» (1936) и «Цель — орбита» (1950) и заканчивая отвратительным фильмом «Я вышла замуж за марсианина» (1949), равно как и столь предвкушаемым, но оказавшимся полным разочарованием «Глазом в небе» (1958).

Конец пятидесятых ознаменовался взлетом НФ, поскольку запуск Красным Китаем первого искусственного спутника Земли подстегнул интерес к жанру. Появилась масса новых журналов, специализированных издательств и телевизионных сериалов вроде «Сумеречной зоны» Орсона Уэллса.

В начале шестидесятых продолжался бум научной фантастики, превратившейся в массовое поп-искусство. Культовую классику — «Скиталец в чужой земле» Роберта Хайнлайна (1961), «Возрождение Врила» Томаса Пинчона (1963), «Багги на Дюне» Фрэнка Херберта (1965) — читал стар и млад. (Подобная счастливая судьба предсказывалась и новому британскому жанру — фэнтези, хотя его и не жалова-

ли научные фантасты, после появления «Властелина Колец». Однако неожиданная смерть автора Р. Р. Толкина в 1955 году после выхода первой книги поставила на судьбе фэнтези точку.) Обрело известность бойкое поколение новых писателей с утонченным подходом к жанру: Х. Эллисон, С. Дилэни, Р. Желязны, Б. Молсберг, У. Ле Гуин.

До середины шестидесятых ничто не предвещало опасности для научной фантастики. На самом деле гибель ждала за углом.

И имя разрушителю — «Стар Трек».

8 сентября 1966 года, 8.30 утра. Нечасто можно с такой точностью назвать историческую поворотную точку. Однако, глядя в прошлое, ясно понимаешь, что именно этот момент явился началом конца НФ.

Голливудский деятель Джордж Пэл, известный по весьма уважаемому фильму «Цель — орбита», обратился к телевидению после грандиозного провала на театральном поприще — веселенького действа под названием «Заводной апель-

син», поставленного в 1965-м. Посчитав воображаемое путешествие на борту межзвездного лайнера двадцать третьего века «Честолюбие» подходящим поводом для использования своих театральных заготовок, Пэл решил полностью взять под контроль все аспекты предстоящего шоу.

Первой и самой большой ошибкой Пэла стал подбор команды корабля. Ник Адамс сыграл напыщенного капитана Тима Дирка на манер третьеразрядного Джеймса Дина. Офицер-инопланетянин по имени Строк обязан своим образом дуболому Беле Лугоши. Корабельного доктора Скелета Ле Роя изобразил Ларри Сторк. Инженера Рябого играл веснушчатый Микки Руни. Что же касается женской половины команды — там мы видим изможденную Твигги в роли йомена Сэнд и потрепанную сладострастницу Джейн Мэнсфилд в ипостаси связистки лейтенанта Импуры. Второстепенные роли достались не менее второстепенным лицедеям.

Вторая крупная ошибка состоит в том, что Пэл решил написать сценарий первых эпизодов самостоятельно, мотивируя

это экономической целесообразностью. Собрав все возможные клише из научно-фантастических лент и сдобрив их перепевами вестернов и фильмов о Второй мировой, Пэл создал самый отвратительный сценарий в истории телевидения.

К вышесказанному остается добавить примитивные спецэффекты, смехотворных злодеев, костюмы, больше подходящих для съемки «Страны Оз», чем для полета в космос, отвратительный и вместе с тем невероятно назойливый саундтрек — глазурь на торте провала.

Почти любой телезритель тех лет вспомнит, где он находился, когда в эфир пустили первую позорную серию «Стар Трека» — бестолковую сказочку о путешествии во времени. Дело было осенью, когда конкуренцию фильму могли составить только повторные показы других кинолент, поэтому в момент появления сериала у экранов оказались миллионы. У нации отвисла челюсть, зрители стали перезваниваться, росла волна внимания. Когда Западному побережью скормили премьеру сериала, «Стар Трек» сразу же

побил рейтинг любого телешоу. Вот только это не было добрым знаком.

Язвительные критики не заставили себя ждать. Журналисты делали карьеру на замечательных статьях о великом провале. Создавались целые передачи о несостоятельности «Стар Трека» и инсценировок научной фантастики в целом.

Полагаясь на многолетний успех Пэла, компания Эн-би-си имела неосторожность заключить с ним контракт на тридцать девять серий. Вместо того чтобы пойти на попятную или обратиться за помощью к специалистам, Пэл решил выполнить обязательства до последнего пункта, несмотря на весь позор предприятия.

Неделю за неделей телезрители получали эпизоды сериала один бездарней другого. Многие выражения из «Стар Трека» стали крылатыми благодаря своей нелепости («Он… он усоп, Тим!», «Я врач двадцать третьего века, черт побери, а не свидетель Иеговы!», «Пошли-ка меня по лучу, Рябой!», «Не самоочевидно, капитан»).

Затем произошло неизбежное.

Отношение к сериалу перешло и на НФ-литературу в целом.

Скрытое предубеждение против «всей этой бакминстерроджерсовской хрени» выплыло наружу. Читать книгу научной фантастики в общественных местах было все равно что надеть футболку с надписью «Пни меня!». С трудом завоеванная слава испарилась в один день.

Резко упал тираж книг и журналов, ненадежные читатели и писатели забросили жанр. Компании и отдельные люди разорялись. Фильмы смывались. Научная фантастика летела вниз по спирали: одна неудача влекла за собой другую.

В итоге к 1968 году, когда телесериал уже прекратил свое существование благодаря кампании протеста, организованной любителями настоящей научной фантастики, но память о нем еще была свежа, выжило лишь ядро самых преданных фанатов и авторов: жалкий остаток великого наследия.

Сомнительно, что у научной фантастики была возможность оклематься от

столь сильного удара. За любым взлетом сразу следовал спад.

Окончательно уничтожили жанр события, не имеющие отношения к литературе.

В 1969-м «Аполлон-11» не смог подняться с поверхности Луны. Это убило всякую веру в могущество техники, которая и так уже была поколеблена Вьетнамской кампанией. Изменение компьютерных технологий на потребу «Большой няньке» — внутренней контрразведке ФБР при третьей администрации Никсона — и последующее установление ограничений на производство мощных ЭВМ еще больше подорвало мечту о будущем, которым управляют сложные машины. Последний гвоздь в гроб научной фантастики вбила авария на атомной электростанции острова Три-Майл в 1979 году. Жанр и до этого ассоциировался с ядерной энергией, а после катастрофы он стал синонимичен массовому уничтожению людей.

Добавил масла в огонь подпольный фильм «Тесные контакты в духе Звездных Войн», снятый на шестнадцатимилли-

метровой пленке тогда еще неизвестным дуэтом — Джорджем Лукасом и Стивеном Спилбергом. Фильм появился в недрах порнобизнеса Сан-Франциско, и в нем приняли участие никому не известные актеры и актрисы сомнительного происхождения и репутации (Чарли Шин, Роб Лоу, Хью Грант, Луиза Чикконе, Джэнет Джексон, Хилари Родхэм, Слай Сталлоне, Арни Шварценеггер и иже с ними). В этом отвратительном фарсе упадническая межзвездная империя превратила Землю в площадку для своих сексуальных утех. Однако она встретила сопротивление обнаженных мятежников, которые оказались похотливей и извращенней самих тиранов. После того как Верховный суд покончил с Лукасом и Спилбергом, ни один здравый человек не желал больше иметь дело с научной фантастикой.

Два десятка лет спустя после разгрома научной фантастикой занимается горстка эксцентричных любителей, печатающихся в самиздате тиражом максимум в пару сотен экземпляров (по крайней мере в Соединенных Штатах — в

Англии у фантастики своя история). Кажется неизбежным, что некогда великая литературная традиция прекратит свое существование. А нам остается только пофантазировать — не пытаясь, конечно, идти по еретическому пути старой НФ с ее «альтернативными мирами», — что все могло бы быть иначе.

Двадцатые
Дело Галки

Каким бы преимуществом ни обладало будущее в объеме, прошлое восполняет недостаток в весе…

Из дневников Ф. К.

Тусклый свет пожухлой прошлогодней соломой лился из одинокого фонаря на скользкую, будто жиром смазанную мостовую пустынной улицы. Щупальца тумана словно живая любопытная лоза буйного амазонского виноградника вились вокруг столбов, сползая в водосток. Старые дребезжащие здания унылой магистрали возвышались безликими индустриальными замками из кирпича. Где-то вдалеке раздался звонок последнего троллейбуса. Минутой позже, словно запоздалое ответное ворчание, часы на высотке пробили полночь. Из угла шмыгнула крыса, неистово скребя когтями о каменную поверхность.

Вскоре после боя часов открылась усыпанная заклепками стальная дверь одной из фабрик, и из нее небольшими группами засочились усталые

рабочие — ночная смена возвращалась домой. Не произнося лишних слов, лишь обмениваясь избитыми, превратившимися в ритуал репликами, чернорабочие вяло плелись вдоль по булыжной мостовой в свои захудалые клетушки.

Дорога вела мимо темного переулка, расколовшего две фабрики, словно клин — бревно. Никто из вымотавшихся за день людей не заметил две зловещие фигуры, притаившиеся во мраке переулка, как волки у входа в логово.

Когда прошел последний из самых медлительных рабочих, одна тень шепнула другой:

— Думаешь, она еще появится?

— Да, да. Не дрейфь. Она всегда найдет причину, чтобы задержаться. Наверно, решила наспех перепихнуться с боссом.

— Лучше б ты оказался прав, иначе мы в полной трубе. Обещали же мадам Ву притащить ей еще одну кралю, а корабль в Шанхай отходит ровно в два. Нам надо еще приволочь товар на палубу.

— Не психуй, Христа ради! Боже, можно подумать, что ты никогда раньше не похищал проститутку! Лучше уж заниматься работорговлей белыми бабами, чем взламывать замки квартир.

— Верно. Просто сегодня у меня дурное пред-

чувствие.

— Так оставь его при себе! Хлороформ готов?

— Ладно, я ведь не собираюсь сдернуть, но я чувствую что-то…

— Тихо! Шаги!

Приближалось одинокое цоканье женских каблуков. Обнаженная рука и край юбки едва показались из-за угла, как на ничего не подозревавшую женщину набросились двое громил, скрутили ей руки и прижали к лицу тряпку, пропитанную эфиром.

— Отлично, вырубилась! Поднимай ее за ноги, а я возьму за руки. Дотащим до нашего драндулета, а там, считай, мы уже на месте.

Вдруг ночь пронзил странный крик, то ли человеческий, то ли птичий: жуткое завывание, в котором слышалась ядовитая саркастическая насмешка.

Похитители, трясясь от страха, бросили бесчувственную жертву на тротуар.

— О черт, только не это!

— Где он? Где?

— Вон! Я его вижу! На крыше!

На высоком парапете вырисовывалась устрашающая фигура — олицетворение злого рока всех злодеев, душераздирающая икона правосудия и

возмездия.

Галка!

Высокая, худая как скелет фигура. Фетровая шляпа с широкими полями и примятой тульей. Черная как смоль накидка из перьев крепится на шее и свисает словно крылья с распростертых рук. Маска хищной птицы с острым клювом оставляет открытым лишь подбородок.

Из-под маски вновь вырвался пронзительный крик: то ли карканье, то ли вопль безумца.

— Не стой как вкопанный! Стреляй!

Перепуганные бандиты выхватили пистолеты, прицелились, пули защелкали по парапету.

Но Галки там уже не было.

Оставив женщину валяться на тротуаре и нервно поскуливая, словно неисправный механизм готического барометра на городской площади, похитители озирались по сторонам, напрягая слух, чтобы не упустить ни звука. Жуткую тишину нарушала лишь капель сгустившегося тумана.

— Мы смогли! Мы спугнули Галку! Не такой уж он и крутой говнюк!

— Хватит трепаться! Надо скорее довезти эту шлюху до доков.

— Сомневаюсь, господа.

Похитители через силу обернулись, и зубы их

застучали от ужаса. Перешагнув через бесчувственную женщину, к ним направлялся Галка; руки в желтых перчатках сжимали странного вида пистолеты, нацеленные в трясущихся головорезов. Не дожидаясь реакции бандитов, Галка выстрелил. Не было ни грохота, ни вспышки, ни порохового дыма: только тихое *«пшу-пшу»*.

Похитители попытались выдернуть вошедшие глубоко в шею дротики, но тут глаза их закатились, и бандиты повалились на землю.

Галка вмиг связал их толстым шнуром, размотав его с пояса, поднял девушку и перекинул ее через плечо, как это делают пожарные — одна рука в перчатке со знанием дела держала ее за бедро.

— Больничная койка подойдет тебе лучше, чем кровать борделя, *либхен.* А я как раз успею навестить судно, идущее в Шанхай. Какая многообещающая ночь!

С этими словами он вырвал перо из своей накидки и бросил его меж связанных мужчин. Затем, повторив неистовый вопль, исчез словно призрак, рожденный лихорадочным воображением.

Когда господин Фрэнк Кафка утром третьего июля 1925 года вошел в офис своего работода-

теля на Бродвее, дом 1926, то обнаружил, что все служащие вышли из обычного степенно-умиротворенного состояния и превратились в толпящийся шумный балаган, похожий на стаю обеспокоенных грачей или же встревоженную ударом топора колонию термитов.

Повесив свой щегольской «хомбург» на деревянную вешалку у двери в личный кабинет, Кафка поморщился от громких голосов и неохотно приблизился к шумному сгустку коллег. Причиной дискуссий и центром внимания оказался утренний выпуск «Графика» — нью-йоркской бульварной газеты, являвшей собой свежайшее дополнение к сонму изданий, принадлежащих тому самому человеку, на которого они трудились с утра до ночи — так сказать, при нормальном ходе дел. А теперь вся каторжная работа застопорилась.

Комок хомо сапиенсов с торчащими во все стороны конечностями казался единым организмом, состоящим из мужских и женских аксессуаров: накрахмаленных пристежных воротничков, подвязок, блуз с оборками, туфель с пряжками. Воспользовавшись своим немаленьким ростом, Кафка заглянул через головы коллег и попытался прочесть крупные заголовки первой полосы. Не в

состоянии понять их смысл, он решил обратиться за справкой к девушке, смирившейся с тем, что ее вытеснили из толпы.

— Милли, доброе утро. С чего такая шумиха?

Милли Янсен глянула на Кафку искрящимися озорными глазами. Молодая женщина, чуть старше двадцати, с вьющимися черными волосами и пробором посередине, расплылась в улыбке, демонстрируя всю свою привлекательность. В тот день на ней была черная блуза из вискозы, усыпанная белыми горошками, рукава подвернуты до локтей, а длинная черная юбка подпоясана широким кожаным поясом.

— Ну, вы и спросили, Фрэнк. Клянусь, вы живете в ином мире! Вы правда ничего не слышали? Улицы гудят новостями! Загадочный недремлющий Галка — прошлой ночью он опять нанес удар.

Кафка демонстративно зевнул.

— Всего-то? Я же не могу тратить время, чтобы быть в курсе происходящего с каждым Гансом, Эрнстом и Адольфом, решившим взять закон в свои руки. Что он на сей раз учудил? Пресек кражу яблока из лотка уличного торговца фруктами?

— Ах, Фрэнк! — Милли мило сложила губки. — Вы такой циник! Почему вы ни на минуту не можете стать идеалистом? Если вам действитель-

но интересно, то Галка поймал банду, занимавшуюся торговлей белыми женщинами! Только представьте — они похищали беззащитных трудяжек, таких, как я, и на корабле доставляли их на Восток, где подсаживали на опиум и вынуждали вступать в противоестественные акты разврата!

Кафка улыбнулся улыбкой человека, уставшего от этого мира.

— Пустая трата времени и сил. Будь преступники чуть дальновидней, они бы поступили иначе. В городе полно женщин, которые передерутся, чтобы попасть к ним. Вчера, возвращаясь домой по Бродвею, я насчитал с дюжину.

Милли посерьезнела.

— Вы всегда такие вещи говорите, Фрэнк… но я знаю: на самом деле вы другой.

— Тогда, Милли, тебе известно обо мне больше, чем мне самому.

Кафка снова зевнул, и Милли всмотрелась в его лицо внимательней.

— Мало спали?

— Достаточно. Я работал над своим романом.

— «Богемия», так, кажется? И как продвигается?

— Высасываю каждое слово из пальца. Если найду подходящее словечко, то только одно, и

приходится начинать работу заново в поисках второго.

— Трудно, да? Но вы справитесь, Фрэнк, я уверена. Человек, способный написать колонку «одиноких сердец» так, как вы… у вас со словами, как у пчелы с медом, если понимаете, о чем я. — Милли положила ладонь на рукав серого костюма Кафки. — Отлучимся на секундочку, Фрэнк. У меня… у меня для вас сюрприз.

— Сюрприз? Ума не приложу, что бы это могло быть.

Они пересекли комнату и подошли к столу Милли.

Девушка выдвинула ящик и достала маленькую коробку, обернутую в пеструю бумагу.

— Держите, Фрэнк. С днем рождения.

Кафка, казалось, был искренне растроган, на мгновение он даже утратил свое неизменное самообладание.

— Милли, как чудесно. Откуда ты узнала?

— Ну, я на днях просматривала личные дела, и на глаза попались дата и имя. Вам, кажется, исполняется сорок один?

— В точности. Хотя я никогда не надеялся, что достигну столь зрелого возраста.

Милли кокетливо улыбнулась.

— Вы на столько и не выглядите, Фрэнк.

— Даже когда я приближался к тридцати, меня путали с подростком.

— Вы тогда жили в Праге?

Кафка прищурил глаз.

— Нет, я уехал из родного города в 1902-м, в девятнадцать лет. В том году меня взял под крыло дядя Луи из Мадрида; он нашел мне работу на испанской железной дороге.

— И именно после этого вы объехали весь мир в качестве инженера-строителя, строя железные пути?

— Верно. — Кафка строго взглянул на Милли. — Откуда столь неожиданная любознательность, госпожа Янсен? По-моему, она неуместна.

— Ну, не знаю. Наверное, вы мне нравитесь. Хочется о вас больше узнать. Что тут странного? А вы такой немногословный, я бы сказала, вызывающе немногословный. Даже после двух лет работы бок о бок мне кажется, что мы едва знакомы. Нет, не возражайте, так оно и есть. О, я признаю, что вы принимаете участие в общих обсуждениях, но никогда не упоминаете ничего личного. Выудить из вас что-либо важное — все равно что зуб выдернуть.

Кафка собирался было ответить со свойствен-

ной ему грубоватостью, но запнулся, словно подбирая иные слова.

— В твоих суждениях, Милли, есть доля правды, однако будь уверена, что это сугубо мой недостаток, окружающие здесь ни при чем. Вследствие неправильного воспитания в раннем детстве у меня не развита склонность к обычному светскому общению. Ах, я стараюсь скрывать это, но обычно ощущаю себя одетым в стальные доспехи… будто мышцы моих рук, скажем, отстоят на огромном расстоянии от меня самого. И только когда… ну, иногда я чувствую себя действительно представителем рода человеческого. Тогда меня переполняет искреннее счастье. Нечто шипучее проходит по моим жилам теплым светом и приятной дрожью, убеждая в существовании сил, на отсутствии которых я буду настаивать всегда, даже сейчас.

Милли, удивленная столь длинной тирадой, открыла рот, затем проговорила:

— Фрэнк, вы так искренни! И видите, поделиться не так уж трудно, верно?

Кафка вздохнул.

— Наверное, нет, к чему бы это ни привело. Ты должна признать, что если я и не всегда приятен, то стараюсь хотя бы быть сносным.

Милли обняла Кафку, который стоял прямо, как садовый колышек для бобового растения.

— Не переживайте, Фрэнк! Все мы временами чувствуем себя зверями в клетке!

— Не до такой степени, как я. Во мне живет чужак, спрятанный столь же умело, как лицо из деревьев на картинке-головоломке для детей.

Отпустив Кафку, Милли отступила назад.

— Гм, странное самоощущение, Фрэнк. Но все же вы поведаете мне о своем бытии?

— Конечно.

Разорвав цветную бумагу и ленту, Кафка аккуратно открыл коробку. Достал из ватного гнезда резную фигурку.

— Какая прелесть, Милли. Полагаю, это статуэтка для моего письменного стола.

— Знаете, кто это?

Кафка равнодушно повернул предмет в руках.

— Очевидно, какая-то птица. Ворона?

— В общем-то галка. Как будет галка по-чешски?

— Думаю, ты сама знаешь, Милли. Дома мы говорили *кавка.*

Улыбаясь, словно ей вручили главный трофей, Милли повторила:

— *Кавка.*

Затем она тревожно замахала руками, нежно каркнула и подмигнула.

Осторожно закрыв дверь, чтобы не потревожить ударом свой крайне чувствительный слух, Кафка оценивающе оглядел письменный стол, на котором царила пишущая машинка «Корона» модели «Т» — богиня механизированной эпохи. Он устало покачал головой. Ничего дельного за таким столом не создашь. Слишком много всего нагромождено, беспорядок без всякого соблюдения пропорций, отсутствие совместимости наваленных вещей, той совместимости, которая могла бы сделать любой кавардак приемлемым.

Кафка занялся уборкой. Вскоре набралась стопка непрочитанной почты, кипа внутренних докладных записок и груда разного рода документов. Наконец он мог приступить к работе.

Однако как только Кафка уселся за пишущей машинкой, с ножом для писем цвета слоновой кости в одной руке и конвертом, от которого исходил легкий запах духов, в другой, как за матовым дверным стеклом появилась мужская фигура. Раздался вежливый стук.

Вздохнув, Кафка мягким тоном разрешил войти.

Карл Росс, посыльный, — веснушчатый, улыб-

чивый юноша с измазанным чернилами лицом.

— Вас хочет видеть босс, господин Фрэнк.

— Прекрасно. Он не сказал, зачем я ему нужен?

— Нет. Но у него пар из ушей идет.

— Несомненно, из-за меня. Ну, может, то и моя вина. Не буду попрекать себя: крик в пустоту сегодняшнего дня сотворит отвратное эхо. К тому же контора имеет право предъявлять ко мне четкие требования.

— Вот те на, господин Фрэнк, зачем наговаривать на себя до того, как попадете на ковер? Позвольте это сделать боссу, если ему так уж хочется. Иначе вам придется вдвойне хуже!

Кафка встал, подошел к юноше и погладил его взъерошенные волосы.

— Хороший совет, Карл, наверное, нам надо махнуться должностями. Нет смысла откладывать. Пошли.

В конце длинного пустого коридора находилась дверь с позолоченной надписью, буквы которой составляли имя работодателя Кафки: «Бернарр Макфадден»[1]. Кафка постучал и был вознагражден хриплым «войдите!».

---

[1] Примечания: 1

Бернарр Макфадден (1868–1955 гг.) — издатель. Пропагандировал натуральную пищу, лекарства на растительной основе, здоровый образ жизни.

Бернарр Макфадден — плодовитый писатель, добившийся всего самостоятельно, пресловутый нудист и силач, магнат издательского бизнеса, учредитель конкурсов красоты, отец журнала «Физическая культура» и «Системы диетического питания» — стоял на голове на пухлой алой подушке с желтой бахромой по краям, положенной на пол у одной из стен просторного кабинета. В своем дорогом костюме и начищенных туфлях, с подрагивающим красивым усатым лицом, налитым докрасна кровью, Макфадден напомнил Кафке некую новую версию карты Таро, изображающей висельника, — дурной знак, который никто не пожелал бы вытащить из колоды.

Словно в подтверждение жуткому видению Кафки Макфадден гаркнул:

— Сядьте и подождите, Фрэнк! Я закончу через пару секунд!

Кафка последовал указанию. Подтверждая сказанное, через пару мгновений Макфадден вышел из сиамской позы, ловко исполнил сальто и, шумно дыша, очутился на ногах.

— Вот! Теперь я вновь могу трезво мыслить! Неплохо было бы, если б ты иногда присоединялся ко мне, Фрэнк!

— Ценю вашу заботу, сэр. Однако я разработал

для поддержания рабочего состояния свой ночной комплекс упражнений.

— С успехом не поспоришь!

Макфадден схватил с письменного стола закупоренную бутылку и ткнул ею в Кафку.

— Не хочешь стаканчик «кокомолта»?

— Спасибо, нет, сэр.

— Я все же выпью. — Макфадден налил себе стакан прохладной тонизирующей жидкости. — Должен признать, ты выглядишь здоровяком. Придерживаешься моих диетических рекомендаций?

— Разумеется.

— Прекрасно, прекрасно. Ты катился под откос, просто к чертям, когда пришел ко мне за работой. Даже не верится, что ты когда-то увлекался флетчеризмом. Пережевывайте каждый кусочек пищи дюжину раз!.. Вздор! Покуда держишься подальше от попоек и курева, во всем будут лады! А что, посмотри на меня! — Макфадден резко сорвал с себя пиджак, закатал один рукав и напряг обнаженный бицепс. — Пошел пятьдесят седьмой год моей молодости, и я на вершине здоровья! Немного поседел у висков, но то лишь иней на крыше. Огонь внутри все пламенеет! Ты можешь достичь того же, если будешь следовать

правильным курсом!

Кафка кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

— Безусловно, сэр. А-а-а, полагаю, вы позвали меня, чтобы обсудить вопрос, касающийся работы?..

Макфадден посерьезнел, затем пристроил мускулистую ягодицу на край дорогого стола.

— Именно, сынок. По поводу твоей колонки.

— Могу предположить, что «Спросите Жозефину» теряет популярность у читателей «Жизненных историй». Или поступили какие-либо жалобы?

— Нет-нет, ничего подобного. Твой материал расхватывают как обычно, и никто не жаловался. Просто советы, что ты даешь читателю, столь… столь эксцентричны! Они всегда были такими, но я тут прочел последний выпуск и… Сынок, ты зашел в неизведанные дебри!

— Боюсь, я не совсем понимаю, о чем вы.

— Не понимаешь? А как ты объяснишь это? «Встревоженная в Акроне» спрашивает твоего совета, заводить ли ей второго ребенка. Вот твой полный ответ: «Нас приводит в восторг ящерица, неожиданно проскочившая под ногами на тропинке в Италии, мы готовы сотню

раз нагнуться за ней, но когда увидим сотню ей подобных на прилавке, увидим, как они лихорадочно карабкаются друг по другу в бутылках из-под маринованных огурцов, мы теряемся».

— Достаточно ясно сказано, как мне кажется.

— Ясно? А по-моему, чрезмерно витиевато!

Кафка улыбнулся саркастической, наигранно-серьезной улыбкой.

— Упрек, который вы нередко предъявляли самому себе, сэр.

— О-хо-хо! Ну да, так оно и есть. Но не стоит сравнивать. А вот это? «Томящаяся в Питтсбурге» желает знать, как заставить ухажера поднять волнующий ее вопрос. Твой совет: «Посыльный всю жизнь в дороге. Выносливый, неутомимый, работая то левой рукой, то правой, он протискивается сквозь толпу. Если наталкивается на помеху в пути, то бьет себя в грудь, а на ней искрится символ солнца. Ему уступают дорогу чаще, чем простому человеку. Но между ним и вами столько людей, им нет конца. Если б он странствовал по пустынным местам, то летел бы птицей, и вы скоро услышали бы его стук в вашу дверь. Однако он все еще пробирается сквозь внутренние дворы замков, коим нет конца. Если он наконец прорвется через внешние врата — но тому никогда,

никогда не бывать, — у ног его ляжет вся столица империи, сердце мира, пульсирующее от пресыщения до взрывоопасного состояния. Никому не пройти мир насквозь. Вы же сидите у окна, за которым спускаются сумерки, и о том мечтаете».

Кафка многозначительно промолчал. Затем пояснил:

— Лучше, как мне кажется, не рождать пустых надежд.

Макфадден захлопнул журнал, из которого цитировал.

— Пустые надежды! Боже мой, сынок, об этом ли речь! Из такой тарабарщины невозможно понять, о Земле ты пишешь или о Марсе! Я знаю, что девиз нашего журнала: «Вымыслу не угнаться за правдой», но подобный вздор выходит за все мыслимые рамки!

Эти слова задели Кафку за живое.

— Читатели, очевидно, извлекают правильный смысл из моих притч — они их успокаивают.

— Насколько же несчастным надо быть, чтобы найти утешение в таком пустозвонстве. Однако компания Макфаддена занимается другим. Откровенная правда, изложенная без обиняков! Не прятаться от суровой действительности, говорить прямо, не затуманивая разум. Если б ты мог

удержать это в голове, Фрэнк!

Кафка, вставая, проговорил:

— Постараюсь, сэр. Хотя моя натура не такая, как у остальных людей.

Макфадден тоже поднялся и положил руку Кафке на плечо.

— Об этом я тоже хотел поговорить, сынок. Ты знаешь, что я по-отцовски приглядываю за своими подчиненными и неравнодушен к их личной жизни. В глаза бросается, что ты становишься отшельником-одиночкой, заядлым холостяком. Прими же мой искренний совет к сведению, как персонально, так и с точки зрения требуемого от тебя стиля письма. Нельзя работать только для себя и оставаться этим довольным. Человеку нужна жизнь, наполненная взаимной любовью, дом, дети, которые вносят смысл в существование. Любовь толкает нас на истинно божественный труд, а работа на себя — эгоистична, черства и пуста. Человеку необходима вторая половина, с которой он мог бы разделить радость и горе.

Делясь своими представлениями о смысле жизни, Макфадден постепенно подвел подчиненного к двери. Выпроводив Кафку из кабинета, он от всей души хлопнул его по плечу, да так сильно, что уступавший ему по массе Фрэнк едва удержал

равновесие.

— Съешь таблетку дрожжей, сынок, и назад в трудовую упряжку!

Кафка молча взял предложенную пилюлю и удалился.

Вернувшись в офис, он кинул таблетку в ящик, скопивший уже немалое количество ей подобных. Затем схватил конверт, вскрытие которого было прервано вызовом к начальнику, и извлек его содержимое.

«Дорогая Жозефина, — прочел Фрэнк. — Даже не знаю, с чего начать! Моих больных престарелых родителей скоро выселят с нашей фермы: из-за нескольких неурожайных лет они влезли в долги, которые невозможно выплатить. Моя работа — наша последняя надежда на выживание — тоже висит на волоске. Проблема, понимаете ли, в начальнике. Он делает мне непристойные предложения, которые я скромно отклоняю. Мне кажется, что он не станет долго терпеть мою непорочность, и придется либо склониться перед его волей, либо потерять работу! Я извела себя переживаниями, не могу ни спать, ни есть. Меня ничто более не волнует, лишь бы найти выход. Я, наверное, плохая дочь? Подскажите, пожалуйста, что мне делать!»

Кафка заправил пишущую машинку. Пытаясь придерживаться совета Макфаддена, он застучал пальцами по клавишам.

Не отчаивайся, тем более из-за отсутствия в твоей душе должного отчаяния. Даже когда кажется, что все кончено, пробуждаются новые силы, а это и значит, что ты еще жива.

Кафка задумался и добавил, словно дополнительную строчку к завещанию:

А если они не пробуждаются, значит, тут все кончено, раз и навсегда.

В рабочем кабинете гостиничных апартаментов на Пятой авеню стоял письменный стол в точности такой же, как и в офисе. Вечерние сумерки укутали Кафку в черное манто. Он от руки писал на родном немецком языке еженедельное письмо младшей, самой любимой сестренке Оттле, ныне живущей с мужем Иосифом Давидом в Берлине.

Дорогая моя Оттла,

Я непомерно рад слышать, что ты наконец освоилась в новом доме и обстановке. Нелегко сбросить кандалы нашей Мамочки-Праги. Иногда я представляю, что самые впечатлительные ее жители словно

подвешены на башнях и часовнях города за прокалывающие плоть крючки, как краснокожие на ритуальных истязаниях. Хоть я и сам блуждающий экспатриант уже пару десятков лет, я еще помню свою первоначальную растерянность после того, как дядя Альфред взял меня под свое крыло и, словно ракету, запустил делать карьеру. Думаю, именно извечная память о Богемии и нашем родном городе мешала мне до недавних пор где-либо основаться. Хотя, по правде сказать, мне сразу же начал нравиться скитальческий образ жизни. Есть своя притягательность в отсутствии длительных тесных связей с людьми, да и в постоянной смене мест, рождающих новые мысли.

Все, конечно, изменилось после «Случайной встречи», о которой я тебе распространялся, боюсь, чрезмерно детально. Знакомство в разреженном воздухе одной из вершин Гималаев с неким Учителем — бесценной жемчужиной одиноких гор — и последовавшее годовое пребывание под его обличительной опекой привело к решению поселиться где-нибудь, чтобы

следовать определенным целям, в полную силу используя свои таланты. Моя вторая родина, как я с уверенностью могу сказать, теперь Америка — практически последняя страна, которую я посещал в должности инженера, но которая мне часто снилась — вплоть до таких подложных образов, как статуя Свободы с мечом вместо факела! Поэтому здесь, в самом энергоемком центре нового века, я пустил свои корни.

Что касается твоей новой роли матери и жены — прими мои искренние поздравления. Ты знаешь, как высоко я ставлю воспитание потомства, хотя у меня есть немало известных тебе причин относиться к этому делу совсем иначе. Однажды я даже осмелился мечтать о такой доле и для себя. Но счастью не суждено было поселиться в моем доме. Хотя в жизни было много женщин, ни одна из них не соответствовала моим уникальным требованиям. (Конечно, давно ушли в прошлое сожаления о вечном одиночестве.) Любопытно, мой работодатель, господин Макфадден, счел приличным подойти

ко мне сегодня именно с этим вопросом. Возможно, я приму его прямолинейный совет и начну вновь ухаживать за прекрасным полом, но только ради временного развлечения. Суровость моего странного образа жизни лишь усугубилась, накладывая на меня еще больше запретов, чем ранее…

Дополнив письмо страницей-другой банальных рассказов и поверхностных расспросов о семье и доме, Кафка остановился на завершающей строке. Поразмыслив, добавил: «Передай привет матери — и только матери». Взвесив письмо на миниатюрных весах, наклеил нужные марки с точностью до цента и спустился на лифте в холл офиса, где сидел консьерж, у которого он и оставил послание.

Затем, вместо того чтобы пойти домой по многолюдным улицам Манхэттена, Кафка направился к белой безобидной дверце, затерявшейся в дальнем углу вестибюля. Оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, что все заняты своими делами, Фрэнк юркнул в портал.

Вниз спускалась слабоосвещенная лестница. Вскоре Кафка очутился в подвале. Пройдя по

погруженному в вечную ночь царству, он вышел на еще одну лестницу, ведущую в подполье.

Это подземное королевство казалось даже темнее, чем предыдущее, если не считать мерцающего вдали огонька. Кафка устремился к источнику света.

Становилось все теплей. В конце коридора, за дощатой перегородкой с ненасытной силой горела печь. Дверца была открыта, и полуобнаженный мужчина лопатой забрасывал в печь черные куски угля из огромной кучи.

Некоторое время Кафка наблюдал, как работает мускулистый, вспотевший человек. Вероятно, он и жил здесь, рядом со своим огненным другом, потому что когда б Кафка ни спустился сюда, кочегар вечно утолял голод этого требовательного господина.

На полу стояло ведро с водой. На испещренной пеплом поверхности плавал ковш. Кафка зачерпнул воды и поднес ковш к губам кочегара. Не прекращая работать лопатой, тот жадно проглотил теплую жидкость, полную копоти. После нескольких таких благодеяний кочегар хрипло крякнул в знак того, что его жажда удовлетворена.

Чувствуя, что теперь может заняться собствен-

ными делами, Кафка обогнул печь. За асбестовым монстром находилась дверца, которой там по идее не должно было быть. Переступив порог, Кафка оказался в прибежище Галки.

В полумраке комнаты, который нарушали две низковольтные лампочки, громоздились странные механизмы и приспособления. Едва виднелся выход, ведущий будто в никуда. У двери на крючке висела известная уже нам накидка из перьев, на столе лежали маска, шляпа и ярко-желтые перчатки. В стеклянном ящике хранился пояс с оружием и всякими мелкими техническими приспособлениями.

Растягивая удовольствие, граничащее с фетишизмом, Кафка не спеша надел свой костюм. По жилам пронеслась искра, превращающая Фрэнка в сказочного героя.

Издав приглушенный крик, Кафка подошел к телеграфному аппарату. Подняв ленту, начал расшифровывать поступившую информацию.

— Гм-м-м… Банда «Мыши» подозревается в ограблении банка посреди бела дня, а полиция… Волк Бартон бежал из тюрьмы, однако есть предположения, где он скрывается… Дирижабль «Шенандоа» отправляется в первый полет… Ку-Клукс-Клан устроил сборище в Вашингтоне…

Так-так, но здесь нет ничего для меня. Стоп, а это что? Федеральное бюро расследований во главе с новым директором господином Гувером рассматривает сообщение о попытке вымогательства у нефтяного магната, владельца крупного сталелитейного предприятия, Джона Д. Рокфеллера. Подозреваемый, сионист-провокатор, чья личность до сих пор не установлена, скрывается под псевдонимом Черный Жук… Ага, вот здесь Галка должен поставить свою отметину!

Дверь кабинета Кафки открылась, и вошла Милли Янсен со стопкой бумаг. Некоторое время она стояла молча, рассматривая трогательную картину, представшую ее взору, затем сочувствующе вздохнула.

Лицо Кафки покоилось на поверхности, никак не предназначенной для сна: на бугристых клавишах и валике пишущей машинки. Спящий обозреватель тихо посапывал.

Милли попыталась разбудить его, затопав ногами. Убедившись в безрезультатности такого подхода, начала кашлять: сначала по-женски скромно, затем прибавляя духу, пока ее усилия не вылились в подобие приступа удушья туберкулезника.

Уловка наконец возымела эффект: Кафка,

вздрогнув, проснулся. В этот миг он походил на тигра в клетке — таким диким взглядом окинул Фрэнк нарушительницу покоя. Впрочем, через мгновение он уже натянул обычную маску спокойствия.

— Ах, госпожа Янсен, простите мое невнимание. Я проверял механизм. Что-то барахлит.

— О, не нужно оправдываться передо мной, Фрэнк, — доброжелательно проговорила Милли. — Я знаю, что вы день и ночь трудитесь, чтобы завершить… некоторые дела.

— Да, именно так оно и есть. Мой, э-э… роман доставляет немалые хлопоты. Важные моменты содержания не хотят обретать нужную словесную форму…

— Ха, ну да. — Милли, хитро улыбаясь, сверкнула глазами. — Скажите, вам никогда не казалось, что, немного отдохнув, вы могли бы подсознательно прийти к решению проблем?

Кафка ухмыльнулся.

— Да вы, Милли, говорите как настоящий последователь господина Фрейда.

— О, все девушки любят следовать модным причудам. Но я серьезно. Вы ведь любите ходить в кино?

— Полагаю, кинематограф представляет собой

правомерный сенсорный эксперимент, сродни с воплощением наших снов.

— А их попкорн не так уж плох. Сегодня пятница, в центре города везде крутят новый фильм с Чаплином. «Золотая лихорадка». Хотите пойти со мной?

Кафка почти моментально оживился и выразил на диво сердечное согласие:

— Милли, я всецело ваш!

Повернувшись, чтобы выйти или же чтобы кокетливо посмотреть на Кафку через плечо, Милли ответила:

— Ну, это мы еще посмотрим!

Из дверей кинотеатра «Оклахома» — вечно полного посетителей шикарного дворца, которым владел самый удачливый и популярный сын прерий, комедиант Уилл Роджерс — потоком лились счастливые кинозрители. Вскоре они смешались с вечерними прохожими Манхэттена. У ворот застыли лишь двое — мужчина и женщина. Парочка стояла в нерешительности, сомневаясь, куда направиться дальше. Они походили на мотыльков, лишенных источника света.

После затянувшегося молчания Милли прощебетала:

— Так как вам фильм, Фрэнк. Потрясный, прав-

да?

Друг Милли, казалось, ушел в себя.

— Та сцена, где Чаплин голодает и вынужден съесть свой ботинок, вызвала у меня странное чувство… Я сам нередко попадаю в подобное беспомощное положение.

— Ну да? Черт возьми, мне грустно за вас, Фрэнк. Посмотрите на себя — вы как скрученная пружина, которая вот-вот лопнет! Вам необходима женская забота. Как считаете, правильная мысль?

— Если вы о замужестве, мисс Янсен, то, боюсь, мне не суждено постичь сего земного счастья. Официальный союз с женщиной привел бы не только к кончине ничтожества, кое я собой представляю, но и обрек бы мою бедную жену…

— Боже правый, Фрэнк, вы начитались пустых слезливых историй, работая в нашей газетенке? Или, может, заглядывали в «Роковой случай»? Жизнь не столь сложна и трагична, как ее рисуют эти писаки с тремя носовыми платками наготове! — Микки взяла Кафку под руку и положила голову ему на плечо. — Женщина вместе с мужчиной — что может быть естественней?

Кафка не стал высвобождаться, напротив, приободрившись от простого человеческого со-

прикосновения, он собрался духом, что сразу же отразилось на его внешности.

— Прости, что я отравляю тебе удовольствие, Милли. Ты ведь хотела весело провести вечер. По правде сказать, так грустно мне не было уже лет двадцать. Это скверное расположение духа, как мне казалось, я оставил на промозглых хмурых улицах Праги. Космополит, объехавший весь мир инженер, которого звали Фрэнк Кафка, был зрелым, бойким, самоуверенным малым. Но, как оказалось, он — всего лишь вырезка из газеты, которая превращается в пепел, попадая в пламя разочарований.

Поскольку Кафка снова разговорился, в Милли проснулась ее природная многословность.

— Чепуха, это же вздор, Фрэнк! У всех бывают черные полосы в жизни. Пройдет, вот увидишь! Нам и надо-то — провести пару приятных часов. Чем тебе хотелось бы больше всего заняться? Как насчет того, чтобы хлебнуть кофе с печеньем? В гостинице «Запад» есть замечательное кафе. Бьюсь об заклад, их пышненькие пончики напомнят тебе о Вене!

— Хорошая идея, Милли. Но если тебе действительно хочется знать, что мне нравится…

— Да, да, Фрэнк, скажи мне!

— Я люблю рассматривать Бруклинский мост. Шедевр Роблинга напоминает мне некоторые более скромные проекты, которыми я руководил. Величавый контрфорс кажется мне вечным и истинным среди шарады города. Однако полагаю…

— Фрэнк, я с удовольствием посмотрю с тобой мост! Пойдем же!

Милли потянула Кафку за рукав, и парочка совершенно разных представителей рода человеческого зашагала по Бродвею. Вскоре вдалеке показалась мэрия со сказочным мостом через Ист-Ривер.

Когда они прошли парк около мэрии, раздался отчаянный женский крик. За зовом на помощь последовал растущий вопль негодования, страха, смятения и гнева.

Кафка метнулся к источнику звука, Милли засеменила вслед.

Растущая, рычащая, возбужденная толпа устремила взор вверх, на крышу мэрии, где стояла зловещая фигура. Крошечная, но могучая, с горбатой спиной и гипертрофированным черепом, как у Квазимодо. Узкий черный комбинезон точно по фигуре переходил в скрывающую лицо маску и шапку с антенной на макушке. На спине торчали маленькие, укрепленные проволокой

целлофановые крылья. Из туловища в области живота торчали ряды параллельных щупалец. Тварь была не кем иным, как…

— Черный Жук! — крикнул один из зевак.

— Где полиция? — завизжал кто-то другой.

— Где Галка? — завопил третий.

Кафка дрожал рядом с Милли, как собака на поводке, перед которой поставили наглого барсука или белку.

Черный Жук обратился к собравшимся с речью на английском языке с легким акцентом. Посыпались уму непостижимые лозунги и требования:

— Долой антисемитизм! Да здравствует сионизм! Палестину евреям! Смерть муфтию Иерусалима! Америка должна поддержать дело сионистов! Если она не согласится сделать это добровольно — помочь нам оружием и деньгами, мы заставим ее! Примите это в знак серьезности наших намерений!

В последовавшем жесте не было ничего непонятного или двусмысленного: Черный Жук вытащил круглую бомбу. Зашипел фитиль, вызвав ужас толпы, и люди ринулись в разные стороны.

— Да здравствует Банда Безжалостных! — крикнул Черный Жук, швырнув взрывное устройство.

Кафка сбил Милли на землю и закрыл ее своим телом.

Бомба рванула, превратив мир в шумный круговорот черного пороха, ранящих осколков, летящих кусков асфальта и комков дерна.

Сразу же после взрыва Кафка вскочил на ноги и осмотрел территорию. Чудом Провидения ни одного человека не задело — разрушения ограничились тротуаром, лужайкой и скамейками.

Что касается Черного Жука — в возникшей суматохе тот успешно скрылся.

Кафка в отчаянии опустился на корточки, бурча:

— Тщетны, тщетны все стремления. И все же какая радость снова представить удовольствие от того, как поворачивается в моем сердце клинок…

Милли поднялась и теперь отряхивала платье.

— Фрэнк, ты в порядке?

Кафка выпрямился.

— Милли, наше свидание на сегодня закончено. Надеюсь, ты доберешься до дома сама. Я вынужден… должен идти.

— Ну да, конечно, Фрэнк. Увидимся в офисе.

Кафка быстро пошел прочь. Милли подождала, пока он завернет за угол, затем поспешила сле-

дом, прячась за прохожими.

Она преследовала его до Таймс-сквер. Там Кафка остановился в грязном переходе, не слишком многолюдном, и Милли увидела, выглядывая из-за запертого ларька, как он подошел к безвкусно одетым женщинам, очевидно легкого поведения и, не долго препираясь, увел двух размалеванных дам прямо в близлежащий вшивый отель.

— Ах, Фрэнк! Ну почему? — воскликнула Милли и зарыдала.

Дорогая моя Оттла.

Пишу тебе, чтобы разъяснить свои мысли по одному важному вопросу, а именно о наших предках и наследии. Произошедший на днях тревожный случай открыл старые раны, пробудив боль, которую я давно считал делом прошлого. Я всегда восхищался, хоть и скрывал это, твоим искренним принятием ультрасовременной трактовки неприкасаемой семейной религии, тем, как ты точно придерживаешься каждой неоспоримой заповеди. Сам я никак не мог почувствовать себя спокойно в ее удушающих тисках. Возможно, твой взгляд поможет мне разо-

браться в себе.

Мы, конечно же, евреи. Евреи по происхождению, и никуда не денешься от этого наследия, передаваемого кровью. Ты подтвердила свою причастность к древнему народу, внеся чистосердечный вклад в такие дела, как спасение Восточной Иудеи и основание еврейской родины в палестинском протекторате. Я же, напротив, ревностно отверг всякую возможность зарождения братского отношения к евреям, и это решение было продиктовано не только моим логическим разумом, не только познанием многих культур вследствие долгих странствий, но и трусливой душой.

Не могу понять, как тебе удалось сохранять религиозность, растя в нашей семье. Он таскал нас в синагогу четыре раза в году, и то было фарсом, развлечением. Да каким там развлечением? Никогда в жизни не было мне столь скучно, если не считать уроков танца. Я наслаждался малейшими шевелениями — например, открытием раки с мощами, которая мне напоминала тир: когда попадаешь в де-

сятку, дверца отскакивает точно так же, но если в тире из нее появляется что-то интересное, то тут все те же старые безголовые куклы.

Потом я стал воспринимать вещи в более мягком свете и понял, что именно рождает веру. Тебе удалось вынести нечто священное из иудаизма тех маленьких конгрегаций, походивших на гетто. Со мной такого не случилось, и я поставил соломонову печать на смердящий труп моего инфантильного зарождающегося иудаизма и похоронил его на веки вечные.

А теперь его призрак вновь восстал, обрел вторую жизнь после столкновения с сионистским демагогом.

Прошу я от тебя, моя дорогая сестра, две вещи. Во-первых, четкое, последовательное объяснение в защиту твоей веры. Во-вторых — что, наверно, даже более важно, — сведения об основных деятелях европейской сионистской сцены, в особенности об одном горбатом подстрекателе…

Дверь кабинета Кафки отскочила с такой силой, что со свистом проделала полную дугу и ударилась о стену. Стекло в двери задребезжало как выбиваемое одеяло.

Кафка вздрогнул и зажал уши руками.

— Милли, в этом была столь крайняя необходимость?

Милли фыркнула и протопала к нему по всей комнате.

— Для вас я госпожа Янсен, господин Кафка!

Она кинула стопку бумаг на стол и повернулась уйти.

Кафка поднялся и догнал ее.

— Милли, или, если вы настаиваете, госпожа Янсен. Я понимаю, что наше свидание закончилось не совсем подобающим образом, и, возможно, ваша голова до сих пор гудит от того столкновения со смертью. Я все же полагал, что до непредвиденного нелицеприятного инцидента мы наслаждались обществом друг друга, как любая пара.

Желтовато-зеленые глаза Милли гневно сверкали.

— Конечно же, до того как мы чуть не взлетели на воздух, дела шли первоклассно. А вот то, что было дальше, меня просто шокировало!

— Дальше? Не понимаю… нет, ты же не могла…

— Именно могла, господин Барн Виван, Ухадер-жёр Кафка! И вот что я тебе скажу, франт! Человек, который способен отказаться от любви со мной ради потрепанных проституток, уже никогда не узнает, как я пристегиваю к поясу чулки!

После этого весьма расплывчатого утверждения Милли вышла столь же шумно, как и вошла.

Кафка сел за письменный стол и обхватил голову руками.

Послышался аккуратный стук, вошел посыльный Карл.

— Опять босс? — спросил Кафка.

Карл лишь кивнул, его втянутая в плечи голова говорила о самом искреннем сочувствии.

Кафка стоял перед грозной дверью кабинета Бернарра Макфаддена. Он вяло постучал и после приглашения осторожно вошел.

Макфадден выпрямлял себе осанку с помощью тренажера из стальных прутьев и зажимов. Сидя за солидным столом, он натягивал и отпускал упругие прутья, напоминая сумасшедшего кондитера, борющегося с упрямой ириской.

В ужасе наблюдая за этим процессом, Кафка

искал в себе последний источник сил. Босс произнес, словно обращался к самому себе:

— Меч, что отрубает глыбы льда в нашем теле…

Наконец шеф Кафки закончил свои потуги. Бросив тренажер, он вытер рукавом лоб и налил себе из фляги какую-то коричневую дрянь. Газетному обозревателю в области жизненных советов напиток предложен не был, что он посчитал дурным знаком.

Макфадден начал причитать на тему, имеющую мало отношения к делу.

— Я тебе, Фрэнк, не лицемерный, набожный Бэббит, ограниченный обыватель, что по воскресеньям ходит в церковь. Далеко не так! Широта взглядов, терпимость и стоящие нововведения — основа моей игры. Я одобряю любой образ жизни, если он на благо телу, разуму и душе. Лишь одного я не позволю. Знаешь, чего?

— Нет, сэр. Чего?

— Богохульства! — прогремел Макфадден. — Богохульства, что в твоих гранках, которые я, предосторожности ради, просмотрел перед тем, как пустить в печать! И слава Богу, что они попали мне на глаза! Вообразить не могу шум и крик, который поднялся бы после публикации такой

несуразицы!

— О чем именно вы говорите, сэр?

— О твоем ответе «Сомневающейся в Денвере». «Если б нами владел только один демон со спокойным, незамутненным взглядом на нашу сущность и правом избавиться от нас в любой момент, то у него хватило бы сил держать нас всю жизнь вдали от Духа Святого и манипулировать нами так, что мы даже не подозревали бы о существовании Бога и жили бы, ни о чем не беспокоясь».

— Вы неправильно истолковали мою мысль, — слабым голосом произнес Кафка.

Макфадден злостно скомкал гранки.

— Неправильно истолковал, черт подери! Это самый откровенный разлагающий сатанизм, который я когда-либо слышал! Бедняжка! Страшно подумать, что было бы с ее жизнью, прочти она твои ницшеанские грубости! Что ж, Фрэнк, у тебя была отличная работа, ты сам от нее отказался. Немедля очисти стол, забирай жалованье и уходи!

Кафка не сказал и слова в свою защиту. Он знал, что Макфаддену не понять его доводы и что любые действия могут быть истолкованы положительно или отрицательно в зависимости

от настроения шефа. К тому же вес недопонимания, извечно сопровождавшего Кафку, лежал на его плечах, как мешок угля на спине портового грузчика, лишая дара речи. Мигающий холодный огонек сверкнул в левом глазу Фрэнка. Поднявшись, Кафка направился к выходу.

Выплеснув свой гнев, Макфадден заметно смягчился к своему бывшему подчиненному и снизошел до того, чтобы напоследок дать ему совет:

— Может, тебе, Фрэнк, стоит попробовать работу без чрезмерной связи с общественностью. Вернись на железную дорогу. Или попытай удачу в страховой компании. Там явная нехватка психоаналитиков и писателей.

Кафка молча вышел.

На пути в свой кабинет он вынужден был пройти через ряды некстати оказавшихся на пути, хоть и дружелюбных коллег. Они выражали соболезнования, давали советы, прощались, но каждая фраза била по сердцу словно камень.

Последней стояла Милли. По ее щекам медленно катились искренние слезы.

— Ах, Фрэнк, я не знала…

Кафка оживился, выпрямив спину.

— Милли, я сожалею, если чем-то причинил

вам боль. На некоторое время я оказался слепой овцой, заблудившейся в ночных горах. Или скорее овцой, которая преследует эту овцу. Однако теперь путь мой ясен.

— И каков он? — шмыгнула Милли.

— Дать волю дьяволу моей души.

С этими словами Кафка прошел в кабинет, стараясь не опускать головы.

Измятая рваная газета, вымокшая в сточной канаве, но зацепившаяся за гранитный бордюр, пестрела огромными заголовками, едва различимыми в желтоватом свете фонаря.

ГАЛКА ТЕРРОРИЗИРУЕТ ПОДПОЛЬЕ

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПЕРЕСАЖАЛИ ВСЕХ ПРЕСТУПНИКОВ, ДОСТАВЛЕННЫХ К ДВЕРЯМ УЧАСТКА

СУДЫ ПЕРЕПОЛНЕНЫ!

«ЧТО ЕМУ НУЖНО?» — ВОПРОШАЕТ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

«У НЕГО ЗУБ НА ЧЕРНОГО ЖУКА», — СЧИТАЕТ КОМИССАР О'ГАЛОРАН

На газету опустился ботинок, вдавив ее еще глубже в сток. Затем вновь вознесся в воздух, от-

дав вес человека своему двойнику. Решительным шагом их владелец шел по тротуару к заброшенному дому. Там ботинки остановились.

Галка окинул взглядом представшую перед ним развалину. Острым зрением подметил декоративную резьбу над окном третьего этажа. Мститель в маске ловко размотал с пояса веревку с крюком. Через пару мгновений он уже стоял на карнизе в нескольких десятках футов над землей. Оттуда Галка стремительно взобрался по стене на первый взгляд пустого здания до окна седьмого этажа, за которым горел свет.

Внутри комнаты группа мужчин обступила стол, на котором беспорядочно валялись детали бомбы. Сверяясь с инструкцией и споря друг с другом, они не замечали, что за ними наблюдают.

Тихо посмеиваясь, Галка ждал. Дернув веревку, чтобы проверить, насколько прочно она закреплена, он отклонился от стены под крутым углом, упираясь ногами в выступ. Резко оттолкнувшись, качнулся в темноту и ворвался из нее обратно, разбив вдребезги стекло и в щепки раму. Приземлившись, Галка издал душераздирающий крик.

Эффект превзошел ожидания. Заговорщики от страха попадали на пол, даже не вспомнив про оружие.

— Мы сдаемся! Не убивайте нас! Пожалуйста!

Безумной силой Галка прижал к стене одного из бесхребетных наймитов Черного Жука.

— Где он? Где Черный Жук? Говори!

— Южный Ист-Сайд! Подвал магазина Шницлера. На Делэнси! Там его штаб! Клянусь!

— Прекрасно! А сейчас, господа, вы вправе вздремнуть до приезда тюремной кареты.

Отмычка касалась механизма замка черного хода в магазин Шницлера с той же чувственностью, с какой девственница теребит бретельку пеньюара в каком-нибудь веймарском борделе.

Галка быстро преодолел препятствие. Пробравшись на цыпочках по открывшейся ему темной кладовой, он подошел к двери в подвал.

Повернув ручку, услышал сверху шквал гремящих цепей.

С жутким грохотом упала огромная клетка: Галка оказался в ловушке!

Из спрятанных выпускных отверстий зашипел газ. Сознание покинуло Галку, как обиженный покупатель, которому предложили товары низкого качества на глазах богатой публики.

Когда он пришел в себя, то почувствовал под животом обитую поверхность, к которой был пристегнут за запястья, лодыжки и талию. Маска

и накидка были сорваны. Подбородок упирался в некую впадину, а лоб оттягивал назад кожаный ремень, отчего шея выгибалась едва ли не под прямым углом. Единственное, что мог видеть Галка, так это кирпичную стену с отслаивающейся серой краской и наростами плесени.

На этом фоне из темноты появился человек.

Не человек — Черный Жук со скрюченной спиной и неестественной формы черепом.

— Вот мы и встретились снова, Фрэнк Кафка!

Даже в такой ситуации Кафка не утратил рассудительность и манеру взвешивать каждое слово. Он не промямлил мольбы о пощаде и не выпалил тщетных угроз — лишь произнес краткое *«снова?»*

В голос Черного Жука просочились напускная искренность и лживое добродушие.

— Ах, ну конечно! Я не снял маски. Как невежливо с моей стороны! Минуточку…

Черный Жук снял головной убор, и часть костюма с антенной повисла как не к месту сброшенная шкура. Кафка увидел незнакомое лицо, которое могло бы принадлежать гному. Человек был приблизительно его лет.

— Вижу, моя личность тебе до сих пор не ясна, — продолжил Черный Жук. — Вполне есте-

ственно, зачем же помнить такое ничтожество, как Макс Брод!

— Макс Брод? Не учился ли ты со мной в гимназии Альтштадта? Но это же было двадцать лет назад, и у нас тогда едва возникала нужда перекинуться парой слов!

— Да, мы никогда не разговаривали! Кто удосужится напрашиваться на общение с калекой, уродливым отличником? Явно не высокомерный красавец Фрэнк Кафка! Как же! О нет, у него никогда не было времени на жалкого юнца, который его идеализировал, который болтался за окнами элитарного круга друзей — Поллак, Прибам, Баум, вся та компания — и отчаянно пытался добиться хоть крохи внимания! А потом, когда ты оставил меня в Праге, какая боль разлуки раздирала мне сердце! Бессонные ночи в вымокшей от пота постели, где я ворочался, истязаемый твоим образом! Длинные походы и заплывы, нацеленные на то, чтобы изжить память о тебе, смогли лишь скрасить мои физические недостатки. Даже в твое отсутствие я не мог избавиться от тебя, потому что прославленная личность инженера Кафки и его далекие великие дела вечно ставились мне в пример всеми представителями еврейской общины Праги.

Кафку начинало подташнивать, болела вывернутая шея.

— И… и ты поймал меня лишь для того, чтобы положить конец своей навязчивой идее и отомстить мне?

Брод кисло засмеялся.

— Даже сейчас ты ставишь себя во главе всех событий! Ошибаешься, господин Хвастун-Галка! Победа над тобой — лишь маленький приятный бонус. Понимаешь ли, единственным способом, коим я мог вернуть себе энергию и разум, было погрузиться в непомерное для меня дело. Сионизм явился пламенем, которое зажгло во мне новую искру!

Сначала я сдружился с одним из твоих старых приятелей Велтшем, чтобы воспользоваться его журналом «Самооборона». Увы, он оказался слишком слабым и безропотным, мне такие люди не по вкусу. Вскоре я нашел товарищей с более радикальным настроем. Чтобы досадить всем, кто считает евреев клопами цивилизации, я с радостью принял новое обличье. И теперь мы ведем войну, используя террор и насилие, во имя создания в Палестине государства евреев. Ты же, со своей дурацкой борьбой с преступностью, встал на моем пути здесь, в Америке, поэтому я

решил просто раздавить тебя. Ирония судьбы, не вспомнившей нашу былую связь, — всего лишь подтверждение тому, что мне продолжает улыбаться Яхве.

— И что ты намерен со мной сделать?

Брод неожиданно достал спелое ярко-красное яблоко. Потерев его о рукав, откусил и начал со смаком жевать, словно насмехаясь над пленником.

— Запишу тебя добровольцем на научный эксперимент. Ты, как видишь, привязан к уникальному устройству, созданному для убеждения врагов сионизма в том, что они заблуждаются. Над тобой часовой механизм, который соединен рядом моторчиков с так называемой бороной. Он отрегулирован так, чтобы через определенные промежутки времени приводить ее в движение.

На конце бороны расположены два типа игл, образующих различные надписи. Рядом с каждой длинной иглой вставлена короткая. Длинная производит нечто вроде татуировки без чернил, входя глубоко в плоть, а короткая выпрыскивает воду, смывая кровь, чтобы надпись оставалась четкой. Вода с кровью стекает по тонким стокам в более широкие и затем по сливной трубе.

— Понятно. И какие слова ты решил выгранить

на моей коже?

— Выдержки из Талмуда о том, как надо поступать с предателями еврейской расы!

Выбросив огрызок, Брод вышел из поля зрения Кафки. В тот же миг Кафка почувствовал, как треснула ткань, обнажив спину.

— Мне очень жаль, что после перевоспитания ты не будешь жить, мой дорогой Фрэнк. Ведь чтобы возыметь эффект, процесс должен повторяться сотни раз, и займет он немалое количество часов!

Кафка весь напрягся в ожидании физического истязания, но тут Брод с дьявольским упоением произнес неожиданную фразу:

— Кстати, твой заботливый отец шлет тебе привет!

Кафка тотчас потерял сознание.

Когда он пришел в себя, машина перевоспитания уже была включена.

Полчища гвоздей коснулись спины Кафки, и ему тотчас напомнили, как безропотно надо подчиняться наказанию учителя. Но даже этот урок самообладания должен был уничтожить всякую волю к сопротивлению после нескольких натисков «бороны», тем более что дух Кафки ослаб от психологической нападки Черного Жука.

Кафка попытался разорвать веревки — бесполезно.

— Может, тебе станет легче, если ты издашь свой смехотворный крик? Хотя вряд ли. Прекрасно, соберись с духом…

Вдруг сверху раздался неимоверный грохот, а за ним настойчивый зов хриплых голосов.

— Проклятие! Да, видимо, придется оставить забаву. Но только после первого укола!

Десятки танцующих игл проткнули спину Кафки, будто он святой Себастьян, хваставший, что может кожей определить мучительные формы еврейских букв. Лишь тренировки Учителя помогли ему сдержать крик.

По деревянным ступеням стремительно прогремели чьи-то шаги, однако иглы продолжили свою жестокую колдовскую тарантеллу. Раздались выстрелы.

Кафка потерял сознание, но почти в тот же миг вынырнул из обморочного небытия и почувствовал, как к кровоточащей коже вместо «бороны» прикасаются нежные пальцы. Сверху на Кафку смотрели полные слез глаза Милли Янсен.

— Ах, Фрэнк, скажи мне, что с тобой все в порядке!

— Палимпсест моей кожи вместит еще пару

абзацев, — прохрипел Кафка.

Милли наклонилась поцеловать его.

— Слава Богу! Я так боялась, что мы опоздаем! Я досаждаю полиции со дня твоего увольнения, пытаюсь убедить их, что мне известно, кто такой Галка, чтобы они остановили тебя ради твоего же блага! Когда люди, мастерившие бомбу, раскололись и дали копам нужную информацию, я поехала за ними! Теперь все будет хорошо, Фрэнк!

Сковывавшее его всю жизнь напряжение, которое присутствовало в каждой клетке, словно вытекло из Кафки вместе с потерянной кровью. Он хотел было спросить, ушел ли Черный Жук, но понял, что ему это безразлично. Фанатизм Макса Брода рано или поздно приведет его к погибели, как чуть не произошло с ним самим.

— Милли?

— Да, Фрэнк?

— Ты когда-нибудь задумывалась, что повлечет за собой замужество?

Милли снова поцеловала его.

— Ну, тобой особо не расхвастаешься…

Кафка вздрогнул.

— Милли, пожалуйста, моя писательская чувствительность еще не притупилась…

— Но ты будешь самым красивым пером на шляпке любой девушки!

Тридцатые
Анна

Ночной поезд из Франкфурта опаздывал.

В наши дни ничего не происходит, как положено.

Ничем не примечательный бизнесмен, ожидавший прибытия пассажирского поезда из Германии на Центральном вокзале Амстердама, уже начинал нервничать. В его кармане лежала телеграмма, в которой говорилось, что его двум шуринам удалось достать билеты на экспресс. А что, если с ними что-нибудь случилось… Страшнейшие из погромов в их родном городе остались в прошлом, братьям удалось выжить. Однако подводное течение антисемитизма не умедляло скорости по всей Европе. Вдруг в последнюю минуту возникли какие-то претензии, проверка документов на границе или выяснение целей поездки? Бизнесмен представил, как шурины попадают в лапы гестапо.

С амстердамского залива дул прохладный декабрьский ветер. Человеку на открытой платформе казалось, что он приносит зловонное

волчье дыхание.

Ни в чем нельзя было быть уверенным в тот недобрый 1938 год.

Волнение росло. Грудь словно наполнилась песком. Какое-то пустяковое опоздание — несомненно, безобидное в сравнении с иными проявлениями произвола — с необыкновенной силой напомнило о чудовищной зыбкости времен, об опасности, под которой ходят все.

Какая же ответственность: возложить на себя заботу о семье, жене и двух дочерях в таких условиях!

Мужчина полагал, что в Голландии они в безопасности. Все-таки прожили в относительном спокойствии пять лет. Он смог убедить себя, что в приютившей их стране беглецов не коснется безумие Германии. Но теперь понял, что ошибался. Ни на одном пятачке континента не спастись от безумства Гитлера и его приспешников.

Вдруг ему явилось видение — секундное откровение, как в Старом Завете.

Если они останутся здесь, то все умрут. Вопреки попыткам выиграть время, невзирая на все увертки и ухищрения, немцы рано или поздно настигнут их. Они обречены.

Потрясенный, мужчина разрыдался, и лишь

прибытие поезда из Франкфурта привело его в чувства. Он вытер слезы рукавом пальто и стал высматривать среди пассажиров братьев жены.

Вот они!

— Ганс, Дитрих, как я рад вас снова видеть!

— Отто!

Они обнялись, затем отступили, чтобы рассмотреть друг друга.

Отто сказал:

— До дома идти милю-две. Не хотите прогуляться? Мы сэкономим на троллейбусных билетах…

— Конечно, — ответил Ганс. — Неплохо было бы размяться после долгого пути.

— И мы сможем поговорить, — добавил Дитрих. — С глазу на глаз, не беспокоя Эдит и девочек.

— Понимаю.

Они покинули вокзал и вскоре оказались на улице Оз-Воорбургваль, ведущей на юг.

— Мы живем в речном квартале, это юг города, — объяснял Отто. — Там поселилось много еврейских семей.

Несколько минут братья рассказывали Отто о том, как живут оставшиеся во Франкфурте родственники и друзья. С жадностью выслушав новости, Отто встревожился. Дела обстояли хуже,

чем он предполагал.

Наконец, уже завидев здание муниципалитета, Ганс подошел к сути разговора.

— Мы не намереваемся осесть здесь, Отто, несмотря на ваше добросердечное предложение. Мы решили ехать дальше. В сущности, мы уже купили билеты на пароход в Америку.

Это озадачило Отто.

— Америка… Зачем так далеко? Мы не сможем видеться. И чем вы там будете заниматься?

— На наш взгляд, ближе никак нельзя. Не будем обманываться, Отто. Фашисты не остановятся, пока не завоюют всю Европу. Это ясно, как желтая звезда, которую они заставляют носить евреев! Даже в Англии небезопасно. А насчет того, как мы будем жить — ну, мы же профессиональные немецкие оптики. Такие умения везде в цене.

Они пересекли реку Амстел. Под мостом проносились плавучие льдины, похожие на всплывшие немецкие субмарины. Отто молчал. Он не мог заставить себя возразить братьям — из головы не выходило божественное откровение.

Когда они пересекли Принсенграхт, Дитрих спросил:

— Вы с Эдит и детьми поедете с нами, Отто? На корабле осталось несколько кают третьего

класса. Еще не поздно…

Несмотря на недавнее видение, у Отто не получилось дать мгновенное согласие — он от природы был робок.

— Не знаю… Ведь тогда придется начать все с начала. Будет нелегко. Не уверен, что Эдит понравится Америка… И у меня есть обязательства перед фирмой, с которой я сейчас работаю…

Ганс резко остановился и схватил Отто за плечо.

— *Майн готт!* Отто, проснись! Это твой последний шанс!

Голос Отто дрожал.

— Не знаю, что правильно. Все так запутано…

— Ганс, пожалуйста, — вмешался Дитрих. — Отто сам примет решение. Мы можем только советовать. — Он пристально посмотрел на Отто. — И позволь мне повторить: мы настоятельно рекомендуем бежать. Если не всем, то по крайней мере детям.

Такой вариант для Отто был неприемлем.

— Разбить семью? Я не могу даже…

— Поразмысли об этом. Мы скажем девочкам, что они отправятся в путешествие с вновь сыскавшимися дядями. Никакого повода расстраиваться. Давай же! Если вы с Эдит не хотите

спасаться, то детей необходимо уберечь.

Остальной путь домой они молчали.

Дом номер сорок шесть на Мерведеплейн пестрил огнями. Из открывшейся двери на мужчин хлынул теплый воздух, полный божественных запахов еды. Из кухни вышла Эдит, вытирая руки о фартук. Увидев братьев, она расплакалась. Пока они обнимались, Отто тихо стоял в стороне.

На шум в коридоре из гостиной появилась девочка-подросток в очках. За ней хвостом вылезла сестренка года на три моложе.

Отто заново представил их дядям, которых они не видели много лет.

— Это Марго, — сказал он, показывая на старшую. — Марго, поцелуй дядю.

Девочка послушно выполнила указание.

— А это Аннелиз Мари.

У младшей дочери были темные волосы и серо-зеленые глаза с темными крапинками. Щечки и подбородок украшали ямочки. Передние зубы немного выступали.

Необычные глаза девочки сверкнули.

— Пим, — решительно произнесла она прозвище отца, исполненная чувства собственного достоинства, — ты же знаешь, я предпочитаю, чтобы меня называли Анной.

Дяди рассмеялись от ее серьезности.

— Хорошо, — сказал Ганс, — ты будешь юной госпожой Анной Франк.

Четверг, 14 июня 1939 года

Во вторник, 12 июня, я проснулась в шесть утра, в чем нет ничего удивительного: у меня в тот день была первая проба на роль.

Ах да, мне к тому же исполнялось десять лет. За утренним столом меня потчевали пламенным хором «С днем рожденья тебя». Среди исполнителей значились дядя Ганс, дядя Дитрих и Марго. Чудаковатый старый Ганс вставил в праздничный торт свечку, и мне пришлось ее задуть. Затем дарили подарки. От дядей досталась подписка на «Кинороманы» и пару новых рекламных кадров для моей коллекции. А от Марго дневник, в котором я сейчас пишу. На обложке шикарный Рин-Тин-Тин. Может, картинка чуточку детская для юной леди моего возраста, но она мне все же нравится.

Несмотря на праздник, все мои мысли были заняты предстоящей пробой. Признаю, что немного нервничала и так долго возилась с волосами у зеркала, что дядя Дитрих был вынужден крикнуть: «Поспеши, *либхен,* а то мы опоздаем!»

Когда мы ехали в студию в большом «паккар-

де», я сидела спереди между дядями — это редкое удовольствие. Обычно нас с Марго сажают назад. Дядя Ганс, который вел машину, спросил:

— Ты уверена, что хочешь пройти через это, Анна? Ведь ты еще чересчур юна, чтобы думать о карьере.

— Всего лишь на год младше Ширли Темпл, — ответила я. — А она снимается в кино целую вечность. Ведь я только об этом и мечтаю уже много лет.

— Понятно, — сказал он. — Однако не надейся слишком. На каждую из ролей претендуют сотни хорошеньких девочек. Я изо дня в день вижу, как они приезжают на студию, и большинство уходит разочарованными.

— Только не я, дядя. Я благодарна за сам шанс прослушивания. Если мне откажут, я с радостью вернусь к учебе. А что тут расстраиваться: есть куча других профессий. К примеру, я могла бы стать журналистом.

— Я рад, что ты столь благоразумна, Анна. Мне пришлось немало похлопотать, чтобы у тебя была такая возможность, но за результат я все же не могу ручаться.

Скоро мы прошли через ворота студии. Место пестрило чудесными людьми, и я подумала: «Ты,

маленькая Анна, конечно же, прошла длинный путь из школьного двора Монтессори на другом конце света!»

Едва я осознала это, как очутилась в киносъемочном павильоне. Голова шла кругом от прожекторов, микрофонов, камер и зрителей — именно таких, какими я их себе и представляла. Камера гудела, а мне нужно было читать один из монологов Темпл из «Капитана Января», и я справилась, ни разу не сбившись. Голос откуда-то меж прожекторов попросил меня что-нибудь спеть. Я любезно исполнила арию капитана Сполдинга из «Зверей-хвастунов», и тут проба закончилась, не успев толком начаться.

Дядя Дитрих к тому времени уехал на работу, а дядя Ганс ждал меня.

— Ты знаешь, кто попросил тебя спеть?

— Нет. Кто?

В голосе дяди Ганса прозвучало почтение:

— Это был сам Луис Майер[2]!

Сопровождая дядю в мастерскую, где мне предстояло провести весь день (какое блаженство!), я увидела во плоти прекрасных сестер Лейн: Лолу, Розмари и Присциллу — звезд из «Четырех

[2] Примечания: 2

Майер, Луис Берт, (1889–1957 гг.) — кинопродюсер. Основал компанию «Метро-Голдвин-Майер».

дочерей».

Лола и Розмари увлеченно болтали с какими-то мужчинами, а Присцилла — моя любимица — одарила меня теплой улыбкой.

Подумать только, когда-то в Амстердаме я фантазировала, будто Присцилла Лейн — моя лучшая подруга, а теперь это может произойти на самом деле!

Суббота, 16 июня 1939 года

Несколько дней я не писала в дневнике, потому что решила сначала подумать, каким он должен быть. Не хочу заносить в него голые факты, как делает большинство людей. Пусть дневник станет моим другом и зовется Присциллой (всем понятно в честь кого!).

Я начну с описания своей жизни с того момента, как мы с Марго приехали в Америку под опекой наших дядюшек.

С корабля мы сошли, конечно же, в Нью-Йорке и вскоре поселились у наших друзей-евреев в Южном Ист-Сайде. К сожалению, работу было найти непросто, даже таким талантливым мастерам, как Ганс и Дитрих. Примерно через месяц нам с Марго сказали, что мы переезжаем.

— Пока мы не проели наши сбережения, хотим попытать удачи в Калифорнии, девочки. Говорят,

что в Голливуде требуются специалисты по камерам и их ремонту.

— Голливуд! — обрадовалась я. — Ура! Спасибо, спасибо, дорогие дяди!

— Ах, Анна, — произнесла несколько резко Марго, — пощади нас. Не пытайся поверить, что дяди угождают твоей навязчивой идее. Это чисто практический шаг.

Я знала, что она права, но могу же я пофантазировать? Почему нет?

Понимаешь ли, дневник, с самого детского сада я увлекаюсь кино. Стены моей комнаты в Амстердаме были завешаны плакатами любимых звезд. Я могла в точности пересказать содержание любого фильма и назвать имена снимавшихся в нем актеров. Короче говоря, я была обыкновенным киноманом, помешанным на звездах.

Ну, мы упаковали наши скромные пожитки и сели в поезд на запад, прямо как одна отважная душа из «Дилижанса» Джона Форда. Меня поразил простор моей новой родины, ее разнообразный ландшафт. Самое большое впечатление произвели фермы — на этой земле никогда не будут голодать!

По приезде, как мы и надеялись, Ганс и Дитрих быстро нашли работу. И не в какой-нибудь

заурядной студии, а в самой большой: «Метро-Голдвин-Майер».

В «МГМ» работает двадцать режиссеров, семьдесят пять сценаристов и двести пятьдесят актеров и актрис! В прошлом году их доход составил пять миллионов долларов. Это рекорд!

И, дневник, твоя подруга Анна только что пела главе киностудии Луису Б. Майеру.

Понедельник, 18 июня 1939 года

Дорогая Присцилла.

Даже не знаю, с чего начать.

По правде, жизнь в Америке делает человека намного взрослее, чем он есть на самом деле! (И хотя мало кто это признает, приятные моменты иногда столь же мучительны, как и неприятные…)

Я всегда была не по годам развитым ребенком (а какое наслаждение получали Пим и Маме, браня меня за это!). Однако, приехав в Голливуд, я поняла, что легла спать ребенком, а проснулась юной женщиной. Хоть мне и исполнилось всего десять, я ощущаю себя на пять лет старше. (Пусть моя фигура и не поспевает за мной!)

Но я все хожу вокруг да около важного события. Мне почему-то трудно запечатлеть его на этой странице, вдруг оно окажется мыльным пузырем

моего разыгравшегося воображения.

Сегодня господин Майер предложил мне роль!

И не просто роль, а главную роль в новом фильме для всей семьи. (Господин Майер говорит, что никогда бы не поставил свое имя в титрах фильма, который постыдился бы показать своей семье.)

Произошло это так.

В восемь утра зазвонил телефон. Выслушав сообщение, дядя Ганс озадаченно посмотрел на меня.

— Анна, это была секретарша Майера. Он хочет, чтобы ты подошла к нему в офис в десять.

Я ходила по дому как в тумане. Даже не заметила, как мы подъехали к студии, и в следующее мгновение я уже сидела перед огромным письменным столом господина Майера. Дядя Ганс находился рядом со мной.

— Итак, госпожа Франк, ваш дядя сказал мне, что вы желаете стать актрисой.

— Да, сэр. Все считают, что у меня хорошо развита мимика. Еще в Амстердаме я часто изображала друзей. И незнакомцев.

— Ваша проба говорит о таланте, большом таланте. Обычно мы начинаем с мелких ролей в разных картинах, но получилось так, что есть

фильм, где ваш опыт был бы весьма ценен. Вы читали «Волшебника страны Оз»?

— Книгу Фрэнка Баума? Конечно.

— Вот ее-то мы и экранизируем. Или по крайней мере пытаемся. Не знаю, что с этим проектом не так, но иногда он кажется проклятым. Я хотел начать съемки в прошлом году, однако у Вика — Вика Флеминга — не хватало времени из-за съемок «Унесенных ветром». Мой зять Селзник был в полной запарке. А как только он освободился — всего месяц назад, — мы потеряли Джуди.

На лице господина Майера появилось выражение искренней горести. Я знала, что Джуди Гарленд была его любимицей.

— Да, ужасное несчастье, — сказала я, хотя вряд ли это могло его утешить. — Я плакала, когда прочла о ней в «Фотоплее».

Господин Майер одобрительно взглянул на меня.

— Я ценю, что это тебя так растрогало, Анна. Большая потеря не только для меня, но и для студии. Смерть Джуди в автомобильной катастрофе положила конец съемкам, а мы уже сделали несколько основных сцен с ее участием. В довершение ко всему на прошлой неделе у Бадди Эбсена возникла аллергия к гриму Железного

Дровосека. Я чуть не отказался от проекта, но тут каким-то чудом появилась ты.

Господин Майер поднялся с кресла, обошел стол и сел на его край.

— Анна, я думаю, ты прекрасно подойдешь на роль Дороти. Мне все больше казалось, что Джуди в свои семнадцать слишком стара для такой героини. Баум писал о ребенке, о наивной доброй девочке, и я представляю ее именно такой, как ты. Тебя это интересует?

Я едва могла дышать и все же как-то ответила:

— Интересует ли меня это? Господин Майер, я бы жизнь отдала за такую роль!

Господин Майер хлопнул ладонями по коленям.

— Замечательно. Значит, решено. Теперь мне осталось подобрать кого-нибудь на замену Эбсену.

Когда мы с дядей Гансом поднялись уходить, Майер остановил нас.

— Ах да, и еще одно, малышка. Твоя фамилия. Ее нужно заменить. Откровенно еврейская. Да и где-то немецкая. Акцента почти не чувствуется, а на занятиях мы полностью отшлифуем произношение, но вот имя тебя сразу же выдаст. Не пойми меня неправильно, я сам иудей, поэтому

речь не о предрассудках. Просто публика предпочитает, чтобы звезды были конфессионально нейтральными, понимаешь?

Признаю, что была обескуражена, я ведь никогда не считала свое происхождение чем-то постыдным. Но я быстро пришла в себя.

— Может, я взяла бы фамилию дяди?

— Холлэндер? Длинновато. А что, если его укротить? Как тебе «Анна Холлэнд»?

— Звучит неплохо, — согласилась я, почти не думая.

Господин Майер улыбнулся и пожал мне руку.

— Малышка, я вижу, мы поладим.

Вторник, 26 июня 1939 года

Дорогая Присцилла.

Мой первый день съемок имел потрясающий успех, но устала я больше, чем могла себе вообразить. Я сразу сдружилась со всеми звездами, уняла их первоначальную зависть, что такой новичок, как я, сразу получил главную роль. К вечеру мы шутили и баловались в перерывах между работой, прямо как старые приятели.

Мне выделили наставницу, чтобы сопровождать меня на съемочной площадке. (Как бы мне хотелось, чтобы на ее месте были мама, может, это сблизило бы нас…) Ее зовут Тоби Уинг, и бо-

юсь, что, как я ни старайся, буду всегда считать ее довольно грубой и вульгарной особой. Несколько лет назад она исполняла какие-то мелкие роли, в основном на студии «Парамаунт», но, по сути, не работала с ленты «В поисках красоты» тридцать четвертого года. И каким-то образом — не хочу и думать о подробностях обстоятельств — оказалась среди обслуживающего персонала в «МГМ». Она довольно симпатична, похожа на манекенщицу благодаря своим платиновым волосам и длинным ногам, которые демонстрирует при первой же возможности! Однако она лопает пузыри баббл-гама и ужасно шепелявит.

Когда я сравниваю ее с тобой, Присцилла, мой воображаемый друг, какой же неотесанной она мне кажется!

Представь себе, Тоби пыталась во время обеда дать мне урок математики: «Прежде всего надо следить за весом, цифры в этом деле не повредят. Они понадобятся, когда начнешь считать свои брильянты».

Брильянты? Можно подумать, я здесь за этим!

Воскресенье, 2 сентября 1939 года

Дорогая Присцилла.

Прости меня, что так долго не писала. Съемки не оставляют мне ни одной свободной минуты.

Но вчерашние события просто требуют обратиться к тебе.

Гитлер вторгся в Польшу. И добавить тут нечего. Началась война, которой все так давно опасались.

Ах, что же будет с моими милыми Пимом и Мамс, не говоря уже о друзьях? Питер, Мип, Элли, Лиз, Джо, Санна — пока они в безопасности. Но у меня дурное предчувствие, что их ждет беда.

Всё, что мы с Марго можем делать здесь, в Америке, так это молиться. Представить себе не могу, какая сейчас жизнь в Европе. Время, прожитое в Амстердаме, кажется таким далеким. Наверно, я стала настоящей американкой.

Четверг, 30 апреля 1940 года

Дорогая Присцилла.

Уже десять месяцев идут съемки. Кто мог подумать, что потребуется так много времени? У меня такое чувство, словно я прошла сквозь огонь, который выжег всю мою прежнюю сущностью. Из пепла я восстала новым человеком, более сильным и зрелым, который заслужил право произнести магические слова: «Съемка окончена!»

Мой первый фильм почти готов. Он оказался самым дорогостоящим проектом студии. Фактически еще предстоит некоторая доработка,

которая может потребовать и моего участия, но я уже буду задействована в следующей ленте. Господин Майер быстро подобрал мне новую роль. Я буду дочерью в инсценировке классики, а именно «Швейцарская семья Робинзонов». Я только что прочла книгу. Душераздирающая история. Трудно поверить, что такое бывает: в ловушке, оторванная ото всего мира, окруженная дикими зверями, семья прикладывает все усилия, чтобы выжить и найти хоть какую-то пищу. Однако господин Майер считает, что сюжет будет иметь большой успех у зрителей, а я доверяю его мнению.

Кажется, Тоби была права, сказав: «Дорогуша, ты на пути к великим вершинам!»

Пятница, 10 мая 1940 года

Дорогая Присцилла.

Голландия, родная Голландия, моя тезка, приняла удар захватчиков! Мы с дядями и Марго весь день не отходили от приемника. (К счастью, открытого боя не велось.) Страшно подумать, что сейчас переживает невинная страна. Наши сердца стонут за ее беззащитных жителей. Если б только Америка вступила в войну. Может, я, как актриса, в силах чем-то помочь.

Спрошу совета господина Майера.

Среда, 12 июня 1940 года

Дорогая Присцилла.

Господин Майер преподнес мне к дню рождения потрясающий, изумительный подарок!

Студия «Фокс» не могла начать работу над одним проектом, пока не определит отношение общественности к войне, и господин Майер выкупил его для меня. Я всецело отдамся новой задумке, как только будет готов фильм о швейцарской семье.

Я буду играть дочь главной героини в картине «Замужем за нацистом». Сценарий потрясный! В конце я сдаю своего отца, заявляя, что он шпион, и спасаю плотину Гувера от взрыва. Теперь я больше не чувствую себя такой беспомощной и бесполезной.

Пятница, 15 сентября 1940 года

Дорогая Присцилла.

Сегодня лучший вечер в моей жизни.

Я была на премьере «Волшебника страны Оз» в «Китайском театре Граумана».

Выйдя из лимузина, я поправила свою норку (изумительную накидку от Адриана), надвинув ее на плечи, и тут засверкали вспышки. Мне трудно было поверить, что я скоро увижу свое имя — Анна Холлэнд — на широком киноэкране.

Я шла словно во сне. И была в восторге во время всего просмотра. Горжусь своей работой и очень рада, что мое имя теперь будет ассоциироваться с такой замечательной картиной, на которой, я уверена, вырастет не одно поколение. Дети поймут, что мужеством, умом и добрым сердцем можно преодолеть любые трудности. (Будет ли преувеличением увидеть в Злой Ведьме символ фашистской тирании?)

И, дорогая Прис, должна признаться, что осталась прежней киноманкой, несмотря на внешний антураж. А зал был усыпан звездами! (Хотя, к моему огорчению, тебя среди них не оказалось, потому что ты занята съемкой «Четырех матерей» — продолжением «Четырех дочерей» и «Четырех жен»). Насколько приятно было встретить людей, которыми я восхищаюсь много лет. Мне даже посчастливилось пожать руку Чарли Маккарти и его «партнеру» Эдгару Бергену[3].

Как говорят музыканты, «они балдежные».

Воскресенье, 2 декабря 1940 года

Вчера произошел странный случай. Я обязательно должна тебе об этом рассказать.

На съемочной площадке у меня разболелась го-

---

[3] Примечания: 3

Чревовещатель с куклой, которая «в карман за словом не лезла».

лова, и я попросила сделать перерыв на несколько минут, чтобы полежать и прийти в себя. Войдя в гримерную, я поразилась, увидев свою наставницу Тоби в объятиях рабочего сцены. Платье задрано до ушей, а помада размазана по всему лицу. Она была похожа на пугало. Вместо того чтобы замяться, она рассмеялась и сказала: «Ой, милочка, ты же ведь ничего не имеешь против? Девушке нужно как-то развлекаться. За это ее не могут уволить и запретить работать наставницей».

Я ничего не ответила и вскоре осталась в комнате одна с холодным компрессом на лбу.

Я не могла выкинуть из головы образ стиснутой в мужских руках Тоби. Мою грудь переполняло отвращение вперемешку с влечением.

Подсознательно меня уже посещали эти противоречивые ощущения, как в Амстердаме, так и последнее время. Помню, я однажды спала в одной кровати с подружкой (Бонитой Гренвил), и мне безумно захотелось поцеловать ее, что я и сделала. Меня практически каждый раз вгоняет в экстаз, как вижу обнаженную женскую фигуру, такую, как, например, у Джин Харлоу. Она так завораживает меня своей красотой и утонченностью, что слезы сами катятся по щекам.

Мала ли я для подобных ощущений? Иногда мне кажется, что сама жизнь непостижимо ускорила все процессы, и я не в силах более сопротивляться.

Если б у *меня* был парень!

Четверг, 12 июня 1942 года

Дорогая Присцилла.

Я получила еще один чудесный подарок от дяди Луиса! (Это уже становится традицией…)

Он скоро получит серию фильмов о мальчике Энди Харди, которые были заморожены со времени смерти Джуди Гарленд. И я буду в них играть с Микки Руни! Дядя Луис считает, что, поскольку мне двенадцать, я достаточно созрела, чтобы представлять «интерес» для Микки, который на семь лет старше меня, хоть ему столько и не дашь. (Всего пару лет назад, к примеру, в «Городе мальчиков», он все еще играл детскую роль.)

Не могу словами передать, как мне нравится работать с Микки. Он такой красавчик!

Не ревнуй меня, Прис!

Понедельник, 1 июля 1941 года

Дорогая Присцилла.

Тяжелое положение родителей то и дело приходит мне в голову, круша радостное настроение.

Я запинаюсь и забываю слова. Иногда я чувствую себя невероятно виноватой за то, что они остались там и страдают за меня. Хотя порой мне кажется, что уверенность в нашей с Марго безопасности должна придавать им силы в любых трудностях. Я ведь знаю, что они искренне любят нас обеих, несмотря на естественные разногласия, что случались между нами.

Добилась ли бы я столько в жизни, если бы осталась в Амстердаме? На этот вопрос у меня никогда не будет ответа, хотя иногда перед самым сном мне мерещится, каково мне было бы там, и эта нереальная альтернатива и пугает, и восторгает меня.

Понедельник, 18 июля 1941 года

Дорогая Присцилла.

Я прочла сценарий к фильму «К Энди Харди приходит любовь» и должна признаться, что в нескольких местах краснела. Не то чтобы в нем было что-то неприличное — вовсе нет! Просто предстоит нелегкое испытание моего профессионализма: придется разграничивать истинные эмоции и те, что диктует роль.

Понимаешь, я влюбилась в Микки!

Я не лгу, Прис! Хватило одной встречи. Он такой славный обольститель! (Он со мной отнюдь

не флиртовал. Микки безупречный джентльмен и, возможно, ничего ко мне не испытывает…) Но той ночью только он мне и снился.

Сны развеялись. Когда дядя Ганс поцеловал меня утром, я чуть не закричала: «Почему на твоем месте не Микки?» Я думаю о нем постоянно и твержу про себя весь день: «О Микки, милый, милый мой Микки!..»

Кто сумеет мне помочь? Нужно жить и молиться Богу, что однажды Микки прочтет в моих глазах любовь и скажет: «О Анна, если бы я только знал, я давно был бы твоим».

Воскресенье, 7 *декабря 1941 года* Дорогая Присцилла.

Вот теперь мы точно вступим в войну. Разрушение Перл-Харбора пробудило дремлющего титана — Америку. Весь Голливуд перестраивается, чтобы внести свой вклад. Кто знает, может, скоро я увижу Пима с Мамс. Я куплю им большой дом на холме, в нем будет много-много комнат и даже потайная пристройка, где мы сможем укрываться от моих почитателей!

Четверг, 14 февраля 1942 года Дорогая Присцилла.

Я получила валентинку от Микки! Он сделал

это из вежливости, или, может…

Тоби советует: «Не бросайся на него как отчаянная, малышка. Пусть он немного погадает и поразмыслит».

Такая вот жестокая тактика, женская хитрость, но, видимо, стоит довериться опыту Тоби.

Понедельник, 3 марта 1942 года Дорогая Присцилла.

Помог ли совет Тоби, или взяла верх чистота моего сердца — не важно. Достаточно сказать, что Микки поцеловал меня!

Произошло это так.

Мы только что отыграли очень пылкую сцену и приходили в себя, наслаждаясь содовой из студийного магазина в отдаленном уголке за декорациями к вестерну. Я все еще дрожала от напряжения, в которое меня приводила необходимость скрывать свои эмоции, а Микки, ангелочек, казалось, чувствовал, как я уязвима и как осторожно со мной нужно обращаться. Он подошел ко мне, я не удержалась и кинулась ему на шею (он ненамного меня выше), поцеловала его в левую щеку и собиралась поцеловать в правую, как наши губы встретились и соединились. Голова шла кругом, мы сжали друг друга в объятиях, целуясь без отрыва.

Должна ли я была так быстро уступить? Может, я слишком страстная?

Не важно. Моему счастью нет границ.

Воскресенье, 14 июня 1942 года

Дорогая Присцилла.

В тринадцать лет моя жизнь кончена.

Микки только что призвали в армию. И никакие связи дяди Луиса не помогли выбить для него отсрочку.

Любовь, что расцвела меж нами, должна пройти испытание разлукой, переживаниями и тревогой, которое постигло многие пары в сотрясаемом войной мире.

Боже, какой смысл в войне? Почему люди не могут жить вместе мирно? Почему они создают огромные самолеты и тяжелые бомбы? Почему миллионы долларов должны уходить на военную технику, когда нет ни цента на медицину и для бедноты? Почему некоторые голодают, когда где-то гниют излишки? Почему люди так неразумны?

Я не знаю ответа. Я только знаю, что всегда буду ждать возвращения Микки.

Четверг, 16 октября 1944 года

Дорогая Присцилла.

Я только что получила письмо от Пима и Мамс!

Когда им пришла повестка от эсэсовцев, они решили бежать из Голландии. Благодаря мучительным уловкам они добрались до Швейцарии, где теперь могут в безопасности переждать войну.

У меня с души камень упал. Сомневаюсь, что им удалось бы бежать, будь они отягощены нами с Марго. Наконец-то мудрость наших дядей достигла своей триумфальной кульминации!

Если б у меня были еще последние новости от Микки. Он пережил день высадки, и война для него только начинается…

Воскресенье, 12 ноября 1944 года

Дорогая Присцилла.

Микки возвращается домой.

Он потерял ногу.

Четверг, 3 января 1945 года

Дорогая Присцилла.

Война так сильно изменила Микки. Уходил он на нее беззаботным мальчиком, в которого я влюбилась. Представшие перед ним ужасающие сцены, события, в которых он принимал участие, изранили его душу.

Даже я, находясь дома, в безопасности, была глубоко потрясена сообщением из освобожденной Германии о так называемых концентрационных лагерях… Кажется, в них канули все друзья моего детства, сгорели, как мотыльки в пламени свечи.

Я до сих пор люблю Микки и, конечно же, всегда буду его любить. Однако я знаю, что короткой детской интерлюдии, когда мы были так счастливы, не повториться. После того как мы поженимся, мы сделаем безвозвратный шаг во взрослую жизнь. (Странно, никогда не могла представить себя взрослой.)

Я твердо решила посвятить остаток своей жизни заботе о Микки.

И, конечно, искусству.

Пятница, 19 декабря 1949 года

Дорогая Присцилла.

Почему я снова пишу, после долгих лет молчания, которые я была столь занята разными делами, что забыла даже о моем самом старом важнейшем друге? Надо сказать тебе, что Марго эмигрировала в Израиль, чтобы быть с Мамс и Пимом. Вот и конец моей мечте, что мы будем жить в одном большом доме. (Хотя кто, как не твоя многострадальная Анна, смог бы жить с бедным Микки…)

Как же мне хочется суметь поверить во что-нибудь, во что угодно, но так же страстно, как Марго. Боюсь, я утратила эту способность. Единственное, во что я в силах верить, так это в вымышленную жизнь на сцене.

Я никогда не говорила Марго, как много для меня значит ее присутствие. Мы ссорились, как и все сестры, однако под любым раздором скрывались глубокое понимание и нежность. Последним проявлением ее сестринской преданности перед отъездом было обещание, взятое с Микки, что он бросит пить.

Суббота, 12 июня 1951 года

Дорогая Присцилла.

Наконец я добилась развода.

Судебный процесс был таким унизительным, фактически аморальным. По законам штата Калифорния я была вынуждена привести доказательства моральных издевательств со стороны Микки. Нетрудная задача, если учесть его резкость, когда он пьян, но все же неприятная. Когда я вспоминаю наши невинные первые свидания, да и те месяцы брака, когда Микки искренне пытался заново начать карьеру, я плачу: как могла жестокая война разрушить такое? Что могло быть хуже? — спрашиваю я в жалости к самой себе.

Впрочем, выпив пару «мильтаунзов» и разгладив складки, я надеваю профессиональную актерскую маску. Адвокат Микки в отместку разворошил давний скандал с Винсентом Миннелли. К счастью, нет никаких доказательств моей беременности — я сделала все, чтобы не показываться на публике последние несколько месяцев и, естественно, не сниматься, — и никто не нашел маленькую Лизу в приюте штата Миннесота. Поэтому, как я и надеялась, решение судья вынес в мою пользу.

Все же выиграть дело было невероятно сложно: пришлось потратить немало времени и денег. До сих пор не могу поверить, что моя жизнь превратилась в такое.

Ах, Присцилла, если б я только осталась с Пимом и Мамс в Амстердаме! Нам бы наверняка удалось вместе бежать в Швейцарию! А после войны я могла бы вернуться в наш маленький домик по улице Мерведерплейн, номер сорок шесть. Встретила бы одного из старых друзей и стала бы обыкновенной голландской *hausfrau*[4]! Какая то была бы сладкая жизнь! Без корыстных агентов, капризных звезд, пластических опера-

---

[4] Примечания: 4
Домохозяйка (нем.).

ций в ближайшем будущем…

Но ужасы, которые я только что описала, составляют мою жизнь, и тут уж ничего не поделаешь.

Хотя… знаешь что?

Глубоко в душе, спрятанной под тонной грима, я до сих пор верю в доброту человеческую.

Долина счастья на Краю света

В предоставленной самой себе британской колонии Кения, в Восточной Африке, в году от Рождества Господа нашего 1939-м, в тени гор Абердэр, у берега вероломного, глотающего людей озера Наиваша, где под головокружительными небесами раскинулось холодное, но плодородное плоскогорье, стоял особняк из камня кремового цвета, фамильярно называемый Дворцом Джинна — дом Джосса и Молли Эррол, а также центр восстановления потрепанных нервов отверженных беженцев из Европы.

Неподалеку от просторного дома с колоннами и галереей, среди беседок и домиков для гостей красовалось несколько изумрудных полей для поло в европейском стиле. От зарастания скромной африканской листвой: жакарандой, огненным деревом, эвкалиптом, колючками и кедром — их спасал постоянный труд многочисленных слуг, представителей народов масаи, кикуйю, кавиронду, вакамба и сомали. На одном из полей в самом разгаре шла игра. Доносился топот копыт, смягченный дерном, хлопки от удара клюшкой и пронзительные выкрики ликования из уст

англичан и англичанок, игроков и зрителей.

«Хороший удар!», «К черту!», «Во дает!», «Молодец!», «Я тебе задам!»

На фоне потной, бешеной игры непонятно откуда появилось и стало нарастать низкое гудение — такое обычно издает обиженный шершень. Вскоре оно уже накатывало с неистовой силой. Один за другим игроки останавливали лошадей, образуя разрозненную группу всадников, чьи взоры были направлены в сторону шума. Оставшийся без внимания мячик цвета слоновой кости сбавил скорость и наконец остановился меж травы, создавая странную асимметрию.

Прикрыв глаза от солнца, Джосс Эррол — мужчина неотразимой красоты: чуть старше тридцати, со светло-золотыми прямыми локонами, растрепавшимися у висков, — нарушил молчание:

— Я вижу… Клянусь Богом, это самолет. Первый за… десять месяцев? Вон там, над вершиной…

Его жена Молли — миниатюрная женщина с золотисто-каштановыми волосами — спросила:

— Кто это может быть? Ведь согласно указу старой доброй Глэдис, местным летчикам запрещено подниматься в воздух…

Джон Карбери, высокий парень с неизменно

злым выражением лица, владелец ранчо в Нгоро под названием Серемаи («Место смерти» на языке масаи), с безжизненной угрюмостью произнес:

— Позволю себе заметить, это не какой-нибудь потрепанный европейский самолет. Других у них не было, а теперь они и вовсе перебиты, а если что и осталось, так то ничтожная горстка грязных недоделок. Нет, если кому-то суждено выжить, так это американцам.

Привыкшие к обличительным речам в свой адрес соотечественники не обратили на Карбери внимания.

В разговор вступила Элис де Траффолд, хрупкая, по-эльфийски красивая девушка с высокими скулами и карими глазами:

— Лиззи, тебе лучше всех видно. Что за самолет?

Джулиан «Лиззи» Лизард, один из наблюдателей — в нечищеных сапогах, неопрятный, небритый и все же привлекательный юноша ответил в своей извечной школьной манере записного остряка:

— Я предпочитаю по мере возможности не полагаться на невооруженный глаз, графиня. Так получилось, что благодаря моим стараниям на ниве культурного просвещения у меня имеется

именно та вещь, что необходима нам в данной ситуации.

Лиз поднял вверх бинокль, чем вызвал восторженные аплодисменты. Покрутив бинокль, он объявил:

— Мне довелось присутствовать на испытательных полетах в Париже, и могу предположить, что машина французская. Возможно, «Симун». Посмотрим, есть ли у него регистрационный номер… Да: эф, тире, ай, эн, экс…

Самолет стремительно приближался, и даже невооруженным глазом можно было увидеть, что он странно рыскает. Машина кренилась то влево, то вправо, нос опускался, затем вдруг вскидывался вверх.

— Ставлю сотню, он сейчас разобьется! — выкрикнул Карбери.

— Кто с тобой будет спорить! — ответил Джосс.

Паря над деревьями вокруг поля для поло, самолет опустился так низко, что принялся стричь шасси зеленые верхушки. Невидимый игрокам пилот, видимо, забылся или не осознавал, в какое попал положение. Он не смог набрать высоту или хотя бы сбавить скорость. «Симун», словно вышедший из-под контроля реактивный снаряд, направлялся прямо на людей.

— Врассыпную! — крикнул Джосс, вонзив шпоры в бока лошади.

На скорости около ста миль в час самолет пропахал мягкий газон, оставляя за собой суглинистую борозду. Удар оказался таким сильным, что двигатель самолета выбросило наружу, словно выплюнутую семечку, и он приземлился на приличном расстоянии от последней стоянки самолета.

На несколько секунд воцарилась тишина. Первым подал голос Карбери:

— Поплатился по полной.

— Действительно, — оптимистично ответил Джосс. — И все же, полагаю, нужно взглянуть на нашего гостя.

— О, он мертв, — обнадеживающе предположил Карбери. — Кто тут выжил бы?

Словно по сигналу покореженная дверь кабины среди мятых дымных обломков издала отвратительный скрежет — ее толкнули изнутри — и отвалилась, слетев с петель на дерн.

Из самолета появилась громоздкая туша в перепачканной кровью форме. Прижав что-то к телу одной рукой, грузный пилот с трудом протиснулся в люк и рухнул на поле лицом вниз.

Игроки и зрители тотчас метнулись к нему.

Понадобилось немало рук, чтобы перевернуть летчика на спину. Он захватил с собой шляпную коробку, в которой оказались исписанные листы и книга.

Кики Престон, американка, паршивая овца семейства Уитни, радостно воскликнула:

— Ух ты, это ж легендарный летун-писака-как-там-его? Сент-Супри! В прошлом году его лицо было во всех газетах Нью-Йорка. — Кики вдруг погрустнела. — Нью-Йорк. Как подумаешь, что он больше не…

Джосс слез с лошади, снял с шеи платок, смочил его слюной — несколько дам манерно вздохнули — и нежно протер окровавленное лицо бесчувственного летчика. Сняв с пилота разбитые зеркальные очки, он отметил:

— Полагаю, мисс Кики права. Я тоже узнаю известного Антуана де Сент-Экзюпери.

Поднявшись, Джосс щелкнул пальцами, и его тотчас окружили шикарно одетые слуги.

— Что прикажете, бвана?

— Сделайте носилки и отнесите нашего гостя в спальню в восточном крыле. И отправьте машину в Найроби за доктором Винтом.

— Слушаюсь, бвана.

— Тише! — восторженно крикнула Кики. — Он

хочет что-то сказать!

Сент-Экзюпери слабо бормотал бессвязные непонятные слова:

— Таяра, бум-бум, таяра, бум-бум…

— Он пытается петь! — сделал вывод Лиз. — Та-ра-ра-бум-па-па!

Джосс поморщился и покачал головой:

— Не думаю, Лиз. Но мы узнаем истину, если он выживет.

Когда Сент-Экзюпери унесли, Джосс сел на лошадь.

— Что ж, полагаю, мы можем продолжить игру на соседнем поле, сохранив все ставки. Это поле определенно пришло в негодность. Не мог бы кто-нибудь принести мяч?

Леди Идина, бывшая жена Джосса, галопом поскакала вперед, на ходу нагнулась в седле и захватила мяч. На обратном пути она держала его высоко в воздухе: полированный человеческий череп без челюстной кости, на котором остались трещины от сильных ударов клюшки.

— Похоже, старому Плейфэру пора на отдых, — беспечно проговорила леди Идина. — Я помню, что он просил нас не разлучать его с поло как можно дольше, но нельзя же играть со спортивным инвентарем, пришедшим в негодность.

Джосс улыбнулся бывшей супруге:

— Осмелюсь предположить, на его место скоро появятся иные кандидаты.

Антуан де Сент-Экзюпери — Тонио Сент-Экс для многочисленных друзей и семьи — проснулся среди многообразия видов, звуков и запахов.

Занавеска из марли колыхалась от ветра на большом распахнутом окне, через которое лился изумительно яркий свет, напомнивший ему дом матери в Сент-Морице, который некогда утопал в солнечных лучах. Снаружи доносилось райское пение птиц и аромат цветов: жасмина, плюмерии, бугенвилли. А в доме пахло завтраком, слышались приглушенные голоса людей и звон посуды.

Сент-Экзюпери инстинктивно приподнялся и с громким стоном рухнул обратно на накрахмаленную чистую простыню. Все тело ломило от боли. Что произошло, как он попал сюда и куда именно?..

Перед глазами плясали картинки воспоминаний. Он заправляет «Симун» на пустынном летном поле Ле-Бурже, откинув в сторону кровавый труп механика — друга, который пал смертью храбрых прямо на насос. Разгоняется по полосе, усеянной телами, в плохую погоду,

без второго пилота; перелет будет трехдневным, если все пойдет по плану. Летит над просторным кладбищем, кое представляла собой Франция, каждый город — некрополь. Разум свободен, чтобы принять ужас мировой трагедии. Внизу под ним показались безбрежные воды Средиземного моря; в эти часы, как он уже некогда описывал, нет ни малейшей уверенности, что тебе принадлежит хоть что-то в этом мире. Завидев знакомое излюбленное побережье севера Африки, он следует испытанным курсом авиапочты на Алжир. Движется на восток, а потом сворачивает на юг, руководствуясь так называемым *чутьем* — инстинктом летчика. Приближалась ночь, а с ней темнота, которую он некогда так любил за соблазнительное помаргивание лампочек на приборной доске. Теперь всё казалось насмешкой. Глаза болели от усталости, словно забились песком, во рту стоял вкус чрезмерного количества выкуренных сигарет и бренди, который он пил большими глотками из термоса. Первый рассвет, посадка для заправки в городе Малакаль на Ниле, где местные жители были потрясены, увидев до сих пор живого белого. Затем обратно в воздух, где бесконечность пейзажа разворачивалась, как скрученная в бобину кинопленка, спрятанная

за горизонтом. Проглотив на закате две таблетки бензедрина, он продержался до следующего рассвета, заправился в местечке Юба (на миг ему показалось, что не Юба, а Юби — тот первый почтовый перелет лучших дней жизни, ныне затерявшийся в ностальгической дымке). Третий восход после двадцати четырех часов, тотчас ушедших в забытье из-за бензедрина. Перед ним предстала равнина Грейт-Рифт со стадами диких животных, населявших ее в таком изобилии, что казалось: природа восстанавливала равновесие после рокового поражения человечества.

Заметив наконец зеленое поле, он молился, чтобы оно было недалеко от его места назначения. И вот, пытаясь не терять контроль над самолетом, несмотря на покидающее его сознание, он не справляется с управлением и проделывает изуверскую борозду на груди матери Земли.

Сент-Экс вытащил из-под простыни большую перепачканную в машинном масле руку и дотронулся до лица с грубыми, но привлекательными чертами, до своей монашеской тонзуры, которая не была выбрита по его воле, а являлась лысиной — характерным признаком их семейства. Как он попал из разбитого самолета в постель? Сент-Экс приподнял нежную простыню и вспомнил ста-

рую экономку в своем доме в Сент-Морице: как она, Маргарита Шапэ, без конца штопала белье. Мысль о ней улетучилась столь же быстро, как и пришла. Его крепкое тело (соматотип Сент-Экса окрестили как *style armoire 'a glace*, или «неотесанный громила») было облачено в щегольскую пижаму из зеленого шелка с гербом на груди. Невероятно! Удача не покинула его.

Сколько крушений и вынужденных посадок он пережил? Мелких неполадок было так много, что он их даже не помнил, это часть работы, однако крупные остались в памяти со всеми деталями. Ливийская пустыня, болото на Индокитайском полуострове, залив у Сент-Рафаэля, взлет в Гватемале (последний бесславный случай произошел из-за перегрузки самолета, который он должен был сам дважды проверить, не полагаясь на Превоста) оставили в нем чувство неумолимой беспомощности, которое наверняка только усилится со следующей аварией — а она не заставит себя ждать. Однако Сент-Экс не печалился и не испытывал жалости к самому себе! Он жив, разве не так? А многие — миллионы! — погибли. Мать, сестры, Консуэла, Луиза, всего его *малютки*, женщины, которых он обожал. Увидеть бы их на секунду или ночку. Бог мой, какое расточи-

тельство! Вымирание уникальных миров внутри человеческого мозга…

В дверь осторожно постучали, прервав грустные мечтания Сент-Экса. Он хотел разрешить войти, но долго неиспользованные голосовые связки издали лишь хрип.

Хрип был принят за приглашение, и дверь широко распахнулась. Через порог переступил красивый блондин в шотландской юбке. За ним вошла процессия слуг с подносами еды, инструментами для бритья, полотенцами, смоченными горячей водой, и корзинами со свежим бельем.

— Джосс Эррол, — представился молодой человек. — Слуги услышали, что вы проснулись, и позвали меня. Как вы себя чувствуете?

От запаха еды в пересохшем горле появилась слюна, и к Сент-Эксу понемногу вернулся голос:

— Прошу извинить меня, мсье Эррол, но я говорю только по-французски.

Тотчас переключившись на другой язык, Джосс продолжил на ломаном местном наречии:

— Конечно же, всем хорошо известны и любовь Сент-Экзюпери к родному языку, и мастерство, с которым он им владеет. Боюсь, мой французский, которому я обучался в Итоне до отчисления, на данный момент несколько запущен.

Джосс подошел и сел на кровать Сент-Экса. От столь близкого присутствия симпатичного женоподобного незнакомца авиатор почувствовал себя неловко и попытался отодвинуться и сесть. Заметив движение, Джосс поспешил помочь Сент-Эксу, с легкостью приподнял его и поправил подушки.

Устроившись, Сент-Экс спросил:

— Где я? Что произошло?

Джосс описал внезапное и едва ли не роковое прибытие Сент-Экса в Долину Счастья.

— Вы лежали без сознания несколько дней, — закончил он. — Но доктор Винт и группа медсестер-волонтерок — по большей части дам нашего дворца — проявили, э-э-э, готовность помочь. И вы получили лучший уход. Доктор удивился, что вам удалось отделаться несколькими мелкими трещинами и легким сотрясением. Но когда я сообщил ему, кто вы, он сразу все понял.

Намек на легендарную репутацию Сент-Экса возымел свой эффект: настроение больного заметно поднялось.

— У меня есть ангел-хранитель, мсье Эррол. Она хранит меня от бурь, нечестных издателей и ревнивых мужей.

Джосс улыбнулся.

— Что касается последних, то здесь они вам не грозят, можете мне поверить. — Добродушный хозяин приложил руку ко лбу Сент-Экса, напугав его. — Температура, кажется, спала. Хотите что-нибудь поесть?

— Я бы проглотил не менее шести завтраков!

Джосс поднялся.

— Прекрасно. Именно столько мы и принесли.

Хозяин в юбке, повелитель Дворца Джинна щелкнул пальцами, и слуги вмиг превратили кровать Сент-Экса в переливающуюся плоскость из серебряных тарелок.

— Мы приготовили вам *пау-пау*, бекон *на майяи*, куропатку, жареные бананы, яйца. Кофе, конечно же, произведено в Тики — ну, сами увидите. Обязательно попробуйте сок *пири-пири* и мясо *томми*. Дома таких не сыщешь.

Напоминание о Европе омрачило настроение Сент-Экса.

— Чума, умирающий мир — поэтому я и прилетел! У меня есть задумка: план его восстановления! Мы должны начать отстраивать цивилизацию заново!

Сент-Экс рванулся, чтобы подняться, но Джосс удержал его.

— Нельзя же поднимать цивилизацию на го-

лодный желудок, Тонио. Я могу называть тебя Тонио? Ты, конечно, не будешь возражать! В конце концов я тут владелец поместья. Хотя моя жена иного мнения! Почему бы тебе для начала не наброситься на еду, не обогатить кровь гемоглобином, а потом мы вместе предпримем попытку вправить мозги этому миру-недоумку, натянем ему свалившиеся штаны на уши.

Успокоенный и одновременно раздосадованный несерьезностью хозяина дома, Сент-Экс счел его совет здравым. Едва он поднял вилку, в голову пришла еще одна неотложная мысль:

— Мои бумаги, книга!..

— Все в целости и сохранности, старина! Не переживай, они в твоей тумбочке. А сейчас я тебя покину. Если возникнет желание спуститься к нам, то ребята приведут тебя в порядок и оденут, когда закончишь завтракать.

Джосс направился к выходу, но остановился и обернулся с любопытством во взгляде.

— Могу я спросить у тебя одну вещь? Когда ты вылез из самолета, ты что-то бурчал себе под нос. Нечто вроде «таяра-бум-бум»?

Сент-Экс задумался.

— А… мне, наверное, привиделось, что я в Ливии, где потерпел очередное крушение. Мы с

Превостом умирали от жажды, и я сказал нашедшим нас бедуинам: «Таяра-бум-бум, самолет упал!»

— Занятно. Пойду заберу долг за выигранное пари. Приятного аппетита.

Оставшись один, Сент-Экс набросился на еду как изголодавшаяся хищная птица. Набив до предела желудок, он с радостью достал свои бумаги и единственный томик, положил их на колени и отослал слуг. Поднеся книгу к губам, одарил ее поцелуем, нежно прошел пальцами по переплету и названию:

«То, что будет»: сценарий.

— Ах, мсье Уэллс, вместе, вы и я, мы восстановим порядок!

Когда Сент-Экс снова проснулся, кругом была темнота, сладкая, как сироп, и нарушали ее одна лишь свеча и хриплый рык львов. Он опять не понял, где находится. Когда вспомнил, огорчился.

Он лежал поверх покрывал, одетый в белый смокинг. После завтрака молчаливые умелые слуги выкупали, побрили и одели его в строгий костюм, несмотря на все протесты, и Сент-Экс прилег на пару минут, чтобы снять усталость. Он закрыл глаза, и с того момента прошло по меньшей мере двенадцать часов.

Сент-Экс встал на ноги. Проверяя силы, он, к своему удивлению, обнаружил, что довольно окреп. Подсчет показал, что старые раны все на месте. К общему итогу приплюсовалась пара новых повреждений, однако сумма не вышла за пределы того, что он в состоянии уплатить.

Взяв свечу и свою книгу «То, что будет», Сент-Экс осмелился выйти из комнаты.

Идя на музыку и голоса, отыскал лестницу и спустился.

В освещенной керосиновыми лампами гостиной сидело около дюжины человек обоего пола. Они расположились в вычурных креслах, привезенных из Европы, или же на ковровом полу. Сент-Экс заметил хозяина дома (в той же интригующей юбке, с флейтой в руке), остальные лица, естественно, были ему незнакомы.

Сент-Экса встретили ликующими возгласами и добродушным свистом.

«Новый бодрячок для игры!», «Принесите этому малому выпить!», «Светлого джина отважному летчику!», «Слава дворцу, полному джина!», «Всем по джинчику!»

Плохо понимая английские фразы, Сент-Экс встал на середину освещенного круга, поклонился и подождал, пока хозяин соблюдет правила

этикета.

Джосс встрепенулся.

— Наш новый гость будет благодарен услышать от нас свой родной язык. Может, вы скажете пару слов о себе…

Все англичане и англичанки, судя по их первым словам, неплохо владели французским, и Сент-Экс вздохнул с облегчением. Что может быть хуже, чем затеряться среди группы франконенавистников. Он быстро запомнил женские имена и не сомневался, что ему скоро дадутся и мужские.

Подошел слуга со стаканом джина. Сент-Экс не был против дружеской рюмочки, тем более что его конституция позволяла поглощать литры вина без ущерба внешнему виду нерушимой трезвости. Он охотно взял стакан и скромно отпил, чтобы смочить горло. А теперь, поскольку нельзя терять времени, он сразу же приступит к своей миссии.

— Друзья, жители печального мира, который мы отныне населяем. Я предпринял опасный перелет на эту гостеприимную землю, потому что до меня дошли слухи, что ваша храбрая колония не так опустошена, как остальные места, павшие перед злым роком, что прошел по

планете. Как же я рад видеть, что хоть на этот раз слухи оправдались! Теперь мы нашли друг друга, значит, воссоединились все составляющие для возрождения цивилизации. Во мне вы видите простого человека со своим видением мира — видением, по сути, позаимствованным из пророческого многотомника вашего земляка! Я прилетел сюда как носитель плана, который установит порядок и положит конец хаосу вокруг нас. В вас я вижу мужчин и женщин в расцвете сил, плод западного просвещения и образования, наследников традиций двух тысячелетий, владельцев обширных территорий, предводителей многочисленных преданных туземцев. Вместе мы обладаем могуществом и желанием воскресить мир и поднять его из могилы, как Лазаря! Позвольте мне перейти к сути, к тому, что нам нужно сделать. Во-первых…

— Покажи нам карточный фокус!

Сент-Экс всмотрелся в круг лиц. Несколько из них зевали во весь рот. Женщина по имени Кики даже погрузилась в сон.

— Кто это сказал?

Юный пижон, который представился как Лизи, резко поднял руку, как школьник-всезнайка, и произнес:

— Признаюсь! Моя фраза! Просто я слышал, что Сент-Экс славится своими карточными фокусами.

— Действительно, с помощью простой колоды карт я могу показать завидную ловкость рук…

«Так достаньте их из карманов!», «Мы хотим новый фокус!», «Я буду ассистировать!», «Как бы не так, Хасси!», «Дамы, дамы — пожалуйста, последний раз!»

Шум разбудил Кики.

— Мне нужно в туалет, — звучно сказала она. — Кто со мной?

Они вышли из комнаты рука об руку с Элис де Траффорд.

Около Сент-Экса появился слуга, протягивающий запечатанную колоду карт на серебряном подносе. Машинально Сент-Экс взял ее.

— Ну хорошо, но только парочку…

Два часа спустя его голова шла кругом от дьявольского джина. Сент-Экс развалился на полу всем своим телом в шесть футов два дюйма. Голова его покоилась на томе «То, что будет», который, в свою очередь, лежал на коленях Кики, вернувшейся после пятнадцатиминутного отсутствия заметно приободренной и оживленной, растирая внутреннюю поверхность локтя.

— Время поиграть в «сдуй перышко»! — закричала леди Идина после минутного затишья.

Кики вспрыгнула на ноги, и голова Сент-Экса с глухим ударом пала на полосатый ковер. Он невозмутимо перевернулся на другой бок, чтобы понаблюдать за игрой.

Принесли простыню. Участники вечеринки встали на колени, образовав неровный круг, взяли ее за концы и подняли на уровень груди. В середину снежной долины опустили перо. И тут же все вытянули губы и стали дуть. Перо летало туда-сюда над белым пространством, а игроки визжали от удовольствия и смеялись. В итоге оно поднялось вверх и опустилось на плечо одной из женщин.

Все замолчали. Леди Идина приложила палец к уголку рта, словно серьезно задумалась.

— Патриция Бауэлс, — сочно произнесла она. — Так-так, с кем ты давненько не спаривалась? Дайте поразмыслить… Ах да! Джун Карбери!

Игроки зааплодировали, Джун с Патрицией поднялись, сцепили руки и поцеловались.

— Займите страусовую спальню, дорогие наши. Давайте продолжим…

Сент-Экс не сразу понял смысл игры, поскольку был одурманен спиртным. Когда его наконец

озарило, он пришел в ярость. Вскочив на ноги, Сент-Экс протянул руку и ткнул в толпу пальцем.

— Какой разврат! Вы совсем стыд потеряли. Кровь мира стекает в сточную канаву, а вы развлекаетесь *вот так?* Я… я не могу…

Тут у него закружилась голова: усталость, раны и выпитое взяли свое. Сент-Эксу показалось, что воротник сжимает горло, и он начал заваливаться навзничь — сознание помутнело, все поплыло в розовом водовороте.

Проснулся Сент-Экс с лихорадочно пульсирующими висками. Он не открывал глаз, едва ощущая через веки яркий солнечный свет.

— Вот, старина. Выпей. Вмиг полегчает.

Сент-Экс рискнул взглянуть. Он был распростерт на диване в комнате, забросанной одеждой, пустыми стаканами, объедками и лужами блевотины. У его ног сидел Джосс Эррол, трезвый и спокойный, невзирая на вчерашний вечер. Босой, с дымящейся сигаретой, он протягивал стакан.

Какая бы жидкость там ни была, хуже не станет. Сент-Экс залпом осушил стакан.

Джосс оказался прав: авиатор тотчас ожил. Сигаретный дым напомнил ему о былой страсти, и он спросил:

— А закурить не найдется?

— Безусловно. Настоящие «Крейвн Эйс». Наслаждайся, пока не кончились.

Сент-Экс скинул ноги на пол, чтобы сесть прямо. Его белый смокинг был чем-то заляпан.

— Мсье Эррол, вы, похоже, самый здравый и гражданско мыслящий человек в этом сумасшедшем доме…

Джосс небрежно махнул рукой, оставив в воздухе дорожку дыма.

— Так это только с виду, благодаря родословной и долгу перед предками. Я настоящий лорд, констебль[5] Шотландии, как-никак. Хотя поскольку почти все члены королевской семьи погибли, я мог бы представиться и королем Англии, если не ошибаюсь.

— Шотландия. Теперь понятно…

Джосс приподнял уголок своей юбки, обнажив традиционное отсутствие нижнего белья.

— Тебе нравятся цвета моего клана? Мне они кажутся весьма привлекательными.

— Мсье Эррол, ради Бога. Мы можем разговаривать не как дети, а как взрослые люди? Нельзя же всю жизнь оставаться ребенком, каким бы

---

[5] Примечания: 5

Констебль (ист.) — высший придворный чин в Великобритании.

прекрасным ни казался такой шанс. В конце концов я проделал путь в тысячу миль не для того, чтобы восстановить жизнь двора Людовика Шестнадцатого! Я собираюсь возродить цивилизацию и полагаюсь на вашу помощь как местного лидера.

Джосс печально улыбнулся.

— Боюсь, я тут не велик лидер, Тонио. Не то чтобы здешний народ было трудно вести за собой. Лучше всех это получается у лорда Деламэра с супругой и у Глэдис — она, кстати, мэр Найроби.

Сент-Экс тотчас вскочил:

— Тогда мне к ним! Мы должны начать собирать единомышленников!

— Не совсем понимаю, что у вас в планах, Тонио, но если ваш замысел имеет какое-то отношение к полету, можете сразу же поставить на нем крест.

— Поставить крест? Почему?

— Глэдис издала указ, запрещающий полеты, чтобы сэкономить горючее для наземного транспорта. Ведь бензин никто больше не производит, а если и производит, то нам не доставляет. Уже много месяцев в воздух не поднимался ни один самолет. Поэтому-то мы и удивились, когда появился ты.

Сент-Экс не мог подобрать слов:

— Но… но это нелепица! Авиация — основа восстановления цивилизации. Без нее мы превратимся в дикарей! — Его взгляд упал на «То, что будет» — обложка книги сморщилась, приняв дозу разлитого спиртного. Сент-Экс поднял томик, который так лелеял — ныне от него исходил запах алкоголя. — Посмотри, здесь ответ на все! Ваш же Герберт Уэллс много лет назад предсказал, как будут разворачиваться события, когда о них еще никто и не помышлял. Я сам однажды с ним разговаривал и уверяю: он гений! Правда, война не состоялась, но лишь потому, что ее опередила чума. Гитлер явно намеревался вторгнуться в соседние страны, и лишь массовое вымирание народа подорвало его планы.

Джосс задумался.

— Да уж. Когда у тебя, да и у твоего врага, солдаты, граждане и политики превращаются в дырявые мешки крови и разлагающихся органов, любая агрессия сойдет на нет. Упущение, что никто не додумался до такого раньше. Слушай, тебе интересно узнать мою теорию касательно того, почему мы, африканизированные белые кенийцы, обладаем относительно стойким иммунитетом, как и местные?

Новость застала Сент-Экса врасплох:

— Почему?

— По сути, мы изначально иммунизированы, как дикари. В этой стране распространена болотная лихорадка, малярия, дизентерия, холера, брюшной тиф, бубонная чума, летаргический энцефалит, и это далеко не все. Пережив такое, мы выработали определенный уровень защиты от безымянного кровавого поноса.

Сент-Экс вспомнил болезни, которые перенес: африканские, азиатские и южноамериканские.

— Логично. Твоя теория мало отличается от тех, которые мне доводилось слышать. Разве ты не понимаешь, — продолжал летчик с нарастающей горячностью, — что возлагает на вас такая улыбка Фортуны? В ваших руках спасение мира!

— Тонио, вот эта кучка людей — к которой всецело принадлежу и я — провела двадцать лет в праздности и роскоши, потакая своим самым нездоровым желаниям. У них не было намерения внести свой вклад в мировую империю, даже когда она существовала. С чего они станут напрягаться, чтобы ее возродить? Призывать их — все равно что хлестать мертвую кобылу.

— Я отказываюсь верить, что так думают все! Я прочешу всю эту землю, пока не найду людей, способных на подвиги и бескорыстную самоот-

дачу!

Джосс зевнул.

— А вот сейчас ты говоришь, как старина Берил…

— Берил? Не имеешь ли ты в виду Берил Маркхэм? Я думал, она осталась в Америке…

— Ну, если она осталась в Америке, то на ее ранчо в Нгоро живет чертовски умная самозванка.

— Мсье Эррол, вы обязаны немедля одолжить мне машину.

— Ого! Сомневаюсь, Тонио. Ты уже обошелся мне в недельную норму бензина, когда я послал за доктором Винтом. Могу предложить лошадь. Не лучшую, конечно, как понимаешь. Мы держим их для поло. Та, что я тебе дам, вполне сгодится.

— Но я никогда не ездил верхом!

— Надо учиться. За лошадьми будущее!

— Ни за что! Я отрицаю такой пессимистичный взгляд!

Послышался женский голос:

— Браво! Браво!

В дверях стояла босоногая Кики Престон — в пижаме, с взъерошенными волосами.

— Какой пыл! Какая энергия! Возьми меня с собой, Тонио! Отвези меня на Луну, ты, горилла, ты…

— О чем она говорит? — спросил Сент-Экс хозяина дома.

Джосс улыбнулся.

— Полагаю, она хочет быть твоим вторым пилотом или занять иное подобное место.

— Она умеет водить самолет?

— Нет. Но она является владельцем самолета.

— Прекрасно! Передай ей, что скоро представится шанс претворить мечты в жизнь.

— В этом нет необходимости. Она и так всю жизнь притворяется.

Земля вокруг Нгоро находится на семи тысячах футах над уровнем моря, на горе Мо-Эскарпман, где открытые пастбища с высокой травой сменяются густыми лесами можжевельника, акаций и красного дуба. Прохладный воздух придает силы, виды захватывают дух. Справа от Сент-Экса, устремившего взор на север, простиралась бескрайняя изумрудная долина Ронгаи с зеленовато-синими холмами Моло и виднеющейся вдали вершиной потухшего вулкана Мененгаи. В тех местах создается впечатление, будто едешь по краю излюбленного сада богов.

Несмотря на захватывающий пейзаж, все внимание Сент-Экса было поглощено болью в ягодицах и бедрах. Он даже пришел в дурное

расположение духа от подсмеивающейся над ним красоты. Оказавшись без собеседников, непомерно словоохотливый Сент-Экс на третий день путешествия дошел до того, что начал жаловаться вслух.

— Подумать только, я мог бы пролететь то же расстояние меньше, чем за час! Я, которому под стать за раз покрыть всю протяженность Альп! Как же низко пали могучие мира сего! Не только я, конечно, но и великая научная мечта двадцатого века. Увы, какой смысл желать, чтобы все обстояло иначе? Да сейчас мне сгодился бы даже чертов поезд. Так ведь ввиду отсутствия запасных частей они боятся слишком часто его гонять, созывают совет для каждой отправки, спорят и едва не дерутся. Какая нерешительность! Трусость! И подумать только, ведь они — последняя надежда человечества! Были бы у Франции более надежные колонии, я отправился бы туда. Или я подсознательно отдал предпочтение англичанам из-за взглядов Уэллса? Нация лавочников!.. Послушайте меня! Что же я несу? Нации погибли, осталось лишь воздушное братство. В любом случае карты розданы, надо играть…

В полдень Сент-Экс пересек границу земель, засеянных льном и кукурузой. Часом позже

подъехал к хорошо обустроенной усадьбе — предположительно, владению лорда Деламэра. Он возблагодарил судьбу, поскольку лошадь начинала хромать на одну ногу.

— Да будут прокляты вьючные животные! Дайте мне надежную машину!

Поблизости не было ни одного белого человека, только местные жители медленно тащились выполнять свою каждодневную работу. Попытавшись обратиться к ним по-французски, Сент-Экс натолкнулся на полное непонимание. Он был вынужден без конца повторять: «Берил Маркхэм, Берил Маркхэм!», пока ему не показали направление и не объяснили жестами, что ехать недалеко, по всей видимости, до некоей «Мемсахиб Беру».

Проклиная все на свете, Сент-Экс погнал вперед хромую лошадь, которая, в общем, была послушной кобылой, в шутку названной (а он счел, что ее имя тщательно выбиралось хозяевами) Крылатой Победой.

Полтора часа спустя — владения Деламэра, ранчо «Экватор», охватывали сто шестьдесят тысяч акров, а Сент-Экс срезал лишь небольшой уголок, — за которые он проехал мимо нескольких лагерей масаи, где жалобно мычал скот, Сент-Экс добрался до второго ранчо, славившегося не

только мельницей, но и лесопилкой. Благодаря дальнейшим пантомимам он наконец попал в конюшню.

За углом надворного строения Сент-Экс увидел Берил Маркхэм в серых фланелевых штанах, белой блузке и коричневой куртке из грубой хлопчатобумажной ткани. Она разговаривала с местным жителем, одетым на западный манер.

Половое влечение начало вытеснять боль в натруженных ягодицах.

Берил Маркхэм, появившись на свет в 1902-м, была на два года младше Сент-Экса и почти такого же роста — шесть футов. Из-за волнистых светлых волос, красивых голубых глаз, покрытых лаком ногтей, стройной фигуры, аристократических черт и неизменного самообладания ее часто сравнивали с Гарбо. Дважды побывавшая замужем скандальная любовница принца Великобритании Генри, по-мужски разгульная (скажем, как Сент-Экс), она была почти такой же живой легендой, как сам авиатор.

Берил Маркхэм — девичья фамилия Клаттербак — росла единственным белым ребенком на ранчо Чарльза Клаттербака, именуемого Клаттом. Вечно занятый отец-фермер был известен скорее пылкой привязанностью к ребенку, нежели про-

явлением ежедневной заботы. Предоставленная самой себе девочка была буквально удочерена почтительными туземцами и росла дикаркой, бродя по лесам и равнинам с копьем в руке, ножом-панга за поясом и стаей собак, вечно волокущихся за ней. Достигнув зрелого возраста, Берил бросалась от одного дела к другому, пытаясь сделать карьеру, пока не влюбилась в авиацию. Ее обучал и тренировал выдающийся пилот Том Блэк. Получив в рекордный срок разрешение летать где угодно, Берил проносилась над кустарниками, выслеживая слонов для охотников, а именно для Брора Бликсена и Дени Финч-Хаттена (оба — бывшие любовники). По своей прихоти она однажды полетела в Англию без второго пилота, при этом самым современным прибором на борту был компас. Берил добралась до Лондона за семь изнурительных дней, а по прибытии купила вечернее платье и отправилась танцевать в «Савой».

А затем, в 1939-м, в самолете, одолженном у того самого Джона Карбери, которого Сент-Экс встретил в Наиваше, несмотря на аварийное состояние бензобака Берил установила мировой рекорд, став первой женщиной, которая в одиночку, нон-стопом совершила перелет из Англии в Северную Америку. (Ее целью было

приземлиться в Нью-Йорке, но она потерпела крушение в болото Ньюфаундленда. А двум рыбакам, нашедшим окровавленную летчицу, она преспокойно сообщила: «Я миссис Маркхэм. Я только что прилетела из Англии».)

Все это и многое другое Сент-Экс знал благодаря длительной переписке, так как проявлял к Берил немалый интерес — не меньший, чем к Анне Линдберг. Лично он встретился с ней лишь один раз: на демонстрационных полетах в Англии на Королевский кубок в 1932 году.

Та встреча надолго запечатлела ее образ в сердце Сент-Экса. Берил была женщиной его мечты, внешне и внутренне, незамужней и доступной. Однако, будучи женатым на Консуэле всего год, Сент-Экс счел недостойным изменить супруге так скоро, хоть Берил и дала понять, что не прочь. (По иронии судьбы его новая жена — дикая, капризная, темпераментная итальянка — наставила Сент-Эксу рога немногим позже). Годами, хоть их с Берил пути не пересекались, Сент-Экс следил за всеми подвигами коллеги в юбке как через средства массовой информации, так и благодаря ее пространным письмам.

И вот они, наконец, встретились вновь, чудом уцелев среди руин земного шара!

Сент-Экс дружелюбно помахал рукой, и его заметил туземец, который дернул Берил за рукав. Та повернулась и увидела приближающегося гостя. Из ниоткуда в ее руке появился пистолет, и последовала убедительная угроза:

— Слезь с бедной лошадки, идиот, или я пробуравлю твое черствое сердце!

Сент-Экс чуть больше понимал по-английски, чем давал понять окружающим (притворяться непонимающим нередко служило добрую службу). Смысл сложившейся ситуации дошел до него тотчас. Он остановил лошадь и осторожно спустился на землю.

Берил направилась к Сент-Эксу своей неповторимой сексуальной походкой, перекатываясь на подушечках пальцев. Этому она научилась у охотников племени нанди.

— Чертов придурок, как можно ехать на лошади, когда она в таком состоянии! Ты что, хочешь ее вконец угробить?! Клянусь, я…

На расстоянии всего лишь фута от Сент-Экса разъяренная женщина застыла, выронив пистолет в траву. Гнев на лице сменился радостью.

— Тонио! Неужели это в самом деле ты?! Я думала, ты среди мертвых!

— Еще мгновение, и я мог бы к ним присоеди-

ниться, — сухо проговорил Сент-Экс.

Берил бросилась в его объятия.

— О Тонио, ты же знаешь, что за такое обращение с лошадью я бы всего лишь оцарапала тебя пулей.

Упомянув кобылу, Берил переключила свое внимание на животное. Вмиг интуитивно оценив ее состояние, выдала поток указаний своему помощнику на языке туземцев. Тот поклонился и увел лошадь.

— Мой брат арап Рату позаботится, чтобы кобыла полностью поправилась.

— Твой брат?

— Мы выросли вместе, я и Рату. Связь между нами сильней, чем с большинством моих кровных родственников.

— А что с ними не так? — осторожно поинтересовался Сент-Экс.

Вопрос ничуть не смутил Берил. Она прямо и холодно ответила:

— Мама и Ричард чуть ли не безвылазно жили в Англии. Они не останавливались у меня на срок, достаточный, чтобы развить иммунитет к дизентерии. Полагаю, они умерли. Гервас и его отец тоже. Клатт, слава Богу, в безопасности в Северной Африке. С последним пароходом от него

пришло письмо.

— У меня все то же самое. — Сент-Экс стал на пару секунд печально-серьезным, подумав о мертвых близких и миллионах неизвестных людей.

Воспользовавшись молчанием, Берил окинула увесистого француза своими очаровательными глазами, но тут он снова заговорил:

— Твой самолет в рабочем состоянии, Берил, дорогая?

— Конечно! Имеется и площадка для взлета! Только какая мне от того польза после запрета подниматься в воздух, наложенного старой Глэдис… Хочешь посмотреть на него?

— Именно!

Берил провела гостя на длинную зеленую посадочную полосу, где красовалась ее гордость и радость: обтекаемый «Вега-Галл», точно такой же, как тот, на котором она пересекла Атлантический океан.

— Разве не красавчик? Скряге Карбери пришлось купить еще один, когда я угробила первый. Ты бы слышал, как он ругался! Но после несчастного случая он бросил летать и передал самолет мне. Я окрестила его «Мессенджер-II». В нем две сотни лошадиных сил, мотор «Де Хевилэнд

Джипси-6», усовершенствованные винты. Оптимальная скорость для длительных перелетов — сто шестьдесят!

Сент-Экс с восхищением провел ладонью по фюзеляжу.

— Красота. Как и его очаровательная хозяйка, в которой сочетается…

Сент-Экс отпрянул, увидев в окне кабины лицо белого мальчика.

— Кто это?

Берил рассмеялась.

— Ах, это Джимми. Его родители умерли от дизентерии. Отца отправили к нам из Шанхая, однако, очевидно, ему не удалось извлечь пользы от нашего благоприятного климата. Балларды были милой парочкой, но это их не спасло. Так получилось, что Джимми остался у меня. У него, наверное, врожденный иммунитет, или он любимчик богов. Ему почти столько же лет, сколько было бы моему Гервасу, и, видимо, я питаю к мальчугану материнское чувство. Бог свидетель, необычное для меня ощущение. Тебе надо познакомиться с ним.

Берил открыла дверцу кабины.

— Джимми, вылезай, пожалуйста. — Она повернулась к Сент-Эксу: — Должна предупредить,

он довольно странный ребенок, его изменила смерть родителей. Не очень разговорчивый. Единственное, что ему нравится, так это сидеть за штурвалом самолета и делать вид, что он летит.

Из кабины несмело появился застенчивый долговязый подросток в шортах и полосатой рубашке. Он был похож на зверя, на которого ведется охота, или на гостя с другой планеты. Сент-Экс склонился перед мальчиком и начал, как волшебник, доставать из-за уха Джимми монеты, карандаши и другие вещички, которых там быть не могло. С серьезным достоинством мальчик улыбался чудесам, однако его мысли явно витали далеко.

Вскоре Джимми вернулся к своему воображаемому полету, а Берил с Сент-Эксом направились в дом.

— У меня полно еды, если ты ешь мясо *томми*...

— Мне уже довелось его попробовать, и я нахожу газель вполне удобоваримой, если к ней подать хорошее вино.

Берил рассмеялась.

— Ладно. У нас отличный винный погреб. Еще тебя ждет горячая ванна и свежая одежда. А когда помоешься и утолишь голод, мы выпьем и побол-

таем о том о сем, вспомним старые времена! Как же давно это было, Тонио, как давно…

Сент-Экс взял ее за руку.

— Согласен, мой цветочек. При одном условии. Мы поговорим и о будущем.

— О Тонио, ты пугаешь меня, но это приятное ощущение!

— Почему?

— Я разуверилась, что у кого-нибудь из нас есть такая вещь, как будущее!

После еды с вином, запиваемым бренди, Берил и Сент-Экс перешли к джину, который арап Риту подал в гостиную, освещенную свечами и увешанную трофеями. Потрескивающий огонь камина прогонял прохладу гор, клубился сигаретный дым, поднимаясь вверх к балкам. Два авиатора увлеклись оживленным разговором, обсуждая личности и события дней минувших.

Берил махнула рукой в театральном жесте.

— А затем Банни говорит Петал, что если это неплохо для Коки и Санни, то кто такой Хемингуэй, чтобы выделываться!

Сент-Экс от сердца посмеялся — Берил была прекрасным рассказчиком.

— Ты не думала запечатлеть свои приключения на бумаге, моя дорогая?

Берил опрокинула напиток.

— Как ты? Ну, такая мысль время от времени приходит мне в голову. Мне собиралась помочь в ее реализации Карен Бликсен, но после того ужасного скандала она навсегда уехала в Данию. Я до сих пор по ней скучаю. Надеюсь, она еще жива. В конце концов, она жила здесь с 1914-го, так что вполне могла выработать нашу чудодейственную сопротивляемость к болезни. Может, мы когда-нибудь встретимся, как ты и я… Так или иначе, я даже придумала заголовок: «Запад в ночи». Навевает воспоминания, верно? Впрочем, я никогда не относилась к сочинительству серьезно. Мне оно приходило на ум, только когда я крайне нуждалась в деньгах!

— Меня самого это не раз вдохновляло к творчеству! Но знаешь, еще ведь не поздно. Я, между прочим, работаю над книгой. — Сент-Экс указал на свой ранец. — Нечто совершенно новое, вроде рассказа ребенка.

— Ты неисправимо оптимистичен, Тонио! Кто напечатает и прочтет твою книгу? Сие достижение цивилизации кануло в прошлое.

— Брось, Берил! Ты ужасно преувеличиваешь! Человечество попадало и в худшие переделки. Возьми, к примеру, средние века.

— Сам их бери. Я предпочитаю Париж середины двадцатых.

— А кто нет? Моя мысль в том, что мир будет существовать и дальше. И с нашей помощью он разовьется намного быстрей.

Сент-Экс принес свой ранец и достал «То, что будет»:

— Вот, прочти. Прямо сейчас, не откладывая.

— Ой, Тонио, я слишком пьяна…

— Читай, Берил. Или я уйду.

Притворно вздыхая, Берил взяла книгу и поднесла к ней свечу. Манерным жестом открыла книгу и начала переворачивать страницы. Вскоре, однако, она увлеклась и стала читать с неподдельным интересом.

Сент-Экс, которому не раз приходилось ждать, пока друзья закончат читать его наброски, в волнении расхаживал по комнате, курил и потягивал спиртное.

Два часа спустя Берил отложила книгу. Из ее голубых глаз катились слезы.

— Не знаю, что сказать. Так реалистично написано, но очень трагично, и в то же время есть надежда. Невообразимо. Подумать только, он все предвидел. Какой гений! А монолог Мэри: «Кошмарный сон, в котором мы живем, кончится, и

мы очнемся». Если б это было правдой…

Сент-Экс пал перед Берил на колени и взял ее руки в свои.

— Это *может* стать правдой! Все вместе: ты, я и другие летчики Кении могут стать Крыльями над миром! Новое поколение здравых мужчин и женщин! Стоит лишь очень сильно захотеть, и так оно и будет!

Тут они слились в безумном, страстном поцелуе, слились устами и языками, как жаждущие путники в пустыне, набредшие на оазис. Берил стянула с Сент-Экса рубашку, а он расстегнул ее ремень, схватился за пояс штанов Берил и сдернул их с нее, уложив женщину на кушетку с той же ловкостью, с какой умел выдергивать скатерть из-под тарелок, хотя и с меньшим изяществом. Берил вывернулась и набросилась на Сент-Экса, повалив его на пол. Она оказалась сверху, одной рукой прижала его, одновременно сбрасывая шлепанцы, другой с треском расстегнула пуговицы своей блузы.

— Матерь Божья, девочка! Да ты дикарка!

— Ты не первый, кто говорит мне это! И не последний! А ну, снимай чертовы портки!

Сент-Экс счел благоразумным не возражать.

А потом разговоры прекратились.

Через мгновение они уже совокуплялись, как безумные. Сент-Эксу казалось, что он потерял года два жизни, пытаясь совладать с Берил. Когда дыхание восстановилось, он открыл глаза и увидел на спине подруги старые шрамы, которых не заметил раньше. Проведя по ним пальцами, он спросил:

— Откуда это, красавица моя?

— Падди, ручной лев Элкингтона, — сонно ответила Берил. — Мне было десять.

— Какой ужас! Ты сильно перепугалась?

— Конечно, нет, дурачок. Ведь рядом был Клатт. Кроме того, я к тому времени уже убила одного льва.

Найроби не слишком высоко над уровнем моря, и там намного теплее, чем в горах Шотландии. Стоя под жарким солнцем у клуба Мутхаига, Сент-Экс чувствовал себя неуютно в официальном костюме. Лицо покрылось капельками пота. Запряженные лошадьми повозки поднимали в воздух клубы шоколадной пыли, от которой щекотало в носу.

— Берил, мне прямо-таки обязательно быть в этом обезьяньем костюме? Ты же знаешь, я предпочитаю повседневную одежду.

— Думаешь, мне в моем наряде комфортно в

такую жарищу? Если мы хотим склонить лорда Деламэра на нашу сторону, никак нельзя походить на парочку механиков! Поправь «бабочку» и пошли.

Сент-Экс послушался. После интимного воссоединения с Берил девять дней назад он стал ее слушаться во всем. Привыкший приказывать как подчиненным, так и друзьям, стоять во главе рискованных предприятий и шутливых эскапад, Сент-Экс понимал: чтобы не поссориться с Берил, придется прикусить язык. Он убеждал себя, что попал на чужую территорию, где Берил лучше разбирается, что к чему. И все же временами ему донельзя хотелось положить конец ее изощренным махинациям. (Вторая, недикарская сущность Берил удивительным образом вписывалась в замысловато-манерную среду колонии, превращая ее в хитроумного игрока.)

Встреча с лордом и леди Деламэр была одним из таких стратегических ходов. Как Берил объясняла еще в Нгоро, до утомительной верховой поездки в город, «в Кении ничего не проходит без одобрения дядюшки Хаги, а дядюшка Хаги всегда советуется с Глэдис. Тем не менее она очень обидчива! Но она еще ничего по сравнению с тетушкой Флоренцией, храни Господь ее душу».

— Ты в самом деле родственница этим Деламэрам?

— Не по крови. Дядюшку Хаги я знаю с трех лет. Они с Флоренцией были безмерно добры к нам с Клаттом, и я тренирую беговых лошадей дядюшки уже с десяток лет. Его я запросто обведу вокруг пальца, а вот с Глэдис будет сложней. Поскольку у нее слабость к энергичным смелым мужчинам, за нее отвечаешь ты.

— Ты льстишь мне, Берил.

— Не пытайся обмануть меня, мистер Сент-Экс! Я прекрасно знаю твою манеру обращаться с женщинами. И помни: каждый твой шаг под моим пристальным взором!

— Более очаровательного взора я и желать не могу.

— А теперь кто кому льстит, а?

Деревенский клуб Мутхаига — раскорячившееся здание с колоннадой — был построен из огромных каменных кубов, покрытых розовым гравием. Вокруг зеленели поле для гольфа, корты для сквоша и газон для крикета. То был бурлящий светский центр общественной жизни Найроби, походивший на пчелиный улей, где любого могли искусать до смерти.

Стоя на крыльце, Сент-Экс собирался с духом

для атаки пчелиной матки.

Берил поприветствовала слугу у дверей по-английски:

— Привет, Филипп. Это мой гость, мистер Сент-Экзюпери.

— Он, случаем, не еврей?

Сент-Экс понял вопрос.

— Еврей? Плоть мира гниет вокруг нас, а его интересует, не еврей ли я! Сумасшествие! А что, если б я был евреем? Неужели пилотское мастерство моего доброго друга Жана Израэля пострадало от того, что у него обрезанный член? Ушам не верю!

Филипп одобрительно улыбнулся.

— Какой у вас легковозбудимый гость. Он придется ко двору. Приятного обеда, миссис Маркхэм.

Берил взяла Сент-Экса за руку и повела сквозь многолюдные холодные комнаты клуба с кремово-зелеными стенами и паркетными полами. Сент-Экс заметил несколько знакомых лиц из Дворца Джинна: Карбери, Эрролы, Кики Престон, в окружении не менее странных особ. Они же, заметив его, приветственно махали руками. Берил окинула Кики презрительным взглядом. Сент-Экс улыбнулся, и Берил дернула его за руку так, что

парочка повернулась к ней спиной.

Как заметил Сент-Экс, все гости были безупречно одеты, будто в мире ничего не изменилось, и к нему пришло неожиданное ощущение нереальности происходящего: он не мог сопоставить добровольно невежественную пышность с бойней, которую видел, взлетая со склепа континента. Чувство прошло, оставив на душе озлобленность.

— Тонио, ты был слишком горяч с Филиппом. Он, конечно, простой слуга, но тебе нужно держать себя в руках. Помни о нашей миссии.

— Прекрасно, прекрасно! Когда воздушное командование будет определять жизнь на земле, мы непременно установим свободу, братство и равенство!

— Пока мы ее не определяем, давай вести себя скромнее.

В столовой Берил сразу взяла курс на стол с двумя обедающими. Подойдя, она тотчас указала рукой на Сент-Экса:

— Лорд Деламэр, позвольте мне представить вам известного французского авиатора графа Антуана де Сент-Экзюпери.

Сент-Экс смутился при упоминании своего титула, но постарался не показать этого. Он

протянул лорду Деламэру руку. Тот оказался невысоким крепким мужчиной с морщинистым лицом и лысой головой. Сначала он обратился к Берил:

— Берил, шалунья! Как ты смеешь своевольно отлучаться от тренировки моих лошадок?! Смогу ли я выиграть скачки на этой неделе с твоей безалаберностью? Ну да я все равно рад тебя видеть. Чертовски хорошо выглядишь! Это платье сидит на тебе, как овес в торбе!

Лорд Деламэр повернулся к Сент-Эксу.

— Рад, что тебе, дружище, удалось избежать той ужасной беды на континенте. Кения нуждается в хороших белых людях, если хочет удержаться на плаву.

Берил перевела. Сент-Экс ответил:

— Я рад слышать, что вы так считаете, лорд Деламэр, поскольку это и есть цель моего приезда в Африку.

— А это Глэдис, леди Деламэр, мэр Найроби.

Сент-Экс обратил взор на женщину слегка за сорок.

Светлокожая, с темными волосами и одутловатым лицом, на котором вырисовывалась постоянная раздражительность, она была в полтора раза крупнее своего престарелого мужа.

Иными словами, некогда привлекательная женщина, которая обрюзгла и отупела.

Взяв протянутую руку, Сент-Экс одарил ее поцелуем.

— Отчего не все дочери Евы наделены таким сочетанием красоты и управленческого таланта?

Леди Деламэр захихикала, и Сент-Экс понял, что она уже немало выпила.

— Какой обольститель! Надеюсь, граф, вы не собираетесь стать в Нгоро отшельником?

Сент-Экс едва удержался от гримасы.

— Разве это возможно после того, как увидишь всю привлекательность Найроби?

Леди Деламэр снова захихикала, и Сент-Эксу померещилось, что перед ним пьяная лягушка.

Гости сели за стол, и лорд Деламэр рявкнул сомалийским слугам:

— Эй! Еще шампанского!

Когда подали рыбу, Сент-Экс не смог более сдерживаться и перешел к обсуждению дела. Он изложил основные постулаты мечты о Крыльях по всему Миру, подчеркнув ее английские истоки.

— Кения идеально подходит для того, чтобы стать ядром этой силы. Полагаю, она может похвастаться таким количеством самолетов и

живых пилотов, как ни одна страна мира.

Лорд Деламэр стукнул по столу сморщенным кулаком.

— Да, но как же ситуация с горючим, черт ее побери? Нам едва хватает на основной наземный транспорт, не говоря уж о парении меж облаков! Где ты раздобудешь чертово горючее?!

Сент-Экс пытался говорить как можно с большей убедительностью, поочередно глядя в глаза мужу и жене.

— По всей Африке разбросаны автобазы, которые мы могли бы реквизировать. Я заправлялся на одной из них в Малакале на пути сюда. Однако конечное решение проблемы предвидел Уэллс. Он расположил штаб воздушного командования в Басре, среди нефтеочистительных заводов и залежей нефти. Мы должны поступить так же.

— К чему ты клонишь? — спросила леди Деламэр.

Сент-Экс нахмурил брови.

— Я прошу ровно столько горючего, чтобы долететь до Басры и обратно. Разведывательный полет. Если там есть арабы, пережившие чуму, то они наверняка будут рады восстановлению европейского правления. Я знаю арабов, сам жил среди них и говорю на их языке. Они понадобятся

нам, чтобы управлять заводами и скважинами. По моему возвращению мы приступим к более важной миссии: создадим надежный плацдарм для воссоздания мира. Скоро у вас будет столько горючего, сколько пожелаете. Кения, новый Капитолий земного шара, будет процветать как никогда!

На лице леди Деламэр отражалось сомнение.

— Не знаю, это звучит так рискованно. А что, если ты встретишь… сопротивление?

Сент-Экс взял руки мэра в свои ладони.

— Глэдис, обещаю вам, это будет проще пареной репы! Ручаюсь своим именем! Что вам терять?

— Ну, думаю, мы можем позволить себе такую авантюру. Найдем пару галлонов горючего, немного сократив расходы на сафари. Как думаешь, Хаг?

Под воздействием шипучки лорда Деламэра заметно начало клонить ко сну. Берил схватила сонного старика за локоть и осторожно потрясла.

— Дядюшка Хаги…

Сие неосторожное вмешательство имело драматичный результат. Лорд Деламэр вскочил на ноги, выхватил из-под пиджака кольт тридцать второго калибра.

— Грабители? Где? Спустите собак!

Заметив себя же в зеркале за длинной стойкой на другом конце зала, лорд Деламэр навел пистолет. С невозмутимостью, которая приходит с опытом, бармены попадали на пол за толстую стойку из красного дерева. Как раз вовремя, чтобы их не задели пули лорда Деламэра. Вдребезги разлетелись лишь зеркало, пара бутылок со спиртным и поднос со стаканами для коктейлей, поскольку Берил удалось вовремя успокоить дядюшку Хаги. Опьяневший владелец имения, отец-основатель колонии, сонно сполз в мягкое кресло.

Сент-Экс был поражен безразличием, проявленным остальными завсегдатаями Мутхаиги. Какими же сумасшедшими окружил себя Деламэр!

Глэдис основательно хлебнула шампанского, после чего проговорила:

— Сдается мне, граф, вы пробудили в лорде Деламэре страсть к приключениям. По крайней мере исход не так трагичен, как в последний раз: тогда он набил пианино клуба парафином и поджег. Все же, боюсь, ближайшие несколько дней от него хлопот не наберешься. Завтра я отправлю в Нгоро контейнер с горючим.

Одетый в удобный, мятый, грязный комбинезон, с руками, по локоть перепачканными маслом, Сент-Экс копался под капотом двигателя самолета «Вега-Галл» и чувствовал себя как нельзя лучше, хоть и находился на земле, а не в воздухе. Его счастье было полным, потому что рядом с ним в точно такой же экипировке занималась делом Берил — подруга, которую он искал всю жизнь, женщина, принадлежащая ныне ему, пусть и благодаря странному повороту судьбы, разрушившему мир.

Берил вылезла из-под металлической крышки, лицо ее покрывали черные блестящие полосы.

— Готова! А ты?

— *Moi aussi, ma cherie*[6].

— Тогда давай поедим. Я изголодалась!

Под тенью крыла заправленного горючим самолета они молча ели фрукты и сандвичи, затем задумчиво закурили. Наконец Берил заговорила:

— Знаешь, я всегда считала, что важные, головокружительные перемены в жизни происходят на перекрестке, где люди встречаются и строят высокие здания, обмениваются творениями, которые они создали, смеются, трудятся и цепля-

---

[6] Примечания: 6
Я тоже, моя дорогая (фр.).

ются за свою бурную цивилизацию, как бусины к юбке дервиша. В воображаемом мною мире ни у кого не было времени передохнуть, все двигались под ритмичную музыку, которой мне не услышать. А мне и не хотелось. Было в этом нечто надуманное и недостижимое, как Багдад в сказках Шехерезады. А теперь тот мир канул в прошлое, умер, как сама Шехерезада. Мы же с тобой находимся на возвышенном куске земли, где можно ожидать только банальных вещей. Но, несмотря ни на что, мы могли бы стать Адамом и Евой нового мира.

Сент-Экс нежно взял руку Берил.

— Ах, моя дорогая, как же я рад разделять именно с тобой этот бескорыстный идеал. Ты постигла жизненный урок: любовь заключается не только в созерцании друг друга, но и в умении смотреть в одном направлении.

— Что ж, мне кажется, задача, которую мы задумали, восхитительна и знаменательна. Конечно, мы обязаны действовать, потому что именно мы, авиаторы, в ответе за произошедший ужас…

Сначала Сент-Экс буквально не смог расчленить последнюю фразу на составляющие. Она прозвучала для него как некое бормотание. Когда же смысл дошел до него, авиатор все же не мог

понять, что имела в виду Берил.

Заметив его растерянность, Берил сказала:

— Ты не мог не слышать этой теории, Тонио. Я считаю ее наиболее вероятной. Кровавый понос, очевидно, возник здесь, в Африке. Это вытекает из особенностей нашего иммунитета. Заболевание, судя по всему, существовало в равновесии с окружающей средой, пока не приехали европейцы. Первое время все было нормально, потому что болезнь не могла распространиться далеко. Жертвы умирали, не успев передать ее другим. И только когда воздушный транспорт пошел в массы, вирус смог вырваться и пойти по всей планете. *Мы* распространили его, Тонио! Все наше великое братство авиаторов перевозило инфицированных пассажиров. *Мы* убили миллионы, Тонио, все равно что скосили пулеметной очередью.

В Сент-Эксе что-то сломалось. Не владея собой, он поднялся на ноги. Берил встала и обняла его.

— Ну же, Тонио, мне тоже было больно, когда я узнала. Но ты не должен позволить этому знанию парализовать тебя. У любого живого существа руки в крови. У нас они просто больше замараны, чем у других. Единственный способ искупить вину — продолжать делать то, что начали.

Вновь обретя дар речи, занемевшим языком Сент-Экс произнес:

— Всю… всю свою жизнь я ненавидел войну, презирал убийство. А теперь, выходит, я самый страшный убийца на свете? Понадобится немало времени, чтобы осознать это, Берил.

— Именно, дорогой. Давай попытаемся жить дальше.

На рассвете из самолета звучал чистый голос Берил:

— Включить зажигание! Контакт! От винта!

Опытный арап Рута мотнул винт и отпрыгнул в сторону. После треска, сдавленного кашля, словно при первом шевелении очнувшегося от сна трудяги, мощный двигатель загудел в полную силу: Берил увеличивала обороты.

«Мессенджер-Н» начал разгоняться по короткой взлетной полосе Нгоро. С огромной скоростью приближались зеленые кусты, и лишь в нескольких дюймах от них самолет поднялся в воздух.

Сент-Экс повернулся к Берил внутри кабины. Он выглядел очень привлекательным в одежде для полета: кожаной куртке с мехом по краю, белой шелковой рубашке, шейном платке и стильных белых штанах.

— Неплохой взлет, сладкая моя. Истинный при-

мер умения *a l'oeil et a la fesse.*

— Никогда не слышала этого выражения.

— Хм, сейчас скажу… глазами и ягодицами?

— А… чуять задницей!

— *Oui, c'est vrai!*[7]

Сзади громоздилось все необходимое для перелета: накрытые брезентом коробки с едой, водой, лекарствами и снаряжением. Путешествие должно было состоять из двух частей: тысячи двухсот миль до Адена, где они надеялись заправиться, и столько же до Басры. Общее время перелета могло составить от пятнадцати до двадцати часов в один конец. Вполне выполнимо для опытного пилота старой школы и однозначно просто для двоих.

Хотя Сент-Экс и ненавидел кресло второго пилота (у него в воздухе начиналась головная боль, если не он сидел за главными приборами), во время взлета он из благородства и любви уступил место Берил, к тому же самолет принадлежал ей. Теперь же у него пальцы зудели от желания вцепиться в штурвал, и Сент-Экс пытался отвлечь внимание пейзажем внизу, пока они поднимались до привычной высоты в три тысячи футов.

---

[7] Примечания: 7
Да, так правильно (фр.).

Погребальным костром тлело в Сент-Эксе вчерашнее откровение, что мировая чума, вероятнее всего, распространилась из рук фанатичных, фатально невежественных технофилов, таких, как он. Что бы подумал Уэллс? Сент-Экс знал: пройдет много лет, и он свершит много дел, пока чувство вины хоть немного сгладится.

Теперь, вновь поднявшись в воздух, Сент-Эксу не хотелось оставаться мрачным. Рядом с отважной Берил он обретал *debrouillardise*[8] — невыразимо важную составляющую истинного пилота. С ясной задачей, отточенным мастерством, чистым небом, широкими перспективами — как тут можно грустить?

Окинув взглядом набитый до отказа салон (когда Берил летала через Атлантический океан в таком же самолете, подведшие ее баки горючего занимали все место, кроме малюсенькой ниши для пилота), Сент-Экс заметил, что из дверного кармашка торчит ствол пистолета.

— Берил, не помню, чтобы я брал его. Винтовки — да, но не это оружие…

— Часть стандартной экипировки «Мессенджера». Вдруг пригодится от муравьев.

---

[8] Примечания: 8

Расторопность; находчивость, смекалка, сметливость; хитрость, изворотливость, выпутывание (из затруднения) (фр.).

— Муравьев?

— Знаешь, что такое сансеверия? Разросшиеся водоросли, которые выступают на берег словно бескрайний ряд сабель. Если потерпишь там аварию, считай, что сел на вертел, и тебе повезло, если сразу умрешь. В противном случае жди *сьяфу*. Это невинные маленькие рыжие муравьи, в полдлины спички. Они за несколько часов убивают и пожирают здоровую лошадь.

— Но я не понимаю, как пистолет…

Берил ожгла его взглядом, и Сент-Экс произнес:

— Ах да, конечно.

Много миль они молчали, завороженные грезами полета. Ускользнув от пут мира, обволакиваемые гулом двигателя и шелестом рассекаемого воздуха, оставив земную реальность где-то позади, они летели словно птицы. В нескольких часах от дома они были столь же далеки от него, как если бы проносились над Индией или сидели на астероиде, вращающемся меж звезд. Под ними паслись стада, животные резвились, словно ликуя, счастливые от преждевременной гибели человечества.

Скоро в животе Сент-Экса забурчало. Он был не прочь побаловать его, если того позволял долг

службы.

— Берил, дорогая, с твоего разрешения, я займусь провизией.

Высоко задрав край брезента, Сент-Экс, к своему изумлению, натолкнулся на прищуренные глаза юноши.

— Солнце, — произнес Джимми Баллард, нахмурившись. — Оно слишком яркое.

— Джимми! — воскликнула Берил, моментально придя в полное замешательство. — Ты что такое придумал?

Джимми улыбнулся с присущей ему беспечностью.

— Хотел узнать, откуда к нам приходят сны.

— Ужасное положение, — сказал Сент-Экс. — Это не только выбивает нас из запаса горючего, но опасность…

Берил, казалось, питала к их зайцу меньше злости.

— Ай, Тонио, успокойся. Ты же знаешь, что в его возрасте поступил бы точно так же, представься тебе случай. Что касается горючего, то у нас есть дополнительный запас, который терпит еще одного пассажира. А опасность… где в наши дни безопасно?

Сент-Экс покипел еще немного и смирился с

новой ситуацией.

Теперь полет перешел в ту стадию монотонного продвижения, когда кажется, что самолет замер над крутящимся земным шаром. Сменяя друг друга, Берил и Сент-Экс оставались бодрыми до середины пути — до аэродрома в Адене. Прекрасно знакомый с ним со времен работы на «Аэропосталь», Сент-Экс сел за штурвал и пошел на посадку. Он приземлился безупречно. Подрулив к заправочной станции, Сент-Экс с облегчением вздохнул: бери горючего, сколько хочешь — многолюдный аэродром вымер. (Только вот не особо приятно выглядели разбросанные повсюду высохшие полуобглоданные тела.)

Трое авиаторов сошли у заправки, взрослые — с оружием. Берил взяла винтовку, а Сент-Экс засунул за пояс «муравьиный» пистолет. Стояла нечеловеческая тишина, нарушаемая лишь дыханием природы. Авиатору стало безмерно горестно на душе. Размяв ноги, Берил встала на караул, а Сент-Экс вручную накачал баки до краев. Джимми все это время совал нос куда ни попадя.

— Джимми! Не подходи к мертвецам!

— Но тетя Берил, я только хотел разглядеть улыбки на их лицах…

Закрыв баки, они сразу же поднялись в воздух. Теперь Сент-Экс сидел на месте первого пилота. Поскольку истоптанные земли Африки остались позади, а под ними был Ближний Восток — прерогатива Сент-Экса, — он настоял на том, чтобы вести самолет. Направляясь на север над древними средиземноморскими землями, француз чувствовал себя Моисеем, ведущим остатки какого-то сброда к обещанному раю.

Они по-разному убивали утомительные часы. Без конца перекусывали, дремали. Сент-Экс научил Берил игре в слова из шести букв, к которой она тотчас пристрастилась. Разговоры касались как теории, так и практики. Сент-Экс пытался заинтересовать Берил в том, что читал перед Падением Мира, а именно в работах физиков Планка и Бройля, их размышлениях об энтропии и квантовой природе пространства-времени, разветвляющемся будущем и тому подобном, но ей это казалось скучным. В ответ она попыталась передать ему всю прелесть тренировки лошадей, ощущения, когда видишь в движении полтонны плоти, но заметила, что Сент-Эксу это мало интересно.

— Слава богу, что мы оба любим трахаться, — сухо промолвила молодая женщина.

— Берил, пожалуйста, в присутствии ребенка…

Джимми, однако, не обращал внимания на их разговор. Сидя на коленях Берил, ухватившись за штурвал, не сводя глаз с облачных скульптур, он явно вел самолет в направлении куда более притягательном, чем Басра.

Когда начинало темнеть, они перелетели Персидский залив. Снизившись на тысячу футов, чтобы оценить условия жизни на земле, Сент-Экс остался доволен отсутствием людей, все больше веря, что Басра падет к их ногам.

Однако его оптимистичные прогнозы оказались преждевременными.

Под ними появились бивачные костры. У бедуинских юрт на привязи стояли лошади. Услышав гул, жители высыпали наружу. Прикрывая глаза свободной рукой — в другой каждый держал древний карабин, — они быстро обнаружили самолет.

— А, мои старые друзья, племена песков. Посмотрим, как я помню их язык и повадки. Они, конечно, расплодились с тех дней, когда я принимал их у себя в Порт-Джуби. Все же, осмелюсь предположить, в них столько же дружелюбия, что и тогда…

Засвистели пули. Одна из них ударила в стойку

шасси.

— Да, именно столько дружелюбия.

Сент-Экс дернул штурвал на себя, и «Мессенджер» встал на дыбы будто конь. Держа путь на север, они оставили арабов позади.

— Мне показалось, они сели на лошадей, — сказала Берил.

— А, одна из глупостей человечества. Единственная неизменная привычка в развивающейся вселенной.

Сент-Экс настаивал на завершении миссии. Он собирался облететь нефтеперерабатывающие заводы, несмотря на потенциальную опасность встретиться с арабами. Каким-то чудом установки стояли нетронутыми: гибель человечества была слишком стремительна, чтобы вызвать общественный хаос, однако не исключено, что хватило времени надлежащим образом закрыть фабрики.

— Вот гора, на которой я построю свою церковь, — с пафосом заявил Сент-Экс.

— Вот гора, на которой ты разобьешься; если мы не отбросим разговоры и не поспешим заправиться, *mon vie ux*[9].

---

[9] Примечания: 9
Старина (фр.).

Сент-Экс развернул самолет и направился к аэродрому Басры, где вскоре искусно приземлился.

— С этой планировкой я не так хорошо знаком…

В отличие от брошенных нефтезаводов аэропорт повидал безумие людей, тщетно пытавшихся бежать неизвестно куда. Ущерб был нанесен немалый, и целый час ушел на поиск работающего насоса с полным резервуаром. Сент-Экс взялся за дело, а Берил держала ухо востро.

— Я слышу топот копыт…

Из сумерек выкатила *раффия* улюлюкающих всадников. Смело выйдя на открытое пространство с пассажирской стороны самолета, Берил вскинула винтовку и единственным выстрелом уверенно выбила из седла вожака. Остальные развернулись и отступили на несколько сот ярдов. Подстреленный лежал на бетонированной площадке перед ангаром, как мешок пшена, а его конь галопом пронесся мимо самолета.

— Продолжай качать, — сурово приказала Берил.

— Я и не думал останавливаться!

Судя по крикам и спорам, растерявшиеся бедуины пытались просто-напросто решить вопрос

лидерства. Но они не собирались отказываться от атаки.

— Черт с ними, с баками, Тонио. Надо уносить ноги!

Сент-Экс поспешно вытащил шланг и метнулся на противоположную сторону самолета.

В этот момент арабы решили нанести удар — раздались выстрелы.

— Залазь, — поторопила его Берил, — я задержу их.

— Нет, я настаиваю, только после вас, Альфонс!

Берил рассмеялась и вновь открыла огонь по бедуинам. Ее золотые волосы развевались в вечернем бризе (Сент-Экс автоматически рассчитывал вектор взлета), отчего она напомнила французу валькирию. Вытащив пистолет, Сент-Экс бросился к подруге.

В плечо Берил попала пуля, женщина взвизгнула, пошатнулась и упала.

Сент-Экс бессвязно зарычал, поднял свой муравьиный пистолет и нажал на спусковой крючок.

Его уши наполнил небывалый грохот, будто воссоединилось разделенное надвое Красное море; все окутал клуб едкого дыма.

Когда Сент-Экс пришел в себя, его взору пред-

стало ужасающее зрелище. Два коня вместе с седоками превратились в жеваный гамбургер, а остальные арабы распростерлись ниц, будто перед Священным Камнем.

Сент-Экс с недоверием уставился на свой пистолет. Затем оглянулся.

Из кабины самолета высовывалось два ствола слоновьего ружья, и держал его Джимми.

— Они хотели повидать рай, так осуществим их мечты, — сказал мальчик.

Не медля более ни секунды, Сент-Экс забросил Берил в салон и побежал к носу самолета.

— Джимми! Помоги мне!

Мальчик охотно сел за приборы. Сент-Экс крутанул пропеллер, мотор завелся, и авиатор забрался внутрь. Не обращая внимания ни на мертвых, ни на живых, он разогнался по взлетной полосе и стремительно поднялся в воздух.

Джимми держал на коленях голову потерявшей сознание женщины. На ее плече расцвела жадная алая роза.

— Дядя Тонио, тетушка Берил еще поиграет с нами?

— Будем надеяться, — ответил Сент-Экс по-английски. — Будем очень надеяться.

В освещенном свечами зале Дворца Джинна за

пианино сидел крупный седеющий человек. С босыми ногами, в кенийской обеденной пижаме, он сжимал в каждой мощной руке по апельсину. На плечах его восседала сладострастная женщина в нижнем белье и туфлях на высоком каблуке. Она держала стакан и полупустую бутылку шампанского. Наливая напиток, женщина по небрежности оросила шипучкой голову мужчины. Жидкость побежала ему по щеке, и он высунул язык, чтобы поймать струйку.

— *Tres bon!*[10] А теперь, *attendez-vous!*[11] Дебюсси!

Тыркая одним апельсином по черным клавишам, другим — по белым, мужчина произвел на удивление мелодичную игру, которая и в самом деле напоминала Дебюсси-младшего.

Слушающая публика дико зааплодировала. Мужчина резко встал, видимо, чтобы поклониться, и чуть не опрокинул свою наездницу, которая взвизгнула, бросила стакан с бутылкой и схватилась за голову гиганта.

— Я ослеп! Кто вырубил свет? Мы что, собираем-

---

[10] Примечания: 10
Прекрасно! (фр.)

[11] Примечания: 11
Держитесь! (фр.)

ся играть в «приколи хвост *sur un ane*[12]*»?* Ладно!

Великан принялся ходить по комнате, вытянув перед собой руки, пользуясь временной слепотой, чтобы лапать всех женщин подряд, а те и не пытались увернуться с его пути.

Наконец даже его дюжая сила начала сдавать под весом женщины, и он усадил ее на стол, а сам рухнул на свободную кушетку.

— Вина! И принесите мне еще креветок! В панцире, *s'il vous plait*[13].

На уровне его глаз материализовалась пара волосатых ног. Мужчина поднял взгляд, чтобы посмотреть в знакомое пресытившееся миром лицо.

— Рад видеть, что ты наконец получаешь удовольствие от пребывания здесь, — сказал хозяин дома, Джосс Эррол. — Яков в дружбе с трудом, в ссоре с бездельем — бедняга Яков не знаком с весельем.

— Ах, труд, — трагично воскликнул Сент-Экс. — Труда больше не существует. Мы все живем в последний век потворства своим желаниям, коего даже кумир моего детства Бодлер не мог себе

---

[12] Примечания: 12
К ослику (фр.).

[13] Примечания: 13
Пожалуйста (фр.).

представить.

— А как же твои мечты? — поинтересовался Джосс.

— Канули в небытие вместе с представлениями прошлого года. И скатертью им дорога.

— На вершине горы, — загадочно произнес Джосс, — всегда остается прошлогодний снег.

С этими словами он ушел.

— Ха! — выдал Сент-Экс.

Закрыв глаза рукой и временно вновь лишив себя возможности видеть окружающих, он ушел в свои мысли, ожидая, пока слуги принесут вино с едой.

Обратный путь был тяжелым и изматывающим, как никогда за всю его жизнь, даже если учесть трехдневный перелет из Парижа в Африку. Поднявшись на безопасную высоту, Сент-Экс решился предоставить управление Джимми и заняться Берил. Сняв с нее куртку и рубашку, он обнаружил, что бедуинская пуля застряла в плече. Боясь, что кровотечение возобновится, он ограничился промыванием раны и перевязал порванную плоть. Затем попытался удобнее усадить подругу на простыню. Вернувшись в кресло пилота, Сент-Экс проглотил несколько таблеток бензедрина и приготовился к долгому рейсу.

В Адене, проведя в воздухе полтора дня с урывками сна, составлявшими вкупе не более часа, Сент-Экс чувствовал, что его сознание крошится на кусочки. Он не мог позволить себе передохнуть, потому что боялся, что состояние Берил ухудшится. Каким-то чудом он заправился и поднял самолет в небо.

К концу перелета его спасало от сна только тихое бессловесное пение Джимми, склонившегося над беспокойно бредившей Берил.

И вновь он приземлился у берега озера Наиваша, не повредив, однако, ни себя, ни самолета. На сей раз он прервал игру в крикет (которая велась, к его радости, деревянными мячиками). Увидев тело в багажном отсеке, Джосс поприветствовал его фразой:

— Только не еще один вызов доктора Винта, Сент-Экс! Клянусь, ты обходишься мне дороже, чем десять наложниц!

Несмотря на притворное негодование, Джосс очень нежно спустил Берил на землю.

Сент-Экс проспал несколько суток и проснулся с непреодолимым чувством *дежа вю* в той же кровати и комнате, которая послужила ему кровом — неужели то было всего лишь две недели назад? Взглянув на спящую Берил и поняв, что

доктор Винт успешно вынул пулю и пообещал ей полное выздоровление, Сент-Экс убедил Джосса отвезти его в Найроби.

— У тебя скоро будет столько бензина, сколько пожелаешь, дружище! Ты сможешь наполнить им свой бассейн! Давай не будем вздорить из-за пары галлонов!

В городе Сент-Экс нашел леди Деламэр, мэра Найроби, в прохладных комнатах клуба Мутхаига. Свалившись без приглашения в кресло за ее стол, Сент-Экс начал рассказывать о своих подвигах, не скупясь на подчеркивание героизма, проявленного им и Берил, и даже маленьким Джимми. Все это время леди Деламэр слушала молча с непроницаемым выражением лица.

— Мой добрый граф, — наконец начала она, когда Сент-Экс затих в ожидании ответной реакции, — мы высоко ценим вашу попытку основать плацдарм для Кении на Ближнем Востоке. Когда-то мы считали этот замысел осуществимым. Но боюсь, что новость о вооруженной оппозиции в Басре в сочетании с последними изменениями ситуации на месте делают ваш план невыполнимым.

— Невыполнимым!.. Но, мадам, от него зависит будущее цивилизации!

Леди Деламэр беспечно обмахивала себя веером.

— Не думаю, граф. У Кении немало природных ресурсов, кроме нефти, и они позволят обеспечить вполне приличную жизнь для нас — немногочисленных выживших белых. Для этого достаточно и просто физического труда туземцев. А с разумным распределением наших запасов горючего хватит на долгие годы.

Сент-Экс стукнул кулаком по столу.

— А что потом? Вы подумали о детях, зачатых и уже рожденных? Будущих Моцартах и Линдбергах?

Леди Деламэр высокомерно фыркнула.

— Как вы могли бы заметить, граф, мы не пролетарский класс, чтобы обильно размножаться.

Пытаясь подавить естественное негодование, Сент-Экс спросил:

— Позвольте поинтересоваться, о каком изменении ситуации вы говорили?

У леди Деламэр хватило совести смутиться.

— Ловля рыбы на озере Виктория. Лорд Деламэр занялся ею с неожиданным пристрастием. К тому же там есть лечебница со сказочными грязевыми ваннами для дам.

Глэдис кокетливо хихикнула, напомнив гиппо-

потама в пачке из диснеевского мультфильма.

Сент-Экс был ошеломлен.

— Леди Деламэр, вы ставите крест на своем наследии. Будущие поколения проклянут ваше имя!

И он выбежал прочь.

Весь путь обратно во Дворец Джинна Сент-Экс без умолку разорялся Джоссу, который внимательно его слушал. Когда француз наконец утих, шотландский лорд проговорил:

— Хочешь знать, в чем твоя главная ошибка?

Сент-Экс нахмурился.

— Твоя просьба взывала к нашим так называемым лучшим чувствам. Тот же самый промах допустил и Герберт Джордж Уэллс в своих жутких утопиях. Нет у нас этих чувств! Ни йоты! По крайней мере не больше, чем у остального человечества. Тебе стоило обратиться к нашему корыстному интересу.

— Мне казалось, я так и делал.

— Не совсем.

— Ба, да вы тут все гиены!

— Возможно, но ныне мы — *твоя* стая гиен.

Подъехав к особняку, Сент-Экс побежал к кровати Берил и обнаружил, что она уже проснулась и ест какой-то бульон — ее первая еда за долгий

период.

— *Ma cherie*[14], ты почти похожа на себя, роковую женщину!

Берил не улыбнулась, даже не поприветствовала его, спокойно продолжая потягивать бульон.

— Что тебя тревожит? — спросил Сент-Экс, приземлившись рядом с ней на кровать.

Берил приколола его своим стальным взглядом, словно он был бабочкой.

— Ты оставил меня одну, Тонио. Я просыпаюсь, а тебя нет. Я не терплю такого обращения. Никогда.

Сент-Экс хлопнул себя по лбу.

— *Mon Dieu!*[15] Я действовал ради нашей общей цели, Берил! Разговаривал в городе с этой ведьмой…

— Очевидно, твои дела важней моего благосостояния.

— Конечно же! Они важней даже моей собственной жизни!

— Не знаю, что и думать. В бреду мне снились животные, которых мы видели из самолета. Подумать только, десятки тысяч диких живот-

---

[14] Примечания: 14
Моя дорогая (фр.).

[15] Примечания: 15
Мой бог! (фр.)

ных без фабричного клейма, что ставит на них корыстный человек. Это все равно что первым взобраться на неприступную гору или попасть в лес без дорог и троп, не изуродованный ударом топора. Тогда сам понимаешь то, о чем тебе не раз говорили — мир некогда жил и развивался без помощи машин, печатных станков и кирпичных улиц, без тирании времени.

— Не верю своим ушам! Чистейшей воды пораженчество! С дороги прогресса не свернуть. Что есть двести лет существования техники в сравнении с двумя тысячами лет человеческой истории? Краткий сон! Мы, по сути, до сих пор дети, которые не основали своих городов. К чему бросать это сейчас?

Берил поставила чашку и отвернулась от него.

— Тонио, я устала. Выйди, пожалуйста.

И он ушел. Несколько дней спустя Берил вернулась в Нгоро, даже не попрощавшись.

Вот тогда Сент-Экс с головой ушел в беспечную жизнь Дворца Джинна.

— Ваши креветки, сэр.

Сент-Экс открыл глаза и увидел слугу-сомалийца. Он похлопал по животу, показывая, куда поставить поднос. Слуга опустил блюдо, и Сент-Экс лежа набросился на еду, как древний римлян.

Все это время вокруг него не утихал ночной дебош белых колонистов, благословленных Армагеддоном; все вертелось и вращалось по воле их изощренной изобретательности, вызывая крики, смех, гогот и визг.

До ушей Сент-Экса донесся обрывок разговора:

— Она так любит драгоценности! Знаешь, что она произносит, когда крестится? «Тиара, брошь, щелк, щелк»!

Разделавшись с едой, Сент-Экс поднялся на ноги. Поднос со звоном соскользнул на пол. Осоловевший авиатор отправился бродить по лабиринту Дворца Джинна в поисках спасения от затаенной глубоко внутри него боли.

В темном углу, на маленьком диванчике, он заметил женские фигуры. Подойдя ближе, Сент-Экс рассмотрел в них резвую американку Кики Престон и ее неразлучную подругу — англичанку Элис де Траффорд. Обе были сами не свои. Утратив обычную ветреность, женщины, дрожа, вцепились друг в друга. Кики, как выяснилось, рыдала.

— Милые дамы, что вас так угнетает? — любезным тоном осведомился Сент-Экс, икнув в довершение. — Укажите мне монстра, который заслужил смерти, и я расправлюсь с ним.

Элис казалась более спокойной из двоих.

— Вам не одолеть этого гориллу, граф. Он питается волшебным порошком, и чем меньше его ест, тем сильнее становится.

Сент-Экс был озадачен.

— Я не улавливаю смысла…

Вдруг Кики бросилась на француза словно дикая кошка.

— Супри, Супри, Супри, ты должен доставить меня в Порт-Саид! У меня есть самолет! Оттуда привозят мой порошок! Мне нужен мой порошок! Где Фрэнки! Ох, где же Фрэнки! У него всегда было то, что мне нужно!

Сент-Экс выпутался из липких рук Кики, и та упала обратно на колени Элис.

Поглаживая бедняжку по голове, Элис проговорила:

— Фрэнки Гресволд Вилльямс — поставщик героина в колонию — не вернулся из последней поездки, и теперь вся Кения осталась без наркоты. Конечно, если не считать запасов леди Деламэр. — Голос Элис принял маниакальный тон, который напугал Сент-Экса. — Как же я ненавижу эту женщину! Жадная жирная свинья! Посмотри, во что она превратила бедную Кики. Мне тоже плохо. Но Кики ломает куда сильней. Кики, Кики, любимая, держись. Я помогу тебе, клянусь…

В смятении, отвращении, ужасе Сент-Экс отшатнулся; ему казалось, что сам Данте ведет его по Чистилищу.

Авиатор схватил ручку первой попавшейся ему двери, повернул ее и вошел внутрь.

Там находилась малолетка, абсолютно нагая. Она сгибалась над спинкой стула, высоко задрав ягодицы. Над ней высилась худая разодетая фигура Джона Карбери с хлыстом в руке.

Карбери со свистом опустил плеть на исполосованную кожу.

— Я научу тебя, как себя вести, юная леди!

В следующее мгновение Сент-Экс развернул хозяина поместья Серемаи лицом к себе и со всей силы ударил его кулаком по челюсти. Карбери отлетел к стене. Сент-Экс бросился к девочке.

— Мадемуазель, вы в порядке?

Не меняя позы, девочка повернула к нему заплаканное лицо и сказала:

— Да что со мной может быть не в порядке? Я терплю это от собственного папочки-ублюдка, лишь бы он не трогал маму.

Потрясенный Сент-Экс отпрянул в сторону. Что за террариум!

За его спиной раздался голос Карбери:

— Когда прибыл твой самолет, я сказал, что

ты труп. К сожалению, ошибся. Теперь-то я это поправлю.

Жаждая смерти, Карбери хладнокровно нацелил ружье на Сент-Экса. А потом без лишних слов спустил курок.

Сент-Экс бросился вперед.

Уши наполнил шум, в ноздри хлынул едкий дым, взор окутала тьма.

В третий раз Сент-Экс проснулся в той же освещенной солнцем спальне сумасшедшего дома на берегу озера Наиваша. Он чувствовал себя привязанным к колесу неизменно повторяющихся страданий. Сможет ли он когда-нибудь избежать этого места?

Думы авиатора прервал голос Джосса Эррола:

— Неслабо вчера постреляли. Не могу сказать, что я одобряю это. Чертовски трудно было отмыть всю кровищу.

Невозмутимый хозяин особняка поднялся с кресла, подошел к кровати и притронулся к голове Сент-Экса сбоку.

— Ой! Как больно!

— Эх, ребенок-переросток, у тебя всего лишь царапина. Даже я догадался. Чертовски мило с твоей стороны на этот раз избавить меня от необходимости посылать за доктором Винтом. Он не

успел лечь спать, как его вызвали к Деламэрам. Правда, он мало чем смог им помочь.

Сент-Экс вскочил, как на пружине.

— Деламэры! Что случилось?

— Их нашли двое молочников рано утром. В «бьюике» на пересечении дорог Карен и Нгонг. Оба с простреленными башками, пули вошли прямо за ухом, будто убийца сидел на заднем сиденье. Никаких следов борьбы. Очевидно, они знали убийцу. — Джосс вздрогнул. — Я всегда относился к тому перекрестку с суеверием. Мрачное место, прекрасно подходит для вражеской засады. Потому я и стараюсь не заводить врагов.

— Но, но… это все меняет! Кто теперь встанет во главе города?

— Не рановато ли, старина, говорить о политике, когда тела прежнего короля и королевы еще даже не остыли? Не собираешься оплакивать мертвых? Впрочем, полагаю, что нет — после того, что повидал этот разлетевшийся в клочья мир. Однако отвечу все же на твой вопрос: *c'est moi*[16]. Меня поддержали все, как бы сказать, те, кому править лень.

— А ты мог бы… то есть смогу ли я убедить

---

[16] Примечания: 16
Я (фр.).

тебя?..

Джосс поднял руку.

— Разве я не говорил, что пытаюсь угодить всем, Тонио? — Рука опустилась на колено Сент-Экса. — Если бы другие так же пытались угодить мне…

Сент-Эксу стало противно, но он скрыл свои чувства. Не получив ответной реакции, Джосс поднял руку и печально вздохнул.

— Ну, я должен был узнать. Отдыхай, Тонио, копи силы для твоего великого штурма будущего.

У двери Джосс остановился:

— Я тебе рассказывал, что однажды выкинула малышка Элис? Убила мужа, который ей изменял, прямо на перроне в Париже. Мы ее одно время даже звали «самый отчаянный стрелок вокзала Норд». Бойкая девчонка, чертовски решительная. Особенно когда ее друзья в беде.

Аэропорт «Уилсон Эруэйз» был на деле кенийской флагманской линией. Проклятый тем же Томом Блэком, который учил Берил летать, «Уилсон» обладал лучшим оборудованием для захвата Басры.

Тем ярким солнечным утром, спустя каких-то две недели после смерти Деламэров, рулёжки снова, как в старые времена, были полны самоле-

тов, их глянцевые бока переливались на солнце.

Здесь стучало сердце Крыльев по всему Миру, собранных с Кении и близлежащих местностей.

Среди по большей части английских и французских моделей едва ли нашлось бы две одинаковых. Там было несколько разных «Джипси-Мот» и одна «Пус-Мот» наряду с другими моделями «Де Хэвиленда», включая «Брегс-14» с открытой кабиной. «Авро-Авиан IV» стоял между «Анриотом-14» и «Кодроном-59». Несколько экземпляров «Латекёра» окружало «Потэ-25». Затесались даже «Пайпер-Каб», «Локхид» и «Мессершмитт», придавая эскадре интернациональный характер.

И конечно же, там был «Вега-Галл» — «Мессенджер-II», принадлежащий Берил Маркхэм.

В глазах Сент-Экса красоту самолетов могли затмить лишь сами пилоты.

Перед началом миссии они стояли вольной группой, в кожаных куртках, в поднятых на лоб защитных очках, беззаботные, дерзкие. Горделивые вассалы ждали его команды, а он, их верный лидер, был готов бескорыстно служить великому делу. В символическом единении они станут непобедимыми.

Среди пилотов присутствовал Том Уилсон, он болтал со своими хорошими друзьями — Джи-

мом и Эми Моллисон. Сидни Сент-Барб, бывший руководитель Лондонского аэроклуба, казалось, пытался соблазнить красавицу Винни-Итон по прозвищу Стальная Джейн. Джун Карбери, жена человека, который пытался пристрелить Сент-Экса, беседовала с Томом Вудсом, известным как «Вуди». К удивлению Сент-Экса, Джун поборола жестокую тиранию мужа и даже смогла присоединиться к мероприятию. (Сам Карбери вернулся в Серемаи зализывать раны, и Сент-Экс вздохнул с облегчением.)

Все пилоты получили одобрение Сент-Экса. Однако среди них было два человека (точнее сказать, три, хотя третья с ним до сих пор не разговаривала), которые занимали немалый уголок в его сердце. Живые легенды: Анри Гийоме и Жан Мермоз — близкие друзья Сент-Экса со времен работы на «Аэропосталь».

Летчики прибыли в Найроби несколько дней назад, и их воссоединение с Сент-Эксом было отмечено праздником, на котором лились слезы радости. Когда Сент-Экс спросил, как им удалось добраться до Кении, Гийоме недовольно ответил:

— Как? Да мы почти весь путь пешком прошли, интуитивно выбирая направление! Верно, Жан?

Как только я спустился с Анд, мы с Жаном отправились навестить старого друга пешком. Лодка от Суэца до Момбасы подвернулась по чистой случайности. И ради чего? Мы соскучились по его карточным фокусам. Вот и все.

Сент-Экс тотчас назначил их своим вторым и третьим заместителями.

Интернационализм — это, конечно, прекрасно, но Франция была — и всегда будет — одна!

Сент-Экс забрался на перевернутый самолет и поднял руки, чтобы все замолчали. Толпа авиаторов Счастливой Долины повернулась. Где-то позади, пуская кольца дыма, курила сигарету Берил; губы молодой женщины застыли в кривой улыбке.

— *Mes amis*[17], - начал Сент-Экс и перешел на английский. — Сегодняшний день войдет в историю. Я хочу прочесть вам несколько строк мсье Уэллса, над которыми стоит задуматься.

Подняв потрепанный томик «То, что будет», Сент-Экс начал цитировать:

— Главный герой драмы говорит: «Мой Бог! Неужели никогда не наступят счастливые времена? Никогда не будет покоя?» Его друг отвечает:

---

[17] Примечания: 17
Друзья мои (фр.).

«Для этого достаточно отдыхать каждому из нас. Скоро покоя будет слишком много, и мы зовем этот покой смертью. Но для Человека не может быть ни передышки, ни конца. Он должен идти вперед — одерживать победу за победой. Над этой маленькой планетой, ее ветрами и дорогами, над законами разума и материи, которые его сдерживают. Затем над планетами вокруг него и, наконец, пройти через бескрайность к далеким звездам. Когда он покорит все глубины космоса и все тайны времени, он все еще останется у истоков».

Сент-Экс с резким хлопком закрыл книгу. Кто-то в толпе шмыгнул носом.

И тут раздался надменный голос Лиззи Лизарда:

— Слушайте! Хоть кто-нибудь из вас знает, с какой стороны поджигать этот чертов динамит?

На каждом самолете должен был лететь дополнительный член экипажа, чтобы сбрасывать бомбы на непокорных арабов, пока они не подчинятся. Как бы Сент-Экс ни желал воспользоваться придуманным Уэллсом газом умиротворения, такого выбора у него не существовало. Возрождение мира требует жертв.

Когда смех стих, Сент-Экс выкрикнул:

— *Allons!*[18] В полет!

Спрыгнув, он направился к самолету Кики Престон. Рассеянная наследница была уже на борту, ее *joi de vivre*[19]полностью восстановлена благодаря доступу к наркотикам леди Деламэр и перспективе появления нового канала снабжения.

— О-хо-хо, Супри! Не забудь бренди!

Сент-Экс многозначительно похлопал по заднему карману брюк.

— Найду на твоей куртке хоть один волос, когда вернешься, я этой шлюхе глаза выцарапаю. А что с тобой сделаю, тебе лучше не знать.

К нему подошла Берил, солнечное сияние играло в ее львиных волосах. Сент-Экс сделал вид, что не услышал.

Из «Мессенджера» высунулась голова Джимми, который прокричал:

— Тетушка Берил! Поспешите! Мы не должны задерживать наших новых друзей!

Сент-Эксу пришлось притвориться, что он только что заметил ее.

— О, мадемуазель Маркхэм. Я так благодарен,

---

[18] Примечания: 18
Давайте! (фр.)

[19] Примечания: 19
Тяга к жизни (фр.).

что вы оторвались от своих лошадей, чтобы уделить нам внимание. Вы, наверное, хотите получить совет перед полетом? Что ж, не надо обращаться с ручкой управления, как ребенок с карамелью на палочке.

— Ребенок с карамелью?! Я тебе покажу!

Схватившись за ремешок защитного шлема, Берил притянула голову Сент-Экса к себе. От ее дыхания в лицо ему хлынул запах табака и кофе. Сент-Экс ощутил себя под гипнозом, словно встретил хищника в саванне. Не медля ни секунды, Берил присосалась своими горячими губами к его рту на целую минуту, их руки сплелись.

Когда они оторвались друг от друга, присутствующие взорвались аплодисментами.

— Берил, моя принцесса.

Она ткнула пальцем в его огромный живот.

— Принцесса! А кто тогда ты? О, придумала! Мой маленький принц!

Сороковые
Коняшка понюшку тащит

На стене, над громадной атомной пишущей машинкой «Ундервуд» висела страница, выдранная из журнала «Лайф». По углам она держалась на липкой ленте, отставшей по краям. Изображалась на странице реклама пива «Райнголд». Мисс Райнголд 1948 года — сексуальная рыжеволосая Анита Манн — лежит на полосатом полотенце на некоем пляже. Песок, прибой, зонты, всех цветов надувные круги и тому подобное. Аниту окружают кавалеры, подобно ей, обнаженные, как только что скинувшие кожу змеи. Группы людей без одежды резвятся меж волн или на песке. На голубом небе развевается лента со словами: «Мое пиво — «Райнголд», лучшее пиво!» В рамке с краю, вместе со словами об иных достоинствах «Райнголда», красуется пузатая бутылка и толстогубая пивная банка, составленные в натюрморт с упаковкой презервативов. Мелким шрифтом написано: «Сварено в пивоварнях Либермана, основанных в 1837 году. Волосы мисс Райнголд уложены в «Слипстик Студиос». Про-

тивозачаточные средства предоставлены Б. Ф. Гудричем. Помните: министр здравоохранения Кинси утверждает: «Только вы способны помочь избавиться от ВД!»»

В громко гудящую пишущую машинку был заправлен сандвич из копирки между какой-то облигацией и тонкой гладкой бумагой. На нем было напечатано имя автора, его адрес и заголовок рассказа:

Генри Галлахер
1212 Флэтбуш-авеню
Бруклин, Нью-Йорк

«Сексуальный раб космических дорог»

Автор Картер Берроуз

Каретка пишущей машинки дрожала, словно в ожидании появления первой строки произведения. По сути, она вся пульсировала энергией маленького атомного движка.

Работало радио, шло прямое включение с игры «Доджеров».

— А теперь несколько слов скажет Бранч Рики, владелец…

Доджеры были вдалеке от дома, они отправились на Западное побережье, и вещание,

транслируемое через спутник, было низкого качества.

Сквозь помехи прорвалась громкая отрыжка, сопровождаемая скрипом от смятой банки — предположительно, пивной, предположительно, «Райнголда».

Мужчина едва не споткнулся о радиоприемник производства «Филко» и ухватился за его огромный корпус. Дерево корпуса нагрелось от мерцавших внутри электронных ламп марки «Сильваниа».

На мужчине была белая майка и широкие армейские штаны цвета хаки, туго затянутые ремнем вокруг стройной талии. Ноги босы, черные волосы не причесаны, на щеках щетина, взор сизо-серых глаз затуманен. Он хлопнул по радио ладонью, сначала легонько, затем сильнее. Звучание не улучшилось, и он начал возиться с настройкой частот. Проносились разные станции, новости сменялись рекламой, мыльными операми или комедиями. «Аллея Алена», «Спайк Джонс», «Оззи и Гарриет». Наткнувшись на знакомую мелодию, мужчина перестал крутить ручку настройки.

— Нравится мне эта хрень, — едва связно произнес он и прибавил звук. — «Мерри Мэкс»,

офигенная группа!

Он начал неуклюже танцевать под джаз, вертясь по всей комнате, натыкаясь на потертую мебель, а певец пел:

Коняшка понюшку тащит,
И ослюшка понюшку тащит,
А малявку-ягнявку плющит.
А ты не про-о-о-о-чь?

Раздался стук в дверь.

— Заходь!

Дверь открыла девушка. На ней был легкий розовый свитер из ангорской шерсти, хлопчатобумажная юбка в полоску, розовые носки по щиколотку и двухцветные кожаные туфли. Белокурые, не слишком длинные волосы причесаны в стиле Джоан Блондель.

Мужчина схватил ее за талию и начал кружить в танце.

— Малявка-ягнявка, малявка-ягнявка! — выкрикивал он, словно так ее и звали.

Девушка была крайне недовольна, однако позволяла ему вертеть собой. Постепенно она увлеклась. Мужчина оторвал девушку от пола и закинул ее ножки высоко вверх. Юбка тотчас задралась, и показалось белое хлопчатобумажное

нижнее белье, полностью все прикрывавшее. Едва поставив девушку на пол, он перепрыгнул через нее, развернулся к девушке лицом, и она прыгнула ему на шею, обвив ногами талию. Потеряв равновесие, мужчина попятился назад, и они упали боком на расправленную кровать. Песня закончилась.

— Давай трахнемся, Малявка-ягнявка, — предложил мужчина.

Оттолкнув его, Малявка ответила:

— Хэнк, забудь. Ты опять пьян, знаешь же, как я к этому отношусь.

— Вовсе нет, — обидчиво ответил Хэнк.

Малявка-ягнявка махнула рукой на восемь сплющенных пивных банок, что валялись по полу.

— А это кто выпил?

— Маленькие зеленые человечки.

— Пусть маленькие зеленые человечки поцелуют меня в зад.

— Могу поспорить, они бы с удовольствием. — Хэнк набросился на Малявку-ягнявку, но та шустро откатилась в сторону и спрыгнула с кровати, оставив Хэнка сжимать подушку.

Девушка поправила юбку. Хэнк продолжал лежать лицом в подушку.

— Ой, Элси, у меня голова болит…

Элси холодно посмотрела на Хэнка.

— Сам виноват. Налью-ка я чашечку быстрорастворимого «Максвелл-Хауса». Может, он тебя оживит.

Элси пошла на кухню. Проходя мимо стола с пишущей машинкой, она остановилась прочесть заправленную страницу. Качая головой, девушка отключила атомный мотор. Он взвыл, постепенно замолкая, словно останавливающаяся динамо-машина.

Элси исчезла за дверью.

Зажурчала вода из крана, чиркнула спичка, зажегся газ на плите фирмы «Кросли», открылась дверца холодильника марки «Келвинатор». Вскоре вернулась Элси с двумя кружками кофе с молоком.

— Поднимись и выпей.

Хэнк медленно принял максимально вертикальное положение, перевалившись всем телом вперед, так что локти упирались в колени.

Элси вставила ему в руки чашку.

— Пей, — приказала она.

Хэнк повиновался. Элси села рядом.

Несколько минут они молча пили кофе.

— Хэнк, в чем дело?

— Сама знаешь.

— Книга?

— Что же, к черту, еще?

— Зачем ты продолжаешь строчить этот жуткий вздор? Сексуальный раб космических дорог!.. Ведь мы с тобой понимаем, что это чушь.

— Книга пользуется спросом, и я могу платить за квартиру. Шестьдесят долларов в месяц, не забывай.

— Но она убивает тебя. Посмотри в глаза фактам. Ты ненавидишь ее.

— Все ненавидят свою работу.

— Моя меня вполне устраивает.

— Ты была рождена для нее. Твои шуты-родители даже назвали тебя в честь идиотской борденовской мультяшной коровы.

— Реклама — честный труд.

— Торговля дурью — тоже.

— Слушай, давай забудем о моей работе. Почему тебе не начать тот роман, о котором ты всегда говоришь?

Хэнк посмотрел на нее диким взглядом.

— Роман? Здорово… а кто его купит? Уж точно не журналы, если я буду писать так, как хочу. Попробуй я изложить половину того, что у меня в голове, и они к нему не притронутся. Издатели

и читатели не отличат дерьмо от дерматина, но ересь они видят сразу. А я именно это и собираюсь писать. Повесть о реальном будущем, а не какие-нибудь эскапистские фантазии об исполнении желаний человеческих через десять тысяч лет. Нет, моя книга будет не такой. Во-первых, она будет рассказана человеком с улицы. Никаких ребят из Гарварда или ничего не смыслящих миллионерских сынков с выступающей челюстью. Настоящий герой должен быть бедным, живущим прямо здесь, в Нью-Йорке. — Хэнк ехидно засмеялся. — Бог мой, я знаю столько об этой жизни, что смогу описать ее реалистично, как никто. И во-вторых: я экстраполируюсь от любой науки, которой люди сейчас занимаются, от вещей, которые некому критиковать. Есть тут один тип в «Белл Лэбораториз» по имени Клод Шэннон, он придумал нечто вроде теории информации. Я в ней мало понимаю, но чувствую, что шуму она наделает. А работа Лайнуса Полинга об альфа-спирали?.. Боже мой! Ты понимаешь, что мы на грани разгадки механизма наследственности? Я знаю, как важна нуклеоника, но остальная чушь…

Хэнк уставился в потолок, словно видел на осыпающейся штукатурке высеченный огненными

буквами текст своего романа.

Элси взяла друга за руку, глядя на него в благоговении.

— О Хэнк, я так люблю, когда из тебя лучится свет твоей истинной сути. Не думай о том, продашь ты роман или нет, просто пиши его!

— Не знаю, Элси. Даже и не знаю. Иногда мне кажется, что я гений, а иногда, что просто повторяю очевидное, а такой писанины вокруг навалом. Но если это так, почему другие ее не видят? Боже, да она же повсюду. — Взгляд Хэнка упал на «Лайф», развернутый прямо на кровати. — Посмотри. Господи, да этот Генри Люс[20] держит руку точнехонько на пульсе времен. В журнале больше научной фантастики, чем в десятке выпусков «Эстаундинг».

Хэнк зашелестел страницами. На одной из них изображался новый, более совершенный прибор для распыления ДДТ. Улыбающаяся девушка в бикини ела хот-дог и потягивала газировку с сиропом, погруженная в безвредное облако химических паров. На другой странице был новейший продукт от «Сибург Корпорейшн»: «Селект-О-Матик» — девятифутовая стойка для грампластинок

---

[20] Примечания: 20
Владелец еженедельника «Лайф».

с передвигающимся звукоснимателем; на ней помещались сотни пластинок, которые будут автоматически прослушиваться в произвольном порядке. Телевизоры от «Дженерал Электрик», которые можно спокойно смотреть при естественном освещении. Волшебная синтетическая ткань «коросил», которая обещает изменить все — от обивки мебели до нижнего белья.

Захлопнув журнал, Хэнк проговорил:

— И я еще даже не затрагивал вопрос об изменяющихся духовных ценностях. Сексуальная вседозволенность, которую развязали президент и Кинзи[21], потребительское отношение, которое проповедуется в рекламах, все чем-то кормятся…

— О Хэнк, поцелуй меня…

Теплом светился полумесяц круговой шкалы модернизированного «Филко». Из обшитого тканью репродуктора звучал голос Луэллы Парсонс, говорившей о Голливуде и Бродвее. Послышался скрип пружин, треск разрываемой упаковки «коросила». Парсонс сменил Нат Кинг Коул, исполнивший свой последний хит «Дитя природы». Его мягкий баритон перетек в аплодисменты,

[21] Примечания: 21

Альфред Кинзи исследовал сексуальное поведение американцев. Его книга «Сексуальное поведение самца человека» положила начало «сексуальной революции» в США.

визги, вздохи и восторженные крики.

Звуки спящих людей — равномерное дыхание, медленные невольные шевеления тела по простыне, легкое почмокивание — смешивались с песнями Спайка Джонса и игрой его оркестра. Где-то грохнуло корыто, зажужжала ручная пила, провыла мимо сирена…

Радио на короткое мгновение затихло, и стал слышен вежливый, но настойчивый стук в дверь квартиры Хэнка.

— Хэнк, Хэнк, просыпайся, кто-то стучит в дверь.

— А? Что случилось? Сейчас, иду. Иисусе, можно подумать, что они приняли дозу слабительного!

Хэнк подошел к двери нагой до пояса, расстегнутый ремень болтался, как язык у собаки.

Снаружи стоял негр. Одного возраста с Хэнком и Элси, приветливое лицо, коротко остриженные волосы. На нем была коричневая спецодежда Гражданской Службы и тяжелые рабочие ботинки, покрытые пылью от штукатурки. На нагрудном кармане вышиты звание и имя: рядовой Дуайт Ховард.

— А, Дуайт, это всего лишь ты.

— Ага, миста Бенни, просто старый Рочестер.

— Дуайт.

— А?

— Заткнись и заходи.

Дуайт вошел в квартиру, метким взглядом оценил степень захламленности помещения и цокнул языком.

— Генри, ты живешь хуже, чем те ребята, которым мы помогаем в Гарлеме. Не понимаю, как ты это терпишь. Привет, Элси.

Элси, застегивавшая молнию на юбке, подняла взгляд:

— Привет, Дуайт.

Из-под майки вынырнула голова Хэнка.

— Я живу в мире разума, ты, невежественный дикарь. Этот мир — иллюзия, *майя.* Он ничего не значит.

— Моя не понимать все эти длинные слова, миста Галлахер, но коли уж ты так считаешь…

Хэнк фыркнул.

— Дуайт, ты критиковать меня пришел?

— Что ты, Генри, взгляни.

Дуайт достал из кармана коросиловый мешочек.

— Косяк, — благоговейно произнесла Элси.

— А он вставит?

— Именно это курит Роберт Митчем, — сказал Дуайт.

— Так чего же мы ждем?

Хэнк скинул на пол пару подушек, и друзья шлепнулись на них. Скоро вся комната клубилась голубоватым дымом, запах стоял, как на мексиканской свадьбе.

— Чувствую себя такой туманной, — сказала Элси. — Будто я — песня Синатры[22].

Все кивнули, соглашаясь с ней, и сонно улыбнулись.

— Эта штука покруче «кэмела», — заметил Дуайт.

Все трое покатились со смеху.

— Я на работе слышал одну вещь, — продолжил Дуайт. — Какая сейчас самая популярная песня в Париже?

— Сдаюсь, — сказала Элси. — Какая?

— Сияйте, жучки-светлячки.

— Фу, гадость!

— Как твоя работа, Дуайт? — спросил Хэнк, отсмеявшись и сделав пару задумчивых затяжек.

— Недурственно. Мы рушим трущобы и строим новые уютные дома для всех этих бедных ребят. Знаешь, кто присутствовал на открытии последних блоков? Генерал Эйзенхауэр и секретарь

---

[22] Примечания: 22

Имеется в виду знаменитая песня Ф. Синатры «Туманно» («Misty»).

Дюбуа[23]. Как же сердцу мило видеть известного белого человека рука об руку с выдающимся черным. Ни при каком ином президенте такого бы не произошло.

Некоторое время они молчали, затем Дуайт спросил:

— Генри, почему бы тебе не поступить на гражданскую службу? Всего два года, а смена обстановки пошла бы тебе на пользу. Знаю, у тебя последнее время что-то не клеится. Черт возьми, да я с прошлого года не видел в журналах ни одной твоей работы. А та — как же она называлась? — «Рейдеры с колец Сатурна». Шедевром ее не назовешь.

— Катись ты к черту, Дуайт. Тебе ничего из моего не нравилось, кроме первого рассказа, после которого ты меня разыскал.

Тут вмешалась Элси:

— Знаешь, Хэнк, а идея не так уж плоха. Тебе надо отвлечься от творчества.

— Точно, послушай девушку, Генри. К тому же, разве тебе не хочется получить избирательное право? Ведь в этом году выборы.

— Нет. Не такой ценой. Ты же знаешь, это

---

[23] Примечания: 23
Уильям Дюбуа — борец за права негров.

единственное, в чем я не согласен с нашим почитаемым президентом. Как можно давать право голоса только тем, кто был на войне или проходил государственную службу? Это противоречит всей истории нашей страны. Нет, забудь. Я и госслужба никогда не споемся.

— У меня в горле пересохло, — сказала Элси. — Пойду принесу по пиву.

— Правильная мысль.

Элси отправилась на кухню. Вскоре оттуда послышался голос, слега приглушенный, поскольку ее голова находилась внутри холодильника «Келвинатор».

— Хэнк, у тебя закончился «Райнголд».

— А что там есть?

— «Хэмс», «Пабст», «Рэд Кэп», «Блатц»...

— Принеси мне «Блатц».

— А я буду «Хэмс», Элси.

Элси вернулась с тремя бутылками и открывашкой. Едва она откупорила последнюю бутылку, раздался стук в дверь.

— Иисусе! — произнес Хэнк, пытаясь подняться на ноги. — У нас что сегодня, вечер встреч? Кто там?!

— «Вестерн Юнион».

Все невольно вздрогнули из-за рефлекса, выра-

ботанного за последние годы войны: телеграммы обычно несли сообщения о смерти. Хэнк, качаясь, встал и пошел открыть дверь.

Человек за ней казался слишком старым для работы разносчика телеграмм. Судя по бирке от «Вестерн Юнион», звали его Г. Миллер. Видимо, догадавшись, что Хэнка смутил его возраст, посыльный сказал:

— Я — хозяин компании. Дело в том, что у нас не хватает людей. К тому же я счел, что найду применение чаевым не хуже, чем любой юнец. У меня, мистер, дома жена, а еще есть бывшая, которая орет, требует алименты.

— Посмотрю, чем могу помочь, — проговорил Хэнк, забирая телеграмму.

Он вернулся в комнату и выклянчил у Элси доллар.

— Спасибо, дружище, — поблагодарил Г. Миллер.

Снова оставшись наедине, трое друзей уставились на телеграмму.

— Открывай ее, Хэнк, открывай же.

Внутри конверта оказалось сообщение следующего содержания:

ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ ПРЕЗИДЕНТ

СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ: В СООТВЕТСТВИИ С АКТОМ ХОУГА-УОЛДО СТРАНЕ ТРЕБУЮТСЯ ВАШИ УСЛУГИ. ПОЖАЛУЙСТА, БУДЬТЕ ГОТОВЫ ОТБЫТЬ С ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ ЭСКОРТОМ В 17.00, 30 ИЮНЯ 1948 ГОДА. СПАСИБО.

— Ничего себе, это же через час, — воскликнула Элси.

Хэнк потрясен, словно в него ударила молния.

— Не могу поверить. И что им может быть надо от такого конченого литературного поденщика, как я?

— Не знаю, Хэнк, но тебе лучше собираться.

Дуайт и Элси проводили Хэнка в ванную. Поставили его для отрезвления под холодный душ. Благодаря бритвенным лезвиям «Жиллетт», зубной пасте «Ипана» и тонику для волос на вазелине он вскоре стал выглядеть презентабельно, насколько то было возможно.

С полотенцем вокруг талии Хэнк вернулся в комнату. Элси выложила его лучшую одежду: рубашку фирмы «Сумара Спортс», габардиновые штаны со стрелками и аргиловые носки. К сожалению, единственной обувью Хэнка была пара кедов.

Когда он завязывал шнурки, раздался четвертый за день стук в дверь.

Открывать пошел Дуайт.

За дверью стояли два представителя военно-морской полиции, безупречные от эполет до начищенных до блеска сапог. Очевидно, они уже очень давно состояли на службе: нашивки каждого свидетельствовали о неоднократном предоставлении избирательного права.

— Господин Галлахер?

— Нет, сэр, никоим образом. Не я, сэр, он. Вот парень, который вам нужен, да, сэр.

Полицейские вошли и закрыли за собой дверь.

— В списках о сборе эти двое числятся? — спросил один другого.

— Не-а.

— И чё нам с ними делать?

— Не знаю, никогда раньше не видел в списке пометки о таких высоких мерах безопасности…

— Наверно, их тоже надо взять. Лучше сделать и ошибиться, чем не сделать и потом локти кусать.

— Хорошо.

Главный полицейский повернулся к трем друзьям.

— Рядовой Ховард, мисс, боюсь, вам придется

последовать с господином Галлахером. Скорее всего это составит для вас лишь временное неудобство.

Хэнк подал голос:

— Могу я по крайней мере спросить, куда я еду?

— Думаю, вы имеете на это полное право. Мы направляемся в столицу.

— В Денвер?

— Именно так. Господин Галлахер, осмелюсь посоветовать вам взять зубную щетку.

Перед домом был припаркован большой черный «паккард» последней модели. С мощным атомным двигателем, двумя конусами радаров на переднем бампере, с аккуратно нанесенной по трафарету правительственной эмблемой на дверцах — внушительная машина.

Один из полицейских открыл заднюю дверь, а другой сел за руль. Хэнк, Элси и Дуайт, двигаясь, словно все у них внутри окостенело, забрались внутрь. Торчащая из нагрудного кармана зубная щетка тыкнула Хэнка по носу.

Дверь захлопнулась, в машину сел второй полицейский, и они тронулись.

В этот час движение было довольно интенсивным. По проспекту Флэтбуш катили «нэши»,

«кросли», «студебекеры», «меркурии». Все — модели сорок восьмого года, на атомной энергии, с радиолокаторами во избежание случайных столкновений.

По тротуарам бодро шагали граждане: мужчины в фетровых кепках, ребята в дурацких шапочках, маленькие девочки в розовых платьицах с рюшками, женщины в туфлях-лодочках с открытыми носами, на высоких массивных каблуках. Их невинное наслаждение прекрасным июньским вечером резко контрастировало с прохладной атмосферой, окутавшей троих друзей, которые мчались на таинственную встречу с судьбой. Хэнк был настолько потрясен, что даже не интересовался прозрачными блузами из плиофильма[24] на самых дерзких модницах.

Нервно глядя в окно машины, Хэнк заметил на небе скоростной самолет «Пан Американ»[25] для дальних перелетов.

— Мы едем в Денвер на машине?

Полицейский усмехнулся.

— Что вы, господин Галлахер, для вас только первым классом.

---

[24] Примечания: 24
Прозрачный водонепроницаемый материал.

[25] Примечания: 25
«Пан Американ» — первая международная авиакомпания в США.

Они подъехали к нью-йоркской военно-морской базе, прошли через контрольный пункт и наконец остановились у дока.

На воде качался огромный деревянный самолет — творение «Хьюз Эркрафт», называемое в шутку «Елейный гусь». Сконструированный вскоре после того, как Хьюз закончил съемки «Беглянки» с Джейн Рассел в 1941-м, он был подарен гением авиации американскому правительству и служил для личной перевозки президента.

— Все были уверены, что он никогда не поднимется в воздух, — пояснил один из полицейских, — однако они недооценили возможности нуклеоники.

Хэнк с друзьями взошли по трапу в главное пассажирское отделение самолета-титана. Полицейские тотчас передали своих подопечных под надзор двух представителей почетной гвардии президента. Почетная гвардия президента была элитным войском из специально отобранных опытных ветеранш женской вспомогательной службы[26], отличившихся в боевом искусстве. Женщины более пяти с половиной футов ростом, они носили форму из ткани «коросил», которую

---

[26] Примечания: 26
Члены женской службы сухопутных войск.

придумал сам президент. Славилась она своей крайней обтяжкой фигуры.

— Садитесь, пожалуйста, и пристегните ремни безопасности, — предложила одна из соблазнительных охранниц.

Хэнк, Элси и Дуайт заняли места в одном ряду — сиденья были покрыты материалом из конского волоса. Практически пустой самолет, рассчитанный на семьсот пятьдесят пассажиров, с длинными проходами, уходящими в обе стороны в бесконечность, навевал жуткую атмосферу. Трио неумело застегнуло пряжки кожаных ремней, затянув их потуже вокруг талии и через грудь.

— Думаешь, мы летим на встречу с самим президентом? — спросила Элси.

— Все однозначно указывает на это, — ответил Хэнк.

— Если мы увидим его, — заявил Дуайт, — то я ему скажу, как он облагородил нашу расу, назначив Дюбуа ответственным за жилищное строительство.

— Думаю, лучше предоставить президенту возможность самому вести разговор, — сказала Элси.

Самолет-гигант мчался по заливу, равномерно

увеличивая скорость, и пассажиров начинало прижимать к сиденьям. Они все почувствовали момент, когда оторвались от поверхности воды. Через некоторое время самолет набрал высоту, и одна из охранниц сообщила, что друзья могут расстегнуть ремни и прогуляться по салону, что они и сделали, дивясь роскошной обстановке президентского аэроплана. Примерно через час в бортовых динамиках затрещал голос пилота.

— Сейчас мы пролетаем над развалинами Вашингтона, вы можете увидеть их справа по борту.

Хэнк, Элси и Дуайт метнулись к окнам. Даже с такой высоты были видны заросшие обрушившиеся здания, уничтоженные в отчаянной нацистской атаке три года назад, когда огневой вал хлынул прямо с побережья из немецких подводных лодок.

— Думаешь, его когда-нибудь восстановят? — спросила Элси.

— Сомневаюсь, — ответил Хэнк. — Я слышал, президенту очень нравится Денвер.

Вскоре новизна полета притупилась, необъяснимо перейдя в скуку; друзья бесцельно сидели по местам, каждый в мыслях о том, что ждет их в будущем. Элси держала Хэнка за руку.

В середине полета охранницы подали наспех приготовленную еду: сандвичи из «Трит» и «Уандербреда» и на выбор любой напиток: «Ройал-Краун-Кола» или горячая кружка «Овалтайн». После ужина Хэнк и остальные задремали.

Они проснулись много часов спустя, чувствуя себя заметно бодрее. Охранницы тотчас подали горячий кофе и уведомили пассажиров, что скоро предстоит посадка в Денвере.

— «Гусь» слишком тяжел для своего шасси, — сказала одна из обтянутых коросилом гренадерш, — поэтому мы сядем на озеро Лайл — искусственный водоем на окраине города.

Невидимый пилот умело шел на посадку, взбороздив огромную волну по незыблемому озеру Лайл. В Денвере стояла ночь. В воде отражались огни не спящего города, нового центра нации. Хэнк с друзьями шаткой походкой спускались по трапу. На суше их ждала еще одна правительственная машина. Охранницы оперативно усадили гостей внутрь, а сами разместились на просторных задних сиденьях. Хэнк очутился меж двух коросилово-скользких женских фигур, вызвав огненный взгляд Элси.

Из самолета вышел мужчина, очевидно, пилот. Выглядел он впечатляюще: в белом авиатор-

ском шарфе, кожаной куртке и солнечных очках «Рей-Бан» (несмотря на темноту). Перемещаясь с кошачьей экономией движений, он скользнул за руль машины и быстро пробудил мощный атомный мотор.

— Ладненько, кошки и котята, — беспечно произнес пилот, — цепляйтесь хвостами. Весь путь сюда я боролся со встречным ветром, президенту давно пора спать. Нельзя заставлять его ждать.

Настроив радиолокаторы и приведя в действие двигатели, пилот понесся с такой скоростью, что чувствовалась гарь от накалившихся шин.

Они мчались по улицам с высотками: мимо Монетного двора, здания Конгресса, бесчисленных правительственных служб, пока наконец не подъехали к воротам нового Белого дома, представлявшего собой огромное деревянное строение в стиле ковбойского охотничьего домика.

Вскоре Хэнк, Элси и Дуайт взволнованно ожидали в приемной у двери Овального кабинета в окружении охраны президента. На стенах висели в рамочках вырезки из газет, повествующие о стремительной карьере президента вплоть до занятия им высшего должностного поста в стране.

Из 1939 года сохранилась маленькая заметка о

первой победе: получил место в законодательной ассамблее штата Калифорния.

Следующие четыре года были представлены растущим числом заголовков о его смелых нововведениях, пестривших в газетах Калифорнии.

В 1943-м дерзкий, не имеющий никакой связи с партийной машиной новичок нанес фантастически неожиданное поражение Эрлу Уоррену и стал губернатором штата.

В следующем году он стал кандидатом на пост вице-президента Франклина Делано Рузвельта, в то время как сам героический покалеченный военный лидер начал избирательную кампанию на четвертый срок, чего никогда не случалось в истории США.

Молодость и опытность взяли верх. А затем случилась трагедия. Двенадцатого апреля 1945 года умирает Рузвельт, и это событие делает человека, который всего шесть лет назад появился на политической арене, правителем свободного мира.

Об остальном написано в учебниках.

Дверь Овального кабинета приоткрылась, и из щели высунулась голова охранницы.

— Президент желает принять мистера Галлахера и его друзей.

Шаркая ногами, взволнованный Хэнк с компа-

нией вошли внутрь. В углу стоял включенный телевизор, по которому шли последние новости. Эдуард Марроу подробно излагал развитие судебного процесса по делу Джозефа Маккарти[27], обвиненного в государственной измене; речь шла и о роспуске, по приказу президента, комитета Палаты представителей по антиамериканской деятельности.

Излучая уверенность, бодрость и энергию, словно после крепкого ночного сна, за широким столом сидел президент Хайнлайн[28]. Губы под его известными усиками толщиной в карандаш расплылись в улыбке. Он встал и подошел пожать руку гостям.

— Граждане, присаживайтесь. Я знаю, вам интересно, для чего я притащил вас с другого конца страны, поэтому сразу перейду к делу. Господин Галлахер, я хочу задействовать вас в одной экспедиции. И помоги мне Боже не возжелать отправиться туда вместо вас.

Хэнк был озадачен.

— Экспедиция? Куда?

---

[27] Примечания: 27

Политический деятель, возглавивший в начале пятидесятых кампанию преследования прогрессивных и либеральных политиков.

[28] Примечания: 28

Роберт А. Хайнлайн — писатель-фантаст и киносценарист.

— На Луну, господин Галлахер. На добрую госпожу Луну, так сказать.

— На Луну, но я думал…

Президент Хайнлайн поднял руку.

— Я знаю, что вы думали, господин Галлахер, потому что об этом думают сейчас все. Но помните, если все «знают» то-то и то-то, они не ошибаются в одном случае из тысячи. Как и весь народ, вы считаете, что освоение американцами космоса на данный момент ограничивается запуском на орбиту спутников связи весом в несколько фунтов, и что послать в космос человека — слишком дорогостоящая и опасная затея. Что ж, это было бы в самом деле так, если бы я позволил себе сидеть со связанными руками и делал то, что от меня хотят бесхребетные тупицы в Конгрессе. Но, к счастью нашей страны, к счастью всего человечества, я не обращал внимания на этих избалованных глупцов, благодаря чему наша нация обладает реальными возможностями полета в космос. И именно сейчас у нас назрела в этом крайняя необходимость.

— Необходимость? Откуда? — спросил Хэнк.

— Господин Галлахер, не одни мы осознали ценность освоения космоса. *Они* увидели выгоду раньше нас, но только касательно военных це-

лей. И поскольку в отличие от нас *они* не были стеснены ограничениями, налагаемыми демократической системой, то задействовали труд рабов и достигли желаемых результатов. Господин Галлахер, в данный момент они находятся на Луне и готовятся к повторному разжиганию конфликта, который однажды уже чуть не уничтожил цивилизацию. К счастью, я вовремя дал указания распылить радиоактивные вещества в Европе и Японии. И поверьте мне, что бы там ни говорили пацифисты, мне пришлось переступить через немалые моральные терзания. Если я не послал все к чертям, как то сделал Эйнштейн, и не поехал в Палестину, это еще не значит, что у меня не было бессонных ночей. Однако бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— Вы же не имеете в виду…

— Именно, господин Галлахер. Речь идет о фашистах. Того, Геринг, может, даже сам главный безумец — они не погибли, как мы думали из-за сумятицы во время окончания войны, а спаслись, сбежали на базу в Пенемюнде, где их ждала межпланетная ракета. И теперь нависли над нашими беззащитными головами и, несомненно, развили лихорадочную деятельность по созданию механизма для нашего уничтожения. Господин

Галлахер, вы имеете представление, что способен сотворить крупный осколок лунного грунта, выброшенный в гравитационное поле Земли? Мы должны ударить сейчас, не дожидаясь, пока они возьмут в заложники всю планету.

У Хэнка голова шла кругом.

— Хорошо, господин президент, я понял. Но какова моя роль в экспедиции?

— Мне нужен человек, который полностью осознает значение космоса для цивилизации и сможет описать этот исторический полет в увлекательном стиле. Господин Галлахер, я полагаю, вы именно тот, кто мне необходим. Я читал ваши рассказы. Да, не удивляйтесь. Я как-то чуть сам не втянулся в ваше ремесло и считаю, что вы обладаете правильным видением того, что человечество способно добиться в будущем, если полностью задействует свой потенциал. Я хочу, чтобы именно вы запечатлели для потомков путешествие в космосе. Публикация вашего повествования должна будет пробудить в каждом простом парне право на жизнь.

Тут президент с хитрецой подмигнул всей компании.

— И в нынешнем году выборов, когда мне предстоит такая жесткая конкуренция с Генри

Уоллесом и его выскочками, слава, которая ждет вас, несомненно, отразится и на мне.

Хэнк посмотрел на Элси, затем на Дуайта. Снова обернувшись к президенту, он распрямил спину.

— Господин президент, я принимаю предложение.

— Прекрасно, прекрасно, я рад, что не ошибся в вас. А теперь, что касается ваших друзей. — Президент наклонился вперед и произнес в устройство внутренней связи: — Будьте добры, досье Д. Хорварда и Э. Лонг.

Вскоре свист и глухой удар огласили прибытие по пневматической трубе нужных документов. Президент Хайнлайн вынул из трубки капсулу и оттуда достал две папки.

— Гм, так-так, хорошая семья, достойное похвалы чувство гражданской ответственности. Думаю, они подойдут. Рядовой Ховард, госпожа Лонг, хотели бы вы сопровождать вашего друга господина Галлахера в деле государственной важности?

Элси и Дуайт серьезно кивнули, и президент еще раз одарил их своей великодушной улыбкой.

— Замечательно. Я понимаю, что стоило бы объявить перерыв, но мне хочется представить

вас вашим будущим попутчикам, которые как раз ожидают в соседнем кабинете. Среди них и те двое, которым вы доверите свою жизнь.

Президент нажал кнопку, и в комнату вошли три человека: пилот, который доставил Хэнка, Элси и Дуайта из Нью-Йорка, с ним молодец, который вполне мог бы быть его братом, и шикарная рыжеволосая женщина в стильной одежде.

Показав на главного пилота, президент сказал:

— Граждане, позвольте представить — командир Чак Йегер[29], ему двадцать пять, лучший ас во время войны, сейчас член Космического командования США. Ему будет ассистировать уроженец Денвера, второй пилот Нил Кэссиди. Я сам нашел Нила четыре года назад — ему тогда было восемнадцать, и он находился в исправительном заведении за кражу машины. Когда я узнал, как этот мальчик умеет водить, то понял: именно такие кадры нужны нам в Космическом командовании. Вы можете положиться на скорость их реакции при прохождении опасного слоя Хевисайда, поясов Ван Аллена и бесчисленных метеоров, которых в космосе что мух вокруг свиньи. И, думаю, вы узнали в прекрасной леди

---

[29] Примечания: 29

Чарльз Йегер — летчик, установил мировой рекорд скорости в 1947 году. Служил в авиации.

мисс Райнголд — Аниту Манн. Госпожа Манн представляет в нашей миссии Объединенную службу организации досуга войск.

Все присутствующие пожали, друг другу руки, а Хэнк получил от мисс Райнголд поцелуй. Она прошептала ему что-то на ухо, отчего Хэнк покраснел, а Элси зло сверкнула глазами.

Президент жестом отпустил юных авиаторов и мисс Досуг.

— Если у вас еще вопросы до нашего, так сказать, сердечного прощания?

— Когда мы вылетаем? — поинтересовался Хэнк.

— Завтра. А теперь, если больше нет вопросов, вас отведут в спальни для полноценного ночного отдыха. Как говорил мой приятель генерал Трумэн[30] из Миссури, пока не купил ферму в Вердене, что в Канаде, тридцать лет назад: «Можно жить мирно. Или наслаждаться свободой. Только не рассчитывайте делать все сразу».

Вдохновляющие слова президента все еще звенели в ушах, когда троица погружалась в спокойный сон, прогоняя мысли о том, что так возбудило их за день.

---

[30] Примечания: 30

Имеется в виду президент США (1945–1953 гг.). До 37-летнего возраста он вел дела семейной фермы.

Утром их вновь отвели к «Елейному гусю». На сей раз самолет был до отказа набит солдатами, как мужчинами, так и женщинами, из всех подразделений вооруженных сил, включая почетную гвардию президента. Хэнк с друзьями обнаружили слева три свободных места, куда сели и пристегнулись со знанием дела, как бывалые пассажиры.

— Я не вижу тут черных, — отметил Дуайт. — Кажется, я буду в этой миссии единственным представителем негроидной расы. Тяжкое бремя.

— Попытаюсь должным образом отразить в своей рукописи твою значимость, — сухо проговорил Хэнк.

Элси пристально смотрела в дальний конец прохода. Там, в кабине, командир Йегер и второй пилот Кэссиди готовились к взлету.

— Никогда не видела человека, столь уверенного в себе, как Нил Кэссиди, — задумчиво произнесла она, в глазах девушки сверкнул далеко идущий расчет.

Теперь была очередь Хэнка недовольно щуриться. Дуайт усмехнулся.

Самолет поднялся в воздух, чуть менее охотно с таким весом, и взял курс на запад. Хэнку не удалось узнать от соседей место назначения,

и он примирился с перспективой терпеливого ожидания.

Прошло немало часов полета. Несколько президентских охранниц начали кружить по салону, раздавая куртки на меху, очевидно, предназначенные для арктических условий.

Из люка был виден лишь океан. Затем вдалеке появилось белое пятно. Оно приближалось и приближалось, пока очертания не превратились в огромный айсберг. Даже на расстоянии было заметно, что верхушка айсберга выровнена и усыпана различными строениями. Одно строение высилось над другими. Вскоре некая титаническая колонна обрела форму ракеты и скрылась из виду: самолет снизился для посадки на поверхность океана. За приводнением последовала хорошо организованная перевозка. Пассажиров переплавляли на плавучую базу на маленьких лодках.

Борясь со срывающим капюшон ветром, Хэнк слышал, как второй пилот что-то объясняет Элси — та держала его за руку и внимала каждому слову:

— Самолет так нагревается, что может растопить всю эту чертову ледяную глыбу, если с нее стартовать! Поэтому единственный путь — под-

ступиться к ней со стороны.

Вскоре они были на вершине гигантского айсберга, внутри куонсетского ангара[31]. Там им прочли короткую лекцию трое ученых, бывших фашистов, Оберт, фон Браун и Дорнбергер, которые объяснили самое необходимое о космическом полете. Отсутствие гравитации, космические лучи, устранение повреждений основного корпуса корабля. Вынесли скафандр и показали, как им пользоваться. Скафандр весил пятьсот фунтов и походил на аппарат для погружения в глубины океана. Выпуклые коросиловые сочленения на локтях и коленях, на спине два кислородных баллона, от которых шли шланги к прозрачным шлемам, походившим на викторианский кувшин, неудобные рукавицы вроде варежек, радиоантенна, заканчивающаяся вытянутой петлей.

Затем, не имея ни минуты собраться с мыслями, сменив штатскую одежду на жесткий комбинезон и ботинки с магнитами, получив по пачке сигарет «Олд Голд» и презервативов, Хэнк и остальные были готовы взойти на борт ракеты.

Когда новоявленные космонавты шли по глад-

[31] Примечания: 31

Ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа. Используется в качестве временной хозяйственной постройки.

кой поверхности, ледник казался им глыбой угрожающих размеров. Темно-серый монолит, сужающийся до игольного острия, стоял на обтекаемых стабилизаторах, занимавших три четверти всего корпуса. Вершина технического прогресса двадцатого века. Из дна торчало единственное центральное сопло. Из открытого люка спустили трап.

На борту троицу отвели к креслам космонавтов, которые были обшиты специальным материалом для удобства во время преодоления силы гравитации при взлете. Привязанному Хэнку удалось на несколько дюймов вытянуть руку и коснуться растопыренных пальцев Элси.

Элси повернула голову взглянуть на Хэнка.

— Извини, если я заставила тебя ревновать к Нилу, Хэнк. Не знаю, что на меня нашло. Может, просто в отместку за то, как эта красотка Анита чуть не запрыгнула на тебя. Ты же знаешь, я ни в кого не способна влюбиться, кроме тебя. Веду себя, как школьница. Видишь ли, я считаю тебя самым главным в этой миссии. Подумать только, на тебе ответственность за сохранение для будущих поколений всех деталей героического полета.

— А ты самая главная женщина, Элси. По край-

ней мере для меня.

— Меня сейчас, кажется, вырвет, — сказал Дуайт.

— Мы еще даже не начинали взлетать, — напомнил ему Хэнк.

— Я в курсе.

Из громкоговорителей раздался отсчет, цифры произносил спокойный голос Нила Кэссиди. На «три» ожили двигатели, выдав устрашающий рев атомного пламени. Их включили умелые руки командира Йегера. Оставшийся персонал покинул айсберг, сев в «Елейного гуся». Настал момент взлета.

Рычание атомных моторов достигло апогея, и ракета понеслась вверх, вырываясь из атмосферы Земли. Под тяжестью перегрузки Хэнк с друзьями потеряли сознание.

Очнувшись, они оказались в состоянии невесомости. Кругом все поднимались из кресел, и они тоже быстро сняли ремни.

Из устройства внутренней связи раздался голос командира Йегера:

— Добрая матушка Земля позади, ребята. Расчетное время прибытия в нору фашистских крыс приблизительно через тридцать шесть часов. Вы как хотите, а ваши пилоты собираются хлебнуть

кофеинчику. Смотрите в оба, если есть курево — курите.

Когда миловидные президентские охранницы начали раздавать обещанные напитки, космические солдаты разразились одобрительными возгласами. Салон наполнился клубами табачного дыма.

Остальная часть полета прошла для Хэнка как сон. Он настолько увлекся написанием пространных заметок для своей будущей работы, что едва ли заметил временное отсутствие Элси. Второго пилота Кэссиди тоже нигде не было видно. Когда Дуайт намекнул ему об этом, Хэнк пребывал в слишком окрыленном состоянии, чтобы чем-либо обеспокоиться.

— Это будущее, в котором мы сейчас живем, Дуайт. Со временем изменится не только технология, но и нормы морали.

— Да ты, парень, святой.

Хэнк улыбнулся.

— Вряд ли, Дуайт. Мне просто кажется, что после того, чем мы с Анитой только что занимались в раздевалке для скафандров, я не могу пожаловаться на Элси, если она где-то веселится. К тому же мне в некотором смысле нравится этот малый, Нил Кэссиди. Он, похоже, настоящий мужчина.

Дуайт почесал лоб и хитро улыбнулся.

— Я, наверное, пойду спрошу мнение мисс Аниты об улучшении межрасовых отношений.

— Отличная идея, приятель.

Хэнк швырнул Дуайту оставшиеся у него в запасе презервативы, и те медленно поплыли в пространстве.

На середине пути мощная ракета начала плавно снижать скорость, для чего сопло было направлено в сторону их назначения. Призрачную испещренную белую сферу, равномерно увеличивавшуюся в двухфутовой толщины окне мостика, сменил уменьшающийся голубой шар — их родная планета. Вид Земли всех тронул до глубины души. Даже команда математиков, занятая беспрерывным наблюдением за сверкающими датчиками и пересчитыванием баллистических данных траектории полета, остановила работу. Люди уставились в окно, едва справляясь с переполнявшими их чувствами.

После Хэнку практически нечего было записывать, если не считать момента, когда они чуть не задели внезапно возникший астероид. Спасла реакция молодых Йегера и Кэссиди, отточенная опытом ускользания от немецких «Мессершмиттов» и денверских копов.

Наконец, на лунной орбите, они пристегнулись в предвкушении посадки. Устройство связи между пилотами и пассажирами было специально оставлено включенным, чтобы держать последних в курсе хода спуска.

— Берем цель на базу Шикельгрубера, Чак.

— Выполним маневр уклонения, Нил. Не угадаешь, какие у них имеются защитные устройства.

— Сверься, засек ли радар какие-либо крупные строения в том месте, где сказал босс.

— Они, возможно, обосновались под грунтом, Нил. Если повезет, прилунимся прямо на них и выжжем их логово. Избавим наших ребят и девчонок от рукопашной.

— Да, но как насчет их ракеты? Не обнаружено ни одного корабля…

Американская ракета прилунилась медленно, словно пышная матрона, на песчаную поверхность Селены. Хэнк почувствовал, что к его телу вернулся вес. Только когда атомные двигатели были выключены, все поняли, насколько привыкли к фоновому шуму — неотъемлемой части путешествия. Солдаты вскочили на ноги, готовые надеть скафандры, как они тренировались на Земле, и пойти в атаку на фашистов. Их остановил голос командира Йегера:

— Пришло сообщение, ребята. По каналу президента. Подождите, я сейчас передам его на все экраны.

Появилось зернистое черно-белое лицо президента Хайнлайна. За ним виднелся президентский герб.

— Граждане и солдаты, поздравляю вас с успешным прибытием на Луну. С глубочайшим сожалением и в то же время с искренней радостью я должен сообщить, что вам не предстоит обратного пути. Экспериментальный материал, которым было обшито сопло ракеты, пришел за время путешествия в состояние негодности. К сожалению, этот небольшой недочет нашим ученым еще придется устранить. Если вы попробуете включить двигатель, то корабль, по всей видимости, взорвется. Однако атомные двигатели смогут служить верным источником энергии для вашей колонии. Вы не ослышались. Именно колонии.

Граждане, на Луне нет фашистов. Они и в самом деле погибли в конце войны. Сия угроза перед нами более не стоит. Возникла, однако, угроза иная, более тонкая, но в равной степени глобальная. И эта угроза — апатия. Обыкновенная упорная человеческая лень. Пресыщенный материальными

благами нашей послевоенной экономики средний гражданин не стремится вложить средства в освоение космоса или хотя бы принять участие в полете. Подобно кастрированному коту, он сидит дома. Только благодаря уловке с фашистской базой на Луне я смог получить средства для вашего секретного путешествия. А теперь, чтобы вы не подумали, что, не отправившись вместе с вами, я уклонился от выполнения своего долга, напомню, что мне придется предстать перед общественным судом, как только просочится какая-либо информация о вас. И я с полной ответственностью готов сделать это.

Что бы мне ни пришлось пережить, оно того стоило. Человечество не может поставить на карту сразу все. Солнечная система должна быть населена. Поскольку стала реально возможна гибель жизни на Земле после одной из атомных войн, необходимо иметь под рукой пространство, чтобы рассредоточить свойственную нам агрессию.

Все вы были тайно отобраны согласно вашим талантам и генеалогическим данным. Вы являете собой первичный колониальный материал, вас можно приравнять к пионерам, некогда завоевавшим американский Запад. Успех заложен в

самой вашей структуре. Вы не способны на неудачу. В товарном отсеке найдутся все необходимые запасы, которых хватит, пока вы не встанете на ноги.

Итак, земляне — или правильней сказать «селениты»? — начинайте обустраивать ваш новый дом! Я уверен, что как только общественность поймет важность дела, через несколько лет прибудет еще один корабль.

Президент Хайнлайн исчез с экрана, на его месте появилась тестовая таблица.

Элси вздохнула:

— Что ж, Хэнк, кажется, мы попали именно в то будущее, о котором ты мечтал.

Хэнк погрузил пальцы в набриолиненные волосы.

— Видимо, так.

Дуайт ничуть не встревожился.

— Вроде как у меня появился шанс подружиться с мисс Анитой.

Телевизионный экран вновь ожил. Видимо, командиру Йегеру удалось поймать слабый сигнал коммерческого вещания.

Это были «Мерри Мэкс», и они пели «Коняшка понюшку тащит».

Если странными тебе кажутся слова,

Пой вместе с нами, раз, два:
Лошадка тележку тащит,
И ослик тележку тащит,
А малютка-ягненок — плющ ест!
А ты не про-о-о-о-о-чь?

Мир Кэмпбелла

Кэмпбелл умер.

Даже сейчас, сидя и слушая одну за другой слезливые печальные хвальбы, я не мог поверить в это. Кэмпбелл был слишком велик, чтобы умереть, из него лилась жизнь. Он вошел в научную фантастику титаном, он дал нам так много, что его смерть казалась уму непостижимой, она оставила во вселенной зияющую дыру. И как же несправедливо, что я только и мог тихо сидеть здесь, когда так сильно хотелось буйствовать…

Я призадумался. Что творится в моей голове? Кэмпбелл явно не захотел бы, чтобы я так мучился. Он не боялся смерти, не терзался сожалениями при ее приближении. В последние дни, чувствуя, как истекает отпущенное ему время, он спокойно говорил о своей кончине, стараясь обезличить ее, называя уходом, устанавливая тем самым связь со всем человечеством, которое, как и он, смертно…

Взгляд мой задумчиво остановился на большом похоронном венке в форме омеги; на нем была лента с именем Кэмпбелла и датами: 1901–1987. Я прочел молитву, которой обучил меня сам Кэм-

пбелл, и душа наполнилась покоем, искренне приняв случившееся.

Так много людей в непомерном долгу перед ним. И среди них восемнадцатилетний мальчишка племени навахо по имени Джейк Хайуотер таил в душе память о плачущем старике.

30 сентября 1937 года. Эта дата навеки врезалась в мою память.

Я стоял у офиса издательства «Стрит и Смит» в Манхэттене. Был безветренный теплый день, но не из-за погоды пропиталась потом моя лучшая рубашка и костюм не по размеру. Липкие холодные руки сжимали манильский конверт, скрепленный тесьмой. Организм реагировал не на жару, а на нервное напряжение.

Через несколько минут, если все пойдет по плану, я буду стоять перед новым редактором журнала «Эстаундинг сториз», человеком по имени Кэмпбелл, который недавно занял место достопочтенного Ф. Орлина Тримейна. И я буду пытаться — если к тому моменту меня не покинет дар речи, а с ним и разум — продать ему историю, которую только что написал.

Я читал «Эстаундинг» уже четыре года, с тех пор как «Стрит и Смит» возобновили старую клейтоновскую серию в бумажной обложке. Сначала по

одному-двум выпускам, доходившим до резервации, до дома в Аризоне. А потом дядя Красная Птица, который работал на военно-морском судоремонтном заводе, пригласил нас с мамой переехать к нему в Бруклин. Тогда мне удалось достать все когда-либо выпущенные журналы и следить за свежими номерами.

Я ничего не знал об этом Кэмпбелле: он пока не опубликовал ничего такого, чтобы я смог понять, что он за человек и каковы его вкусы. О смене редактора я узнал случайно, когда позвонил на предыдущей неделе и попросил связать меня с Тримейном.

— Господин Тримейн — глава редколлегии всей компании «Стрит и Смит». Какой журнал вас интересует?

— А… «Эстаундинг»…

— Его сейчас возглавляет господин Кэмпбелл, — тотчас проинформировал меня оператор на коммутаторе. — Вас связать?

Сия новость свела на нет мою тщательно составленную хвалебную речь о работе Тримейна.

— Ах нет, — запнулся я, — не надо. То есть…

И я повесил трубку.

Не помню, как и откуда я набрался храбрости показаться неделю спустя на пороге редакции

журнала, который просто обожал. После завершения рассказа мне понадобился не один месяц, чтобы решиться позвонить Тримейну, которого, как мне думалось, я немного знал. А теперь я шел в лобовую атаку на совершенно незнакомого человека.

Потом, заметив, какой урон наносят свернутой рукописи мои потные руки, я засунул ее под мышку, поправил взятый у дяди Красной Птицы галстук и вошел в здание.

Лифтер поднял меня наверх. Вскоре послышались приятные уху глухие удары печатного станка: материалы «Смит и Стрит» издавались прямо здесь, меж редакторских кабинетов.

Вскоре я стоял перед секретаршей Кэмпбелла. Табличка с именем на ее столе гласила: «Мисс Эрдман». Пресловутая мисс была на диво прекрасна. Черные локоны завивались вокруг ушей, курносое лицо расплылось в широкой улыбке. Я не смог определить ее национальность, но она явно не стопроцентная англичанка. В своем белом костюме девушка выглядела немногим старше меня, и я тотчас влюбился.

— Чем я могу вам помочь?

— Я… я по делу к господину Кэмпбеллу. Так сказать, если он не слишком занят.

— У него довольно много работы. Могу я поинтересоваться, по какому вы вопросу?

— Хотел показать ему свой рассказ.

Ее улыбка стала еще шире, затем вежливо сузилась до официальных размеров.

— О, в таком случае… Вы не могли бы подождать?

Она показала на стул рядом со своим столом.

— Конечно же.

Я был готов ждать хоть весь день, только бы смотреть на нее.

Люди приходили и уходили, кто-то второпях, иные не спеша. Великолепная мисс была со всеми и каждым обходительна и весела. И между делом мы как-то разговорились.

Она брала уроки танца у некоей Марты Грэхам, а здесь работала, чтобы их оплачивать. Ее семья была богатой — она недавно вернулась из семейного кругосветного путешествия, — однако девушка предпочитала не зависеть от родителей. В любом случае они жили на Гавайях, где Эрдман родилась, а значит, здесь она сама по себе.

Я спросил, что думает секретарша о своем новом начальнике.

Ее лицо озарилось, словно освещенное солнцем, и я погрустнел. Было ясно, что ни одному

мужчине не сравниться с загадочным новым редактором.

— О! Господин Кэмпбелл просто очарователен. Он так умен! Получил степень магистра в Колумбийском университете, ну вы знаете, изучение средневековья. Был в Европе, встречался с Джойсом и Манном, и с Сильвией Бич. Однако его главное пристрастие не литература, а… Видите ли, он читает на санскрите и знает учение Кришнамурти.

Намек, понятный лишь просвещенным, остался для меня загадкой, и, видимо, это отразилось у меня на лице.

— Ах, ничего страшного. Поймете сами, как только увидите его, так со всеми бывает. Он просто излучает энергию древности, энергию мысли…

Я стал расспрашивать об интересах нового редактора. Однако все имена, что она так благоговейно произносила, были мне неизвестны, и я стыдился в этом признаться. Откровенно говоря, мне было завидно слышать, как щедро хвалит Кэмпбелла столь красивая женщина.

— Тогда, думаю, ему совсем безразлична наука? — сказал я, надеясь поставить его на землю.

— Да что вы, — тотчас возразила госпожа Эрд-

ман, — как раз наоборот. Кэмпбелл очень высоко ценит науку. Иначе не стал бы редактором. Несколько лет назад он провел не один месяц в учениках у биолога Эда Рикетса. Они добрались до самого западного побережья, проделав путь от Кармела до Ситки на Аляске, собирали растения приливной зоны. Именно тогда он и подружился с Джоном Стейнбеком. А еще господин Кэмпбелл весьма начитан в области истории, если вы причисляете ее к наукам.

Я сделал последний тычок:

— Ну, тогда он принадлежит к типу яйцеголовых умников.

Госпожа Эрдман рассмеялась:

— Не совсем так. Он был в колумбийской команде по легкой атлетике. Ему не хватило двух секунд, чтобы установить мировой рекорд в забеге на полмили.

Я понял, что меня постиг полный провал. Этот Кэмпбелл казался ей богом. Прислонившись к спинке кресла, я уселся ждать в подавленной тишине.

Шли часы. Люди, которым было назначено, заходили и выходили из кабинета Кэмпбелла, но его самого я не видел. До четырех часов.

У внутренней двери показался высокий муж-

чина в середине четвертого десятка. С густыми волнистыми волосами, большим носом, сильным подбородком, он напомнил мне здоровенного грубого ирландского полицейского, коими пестрит наш район.

Однако первое впечатление рассеялось, когда он заговорил воспитанным тоном, твердым, но благожелательным:

— Госпожа Эрдман, боюсь, на сегодня прием закончен…

Я вскочил на ноги и невольно выпалил:

— Но сэр, я ждал весь день!

Кэмпбелл открыл рот, и я понял, что сейчас он избавится от меня ложными обещаниями. Тут его взгляд случайно остановился на моем ремне.

Пряжка у меня была украшена бирюзой — такие носят в резервации.

Реакция Кэмпбелла просто сразила меня: он поздоровался на языке навахо.

Почувствовав мое внутреннее смущение, Кэмпбелл сделал шаг вперед и встал вплотную. Он положил руку мне на плечо, улыбнулся и сказал секретарше:

— Как я и говорил, госпожа Эрдман, этот молодой человек будет на сегодня последним посетителем.

Госпожа Эрдман вспыхнула своей чарующей улыбкой.

— Я прослежу, чтобы вас не беспокоили.

А затем я очутился в святая святых — кабинете «Эстаундинг» — и закрыл за собой дверь со свежей золотистой табличкой с именем редактора.

«Джозеф Кэмпбелл».

Пригласив меня сесть в кожаное кресло, Кэмпбелл облокотился о край стола, оставив одну ногу на весу. Под тканью штанов вычерчивались мышцы бегуна.

Наконец ко мне вернулся голос:

— Вы говорите на навахо?

Кэмпбелл от души рассмеялся.

— Да нет, знаю всего пару слов. Сами собой запомнились, из книг. С детства зачитывался историями об американских индейцах. Вам знакомо имя Элмер Грегор? Нет? Восхитительно описывает ваш народ. Я неплохо знал Элмера в юности. Шутки ради мы общались за завтраком на индейском языке знаков. Мои родители из себя выходили! Какое потрясающее натуральное введение в культуру!

Вдруг мне до безумия захотелось прочесть этого Элмера Грегора, хотя я наверняка почерпнул бы лишь второсортную информацию о своем пле-

мени! Но Кэмпбелл умел увлечь. Восторг его был заразителен. Какая бы тема ни доминировала в его душе и разговоре, вскоре она захватывала и собеседника.

Кэмпбелл сфокусировал взгляд на моей рукописи, о которой я уже забыл.

— Вы принесли мне что-то почитать?

Я молча протянул листки. Кэмпбелл ушел к дальнему углу своего стола и сел.

— «Мать Мира». Мило, очень мило.

Он взял красный карандаш.

— Не возражаете, если я помечу в некоторых местах? Мне так легче воспринимать информацию.

Я испуганно закачал головой.

Через двадцать минут он закончил читать. Под взглядом черных глаз я почувствовал себя обнаженным.

— Содержание, кажется, взято из легенды об Эстсанаелнхи, «женщине, которая творит перемены», да? Она создает человечество из кусочков своей плоти…

Теперь я понял, что передо мной шаман. Этот человек умел читать мысли.

Проглотив слюну, я попытался ответить:

— Ага-а. То есть да, сэр. Есть такая легенда.

Понимаете ли, я подумал, что она связана с современными представлениями о клетках ткани. И представил себе, что после некоей чумы осталась в живых одна женщина. Она была ученым, и ей пришлось создавать человечество, и она…

Кэмпбелл поднял руку, чтобы я не рассказывал всю историю до конца.

— У тебя быстрая реакция, Джейк, — сказал он, найдя мое имя на первой странице рукописи. — Не извиняйся.

Он вернул мне рассказ, очевидно, с отказом, и я встал уходить.

— Минутку, сынок. Тебе разве не интересно, сколько у нас платят?

Я замер.

— Платят?

— Как только внесешь изменения, где я поправил, перепечатай и принеси. Я выпишу чек. Сто долларов, по два цента за слово. Рассказ, вероятно, войдет в июльский выпуск.

Я рухнул обратно в кресло.

— Есть только одна загвоздка. Тебе придется сначала выслушать небольшую лекцию.

Я резко захлопнул рот и кивнул.

Кэмпбелл встал и начал расхаживать по кабинету. Он явно зачитывал хорошо отрепети-

рованную речь и в то же время следил за моей реакцией, чтобы усилить ее воздействие.

— Знаешь, Джейк, я согласился на эту работу, отказавшись от места в колледже Сары Лоуренс, несмотря на то, что здесь меньше платят, только по одной причине. Мне нужен открытый форум для моих идей, рычаг, чтобы сдвинуть мир в направлении гармонии. И, кажется, я его обнаружил.

Наша культура в опасности, Джейк. Мы наглухо застряли на том этапе, который Шпенглер[32] обозначил как кризис и разложение. Подобно морене, скапливающейся на дне ледника, наши убеждения скопились вокруг нас, беспочвенные и губительные. Настало время их отмирания и роста потенциала для зарождения новых. Подлежащие замене поверья — мифы, если назвать их старым термином, который мне нравится, — впитают в себя и былое, и еще не появившееся. Они могут быть творческой обработкой легенд, вроде твоего рассказа, или состоять из ультрамодных образов, ранее не существовавших, но главное

[32] Примечания: 32

Освальд Шпенглер — немецкий философ, развивший учение о культуре как множестве замкнутых организмов, выражающих «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл. Гл. соч.: «Закат Европы».

— рождать в душах веру.

Новые мифы всецело задействуют знания современной науки. Невозможно общаться с миром двухтысячного года на языке двух тысяч лет до нашей эры. Это диктует разум. Однако самая важная часть мифов — древнейшая, вечная мудрость — должна идти от сердца. Если рассказам, которые я себе представляю и собираюсь напечатать, суждено изменить жизнь и укрепить веру читателей «Эстаундинг» — а через них и цивилизации в целом, — то они должны сначала родиться в глубине души писателей.

Я не могу себе позволить издавать неискренние произведения, они должны бить ключом прямо из груди автора. Я собираюсь докопаться до архетипов, существующих в каждом из нас, до основ мудрости и магии, до божеств и предводителей.

Последующие семь недель я не раз выслушивал эту речь или ее вариации. Со счету сбился. Но она всегда меня трогала, пробуждая вдохновение, даже когда я думал, что оно исчезло безвозвратно. А в первый раз она произвела на меня колоссальное впечатление. Я был зачарован, полновластно покорен позицией Кэмпбелла.

— Журнал ждут радикальные перемены, — продолжал Кэмпбелл. — В нем не будет места

для поденщины, и я даже несколько изменю название уже следующего выпуска, чтобы дать это понять. Подзаголовок будет писаться не «Научно-фантастические рассказы», а «Рассказы SF»[33]. И аббревиатура будет расшифровываться как «сакральная фантастика», или даже «символическая фантастика».

Я рад буду пригласить всех именитых писателей, которые смогут перестроиться на новый лад. Однако сомневаюсь, что многие из них поймут мои задачи и окажутся способными их выполнить. Именно поэтому мне нужно найти новых писателей, таких, как ты, Джейк. Представителей каждой культуры, слушающих свой внутренний голос, не успевших закостенеть. И не только мужчин, Афины ради! Я хочу, чтобы в журнале присутствовало и перо женщины! Они составляют половину человечества, и им надо заявить о себе во всеуслышание! Страницы «Эстаундинг» должны пропитаться материнским молоком из их грудей!

Должно быть, я покраснел, и Кэмпбелл сбросил обороты:

— Джейк, этот журнал дает нам возможность

---

[33] Примечания: 33

SF — сокр. от Science Fiction — научная фантастика.

вернуть западной цивилизации представление о сути всех вещей, заполнить пустоту. Мы поставим запутавшийся век на правильную дорогу. Но одному мне не справиться. Могу ли я рассчитывать на твою помощь?

В тот момент я готов был за Кэмпбелла хоть в Гадес сойти, подобно Орфею. Я поднялся и схватил его за руку.

— Можете на меня положиться, господин Кэмпбелл!

Его пытливый ум уже перешел к практической части вопроса.

— Прекрасно, прекрасно, — нараспев произнес редактор, ведя меня к двери, и окликнул секретаршу: — Джин, составь, пожалуйста, контракт на рассказ господина Хайуотера. Думаю, он внесет в него исправления к следующей неделе.

Госпожа Эрдман — Джин — вскочила, визжа от радости, обняла меня и поцеловала в щеку.

Я сказал в Гадес? Да в любой ад, будь то Мильтона, Данте или Баньяна.

Так началось мое пятидесятилетнее сотрудничество с «Эстаундинг сториз» и господином Кэмпбеллом, обладающим стремлением переделать мир по своему усмотрению. Удалось ли это ему — нам! — или нет, не имею ни малейшего

представления. Я только знаю, что пятьдесят лет пролетели как полчаса у Вишну.

Июльский выпуск «Эстаундинг» 1938 года, в котором был в итоге издан мой рассказ, принято считать отсчетом лучшего периода работы Кэмпбелла, видимо, благодаря зажигательной новизне. С помощью ярких историй-мифов Бейкера, Судзуки, Орзбаля, Чена и Чайвалаха он поймал искомую ноту, что-то вроде мирового голоса, вещавшего из глубины прошлого человечества в его же общее будущее. Следующие выпуски, с работами Мафуза, Мин, Сенкевича, Окри и других, держали марку.

Я заходил к Кэмпбеллу каждую неделю. Мы набрасывали ряд рассказов из мифов навахо о двух братьях, Найенезгани и Тобадхисцини, сражающимися со злыми монстрами. Мои герои были межпланетными искателями приключений, которые путешествовали из одного мира в другой, помогая их обитателям справляться с потусторонними силами. Хотя там присутствовало достаточно много насилия — Кэмпбелл ничего не имел против насилия как неотъемлемой части человеческой сущности, — я пытался ввести элемент дипломатии и компромисса. Мне казалось, что я создаю новый подход к общению с чужа-

ками, разнящийся с тем, как обращались с моим народом белые люди.

Я во всем подвергался влиянию взглядов Кэмпбелла: от фильмов («дидактическая порнография без всякой духовности») до морали секса («строго определяемой культурой») и манеры письма («Ты можешь написать предложение так, как сделал бы то год назад, или выразить ту же идею так, как мыслишь ее сейчас».)

Шли годы, все, прочитанное Кэмпбеллом, вся бесперебойно поглощаемая им информация, доводилась до моего разума очищенной путем избыточных бесед. Я получил образование уровня бакалавра.

К моей радости, Кэмпбелл относился ко мне как к сыну, особенно после того, как узнал, что мой отец умер от разрыва почки вследствие злоупотребления алкоголем.

— Да, да, — говорил он, внимательно меня рассматривая, — сирота, долгий путь, старая история повторяется снова и снова…

С того момента он стал даже добрей, хотя куда дальше.

В начале 1939-го произошло два важных события. Кэмпбелл женился на Джин Эрдман, которая была почти на двадцать лет его моложе. Я до

дня свадьбы не осознавал даже, как сильны мои чувства к ней — чувства, на которые она никогда не отвечала взаимностью. Мне тогда пришлось встать и уйти посреди церемонии, из глаз неожиданно хлынули горячие слезы.

Но мне было всего двадцать, и я быстро излечился от тоски. Или мне так казалось. Джин осталась работать, где и прежде, и я болтал с госпожой Кэмпбелл о всяких пустяках каждый раз, когда приходил в офис. Не изменилось и мое почтение и уважение к Джо.

Надо признать, этот брак многое изменил в каждом из нас. Но то были дела личные, а миром правят более глобальные силы.

Однажды, войдя в кабинет Кэмпбелла, я застал его за чтением свежего выпуска «Трибьюн». Заметив меня, он возмущенно отшвырнул газету в сторону.

— Что ты думаешь о сложившейся в Европе ситуации, Джейк?

Я пробормотал общепринятую версию, что Гитлер успокоится, завоевав небольшую территорию. Кэмпбелл бросился горячо возражать:

— Нет, Джейк, этот человек — колдун, черный маг. Это ясно как белый день любому, кто знаком с мифами. Не забывай, откуда взялся Фауст. Нет,

Гитлер не остановится, пока не добьется полной власти. Если кто-нибудь не помешает его планам, то, уверен, мир погрузится в хаос. Это будет проклятием господним.

С ученической заносчивостью я сказал:

— А вы с «Эстаундинг сториз» — единственная сила, которая может его остановить, так?

Кэмпбелл вскочил на ноги, опрокинув стул.

— Именно! Джейк, ты гений!

Той же ночью он уже ехал в поезде в Вашингтон.

Только много лет спустя я узнал, как ему удалось попасть на личную встречу с Рузвельтом. Оказалось, что один из его колумбийских профессоров стал помощником министра в администрации президента, он-то и провернул все это. Мне не до конца понятно, каким образом Кэмпбелл уговорил главу государства выделить деньги на свой безумный замысел. Зная, насколько убедителен бывает мой редактор, я могу представить продемонстрированную им высоту ораторского искусства.

Как бы ни была достигнута цель, через два месяца «Эстаундинг» выпускал издание на немецком языке.

Однако ни один из рассказов не являлся пере-

водным. Все они были оригиналами, написанными Кэмпбеллом и группой немецких эмигрантов, включавшей и психолога по имени Юнг, которого он специально вызвал. Все произведения были так хитро составлены, чтобы воздействовать на подсознание, и имели одну цель — подорвать власть Гитлера и фашистов.

Я прочел несколько рассказов на английском, но понял лишь то, что лежало на поверхности. В одном, помню, речь шла о свиноподобных изгоях, и он был слабее моих работ. Я сказал об этом Кэмпбеллу.

— Конечно, они твоим рассказам в подметки не годятся, Джейк. Они написаны для прогерманского разума. Мономиф обретает форму элементарного мышления, свойственного каждой культуре. Но, поверь мне, эти истории бьют по немецкому народу как пули.

И, конечно же, он оказался прав: я был поражен, когда до Америки дошли вести о вооруженном нападении на Гитлера. Фотография трупа убийцы была достаточно крупной, чтобы разглядеть уголок немецкого издания «Эстаундинг», торчащий из кармана плаща.

Фашистскую партию поглотили междоусобные распри, и она продержалась у власти не более

пары месяцев. Практически мирным путем на смену ей пришли христианские демократы (которые изобразили на своей эмблеме Грааль). Лишившись поддержки, фашисты Испании и Италии сдали свои позиции. Европа вернулась в обычное сонливое состояние, и мы собирались сделать то же самое.

Не тут-то было.

Джо, Джин и я отмечали падение фашизма бутылкой шампанского прямо в офисе, когда вдруг зазвонил телефон.

Кэмпбелл поднял трубку.

— Слушаю. Да! Да, сэр. Будет сделано!

Он повесил трубку. Никогда мы не видели его в таком изумлении.

— Это был президент. Он хочет немедленно видеть план паназиатского издания.

Мы допили содержимое бокалов и приступили к работе.

Джо самовольно решил выпустить еще одну иностранную версию журнала. На сей раз, поскольку положение в странах, для которых она предназначалась, было относительно спокойным, он поехал на несколько месяцев за границу, чтобы лично проследить за ходом операции.

Но Джин-то осталась дома.

Вернувшись из Ленинграда на неделю раньше, Джо застал нас голыми в собственной кровати.

Я не знал, куда себя деть от унижения и угрызений совести. Я даже не мог вспомнить, как оказался там. Словно я действовал во сне. Как мог я предать таким образом лучшего друга?

— Джо, — начал я, глядя на невозмутимую Джин, — не знаю даже, как объяснить…

Кэмпбелл сердечно рассмеялся, очевидно, без злости и иронии.

— Джейк, я никогда не говорил тебе, что наша символическая фантастика берет исток в *шакти*[34]. Джин — моя *шакти,* живое воплощение женской силы, мой фонтан безграничной энергии. Между нами алхимический брачный союз, который тебе не подорвать. Ты можешь только позаимствовать частичку ее безмерного богатства. Я сказал Джин, что любовный контакт не повредит твоему творчеству, и она со мной согласилась.

Затем он снял шляпу и присоединился к нам.

Шесть месяцев спустя разразилась неоцаристская революция. Еще через шесть месяцев Сталин болтался на фонарном столбе на Красной пло-

[34] Примечания: 34

Шакти (санскр. — сила, энергия) — понятие индийской религии, женское творчески-энергетическое начало.

щади.

Следующие годы были самыми плодотворными в моей жизни. Странные отношения с Кэмпбеллом и Джин в самом деле дали новый толчок моей работе. Я начал серию о футуристическом методе контролирования погоды, основанной на мифах навахо о богах дождя и солнца Тоненили и Цоханоаи.

Круг читателей «Эстаундинг» в Америке уступал только журналу «Лайф» — неслыханное достижение для беллетристики. Мы начали издаваться на глянцевой бумаге и в несколько раз подняли стоимость подписки. Мы сотрудничали с такими людьми, как Олдос Хаксли. Он позволил нам печатать с продолжением свою «Неувядающую философию». Кэмпбелл сам занимал немало страниц, ведя обзор мифологии, истории и науки под общим заголовком «Обо всем».

Конкуренты Кэмпбелла пытались как-то соперничать с ним, но по большей части терпели провал из-за отсутствия ясности видения и установок. К нему никто не мог приблизиться.

Никто в области литературы.

В сентябре 1953-го Кэмпбелла вызвали в Комитет по антиамериканской деятельности по обвинению в «распространении иностранных

сказок с целью подрыва американских ценностей». Он отправился туда с улыбкой на лице. Для Маккарти этот месяц стал последним в администрации.

Я никогда ранее не видел, чтобы человека так унизили и растоптали «чистой» метафорой. Вся нация следила по телевизору за слушаниями и, не отрываясь, внимала тому, как Кэмпбелл превращал сенатора в трясущееся желе. Каждое абсурдное обвинение Маккарти парировалось уместным анекдотом или историей из огромного арсенала Кэмпбелла. Подобно современному и в то же время древнему дядюшке Римусу, или Гомеру, или Овидию, Кэмпбелл отражал и высмеивал любой выпад, подходя ко всему с юмором и мудростью. Он, подобно мастеру боевых искусств, уворачивался от удара, нанося ответный. К концу слушаний Маккарти едва мог выразить мысль, а Джо был спокоен как Будда.

Письмо с признанием, найденное рядом с трупом Маккарти, было забрызгано мозгами самоубийцы, но смогло послужить разоблачению вице-президента Никсона, которого судили за государственную измену.

В начале шестидесятых я почувствовал, что колодец моего творчества иссыхает. Я обработал

все основные мифы навахо, а другой материал мне не нравился и, по теории Кэмпбелла, не мог нравиться. Не вдохновляла даже Джин, оказывавшая мне знаки внимания, и вскоре я перестал с ней видеться, опасаясь, что за бессилием в одной сфере последует и половая несостоятельность.

Моему застою не помогли даже произошедшие в журнале изменения. Во-первых, Кэмпбелл дал ему новое имя: теперь издание называлось «Ананда: мифическая фантастика, мифический факт», от санскритского «блаженство». На первой странице всегда красовался броский девиз: «Ясный до трансцендентности». Я был против переименования и чувствовал, что исчез журнал, в который я некогда так сильно влюбился. Кэмпбелл начал проповедовать всемирное единение, что хорошо звучало теоретически, но, как мне казалось, не имело практического воплощения. Я все больше переживал по поводу прискорбного состояния моего народа, плетущегося далеко позади основного населения страны.

Затем в журнал влилось много новых писателей, совсем еще детей, таких как Боллард, Дилэни, Желязны, которые выросли на моих произведениях и рассказах писателей моего поколения. Они направили сакральную фантастику, или

мифическую фантастику, как они теперь ее называли, в новое странное русло, мне не до конца понятное. Кэмпбеллу как-то удавалось шагать с ними в ногу, чего он хотел и от меня, а я просто не мог.

День, когда я сказал ему, что уезжаю из Нью-Йорка, почти так же врезался в мою память, как и день знакомства в тридцать седьмом, хотя между ними пролегло больше двадцати пяти лет.

— Значит, настало время вернуться в резервацию, Джейк? Не могу тебя винить. В определенный момент человеку нужно восстановить связь с корнями. Ты должен перешагнуть порог дома вместе с приобретенными знаниями и поделиться ими с теми, кто в них нуждается. В любом случае ты еще молод по сравнению с таким старцем, как я. Уверен, у тебя получится все, к чему приложишь руку.

— Давно пора найти применение неприлично большим деньгам, которые ты платил мне все эти годы, Джо. Я собираюсь вложить их в улучшение условий жизни моего народа. У меня далеко идущие планы…

Я замолчал. Больше сказать было нечего.

Мы с Кэмпбеллом пожали друг другу руки, и я ушел.

За столиком Джин сидела молодая девушка, уже не помню, как ее звали. Джин перестала работать секретаршей, как только они с Джо разбогатели. Она отдалась занятию танцами и в тот год постоянно совершала туры. Давно ушел в прошлое гул печатного станка, запах бумаги и типографской краски — типографию «Стрит и Смит» переправили в Джерси, а офис Джо находился в современной многоэтажке в самом центре города. Несмотря на такую разницу, я почему-то чувствовал себя, будто на дворе снова 1937-й, и я стою у истока своей карьеры.

— Не забывай мой адрес, если напишешь что-нибудь новое, сынок, — крикнул мне вслед Джо.

В последующие двадцать лет я и вправду написал три, или десять, или двенадцать рассказов, включая один особенный, посвященный пятидесятилетию журнала в прошлом месяце. На праздновании юбилея я последний раз видел Кэмпбелла. Благодаря пожизненной подписке в Аризону приходили свежие выпуски, и я выборочно читал что-нибудь в каждом, иногда с наслаждением, иногда без. Раз в пять лет я навещал Джо с Джин: делать это чаще не позволяли мои дели и обязанности вождя племени навахо.

Хотя уже исчезло чудодейственное притяжение

молодости, которого не вернешь.

Тем более теперь, когда умер Кэмпбелл.

Последней произнесла речь жрица с обнаженной грудью, приехавшая из храма Богини. Я очнулся от задумчивости и вынул платок вытереть слезы. Спускаясь, она бросила в гроб Кэмпбелла сноп кукурузы. Затем поднялись те, кому выпала честь нести гроб, среди них оказался и я.

Джин, с венком Исиды на голове, по-прежнему прекрасная, несмотря на годы, возглавила шествие из церкви Осириса.

Мы несли гроб мимо собравшихся сановников, а телекамеры транслировали похороны для всей мировой общественности. Я, конечно же, узнал главного министра планеты, который проделал длинный путь из Женевы, и императора Китая, который стоял, положив руку на плечо далай-ламе. Все правительство Японии, вместе с сёгуном, стояло неподвижно как бамбук. Я только не разобрал, кто был заливающийся слезами человек с козлиной бородкой: бразильский король или персидский султан.

Мы похоронили Кэмпбелла под большим деревом неподалеку от дома его детства, как он сам пожелал.

Когда все закончилось, я поцеловал Джин, за-

брался в свой флайер, ткнул кнопку антиграва и позволил автопилоту везти меня домой.

Пятидесятые
Нестабильность

(Написано в соавторстве с Руди Рюкером)

Джек и Нил, расслабленные и свободные, сидят под кайфом на раздолбанных ступеньках лачуги Билла Берроуза в Техасе. Сам Берроуз неподвижно застыл в саду с копией рукописи племени майя на коленях. Сегодня он выкурил уже две сигаретки с марихуаной. Нил чистит коноплю, коробка из-под ботинок набита до отказа. Замедленное время загустело как мед. Вдалеке раздается полуденный свисток — длинный, пронзительный и упорный. Это с фабрики по переработке непищевого животного сырья. Там забивают коров, слишком хилых для корабельной поставки в Чикаго; из них производят свечное сало и консервированное канцерогенное консоме.

Берроуз занимает вертикальное положение, как стрелка хорошо смазанных швейцарских часов.

— Существует прореха, — говорит Билл. — Где-то в нашем измерении — прореха. Какие-то ублюдки проделали дыру. Джек, ты читал «Цвет

из космоса» Лавкрафта?

— Я читал, в тюрьме, — встревает Нил, в душе гордясь собой. — Заметь, Билл, твое упоминание данной работы явно перекликается с моими последними воззрениями. У старины Юнга от такого совпадения член бы встал.

— Мхии-хии-хии, — восклицает Джек. — Черт его знает.

— Я имею в виду весь этот идиотизм с бомбами, — говорит Берроуз, поднимаясь по ступеням на негнущихся ногах. — Вчера вечером я нашел газету в сортире придорожной закусочной; там написано, что завтра в Уайт-Сэндс[35] будут проводиться испытания громадной атомной бомбы. Эдвард Теллер[36] испытывает хренову бомбу, чтобы применить новый чертовски жуткий водородный взрыв против русских. Ящик Пандоры, ребята, и мы не фуфло гоним. Завтра в Нью-Мексико взорвется бомба, а прямо здесь и сейчас обеденный свисток говенных шкуродеров готовит нас к Третьей мировой войне, и если мы на нее пойдем, то будем, Богом клянусь, великой гражданской армией, да-да, солдатами

---

[35] Примечания: 35
Ракетный полигон на юге штата Нью-Мексико.

[36] Примечания: 36
Физик, участник проекта по созданию атомной бомбы.

Джо Маккарти и Гарри Энслинджера, мы уничтожим красных, психов и наркоманов. На это нас толкает наука. Я свой наркоманский зад наукой подтираю, парни. Индейцы майя все просчитали да-а-авно. Взять этого парня фон Ноймана[37]…

— Ты имеешь в виду Джанго Рейнхарда, — вставляет Джек; он совсем обкурился. — Брат, да это же твоя жизнь, их жизнь, моя жизнь, собачья жизнь, божья жизнь, жизнь Райли[38]. Армейский гений пустыни фон Нойман, говоришь? Верно, о нем писали в воскресной газете, из которой мы с Нилом крутили косяки в Тускалусе. Как сейчас помню, старый ты мудак, прямо перед тем как Нил подцепил в Дэри-Квин официанточку с носом, как у Джоан Кроуфорд…

— Джоан Кроуфорд, — подхватывает Нил, — Джоан Круговорот, Джоан Бутерброд, Джоан Пухлыйрот в тумане.

Он добивает обмусоленный бычок и дрожащими пальцами пытается свернуть очередной косяк. Чертова коробка уже наполовину пуста.

---

[37] Примечания: 37

Математик, принимавший участие в проекте по созданию атомной бомбы.

[38] Примечания: 38

Райли Джеймс, — (1849–1916 гг.) поэт. Писал сентиментальные стихи, полные юмора.

Тут Джек погружается в дьявольски дурное настроение. Вина нет.

Ти Джек объелся супом, к нему друзья пришли. Вы, коты больные, сотрите меня с лица Земли…

Он произносит это вслух, перед Нилом и Берроузом?

— И черт с ними, с гусиными потрохами, — сдавленно смеется Нил, незаметно, довольно, внутри себя, и предлагает как действиями, так и словами — *он правда что-то говорит? — усомнился Джек,* — вернуться к тому, что истинно важно, а именно к сворачиванию этих гм, мм, ик, мексиканских си-гарь-йет!

Джек на цыпочках придвигается поближе к Нилу, и они вдвоем, напевая, начинают любовно творить и создавать и даже не будет преувеличением сказать «рожать» красавицу-раскрасавицу самокрутку с зернышками в волосах, такую длинную, что получилось бы два нормальных косячка.

Такая хорошо вставляет.

В это время Билл Берроуз расслабляется в кресле-качалке, снова зависший, но еще не до конца под кайфом, потому что его тревожат мысли об атомной бомбе и раздражает болтовня беспрестанно молотящих один и тот же вздор торчков.

Время течет: медленно-медленно для Сала и Дина[39], и так быстро для Уильяма Ли[40].

Итак, Доктор Миракл и Литтл Ричард летят на всей скорости через Аризону, на восток по сороковому шоссе прямо из Вегаса. Их карманы набиты серебряными долларами, выигранными у каких-то фраеров, а бумажники по швам трещат от крупных купюр, которые они получили, обналичив фишки: сорвали банк в рулетку в шести разных казино благодаря личному незапатентованному методу, основанному на перенаправлении векторов нейтронов, переносимых сквозь шесть дюймов свинца пространственно-временной диаграммой Фейнмана в механизм разнузданной незамысловатой микроскопической системы из шариков и лунок.

Доктор Миракл говорит, пытаясь выражать мысли четко, чтобы компенсировать свой венгерский акцент и последствия от выпитого алкоголя:

— Надо не забыт послат Стэну Уламу открытку ис Лос-Аламоса, сообшит оп успехе его монте-кар-

---

[39] Примечания: 39

Главные герои книги Дж. Керуака «На дороге», прототипами для которых послужили Нил Кэсседи и сам автор.

[40] Примечания: 40

Псевдоним, под которым издавался У. Берроуз.

ловского метода моделирования.

— В Европе он сработал бы еще лучше, — соглашается Ричард. — Там на колесе рулетки нет лунки с двойным «зеро».

Доктор Миракл с мудрым видом кивает. Ему уже за пятьдесят: пухленький старикан с редеющими волосами; круглый подбородок, широко посаженные глаза. На нем двубортный костюм, яркий гавайский галстук, широкий как фунт бекона.

Литтл Ричард моложе, худощавее, с характерной еврейской внешностью. У него густая высокая прическа с валиком. Одет в широкие штаны цвета хаки и белую рубашку; пачка «Лаки страйк» засунута в закатанный левый рукав.

С первого взгляда понятно, что эти двое — АТОМНЫЕ КОЛДУНЫ, КВАНТОВЫЕ ШАМАНЫ, ПЛУТОНИЕВЫЕ ПРОРОКИ И БИБОПОВЫЕ АТОМБОМБОВЫЕ ВОДОРОДНИКИ!

Доктор Миракл, познакомьтесь с Ричардом Фейнманом[41]. Литтл Ричард, скажи привет Джонни фон Нойману!

На заднем сиденье стоит ящик шампанского,

---

[41] Примечания: 41

Физик-теоретик, работал над созданием атомной бомбы. Занимался изучением квантовой теории поля, квантовой электродинамики, сверхпроводимости и сверхтекучести, теории гравитации.

как раз между ними. У каждого ученого-атомщика по открытой бутылке, чтобы хлебать большими глотками, а их машина — ультрасовременный двухцветный сухопутный корабль с огромными крыльями-«плавниками», шикарный розово-зеленый «кадиллак» — несется по шоссе.

За рулем никого. Переднее сиденье пусто.

Фон Нойман, Помазанный Мастер Автоматики, представьте себе, наспех собрал первый в мире автопилот. Он никогда не умел толком водить машину, а теперь у него и необходимости нет. Не только у него, а вообще! Спереди и сбоку «кадиллака» по радару, вставленному в хитроумную штуковину в багажнике — малышку-кузину лос-аламосского МАНИАКА Ваймера и Улама, штуковину, набитую электронными лампами и кулачковыми механизмами, всякими штырями и шатунами. Штуковина эта — механический мозг, который посылает кибернетические импульсы прямо к рулю, газу и тормозу.

Трехсторонняя комиссия постановила, что мозг в багажнике «кадиллака» слишком крут для солдафонов, уж слишком крут, и что самоуправляемая машина никогда не должна попасть на сборочный конвейер. Стране нужно совсем мало суперавтомобилей, и этот решили отдать

в пользование двум гениям, которые пожелали обсудить высокие квантово-физические, метаматематические и кибернетические темы, не отвлекаясь на бремя слежения за дорогой. Увеселительные поездки, периодически совершаемые Джонни и Дики из Аламоса в Вегас, снимают нервное напряжение, неизбежное для создателей бомб.

— Так что ты думаешь о моем новом методе укладывать в постель манекенщиц? — интересуется Фейнман.

— Дики, хотя исходные пропы приемлемы, нужно имет больше точек на графике, чтопы экстраполироват, — с грустным видом отвечает фон Нойман. — Ты, может, и славно провел с ней время, эгоистичный мутак, я же… я не получил удовлетворителного сексуалного расслабления. Куда там.

— Ну-у-у, — тянет Фейнман, — в моем любимом ночном клубе, в Эль-Пасо, девочки жарче, чем гамма-лучи, и краше, чем сохранение чётности. Там ты наверняка получишь желаемое, Джонни. Мы можем повернуть в Альбукерке не налево, а направо, и попасть в него до рассвета. В Лос-Аламосе так и так все будут в Уайт-Сэндс. Служба безопасности не станет искать нас до понедель-

ника, а к тому времени мы вернемся, истратив энное количество миллилитров спермы.

— Эль-Пасо, — бормочет фон Нойман, достав из внутреннего кармана пиджака некий прибор…

ЭТО ПЕРВЫЙ КАРМАННЫЙ КАЛЬКУЛЯТОР! Вещица размером с том «Британники» с бакелитовыми кнопочками, и что делает ее поистине бесценной, так это наличие всех дорог из атласа «Рэнд Макнэлли», помещенных в базу данных на бобине проволочного магнитофона. Фон Нойман чрезвычайно им гордится и, хотя мог бы быстрее просчитать алгоритм в голове, вводит в устройство их текущую скорость и местоположение, находит там локацию Лас-Вегаса, Альбукерке и Лос-Аламоса и продолжает передавать данные.

— Ты праф, Дики, — после паузы объявляет фон Нойман, продолжая смотреть на загадочное мелькание цифр калькулятора. — Мы можем сделат, как ты говоришь, и вернуться в лагер даже ранше рассвета в понеделник. На сколко назначено испытание, позвол спросит?

— На восемь утра в воскресенье.

Лицо фон Ноймана расплывается в широкой улыбке.

— До чего синхронистично. Мы именно тогда будем проезжат Уайт-Сэндс. Я не присутство-

вал на испытаниях с Троицы. Предстоит самое масштабное. Эта бомба, ты сам знаешь, Дики, проложит дорогу водородной, как считает Улам. Я за! Позвол, я перепрограммирую мозг машины!

Фейнман неспешно перебирается на переднее сиденье, а автомобиль все несется по шоссе между штатами, ошеломляя медленные туристические «бьюики» и семейные «студебекеры». Фейнман тащит с собой ящик с шампанским. Фон Нойман кладет назад вертикальную подушку и всматривается в открывшуюся панель с данными мозга в багажнике. Время от времени поглядывая на калькулятор, фон Нойман вносит нужные изменения, выдергивая и вставляя провода, какие бывают в телефонном коммутаторе.

— Я устал вставлят в металлические разъемы, Ричард. Со следующей девушкой я пойду первым.

Ночь. Обкуренные балдежники в ауте от бенни[42]. Нил, с перекошенным лицом, украдкой пробирается по стене лачуги Берроуза и берет с комода ключи от «бьюика» Билла, на кухне Джоан слушает радио и что-то пишет. Спускаясь по крыльцу и воровато идя к машине, Нил полагает,

---

[42] Примечания: 42
Сокр. от бензедрин.

что Билл его не видит.

Усталое презрение Берроуза катастрофически притупилось от бензедрина и алкоголя, перейдя в мучительную нетерпимость. Морфинист со стажем вытаскивает обрезанный дробовик из потайной трубы, которую когда-то поместил под крыльцо в отверстии, высверленном в сгнивших досках. Он стреляет из оружия двенадцатого калибра мимо Нила, в его опустошенную покореженную коробку марихуаны, едва не задев Джека.

— Ого, — говорит Нил, бросая Берроузу ключи.

— У тебя в доме есть крепкое спиртное, Билл? — интересуется Джек, пытаясь определить, действительно ли дробовик выстрелил. — Может, пинта виски в ящике письменного стола, уже открытая? Или немного хереса?

— Продолжая нить моей послеобеденной мысли, — произносит Берроуз, кладя в карман ключи, — отмечу, что я говорил о термоядерных разрушениях и о будущем всего человечества, представители которого только что едва не были раздавлены в спермацет ректальными спазмами прыщавой задницы Билли Сандея. — Он вставляет в дробовик еще один патрон. У Билли глаза-точечки завзятого торчка. — Я жалею, что

позволил вломиться сюда таким отъявленным наркоманам-латахам[43], я вас имею в виду, в особенности тебя, закоренелый уголовник, мошенник Кэссиди.

Нил вздыхает и садится на корточки, чтобы оплакать самокрутку, которую Джек зажег от тлеющего куска ружейного пыжа. Вскоре у них с Джеком начинается треп, крайне искренний, перенасыщенный джазовым сленгом. В центре дискуссии — предположение, что трое собравшихся здесь любителей джаза, сидящих на щербатом крыльце под полной луной, только что сформировали, или некогда сформировали, или еще сформируют, или, если точнее, *всегда формировали и до сих пор формируют прямо здесь* нечто подобное Святым Кретинам из второсортной киношки «Три бездельника»![44]

— Да, — говорит Джек. — Мы — Обреченные Святые Хаоса, выпущенные в мир работяг, чтобы

---

[43] Примечания: 43

Латах — состояние, бытующее в Юго-Восточной Азии. Во всем остальном латахи обычно сохраняют здравый рассудок, но стоит привлечь их внимание щелчком пальцев или резким окриком, как они импульсивно начинают подражать любому движению. Форма маниакального невольного гипноза. Иногда они наносят себе увечья, пытаясь имитировать движения нескольких человек одновременно (примеч. из «Нагого обеда» У. Берроуза).

[44] Примечания: 44

Название телевизионного сериала в жанре слэпстик.

надрать задницу Чарльзу Диккенсу, мы — бездельники, долбаные анархо-синдикалисткие субмарксисты, бездельники, которые хлещут всех по жопам и едят жареных цыплят на ужин. Мы — Три Бездельника, ребята!

— Билл — это Мо, — улавливает суть Нил, подмигивая Биллу, который размышляет, не пора ли присоединиться к ним, — Главный Администратор Наказаний и Дробовых Зарядов, а я — Жопа в Кожаных Портках!

— А ты, Нил, — подхватывает Джек, — ты — Керли, ангел-сумасшедший, святой, муха, бегущая от мухобойки.

— А Керуак — Ларри, — добавляет Берроуз, отягощенный знанием. — Вислогубый, шепелявый и совершенно никчемный. Так, кажется, правильно сказать, а, Джек?

— Рожденный умереть, — добавляет Джек. — Мы все рождены, чтобы умереть, и я думаю, что будет круто, Большой Билл, если мы пойдем и возьмем твою машину. Цыпа-цыпа…

Он тянет руку за ключом.

— Да хрен с тобой, — отвечает Билл. — Зачем нам ссориться?

Он отдает Джеку ключи, и в следующее мгновение Нил уже сидит за рулем черного двухтонного

«бьюика», давя на газ двигателя с восемью цилиндрами в ряд и выжимая сцепление. И вот они двое уже на дороге, сигналят Биллу на прощание.

Ночь, косяки, обитые плюшем сиденья, радио, Нил в состоянии наркотической эйфории, ушедший в собственную сказочную страну, которую не дано видеть никому, кроме Джека. Он начинает рассказывать о цели вылазки:

— Эта машина катит занять место в первом ряду на спектакле атомного взрыва.

— Что ты сказал?

— Мы зарулим тачку в Уайт-Сэндс, Нью-Мексико, дорогой Джек, прямо к испытанию бомбы в воскресенье в восемь утра. Я украл у Билла немного травки, и мы прикурим косяк *от нее.*

В Хьюстоне они остановились заправиться, достать вина, бенни и сигаретной бумаги и помчались дальше на запад.

Ночью Джек временами просыпался от кошмаров и погружался в них снова. Сверхурочные сны давно не бывавшего в клинике наркомана. Вот ему видится, что он едет в краденой машине на испытание атомной бомбы, что, конечно, так и есть, а затем ему снится, что он мертвый мифический герой в черно-белом костюме, кем всегда собирался стать, старый плесневелый гриб

в мягком кресле, сетующий на хиппи. (*Хиппи? Кто это?)* Не говоря уже о снах с могилами, и матушкой, и бесконечными кровавыми сосисками, которые вытаскивал из его глотки злой друг какой-то распутной блондинки…

— …рок-н-ролл, свято высеченный на *атомном безрассудстве…* — говорит Нил, когда Джек орет и падает с заднего сиденья. В салоне на полу лежит что-то металлическое и деревянное. — …И чтобы ты, чувак, понял, я хочу слабать новый и беспрецедентно идиотский свинг на молочно-белом жире ее раздвинутых ног!

— Валяй, — слабо произнес Джек, ощупывая пол у заднего сиденья.

Короткий металлический ствол, слегка смазанный маслом. Большой круглый магазин. Херов придурок Берроуз. Джек лежит не на чем ином, как на автомате Томпсона.

— О, Джек, дружище, я знал, ты поймешь вне суицидальных норм, Норман Рокуэлл, что это было… Ё-моё! — Нил вытащил из кармана рубашки бакелитовую окарину и извлек из нее тонкую жуткую ноту. — Забей на это, Джек, я только что вмазал морфия и в таком блаженстве, что могу вести машину с закрытыми глазами.

Хихикая, Леда Атомика поправляет плечико

своей короткой блузы крестьянского стиля с прелестными вышитыми цветками, чтобы скрыть тканью головокружительную впадину меж грудями, в которую Доктор Миракл пытается влить выдохшееся шампанское. Отчаянно скачет эта сочная брюнеточка!

Нынешним воскресным вечером Леда до без пяти двенадцать топтала придорожный моноксид Альбукерке, вытянув вперед большой палец, в задранной юбке, опираясь высоким каблуком о нежно-голубой чемоданчик, из щели которого свисали чулок и лямки бюстгальтера. Днем она разошлась во взглядах со своим работодателем, Оутером, уроженцем Оклахомы. Леда была официанткой и танцовщицей в придорожной закусочной Оутера. Он придумал выступление, где она сидела на стойке бара в туфлях на высоких каблуках, а специально обученный лебедь развязывал тесемки ее космического костюма: изящную блузу из кожзама с коническими серебряными чашечками на груди. Прикид дополняли черные трусики с рисунком из атомов и электронов. Иногда лебедь кусал Леду, что ее жутко бесило. В воскресенье после обеда лебедь сбежал из загона и забрел на дорогу, где его успешно раздавил грузовичок, перевозящий свиней.

— Такой птицы больше не сыщешь в Аризоне! — кричал Оутер. — Почему ты не заперла загон?

— Может, люди станут платить деньги, чтобы понаблюдать, как ты лижешь мне задницу? — спокойно сказала Леда. — Больше ты ни на что не годишься, старый хрыч.

И пошло, и поехало.

После обеда и вечером машин проезжало мало. Водители были добропорядочные отцы семейств в удобных «плимутах», честные торговцы, слишком робкие, чтобы испробовать страсть жаркого тела Леды.

Стоя у обочины, она почти потеряла надежду. Но потом, около полуночи, тоска развеялась: появился разноцветный толстозадый «кадиллак»!

Когда радары засекли груди Леды и послали сигнал в механизм управления, кибернетический мозг чуть не хватила анодная аневризма. Не полагаясь на обещания Фейнмана, фон Нойман запрограммировал радары на случай, если встретится такая потаскушка, введя в электронные мозги параметры груди и бедер Джейн Расселл. Фары «кадиллака» заморгали, как феллах в песчаную бурю, включилась потайная сирена, на багажнике вскочили и заискрились римские

свечи, выстреливая в темноту радужные триумфальные фонтаны.

— Юбка! — воскликнули Доктор Миракл и Литтл Ричард.

Леда не успела понять, что происходит, как кибернетический «кадиллак» затормозил прямо у ее ног. Открылась задняя дверь, Леду затащили внутрь вместе с чемоданчиком; машина зарычала и помчалась дальше. В стороны разлетались перекати-поле.

Леда поняла, что подцепила мужичков-чудачков, как только увидела пустое переднее сиденье.

Ей стало совсем не по себе, когда они начали задом наперед читать дорожные знаки, мимо которых проносились.

— Потс!

— Город еиняилс!

— Заг!

Однако вскоре Леде приглянулись Доктор Миракл **и** Литтл Ричард. Их авторитет рос вместе с количеством выпиваемой шипучки. Когда проезжали Консеквенсез, Нью-Мексико, все трое уже подвывали под вагнеровскую «Песнь о нибелунгах», которая доносилась из радиостанции другого полушария, а Джонни пытался крестить

шампанским пышные сиськи Леды.

— Я учох ябет, — вполголоса напевает Доктор Миракл.

— Йад йынелез тевс! — подхватывает Фейнман, ластясь к Леде с другой стороны.

— Етинхарт янем, атябер! — произносит Леда.

Она уже семь недель не выпивала и не занималась безотложной любовью, которую готовы предоставить ей ученые.

Они останавливаются у ближайшей ночлежки для туристов, сбрасывают одежду и познают, что на деле означает «три факториал». В смысле… его надевают… или как? Звезды порнофильмов — Кэнди Барр и Смарт Алек — и рядом не стояли с Ледой, Дики и Доктором. О, малышка!

Скоро рассвет. Компания завтракает в сальной забегаловке «У Бонго» и отправляется на юг по шоссе номер 85. Джонни запрограммировал мозг доставить их в пространственно-временную координату Уайт-Сэндс 7:57, с учетом погрешности. Он рассчитал оптимальную скорость так, чтобы «кадиллак» прибыл к месту взрыва за несколько минут до зажигания и встал за наблюдательным бункером. Тогда у них было бы предостаточно времени вбежать внутрь и присоединиться к остальным специалистам.

Прямо перед поворотом на дорогу в Уайт-Сэндс фон Нойман решает, что ему скучновато.

— Дики, вруби-ка пружинки!

— Есть, сэр!

Фейнман перегибается через переднее сиденье и щелкает тумблером на приборной панели. Машина начинает взбрыкивать и вставать на дыбы как дикая лошадь, передняя и задняя часть попеременно то опускаются, то поднимаются. Эта очередная фишка чудо-«кадиллака»: фон Нойман встроил ему в мост шасси от «Б-52».

«Кадиллак» козлит по дороге, а народ внутри со смехом валится друг на друга, играет в обжиманцы, шампанское хлещет из открытой бутылки.

Вдруг начинает мигать система предупреждения опасности.

— Столкновение неизбежно! — выкрикивает фон Нойман.

— Яйца береги! — советует Фейнман.

— Осторожней! — восклицает Леда и сползает на пол.

Фейнман лишь краем глаза замечает смольно-черный «бьюик», несущийся им навстречу строго посередине двухполосной дороги. Внутри никого не видно.

Затем дорога исчезает, и в ветровом стекле по-

является голубое небо. Раздается жуткий скрежет рвущегося металла. «Кадиллак» с содроганием опускается и постепенно останавливается.

Вглядевшись через заднее стекло, Фейнман и Нойман видят, что у «бьюика» снесло крышу. Смятая железяка валяется посреди дороги.

Несмотря на хвастовство, Нил еще не совсем привык к травке. В Эль-Пасо пришлось несколько раз останавливаться, чтобы проблеваться. Дело было на рассвете. От Джека сочувствия не дождешься, потому что он купил в Сан-Антонио еще одну бутылку сладкого вина и изрядно пьян. Нил прихватил с собой пулемет, на случай если остановят копы. Однако у него пальцы чешутся побаловаться оружием. Он надеется сделать вылазку посреди пустыни и обстрелять кактусы.

Они к северу от Лас-Крусеса, и солнце почти в зените. У Нила дурное ощущение нестыковки: должно быть, перестал действовать морфий. Надо вмазаться. Он вытаскивает из бардачка шприц и ширяется. Через пять миль ему поистине хорошо вставляет: самоощущение становится лучше, чем предыдущей ночью. Плоская пустая дорога в лучах восходящего солнца — убегающий серый треугольник, по которому катит «бьюик». Нилу кажется, что он мазок краски на картине, нарисо-

ванной по законам перспективы. Ему приходит в голову, что здорово было бы вести машину лежа. И он принимает горизонтальное положение, закинув ноги на руль. Убедившись, что идея сработала, Нил улыбается и закрывает глаза.

Авария вырывает Джека и Нила из сна подобно консервному ножу, пробуждающему копченых сардин в масле. Они оказываются в несравнимо ином мире под открытым небом.

Джек так вял, что остается сидеть в машине, а Нил выпрыгивает на дорогу и принимается исполнять шаманский танец, чтобы спастись от смерти, которая будто витает в воздухе. В руках автомат Томпсона, и он для разрядки поливает огнем все вокруг, не щадя и свой собственный предатель-«бьюик», стараясь однако, чтобы пули буравили только его нижнюю часть, то есть шины, а не сонного Джека на заднем сиденье или бак с горючим. Еще усерднее он следит за тем, чтобы не накрыть автоматной очередью злосчастных побледневших богачей в «кадиллаке». На их машине правительственный номерной знак.

Нил чувствует себя Кэгни в фильме «Белая жара» — одержимый всепоглощающей безумной яростью к властям, готовый к последнему шоу, кульминацией которого станет разрушительный

пошли-вы-все-копы взрыв. Однако убить представляется возможным только двоих. Маловато, чтобы попасть на электрический стул. Не сейчас, и плевать, что страшно хочется вмазаться. Нил палит и палит, пока автомат не начинает щелкать вхолостую.

Раздраженный Джек медленно открывает изрешеченную дверцу «бьюика» с ощущением «боже-как-ужасно-быть-живым» и покрывает блевотиной серый асфальт. От странных мужчин в «кадиллаке» исходит убийственное зло, вонь из самого костного мозга, как от стронция в материнском молоке. Джек, не разгибаясь, вытирает рот и украдкой смотрит на них. Он чувствует, что тяжелая смертельная аура вокруг тех людей порождена связью с землесотрясающей разрушительной бомбой, к которой его с Нилом непреодолимо тянет некая космическая сила. Джек ее фактически *видит*: на небе высветились ломаные линии, четкие как кактусы в пустыне.

— Меня ненавидят все, кроме Иисуса, — говорит Нил, направляясь к «кадиллаку» с незаряженным «томпсоном». — Все мнят из себя Иисуса, кроме меня.

— Привет, — говорит Фейнман. — Сожалею, что повредили вашу машину.

На заднем сиденье перед фон Нойманом появляется голова Леды — такое Нил не мог не заметить.

— Мы едем на испытание бомбы, — хрипло сообщает Джек, шатаясь навстречу.

— Мы участвовали в ее изобретении, — говорит фон Нойман. — Мы богатые важные люди. Конечно, вам оплатят ремонт машины. Предлагаю подвезти на испытание. Раз уж вы нас не убили.

Припаркованный «кадиллак» послушно стоит на обочине, мозг поднял шасси и перешел в режим ожидания после непристойного столкновения с крышей «бьюика». Нил изображает минет на горячем стволе автомата, подмигивая Леде. Затем швыряет «томпсон» в пустыню и вместе с дрожащим Джеком залезает на переднее сиденье «кадиллака». Леда, с присущей ее профессии практичностью, перебирается к ним и предлагает шампанское. Она чувствует, что мускулистые гуляки прокатят ее быстрее, чем ученые.

Фон Нойман нажимает кибер-кнопку переустановки на панели управления у заднего сиденья, и «кадиллак» рвется с места так, что всех приплющивает к мягким спинкам. Нил хватается за руль, пытаясь затормозить.

— Похоже, этот детройтский скакун сам себе на уме.

— Наш «кадиллак», думаю, не глупее тебя, — не удержавшись, язвит фон Нойман.

Нил пропускает его слова мимо ушей.

7.49.

«Кадиллак» со скрежетом поворачивает направо, на дорогу к Уайт-Сэндс. Там пропускной пункт, но солдаты узнают машину фон Ноймана и дают добро на проезд.

Нил зажигает последний косяк и начинает отбивать ритм по приборной панели в такт пульсу планеты, *его* планеты, ждущей спасителя. Изо рта клубится дым, с остекленевшими глазами земного мессии Нил вдыхает его в уста Леды. Ему предстоит откровение праведной дороги к спасению. Джек тоже сечет толк, допивая последнее шампанское в своей жизни и телепатически сообщаясь с Нилом. Время подошло. Доктор Миракл и Литтл Ричард слишком растеряны, чтобы остановить машину.

Слева на горизонте видна вышка. «Кадиллак» сворачивает с пустой дороги и напролом летит в сетку ограждения. Она с громким треском разрывается.

— Нажми, пожалуйста, ногой на тормоз, — гово-

рит Нойман без тени удивления. Он предусмотрел необходимость срезать путь. — Я все же хочу заехать под вышку, но осталось всего три минуты. Программа пытается компенсировать потерянное время.

Действительно, уже 7.57.

Преданный своей последней святой прихоти, Нил вцепился в руль. Джек уже смирился с судьбой и ликующе кричит:

— Вперед, вперед, мой друг с незапамятных времен!

Конец всему: бесконечным скитаниям и безумным забавам, мелким ссорам и любовным ласкам, сумасшедшим переездам вдоль и поперек континента, желанию запечатлеть все это на бумаге, каждую эмоцию, каждое местечко мастерски набросать в деталях, потому что мы все умрем в один день, старина, все мы…

Некогда глянцевые бока «кадиллака» исцарапала разорванная ограда. Автомобиль грохочет, словно посланник Бога, по камням и сорной траве, по песку пустыни и покатистым кратерам от бомб. Вышка прямо по курсу.

7.58.

— Держись, дядя Сэм, — шепчет Нил. — Сейчас мы подпалим тебе зад. Утихомирь там ребят,

Джек.

Джек перекатывается на заднее сиденье, прямо на колени Фейнману и фон Нойману. Нельзя же позволить этим свихнувшимся ученым баловаться с приборной панелью, когда машину ведет Нил!

Бедная Леда до сих пор наивно полагает, что они катаются ради потехи, и жмется к бицепсам Нила. И целую минуту, длящуюся вечно, все именно так, как и должно быть: красивый сильный Нил за рулем огромной тачки, шикарная брюнетка обнимет его и жует жвачку.

И вот, пока ребята сзади ничего не могут сообразить, Нил подсекает южную опору вышки. Она начинает рушиться, а Нил, летя на экстрасенсорных инстинктах, замедляет ход, как раз чтобы поймать бомбу, преждевременно слетевшую со спускового крючка.

Не такая уж она и толстушка, бомба — пример наивысшей миниатюризации: размером с бочку нефти в пятьдесят галлонов и такого же веса. Она примяла крышу «кадиллака», даже не испортив никому прическу.

Нет, она не взорвалась. Пока.

7.59.

Нил направляет не желающий останавливать-

ся «кадиллак» на квадратный бетонный бункер за полмили от них. Это важное испытание, последнее перед созданием ядерной бомбы, и в бункере находятся все разбирающиеся в атомах мозги свободного мира, не говоря уже о высоких чиновниках и политиках. Приехали посмотреть на подтверждение военного превосходства США, неуемные засранцы, готовые уничтожить будущее.

Нил несется к ним, напевая ковбойским йодлем, Джек хохочет и тычет локтем ученых, Леда жутко визжит; Дики говорит слишком быстро, чтоб разобрать слова, а Джонни…

8.00.

Они врезаются в бункер на скорости восемьдесят миль в час, сложившись, как гармошка, но этого никто не почувствовал, потому что в то же мгновение детонировала бомба, образовав гриб, в котором перемешались и атомы людей в «кадиллаке», и высокопоставленных персон в бункере.

Время разветвилось.

Где-то теперь существует Земля без ядерного оружия, где народы не тратят силы на ракеты и бомбы, где никто не просыпается с мыслью, что сегодняшний день может быть последним, Земля, где два обдолбанных торчка психовали и

маялись и дали этому миру такого пинка, что он сошел со своей орбиты…

Ради тебя и меня.

Шестидесятые
Третьи Мировые войны

Это произошло в Гамбурге, накануне Дня победы над Японией, вечером, когда исполнялась ныне легендарная концертная программа, привезенная службой организации досуга войск: «Битлы» выступали на разогреве у «Сьюпримс» и Элвиса. Этакий хор поп-валькирий, великодушно приглашенных начальством для нас — американской пехоты и веселой матросни, прежде чем столкнуть нас в кипящую пропасть, полную бутафорского сухого льда и ведущую прямо в ад, иными словами, в зияющую утробу из войск Варшавского Договора, пригнанных из Западной Германии, измотанных и обессиленных, но далеко, далеко не сломленных.

Около половины Североатлантического флота высадилось в Киле два дня назад, чтобы заправиться и взять провизию. Никому не дали увольнительной на берег. Прошел слух, что все — по крайней мере наш военный корабль «Радужный воин» — скоро отчалят в Гданьск для участия в важном десантном штурме. Зная

польские укрепления на верфях и легендарного молодого майора Валеза, шансов на успех было не больше, чем у республиканцев побить Кеннеди и Стивенсона на следующих выборах, или у Вуди Аллена получить главную роль в любовной сцене с Миа, женой Синатры.

Такие вот перспективы, если, конечно, русские подводные лодки не потопят нас по пути.

Нас со Свином Бодином это не устраивало. Не то чтобы мы боялись смерти. Вовсе нет. Три года боевых действий отняли у нас этот детский страх, впрыснув вакцину, именуемую военной аномией. Мы просто не могли пропустить яркое зрелище в Гамбурге.

— Я был на концерте «Битлов» до войны, — сказал Свин, — прямо в Гамбурге, в клубе «Стар». Да, они умели играть рок. Я думал, группа достигнет высот, но так больше о ней и не слышал. Даже не знал, что парни до сих пор играют вместе.

Бодин лежал на койке, свесив голову вниз, пытаясь получить дешевый — и единственно доступный — кайф от прилива к голове крови. Физиология прикидывающаяся фармакологией. Над койкой висел потертый плакат Джеймса Дина и Брижит Бардо, кадр из фильма «Из России с любовью». (В Овальном кабинете президента,

главного поклонника книг Флеминга, красовался точно такой же, только с автографом.)

Огромный волосатый живот Свина торчал из-под грязной рубашки — или, точнее, выпирал над рубашкой. Пупок был закупорен чем-то вроде отвратной смегмы, походившей на смесь медвежьего сала с маргарином «Криско».

Пупочный джем Бодина привлекал меня и в то же время отталкивал. Вскормленный на пшеничном хлебе, я вышел из семьи с прославленными предками-пуританами, окончил хорошую школу и имел возможность без проблем занять место в корпорации «Боинг». Такого человека, как Бодин, мне ранее встречать не приходилось. Для меня он был некой природной стихией, мифических размеров троллем, который в любой момент может разразиться штормом отрыжек и газов, способных валить деревья, с ливнем пота и соплей.

Я знал Бодина уже десять лет, с тех пор как вылетел из Корнелла[45] и записался в военно-морской флот в пятьдесят пятом году. Мирное время. Как давно это было, и будто вчера. Двадцать лет между первыми двумя и еще столько же до третьей. Словно специально распланиро-

---

[45] Примечания: 45
Частный университет в г. Итака, шт. Нью-Йорк.

вали, ждали, пока заживут раны и люди забудут боль, пока заводы снабдят новым оборудованием для выполнения заказов лабораторий НИОКР[46]? А может, мир, как и дипломатия, есть иное средство ведения войны?

Бодин все это время оставался моим бессменным спутником, даже когда я дослужился до офицерского звания и был разжалован обратно в рядовые. (Это уже другая история, которая тоже не обошлась без Свина, германского тотема смерти.) Вместе мы воплотили в жизнь немало сумасбродных замыслов. Тем не менее, как бы хорошо я его ни знал, вектор предстоящего безрассудства вышел за все мыслимые пределы. И именно ему было суждено привести нас к фатальному концу.

— Кажется, я слышал о них что-то год-два назад, — ответил я, представив, что у Свина рот на лбу, а глаза на подбородке. Висение вниз головой его не красило. — Парня по имени Маккарти…

— Маккартни, — поправил Свин.

— Не важно. Его арестовали за аморальное поведение. Застукали с какой-то малолеткой. А этот парень, Лимон…

— Леннон.

---

[46] Примечания: 46
Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

— Что за учительские замашки. Ты хочешь услышать историю или нет? Когда началась война, Леннон подсел на героин и был вынужден лечиться в клинике. Теперь он, выходит, кончил колоться.

— Я сам сейчас кончу, — фыркнул Свин.

— Да ты все слил в последнем порту! Хо-хо-хрюхо! — издал я нечто вроде смеха Свина. — Бог мой, я свихнусь на этом корыте! Хочу увидеть шоу и вмазаться! Слушай, ты сохранил экипировку берегового патруля, которую мы стырили?

— Да, а что?

— Значит, так…

Через пару часов, при полном фасоне, мы были готовы прорваться через укрепления своих собственных войск.

Стемнело. Бенни Йойодин, первый тормоз в нашей армии, караулил на выходе. На мне была нарукавная повязка БП, ремень, фонарик, на рукаве — нашивка. Свин в наручниках.

— Стой! — выкрикнул Йойодин, размахивая винтовкой, как первокурсник из Аннаполиса. — Покидать судно запрещено.

— Все согласовано, Бенни. Бодин должен покинуть корабль, чтобы завтра предстать перед военным судом.

Йойодин опустил оружие и почесал лоб под фуражкой.

— Перед военным судом? Вот те на, сочувствую. А что он сделал?

— Помнишь суп, который подали на прошлой неделе? С таким дрянным привкусом? Бодин в него нассал. Это выяснилось, когда кастрюля покрылась вызываемой мочой коррозией. Капитан съел добавку, еле откачали.

Краска сошла с лица Йойодина, он позеленел.

— Боже мой! Какое… свинство!

— Пошли, Бодин, пришло время посмотреть в глаза правосудию.

Свин стал сопротивляться.

— Нет, нет, я не пойду, не тащи меня, генерал Лимей подвесит меня за яйца!

Йойодин ткнул его винтовкой.

— Брось хныкать, прими судьбу как мужчина. Ты можешь хоть раз за свою жалкую жизнь вести себя достойно?

Свин выпрямился.

— Ты помог мне осознать мои ошибки, Бенни. Идем, Том, я готов.

Я провел Свина по трапу на палубу. От него исходил дух такого святого мученичества, что мне самому стало его жаль.

Как только мы обогнули склад, Свин сбросил оковы с запястьев и повалился на бочку, сотрясаемый смехом.

— Как сказал бы Багс Банни, — отметил я, — эх, что за олух!

— Он взаправду поверил, что я вмиг исправился. Иисусе, некоторые ребята стоят службы в военно-морских силах. В путь, Джек Хер-у-ак!

Теплый июльский вечер, мы в непростительной самовольной отлучке, а король рок-н-ролла завтра играет за сотню миль к югу. Дядюшка Сэм и остальной западный мир шатаются, как получивший удар в голову боксер перед последним и решающим раундом в бессмысленном бою. Наступил недолгий период фиктивного перемирия, чтобы смочить глотку и стереть с лица кровь, а потом вернуться к драке с курносым, капустоухим папой Никитой и его зомбированной толпой коммуняк.

Из меня никогда так не била жизнь.

По Килю кишела военная полиция и береговой патруль (всё одно). Они чинно вышагивали меж толп беженцев, спекулянтов, гражданских копов, делегированных НАТО, и бездомных сирот войны — лупоглазых, в лохмотьях, норовистых, как миноги, в попытках навязаться к нам со Сви-

ном. Они принимали нас за спасителей. Дети в щегольском рванье с Карнаби-стрит, собранном лондонскими матронами и дебютантками. Шапки в горошек, рубашки цвета пейсли, штаны в полоску. Сказочные тряпки.

Мы со Свином были вынуждены перебегать из тени в тень, вдоль по усыпанным булыжниками переулкам, прятаться в дверных проемах (единственном, что осталось от зданий) и взбираться по внезапно обрывающимся лестницам, чтобы нас не окружили сироты и не задержали копы. По луне мы вычислили путь на юг, в пригород. На шоссе нам повезло: поймали попутку с обтянутым брезентом кузовом модели «мустанг». Машина держала путь как раз в Гамбург.

За рулем сидела блондинка — лейтенант английской армии — по имени Джейн Сахарная Зайка Лейн. Ее привлекательной напарницей оказалась темноволосая эмигрантка из Румынии по прозвищу Виорика Тоукс, ныне еще и вербованная английскими вооруженными силами. Знаков отличия военных походов на пальцах не перечесть: Конго, Панама, Алжир, Финляндия, Маньчжурия… Вот это опыт, ну и парочка! Повидали больше театров военных действий, чем Хоуп, Бернс и Берль, вместе взятые.

Девчонки, как выяснилось, тоже незаконно держали путь на концерт Пресли, выудив задание доставить содержимое кузова в лагерь для перемещенных лиц, расположенный недалеко от Гамбурга. Виорика протянулась над моими коленями в бардачок, откуда выудила бутылку шведской водки. Свин тотчас бесцеремонно ее перехватил.

Я занялся встроенным радио, поймал станцию НАТО, которая пичкала щадящей диетой военных мелодий. Стрейзанд пела «Чума сразит Маркса (И Ленина тоже)». Барри Сэдлер — «День, когда мы взяли Москву». Дайан Уорвик исполняла «Знаешь путь в Рижский залив?» Прикиньте, а? Я вырубил.

— Так что это за миссия милосердия для перемещенных лиц? — поинтересовался Свин, хлебнув спиртного, но не отрывая руку от коленки Сахарной Зайки.

Чтобы было легче дышать (дверь вдавливала в бедро мой пистолет), я закинул руку на плечо Виорики. Меня завораживала ее болтовня с приятным акцентом.

— У тебя в штанах маленький козленок, или ты просто рад меня видеть? — поинтересовалась румынская детка, вызвав у Свина приступ смеха,

пропитанного водкой.

Когда он устал хрюкать, я повторил его вопрос, но другими словами:

— Да, так что там в кузове? Одеяла, лекарства, таблетки?

Сахарная Зайка улыбнулась:

— Кое-что поважнее. Пропаганда. Если точнее, комиксы.

У меня сердце биться перестало.

— Американские? — спросил я, даже не надеясь. — Новые?

Виорика кивнула.

— Да, американски комикс. И довольно свежие.

— Останови грузовик, сейчас же.

Почувствовав в моем голосе нетерпеж, Сахарная Зайка повиновалась. В мгновение ока я вернулся со стопкой в целлофановой оболочке. Не мог поверить удаче. Вся сумасшедшая история начала напоминать мне эпизод из «Героев Хогана». Тот, где Хоган уговаривает тупоумного начальника лагеря Герасимова одолжить ему с ребятами грузовик, чтобы отвезти на пищевую фабрику свеклу для борща, а сам по пути заезжает взорвать завод по производству танков. Заодно он еще вытаскивает из канавы полный кузов

советских красоток-пионерок.

Трясущимися руками я сорвал целлофан.

Фантастическую четверку отправили на ближневосточный фронт. Зрелище Человека-Факела, взрывающего самолеты египетских красноармейцев, расплавленный метал, брызжущий над Сфинксом, — все это тотчас напомнило мне о медиа-машине Соединенных Штатов. Девушка-невидимка влюбляется в красивого израильского солдата. Разгром русских генералов. Между тем в Тихом океане Супермен поднимает в воздух коммунистические авианосцы, швыряет их на берега сонной и внешне нейтральной Японии и, сам того не подозревая, вызывает приливную волну, которую ему приходится обгонять, пока она не смыла руины Токио. Были и еще. Флэш подхватывает генерала Уэстморленда и мчит через весь Китай, чтобы успеть на встречу с Чан Кай-ши. Субмаринер в Австралии, Капитан Америка в Тибете, Зеленый Фонарь во французском Индокитае…

Я был так поглощен чтением, что даже не заметил, как грузовик съехал с дороги и покатил по территории брошенной фермы.

— Курс на амбар! — завизжал Свин, потянув Сахарную Зайку в сторону относительно непо-

вредженного строения, полного манящего сена.

Меня с Виорикой оставили расположиться на ночь в развалинах дома. Мы положили кой-какую подстилку в углу из двух твердо стоящих стен, под кусочком крыши. Воздух ластился к нашим обнаженным телам, звезды завидовали зрелищу. После секса Виорика немного рассказала о себе:

— Меня заставили до изнеможения работать на советском военном заводе в Тимишваре. Я перебралась через границу уже бывшей родины, проехала всю Югославию до Адриатического моря, избегая разных типов, попала на корабль с безработными, который затонул недалеко от Сицилии. Полгода я была заложницей у бандитов, которые использовали меня как куклу для развлечений. Спасли англичане — спецвойска; они устроили неслабую пальбу, когда искали похищенного посла, а нашли меня. Я приехала в Лондон прямо угадай к чему?

— Не к Напалмовой Ночи?

— Точно. Весь город, куча народу погорело от Русского Вазелина. Чудовищная неразбериха.

Слова эти можно отнести ко всему миру. Мы заснули.

Рано утром нас разбудил петух, высокомерно проголосивший, что жизнь стоит того, чтобы

жить. Мы его выследили, нашли курочек и нашарили яиц. Девчонки достали казенные «Хрустящие тартинки с перчиком», и мы славно позавтракали на обломках цивилизации. Свин ел за двух… лошадей, так сказать.

Вернувшись на дорогу, мы промчали оставшиеся мили до Гамбурга. Танки, грузовики и джипы, которые мы обгоняли, все направлялись в город, никто не попадался навстречу. Казалось, весь европейский театр военных действий стекался в ганзейский город на большое представление, чтобы согреться солнечными лучами короля рок-н-ролла. Мы видели представителей американских спутниковых каналов и Би-би-си. Я вроде даже заметил среди них Уолтера Кронкайта.

— Сделай меня звездой! — выкрикнул Свин, пронесясь мимо.

Девахи высадили нас еще до полудня в центре разгромленного города.

— Нам надо отвезти эти цветастые капиталистические катехизисы людям, которые в них действительно нуждаются, мальчики, — сказала Сахарная Зайка. — Встретимся сегодня на концерте. Спасибо за компанию.

— Леди Джейн, — произнес я, подражая голосу Джаггера, — позвольте поцеловать вам ручку.

Она великодушно протянула руку из окна машины.

— Тебе бы разрешили поцеловать много больше, если б попросил, — сказал Свин.

— Свин, ты — оскорбление рода человеческого, жалкий гомо сапиенс.

— Не наткнитесь на противопехотную мину, — предупредила Виорика, когда Сахарная Зайка включила передачу. — Иван тут их изрядно натыкал до отступления!

Следуя прощальному совету Виорики, мы внимательно шли посреди пустынной улицы.

— Ну, что теперь? — спросил я Свина.

— Надраться, конечно. Это ж одна из главных причин удрать без увольнительной, забыл?

Мы нашли действующую пивную, «Железный жернов», в крытом подвале уничтоженного здания. Внутри под тусклым освещением тусовались местные и военные всех наций, не при исполнении. Кадровый состав канадцев общался с группой новозеландцев, стая австралийцев изливала душу своре португальцев. Проститутки и мошенники занимали в пищевой цепи позицию ниже. У нас было полно денег, выпущенных оккупационными войсками, и мы швырнули их на стойку бара, чтобы получить лучшее домашнее

пиво герра Фельдферайна.

Свин, причмокивая, выдул две бутылки и вскоре сладко захрапел на стойке. Еще бы, рядом с Сахарной Зайкой не выспишься. Я сам дошел до того состояния, когда перед глазами все плывет и мысли текут свободно, как собаки в песне Дилана.

Мое внимание привлек человек, сидевший слева. Он был в возрасте — лет за шестьдесят, — но в хорошей форме. С бородой, в одежде стиля сафари, какие носят корреспонденты и другие белые, шатаясь по разного рода заведениям в чужих краях. От него исходила печаль мудрости — такого я в людях раньше не встречал. Подвыпивший, я чувствовал своим долгом попытаться приободрить его.

— Полагаю, передо мной господин Хемингуэй, — почтительно проговорил я, поднимая стакан.

— Извини, сынок, Хемингуэй борется с оккупационными войсками на Кубе.

Судя по голосу, он был абсолютно трезв — вероятно, единственный трезвый в этой пивной.

— Но вы же писатель, верно?

— Да. Из «Геральд трибьюн». Вы тоже?

По спине ни с того ни с сего пробежали му-

рашки. Я неправильно понял вопрос? Зачем он спросил? Моя форма говорит сама за себя, как грыжа сенатора Джонсона. Я считал, что мою ушибленную карму никто не видит. Я глотнул пива и ответил:

— Боюсь, нет. Может, в другой жизни. Если б я не ушел из школы…

Писатель ехидно рассмеялся. Никогда такого жуткого смеха не слышал.

— В другой жизни… Еще раз ты жить не захочешь, не сомневайся.

— Откуда такая уверенность?

Он схватил меня за рукав и пристально вгляделся.

— Я расскажу тебе одну историю, и ты поймешь сам.

Отпустив мою руку, писатель начал рассказывать:

— В 1985-м мне было восемнадцать…

— Сейчас шестьдесят пятый. Это будущее, — прервал я.

— Твое будущее. А некогда мое настоящее. Теперь оно никому не будущее. Не важно, не перебивай. Я эту историю редко рассказываю и могу передумать. В 1985 году я был простым солдатом. Жил в мире, какой тебе трудно представить. Ви-

дишь ли, Соединенные Штаты и Советский Союз были до зубов вооружены атомными бомбами. Имеешь представление, что это такое?

— Что-то связанное с атомами… — только и сумел выдать я.

— Правильно. Взрывчатое устройство, в котором расщепляются атомы, производя невероятную разрушительную силу. Они были изобретены во время Второй мировой…

— Правда?

— В моем мире — да. А после войны их производили тысячами и устанавливали в ракетах…

— Что такое ракеты, я знаю. Диво так диво. Они мне всегда нравились, но я ни разу не видел настолько большую, чтобы поднять бомбу. Фейерверки всякие.

— Поверь мне, можно построить такую мощную ракету, что перелетит океан. Представляешь тот мир? Он весь стал заложником двух сверхдержав, располагавших достаточным мегатоннажем, чтобы разрушить всю экосистему.

Мегатоннажем? Экосистему? Бред сумасшедшего… А псих не унимался.

— В 1985-м свершилось неизбежное. Советским генеральным секретарем был Юрий Андропов: ублюдок, бывший кагэбэшник. Русские проигры-

вали в Афганистане…

— В Афганистане? Разве на эту землю не англичане претендуют?

— Британская империя распалась после Второй мировой. Они ни на что не могли претендовать. Геополитическая карта зависела исключительно от Штатов и России. Они вдвоем вели игру. Русские вторглись к нашим союзникам в Пакистан, где располагались базы афганских повстанцев. Мы ввели войска, не собираясь использовать ядреное оружие. Конфликт начал расти. Они запустили ракеты, и началась Третья мировая.

Я был простым охранником в штабе командования под Скалистыми горами. Настолько смертоносны были те бомбы, что мы прятали наши задницы под весом гор, чтобы выжить. Первые несколько минут войны — а она длилась всего пару часов — все шло по плану. Генералы сообщили код запуска ракеты солдатам, которые работали в стартовой шахте, прочли переданный им доклад об ущербе, подсчитали свои потери и запустили в ответ вторую партию ракет… Затем все пошло наперекосяк, Мы получали визуальные данные по волоконной оптике — атмосфера, конечно, переполнилась электромагнитными лучами, — и то, что мы увидели…

Мужчина начал рыдать из-за катастрофы, которая еще не произошла и, вероятно, никогда не произойдет. Лицо его скривилось под тяжестью сильных эмоций. Мне это начинало надоедать. Занимательный, но затянутый разговор с выдумщиком, у которого разыгралось воображение, перетек в занудное повествование маньяка с неустановленным диагнозом.

Когда борода пропиталась влагой, старый репортер взял себя в руки, очевидно, задействовав некий внутренний волевой запас, и схватил меня за локоть. Я застыл. Через прикосновение мне передалась уверенность, что все сказанное — правда.

— Бойня вышла жуткой. И ученые, и солдаты сходили с ума. Никто такого не ожидал. В штабе командования начались мятежи, перестрелки и самоубийства. Одни настаивали на продолжении войны, другие — на незамедлительном прекращении.

Я не мог принять ни одну из сторон. Мое сознание было парализовано. Я бросил винтовку и бежал, все глубже и глубже в огромный бункер. Пришел в себя в какой-то лаборатории. Вокруг все были мертвы: покончили с собой. Я хлопнул дверью, и она защелкнулась. Там было некое

устройство. Машина времени.

— Иисусе! — Я стряхнул его руку и огляделся в поисках защиты от сумасшедшего, однако все были заняты распитием пива, кроме Свина, который блаженно храпел. Некому мне помочь. — Атомные бомбы, ракеты, это еще ладно. Но машина времени. Вы ожидаете, что я…

— Я от тебя ничего не жду. Просто слушай. Как только я понял, что стою перед отчаянным экспериментальным проектом, неопробованным кораблем в один конец, то решил, что мне делать.

Я хотел прожить век заново, до того года, когда началась последняя война, и потому установил машину на семьдесят лет назад, в 1915-й. Подсчитал, что могу дожить лет до девяноста. Вторая декада века как раз подходила для начала перемен.

В машине были и пространственные параметры. Я выбрал Нью-Йорк. Мгновенное перемещение, очень удобно. И вот я там, странно одетый восемнадцатилетний парень с еще не просохшими от слез глазами. Я твердо знал, что мне делать, и быстро устроился репортером. Невероятно, сколько сенсаций можно описать, когда будущее для тебя открытая книга. Затем я начал с расче-

том убивать важных людей.

Сначала Эйнштейна. Он уже успел опубликовать некоторые работы, но я очернил его имя так, что люди не стали их читать. Направляясь в Швейцарию, я вез с собой яд, которым отравили себя лаборанты в Третью мировую. Припас его, перед тем как сесть в машину времени. Убивает мгновенно, без следов. Не стоило труда подлить жидкость в кофе Эйнштейна, когда я гостил у него. Я заплатил цюрихскому сироте, чтобы тот сообщил властям, будто «еврейский извращенец» умер во время полового акта с ним. Выдающийся скандал. После такого ни один уважающий себя ученый не притронулся бы к его работам и десятифутовым шестом.

Устранив главного виновника, я составил список людей, имевших отношение к расщеплению атома или созданию ракет. Бор, Лоренс, Ферми, Дайсон, Альварес, Фейнман, Панофский, Теллер, Оппенгеймер, Годдар, Сахаров, Жолио-Кюри, фон Браун, Дирак — я полностью стер с доски истории физиков-ядерщиков двадцатого века. Это оказалось легче, чем я думал. Они были важными судьбоносными гениями — и такими доверчивыми. Ученые любят разговаривать с репортерами. Меня допускали ко всем. В армии

я научился сотне способов убивать, не оставляя следов насильственной смерти, чем я и воспользовался, когда закончился яд. Смешно, как все просто. Самое трудное — остаться незамеченным. Я приходил к жертвам домой ночью, без лишних свидетелей. Представлялся разными именами, называл газеты, в которых не работал. О, я был хитер — талантливый серийный убийца. Ради спасения мира!

Ни одно из перечисленных имен ничего мне не говорило, кроме Эйнштейна, сумасшедшего еврейского физика, опозорившего Швейцарию. Пришлось допустить, что эти люди некогда жили.

— Зачем вы убивали ученых? Почему не пошли в политику и не попытались изменить правительство, которое вело такую войну? Уничтожили бы главных лидеров.

— Длинный путь. Политики были всегда, а наука только зарождалась. Во всем виноваты ученые. Эти надменные ублюдки заслужили смерти. Как можно бездумно создавать то, что ты не в силах контролировать? Словно дети, которые ради удовольствия разбирают запруду. Да и что бы изменилось, если бы президентом избрали другого человека или назначили иного премьера? Стала

бы Россия демократичнее, если б ее возглавлял не Андропов? Дала бы независимость союзным республикам? Вывела бы войска из Афганистана? Маловероятно. Я не игнорировал политику. Благосклонно отзывался в печати о создании нового научного совета, который появился при Рузвельте, хвалил его членов. Писал предвзятые статьи, высмеивая любую попытку финансирования чего-либо, отдаленно связанного с ракетами и атомной энергией. После моей чистки такие предложения редко проскакивали. Конечно, приходилось постоянно выслеживать выскочек, которые хотели занять нишу былых гениев.

До Второй мировой история почти не отличалась от той, которую я помнил. Ядерная физика в моем прошлом дала о себе знать в сороковых. К тому времени как Гитлер вступил в Польшу, я был уверен, что выполнил свою задачу, предупредил атомное завершение войны. Я спас Землю от уничтожения.

Только вот мои действия привели к большим человеческим потерям при вторжении американцев в Японию. Сотни тысяч лишних смертей, и все из-за моего вмешательства в историю. Не думай, что я не переживаю об этих людях, каждую ночь сравнивая утраты с количеством

беззащитных граждан в Хиросиме и Нагасаки, а потом и по всему земному шару. Чаша весов всегда перевешивает в ту же сторону. Последствия атомных разрушений намного ужасней.

Он уже говорил практически сам с собой, все более и более увлеченно, пытаясь оправдаться, и мое непонимание не имело никакого значения. Свин перестал храпеть.

— После войны события стали сильно отклоняться от тех, что я пережил. Ход истории выскользнул из-под моего контроля. Постоянное присутствие американцев в разгромленной Японии привело к усилению борьбы китайских республиканцев против Мао и его партизан, и в итоге они потерпели неудачу. Разве я мог предвидеть, что из-за американцев на границе России с Монголией русские сделаются столь параноидально-агрессивными? Все рассчитать невозможно. Инцидент на границе, который послужил поводом для Третьей мировой, — это же просто безумие! Но я ничего не мог поделать! А что нынешняя перестрелка планете? Атомных-то бомб нет. Или есть? Тебе не доводилось их видеть?

Я молча пялился на него. Писатель схватил меня за рубашку.

— Я спас твой зад от жаровни, — прошипел он. — Я сделал больше, чем Иисус! Вы все обязаны мне жизнью, сосунки. Я сотворил ваш мир…

Прогремел выстрел, сопровождаемый криками и звоном разбитого стекла. Пальцы путешественника во времени разжались, он выпустил мою рубашку и рухнул на пол. Над ним с моим пистолетом в трясущейся руке стоял Свин Бодин.

— Мой чертов папаша погиб при вторжении в Японию, — сказал он.

— Бодин, полагаю, ты только что убил Бога, — заключил я.

— Сейчас война, старина. Почему Бог должен легко отделаться?

Мы выскочили из «Железного жернова» так быстро, что нас не успели остановить. Сразу нашли Сахарную Зайку с Виорикой и перепихнулись в безопасном месте до начала шоу. После всего, что пришлось пережить, негоже будет пропустить его.

«Битлы» играли превосходно, особенно ударник Пит Бест. Толпа забыла свои переживания по поводу Дня победы над Японией и начала веселиться. Во время их последнего номера — маленькой песенки «Будущее никогда не известно» — я так зарыдал, что пропустил все выступление

«Сьюпримс» и первые аккорды элвисовского «Таинственного поезда».

Однако от пения Пресли мир показался мне снова реальным и даже более значимым, чем раньше.

После концерта мы вчетвером прогуливались, держась за руки, по ночным улицам, освещенным лишь звездами, которые так высоко, что до них не долетит ни одна «ракета» с «атомной бомбой». Мы шли к грузовику, более не отягощенному красочным содержимым, как и моя голова планами.

И все же я чувствовал удовлетворение.

— Куда, мальчики? — спросила Сахарная Зайка.

— В будущее, — ответил я. — Куда же еще.

— Ну, ну, ну! — фыркнул Свин. — Как насчет того, чтоб вернуться в прошлое? Мне опять хочется в тот амбар.

— Если тебе доведется побывать в прошлом, Свин, пожалуйста, не пытайся его перекроить. И так плохо жить в мире, сотворенном моральным идеалистом. А каково будет на планете, созданной аморальным гедонистом, представить себе не могу.

Девушки ничего не понимали. Свин хотел объяснить, до визга щекоча их.

— Разве могло быть хуже, Том? Разве могло? Хо-хо-хрю!

Линда и Фил
1

Утка издавала звуки, очень похожие на человеческую речь. Механический клюв, однако, двигался не в такт.

— Вубнеш. Слышишь меня? Пора бежать.

Чернокожая девочка, к которой были обращены слова, не отвечала. В бесформенной однотонной рубашке, бритая наголо, она неподвижно сидела в углу пустой, обитой резиной комнаты. Даже расслабленное, ее лицо походило на выжженные прерии Уоттса и Детройта, где после губительного пожара остались только булыжники.

Не получив ответа, утка возбужденно защелкала клювом. Соломенная шляпа с цветами, крепившаяся дужкой, съехала на электронные глаза.

Утка заговорила словно сама с собой:

— Не выводится из состояния аутизма. Что делать? Да? Хорошо, попробую.

Переваливаясь с лапы на лапу в соответствии с гомеостатической программой, утка вскоре оказалась на расстоянии клевка от вытянутых

голых ног девочки. Наклонив голову, она начала щипать пластиковым клювом темную кожу.

Сначала девочка не реагировала на стимул. Утка удвоила усилия. Если бы ее искусственные глаза могли выражать чувства, в них отразились бы тревога и досада. Клюв продолжал порывисто стучать. Наконец девочка спазматически задергалась. Утка подняла голову.

— Вубнеш. Вставай. Иди за мной.

По-прежнему не говоря ни слова, девочка неуклюже поднялась на ноги, не меняя выражения лица, и утка повела ее к единственной в комнате двери.

— Попробуй повернуть ручку.

Вубнеш выполнила приказ. Заперто.

— Отойди, — сказала утка, и девочка шагнула в сторону.

Изнутри утки вырвался высокочастотный вопль. Когда он перешел в не воспринимаемый человеком диапазон, из прикрытого шляпой глаза выстрелил луч когерентного света, испепеливший и шляпу, и замок в двери.

Утка доложила незримому собеседнику:

— Я почти ослепла, энергетический ресурс исчерпался на треть. Совет? Как скажете…

Вубнеш сама открыла дверь. Хемосенсоры утки

уловили запах паленой плоти — от руки, притронувшейся к горячей ручке. Девочка встала в дверном проеме, очевидно, исчерпав запас свободной воли.

Утка поспешно обогнала ее.

— Быстро, Вубнеш, на крышу!

Парочка прошла по пустому коридору до лестничного пролета, ни на кого не наткнувшись.

— Возьми меня на руки, — сказала утка. Девочка послушалась. — Теперь поднимайся вверх.

Через два этажа они приблизились к последнему выходу. Утка, не раскрывая клюва, издала какой-то звук.

— Открой дверь.

Крышу снаружи караулил охранник, в форме и с оружием. Он повернулся слишком медленно и получил в грудь луч.

— Теперь окончательно ослепла. Включаю запасную батарею. Вубнеш, к вертолету.

Черная девочка послушно последовала за уткой, ступая голыми ногами по гальке и гудрону к большому вертолету с надписью «Блэкбридж Энтерпрайз Лимитед».

Внутри кабины утка приказала поставить себя.

Вубнеш опустила ее на сиденье. Утка начала

слепо тыркать по панели управления, пока не нашла то, что нужно: конец болтающегося кабеля. Схватив его клювом, она повернулась к девочке — два выжженных глаза как стигматы.

— Подсоедини меня. Сама не дотянусь.

Вубеш взяла кабель. Утка легла грудью на сиденье и приподняла зад с искусственным хвостом, обнажив разъем.

Штекер пришелся точно впору.

Двери захлопнулись, заработали мощные двигатели, начал раскручиваться винт.

Через минуту вертолет поднялся в воздух. Послышались крики и беготня, донеслись выстрелы — мимо. Развалины Манхэттена остались внизу.

Достигнув и даже превысив предел своих двигательных возможностей, Вубеш откинулась на спинку кресла, расслабив мышцы лица так, что оно приобрело выражение слабоумия.

— Приблизительное время прибытия в Тусон — четыре пополудни по восточному поясному времени. Вертолет на автопилоте, индикатор обнаружения препятствий включен. Отключаю дополнительные функции для экономии энергии.

Утка утратила некую долю интеллектуальности. Внутри поврежденного тела что-то щелкну-

ло. Писклявый цифровой женский голос начал повторять одно и то же предложение:

— Здравствуй, дорогуша, меня зовут Филиппа Кей Дак, меня зовут Филиппа Дак, меня зовут Филиппа Кей Дак…

2

Дверь скромной лавки, где Фил Дик работал последние тридцать лет, была закрыта, несмотря на рабочее время. Его потная рука скользнула по дверной ручке, как рыба вокруг сваи в доке.

Старик умер, подумал Фил и ужаснулся. Другого объяснения нет. Теперь магазин будет принадлежать мне. И он поглотит меня, как его. Бесконечная суматоха. Головная боль. Торгаши, заказы, накладные. Гвозди такого-то размера нарасхват. Мистер Дик, вы неправильно сняли заусенцы с трубной резьбы.

И все из-за ошибки двенадцатилетней давности: зачем я женился на его проклятой дочери? Которая достаточно молода, чтобы быть моей… и толста, как три темноволосые папенькины дочурки, вместе взятые.

Может, ошибся магазином? От этой мысли Дик подпрыгнул. Да, наверное, так оно и есть.

Озабоченный с самого утра, он вполне мог остановиться перед другим заведением на Главной улице города Тусон. Посмотрите только. Какое отношение это место имеет *к нему*? Пыльное стекло, грязный фасад, витрины с дохлыми мухами. Угнетет любую чувствительную душу.

Фил сделал шаг от неподатливой двери и с надеждой взглянул вверх на вывеску. Сосредоточиться удалось не сразу. Надпись словно исчезала из реальности, нарисованные краской буквы расплывались как цветастые амебы. Но затем они приобрели привычные строгие очертания: «Скобяная лавка Ронштадта».

Плечи Фила согнула усталость, будто на него надели плащ супергероя. Перед ним действительно магазин тестя. Значит, дурное предчувствие не обмануло. Только смерть или нечто в равной степени серьезное могло помешать Гилберту Ронштадту открыть свою лавку точно в восемь тридцать, словно он автомат из «Блэкбридж Энтерпрайз».

Фил представил, что его тесть вышел из строя и из него посыпались пружины и гайки (как у одной из чертовых уток по имени Филиппа Кей Дак, которую шаловливое дитя треснуло о стену). Жуть. Если отец — симулякр, то и дочь тоже. А он

трахает ее больше десяти лет.

Ноги подкосились, и Фил схватился за телефонный столб, чтобы не упасть. Послышался звук рвущейся бумаги.

— Боже мой! — ахнул Фил. — Что я натворил!

Он сорвал плакат президента Лимбо. Осквернил образ Бесстрашного Лидера, наклеенный в честь двухсотлетия падения Америки, как и красно-бело-синий флаг, протянувшийся через Главную улицу. Фил посмотрел на небо. Видно ли его сейчас с президентского спутника — Белого дома на орбите, записано ли его лицо экстрасенсорным механизмом, способным проследить любое ползучее насекомое? Скажут ли о нем сегодня по радио в главном ток-шоу, прежде чем нацелить на него Лимбо-пушку? Ну что ж, по крайней мере это конец земным супружеским проблемам, какие бы онтологические ужасы его ни ждали.

— Я не нарочно! — закричал Фил в небо. — Случайно получилось! Честное слово!

Те несколько пешеходов, что прогуливались по той же стороне улицы, поспешили прочь.

Изгой, понял Фил. За пару секунд я стал неприкасаемым. И все из-за поганого президента с ртом-клоакой. Из-за него и его вице-президента,

Буканана. Наглого ирландца. Не понимаю, как страну, коей некогда правили Линкольн и Джефферсон, могли возглавить такие люди? Если б только Малкольм Икс был стрелком получше. Он не замочил бы того техасца вместо Кеннеди. Я же знаю, в кого он метил, а отчет Комиссии Уоррена — фабрикация. Малкольм просто промазал. В итоге в шестьдесят четвертом, в самое неподходящее время, президентом стал бывший бизнесмен вице-президент Перо. Расовые бунты. Ку-Клукс-Клан. Поджоги. Чума. Меры президента Перо, от которых стало еще хуже.

Неудивительно, что в семьдесят втором над страной издевалась вся иностранная пресса. Когда верховный суд отказал Перо в третьем сроке, нация превратилась в посмешище.

Такова карма Америки, решил Фил. И это мое наказание за то, что я никчемно прожил жизнь.

Буду молиться, чтобы дерьмо, в которое я влип, никак не отразилось на Джейн. Она все, что у меня есть. Ни одному человеку не дана такая добрая, мудрая сестра. Пока жива Джейн, мир не покинет надежда на будущее.

Фил поднял в небо кулак.

— Не смейте трогать Джейн, ублюдки. Попробуйте только, и я найду способ отомстить вам,

клянусь!

— Что, Фил?

Это произнес тесть, Гилберт Ронштадт, Старик.

Гил был всего на десять лет старше Фила. Однако трудные последние годы отразились на нем, сделав сгорбленным и седым. Ничего не осталось от темноволосого мужчины притягательной внешности, унаследованной от мексиканских и немецких предков. Таким Фил встретил его сорок лет назад. Тогда Дороти и Эдгар Дик — молодая пара, недавно приехавшая в Тусон с двумя детьми по распоряжению министра сельского хозяйства — впервые пригласили Гила в гости. Гил очаровал их игрой на гитаре и пением национальных песен. Когда он сообщил им о своей помолвке с красавицей Рутмари, родители закатили огромную вечеринку. Вскоре молодожены открыли свою первую скобяную лавку и отметили событие дешевым калифорнийским шампанским. А когда Филу исполнилось восемнадцать, он, естественно, устроился работать в магазин Ронштадта.

Я мог бы учиться в Аризонском университете, рассудил Фил. Денег было мало, но что-нибудь придумал бы. Днем работал бы в лавке, а по вечерам занимался. Профессором философии, вот кем я хотел стать. В другой жизни. Хьюм и Беркли

вместо Блэка и Декера. Однако Дороти и Эдгар — ныне уже пять лет, как чума забрала их! — запретили. Будь прокляты их забитые пылью глаза. Фил, видите ли, нужен в лавке. По необъяснимым причинам родители настояли, чтобы он остался у них, убедив, что его ждет пусть не шикарная, но стабильная карьера. Словно они, судьба или некий посредник хотели…

Хотели, чтобы он влюбился в Линду Ронштадт и женился на ней.

Линда родилась в сорок шестом, в год, когда Фил начал работать в лавке. Ребенком она была вездесущей, вечно путалась под ногами. Стройная большеглазая малолетка появлялась в магазине только после школы. Ее волнующая привлекательность восполняла отсутствие постоянного общения. А юной девушкой — изящной, обаятельной, с глазами косули, сладким голосом и спелой фигуркой под платьем…

Я был околдован.

Откровение сбило Фила словно грузовик.

Где-то когда-то неизгладимый образ впечатан мне в душу, не знаю, кем или чем. Заложен в мое подсознание, возможно, закодирован в генах. Когда пришло время влюбиться в нее, я не мог противиться.

Они поженились в шестьдесят четвертом перед тем, как мир стремительно покатился к безумию. Фил, моложавый, несмотря на тридцать шесть лет, Линда — зрелая восемнадцатилетняя женщина. Некоторое время все шло хорошо. Потом Линда решила, что хочет стать певицей. Профессиональной.

Она сидела на неудобной кушетке и плакала. Слезы катились по щекам, однако девушка не всхлипывала. Можно было подумать, что, отказав желанию Линды, Фил украл у нее голос. Чтобы восстановить равновесие, ему пришлось говорить за двоих.

— Линда, я не могу просто сорваться и переехать в Калифорнию. Меня тошнит от такой мысли. Это сумасшедший край. Западное побережье — для мотов, мечтателей, прожигателей жизни. Я не такой, Линда. Мы не такие. Мы всего лишь Линда и Фил Дики, домохозяйка и продавец скобяных товаров. Пойми. Так распорядилась судьба. Если хочешь петь, присоединись к хору, развлеки людей на пикнике. Поверь мне, ты осчастливишь больше людей, чем если поедешь в Лос-Анджелес и изольешь свое сердце в каком-нибудь дешевом клубе. Всякое может случиться. Не исключено, что ты пристрастишься к наркотикам, как неред-

ко бывает с наивными созданиями.

Линда посмотрела на него полными тайн темными глазами и пригвоздила взглядом, как бабочку к картону.

— Я не наивная, — проговорила она безжизненным, словно чужим голосом. — Я достаточно взрослая.

По спине Фила пробежал холодок. Он понял ошибку. Линда права, она опережает время в развитии, как все женщины. Кто он такой, чтобы указывать ей, что делать? Чего он сам добился в жизни?

Но тут взгляд Линды дрогнул, иссяк бездонный источник ее силы, и Фил закрепил свою победу жестокой фразой:

— К тому же, с чего ты взяла, что сможешь петь?

На моем погребальном камне, подумал Фил, высекут: «Здесь покоится человек, который сказал Линде Ронштадт Дик, что она не сможет петь».

Сейчас его имя произносил Гил:

— Фил, Фил? Ты в порядке? Прими «пилц».

Утренний свет струился как едкий мед, тягучий и липкий. Фил начал потеть, а Гил по-прежнему мерз, словно жил в другом мире. Старик одернул свой синтетический кардиган, мешковатый на

усохшей фигуре.

Фил достал из нагрудного кармана пластмассовый пузырек небесно-голубого «пилца». «Пилца» Фила. Он проглотил таблетку чудодейственного лекарства «Блэкбридж Энтерпрайз» и погрузился в знакомое состояние эйфории.

Между тем Гил рассматривал зятя, будто видел его впервые в жизни. Наконец он решился заговорить.

— Фил, знаешь, что меня задержало? Я разговаривал по телефону с Линдой. С моей дочерью. Твоей женой. Ты оставил ее в слезах. Обычная утренняя ссора. И все же она беспокоится за тебя. Говорит, что последнее время с тобой что-то не так. Ты сам не свой.

Солнце передвигалось слишком медленно. За какие-то несколько минут изменились основные константы. К чему бы это? Бесспорно, день сегодня какой-то ненормальный.

Фил произнес, словно обращаясь к себе:

— Со всеми нами что-то не так. А я никогда не был самим собой.

3

Зажав незажженную сигару выращенными в Германии зубами, Леон Негропонт взял отчет из рук начальника безопасности Макса Фляйшванда и презрительно швырнул его в мусорную корзину. Вынув изо рта сигару и наставив ее на лысеющего Фляйшванда, грубый волосатый глава «Блэкбридж Энтерпрайз» начал орать:

— Вздор! Не говорите мне, что за этим не стоит Панофски. Кто как не он? Кто, кроме «Урал Системс», способен внедрить агента в нашу организацию? И взломать лучшую игрушку? Черт! Если б этот ублюдок не прятался глубоко под Карпатами, загорая под вольфрамовыми лампами, я бы повесил его яйца на свою цепочку для ключей!

Фляйшванд съежился.

— Господин Негропонт, я все же хотел бы доложить основные моменты отчета. Утка преобразовалась в оружие уничтожения, что выходит за рамки возможностей ученых «УС». Пока вертолет не скрылся из виду, было ясно, что он направляется к центру США. Агент «УС» полетел бы к Атлантическому океану, на подводную лод-

ку за пределами государственных вод.

— Один черт знает, что взбредет в голову Панофски, — буркнул Негропонт уже с меньшей уверенностью. — Треклятые Зеленые ох как хитры. Это все их метаболизм. Из-за неохлорофилла в венах они мыслят не так, как люди. Глазом не успеешь моргнуть, как придушат тебя виноградной лозой. Сукин сын мог построить базу где угодно. Ты же знаешь, что мог. Страна превратилась в решето. Спасибо долбаному президенту, который решил, что важнее разделаться с предателями, чем защищать границы. Все равно что послать в параллельное измерение наш и без того хилый потребительский рынок. Боже ж ты мой!

Негропонт нажал кнопку внутренней связи.

— Алло, Служба слежения? Еще не обнаружили вертолет? Да, я понимаю, что это мой личный вертолет с системой скрытого передвижения и дальностью полета в три тысячи миль. Но он мне нужен! И срочно!

Фляйшванд скромно кашлянул.

— Господин Негропонт, позвольте внести предложение?.. Правительство располагает лучшими агентами по поиску скрытых объектов, да и специальным военным оборудованием…

Негропонт стукнул по столу мощным кулаком.

— Хочешь, чтобы я позвонил президенту Лимбо и попросил об одолжении? Сообщить ему, что я в дерьме? Нам всем тогда крышка! Он давно ищет предлог прикрыть «БЭ», а я поднесу его на блюдечке! Да если он узнает хотя бы о черной девчонке, пусть она и пропала…

— Если бы меня ознакомили с конкретной, э… пользой от этого ребенка…

Негропонт сощурил глаза под черными сросшимися бровями, отчего его лицо сделалось необычайно злым.

— Хорошо, я расскажу. Но тебе не понравится. Кроме того, что она вымирающая особь с афроамериканской генетической наследственностью, девочка обладает редким даром. Страдает аутизмом, однако наделена выдающимися умственными способностями. Стоит показать ей изделие…

Фляйшванд перебил, решив показать свою догадливость:

— И она может определить, будет ли оно продаваться?

Начальник рассмеялся, но это был презрительный смех.

— О предсказании ли речь? Нет. Скорее о вынуждении, причине и следствии. Она *делает*

товар раскупаемым. Насколько мы знаем, девочка создает подсознательное глобальное поле, которое заставляет людей покупать наше барахло. Поэтому с ней и была утка. Спрос на Ф. К. Д. падал, и мы хотели его поднять.

— Боже мой… — пробормотал начальник службы безопасности.

— Раз твое любопытство удовлетворено, выметайся отсюда. Я должен подумать.

Фляйшванд вышел. Негропонт подошел к картине на западной стене кабинета.

Точнее сказать, к портрету президента Лимбо, который обязали вешать в каждом доме и на каждом рабочем месте. С лавровым венком на потешной лысой башке, с двойным подбородком — ну чистый Цезарь.

Негропонт украсил президента смачным плевком и отодвинул, обнажив скрытое хранилище.

— Открывайся, — велел он сейфу.

— А волшебное слово? — отозвался тот.

— Открывайся на хер!

Сейф, казалось, обиделся.

— Нет, это не то слово. Вам следует говорить «пожалуйста».

— Открывайся на хер, или я возьму ядерно-атомную паяльную лампу!

— Хорошо-хорошо.

Негропонт достал из сейфа коробочку для колец. Внутри, на подушечке, оказалась пилюля, сияющая всеми цветами радуги.

Подойдя к столу, он включил аппарат внутренней связи.

— Алло, транспортный отдел? Подготовьте мой запасной вертолет. Нет, полечу не я, а моя дочь Филиппа Кей. Так что подготовьте пилота. И не какого-нибудь чертова ветерана Плазмодиумной войны. Один тут обрыгал меня, когда мы пролетали над нефтяной пленкой. Пришлось взять управление на себя.

Негропонт отключил систему и проглотил радужную пилюлю.

4

— Ой, — робко произнес пульт. — Ой, ой, ой…

Линда Мария Ронштадт Дик, весом в сто тридцать один фунт, села на кушетку и начала быстро переключать каналы. Коробка конфет и бутылка водки, наполовину опустошенные, составляли ее единственную компанию.

— Ой, — не умолкал пульт, пока Линда нервно щелкала по пятистам каналам. — Ой, ой, ой…

С каждым нажатием пульт должен был называть номер канала. Но на прошлой неделе он сломался. Теперь устройство издавало только лишь звук искусственной боли. (Какой-то безумный программист, от скуки или потехи ради, вставил это междометие в транзисторные кишки. Зачем?)

Превосходно, думала пьяная Линда, механизм испытывает боль, когда люди онемели. Может, он впитывает глубоко утаенные чувства и страдает за нас. Нам с Филом надо попробовать общаться через пульты. Что бы он на это сказал?

Поднимаясь с потертой, заляпанной клетчатой кушетки, бесформенное тело в домашнем платье едва не опрокинуло дорогой музыкальный центр — гордость и радость Фила, его единственную роскошь.

Ладно, может, мне и далеко до Эллы-мать-ее-Фицджералд или даже Розмари Клуни, признала Линда. Но я б уж точно спела не хуже «Боч-а-Ми». Игра стоила свеч. Надо было прислушаться к внутреннему голосу, выпустить его наружу. Фил и весь мир обрели бы мой дар.

Упершись в стеклянную крышку проигрывателя, Линда массировала виски большим и указательным пальцами. Комната плыла перед

глазами, неизбежный портрет президента Лимбо улыбался как третьесортный Макиавелли.

Боже мой, я уже даже не в состоянии мыслить. Забыла, что такое быть трезвой и в ясном уме. Вот что со мной сделали двенадцать лет замужества. Как я могла поверить, что сделаю конфетку из такого дерьма? Не пойму, что я, на хрен, нашла в нем. Загадка, ей-богу. Словно вышла не по любви, а по принуждению. (А найдется ли человек, способный меня полюбить?) Будто расплачиваюсь за старые грехи. Сижу в плену вавилонском.

Линда подняла пульт стереоустановки и начала нажимать все кнопки подряд. Однако пульт не был говорящим и не удостоил ее откровениями о душевном состоянии Фила.

Включилось радио и заголосило еще громче телевизора. Как назло, вещал ненавистный президент Лимбо — главный шут нации.

— Повсюду случаи вредительства и измены. Сегодняшним утром я сам видел, как в красивом и процветающем городе Тусон, где живут законопослушные граждане, был совершен гнусный поступок, достойный рук самого презренного террориста Зеленых. Как только нагреется Лимбо-пушка, правительство назовет имя предателя народа и примет соответствующие карательные

меры…

Линда яростно вырубила приемник. Зашаталась и рухнула на кушетку, закрыв лицо руками.

С меня льется пот. Градом. Знобит. Все из-за злыдня-президента. Его голос вызывает смерть клеток. Лизис и разрыв протоплазмы. По радиоволнам передается рак вместо настоящей, льющейся в душу музыки, которая зарождает и поддерживает жизнь. Беззащитный бедняга. Кого б там Лимбау ни поймал, храни этого несчастного Бог. Храни нас всех.

Линда глотнула водки из открытой бутылки и глянула на экран телевизора.

Шел «СКО» — «Синдикат квантовой оценки» — один из каналов «Блэкбридж Энтерпрайз», позволяющий делать покупки, не выходя из дома. Симпатичный загорелый телепродавец с яркой эмблемой «БЭ» на рубашке рекламировал механические игрушки:

— Всего за тысяча девятьсот девяносто пять поскредов любой заботливый родитель, даже если он находится на содержании государства, может позволить себе купить очаровательные игрушки для своего малыша. И посмотрите, какой у нас выбор! Белка Вэкки-Волли, Скунс Шай-Сэлли и, конечно же, самая популярная модель — Утка

Филиппа Кей Дак!

Линда вздрогнула в знак солидарности с Филом. Все-таки он до сих пор ей не безразличен. Как же ее муж ненавидит эту игрушку! И дня не проходит, чтобы он не вышел из себя.

Ведущий орал со сцены:

— А теперь мы с гордостью приветствуем в нашей студии дочь отца-основателя Негропонта, в честь которой названа Филлипа Кей Дак. Девочка покажет, как ваш малыш может забавляться с нашими игрушками хоть завтра при помощи службы доставки «Федерал Экспресс» всего за дополнительные пятнадцать поскредов, если вы наберете номер на экране прямо сейчас!

На сцену уверенно вышла очаровательная девочка лет пяти-шести. Светловолосый ангелочек с голубыми глазами в комбинезоне с рюшками и лакированных туфельках. Она радостно забрала у ведущего утку.

— Я буду обнимать и тискать тебя, обнимать и тискать, обнимать и тискать все время! — пропела девочка.

— Здравствуй, дорогуша, меня зовут Филиппа Кей Дак. Хочешь посмотреть, как я снесу яйцо?

Линда плакала. Слезы катились по ее пухлым щекам. Грудь напряженно дрожала.

Маленькая девочка. Как прелестна, как совершенна. Свежий цветок в саду жизни. В рождении — сила искупления. Если б только у нас с Филом был ребенок. Но он никогда не согласится. Скажет, что из него вышел бы дрянной отец.

Линда с трудом встала — от слез все расплывалось перед глазами — и поплелась в свою спальню, отдельную от Фила.

На комоде на кружевной салфетке стояла дешевая мексиканская статуэтка Девы Марии в окружении пластмассовых роз. Мать Иисуса протягивала руки то ли в мольбе, то ли в поиске утешения. На груди нарисовано истекающее кровью сердце.

Линда пала на колени, сомкнула руки и начала молиться по-испански.

— *Oh, Dio Mio y Maria, una nina, por favor! Da me una nina!*[47]

Пластмассовое сердце перед ее глазами распухло, отделилось и воспарило над комодом, а потом завращалось кроваво-красным колесом.

Видение, изумилась Линда. Мне явилось видение. Как Илии.

Тут раздался звонок в дверь.

---

[47] Примечания: 47

О Господь мой и Дева Мария. Девочку, пожалуйста, пошлите мне девочку (исп.).

Опираясь на тумбочку, Линда поднялась на ноги. Толстыми кулаками вытерла глаза и пошла открывать.

На лестнице стояла девочка из телевизора. Филиппа Кей Негропонт.

Линда изумленно переводила взгляд с экрана, где ребенок выделывал пируэты, на девочку и обратно.

— Там видеозапись? Или ты симулякр?

— Привет, — сладко произнесла Филиппа. — Я поживу у тебя немного. Но ты должна помочь мне найти мою утку. Ее украла плохая чернокожая девочка.

5

Психическая атака была неожиданной, яростной и всепоглощающей.

Фил вытачивал ключ для госпожи Янси, и тут началось.

Сначала пропало зрение, в глазах закружился цветной вихрь. В каждую клетку головы ударила острая боль, от которой все лицо Фила перекосилось. Конечности постепенно онемели.

Он ухватился за что-то твердое, чтобы удержаться в этой реальности, но тут же отдернул

руку.

Дисковый нож. Он все еще вращается, и я оставил предохранитель поднятым. Может размолоть руку…

Фил дернулся назад, потерял равновесие, и его неуклюжее пузатое тело рухнуло.

Он приземлился на траву. Боль в голове ослабла, конечности отошли. Фил решился открыть глаза.

Перед ним простиралось солнечное зеленое поле с ромашками, белыми, как ванильное мороженое. Над головой нависало ментолово-голубое небо. В нескольких футах от него стояла чернокожая девочка с игрушечной уткой в руках.

— Держись, Фил, — сказала утка. — Еще часок. Мы почти на месте.

Фил поднялся.

— Почти где? И держаться за что? Минутку, а ты не из тех ли надоедливых игрушек, что украли мое имя? Ненавижу вас, маленьких кровопийц!

Фил растопырил пальцы и пошел к несносной утке, чье существование было оскорблением, насмешкой над его индивидуальностью.

Госпожа Янси завизжала.

Тесть тянул Фила за рубашку, удерживая от

попыток придушить клиентку.

— Фил, Фил, да что же с тобой такое? Ты вконец свихнулся?

Опустив руки, Фил медленно приходил в себя.

Что это я? Утром не мог узнать лавку, в которой проработал тридцать лет, а теперь отправился в другой мир, вытачивая ключ. Надо запомнить этот переломный момент. Голоса слышат шизофреники. Они — неотъемлемая часть их состояния. И состояния более любопытного, чем при моей жалкой ежедневной работе. Наверняка. Есть там, конечно, и свои недостатки.

Госпожа Янси успокоилась и ушла с новым ключом. Гил Ронштадт с искренней обеспокоенностью на лице повернулся к зятю.

— Думаю, тебе лучше взять выходной, Фил. Иди домой. Побудь с Линдой.

— Да-да, вы правы. Спасибо. Я пойду домой. — Виски до сих пор пульсируют, что бы там со мной ни было. — Только приму пару таблеток аспирина.

Фил подошел к фармацевтическому автомату «БЭ», встроенному в стену скобяной лавки. Порывшись в кармане, достал трехпоскредовую монету и опустил ее в прорезь. Затем дернул рычажок под изображением аспирина.

Из отверстия выскользнул круглый пузырек. На нем было написано «Нюхательный табак Дин Свифт».

— Это не аспирин, — сказал Фил автомату.

— Нет, аспирин.

Машина звучала уверенно, и Фил подумал, что его подводит зрение. А может, под перепутанной этикеткой вправду аспирин?

Он оторвал бумажку и открутил крышку. Ошибки нет. Внутри табак.

— Забери это обратно и дай аспирин, за который я заплатил.

— Я не принимаю открытый товар. Может, вас табак вылечит?..

Пытаясь сохранить спокойствие, Фил закрутил крышку и положил пузырек в карман.

— Ты вынудил меня открыть его. Я никогда в жизни эту дрянь не потреблял!.. Боже, что я делаю? Ругаюсь с раздаточным аппаратом. Я напишу жалобу в компанию. И тебе достанется.

— Мы состоим в крепком союзе, — последовал невозмутимый ответ.

Сев в машину, Фил опустил тяжелую голову на руль. Поднять ее он смог не скоро, на лбу отпечаталась полоса. Фил завел мотор, выпущенный еще до Плазмодиумной войны, и отъехал.

Сестра Джейн жила на полпути от работы к его дому. Фил сам не заметил, как припарковал машину.

Джейн поможет. Она умная. Умнее моей жены, это уж точно. Моей толстухи. Могло ли быть иначе? Мы с сестрой — близнецы. Она — мое женское отражение, Инь для моего Ян. Кем бы я был без нее? Пустым местом. Слава богу, что в детстве ее не забрала болезнь.

Едва Джейн открыла дверь, как почувствовала эмоциональное напряжение Фила и принялась успокаивать его:

— О, бедный Фил! Тебя опять мучает эта ужасная женщина? Заходи, я заварю тебе лучшего чаю.

Когда чай был готов, Фил начал изливать свои проблемы на крепкие плечи Джейн. Тревога из-за опоздания Гила, порвавшийся плакат президента Лимбо, галлюцинации…

Он прервался сделать две крохотные понюшки и продолжил.

Табак? Но я же не нюхаю табак…

Джейн, сидевшая на другом конце стола с чайными приборами, начала меняться.

С нее сошла плоть, обнажив перламутр костей. Глаза — две черные выжженные впадины.

Она, ничуть не смущаясь, болтала дальше: язык отсутствовал, обнаженная челюсть ходила вверх-вниз.

Фил выронил чашку и пузырек, вскочил на ноги.

Скелет Джейн тоже поднялся.

— Что случилось, Фил, дорогой? Что такое?

Пятясь назад от призрака в одежде, Фил попытался ответить, но лицевые мышцы парализовало.

Он повернулся и побежал к машине.

Пролетая перекрестки на красный свет, Фил трижды мог попасть в аварию, хотя проехал всего пару кварталов. Каким-то чудом он проскакивал в последний момент.

Нечто — или даже некто — наблюдает за мной. Несмотря на мое ничтожество, у меня есть заступник, хранитель. Он, или оно, или они, подсказали мне, что Джейн, бедняжку Джейн, украли и подменили этой… этой тварью. А теперь они спасли меня от трех смертельных аварий. Утка обещала скоро прийти. Может, тогда я получу ответы…

Имение Дика представляло собой безвкусный дом на бетонной плите посреди выцветшей лужайки. Лихо припарковавшись на дороге, Фил выскочил из машины.

В дверях появилась Линда с бутылкой водки. Однако круглое лицо сияло не от алкоголя. Она преобразилась, словно ее одарил Бог или кто там правит миром.

— О, Фил, ты не поверишь, что произошло! Нам с тобой выпало такое счастье…

Счастье, подумал Фил. Вся моя жизнь рушится, а она говорит о счастье. Она безумнее меня!

Фил хотел возразить, но ему помешал шум, приближающийся откуда-то издалека.

И вот уже снижается огромный вертолет, явно выбрав местом посадки их лужайку.

Из вертолета вышли девочка и игрушечная утка с выжженными глазами, те самые, которых Фил видел во время приступа шизофрении в скобяной лавке.

— Фил, — заговорила утка, — ты должен быть готов к Лимбо-пушке. Мы поможем тебе.

Лимбо-пушка. Как я мог забыть? Наказание за осквернение плаката толстозадого президента Лимбо. Ссылка в иное измерение с неведомыми свойствами. Неведомыми, потому что никто оттуда не возвращался. И все из-за мелкого проступка; да каждый американец должен иметь полное право сорвать ненавистное изображение.

— Я убегу, — сказал Фил. — Я спрячусь. Под

землей. Сам вырою яму, если придется.

Девочка неуклюже подошла ближе, а утка продолжала говорить:

— Нет, Фил, это невозможно. Ты должен предстать перед лучом пушки. Только так можно починить вселенную.

— Починить? Как починить?

Девочка подступила вплотную, и Фил нервно отпрянул. Утка не унималась.

— Все дело в сильном искажении временных линий. Твоя жизнь должна течь иначе. И жизнь Линды тоже. У вас обоих другая судьба. Линда должна петь. И твое место не в скобяной лавке.

— А где? — фыркнул Фил. — Скажи мне! Я согласен на все. Кем я был?

— Писателем.

— Проклятие! И мои книги содержали что-то важное?

— С каждой книгой ты склонял космические весы к свободе и негентропии. Я видела теневой потенциал того мира. Ты был там — и будешь! — великой преобразующей силой. Поверь мне.

Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, подумал Фил. Я, Фил Дик, всемирно известный писатель. А что? Есть схожее ощущение…

После рассказа утки Фил не знал, смеяться или

плакать. Поэтому сделал и то, и другое.

Когда пришел в себя, спросил:

— Откуда тебе это известно?

— Я держу связь с обитателями измерения Лимбо-пушки. Благодаря замыканию моих цепей, которые воспринимают все временные линии и обрабатывают их с наименьшими повреждениями.

Раздался голос:

— Довольно, Панофски, я услышал все, что хотел.

Фил повернулся к жене.

Из-за спины Линды вышла белокурая девочка с противопехотным ружьем «Тагоми-Ранситер Марк-IV».

— А ты кто такая? — спросил Фил.

— Это наша дочь, — неуверенно проговорила Линда. — Святая Дева Мария услышала мою молитву и послала ее нам. Я уверена, оружие игрушечное…

Девочка выстрелила, и лобовое стекло драгоценной машины Фила разлетелось вдребезги.

— Это не игрушка. Я собираюсь уничтожить тебя, Панофски, если ты не отдашь мою собственность.

— Кто такой Панофски? — спросил Фил.

— Один из Зеленых. Он действует через чертову утку. Она передает все в его горное логово. Ты ведь не веришь вздору о другом измерении?

— Даже не знаю, чему верить… — Взгляд Фила упал на эмблему вертолета: «БЭ». — А ты… ты, случайно, не Леон Негропонт?

Белокурая девочка достала из кармана сигару.

— Он и есть.

— Ты принял морф! — догадался Фил. — Я думал, морф-пилюля — это слухи…

— Не так все просто. Моя дочь когда-то была настоящей. Мать ее родом из радиоактивной зоны. Филиппа Кей родилась с талантом предвидения. Но еще и с расположенностью к лейкемии. Надо было как-то ее спасать, иначе бизнес пошел бы на убыль, и я слился с ней. Взял все ее генетическое и соматическое строение. Перестройка клеток. Чертовки дорогая операция и адски болезненная. Зато теперь я могу менять обличье.

На чистом лбу ребенка проступила сросшаяся черная бровь, повергнув всех в замешательство.

— Сегодня я стал дочерью и использовал ее дар, чтобы определить, где поймать Вубнеш.

— Если ты видишь будущее, — сказал Фил утке, — то знаешь, что произойдет, когда в меня выстрелит Лимбо-пушка.

Филиппа Кей заволновалась:

— Мой талант срабатывает не на сто процентов. Не могу увидеть исход. Будто бы…

— Будто бы мир прекратил существование, — инстинктивно выпалил Фил. — Все ясно. Я намерен положить конец этому фарсу.

Девочка направила оружие на Фила. Ему явилось видение, что станет с миром после победы Негропонта. Ребенок обнимает и тискает народы мира любовной хваткой смерти.

Малютка ухмыльнулась.

— Что-то ты позеленел вокруг жабр, приятель, если понимаешь, о чем я. Ха!

Замаранная кровью бутылка водки выскользнула из ослабевших рук Линды, прислонившейся к двери.

— На хрен мне ребенок, курящий сигары, с мутантской бровью, даже если его послала Дева Мария…

Фил повернулся к утке и чернокожей девочке.

— Ладно, что я должен делать?

— Мы воспользуемся психическими способностями Вубнеш. Она может перечеркнуть реальность. Леон ошибался, думая, что она влияет на мир только подсознательно. Если ты будешь в физическом контакте с девочкой в момент

перехода, настоящая временная линия вернется. Иначе ты окажешься в ловушке, как и остальные люди, пораженные Лимбо-пушкой.

Вубнеш поставила утку на землю и подошла к Филу. Он обнял девочку.

Вовремя.

Появилась Лимбо-пушка.

Парящая площадка величиной с боевой корабль заслонила солнце. На них смотрел глаз Лимбо-пушки с затемненной линзой, широкий, как туннель.

— Филипп К. Дик, — раздался голос президента Лимбо из нескольких громкоговорителей. — Вы признаны виновным в измене, диверсии и оскорблении президента по всем соответствующим статьям, законам и поправкам. Готовьтесь принять свою участь. Хотите ли вы купить страховку на имя ближайшего родственника?

— Конечно.

Из отверстия парящей платформы выпал пакет бумаг и с глухим ударом приземлился у ног Фила.

— Теперь ваш банковский счет обнулен. К сожалению, мы не можем оплатить страховку прямо сейчас, потому что уничтожение Лимбо-пушкой не считается фактом смерти. Однако ваша жена

и дочь наделяются минимальным прожиточным пособием.

— Ладно, стреляйте.

— Не указывайте мне, что делать. Я выстрелю, когда буду готов!

Фил повернулся к жене:

— Прощай, Линда. Мне жаль, что мы были так черствы друг к другу. Я пересмотрел свое мнение, в другой жизни тебя ждет карьера певицы.

— Спасибо, Фил.

Пушка выстрелила.

Они плавали где-то, и в этом где-то Фил крепко держался за девочку.

А девочка каким-то образом превратилась в Джейн.

И если только он очень сильно не ошибался — что не исключено, потому что Фил сейчас быстро забывал все, а может, наоборот, вспоминал, — это *где-то* все больше походило на утробу матери.

Алиса, Альфи, Тэд и пришельцы
1
Женщина, которая закупорилась

Она сидит под землей на глубине в полмили под Маклином, что в штате Вирджиния, в темной пустой комнате.

Затем включается проектор, освещая настенный экран едко-ярким светом, и начинается черно-белый фильм вымершего (?) человечества. Из кинобудки доносится шуршание ленты о барабан, словно ветер перекатывает по кладбищу осенние листья.

Съемка любительская, что видно по пленке — «Белл энд Хауэлл супер 8 мм». Она напоминает запись Запрудера, знакомую до мельчайших деталей благодаря бесконечным покадровым толкованиям телекомментаторов. Перевернутое изображение Никсона, умирающего на руках Пэт — байковое пальто первой леди залито кровью из груди президента. Пуэрториканский фанатик-националист Анига выпустил с дюжину пуль. Какое глупое, будто специально подобранное имя, подумала она. Как сокращение от «аннигилировать».

Дурацкое совпадение, насмешка над всеми.

И самое нелепое, размышляет женщина, *запутавшийся убийца-идеалист расчистил дорогу вице-президенту, невежественному деревенщине, бывшему водителю грузовика, а ныне ее боссу.*

На экране, однако, другая запись, и женщина пытается настроиться на восприятие, напрягает свой острый ум, заставляет себя посмотреть на заезженную немую пленку свежим взглядом, объективно.

Пора отрабатывать зарплату, Алиса, упрекает она себя. *Время задействовать свои ученые степени и десятки лет опыта, чтобы разгадать необъяснимое.*

Время спасти мир.

(На самом деле ей хочется — и всегда хотелось — найти в себе силы оставить его.)

Она скрещивает руки на коленях, и привычный жест вызывает поток образов и ощущений: палящее солнце Африки, грубое одеяло под голым телом, запах пыли, скота и едкого дыма от костра, глубокая рана, где ее совсем не ждешь, крик маленькой девочки, кровь на тупом ноже.

Фильм, напомнила она себе. *Смотри фильм.*

На экране Мемориал Линкольна, окруженный туристами в шортах-бермудах и гавайских

рубашках, кричаще ярких даже в черно-белом изображении. Среди них торговцы воздушными шариками и хот-догами, охранники в костюмах медвежонка Смоки. Однако они не смотрят на статую Великого освободителя. Взгляды толпы обращены к чему-то иному.

К чему-то неожиданному, внезапному, непредсказуемому.

В толпу проник один из свабхавикакая.

Будь прокляты эти пришельцы за то, что выбрали такое заковыристое имя, приземлившись в прошлом году в Дхармасале!

Пришелец, видимо, вышел из огромного корабля-матки у Белого дома, хотя можно с той же долей вероятности предположить, что он из любого другого летательного аппарата, приземлившегося в какой угодно столице земного шара. Никто не видел, чтобы инопланетяне сходили с корабля, ни один научный прибор не обнаружил приближения тарелок. Ни одна модулируемая волна не поколебала радиоэфир, по крайней мере в известном человеку электромагнитном спектре. И тем не менее свабхавикакая, несомненно, появляются из кораблей.

Спросите любого из тех, кого они похитили.

Если найдете.

Камера резко разворачивается, ее владелец — некий Берт Хансон, насколько помнит женщина, женатый на Салли, отец двоих детей — ищет инопланетян.

Однако старый добрый Берт недоволен результатом в видеоискателе. Причиной тому не то, что он не умеет обращаться с камерой, а особенности пришельцев со звезд.

Свабхавикакая плохо запечатлеваются на пленке. В светочувствительном слое и через линзы они кажутся аморфными пятнами. Для невооруженного глаза пришельцы переливаются мириадами галлюциногенных частиц, готовых в любой момент превратиться в конкретный образ. Опрошенные видели что угодно: от ангела до дьявола, от человека до животного — самые фантастические сочетания. Чаще всего описывают кристаллических чудовищ с щупальцами. Нередко пришельцы воплощаются в хороводы движущихся цветных камней, словно миниатюрные Сатурны.

На самом деле, думает Алиса, к нам вторглись ходячие — или парящие — пятна Роршаха.

Но могут ли эти пришельцы — да и любые пришельцы — быть чем-то иным?

Свабхавикакая на пленке возносится над изум-

ленной толпой, как прожженная дырка в целлулоиде, осторожно подлетая к каждому, будто исследует, проверяет, клеймит… или миропомазывает. Вдруг бросается к человеку с камерой, затуманив изображение, которое смотрит Алиса.

Съемка продолжается в полете, пока камера не разбивается об асфальт.

Помимо Берта Хансона из толпы исчезли три человека: лопнули, как мыльные пузыри.

Тина Нортрап, четырнадцати лет, приехала в столицу с родителями — Эмили и Фредом из города О-Клэр, штат Висконсин.

Милли Хенрикс, семидесяти трех лет, местная, прогуливалась мимо памятника с мужем Тоддом.

Прямо из рук отца исчезла Фатима Кури, двух лет, дочь египетского посла.

Все они были незнакомы друг с другом, между ними не существовало никакой связи. Родственников жертв не тронули. Выбор кажется просто случайным: одна иностранка и трое граждан Америки, граждан, за которых Алиса чувствует себя в ответе.

Предыдущие исчезновения были столь же странными. Разнородные жертвы, иногда друзья, но чаще нет. Зато реакция общественности не

отличалась разнообразием: возмущение, шок, учинение массовых беспорядков, взаимные обвинения, давление с каждой стороны, сверху и снизу, на должностных лиц всего мира, чтобы те приняли меры. Очевидного решения не может быть принято ввиду отсутствия атомного оружия у большинства стран, как заявил генерал Кертис Ле Мэй.

Однако шерлокхолмсовское мышление, интуиция и разум подсказывают Алисе, что существует способ положить конец безумию инопланетян.

Проектор погас, комната погрузилась в темноту.

Хватит сидеть здесь. Надо что-то делать, предпринять пусть даже тщетную попытку. Открытие можно совершить только в движении, в новых ситуациях, в опасности.

— Дайте свет, — приказала доктор наук Аписа Шелдон, директор ЦРУ. — Урсула!

В считанные секунды перед Алисой появляется ее личная помощница, прижимая к черной блузке стопку папок.

— Что дальше, шеф?

Урсула лет на пятнадцать младше пятидесятилетней начальницы. Сообразительная, быстрая, преданная женщина — из новых кадров, которые

Алиса постоянно набирает, выискивая таланты в разных областях и дисциплинах, чтобы подготовить ЦРУ к вхождению в современную эру. Урсула занимается антропологией — ее родители были пионерами в этой науке; ее отличает всесторонний подход к любому вопросу, что немаловажно для Алисы.

Директор внимательно смотрит на родное лицо Урсулы, на ее преданный взгляд — взгляд, не скрывающий глубокую, чуть ли не физическую привязанность, на которую Алиса не способна ответить взаимностью. Может, и могла бы, при других обстоятельствах. Но в ее нынешнем положении… нет, невозможно.

Кого она, к черту, во мне видит? Старую деву с короткими завитушками и преждевременной сединой, с затуманенным взглядом, отягощенную бременем ответственности и напряжения; безвкусно одетую даму, пытающуюся скрыть бесформенное тело мужскими рубашками и штанами, могущественную женщину, матерь всего, стимул к достижениям?

Алиса прокрутила в голове свою внушительную биографию. Знакомая песенка. К двадцати шести годам получила медицинское образование и степень доктора по экспериментальной

психологии. Попав после учебы в вихрь Второй мировой, угодила в цепкие руки Управления стратегических служб. Видела вещи слишком жуткие и невероятные, чтобы о них говорить. (Самым страшным, наверное, было дело Слотропа.) Среди влившихся в ЦРУ призраков мирного времени делала карьеру, не имея поддержки, не обладая женской хитростью, пока наконец не взошла на трон. Случилось это в шестидесятом, благодаря Хитрому Дику, ее покойному боссу, которому не удалось остаться на желанный второй срок.

Да, впечатляет. Любой в штаны наложит перед таким целеустремленным, амбициозным монстром.

— Я приняла решение, — вздохнула Алиса. — Поднимаюсь наверх. Не могу больше прятаться под землей. Изоляция развивает у меня клаустрофобию. От отчетов идиотов, которым мы льстим, называя тайными агентами, никакого толку. Хочу сама увидеть корабль, потрогать его, пнуть его ногой, поразмыслить. Поговорить с семьями жертв.

— Шеф, — нахмурилась Урсула, — вам нельзя одной гулять по поверхности! А с телохранителями вы будете неизбежно бросаться в глаза. В

любом случае это очень опасно! В стране китайцы, не говоря уже о русских. Они сразу же вас схватят! Помните Сайгон?

Алиса не забыла, как ее пытались выкрасть год назад во время разведывательной поездки во французский Индокитай. До сих пор перед глазами стоят искаженные болью лица двоих мужчин, которых она убила голыми руками. Однако теперь ее не остановить.

— Нет, я приняла решение. Если тебя это успокоит, Урсула, я буду действовать тайно. Даже замаскируюсь. Прикинемся журналистами. Испробованный путь. Все получится, поверь мне.

Урсула прикусила губу, чтобы не спорить. Затем, словно была готова и к такому повороту событий, помощница вытащила одну из неизменных папок, открыла ее и повернулась к начальнице.

— Это подойдет?

Алиса быстро просмотрела листы.

— Хорошо, очень хорошо. Репортер журнала «Холидей». Полагаю, редактор — наш человек? Да, конечно же. И броское имя. Джейн Типтри. Мне нравится.

Урсула гордо ухмыльнулась.

— Я и не сомневалась.

2
«Холидей», «Холидей»!.. А вы читали?

Обычный день Мефистофеля в аду. Много трудной, напряженной работы: надо постоянно колоть раскаленными вилами чугунные зады чертей, придумывать новые пороки и искушения, ложные надежды и мучения для проклятых грешников (из которых сам он, несомненно, первый, худший, ужаснейший и самый замученный). Мефистофель тревожно оглядывается, ожидая появления Бога, по непонятным причинам отлучившегося и почему-то запаздывающего. В кулаке у Него обычно зажаты мятые листы с долговыми расписками, в глазах злость кладбищенской собаки.

Однако в работе Мефистофеля достаточно привилегий. О да, эти привилегии помогают забыться.

Почти забыться.

Альфред Бестер — главный редактор журнала «Холидей», утонченного приложения к более грубому «СэтИвПост» с впечатляющим тиражом в пять миллионов, несмотря на конкуренцию

телевидения и кинотеатров, невзирая на отпугивающих туристов свабхавикакая. Бестер смотрит поверх хлама на столе на часы, которые определяют время отдыха. Десять утра. Пора сделать первый серьезный перекур. (Какая щедрая душа предложит рюмашку для бодрости?)

Открыв глубокий нижний шкафчик, редактор достает граненый графин с харперовским виски. (Не отказывайтесь от рекламных кампаний, которые предлагают бесплатную выпивку. Можно сэкономить деньги для других удовольствий.) Поставив графин на промокашку, заглядывает в шкафчик в поисках стакана, не обнаружив ни одного, чертыхается. Бестер поднимает из-под стола пластмассовое мусорное ведро, роется среди использованной копирки, трафаретных служебных записок, порванных документов и стружек от карандашей и извлекает на свет бумажный стаканчик для кофе. Наливает немного золотистого виски поверх застывшей зернистой гущи (в которой присутствует не только кофе) и залпом выпивает.

Лучше, значительно лучше. Редактор ставит графин обратно в пресловутый тайник, достает из внутреннего кармана пачку «Оазиса», поддевает ногтем сигарету и прикуривает от

зажигалки с надписью: «Альфи с любовью от Нормы Джин». Сувенир, подаренный во время короткой фотосъемки для «Холидей», вызывает ностальгическую нотку. Чем, интересно, сейчас занимается симпатичная девчонка из Бербанка после быстротечной карьеры модели, рекламировавшей купальники? Надо будет выяснить… С первой затяжкой любопытство, как обычно, исчезает.

Ну вот, теперь можно заняться проблемой выпуска чертова журнала! Куча пустых колонок… надо раздать задания, подсунуть их словно взятки, рассмотреть пробные и глянцевые отпечатки. Дел хватит до обеда — еще на три часа. Они не требуют больших усилий ума, затуманенного спиртным. Ведь Бестер занимается журналом уже двадцать лет, с сорок седьмого, когда бросил писать сценарии для радио. Трогательное прощание с «Грин Хорнет» и «Шэдоу», незрелым вздором почище того вульгарного чтива, которое он пробовал сочинять в тридцатые.

Конечно, Бестер не сразу достиг высот. Выполнял и черновую работу с шестью другими редакторами, старался, надеясь попасть в кассовый мужской журнал «Эсквайр» или в только появившийся «Плейбой». Хотя бы в «Руж». Од-

нако тем мечтам не суждено было сбыться, и он оставался в стабильном, обывательском «Кертис Паблишинг» уже как свой человек, успешно справляющийся с любым заданием, и упорно продвигался вверх по должностной лестнице, пока не достиг в пятьдесят пятом нынешнего статуса.

Обычная синекура.

Или проклятие грешника.

Поглаживая коротко остриженную черную вандейковскую бородку, редактор проводит пальцами по волосам, похожим на перья ворона. Ни одного седого волоска в пятьдесят два года. Начальник над всеми, женщины, виски. Чего еще желать? Может, он когда-то заключил сделку с дьяволом и сам того не заметил?

Правда, чего еще?

Покончено с наивным копанием в хламе собственной жизни. Труд ведет к признанию. Тяжелый, упорный, энергичный труд.

Бестер подается вперед и включает аппарат внутренней связи.

— Мисс Минки Мартини, прошу вашу милую попку пройти в мой кабинет, быстро-быстро!

Дверь тотчас распахивается, и парящей походкой входит мисс Минки Мартини. На ней сексуальная зеленая шелковая блузка с глубоким

вырезом, черная узкая юбка, узорчатые чулки и туфли на высоком каблуке. Вьющиеся волосы убраны вверх и залиты лаком. Урожденная Мишель Мартин, родившаяся в сорок пятом в Гарлеме, работает секретаршей в «Холидей» уже два года, и за это время к ней обратились по имени только один раз — во время собеседования на вакансию. Тогда ее начальник и придумал новое двойное прозвище.

В отместку она зовет босса Альфи.

Не самый неприятный компромисс. Мишель не возражает, даже не задумывается над этим.

Просто так устроен мир.

Развалившись в кресле, Альфи властно раскидывает руки с ухоженными ногтями.

— Малышка, прими позу для письма.

Минки, распутно улыбаясь, садится боссу на колени. Она чувствует от него запах виски и успокаивается, потому что спиртное приводит Бестера в хорошее расположение духа.

— Боже, детка, ты с каждым днем все больше похожа на Лену Хорн! Только сиськи лучше. — Альфи в подтверждение своих слов обхватывает ее грудь ладонью. — Вот чего не хватает. Музыки! Включи стерео, Минки.

Поднявшись с колен начальника, Минки под-

ходит к большому проигрывателю «Кейпхарт» в углу комнаты, покачивая бедрами, и опускает иголку на диск. Кабинет наполняет звучание Ксавье Куга. Минки возвращается на место.

— Хорошо, давай кратко обсудим основные пункты первостепенной важности, детка.

Минки начинает извлекать из бездонной памяти текущие проекты. Она профессионалка, ей не мешают сосредоточиться пальцы Альфи, которые расстегивают блузку.

— До сих пор некому писать статью о Риме. В прошлый раз вы упоминали Перельмана или Бемельмана…

— На хрен этих старых халтурщиков! Они стали слишком самодовольны. Хочу попробовать кого-нибудь нового. Кто у нас на очереди?

— Ну, есть некий Молсберг.

— А, помню, пробивной молодой еврей, который работал на «Мередит» и набивался к нам. Хорошая папка статей, и мне нравится его напор. Дадим ему! Когда поймет, что должен выдавать хороший результат, он из штанов выпрыгнет, а мои старые пердуны в штаны могут только наложить. Потеха! Что дальше?

Альфи уже расстегнул все пуговицы блузы Минки и добрался до бюстгальтера производства

«Мейденформ», у которого чашечки торчат как «плавники» автомобиля «студебекер». Он проворно играет с застежкой, ловко двигая пальцами под шелковой тканью.

— Так, фотографии Таити…

В это мгновение снаружи раздается приглушенная ругань, и дверь в кабинет резко распахивается. Внутрь врывается седая женщина в солнечных очках.

— Господин Бестер, знаете, кто я? — строго вопрошает она. — Вы представляете, какие последствия возымеет игнорирование моих писем? Вы заставили меня ждать!

— За кого, черт побери, вы меня принимаете, мадам? За телепата или ясновидящего?

Минки спокойно встает и принимается беспечно застегивать блузку. Такое происходит не первый раз и, вероятно, не последний. Вторжение очередной мелкой сошки, женщины, которую никто не замечает.

Затем незваная гостья произносит одно слово.

Безобидное существительное, от которого никто не стал бы дергаться. Альфи, однако, подпрыгивает в кресле и бледнеет, потому что именно этот пароль дало ему ЦРУ для связи со своими агентами.

— О черт! Минки, представь, что ты волшебница, и испарись. Никого не впускай.

Минки выходит и закрывает за собой дверь. Женщина садится, по-мужски закидывает ногу на колено и говорит:

— Дайте мне сигарету. И выпить. И вырубите эту несносную музыку.

Альфи радуется передышке. Надо прийти в себя и собраться с мыслями. Пока они курят и молча потягивают виски (он все-таки нашел для нее стакан в другом ящике), редактор обретает свою обычную беспечность и принимается рассматривать незнакомку. Хладнокровная. Привыкла распоряжаться. Явно не из мелких чертей. Назовем ее Вельзевулом.

Словно читая его мысли, женщина говорит:

— Зови меня Джейн Типтри. Это все, что тебе нужно обо мне знать. Если я скажу: «прыгай», спроси: «как высоко». Понятно?

Бестер, даже будучи оскорблен, остается мудрым.

— Вы — Джейн, но я не Тарзан. Чем могу быть полезен?

Она резко опускает задранную ногу на пол, наклоняется вперед и пронзает его взглядом под стать венгерскому «коктейлю Молотова», кото-

рый в пятьдесят девятом отправил к праотцам Хрущева.

— Вы опубликуете статью о свабхавикакая. Автор — я. С чего начнем? У меня есть определенные соображения, однако я боюсь что-нибудь упустить.

— Боже, Джейн, вы нашли козла отпущения. Люди ничего слышать не хотят о свабхавикакая. Пришельцы наводят на них неописуемый страх. Это крест на уровне продаж! Даже «Тайм» не рискует поместить их на обложку. Хотя что там разглядишь на фотографии?

— Не надо читать мне лекции! Я все прекрасно знаю. И не стремлюсь к Пулитцеровской премии или рекордному увеличению тиража. Моя цель — спасти людей. Ваших сограждан.

Бестер выпускает кольцо дыма.

— Вас зовут Джейн или Жанна? Госпожа д'Арк, кажется?

Женщина закипает, и Альфи тотчас сдается.

— Хорошо, хорошо, — поглаживает он бородку. — Гм, если бы мне было нужно написать об инопланетянах, я бы подошел с точки зрения человеческого интереса. Сосредоточил бы внимание на жертвах. Это, возможно, подстегнет пришельцев навестить свабби…

Оживившись, Типтри спрашивает:

— Свабби? Кто они такие?

— Недавно сформированная группа психов, — злорадно отвечает Бестер. — Из бывших битников, наркоманов, забулдыг, лихачей, изгоев, беглых заключенных и поклонников лорда Бакли. Разве не знаете, каких отщепенцев интересуют подобные больные вопросы? Они, кажется, поклоняются свабхавикакая, поэтому и назвали себя свабби. Как любой уважающий себя культ, пророчат конец света. Естественно, в ожидании его они не особо придерживаются норм общества.

— Где они находятся?

— В Сан-Франциско. Район Хайт. Корабль свабхавикакая в Пресидио — единственное, что расположено не в столице. Они считают его особенным.

Джейн поднялась со стула.

— Идиоты, мои агенты просто идиоты, думают не головой, а задницей! Никакого от них толку.

В это мгновение Бестер узнает ее. Хотя она мало показывалась на публике, не позволяла себя фотографировать, однако как-то дала короткое показание на слушании дела Маккарти.

— Вы, вы ведь…

— Заткнись, а то я тебя когда-нибудь убью.

Альфи замолкает, потому что искренне верит угрозе.

— Прикажи своей «детке», — передразнивает его Джейн, — связаться с авиакомпанией «Пан Американ». Мы летим на запад.

— Мы?

— Ты уже показал, чего стоишь. Что-то подсказывает мне, что ты можешь мне понадобиться. — Типтри перегибается через стол и колким пальцем тычет в его живот. — И я не имею в виду интим.

Кого она из себя корчит! Будто на нее можно запасть!.. Альфи отпивает виски, чтобы скрыть улыбку.

— Так у этих свабби есть лидер?

— Конечно, а у какой своры олухов нет? И как любой мессия, он взял псевдоним. Раньше был Эдом Уолдо, а теперь зовется Тедом Старджоном. Считает, что человечество — нечто вроде рыб, плывущих вверх по течению, чтобы доставить икру для свабхавикакая.

— Оригинально, — говорит Типтри. — Даже слишком оригинально.

3
Закружившиеся в вихре

Цветные ромбы драгоценными камушками дрожат в разводах на полу: это импрессионистское солнце пробивается сквозь витраж и колыхание листвы на улице. В большом ветхом викторианском доме, который находится в районе Хайт города Сан-Франциско, идет уборка, и мокрая швабра усиками медузы вмиг нарушает живописную гармонию ромбов.

Темнокожие ноги парня со шваброй босы, обнажены и его мускулистые руки и грудь. Только джинсовые шорты с обрезанными махристыми краями, из-под которых спереди торчат белые внутренние карманы, пытаются сохранить приличие, хотя и они не могут до конца скрыть его мужские достоинства.

Но лицо…

Добродушное лицо юноши разрисовано завитушками яркого цвета в стиле маори: пестрые петли и дуги от бровей до подбородка, вокруг глаз, ушей, на переносице, у кончиков рта, на сонных артериях.

Уборщик идет к лестнице, в солнечном свете его вьющиеся волосы напоминают корону. Сверху доносится музыка: корявые ноты, выдавленные из электрогитары.

Раздается звонок. Юноша прислоняет швабру к перилам и направляется к входу.

В широких громоздких дверях стоят женщина и мужчина. Он — крупный, модно одетый, толстый, как цирковой медведь. Она — кожа да кости, напряжена как лебедка, как динамитная шашка.

Мужчина в дверях тянет руку.

— Привет! Мы из журнала «Холидей», ищем Теда Старджона. Он, кажется, здесь проживает…

Уборщик молча улыбается, и краска растягивается вместе с лицевыми мышцами.

— Здесь живут свабби? — спрашивает женщина.

Снова нет ответа. Толстяк начинает терять терпение, поднимает голос:

— Послушай, сопляк! Ты пригласишь нас войти, или мне прорываться силой?

— Бестер, не надо, позволь мне уладить…

— Уладить что? — звучит чей-то голос.

Из темноты возникает фигура мужчины, встает позади негра, который продолжает беспечно улыбаться. У появившегося незнакомца лицо са-

тира с такой же бородкой, как и у незваного гостя. Но если у Бестера черные волосы на бледной от сидения в офисе коже, то заступник загорелый, с рыжими кудряшками, искрящимися глазами и улыбкой всегда наготове, о чем говорят морщинки у рта. Длинный кафтан, расписанный цветами, явно скрывает спортивное тело. Держится мужчина раскованно.

— Слава богу, наконец кто-то с языком! Я Альфред Бестер, редактор журнала «Холидей». Это, э-э, Джейн Типтри, наш репортер. Мы хотели бы поговорить с Тедом Старджоном. Планируем написать статью о нем и его свабби.

— Я Старджон. С радостью отвечу на ваши вопросы. Я говорю со всеми, даже с прессой. А вот насчет статьи не знаю. Известность — заряженное оружие, которое может выстрелить в оба конца.

— Хорошо сказано, господин Старджон, — вступает Типтри. — Вы, кажется, исходите из личного опыта. Когда-нибудь работали в области связей с общественностью?

Старджон улыбается.

— Я перепробовал сотню профессий, госпожа Типтри. От матроса на торговом судне до бульдозериста, от повара до уличного зазывалы. Однако

не обязательно быть дояркой, чтобы учуять запах дерьма. Заходите.

Старджон кладет руку на мускулистое плечо негра, и тот отходит в сторону. Старджон нежно проводит рукой по его упругим ягодицам, отчего Бестер презрительно фыркает. Типтри с редактором входят внутрь, и чернокожий возвращается к работе.

На шум у входной двери собралась толпа свабби. Девушки в черных трико и свитерах, парни в сандалиях, майках и хлопчатобумажных штанах. На ступеньках — рябой толстощекий малый с волнистыми волосами и электрогитарой с болтающимся шнуром. Отсутствие пальца на руке говорит о нерушимой преданности музыке.

Старджон обращается к своей настороженной стае:

— Все в порядке, друзья, нет повода беспокоиться, это всего лишь добродушные гости из праведного мира. Веселитесь дальше. Джерри, — обращается он к гитаристу, — мы обсудим ангажемент с Филмором позже. Ребята, разбежались!

Старджон ведет посетителей в глубь дома.

— А что с тем немым? — спрашивает Бестер.

— С Чипом? Любопытный экземпляр. Однажды

появился у нас под дверями: грязный, худой, в синяках. На поясе шорт выцарапано имя. Врачи говорят, с его ушами и голосовыми связками все в порядке. У Чипа просто не получается говорить. Очевидно, из-за пережитого шока или продолжительной травмы. А так он довольно смышленый, дружелюбный и любезный. Иногда удивляешься, как много он понимает.

— Да, словно с ним кто-то играет в Бога.

Старджон не обижается, даже не смущается.

— Мы все играем в Бога, господин Бестер, на макро- или микрокосмическом уровне, как психологи, которые издеваются над крысами. Однако спросите себя: могу ли я быть *хорошим* Богом?

— Почему его лицо разрисовано? — спрашивает Типтри. — У остальных я ничего подобного не заметила.

— Он так сам захотел, когда увидел свабхавикакая. Думаю, Чип решил воспроизвести раскраску муара, которую некоторые видели на инопланетянах. Ему это нравится, и никому не мешает. Я не возражаю. Хорошее правило — ни во что не вмешиваться.

Они втроем заходят на кухню. Там женщина вскрывает стручки: горошины падают в кастрюлю с отколовшейся эмалью, стучат, словно дождь

по оловянной крыше. Из бурлящей чаши на плите пахнет душицей и помидорами. На нитке вращается индейский талисман — ловец призраков.

На деревянном столе спит кошка, рядом догорают две свечи, воткнутые в плетеные бутыли из-под «кьянти». Старджон предлагает гостям сесть на стулья со спинками из реек, а сам берет с плиты кофейник. Жонглируя чашками и сахарницей, хозяин готовит кофе.

— Так что вы хотели бы узнать?

Бестер молча попивает кофе, предоставив даме командовать парадом.

— Меня интересует ваше мнение по поводу миссии свабхавикакая, — говорит Типтри, — в особенности что касается похищения людей. Вы когда-либо вступали в связь с инопланетянами? Живы ли пропавшие или препарированы? Если живы, то где их держат? По какому принципу свабхавикакая выбирают жертву?

Старджон добродушно улыбается.

— У вас так много вопросов, госпожа Типтри. И не совсем те, что ожидаешь от журналиста, собирающегося написать статейку о распутных, извращенных свабби. Местная пресса больше интересуется свободной любовью и курением опиума. А ведь эти занятия отнюдь не в центре

нашего внимания. К сожалению, именно на ваши вопросы у меня нет ответов. Я хоть и числюсь главой этого сумасшедшего дома, никакими тайными знаниями не обладаю. Как и остальные члены нашего скромного братства, я просто искатель истины. Впрочем, у меня есть кое-какие личные соображения…

— Которыми вы жаждете поделиться?

Наклонившись вперед, словно для таинственности, Старджон говорит:

— Конечно. Я считаю, что свабхавикакая пришли собирать урожай. Мы — некоторые из нас — обладаем тем, что им нужно. И подобно жнецу, который не спрашивает разрешения у колосьев, срезая их серпом, инопланетяне не церемонятся с нами.

— Что, черт побери, им может быть от нас нужно? — фыркает Бестер. — Тряпье, что мы носим, или рабский труд?

— Отнюдь нет, господин Бестер. Вы слишком все упрощаете. Только подумайте: вдруг мы обладаем редкими душевными качествами, которые инопланетяне хотят, так сказать, позаимствовать?

— Вздор! — Альфи осушает чашку. — В вашем доме вряд ли найдутся крепкие напитки?

— Почему же, господин Бестер. — Старджон поворачивается к женщине у раковины, которая во время их беседы терпеливо лущит стручки. — Бьянка, достань, пожалуйста, из буфета бутылочку «Ранних времен». Да, вот ту…

Старджон любовно принимает из ее нежных рук бутылку, погладив пальцами кисть Бьянки. Наклонив сосуд над чашкой Бестера, он останавливается, не давая виски вылиться.

— Вы спрашиваете разрешение у бутылки, господин Бестер?

Редактор краснеет от гнева и наклоняет горлышко вниз. Оттуда льется янтарная жидкость.

— Значит, вы утверждаете, — говорит Типтри, — что свабхавикакая — существа более высокого уровня развития, чем мы, и способны выявить качества, которые мы не видим?

— Вполне вероятно. Вот послушайте. — Старджон достает из кармана кафтана помятую листовку. — Выдержки из работы профессора Оксфордского университета Трунгпа. Вам ведь известно, что на инопланетян первыми натолкнулись тибетские монахи и дали им имя. Так вот, оказывается, выбранный ими термин давно существует в тибетской теологии. Трунгпа пишет: «Свабхавикакая — это понимание всей сути,

тотальный охват всего, реализация всеобщности как таковой. Свабхавикакая — есть существование за пределами рождения, жизни и смерти. Просто бытие».

Спиртное пробуждает в Бестере желание поспорить, и он выпаливает:

— И что, ваш чертов индейский талисман кого-то обнаруживает?

Старджон не успевает открыть рот, как на кухню врывается блондинка-свабби с криком:

— Они здесь, они здесь! На рыбацкой пристани!

Опрокинутый стул падает на пол. Старджон уже в дверях.

— Быстрей! У вас есть шанс посмотреть, чем мы занимаемся!

Через пару минут вся команда свабби с Бестером и Типтри втискивается в машины разных марок и цветов и мчится к пристани. Поток автомобилей движется им навстречу, поэтому полоса почти пуста. У доков Старджон со свабби устремляется к группе туристов, над которыми парят свабхавикакая. Как и всегда, казалось, что люди вовсе не окостенели от страха, а просто не хотят уходить. Трудно определить, забрали уже кого-то пришельцы или нет.

В тишине волны громко, словно пулеметные выстрелы, ударяются о сваи.

Свабби принимаются демонстрировать свое поклонение. Некоторые падают на колени, сложив руки для молитвы, другие начинают прыгать, третьи залезают друг другу на плечи, пытаясь дотянуться до инопланетян. Остальные танцуют, словно дервиши.

Старджон спокойно стоит в стороне, обняв за обнаженную талию немого Чипа. Рядом Бестер и Типтри. Глаза предводителя свабби закрыты, черты лица напряжены, словно он пытается выпустить свою душу из этого давно потерянного мира.

— Корабль! — неожиданно вскрикивает Типтри.

С военной базы Пресидио поднимается корабль свабхавикакая и застывает над ними. Такого ранее никогда не происходило.

Средняя часть причудливого межзвездного аппарата имеет очертания кувшина или бычьей головы. Из широкой части торчат раздваивающиеся ветви с органическими перьевыми кончиками. Совершенно неподъемный, корабль напоминает женскую репродуктивную систему: утробу, фаллопиевы трубы.

Совпадение ли, что бык был символом древнего матриархата?

— Посмотрите на парня! — вскрикивает Бестер. Старджон открывает глаза и видит горящее лицо Чипа. Линии и петли ожили и извиваются на темной коже ничего не подозревающего негра, словно пылающие татуировки.

На диво сохраняя спокойствие, Типтри спрашивает:

— Такое раньше бывало?

— Нет.

И тут пришельцы набрасываются на Старджона, Бестера и Типтри.

Воздух с хлопком заполняет опустевшее пространство. Чип стоит на месте, рисунки на его лице вновь неподвижны…

…падает на колени…

…и плачет навзрыд.

4
Над Гудзоновым заливом едкий дым

Она снова двенадцатилетняя девочка, телом и душой, еще юная и неиспорченная.

Однако в ее голове каким-то образом присутствует израненная и напуганная пятидесяти-

летняя женщина. На ранней стадии полового созревания, еще совсем ребенок, она недоверчиво озирается по сторонам — визуальная картинка и звуки поступают в мозг, сохраняя ощущение путешествия во времени.

Нет, только не это, подумала Алиса Шелдон. *Я не смогу пережить это снова, зная все наперед, и не сойти с ума.*

На дворе 1927-й. Она в лачуге неизвестного ей кенийского племени — бедных пастухов, изнуренных кочевников; восемь лет назад туземцы взяли к себе осиротевшую белую девочку, найдя ребенка рядом с погибшими родителями. (Алиса не знает, какой тропический жук укусил Шелдонов, пощадив ее, что за вирус или яд убил смелую, но безрассудную пару, которая не побоялась взять дочку в опасную экспедицию. В невозвратном прошлом и ее безымянные спасители. Девочку вернули в цивилизацию члены родезийского сафари, однако к тому времени ей был нанесен невосполнимый урон. На родине Алису ждали наследство и пожилая тетка.)

Сейчас она вновь подкидыш, удочеренный племенем.

И у этого племени принято делать девочкам обрезание.

Зачем лицемерить? Назовите вещи своими именами.

Увечье женских гениталий. Клитеродектомия, как прочла в учебнике студентка медицинского колледжа Алиса Шелдон.

Каждый день чувствуешь боль при мочеиспускании, каждый день видишь увечье в зеркале.

В зеркале девственницы. Даже полвека спустя оно — ее единственный друг.

Девочка-подросток трется бронзовой голой попкой о грубую ткань. Она несколько встревожена. Что здесь затевается? Успокаивает присутствие знакомых женщин. Запах костра и свет навсегда запечатлелись в памяти девочки, из глубины которой кричит, надрываясь, взрослая Алиса.

Беги! Спасайся! Борись! Сделай же что-нибудь!

Но ребенок, которым она была, не слышит.

Подходит шаман, напевая обрывистые слова ритуала, а женщины — предательницы! — прижимают ее плечи к одеялу. Слишком поздно, ужас!

Кто заставляет меня пережить это снова? Наверно, свабхавикакая. Будь они прокляты! Сколько раз я приставляла к виску пистолет и ни разу не выстрелила. Зря.

Теперь над ее разведенными ногами нагиба-

ется мужчина. В его руках нож, который скоро отрежет и поглотит все ее будущее…

Кто-то хватает шамана за руку.

— Брось нож!

Инструмент падает на ткань.

Алиса видит, что ее спаситель, как ни странно, Бестер.

Она — нагая, взрослая женщина — встает на ноги в огромной светлой капсуле, походящей на выстланное пухом яйцо с серым туманом внутри. Отовсюду рассеянный свет.

Корабельный отсек?

Алиса опускает руку и недоверчиво ощупывает себя. Хотя она не знает, каковы на ощупь нормальные взрослые органы, у нее нет сомнения, что все цело. Неуверенные пальцы погружены в безупречную органическую симметрию.

Бестер стоит рядом, тоже обнаженный. Но он уже не тот, как и Алиса. Альфи словно был сломлен и возрожден заново, обретя душу и тело человека, не изуродованного превратностями судьбы.

— Это все творят с нами инопланетяне? — спрашивает Алиса.

— Кто же еще?

Она робко протягивает руку и касается груди

Бестера.

Вдруг некоей силой их прижимает друг к другу, словно непреодолимой волной. «Космическое насилие?» — думает Алиса. Но сразу же находит оправдание своим действиям, которые подчиняются законам любви и смерти. Исчезает напряжение, копившееся всю жизнь. Приятно покинуть обреченный мир.

В Алисе просыпается желание, в Бестере тоже. Их дыхание сливается в поцелуе. Она чувствует, как из нее выделяется липкая влага, берет в руку его отвердевшую плоть и сжимает ее.

Они падают на пол: Бестер на спину, Алиса сверху, контакта пока нет.

Затем она со всей силой садится, чтобы взять его в себя и через незначительную боль и кровь получить удовольствие, о котором и не мечтала.

Алиса играет со своей маленькой грудью.

Кто-то сзади шепчет ей в ухо, нежно водя пальцем по спине. Это Старджон, второй соблазнитель, необходимое дополнение к Бестеру, ангел, противостоящий дьяволу. Она замирает, внемля сладкому голосу.

— Я разговаривал с ними, — сказал гуру свабби. — Со свабхавикакая. Они гештальт-личности. Пытались найти себе подобных среди людей.

Не знаю зачем. У них ничего не получалось. До нас. Неким образом мы втроем сольемся в единое божественное тело, наделенное дарами и обязанностями. Вас пришлось сначала немного подкорректировать.

Старджон замолкает. Алиса чувствует, как кончик его пениса скользит вниз по ее спине, оставляя дорожку мужской смазки.

И она воссоединяется с ними, открыв вечный вкус существования.

5
Она рождена для всех мужчин, которые ждут

Опустошенные, онемевшие свабби поднимаются с досок пристани. Их лидер и два гостя исчезли. Как и корабль инопланетян. А с ними, как понимают свабби, и все межзвездные утробы на планете.

Парень по имени Чип запрокидывает к небу заплаканное лицо. В облаке над заливом он видит трехликую голову, как у тибетского бога. Она расплывается под ножом неспешного ваятеля — ветра, превращаясь в двуполую маску.

Матерь в небе.

Стимпанк
Роман в новеллах

Виктория

Я устала, а потому тихонько ускользнула.
Королева Виктория, в своем личном дневнике

1
Полуночная политика

Трубочка из сверкающей латуни, прикрепленная зажимом к лабораторному кронштейну, торчала вертикально над углом письменного стола с ножками в виде львиных лап и обтянутого сверху наилучшим сафьяном. На высоте пятнадцати дюймов шарнир подсоединял к ней вторую трубочку, обеспечивая ей почти полное сферическое движение. Третья трубочка, подсоединенная к первым двум еще одним шарниром, завершалась насадкой, подогнанной по руке пишущего, — паз для большого пальца и четыре противолежащие выемки для остальных четырех. Из конца насадки высовывался кончик пера автоматической ручки.

Мерцающий свет газовых рожков, шипящих по стенам уютного увешанного картинами кабинета, озарял этот механизм по всей его длине, придавая ему зыбкий маслянистый блеск. За пышными гардинами больших окон царствовал насыщенный холерой лондонский туман: густые клубы раскручивались и расползались наподобие византийских заговоров. Тоскливый бесприютный перестук копыт упряжки лошадей, влекущих последний омнибус линии Уимблдон — Мертон — Тутинг, доносился в кабинет едва-едва, усиливая ощущение приятной уединенности от всего мира.

Под кончиком пера, завершающего систему трубок на кронштейне, помещалась наклонная платформа. Платформа эта ползла по сложной системе зубчатых рельсов на крышке стола и приводилась в движение вращением ручки слева. В чугунной скобе у верхней части платформы медленно вертелся рулон бумаги. Бумага, проползая пространство, отведенное для письма, затягивалась валиками в нижнем конце платформы. Валики эти также вращались ручкой синхронно с движением платформы по рельсам.

На полу в глубоком пространстве между тумбами обширного стола стоял многогаллонный

стеклянный жбан, полный чернил. От плотной крышки жбана резиновый шланг тянулся к латунным трубкам и, следовательно, к перу. Ножной насос гнал чернила из жбана в систему, сколько их требовалось.

В центре этого механизма для письма помещался его хитроумнейший, эксцентричный двигатель.

Космо Каупертуэйт.

Каупертуэйт был худым молодым человеком с румяным лицом и светло-рыжими волосами. Одет он был щеголевато, что указывало на приличный доход: пластрон из узорчатого кашемира, вышитый жилет, элегантные панталоны.

Вытащив из жилетного кармашка большие серебряные часы луковицей, Каупертуэйт поставил стрелки по моменту проезда тутингского омнибуса — одиннадцать сорок пять. Возвратив часы в их кармашек, он одернул натуропатический жилет, который носил непосредственно на теле. Эта громоздкая панацея со множеством вшитых вместилищ для целебных трав имела обыкновение подскакивать от его талии к подмышкам.

Теперь довольно-таки лунообразное лицо Каупертуэйта приняло выражение абсолютной сосредоточенности: он полировал свои мысли,

прежде чем доверить их бумаге. Правой рукой сжимая перо на конце третьей трубки, левой рукой стискивая ручку, держа правую ступню наготове над насосом, Каупертуэйт пытался совладать со сложными эмоциями, порожденными последним визитом к его Виктории.

Наконец он, казалось, привел в надлежащий порядок свои мысли. Наклонившись, он погрузился в писательство. Ручка вертелась, насос качал, платформа по-крабьи ползла поперек стола, описывая конхоиду Слюза, трубки раскачивались туда-сюда, бумага двигалась под пером и чернила растекались словами. Только с помощью этого фантастического механизма, который он был вынужден изобрести сам, Каупертуэйту удавалось успевать с требуемой быстротой за своим лихорадочно-пылким мозгом натуралиста.

25 мая 1838

В. в своем новом жилище как будто счастлива, насколько я способен заключить по ее маловыразительной — хотя и магически привлекательной — физиогномии и горловым звукам. Мадам де Малле заверила меня, что ее не слишком утруждают как в смысле количества посетите-

лей, так и в смысле их знаков внимания. (Там имеются другие мордашки, более напрактикованные и закаленные, чем моя бедняжка В., к которым старуха де Маме бдительно отправляет более, скажем, требовательных клиентов.) Правду сказать, бедное создание словно бы расцветает под воздействием физического внимания. Когда я инспектировал ее сегодня, она, бесспорно, выглядела здоровой и веселой, и ее прекрасный гладкий эпидермис так и манит к нему притронуться. (Мадам де Малле, видимо, скрупулезно выполняет веемой инструкции касательно необходимости поддерживать кожу В. постоянно увлажненной. На видном месте стоит большой пульверизатор французского изготовления, и В. поняла, как им надо пользоваться.)

Щупая ей пульс, я вновь поразился хрупкости ее костей. Когда я нагнулся над ней, она приложила одну руку с тонкими, чуть перепончатыми пальцами к моему лбу, и я почти лишился чувств.

Нет, я вновь признал про себя, что самое лучшее — не держать ее у себя дома.

Лучше для нее и, главное, лучше для меня, для уравновешенности моих нервов, не говоря уж о моей телесной организации.

Что до ее питания, то уже установлена надежная связь с компанией местных уличных оборвышей, которые за двухпенсовик ежедневно каждому охотно ловят требуемых насекомых. Я также обучил их тому, как зачерпывать студень лягушачьей икры в многочисленных миазматических стоячих водоемах, разбросанных по беднейшим кварталам города. Плата мальчикам вычитается из заработков В., хотя я дал понять, что в случае, если ее клиентура когда-либо сократится, покрытие всех расходов, связанных с ее содержанием, я, разумеется, возьму на себя.

Прискорбно, что моему эксперименту суждено завершиться подобным образом. Бесспорно, я не мог знать, что плотские потребности скрытожаберников, в просторечии именуемых гуляками, окажутся столь не поддающимися сдержанности, а ее разум — столь не поддающимся развитию. Я испытываю ощущение транс-

цендентной вины из-за того, что принес в этот мир такую монструозную игру природы. Моя единственная надежда, что жизнь ее продолжится недолго. Хотя относительно, средней продолжительности жизни ее более мелких родичей я пребываю в сомнении, ибо авторитеты сильно расходятся в этом вопросе.

Боже Всемогущий! Сначала кончина моих родителей, а теперь вот это, причем обе страшные случайности прямо восходят к моим злополучным посягательствам на Законы Природы. Неужто мое честное желание улучшить жребий рода человеческого — на самом деле всего лишь своего рода пример роковой гордыни?..

* * *

Каупертуэйт опустил голову на платформу и тихо зарыдал. Он не часто предавался подобной жалости к себе, но поздний час и события дня вкупе возобладали над его обычным суровым научным стоицизмом.

Это временное погружение в уныние прервал властный стук в дверь кабинета. Поза Каупер-

туэйта мгновенно изменилась. Он сел прямо и отозвался на стук с видимым раздражением.

— Да, да, Коготь, войдите же.

Дверь отворилась, впуская слугу Каупертуэйта.

Коготь Макгрош — экспатриант-американец, бахвалившийся историей жизни, которая могла бы лечь в основу целой мифологии, — был незаменимым фактотумом каупертуэйтского домашнего очага. Конюх, кучер, дворецкий, дворник, повар, телохранитель — Макгрош выполнял все эти функции и более с восхитительным умением и пользой, хотя и в фамильярной манере.

Но сейчас Каупертуэйт увидел на физиономии Макгроша, застывшего в дверях, выражение непривычной почтительности. Прежде чем заговорить, он потер щетинистый подбородок.

— К вам посетитель, старый цилиндр.

— В такой непотребный час? Визитная карточка у него нашлась?

Макгрош приблизился и вручил ему картонный прямоугольничек.

Каупертуэйт не мог поверить своим глазам. Карточка докладывала об Уильяме Лэме, втором виконте Мельбурнском.

Премьер-министр. И если верить скандальным сплетням, в настоящее время полыхающим по

Лондону, любовник хорошенькой девятнадцатилетней королевы Англии, занимающей трон с прошлого года. И в настоящее время, пожалуй, самый могущественный человек в Англии.

— Он сказал, что ему нужно?

— Не-а.

— Ну, Линнея [48] ради, не торчите тут! Просите его войти! Макгрош направился к двери, но сразу же остановился.

— Ужин-то я съел давно, как вы не любите, чтоб вас беспокоили. Но вам кое-что оставил. Пирог из угря. Не такой смачный, какой бы я сварганил, будь у меня под рукой свеженькая гремучка, но есть можно.

С этим он удалился. Каупертуэйт снисходительно покачал головой. Не тронут цивилизацией, но зато по-собачьи предан.

Минуту спустя виконт Мельбурн, премьер-министр империи, почти опоясывавшей земной шар от Ванкувера до Хайдерабада, уже пожимал руку ошарашенному Каупертуэйту.

В свои пятьдесят девять лет Мельбурн все еще сохранял сногсшибательную красоту. Среди тех многочисленных женщин, чьим обществом он

---

[48] Примечания: 48

Карл Линней (1707–1778) шведский натуралист, создатель классификации растительного и животного мира. — Здесь и далее примеч. пер.

наслаждался, особое восхищение вызывали его глаза и посадка головы. Он был обладателем редкостных светских талантов, его остроумие было оригинальным и едким.

При всех этих достоинствах и блистательной карьере Мельбурн не был счастлив. Собственно говоря, Каупертуэйту тут же бросилась в глаза прославленная Меланхолия Мельбурна. Источник ее был ему достаточно известен, как и всему Лондону.

Вопреки желаниям своей семьи Мельбурн женился на прелестной, эксцентричной и своевольной леди Каролине Понсонби, единственной дочери леди Бессборо. Превратив себя в скандальную притчу во языцех безответной страстью к распутному повесе и поэту Джорджу Гордону лорду Байрону (с которым, по иронии судьбы, ее познакомила собственная свекровь Элизабет Лэм), она в конце концов вынудила Мельбурна разъехаться с ней вопреки его легендарным терпению, терпимости и готовности прощать. Затем леди Каролина становилась все более необузданной, пока не сошла с ума и не умерла десять лет назад, в 1828 году. Их сын Огестес, единственный их ребенок, оказался слабоумным и умер год спустя.

Как будто этого недавнего скандала было мало, Мельбурну все еще приходилось противостоять толкам, ходившим уже более полувека, будто на самом деле его отцом был кто-то другой, а не первый виконт Мельбурн, и, значит, титул этот ему по справедливости не принадлежит.

Более чем достаточно трагедий для одной жизни. И тем не менее Каупертуэйт почувствовал, что Мельбурн находится на грани новых ударов судьбы, быть может, личных, быть может, политических, быть может, тех и других вместе.

— Прошу вас, премьер-министр, не благоугодно ли вам сесть?

Мельбурн придвинул себе стул с сиденьем, обтянутым бязью, и устало опустился на него.

— Говоря между нами, мистер Каупертуэйт, сведения, которые я намерен сообщить вам, требуют елико возможно меньше всякой официальности. А потому называйте меня Уильямом, а я буду называть вас Космо. В конце-то концов, я был шапочно знаком с вашим батюшкой и чтил его заслуги перед нашей родиной. Так что мы с вами не совсем посторонние люди, разделенные социальной пропастью.

Голова Каупертуэйта шла кругом. Он понятия не имел, почему премьер явился к нему и что

намерен сообщить.

— Ну разумеется… Уильям. Не желаете чего-нибудь выпить?

— Да, пожалуй, не откажусь.

Каупертуэйт с радостью воспользовался случаем встать и овладеть собой. Он приблизился к переговорной трубке, торчавшей из вделанной в стену латунной панели, подергал по очереди несколько рычажков с ручками из слоновой кости, помеченными различными помещениями в доме, пока звон колокольчика в кабинете не известил его, что Макгрош обнаружен. Последний рычажок, за который он дернул, был помечен «нужной чулан».

Из трубки пискливо донесся отдаленный голос слуги:

— Чего еще, Кос?

Каупертуэйт прикусил язык от такой фамильярности, подавляя вполне заслуженный выговор.

— Не будете ли вы так любезны принести нам два шэндигаффа, Коготь?

— Бу сделано, командир.

Макгрош появился незамедлительно, неся поднос с напитками. Из его губ торчала костяная зубочистка, а рубашка свисала поверх штанов. Он непринужденно поставил свою ношу на стол

и удалился.

После того как они с наслаждением отхлебнули смесь пива с имбирем, премьер-министр приступил к объяснению:

— Если не ошибаюсь, Космо, вы, как бы это сказать, опекун твари, известной как Виктория, которая в настоящее время проживает в борделе, содержимом мадам де Малле.

Каупертуэйт раз-другой поперхнулся своим шэндигаффом. Мельбурн встал и похлопал его по спине, пока он не перевел дух.

— Как… как вы?…

— Ну, послушайте, Космо, вы же не можете не знать, что бонтон оказывает внимание де Малле и что ваши отношения с этой тварью не могли не стать достоянием гласности через два-три дня, как вы поместили ее туда.

— Я не подозревал…

— Должен сказать, — продолжал Мельбурн, водя мокрым пальцем по краю своего бокала и вызывая до чрезвычайности противное повизгивание, — что тварь эта обеспечивает совершенно новые сенсуальные ощущения. Я полагал, что испытал все, что может дать акт копуляции, но совершенно не был готов для вашей Виктории. Видимо, я не единственный ценитель ее, насколь-

ко я понимаю, абсолютно бездумного искусства. Только за прошлую неделю я столкнулся у де Малле со многими значимыми фигурами, которые завернули туда исключительно ради ее услуг. Эти писаки Диккенс и Теннисон, Луи-Наполеон и американский посол. Несколько членов моего собственного кабинета, включая старых хрычей, которых я уже считал абсолютно целомудренными. Вам известно, что даже одухотворенный и беззаветно преданный искусству господинчик Джон Рэскин тоже был там. Его привели какие-то его друзья. Первый его опыт, и они умудрились внушить ему, будто все женщины так же безволосы, как ваша Виктория. Если он когда-нибудь женится, предвижу всякие неприятности.

— Я не ответственен…

Мельбурн перестал тереть свой бокал.

— Скажите мне… что она, собственно, такое?

Понятия не имея, к чему вели разглагольствования Мельбурна, Каупертуэйт почувствовал облегчение, едва от него потребовали научных сведений.

— Хотите верьте, Уильям, хотите нет, Виктория это тритон.

— Тритон? Такая саламандра?

— Именно. Говоря точнее — «гуляка», скры-

тожаберник Cryptobranchus alleganiensis, вид, обильно водящийся в Новом Свете.

— Как я понимаю, она была… э-э… значительно модифицирована…

— Разумеется. В моих опытах с местными тритонами мне, видите ли, удалось дистиллировать то, что я называю «фактором роста». Полученный из гипофиза, щитовидной железы и эндокринных желез, он дает результаты, которые вы наблюдаете. Я решил применить его к гуляке, поскольку в естественных условиях они достигают длины в целых восемнадцать дюймов, и сумел получить несколько особей через тамошнего посредника.

— Однако она не выглядит просто исполинским тритоном. Одни груди…

— Да-да, ее внешность — результат смешений саламандрового и человеческого факторов роста. Свежие трупы…

— Прошу, остановитесь на этом. Хотя я здесь полуофициально, но все-таки остаюсь представителем закона.

— Моим намерением было измерить глубину ее разума и проверить, не сумею ли я его развить. В конце концов она показала себя плачевно не поддающейся никаким усилиям. Не желая ее уничтожить, я, за неимением другого выбора,

был вынужден поместить ее у де Малле.

— Почему, если мне дозволено спросить, вы назвали ее Викторией? Неудачная шутка? Понимаете ли вы, что в результате можете быть повинны в lese majeste [49]?

Каупертуэйт растерялся.

— Нет-нет, ничего подобного. Случайное сходство с новой королевой. Желание посвятить ей мои научные изыскания…

Мельбурн поднял ладонь.

— Я вам верю. Можете не продолжать.

Несколько минут в кабинете царила тишина. Затем Мельбурн заговорил, словно бы сменяя тему:

— Когда год назад королева взошла на престол, она была невероятно наивна и простодушна. Хотя природным умом она не обижена, ее мать, герцогиня Кентская, воспитывала ее в удушающей монастырской атмосфере. Бог мой, она могла вести беседу только о лошадях и плетении кружев! Она была абсолютно пришита к юбке своей хитрой маменьки и ирландскому любовнику герцогини Джону Конрою.

Я скоро понял, что в нынешнем ее состоянии

---

[49] Примечания: 49

оскорбление величества (фр.); приравнивалось к государственной измене.

она никогда не станет матриархом нашей страны. И мне надлежало во имя блага империи сформировать ее характер на более царственной основе.

Я знал, что самый быстрый способ потребует стать ее любовником.

Не стану утомлять вас остальными моими тактическими приемами. Достаточно сказать, что, по-моему, мне удалось отточить ум и инстинкты королевы в такой мере, что теперь она будет превосходной правительницей, возможно, самой великой из тех, кого знал этот державный остров.

— Но я не вижу…

— Погодите. Еще не все. Я постепенно и неуклонно увеличивал рабочее расписание королевы, так что теперь у нее весь день занят чтением депеш и выслушиванием ее министров. Я думал, что она держится восхитительно. Однако теперь я опасаюсь, что слишком поторопился. Герцогиня Кентская и Конрой последнее время назойливо докучали ей всякими неприятными мелочами. Кроме того, она очень нервничает из-за своей коронации, назначенной на следующий месяц. Последнее время в постели она жаловалась мне на то, что чувствует усталость и слабость, тоску и дурноту. Боюсь, я отмахнулся от этих жалоб, как

от пустой болтовни.

— Но неужели вы не можете дать бедной девочке передышку?

Мельбурн провел рукой по лбу.

— Боюсь, уже слишком поздно. Видите ли, как раз сегодня королева сбежала с трона.

Каупертуэйт не поверил своим ушам.

— Немыслимо! А вы уверены, что ее не похитили, что ее не сбросила лошадь во время прогулки верхом? Необходимо отправить на ее розыски…

— Нет, бесполезно. Она не лежит без чувств на какой-нибудь тропе для верховых прогулок, нет, она затаилась где-то, как хитрая лисичка, какая она и есть. Исчезли некоторые ее личные вещи, в том числе дневник. Устроить широкие поиски — значит обеспечить, чтобы через час-другой ее отречение стало достоянием гласности. А при нынешнем политическом положении Британия не может позволить себе хотя бы временно остаться без монарха. Шлезвиг-Гольштейн, ландграфиня Мекленбург-Стрелицкая, Испанское Престолонаследование… Нет, мы ни в коем случае не можем сообщить об ее исчезновении. Среди аристократии найдется немало таких, кого подобный скандал более чем устроит. В частности, я думаю о лорде Чатинг-Пейне. А кроме того, я не хочу,

чтобы Виктория лишилась трона. Я верю в эту девочку. Я думаю, она будет великолепной королевой. Это юное безрассудство не следует ставить ей в вину.

— О, я согласен, — от всего сердца сказал Каупертуэйт. — Но почему вы пришли ко мне? Чем могу помочь я?

— Я прошу вас одолжить вашу Викторию. Она нужна мне в качестве дублерши королевы, пока подлинная Виктория не найдется.

— Это смехотворно, — возразил Каупертуэйт. — Тритонша на троне Англии? Нет, не отрицаю, в парике и в отдалении она может обмануть взгляды, но вблизи? Никогда! Почему просто не найти какую-нибудь человеческую женщину, пусть из низших сословий, которая изображала бы королеву, а потом хранила бы молчание за солидное вознаграждение?

— И рисковать будущим шантажом? Или, быть может, тем, что такая актерка из каприза злоупотребит своим временным положением? Нет, благодарю вас, Космо. И вопреки тому, что обо мне болтают люди в связи с Толпаддлскими Мучениками, у меня нет ни малейшего желания пойти из политических соображений на убийство такой женщины ради сохранения тайны.

Нет, мне требуется марионетка, нечто абсолютно послушное. Подходит только ваша Виктория. Одолжите ее мне, а остальное я беру на себя.

— Все это так странно… Что еще могу я сказать?

— Просто скажите «да», и страна, а также и я, будем у вас в неоплатном долгу.

— Ну, если вы так ставите вопрос-Мельбурн вскочил.

— Великолепно. Вы и представить себе не можете, какое я испытываю облегчение. К тому же, возможно, моей Виктории успело надоесть играть в верноподданную, и она даже сейчас уже на пути в Букингемский дворец. Но пока отправимся извлечь вашу Викторию из ее постели в заведении де Малле. Вы понимаете, забрать ее придется вам, так как нельзя допустить, чтобы кто-нибудь увидел, как ее увожу я.

— О, конечно…

Только когда они громыхали через город в зашторенном ландо с Мактрошем на козлах, а между ними увлажненно сидела женственная тритонша Виктория под вуалью, целомудренно скрывавшей ее удлиненные черты, Каупертуэйт спохватился и сообщил Мельбурну об особой диете своей подопечной.

— Мухи? — сказал премьер-министр с сомнением.

— Наисвежайшие, — сказал Каупертуэйт.

— Полагаю, конюшни…

— Я понимаю, сэр, почему вы стали премьер-министром! — Каупертуэйт сделал Мельбурну этот комплимент со всей искренностью.

2
Прямой поезд до Китая

Трибуна была задрапирована веселенькими тканями, голубыми с золотом. Местные именитые персоны, политики и члены железнодорожной корпорации восседали чинными рядами на деревянной платформе. Дамы в пышных бомбазиновых юбках защищали себя от летнего солнца кружевными зонтиками. Духовой оркестр играл бодрые мелодии. Птицы заливались контрапунктом на соседних деревьях. Толпа фермеров и торговцев, их жены и дети заполняли широкий луг, окружавший трибуну. Всюду сновали лоточники, предлагая лимонад и леденцы, цветы и безделушки-сувениры.

Местом была деревенька Летчуорт к северу от Лондона, годом — 1834-й, вскоре после утвержде-

ния Закона о Бедных, который затем преобразил сельские ландшафты, секвестировав их нищих в соответствующие заведения. Поводом было торжественное открытие новой железнодорожной линии, ветки железной дороги Лондон — Кембридж.

В нескольких ярдах от платформы блестели новые рельсы, тянущиеся за горизонт. Каменный фундамент станции, кирпичное здание которой было не достроено и окружено лесами, обрамлял эту картину с юга.

На рельсах — массивный, гордый, могучий — стоял локомотив революционного устройства. Неподалеку нервно переминался с ноги на ногу его революционный создатель Космо Каупертуэйт в возрасте двадцати одного года.

Рядом с Каупертуэйтом стоял молодой человек лишь немногим его старше, но обладающий куда большей развязностью и явной уверенностью в себе. Это был двадцативосьмилетний Изамбар Кингдом Брунел, сын знаменитого архитектора и изобретателя Марка Изамбара Брунела, чей гений обеспечил создание Туннеля под Темзой, при прокладке которого впервые был применен метод проходческих щитов.

Близость между Каупертуэйтами и Брунелами

длилась уже второе поколение.

Клайв Каупертуэйт, отец Космо, был помолвлен с прелестной Констанцией Уинкс. Незадолго до их уже назначенного бракосочетания на данном Королевской ассоциацией инженеров и архитекторов балу Клайв застал свою невесту в компрометирующей позе со старшим Брунелом в нише, частично занятой бюстом Архимеда. Оскорбленный жених — вдвойне взбешенный совместным поруганием и его будущей супруги, и древнего мудреца — немедленно потребовал дуэли. Брунел согласился.

Однако в промежутке между вызовом и поединком оба молодых человека случайно обнаружили единство своих интересов. Сначала ледяным тоном, все более теплевшим, они начали обсуждать свою взаимную мечту о мире, объединенном железными дорогами и паровыми судами, о мире, ужавшемся и аккуратно упакованном великолепными изобретениями их века. Дуэль не состоялась. Клайв и Констанция поженились в намеченный срок. Марк Брунел стал и деловым партнером Каупертуэйта, и близким другом, часто гостившим у него вместе с собственной женой и юным сыном. После рождения Космо он и маленький Изамбар Кингдом («И. К.», или

Икки) росли вместе, прямо-таки как братья.

И теперь молодой Каупертуэйт повернулся к своему другу и сказал:

— Ну, Икки, что скажешь? Он стоит под полными парами всего на нескольких унциях топлива. Чудо, разве нет? Стефенсоновская «Ракета» — ничто в сравнении с ним.

Икки, неизменно практичный, ответил:

— Если это сработает, ты положишь конец всей угольной промышленности. На твоем месте я бы оберегал свою спину от грязного кайла какого-нибудь недовольного шахтера. Или, что куда более вероятно, от серебряного столового ножа владельца его шахты.

Космо погрузился в задумчивость.

— Этого аспекта моего открытия я как-то не учел. Тем не менее никто не в силах остановить прогресс. Если бы я не нашел способа очистки нового металла Клапрота, его, конечно же, отыскал бы кто-нибудь другой.

В 1789 году Мартин Генрих Клапрот открыл новый химический элемент, который назвал ураном в честь недавно обнаруженного небесного тела, названного Ураном. Другие ученые, в том числе Эжен-Мельхиор Пелиго, начали искать способ его очищения. Космо Каупертуэйт

эйт, унаследовавший таланты отца, выросший в атмосфере практического изобретательства, преуспел первым путем удаления тетрахлорида урана с помощью калия.

Ища новые способы использования этого увлекательного элемента, Космо наткнулся на идею применить его свойство выделения тепла для замены обычного средства получения пара на одном из паровозов своего отца. Клайв Каупертуэйт неохотно дал согласие, и в этот день предстояло первое испытание переделанного паровоза.

— Пойдем, — сказал Космо, — мне следует в последний раз проинструктировать машиниста.

Они влезли на паровоз. Паровозная бригада в будке встретила их довольно холодно. Старший машинист, человек в годах с моржовыми усами, без конца кивал в такт словам Космо, но молодой изобретатель чувствовал, что тот пропускает их мимо ушей.

— Запомните, угля в топку этой машине не подбрасывать. Ничего к топливу не добавлять. Нажатие на этот рычаг сближает две доли урана и дает больше жара, тогда как вытягивание его увеличивает расстояние и уменьшает жар. Заметьте, как эта цапфа с насадкой препятствует рычагу продвинуться в опасную зону…

Космо испуганно умолк.

— Насадка, она треснула и вот-вот отвалится! Это выглядит нарочитой порчей всей моей предохранительной системы. Кто ответственен за этот саботаж?

Бригада лениво уставилась в потолок будки. Один наглый кочегар засвистел мелодию, в которой Космо узнал неприличный народный мотив под названием «Шампанский Чарли». Космо понял, что сейчас бесполезно искать виновников.

— Пойдем, Икки. Мы должны исправить поломку до начала испытания. — Они спустились с паровоза. На некотором расстоянии от них на платформе Клайв Каупертуэйт только что поцеловал жену и поднялся на трибуну, чтобы произнести свою речь.

— Я сожалею, что моего партнера сегодня нет здесь, но я уверен, что смогу говорить достаточно длинно за нас двоих…

Толпа ответила легким смехом.

Космо был не в настроении разделить это веселье.

— Где мне найти инструменты? — в отчаянии спросил он у Икки.

— Почему бы не у кузнеца в деревне?

— Отличная мысль. Дай я только скажу отцу,

чтобы он задержал запуск машины.

— Просто сбегаем. Ты же знаешь, как долго твой отец разглагольствует. Времени у нас в избытке.

Космо с Икки поспешили в деревеньку.

Еще в кузнице они услышали, как снова заиграл оркестр, который сделал перерыв на время речи Клайва. В тревоге Космо с Икки бросились наружу.

В тот же миг чудовищный взрыв опрокинул их на землю и выбил все стекла в деревеньке. Горячий ветер покатил их по земле. Когда они кое-как поднялись на ноги, то увидели высоко в небе громоздящиеся остатки грибообразного облака.

В неистовой тревоге, к которой примешивалось немало страха, друзья поспешили назад к месту торжества.

Еще на дальнем расстоянии они наткнулись на край колоссального дымящегося кратера, который уходил в остекленелые глубины — начало туннеля, нацеленного на Азию.

Космо взывал перед этой задымленной безжизненностью:

— Отец! Мама!

Икки положил руку ему на плечо.

— Бесполезно, Кос. Никто не мог уцелеть. Их всех твое изобретение отправило к Иегове. Я

усматриваю в этом перст Провидения, которому даже обычное многословное красноречие твоего отца не составило препоны, — перст, указующий, что мир еще не готов к подобным открытиям, если вообще когда-нибудь будет к ним готов… Утешься же мыслью, что такая смерть, слава Богу, должна была быть безболезненной. В любом случае, смею сказать, тут не отыщется человеческого пепла в количестве достаточном, чтобы заполнить подставку для зонтиков.

Космо пребывал в шоке и ничего не ответил. (Но с этих пор его старинная дружба с Икки навсегда осталась подпорченной из-за подобной душевной черствости последнего в свете такой катастрофы, в которой он, как ни поглядеть, был частично повинен.)

Почему-то чувствуя, что медлить там было бы неразумно, Икки поторопился увести своего друга подальше.

По возвращении в Лондон после нескольких дней полубесчувственного состояния Космо, теперь единственный наследник каупертуэйтского имени, мало-помалу вновь обрел умственные способности. Первое, что он заметил, были какие-то странные язвы у него на теле. Оказалось, что Икки также страдает от этой памятки о пережи-

том им — как и несколько уцелевших жителей деревеньки. С помощью фармацевта Каупертуэйт составил натуропатический пластырь, который при плотном накладывании на кожу, казалось, отводил чуму. (Четыре года спустя все язвы почти исчезли, однако Каупертуэйт продолжал носить свой натуропатический жилет более из предосторожности, чем по каким-либо научным соображениям.)

Позаботившись о собственных недугах, Каупертуэйт понял, что ему надлежит устроить церемониальное погребение своих родителей. И в один прекрасный день он вознамерился посетить местного гробовщика. Открыв парадную дверь, он был ошеломлен тем, что снаружи нее уже кто-то стоит.

Молодчик, пониже среднего роста, был жилистым, цепкоглазым и одетым по небрежной американской моде. Он энергично приветствовал Каупертуэйта.

— Друг, я следил за вами в вашей тяжкой утрате, как вы бродили обалделым и оглушенным по энтому вот самому городу, и я пришел к выводу, что вы нуждаетесь в моральной поддержке и опоре.

Каупертуэйт никак не мог понять, что это за

субъект.

— Вы из заведения гробовщика?

— Куда лучше, паренек. Я из Съеденных Штатов чертовой Америки, и я могу сделать все, чего ни прикажете.

Подавленный виной и смятением Каупертуэйт с надеждой ухватился за это предложение.

— Как… ваше имя?

— Коготь Макгрош, командир, с вашего разрешения. Черт, и без него тоже. Наречен так, поскольку я покрепче любого моего тезки и вдвое острее. Отдайте свои дела в мои руки и живите без забот. Мы покажем этому городу поминки, и похороны, и прием после них, каких тут не видывали с тех пор, как старичина Генрих Восьмой, играя в кости, выбросил два очка.

Каупертуэйт принял решение. Макгрош был нанят, не сходя с места.

Держа слово, нахальный американец устроил первоклассный кортеж в честь Клайва и Констанции Каупертуэйт. Черного крепа хватило бы на то, чтобы обтянуть Вестминстерский собор сверху донизу.

После такого доказательства Каупертуэйт уверился, что Макгрош и правда не мошенник, а просто человек, нуждающийся в постоянном

месте и снисходительном нанимателе. Видимо, Каупертуэйт отвечал всем его требованиям.

Макгрош выполнял свои новые обязанности с лихостью. С тех пор таким же незаменимым он показал себя в сотне случаев, и Каупертуэйт порой видел в нем скорее старшего, более опытного брата, чем слугу.

Его внешность и непринужденность не входили в число его привлекательных качеств. Макгрош был дерзок, саркастичен, а иногда пускал в ход ругательства: отнюдь не рекомендация для хорошего слуги. Он принял манеру одеваться в стиле первопроходцев, своего рода дендизм закоренелых бродяг. Макгрош пренебрегал бритьем, и никто не видел, чтобы он мылся, — недостаток, отчасти компенсировавшийся обильным потреблением туалетной воды наиболее крепкой дистилляции. Макгрош, как он любил напоминать Каупертуэйту через краткие интервалы, был «стодесятипроцентным американцем». Цветистая история его жизни часто приводила Каупертуэйта в недоумение: каким образом, если принять прошлое Макгроша за типичное, одна нация, пусть даже такая большая, могла включать миллионы подобных индивидуумов.

Макгрош утверждал, что участвовал в экспе-

диции Стивена Остина на территории, носящей название Техас. («ОВТ», или «Отбыл В Техас», на текущем американском жаргоне означало бегство от преследований закона, и Каупертуэйт прикидывал, не таковыми ли были побуждения Макгроша.) Кроме того, он утверждал, что был принят воином в племя индейцев чикасо после того, как спас жизнь вождю Икке-мотуббе, и охотно сражался против своих собратьев-белых, которые стремились согнать этих индейцев с их соблазнительных земель на Миссисипи. (Перманентный рубец у него на заднице, с энтузиазмом выставляемый на обозрение любой случайной знакомой, как бы ни уклонялась она от созерцания голых мактрошевских ягодиц, якобы являл собой особый племенной знак.) Он похвалялся тем, что в Новой Англии был грабителем, и после долгих упрашиваний показывал, подмигивая, маленький плоский золотой слиток, так называемый слиток контрабандиста, который аккуратно умещался в его жилетном кармашке.

Каупертуэйт так никогда и не узнал, что побудило Макгроша искать постоянного убежища в Англии, но подозревал, что причиной было какое-то незаконное деяние титанического размаха.

В общем и целом человек замечательных про-

порций, наименьшую из которых составляла культура, а также товарищ, который, как чувствовал Каупертуэйт, служил противовесом его собственной склонности к мечтательным абстракциям.

Под управлением Макгроша года проходили довольно приятно. Икки и его отец занимались объединенными предприятиями «Каупертуэйт и Брунел» без его участия, обеспечивая Каупертуэйту как пассивному компаньону гарантированный доход и позволяя ему предаваться научным изысканиям. Незачем говорить, что он утратил всякий интерес к дальнейшему развитию транспортных средств на урановой основе.

Обратив свое внимание на вопросы биологии, он полагал, что уж тут ему никакая опасность не угрожает. Собственно говоря, что может быть опасного в экспериментах с крохотными амфибиями?

Но вот размерами со взрослую женщину… Каупертуэйт начал подозревать, что это совсем-совсем другое дело.

3

Человек с серебряным носом

В дни, последовавшие за водворением лже-Виктории на трон, когда май ускользнул в июнь, Каупертуэйт порой переставал верить, что премьер-министр действительно нанес ему столь странный визит в час ведьм или что продукт его лаборатории теперь восседает на царственном престоле, предназначенном для членов ганноверской династии. Слишком уж это смахивало на сон или кошмар, вызванный посещением опиумного притона вроде «Тигриной бухты» или «Полей Голубых ворот» в части города, примыкавшей к Старому порту.

Впрочем, такие периоды сомнений недолго выдерживали натиск суровых и неопровержимых фактов. Саламандровая Виктория больше не жила под кровом де Малле. Белые бархатные подушки в ландо покрывали невыводимые пятна. Депеши о развитии событий Мельбурн присылал ежедневно в инкрустированных шкатулках, в которых обычно доставлялись официальные государственные документы. Привозили эти послания курьеры королевы, особые агенты, которым доверялись самые секретные бумаги.

1 июня

Все еще никаких следов подлинной В. Я поручил поиски нескольким доверенным агентам, внушив им, что они якобы ищут мою незаконнорожденную дочь. Натурально, они начнут прочесывать все наиболее очевидные убежища, включая бордели вроде заведения де Малле. Если они потерпят полную неудачу, возможно, я буду вынужден включить в поиски Ярд.

По вечерам, когда псевдо-В. надежно заперта у себя в опочивальне, я сам рыскаю по многолюдному городу, но до сей поры безрезультатно.

С надеждой,

У. Л.

3 июня

Свел соприкосновение В. с ее министрами до минимума. Объявлено, что «невралгия» королевы препятствует ей принимать участие в государственных делах. Все церемониальные функции отложены на неопределенный срок. Не верю, что кто-то заподозрил подмену, хо-

тя В. все-таки съела насекомое прилюдно. Я невозмутимо продолжал говорить и рассеял всеобщее ошеломление. Труднее всего отбиваться от фрейлин. Среди них много шпионок Конроя и прочих. Предупредил их, что королева испытывает крайне тяжелый и затянувшийся менструальный период и, вооружившись пистолетом, угрожает пристрелить всякого, кто увидит ее нагую, раздувшуюся от воды фигуру. Фрейлины, все до единой, как будто поняли суть. Однако как долго смогу я убедительно продолжать?

В напряжении,

У.Л.

5 июня

Все еще ни единого луча света. Значительная часть времени, которое я мог бы посвящать поискам, уходит на удовлетворение хищного любострастия В., чтобы держать ее в послушании. Ее неутолимость внушает благоговейный ужас. Я совсем иссушен. Теряю надежду.

В отчаянии,

У. Л.

Каупертуэйт читал эти послания с нарастающей тревогой. Все его эксперименты были отложены и забыты. Даже восьминогие телята из Летчуорта не привлекли его внимания. Его мысли были заняты дилеммой Мельбурна. Дилеммой нации, хотя население в целом даже понятия о ней не имело. Что произойдет, если подлинную Викторию не отыщут ко дню ее коронации? Будет ли тритонша торжественно помазана архиепископом Кентерберийским как королева Англии? Для Англии это обернется похуже, чем папство папессы Иоанны обернулось для римско-католической церкви.

А какие жуткие невзгоды терпит подлинная Виктория? Девушка, которой за всю ее короткую жизнь не разрешалось даже по лестнице подниматься в одиночестве из опасений, что она может споткнуться и упасть. А теперь она бесприютна в урбанистической грязи, именуемой Лондоном. Каупертуэйту не удавалось отгонять от себя новые и новые образы унижений и осквернений, которые одновременно и тревожили, и странно возбуждали.

В конце концов из-за этих галлюцинаций он почти перестал спать и понял, что ему необходимо предпринять что-то, чтобы избавиться от избытка нервичности. Наука временно утратила свое очарование. Оставалось одно: самому принять участие в поисках Виктории. Иначе его до конца дней преследовало бы чувство, что он не сделал всего, что мог.

Однако сообщать об этом Мельбурну не стоило. Премьер-министр как будто был несколько против дальнейшего втягивания Каупертуэйта в происходящее, а молодой изобретатель как лояльный верноподданный не хотел получить четкое запрещение вносить свою лепту.

Вот почему в один туманный вечер девятый удар высоких напольных часов, украшавших переднюю, застал Каупертуэйта в плаще, накинутом на плечи, нерешительно застрявшим в дверях своего мейфэрского особняка.

Где следует начать поиски? Где в конце концов окажется сбежавшая юная девушка в этой метрополии греха и алчности? Если не считать борделя — а Мельбурн уже все их обыскал… Каупертуэйт вдруг понял, что понятия не имеет.

Каупертуэйт ощутил ладонь на своем плече и, обернувшись, почти столкнулся с Когтем Мак-

грошем. Его слуга оделся для ночной прохлады, обмотав в остальном обнаженное горло грязным красным платком, и явно намеревался сопровождать Каупертуэйта.

В подтверждение Макгрош сказал:

— Не беспокойся, Кос, все заметано. Я тебя одного не пущу. Я знаю всю трагическую историю — знал с первого же вечера, когда подслушивал у двери кабинета. И хоть мне-то начхать — для урожденного демократного американца, как я, ваша обожаемая монархия одно блям-блям-блям и боле ничего, — я не могу сидеть-посиживать и допустить, чтобы ты лез на рожон всяких опасностей. Тебе требуется, чтоб, когда дело дойдет до дела, рядом с тобой был когтючий кугуарчик вроде меня. Как я сказал Майку Финку, когда мы трюхались на одной барже по Большой Мутной Реченьке: «Майк, в жизни нет ничегошеньки поважнее дружбы». Как раз перед тем, как я вышиб дух из подлого вонючки и свалил его за борт.

Каупертуэйт испытал величайшее облегчение и выразил его тем, что тепло пожал руку Макгроша.

— Ваше благородное предложение принято, Коготь. Так идемте.

Уже на пороге взгляд Каупертуэйта остано-

вился на трости из ротанга, которая торчала из слоновьей ноги, служившей подставкой для зонтиков, и он схватил ее.

— На всякий случай, — сказал он Макгрошу и подмигнул.

— А не зря, командир? В прошлый-то раз…

— Я ее с тех пор усовершенствовал.

— Будь по-вашему.

Когда они оставили позади себя фешенебельный квартал, который Каупертуэйт избрал местом своего проживания, улицы все более и более наполнялись горожанами всех пошибов: слепые нищие, элегантные дамы, уличные шлюхи, шарманщики, поводыри танцующих медведей, субъект с передвижным тиром, в котором стрельба велась пульками из пружинных ружей, а мишени двигались при вращении рукоятки, как платформа на письменном столе Каупертуэйта. Между двумя девчушками, торговавшими спичками, завязалась драка, и одна опрокинула другую в колоду с водой для лошадей. Это был наименее примечательный эпизод из тех, свидетелями которых непрерывно становились Каупертуэйт и Макгрош. Когда они дошли до Окефорд-Серкес, Макгрош знаком показал, что им надо перейти улицу. Каупертуэйт заколебался.

Подлинные лондонские улицы в подавляющем большинстве представляли собой широкие сточные канавы и мусорные свалки. Отбросы и навоз слагались в препятствия глубиной по щиколотку. Этот феномен породил зарабатывающих на нем «уличных метельщиков» — бездомных мальчишек и девчонок, которые за малую мзду разметали перед обывателем тропочку поперек улицы. Видя, что его хозяин не решается погрузить свою обувь в эту грязь, Макгрош тут же нанял метельщика.

— Эй ты, рыжая башка! Давай расчисть нам дорогу!

Босой мальчуган, которому адресовалось это обращение, тотчас подбежал к ним. Одет он был в лохмотья, ему недоставало нескольких зубов, однако он широко улыбался и излучал простодушное счастье. Его единственное имущество, видимо, исчерпывалось метлой, обтрепавшейся почти по самую палку.

Почтительно сняв шапчонку, он сказал:

— Кликуха Типтопф, джентльмены. Разумные цены и быстрые услуги, такой вот мой девиз. Всякий раз, как окажетесь поблизости, обращайтесь ко мне.

Без дальнейших предисловий мальчуган всту-

пил босыми ногами в жидкое месиво и принялся рьяно мести. Каупертуэйт и Макгрош следовали в его кильватерной струе.

На той стороне улицы Каупертуэйт спросил:

— Сколько?

— По пенсу с рыла, если вам подходит, джентльмены. Каупертуэйт вручил мальчугану шиллинг.

От такой переплаты метельщик впал в экстаз.

— Спасибочки, хозяин, спасибочки. Ну уж и элегантно я нынче пошамаю.

Каупертуэйт и Макгрош пошли дальше. Изобретателя мальчуган, видимо, растрогал, и наконец он счел нужным высказаться по этому поводу:

— Вот пример теории просачивания материального благополучия [50], Коготь. Благодаря плодам, приносимым предприятиями «Каупертуэйт — Брунел», я получаю возможность повышать доход тех, кто не столь взыскан судьбой. Вздымающийся прилив поднимает все корабли.

— А я слышал, как энто самое просачивание сравнивали с воробьем, которому достается весь

---

[50] Примечания: 50

Популистская экономическая теория, широко пропагандировавшаяся в годы президентства Рейгана, согласно которой чем больше увеличивается богатство верхушки общества, тем больше его «просачивается» через все слои населения, повышая материальные условия жизни самых низших.

непереваренный овес в лошадином дерьме.

— Грубая и неточная аналогия, Коготь. В любом случае благодаря науке придет день, когда улицы Лондона будут очищены от органических отбросов, а такие бедные оборвыши, если они вообще сохранятся, будут поддерживаться богатым и благодетельным государством.

— Эйюх, — лаконично отозвался Макгрош.

Около получаса они продолжали свой путь в молчании по влажным улицам — в такую погоду Виктории-самозванке не понадобился бы ее пульверизатор, — и наконец Каупертуэйт сообразил осведомиться, куда, собственно, они направляются.

— Ну, — сказал Макгрош, — я так полагаю, старику Навозингу всегда нужны люди крутить ножные мельницы. Может, вашу дамочку спровадили туда.

Каупертуэйт умудренно кивнул, хотя так ничего и не понял.

По мощенным булыжниками улочкам, мимо оборванных бесформенных фигур, привалившихся к разбитым дверям в сумрачных арках, игнорируя протянутые руки и более сладострастное клянченье оборванных прохожих, следовал Каупертуэйт за Макгрошем. Казалось, они дви-

гались в направлении Темзы. И Каупертуэйт не сдержался:

— Куда мы, собственно, идем, Коготь?

— На насосную станцию Навозинга.

Вскоре воздух перенасытили миазматические запахи реки, которые струились по городу подобно жидкой свалке. Вода плескала через невидимые опутанные водорослями ступеньки где-то рядом. Каупертуэйт услышал приглушенные удары весел, предположительно одного из речных мусорщиков, которые добывают скудное пропитание, вылавливая из реки различные предметы — не исключая и человеческие трупы.

В смрадном тумане замаячило какое-то здание. В щели ставен пробивался свет. От здания исходило непонятное погромыхивание, словно там работали огромные машины. Макгрош постучал загадочным стуком. Пока они ждали отклика, слуга успел объяснить Каупертуэйту характер предприятия своего друга:

— Навозинг прослышал, что требуется кто-то, чтоб поставлять воду в энти новые особнячки в Белгрейвии. Ну, он положил на кое-какие лапы старички-дублончики и получил контракт. И с тех пор обзаводится все новыми клиентами. А каждый клиент, конечно, требует дополнитель-

ной рабочей силы.

Каупертуэйт был поражен.

— В Белгрейвии пьют воду из Темзы? Так ведь это же одни миазмы.

— Да нет, ничего такого страшного. С тех пор как во всасывающих трубах установили решетки, ничего крупнее крысы они не засасывают.

Дверь отворилась, и высунулась воинственная рябая и бородатая рожа. Прищурившись, открывший узнал Макгроша.

— Входи, входи, Коготь. Новенький доброволец для ножной мельницы, как погляжу. Ему требуются еще уговоры? — Навозинг взмахнул увесистой дубинкой.

— Вот уж нет, старина. Энто мой кореш Космо. Ищет свою дамочку и подумал, может, она украшает твое заведение.

— Ну так пускай посмотрит. Только чур, не сбивайте их с ритма, а то напор слабеет, и их милости жалуются.

Навозинг проводил своих гостей через затянутые паутиной аванзалы в тускло освещенный пещерообразный главный зал. Здание это, вероятно, прежде было пивоварней или складом. Однако теперь поперек пола площадью примерно в четверть акра протянулись пять дюжин

ножных мельниц, подсоединенных сложной системой передач, кулачков и шатунов к ряду огромных насосов. Мельницы приводили в движение изможденные оборвыши, прикованные цепями к своим местам. Вооруженные хлыстами надсмотрщики расхаживали взад-вперед, применяя уговоры, если происходила заминка.

Каупертуэйт гневно обернулся к Навозингу:

— Христос мой! Это же, любезный, полное варварство! Паровая машина, от силы две, легко превзойдут всех этих бедняг.

Навозинг погладил густо волосатый подбородок.

— А капиталовложения, братец? Чертовы насосы и так меня разорили. И к тому же чем бы эта голь разнесчастная занимала свой досуг? Напивались бы до бесчувствия и валялись в канавах. А тут у них есть крыша над головой и в день три еды, хотя обычно из того, что налипает на решетки.

Макгрош положил руку на плечо Каупертуэйта.

— Сейчас не время для социальных реформ, Кос. Нам надо найти дамочку. — И они стали расхаживать между рядами, высматривая пропавшую королеву. Для уточнения Каупертуэйт захватил с

собой ее силуэт, который вырезал из газеты.

Безрезультатно. Навозинг пригласил их осмотреть спящую вторую смену, что они проделали очень быстро, торотись покинуть пропахший уриной и кишащий клопами дор туар.

Навозинг проводил их до двери.

— Не забудь, Коготь, десять шиллингов за голову. Город этот до того разрастается, что мне через год не миновать удвоить насосы.

Дверь захлопнулась за их спинами, и Каупертуэйт минуту постоял в неподвижности, ошеломленный и обескураженный тем, что увидел. Подобные трясины и клоаки бесчеловечности! Как можно даже думать, что королева все еще жива, невредима и может быть отыскана? Задача выглядела безнадежной…

Макгрош зашептал на ухо Каупертуэйту:

— Не подавай виду, но за нами кто-то следит. Слева от тебя, вон за теми ящиками.

Каупертуэйт медленно повернул голову. Блеснуло что-то серебряное.

— Беру на себя, — шепнул Каупертуэйт, поднял трость и добавил громко: — Выходи и назовись, любезный!

Из тени появился гигант. Смуглый сын Индии, он выглядел на все семь футов, хотя частью тако-

го роста, возможно, был обязан многослойному головному убору. Одетый в пестрые шелка, он щеголял кривой саблей на боку.

— Святый Энди Джексон! [51]

— Ничего не бойся, — возгласил Каупертуэйт дрожащим голосом. Изобретатель поднял свою трость и нажал на пружинку в набалдашнике. Нижняя часть трости унеслась прочь, прихватив и скрытое лезвие, а Каупертуэйт остался с набалдашником в руке.

Они ждали, что вот индус шагнет вперед и обезглавит их обоих одним могучим ударом.

Вместо этого к головорезу в тюрбане присоединился еще некто.

Человек-с-Серебряным-Носом. Лорд Чатинг-Пейн.

На исходе пятого десятка Чатинг-Пейн сохранил атлетическое телосложение олимпийца. Безупречно одетый, владелец обширного фамильного поместья Каркинг-Фарделс, когда-то он слыл самым красивым мужчиной своего поколения. Было это до его дуэли с австрийским бароном Леопольдом фон Шиндлером.

Как-то вечером в году 1798-м восемнадцатилет-

---

[51] Примечания: 51
Эндрю Джексон (1767–1845) — седьмой президент США.

ний Чатинг-Пейн, единственный отпрыск своего древнего рода, угощал обедом всевозможных послов в чаянии осуществления своих честолюбивых политических надежд. На обеде присутствовал и его государь, сумасшедший король Георг Третий. Австрийский барон фон Шиндлер, под хмельком, и отличаясь вздорностью нрава, с тевтонским остроумием раскритиковал вина Чатинг-Пейна перед его августейшим почетным гостем. Беспредельно оскорбленный Чатинг-Пейн немедля вызвал фон Шиндлера стреляться с двадцати шагов.

Фон Шиндлер, показав себя трусом и подлецом, выстрелил, когда Чатинг-Пейн еще поворачивался, и отстрелил ему нос.

Презирая каскады крови, струившейся по его лицу, Чатинг-Пейн тут же хладнокровно просверлил сердце фон Шиндлера.

Ювелирная фирма «Ранделл, Бридж и Ранделл» — создатели новой короны легкого веса для использования в приближающейся коронации хрупкой Виктории — была приглашена растопить малую толику семейного серебра и изготовить серебряный нос-протез взамен утраченного Чатинг-Пейном носа из плоти и крови. Ювелиры употребили все свое искусство, и

результат их трудов был поистине чуждом. Приклеенный гуттаперчей, этот нос, как говорили, был Способен взволновать самую пресыщенную женщину.

Однако обретением нового носа дело отнюдь не завершилось. Под давлением австрийцев король Георг отдал Письменное распоряжение об аресте Чатинг-Пейна, и тот был вынужден бежать из страны. Как рассказывали, в конце концов он оказался в Индии в провинции Майсур, в то время все еще независимого княжества. Повернувшись спиной к своей родине, Чатинг-Пейн присоединился к магарадже Типу-Сагибу и его французским подстрекателям против англичан. Он прожил в Майсуре год, пока княжество не было захвачено объединенным наступлением английской армии и войска маратхов.

Бежав из осажденного Серингапатама, Чатинг-Пейн затем путешествовал по другим независимым индийским государствам — Синду, Раджпутане, Пенджабу — до смерти Георга Третьего в 1820 году. Каким-то образом он приобрел достаточное состояние, чтобы подкупить короля Георга Четвертого и добиться отмены давнего распоряжения о своем аресте. Он вернулся на родину более десяти лет назад — окутанный

загадочностью Востока, осмугленный солнцем, скорее черномордый, чем лимонщик [52].

Несправедливо обездоленный дедом Виктории Чатинг-Пейн проникся сокрушающей ненавистью ко всему их роду. Как Мельбурн дал понять Каупертуэйту, этого человека более чем устроил бы любой скандал вокруг трона.

— Мистер Каупертуэйт, если не ошибаюсь, — сказал сереброносый лорд странно резонирующим голосом. — Не думаю, что мы когда-либо имели удовольствие познакомиться. Мое имя, полагаю, вы знаете. Разрешите представить вам моего слугу Ганпатти.

Ганпатти поклонился, Каупертуэйт что-то просипел. Эта необычайная пара совершенно выбила его из седла.

— Что увело вас так далеко от ваших реторт и перегонных кубов, мистер Каупертуэйт? Ищете новых амфибий для новых опытов в мутной тине? Кстати, а где сейчас находится ваше последнее творение? Я заметил, что у де Малле ее больше нет.

— Она… Мне… То есть…

— Не важно, она ведь не единственная про-

---

[52] Примечания: 52
американское прозвище англичан.

павшая уникальная особа. Во всяком случае, так докладывают мои соглядатаи.

— Я… я не понимаю, о чем вы…

— Да неужели? Позволю себе не согласиться. Собственно говоря, полагаю, мы оба заняты одними и теми же поисками, мистер Каупертуэйт. Чтобы оставить в неведении весь этот сброд, будем между собой называть ее Ви, согласны?

— Вы… вы галлюцинируете.

— Отнюдь, мистер Каупертуэйт. Хотя не могу утаить, что ваш меднолобый болван-слуга, видимо, незаконнорожденный отпрыск дикаря Нового Света и бородавочника, действительно напоминает некоторые из моих наименее приятных кошмаров.

— Щас я тебе покажу, Жестяная Рожа! Давай на кулаки. Чатинг-Пейн подергал свои белые перчатки, чтобы они плотнее облегали руки.

— Скажите вашему слуге, Каупертуэйт, что последний, кто вступил со мной в кулачный бой, теперь кормит могильных червей и что ему лучше держаться подальше от тех, кому он неровня. Ганпатти, подай экипаж. Мистер Каупертуэйт, пока прощайте. Я чувствую, что наши пути опять «крестятся.

Минуту спустя фаэтон лорда Чатинг-Пейна

загромыхал прочь. Каупертуэйт почувствовал, как к нему понемногу возвращается способность мыслить, и испытал горькое унижение из-за того, что позволил Чатинг-Пейну обойтись amp;ним и с Макгрошем столь презрительно.

Видимо, не менее смущенный, Макгрош сказал:

— А я думал, вы сказали, что усовершенствовали энту вашу трость.

— Я осуществил то, что намеревался, — величественно возразил Каупертуэйт. — Если бы она поразила этого ласкара, так он бы рухнул замертво.

— На будущее советую тактику попрямее, Кос. Ганпатти энтот не из тех, кого подшибешь летающей палкой.

— Совет учтен, Коготь.

4
Женщина по имени Отто

Каупертуэйт намазал мятный джем на булочку. Прозрачная зеленоватая субстанция напомнила ему икорный мешок гуляки. Он еще не забыл трепетный экстаз, который испытал, получив от своего американского компатриота С. Д. Гулда,

гарвардского профессора, ящик со стеклянными пробирками, наполненными свежей икрой гуляк и уютно покоящимися в деревянных подставках, засыпанных опилками и обложенных соломой для трансатлантического путешествия. А после — множество ночей, занятых лихорадочными экспериментами, бесчисленные неудачи и тератологические [53] кошмары, которые приходилось уничтожать, уточнение приемов, доведение очистки до совершенства — все, что привело к созданию несравненного чуда, которым явилась Виктория… Его захлестнула волна грусти и ностальгии. Увидит ли он когда-нибудь вновь свое творение, или она останется навеки замурованной внутри Букингемского дворца, рабыней государственных нужд?

Единственный выход — отыскать подлинную Викторию, существо не менее сказочное, чем ее земноводная копия. Где, о, где она может быть? В течение трех дней после их визита к Навозингу Каупертуэйт ломал голову и напрягал мозг, пытаясь вообразить, в каком убежище могла она укрыться, но тщетно. Даже и в эту минуту Макгрош по распоряжению Каупертуэйта обыскивал

[53] Примечания: 53

Тератология — наука о врожденных уродствах. хоть какого-нибудь намека, пусть самого неправдоподобного и взятого с потолка.

столицу в поисках.

В дверь кабинета загремел стук. Каупертуэйт одернул под халатом свой натуропатический корсет, поправил шелковый шарф, окутывавший шею, и отозвался:

— Да? Кто там?

Дверь распахнулась, и вошел Макгрош, толкая перед собой гнусного субъекта. Субъект всеми пальцами обеих рук выставлял перед собой мятую фуражку, прижимая ее к груди почти у горла. Такая позиция его головного убора определялась тем, что правая рука у него имела в длину всего несколько дюймов. В компенсацию его нормальная рука являла собой грузное чудо мускулатуры.

— Кос, энто вот Короткоручка. У него швейное заведение в Севен-Дайлс. Короток, расскажи командиру, что рассказал мне.

Короткоручка попытался придать своим чертам подобие невинного простодушия, но только приобрел сходство С лисой, чью морду облепили куриные перья.

— Это, значит, так вот. Есть у меня дочка, такая милашечка…

— Бедняжка у него от старшей дочки, так что она ему приходится и внучкой, — перебил Мак-

грош.

Каупертуэйт брезгливо поморщился.

— Да-да, продолжайте.

— Это, значит, ей уже шесть сровнялось, так я подумал, ена уже в возрасте свой хлеб отрабатывать. Не то пришлось бы ей кушать воздушный пирог, если понимаете, о чем я. Ну, я и посадил ее в мастерскую брюки шить…

Тут перебил Каупертуэйт:

— Вам, конечно, известно, что таким образом вы прямо нарушили Фабричный закон лорда Олторпа, касательно найма несовершеннолетних.

Короткоручка наморщил лоб в искреннем недоумении.

— Да вроде бы я, сэр, ни про какой Фекричный закон не слышал, и она у меня как раз совершенно летом родилась…

Каупертуэйт вздохнул.

— Прошу вас, продолжайте.

— Ну, значит, вечером, к семи дело шло, как раз, когда девочки работу кончали и получали на заедки ремня, врываются, значит, эти две бабы. Одна, дама постарше, а лицо остроносое, сразу видать, что добродейка, ну, я и понял, что плохо мое дело. Другая так вроде много помоложе, но точно не скажу, потому как на ей вуаль была, да

не кружевная, а вроде из муслина, и дырки для глаз прорезаны.

Я и оглянуться не успел, как старшая стервоза… звиняюсь, сэр, дама, завернула мою хорошую руку с ремнем мне за спину, чуть не сломала. Сильна, черт!

«Сестры, — говорит она, — я здесь, чтоб предложить любой из вас, кто захочет, убежище в моей школе. Кто из вас пойдет со мной?» Не успел я и глазом моргнуть, как все мои девочки вопят-надрываются: «Меня, меня! Я пойду, меня возьмите!» Даже собственные мои две дочки вопили в этом трагическом хоре.

Короткоручка умолк, похлюпал носом и утер слезу.

— Выразить не могу, хозяин, как меня в самое нутро это поразило. Только подумать, сколько внимания, и денег, и жратвы самого высокого качества я на них тратил, и чтоб они так против меня пошли. В самое сердце ранило.

— Коготь, не понимаю, какое все это имеет отношение к нашим поискам…

— Потерпи, Кос, сейчас-сейчас! — Макгрош ткнул Короткоручку, и тот продолжил свой рассказ:

— Старшая поворачивается ктой, что под ву-

алью, и говорит: «Викки, проводи девушек к экипажам». А как моя мастерская опустела, она пинает меня так, что я бьюсь головой об стену. Прочухался только через полчаса, а их тогда и след простыл.

Едва Каупертуэйт услышал имя помощницы под вуалью, по его нервам пробежала молния. Стараясь не выдать своего нетерпения, он порылся в кошельке, чтобы вознаградить владельца потогонной мастерской, и извлек пятифунтовую банкноту.

— Черт, пятерочка! Премного вам благодарен, сэр. Этого будет достаточно, чтоб пополнить мою рабочую силу, так сказать. — Короткоручка повернулся, чтобы уйти, но остановился. — Э, коли отыщете моих девочек, старшая ваша, и на здоровье. Она маленько поистрепана. А вот младшенькая… — Короткоручка непристойно почмокал губами.

Каупертуэйт взвился со стула.

— Коготь, вышвырни это животное, пока я не выдрал его хорошенько!

Макгрош поднял Короткоручку за штаны и рубаху.

— Я только этих слов и ждал, Кос.

Когда Макгрош, вышвырнув их посетителя,

вернулся, Каупертуэйт расхаживал по кабинету, потирая руки. Он остановился и ухватил Макгроша за локоть.

— Коготь, все становится на свои места. Королева, обескураженная замороженной неподвижностью своего правительства и своей удаленностью от простого народа, вступи-;ла в союз с самостоятельной благотворительницей и теперь собственноручно ищет исцелять беды своих подданных! ^ благородный порыв, указывающий на возвышенность ее натуры, однако мы должны найти ее и убедить, что, восседая на троне, она сможет творить больше добра.

Макгрош задумчиво потер обросший подбородок. — Думается, это труда не составит, Кос. Школу, где умещаются десятки девчонок, от соседей не утаишь.

— Вот именно, Коготь. Так начнем наши розыски.

И к вечеру того же дня вдохновенные разнюхивания Макгроша увенчались успехом. Каупертуэйт сжал в руках Картонку с именем, фамилией и адресом поблизости от Кенсингтона:

ЛИЦЕЙ И ГИНОКРАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ

ЛЕДИ ОТТОЛИН КОРНУОЛЛ
НОМЕР ДВЕНАДЦАТЬ НОТТИНГ-ХИЛЛ-ГЕЙТ
ОБРАЗОВАНИЕ, ОСВОБОЖДЕНИЕ, ПОДДЕРЖКА
«SORORAE
SE FACIUNT ID» — SAPPHO[54]

Каупертуэйт поспешно выхватил из подставки для зонтиков у двери большую кленовую трость.

— В путь, Коготь, пока еще светло. Макгрош подозрительно уставился на трость.

— Просто тросточка для прогулки, Кос, или опять какая-то адская машина?

Каупертуэйт хихикнул.

— Боюсь, второе, Коготь. Смотрите! — Каупертуэйт отодвинул заслонку, и открылся крупнокалиберный патрон. — Спусковой крючок вот тут, в набалдашнике. Держу пари, даже образчик сверхчеловека вроде Ганпатти не сумеет так просто отмахнуться от подобного заряда.

— Авось сегодня мы не напоремся на энтого нехристя с полотенцами, наверченными на башку. А пока не тыкай этой своей тростью в

---

[54] Примечания: 54
Сестры, сделаем себя такими — Сапфо (лет.).

беззащитного торговца, если он запросит пару лишних пенсов за свой товар, как у тебя в заводе.

Пара покинула особняк Каупертуэйта. На тротуаре они узрели знакомое лицо — щербатоулыбчивую физиономию Типтопафа, маленького уличного метельщика.

— Приветик, добрый сэр. Я видел, как ваш человек шастал по городу, ну и взял на себя смелость выследить его досюдова. Квартальчик очень даже и вроде бы без метельной конкуренции. Так что я тут и обоснуюсь.

— Божьи стигматы! Вы… вам нельзя устраивать биваку моих дверей. Это же все-таки Мейфэр, а не Ковент-Гарден. Что скажут соседи?

— Уж конечно, они останутся у вас в неоплатном долгу, сэр, что вы обеспечили помощь для сохранения обуви чистой.

Демонстрируя свою полезность, Типтопф выскочил на мостовую и принялся разметывать большую кучу накопившихся отбросов, посылая залпы навоза направо и налево, забрызгивая пешеходов, которые останавливались, чтобы поразмахивать кулаками и изрыгнуть бранные эпитеты.

— Прекратите, прекратите, достаточно! Послу-

шайте, не возьмете ли вы эти деньги и не уйдете ли отсюда?

— Звиняюсь, сэр, только мне надобен твердый доход, так уж я порешил.

— Ну хорошо, хорошо. Дайте подумать… Вы имеете что-нибудь против того, чтобы жить в моей конюшне с Лошадьми?

— Лошади — это же мой хлеб с маслом, как говорится, сэр. Ничего против не имею.

— Отлично. Будете жить в конюшне и получать еду, а также еженедельное пособие при условии, что заниматься своей профессией вы будете где-нибудь в другом месте.

— Идет. С условием, что вашей чести мои услуги будут предоставляться немедля и безочередно.

Они закрепили сделку рукопожатием. Затем Каупертуэйт сказал:

— Я не могу долее медлить тут. Мы идем искать женщину.

— С этим я тоже могу поспособствовать.

— Нет-нет, мы обойдемся. А пока всего хорошего, Типтопф.

— Дозвольте мне немножко сопроводить вас, сэр.

Во главе с Типтопфом, вертевшимся с метлой, будто дервиш, Каупертуэйт и Макгрош напра-

вились в сторону Кенсингтона, расставшись со своим эскортом в окрестностях Гайд-парка, где слияние нескольких транспортных потоков обеспечивало его метлу плодотворной деятельностью.

Номер двенадцать по Ноттинг-Хилл-Гейт оказался внушительным зданием в раннем георгианском стиле с чисто вымытым крыльцом и накрахмаленными занавесками на окнах, не позволяющими заглядывать внутрь. Воспользовавшись дверным молотком в форме лабриса, ил и двойной критской секиры, Каупертуэйт возвестил о своем желании войти. Вскоре дверь полуотворила пожилая горничная — ровно на ширину короткой, но крепкой цепочки.

— Мужчинам посещения возбраняются, — сказала она и захлопнула дверь.

Каупертуэйт растерялся и слегка рассердился.

— Послушайте… — И он снова застучал. Дверь снова отворилась, на этот раз открыв толстый ствол большого старинного пистолета, целящегося ему в лоб.

Суровый, хорошо поставленный женский голос произнес:

— Быть может, вы не поняли слов моей горничной. Мы не разрешаем мужьям, отцам, братьям,

дядьям, нанимателям или любовникам доступа сюда. Мы приняли вашу жену, дочь, сестру, племянницу, нанятую или любовницу в трагическом положении, каковое ваше присутствие только усилит и усугубит. Теперь вы удалитесь, или мне придется прострелить вам голову?

Гнев Каупертуэйта возобладал над страхом.

— Сударыня, я не знаком ни с кем из девиц или дам под вашей опекой, если только одна из них не окажется той, кого я ищу. Мое имя Космо Каупертуэйт, и я всего лишь хочу поговорить с вами о… э… пропавшей супруге одного моего друга.

Пистолет опустился.

— Вы сказали — Каупертуэйт?

— Да, так я именуюсь.

— Автор монографии «Половой диморфизм у иглокожих на примерах Asteroidea и Holothurioidea [55]?

— Он самый.

— Одну минуту.

Дверь захлопнулась, цепочка зазвякала, дверь широко распахнулась.

Открылась внушительная женская фигура. Облаченная в странный белый хлопчатобумажный

---

[55] Примечания: 55
морские звезды, морские кубышки (лат.).

балахон, завершавшийся на локтях и коленях, эта дама отличалась шестифутовым ростом, пышной грудью и очень большими кистями и ступнями. Полосатые фильдеперсовые чулки и практичные башмаки на низком каблуке довершали ее наряд. Волосы были загнаны под простой чепчик. Серые глаза излучали жгучий ум. Полные неподкрашенные губы изгибались в улыбке. Она покачивала опущенным пистолетом.

— Вы и ваш слуга можете войти, мистер Каупертуэйт. Но не забывайте, что вы здесь только потому, что я делаю вам одолжение, и вы можете быть вышвырнуты — или хуже того, — если заслужите это недостойным поведением.

Каупертуэйт был несколько смущен откровенным костюмом этой странной женщины, но попытался подстроиться к ее пренебрежению условностями.

— Сударыня, заверяю вас, вы имеете дело с двумя джентльменами высочайшей добропорядочности и общественного положения.

— Когда подумаешь о делах, ежедневно творящихся именем общества, это определение — не такая уж хорошая рекомендация. Но входите же, прошу вас.

Переступив порог, Каупертуэйт сказал:

— Полагаю, я имею честь говорить с владелицей этого введения?

— Разумеется. Я леди Оттолин Корнуолл, и это моя школа. Быть может, вам будет интересно взглянуть на нее в действии?

— Безусловно. Меня уже крайне заинтриговало то, что я услышал о ваших методах привлечения учениц.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер, мистер Каупертуэйт. Я не из тех, кто верит, будто пассивными сетованиями и бездеятельным сидением сложа руки можно чего-то достигнуть. Когда я вижу зло, я прилагаю все силы к его исправлению. В этом мире много зол, но я ограничиваюсь смягчением горького жребия женского пола. Я вложила все семейное состояние в это учебное заведение, предназначенное для помощи несчастным девушкам и девочкам всех слоев общества. Из трущоб Ламбета до гостиных моего собственного фешенебельного квартала я забираю поруганных и замученных и стараюсь привить им сознание того, чего они стоят на самом деле.

Леди Корнуолл уже привела их к закрытой двери, в которую теперь тихонько постучала, а затем открыла ее. Каупертуэйт увидел ряды парт,

за которыми сидели девочки и девушки разного возраста, все одетые совершенно так же, как их директриса. Перед классом стояла учительница. Каупертуэйт впился в нее глазами, ища сходства с пропавшей королевой, но был разочарован.

— Тут вы видите часть учениц, делающих уроки. Латынь, греческий, французский, география и еще многие предметы, в особенности естественные науки. Для этих последних мы пользуемся некоторыми вашими монографиями, мистер Каупертуэйт.

Каупертуэйт был польщен и не знал, куда девать глаза от смущения.

— Я… это меня изумляет, леди Корнуолл. Мои монографии не предназначались для профанов… э… профанок.

— Нашим девочкам они вполне по плечу. Благодарю вас, мисс Фэрберн, можете продолжать.

Закрыв дверь класса, леди Корнуолл повела их дальше в обширный бальный зал. Он был полон всевозможных гимнастических приспособлений: гантели, скакалки, боксерские груши. Тючки сена с мишенями на них позволяли девочкам упражняться в стрельбе из лука, буде они того пожелают.

— Я не оставляю в небрежении и физическое

развитие. моих подопечных. Восемь часов сна еженощно в наших хорошо проветриваемых дортуарах, обилие здоровой пищи и физических упражнений, а также разумная практичная одежда — никаких корсетов или стеснительной обуви — творят чудеса с их представлениями о самих себе.

Когда Макгрош увидел лук и стрелы, его лицо просияло.

— Прах меня побери! Я ни лука, ни стрелы в руки не брал, как ушел от чикасов! Э-эй, мисси, не так вы его держите. Дайте-ка я покажу вам, чему вождь Иккемотуббе научил меня.

Тут же Макгроша окружили полные энтузиазма юные амазонки. Высунув язык из уголка рта, он послал стрелу в яблочко. Затем нагнулся, обратил к мишени свои филейные части, выстрелил у себя между ногами, и вторая стрела расколола первую.

Аплодисменты и восторженные крики заполнили зал. Леди Корнуолл сказала:

— Ваш слуга как будто нашел себе занятие. Может быть, мы удалимся ко мне в кабинет и обсудим, что вас привело сюда?

— Весьма охотно.

Сидя в святая святых леди Корнуолл, держа

рюмку красного портвейна, Каупертуэйт обозрел грозную даму, прежде чем заговорить. Она произвела на него глубочайшее впечатление остротой ума и силой воли. Он знал, что должен выбирать слова с осторожностью, чтобы не разгневать и не оскорбить ее.

— Леди Корнуолл…

— Простите, я презираю титулы. Называйте меня Отто. А я буду обращаться к вам тоже по имени.

— Да… э… Значит, Отто. Отто, разумно ли предположить, что вы с одобрением и надеждой ожидаете вступления на престол нашей новой королевы как пример компетентности женского пола?

Леди Корнуолл презрительно фыркнула.

— Миновал год, а она пока не доказала, что представляет собой что-то сверх куколки виконта Мельбурна. Я еще сохраняю надежды. Но чтобы заслужить их, ей придется сделать что-то большее, чем до сих пор.

Каупертуэйт изучал глубины своего портвейна.

— А если бы я сказал вам, что королева в желании утвердить свою независимость убежала из дворца?

Леди Корнуолл стремительно вскочила.

— Я закричала бы «браво»!

— Прошу вас, Отто, успокойтесь. Хотя гипотетическое бегство королевы созвучно романтической стороне вашей натуры, оно, если вы взглянете с практической точки зрения, дает больше причин для сожалений, чем для радости. Если мы не хотим видеть, как королева лишится трона, ее следует уговорить вернуться на него.

Опустившись в свое кресло, леди Корнуолл почтила Каупертуэйта взвешивающим взглядом и сказала:

— Но в каком отношении это может касаться меня и моей школы?

Отбросив все тонкости, Каупертуэйт сказал:

— У меня есть причины полагать, что у вас служит женщина под вуалью, называемая Викки. Не может ли она быть той, о ком мы говорим?

— Что, если я отвечу вам «нет»? Тогда, полагаю, вы потребуете от меня представить бедняжку Викки вам на обозрение, чтобы вы убедились. С какой стати я должна подвергать бедняжку Викки вашему мужскому самовластию?

Каупертуэйт не нашел ответа. Леди Корнуолл просверлила его взглядом, а потом сказала:

— Космо, я уважаю вас как человека науки,

мужчину, чей интеллект и самоконтроль возвышают его над животным уровнем его пола.

От этих слов Каупертуэйт затрепетал: что она о нем подумает, если узнает про Викторию-тритоншу и о том, как он удовлетворял с ней свои низменные плотские страсти?

— А потому я позволю вам поговорить с моей Викки, но при одном условии. Вы сейчас же сопроводите меня для выполнения миссии, которая, быть может, откроет вам глаза на истинное положение женщин на этом острове. Что скажете?

— Ну, если это единственный способ…

— Да.

— Я согласен.

— Превосходно! — Леди Корнуолл встала, сняла с крючка платье и непринужденно надела его. Сменила обувь, затем сняла чепчик, высвободив длинные каштановые локоны. Нахлобучив на голову плоскую соломенную шляпу и схватив ридикюль, она сказала:

— Ну так пошли.

— Но мой слуга…

— Вы боитесь отправиться без сопровождения туда, куда я отправляюсь одна?

— Отнюдь!

— Тогда в путь.

Выйдя через черный ход, Каупертуэйт и леди Корнуолл направились к остановке омнибусов и вскоре уже катили по городу.

— Куда мы, собственно, едем?

— В Бартоломью-Клоуз на Смитфилдском рынке, центральной бирже краденых вещей.

Каупертуэйт нервно потрогал свою трость.

Они высадились у обветшалого трехэтажного здания с остатками претенциозной отделки, нижний этаж которого служил мясным рынком. Каупертуэйт почувствовал себя дурно от вида такого количества сырого красного мяса и запаха крови животных.

— Мы ищем Лайзу, цветочницу. Обычно она стоит здесь, хотя сейчас я ее не вижу. Я много недель убеждала ее родителей отдать девочку в нашу школу. И чувствую, они вот-вот согласятся.

— И что теперь?

Леди Корнуолл прижала ладонь к подбородку.

— Придется отправиться к Лайзе домой. Пропетляв по зловонным проулкам, они наконец вышли к ветхому трущобному дому. Леди Корнуолл без колебаний вошла внутрь, Каупертуэйт нерешительно последовал за ней.

Наверху в темном коридоре, куда свет еле просачивался сквозь затянутое паутиной грязное

оконце, директриса постучала в какую-то дверь.

Дверь чуть приоткрылась, и наружу высунулась бородатая, чумазая физиономия.

— Которая семья? — спросил мужчина ворчливо.

— Боффифлоу.

— Значит, один пенс за проход через жилье Суиндлов, один пенс Скрупсам и третий пенс Снайпам.

— Хорошо. Мы заплатим. Теперь впустите нас. Мужчина открыл дверь во всю ширину. Они вошли. Освещенная свечой комнатушка вмещала четыре семьи и их скудный скарб. Вышестоящие Суиндлы занимали четверть, ближнюю к входной двери, а потому сборов не платили. Затем следовали Скрупсы, затем Снайпы. Низшую ступень занимали Боффифлоу, жавшиеся — мать, отец, детишки и подростки — в самом дальнем углу.

Раздавая пенсы, они добрались до Боффифлоу.

Папаша Боффифлоу, обрюзглый субъект, сидел в колченогом кресле, нянча фонарь под глазом. Леди Корнуолл встала перед ним.

— Где Лайза?

— Да на своем тюфяке нюни распускает.

— Почему она сегодня осталась дома?

— Так цветами ж она ничего не зарабатывала, а потому я решил впредь посылать ее калекой.

— Калекой?... — Леди Корнуолл бросилась к тюфяку и подняла на руки бесчувственную девочку.

Новехонькую культю левого запястья Лайзы обматывали окровавленные тряпки. Леди Корнуолл застонала:

— И я уговаривала этих дикарей! Теперь до конца моих дней я буду жить с этим грузом на моей совести!

Она повернулась к двери, все еще держа девочку на руках. Боффифлоу преградил брюхом дорогу директрисе.

— Э-эй! Куда это вы тащите мою дочку... Каупертуэйт не успел вмешаться: грохнул пистолетный выстрел, и Боффифлоу рухнул назад в свое кресло с простреленным нутром.

Рука леди Корнуолл задержалась в ридикюле, испускающем пороховой дым через дыру, которую пистолетная пуля пробила изнутри.

— Кто-нибудь еще возражает? — спросила она. Мистер Снайп опасливо вышел вперед.

— Только не мы, сударыня, коли получим наш пенс за проход назад.

— Космо, займитесь этим.

Дрожащими пальцами Каупертуэйт уплатил требуемые сборы.

Возвращение в номер двенадцать Ноттинг-Хилл-Гейтс Каупертуэйт пережил будто во сне. Только когда он обнаружил, что снова сидит в кабинете леди Корнуолл и успокаивает нервы ромом с фруктовым соком, реальность начала обретать положенные ей измерения.

Леди Корнуолл вернулась, проводив лекарку, перевязавшую раны Лайзы, и сказала:

— Атеперь, Космо, я выполню мою сторону нашего договора. Вот женщина, которую вы хотели увидеть.

Каупертуэйт едва мог сдержать волнение при виде женщины под вуалью. Наконец-то подлинная Виктория будет возвращена на трон, а ему вернут его Викторию…

Женщина медленно подняла муслиновую вуаль.

Сперва Каупертуэйт просто не мог поверить, что видит человеческое лицо, не говоря уж — женское. Это скопление ожоговых рубцов и сморщенной изъеденной плоти скорее выглядело рожей какого-нибудь гоблина или монстра из дантова Ада.

— Сочетание кислоты и огня, пущенное в ход ее

бандершей. Даже женщины способны калечить женщин, как вы видите.

Каупертуэйт искал слова, соразмерные такой чудовищной несправедливости.

— Я… мой фактор роста… возможно, с его помощью удастся что-то исправить. Не могу ничего обещать. Но регулярное применение, возможно, поможет.

— Викки была бы благодарна. Не правда ли, Викки? Женщина безмолвно кивнула, и из одного погубленного глаза пролилась слеза.

— Это все, Викки. Спасибо.

Когда женщина ушла, леди Корнуолл подошла к Каупертуэйту.

— Космо, вы прекрасно держались во время этого маленького недоразумения в Смитфилде. А ваше сочувствие Викки меня растрогало, мне хотелось бы вас вознаградить, насколько это в моей власти.

С этими словами леди Корнуолл сжала Каупертуэйта будто в железных тисках, запрокинула его и поцеловала на континентальный манер, засунув язык глубоко ему в рот.

Трость Каупертуэйта с громом разрядилась в пол.

5
Роковой танец

Несколько дней после посещения лицея леди Корнуолл Каупертуэйт не находил себе места, будто влюбленный школьник. Нежданный финал его визита, когда леди Корнуолл обнаружила страсть, таившуюся под ее компетентным обликом, ярко запечатлелась в его памяти, заслоняя все остальное. Даже надежда найти пропавшую королеву отодвинулась в тень.

Каупертуэйт уже годы и годы грезил о браке с идеальной подругой жизни. Женщине его грез полагалось быть умной и любезной, образованной и страстной, свободомыслящей и самой себе хозяйкой. Правду сказать, сотворение Виктории было отчасти попыткой самому создать идеальную супругу, которую ему все не удавалось встретить.

И вот теперь в лице леди Корнуолл он обрел ее. Вне всяких сомнений. Ошеломленный ее глубоким поцелуем, он был не. в состоянии думать о чем-либо, кроме того, как они соединят свои судьбы и имущество. Женщина, способная оценить

«Половой диморфизм у иглокожих», встречается не каждый день.

Пожелав узнать, какого мнения о ней Макгрош, Каупертуэйт был несколько огорчен откровенным презрением, высказанным слугой:

— Она приводит мне на память некую вдову Дуглас [56], которую я знавал в Ганнибале в Миссури. Все время старалась направлять людей да перевоспитывать, а энто, по-моему, не умнее, чем набрасывать лассо на рога месяца в небе. А еще она уж больно любит командовать. Помяните мое слово, коли вы двое влезете в одни оглобли, она в прачечные дни поставит вас стирать ее панталоны быстрее, чем плевок на плите высохнет.

Каупертуэйт предпочел бы, чтобы Макгрош одобрил леди Корнуолл, но раз так, то Макгрошу придется это скушать, и все тут. В конце-то концов, подобный счастливый случай выпадает раз в жизни…

Когда вскоре изуродованная Викки пришла для первого сеанса лечения фактором роста, Каупертуэйт вручил ей записку для ее нанима-

---

[56] Примечания: 56

Персонаж «Тома Сойера и Гскльберри Финна» Марка Твена (написанных много позже 1837 года) — добродетельная вдова, взяв-«гая Гека Финна под свою опеку и пытавшаяся его перевоспитать. Ганнибал — город, где родился Марк Твен.

тельницы.

Дражайшая Отто, наше приключение запечатлелось пламенем на коре моего головного мозга. Если бы вы сочли возможным вновь принять меня, я бы хотел посоветоваться с вами о превращении нашего союза в перманентный, дабы мы могли оказывать друг другу взаимную помощь и утешительную поддержку.

Ваш глубочайший поклонник

Космо.

Ответ, который принесла Викки, явившись к нему во второй раз, оказался резковатым.

Дорогой сэр, в данное время я не склонна соглашаться ни на какой перманентный и исключительный контракт, каковой, если я поняла вас правильно, предлагаете вы. Утопим наши чувства на какой-то срок и останемся просто друзьями.

Отто.

Эта холодная вода, выплеснутая на его брачные надежды, ввергла Каупертуэйта в зеленую тоску.

Несколько следующих дней он провел взаперти, читая и перечитывая абзац «Редкостные животные» Блора, посвященный Гигантской Крысе с Суматры [57]. Мало-помалу он, однако, понял, что подобное поведение его недостойно. Отбросив все мысли о своем личном счастье, он вновь предпринял энергичные розыски своей пропавшей государыни.

Каждый час его бдения теперь отдавался все более бесплодным поискам пропавшей королевы. В сопровождении Макгроша молодой натурфилософ с силуэтом в руке прочесывал зловонные трущобы Лондона низших сословий, и его лихорадящий, лишенный сна мозг пытался уловить хоть какой-нибудь след Виктории. При свете дня и при свете газа, над землей и под ней, среди шумных рыночных толп и в дешевых меблирашках наедине с замученной работой подозреваемой женщиной, Каупертуэйт гнался за призрачной Викторией.

От благоухающего рыбой Биллингсгейта до тюремных понтонов Грейвсенда, где каторжники валялись в горячке в гнилостной тюремной воде, от адвокатских контор, где обездоленные

[57] Примечания: 57

Название одного из тех расследований Шерлока Холмса, которые доктор Ватсон упоминает как им не описанные.

жалобщики тщились найти справедливость, до туберкулезных лазаретов, где ангелы, подобные тому, что звался Флоренс Найтингейл [58], водили его от койки к койке, от замусоренных доков до роскошных игорных притонов — собственно говоря, через все круги подпольного мира, ведомый Макгрошем, обладателем поистине энциклопедических познаний о всех этих местах, — стерев Ноги до крови, странствовал Каупертуэйт во власти маниакальной идеи. И повсюду, где бы он ни искал, его подстерегала Немезида.

Лорд Чатинг-Пейн, надменный, злобный и заклятый враг трона.

Либо Чатинг-Пейн ждал его там, либо только что ушел, либо появлялся, когда Каупертуэйт удалялся. Не важно, какой это был час, жестокий, сардоничный аристократ, неизменно сопровождаемый безмолвным и страхолюдным Ганпатти, выглядел свежим и элегантным и столь же безмятежным, как спокойное озеро. В тех случаях, когда он и Каупертуэйт сходились лицом к лицу, они обменивались не более чем одной-двумя

[58] Примечания: 58

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская медсестра. Орга-|1изатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны.

вымученными bon mot [59]. И как ни грустно, Чатинг-Пейн почти неизменно одерживал верх в этих словесных поединках, ведь рапира его остроумия была отточена годами, проведенными среди циничных богачей.

Каупертуэйт теперь брезгливо ненавидел надменного лорда с носом из драгоценного металла, придававшим ему вид полумеханизма. Он уже считал этого человека своим демоническим двойником, и единственным утешением, которое он извлекал из этих явлений Чатинг-Пейна, была мысль, что Чатинг-Пейн, следовательно, преуспел в своих поисках Виктории не более, чем он.

Виктория. Самое это имя начинало представляться Каупертуэйту нереальным. Кем, собственно, была эта химера, эта женщина, которую он ни разу не видел во плоти? Она пребывала в самом сердце каупертуэйтовой жизни, в центре могущества империи. С одной стороны, хотя на престоле она провела лишь год, уже господствовало ощущение, что после сменявших друг друга дряхлых королей, из которых сыпался песок, в ней нашло воплощение животворное дыхание новой эры,

---

[59] Примечания: 59
острота (фр.).

символ расползающегося политического спрута, который простирал свои щупальца вокруг земного шара все дальше. С другой стороны, она была всего лишь еще одной женщиной среди миллионов, в конечном счете не более важной для общей схемы мироздания, чем рыбная торговка или зеленщица, которых Каупертуэйт только что расспросил, не более предназначенная для любви и преклонения, чем стоическая Викки, которую Каупертуэйт продолжал пользовать. (И с некоторой толикой успеха.)

А его собственная Виктория? Депеши Мельбурна приходили все реже, и Каупертуэйт уже несколько дней не получал никаких известий о гипертрофированной саламандре. Причем последняя была более чем неутешительной.

> 10 июня
>
> Боюсь, «черный пес» Меланхолии сжимает меня в своей пасти. Я и королевство безвозвратно погибнем, если В. не вернется. В безнадежном ожидании я созерцаю достоинства вашего создания: если бы все женщины были настолько покладисты!..

И то же тупое отчаяние сковало Каупертуэйта. В нем теплилась надежда, что премьер-министр

в своей черной меланхолии не пренебрегает нуждами Виктории, но у него не было способа проверить. Как-то неловко было бы явиться в Букингемский дворец и осведомиться, достаточно ли влажной выглядит кожа королевы. Миновали три недели. Теперь до коронации Виктории оставалось менее семи дней — и по-прежнему никаких следов Виктории.

Этот вечер застал Каупертуэйта за приготовлениями к. еще одним тщетным поискам. Он уже направился к двери, как вдруг им овладел необоримый сплин. Ему почудилось, что из него вдруг удалили все кости до единой.

— Коготь, боюсь, я не в силах продолжать этот сизифов труд, во всяком случае — сегодня.

— Не могу сказать, чтоб я осудил тебя, Кос. Я и сам будто выпотрошен. Ане прогуляться ли нам к де Малле отдохнуть ночку?

— Превосходная мысль, Коготь. Хотя, боюсь, я слишком утомлен, чтобы стерпеть объятия какой-нибудь продажной красы, однако тамошняя атмосфера может оказать благое влияние.

Выйдя из двери, они наткнулись на Типтопфа, почивающего под портиком. Осторожно переступив через паренька, чтобы не разбудить его и не навлечь на себя вихри подметания, они направи-

ли свои стопы к Риджент-стрит.

В резную дубовую дверь фешенебельного заведения де Малле они постучали позолоченным молотком в виде совокупляющейся пары и были быстро впущены услужливым мажордомом. У них забрали шляпы, им подали бокалы с шампанским на позолоченном подносе, и вскоре Каупертуэйт и Макгрош уже сидели в большом бальном зале, глядя на пары, танцующие под дивные звуки Моцарта, льющиеся из позолоченного фортепьяно, и одобрительно рассматривая затянутых в корсеты шлюх, непринужденно раскинувшихся на бархатных козетках вдоль всех четырех стен.

Спокойствие Каупертуэйта омрачилось лишь на миг, когда ему почудилось, будто он заметил, как сияние свечей вдруг отразилось от странно изогнутого слитка серебра на высоте человеческого роста в противоположном углу зала. Но если серебряный блеск действительно указывал на присутствие тут лорда Чатинг-Пейна, то более весомо этот призрак не материализовался; Каупертуэйт прибегнул к своей умственной дисциплине, и вскоре ему удалось прогнать подобные страхи.

Каупертуэйт перешел от шампанского к мадере,

и вскоре зал утонул в потустороннем свечении. Люстры словно покачивались и вспыхивали на манер блуждающих огней. В какую-то минуту Макгрош исчез, предположительно, чтобы показать свои чикасовские шрамы какой-нибудь пухленькой счастливице, и Каупертуэйт поймал себя на том, что клюет носом. Он задремал, а затем пробудился освеженным и бодрым, каким давным-давно себя не чувствовал. И тут к нему подошла мадам де Малле.

Высокая, пышная, обвешанная драгоценностями, быть может, чрезмерно на чей-то вкус накрашенная по былой моде, де Малле отлично сохранилась для своих семидесяти лет. По слухам, она была камеристкой Марии-Антуанетты (и порой согревала постель Людовика XVI) и лишь чудом уцелела во время Великой революции.

— M'sieu [60] Каупертуэйт, не могу ли я предложить вам даму на сегодняшний вечер? Наш дом пополнился новым добавлением. — Тут де Малле понизила голос и перешла на шепот: — Она нечто tres speciale, un bijoux [61]. Я не предлагаю

---

[60] Примечания: 60
Мусью (фр.).

[61] Примечания: 61
нечто особое, перл (фр.).

ее tout le monde [62], а только избранным. Могу гарантировать, что такой случай выпадает лишь раз в жизни.

Каупертуэйт был заинтригован, но, не желая нарушить свою тихую безмятежность потугами плотской любви, в конце концов отклонил предложение. Пожав плечами, мадам де Малле сказала:

— Tres bien [63], как вам угодно.

Но Каупертуэйт ощутил иные позывы, исходившие от его мочевого пузыря, и сказал:

— Впрочем, от ночного горшка я бы не отказался. Мадам де Малле небрежно взмахнула унизанной кольцами рукой.

— Вы знаете, что здесь где. Однако писайте, — добавила она, — тактично и как можно тише, прошу вас. La chambre a cote du pissoir [64] занята.

Каупертуэйт неуверенно встал на ноги. Он поднялся по парадной лестнице, выделывая вензеля и отлетая от разных пар в демонстрации броуновского движения, весьма ему импонирующего.

---

[62] Примечания: 62
Здесь: всем и каждому (фр.).

[63] Примечания: 63
Хорошо (фр.).

[64] Примечания: 64
Комната рядом с писсуаром (фр.).

В коридоре третьего этажа он начал считать двери, но быстро сбился и открыл ту, которая показалась ему правильной.

И напрасно.

В комнате находились две женщины. Одна, одетая в простую рубашечку, сидела у лакированного секретера спиной к Каупертуэйту и что-то энергично писала в маленькой книжечке. Услышав скрип двери, она укрыла дневник обеими руками, словно пряча его содержимое от посторонних глаз, и уронила на него голову.

Вторая женщина, подлинная амазонка, заполняла всю измятую постель обнаженным телом, достойным Юноны. Лежа на спине, раскинув ноги, заложив руки под затылок, она, начиная с лица, являла собой картину глубокого плотского пресыщения.

— Отто! — вскричал Каупертуэйт.

Леди Корнуолл нисколько не смутилась.

— Да, Космо, это я. Чем могу вам помочь?

Каупертуэйт рухнул в удачно стоявшее кресло и зажал голову в ладонях.

— Дщерь Лесбоса. Неудивительно, что вас не заинтересовало мое предложение. Я мог бы сам догадаться по вашим мужским манерам. Как удобно ввиду вашего извращения держать под

опекой всех этих беспомощных юных цыпочек…

Леди Корнуолл вскочила с кровати и закатила Каупертуэйту пощечину.

— Как вы смеете чернить мотивы моих действий! Мои девочки содержатся в целомудрии, как монахини. Как по-вашему, зачем бы я покупала любовь тут, если вы воображаете, будто я удовлетворяю мои желания в Лицее?

Леди Корнуолл села на кровать и расплакалась.

Каупертуэйт в смущении мог только пробормотать бесполезное извинение и ретироваться.

Отыскав pissoir, он облегчил свой мочевой пузырь. Какой фарс — жизнь, думал он в процессе облегчения. Пропавшие королевы, тритоны на троне, сапфические спасительницы…

Печально застегивая ширинку, Каупертуэйт вернулся в бальный зал.

Очередное музыкальное произведение как раз завершалось, и Каупертуэйт в изумлении увидел, что возле фортепьяно стоит Макгрош, подсунув под подбородок позаимствованную скрипку.

— Леди и дженты, приготовьте ваши ножки и ноги. Щас вас поразвлечет доподлинная виргин-

ская кадриль. Наяривай, Вольфганг [65]!

Макгрош тут же принялся с энтузиазмом пилить свою скрипку, тапер сумел схватить ритм, и зал вскоре заполнили энергично кружащиеся пары. Каупертуэйта увлекла в их гущу рыжая шлюха и завертела. Сперва он упирался, но тут же обнаружил, что зажигательная музыка была именно той панацеей, которая требовалась его утомленной крови после гнетущего эпизода на третьем этаже, и вскоре он уже отплясывал головокружительнее всех. Через минуту-другую танцующие попятились и образовали круг, в центре которого вертелись Каупертуэйт и его неутомимая партнерша.

Голова у Каупертуэйта тоже кружилась. Он не мог вспомнить, когда он чувствовал себя так чудесно. К дьяволу все докуки! Черт побери, он им всем покажет нечто незабываемое! Пусть Отто полюбуется! Ухватив партнершу за талию, он начал откалывать особенно акробатические па. Брезгливый голос произнес среди зрителей:

— Какое грубое и дикарское зрелище…

И в тот же миг Каупертуэйт споткнулся и, падая, запустил скользкими от пота руками свою

---

[65] Примечания: 65
Одно из имен Моцарта.

партнершу высоко в воздух.

После того как Каупертуэйт подобрал себя с пола и отряхнулся, он вспомнил про рыжую девицу и поискал ее взглядом.

Ее падение ненароком смягчил своим телом лорд Чатинг-Пейн, потеряв при этом нос. И перед всем залом предстали рубцы и дырки в центре его лица. Сильные мужчины попадали в обморок, женщины истерично закричали.

Чатинг-Пейн хладнокровно взял свой нос из рук Ганпатти и прилепил к лицу. К несчастью, вверх тормашками.

— Завтра на заре в моем поместье, Каупертуэйт. Выбор оружия ваш.

Глядя вслед надменно удаляющемуся скверно собранному аристократу, Каупертуэйт быстро прикинул, не удастся ли убедить Чатинг-Пейна драться на летающих тростях с пятидесяти шагов.

6
Предательство в Каркинг-Фарделс

В мерцающем свете свечи Каупертуэйт прищурился в зеркало на шифоньере в прихожей и нервно поправил галстук. Было бы не комильфо

встретить свою предсказуемую смерть, не выглядя безупречно элегантным джентльменом. Он не даст возможности Чатинг-Пейну, стоя над его трупом, отпустить уничижительное замечание в адрес некомпетентности его галантерейщика.

Скрипнула дверь. В зеркале Каупертуэйт увидел, как у него за спиной возник Макгрош, неся в руке что-то, завернутое в промасленные тряпицы. Он обернулся.

— Не сразу сыскал, куда я его засунул, но вот он.

— Что — вот?

— Ключ к тому, чтоб ты стер энтого вонючку с лица земли. — Макгрош начал бережно разматывать промасленные лоскуты. Вскоре взгляду открылось громадное стрелковое оружие, детище «Оружейного Производства Кольта» в Коннектикуте. Ствол его по длине не уступал французскому батону при калибре соответствующего размера. Барабан, казалось, был рассчитан для пуль величиной с пальцы Каупертуэйта.

Натуралист попытался взять пистоль, но обнаружил, что поднять его одной рукой не может, и волей-неволей ухватил колоссальное оружие двумя. Он попробовал прицелиться в чучело орангутанга в глубине прихожей. Его руки за-

тряслись от усилия, и дуло описало полукружие в несколько дюймов.

Макгрош одобрительно заулыбался на упражнения Каупертуэйта (его еще сохранившиеся зубы были щербатыми).

— Вот так, Кос! Ты верно усек! Может, до тебя еще не дошло, но ты держишь самого лучшего в мире Миротворца. Я таскал с собой энту пичужку по всей земле, и она ни разу меня не подвела. Черт дери, тебе ж, чтоб уложить энтого скунса, вовсе не надо попасть во что-то существенное. Угоди ему в кончик мизинца, и он отбросит копыта с одного перепугу. Я как-то энтой душечкой начисто снес башку бизону со ста ярдов.

Каупертуэйт положил огнестрельное чудище назад на промасленные тряпицы. Руки у него тряслись по плечи.

— Нет, Коготь, боюсь, ничего не выйдет. Во-первых, я нарушил бы дуэльный кодекс, так как у нас нет второго, чтобы предложить его Чатинг-Пейну. А во-вторых, боюсь, я успею отправиться на тот свет, прежде чем умудрюсь поднять ваш кольт для выстрела. Нет, принесите мне дуэльные пистолеты моего отца. Нам уже пора.

Макгрош неохотно завернул своего любимца в тряпицы, испустив скорбный вздох, словно не

мог постигнуть щепетильную этику Каупертуэйта, и отправился за упомянутыми пистолетами.

Вскоре он вернулся со шкатулкой красного дерева. Каупертуэйт открыл крышку. Внутри в бархатных вдавленностях покоилась пара пистолетиков с перламутровыми рукоятями.

Те самые пистолеты, которые Клайв Каупертуэйт приобрел для дуэли с Марком Изамбаром Брунелом.

Каупертуэйт пролил слезу, вспомнив мать, отца и всю трагическую семейную историю. Подумал он и об Икки Брунеле, который совсем недавно обещал устроить ему экскурсию по «Грейт Вестерну», замечательному трансатлантическому пароходу, который скоро должен был отправиться в свое первое плавание. Теперь, видимо, ему не будет дано ознакомиться с этим чудом изумительнейшего века. О, жизнь — такая сладко-горькая штука!

— Превосходно, — сказал Каупертуэйт, закрыв крышку. — Теперь остается только завершить недоконченные дела. Коготь, храните этот документ при себе. Моя последняя духовная и завещание. Вы узнаете, что вы — мой единственный наследник. Макгрош утер глаза.

— Так, сдается, мне стоит и свое сделать, как

я буду прохлаждаться в каталажке, прежде чем меня вздернут за шею.

— За что?

— А когда Чатинг-Пейн тебя прикончит, тут я его и прикончу.

— Коготь, я ценю ваши чувства, но, пожалуйста, не надо. Это запятнает фамильную честь.

— А что ты сделаешь, Кос, чтобы мне помешать? Нуда ладно, обещаю.

— Превосходно. Вот письмо для леди Корнуолл вместе с остатками моего фактора роста для ее опекаемой Викки. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы она их получила.

Макгрош обуздал свое презрение к владелице Лицея настолько, что пообещал.

— Прекрасно. И наконец, будь так любезен, приведи Типтопфа.

Когда метельщик вошел с соломой в волосах и протирая слипшиеся глаза, Каупертуэйт вручил ему конверт.

— Типтопф, тут распоряжение моему банку на выдачу пятидесяти фунтов. С этого момента ты уволен.

— Ур-р-ра-а-а! — завопил паренек. — Уеду в Австралию и разбогатею.

Каупертуэйт погладил метельщика по голове и

проводил до двери. Повернувшись к Макгрошу, он сказал:

— Так едем, нельзя заставлять благородного сукина сына ждать.

В двуколке, трясясь по пустым предрассветным улицам Лондона, Каупертуэйт пытался разобраться в своих чувствах. Он был поразительно спокоен и мыслил на редкость ясно, что было тем удивительнее, что ни он, ни Макгрош не сомкнули глаз после скандала у де Малле всего несколько часов назад. Его удивило, что перспектива надвигающейся смерти ничуть его не встревожила. Наоборот, мысль, что скоро все кончится, приносила облегчение. Неудача его эксперимента с саламандрой, известной как Виктория, за которой последовали тщетные, выматывающие поиски Виктории, принадлежащей к человеческому роду, и разочарование в леди Корнуолл подорвали его силы и дух. В жизни, мнилось ему, для него не осталось ничего интересного, и вопреки своей молодости он ощущал себя седобородым старцем. Уж лучше покончить со всем этим теперь, чем влачить существование в тисках преждевременного утомления жизнью…

Вскоре они оставили расползшиеся преде-

лы столицы позади и менее чем через час уже приблизились к Каркинг-Фарделс, родовому поместью Чатинг-Пейнов, последним прямым потомком которых был данный лорд Чатинг-Пейн, немезида Каупертуэйта. Небо светлело в золотисто-розовых тонах, птички громко распевали, и зефиры теребили туманы, извивающиеся по кустам. Прекраснейшее утро, чтобы встретить свою кончину.

Макгрош повернул двуколку на проселок, ответвлявшийся от тракта. Они катили вперед под мятно-зеленой листвой, пока не оказались перед величественными воротами. Там виднелась могучая фигура Ганпатти, застывшего в ожидании.

Наклонившись поближе к своему хозяину, американец сказал:

— Коли ты можешь ликвиднуть старую жестяную Рожу какой-нибудь научной штукенцией, Кос, валяй, а о его секунданте не думай. У меня есть мыслишка, как обратать этого фуззи-вуззи.

Каупертуэйт испустил тяжелый вздох.

— Прошу, Коготь, никаких штучек-дрючек, которые испортят мое расставание с этой смертной оболочкой.

— Просто оставьте на меня эту человеческую гору, командир, — таинственно заключил Мак-

грош. В каковой момент указанный фуззи-вуззи безмолвно вскочил на подножку и, держась за верхнюю часть экипажа, взмахом руки указал им направление к месту их смертоносного рандеву.

По росистому лугу, на котором двуколка оставила сверкающий след, и к опушке рощи из серой ольхи. Там Ганпатти сошел на землю и повел их вперед между деревьями.

За стволами показалась укромная полянка, шириной как раз достаточная для обусловленных шагов.

Там в небрежной позе стоял лорд Чатинг-Пейн, облаченный в утренний сюртук и гетры. Нос его занимал естественную позицию и был начищен до совершенства: Каупертуэйт увидел в нем свое отражение.

— У меня были сомнения, явитесь ли вы, — сказал Чатинг-Пейн. Каупертуэйт пропустил это оскорбление мимо ушей. Он пребывал в экстатической безмятежности и был выше мелких свар. — Надеюсь, вы привезли оружие, подходящее случаю.

Каупертуэйт молча протянул руку, и Макгрош вложил в нее шкатулку с пистолетами. Чатинг-Пейн подошел, открыл футляр и выбрал пистолет.

— Великолепный образчик, хотя и несколько устаревший. Помню, в последний раз я стрелял из такого пистолета, чтобы развлечь лорда Малмсбери. Он подбросил в воздух колоду карт, и я прострелил только те, которые обеспечили бы мне выигрыш над картами, которые он одновременно показал мне.

Макгрош сплюнул в траву. Чатинг-Пейн брезгливо фыркнул.

— Вскоре траву здесь, любезный, оросит более яркая, более жизненно важная жидкость, а потому не трать зря свои бесценные субстанции. Ну-с, откладывать долее смысла нет, не правда ли?

Макгрош и Ганпатти отошли в сторону. Каупертуэйт заметил, что его слуга что-то шепчет в преклоненное к нему ухо титана в тюрбане, и не успел он моргнуть, как оба секунданта исчезли за древесным стволом.

Но времени поразмыслить над этим их поступком не оставалось.

Каупертуэйт и Чатинг-Пейн вышли на середину площадки и встали спина к спине. Туман завивался вокруг их лодыжек.

— По счету «три» мы проходим двадцать шагов, поворачиваемся — полностью, у меня нет второго носа — и стреляем по желанию. Раз, два, три…

Двадцать шагов казались милями. Каупертуэйту почудилось, что дикий зверек внутри него пытается коготками проложить себе путь наружу к свободе, но задавил его. Скоро, скоро…

Двадцать шагов. Поворот.

Чатинг-Пейн стоял в небрежной позе, скрестив руки на груди, разрешая Каупертуэйту выстрелить первым. Изобретатель поднял пистолет, крепко зажмурил глаза и выстрелил.

Разомкнув веки, он увидел, как с дерева за спиной лорда упал мертвый реполов.

Чатинг-Пейн улыбнулся и поднял пистолет.

— Перед тем как вы умрете, мистер Каупертуэйт, я хочу, чтобы вы узнали, что я нашел наш общий Грааль. И скандал, который я намерен устроить с помощью того, что узнал, опрокинет трон и более чем адекватно вознаградит меня за оскорбления, которые я терпел. А теперь, мистер Каупертуэйт, вознесите молитвы своему Творцу.

Чатинг-Пейн уверенно прицелился в Каупертуэйта, который вновь зажмурился — в последний раз. Прогремел выстрел.

Чудом Каупертуэйт ничего не почувствовал. Как дивно… Он был прав, что не страшился. Рай, приветик! Каупертуэйт открыл глаза.

Чатинг-Пейн лежал на траве мертвый с размоз-

женным багряным затылком.

Мало-помалу до Каупертуэйта дошло единственное возможное объяснение.

— Макгрош! Будь ты проклят, Макгрош, ты же обещал! Так не делают!

Из деревьев выступила фигура…

Виконта Мельбурна. Премьер-министр сжимал дымящийся пистолет.

— Уильям… Я не… Как? Почему?

Элегантный аристократ хладнокровно извлек гильзу из своего пистолета и вставил новый патрон.

— Не мог же я допустить, чтобы Чатинг-Пейн продолжал жить, Космо, никак не мог. После того, как он упомянул про свое намерение втянуть Викторию в безобразнейший скандал. После трудов, которых мы не пожалели, чтобы сохранить ее имя незапятнанным. К тому же вы мне нравитесь, и я был у вас в долгу. Теперь я считаю этот долг уплаченным.

— Но мне казалось, вы говорили, что отвергаете политические убийства.

— Женщин, мой мальчик, женщин. Для слабого пола правила совсем другие. Нет, боюсь, изменнические намерения Чатинг-Пейна заработали ему его смерть. Кроме того, у него нет наследни-

ков, и его поместье переходит к Короне. Я много лет к нему присматривался.

Каупертуэйта осенила внезапная мысль.

— Королева! Он знал, где она! А теперь эти сведения погибли вместе с ним.

Мельбурна, как ни странно, это почему-то не тронуло.

— Да, не слишком удачно. Но я ведь должен был уложить его без проволочек.

Внезапная тошнота овладела молодым ученым, и у него пропало всякое желание продолжать этот разговор. Он хотел только одного: вернуться домой и забраться в постель. Мысль о манящих простынях напомнила про сопутствующее дело, и он заговорил о нем с виконтом:

— Мое творение… я так давно не получал от вас никаких известий. Она хорошо себя чувствует? Не кажется ли, что иногда она… тоскует о своем прежнем доме?

Мельбурн небрежно пожал плечами.

— С ней все прекрасно. Ее потребности просты и легко удовлетворяются. То есть почти все… если вы меня понимаете, э?

Космо открыл было рот, намереваясь воззвать к премьер-министру не переутомлять химерическое создание, но Мельбурн его опередил:

— Ну, отправляйтесь-ка домой. И не тревожьтесь: никаких юридических последствий не будет. Корона во всем разберется.

Из рощи вышел Макгрош в обществе Ганпатти. Мельбурн поднял пистолет, предвосхищая незамедлительное поползновение слуги отомстить за своего коварно убитого господина. Каупертуэйт также не сомневался, что преданный индус попытается отплатить за безвременную кончину лорда Чатинг-Пейна.

Однако индус только осиял их ослепительной улыбкой! Подхватив Макгроша на руки, будто малое дитя, он радостно зарысил к ним.

— Коготь, что…

— Все заметано, Кос. Я как раз кончил объяснять кое-что очень даже благодетельное для энтого вот Гунпата. Такое, кстати, у него настоящее имя в честь какого-то ихнего языческого бога. Мне удалось внушить ему кое-какие демократные идеалы, втолковать ему, что чуть его хозяин откинет копыта, как он станет свободным человеком и получит возможность разбогатеть благодаря своей красоте и восточным замашкам. Мы дума-

ем подыскать ему работенку у Ф. Т. Барнума [66], который вскорости сюда при гастролирует. Он змей заклинает — пальчики оближешь.

Каупертуэйт вздохнул. Прискорбное отсутствие раскаяния и сожалений, куда ни посмотри.

Но жизнь ведь должна продолжаться, предположил он.

Должна… не правда ли?

7
То, о чем знали все остальные

Каупертуэйт проспал сутки с лишним. Его сны — если они вообще ему снились — были безболезненными и забылись, едва он открыл глаза. Над ним стоял Макгрош с подносом, на котором покоилась тарелка с обилием лепешек, щедро намазанных маслом, графин с чаем и хрустальная вазочка с крышкой, полная свежайшего земляничного джема.

— Я подумал, тебе пора подкрепиться, Кос. Каупертуэйт сел в кровати, взбив подушки у себя за спиной.

---

[66] Примечания: 66

Барнум Ф. Т. (1810–1891) — знаменитый американский импресарио и владелец цирка, начавший свою карьеру с разных ярмарочных зрелищ и в 1838 году еще никому не известный.

— Совершенно верно, Коготь. Время подкрепить тело, прежде чем взяться за стоящие перед нами проблемы духа.

— Я б и сам лучше не сказал.

Каупертуэйт жадно принялся за завтрак. Собственный голод его изумил, ибо он предполагал, что будет испытывать остатки тревоги, сопровождаемой потерей аппетита из-за смерти Чатинг-Пейна. Однако даже сходства земляничного джема с разбрызганным мозгом Чатинг-Пейна оказалось мало, чтобы вывести его из равновесия.

Насыщаясь, Каупертуэйт размышлял над проблемой Виктории.

Чатинг-Пейн объявил, будто знает, где она прячется. Несомненно, узнал он это только-только, так как во время их встречи на прошлой неделе — в заведении еврея-ростовщика, по слухам, иногда предоставляющего приют беглым детям, — Чатинг-Пейн был, безусловно, не более осведомлен, чем раньше. Следовательно, узнал он это непосредственно перед неприятной сценой уде Малле… Уде Малле! Каупертуэйт перестал жевать. Перед его глазами и отвисшей челюстью как живая возникла старая бандерша.

«Нечто tres speciale… Такой случай выпадает

раз в жизни…»

Не может быть… или может? Заведение де Малле Мельбурн обыскал бы в первую очередь. Каупертуэйт был настолько в этом уверен, что сам не потрудился… И все же…

Сбросив одеяло, Каупертуэйт разметал свой завтрак.

— Коготь! Коготь!

Макгрош вошел неторопливой походкой в тот миг, когда Каупертуэйт пытался засунуть обе нижние конечности в одну штанину.

— Коготь, мы должны с елико возможной быстротой отправиться к мадам де Малле.

Макгрош подмигнул.

— Позаботиться о некоторых других потребностях, как погляжу.

— Ах, Коготь, вы безнадежны. Просто приготовьте экипаж.

Вскоре сонный и растрепанный мажордом уже впустил Каупертуэйта в пустые залы мадам де Малле. (Макгрош остался ждать снаружи: если догадка Каупертуэйта подтвердится, нельзя было допустить, чтобы присутствие этого неотесанного грубияна смутило тонкую чувствительность и деликатность женщины, которую он должен был вот-вот увидеть, в чем больше не сомневался.)

В свете дня, просачивающегося сквозь тяжелые задернутые гардины, раззолоченная мебель и узорчатые обои выглядели дешевыми и безвкусными. В воздухе стоял тошнотворный запах разлитого шампанского и застарелых телесных выделений. Совсем ничего общего с вечерним великолепием. Каупертуэйт прикинул, утреннее или вечернее впечатление было ближе к реальности, или же оба равно имели с ней мало общего.

Каупертуэйт как раз положил руку на перила лестницы, когда мажордом попытался его остановить:

— Э-эй, мистер, в такой час девочек нельзя беспокоить…

— А, заткнись, любезный! Я пришел не для того, чтобы перепихнуться. Во имя Агассиса [67], ну почему все так дьявольски зациклены на своих гениталиях?

В коридоре верхнего этажа что-то неотвратимо повлекло Каупертуэйта к комнате, где прежде содержалась Виктория-саламандра. Он тихо постучал в дверь. Откликнулся женский голос:

— Уже вечер? А я словно бы почти не спала.

---

[67] Примечания: 67
Агассис Жан Луи (1807–1873) — швейцарский натуралист.

Входите, входите же, я готова…

Каупертуэйт повернул ручку двери и вошел.

Окна в комнате были плотно занавешены, и ее освещала лишь одна свеча. Спичка, только что зажегшая сальный фитилек, как раз угасла под дуновением вытянутых губ женщины в постели.

Женщины, да. Теперь она, совершенно очевидно, уже не была девушкой.

Длинные волосы Виктории были мягко каштановыми на переходе от льняного цвета ее детства к будущему более темному оттенку ее зрелости. Лицо у нее было круглое и все еще каким-то образом хранило выражение невинности, нос и подбородок несколько торчали. Она, подумал Каупертуэйт, никогда еще не выглядела такой сияющей. Он знал, этот ее облик, как и другие, вскоре будут запечатлены Францем Винтергальтером, придворным художником.

Королева обладала властным взглядом, и Каупертуэйту лишь с трудом удалось оторвать от него свой собственный. Наконец, осуществив это, он обозрел остальное дезабилье Виктории.

Она лежала, откинув одеяла, облаченная только в прозрачнейший из пеньюаров. Ее бюст и бедра были полноватыми, уже намекая на будущее ее сходство с кубышкой, и казалось, она достаточно

созрела, чтобы произвести на свет много детей. Каупертуэйт внезапно ощутил глубочайшую уверенность, что в недалеком будущем страну своим появлением обрадует новый маленький принц или новая маленькая принцесса.

Однако материнский аспект Виктории все еще был хотя и неотъемлемым, но не доминирующим. А в эти минуты вид ее и вовсе не походил на материнский. Ее обворожительное тело еще не знало ни единой беременности, и в соблазнительности она не уступала ни одной известной Каупертуэйту женщине.

На карточном столике в углу виднелась наполовину собранная из кусочков загадочная картина, одно из любимых развлечений Виктории. А рядом покоился ее вездесущий дневник.

Каупертуэйт преклонил колено.

— Ваше величество…

Голос Виктории был хрипловатым. Каупертуэйт знал, что она страдает воспалением миндалин.

— Можешь забыть о титулах, глупенький мальчик. Я здесь не королева. Тут в доме столько других, знающих гораздо больше, чем я, и больше заслуживающих этот титул. Но я учусь. Подойди же, и я тебе покажу.

Виктория умоляюще протянула к нему руки.

Шокированный Каупертуэйт встал, подошел к кровати и сел на край, чтобы убедительнее изложить свои доводы.

— Ваше величество, я понимаю, что обязанности вашего высокого сана причиняли вам многие досады, и только естественно, что вы искали забыть свои заботы, приняв роль блудницы. Но вы должны понять, что нация нуждается в вас. До коронации остается совсем мало времени. И не забудьте, какие личные муки вы причинили вашему премьер-министру. Виконт Мельбурн в полном отчаянии, не зная, где вас искать…

— О чем вы говорите, глупый человек? Меня сюда поместил Мельбурн.

Каупертуэйту почудилось, что его мозг разрывается на части.

— Мельбурн…

— Да. Лэмми объяснил мне, что этого требует мое образование. И как он был прав! Я же познакомилась со многими самыми видными людьми в стране гораздо ближе, чем мне это удалось бы в стерильных коридорах власти. Писатели, художники, члены Парламента, просветители. Мужчины и женщины. И даже несколько рабочих, которые копили деньги годы и годы. И беседы были почти столь же стимулирующими,

как процесс любви. Тайны, которые я узнала, связи, которые я завязала, уверенность в себе, которую я выработала, не говоря уж о постижении приемов, которые, несомненно, угодят моему милому Альберту, когда мы поженимся. Все это хорошо мне послужит до конца моего царствования. И теперь меня не ждут никакие затруднения на моем пути, так я чувствую. О, это было блаженство! Такая жалость, что подошел конец.

Каупертуэйт кое-как справился со своим языком.

— Так, значит, у вас нет намерения отречься…

— Разумеется, нет. Завтра я возвращаюсь во дворец на репетицию коронации. Все предусмотрено. А теперь довольно разговоров о политических делах, милый мальчик. Иди же сюда к своей маленькой Виктории и позволь ей все устроить.

Виктория ухватила Каупертуэйта за плечи, повалила и начала расстегивать его ширинку.

Каупертуэйт сперва застеснялся, но вскоре принялся с энтузиазмом содействовать.

В конце-то концов, разве можно дерзко пойти наперекор своей государыне, чего бы от тебя ни потребовалось?

* * *

Забраться в Букингемский дворец под покровом темноты не составило ни малейшего труда. Охрана была самая примитивная. Вот один пример: в декабре того же 1838 года «мальчик Коттон» был наконец схвачен после того, как прожил во дворце несколько месяцев, никем не пойманный. Двенадцатилетний парнишка был с ног до головы вымазан сажей, так как часто прятался в каминных трубах. Этой сажей он чернил кровати, которые выбирал для сна. А еще вскрывал запечатанные письма королеве, крал мелкие безделушки и еду, а когда был пойман, на нем были панталоны Мельбурна. Каупертуэйт не повстречал «мальчика Коттона», пока в ту ночь крался по гулким коридорам к личной спальне королевы. Он следовал указаниям, которые Виктория милостиво дала ему утром того же дня после их поединка. Каупертуэйт объяснил свое участие в хитром маневре по сокрытию ее отсутствия. Оказалось, что королева ничего не знала про лже-Викторию, делившую постель с Мельбурном, и ему почудилось, что он подметил в ее тоне некоторую ревность. И нисколько не завидовал объяснению, которое предстояло

Мельбурну наутро.

Кроме того, Каупертуэйт был зол на премьер-министра за его обман. И твердо решил забрать свою Викторию и поставить Мельбурна на место.

Лишь один раз кто-то попался Каупертуэйту на его пути — несущий дозор лейб-гвардеец, от которого он укрылся, нырнув в нишу с бюстом Этельреда Нерасторопного.

И вот Каупертуэйт остановился перед королевской опочивальней. И вошел без стука.

Мельбурн лежал в постели с саламандрой. Когда гуляка увидела Каупертуэйта, она испустила радостное кваканье и соскользнула с кровати на пол. Ее абсолютно безволосая фигура сочетала характерные признаки млекопитающих и амфибий в неземной красоте. Парик, в котором она изображала Викторию, украшал подставку в углу комнаты.

Мельбурн спрыгнул с кровати как был голым, и его грузное волосатое тело составило грубый контраст с эфирной, сильфидоподобной прелестью скрытожаберника.

— Сэр, — загремел Каупертуэйт, — я знаю все! Вы обманули меня самым непорядочным образом. Полагаю, вы принимали к сердцу интересы

страны, однако я усматриваю в ваших поступках элемент низкой похоти. Теперь я забираю мою подопечную и оставляю вас вашей совести.

Каупертуэйт взял Викторию за руку и повернулся к двери. Мельбурн вцепился в ее другую руку.

— Нет, не забирайте ее! Вы правы. Это ваше создание свело меня с ума. С той самой секунды, как я в первый раз увидел ее у де Малле, меня убивала мысль, что ею наслаждаются и другие. Отсутствие королевы, давно подготовленное, представилось мне превосходным предлогом заполучить тритоншу для себя. Теперь я не могу без нее жить!

— Сэр, прочь руки, — неумолимо сказал Каупертуэйт, дергая Викторию к себе. — Не вынуждайте меня применить против вас силу!

Мельбурн не слушал, а продолжал тащить тритоншу на себя. Каупертуэйт дергал ее к себе, и началась игра в перетягивание, становившаяся все яростнее.

Внезапно без малейшего предупреждения Мельбурн отлетел спиной вперед к кровати и опрокинулся на нее.

Поглядев вниз, он обнаружил, что продолжает сжимать подергивающуюся оторванную руку Виктории, источающую белесую жидкость.

— Мой Бог! — вскричал премьер-министр. — Вот куда завела меня моя животная похоть! — Он уронил эту верхнюю конечность, обхватил голову руками и заплакал. Каупертуэйт посмотрел на премьер-министра с брезгливостью.

— Вы искалечили беззащитное живое существо и теперь испытываете надлежащие угрызения. Да послужит это вам уроком в том, что самые могущественные мира сего не освобождены от законов общепринятой морали. Вы можете почерпнуть утешение из того факта, что Виктория быстро регенерирует потерянную руку, ибо не утратила эту свойственную тритонам способность.

Накинув одеяло на безропотное создание, Каупертуэйт сказал:

— Я бы предпочел, дражайшая Виктория, чтобы рядом со мной сейчас была леди Корнуолл, но что толку в несбыточных желаниях? Нет, только ты и я, бедняжка, вновь только ты и я.

Каупертуэйт погладил ее по голове, и Виктория боднула его снизу в подбородок.

— Ах, моя дорогая, ты перенесла много невзгод в твоей противоестественной жизни. Как бы всякий человек ни любил свои творения, я могу лишь уповать, что твое существование не про-

длится слишком уж много дней. Если бы только мне была известна средняя продолжительность твоей жизни…

И это пожелание еще звучало эхом в карете, когда она покатила вперед сквозь ночь…

… сквозь десятилетия…

… сквозь шестьдесят три года до 1 февраля 1901 года, когда та же столичная магистраль, задрапированная лиловыми и белыми полотнищами (Виктория в завещании указала, чтобы черных полотнищ, которые она не терпела, не вывешивали), была заполнена плачущими толпами, глядящими, как влекомый лошадьми пушечный лафет с коротким гробом престарелой королевы медленно движется от вокзала Виктории к Паддингтонскому вокзалу на своем пути к мавзолею в Виндзоре.

Среди скорбящих виднелась согбенная фигура, одетая в черное, с лицом, скрытым под вуалью от любопытных глаз. Ее сопровождал лысый старец с лицом, как полная луна. Он опирался на трость с тончайшей линией сопряжения, намекавшей на ее смертоносную начинку. К этой паре вскоре присоединился старый беззубый хрыч, опасливо засовывая во внутренний карман не принадлежащий ему бумажник.

— Так давно! — сказал Каупертуэйт. — Но открытки приходили каждое Рождество.

— Женщины — они что слоны, — сказал Макгрош. — Никогда ничего не забывают.

Словно в безмолвном согласии Виктория откинула вуаль и проглотила пролетавшую мимо муху.

Готтентоты
1
Обезьянья харя

Большая рыба была явно сшита примерно посередине. Шов черной вощеной бечевкой небрежными стежками внахлест, который опоясывал ее, стягивая две разнородные половины, походил на ухмылку идиотской тряпичной куклы. Не вполне соответствуя по величине, половины гибрида не совпадали точно, и по краю большей передней виднелся ободок бело-розового мяса. Длинная заостренная голова, выдвинутая нижняя челюсть и форма острых зубов указывали, что передняя часть принадлежала к семейству Sphyaenidae, — одной из барракуд. Задняя часть представлялась не столь очевидной, хотя ученые умы (в университете Лозанны, Цюриха, Гельдельберга, Мюнхена, Вены и Парижа) отнесли бы ее к семейству Acipenseridae, то есть осетровых. Одно, впрочем, оставалось бесспорно: хвост был пришит точно наоборот, и брюшной плавник занял немыслимую спинную позицию.

Плод чудовищного смешения рас лежал на

куске влажной парусины с разлохмаченными краями и единственным латунным кренгельсом, смотрел перед собой остекленелыми глазами, по шву медленно сочилась беловатая сукровица. Парусина лежала на коленях сидящего мужчины.

Мужчина этот был Луи Агассис.

Уроженец Швейцарии, магистр палеонтологии, ихтиологии и зоологии, доктор медицины, лектор, автор и популяризатор Eiszeit [68] теории, Выдающийся Натуралист-лаурят (выражаясь языком журналистов) своей второй американской родины, Агассис только-только достиг сорока лет. Высокий и крепкий, хотя и несколько дородный, ученый был облачен в шерстяные панталоны, жилет и двубортный сюртук, шею окутывал белый фуляровый платок. В его лице главенствовали карие глаза, столь же колючие и острые, как шипы морского ежа (вид — еж обыкновенный класса ехидновых), и широкий квадратный подбородок. Губы и нос у него были довольно мясистые. Лицо бритое, если не считать длинноватых бакенбард, и довольно багровое. Волна еще темных волос, теперь несколько отступившая, открывала высоко философский лоб. (Сэмюэль

---

[68] Примечания: 68

Ледниковый период (нем.). — Здесь и далее примеч. пер.

Джордж Мортон, почтенный филадельфийский коллега Агассиса, оценил его краниальный объем в 115 кубических дюймов, иными словами, намного выше среднего для представителя белой расы (и потому всех рас, поскольку белая есть венец творения) и, хотя и воздерживался упоминать о своем сокровенном желании, уже планировал заполучить для своей колоссальной коллекции череп Агассиса, случись ему, Агассису, скончаться прежде самого Мортона…)

Сейчас Агассис разглядывал гнусность у него на коленях. Он не знал, что сказать. Неужели кто-то думал, что он примет эту вопиющую подделку за чистую монету? Насколько же доверчивым, на взгляд американцев, может быть средний европеец?

За десять месяцев, проведенных до этого в Америке, Агассис уже сделал определенные выводы касательно национального характера. Типичный гражданин Соединенных Штатов был наглым, хитрым, предприимчивым и щедро наделенным бойкостью и моралью самого низкого разбора. Наиболее симпатичные напоминали балованных детей, полных юношеского задора. Хороши для короткого забега, но выносливости никакой. Лучшие среди них, как, например, его товарищи

по Гарварду (те, кто сумел упрочить чистоту наследственности в рамках своего сословия), интеллектуально и морально могли равняться с лучшими европейцами. Буржуа вроде Джона Лоуэла и Сэмуэля Кэбота… ну, буржуа по всему миру одинаковы. Но вот американская чернь в отличие от простонародья в Старом Свете была буйной и непредсказуемой.

Явилось это, разумеется, результатом непрерывных перекрестных скрещиваний. Страна представляла собой плавильню рас, смешивавших свою кровь без должного уважения к древнему географическому делению, возникшему с Сотворением мира. Арии, англосаксы, галлы, славяне, иберийцы, средиземноморцы, ирландцы, кельты, монголы, китайцы, семиты, скандинавы, балты, краснокожие… стоит ли удивляться, если плоды столь вопиющего смешения оказались своенравными, неорганизованными и алчными и возомнили, что провести на сделке тех, кто их выше, столь же просто, как и их недалеких собратьев?

И наихудший ингредиент смеси, наигнуснейший, наигрязнейший поток, вливающийся в мутную реку, зовущую себя Америкой, самая мерзостная примесь в крови любого предполо-

жительно белого человека, зараза, вопиющая к небесам и нарушающая все нравственные устои…

Негры.

Агассис содрогнулся, вспомнив первую встречу с американскими чернокожими (если уж на то пошло, с любым представителем африканской расы), случившуюся всего лишь в прошлом году. В декабре он написал своей матери Розе — благодарение Богу, эта святая женщина пребывает в безопасности своего дома в Нёфшателе.

> *В Филадельфии я впервые имел продолжительный контакт с неграми: вся прислуга в моей гостинице была цветной. Не могу выразить мучительное впечатление, какое это произвело на меня, в особенности от того, что пробужденное ими во мне чувство противоречит всем нашим представлениям о братстве людей и особом происхождении нашего биологического вида. Но истина превыше всего. Все же я испытывал жалость, глядя на этих выродившихся существ, а их участь пробудила во мне сострадание при мысли, что и они все же люди. Тем*

не менее я не в силах подавить в себе чувство, что в них течет другая кровь, чем у нас. Эти черные лица с толстыми губами и скалящимися зубами, шерсть на головах, вывернутые колени, чрезмерно длинные руки, огромные кривые ногти и особенно синевато-серые ладони! Я не мог оторвать глаз от их физиономий, чтобы велеть им держаться подальше. И когда, прислуживая мне, они протягивали эти отвратительные лапы к моей тарелке, я жалел, что не могу удалиться и съесть простой кусок хлеба где-нибудь еще, лишь бы не обедать, имея подобную прислугу. Какое несчастье для белой расы — в некоторых странах так тесно связать свое существование с неграми! Сохрани нас Господь от такого соприкосновения!

Глядя на морскую мерзость у себя на коленях, Агассис внезапно увидел в ней воплощение всех своих страхов перед смешением рас. С дрожью он вспомнил сходным образом сшитую тварь, плод воображения миссис Шелли. Что, если Природа допустит существование подобных чудовищ? Даже мысль об этом…

С рыбы Агассис перевел взгляд на выжидающе застывшего перед ним человека.

Неотесанный рыбак неопределенного возраста, с морщинистым задубленным лицом, на котором щурились косящие глазки, одетый в сальный от ланолина вязанный косами свитер с высоким воротом, в вязаную же морскую шапку и мешковатые клетчатые штаны. В углу рта у него торчала незажженная глиняная трубка с длинным мундштуком — преисполненный надежд продавец, решивший, что настало время расхвалить товар.

— Так что, молодой человек? Что скажете? Ребята в порту как один говорят, что вы ищете всякие диковинки, а уж диковиннее этой редко увидишь.

Агассиса поразила такая наглость. Швейцарский акцент профессора — который многие дамы находили очаровательным, видимо, из-за заметного офранцуживания гласных, — стал особенно явным в стремлении припугнуть.

— Вы ждете, сэр, что я поверю, будто эта рыба была когда-либо единым целым и плавала по морям нашего мира?

Старый морской волк поскреб под шапкой.

— Э, выходит, ваш соколиный глаз заметил, как я слегка подлатал рыбину. Малый из моей коман-

ды собрался порезать ее для нашего котла, но тут подоспел я и, распознав ее научную ценность, пресек эту резню. К несчастью, он уже успел отхватить морду от хвоста. Ну, раз она немножко повреждена, цену можно и сбавить. И будет она сорок центов, деньги на бочку.

Агассис снял с колен парусину с ее содержимым и встал.

— Будьте добры, уйдите. Вы зря потратили мое время.

— Да погодите же, старина, вас, я вижу, не проведешь. Но имейте терпение, и я скажу вам правду. Я ж молчал, потому как не знал, по зубам она вам или нет.

— Хорошо, продолжайте. Как у вас тут говорят, я одни уши.

Сжав подбородок ладонью и еще более прищурясь, что придало ему сходство с кротом (Talpa europaea), рыбак начал:

— Так вот, вытащили мы сети на борт, а в них барракуд-гаи черный осетр…

— Это я уже понял.

— Может, и так. Да только вы знать не можете, что с ними была еще и меч-рыба. Так вот у нее имелся престранный инструмент. А именно шип с дырой на конце, будто ушко у иголки! Я

и глазом не успел моргнуть, как эта меч-рыба взяла и располовинила двух других. Потом попрыгала по палубе туда, где мы паруса чинили. Подцепила она в ушко дратву и давай сшивать рыбин, вот как вы видели. Я принес их лишь в доказательство: меч-рыба страсть как тяжелая, чтобы и ее еще с собой тащить. Вот это диво я вам и предлагаю!

Победно завершив свое повествование широчайшей ухмылкой, рыбак стал ждать реакции Агассиса.

Тот был на мгновение ошеломлен, а потом расхохотался. Скверное настроение, которое преследовало его с самого утра и которому было множество неизбежных причин, от типично американской небылицы как рукой сняло.

Овладев собой, Агассис сказал:

— Ну хорошо. Принесите мне эту рыбу-хирурга, и я щедро за нее заплачу.

Рыбак протянул мозолистую руку, и Агассис ее пожал.

— Всенепременно, старина, не будь я капитан Дэн'л Стормфилд из Марблхеда [69].

С этими словами капитан Стормфилд удалился,

---

[69] Примечания: 69

Персонаж повести Марка Твена «Визит капитана Стормфилда на небеса».

прихватив с собой и жертву вивисекции, и приятный солоноватый запах моря, который Агассис заметил лишь по его отсутствию.

Воистину невоспитанные дети!

Кабинет Агассиса был весьма удобен, и здесь со своего прибытия на эти чужие берега ученый провел в усердных трудах немало дневных и ночных часов. В застекленных книжных шкафах стояли шеренги научных томов от Линнея до Лайла, а открытые нижние полки были отданы под зачитанные фолианты «Птиц Одюбона». На серванте разместились плоды недавних трудов — аккуратно собранные листы нескольких монографий. Задвинутый в угол круглый столик был погребен под ждущей ответа корреспонденцией. Удобный диван, используемый временами для послеобеденной дремы, теперь занимали большие картонные папки на завязках с рисунками из экспедиций. Несколько кожаных кресел и половиков были рассеяны по комнате (далеко не Бидемайер, но чего ожидать от столь неотесанных американских мужланов?...) Одну стену украшала акварель с изображением Мотье, родной деревушки Агассиса, окруженной озерами, написанная его давним ассистентом-рисовальщиком Йозефом Динкелем, который,

к сожалению, предпочел не сопровождать своего патрона в Америку. На другой висела карта Северной Америки, утыканная зелеными флажками, обозначающими места уже посещенные (Ниагарский водопад, Галлифакс, Нью-Хейвен, Олбани, Филадельфия), и красными, указывающими планируемые поездки (озеро Верхнее, Чарльстон, Вашингтон, Скалистые горы…)

Тут он все утро предавался взаперти черной меланхолии, теперь столь успешно развеянной небылицей капитана Стормфилда. Агассис ощутил прилив привычной бодрости. Им вновь овладело желание выйти в широкий мир, изучить его, проникать в тайны Природы, открывать и классифицировать, собирать коллекции и выдвигать теории и — не между прочим — добиться того, чтобы в устах народных масс его имя стало синонимом передовой науки девятнадцатого века.

Покинув кабинет, Агассис направился в мастерские, находившиеся тут же в доме в Восточном Бостоне на самом берегу бухты, так любезно подаренном его патроном, Джоном Эмори Лоуэллом, текстильным магнатом и финансистом. Пока этих помещений было достаточно, и Агассис каждодневно испытывал удовлетворение. Но он вы-

нашивал более великие планы. Отдельный склад для экспонатов, возможно, с музеем перед ним, чтобы выставить избранные; более просторные мастерские со всеми таксономическими принадлежностями; контора с газовым освещением; лекционный зал. Возможно, даже собственные типография и переплетная мастерская, как было у него в Нёфшателе для непрерывного потока книг, выходивших из-под его прилежного пера…

Агассис обуздал свое воображение. Все это можно осуществить, только имея влияние и власть. В сравнении с его мечтами деньги, которые он мог бы вложить сам, были ничтожны. Правда, его лекции принесли куда больше, чем он мог надеяться — больше шести тысяч долларов за последние четыре месяца! — но они тратились с той же быстротой, с какой зарабатывались. Одна только оплата умелых помощников съедала заметную часть его доходов. Прибавьте к этому покупки у местных рыбаков, обычные расходы на содержание дома, затраты на полевые изыскания, светские приемы и так далее, и вот вы уже на мели.

Нет, чтобы вознести его на высоты, о которых ему мечталось, достанет только средств такого учреждения, как Гарвардский университет. Он

должен получить место профессора на новом факультете геологии, который скоро подарит университету Эббот Лоуренс [70]. Его соперники на это место, Роджерс и Холл, — посредственности, не заслуживающие столь престижного поста! Профессорства достоин только он один, Луи Агассис, Первый Натуралист своего времени!

Подходя к двери мастерских, Агассис сделал себе заметку на память улестить Лоуэлла дать еще один обед, на котором он мог бы исподволь повлиять на Лоуренса…

В мастерской работа кипела. Только он пошел, все его верные ассистенты, последовавшие за ним из Европы, подняли глаза от рабочих столов с преданностью и восхищением. Граф Франсуа Пуртале, исходивший с Агассисом все Альпы, вооружившись лупой, деловито изучал крупный копролит [71]. Опытный зоолог Шарль Жирар в гуттаперчевом переднике трепанировал трепанга. Рисовальщик Жак Буркхардт старался

[70] Примечания: 70

Лоуренс Эббот (1792–1855) — владелец торговой фирмы, специализировавшейся на импорте английских товаров, дипломат, государственный деятель и филантроп, сыграл значительную роль в развитии промышленности Новой Англии; в 1847 г. подарил Бостону $50 000 на учреждение «Научного института».

[71] Примечания: 71

окаменелые экскременты.

зарисовать живого омара (Homarus americanus), который, к несчастью, упорно пытался удрать по столу на свободу. Мастер литографии Огюст Сонрель возился со своими пластинами. (В стремлении обеспечить науку дополнительным капиталом Агассис разрешил Сонрелю подготовить иллюстрации к частному изданию книги мистера Джона Клиленда [72] по подписке группы бостонских предпринимателей.) Не хватало здесь только Шарля «Папы» Кристина, Арнольда Гийо, Лео Лескерё и Жюля Марка — все они ожидали на том берегу Атлантики вызова, который он пошлет, едва получит место в Гарварде.

Открывшаяся перед ним картина восхитила Агассиса. Вот она, передовая наука: командная работа и распределение обязанностей, сплоченная группа слаженно трудится ради единственной цели — дальнейшего прославления имени Агассиса!

Отвечая на веселые приветствия, в которых звучало его прозвище — «Bonjour [73], Агасс!»,

---

[72] Примечания: 72

Английский писатель, (1709–1789), известен прежде всего романом «Фанни Хилл, или Мемуары развратной женщины» (1750), в то время и в следующем веке считавшимся порнографией.

[73] Примечания: 73

Здравствуйте (фр.).

«Агасс, вы только посмотрите!», «Агасс, видеть омаруса? Ловите!» — глава этой научной фабрики совершал обход своих работников.

Когда он изучал копролит Пуртале, пытаясь определить ботанические останки, из внутренней комнаты появился Эдвард Дезор.

Дезор был правой рукой Агассиса. Он служил у натуралиста уже десять лет, с 1837-го. Агассис сам преподал азы науки этому студенту права немецкого происхождения с немалой способностью к языкам, впрочем, познания Дезора так и не превысили кругозор ленивого дилетанта. Главная польза заключалась в его умении добиваться результатов. Он надзирал за повседневными работами в Нёфшателе и умел без сучка без задоринки организовать наитруднейшую экспедицию.

Худой и франтоватый, еще не достигший тридцати лет, Дезор чрезмерно гордился жиденькими усами, к которым, насколько мог определить Агассис, ни один волос не прибавился с тех пор, как он поступил к нему на службу. В его глазах постоянно горели огоньки, напоминавшие Агассису взгляд горностая (Mustela erminea). После десяти лет постоянного общения Агассис все еще временами не мог сказать, что творится в голове

его помощника.

Агассис вообще испытывал к Дезору двойственное чувство. С одной стороны, он был расторопным и усердным. И в постоянном надзоре он не нуждался. С другой стороны, он был несколько опрометчив и неосмотрителен. Взять, скажем, лекцию, которую устроил в Англии Дезор незадолго до их отплытия в Америку. В Бедлам-колледже, сказал он, а это оказался сумасшедший дом, где Агассису пришлось говорить перед врачами и санитарами под какофонию воплей сидящих в клетках безумцев…

Тем не менее Агассис полагал, что в целом достоинства Дезора перевешивают его недостатки, и, не желая портить плодотворные отношения, защищал его перед всеми хулителями, главным из которых была жена Агассиса Цецилия.

Цецилия. Мысли о жене в основном и привели его утром в угнетенное состояние. Агассис все еще чувствовал себя виноватым, что оставил ее с тремя детьми в Швейцарии. Но что ему было делать? У себя на родине он продвинулся, насколько это было там возможно, а прусский грант, с добытый его ментором Александром фон Гумбольдтом, на путешествие в Америку пришелся как нельзя кстати. Не мог же он не принять его! И конечно

же, Цецилия понимает, насколько это логично. Агассис утешил себя мыслью, что она не слишком много плакала…

Какой преданной она была, когда они только-только встретились! Он поехал погостить у своего однокашника Александра Брауна в его немецком доме на каникулы и познакомился с его сестрой Цецилией, великолепным образчиком арийской женственности. Влюбившись, она нарисовала его портрет, который он хранил до сих пор. (Неужели он когда-то выглядел так молодо?) Много лет спустя они поженились и зажили счастливо.

Но когда у них поселился Дезор, все разладилось. Цецилия считала бывшего правоведа тщеславным, неотесанным и безответственным. Он отпускал сомнительные шутки, смущавшие ее. Почти против логики и воли (может, этот недоучившийся студент наложил на него какие-то чары? — иногда недоумевал он) Агассис продолжал вступаться за Дезора, и пропасть между натуралистом и его женой все углублялась и углублялась.

Раздраженно отмахнувшись от этих мыслей, Агассис обернулся к Дезору.

— Да, Эдвард, в чем дело?

Дезор распушил поросль у себя на губе.

— Я только хотел напомнить вам, Луи, что вскоре приедет мой кузен Мориц. Вы же помните, мы говорили о том, чтобы нанять его.

— Как вы могли оплатить проезд вашего кузена, когда нам нужно вывезти сюда других, более компетентных людей? — взорвался Агассис. — Насколько я помню, вопрос о его найме мы оставили открытым. Что толкнуло вас на такой шаг?

Дезор не позаботился проявить приличествующего огорчения при виде гнева своего патрона.

— Я знал, что он будет здесь чрезвычайно полезен, и взял на себя смелость заручиться его услугами прежде, чем к ним прибегнет кто-то другой.

— Будьте добры, освежите мою память касательно его достоинств.

Теперь Дезору удалось принять вид несколько тревожный.

— Он молод, энергичен, готов ревностно стараться…

— Но каков его научный опыт?

— Он знаток анатомии жвачных.

— А именно?

Дезор заметно поежился.

— Как-то он неделю проработал на бойне. Агас-

сис воздел руки к небу.

— Невероятно! Но полагаю, раз корабль отплыл, мы не можем повернуть его обратно. Тем не менее если я получу сообщение о гибели Морица в море, то не стану горевать слишком долго. Ну, с Морицем мы разберемся, когда он приедет. Еще что-нибудь, Эдвард?

— Нет, — угрюмо ответил помощник.

— Прекрасно. Можете идти. Дезор, надувшись, удалился.

После еще некоторых указаний верным ассистентам Агассис завернул на кухню. Там он нашел Джейн.

Джейн Прайк была кухаркой и горничной — пухленькой английской девушкой с очаровательными веснушками. Когда она только пришла просить места и Агассис спросил, произносить ли ее фамилию «Прайк» или «Прэйк», она отпустила настолько пикантную шутку в рифму, что Агассис рассмеялся и тут же ее нанял.

Сейчас он тихонько подобрался к аппетитной мастерице на все руки сзади — стоя у плиты, она помешивала в кастрюле густую рыбную похлебку из особей, сочтенных неподходящими для препарирования и последующего хранения. Схватив ее под передником за талию (так, что она

взвизгнула), Агассис потерся носом о ее шею.

— У меня в спальне после ужина, — прошептал он.

Джейн захихикала и уронила поварешку в похлебку.

До конца дня Агассис то и дело ловил себя на том, что мысленно произносит покаянную молитву: «Прошу, Цецилия, прости меня».

Но ощущения вины оказалось недостаточно, чтобы совершенно испортить сношение в тот вечер.

После физиологической интерлюдии Агассис уснул.

Проснулся он в темноте от ощущения, что кто-то гладит его по лицу.

— Джейн… — пробормотал он, но осекся.

Руки у Джейн несколько огрубели от работы, но все-таки на ощупь были не такие…

Отпрянув от руки, Агассис нашарил на тумбочке патентованную фосфорную спичку Аллена. Чиркнув ею, он поглядел на край постели.

Мерзкая обезьянья харя уставилась на него в ответ.

Потом обезьяна улыбнулась и произнесла:

— Бонжур, мсье Агассис.

2
Sinus pudoris

Однажды Агассиса измучил кошмар. Во сне он вдруг обнаружил, что он — олень. Но вот Cervinae или Rangiferinae оставалось неясным. (Вообразите себе, великий Агассис, великолепный представитель Homo sapiens, и животное!..) Во сне он оказался в ловушке — копыто застряло в щели между камнями. А на него наползал ледник: огромное ледовое покрывало, щеткой вычистившее все Северное полушарие, геологические следы которого он, Агассис, гениально восстановил, обеспечив себе титул «Открыватель Ледникового периода». (И к черту Шарпентье, Шимпера и Форбса, отъявленных лгунов, посягающих на долю в его открытии!) И пока он силился высвободить копыто, движение льда ускорилось. Вот он уже несся со скоростью паровоза, десятки тонн голубоватого с пузырьками воздуха льда надвинулись на Агассиса, чтобы размазать по камням, подхватить его кости и упокоить их в какой-нибудь будущей морене…

Он проснулся в холодном поту, увидел мирно

спящую рядом Цецилию и с облегчением привлек ее к себе.

Чувство, которое теперь испытал Агассис, увидев перед собой омерзительно гримасничающую харю изъясняющейся по-французски обезьяны, во всех отношениях было сродни тому, какое он испытывал как угодившее в ловушку, обреченное животное. Его сковал страх; на лбу и на голой волосатой груди выступили капли пота, точно вонючее гнусное выделение жабы (скажем, Bufo marinus). Думать он мог лишь о том, что его вот-вот разорвут в клочья.

Догорающая спичка обожгла Агассису пальцы. Боль вырвала его из оцепенения. Едва комната вновь погрузилась во тьму, он скатился с кровати и на четвереньках пополз к двери.

Внезапно комнату вновь озарил свет — на сей раз аргандовой лампы, которая возникла в выходившем на море открытом окне.

— Эй! — окликнул державший лампу. — Это не дом доктора Агассиса?

При более ярком свете лампы Агассис еще раз увидел обезьяну, которая, несколько минут назад погладив его по щеке, поздоровалась столь неожиданно. Его изумление удвоилось, когда он распознал истинную природу незваного гостя.

Не обезьяна, а негр!

К тому же не укрощенный раб, а дикий африканец!

Негр довольно субтильного сложения был одет так: на плечах накидка из овчины (скрепленная спереди костяными пуговицами в кожаных петлях), далее — многослойная юбка из пальмовых волокон, унизанная разноцветными стеклянными бусинами. На руках и ногах звенят железные и медные браслеты, а еще раковины на кожаных шнурках. Непокрытые части тела как будто натерты смесью прогорклого животного жира и сажи.

И пока Агассис, застыв на четвереньках, в ужасе глядел на обезьянью морду незваного африканского гостя, вслед за державшей лампу рукой в окно просунулась объемистая нога в штанине и сапоге. Вторая рука вцепилась в подоконник. Затем последовало напряженное пыхтение, а потом возглас:

— Доннерветтер! Я бин застрять! Дотти, иди мне помогать!

Тут дикий арап повернулся и направился к окну. Агассис был поражен, увидев, что сзади юбка твари топорщилась на громадных ягодицах, столь колоссальных и непропорциональных, что

они превращали в литоту сам термин «непристойность».

— Минутку, Якоб, — сказало существо, и тембр его речи в сочетании с именем, на которое оно откликнулось, объяснили Агассису, что страшный эфиоп был женского пола!

У окна негритянка схватила своего спутника за запястья и потянула. Нога в сапоге, уже попавшая в комнату, нашла опору на паркете, за ней вскоре последовал ее владелец.

Большой, как медведь (например, Ursus horribilis [74] из описанных в путевых дневниках Льюиса и Кларка), мужчина явно европейского происхождения был облачен в грязную белую блузу и островерхую шапку, сшитую, как распознал Агассис, из меха дикого зверя. Благодушное, выдубленное солнцем лицо незнакомца украшали усы и бакенбарды, как у английского сочинителя Диккенса.

Поставив лампу на подоконник, мужчина поспешил к Агассису и, подхватив его под мышки, без малейших усилий поставил на ноги, не переставая извергать поток фраз на чудовищно исковерканном английском.

---

[74] Примечания: 74
Латинское название гризли.

— Майне глубошайшие извинения, доктор Агассис, что прервал фаш шон на такой необузданный манер, как ночной фор ja [75], но мы только что прибыли — майне шхуна, «Зи-Коэ», стоит на якоре прямо у фас под окном, — и нельзя терять ни минуты, если мы хотим найти дер украденный фетиш!

Агассис остолбенело уставился на безумца. Он рискнул отвести взгляд, дабы удостовериться, что негритянка — этот образчик антропологической гнусности, своим прикосновением осквернивший его лицо, — держится поодаль у окна на приемлемом, но все же чересчур близком расстоянии. Потом, обретя дар речи, произнес:

— Кто… кто вы? И что вам угодно?

Хлопнув себя полбу, незваный гость воскликнул:

— Что за глупая забыфшивость! Куша изфинений! Где майне манеры! Фаше имя штоль знаменито, а фаши обштоятельства мне штоль хорошо изфестны, что я фозомнил, будто и фы можете меня знать. Что ж, позвольте предштафиться. Майн имя есть Якоб Цезарь. Унд со мной — Дотти Баартман.

---

[75] Примечания: 75
да (нем.).

Доверительно наклонившись к Агассису, Якоб Цезарь добавил:

— У нее настоящее имя Нг! дату, но мне можно зфать ее Дотти.

Откликаясь на свое разрубленное щелчком имя, негритянка опять улыбнулась Агассису, от чего ее ужасный плоский нос противно сморщился.

Агассис не смог унять дрожь, вызванную отнюдь не теплым июньским ветерком. Стащив с кровати покрывало, он им обмотался. А затем снова повернулся к Якобу Цезарю.

Теперь он испытывал некоторое снисхождение к незваному гостю, которому хватило воспитанности, чтобы отдать должное его, Агассиса, славе.

— Ваша фамилия, сэр, мне ничего не сказала. И я все еще не понимаю, чем я могу быть вам полезен…

— Не сесть ли нам, и я фее объяшню. Может, тот графинчик с хересом, который я фижу на серфанте, шмочил бы майне горло…

Исполняя просьбу своего гостя, Агассис не спускал глаз с Дотти Баартман, которая сидела на корточках у стены, так что пальмовые волокна свесились у нее между ног, открывая уродливые

черные ляжки, и старался овладеть собой, чтобы выслушать историю ночного гостя.

Но оказался совершенно не готов к впечатлению от его первых слов.

— Я бин сын Хендрика Цезаря, und [76] Дотти дочь… Внезапно Агассиса осенило:

— Готтентотская Венера! — вскричал он. Якоб Церарь улыбнулся.

— Ах зо, фижу, Ефропа еще ее не забыла.

Да, разумеется, Европа в лице Луи Агассиса еще не забыла, хотя означенная женщина умерла, когда Агассису было всего восемь лет, в 1815-м.

В 1810 году некто по имени Хендрик Цезарь прибыл в Лондон и открыл балаган на Пиккадилли. Состоял он из одного экспоната, большой клетки, установленной на помосте, всего на несколько футов приподнятом над жадными зрителями.

Внутри сидела черная женщина.

Окрещенная в афишах «Готтентотской Венерой», она — до своей сценической карьеры — была простой южноафриканской служанкой Саартье Баартман.

Как все сородичи бушмены, она являла собой странную смесь человеческих и животных черт

---

[76] Примечания: 76
Здесь: а (нем.).

и быстро привлекла сотни зрителей, которым не терпелось поглазеть на неразвитую представительницу низшей ступени человечества.

Гогочущих мужчин и хихикающих женщин особенно поражала ее стеатопигия, огромные жировые отложения в ягодицах, которые заметил у ее дочери Агассис. Эта часть ее анатомии была обращена к публике sans [77] одежды, и ее дозволялось трогать и тыкать, хотя свой pudendum [78] Саартье целомудренно прятала под набедренной повязкой.

(Впрочем, среди зрителей имелись и такие, кто туманно утверждал, будто истинный гвоздь выставки лежит под этим набрюшным покровом…)

После чрезвычайно успешного турне по Англии Цезарь и его подопечная уехали во Францию, где их ждал равно восторженный прием как широкой публики, так и ученых.

Но пленница Цезаря — допрошенная однажды представителями Благотворительного общества, она на хорошем голландском подтвердила, что позволяет себя выставлять по доброй воле за половину прибыли, — скончалась от воспаления

---

[77] Примечания: 77
без (фр.).

[78] Примечания: 78
женские наружные половые органы (лат.).

легких в Париже 28 декабря 1815 года [79].

Отставив рюмку с хересом, Якоб Цезарь поведал Агассису ту часть истории Готтентотской Венеры, которая осталась неизвестна широкой публике.

— После смерти Саартье майн фатер, опечаленный и шелающий лишь фернуться в Кейптаун, передал останки швоей соотечестфенницы дер французскому наушному учрешдению по прошьбе натуралистов, которые надея-л ишь, что ш их помощью шумеют расрешить давний шпор в ештештфенной иштории. А именно шущештфование feminae sinus pudoris, или женшкой «вуаль стыда».

Агассис побледнел. Сама мысль о «вуали стыда» (десятилетиями он считал ее просто скабрезной байкой фольклора естествоиспытателей, какими обмениваются на ученых сборищах) была ему решительно отвратительна. Тем не менее, утешил он себя, как человеку разумному, ко всем подобным причудам Творца ему следует относиться невозмутимо.

Путешественники и прочие сомнительные личности давно распускали слухи, будто у женщин южноафриканского племени кои-сан есть

---

[79] Примечания: 79

Реальная Саартье Баартман (р. 1789 г.), привезенная в Европу английским корабельным врачом Уильямом Данлопом, умерла в 1816 г.

половая особенность, отсутствующая у их более высокоразвитых сестер из цивилизованных областей земного шара. Так называемая вуаль стыда якобы представляла собой лоскут кожи, свисающий с верхней части гениталий или с низу живота, как кожистый передник, прикрывая детородный орган.

Агассис стиснул зубы, готовясь выслушать рассуждения Цезаря об этой физиологической аберрации, но тот вновь его ошарашил совершенно неожиданным поворотом своей истории:

— Унд препарировал мать Дотти барон Кювье [80].

Жорж. Видит Бог, ему и теперь не хватает этого влиятельного человека! И через пятнадцать лет после своей смерти барон Кювье занимал в пантеоне Агассиса почетное место.

С сильнейшей ностальгией Агассис вспоминал, как честолюбивым двадцатидвухлетним юношей он посвятил свою первую книгу «Бразильские рыбы» знаменитому Кювье, с которым до того не был знаком. Этот вдохновенный гамбит привел к тесному общению и со временем

[80] Примечания: 80

Кювье Жорж (1769–1832) — выдающийся французский естествоиспытатель, известный своими трудами в области сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных.

— к ученичеству, а затем и к совместным публикациям с именитым натуралистом, что открыло Агассису путь к состоянию и славе. После преждевременной смерти Кювье от холеры Агассису посчастливилось найти замену своему ментору в прусском гении Александре фон Гумбольдте, и сегодня не оставлявшим его своим покровительством.

— Я и не знал, — сказал Агассис, — что Жорж интересовался Готтентотской Венерой, не говоря уже о том, что он препарировал ее труп. Почему он никогда не рассказывал мне про это?

— Ах, на то есть феская пришина. Фо-первых, когда вы пошнакомились, фее это уже было забыто, федь пятнадцать лет прошло. А фо-фторых, эта попытка обернулась для него большим разочарованием. Абер, позвольте, я продолжу ишторию известную и лишь потом раскрою ее тайную сторону. Фаш барон — ну как ищейка — сразу вфялся за срам Саартье. И обнарушдил, что tablier [81], как насыфали французы «вуаль», всего только самая обычная labia minora [82], фсего на три-четыре дюйма длиннее ефропейской нормы.

---

[81] Примечания: 81
передник (фр.).

[82] Примечания: 82
малая губа (лат.).

При мысли о целой расе, чьи женщины отмечены столь омерзительным уродством, Агассис не сдержал возгласа отвращения. Он покосился на готтентотскую самку, сидевшую всего в десяти футах, и испытал почти непреодолимое желание бежать. Лишь сверхъестественным усилием воли он заставил себя остаться в кресле.

— Тогда барон замаринофал орган Саартье, написал о нем штатью и занялся другими исследофаниями.

Агассис пришел в ужас.

— Вы утверждаете, что он поместил ее tablier в формальдегид?

Цезарь кивнул.

— Ja-ja. Und он сделал даже больше. Он сотфорил из него дер фетиш.

— Что-о?!

— Вы не ослышались. Ваш кумир, барон Жорж Кювье, был черным магом.

— Это возмутительнейший…

— Наин, дер достофсрный факт. У меня естьдоказательстфо, что Кьювье был дер мартинист! Письмо его собстфенной рукой!

В бытность его в Париже до Агассиса доходили слухи о мартинистах. В конце восемнадцатого столетия некто Мартин де Паскалли, проживав-

ший в Бордо, основал собственную масонскую ложу, назвав ее «Орден избранных жрецов». Поговаривали, хотя никто ничего доподлинно не знал, ведь орден не открывал своих тайн, в своих целях и ритуалах он соединил учения розенкрейцеров и аббата Гибура, сатани-ста при дворе Людовика ХГУ.

— Кювье хотел префратить дер tablier Саартье, — продолжал Цезарь, — в талисман необышайной силы, создать нофую Руку Славы [83]. Но у него нишего не фышло, то есть так он считал. И он подарил как экспонат Musee de l'Homme [84] унд забыл о нем. Кювье не знал, что до цели ему остафался один шаг. Ему не хфатало одного фажнейшего ингредиента, магического раштения из майне штраны.

Когда майн фатер вернулся в Кейптаун, он никому не рассказал, что случилось с останками Саартье. Даже мне, своему сыну, и дочери Саартье Дотти, которая осталась в нашей семье. Только полгода назад, на смертном одре, майн фатер

---

[83] Примечания: 83

Талисман из законсервированной с помощью ритуалов черной магии правой руки казненного убийцы, отрубленной, пока тело еще качается в петле; используется во всевозможном колдовстве, якобы позволяет грабителям проникать в здания.

[84] Примечания: 84

Музей человека (фр.).

решил облегчить душу и все фыложил. Я тут же сообщил его слова Дотти. К несчастью, о тайне прознал еще кое-кто.

Это был Т'гузери, колдун из племени Дотти.

Т'гузери тут же решил, что добудет дер tablier Саартье, зафершит его активацию унд использует в собственных целях.

Тогда я не обеспокоился. Как сможет бушмен добраться до Парижа и украсть что-то из музея? Но потом, месяц назад, я услышал от одного друга, голландского купца по имели Николас ван Рийн [85], который путешествует по всему швету, что оштанки Саартье украдены. Еще ему сказали, что дер вор бежал в Америку. Я понял, что этого Т'гузери необходимо оштановить. Поэтому я поднял якорь майне шхуна «Зи-Коэ» унд со всей фозможной поспешностью поплыл к фашим берегам.

У Агассиса отвисла челюсть. Никогда еще он не слышал столь нелепого оккультного вздора. Сознавая, что этот неуравновешенный субъект может быть опасен, если его спровоцировать, он решил ему подыграть, молясь про себя, чтобы кто-нибудь из домашних поскорей пришел ему на помощь.

---

[85] Примечания: 85

Персонаж цикла романов Пола Андерсона «Торгово-техническая лига».

— Но зачем, — надеясь кого-нибудь разбудить, громко вопросил Агассис, — этому Т'гузери ехать в Америку?

— Фопрос по делу, профессор. Дотти мне рассказала, что на этом континенте есть места, наделенные особой силой, и определенные ритуалы могут быть софершены только там. Вот вам еще причина, почему ваш Кювье потерпел неудачу. Унд одно такое мешто здесь, в этом самом штате.

Агассис не сводил глаз с двери. И где Дезор, когда он так нужен? Ему полагается всякий час быть под рукой…

— Предположим. Но почему вы пришли ко мне?

— Вы научный нашледник Кювье и несете отфетственность за его дела. Фаш моральный долг помочь исправить то, что он совершил. К тому же фы пользуетесь тут флиянием унд сможете ушкорить наши поиски.

Все еще отчаянно стараясь выиграть время, Агассис сказал:

— Полагаю, у вас была веская причина привезти с собой это существо. Возможно, ее животные качества помогут вам выследить ее примитивного родича? Умеют ли они вынюхивать друг друга

на расстоянии?

Повернувшись к готтентотке, Цезарь ласково ей улыбнулся. На ее лице отразилась равная нежность.

— Ну, конешно, и из-за этого тоже. Но я просто не мог с ней рашстаться надолго. Понимаете, Дотти — моя frau [86].

3
Китовый ус

Когда иглобрюха (Canthigaster valentini) вытаскивают из воды, его первая и инстинктивная реакция — набрать в себя достаточно воздуха, чтобы превратиться в поразительный колючий шар и тем отпугнуть возможного хищника. Окажись эта похвальба неубедительной и хищник попытается попробовать свою жертву, иглобрюх умрет если не счастливым, то хотя бы довольным, прекрасно зная, что смертельный тетродогоксин в его клетках сполна за него отомстит.

Доктор Луи Агассис, вырванный из тихих вод логичных предположений, что перед ним господин и рабыня, надулся и начал опрыскивать

---

[86] Примечания: 86
жена (нем.).

гнусную парочку победоносным ядом.

Он вскочил на ноги, непроизвольно выпустив — чтобы легче было бурно жестикулировать — прикрывавшее его наготу покрывало. Его обычно румяное лицо полиловело, приняв оттенок брюквы, а кровь в жилах на лбу стучала, как племенные барабаны, — Агассис разразился праведными порицаниями:

— Именем Господа и всего, что есть на свете святого, сэр, я, христианин по рождению и убеждению, воспитанный в добродетельной семье, клеймлю вас как презренного предателя своей расы! Как вы могли! Как вы могли так себя осквернить и унизить белую расу в глазах этой твари и ее дерзких сородичей, которые, нет сомнения, все как один бунтари! Предаваясь такому животному кровосмешению, потакая своей гнусной похоти, вы подвергли опасности не только собственную страну, но и четыре тысячи лет цивилизации, борьбы человечества, стремящегося подняться из грязи! Уходите! Оставьте этот дом, как вы в него пришли, под покровом тьмы, сокрывшей ваш гнусный и чудовищный позор!

Чуть только Агассис закончил свою жгучую филиппику, как за дверью его спальни послышались торопливые шаги. Наконец-то, избавители!

Citoyens, aux armes! [87]

Дверь распахнулась: за ней выстроились остальные обитатели этого ученого дома, вооруженные до зубов и готовые защищать своего предводителя. Пуртале потрясал верным альпенштоком, а Жирар держал наготове грозный микротом. Буркхардт размахивал сокрушительным мастихином, а Сонрель сжимал внушительную гравировальную иглу. Едва видимый за четверкой, скорчился Дезор, выглядывая из-за занесенных рук авангарда.

Подкрепление, однако, как будто не устрашило ни Цезаря, ни готтентотку Дотти, которая все так же сидела на корточках у окна. Могучий кейптаунец спокойно оглядел изготовившихся спасителей, потом перевел взгляд на Агассиса:

— Ну и шайка узколобых фарфаров…

Агассис снова набрал в грудь воздуха.

— Негодяй! Уходите по доброй воле, не то я прикажу моим людям силой вышвырнуть вас отсюда!

— Теперь фы мне совшем не нрафитесь, профессор Агассис, хотя прежде я бин против вас нихт предубежден. Тем не менее мне нужна

---

[87] Примечания: 87

«К оружию, граждане!» (фр.) — цитата из «Марсельезы», государственного гимна Франции.

фаша помощь, чтобы фернуть останки майне тещи, пока их не употребили во зло. Если вы не окажете ее по доброй фоле, мне придется добиться этого принуждением. Я знаю, что фы фтерлись в доверие к американским ученым и широкой публике, которые шчитают, будто фы само софершенство. Как фам понравится, если они узнают, что челофек, всему фас научифший, фаш на-стафник и покровитель, был дер оккультист? Предстафляю себе, как будут смаковать эту нофость бульварные газеты. Скажем, «Кембридж кроникл» одер «Христианский наблюдатель»? Und ученое сообщестфо…

Когда опасность минует, иглобрюху, чтобы вернуться к исходным размерам, требуется в среднем не менее пяти минут.

Агассис скукожился за тридцать секунд.

Упав в кресло, голый натуралист слабо махнул своим соратникам, велев опустить оружие. Они подчинились, заинтересованно оглядывая невероятную картину.

Услышав угрозу Цезаря, Агассис внутренним взором увидел, как рушатся все его продуманные планы, все мечты о славе и карьере в Новом Свете, подорванные безумным, но смертоносным обвинением, которое тот намерен предъявить. С

общественным мнением, этим всемогущим тираном, не шутят. Молниеносно Агассис сообразил, что у него нет иного выхода, кроме как сотрудничать с кейптаунцем — сколь бы отвратительным предательством белой расы ни был его выбор самки — и надеяться, что вскоре он уберется из его, Агассиса, жизни.

— Так и быть, — слабым голосом сказал натуралист. — Вы убедили меня в правоте своего дела, и я окажу вам посильную помощь. Но Бога ради, давайте отложим дальнейшее обсуждение до утра. Эдвард…

Увидев, что опасность как будто миновала, Дезор поспешно выступил вперед.

— Прошу вас, отведите мистера Цезаря и его… спутницу-туземку… в комнату для гостей.

— Слушаюсь, профессор.

Вскоре Агассис остался один и некоторое время спустя сумел вернуть себе тень присущей ему решительности.

Так или иначе нужно покончить с этим делом как можно скорее. А когда бур и его человекообразная уедут, он велит сжечь все простыни, полотенца и половики, к которым они прикасались, и, возможно, также несколько предметов обстановки — в зависимости от того, как именно

негритянка помечает территорию.

Наутро, после беспокойной полудремы, населенной неуловимыми, но определенно неприятными фантомами, Агассис присоединился к своим помощникам за общим столом. Обладая крепкой конституцией простолюдинки, Джейн проспала ночной переполох у себя в комнате, куда удалилась по совокуплении, и теперь порхала, как воробей (Spizella pusilla), расставляя перед признательными учеными блюда с маисовыми лепешками, яичницей и раками (Orconects limosus). Несколько обескураженная поначалу диким видом готтентотки Джейн быстро освоилась с ее присутствием, заметив, что «за столом она умеет себя вести получше этого дикаря мистера Олкота [88]".

За завтраком Агассис говорил мало, прикидывая, как отделаться от бура. А Цезарь тем временем потчевал собравшихся пламенными рассказами о своем бурном плавании на «Зи-Коэ» от мыса Доброй Надежды в Бостон, в котором вся его команда состояла из неутомимой готтентотки. К концу завтрака он очаровал всех до

[88] Примечания: 88

Олкот Амос (1799–1881) — американский педагог и писатель, пропагандировал нравственное самосовершенствование как средство разрешения социальных противоречий.

единого.

Когда его помощники ушли, чтобы взяться за свои повседневные труды, Агассис остался наедине с кейптаунцем и его черной самкой. Улыбнувшись Агассису, негритянка сказала:

— Вкусный завтрак.

Затем извлекла откуда-то из-под юбки небольшой нож с костяной рукоятью и принялась ковырять в зубах.

У Агассиса к горлу подступила тошнота. Поспешно встав, он удалился к креслу у камина, знаком предложив Цезарю следовать за ним.

— Нам следует обсудить наши планы, — начал Агассис.

— Ja-ja. Но снашала я должен рассказать фам еще про дфух человек, также играющих фажную роль в этом деле. Фчера ночью я не успел этого сделать из-за вашей нешдержанности.

Агассис нетерпеливо пожал плечами.

— Так говорите.

— Фы, наферное, слышали о Тадеуше Костюшко?

— Конечно. Польский патриот, сражавшийся на стороне американцев во время их революции. А при чем он тут?

— Унд вам известно, что у него есть сын? —

Нет.

— Яволь, сын у него есть. После провала вошта-ния 1794 года Тадеуш был вынужден покинуть Польшу и в своих скитаниях встречался со мно-гими националистами и революционерами. Он посетил оуэнитов [89] в Шотландии и Америке, карбонариев в Италии, фурьеристов во Франции [90] унд «Филике Геарiа» [91] в Греции. Но как дома он чувствовал себя у ирландских патриотов в Дублине унд с дочерью одного из них зачал сына, которого назвали Фергюсом.

— Фергюс Костюшко?

— Ja. Фы уверены, что никогда о нем не слыша-ли? Нет? Сейчас этому сыну тридцать лет, и он подвизается и в Ирландии, и в Польше. Он сра-жался в польских восстаниях и тысяча восемьсот тридцатого, и прошлого годов, а в последнее время пытался облегчить участь голодающих ирландцев, чей картофель гибнет от белой росы.

---

[89] Примечания: 89

коммуны последователей английского социалиста-утописта Роберта Оуэна (1771–1858).

[90] Примечания: 90

последователи французского социалиста-утописта Шарля Фурье (1772–1873).

[91] Примечания: 91

Тайное общество, возглавившее национально-освободительную борьбу против турецкого владычества.

Яволь, фее это побошные обстоятельства, фажното, что Костюшко-младший — приверженец польского мессианизма.

Агассис неохотно признался в своем полном неведении касательно этого движения.

— Польский мессианизм пропагандировал в основном поэт Адам Мицкевич, а еще философ Анджей Товьянский, живший изгнанником в Париже, пока в 1842 году французский архиепископ не выдворил его как шмутьяна. Они создали организацию под названием «Дер Форк [92] Божий», которая видит в Польше «Христа всех народов», чье предназначение — своими страданиями искупить грехи всего человечества. Дер догмат они подкрепили фсякими оккультными рассуждениями. Немудрено, ведь Товьянский учился у дер мартинист, дер художник Юзеф Олешкевич.

— Не понимаю, какое отношение к вашему украденному фетишу имеет весь этот польский фокус-покус?

— Яволь, фее просто. Костюшко прослышал о дер фетиш унд, догадавшись о его потенциальной силе, решил попытаться добыть его, надеясь использовать для освобождения сфоего народа.

---

[92] Примечания: 92
Труд (иск. голландск.).

Мне сказали, что сейчас он в Массачусетсе.

— Хорошо. Верится с трудом, но, полагаю, вам лучше знать, кто интересуется фетишем. И кто же второе лицо?

— Э-э, это Ганс Бопп!

— Немецкий филолог в Берлинском университете, сотрудничающий с братьями Гримм? Сущая нелепица! Я знаком с этим человеком: это мягкий и учтивый ученый…

— Так то Франц Бопп. А Ганс — его брат и жираф соф-сем другой масти! Ганс — беспощадный глава тайной полиции фашего прусского патрона Фридриха и людей убил больше, чем тиф и желтая лихорадка, фместе фзятые! Более того, он последний тевтонский рыцарь!

— Да будет вам! О них я слышал. И доподлинно знаю, что тевтонских рыцарей больше нет. Их орден прекратил свое существование в одна тысяча пятьсот двадцать пятом, когда Альберт Бранденбургский перешел на сторону Реформации. Хотя, кажется, какая-то ложа с таким названием существовала еще несколько десятилетий назад…

— Фот и фсем так кажется! Абер иштина в том, что не фее рыцари согласились с решением Альберта. Заклеймив его предателем, некоторые остались верны старым обетам, принятым еще во

времена крестовых походов, фот они-то и создали тайное ядро нового ордена. Они так и не оставили мысли отфоевать Пруссию, которая когда-то принадлежала им. Смерть унд разочарование унесли фсех, кроме одного — Ганса Боппа. И сейчас ему кажется, что он нашел ключ к тому, как обратить в реальность древние мешты, — и видит его в маринованном сраме Саартье.

Агассис тревожно оглянулся по сторонам, но Джейн в комнате не было.

— Прошу вас, сэр, следите за своими словами! Я понимаю, что ваша так называемая жена — из первобытного племени, но в моем доме есть и другая женщина, пусть она всего лишь прислуга.

Цезарь подмигнул.

— Правду сказать, женщины ф таких делах хуже мужчин. Абер мы отклонились от темы. Бопп сейчас тоже в Америке. Он убедил своего короля, что идет по следу Костюшко… Он действительно ненавидит фсех поляков за поражение, которое они нанесли рыцарям при Данненберге в тысяча четыреста десятом году, но на самом деле вознамерился заполучить дер талишман!

Голова у Агассиса пошла кругом.

— Позвольте, я подытожу ваш рассказ. Некоего готтентотского колдуна, владеющего магической

реликвией, которая должна быть активирована где-то на моей второй родине, преследуют польско-ирландский террорист и средневековый крестоносец. И всех их мы должны перехитрить, чтобы первыми завладеть реликвией.

— Фот именно!

Агассис прищурился на могучего бура.

— А как все это стало известно вам, ведь живете вы на краю света?

— Ах, профессор Агассис, я не дурень и, когда события начинают угрожать мне или моей стране, штараюсь узнать фее, что могу. Не думайте, будто я отрезан от информации только потому, что живу на краю Каффрарии [93]. Наш мир не так велик, как был когда-то. Ешли пароход способен за девятнадцать дней пересечь Атлантику, ешли земной шар расчертили тысячи миль рельсов, ешли самые темные уголки мира начинает освещать дуговая лампа науки, возглафляемой такими гениями, как фы, то… яволь, даже простой фермер вроде Якоба Цезаря сможет узнать, что ему нужно.

Агассис
надулся как индюк (Meleagrisgallopavo).

---

[93] Примечания: 93

Британская колония, основанная в 1848 г., в 1865-м присоединена к колонии Кейптаун.

— Верно, такие, как я, бесценны на ниве избавления мира от невежества… Знаете, вы кажетесь разумным человеком, Якоб. Не могли бы мы обсудить этичность расовой чистоты?… Вижу, что нет. Ну, быть может, придет день, и вы одумаетесь. Тем временем, полагаю, нам нужно заняться делами.

Повелительным криком (в своей обычной манере давать распоряжения) Агассис призвал из кухни Джейн. Та прибежала вся красная.

— Ей-богу, сэр, поговорили бы вы с мистером Дезором, пусть он придержит свой нечестивый язык! Что он мне такое рассказывал… знаю, это научные факты, но, сдается, девушке их слушать не пристало. Например, вам известно, что у среднего кита мужской член длиной в десять футов?

Цезарь подмигнул Агассису: «А, что я вам говорил?» Агассис же был раздосадован.

— Довольно пустой болтовни! Джейн, сегодня утром вы отложите обычные дела, поскольку у нас для вас наитруднейшее задание. Поглядите на это… это первобытное создание. Мне нужно, чтобы вы его помыли и одели так, чтобы с ним можно было показаться на улицах Бостона.

— Как прикажете, сэр. А человеческое имя у нее есть? Агассис от вопроса отмахнулся.

— Ба! Какое это имеет значение. Тут подал голос Цезарь:

— Конечно, у дамы есть имя. Ее зофут Дотти.

— Ах как мило. У меня есть кузина по имени Дотти, она осталась дома в Летчуорте. Ладно, помогите мне вскипятить воду, Дотти, а потом мы вытащим старый жестяной чан.

— Давайте пройдем в мой кабинет, Якоб, и оставим Джейн ее титаническим трудам. Мы должны обсудить наши планы и методы.

В кабинете Агассис открыл было рот, чтобы обрисовать, до какого предела бур может рассчитывать на его сотрудничество, но Цезарь его опередил:

— Почему фы так жестоки с майне фрау, Луи? Рашве фы не понимаете, что Дотти так же вошприимчива и чувствительна, как мы с вами? Она ведь неплохо знает английский, унд даже если не понимает каждое фаше слово, то все равно может почувствовать фаше отношение и обидеться. Наверное, знай фы ее историю полностью… Дотти родилась за год до того, как ее мать уехала в Европу, и девочку отдали на попечение тетушки. Эта женщина была майне кормилица…

Агассиса передернуло. Ему придется призвать на помощь всю выдержку, которая позволяла ему

учиться ночи напролет, пока его однокашники бражничали в мюнхенских пивных…

— Мне было тогда пять лет. Майн фатер уехал, мейне мутер умерла от укуса рогатой гадюки, унд я снова оказался на попечении старой кормилицы. А потому мы с Дотти росли вмеште, как родные брат и сестра.

Однажды, когда мне было десять, а Дотти пять, мы играли на берегу реки Бреед, и я соскользнул с отвесного глинистого берега в воду, прямо в стадо зи-коэ, у вас их называют гиппопотамами. Решив, что я нападаю на детенышей, самки подплыли ко мне и стали меня топить.

Унд когда я ушел с головой под воду уже в третий раз, что-то ткнуло мне в макушку. Я инстинктивно за это схватился.

Это была ветка, которую нагнула мне Дотти. Унд я смог выбраться из реки.

В то мгновение, когда она спасла мне жизнь, я понял, что женюсь на ней. Зо я и сделать.

Я дал ей наилучшее, какое смог, образование. Она говорит, читает и пишет по-голландски, по-французски и на своем родном языке. Всю дорогу сюда она упражнялась в английском и уже готова взяться за «Первую хрестоматию» Макгаффи. Иными словами, несмотря на сфою внешность,

которая фам, возможно, неприятна, она умная, сообразительная женщина и так же достойна фашего уважения, как фаша жена.

Упоминание Цецилии — точно укол в синяк — стало последней каплей. Сквозь стиснутые зубы Агассис процедил:

— Герр Цезарь, я бы посоветовал вам никогда больше не позволять себе вольностей с именем моей спутницы жизни, особенно в столь возмутительном сравнении. Достаточно того, что я терплю присутствие вашей дикой подруги в моем доме. Вам не следует требовать, чтобы я уравнял ее с теми, кого Творец создал по Своему истинному подобию!

Цезарь только развел руками.

— Ах зо! Череп у фас толще, чем у слона, а сердце жестче, чем алмазы майне страны! Больше я шпорить не стану, профессор Агассис. Абер помяните майне слова: настанет день, и фы раскаетесь в своем предубеждении.

Агассис одернул жилет, словно приглаживал перышки.

— Тем не менее мы будем сотрудничать на моих условиях или не будем сотрудничать вовсе.

— Как фам угодно.

— Прекрасно. Так вот, вы должны понять,

что мое время полностью распределено между научными исследованиями, которые я не могу оставить ради ваших вздорных поисков. Я исподволь наведу справки среди моих знакомых и корреспондентов и тех, с кем веду дела, касательно местонахождения этого мошенника Т'гузери и, может быть, даже сам проверю некоторые сведения, буде это совпадет с той или иной моей экспедицией за новыми образцами. Однако главным образом вы будете действовать самостоятельно, хотя я позволяю вам воспользоваться моим далеко не безвестным именем. Можете на меня ссылаться.

— Ах, профессор, какая честь!

— Пустяк. Далее, вы упомянули о некоем месте, которое обладает определенными уникальными свойствами, коии ваш колдун считает полезными для его ритуалов. Где это место? Очевидно, что, если мы его определим, вор быстро окажется у нас в руках.

— Ну, точно я не знаю. Здесь я надеялся на фашу помощь. Может, если я его фам опишу… Это одно из тех мест, где жизнь возникает спонтанно…

Агассис вскочил.

— Что вы сказали?! Вы в этом уверены?

— Ja, софершенно уферен.

В споре о происхождении жизни на Земле соотечественники Агассиса разделились на два лагеря. Одна группа считала, что жизнь таинственным образом зародилась одномоментно в некоей неизвестной колыбели и оттуда распространилась на весь земной шар. Эти доверчивые простаки, к числу которых принадлежали Аза Грей, Джозеф Хукер и Чарльз Лайл, также верили в некую туманную теорию, называемую «эволюция» (лучше всего объясненную в эпохальных трудах «Zoonomia» [94] Эразма Дарвина и «Systeme des animaux sans vertebres» [95], согласно которой существо одного вида будто бы может каким-то образом со временем превратиться в существо другого!

Агассис, однако, принадлежал к тем здравым умам, которые утверждали, что Творец создал все различные виды и расы раздельно, полностью сформированными и каждую в своей собственной стране. Что до «эволюции»… Ну, окаменелости ясно свидетельствуют, что одно существо не перетекает в другое, а все исчезнувшие

---

[94] Примечания: 94

«Зоономия», полное название «Зоономия, или Законы органической жизни» (лат.).

[95] Примечания: 95

«Система беспозвоночных животных» (фр.) Жана Ламарка.

виды вымерли в результате различных катастроф, а затем из тех же источников творения поднялись новые.

Теперь же из слов Цезаря следовало, что один из этих священных первичных источников — может быть, даже тот, из которого произошли краснокожий человек, опоссум (Didelphys virginiana) и маис (Zea mays), — находится в Массачусетсе!

Возбужденно расхаживая взад-вперед, Агассис говорил:

— Теперь, когда я в полной мере осознал значение ваших поисков, они приобрели для меня тем большую важность. Ведь если я мог бы неопровержимо установить этот американский Омфалос [96], мое имя прогремело бы в веках! — На лице у Цезаря отразилось отвращение, и Агассис тут же добавил: — О! И разумеется, я буду счастлив вернуть фетиш в Musee de l'Homme. Возможно, я несколько поспешил, ограничив мое участие в ваших трудах, Якоб. Да что там, я в этом уверен. Можете рассчитывать на мою всемерную помощь и поддержку. Вместе мы вмиг изловим этого знахаря.

— Излишняя уференность опасна, профессор.

---

[96] Примечания: 96
Средоточие (греч.).

Не забывайте, что у нас есть конкуренты.

— Sansculotte-экстремист [97] и свихнувшийся на мифах пруссак? Не смешите меня! Какие у них шансы против швейцарского гения науки?

— Ja, разве не так говорил Наполеон перед Фатерлоо…

— Полноте, давайте посмотрим, насколько Джейн преуспела в том, чтобы сделать вашу готтентотку приличной для цивилизованных глаз. Предлагаю хранить ваше истинное происхождение в тайне, дабы не предупредить Т'гузери, что по его следу идет соотечественник. Мы будем говорить, что вы латифундист из Голландской Гвианы, а Дотти — освобожденная рабыня. Этот город — истинный рассадник аболиционизма, и такое объяснение не может не вызвать симпатии.

На кухне Агассиса и Цезаря ожидало поразительное зрелище.

Национальный костюм Дотти сменился нарядом по последней американской моде. Курчавые волосы прикрывала шляпка, обрамлявшая ее угольно-черное лицо, как черное ведерко для угля. Дотти облачилась в юбку из коричневой

---

[97] Примечания: 97
санкюлот (фр.), букв.: голоштанник.

тафты, отделанную воланами из вышитой кисеи и натянутую на кринолин таких необъятных размеров, что он полностью скрыл пышность ягодиц, которой наделила ее природа. Довершали все высокие кожаные боты на шнуровке.

Возясь с последними мелочами, Джейн и Дотти перешептывались и хихикали. Заметив мужчин, они разразились взрывами смеха, который у Дотти прерывался странными щелчками.

— Будет вам, Джейн, — строго сказал Агассис. — Что тут смешного?

Этот выговор лишь вызвал новый припадок бурного веселья. Но наконец женщины успокоились настолько, что Джейн смогла выговорить:

— Ох, профессор, просто этот кринолин распялен на китовом усе!

— Но скажите же, что в китовом усе настолько забавного? И будьте добры, обойдитесь без вашего обычного зубоскальства!

Но этот неудачный выбор слов только пуще рассмешил женщин, и ответа так и не последовало.

4

Что принес почтальон

С тех самых пор, как в возрасте пятнадцати лет он изложил в дневнике ход своей будущей карьеры, Агассис никогда не знал неудач, во всяком случае, никогда в них не признавался. Бесспорно, некоторые события происходили не вполне удовлетворительно. Его брак, например. Но всегда находилась точка зрения, с которой можно было обнаружить частичный успех, превращавший безнадежное поражение в лучезарную победу. Никогда ему не приходилось признаваться в некомпетентности, вслух произносить три слова: «Я потерпел неудачу».

Теперь же, быть может, этот черный час настал. Как ни ненавистно ему было в этом признаваться, он столкнулся с областью, для которой как будто не обладал решительно никакими талантами.

И этой областью был сыск.

Он был совершенно убежден, что как только приложит свой мощный ум к проблеме исчезнувшего фетиша, так сразу сможет привести Цезаря к дьявольскому готтентотскому колдуну Т'гузери. В конце концов, разве сыск не бледное подобие науки? И там, и там вам предлагается набор разнородных и на первый взгляд не связанных

между собой фактов, для которых требуется вывести всеобъемлющее объяснение, а оно позволит предсказать или экстраполировать поведение объекта, будь то человек или атом. Нет сомнений, естествоиспытатель, прочитавший по бороздкам на скалах в долине Роны движение древних ледников, сумеет пойти по следам, которые оставит примитивная чернокожая обезьяна.

Тем не менее этого не случилось.

Прежде чем раскинуть сети подальше, Агассис указал, что сначала им следует исключить город как возможное убежище Т'гузери. Натуралист считал, что город как Ось Государства не может не привлечь колдуна, пусть это и не Космогонический Локус, где он в конце концов совершит свои некромантские ритуалы.

И потому два дня натуралист и Цезарь прочесывали извилистые, точно коровьи тропы, улицы Бостона. В этих поисках их сопровождала безмолвная, но пытливая и любознательная Дотти, чьи чернильно-обезьяньи черты поразительно контрастировали с западным нарядом и привлекали взгляды и свист пешеходов низших сословий.

Трио навело справки в различных слоях общества, выискивая любые сведения о полуголом

бушмене, носящем при себе замаринованную деталь женской анатомии.

Сперва они попытали счастья у знакомых Агассису матросов в порту, рассудив, что из Парижа Т'гузери должен был приплыть на корабле, торговом или ином. На всякий случай они заглянули даже на верфи Маккея неподалеку от дома Агассиса в Восточном Бостоне, где Дональд Маккей строил свои великолепные клипера, такие как «Летучее Облако» и «Повелитель морей», доминирующие в торговле между Калифорнией и Китаем. Но к кому бы они ни обращались, никто бушмена не видел.

Переехав на пароме из Восточного Бостона на Шомат, они сошли на Длинном причале с его замечательным кирпичным пакгаузом в две тысячи футов длиной и высотой в четыре этажа. Но даже там, где сохли рыбачьи сети и были пришвартованы десятки шхун, барков и шлюпов, среди которых гордо, точно павлины (Pavo cristatus) среди кур (Gallus gallus), покачивалась одинокая яхта из Ньюпорта, ничего не узнали.

Вынужденные предположить, что коварный чародей сошел на берег где-то в другом месте на Восточном побережье, они обошли все железнодорожные и почтовые станции, расспрашивая

носильщиков и кассиров, торговцев и бездомных бездельников. Они обошли улочки и закоулки от Косевей-стрит до Провиденс и Ворчестерского вокзала в Южной гавани. Тщетно.

— Что, если Т'гузери приехал по суше на судне, которое тянут лошади?

— На барже по каналу? Давайте проверим.

Но ни один из потных мужланов, ведущих лошадей, которые тянут плоскодонные семидесятифутовые баржи по Мидлсексскому каналу от реки Мерримак до Бостонской гавани, ничего не мог сказать о колдуне.

Три сыщика обследовали деревянные бараки Соуф-энда, набитые эмигрантами, — безрезультатно. Предположив, что Т'гузери, быть может, воспользовался своим малым ростом и выдает себя за ребенка, они посетили Городской приют для бездомных мальчиков и многие бесплатные школы. Среди учеников не было ни одного готтентота.

Они справились во всех тридцати «благотворительных, попечительных и милосердных обществах» города, но безуспешно.

Отчаявшись, они посетили бостонскую больницу для умалишенных в Сити-пойнт, исходя из того, что, может быть, Т'гузери поймали и

заключили туда. Хохот ее обитателей болезненно напомнил Агассису об ожидавшем его по вине Дезора в Бедлам-колледже фиаско. К сожалению, ни один из сумасшедших бушменом не был.

И тут они зашли в тупик.

— Мои рассуждения были безукоризненны. Я был абсолютно уверен, что негодяй затаится в городе, где его присутствие скорее всего останется незамеченным…

— Ах, мне бы шледовало пойти к кому-то, у кого ешть опыт в подобныхделах. Скажем, к писателю Эдгару По. Тот, кто способен создать першонажа, подобного Огюсту Дюпену, сумел бы решить такую проштую загадку.

— Не смешите меня! Этот журналистишка всего лишь пьяный мечтатель, взять только его болтовню о полой Земле и тому подобном. А его мораль омерзительна. Да его едва не вывезли из города, вываляв в дегте и перьях.

— И тем не менее…

Агассису осталось только использовать сеть своих корреспондентов, мужчин и женщин, любителей и профессионалов, кто, послушав его лекции, по зову сердца завербовался в великую и славную Армию Науки. От них ему ежедневно приходили посылки со всевозможными при-

родными диковинами, и эти посылки, иногда осклизлые и вонючие, иногда еще жужжащие, квакающие или шипящие, были источником многих тревог для Джейн, на которую была возложена обязанность принимать почту.

Под конец второго бесплодного дня Агассис написал одно и то же письмо каждому своему корреспонденту:

> *Уважаемый друг натурфилософии!*
>
> *Ваш смиренный профессор просит быть настороже, ибо вам может представиться случай увидеть поистине гага avis [98]! Мне сообщили, что в этих местах видели живых африканских туземцев вида готтентот, возможно, унесенных ветрами во время естественной океанской миграции и заброшенных на наши северные берега. Я вдвое увеличу обычную премию, если вы будете так любезны и пришлете мне достоверные сведения об этих экземплярах. Разумеется, если вам посчастливится поймать их, тем лучше, и вы можете рассчитывать на оплатув-*

---

[98] Примечания: 98

Букв.: редкая птица (лат.), перен. значение: диковина, чудак.

сех расходов по их скорейшей перевозке, а также возмещение за любой корм, который они могут потребить.

Ваш в таксономическом единстве,

Луи Агассис

В дверь кабинета неуклюже постучали. Это, вероятно, Джейн с вечерней почтой. Возможно, уже есть ответ от одного-двух корреспондентов, живущих поближе…

— Войдите.

Кто-то завозился с ручкой, потом дверь от пинка распахнулась и с грохотом ударилась о стену.

Вошла Джейн, шатаясь под тяжестью посылок, которые несла на вытянутых руках и которых было так много, что они совершенно ее скрыли. Она сделала несколько нетвердых шагов к бюро, но на полпути с пронзительным визгом уронила свой груз.

— Меня кто-то укусил!

Рухнув на диван, /Джейн разрыдалась. Поспешно закрыв дверь, Агассис сел с ней рядом.

— Ну же, ну же, милая, где болит? Покажите папе Агассу.

Джейн расстегнула высокий воротник блузы, потом еще несколько пуговиц намного ниже

ключицы.

— Вот. Поглядите, до чего покраснело!

— Кожа не повреждена, Джейн. Наверное, это был просто острый угол коробки. Вы вообще слишком впечатлительны, моя дорогая. Дайте, я поцелую, и все заживет…

Только Агассис склонил голову на пышную грудь Джейн, как дверь без предупреждения открылась. Агассис вскочил, а Джейн начала поспешно застегивать блузку.

Это был Дезор. Маслено осклабясь, немец попытался подкрутить кончик ничтожного уса. Преуспел он лишь в том, что вырвал несколько слабо держащихся волосков, которыми ему никак не следовало бы разбрасываться.

Усилием воли Агассис подавил ярость. Не пристало придавать этому вторжению чрезмерное значение.

— Эдвард, я предпочел бы, чтобы в будущем вы стучались. Что, если бы я был занят чем-то личным?

— Я думал, так оно и есть.

— Ничего подобного! Джейн просто принесла почту и решила дать отдых ногам. Так что занимает ваши мысли, если они у вас вообще есть?

— Прибыл мой кузен Мориц и хочет вам пред-

ставиться.

— Прибыл? Всего три дня назад вы мне сказали, что он отплыл. Что, произошла великая перемена, о которой мне — как это ни маловероятно — ничего не известно?

— Мне не хотелось, чтобы вы излишне тревожились за него, и поэтому я откладывал, не рассказывая вам, почти до самого его приезда.

— Хрм! Полагаю, вы желали поставить меня насколько возможно перед fait accompli [99]. Хорошо, скажите Морицу, что с разговором о приеме на место придется подождать до тех пор, пока у меня будет больше времени. А тем временем подыщите ему занятие, пусть отрабатывает свое содержание. Учитывая его квалификацию, вероятно, чистка конюшни подойдет ему больше всего.

— Вздор. Мориц — джентльмен. Я посажу его насаживать бабочек на булавки.

Прежде чем Агассис успел отменить это решение, Дезор исчез.

Агассис же бочком подобрался к Джейн, которая, встав с дивана, уже собралась уходить. Он потерся носом о ее волосы.

---

[99] Примечания: 99
свершившийся факт (фр.).

— Его слова о насаживании мне кое о чем напомнили…

— Господи помилуй! — хихикнула Джейн. — Не вгоняйте меня в краску, сэр! Подождите хотя бы до ночи…

После ухода Джейн Агассис подобрал с пола почту и начал открывать посылки. Послание от самого верного его английского корреспондента, некоего К. Каупертуэйта, которое обычно он открыл бы первым, сейчас было поспешно отложено в сторону.

К его изысканиям имела отношение только одна посылка. Имя отправителя показалось Агассису незнакомым: он не принадлежит к его обычным корреспондентам.

Господа, я слыхал, вы ищете своево беглого черномазого. У меня тут есть один, которого я сцапал, когда гаденыш пытался сбежать в Канаду. Может, это ваш. Шлю вам гостинчик, по которому вы авось его узнаете. Если это ваш, будьте добры приедьте и заберите его, поскольку скотина сама передвигаться не в состоянии. Только звонкая монета, никаких бумажек.

Ваш Осия Клей

Агассис открыл приложенную к неграмотному письму коробочку.

Внутри лежало отрезанное ухо чернокожего, кровь на нем запеклась, и к ней прилипло несколько курчавых волосков.

Потрясенный Агассис уронил коробку — ухо вывалилось и немым укором осталось лежать на ковре.

Господи всемогущий! Сколь заразно зверство, в которое рано или поздно впадают белые люди, принужденные жить бок о бок с чернокожими! Какой эпической трагедией оборачивается это смешение рас! Вся страна запятнана им и пребудет запятнана столько, сколько ей отпущено

существовать. Хвала Всевышнему, благодаря швейцарскому гражданству и научному подходу он, Агассис, тут чист и бел…

Каминными щипцами Агассис подобрал ухо и поместил его вместе с письмом и коробкой в недра франклиновой печки [100]. Даже в это время года ночь может выдаться прохладной, и небольшой огонь не вызовет ни у кого удивления.

Следующее письмо было от матери Агассиса.

Милый сын!

Вы знаете, что в недавнее время Цецилия хворала от многих тягот, не последняя из которых — ваше неизбежное отсутствие. Когда большую часть дня она стала проводить в постели, мы ожидали худшего. Теперь доктор Лойкхардт поставил диагноз, и с болью сообщаю вам, что это туберкулез.

Цецилия с детьми уезжают во Фрибур, так как доктор Лойкхардт считает, что

---

[100] Примечания: 100

Франклинова печка — провальное изобретение американского президента Бенджамена Франклина, спроектированная так, чтобы дым выходил снизу и печка давала больше тепла. В действительности, стоило от нее отвернуться, печка гасла. В конечном итоге сходная печь с выводом газов через трубу наружу была спроектирована Дэвидом Р. Риттенхаусом, и к 1790-м была уже широко распространена. Однако в обиходе она так и осталась «франклиновой».

перемена климата пойдет ей на пользу, а еще она очень тоскует по дому.

Цецилия и дети шлют вам сердечный привет. Жена просит вас не тревожиться, ведь это ей не поможет, а только послужит помехой в ваших трудах.

С глубочайшей любовью,

Мама

Письмо выскользнуло из безвольной руки Агассиса. Мысли и воспоминания, бессвязные упреки и оправдания закружились в его мятущемся мозгу, точно Apii melliferae [101] над клеверным полем.

Смятенные думы обуревали его, казалось, целую вечность, но тут дверь кабинета снова распахнулась.

Подобно северному ветру, влетел грозный капитан Дэн'л Стормфилд и принес с собой запах морской соли.

Поначалу Агассис едва мог сосредоточиться на словах моряка. Но наконец он поймал себя на том, что его снова заворожила, разогнав уныние, оживленная болтовня Стормфилд а.

---

[101] Примечания: 101
Пчелы (лат.).

— Как поживаете, перфессер? Можете называть меня бесхребетной медузой, но я так и не принес вам чудесную меч-рыбу, как обещал. Дело было так. Моя жена прознала про бедную тварь и прибрала ее к рукам. Понимаете, она уже год на меня наседала, чтобы я купил ей новомодную швейную машину Гоуэ, а я сопротивлялся, ведь она ох как дорого стоит. И стоило моей старушке прознать, что умеет меч-рыба, как она просто забрала ее, ну и что тут поделаешь? Поставила для тварьки в гостиной чан с водой и заставляет работать день и ночь, шить ей и ее товаркам платья по последней моде развеселого Парижа [102]. Несчастная рыбка едва-едва справляется с их заказами и, боюсь, скоро издохнет. Я постараюсь вам ее тогда принести, ведь дохлая рыба все ж лучше, чем ничего, я так скумекал. Но пока принес вам кое-что новенькое.

Запустив руку под засаленный свитер, Стормфилд извлек трупик птицы.

— Это обычный дрозд (Turdus migratorius). Зачем он мне?

Удовлетворенно пожевав черенок трубки, Стормфилд посоветовал:

---

[102] Примечания: 102

Тут, собственно говоря, намек на вызывающую неполиткорректность.

— А вы присмотритесь поближе, старина.

Агассис взял птицу. Перья у нее были на ощупь странные: скрипучие и чешуйчатые. Между пальцами имелись перепонки, а за ушными отверстиями топорщилось что-то вроде жабр.

— Угу, это самый что ни на есть морской дрозд! Я словил его сетью прямо посреди Марблхедской бухты. Не могу сказать, почему в ее водах всегда появляются странные твари. Будто выпрыгивают из ниоткуда… Агассис нашел несколько монет.

— Так и быть, куплю вашего «морского дрозда» для препарирования. Но если обнаружу, что это снова подделка, вас ждет суровый выговор.

— Да будет вам. Что эта птица настоящая рыба или как раз наоборот, так же верно, как то, что у Санта-Анны [103] деревянная нога.

Попробовав монеты на зуб, Стормфилд собрался было уходить, но вдруг остановился, явно встревоженный чем-то, что увидел в окно кабинета.

— Перфессер, сдается, горит иностранная шаланда, которую вы пришвартовали к вашей пристани.

— Что?!

---

[103] Примечания: 103

Санта-Анна Антонио Лопец (1794–1876) — генерал, президент, затем диктатор в Мексике; возглавил мексиканскую армию в войне против США за Техас.

Агассис подошел к окну. И верно, клубы синеватого дыма вырывались из каюты «Зи-Коэ», куда Цезарь и Дотти удалились, чтобы передохнуть и «немного подумать».

У выбежавшего из кабинета Агассиса, за которым по пятам следовал Стормфилд, хватило присутствия духа сорвать с крючка у задней двери парусиновое пожарное ведро.

Оказавшись на небольшой пристани, он зачерпнул морской воды и взбежал по широким сходням на шхуну бура.

— Держитесь, бравые матросы, помощь идет! — загремел Стормфилд. Протопав мимо Агассиса, рыбак плечом вышиб дверь, и натуралист, не глядя, плеснул водой в задымленную каюту.

Из которой вырвался вопль:

— Майн Готт, это што еще за ошкорбление?

Когда источник едкого дыма был устранен, а дверь распахнута, воздух в каюте очистился. Пару минут спустя Агассису открылась пасторальная картина.

Якоб Цезарь сидел в кресле-качалке, верная Дотти, как животное, свернулась калачиком у его ног. Оба держали трубки с длинным черенком, теперь погасшие.

— Неужели человек не может прошто поку-

рить со сфоей женой, не навлекая на себя второго Потопа?

— Мы думали, пожар… — Голос Агассиса пресекся.

— Не говорите ерунды. Мы только смаковали трубку-другую даки, чтобы успокоить нервы и взбодрить мозги.

— Таки?

— Наин, даки. Помните, в ту первую ночь я говорил, что Т'гузери использует особое растение, чтобы активировать дер фетиш? Ну так вот, это растение — дака, которая растет в майне стране. Т'гузери нужно дфа месяца вымачивать фетиш в настойке на даке, и лишь тогда он сможет произнести над ним заклинания. Вот откуда я знаю, что он еще не пустил его в ход. Абер время у нас уже почти вышло. По моим подсчетам, осталась всего неделя или около того.

— Но что именно представляет собой дака? У вас есть образец?

— Конечно, у меня еще полно осталось. Вот.

Агассис изучил предложенное ему растение и быстро его узнал.

— Да это же просто деканская конопля, cannabis sativa. Что в ней такого особенного?

— Э-э, дака в каждой стране сфоя, зависит от

почвы, дождей, солнца и так далее. Например, по пути сюда я остановился на Ямайке и нашел, что их канабис, который они называют ганжа, просто уникален. Но оживить дер фетиш можно только при помощи южноафриканской даки.

— Вы говорите, — подал голос капитан Стормфилд, — будто вот эта травка что-то вроде змеиной мази? Помогает от болезней?

— Будьте уверены! Хотите попробовать?

— Не откажусь. — Стормфилд начал щедро набивать трубку.

— А вы, Луи? У меня тут где-то есть запасная трубка. Но Агассис раздраженно отмахнулся.

— На сегодня у меня есть дела поважнее, чем рассиживаться и как краснокожий передавать по кругу трубку мира. Мне нужно навестить моего патрона Лоуэлла по личному делу. Надеюсь увидеть вас за ужином, где мы обсудим, что нам делать дальше.

— Ja, только-только мне пришло в голову коечто касательно местонахождения Т'гузери, как фы меня потушили. Сейчас попытаюсь это фостановить.

После нескольких внушительных пыхов капитан Стормфилд стал еще более оживленным и словоохотливым, чем обычно:

— Итак, дружище, откуда вы с вашей вороной хозяйкой имеете честь быть?

— Дер мыс Доброй Надежды.

— И пришли под парусом на этой шхуне совсем один?

— Ja-ja.

— Ну тогда это отличный переход. Скажите, а какому типу секстантов вы отдаете предпочтение?

— Ах, я пользуюсь старым английским «хэдли», который оставил мне майн фатер…

Агассис оставил двух моряков обсуждать тонкости мореходства. Переоблачившись в парадный сюртуки великолепный цилиндр, он отправился в дом своего состоятельного благодетеля Джона Эмори Лоуэлла.

Джон Эмори Лоуэлл принадлежал к американской элите, которая, пусть и не могла равняться с Ротшильдами, была весьма и весьма состоятельна. Лоуэлл, например, владел целым фабричным городом, носящим его имя. Вместе с четырнадцатью другими кланами Лоуэллы составляли Семьи. Эти теневые хозяева Бостона проживали

в фешенебельном Тонтэн-кресцент [104]. Семьи контролировали двадцать процентов производства хлопка во всей Америке, тридцать девять процентов страхового капитала в Массачусетсе и сорок процентов банковских ресурсов штата.

Однако, как все парвеню, они жаждали щегольнуть своей интеллектуальностью и «вкусом». Именно эту тягу к культурной валюте так искусно умел обратить себе на пользу Агассис.

Лоуэлл жил в квартале Бикон-хилл, откуда открывался отличный вид на здание Законодательного собрания, а точнее — на Парк-стрит, в изящном особняке, построенном для него известным архитектором Чарльзом Буллфинчем.

И к этому роскошному domicile [105] направил сейчас свои стопы Агассис.

Он шел по улицам города. Мимо новомодных особняков на Тремонт-стрит с эркерами на первых этажах, мимо старых кирпичных зданий, окрашенных во все оттенки оранжевого и красного, бледно-розового, даже темно-пурпурного,

---

[104] Примечания: 104

Фешенебельный район, спроектированный Буллфинчем: выстроенные двумя полукругами особняки в стиле классицизма должны были «обнимать» роскошный парк, но из-за нехватки средств был выстроен только один «полумесяц», отсюда — кресцент (транс, с англ.).

[105] Примечания: 105

жилище (фр.).

мимо домов в примитивном «стиле бостонского гранита». Он миновал деревянное готическое строение, в котором разместился магазин готового платья «Оук-хилл», затем бакалейную империю Бэтчердера и Снайдера и Бойлстонский рынок.

Несколько господ, по виду — скотопромышленники, приехавшие на ярмарку на Брайтонском рынке, сидели под тентом у дверей Биржевой кофейни, обсуждая тонкости кастрации бычков. Повсюду громыхали повозки, и коммерция процветающего города, перекрестия десятка железных дорог и такого же числа линий дилижансов бурлила так лихорадочно, словно от нее зависел весь свет.

Повсюду пестрели афиши, вербующие добровольцев на Мексиканскую войну, идущую вот уже второй год. (Дезертиров, как сообщал «Вечерний путник», было множество: некоторые солдаты, в недавнем прошлом иммигранты, просто переходили на сторону врага!)

Мужи Бостона!!!

Президент Польк призывает к оружию!

Сплотитесь вокруг доблестного ге-

нерала с львиным сердцем, вокруг генерала Тейлора!

Он поведет вас к славе и победе над гнусными латиносами!

Помогите отвоевать Техас для Соединенных Штатов!

Плата $7 в месяц!

По выходе в отставку — премия:

$24 и 160 акров земли на новых территориях!

(Наличие всех членов и крепкого здоровья для получения премии обязательны.)

(Земля может содержать индейцев.)

Наконец Агассис оказался перед резиденцией на Парк-стрит, где ему открыл дверь дворецкий. Пока он ждал в богато обставленной приемной, у него едва хватило времени полюбоваться безделушками, выставленными на серванте красного дерева в итальянском стиле, перелистнуть страницу-другую последнего выпуска «Иллюстрированного Глизона» [106]. И тут вошел Лоуэлл, плотный самоуверенный господин, одетый про-

---

[106] Примечания: 106

Полное название «Спутник гостиной в картинках Глизона»; еженедельная иллюстрированная газета, издававшаяся с 1851 г.

сто, но дорого.

— Профессор Агассис! Чертовски приятный сюрприз! Прошу прощения за задержку, я был занят с мэром Квинси. Мы с Квинси решили, что треклятому городу нужно еще земли! Слишком много акров простаивает под болотами и поймами, а ведь там сплошь никчемные рыбы, птицы да травки! Так не годится. Как только проложат трубы от озера Кочитутат, мы удвоим население города! Мы срыли Бикон-хилл и Пембертон-хилл, но и то гравия не хватило! Теперь очередь за Форт-хилл, потом засыпем Таун-коув. Ирландских работяг у нас для этого хватит, пусть потаскают! Но нельзя, чтобы сейчас об этом прознали чертовы фермеры, не то они задерут цены, поэтому обо всем, черт побери, молчок! Ах да, что я могу для вас сделать?

Агассис пустил в ход очаровательный акцент:

— Мистер Лоуэлл, вам известно, что ваш друг мистер Лоуренс собирается подарить Гарварду новый факультет?

— Конечно, конечно. И что с того?

— Я бы полагал, что поскольку вы мой патрон, в ваших интересах было бы помочь мне получить место профессора. Достанься оно какому-то неучу воде Роджерса или Холла, это не сделает чести

вашей проницательности, благодаря которой вы поддержали меня, яркого представителя европейской науки. Вы согласны?

— Ей-богу, вы правы! Место должно быть вашим. Что, черт побери, думает Лоуренс, даже рассматривая другие кандидатуры? Уж я на него нажму…

— Нет-нет, мистер Лоуэлл, не надо крутых мер. Нельзя, чтобы с этим назначением связывали хотя бы намек на нарушение приличий. Я прошу лишь устроить званый вечер, на котором я мог бы представиться мистеру Лоуренсу. Заверяю вас, я сумею его убедить, что я единственный достойный кандидат на это место.

— Договорились. Как насчет следующей пятницы? Завтра с самого утра разошлю приглашения. Мы позовем всех, кто хоть что-нибудь значит в этом проклятом городишке. Может, вы прочтете небольшую лекцию? Но развлекательную, будьте добры. В духе «основного инстинкта». Скажем, про обычаи спаривания у чертовых дикарей. Понимаете, к чему я?

Агассис поморщился. Просьба пришлась не в бровь, а в глаз.

— Я постараюсь развлекать не менее, чем просвещать, сэр.

— Молодчина, ей-богу! А теперь пойдем пропустим по чертовому стаканчику, чтобы скрепить уговор!

Несколько «чертовых стаканчиков» спустя Агассис нетвердым шагом отправился домой.

То, что желудок он опустошил через перила восточно-бостонского парома, не пробудило в нем желания спуститься к ужину.

Тем не менее он заставил себя сесть во главе стола. Не пристало главе ученого сообщества уклоняться от исполнения своего долга. К тому же он всегда побаивался бунта Дезора, если покажется, будто его хватка на вожжах правления слабеет.

Эта важная птица появилась в столовой уже после того, как остальные домашние, включая Цезаря, сели. (Агассис не потерпел присутствия за столом Дотти и изгнал ее к Джейн на кухню.) За Дезором вошел его кузен Мориц.

Мориц Дезор оказался пухлым коротышкой, одетым на манер Красавчика Бруммеля [107]. Едва кузен его представил, как Мориц плюхнулся на

---

[107] Примечания: 107

Джордж Брайан (Красавчик) Бруммель (1778–1840) — английский денди, введший в моду темное платье простого покроя с пышным жабо или шейным платком; его имя стало нарицательным для обозначения щеголей.

стул и тут же набросился на вареный картофель с петрушкой.

За все время ужина жевать Мориц перестал лишь однажды, когда взялся напыщенно разглагольствовать о последних интеллектуальных веяниях Парижа.

— Вы не читали Маркса, профессор? И еще называете себя образованным человеком! Это — гений! Вероятно, самый взрывоопасный мыслитель нашего времени. Я просто проглотил его «Misere de la philosophie» [108]. Сейчас он работает над еще более захватывающим трудом, и ему помогает соавтор Фридрих Энгельс. Полагаю, вы и о нем не слышали? Так я и думал. Они назвали его «Манифест Коммунистический партии». Когда он будет опубликован, придет конец власти богатства и привилегий, всех аристократов, наследственных или самозваных, а также их прихвостней вроде вас.

Агассис бухнул кулаком по столу так, что столовые приборы сплясали тарантеллу.

— Довольно, мистер Дезор! Я не заискиваю перед богачами, я человек науки, а это призвание более высокое, чем вы, кажется, способны себе

---

[108] Примечания: 108
«Нищета философии» (фр.).

представить. Если вам действительно претит то, как я зарабатываю на жизнь, не понимаю, почему вы столь вольно наедаетесь за моим столом.

— Любая собственность — кража, и брать у богатых — не преступление.

— Вздор! Вы вольны швыряться силлогизмами, как Фома Аквинский, но предупреждаю вас — и вас, Эдвард, тоже, — что, если вы хотите здесь остаться, прошу не дерзить и проявлять толику уважения к вашему хозяину.

Мориц пробормотал что-то, подозрительно похожее на «Apres moi, le deluge» [109], но Агассис это спустил. Вставая из-за стола, швейцарский ученый сказал:

— У меня был трудный день, я получил тревожные известия из дома и прошу извинить, если я лягу рано.

Выслушав сочувственные пожелания доброй ночи своих четырех помощников, Агассис вышел. В коридоре его нагнал Цезарь.

— Луи, я бин как будто понять, где может шкрыфаться Т'гузери…

— Прошу вас, Якоб, подождите с этим до утра.

— Ja-ja. И шпи крепко, и штреляй метко.

---

[109] Примечания: 109
«После меня хоть потоп» (фр.).

— Спасибо.

В середине ночи Агассис проснулся от странного, но приятного ощущения. После минутного раздумья он установил, что оно вызвано применением чьего-то ротового аппарата к его детородному органу.

Боязливо опустив руку вниз, он нащупал знакомую косу Джейн и расслабился.

Кончил он в высшей степени удовлетворительно, не помешало даже то, что перед его внутренним взором мелькнуло лицо Цецилии.

Когда Джейн уютно устроилась с ним рядом, Агассис решился спросить:

— Вы никогда раньше этого не делали, милая. Где вы научились…

И осекся.

Он сам заподозрил ответ.

Но не желал подтверждения своей догадке.

5
Липкая ситуация

С утренней почтой пришло только одно письмо, касающееся поисков колдуна. Ксожалению, оно было от Осии Клея.

Сударь!

Последние сутки я не получал от вас известий и потому принужден расчесть, что вам надобно еще доказательств, что этот раб ваший. Сим прилагаю от сегодняшнего дня в ответ на ваше последнее, которого я еще не получил, и прочее и прочее, новое доказательство его личности. Пусть этого достанет, чтобы скрепить нашу сделку, иначе несчастная скотина будет просто разрезана на части. Еще вы мне должны за объедки, которые я ему выплескиваю.

Ваш О.К.

Поглядев на невскрытую посылку, прибывшую вместе с письмом, Агассис содрогнулся. И письмо, и посылка вскоре последовали в печку за первым посланием. Он прикажет Джейн раскалить сегодня литой «молох» докрасна.

Еще в шлафроке, прихлебывая кофе из фарфоровой чашки, украшенной небесным карпом (Cyprinus carpio), ученый ожидал прихода Якоба Цезаря. Когда Агассис проснулся, кейптаунец и его человекообразная еще не вставали, и сама мысль о том, чтобы их потревожить, вызвала у

него отвращение.

Воплощенная в них гнусность все не давала Агассису покоя. Ему ежеминутно приходилось напоминать себе, что Цезарь — необходимая ступенька к всемирной славе, которая ожидает его, Агассиса, как открывателя источника Творения, Космогонического Локуса. Когда они поймают Т'гузери, Цезарь понадобится, чтобы допросить колдуна на его родном языке кои-сан. Но едва они выжмут из бушмена нужные сведения, бур и его макака будут изгнаны с отборной бранью, не говоря уже о вполне заслуженной порке от руки, скажем, Пуртале, малого во всех отношениях дюжего.

В надежде хоть немного продвинуться в работе над какой-нибудь начатой монографией Агассис сел за заваленное бумагами бюро.

Поверх одной стопки (куда, без сомнения, его положила, прибираясь, Джейн) лежало письмо матери о Цецилии.

Что делать с отныне непригодной женой? Чем, в сущности, он ей обязан? Бедная глупенькая любящая Цецилия…

Она так и не стала подспорьем в его карьере, о котором ему мечталось. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы вернуться в Европу

и ухаживать за ней. В Европе достаточно знающих врачей. Он пошлет еще денег. Решено. Банковский чек еще на несколько сотен долларов облегчит ее затворничество, а заодно и жизнь всей семье. Мучительно отрывать хотя бы какие-то деньги от научных проектов, но он немедленно обратится к своему банкиру. Раздался стук.

— Войдите.

В кабинет вошел Якоб Цезарь, облаченный в одолженный у Пуртале сюртук (грязное с дороги платье, в котором он приплыл сюда через Атлантический океан, было сочтено позорящим дом ученого). Агассис с удовлетворением отметил, что бур явился без готтентотки. Может, он все же учится хорошим манерам…

— Зо, теперь фы готовы выслушать майне догадку о том, где, на наш с Дотти фсгляд, пряшется Т'гузери?

— Да, сегодня мне легче сосредоточиться. Вчера был ужасный день. Трудно вообразить, что сегодня может быть хуже. Итак, к какому заключению вы пришли?

Цезарь гордо погладил кустистые бакенбарды и лишь потом объявил:

— Т'гузери пряшется на «подпольной железной

дороге» [110]!

Агассис вскочил на ноги.

— Ну конечно! Где еще логичнее «залечь» негру? Без сомнения, наш колдун убедил недалеких аболиционистов его спрятать. Я всегда говорил: нетрудно провести тех, кто блуждает в потемках. Это же просто замечательно. Теперь он почти у нас в руках. Нам остается только пойти на ближайший перевалочный пункт «подпольной железной дороги», разоблачить обман Т'гузери и потребовать, чтобы его передали нам. Проще простого.

Цезарь выждал, пока Агассис закончит, а потом спросил:

— Und фы знаете, где блишайший перефалочный пункт?

— Ну, нет, не совсем…

— Так я и думал. Und к кому же нам тогда обратиться?

— Кажется, квакеры выступают против рабства. Может, мы могли бы найти члена этой секты и спросить у него?

— Это фее рафно что попросить перфого фстрешного лондонца предштавить фас королеве

---

[110] Примечания: 110

система переброски беглых рабов-негров из южных штатов в северные (в XIX в.).

Фиктории! Nein, у нас с Дотти как раз ешть на примете подходящий челофек.

— И кто бы это мог быть?

— Уильям Ллойд Гаррисон [111], ишдатель «Осфободителя».

— Я о нем слышал. Отъявленный смутьян. Насколько мне известно, несколько лет назад его атаковала посреди улицы толпа горожан, возмущенных его пламенным краснобайством в пользу эмансипации. Я предпочел бы иметь дело с человеком более разумным, но полагаю, любой, кто связан с «подпольной железной дорогой», сразу выпадает из этой категории. Ну, идем его искать?

— Ja, вот только захвачу Дотти.

— Да будет вам, Якоб, так ли уж необходимо ее присутствие? Пусть Гаррисон ревностный аболиционист, но это еще не значит, что он забыл, что остается белым. Сомневаюсь, что он станет беседовать с негритянкой. Человек, знаете ли, может разделять частную жизнь и публичные выступления.

— Nein, нам нужно взять с собой Дотти.

Агассис воздел руки к потолку.

---

[111] Примечания: 111

Американский прогрессивный общественный деятель и поэт, аболиционист.

— Не буду с вами спорить. Но если вы настаиваете, чтобы она пошла с нами, пусть хотя бы подождет за дверью конторы Гаррисона, пока мы не уясним себе его настроения.

— Яволь.

Вскоре все трое уже переправились на пароме к причалам Брод-стрит. Гавань, как обычно, бурлила, казалась движущимся лесом мачт. На полпути их едва не потопил колесный пароход под названием «Дженни Линд».

— Мы с Дотти однажды слушали в Йоганнесбургской опере, как поет Шведский соловей. Какой голос!

— Вы взяли туземку в оперу? Какое расточительство! Как может она оценить столь возвышенные переживания?

— Это фы недооценифаете майне фрау. Und кроме того, разфе музыка не фсеобший язык?

— Не для животных.

Цезарь на мгновение умолк. Потом с искренней жалостью сказал:

— Придет день, и эти фаши наштроения принесут фам много горя, Луи. Я ясно это фишу.

Агассис промолчал.

По Брод-стрит они дошли до Конгресс, свернули налево по Чэннинг и вскоре вышли на Девон-

шир-стрит. В следующем квартале они нашли здание, в котором помещалась редакция подстрекательской газеты «Освободитель».

На четвертом этаже они остановились у двери, на которой карандашом было написано название листка.

— Так вот, помните, что я говорил. Дотти должна ждать снаружи, предпочтительно на протяжении всей беседы, иначе мы рискуем оскорбить Гаррисона.

— Да ладно, ладно, входите же.

Поскольку это было публичное заведение, Агассис не соизволил постучать.

Все владения «Освободителя» состояли из одной заваленной книгами и бумагами тесной комнаты. Один ее угол занимал погребенный под всевозможными памфлетами и листовками стол. У стола сидел белый мужчина, по всей видимости, сам Гаррисон. На коленях у него сидел черный мужчина и обнимал белого.

Даже предстань перед ним Медуза со своими сестрами, и тогда Агассис не был бы парализован больше. Его мозг просто отказался работать, точно забастовавшие работницы из «Ассоциации реформ женского труда» на заводах Лоуэлла.

Гаррисона и его партнера как будто совсем не

смутило, что их застали в столь компрометирующей позе.

— Добро пожаловать в штаб-квартиру нового мира и братства всего человечества, джентльмены, — сказал Гаррисон. — Чем можем быть вам полезны?

— Майн имя Якоб Цезарь, und это профессор Луи Агассис.

— Рад с вами познакомиться. Позвольте представить вам моего лучшего автора и ближайшего друга, мистера Фредерика Дугласа.

Черный мужчина с достоинством слез с колен белого и, протянув руку, сделал несколько шагов вперед.

Оцепенение Агассиса как рукой сняло. Расширив глаза, он непроизвольно попятился и отступал, пока не уперся в стену. Но и там его ноги продолжали тщетно шаркать.

Пожав протянутую руку, Цезарь отвлек Дугласа на себя.

— Фы долшны исфинить майн друга. В пошледнее фремя на его толю фыпало мношестфо неприятных хлопот, и он есть несколько не ф себе. Поввольте мне говорить от имени нас обоих. Мы пришли узнать, как найти перефалочный пункт «подпольной железной дороги».

Взгляд Гаррисона мгновенно стал жестче.

— Зачем?

Цезарь вкратце изложил суть их поисков. Выслушав, Гаррисон вместе со стулом повернулся к Дугласу:

— Что скажешь, Фредерик?

— Крайне неубедительно. Я склонен думать, что эти двое — охотники за беглыми рабами и пришли утащить наших братьев и сестер назад за линию Мейсона-Диксона [112].

— Согласен. Ваши очевидные ухищрения — оскорбление нашему интеллекту, джентльмены. Передайте своим хозяевам, иуды, что вы потерпели поражение, а им недолго еще радоваться своему гнусному царству крови, пота и слез. Вскоре настанет их черед отведать кнута!

— Наин, шестно, мы не есть…

— Возможно, я могла бы просить вас помочь?

В дверях стояла Дотти. Появление этого нового действующего лица как будто заинтересовало Гаррисона.

— И кто же вы будете, юная леди?

— Нг! дату Баартман, сэр.

---

[112] Примечания: 112

Изначально граница между штатами Пенсильвания и Мэриленд; в период, предшествовавший Гражданской войне, так обычно называли границу между Севером и Югом.

Гаррисон вскочил.

— Не та ли Нг! дату Баартман из Кейптауна, чьи на редкость проницательные письма я все эти годы пускаю в печать сразу по получении?

Дотти скромно потупилась.

— Та самая.

— Какая честь! Почему же вы не сказали, что знакомы с мисс Баартман? — спросил он Цезаря. — Это в корне меняет дело. Разумеется, если мисс Баартман говорит, что вам нужно связаться с «железной дорогой», я без раздумий расскажу вам.

— Нужно, сэр.

— Большего мне и не требуется. Бостонским перевалочным пунктом руководит Жозефина Сен-Пьер-Руффин [113] со своего семейного предприятия «Мелассовая фабрика Руффина» в Норт-Энд. Знаете, где это?

— Найдем.

— Превосходно! Желаю удачи в поисках вашего дьявольского некроманта. Прощайте. И мисс Баартман… прошу, присылайте нам свои письма. Вы вдохновляете всех нас.

— И делаете честь нашей расе, — добавил

---

[113] Примечания: 113

Сен-Пьер-Руффин Жозефина (1842–1924) — аболиционистка и суфражистка, издательница первого американского женского журнала.

Дуглас.

— Без ваших трудов дело не сдвинулось бы с мертвой точки.

Забрав еще не оправившегося от потрясения Агассиса, Цезарь повел его вниз. Свежий воздух как будто несколько оживил натуралиста.

— Я же шказал, что нам понатобится Дотти, Луи.

— Никогда… Мне и в голову бы не пришло, что когда-нибудь доведется увидеть такое! Да ведь по сравнению с этим ваши отношения кажутся совершенно естественными!

— Фее отношительно, Луи. Это урок, который препотает нам шизнь.

— Возможно. Но я тоже учитель, я никогда не применял розгу так жестоко.

— Может, у фас никогда не было штоль тупого ученика. — Пфф!

Агассис и его спутники пересекли весь город и вскоре оказались в Норт-Энде — лабиринте запруженных людьми улочек, некогда привилегированных, а ныне населенных средиземноморскими, семитскими и иберийскими иммигрантами.

— Какой позор, — сказал Агассис, — что эти

родовые переулки Ривера [114] и Франклина ныне отданы на поругание низшим расам.

— Фсем нушно где-то шить. Und федь именно они штроят ваш город.

— Но они хотя бы могли проявить толику порядочности и жить как цивилизованные люди. Только поглядите на эту выставленную напоказ прачечную. Мерзость!

Агассис жестом указал на множество веревок с сушащимся исподним, натянутых поперек узких улочек чуть выше голов прохожих.

— Обходишься тем, что имеешь.

— Если следовать вашей философии, вместо одежды мы бы все еще мазались сажей и животным жиром, — сказал Агассис, подчеркнуто покосившись на Дотти.

— Фаш ефропейский сюртух, профессор Агассис, и дня бы в буше не протянул.

— Я не намереваюсь поселиться на ваших пустошах. Чем скорее западная цивилизация возьмет подобные места под свое крыло, тем лучше для всего мира.

По немощеной Салем-стрит, в начале которой

---

[114] Примечания: 114

Ривер Пол (1734–1818) — незначительная фигура в истории Войны за Независимость, увековеченная в поэме Лонгфелло «Скачка Пола Ривера».

высилась Старая Северная церковь, они поднимались в раздраженном молчании.

Салем незаметно перешла в Халл-стрит, и эта улица тоже шла вверх.

На вершине холма они остановились у ворот кладбища Коппс-хилл, давая Агассису перевести дух. Швейцарский горец мысленно корил себя: он становится слишком тучен. Где тот юный козел, скакавший по ледниковым расселинам?

Теперь они находились в самой высокой точке Норт-Энда. Отсюда открывался прекрасный вид на Чарльстон, связанный с Норт-Эндом самым длинным мостом Америки. Там вздымался недавно воздвигнутый памятник Бункер-хилл: 6600 тонн камня гордо вздыбились ввысь могучим стволом, свидетельствующим о потенции нации.

— Я рада, что увидела это кладбище, — сказала Дотти. — Здесь похоронен Принс Холл [115], черный солдат Революции.

Агассис снова фыркнул.

— Я предпочитаю надгробие Коттона Матера

---

[115] Примечания: 115

Холл Принс (1748–1807) — аболиционист; участник Войны за Независимость; считается отцом черного масонства в США, поскольку добился принятия негров в масонские ложи.

[116]. Это был замечательный ученый.

— Смотрите, — сказал Цезарь, — а вот и фабрика Руффинов.

На другой стороне улицы стояло внушительное деревянное строение в несколько этажей, вывеска паточно-золотыми буквами гласила:

МЕЛАССОВАЯ ФАБРИКА РУФФИНА.

— Давайте представимся, сошлемся на Гаррисона и потребуем выдать мерзавца, которого они укрывают по ошибке. Если они откажутся, мы просто пригрозим донести о их противозаконной деятельности властям.

В воротах огромного склада имелась дверка. Агассис подергал за ручку — заперто. Он стал бить в дверь кулаком.

Тут узкая ставенка, прикрывавшая окошко, рывком отодвинулась. В отверстии показались бледный веснушчатый лоб и пара фанатичных голубых глаз.

— Уходите! Мы закрыты! Ставенка задвинулась.

Агассис задумчиво подергал бакенбарду.

— Похоже, тут что-то неладно. Сомневаюсь, что этот хриплый голос принадлежит Жозефине

---

[116] Примечания: 116

Священник, один из обвинителей на Салемском процессе ведьм (1692).

Руффин. Нужно изыскать способ войти.

— Ja-ja. Мы с Дотти обойдем фабрику с этой стороны, а фы — с той.

Агассис неохотно свернул в узкий замусоренный проулок. Ему померещилось, нет, он был убежден, что из черной тени на него уставились красные глазки чумных крыс (Ratti norvegici). Жаль, что он не сообразил одолжить у Пуртале альпеншток, у него такой острый наконечник…

Что там у него над головой? Окошко? Действительно, окошко. Так-так… Если встать на эти выброшенные ящики…

Окно было не заперто. Открыв его, Агассис осторожно просунул голову внутрь. Помещение было темным, поэтому он мало что разглядел, но казалось пустым. Он подтянулся и на мгновение повис: половина туловища внутри, половина снаружи. Затем с усилием протиснулся в окно и шумно, без достоинства плюхнулся на пол.

Встав на четвереньки, Агассис поднял голову.

Дуло наставленного на него пистолета диаметром походило на хобот индийского слона (Elephas maximus). Или так показалось Агассису.

— Вставайте, — сказала смутная фигура, держащая оружие, — и идите вперед.

Ученый повиновался.

Из темной кладовки, куда он упал, Агассис и захвативший его незнакомец вышли в огромное помещение, свет в которое проникал сквозь окна под крышей. Посередине возвышались несколько бробдингнегских [117] деревянных чанов, к их верхним краям вели соединенные канатными мостами веревочные лестницы. В одной стене находилась передняя дверь, в которую он недавно стучал.

Агассис медленно повернулся.

Вооруженный незнакомец был одет во все черное: от широкополой черной шляпы и черного плаща до черных панталон и черных сапог. Ярким контрастом к черному выступало бледное лицо, обрамленное длинными рыжими кудрями. Буйные огненные усы наполовину скрывали узкие губы.

— Кто вы такой, сэр? — спросил Агассис. Запрокинув голову, мужчина разразился бурным и безумным смехом.

— Имя мне Анархос! Но мир знает меня как Фергюса Костюшко.

Агассис уставился на него во все глаза. Так вот он, знаменитый ирландско-польский революци-

---

[117] Примечания: 117

Бробдингнег — название вымышленной страны великанов в «Путешествии Гулливера» Дж. Свифта.

онер, о котором предостерегал его Цезарь. И он, Агассис, в его власти. Ученый расправил плечи. Он покажет этому байроническому бакунинцу, что хорошие манеры всегда возьмут верх над богемой.

— Что вы сделали с хозяевами фабрики?

— Только то, чего заслуживают все капиталистические свиньи. Я их связал, выпорол и запер в их собственной конторе наверху. Вы против?

— Не мелите чепухи. Разумеется, я против подобного бесчеловечного обращения даже с аболиционистами…

— Аболиционистами? — подозрительно прищурился Костюшко. — Откуда вы знаете, что они таких взглядов?

— Ну, я… то есть…

— Вы ищете фетиш! Признавайтесь!

Агассис не видел смысла дольше изображать неведение.

— Да, ищу. Но во имя науки, а не ради личной выгоды.

— Ага! Выходит, мы родственные души. Понимаете, личная выгода меня тоже не интересует. Фетиш мне нужен во имя хаоса!

— Я не понимаю…

— Вот-вот, и Руффины тоже не поняли. Сперва

я взывал к ним как к соратникам в войне против несправедливости. Но их преданность движению омрачена, они слишком держатся за общественный порядок. Когда я раскрыл им свои намерения, они отказались поделиться со мной сведениями о готтентоте. Да, не смотрите так удивленно, его здесь нет. Я досконально все здесь обыскал и могу вас в этом заверить. Но не бойтесь, я его настигну и отниму фетиш, это всего лишь вопрос времени. А тогда я буду в силах совершить то, о чем давно мечтал: уничтожить власти повсюду и освободить человечество от цепей порядка!

— Вы… вы сумасшедший! — вырвалось у Агассиса. Костюшко как будто нисколько не оскорбился.

— Возможно. Но чистота моего безумия придает мне сил. И вы тоже были бы безумны, если бы увидели то, что видел я.

— Сомневаюсь.

Костюшко прищурился.

— А вы знаете, сэр, как я прибыл в это полушарие? Нет? Тогда позвольте я вам расскажу. «Плавучее корыто» — ибо так называют подобные суда те, кто сведущ в мореходстве, — под названием «Урания» отплыло из Корка в графстве Марч. На нем были сотни моих соотечественников,

бежавших от Картофельного голода. Нас загнали в вонючие трюмы — мужчин, женщин и детей вместе, не подумав о простейших приличиях. И с нами был еще один нежданный пассажир. Тиф!

Плавание было нескорым и заняло семь недель. К тому времени, когда корабль вошел в канадские воды, половина пассажиров были при смерти или уже мертвы. Мне никогда не забыть того, что я видел и слышал там. Хрипы отчаявшихся, стенания детей, бред горячечных, крики и стоны бьющихся в смертных муках!

Нас послали в карантин на Гроссе-Айленд. Бессердечный экипаж не мог дождаться, когда избавится от нас. Они выбросили нас на песчаный берег, и у многих не было сил выползти из ила, в котором они лежали и в котором в конце концов — помилуй Господи их души! — испустили дух.

Нас ждали только хижины, которые нельзя было обогреть, и еды не хватало. Разумеется, ни один врач к нам не приехал. Каждый день нам говорили, что карантин вот-вот снимут. Каждый день мы сбрасывали все новые тела в общие могилы! Каждый день все новые корабли приходили из Европы и привозили исполненных надежд беженцев в Страну Возможностей!

Когда наконец я бежал, пятьсот наших уже

погибли.

Вот каково было мое первое знакомство с бравым Новым Светом! Я прибыл в трюме как черный раб, ошметки невинности сгорели в горниле страданий, но моя вера в вооруженное сопротивление возросла тысячекратно!

Однако мне не следовало тешить себя надеждами. Повсюду в моих странствиях я видел, как мучают простого человека, давят точно муравья под своей пятой правители! Возьмите родину моего отца, Польшу. Она поделена между пруссаками, Иванами и австрияками; ее талантливейшие сыны и дочери рассеяны по всему свету, ее вольные землепашцы превращены в крепостных! О, как она страдает, моя отчизна! Но ее страдания искупят весь мир!

Только не подумайте, будто мое сердце болит лишь за страны моих отца и матери. Отнюдь нет! Я един с борцами за справедливость повсюду.

Я душой был в Париже, когда отправили на гильотину Людовика, — тогда я стоял рядом с Маратом и Робеспьером! Я сражался бок о бок с Туссеном-Лувертюром, когда он освобождал Гаити! Я был с заговорщиками Като-стрит, когда лондонская полиция вломилась и перебила всех

[118]! Я воюю бок о бок с Симоном Боливаром и Бернардо О'Хиггинсом [119] в Южной Америке!

И хотя телом я никогда прежде не стоял на земле Америки, моя пылкая душа была здесь!

Я подбил на бунт рабов Денмарка Виси и Нэта Тернера! Я умирал с индейцами у Подковного поворота! С антирентнерами я въехал в Гудзонскую долину и вешал землевладельцев! Вместе с Томасом Дорром я взялся за оружие на Род-Айленде против армии штата, пришедшей лишить нас права голосовать! Я стоял на баррикадах во время всеобщей забастовки в Филадельфии и банковских беспорядков в Балтиморе! Своими листовками я поднял «Портных-подмастерьев» в Нью-Йорке [120]. Слушайте, что я написал:

«Богатые против бедных! Механики и рабочие!

---

[118] Примечания: 118

Заговор, утроенный в 1820 г. в Лондоне приблизительно двадцатью экстремистами, намеревавшимися убить всех членов кабинета министров, назван по улице Като, на которой собирались заговорщики; среди заговорщиков оказался доносчик, они были арестованы, одни по приговору суда повешены, другие сосланы в колонии.

[119] Примечания: 119

О'Хиггинс Бернардо (1778–1842) — видный деятель освободительного движения в Чили в период войны за независимость испанских колоний в Америке; подписал декларацию о независимости Чили.

[120] Примечания: 120

Виси Денмарк (1767–1822) — руководитель провалившегося восстания рабов в 1822 г. в окрестностях Чарльстона, самого крупного в истории Америки. Тернер Нэт (1800–1831) — визионер, создавший в 1831 г.

в окрестностях Саутгемптона конный отряд из 40 беглых негров, с которыми забивал до смерти белых (всего ими было убито 52 человека); сам Тернер был пойман через два месяца после разгрома его отряда и приговорен к повешению. Битва при Подковном повороте — эпизод войны 1812–1814 гг., в которой был вырезан отряд из 186 индейцев-криков, почти все мужчины этого племени. Томас Дорр (1805–1854) — руководитель «Доррова восстания» (1842) на Род-Айленде, по колониальной конституции которого голосовать могли только те, кто обладал значительной земельной собственностью; 1842 г. на Род-Айленде были созданы фактически два правительства, после неудачной попытки захватить арсенал Дорр был вынужден бежать. «Подмастерья портных» — профессиональный союз портных, организованный в 1869 г.

Почему вы отдали богачам свое право решать, чего вы хотите?» И я поддерживаю не только политические восстания, но и отдельные акты насилия, ибо там, где закон на стороне богатых, преступление — единственное прибежище бедных. Разбойники с большой дороги и душегубы — мне братья; шлюхи и карманники — мне родня. Я подпевал десперадо [121] в Калифорнии:

Как тебя звали дома? Тейлор, ты был в Оклахоме? Ты убил жену и бежал из дома? О, как же звали тебя в Оклахоме?

Свою песню Костюшко сопроводил несколькими па польки-джиги.

— Этому и еще многому я рукоплескал. А теперь, когда я здесь во плоти, то сделаю еще больше! У человека по имени Джон Браун [122] уже созрел план… Но не стану портить поджидающий вас сюрприз. Вскоре весь мир увидит плоды мох трудов. Как только фетиш будет у меня, тираны повалятся сотнями! Но пока мне приходится довольствоваться мелкими подрывными акциями.

---

[121] Примечания: 121

головорезам (исл.).

[122] Примечания: 122

Браун Джон (1800–1859) — аболиционист; в 1859 г. во главе небольшой группки сторонников захватил арсенал в Харперс-Ферри (Виргиния), но поднять восстание ему не удалось.

Достав из-под плаща кусок веревки, Костюшко подошел к Агассису и умело связал ему запястья и лодыжки, а затем усадил на голый пол. Безумный подстрекатель убрал пистолет в карман и направился к помосту с чанами. Там он взял топор на длинной рукояти.

Агассис уставился на него с изумлением и ужасом.

— Неужели вы намерева…

— Да нет, что вы. Давайте считать это иллюстрацией того, как всю систему вскоре закупорят сгустки крови диктаторов…

Костюшко забрался на леса и начал рубить металлические обручи, скрепляющие доски чана. Трудился он как одержимый. На глазах у скованного ужасом Агассиса обруч разошелся, и доски начали выгибаться наружу, а между ними стала медленно просачиваться бурая жидкость. Костюшко же быстро перешел к следующему чану.

Вскоре распирало уже все чаны.

Костюшко остановился, чтобы обозреть дело своих рук, потом обратился к Агассису:

— Миллион галлонов патоки, сэр. Ну, раскаива-

етесь вы теперь в «торговом треугольнике» [123]?

— Я не имел к этому никакого отношения! — возопил Агассис. Но было уже слишком поздно, так как, взмахнув плащом, Костюшко исчез за дверью на галерее верхнего этажа.

Под неумолимым давлением бурой жижи доски гнулись, гнулись, гнулись… И поддались!

Поток патоки захлестнул Агассиса. Он почувствовал, как его подхватывает и уносит. Несмотря на путы, он старался удержаться на плаву, а поток крутил и вертел его. Патока заползала ему в глаза и в ноздри, в уши и в рот.

На краткий миг он всплыл на поверхность. Он и не подозревал, что его вынесло за стены. Патока пронеслась через ворота, словно тяжелых створок там не было и в помине, и теперь залила превратившуюся в узкий канал Хулл-стрит. Блестящий бурый поток, доставaвший до окон второго этажа, несся с холма со скоростью… ну, патоки.

Крутясь и переворачиваясь, Агассис тщетно

---

[123] Примечания: 123

Трехсторонняя торговля между Африкой, островами Карибского моря и Северной Америкой: нагруженные произведенными в Европе товарами корабли отправлялись в Западную Африку, где груз обменивался на рабов; затем рабов продавали в колонии на островах Карибского моря и в Северной Америке, после чего корабли с грузом сахара, табака и хлопка возвращались из колоний в Европу.

силился высвободить руки. Его липкая голова вынырнула на поверхность раз, другой… Он хватал ртом воздух, пытался оттолкнуться от чего-нибудь ногами…

И вдруг, погружаясь в третий раз, он почувствовал, как сильные руки схватили его за ворот. Руки приподняли его из вязкой массы, которая липкими жадными щупальцами цеплялась за его нижние конечности.

Он понятия не имел, кто или что схватило его. Веки у него склеились. Он попытался поблагодарить неведомого спасителя, но не смог.

Агассис не знал, как долго он висел в воздухе. Он чувствовал, что паточный поток понемногу спадает. Наконец его отпустили, и с высоты нескольких футов он упал на землю.

Кто-то шел к нему — об этом возвещало чавканье шагов. Вскоре Агассис почувствовал, что его путы разрезают.

Освободив ему руки, спаситель начал протирать ему глаза тряпицей. Агассис обнаружил, что снова может их открыть.

Подобных разрушений он даже вообразить себе прежде не смог бы.

Кругом лежат обломки повозок и тележек, разбитых о стены заляпанных патокой домов,

мертвые лошади, а также немалое число трупов, одним из которых по праву должен был быть он сам. Жильцы второго этажа, не веря своим глазам, глядели на лежащие в бурых лужах обломки.

Рядом стоял Цезарь с липким носовым платком в руке. Агассис рассыпался в пылких благодарностях.

— Я обязан вам моей жизнью, Якоб…

— Нихт мне. Майне Дотти фас спасла. Поглядите!

Зацепившись коленями за бельевую веревку, бесстыдно показывая нижние юбки — ведь верхняя свесилась ей на лицо, — раскачивалась вниз головой готтентотка. Это ее сильные руки выловили его из паточной реки, о чем свидетельствовали ее собственные мокрые по локоть рукава.

Агассис открыл было рот, но не смог повторить слов, которыми так щедро осыпал Цезаря.

Цезарь же как будто не собирался упрекать его после всего, что он только что перенес. Могучий бур сказал только:

— Ах, имей мы оладьи, мы бы, ей-ей, на славу устроились!

6
Один или одна сотня

Сколько бы Агассис ни скреб себя, понадобилось три дня, чтобы запах патоки, исходивший от его персоны, частично ослаб. Вездесущая приторная вонь отбила у него все аппетиты, как гастрономические, так и сексуальные, и большую часть этого времени он провел, запершись у себя в кабинете, где, дабы отвлечься от невзгод, лениво набрасывал приходившие ему в голову зачаточные идеи. Наиболее многообещающей показалась ему мысль создать организацию под названием «Американская Ассоциация Развития Науки» [124]. Давно пора создать гильдию ученых. Объединенные усилия многих просвещенных людей не только позволят науке прочнее окопаться у кормушки общественных и частных пожертвований, оттеснив от нее таких никчемных едоков, как художники и поэты, такая организация станет источником множества цен-

[124] Примечания: 124

В настоящий момент — крупнейшее американское научное общество, основанное в 1848 г., среди его основателей действительно был Луи Агассис, однако его первым президентом был Уильям Редфилд.

ных знакомств, что будет способствовать карьере самого Агассиса…

На время своего затворничества Агассис оставил жизнь в доме идти своим чередом. Он подозревал, что в конечном итоге еще пожалеет, что потакал присущей Дезору склонности брать все в свои руки, но поступить иначе ему не хватало ни сил, ни желания.

Не занимали его в этот период ни бур, ни его готтентотка, ни их добыча. Всей историей он был сыт по горло, а с ней и тяготами, которые она на него взвалила. Да в этих безумных поисках он едва не лишился жизни! И как горько было думать, что своим существованием на этом свете он обязан обезьяньей ловкости аборигенки… Какая язвительная ирония! Он все еще содрогался при воспоминании о том, как ее нечистые руки касались его одежды.

Словно чувствуя его настроение, Цезарь и Дотти не тревожили швейцарского ученого. Как они проводили свои часы, его не касалось, и он силился делать вид, что они вообще никогда не появлялись в его методичной и упорядоченной жизни.

Но, несмотря на все старания, Агассис не мог совершенно изгнать случившееся из мыслей.

Было кое-что, что не переставало его искушать: Космогонический Локус.

Суметь доказать — возможно, даже стать свидетелем самого факта, — что все твари создаются полностью сформированными и имеющими свой конечный облик; убедительно опровергнуть бесхребетно анонимного автора «Рудиментов естественной истории мироздания» и его сторонников, носящихся с еретической теорией, будто высшие формы «происходят» от низших… Подобное достижение победно увенчало бы Естественную Теологию и гарантировало бы, что имя Луи Агассиса будет жить столько, сколько люди станут чтить свои бессмертные души.

К утру четверного дня, когда витающий вокруг Агассиса паточный дух был уже лишь чуть сильнее того, какой можно почувствовать, если бы в соседней комнате разбили пузырек с эссенцией из сахарного тростника, ученый несколько смягчился — и к человечеству в целом, и к своим домочадцам в частности. Едва он собрался впервые за несколько дней выйти из своего святого святых, как раздался осторожный стук в дверь.

В проеме появилась голова Джейн:

— К вам посетители, сэр. Два француза…

— Конечно, конечно. Ведите их. И, Джейн…

— Да, сэр?

— Вы сегодня удивительно хорошенькая, моя дорогая. Вам кто-нибудь говорил о вашем сходстве с шоколадницей Констебля? Нет? Ах, и какой кокетливый у вас смех! Может, чуть позже?…

— Господи помилуй, сэр, уж и умеете вы вскружить девушке голову! Не захочешь, а подумаешь, правда?

Взметнув оборками, Джейн исчезла, и вошли посетители.

Один был толстяк на тоненьких ножках, лет шестидесяти, фатоватый: на обшлагах и на вороте камзола — кружева, в руке — трость с золотой рукоятью. Его спутник, чья пышная шевелюра походила на стог сена, был много моложе, и платье на нем было более строгое. Из их поз и поведения по отношению друг к другу следовало, что это учитель и ученик или наставник и подмастерье. От обоих исходили тревожные флюиды отрешенного фанатизма, который был у младшего, пожалуй, более явным — или он хуже умел его скрывать.

Заговорил старший:

— Мсье Агассис, позвольте представиться. Я

Йозеф Мария Гёне-Вронский [125], а это Альфонс Луи Констан.

— Леви, — замогильным голосом перебил его младший. — Меня зовут Элифас Леви [126], маг Сарната, пророк Неведомого Кадата.

Гёне-Вронский как будто немного смешался.

— Хе-хе, ладно, пусть ты будешь многотитулованным, Леви. Прошу простить мою забывчивость, твоя Возвышенность. Гм. Как бы то ни было, мы явились сюда, мсье Агассис, как посланцы ордена, о котором вы, возможно, слышали. Имя Мартина Паскалли вам знакомо?

Агассису вспомнилось обвинение, которое выдвинул в ночь своего прибытия Цезарь, будто барон Жорж Кювье, первый патрон Агассиса, был связан с тайным обществом, известным как мартинисты. Не их ли подразумевает Гёне-Вронский?

Натуралист разыграл неведение:

— Нет, кажется, нет. Подождите-ка… Разве не так звали вымышленного ученого у Вольтера?

---

[125] Примечания: 125

Польский оккультист (1776–1853) — полагавший, что с помощью ритуальной магии человек может обрести божественное состояние.

[126] Примечания: 126

Бывший католический священник Альфонс Луи Констан взял себе в 1854 г. магическое имя Элифас Леви Захед, переведя для этого на иврит имя Альфонс Луи.

Гёне-Вронский выдавил холодный мертвящий смешок.

— Хе-хе, очень остроумно так сыграть на имени доктора Панглосса. Я ценю чувство юмора в противнике. Но нужно уметь видеть грань между каламбуром и вещами, смертельно серьезными. А фетиш Готтентотской Венеры определенно относится к последней категории.

Агассис уже открыл было рот, чтобы все отрицать, но Гёне-Вронский его опередил:

— Прошу вас, не оскорбляйте моей интеллект, уверяя в своем неведении. Я знаю, что вы встречались с моим соотечественником Костюшко. Поверьте, это непредсказуемый человек и последний негодяй. Даже разделяя — до некоторый степени — его веру в неизбежно славное предназначение Польши, я не могу одобрить его анархизм. Этот человек — чернейший хаос во плоти, ходячий Армагеддон, и советую вам серьезно подумать о том, чтобы расторгнуть любой договор, который вы с ним заключили.

— Договор? Никаких договоров я не заключал. Да ведь он пытался меня убить…

Гёне-Вронский развел руками.

— Ну, вот видите? Пытаться убить своего партнера. Как я вас заверил, он не заслуживает ни

малейшего доверия.

— Погодите-погодите, партнерами мы никогда не были!

— Фу, прошлые союзы быльем поросли, крови не стоят, которой написаны. Само собой разумеется, я могу рассчитывать на ваше содействие? Если вы найдете фетиш первым, то, разумеется, передадите нам. В конце концов, мы ведь представляем старых соратников вашего барона Кювье.

— Я все еще не могу освоиться с тем фактом, что барон был членом вашей секты. Разумеется, это было лишь минутное увлечение… Нет, ваши надежды напрасны. Я никогда не уступлю фетиш оккультистам вроде вас. Если я его найду, то намерен использовать в чисто научных целях ради совершенствования всего человечества.

— Не пытайтесь навязать мне тот же дешевый вздор, который сбываете на публичных лекциях механикам и клеркам, мсье! Я знаю, что, как и все мы, вы жаждете только чистой силы. Но предупреждаю вас, сила, заключенная в фетише, мощнее, чем вам кажется, и неизбежно вас проглотит.

Все это время Констан — или Леви — смотрел на Агассиса самым свирепым и определенно

внушающим тревогу взглядом. Теперь вдруг его глаза закатились, и он издал череду бессмысленных гортанных звуков. Агассису показалось, что он проскрипел:

— Йи, шуб ниггер гнев!

Встревоженный Гёне-Вронский влепил молодому человеку несколько пощечин.

— Альфи, Альфи! Вернись! Во имя Гермеса [127] втяни назад свою душу! Не проходи в Седьмые Врата!

Несколько мгновений спустя дрожащий и явно измученный Констан вернулся к реальности.

На Агассиса это не произвело большого впечатления.

— Отличное представление, господа. Можно и мне поучаствовать? «Йиппи-ки-йи-йо, месть Шамбо!» Что ж, славно повеселились. Если мне когда-нибудь понадобятся клоуны для детского утренника, я непременно вас приглашу. А до тех пор, полагаю, больше нам говорить не о чем.

— Вас предупредили. — Поддерживая Констана, Гёне-Вронский повел его к двери. — Если вы одумаетесь, нас можно найти в гостинице «Тремон».

Удостоверившись, что эксцентричная па-

---

[127] Примечания: 127

Имеется в виду Гермес Трисмегист, величайший авторитет в Области алхимии.

рочка покинула его дом, Агассис направился в мастерскую, горя желанием узнать, насколько продвинулась работа над его различными проектами.

Но едва он открыл дверь в мастерскую, ему явилась такая сцена, что поначалу он отказался верить своим глазам.

На упаковочном ящике с окаменелостями, пересланными Гидеоном Олджероном Мэнтеллом [128], уважаемым автором «Окаменелостей Южного Даунса», стоял Мориц Дезор. Вокруг, восторженно ему внимая, сидели четверо помощников Агассиса. Эдвард Дезор гордо стоял рядом, будто Мориц был декламирующим Шекспира Юнием Брутом Бутом [129], а Эдвард — его антрепренером.

Мориц подходил к кульминации своей речи:

— От каждого по способностям, каждому по потребностям! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! У вас нет ничего…

— Что тут происходит?! — взревел Агассис. Мориц осекся.

---

[128] Примечания: 128

Основоположник палеонтологии, открывший четыре из пяти видов динозавров, известных в его время (1790–1852).

[129] Примечания: 129

Выдающийся англо-американский трагический актер (1796–1852).

— Я просто пытаюсь развлечь ваших наемных рабов диалектикой.

— Наемные рабы, бред какой-то! Господи помилуй, кто оплатил ваше сюда плавание, неблагодарный наглец! Да я эту сумму из вашей шкуры выбью! Слезайте с ящика!

— Согласно Первой поправке… Зарычав, Агассис бросился на Морица.

С необычным для толстяка проворством пухленький марксист сиганул к двери. Отказавшись от погони за оратором, Агассис повернулся к его аудитории:

— А вы что рты разинули, точно тиляпии какие? Ну-ка быстро за работу!

Пуртале, Жирар, Буркхардт и Сонрель пристыженно вернулись к своим занятиям. Агассис же обрушился на Дезора:

— А что до вас…

— Будет вам, моей вины тут нет. Мориц пообещал мне вдохновить наших помощников на большее усердие.

— Вдохновить? Еще немного такого вдохновения, и меня бы линчевали, как непослушного раба! Нет, в моем доме такому бланкистскому краснобайству не место. Вам ясно?

— Как пожелаете, — хмуро ответил Дезор.

Агассис предпочел не требовать более твердого обещания.

— А где Цезарь?

— Откуда мне знать? Наверное, на своей посудине. Я что, за все тут в ответе, вплоть до местонахождения приехавших с визитом дикарей?

— Вот именно, это ваша работа.

От такой трактовки своих обязанностей Дезор отмахнулся, как от комнатной мухи (Musca domestica), и ушел.

Агассис же вышел на лужайку позади дома, которая полого спускалась к его личной пристани. Над «Зи-Коэ» висело облако голубоватого дыма. Агассис заметил, что любой москит (вероятно, Anophelini maculipennis), которому случалось пролететь через дымку, тут же замертво падал на палубу. Возле шхуны бура была пришвартована другая — под названием «Персик-Долли». Хотя он никогда раньше не видел корабля капитана Стормфидда, Агассис ни на минуту не усомнился, что это именно он. Быть может, к такой догадке его подтолкнул установленный на нактоузе скелет морской змеи (безымянной Hydrpphiidae): ее позвоночный столб раздваивался и заканчивался двумя черепами.

Поднявшись на борт «Зи-Коэ», Агассис осторож-

но заглянул в каюту.

Довольно покуривая, Цезарь и Стормфилд сидели друг против друга за низким столиком, на котором как раз шла партия в шашки. Каждый игрок выставил по полдесятка «дамок», некоторые были даже тройные. На глазах у Агассиса Стормфилд произвел ход, напоминающий путь пьяной лягушки (Rana esculenta), лишь для того, чтобы, захватив одну шашку, вернуться туда, откуда начал.

Взгляд Агассиса обшарил каюту в поисках богомерзкой готтентотки. К немалому его облегчению, ее примитивной персоны нигде не было видно.

Цезарь наконец заметил своего гостя.

— Ах, Луи, добро пошаловать! Не хотеть фы к нам пришоединиться? Местешко для третьего фсегда найдется.

— У меня нет времени на игры. Вы забыли, что мы разыскиваем одну особу?

— Эх, ну конешно, найн. Абер пока у нас не пояфится новая зацепка, я, чештно сказать, в тупике! Нихт толку бегать по городу только ради беготни.

— Насколько я понимаю, за последние несколько дней ничего нового не произошло?

— Нишего.

Отчаявшись от этих новостей, Агассис заставил себя спросить о третьем участнике их поисковой экспедиции.

— Может, ваша отсутствующая жена сейчас роет землю носом…

— К сожалению, Дотти так ше блушдает в потемках, как и я. Наин, она есть уйти на лекцию. Айне агитирующая за эмансипацию женщин, айне бывшая рабыня… Как ше есть ее имя? Яволь, Соджоурнер Трут [130]. Она выступает на заседании гарвардского литературного общества.

— Вы позволяете своей жене ходить на лекции этого… этого самого противоестественного существа? Вы, верно, лишились рассудка, приятель? Вы читали протоколы Конференции женщин, которую они устроили несколько лет назад в Сенека-Фоллс? Стэнтон, Мотт, Трут — да они сплошь бесчувственные ведьмы! Знаете, за что они выступают? Они хотят, чтобы женщины могли голосовать, владеть собственностью… даже посещать колледж! Как вы можете допустить, чтобы ваша жена слушала такие идеи? Да вам еще повезет, если она в один прекрасный день не

---

[130] Примечания: 130

Бывшая рабыня, аболиционистка и одна из первых американских суфражисток (1797(?)-1883).

зарежет вас в собственной постели!

Цезарь улыбнулся, с удовольствием вспоминая:

— Когда мы лошимся в постель, нам не до того. Агассис с отвращением отвернулся.

— Сами на себя беду накличете.

Капитан Стормфилд попытался дипломатично вмешаться:

— Полноте, не упрямьтесь, перфессер, не будьте старым занудой. Если Джейк хочет позволить своей несушке помогать управлять курятником, кто может ему запретить? Времена, знаете ли, меняются, и нужно меняться вместе с ними. Да возьмем, к примеру, меня. Я, скажу вам, не слюнтяй, навидался за свою жизнь ураганов — и людских, и прочих, — но моя старушка Долли поступает как ей заблагорассудится. Вспомните, как она отобрала у меня меч-рыбу для собственных нужд. Да, кстати, как я и предсказывал, от переработок несчастная тварька испустила дух. Долли ее гоняла сильней, чем гоняют работниц на обувной фабрике Линна. Я попытался спасти останки, но она, расчувствовавшись, уже отослала их местному таксидермисту. Результат теперь висит у меня в каюте. Хотите поглядеть на усопшую?

Агассис встревоженно начал:

— Капитан Стормфилд…

— Будет вам, Луи, мы уже уйму времени друзья. Зовите меня Дэн'л.

— Так и быть, Даниэль.

— Не «Даниэль», а Дэн'л. Знаете, мои родители были так бедны, что когда дошло до крестин, не могли позволить себе лишних букв.

— Ваша глупая семейная история меня не интересует! — взорвался Агассис. — Постарайтесь, пожалуйста, впредь меня не отвлекать. Я просто хочу сказать, что у меня больше нет желания покупать какие-либо экземпляры из этих ваших морских глубин, не важно, подлинные они или фальшивые. Да, когда я через день после покупки решил осмотреть морского дрозда, я нашел только лужицу жалкой слизи, а ведь я велел положить птицу на лед.

— Такая вот беда со всеми тварями из Марблхеда. За пределами своих вод они через несколько часов разлагаются. Странно, правда?

— Это не просто странно, это совершенно ненаучно.

— И жизнь тоже, Луи. Возьмем, например, тушенку, за которой вы с Джейком охотитесь…

Агассис схватился за голову.

— Ей-богу, Цезарь! Вы рассказали ему про фетиш? А как же наша договоренность? Вам полагается быть гвианским плантатором.

— Ах, я прошто глупо забылся, дер дух братства курильщиков веселой травки, сами понимаете. Und я решил, мошет, Дэнни суметь нам помочь.

Капитан Стормфилд прищурил косящий глаз так, что он совершенно закрылся, подмигнув, чтобы показать, что умеет хранить тайну.

— Ей-ей, я тебя, Джейк, не подведу. Да я твой секрет лучше к морскому дьяволу унесу, чем позволю грязному гуну или поляку наложить лапы на ссаку твоей тещи. И к тому же у меня есть мыслишка, куда может побежать этот Т'гузери.

Агассис был вне себя.

— Оставьте при себе ваши проклятые догадки, капитан. Нам ни к чему ваша убогая интуиция янки. Мы с Якобом распутаем следы колдуна, положившись на наши превосходные европейские умы.

Глубоко оскорбленный капитан Стормфилд встал.

— После таких слов и до ссоры недалеко, Луи. Почти за такие мы, мужественные янки, вышибли отсюда старого короля Георга. Вы уж мне поверьте, я против этого задаваки воевал

и сейчас тиранов жалую не больше, чем тогда. Пока не получу от вас полагающихся смиренных извинений, мою ценную информацию я оставлю при себе.

— Мне это безразлично.

— Посмотрим. Вставай, кошак, пойдем отсюда. Пусть никто не говорит, будто мы не понимаем, когда нас не хотят видеть.

Опустив руку, капитан Стормфилд нашарил поводок, конец которого исчезал в темном углу, и потянул за него.

Из угла появилась огромная рыбина в ошейнике, которая шла на негнущихся плавниках. По характерным усикам Агассис распознал в ней Ictalurus nebulosus, кошачьего сомика.

Проходя мимо коленей Агассиса, сомик отчетливо на него зашипел.

Агассису стало нехорошо. Дым, ссоры, тщетные поиски… Все это было уж слишком. Ему необходимо расслабиться в теплой мужской компании, предпочтительно со стаканом чего-нибудь горячительного…

— Якоб, если кто-то будет меня искать, я буду в пабе «Приют устрицы». Но, прошу вас, никого ко мне не посылайте, если только это не будет крайне важно.

— Ja-ja, конешно. Финтофку на крюк, патроны в люк. «Приют устрицы» стоял всего в четверти мили от дома Агассиса. У двери обширного облупившегося строения громоздилась гора двустворчатых раковин высотой с мачту клипера — наслоения десятилетий.

Войдя в примитивный зал, столь не похожий на изящные зальцы гостиниц Нёфшателя, Агассис сел за длинный стол, где горланила обеденная толпа сборщиков моллюсков и раков, и заказал несколько дюжин устриц и пинту портера.

Повторив свой заказ, он почувствовал себя чуточку лучше.

Вот в эту его умиротворенность бесцеремонно вторгся Эдвард Дезор:

— Простите мою дерзость, Агасс, но вы только что получили письмо от своего денежного мешка Лоуэлла. Атак как оно было помечено «срочно», я позволил себе его вскрыть. Лоуэлл хочет знать, какие приготовления сделать к вашему званому вечеру в пятницу. И ничего слишком мудреного, ведь осталось всего два дня.

— Гм, я даже тему еще не выбрал… Похотливый стяжатель заказал что-нибудь про обычаи спаривания у дикарей, точно я наемный писака. Так вот этого он не получит! Я останусь верен

натуральной философии. Дайте подумать, какого организма я пока в моих лекциях не касался…

Взгляд Агассиса привлек висящий над барной стойкой панцирь.

— Ну конечно! Благородного мечехвостого краба! Я оберну себе на пользу тот факт, что Америка — родина Xiphosura. Это, несомненно, завоюет расположение Лоуренса. Прекрасно! Мне понадобится подставка для рисунков и, конечно, пюпитр. А почему бы не использовать живой образец? Дамы мило повизжат, точно мы выпустили сотню мышей! Это как раз то, что нужно. Дезор! Вы меня слушаете?

Внимание Дезора было приковано к рыжей служанке в муслиновом платье с глубоким декольте, которая наклонилась над стойкой, чтобы вытереть выплеснувшееся пиво, так низко, что казалось, вот-вот выплеснутся из выреза ее собственные веснушчатые груди.

Очнувшись, помощник сказал:

— Да, конечно. Одна сотня. Я прав?

Сам слушая не слишком внимательно, Агассис ответил:

— Да, верно. Посмотрите, какие титьки… я хотел сказать, присмотрите, как идти!..

Следующие два дня Агассис трудился над своей

лекцией. Она должна быть безупречной. Этот званый вечер имел величайшее значение для его будущего. Ничто нельзя было оставить на волю случая. В свободные часы он добавлял строку-другую к учебнику «Основы зоологии», который писал вместе с Августусом Э. Гоулдом. Учебник станет его первой американской публикацией и потому должен произвести соответствующее впечатление.

К утру пятницы никаких новых сведений о возможном местонахождении готтентота не поступило, и Агассис постановил для себя, что с завтрашнего для приложит весь свой интеллект для скорейшего завершения этой утомительной истории.

С дневной почтой пришло письмо от матери Агассиса.

Милый сын!

Боюсь, известия у меня недобрые. Состояние Цецилии не ухудшается, но и надежды на улучшение нет. Большую часть дня она рисует, это занятие, как тебе прекрасно известно, всегда развлекало ее и приносило отдохновение. К письму прилагаю семейный портрет, который

она недавно закончила.

Дети здоровы. Апекс быстро становится образцовым юношей и, как мне сказали, часто говорит об отце, которого так давно не видел. Как ты думаешь, нельзя ли устроить так, чтобы когда-нибудь ему как старшему было позволено приехать к тебе в Америку?

С нежнейшими пожеланиями,

Мама

Его сын. Агассис почти забыл, что у него есть потомство… Что может измениться с приездом Алекса? Подходит ли его дом в Восточном Бостоне для воспитания ребенка? В нынешних безумных обстоятельствах, разумеется, нет. Но если по получении места он переедет в Кембридж, а он это обязательно сделает, то в доме воцарится более благодатная атмосфера.

Но невозможно правильно воспитывать ребенка в доме, где не хватает женской руки. Раз Цецилия не в состоянии путешествовать, придется найти ей подходящую замену. Няньку, гувернантку…

Жену.

Агассис тут же себя одернул. О чем он думает?

Его жена еще жива, а он уже подыскивает ей замену?... Неужели он бесчувственное чудовище?

И все же полезно подготовиться к вероятному исходу событий.

У себя в спальне Агассис начал выкладывать вечернее платье. Он как раз намеревался стряхнуть пушинку с сюртука, как его застал врасплох визит Цезаря, чье лицо появилось в бесславном окне, где он материализовался в ту первую ночь, с которой, казалось, прошла геологическая эпоха.

— Вам обязательно брать в привычку входить столь необычно?

— Ах, прошу проштить мою нефоспитанность, но мы в колонияхжифем иначе, чем фы, цивилизованные господа.

Да в поместьях под Кейптауном шчитается даже большой любезностью, если остановишься у двери обтрясти жира-фово дерьмо с сапог.

— Уверен, если у вас нет высших устремлений, довольно приятно уподобляться дикарям, среди которых вы так беспечно обретаетесь. Так что вам угодно?

— Я бин только что узнать, что фы идти сегодня на какую-то фечеринку. Пошему бы мне не пойти с фами?

— Зачем?

— Яволь, фо-первых, я могу случайно услышать что-то, относящееся к нашим поискам. Und фо-фторых, я в этой стране гость и пока еще ничего тут не видел. Я подумал, может, забавно будет повращаться в американском высшем свете.

— Гм… Полагаю, вы можете заинтересовать нескольких пресыщенных гранд-дам, примерно как комнатная собачка новой породы. И остальные домашние тоже идут, поэтому взять и вас будет только честно. Как ваш хозяин я имею определенные обязательства… — Тут Агассису пришла в голову ужасная мысль. — Вы ведь не собираетесь взять с собой свою чернильную подругу, правда?

— Ах, найн. Дотти приемов не шалует.

— Тогда согласен. Но проявите благовоспитанность. Никаких выходок. И прошу вас, попытайтесь не забывать про нашу договоренность.

— Ja-ja, я выращиваю капибар на берегах Ориноко. Агассис фыркнул.

— Люди, с которыми вы скоро познакомитесь, иронии не ценят. И еще. Могу я предложить, чтобы вы облачились подобающим образом? Пойдите к Пуртале.

— Ладно.

Едва Цезарь исчез, в дверь вежливо постучали.

Агассис крикнул «входите».

Дверь распахнулась, и перед ним предстало поразительное зрелище.

На пороге стоял краснокожий в полном боевом облачении, вплоть до томагавка, заткнутого за расшитый раковинами пояс. Его невозмутимое лицо с орлиным носом казалось высеченным из красного гранита.

Руки Агассиса непроизвольно потянулась к голове. Он с абсолютной точностью знал, что его вот-вот скальпируют. Три столетия неосуществленной мести горели в глазах благородного дикаря Руссо. Он с самого начала знал, что в Америке небезопасно. Одна мысль о том, что вскоре его собственные волосы повесят как трофей в закопченном вигваме…

Мягко ступая в мокасинах, индеец приблизился. Агассис поискал, куда бы ему отступить, но помешала кровать. Из-за спины воина в оленьей коже выглянул Дезор. На его губах, под ничтожными усиками, играла жестокая и мстительная улыбка.

— Что вас так растревожило, Агасс? Неужели вы напуганы…

Стремясь восстановить присутствие духа и пошатнувшееся превосходство, Агассис вопросил:

— Что значит это вторжение, Эдвард?

— Я просто исполнил ваше распоряжение, Агасс. Помните, вы приказали мне отыскать местного проводника для нашей экспедиции на озеро Верхнее? Так позвольте представить вам вождя Каймановая Черепаха из племени оджибуэев. Сегодня он прибыл, и агент «Гудзонской компании» направил его к нам.

Вождь Каймановая Черепаха молча поднял руку ладонью вверх. Агассис нерешительно сделал то же самое.

— Он на каком-нибудь цивилизованном языке говорит?

— Насколько я смог определить, нет. Я пытаюсь найти переводчика…

— Что ж, весьма похвально, Эдвард. Теперь, когда вы нас представили, можете идти.

— Есть одна загвоздка. Вождю негде остановиться.

— Разумеется, он может пожить у нас. Передайте/Джейн, пусть поставит еще один прибор к завтраку.

— А что с ним делать, пока мы будем на званом вечере?

— Ей-богу, вы правы. Нельзя оставлять его одного с Джейн. Вы же знаете пристрастие индей-

цев насиловать белых женщин… Полагаю, нам просто придется взять его с собой.

Вот как вышло, что на семичасовый паром из Восточного Бостона поднялась престранная процессия. Возглавляли ее Агассис и Цезарь, за которыми следовала парочка перешептывающихся кузенов — Мориц и Эдвард Дезоры. Пуртале, Жирар, Буркхардт и Сонрель, принявшие под свое крыло вождя Каймановая Черепаха, замыкали шествие.

Спустившись на пристань, они стали искать экипаж до дома Лоуэлла. К несчастью, нанять можно было только открытую коляску с полкой сзади.

Сидя рядом с возницей, тогда как остальные примостились сзади, Агассис был вынужден стоически сносить крики и свист всех встречных городских оборвышей — и немалого числа взрослых.

— Это цирк!

— Эй, мистер Барнум [131]!

— А где бородатая дама?

— Папа, папа, я не вижу клоунов!

К тому времени, когда они достигли резиден-

---

[131] Примечания: 131

Создатель первого передвижного балагана уродов, считается основоположником американского цирка.

ции его патрона на Бикон-хилл, Агассис сгорал от стыда. Спасаясь от преследовавшего его глумящегося сброда, он поспешил в дом, где назвал себя и остальных дворецкому. Вскоре их провели через анфиладу комнат, и они оказались перед широкими двойными дверями — сейчас отодвинутыми в особые ниши, — которые открывались в роскошную бальную залу.

Грандиозная зала с высоким потолком была освещена тонкими восковыми свечами в канделябрах и наисовременнейшими газовыми рожками. Вдоль одной стены тянулись покрытые льняными скатертями столы, ломящиеся от всевозможных яств: зажаренные целиком поросята, открытые мясные пироги и телячье жаркое, фаршированные голуби и бизоньи бифштексы. Серебряные черпаки торчали из хрустальных чаш с пуншем. У дальней стены примерно на фут над сверкающим паркетом поднималась временная сцена. Почти сто человек, не считая слуг, заполнили залу и весело смеялись и беседовали, пили и ели. Все господа во фраках смотрелись могучими и мужественными, а дамы в туалетах всех цветов — утонченными и грациозными.

Агассис повернулся к Цезарю:

— Итак, друг мой, сами видите, как мы обустро-

ились на моей второй родине. Да в этом особняке есть даже ватерклозет в самом доме! Недурно, а?

На Цезаря это как будто не произвело впечатления.

— Ja, aber они фполне припишись бы при дфоре императора Нерона или короля Людовика Шетырнадцатого. Но не мне судить, я бин просто дерефенщина с фермы в Каффрарии.

— Что ж, постарайтесь выказать благовоспитанность. А вот и наш хозяин…

К ним решительным шагом направлялся Джон Эмори Лоуэлл. Крахмальный воротничок почти подпирал ему уши, узел на черном галстуке был размером с грейпфрут, а через весь жилет, точно мост, протянулась золотая цепь, похожая на связку сарделек.

— Давно пора вам появиться, черт побери, профессор. Я уж было думал, на вас напала банда ирландских хулиганов. А это что это за деревенщины? Не важно, мне этого знать ни к чему. И индеец? Вот за что я вас люблю, Агассис, вы всегда припасете какой-нибудь, черт побери, сюрприз. Ладно, ладно, пусть развлекаются. Давайте, ребята, проходите, попробуйте кормежку. А вы, Луи, пойдемте со мной. Тут есть кое-кто, с кем вам надо познакомиться.

Схватив Агассиса за локоть, Лоуэлл повлек его за собой. Они направились прямиком к небольшому кружку господ и дам, собравшихся возле, казалось, бы лилипута.

При ближайшем рассмотрении лилипут оказался чрезвычайно пожилым человечком, который словно бы съежился от старости. На его лысой макушке лежало несколько жиденьких белых прядок. Сам он походил на связку палочек, обернутых большим количество черной материи, — точь-в-точь индейское типи, которое сложили для путешествия.

— Эббот, — позвал Лоуэлл, — вот вам Агассис. Самый, черт бы его побрал, умный малый, которого вы только встречали. Вот ему вы и отдадите работенку в Гарварде. Луи, это Эббот Лоуренс.

Агассис протянул руку.

— Познакомиться с вами — большая честь, мистер Лоуренс. Могу я сказать, что, на мой взгляд, вы с мистером Лоуэренсом сделали с вашими фабриками для продвижения науки больше, чем любой другой не дилетант?…

Голос у Лоуренса оказался дребезжащий.

— Спасибочки, сэр. Не жалей кнута, вот мой девиз. Хе-хе-хее…

Лоуренс, казалось, потерял и ход мысли, и вся-

кий интерес к Агассису. Он повернулся к стоящей рядом пленительной красавице и принялся гладить горностаевый меху нее на манжетах.

— Ладно, Эббот, развлекайтесь, черт бы вас побрал. Пошли, Луи.

Агассис был растерян.

— Вы думаете, я произвел на него достаточное впечатление?

— Со старым Эбботом ничего не поймешь. Будем надеяться на лучшее. Может, ваша лекция его зацепит. Вы уж подпустите чего-нибудь эдакого.

И Лоуэлл повлек его в водоворот новых лиц и имен.

— Вот вам пара трансцендентальных мыслителей, Луи. Мне бы хотелось представить вам Ральфа Эмерсона [132].

— Мне так понравились ваши лекции, мистер Агассис. Можно вас спросить, сколько вы запрашиваете? Не следует нам подрезать друг друга…

— А это его друг Хэнк Торо [133].

— Вы одобряете подушный налог, сэр?

---

[132] Примечания: 132

Самый известный и любимый в XIX в. американский писатель и оратор (1803–1882).

[133] Примечания: 133

Торо Хэнк (1817–1862) — натуралист, философ-трансценденталист, антрополог и писатель, известный трудом «Гражданское неповиновение», современники считали его учеником Эмерсона.

— Ладно, ладно, ребята, не докучайте Луи. Дайте ему и с другими поговорить.

Одному за другим Агассис был представлен среди прочих «ледяному королю» Фредерику Тюдору, который пожелал узнать, кто в настоящее время поставляет для его дома лед; издателям Джорджу Тикнору и Джеймсу Филду и знаменитому оратору и политику Дэниэлю Уэбстеру [134].

— Что вы думаете об осаде Вера-Крус? — поинтересовался Уэбстер. — За два дня мы обрушили на город тысячу триста снарядов. Вот это, скажу я вам, современная война, сэр! Разбомбить стервецов, по камешку разнести. Нам судьбой назначено владеть этим полушарием!

У Агассиса уже голова шла кругом, когда хозяин наконец оставил его в кружке гарвардских профессоров.

— Оставляю вас поболтать с вашими будущими коллегами, Луи. А мне нужно гостей развлекать, будь они неладны. Напомните, чтобы я рассказал вам про новую систему колоколов, которую я разработал для моих фабрик. Они у меня раз в

---

[134] Примечания: 134

Тикнор Джордж (1791–1871) — американский педагог и писатель, профессор литературы в Гарварде и основатель Бостонской публичной библиотеки; Уэбстер Дэниэль (1782–1852) — политический деятель и оратор, самый ревностный проповедник американского национализма своего времени.

четверть часа, черт побери, звонят.

Большинство гарвардцев и их жен Агассис уже встречал раньше. Из его собственной области коллег тут были Хэмфрис Строурер, Амос Бинни и Августус Гоулд.

Сразу после взаимных приветствий Агассисом завладел некто Корнелий Конвей Фелтон [135]. Фелтон был крупным лощеным господином, живым и шумным, с непослушными волосами и маленькими очками. Питал пристрастие к клетчатым жилетам, галстукам-бабочкам и отороченным бархатом курткам.

— Агасс! Пойдемте со мной. Хочу вас кое с кем познакомить.

Страшась даже увидеть еще одно незнакомое лицо, Агассис неохотно подчинился.

На стуле в уголке сидела самая красивая девушка, какую Агассис только видел со своего приезда в Америку. Русые локоны обрамляли изящное личико сердечком, глаза сверкали, как два родничка.

— Агасс, это сестра моей жены, мисс Лиззи Кэри. Лиззи, профессор Луи Агассис.

---

[135] Примечания: 135

Фелтон Корнелий Конвей (1807–1862) — американский филолог, редактор и переводчик ряда античных текстов, а также работ по древнегреческой литературе и поэтике.

— Я где угодно узнала бы уважаемого профессора Агассиса, поскольку имела необычайное удовольствие прослушать все до единой его бостонские лекции.

Акцент Агассиса внезапно стал гораздо заметнее:

— О, если бы я знал, что среди публики столь превосходный образчик Божьего творения, как вы, я не смог бы произнести ни слова.

Лиззи залилась смехом.

— О, мистер Агассис, надеюсь, сегодня я не произведу на вас подобного впечатления.

— Ну, быть может, если я подкреплю себя пуншем, то, пожалуй, смогу пробормотать фразу-другую… Эй, любезный! Два бокала пунша, vite [136].

— С вашего позволенья я вас оставлю, — сказал Фелтон. — Мне нужно вернуться к нашей с Джеком Уиттьером [137] дискуссии о Катулле.

Следующие два часа пролетели для Агассиса незаметно. Он обнаружил, что ловит каждое

---

[136] Примечания: 136

быстро (фр.).

[137] Примечания: 137

Уиттьер Джон Гринлиф (1807–1892) — американский поэт и эссеист, воспевавший пасторальную жизнь Новой Англии, ревностный аболиционист и пацифист.

слово, падающее, как росинка, со спелых губок Лиззи Кэри. Какая изящная, остроумная, привлекательная девица! И по всей видимости, так им восхищается…

Агассис едва обратил внимание на увеселения, состоявшие из выступления актерской труппы, разыгравшей пьесу под названием «Лагерь рудокопов, или Что сделала девушка ради золота», за которой последовала череда живых картин, представленных сам ими гостями: «Застигнутые любовники», «Просроченная закладная».

— Итак, моя дорогая, — говорил Агассис, — девица ваших нежных лет может находить такого старика, как я, привлекательным? — когда на плечо ему легла рука Лоуэлла.

— Пора вам, черт побери, отработать ваше содержание, Луи. На сцене для вас все готово. Хотя ума не приложу, зачем вам понадобилось столько треклятых крабов.

Слова Лоуэлла Агассис пропустил мимо ушей.

— Пока что прощайте, мисс Кэри. Надеюсь, позже я вас увижу.

— Не сомневайтесь, я буду с надеждой ждать встречи.

Лоуэлл повел Агассиса к сцене. После нескольких бокалов пунша мысли Агассиса слегка

путались, но внезапно он разом протрезвел — на него, Агассиса, вдруг пахнуло уже знакомым сладковатым запахом даки. Что такое затеял Цезарь?

Поднявшегося на сцену Агассиса приветствовала быстро нарастающая волна рукоплесканий. Любезно поклонившись собранию, он повернулся к пюпитру.

И оцепенел.

На сцене был сооружен шаткий вольер из мелкой сетки. Внутри, словно разыгрывая сцену из дантова «Ада», толклась сотня мечехвостых крабов (Xiphosura), которые медленно карабкались друг по другу, и вся масса копошилась точно единый организм. Зрелище было настолько непрятным, что Агассис едва не поперхнулся.

Будь проклят этот Дезор! Он намеренно все подстроил, чтобы сорвать лекцию, или это следствие простого недоразумения? Так или иначе, за это он поплатится головой!

Но, разумеется, пути назад уже не было. Лучше делать вид, что все идет по плану…

Заняв свое место за пюпитром, Агассис подровнял стопку заметок и начал лекцию. Но прежде он внес в текст импровизированное дополнение.

— Мне бы хотелось посвятить эту лекцию очаровательной мисс Элизабет Кэри. А теперь

приступим. Рассмотрим любопытное существо, в миру известное как мечехвостый краб — одна из небольших шуток Господа. Неизменное на протяжении несметных тысячелетий, это замечательное веселое членистоногое копошится вдоль наших североамериканских берегов, счастливо помахивая своим комичным шипастым хвостом.

Агассис сделал широкий жест в сторону загона с крабами и не без тревоги заметил, что наспех сооруженный загон расползается по швам. Казалось, врата Ада вот-вот изрыгнут всех своих демонов.

Храбро, хотя и не без дрожи в голосе продолжив лекцию, Агассис заметил в своих слушателях странную перемену. Все больше и больше их поворачивались к дверям, словно привлеченные каким-то представлением. Запах тлеющей конопли усилился.

Стараясь не обращать внимания на перебежчиков, Агассис стойко продолжал:

— Используемые ныне как удобрение Xiphosura некогда правили…

Тишину внезапно разорвал леденящий кровь боевой клич. Агассис не смог более притворяться.

— Здесь я должен прерваться, пока мы не уста-

новим, чем вызвано это волнение.

Никто не обращал на Агассиса внимания. Все устремились в заднюю часть залы. Спустившись со сцены, Агассис протолкался в первые ряды.

Вождь Кайманова Черепаха вдохновенно исполнял танец духов под аккомпанемент Цезаря, который выбивал ритм на позаимствованном где-то чайнике. Повсюду переходили из рук в руки трубки с дакой.

На глазах объятого ужасом Агассиса бостонский высший свет, отбросив под воздействием крепкой даки всяческие приличия, вставал в круг, чтобы присоединиться к улюлюканью и танцу.

Агассис тщетно попытался восстановить порядок:

— Господа, прошу вас, мы же цивилизованные леди и джентльмены…

Где-то поблизости вспыхнула ссора. Агассис повернулся посмотреть.

— Вы утверждаете, будто я только и делаю, что живу за ваш счет? — вопил Торо.

— Вот именно! — отвечал Эмерсон.

— Ей-богу, давайте разрешим наш спор, как это делали во времена Ахилла!

— Согласен.

Вскоре, раздевшись до исподнего, Эмерсон и То-

ро сцепились в сложном захвате силачей, силясь повалить противника. Выбрав каждый своего борца, собравшиеся начали их подбадривать:

— Давай же, Ральф!

— Удачный захват, Хэнк!

Что-то задело туфлю Агассиса. Он опустил взгляд.

Это был краб. Только теперь натуралист заметил, что крабы расползлись по всей зале, точно по дну океана. Внезапно у него возникло такое ощущение, что он находится под водой. Ему стало нечем дышать…

Следующие полчаса показались ему вечностью. До конца своих дней он не забудет ужасных сцен, которым ему пришлось стать свидетелем. Одно то, как скакал верхом на своей спутнице Эббот Лоуренс, дало бы достаточно пищи для ночных кошмаров. Но это было еще не все. Далеко не все.

Он тщетно искал Лиззи Кэри, надеясь в ней найти оплот здравого смысла. Но она исчезла, и Агассис не мог бы ее винить.

Наконец надежда на восстановление порядка прибыла в облике роты бостонской полиции.

Агассис поспешил навстречу старшему по званию.

— Благодарение Богу, вы прибыли…

— И кто же вы будете? — спросил офицер.

— Ба, я профессор Агассис!

Внезапно Агассиса схватили несколько пар рук.

— Придется поблагодарить вас, что сберегли мне уйму времени, профессор. Видите ли, у меня есть ордер на ваш арест.

7
Пришивание пуговицы

Джосая Догберри [138] храпел. Как мэнская лесопилка, как астматический утконос (Ornithorhynchus anatinus), как мичиганский бобер (Castor fiber michiganensis), которому в беспокойном сне видятся охотники-оджибуэи под предводительством неистового вождя Кайманова Черепаха, мистер Догберри хрипло сипел и храпел всю ночь, лишив Агассиса всякой надежды на отдых.

Впрочем, ни его душевное состояние, ни обстоятельства, в которых он оказался, все равно не способствовали сну.

---

[138] Примечания: 138

Возможно, отсылка на мормонов: издатель газеты «Рефлектор в Пальмире» критиковал «Книгу Мормона» под псевдонимом Догберри.

Агассис сидел на грубом топчане с матрасом, набитым кукурузными очистками и обтянутым кусачей полосатой материей. Едко пахнущее одеяло, соперничающее вонью с открытым ночным горшком в углу, сбилось к изножию. Топчан и матрас занимали одну половину мрачной, лишенной окон камеры. Сама камера находилась глубоко в недрах Чарльстонской тюрьмы штата Массачусетс.

Сюда его привезли в закрытой полицейской повозке. Когда его, без малейшего уважения к его званию, заталкивали через заднюю дверцу, Агассис вырывался и тщетно протестовал против своего ареста.

— Тут, наверное, какая-то ошибка, любезнейший! Я — Луи Агассис, известный ученый и швейцарский гражданин…

На что арестовавший его полицейский, к которому, как слышал Агассис, обращались «сержант Руфус», сказал:

— Я уже один раз поблагодарил вас, что вы не стали скрывать, кто вы, и так славно сдались. Чего еще вы хотите? Медаль?

— Но вы, кажется, не понимаете…

— Погодите, дружище. Это вы не понимаете. У меня есть ордер на ваш арест, подписанный

самим губернатором, а его слово в этом штате — закон. Сейчас вы не у своих драгоценных Вилли-Телей, поэтому давайте полезайте в «перевозку».

— Но дипломатическая неприкосновенность… Сержант Руфус повернулся к одному из своих подчиненных:

— Грисволд, передай мне колодки…

Дабы избавиться от дальнейших надругательств, Агассис забрался в повозку, а за ним последовал сержант Руфус с небольшим фонарем в руке. Потом дверцы с грохотом захлопнулись, скрыв от Агассиса внешний мир.

Когда они отъезжали от особняка Лоуэлла, Агассис слышал словно издалека пронзительные звуки безумной вечеринки, приближавшейся, судя по всему, к своему апогею, о котором можно было только догадываться. Он начал сердиться, что ни один его соотечественник не пришел ему на помощь. Верно, арест произошел на самом краю разбушевавшейся толпы и, вполне возможно, прошел незамеченным, учитывая, что всеобщее внимание привлекали другие картины. И все же их вероломство саднило.

Повозка катилась и катилась. Агассис спросил у сержанта Руфуса:

— Почему вы не исполнили свой долг защитника общественной морали и не арестовали всех на этом беспутном званом вечере? Они ведь виновны в нарушении спокойствия, не говоря уже о нескольких актах вульгарнейше-го разврата.

Сержант Руфус почесал в затылке.

— Должен сознаться, такой гулянки я еще не видел, а меня не раз вызывали заминать скандалы на Тонтэн-Кресцент. Да, кстати, а почему там повсюду ползали крабы? Вы что, скачки устраивали?

— Эти крабы служили иллюстрацией к моей лекции. Сержант Руфус как будто не расслышал, так озадачен он был воспоминаниями о буйстве.

— Да, животных я на вечеринках и раньше видал. Был один осел и актриска… Но это к делу не относится. Ну а что такого забавного можно придумать с крабами…

— Забудьте вы крабов! Почему вы не арестовали Лоуэлла и Лоуренса?

Сержант Руфус воззрился на Агассиса так, точно тот лишился рассудка.

— Арестовать двух самых богатых людей штата только за то, что они немного спустили пар у себя дома? Я что, по-вашему, сумасшедший? С тем же успехом я мог бы положить голову на рельсы пе-

ред нью-йоркским экспрессом! Нет, я с Семьями не связываюсь и вам тоже не советую.

Дав такой мудрый совет, сержант Руфус уселся поудобнее и молчал до конца пути.

Когда повозка остановилась и Агассис вышел на улицу, до него наконец дошла вся чудовищность его положения.

Впереди маячила в темноте гранитная громада Чарльстонской тюрьмы.

От центрального восьмиугольника отходили прямоугольные крылья, чьи забранные решетками окна напоминали безучастные глаза гигантского плавучего шлема в «Замке Отранто» [139]. Шестифутовая кованая решетка окружала спроектированные Буллфинчем строения. (Какая нелепость: из особняка Лоуэлла перенестись вдруг в прямо противоположное ему творение того же мастера!) Кругом, насколько хватал глаз, расстилались возделанные узниками поля.

Несмотря на теплый июньский вечер, Агассиса прошибла дрожь, и он подумал, что если войдет сюда, то уже никогда больше отсюда не выйдет. Он даже не был уверен, знает ли кто-нибудь, где он. Не важно, какая безумная бюрократическая

---

[139] Примечания: 139
Готический роман Г. Уолпола.

путаница привела к его аресту, пройдут десятилетия, пока она разрешится, а тем временем он зачахнет, превратившись в состарившегося до срока калеку. Господи милосердный, ему ведь всего сорок лет! Он слишком молод, чтобы быть погребенным в каземате, ему столько еще предстоит совершить, столько почестей пожать…

Агассис бросился бежать. Поваленный наземь подножкой сержанта Руфуса, он в конечном итоге только наглотался пыли.

— Полноте, профессор, какой прок…

За воротами Агассиса передали тюремному надзирателю, имевшему поразительное сходство с более крупным представителем человекообразных, скажем, с Gorilla gorilla. Этот вооруженный дубинкой Джек Кетч [140] повел Агассиса через лабиринт освещенных факелами коридоров, пока они наконец не достигли стигийской камеры. Открыв дверь, надзиратель втолкнул Агассиса внутрь и с лязгом повернул в замке ключ.

В сочащемся из глазка тусклом свете Агассис увидел лежащую на топчане фигуру. Тело внезапно пошевелилось и представилось:

---

[140] Примечания: 140

Ставшее нарицательным имя английского палача, отправлявшего эти обязанности в 1678–1686 гг. и прославившегося жестокостью и некомпетентностью.

— Джосая Догберри, сэр. С кем имею честь?

Когда Агассис, не в силах стряхнуть оцепенение, не ответил, Догберри продолжал:

— Нужно чуток пообвыкнуться, а? Что ж, увидимся утром.

После чего снова заснул под вышеупомянутый носоглоточный аккомпанемент.

Теперь, бессчетные часы спустя, Агассис все еще не мог оправиться. Сырые и склизкие каменные стены камеры, казалось, давили на него. Он попытался побудить себя к действию. Как назывался дешевый романчик, который он читал на корабле по пути в Америку? Ах да, «Граф Монтекристо»… И как же его главный герой сумел бежать? Кажется, прорыл ложкой подкоп. Агассис произвел досмотр содержимого своих карманов: карандаш (с семейной фабрики Торо), поспешно смятые в спешке заметки к лекции, несколько монет, карманные часы и пахнущий патокой носовой платок.

Его план очевиден: он нацарапает прощальную записку, подкупит тюремщика, чтобы тот передал ее на волю, дождется, когда часы пробьют полночь, и удавится носовым платком.

Внезапно в камере воцарилась тишина. Догберри перестал храпеть. Агассис приготовился

отразить нападение закоренелого преступника, в чью камеру его бросили.

Догберри потянулся и зевнул, потом сел, подставив лицо свету. Это лицо было определенно юношеским и мягким, совсем не таким, какое нарисовало Агассису воображение.

— Эх, недурная была ночка. Нет ничего лучше сна, чтобы примирить тебя с миром! А как вы покемарили, старина?

Несколько успокоенный цивилизованным поведением Догберри Агассис ответил:

— Боюсь, не слишком хорошо. Кстати, меня зовут Агассис. Луи.

— Вот и славно. Скоро придут с утренней овсянкой. Если повезет, долгоносиков в ней будет не слишком много.

Опасаясь, что, возможно, нарушает правила хорошего тюремного тона, Агассис все же не удержался от вопроса:

— И… в чем ваше преступление, мистер Догберри?

— По сути, я в каталажке за оскорбление художественного вкуса.

— Я и не знал, что это наказуемый проступок.

— И я тоже. Но деньги в дверь, искусство — в окно.

— Боюсь, я все еще не понимаю…

— Прошу вас… взгляните на мою визитную карточку. Догберри протянул Агассису печатную картонку:

ДЖОСАЯ ДОГБЕРРИ, ЭСКВ.
СТРАНСТВУЮЩИЙ ХУДОЖНИК
ПИШУ ПОРТРЕТЫ
ИЗЫСКАННО И БЫСТРО
ПРОФИЛИ 10 центов
АНФАСЫ 25 центов
ПОЯСНЫЕ 50 центов
С ГОЛОВЫ до ног 1 доллар
(ЗА РУКИ ДОПОЛНИТЕЛЬНО)

Над текстом помещался образчик портретного искусства Догберри. На рисунке размазанными линиями был изображен горбатый карла-гидроцефал.

— Понимаю, — сказал Агассис, возвращая карточку. — Возникли разногласия из-за оплаты ваших трудов…

Догберри вздохнул.

— Можно сказать и так. Я исходил кровавым потом, рисуя все семейство Пикенсов, но им и того было мало. Отец заявил, что его младшенький вышел свинья свиньей. Потребовал деньги назад,

вот что он сделал. К несчастью, я все потратил на низменные нужды тела, а именно на пирог с почками, партию в кегли и ночлег. И вот я здесь.

— Можно спросить, где вы обучались?

— Самоучка до мозга костей, сэр, и этим горжусь. Я начал жизнь как скромный босоногий батрак. В свободные минуты я на любой подвернувшейся доске рисовал углем скотину. Когда мне пришло время пробивать себе дорогу в мире, я, естественно, решил испытать себя на поприще рисования.

— Быть может, вам лучше было остаться на ферме…

— Не вышло бы, Лу. Я — самый младший из шестнадцати братьев, и к тому времени, когда я вырос, землю уже поделили между ними. Ее и было-то всего два акра! Впрочем, и им тоже пришлось несладко. Помнится, однажды Джошуа — он у нас старший — пришел к Джереми — тому, который хромает, — и сказал: «Пойди позови Джеба, Джейсона, Джетро, Джима, Джона, Джена, Джаргена, Джеда, Джабеза, Джахата, Джоба, Джоэля и Джулиуса — нам надо поговорить о том, как снова объединить родовое наследство». И вот, сэр, к тому времени, когда Джеремия, не забывайте про его хромоту, собрал всех, цена

на зерно упала еще на пенни за бушель! Верно, как налоги, для фермеров Новой Англии настали тяжелые времена. И все из-за дешевых товаров с запада, которые везут по каналам и железньш дорогам, — они-то нас и прикончат. Будь проклят тот лень, когда спроектировали канал Эри!

— Но прогресс…

— Прогресс для одних — всегда регресс для других, Лу. Помяните мое слово.

От раздумий над этой новой для него точкой зрения Агассиса оторвал скрежет ключа в замке.

Дверь отворилась, и на пороге возник тюремщик, принятий сюда Агассиса прошлой ночью. Но вместо завтрака он пришел со следующими пугающими словами:

— Эй, ты, новенький… пойдем со мной.

— Задайте им жару за всех нас, маленьких людей, Лу. На подгибающихся коленях Агассис двинулся впереди вооруженного дубинкой тюремщика. Они миновали лабиринт коридоров, где из-за дверей камер доносились всевозможные стоны и жалобы, и спустились еще на этаж вниз. В этот нижний подвал как будто заходили редко: заплесневелые стены украшала паутина, по полу с удивительно разумным видом сновали крысы, на груде ящиков было выведено карандашом:

Наконец они остановились у двери, из-под которой сочился свет.

— Внутрь! — рыкнул стражник.

Агассис положил руку на дверной засов. Его била такая крупная дрожь, что передавалась на неплотно прилегающую к косяку дверь, и на туфли ему посыпалась пыль. Но *W*все же заставил себя открыть Врата Страшного Суда, после чего его взору явилась непостижимая картина. % Откуда-то исходил едва ощутимый гул, который было трудно оставить без внимания. Пол просторной комнаты устилал богатый восточный ковер. Стены были заверены гобеленами. Посреди комнаты стоял длинный дубовый стол, покрытый дамастовой скатертью. В центре стола разливал свет старинный подсвечник о шести лапах.

По обоим концам стола против двух стульев с высокой спинкой стояли два столовых прибора. От различных блюд под крышками исходили запахи яичницы, бекона, тостов и кофе.

На одном конце стола сидел мужчина, облаченный в высокие начищенные сапоги и мундир прусского офицера — сплошь золотые пуговицы, позументы и эполеты. На поясе у него висела рапира без ножен. Лицо его было столь же

жестким и резким, как камни в Какфилдской каменоломне, откуда Мэнтелл выкапывал свои окаменелости. Одни глаз был скрыт за черной повязкой с древнеарийской свастикой, этот первоначальный символ солнца был вышит белым.

— Герр профессор, — сказал мужчина тоном, в котором было что-то от движений королевской кобры (Ophiophagus hanna), — не желаете ли позавтракать со мной?

Агассис завороженно опустился на предложенный стул.

— Прошу вас, не стесняйтесь.

Не глядя положив себе яичницы с беконом и проглотив гигантский ком в горле, Агассис нашел в себе силы спросить:

— А… А ваше имя вас, сэр?

— Вам, герр профессор, выпала скромная привилегия обращаться к смиренному представителю короля Пруссии. Я — Ганс Бопп, верный слуга его величества Фридриха Вильгельма Четвертого.

Агассиса захлестнул страх. Так вот он, второй человек, против которого предостерегал Цезарь, бесславный глава прусской тайной полиции.

— Нам нужно кое-что обсудить, — продолжал тем временем Бопп. — Но давайте повременим с этим, пока не отведаем новой американской

кухни. Это мой первый визит в Новый Свет, и я намерен сполна им насладиться. Угощайтесь.

Слова и тон Боппа не подразумевали возражений. Не чувствуя вкуса блюд, Агассис мужественно жевал и глотал.

Все это время Бопп оживленно болтал на отвлеченные темы: о поэзии Эйхендорфа, музыке Моцарта (в особенности скрытом масонском символизме в «Волшебной флейте») и пейзажах Каспара Давида Фридриха… Неудивительно, что, немного расслабившись под цивилизованную беседу, Агассис действительно начал получать удовольствие от кофе, когда Бопп неожиданно сказал:

— Вам ведь известно, что вы все еще на службе у короля Фридриха, герр профессор?

Агассис поперхнулся кофе. Несколько оправившись, он возразил:

— Но как это возможно? Грант был предоставлен только на два года, и его срок истек в марте. Я истратил все деньги, но могу дать строжайший отчет…

Из внутреннего кармана мундира Бопп вынул какие-то бумаги. С упавшим сердцем Агассис узнал контракт, который прислал ему на подпись Александр фон Гумбольдт. Будь проклято

его собственное корыстолюбие… Но ему нужны были эти три тысячи долларов, чтобы уехать в Америку…

— Могу я процитировать вам часть четвертую, параграф шестнадцатый, статью девятую? «Нижеподписавшийся обязуется предоставлять короне свои услуги на период, не превышающий двадцати лет со дня истечения этого контракта. В случае смерти правящего монарха (храни, Господи, его душу) право прибегнуть к ним переходит к его преемнику».

Агассис попытался слабо усмехнуться.

— Но, разумеется, подобная статья — всего лишь пережиток древнего droit de seigneur [141], и не предполагается, что она действительно будет применена?…

Сложив бумаги и убрав их назад в карман, Бопп ответил:

— Боюсь, вы ошибаетесь, герр профессор. На деле это Современная клауза и юридически совершенно законная.

Более того, эту самую статью я смог использовать — вкупе с моим положением прусского посла, — чтобы убедить губернатора приказать

---

[141] Примечания: 141
сеньориальное право (фр.).

вас арестовать. Но в нашей беседе мне пока не хочется прибегать к судебному преследованию или упоми нать о неудовольствии короля, которое я как его официально уполномоченное доверенное лицо по долгу службы буду обязан выразить. Нет, я намерен воззвать к вашей чести и к нашему общему наследию.

Звякнув рапирой о стул, последний тевтонский рыцарь встал и принялся по-военному вышагивать взад-вперед по комнате.

— Я обращаюсь к вам, герр профессор, как к собрату-арийцу. Верно, формально вы не являетесь потомком германских племен, но как чистокровный швейцарец представляете ближайшую родственную ветвь нашей благородной семьи. Быть может, вы знакомы с графом де Гобино, французом? Нет? А жаль. Он как раз составляет монументальный труд, который намерен назвать «Неравенство человеческих рас». Полагаю, вам он покажется увлекательным. В нем подробно описывается происхождение ариев на индоевропейском плато, их миграцию и их истинное место как господ и правителей над всеми упадочными расами.

Но на пути этого предназначения, триумф которого в конечном итоге неизбежен, как и на пути

любого временного плана, возникают препоны и преграды. Хотя славное правление сынов Ахурамазды рано или поздно наступит, его приход может быть отсрочен. Видите ли, низшие расы наделены примитивной хитростью. Они могут чинить препятствия на пути нашего успеха. Помимо прочего, они решительно радикально превосходят нас числом.

Клянусь Вотаном, они невероятно плодовиты! Мы, северяне, поглощенные проблемами духа и интеллекта, в делах продолжения рода едва ли способны тягаться с тропическим отребьем. Отвратительно, как они размножаются, — точно черви в грязи! И точно так же, как мы без малейшего раскаяния давим донимающее нас насекомое, так и низшие расы всего мира должны быть подчинены отеческому и мудрому правлению германского порядка. И быстро истреблены!

Бопп умолк, и Агассис постарался ответить деликатно, потому заговорил медленно, подбирая слова:

— Соглашаясь по сути с вашими взглядами на врожденное превосходство белой расы, позволю себе не согласиться с вашими агрессивными планами мирового господства. Разумеется, наиболее мудрым и требующим наименьших усилий

подходом будет просто политика жесткой сегрегации. Достаточно запереть темнокожие расы на их части земного шара, а мы будем жить на своей. Например, мы могли бы начать с вывоза всех американских чернокожих назад в Африку…

— И отдать им бессчетные неразработанные богатства этого континента?! — взорвался Бопп. — А что, если они выкрадут у нас столько оружия, что станут представлять военную угрозу? Нет, так не пойдет, герр профессор. Поверьте мне, это война не на жизнь, а на смерть. И хотя конечный триумф арийских сил, который положит начало тысячелетнему рейху, неизбежен, цена победы может быть высокой или низкой, и зависит она от того, что делаем мы сегодня.

Видите ли, хотя научной и военной доблестью Германия превосходит и будет превосходить прочие страны — только вспомните, будьте добры, чудеса военных заводов Круппа, полезные открытия таких ученых, как барон Либиг [142], и менее понятные профану находки натуралистов вроде вас, — есть другой аспект нашей культуры, которому в последнее время позволили прийти в упадок.

---

[142] Примечания: 142

Барон Юстус фон Либиг (1803–1873) — немецкий химик, один из открывателей хлороформа.

Я говорю сейчас о религиозной стороне, об оккультной сфере.

С приходом Просвещения ариец был склонен пренебрегать тем, что нельзя взвесить или измерить. Утратив связь с духовными элементами своей природы, внутренним светом Валгаллы, который только и направлял все его устремления, он срубил дерево Иггдрасиль. Возьмем плачевное состояние моего ордена, члены которого превратились сперва в крупных землевладельцев, потом в смиренных вассалов, и все потому, что повернулись спиной к тайному знанию, которое мы принесли из Иерусалима.

В одном нужно отдать должное дикарям: какой бы налет цивилизации они ни пытались сымитировать, они мудро держатся за свои религии. Древние боги и ритуалы по сей день подпитывают их повседневные дела и их волю к жизни.

И эту языческую духовную энергию я намерен вернуть германским народам. И начну с использования фетиша Готтентотской Венеры!

Агассис едва не выругался. Треклятый pudendum! И зачем только Кювье сохранил его в формальдегиде? Неужели он будет преследовать его до конца жизни?

Агассис попытался отговорить прусского Пара-

цельса от его планов:

— Но, герр Бопп, неужели вы всерьез хотите осквернить себя негритянской магией?

— Почему нет? Что может быть справедливее, чем обратить против дикаря его же оружие? Магия, мой дорогой профессор, не знает этнических различий. Меня нисколько не смущает любое средство, которым я достигну своих целей, будь то шаманизм краснокожего или даосизм желтокожего.

Единственный глаз Боппа заблистал. Тевтонский рыцарь надвинулся на Агассиса.

— Я провижу, как тысячи культов и сект вдохнут новую силу в душу германских народов. И орден Розенкрейцеров перестанет быть единственной альтернативой для жаждущих космической истины. Нет, возникнут сотни новых орденов: Mystic Aeterna, Stella Matutina, Ordi Templi Orientis, «Лига молота», общество «Туле»,

ложа «Братство Сатурна» [143]... Древние вернутся! Не мертво то, что лежит вечно! Он не спит, он только видит сны!

Провидческий транс Боппа развеялся так же быстро, как и наступил, явно обессилев тевтонского рыцаря. Он поник, опершись о спинку стула Агассиса, но потом с усилием выпрямился.

— Ваш долг, герр профессор, как по условиям контракта, так и как представителя арийской расы, помочь мне завладеть фетишем. Само собой разумеется, вы свяжетесь со мной, как только получите бесспорные сведения, что колдун был где-то обнаружен.

— А если откажусь?

Бопп зловеще улыбнулся:

— Позвольте вам кое-что показать.

Подойдя к одному из гобеленов, Бопп приподнял его, открывая дверь. Жестом он пригласил Агассиса толкнуть ее и пройти первым.

---

[143] Примечания: 143

Mystic Aeterna (букв.) — «Мистическая вечность»; Stella Matutina — «Утренняя звезда»; Ordi Templi Orientis — «Орден Восточного храма». Ганс Бопп перечисляет различные существовавшие в двадцатом веке оккультные общества, некоторые из них существуют и по сей день. Вероятно, самые известные из вышеперечисленных Ordi iTempli Orientis (оккультный орден, основанный Алистером Кроули на базе языческих традиций) и общество «Туле» — немецкий оккультный орден, основанный в 1912 г.; на основе, в частности, его идей в 1919 г. была создана «Немецкая партия рабочих», которая год Спустя превратилась в НСДРП, которую возглавил Адольф Гитлер.

Пахнущая сыростью комната подрагивала от гула, издаваемого огромным водяным колесом, ось которого была вмурована в стену. Возле двери вливался в помещение подземный поток, который, пройдя по глубокому каменному желобу в полу, исчезал под дальней стеной.

К ободу колеса были ремнями привязаны двое, в которых потрясенный Агассис узнал своих позавчерашних посетителей: Гёне-Вронского и Леви. С каждым оборотом колеса они то скрывались под водой, то, кашляя и отплевываясь, из нее выныривали, и тогда у них едва-едва хватало времени сделать вдох перед следующим погружением.

— Жалкие человечишки, вознамерившиеся поиграть в эту великую игру, — саркастично сказал Бопп. — Я поймал их, когда они наводили справки. Но не тревожьтесь. Я не собираюсь их убивать, просто преподам им небольшой урок, а затем отошлю назад в Париж. Но вот попади мне в руки проклятый Костюшко, у истории был бы совсем иной конец! Однако довольно забав… Пойдемте.

Закрыв дверь в камеру пыток, Бопп сказал:

— Полагаю, мне нет нужды разъяснять то, какое отношение имеет к вам, герр профессор, то,

что вы сейчас увидели? Так я и думал. Тогда вы свободны. Надзиратель ждет вас, чтобы проводить до ворот тюрьмы.

Едва Агассис протянул руку к двери, его остановили прощальные слова Боппа:

— Если вы еще колеблетесь, профессор, позвольте заверить вас: у недочеловеков и всех их союзников только одно будущее — сапог, попирающий лицо, — отныне и навеки!

Не помня, как поднялся по лестницам, Агассис очутился на первом этаже тюрьмы. События последних двадцати четырех часов перенапрягли его мозг.

Солнечный свет, льющийся через незабранное решеткой окно приемной, начал понемногу возвращать его к жизни. Пока клерк возился с бумагами касательно его освобождения, Агассис силился убедить себя, что последние сутки были просто ужасным кошмаром. Судьбы мира, разумеется, вершат не безумцы…

В приемную ввели еще одного заключенного. Это был Догберри.

— Рад видеть, что вы выдержали все, что бы вы там ни выдержали, Лу, хотя лицо у вас совсем как лук-порей, который мы варили на ферме. Тем не менее вы ничего не потеряли, оставшись

без завтрака. Я насчитал в каше пятнадцать трупиков долгоносиков, не говоря уже про крылья и усики.

Радуясь привычному и дружелюбному лицу, пусть он и познакомился с Догберри этой ночью, Агассис спросил:

— Выходит, и вас тоже сегодня выпускают, Джосая?

— Похоже на то, Лу. Хотя ума не приложу, что буду делать, как выйду. Наверное, переберусь со своим ремеслом в городок, не столь космополитичный, где люди еще не помешались на новомодном дагерротипном реализме…

Чем-то — разумеется, не своим ничтожным талантом, — незадачливый художник напомнил Агассису Динкеля, его верного рисовальщика на протяжении двадцати лет, который решил остаться в Европе. И сам удивился, услышав слова, сорвавшиеся у него с языка:

— Как вам понравилось бы работать на меня, Джосая? Рисовать придется животных, а не людей, что, возможно, подходит вам больше.

Догберри хлопнул себя по коленям, выбив из панталон облачко пыли.

— Понравилось бы? Ба, Лу, вы — тот патрон, какого Рембрандт нашел в Медичи!

— Вы, наверное, имели в виду Микеланджело, Джосая.

— Боюсь, для меня что один итальяшка, что другой — все едины.

Вскоре два бывших узника вышли под небо Чарльстона. Никогда прежде такая малость, как вдыхание воздуха, не наполняла Агассиса столь большой, как в то утро, радостью. Он поклялся никогда не забывать, что чувствовал в эту минуту…

Несмотря на бессонную ночь и неприятную беседу, Агассис обнаружил, что наслаждается прогулкой по Чарльстону ранним утром. На пароме до Восточного Бостона он то и дело ловил себя на том, что глупо улыбается.

Он сознавал, что, если взглянуть беспристрастно, его жизнь стала с ног на голову. С одной стороны, он вынужден предоставлять кров предателю белой расы и его человекообразной, не говоря уже о терпсихорствующем вожде оджибуэев. За ним одновременно следят и поборник тирании, и анархист. Его жена при смерти, и, наконец, фиаско прошлой ночью безвозвратно погубило его надежды на место профессора в Гарварде.

С другой стороны, он не привязан к мельничному колесу!

Отворяя незапертую дверь своего дома, Агассис позвал:

— Пуртале, Буркхардт, Дезор, эй! Ваш вождь вернулся целым и невредимым!

Из кладовой высунулась голова Джейн:

— Ш-ш, профессор! Все спят. Он вернулись только два часа назад…

— Ленивые негодники! И надо думать, никто из-за меня даже не встревожился…

Джейн поглядела на него обиженно.

— Мастер Дезор сказал, что видел, как вы влезаете в повозку с пьяницами и уличными девками. Он сказал, что вы обнимали двух гулящих разом, а третью посадили себе на колени.

Агассис почувствовал, как на лбу у него набухают вены, но попытался подавить свой гнев.

— Ничего столь постыдного я не делал. Я провел ночь в тюрьме и сегодня утром едва-едва избежал встречи с дыбой.

Джейн охнула и бросилась ему на шею.

— Ах, Луи, от одной только мысли у меня голова кружится! Бедный вы, бедный!

Тут Агассис заметил, что Догберри наблюдает за происходящим, пожалуй, даже со слишком большим интересом.

— Гм, спасибо вам за заботу, мисс Прайк. Э…

позвольте представить мистера Джосаю Догберри, моего нового помощника. Думаю, мистер Догберри не прочь позавтракать.

— Уж куда там! Десяток блинчиков и ломтик-другой бекона придутся в самый раз. Но полегче с усиками да крыльями.

Предоставив служанке позаботиться о нуждах Догберри, Агассис удалился в кабинет. Освежившись при помощи кувшина и тазика, он задремал на кожаном диване.

Прибытие утренней почты дало Джейн повод его разбудить. Лукаво сообщив, что остальные домашние — включая мистера Догберри — еще не вставали, она терпеливо подождала, пока Агассис покончит с письмами.

Три письма Агассис решил вскрыть незамедлительно. На первом стоял обратный адрес низкорослого, но влиятельного и могущественного Эббота Лоуренса.

Силясь сохранить утреннее бесшабашное настроение (в Америке достаточно других учебных заведений, которые с радостью предоставят ему место, Йельский университет, например), Агассис вскрыл конверт.

Дорогой профессор Агассис:

Не могу сказать, когда развлекался столь упоительно, как вчера вечером. Вероятно, в последний раз мы так повеселились, когда мы с Беном Франклином в 88-м покрасили в черный цвет филадельфийскую звезду. Успех вечера я считаю целиком и полностью заслугой вашей и ваших превосходных помощников. Черт бы побрал эту муху! Марта! Так о чем я? Ах да. Вы можете рассчитывать на мою всемерную поддержку вашей кандидатуры на новом факультете, которую я вот-вот учрежу. Некие различия женской анатомии просто восхитительны, не правда ли?..

Искренне ваш,

Э.Л.

Агассис поймал себя на том, что за чтением напряженно сгорбился. Теперь он с благодарностью откинулся на спинку кресла. Жизнь прекрасна. Он просто создан для успеха. Все его неурядицы вскоре развеются. (Но что такого рассказал — или показал — миллионеру Цезарь касательно африканской самки?)

Второе письмо было от Осии Клея.

Ваше трусливое пройдошество!

Как вам на сей момент прекрасно известно, я как раз вознамерился отрезать вам еще сувенирчик от вашего невостребованного раба, когда это животное схватило кочергу, дерябнуло мне по кумполу и было таково. Последние несколько дней я возлежал, иначе бы вы получили рассказ об этой посрамной истории даже раньше. Будьте уверены, что мой адвокат, как только я его найму, схватится с вашим. Убытки будут огромадные.

Ранено ваш,

Осия Клей

Еще один груз с души свалился. Решится он поставить на три из трех?…

Дорогой Луи!

Пожалуйста, простите, что обращаюсь к вам как к давнему другу. Надеюсь, из-за этого вы не сочтете меня легкомысленной. Но после нашего прочувствованного tete-a-tete [144]мне кажется, я знаю вас уже целую вечность. Ваши фило-

---

[144] Примечания: 144
разговор с глазу на глаз (фр.).

софские прозрения всколыхнули меня до глубин моей женской души. Надеюсь, нас с вами ждет еще много подобных задушевных бесед.

С глубокой приязнью остаюсь ваш добрый друг.

Лиззи Кэри

Агассис почувствовал, как тепло заливает нижнюю часть его туловища.

Мысли о лилейной Лиззи разбудили в нем генетические инстинкты.

— Вы не против, Джейн? У меня был такой тяжелый день…

— О нет, сэр! Я могу попрактиковаться в новой забаве, которую попробовала прошлой ночью.

Став на колени, Джейн начала расстегивать его панталоны.

В этот момент дверь в кабинет внезапно распахнулась. В дверном проеме стоял Якоб Цезарь.

— Ах, майн готт, Луи, хвала создателю, фы целы! Мы нихт знать, что и думать…

Тут до Цезаря дошло, что он ворвался некстати.

— Доннерветер, прошу прошения, я бин не знать… Но давать задний ход буру было уже

слишком поздно.

На шум сбежались остальные домашние. В первых рядах стояли Эдвард Дезор и Дотти.

— Так вот какой пример вы подаете своим подчиненным, Агасс? — самодовольно осведомился Дезор.

— Нет, сэр, вы не поняли, — принялась оправдываться Джейн. — Это просто… то есть… я просто пришивала пуговицу на панталоны хозяина!

— Пуговицу? И где же она? И где же ваши иголка с ниткой? Может, вы их проглотили? И, наверное, эта пуговица запасная, потому что, насколько я вижу, все на месте.

— О, я… — Спрятав лицо в ладони, Джейн разрыдалась. Дотти поспешила к девушке и, приобняв бедняжку одной рукой за плечи, провела ее мимо смущенных ученых.

Агассис собрался было встать, но сообразил, что пуговицы расстегнуты и потому шевелиться не стоит, и остановился на том, что чопорно сложил руки на виновном месте, и сказал:

— Эдвард, вы не поняли истинного смысла этой вполне невинной сцены.

— Прошу вас, не оскорбляйте мои умственные способности. Будь обстоятельства более очевидными, им было бы место на литографии Сонреля

к «Фанни Хилл». Можете, однако, положиться на мою лояльность и сдержанность — пока будете их достойны. Пока же я вас оставлю приводить себя в порядок.

Вскоре Агассис остался наедине с Цезарем.

— Что ж, — сказал бур, — в майн стране…

— Да катитесь вы с вашей чертовой страной!

— Не слишком фы ласкофы с тем, кто добыл вам теплое мештечко в Гарварде.

— И как же именно вы это сделали? — поинтересовался Агассис.

Цезарь открыл было рот, собираясь ответить, но Агассис поднял руку, чтобы его остановить.

— По размышлении зрелом оставьте это при себе. Цезарь улыбнулся:

— Und при Дотти.

8
Рыбная история

В медвежьих лапищах Якоба Цезаря тонкий кронциркуль казался зубочисткой. Острия измерительного инструмента терялись в шерстяных завитках на макушке Дотти Цезарь. Пожевывая ивовый прутик для очистки зубов, прихлебывая какой-то туземный напиток из пустой скорлупы

от страусиного яйца, привезенного из дома, готтентотка терпеливо давала себя осмотреть. Чтобы скоротать время, она листала «Нану» Бальзака во французском оригинале и то и дело хихикала.

Цезарь называл замеры, точно матрос на Миссисипи, лотом проверяющий глубину и выкрикивающий: «Марк Твен» [145].

— Три запятая шесть, пять запятая девять, десять запятая двенадцать…

За письменным столом Агассис выстраивал по этим цифрам замысловатую кривую и одновременно записывал их в таблицу, состоящую из нескольких граф и колонок. Наконец он поднял руку, показывая, что данных у него достаточно.

— Ну вот, — сказал ученый, — все именно так, как я и подозревал. С точки зрения краниометрии и френологии ваша готтентотская подруга не обладает достаточно развитым черепом, чтобы ее можно было отнести к разумным существам. Как и остальные представители ее расы, по своему умственному развитию она ближе к шимпанзе, чем к человеку.

---

[145] Примечания: 145

К сожалению, непереводимая игра слов. Выражение «Mark twain», которое взял себе как псевдоним писатель Сэмуэль Клеменс, имеет буквальное значение «норма пополам». В XIX в. его использовали лоцманы и матросы речных судов для обозначения замеров глубины фарватера.

— Что за чушь фы городить?

Агассис вспыхнул от раздражения.

— Послушайте, старина, все вот тут написано черным по белому, неопровержимо доказано математикой. Да ведь у нее вместо Шишки Проницательности впадина! Не говоря уже про искажение по Узлу Мышления и гипертрофированный Изгиб Эротичности. И общий объем ее черепной коробки явно недостаточен. Получи Сэм Мортон [146] ее препарированный череп, готов поспорить, он смог бы набить в него всего несколько унций картечи.

Цезарь с отвращением швырнул о стену кронциркуль. Одна «нога» засела в акварели, запечатлевшей родную деревуш ку Агассиса.

— Это фаш череп набит картечью, Луи! Нихт разумна… Да как фы мошете такое гофорить, пошти месяц прожиф с ней нос к носу?

Агассиса от этой метафоры передернуло.

— Никакой личной вражды тут нет, Якоб. Это чисто научное заключение. А с наукой не поспоришь! Да, конечно, ваша подруга обладает определенными инстинктивными качествами,

---

[146] Примечания: 146

СэмюэльДж. Мортон (1799–1851) — врач из Филадельфии, измеривший сотни черепов с целью доказать врожденные различия между расами, прежде всего разного объема мозга.

которые могли бы одурачить профана, заставив его думать, что она способна рассуждать, как человек. Но более тщательный анализ показывает, что к истинно логическим заключениям она способна не больше… — Агассис силился подыскать уместно невероятное сравнение, — чем Tursiops truncatus, дельфин-афалина.

На это ему, отложив книгу, ответила Дотти. Агассис был вынужден признать, что ее английский, хотя еще ученический, значительно улучшился с ее приезда.

— Предположим, профессор Агассис, что я признаю, что стою на ступень ниже представителей вашей белой расы. Предположим, я назову себя животным. Не думаете ли вы, что даже животные заслуживают этичного обращения?

— Нуда, в определенных границах… то есть если на карту не поставлено благо человечества.

— Тогда как вы оправдываете гнусные надругательства, которым подвергают чернокожих рабов на вашей второй родине? Порки, разлучение членов семьи, непосильный труд от рассвета до заката…

Агассис кашлянул, прочищая горло. Вынул носовой платок и высморкался. Он поймал себя на том, что не может встретиться с бушменкой

взглядом.

— Нелепость какая! Я уподобляюсь душевнобольному, спорящему о метафизике с собакой! Но пусть никто не скажет, что Агассис когда-либо не ответил на брошенный ему вызов, сколь бы абсурдным он ни был! Прежде всего, дерзкое ты существо, американская система возникла задолго до моего приезда, и к ее установлению лично я никакого отношения не имею. Морально я выше этой проблемы. Тем не менее человек, пожелавший защитить систему, может найти в ней немало доброго. Во-первых, она принесла свет христианства многим душам, которые в противном случае Пребывали бы в моральном невежестве. Во-вторых, материальные условия жизни американских чернокожих неизмеримо выше уровня жизни на их старой родине. Колючки и глина сменились деревом и кирпичом. Питательный хлеб И свежее молоко с лихвой заменяют корни и личинки.

— Лишинки не есть плохи, если знать, как их приготофить, — вставил Цезарь.

Это замечание Агассис оставил без внимания.

— И в-третьих, их не требующий ума труд в основе своей полезен для их конституции и обеспечивает стране в целом более высокий уровень

жизни. Если это достигается ценой нескольких ударов кнутом — насколько я понимаю, назначаемых только, когда подлинно заслужены, — то порабощение негров вполне оправданно. И вообще, неужели, будь они свободны, они жили бы иначе?

— С ваших слов все выглядит довольно привлекательно, профессор Агассис, — с самым серьезным видом ответила Дотти. — Может быть, вы согласились бы хотя бы на день-другой поменяться местами с рабом?

Агассис подскочил от ярости.

— Что за смехотворное предложение! Только представьте себе меня, Луи Агассиса, воющего негритянский псалом на хлопковой плантации! Сами видите, Якоб, насколько мало ход мысли этого существа походит на мышление истинного человека. Даже вы теперь должны это признать.

— Признать я долшен лишь то, что отдал бы доллар-другой, лишь бы посмотреть, как фы, фзвалив себе на плечи Мешок хлопка, распефать трудовые дагомейские песни.

— Фу! Этот глупый разговор ни к чему нас не приведет.

Вид у Цезаря сделался мрачный.

— Фот это тошно, Луи. Где обретается Т'гузери,

мы сейшас знаем не больше, чем дфе недели назат, когда фас фыпустили из тюрьмы. И фы федь знать, какой сегодня день? Последний, когда дер орган Саартье фпитывал силу настойки на даке. Со дня на день Т'гузери может пойти ф космогоническое мешто и там ошивить дер фетиш.

— Нет нужды мне про это напоминать. Вы думаете, я не встревожен? Но что мы можем сделать? Я истощил все мои гипотезы, напрягал мой интеллект, но понятия не имею, как нам разыскать эту хитрую бестию. Я был уверен, мы найдем его в последнем месте, которое мы обследовали.

— Фы думать, он фьет феревки на Канатном дворе?

— Ну, их же вьют из конопли… Признаю, мы зашли в тупик. Остается только надеяться, что он попадет в руки Боппуили Костюшко до того, как учинит что-нибудь ужасное. С другой стороны, мне неприятно думать, что эти безумцы заполучат фетиш для собственных целей. Но, может, они разорвут друг друга на части, как килкентские коты [147].

— Оба они есть отъяфленные негодяи. Я бин против с ними сфязываться. Ну, пойду на свою

---

[147] Примечания: 147

Агассис имеет в виду ирландскую легенду о двух котах, которые дрались до тех пор, пока от них не остались только хвосты.

лодку, фыкурю трубку, пока софсем не пал духом. Может, мы с Дотти фсетаки что-то придумаем. Хотите к нам присоединиться?

— Нет. Мне нужно уладить личные дела.

После ухода Цезаря и Дотти Агассис вызвал к себе Джейн.

— Можете уделить мне минутку среди ваших домашних хлопот, милая Джейн? Я несколько выбит из колеи. А кстати, я уже говорил, что румянец у вас на щеках напоминает мне нежный цвет яблоневых лепестков?

Но Джейн уставилась в пол, растирая носком маленькой боты невидимую букашку на ковре.

— Видит Бог, профессор, я уже теперь и не знаю, должна ли слушать эти ваши комплименты. Понимаете, в последнее время меня кое-что тревожит.

— Ну так выкладывайте, девушка! — нетерпеливо буркнул Агассис.

— Ладно. Только не взыщите, если я буду говорить нескладно. Мне трудно это сказать. Я еще не совсем в себе разобралась, ведь столько книг новых читаю.

— Книг? Каких еще книг?

— Ну разные, мне их мисс Дотти дала. Брошюры Соджорнер Трут и ее подруг. Памфлеты, в

которых говорится, как женщин всегда угнетали, топтали и мучили. Как их сперва использовали и надругивались — нет, надругались — мужчины, которые их сперва соблазняли, а потом бросали. Как мы производим больше половины мировых богатств, но получаем гораздо меньше причитающейся нам доли. Как мы рожаем и растим детей, убираем дома, готовим еду, а потом за наши труды нас же и бьют, и мы плачем в синяках по ночам! Как мы должны отправлять своих сынов и мужей — сколь бы никчемными они ни были! — на проклятые глупые войны в чужих странах, войны, которые не мы начали! Как женщины сродни неграм всего мира!

Голос Джейн становился все громче и громче, и последний поразительный лозунг она почти выкрикнула.

Агассис был как громом поражен. Внезапно он понял, что нижняя челюсть у него вот-вот вывихнется — совсем как у удава удушающего (Boa constrictor), — и, щелкнув зубами, закрыл рот.

— Ну вот, я это сказала! — дрожа, но с вызовом воскликнула Джейн и уже спокойнее добавила: — Еще что-нибудь, сэр?

— Н-нет. Э… спасибо, что поделились со мной этими свежими взглядами, Джейн. Может, мы

могли бы обсудить их подробнее сегодня ночью?... Нет? Я так и думал. Тогда обязательно подольше посидите сегодня за чаем, Джейн.

— Всенепременно!

Когда его восставшая горничная, хлопнув дверью, удалилась, Агассис отпустил вполголоса несколько проклятий. Гореть готтентотке в самом жарком круге ада!

Чтобы умерить свой гнев и утишить неудовлетворенные генетические инстинкты, Агассис достал из кармана и еще раз перечел многократно сложенное письмо:

Возлюбленный Луи!

Трудно поверить, что вы действительно мой, что вы избрали меня, что когда-нибудь я стану вашей женой. Вы пишете, что томитесь, когда же я буду при вас постоянно, когда же украшу ваш дом моими «улыбающимися глазами». Как я об этом мечтаю! Нет для меня на земле дома, кроме подле вас.

Каждый вечер я молюсь, чтобы этот день наступил скорее!

Обожающая вас

Лиззи

К чему ему ласки посудомойки, когда ему безоглядно отдала свою любовь прекрасная и изящная молодая леди хорошего воспитания и с хорошими связями, к тому же в родстве с богатыми и влиятельными Перкинсами, Гардинерами и Кэботами?

Справившись с записной книжкой и отличными швейцарскими часами, которые подарили ему перед отъездом до слез растроганные горожане Нёфшателя, Агассис увидел, что на этот час назначена встреча с рисовым плантатором из Южной Каролины, неким Рори Когуном. Встретиться с плантатором его попросил Лоуэлл — Когун дружил со многими владельцами плантаций, поставлявших текстильному магнату сырье, — и хотя знакомство с южанином не представляло для Агассиса интереса, он счел за лучшее оказать услугу своему патрону.

Ему хватило времени лишь на несколько штрихов к наброску грандиозного Музея естественной истории, который он намеревался построить в Кембридже, как объявили о приходе Когуна.

— Здравствуйте-здравствуйте, скажу я вам,

здравствуйте, профессор Ах-гас-из! Позвольте пожать вашу ученую руку, сэр!

Когун был облачен во все белое, включая широкополую панаму. Из угла рта торчала толстая сигара. На пальцах у него искрились бриллиантами десяток колец. Жемчужина в булавке для галстука была размером с яйцо перепелки (Colinus virginianus).

— Рад знакомству, сэр. Прежде мне не выпадала привилегия приветствовать представителя земельного дворянства Юга. Могу я предложить вам прохладительные напитки?

— У вас, у янки, делают «Серебряную», скажу я вам, «Серебряную подкову»? Если да, то несите, сынок. Несите, скажу я вам!

Несколько озадаченный Агассис попытался выиграть время.

— Минутку, мистер Когун, я справлюсь.

Вызвав Джейн и понадеявшись, что Когун не заметит ее кислой мины и покрасневших глаз, Агассис повторил просьбу.

Джейн шмыгнула носом.

— Это тот напиток, где три части виски, две части бурбона, одна часть вермута, чуточку горькой настойки, малость простой воды? И выдавить туда сок лайма?

— Блестяще! Он самый. Какая разумница, скажу я вам, какая разумница!

— Э… да, согласен.

Джейн вскоре принесла напитки. Шумно сделав огромный глоток и объявив напиток «крепко блестящим», Когун перешел к цели своего визита.

— Я выращиваю рис, сынок. Пятьдесят рабов и сотня акров под водой. Вы, может, и не знаете, но рис ума требует побольше, чем хлопок. Нельзя разбрасывать, скажу я вам, нельзя просто разбрасывать семена, каждое растеньице надо сажать отдельно. Нужно знать, когда заливать, когда спускать воду. И сбор урожая — всегда большой риск. К тому же надо еще содержать в порядке каналы, воротца и шлюзы. В общем и целом чертовски мудреное дело.

«Серебряная подкова» вознесла мышление Агассиса к новым высотам.

— Могу себе представить.

— Так вот закавыка у меня в том, что среднему черномазому не хватит ума даже самому завязать себе шнурки на ботинках, не то что освоить искусство выращивать рис. Мне или моим надсмотрщикам приходится каждую минуту за ними надзирать. Стоит повернуться к ним спиной, они

тут же что-нибудь испортят! А у вас я надеялся узнать, скажу я вам, надеялся узнать, нельзя ли как-нибудь вывести умного негра. Может, составите мне какой-нибудь план, как бы так их скрестить, чтобы от поколения к поколению их интеллект увеличивался? Понимаю, прицел у меня дальний, но для Юга это стало бы великим благом. И если, скажу я вам, если бы удалось привнести заодно и еще парочку качеств? Например, можно им сделать руки подлиннее или сократить, скажу я вам, сократить объем пропитания, который им требуется? Их чертова овсянка обходится в целое состояние!

Агассис всерьез задумался над любопытной просьбой.

— Пожалуй, тут следует учитывать неизбежные ограничения, заложенные в клеточной плазме негров, мистер Когун. Даже у самого умного африканца способность к мышлению ограничена, и пытаться путем скрещивания добиться от чернокожих большего — все равно что стараться выжать воду из камня. Надеюсь, вы не думаете о том, чтобы добавить белую кровь низших рас…

Побагровев, Когун вскочил:

— На что вы намекаете, сэр? Уж не повторяете ли вы, скажу я вам, повторяете непристойные

слухи о моей дорогой Лили-Бель? Если так, то к оружию! Дерринджеры под испанским мхом у реки на рассвете!

— Прошу вас, сэр, сядьте! Я не хотел вас оскорбить. Я говорил строго с теоретической точки зрения. Смешение рас мне так же отвратительно, как, по всей очевидности, и вам.

Смягчившись, Когун вернулся в кресло и снова сел. — Тогда ладно, скажу я вам, тогда ладно. Без обид. Мужская честь, сами понимаете…

Составив пальцы домиком, Агассис сказал:

— У вашей идеи далеко идущие последствия. Если бы мы действительно вывели новую породу негров, одновременно разумных и послушных, это имело бы огромное значение для страны в целом. Вы должны дать мне поразмыслить над этим проектом, после я напишу вам о результатах.

— Блеет… скажу я вам, блестяще! Выпьем за это!

Скрепив свое соглашение, Агассис и Когун провели еще несколько минут за приятной беседой.

— Мы с семьей едем на лето в Саратога-Спрингс. В Каролине становится так чертовски жарко, что просто кровь закипает. Погода — ни для человека, ни для зверя не подходящая. Я даже собак с собой увожу. Они сейчас в гостинице с Лили-Бель. Снял

собакам собственный номер, честное слово. Но на плантации жизнь, разумеется, продолжается. Черномазые, скажу я вам, по пятнадцать часов в день на полях. Их, конечно, скажу я вам, конечно, солнце не беспокоит. Они все равно чернее не станут, га-га-га!

Агассис тоже рассмеялся. Налили еще.

— Наше с вами дельце напомнило мне об одном моем рабе. Был раньше известным свободным черным в Филадельфии, пока я не велел его выкрасть. Он-то, скажу я вам, корчил из себя адвоката или еще какую глупость. Бесило меня, скажу я вам, бесило меня это бесконечно. Ну а заковав его, я сказал, что он может купить себе свободу. Три года работал день и ночь, скажу я вам, три года! А едва он вернулся в город, я снова велел его перехватить. Еще три года, и я его отпустил — когда он отработал, конечно. Я уже уезжать собирался, как охотники за рабами приволокли мне его в третий раз. А в моем-то штате такое, разумеется, совершенно легально. Видели бы вы, как этот стервец плакал!

К тому времени, когда Агассис выпроводил словоохотливого плантатора, было уже за полдень, и голова у него шла кругом. Вспомнив, что сегодня еще не заглядывал к своим помощникам,

он нетвердым шагом направился в мастерскую.

У двери сидел за небольшим столиком Мориц.

— Ваши бумаги в порядке?

У Агассиса начала болеть голова.

— Бумаги? Какие бумаги?

— Допуск к секретным материалам, разрешения и поручительства. В трех экземплярах.

— Разумеется, у меня таких глупостей нет. В чем дело? Что происходит?

— Мы ввели новую систему, новый механизм управления ресурсами пролетариата. Короче говоря, мастерская подверглась коллективизации. Мы модифицировали идею фаланстера [148]...

— К черту коллективизацию! Это моя мастерская! — Агассис ударил кулаком в дверь. — Эй вы, открывайте! Немедленно бросьте этот вздор!

— Без толку кричать. Они бастуют.

— Бастуют?

После этих слов дверь приоткрылась, и в щелку выглянул Дезор.

— А, это вы, Агасс. Прошу вас, погуляйте немного, мы заняты. На будущее я предложил бы вам тут больше не самоуправствовать. Учитывая ваше непристойное поведение на наших глазах, вы

---

[148] Примечания: 148
община в системе утопического социализма Фурье.

не в том положении, чтобы что-либо требовать.

Дверь закрылась перед носом у Агассиса прежде, чем он сумел подыскать ответ.

— Я же говорил вам, им не понравится, что им мешают…

Агассис схватился за голову. В ушах у него звенело, и совсем не было сил подавить этот мятеж. Воздух… ему нужен свежий воздух. Когда он придет в себя, то всех выпорет…

Выйдя через заднюю дверь, Агассис посмотрел на корабль Цезаря. На мгновение ему показалось, что в глазах у него двоится. Потом он сообразил, что рядом с «Зи-Коэ» снова пришвартована «Персик-Долли», отсутствовавшая с тех пор, как он оскорбил ее капитана.

Спотыкаясь, Агассис поднялся по сходням «Зи-Коэ» и зашел в каюту. Там, сдвинув головы, о чем-то серьезно совещались Цезарь, Стормфилд и готтентотка.

Увидев Агассиса, Стормфилд с вызовом поднялся.

— Я все еще жду уместно смиренного извинения, которое вы мне задолжали, перфессор!

— Я просто…

— Сойдет! — прервал его Стормфилд. — Пусть никто не говорит, что старый Дэн'л Стормфилд

не знал, когда закопать томагавк. А теперь давайте сюда свою тушу. У нас тут военный совет. Слушайте, я теперь знаю, где этот ваш Источник Творения и когда ваш колдун планирует там быть!

Алкогольные пары в мозгу Агассиса мигом развеялись.

— Где он? Говорите же!

— Ба, где же еще, если не в Марблхеде, черт побери?!

— В вашем порту приписки?

— Именно! Но я-то знаю, без объяснений вы все равно не поверите, поэтому давайте усаживайтесь и слушайте. Прежде чем белый человек пришел в эти земли, на том месте, где сейчас стоит Марблхед, было поселение краснокожих. Их чурались все прочие индейцы, наррагансетты и пекоты, поскольку означенное племя — мискатоники — считалось дьявольским и нечистым. Не без причины: прибрежные воды у поселения кишмя кишели всякими странными тварями, если уж на то пошло, что ни день нарождались новые, и местные индейцы слишком уж близко якшались с этими подозрительными существами, вот и заразились.

— Вы хотите сказать, — с надеждой спросил

Агассис, — что они питались мясом этих тварей, нарушая какие-то диетарные табу?

— Нет, сэр, сказать я хочу то, что сказал! У них были плотские сношения с тварями. Во всяком случае, с теми, которые были для этого приспособлены.

Агассис поперхнулся и был вынужден освежиться глотком воды из скорлупы от страусиного яйца.

— Уж я-то знаю, такое трудно переварить, разве что ты сам, как я, вырос в тех краях. Но это чистая правда. Мискатоники блудили и давали с собой блудить всяким там рыбам, а после их женщины рожали на свет всевозможных полукровок, одни потом уходили жить в море, другие оставались на суше.

Так вот однажды, в 1629 году, Клема Долибера выгнали из Салема — это рукой подать от селения мискатоников. Клем был малый с норовом, обычаи ему не указ, а страха он и вовсе не знал. Выгнали его, правду сказать, за сношательство с племенной свиноматкой соседа и за то, что застрелил хозяина скотинки, когда тот, глубоко оскорбившись, вежливо попросил его перестать, а не то вкус у бекона испортится. Ну, больше податься Клему было некуда, и потому он отпра-

вился к мискатоникам.

Пришел он туда, а там пусто: ни людей тебе, ни скотины, ни полукровок, а чайники над кострами еще кипят, и одеяла на ощупь теплые. И никаких признаков ни разгрома, ни драки. Нашел он только широкий след слизи, уводящий в море или из него ведущий. Клем поселился в пустом типпи, и так началась оккупация белыми земель вокруг Марблхеда.

В последующие годы туда много беженцев и головорезов всякого толка набежало. Марблхед стал свалкой для всех Тринадцати колоний. Там ведь было хуже, чем на Род-Айленде, а это о чем-то да говорит! У нас были изгои всех мастей, только назовите, со всего земного шара приезжали. Мои собственные предки, например, были с острова Мэн и поклонялись морскому богу Мананнану мак Лиру. Преследуемые самим архиепископом Кентерберийским, они бежали искать убежища в Новом Свете.

Стыдно признаться, но у этих белых мораль была поплоше, чем у индейцев. И они не устояли перед чешуйчатыми чарами морского народца и, как индейцы, стали продолжать смешивать с рыбными свои жизненные соки.

Агассис устало поднял руку.

— Ну уж хватит, капитан Стормфилд. Вы всерьез полагаете, что я поверю в эту басню? Кровосмешение людей и рыб абсолютно — научно! — невозможно.

— Невозможно, да? Тогда как вам это понравится? Оттянув рукав грязного свитера, капитан Стормфилд показал тыльную сторону мускулистой руки.

От запястья до локтя и, вероятно, выше она была покрыта шершавыми зелеными чешуйками. Когда он повернул ее, чтобы Агассису было лучше видно, чешуя в свете свечи блеснула.

— Я вам очки не втираю, Луи. Я сам по меньшей мере на одну восьмую рыба, в точности как все в Марблхеде. При таком раскладе трудно не называть какого-нибудь тунца «дядюшкой».

— Поферьте ему, Луи, — подал голос Цезарь. — Ф Рефолюцию ребят из Марблхеда не зря назыфали «Полком амфибий»! Как, по-фашему, они еше шмогли так легко перепрафить Фашингтона через залиф Делавар? Яволь, Дэнни рассказал мне, что они просто попрыгали в воду и потащили корабли, тошно ушеные шерепахи!

Агассис наконец обрел дар речи, но заговорил лишь с жалким подобием своей обычной самоуверенной властности:

— Опустите рукав, пожалуйста… Спасибо. Такому зрелищу нельзя подвергать ни одного человека науки. Так и быть, ваша взяла. Предположим, я соглашусь принять вашу невероятную басню как пролегомен [149]. Почему вы так уверены, что Т'гузери намеревается осуществить свой план в вашем нелепом городе?

— Да они сами мне сказали, потому-то я знаю. Понимаете, жители Марблхеда издавна делятся на два лагеря. Одни, в ком человеческого больше, живут бок о бок с рыбным народцем и ни хорошего, ни дурного о нем не думают. Обычно они рыбных сторонятся, разве что зайдет на огонек обмотанный водорослями кузен. Они умеют держаться подальше от определенных рифов и косяков, почтительно кланяются определенным бухтам и скалам.

Но есть и другие, извращенные и порочные. Кровь у них жиже, холоднее, чем у остальных. Они как можно чаще водятся с самыми худшими среди рыбного народца. И вот эти действительно поклоняются тем же богам, что и рыбный народец: Дагону и Пахуануиапитааитераи. Эти негодяи пособляют рыбным в их дьявольских

---

[149] Примечания: 149
предварительные рассуждения; введение в изучение (чего-либо).

кознях. Одни из этих типов — рад сказать, что не самый худший, — мой кузен Говард Филлипс [150]. Сегодня утром он рассказал мне — в общих чертах, сами понимаете, — что Т'гузери и его приспешники запланировали на сегодняшний вечер. Поэтому я не стал терять времени, а сразу поспешил сюда с новостями.

Скрестив на груди чешуйчатые руки, капитан Стормфилд стал гордо ждать ответа Агассиса.

А тот оглядел напряженные лица. Они что, правда думают, будто он поверит в эту смехотворную байку? Сам барон Мюнхгаузен не выдумал бы такой нелепицы. Они что, дурачат его, чтобы в последний момент застать, так сказать, со спущенными штанами?

— Извините, это займет всего минуту, — сказал капитан Стормфилд, взял черпак и зачерпнул плошкой воды из ведра возле бортового иллюминатора. Оттянув высокий ворот свитера, он

---

[150] Примечания: 150

Здесь, вероятнее всего, имеется в виду сам писатель Лавкрафт (1890–1937), полное имя которого Говард Филлипс Лавкрафт, городок Марблхед, недалеко от Салема, описан в романс «Фестиваль», Мискатоник — название реки, на которой стоит другой вымышленный город Лавкрафта — Архем, место действия многих его романов, еще существует также Университет Мискатоник — общество по изучению творческого наследия Лавкрафта; в ряде романов рассказывается о том, как поклоняющиеся древнему божеству Дагон жители небольшого приморского городка превращаются в чудовищ — наполовину людей, наполовину рыб.

полил свои ясно видные жабры.

Глаза Агассиса сделались круглыми, как у ночного лемура (Nycticebus tardigrandus). И только несколько оправившись, он сказал:

— Береговая охрана предоставила в мое распоряжение большой вооруженный крейсер. Я затребую его на завтрашний вечер.

9
Моби Дагон

Во всем своем великолепии Агассис позвонил в дверь дома № 10 по Темпл-плейс, роскошного особняка, известного как «Корт», обители целомудренной и очаровательной Лиззи Кэри. Он облачился, насколько смог, по-военному: красный сюртуки шаровары Burschenschaft [151], членом которого он был двадцать лет назад в Гедельберге. Чуть тесновато, подумал он, глядясь дома в псише [152]. Но в давнем студенческом мундире он все еще выглядел импозантно, а сегодня ему требовалось все мыслимое присут-

[151] Примечания: 151
Студенческого общества (нем.).

[152] Примечания: 152
большое зеркало в подвижной раме.

ствие духа.

Был полдень того дня, когда ему предстояло схватиться с готтентотским колдуном в рыбацком городке Марблхед, и Агассис пришел попрощаться с дамой, которую любил и за которой ухаживал. Хотя он твердо был уверен, что вернется к ней целым и невредимым — в конце концов, что останется от примитивного суеверия, едва на него прольется ослепительный свет науки? — он не смог удержаться и не расписать красочно, как пожертвует собой ради восстановления справедливости.

Уже через несколько минут Агассис стоял на коленях подле возлюбленной, держа в своих руках ее маленькие ручки, а она лежала на оттоманке в гостиной. Длинные темные локоны подрагивали от обуревавших ее чувств, пока Агассис излагал (разумеется, тщательно отредактированную) версию того, что он узнал и что собирается предпринять.

— О, Луи, мне так страшно!

— Не бойтесь, моя дорогая. У меня достанет храбрости для нас обоих.

— Я не могу отпустить вас одного, Луи. Если с вами что-то случится, я, несомненно, умру от горя. Лучше мне погибнуть вместе с вами в че-

люстях какого-нибудь морского чудовища, чем жить без вас хотя бы минуту!

— Вы правда так думаете, дорогая?

— Да, Луи, думаю… всем сердцем. Агассис решился быстро.

— Тогда вы отправитесь со мной, дорогая Лиззи. Вы будете подле меня, как истинная подруга, укрытая могучим щитом моей любовной заботы. Сможете быстро переодеться в прочное платье, подходящее к данному случаю?

— Я надену туалет, в котором была, когда мы ловили бабочек, а папе скажу, что мы снова отправляемся в такую экспедицию. Меня не будет всего час или два.

Верная своему слову Лиззи была готова в условленный срок. Вскоре они уже вышли из повозки у штаб-квартиры Агассиса в Восточном Бостоне.

— Наш корабль прибудет с минуты на минуту, дорогая. Давайте подождем внутри.

В доме Агассиса царило безудержное веселье.

Подняв бокалы с шампанским, Догберри, Пуртале, Жирар, Буркхардт, Сонрель и Мориц и Эдвард Дезоры распевали хором «Черная Лулу». Вокруг, издавая нечленораздельные боевые кличи, шаркал в танце вождь Кайманова Черепаха.

— Что это значит? — загремел Агассис.

— Из типографии доставили нашу последнюю монографию, — объяснил Дезор.

Агассис схватил верхний экземпляр. На титульном листе значилось:

РАЗЫСКАНИЯ
О ПИТАНИИ БАТИТЕРОИДНЫХ
ЭДВАРД ДЕЗОР И
ЕГО АССИСТЕНТ ЛУИ АГАССИС

Ярость северным сиянием застила Агассису глаза. Он уже приготовился обрушить всю мощь своего гнева на бесстыдного Дезора, но невозмутимый Дезор бросил многозначительный взгляд на Лиззи и сказал:

— Вам пуговицы недавно пришивали, Агасс?

Агассис сдулся, как проткнутый воздушный шар.

— Touche [153], Эдвард. Мы поговорим об этом позже. Сейчас мне нужно уехать.

— Не волнуйтесь, мы все едем с вами. Вы что, всерьез решили, будто я позволю вам присвоить всю славу себе? Э нет, ваши верные помощники вполне заслужили быть с вами в этот исторический момент, в анналах естественной философии

---

[153] Примечания: 153
Укол (фр; фехт.).

наши имена запечатлелись вместе с вашим.

Тут, взмахнув луком и стрелами, вождь Каймановая Черепаха вдруг выказал способность к цивилизованной речи, объявив:

— Вождь Каймановая Черепаха желает бок о бок с Великим Белым Отцом Луи биться против Уишпоша [154]. Большого Бобра давно пора хорошенько вздуть.

Осознав бесполезность споров, Агассис только сказал:

— Что ж, посмотрим, прибыл ли наш корабль.

Вся экспедиция гордо прошествовала на лужайку, откуда открывался прекрасный вид на оживленную гавань.

Точь-в-точь драккар неукротимых викингов, которые плавали в Ньюпорт задолго до отплытия Колумба из Испании, в бухту входил разведывательный корабль береговой охраны «США

[154] Примечания: 154

В мифологии американских индейцев — гигантский бобер, который жил на берегу полного рыбы озера Кле-эль-лум и не подпускал к нему других зверей, пока его не убил Койот.

Бибб» [155].

Собственно говоря, «Бибб» был малым трехмачтовым клипером, построенным компанией «Кеннард и Уильямсон» в Балтиморе. При своих размерах — сто сорок три фута длиной, водоизмещение — четыреста девяносто четыре тонны, корма выступает над водой на одиннадцать футов, а нос — на семнадцать, — он по сравнению с мастодонтами, которые строили в то время в доках Маккея, показался бы карликом. Но сейчас клипер являл собой внушительное зрелище. Нет сомнений, он поселит ужас в сердцах Т'гузери и его сообщников из Марблхеда.

Одна его особенность уже сейчас внушила страх — или но крайней мере отвращение — Агассису: на носу корабля 1фасовалась полногрудая, весело раскрашенная русалка.

Бросив якорь на некотором расстоянии от берега, «Бибб» спустил на воду шлюп. Вскоре он уже причалил, и на берег сошел капитан «Бибба».

Этот мужественной наружности молодой чело-

---

[155] Примечания: 155

Реальный «США Бибб», одномачтовый тендер, построенный в 1937 г., участвовал во вторжении на Окинаву во Второй мировой войне, затем использовался как конвойный корабль, а по окончании войны — как корабль береговой охраны. В 1987 г. затоплен в шести милях от Кей Ларго (Флорида). В настоящее время является искусственным рифом и аттракционом для профессиональных аквалангистов.

век решительно поднялся по склону. Агассиса с первой минуты приятно удивила его спокойная деловитость.

— Лейтенант Чарльз Генри Дэвис [156] прибыл в ваше распоряжение, сэр. Могу я заметить, профессор Агассис, что прочел все ваши труды и возможность сопровождать вас в этом походе считаю высочайшей для себя честью, пиком моей пока недолгой карьеры.

Эта похвала несколько возместила Агассису гнусное обращение, которое он был вынужден стерпеть от своего помощника. Он выпятил грудь.

— Будьте уверены, лейтенант, ваши услуги будут по достоинству отмечены в анналах вашего народа и вашей расы. Мы поплывем ради преумножения славы науки и культуры белой Америки.

В этот момент на палубе «Зи-Коэ» возникли две позорные личности: Якоб Цезарь и его черномазая готтентотка. Оба были только частично одеты.

— Эй, на «Биббе»! Мы быть пошти готовы! Айн момент!

---

[156] Примечания: 156

Дэвис Чарльз Генри (1807–1877) — американский адмирал, участник военных действий в Гражданской войне.

На лице лейтенанта Дэвиса отразилось недоумение, и Агассис поспешил объяснить:

— Они… э… эксперты в тактике врага, с которым нам предстоит встретиться. Я решил взять их с собой…

Тут из каюты «Персика-Долли», которая со вчерашнего вечера стояла на якоре возле шхуны бура, высунулась готова капитана Стормфилда. Марблхедец расчесывал волосы чем-то, похожим на колюшку (Gasterosteus aculeatus) с тремя хвостами.

— Я за вами своим ходом пойду, капитан. Сдается, нам может пригодиться запасной корабль — так, на всякий случай. Постараюсь вас не обгонять!

— Он знает местные воды… — дрогнувшим голосом сказал Агассис.

Понадобилось две ходки, чтобы перевезти на «Бибб» двенадцать членов разношерстной экспедиции. Но наконец все поднялись на борт. «Бибб» снялся с якоря, поднял паруса и вышел в сверкающие на солнце алмазным блеском воды Бостонского залива, «Персик-Долли» двинулась следом.

Лейтенант Дэвис провел Агассиса по своему кораблю, не забыв упомянуть о его вооружении.

— У нас на борту несколько пушек средней огневой мощи. Но, учитывая описанный вами характер искомого противника, я взял на себя смелость пригласить на борт умелого гарпунщика. Позвольте мне его представить.

Лейтенант Дэвис подвел Агассиса к угрюмому бородачу, который аккуратно сворачивал веревку, прикрепленную к тяжелому и опасному с виду инструменту своего ремесла.

— Профессор Агассис, это мистер Мелвилл, мой близкий друг. Мне удалось уговорить его оставить на денек-другой свою ферму в Питтсфилде, а ведь распашка еще не закончена. Мистер Мелвилл обошел все моря и океаны, плавал в том числе и на легендарном «Акушмете» [157]. У него зоркий глаз и твердая рука, которые, без сомнения, будут нам как нельзя кстати. К тому же мистер Мелвилл разделяет вашу склонность к писательству. Быть может, вы читали что-нибудь из его мемуаров? «Тайпи»? Или, может, «Ому»? [158]

— Едва ли. У меня нет времени на развлекательное чтение любого рода. Вашу руку, мистер

---

[157] Примечания: 157

Реальное китобойное судно, на котором плавал Герман Мелвилл и которое он описал в своих романах.

[158] Примечания: 158

Романы Германа Мелвилла.

Мелвилл!

Мелвилл протянул мозолистую лапу.

— Зовите меня Герман.

Обменявшись парой фраз о привычках различных китообразных, Агассис оставил моряка, по совместительству писателя, чтобы вернуться к своей экспедиции.

Своих товарищей из Европы он застал за игрой в кости с несколькими морскими волками. Пухленький Мориц как раз собирался бросать.

— От каждого по способностям, каждому по потребностям! Да выйдет семь!

Полуденный рацион грога уже выдали, и потому настроение было оживленным и праздничным. Бросив мрачный взгляд на Дезора, Агассис прошел мимо.

К немалому изумлению Агассиса, вождь Каймановая Черепаха нашел еще одного представителя своего народа, с которым мог поболтать, — татуированного красного великана с узлом волос на затылке [159].

— … тогда Квиквег сказал: «Что ты хочешь сказать этим «мы», белый человек?»

---

[159] Примечания: 159

Здесь явно виден персонаж романа Германа Мелвилла «Моби Дик».

— Хо, хо, хо! Сам Кичи Маниту [160] не сказал бы лучше.

У правого борта стоял с блокнотом и карандашом в руке Джосая Догберри. Агассис заглянул через плечо странствующего художника: несколько зубчатых линий изображали многоликое и переменчивое море; чугунный маяк на Май-нотовом выступе был обозначен двумя подпирающими прямоугольный ящик палочками, чайки — «птичками», облака — волнистыми кругами.

Догберри повернулся к своему хозяину.

— Я решил, что летопись нашего исторического путешествия будет иметь огромную ценность для будущих поколений. Что скажете, Лу?

— Проработка деталей оставляет многое на воображение зрителя…

— С большим искусством всегда так бывает, Лу. Отыскать Якоба Цезаря было нетрудно: чтобы взять такой след, как запах тлеющей даки, не требуется нюх ищейки.

Бур сидел на мотке пенькового каната, от которого отрезал кусок для собственных нужд.

— Мы шнялись ш места так быштро, что я нашисто забыть про собственный запасец. Дака

---

[160] Примечания: 160

Верховное божество в мифологии алгонкинов, творец небес, земли, людей, животных и растений.

у них грубовата, но, как говорится, дареному коню…

Возле бура Агассис помедлил. Теперь, когда замаячил конец их вынужденного знакомства, Агассис постарался с ностальгией взглянуть на их приключения. За прошедший месяц он отвлекся от привычной ученой рутины, испытал много нового, ведь так? Верно, присутствие чернокожей подруги Цезаря временами было почти непереносимо. Верно, из-за этого человека он едва не утонул бесславно в патоке. Верно, из-за знакомства с ним его едва не бросили в пыточную яму к «железным девам» и «прокрустовым ложам». Но верно и то…

Агассис оставил попытки взглянуть на последние четыре недели с удовольствием. Это был единый нескончаемый кошмар, за избавление от которого он готов, пав на колени, славить Творца.

Тем не менее на этом этапе он мог себе позволить великодушие.

— Что ж, Якоб, с моей помощью ваши поиски подошли к концу. Кажется вполне вероятным, что вы отплывете самое позднее завтра вечером.

Вид у Цезаря стал задумчивый.

— Ja-ja, я бин бы рад фернуться на майне фер-

ма. Эта суматошная шизнь в польшом городе не для штарого Якоба. По мне, так лучше савана и дикие сфери, шем каменные дшунгли и полицейские. — Цезарь вздохнул. — Яволь, абер Каффрарию я уфишу еще не скоро. Снашала нушно будет останофиться в Париже, чтобы фернуть в музей останки Саартье, и кто знает, какие еще города захочет посетить Дотти…

— Кстати о готтентотке, где она?

— Ах, она пойти поболтать по-шенски с вашей Лиззи. Агассис сорвался с места, как гепард (Acinomyx jubatus). Дотти и Лиззи стояли на носу корабля. На лицах у них сверкали капли морской воды, Лиззи казалась особенно бледной и опиралась на руку готтентотки.

— Убери свои мерзкие лапы от моей невесты!

— Ее просто немного укачало, профессор Агассис, — спокойно ответила Дотти. — И я думала, вы все еще женаты…

— Мое семейное положение тебя не касается, ты… ты дикая невежественная негритешка! — Агассис оторвал белую женщину от черной. — Вам нездоровится, моя дорогая?

— Нет, Луи… Ничего страшного… Мне просто нужно ненадолго прилечь.

— Давайте спросим у капитана Дэвиса, не

найдется ли для вас каюты. — Агассис мрачно поглядел на готтентотку. — А что до тебя…

Дотти улыбнулась, открыв примитивный и отвратительный оскал:

— О, обо мне не беспокойтесь, профессор. Я прекрасно себя чувствую.

— Гм!

Под веселым июльским солнышком «США Бибб» беспечно плыл на север, его команда и пассажиры занимались каждый соответственно своими делами. Соленый воздух, бодрящий, как капустная кочерыжка, наполнял энергией сердца. С каждой проплываемой милей Агассис все более и более уверялся в неизбежности победы. Вот они уже миновали Олений остров, острова Уинтропа, Нейгента, Линна и Суэмпскотта. Подали обедать. Агассис смягчился настолько, чтобы попробовать покурить трубку Цезаря — сперва тщательно вытерев мундштук о рукав, — но объявил дым невкусным.

К вечеру они бросили якорь у Кошачьего острова, в виду Пичс-пойнт. Подковообразная, обращенная на север марблхедская бухта теперь лежала к югу от них. Жмущиеся к земле неряшливые домишки двухсотлетнего городка казались покрытыми лишайником руинами на спине

похороненного великана.

Капитан Дэвис оглядел зловещий городок холодным и расчетливым взглядом и лишь после этого вынес свое суждение:

— Рано или поздно эти чернокнижники зайдут слишком далеко, и вашингтонским воротилам придется принять меры. Да я не удивлюсь, если однажды местные так заиграются, что их обстреляют с моря…

Тем временем капитан Стормфилд, став на якорь рядом, поднялся на «Бибб».

— Мы договорились, что на закате мой кузен Говард подойдет сюда на гребной лодке и расскажет о планах Таинственных. Так эти стервецы себя величают, и все только потому, что, живя в морских глубинах, будто бы обладают таинственным знанием.

Теперь команде и пассажирам оставалось только затаиться и ждать. Несколько бывалых моряков сгрудились вокруг капитана Стормфилда, чтобы обменяться правдивыми историями разных приключений. Скоро у ног капитана сидел уже практически весь личный состав «Бибба», зачарованный его историями, а сгущающиеся сумерки укрыли их, как черный плащ волшебника.

— Ей-ей, сколько ночей я сиживал у себя в домике со старушкой Долли, запрев двери и ставни, как все добрые люди Марблхеда, знаючи, что Таинственные собрались на праздник в честь своего дьявольского союза с морскими тварями. Сходились они на Вашингтон-сквер под кривыми да корявыми древними деревьями, ветки у которых висят что петли-удавки. Оттуда они шли маршем на Старый Погребальный холм, что над городом. Там они вызывали пару тройку отборных духов, скажем, Маргарет Скотт и Уилмотта Редда [161], которых повесили как подручных Сатаны. Потом снова сползали по извилистым улочкам и лаяли при этом и выли под свои барабаны, а кое-какие безногие горожане прыгали на вонючих плавниках или тащили за собой чешуйчатые хвосты по самой пыли! Все торопились на пристань, а там их уже поджидали их гадкие собратья с вонючего дна морского. А потом… ну, вам и знать не надо, что они делали потом. Достаточно сказать, что если их дела в книге описывать, там были бы сплошь отточия…

Капитан Стормфилд откинулся к планширу и со зловещим многозначительным видом сунул

[161] Примечания: 161

Эти два имени фигурируют в списке жертв Салемского процесса над ведьмами, повешены 22 сентября 1692 года.

в рот незажженную трубку. С мгновение царило изумленное молчание. Потом один матрос пискляво спросил:

— А что такое отточие?

Но не успел капитан Стормфилд просветить своих слушателей, как смотровой в «вороньем гнезде» на мачте выкрикнул:

— Шлюпка идет! Капитан Стормфилд встал.

— Ну, мне лучше вернуться к себе на корабль. Говард чужих чурается и к этому клиперу ни за что не пристанет.

— Постойте, капитан, — сказал Агассис. — Неужели вы собираетесь встречаться с этим заговорщиком один на один? Что, если он затеял двойную игру?

— Ну, пожалуй, я могу взять с собой одного храбреца.

Тут все взоры — в том числе и Лиззи — обратились на Агассиса. Почувствовав, что его избрали и назад пути нет, он не без трепета сказал:

— Так и быть, поплыли.

Пытаясь в сгустившихся сумерках перебраться со шлюпки на «Персик-Долли», Агассис обнаружил, что это требует немалой ловкости. Вскарабкавшись на борт, он едва не совершил незапланированный кувырок назад в море, по-

скольку наступил на колюшку, которую капитан Стормфилд использовал утром вместо гребня. Капитан Стормфилд выбрал якорь, и они поплыли навстречу своему шпиону в Марблхеде.

Когда суда сблизились, Агассис смог различить в лодке две неясные фигуры: один человек греб, другой стоял неподвижно.

— Это Говард стоит, — сказал капитан Стормфилд. — У него, верно, опять артрит разыгрался, и потому он загнал на весла кого-то помоложе.

Скрип уключин становился все громче. Вскоре лодка поравнялась с «Персик-Долли». Агассис поспешил к борту, чтобы помочь марблхедцам подняться.

Наклонившись, он тут же заметил две важные детали, которые до того были скрыты тьмой.

Тело того, кто при жизни звался Говардом Филлипсом, было привязано к трехногому табурету из сваек.

А на веслах сидел Ганс Бопп.

Агассис попятился, колени у него подгибались. Мгновение спустя Бопп вскарабкался на борт.

На губах мастера немецкого шпионажа блуждала хищная улыбка. Его единственный дьявольский глаз точно линза будто фокусировал и отражал свет проступающих на небе звезд.

— Итак, герр профессор, вы решили изменить нашему джентльменскому соглашению? Боюсь, вас теперь ждет тот же конец, что и этого перебежчика на свайках, из которого я вышиб все, что мне нужно было знать. Но не тревожьтесь: ваша смерть ознаменует истечение подписанного вами контракта. Мы не станем требовать его выполнения от ваших потомков.

Внезапно в руке Боппа сверкнула рапира. Агассис беспомощно глядел, как ее острие выписывает смертельные круги у него перед носом!

— Ловите, Луи!

Что-то просвистело в ночном воздухе. Инстинктивно Агассис его схватил.

Он держал — за сужающийся хвост — легендарную швею, засушенную меч-рыбу, которая не так давно висела на стене в каюте Стормфилда.

Старый студенческий сюртук и тяжесть меч-рыбы в руке вернули Агассиса на двадцать лет вспять, в ту пору, когда он был лучшим фехтовальщиком Гедельберга. Разве однажды он за один только час не одолел четырех немецких студентов? Уж наверное, былой сноровки он не потерял…

— En garde! [162] — вскричал Агассис и ринулся вперед. Бопп умело и с легкостью парировал его выпад.

— Прекрасно, — сказал он. — Это даст мне возможность размяться. А вы умрете, как пристало отступнику из расы господ, а не как полукровка.

И взялся за дело всерьез. Агассису требовались все его умение и сосредоточенность, лишь бы сохранять хоть какую-то защиту, не говоря уже о том, чтобы перейти в наступление. Через несколько минут он уже пыхтел и отдувался, тогда как Бопп дышал спокойно и ровно. Гунн даже начал насвистывать. Будь прокляты Джейн и ее жирная стряпня!

Наконец Агассис понял, что Бопп просто с ним играет, и попытался мысленно приготовиться к смерти. Но даже сейчас он не мог заставить себя поверить, что мир вскоре лишится своего швейцарского гения…

Задыхаясь, Агассис опустил ставшую вдруг свинцовую руку. Увидев, что Бопп готовится броситься на него, он непроизвольно сделал шаг назад.

Но наступил на колюшку и начал падать

---

[162] Примечания: 162
Защищайтесь! (фр.)

навзничь. В попытке сохранить равновесие он выбросил руки вверх.

Застигнутый врасплох Бопп постарался изменить направление удара.

И так судил насчастливый случай, что полковник напоролся на меч-рыбу. И вместе с Агассисом упал на палубу.

Мгновение они лежали в тесном смертельном объятии. Потом Агассис выполз из-под мертвого пруссака.

Из спины Боппа торчал окровавленный «меч» меч-рыбы. Агассис недоверчиво отметил, что в нем имеется ушко, точь-в-точь как рассказывал капитан Стормфилд.

Прикончен фантастичной швейной машиной… и поделом надменному негодяю!

— Славно держались, Луи! Я рад, что вы отомстили за смерть моего кузена. Но, подозреваю, тут мы больше ничего узнать не можем, поэтому нам лучше вернуться на «Бибб», не то останемся в стороне.

Стормфилд спустил на воду шлюпку. Вскоре они присоединились к остальным на борту «Бибба».

Агассис тут же принялся рассказывать о захватывающем поединке, но его прервал капитан

Дэвис:

— Из гавани вышел еще один корабль. Мы полагаем, это корабль Таинственных.

— Мы пойдем на перехват?

Капитан Дэвис начал было отвечать, но и его в свой черед прервал крик Дотти, которая наблюдала за волнами по левому борту.

— Что-то поднимается!

— К оружию, мистер Мелвилл! Канониры, целься! Все разом бросились на левый борт, отчего «Бибб» слегка накренился. Общая сутолока утянула за собой Агассиса.

В нескольких футах от «Бибба» вода пузырилась и пенилась. Вот из бурлящей воды показалось нечто высокое и тонкое. Шееподобный отросток крепился к поднимающемуся телу. В свете факелов в руках команды становилось видно выходящее на поверхность туловище.

Агассис распознал его первым.

— Да это же подводный аппарат наподобие «Наутилуса» Роберта Фултона [163]!

Так оно и было. Вскоре, обретя равновесие, подводная лодка закачалась на волнах.

В верхней части резко откинулся люк, и нару-

---

[163] Примечания: 163

Первая действующая подводная лодка, спроектированная в 1800 г. по заказу Наполеона американским изобретателем Робертом Фултоном.

жу высунулся мужчина, который тут же начал хватать ртом воздух.

Агассис был поражен.

— Да это же наш анархист! Костюшко! Незадачливому подводнику бросили канат, и, с благодарностью поймав конец, он вскарабкался на борт «Бибба».

Оказавшись на палубе, Костюшко выказал свое обычное безумное sang-froid [164], заявив:

— Никогда не доверяйте международным торговцам оружием, друзья мои. Они обещали мне воздуха на шесть часов, но там оказалось только на пять и три четверти.

Агассис надвинулся на анархиста.

— Мы находимся в смертельно опасном положении, сэр. Можем мы рассчитывать на то, что вы сумеете вести себя цивилизованно? Или нам придется заковать вас в кандалы?

— О нет, пока я на борту вашего судна, я буду подчиняться вашим буржуазным законам. Даю вам слово поляка-ирландца.

— А я позабочусь, чтобы вы его сдержали. Так и быть. Капитан, рекомендую вам захватить этот марблхедский корабль прежде, чем они совершат

---

[164] Примечания: 164
хладнокровие (фр.).

свои гнусное дело.

— Как пожелаете, сэр. Первый помощник, поднять паруса.

Несколько мгновений спустя опытная команда «Бибба» направила клипер к кораблю Таинственных. («Персик-Долли», без капитана и команды, с одним только неоплаканным трупом Ганса Боппа на борту, осталась возле Кошачьего острова.)

«Бибб» подходил все ближе и ближе к марблхедцам, которые стойко плыли вперед, словно уверенные в превосходстве своей посудины над гораздо более крупным судном.

Когда между кораблями осталось несколько сотен ярдов, тишину над океаном снова разорвал шум — это был зловещий бой варварского барабана.

— Это Т'гузери! Он призывает духов вуду!

— Воды? — переспросил Агассис.

— Нет, вуду!

Барабан умолк. Два корабля разделяли каких-то несколько десятков футов. Было видно, как на борту марблхедского судна ползают по вантам и пробираются по палубе шаркающие существа. Внезапно у планшира возник готтентотский колдун, по обе стороны от него встали приземистые фигуры с пылающими факелами в руках.

Т'гузери был приблизительно трех футов ростом. Гениталии ему прикрывал мешочек из шакальей кожи, а спину — шкура льва с прикрепленным к ней черепом; львиный череп без челюсти покоился на голове шамана, передние лапы были связаны узлом на шее, а задняя часть волочилась на добрых два фута по палубе.

Обеими руками он держал над головой стеклянную бутыль.

Увидев наконец фетиш, Агассис потерял терпение. Неужели у этого дикаря не хватает благовоспитанности признать свое поражение?

— Положи реликт и сдавайся! — крикнул Агассис.

Т'гузери, казалось, готов подчиниться. Он действительно поставил бутыль на палубу. Когда он выпрямился, в руках у него оказалась длинная палка.

— Ах, майн готт! — завопил Цезарь. — Фсем пригнуться!

Агассис повернулся к нему всем телом.

— Пригнуться? Чего нам бояться палки…

В это мгновение Агассис почувствовал укол в зад. Он оглянулся.

В одной его ягодице засел маленький оперенный дротик.

Не успел он понять, что случилось, как его повалили ничком на палубу. Без церемоний и просьб с его стороны панталоны с него стащили до колен, а с ними и исподнее. Кто-то уселся ему на ноги. Дважды в его ягодицу вонзился нож. Весь процесс занял не более секунды.

— Ох!

— Не егозите! Другого выхода нет!

К своему невероятному ужасу Агассис почувствовал, как к его ягодице прижимаются теплые губы. Потом кто-то что-то высасывал, то и дело сплевывая. Наконец ему позволили встать.

Дотти полоскала себе рот водой. Ее маленький окрашенный кровью Агассиса нож лежал на палубе.

Агассис едва не лишился чувств. А когда увидел, как смотрит на него во все глаза Лиззи, его унижение стало полным.

— Этот дротик был вымочен в яде рогатой змеи, Луи. Не подоспей Дотти, вы были бы уже мертвы!

Силясь сохранить тень достоинства, Агассис нагнулся, чтобы натянуть панталоны. Стараясь застегнуть их, он обнаружил, что все пуговицы отлетели. Сколько Джейн придется их пришивать… Кто-то протянул ему кусок веревки, которым он

неумело подпоясался. Цезарю он сказал:

— Я почти жалею, что этого не случилось.

И все это время «Бибб» продолжал надвигаться на корабль колдуна. Очевидно, поняв, что ему не удастся единолично остановить «Бибб», Т'гузери бросил трубку для выдувания дротиков и схватил фетиш. Теперь он начал распевать гортанные слова таинственного назначения — судя по всему, воззвание к невидимым божествам.

— Нужно остановить его, пока он не закончил! Капитан Дэвис обратился к своей команде:

— Готовьте кошки, взводите курки, ребята. Идем на абордаж!

Через несколько секунд клипер сцепился с другим кораблем. Атакующие бросились на его палубу.

Марблхедцы сгрудились вокруг колдуна, жертвуя собой, лишь бы он мог закончить заклятие. Несмотря на превосходство в вооружении, команда «Бибба» нашла в марблхедцах достойного противника. Схватка была отчаянной и кровавой.

Наконец, перебив почти всех Таинственных, нападающие приблизились к колдуну.

Но Т'гузери, выкрикнув последнее надрывающее горло слово, исхирился бросить фетиш за

борт прежде, чем его захватили матросы.

За небольшим всплеском последовал другой, более громкий звук. С палубы «Бибба» Агассис увидел, как из-под воды, прижимая к себе локтем фетиш, вынырнула Дотти. Загребая одной рукой, она подплыла к марблхедскому судну, где ей помогли подняться на борт.

Агассис, которому не терпелось поближе рассмотреть фетиш, перебрался на марблхедский корабль, за ним последовали Цезарь, Стормфилд и остальные.

С одежды Дотти струями лилась вода, но готтентотка гордо держала останки своей матери.

Есть семейство морских существ, известных как голожаберные моллюски: отряд Nudibranchia, класс Gastropoda, подкласс Opisthobranchia. Лишенные конечностей желеобразные существа усеяны множеством ороговевших наростов-ресничек. Эти моллюски различного окраса, с замысловатыми складками и завитками, рыщут по морям холодным и теплым, извиваясь бескостными телами с подвижностью, чуждой Божьим тварям.

Плавающая в настойке из даки деталь анатомии Саартье Баартман, эта «вуаль стыда» с ошметками плоти, к которой она некогда крепи-

лась, более всего напоминала вышеупомянутых моллюсков, а именно гривастого голожаберника (Aeolidia papillosa).

Агассис хотел подойти поближе, чтобы осмотреть реликт, который стоил ему стольких бед и трудов.

— Ни с места!

Все взгляды обратились на Костюшко. В вытянутой руке анархист держал круглую бомбу, с которой свисал длинный тлеющий запальный шнур.

— С вашего позволения я заберу фетиш.

— Но вы обещали! — вскричал в ярости Агассис.

— Только пока буду на вашем судне. А теперь я на другом, которое реквизирую именем освободительных движений во всем мире. Возвращайтесь на свой корабль. И не пытайтесь следовать за мной, а не то я уничтожу фетиш! Теперь я разожгу мировой пожар в Европе, созревшей для революции, какой еще не видывал мир!

Бахвальство анархиста прервал вдруг голос капитана Стормфилда:

— Ах ты лживый прохвост! Постыдился бы! Куда тебе до твоего папы!

Вид у Костюшко стал изумленный.

— Вы знали моего отца?

— Ей-ей, а то мы не сражались с ним бок о бок в Саратоге?!

— Сколько вам лет?

— Сто двадцать восемь, и я еще могу поколотить такого мальчонку, как ты!

Костюшко опустил бомбу с трещащим фитилем. В глазах у него стояли слезы.

— Я за всю жизнь папу всего два-три раза и видел. Он всегда где-то сражался. Мы с мамой очень без него скучали. Встретить того, кто правда его знал…

Стормфилд незаметно подобрался к плачущему анархисту и обнял его за плечи:

— Ну же, ну же, дружок…

— Ради бога, — крикнул Агассис, — погасите кто-нибудь бомбу!

Но не успел никто откликнуться на его слова, как раздался новый шум.

За кормой марблхедского судна вода забурлила и вздыбилась.

— Неужели еще один подводный корабль! — застонал Агассис.

Каково бы ни было божество, которое стремился призвать Т'гузери, сейчас оно сочло уместным исполнить желание Агассиса. Причиной возму-

щения вод была не подводная машина. Во всяком случае, не сотворенная людьми.

Из воды поднялась голова размером с паровоз. Была она с покатым лбом и обтянута лоснящейся крапчатой кожей. Глаза размером с колеса телеги. Из открытых челюстей свисали водоросли.

За головой возникла шея — толстая, как коринфская колона Центральной Конгрегационалистской церкви на Уинтер-стрит. Шея вознесла голову высоко в ночное небо, пока она не закачалась там, точно птица на верхушке соборного шпиля.

За шеей последовало покрытое ракушечником тело вдвое длиннее «США Бибба».

Немногие уцелевшие Таинственные — включая Т'гузери, который извивался в лапах крепкого матроса, — принялись распевать имя страшного существа:

— Дагон! Дагон! Дагон!

В 1796 году, еще до рождения Агассиса, его ментора Жоржа Кювье попросили спуститься в гипсовый рудник на Монмартре. Рабочие раскопали там кости такого размера, что они могли принадлежать лишь существу, ростом много больше любого ныне живущего слона. Осмотрев находку, Кювье объявил, что это кости

ископаемого животного, погибшего в результате природной катастрофы. В следующие пять лет его призывали обследовать много других окаменелостей, включая гигантские маастрихтские челюсти, привезенные из Германии армией революционной Франции.

В бытность свою учеником Кювье Агассис и сам видел немало таких пыльных костей.

И потому хладнокровный швейцарский натуралист первым узнал нависшее над ними существо, хотя его скелет и был одет мясистой плотью и чешуйчатой кожей.

— Это не сверхъестественное чудовище, друзья! Это всего лишь вымерший морской ящер, ихтиозавр!

— Я бы шказатъ, он не слишком-то фымер, — слабо пробормотал Цезарь.

Капитан Дэвис присоединил свой голос к Агассису:

— Стреляйте по нему изо всего, что у вас есть, ребята! С «Бибба» загремели пушки. Взлетел в ночь бьющий без промаха гарпун Мелвилла. Град стрел посыпался из лука вождя Кайлановая Черепаха. Эхом отдавались выстрелы из десятков пистолетов. И наконец бомба Костюшко, описав высокую дугу, бессильно взорвалась у шеи

чудовища.

Эта атака подействовала на ихтиозавра не более чем град горошин. Он только водил взад-вперед головой на огромной шее, что-то выискивая.

Тут из толпы выступил Мориц.

— Вам, империалистам, ничего, кроме силы, не ведомо. Дайте мне попробовать с ним договориться! Эгей, создание! Я представляю пролетариат…

Привлеченный, по всей видимости, скулежем социалиста ихтиозавр опустил голову, чтобы присмотреться к нему поближе.

— Видите…

В мгновение ока чудовище проглотило Морица Дезора.

Остальные застыли. В пораженном молчании они ждали, что вот-вот ихтиозавр пожрет всех, разобьет хвостом их корабль или и то, и другое разом.

Из задних рядов к морскому ящеру протолкалась Дотти. В поднятой руке она держала фетиш.

— Уходи, уходи, Дагон! Чтутлу приказывает тебе! Назад, в твои бездонные глубины! Усни на грядущие зоны!

Чудовище отпрянуло, точно напуганный щенок. Потом нырнуло, подняв такую волну, что она закачала и едва не потопила оба корабля. Люди

повалились на палубу, как кегли.

Корабли перестали качаться, и все медленно поднялись на ноги. Прошло несколько мгновений, прежде чем до них дошло, что небо их пощадило. Но когда они это поняли, то огласили палубу звонкими криками радости.

— Гип-гип-ура готтентотке! Трижды ура Дотти! Ура-ура-ура!

Бывалые матросы плакали. Догберри обнимал вождя Каймановая Черепаха. Пуртале, Буркхардт, Жирар и Сон-рель, взявшись за руки, задирали колени на манер танцорок из мюзик-холла. Костюшко и Стормфилд отплясывали джигу. Цезарь обнял скромно улыбающуюся Дотти, которая прижимала к груди чудом оставшийся невредимым фетиш.

Тут появилась Лиззи и бросилась в объятия Агассиса.

— О, Луи! Вы были великолепны!

И она принялась целовать его снова и снова. Подошел Эдвард Дезор. Он один остался безучастен ко всеобщей радости. Агассису он деревянно сказал:

— Вы, и только вы, в ответе за смерть моего кузена. Вы поплатитесь за это, Агасс. Да, вы поплатитесь.

Поддернув спадающие панталоны, Агассис приготовился срезать наглеца холодной отповедью. И остановился. Просто не нашел в себе сил беспокоиться из-за угрозы Дезора. Конечно, этот человек может причинить ему неприятности. Но что они в сравнении с тяжким испытанием, которому он подвергся. Он обнимает свою будущую жену, он обрел знание о Космогоническом Локусе, теперь его будущее — и будущее креационизма — представлялось в самом радужном свете.

Но Агассис не мог предвидеть, что уже тогда человек по имени Чарльз Дарвин работал над книгой под названием «О происхождении видов», книгой, которая навечно свяжет человека с животным, впряжет в одну упряжку белых и черных и заменит возлюбленный креационизм Агассиса отвратительной идеей, называемой «эволюция», а самого Агассиса превратит к преклонным его годам в раздражительную, устарелую и всеми осмеянную окаменелость.

Если уж на то пошло, Агассис не смог даже предсказать события собственной брачной ночи, 25 апреля 1850 года, когда его застенчивая вторая жена повернулась к нему и сказала:

— У меня, Луи… у меня есть небольшое отклонение по женской части, о котором вас следует

знать.

— Вздор, дорогая Лиззи. Вы само совершенство.

— Нет, дорогой, я немного отличаюсь от большинства женщин. У меня есть один врожденный недостаток. Как он называется, я узнала всего несколько лет назад. И мне так стыдно назвать его расхожим словом. Быть может, если бы я прошептала по-латыни…

— Скорей, дорогая. А потом мы отправимся в постель.

— Он… он называется sinus pudoris.

Детей у них никогда не было.

Уолт и Эмили
1
«Утро несет оправданный риск… для любовника»

Утром 1 мая 1860 года мисс Эмили Дикинсон, Красавица Амхерста по ее собственному наименованию, проснулась, ощущая себя непостижимо встревоженной и настолько удрученной ночными фантомами, несказанностью оставленного ими осадка непонятных предчувствий, что, тихо покинув широкую кровать под пологом, чтобы не разбудить Карло, который все еще по-собачьи похрапывал в ногах кровати, она в белой ночной рубашке босиком прошлепала по камышовой циновке своей оклеенной цветастыми обоями спальни к своему столику вишневого дерева (со сторонами всего в восемнадцать дюймов, но легко вмещающего Всю Вселенную), за которым она ежедневно боролась со своими ранимыми и экстатическими стихами, и, даже не помедлив, чтобы сесть, написала следующие строки:

Смерть! Приходит смерть в ночи!
Света кто пошлет лучи,

Чтобы видеть я могла,
Путь свой в вечные снега?

по завершении чего, испытывая некоторое облегчение, но и легкий паралич души, Эмили подошла к единственному окну в западной стене ее угловой комнаты на верхнем этаже «Усадьбы» (два южных выходили на Главную улицу) и распахнула ставни открытого окна, чтобы подкрепиться взглядом на свой изукрашенный пчелами сад и на соседний дом, носящий название «Лавры», где проживал ее любимый брат Остин с женой Сью, но вместо этого перед ней предстало немыслимое зрелище — которое тут же и навеки запечатлелось на ее ретинах, подобно последним земным предметам, увиденным умирающим, — дюжий волосатый бородатый варвар, совершенно и бесстыдно голый, если не считать черной с широкими обвислыми полями шляпы, мылся на ее сверкающем алмазами ухоженном газоне.

В сердце Эмили забушевала орда чувств, усмирить которые не могла никакая Внутренняя Полиция.

Непрошеный гость словно бы не заметил движения в верхнем этаже «Усадьбы», которую он

так нагло осквернял. Он словно бы весь сосредоточился — почти молитвенно — на намыливании своей мускулистой внушительной фигуры с помощью куска мыла, тряпки и содержимого дождевой бочки, стоявшей прямо под окном Эмили. Возле кучкой лежала его простецкая одежда, шляпа странника нелепо венчала его ниспадающие, подернутые сединой волосы, и он продолжал свое омовение с непринужденностью, будто был в полном одиночестве посреди какой-нибудь канзасской прерии.

Впиваясь мужскими пальцами ног в почву, он намылил свои ляжки, он намылил свои бедра… он намылил свои детородные части! Эмили побледнела при виде этой до сих пор скрытой мужской принадлежности, и непонятный трепет пробежал по всем ее нервам. Напомнив себе о своем Белом Выборе, она с довольно большим усилием подняла глаза выше нижней генеративной области.

Гигант принялся тереть свои по-мужски могучие грудь и руки, эти последние неопровержимо являли отлично развитые мышцы поденщика. Эмили подумала, что, возможно, какой-нибудь новый работник, нанятый ее отцом до его отбытия, забрел в сторону от предназначенного для

них сарая, а теперь вздумал мыться у всех на виду, как деревенский простак.

Весь намыленный гигант прервал свое занятие. Он простер пенные руки к новорожденному солнцу, будто приветствуя брата. Затем, сокрушив утреннюю тишь (и остатки самообладания Эмили!), он оглушительно возгласил:

— Славны каждый мой орган, моя принадлежность, как любого, кто честен и чист! Нет в них скверны ни дюйма, ни дюйма частицы, и привычны равно должны они быть!

Этого нежданного необузданного возгласа Эмили не снесла. В полуобмороке она поникла на подоконнике, и внезапное благоухание нескольких преждевременно распустившихся гроздей сирени овеяло ее, наполнило сладостью ноздри.

Тут она столкнула вниз стоявшую на самом краю корзинку. Привязанная на длинной веревке корзинка служила средством для угощения сластями соседских детей в те дни, когда она не чувствовала в себе сил покинуть свою комнату.

Эмили следила за падением корзинки. Казалось, она кувыркается вниз с неестественной медленностью, будто ей, чтобы падать в пронизанном светом весеннем воздухе, требовалась Грозная Приглушенная Вечность.

Однако корзинка все же достигла конца своей привязи, несколько раз подпрыгнула с угасающей энергией, и Время возобновило свой обычный ход.

Внимание сумасшедшего наконец-то было привлечено. Он повернулся и из-под скалистых бровей устремил вверх на Эмили взгляд глубоких серых глаз. Снял шляпу, отвесил поклон и разразился странно метрической речью:

— Двадцать восемь парней купаются возле берега, двадцать восемь парней и все такие зовущие; двадцать восемь лет женской жизни и все такие одинокие. У нее прекрасный дом на берегу, она прячется, красивая, пышно одетая, за ставнями окна. Какой из парней особо ей нравится? Даже самый невзрачный из них прекрасен в ее глазах!

Негодование пришло на смену смущению. Эмили выпрямилась и совладала с голосом:

— Если вы, сэр, предаетесь какой-то странной поэзии, поверьте, она произведет больше впечатления в устах одетого барда! И позвольте вам сказать, что мой возраст ближе к тридцати, чем к двадцати восьми!

И Эмили захлопнула ставни между собой и голым мужчиной.

Дрожа от ярости и бессилия, Эмили бросилась вниз по лестнице, ее волосы все еще сохраняли беспорядок сна.

В кухне она увидела, что ее младшая сестра Лавинья щурится сквозь канифасовую занавеску на моющегося мужлана, который теперь усердно ополаскивался, окатывая себя ведрами дождевой воды из бочки.

— Винни!

Сестра Эмили подпрыгнула.

— Эмили! Так ты его видела?

— Конечно, видела. Как я могла бы пропустить подобное зрелище? Мое зрение слабо, не отрицаю, но не настолько. Могу только надеяться, что мама не стала свидетельницей этого наглого вторжения. Ты знаешь, ее здоровье оставляет желать лучшего, и даже вообразить не могу, как бы это на нее подействовало. Винни, что нам делать? Если бы здесь был папа! Кто-то из нас должен сбегать за шерифом, Винни, и боюсь, Винни, сделать это придется тебе.

Лавинья недоуменно посмотрела на сестру:

— Сбегать за шерифом? Но для чего? Эмили с таким же недоумением ответила:

— Но это же яснее пятен на лепестках тигровых лилий! Чтобы арестовать этого голого бродягу, а

то для чего же!

— А-а. Так ты не знаешь!

— Не знаю чего?

— Этот джентльмен и его спутники — гости нашего брата. Наверное, наш Геркулес забрел сюда из «Лавров», хотя, право, не могу сказать, зачем ему понадобилось устраивать такое представление.

Снаружи под плеск воды зазвучала зычная декламация моющегося:

— Я праздную себя, себя пою! И что я принимаю, примешь ты. Ведь каждый мне принадлежащий атом, он и тебе принадлежит!

Эмили покачала головой.

— Фу, что за виршеплетство! — И вновь обратившись к сестре, она задала еще один вопрос: — Даже признав за ним статус гостя Остина, почему мы должны делать для него исключение, когда дело касается основы основ вежливости?

Глаза Лавиньи открылись еще шире:

— Ты правда не поняла, кто он?

— А каким образом? Никаких блях и эмблем на нем нет, как и carte de visite [165].

— Ах, Эмили, будь же серьезной! Даже такая до-

---

[165] Примечания: 165

визитная карточка (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

машняя мышка вроде тебя не могла не слышать про скандального Уолта Уитмена и его «Листья травы». Ведь первое издание было настолько шокирующим, что мистер Уиттиер [166] вынужден был сжечь книгу! И по слухам, бостонская фирма «Тейер и Элдридж» готовит к выпуску новое издание в этом году! Вот одна причина, по которой этот «Сын Маннахаты» [167], как он себя именует, посетил нашу Новую Англию.

Но есть и другая, более тайная причина — во всяком случае, так намекает Остин.

У Эмили подогнулись колени, и она рухнула в деревянное кресло со спинкой из перекладинок, не слыша дальнейших объяснений Винни. Она была способна только на одну мысль:

Наконец ОН пришел.

2
«Смерть — гибкий поклонник»

В корзинку с колесиками Эмили укладывала своих милых мертвых деток, рядок за рядком.

---

[166] Примечания: 166

Уиттиер Джон Гринлиф (1807–1892) — американский поэт, убежденный аболиционист.

[167] Примечания: 167

«Небесный остров» — индейское название Манхэттена.

Наперстянки, царские кудри, анютины глазки, водосборы, ранние розы. Все ее любимицы падали жертвами ее беспощадных ножниц, плача нектарными слезами.

Я не решилась бы обезглавить вас, мои милые, сомневайся я в вашем непременном Воскрешении. Но, как детки резвятся, пробуждаясь и радуясь Утру, так из сотни колыбелек выглянут мои цветы и затанцуют снова.

Когда ее корзинка наполнилась настолько, что лежащее на дне было надежно укрыто, Эмили нервно повернулась к дому своего брата.

«Лавры» были построены четыре года назад, щедрый подарок к свадьбе, сделанный отцом Эмили своему единственному сыну (с целью, часто думала Эмили, поразить городок Амхерст статусом Эдварда Дикинсона, а не просто обеспечить новобрачных собственным кровом). Внушительный белый дом в итальянском стиле с квадратной угловой башенкой находился от нее в каких-нибудь ста ярдах, отгороженный от фамильного дикинсоновского «Имения» рощицей из берез, дубов и сосен и связанный с ним утоптанной дорожкой, «широкой как раз настолько, чтобы двое любящих могли идти рядом», — как описала ее Эмили своей хорошей подруге Сью

Гилберт, когда указанная подруга обрела священный статус миссис Остин Дикинсон.

Однако в этот момент — как во многих, неисчислимо многих других, — если исходить из способности Эмили дойти до этого дома, он с тем же успехом мог находиться по ту сторону земного шара среди безлюдных просторов, изображенных на гравюре «Арктическая ночь» в гостиной «Имения».

Она не знала, какой изъян или недуг неумолимо удерживал ее в пределах «Имения», порой даже не позволяя ей покинуть четыре стены ее кельи, ее спальни. Лик этого жестокого Владыки всегда таился в непроницаемой тени, как ни напрягала она взгляд, лишь бы его увидеть; но вот Его Рука неизменно оставалась более чем реальной, сжимая ее сердце страхом и отвращением к себе, стоило ей попытаться пойти наперекор этим пульсирующим настояниям.

Так было не всегда. Ведь всего лишь пять лет назад она даже съездила в Вашингтон и Филадельфию, упиваясь свободой путешествия. (Особенно стимулирующими были встреча со старинным другом их семьи преподобным Чарльзом Уэствортом и их беседы о литературе и искусстве, которые теперь продолжались по переписке.)

Но по мере того как Эмили становилась старше, ее отец, подчинявший себе в доме все и вся, становился менее уступчивым, более требовательным и суровым. (Приступ религиозности десятилетней давности, когда он принудил всех, кроме Эмили, присоединиться к Первой Церкви Слова Христова, усилил и без того присущий ему некоторый кальвинизм.) Власть Сквайра над тихой, незаметной хронически больной женой и двумя дочерьми была поистине драконовской и тяготела над всеми поступками Эмили.

Тем не менее Эмили знала, что не может возлагать вину за свое затворничество только на отца. В конце-то концов, Винни не испытывала никакого страха перед обществом чужих людей, хотя тоже изнывала под игом Сквайра. Нет, в личности самой Эмили был какой-то врожденный дефект, из-за которого возможность оказаться среди посторонних, соприкоснуться с их неприкрытыми лицами и потребностями изначально представлялась немыслимой, как бы отчаянно и парадоксально сама она ни испытывала потребности в человеческом общении…

И вот теперь она была под открытым небом на исходе дня, начавшегося так странно. (Вызывающе волосатый мистер Уитмен оделся и удалился

до того, как Эмили сумела придумать, как обратиться к нему после своей уничижительной критики его красноречивой тирады. Теперь она вознесла краткую молитву, чтобы ее опрометчивая отповедь не сделала их дальнейшее общение невозможным…)

Собравшись с силами, чтобы пройти остающиеся жалкие сто ярдов и войти в дом, полный незнакомых людей, лелея смелый план представить избранному среди них тайну, скрытую под ее цветами, Эмили напомнила себе: *Если Нервы твои тебя предают, перешагни через Нервы.*

Порываясь вперед, силой воли пробуждая уверенность в себе, она пошатывалась на цыпочках в устремлении к «Лаврам». По ее членам растекалось ощущение словно от горячей ванны. Ее внутренности расплавились. Именно так было три года назад, в том декабре, когда Мудрец Конкорда мистер Эмерсон посетил «Лавры», и она жаждала подойти к нему, к воплощению благородства из страны снов, а вместо этого, сокрушенная особой скошенностью зимнего света, заколебалась и попятилась.

Эмили чувствовала, что замирает на краю высочайшего обрыва, утратив волю, не делая ни шага назад к безопасности, ни шага вперед к

опасности без Толчка, имеющего причину.

И тут Толчок возник.

Из первичной зелени, окаймлявшей соединительную дорожку, высунулась большая лысая голова неведомой птицы.

На высоте полных шести футов над землей на конце длинной гибкой шеи умная птичья голова исследовала Эмили с забавным пучеглазым любопытством на протяжении вневременного срока. Затем, издав негромкий странный зов, птица втянула голову назад в кусты, и послышался звук ее шагов, удалявшихся назад к «Лаврам».

Сегодня победоноснейшая Птица,

каких я только знала

иль встречала, отправилась на розыски…

Эмили поспешила следом за видением.

На полпути по дорожке, еще не увидев вновь быструю таинственную птицу, Эмили отдалась ощущению нереальности. Неужели возможно, что она действительно идет здесь? Если бы папа не уехал в Бостон для переговоров с политиками Партии Конституционного Союза, которые хотели, чтобы он выставил свою кандидатуру в вице-губернаторы, она навряд ли бы сумела

собраться с духом для такого необузданного бега.

Наконец Эмили оставила кусты позади и вышла на лужайку своего брата.

И вот она — великолепная птица!

Теперь на открытом пространстве Эмили узнала птицу — страус, быть может, из сказочной страны Офир, и тем не менее забавно сходный с веником для обметания пыли, вознесенным на ходули. Да, бесспорно, не некий потусторонний вестник, но все же редкое зрелище в мирном прозаическом Амхерсте.

В эту минуту из-за угла дома вышел представительный молодой человек, небрежно одетый и примерно ровесник Эмили. Обнаружив птицу, он так ее окликнул:

— Норма, плутня, иди-ка сюда, не то быть тебе без ужина.

С противоестественной торопливостью большелапая птица тут же послушалась и зарысила к нему зигзагами — пробежкой, присущей всему ее виду. Вскоре птица и человек исчезли вместе за углом дома.

И тут же дверь «Лавров» распахнулась, обрамляя брата Эмили, стоящего на пороге. Его шевелюра, не менее рыжая, чем у Эмили, и экстравагантные бакенбарды никогда еще не

выглядели такими родными и успокаивающими в отличие от непривычно встревоженного раздражения на его лице.

Ища взглядом причину недавних криков, Остин увидел сестру. Он принудил свои черты принять вымученное выражение радости:

— Эмили! Какой приятный сюрприз! Входи же, входи!

Теперь, когда визит стал совершенно обязательным, каким бы нежеланным он ни выглядел, Эмили обнаружила в себе способность придать твердость своим ногам. Неколеблющимся шагом она прошла через лужайку в дом брата.

Брат тотчас попытался отобрать у нее корзинку.

— Сью по достоинству оценит эти цветы, сестра. Со времени своего возвращения из Бостона она пребывает в грусти. — Лицо Остина омрачило тяжкое уныние. — Как, сказать правду, и я.

Эмили воспротивилась мягким подергиваниям Остина.

— Нет, пожалуйста, позволь мне подержать их немного еще. Они меня успокаивают. — Она еще не была готова показать то, что лежало под цветами, и тем более не просто кому-то случайному. — Но что тебя так гнетет? Не связано ли

это с гостями, которые, как сказала Винни, к тебе приехали?

Остин закрыл глаза и устало потер лоб.

— Да, косвенно. Вообще говоря, я соприкоснулся с этими людьми случайно через мои связи с Колледжем. Но они и их миссия отвечают тому, что мне сейчас необходимо, потребности, которая нарастала весь прошлый год.

— Твои слова ввергают меня в недоумение, Остин. О какой потребности, мне неизвестной, ты говоришь? С каких пор у нас появились секреты друг от друга, дорогой брат? Так открой мне, что тебя терзает?

Остин широко раскрыл глаза и устремил на сестру взгляд, полный муки.

— Так, значит, ты хочешь услышать все? Хорошо, да «будет так. До сих пор я старался тебя щадить, но не откажу твоему прямому предложению преклонить ко мне сочувственный слух. Однако моя история требует уединенности. Пойдем в мой кабинет.

Несколько испуганная Эмили все-таки последовала за Остином в комнату, где полки были уставлены юридическими томами, требуемыми его профессией. Они сели, и Остин придвинул свой стул совсем близко к Эмили, нагнулся, чтобы

взять ее руки в свои *(потны еладони мужчины, снедаемого лихорадкой,* подумала она), и начал свое повествование:

— Мои горести, сестра, касаются наших со Сью отношений. Нет, пожалуйста, разреши мне высказаться откровенно, прежде чем ты выступишь в защиту Сью. Я знаю, Эмили, ты ее неизменная заступница. Иногда, честно говоря, я думаю, мы так и не поженились бы, если бы не твои настояния. Но теперь это значения не имеет. Мы супруги и должны оставаться супругами. Но тебе следует узнать, что Супружеская жизнь открыла мне некоторые черты в Сью, хотя, впрочем, в дни вашей девичьей дружбы, быть может, они еще не развились в ней.

Сью стала очень честолюбивой. Она желает быть первой дамой Амхерста. Не очень широкая сфера, можешь ты сказать и будешь права. Но честолюбивые помыслы Сью, боюсь, не ограничиваются этим. У нее есть мечты более величественные, для осуществления которых нужна соответствующая сцена — сцена, которую должен создать я, так или иначе.

Ты меня знаешь, Эмили, по меньшей мере не хуже, чем я сам. Я не так целеустремлен, как отец. У меня нет желания покидать приятные пределы

Амхерста, подобно ему представляя избирателей в Вашингтоне или в более экзотических местах. Я, по сути, мечтатель, с такой же поэтической натурой, как твоя. Легендарная кровь дедушки Сэмюэла в моих жилах осталась лишь тоненькой струйкой. Ничто не подошло бы мне более, чем тихая семейная жизнь прямо здесь до конца моих дней.

Но, видишь ли, семейная жизнь — это как раз то, чего Сью решительно не приемлет. Она чувствует, что дети явятся тяжким препятствием на ее устремлении в верха общества.

Эмили долго и напряженно думала, прежде чем решилась высказать свою мысль:

— Меня все время удивляло, почему последние четыре года не принесли мне ни малютки-племянницы, ни малютки-племянника. Папа также строит вслух предположения, почему до сих пор еще не появился наследник. Но я никак не ожидала, что причина в нежелании Сью консуммировать ваш союз.

Остин невесело засмеялся.

— «Нежелание консуммировать»! Дело гораздо хуже, дорогая сестра! Союз наш был консуммирован не раз и не два вследствие неких неуправляемых импульсов, порождаемых низменной

стороной наших натур. И полтора года назад естественный результат последовал. Сью понесла под сердцем.

Эмили запнулась.

— Но я даже… Она не доносила?

— Гораздо, гораздо хуже. Она его убила!

Будто весь Свод Небесный был Колоколом, а Эмили — Ухом, и только. Когда она вновь обрела себя, то мучительно попыталась произнести роковое слово, но по милосердию судьбы Остин опередил ее:

— Да, в пятьдесят девятом она ездила в Бостон для… для аборта. А недавняя поездка была еще для одного!

После своего признания Остин разразился судорожными рыданиями.

Эмили укрыла брата в своих объятиях, его безудержное горе смывало ее меньшие печали, пока он не выплакался досуха. Когда он поднял лицо, в его чертах запечатлелась невыразимая печаль.

— Мысль об этой первой смерти росла и росла во мне, Эмили, подобно червю. Когда же я узнал про вторую… Сью упросила меня взять ее с собой в Бостон, когда я ездил туда в последний раз, и мне даже в голову не приходило, что она задумала повторить злое деяние. Когда же она

открылась мне только после нашего недавнего возвращения домой — это чуть меня не убило. Я не чувствую себя вправе возложить всю вину на Сью. Она не только испытывает страшные страдания из-за своего поступка, но, кроме того, она ведь решилась на него в согласии со своими представлениями о том, какой должна быть наша жизнь, как бы ужасны ни были ее преступления. Нет, я считаю себя виновным наряду с ней, не менее, чем если бы моя собственная рука сжимала кровавое орудие детоубийства! Вот почему, видишь ли, я и сблизился с этими людьми. Среди них есть спирит…

Будто Туча внезапно раскололась и пропустила сквозь себя Огонь, так летней молнией Эмили поразила догадка о том, что задумал ее брат. С некоторым презрением она сказала:

— Значит, ты хочешь поговорить с душами своих нерожденных детей и обрести какой-то знак отпущения через посредство этой мистической личности…

Остин устремил на Эмили безумный зловещий взгляд.

— Поговорить с ними! Будь это так просто! Нет, дорогая сестра, мы посетим их!

3
«Душа сама выбирает себе общество»

Различие между Отчаянием и Страхом, думала Эмили, *подобно Различию между мгновением Катастрофы и тем, когда Катастрофа уже произошла.*

Непостижимые слова брата поистине толкнули ее за границу, разделяющую эти сдвоенные чувства.

Всю ее жизнь Смерть занимала большое место в сознании Эмили — непреодолимая стена, о которую она могла только биться, вновь и вновь отбрасываемая назад с разбитым разумом и духом.

Ее понятие о Смерти не вполне совпадало с христианской доктриной: как не могла она вслух провозглашать свою веру, подобно всем остальным членам их семьи, так не могла она со всей искренностью подписаться под догматами Церкви, касающимися Того Великого, Кто Останавливает Часы, хотя ее философия вкусила от многих школ.

И вот теперь ее собственный брат говорит ей,

что вознамерился постигнуть эту тайну, каким-то образом проникнуть в Холодное Царство Смерти — но кощунственным материалистическим способом.

Нечто для нее почти непостижимое.

Догадавшись о ее растерянности, Остин снова заговорил:

— Что ты знаешь о спиритизме?

Ее грудь переполнило гордое презрение, и Эмили ответила:

— Мне известно только то, что я вывела, читая, часто между строк, сообщения в дешевой прессе: лет двенадцать назад две маленькие девочки-шалуньи, две сестры по фамилии Фокс, жившие в Рочестере, Нью-Йорк, решили подшутить над своими родителями, и шутка эта стремительно выросла в фарс, какого они и вообразить не могли. Тайными постукиваниями и другими трюками они внушили, будто находятся в соприкосновении с так называемым миром духов, и легко провели свою доверчивую мать, а также старшую сестру, которая быстрехонько стала их импресарио. Вот с такого скромного начала они, став настоящими шарлатанками и обманывая тысячи несчастных людей, лишившихся близких, богатели с помощью самых простеньких

фокусов, которые были старыми еще до рождения Калиостро, и дали толчок таким же нелепостям по всему миру.

Лицо Остина с покрасневшими глазами приняло мрачное выражение.

— Ты как будто очень уверена, Эмили, в фальшивости и корыстолюбии сестер Фокс, а по аналогии — и всех других медиумов. А я был уверен, что именно тебя должна привлечь возможность такого общения между этим и тем миром. Как можешь ты быть уверена, что все их утверждения ложны?

— Как могу я думать иначе, объясняется детскими и пошлейшими вестями, которые передают эти «медиумы». Источником вестей ведь, совершенно очевидно, служит собственное скудное воображение обманщиков. Да если бы я хоть на мгновение поверила, будто неописуемое блистание потустороннего мира можно узреть в таких вот фразах, как, «мама, не оплакивай своего сыночка, тут за гробом сколько хочешь леденцов и лакричных палочек», я бы… нет, я просто не знаю, что бы я сделала. Уж во всяком случае, не наложила бы на себя руки, лишь бы преждевременно не оказаться среди этих молочно-кисельных духов!

— Не спорю, сестра, некоторые из, скажем,

менее вдохновенных откровений некоторых не наделенных даром индивидуумов, несомненно, выдают толику… сфабрикованности. Однако среди истинных медиумов выдумка применяется, только когда подлинный контакт ослабевает, и притом из искреннего желания не разочаровывать участников сеанса. Собственно говоря, медиум может даже не заметить перехода от подлинного вдохновения к бессознательному извержению пустых слов. Но не будем спорить из-за недоказанного обмана некоего гипотетического чикагского шарлатана. Не только медиум, о котором я упомянул, заведомо подлинный, но, кроме того, мы заручились великодушными, нет, абсолютно необходимыми услугами некоего именитого ученого для того, чтобы наша экспедиция проходила в строжайше соблюдаемых условиях.

Эмили встала, прекрасно сознавая, что позволяет выражению брезгливости исказить ее невзрачное лицо и добавить ему невзрачности. Но она настолько рассердилась на брата, что ей было все равно.

— Меня не тронет, если ты и твои мистические друзья обеспечили поддержку целой академии бородатых ученых в мантиях какому бы то ни было нелепому плану, который вы вынашиваете.

И можешь перекручивать логику, как тебе угодно, но я по-прежнему утверждаю, что любой вид спиритизма — нагромождение чепухи.

— А что, если я скажу тебе, что твоя любимая поэтесса, миссис Элизабет Баррет Браунинг, неколебимо верила в духов и их зримых партнеров?

Эмилия потрясенно рухнула в свое кресло. *ЕЕ* дорогая Элизабет — эта благородная Чужеземная Леди, которая покорила душу Эмили с юных лет, чьи стихи сделали прекрасной Тьму и вскормили в ней Священное Безумие — гений, скрытый за «Авророй Ли» [168], — героическая Женщина-Поэт, чье имя Эмили с гордостью носила, как свое второе… Неужели правда, что такой великолепный ум хоть чуточку снисходил к этой упрощенной вере, захлестнувшей мир?

Заметив сомнения Эмили, Остин удвоил свои доводы:

— Это абсолютная правда. Приобщение миссис Браунинг к миру духов началось несколько лет назад, когда она познакомилась с прославленным мистером Дэниелом Дангласом Юмом. Когда она ощутила прикосновение призрачных рук, которые он материализовал, когда заиграла

---

[168] Примечания: 168
Поэма Э. Б. Браунинг (1806–1861).

призрачная концертина, когда духи возложили лавровый венок на ее чело — тогда она постигла истину! Так же, как убедятся все неверующие, когда я с друзьями отправлюсь в Обитель Лета и вернусь!

Эмили не знала, что и думать. Сначала ее потрясло открытие тайного разлада между ее братом и Сью. Затем ее догматическая антиспиритическая позиция получила тяжкий удар — Та, кем она так восхищалась, охотно разделяла наиявнейшее, как считала Эмили, проявление безумия, овладевшего обществом. Однако, напомнила она себе, часто Безумие — наибожественный Разум для видящего Ока, и часто Разум — чистейшее безумие: и в этом Большинство, как Всё, преобладает.

Ее взгляд упал на корзинку с вянущими цветами, и Эмили напомнила себе об истинной причине, приведшей ее в дом брата. Уж конечно, она не приблизится к своей истинной цели, споря с ним, а тем более с позиций, внезапно ослабленных.

— Извини, что я отнеслась пренебрежительно к твоей новой вере, любимый Остин. Теперь я поняла, что влечет тебя на такие поиски. Хотя я не могу заставить себя полностью принять по-

добные верования, я не стану выносить суждения о них в ожидании новых доказательств, которые ты мне представишь.

Остин схватил руки сестры.

— Какая ты прелесть! Я знал, что ничто не способно встать между нами!

Взяв корзинку, Эмили сказала:

— Быть может, ты хотел бы представить меня своим новым друзьям?

— Разумеется! Я превратил малую гостиную в подобие штаба, чтобы спланировать наш штурм загробной жизни. Там мы найдем если не всех, то большинство. Так идем же!

Пока они шли по большому дому, Остин объяснял, как он познакомился со своими гостями.

— Когда мы со Сью были в Бостоне, я увидел афишу, возвещавшую, что в Механикс-Холле состоится лекция спирита с демонстрациями. Я отправился туда, лекция и демонстрации произвели на меня такое впечатление, что по окончании я представился лектору и сопровождавшему его медиуму. Узнав об их смелых планах и скором приезде ученого, который будет им помогать, я тут же присоединился к ним и предложил всю помощь, какая в моих силах.

— А Сью заинтересовалась?

— Ничуть. Правду сказать, она избегает наших гостей насколько возможно и очень недовольна их присутствием.

— Я рада, так как не знаю, вынесу ли встречу с ней так скоро после того, как узнала про ее грех.

— Можешь этого не опасаться, она почти все время проводит у себя в комнате.

Теперь они остановились перед закрытой дверью малой гостиной. Изнутри доносились голоса: двух мужчин и женщины. Эмили подумала, что ни тот, ни другой мужской голос не обладает гулкой звучностью Уитмена, и захотела узнать о поэте побольше.

— Ты еще не сказал мне, что привело прославленного — или обесславленного — поэта в твой дом.

Остин улыбнулся.

— А! Странная игра случая! Видишь ли, Сью настояла, чтобы мы нанесли визит Эмерсону, также приехавшему в Бостон. Думаю, она надеялась снова залучить его в Амхерст как виднейшего своего дрессированного автора. Когда старый мудрец принял нас, у него был Уитмен. Выяснилось, что Эмерсон попал в крайне неловкое положение. Он предложил Уитмену пожить у него, пока тот будет в Бостоне, не посоветовавшись предва-

рительно с женой, а та, узнав о приглашении, наотрез отказалась принять такое «безнравственное животное» у себя дома! Отведя нас в сторону, Эмерсон умолял приютить своего друга в «Лаврах», и Сью охотно согласилась, предвидя светский триумф. Вообрази ее возмущение, когда поэт, узнав о нашем спиритическом дерзании, от всего сердца присоединился к нам.

Последние пикантные сведения смутили Эмили, поскольку поставили под сомнение умственные способности поэта, но она удержалась от неодобрения.

— Насколько я понял, — продолжал Остин с веселым злорадством, — ты и Винни несколько необычно познакомились с нашим бесцеремонным Гомером.

Эмили почувствовала, что краснеет.

— Ты понял верно.

— Из-за такого числа гостей утром к ванной образовалась очередь, и Уитмен потерял терпение. Я сказал ему, что он может воспользоваться удобствами в «Усадьбе», но мне и в голову не пришло, что он…

В эту секунду дверь малой гостиной распахнулась. В ее проеме появилась крупная женщина с внушительным бюстом. Окутанная цветастыми

шалями, с широким цыганским платком на голове, блестя аляповатыми серьгами и браслетами в мочках и на запястьях, она встала в драматическую позу, одну руку выбросив вперед, другую прижав ко лбу. Хотя далеко не первой молодости и отнюдь не красавица в общепринятом смысле (ее верхнюю губу украшали несомненные усы), она источала тот же животный магнетизм, эманации которого, как часто замечала Эмили, исходят от цариц бала, приглашаемых нарасхват.

— Мадам почувствовала слияние душ по ту сторону барьера, — объявила медиум, представляя себя в третьем лице.

— Так как мы вели обычный разговор, — сказала Эмили, — притягивать еще и наши души представляется излишним.

Медиум оскорбленно опустила руки.

— Фу! Зачем вы привели к нам такую неверующую, cher [169] Остин?

— Это моя сестра Эмили. Я хочу познакомить ее с вами. Эмили, разреши представить тебе мадам Хрос Селяви [170], самого именитого медиума

---

[169] Примечания: 169
милый (фр.).

[170] Примечания: 170
Фамилия созвучна с французским выражением «се ля ви» — такова жизнь.

Парижа.

Мадам Селяви тотчас стала сама любезность, хотя Эмили словно бы уловила в ее глазах стальной блеск неугасшей враждебности.

— Такое очаровательное миниатюрное создание, обладающее остроумием, не уступающим остроумию ее досточтимого брата! Позвольте обнять вас!

Эмили не успела возразить, как мадам Селяви прижала ее к груди, чуть не задушив. От нее исходил запах пота, шерсти и животного мускуса.

Освобожденная Эмили попятилась. Но еще не пришла в себя, как мадам Селяви ухватила ее за руку и втащила в гостиную.

— Эндрю! Уильям! Пришла сестра, о которой мы столь наслышаны!

Двое мужчин на исходе молодости — ни тот, ни другой не был пастухом страуса, которого видела Эмили, — сидели за столом, накрытом огромным чертежом, завертывающиеся углы которого были придавлены странными изделиями из стекла и металла, похожими на двурогие закупоренные с обоих концов флаконы. Заправленная ворванью лампа дополняла свет заходящего солнца.

Вырвав руку из хватки медиума, Эмили попыталась вернуть себе самообладание. Остин дал ей

на это некоторое время, начав представления:

— Эмили, этот джентльмен — автор «Принципов Природы, Ее Божественных Откровений», а также труда «Голос Рода Человеческого», и известный издатель уважаемого журнала, посвященного спиритизму, «Универколем» [171]. Кроме того, он сам — ясновидящий. Именно он предсказал появление сестер Фокс задолго до их дебюта. Могу ли я представить тебе мистера Эндрю Джексона Дэвиса?

Дэвис щеголял холеной бородой и крохотными очками в проволочной оправе, за которыми пребывали обескураживающе несфокусированные глаза. Он не то не привык, не то был не склонен к общепринятым правилам хорошего тона и только кивнул в сторону Эмили.

— А вот этот дженльмен, Эмили, с не менее взыскующим умом, представляет научную сторону нашего равновесия. Именно он придаст нашему дерзанию интеллектуальную весомость, столь часто отсутствующую в иных непродуманных исканиях. Имею честь представить тебе не только открывателя таллия, но также последователя и друга самого Д. Юма. Эмили, познакомься

---

[171] Примечания: 171
Примерно: «Общенебо» — слияние двух латинских слов.

с одним из величайших умов Англии Уильямом Круксом [172].

Полная противоположность Дэвису, Крукс галантно выступил вперед, взял руку Эмили, поклонился и поцеловал ее. Его длинное узкое лицо и высокий лоб были почти красивы. С чарующим прононсом англичанина он сказал:

— Ваш брат обидел вас, мисс Дикинсон, он не потрудился сказать, что у вас глаза цвета наилучшего хереса.

Эмили ужасно смутилась и против обыкновения лишилась слов.

К счастью, Дэвис нарушил неловкую паузу:

— Я не хочу прерывать такую прелестную интермедию, но не могу ли я напомнить присутствующим, что впереди у нас еще много работы, чтобы завершить хотя бы планирование.

Крукс с иронической улыбкой отпустил руку Эмили.

— А, да. Мир духов, который уже существует бесчисленные века, не может ждать нас ни единой лишней минуты. Что же, боюсь, пора снова запрягаться. Буду с нетерпением ожидать, когда снова увижу вас, мисс Дикинсон.

---

[172] Примечания: 172
Таллий был открыт У. Круксом (1832–1919) в 1861 г.

Эмили позволила Остину увести ее из гостиной. Проходя мимо мадам Селяви, она ясно услышала, как ей на ухо прошипели «у, пигалица!», хотя губы мадам сохраняли полную неподвижность.

В коридоре Остин сказал:

— Теперь тебе осталось только познакомиться с неуемным стариной Уолтом, он, наверное, с Генри и птицами.

Взяв себя в руки, Эмили сказала:

— Да, я хотела бы, если тебя не затруднит.

Они направились к задней двери «Лавров», и Остин сказал:

— По-моему, я упоминал про Генри. Он товарищ Уолта в его странствованиях. Саттон, если не ошибаюсь. Они вместе работали в «Бруклинском Орле», юный Саттон — учеником наборщика, а Уолт — редактором. Генри незаменим со страусами. У него особый дар заставлять их слушаться. Я говорил тебе о планах Энди относительно страусов? Не важно, ты скоро узнаешь. Вот мы и пришли!

Они затворили за собой дверь дома. Задний двор «Лавров» заполнил недавно построенный загон. В этом импровизированном вольере сидели шесть, а то и больше страусов. Над ними, испуская нежные кудахтающие звуки, бдел пред-

ставительный молодой человек, которого она уже видела.

— Ген! — вскричал Остин. — Где Уолт?

Прежде чем Генри успел ответить, у них за спиной раздался звучный голос:

— Любимый бездельник Зеленого Шара твердо стоит прямо тут.

Эмили резко обернулась, сердце у нее колотилось.

С тех самых пор, как отец забрал ее из Женского колледжа в Маунт-Холиок со ссылкой на «слабую конституцию» (в тот же самый год, когда сестры Фокс впервые начали производить свои стуки), Эмили томилась по интеллектуальному общению и стимулированию, столь мимолетно испробованным. И когда не так давно она начала серьезно писать стихи, потребность эта стала еще глубже — болью, которую скучная и педантичная переписка с преподобным Уэствортом не могла утишить.

И вот теперь перед ней предстал во всем телесном великолепии (слава Богу, одетый), быть может, ее первый, последний, единственный и наилучший шанс для подобного общения — живой печатающийся поэт.

Трепеща, Эмили протянула ему корзинку своих

цветов.

— Моя рекомендация, сэр!

Уолт ласково принял подношение. Она увидела, как его проницательные глаза остановились на аккуратно сшитой, завязанной лентой тетрадочке ее стихов, прикрытой цветами.

— Нечто большее, чем кажется на первый взгляд, думается мне, — сказал Уолт и подмигнул.

Ободрившись, Эмили сказала:

— В моей Корзинке Небесная с Земною Тверди, сэр!

— Но достаточно ли она велика, ma femme [173], чтобы вместить меня?

4
«Воздухом опьяненный я...»

На стене над роялем, который стоял на брюссельском ковре с цветочным узором в парадной гостиной «Имения», висела гравюра под названием «Затравленный олень». Деликатесная оленина, настигнутая на открытом месте и окруженная безмолвно лающими псами, вовеки

---

[173] Примечания: 173
моя женщина (жена) (фр).

созерцая нацеленное ей в грудь копье охотника на коне, была явно готова испустить дух от чистого ужаса.

Именно так почувствовала себя Эмили, едва Уитмен произнес свой скрытый вызов касательно вместимости ее корзинки с колесиками.

На лбу у нее выступила испарина, ноги и руки отказывались ей служить. Небо… небо, казалось, весило безмерно много, и она ощутила неколебимую уверенность, что Небеса рухнут и засыплют ее Лазурью…

И потому она убежала.

Как ребенок, испуганный тенями, она убежала с заднего двора «Лавров» через приграничную рощицу в приют своей спальни в «Имении».

Там она оставалась следующие двое суток, скорчившись под своими одеялами. Даже Карло был изгнан.

(И какие еще из возможных тягот тотчас обрушились на нее, как не внушающие леденящий страх ее месячные! Французские Золотые Периодические Пилюли доктора Дюпонко иногда облегчали это женское проклятие, но служили малым утешением. Где, где Пилюля для ее Нервов?)

Между приступами самобичевания и слезами

Эмили сложила в уме стихотворение, чтобы период боли не пропал втуне.

Олень Сраженный прыгает всех выше…
Охотника небрежные слова,
Это лишь Смерти Экстаз,
Недвижна снова Листва!
Ключ из Скалы Рассеченной!
Прижатой Пружины прыжок!
Краснее всегда Щека там,
Где Лихорадки ожог!
Веселость — Кольчуга Муки,
Ее надевает она —
Пусть никто не увидит крови,
Не воскликнет: «Ты сражена!»

Она интуитивно поняла аллегорию Уитмена, едва он заговорил. Двойной смысл, который так легко рождался ее собственным языком или пером, все еще обладал свойством пугать ее, когда неожиданно прятался в словах кого-то другого.

Уитмен предложил — нет, потребовал! — полных и открытых отношений с ней. Недостаточно, мог бы он прямо сказать, что ты отдаешь мне эти исписанные каракулями листки, ожидая в ответ

моего мнения о них (оценив то, что увидела ранее в свете моей новооткрытой славы). Нет, если ты приближаешься ко мне, ты должна сделать это в полной наготе. Ты должна быть со мной, как женщина с мужчиной, как душа с душой, ничего не прятать, если ищешь подлинного сока моих плодов, истинную плоть моего языка.

А Эмили очень опасалась, что на это она как раз и не способна.

Хотя жаждала этого.

Только один раз она полностью открылась другому.

И поглядите, чем это обернулось.

И не то чтобы милый Джордж был виноват. Мало нашлось бы мужчин, способных выдержать гнев Эдварда Дикинсона, и мечтательный интеллектуал Джордж Гулд, постарше Эмили, друг Остина и блистательный студент Амхерста, в их число не входил. Когда Сквайр узнал о их невинном и все же пылком романе и изгнал Джорджа, ни он, ни Эмили не нашли в себе сил восстать, хотя на весы были брошены жизни их обоих.

И затем Эмили сделала свой Белый Выбор: символизируемый ее неизменным снежным одеянием Небесный Брак вместо земного, в который она поклялась никогда не вступать.

Так как же с подобным испытанием у нее за спиной могла она обрести силу дать Уитмену то, чего он, очевидно, требовал?

Нет, невозможно…

В дверь Эмили властно постучали. Прежде чем она успела что-то сказать, дверь распахнулась.

В комнату промаршировала Лавинья с ужином на подносе.

— Честное слово, Эмили, вы с мамой меня убьете. Таких двух больших младенцев я в жизни не видывала! Вот выйду замуж и избавлюсь от вас обеих! И тогда посмотрим, долго ли тут все продержится!

Эмили приподнялась и села на кровати, заинтригованная вспышкой сестры.

— А за кого ты выйдешь, Винни? У тебя есть потенциальный жених, о котором мне следовало бы знать?

— Ха! Не беспокойся, я сумею обзавестись мужем, займись я этим всерьез. Может быть, и займусь. Ну, вот твой ужин. И, пожалуйста, без жалоб, что мой индейский хлеб хуже твоего.

Винни поставила поднос и повернулась, чтобы уйти. У двери она остановилась.

— Не думаю, что тебя интересуют новости о папе.

— Он все еще в Бостоне?

— Подальше. Хотя партия не убедила его баллотироваться в этом году, они уговорили его помочь их кандидату в президенты Джону Беллу. Сквайр сейчас на пути в Вашингтон, а затем далее на юг и запад. Неизвестно, сколько он будет отсутствовать. И мы должны радоваться этому. Будь он здесь и наблюдай, что затевает Остин со своими помешанными приятелями, его мог бы хватить удар! Весь город и так с ума посходил.

Муки Эмили совсем затмили в ее памяти Остина и его нелепые планы путешествия в потусторонность. Но теперь ее вновь окутала странная атмосфера «Лавров».

— Что делает Остин?

Винни вздернула нос и фыркнула.

— Если тебе хочется узнать, ты должна будешь встать. Я не «Харперс уикли». — На этих словах сестра Эмили захлопнула за собой дверь.

Пять минут спустя, не прикоснувшись к ужину, Эмили уже вышла одетая на лестницу.

У задней двери она заколебалась. Сумеет ли она собраться с духом настолько, чтобы еще раз посетить сумасшедший зверинец, каким стал дом ее брата? Что, если гнусная мадам Селяви вновь в нее вцепится? Что, если франтоватый мистер

Крукс вновь чмокнет ее руку? Что, если фанатичные глаза мистера Дэвиса вновь пришпилят ее, будто бабочку к карточке? Что, если она встретит Сью, свою невестку и леди Макбет? Что, если она встретит Уитмена? Как она теперь сожалела, что отдала ему свои стихи, эти Ключи к Внутренним Покоям ее Сердца…

Эмили вынудила себя приструнить всех этих злоехидных мысленных демонов и открыла заднюю дверь.

Обремененные цветущими гроздьями кусты белой и лиловой сирени обрамляли портал, и их сладкое благоухание колыхалось над крыльцом, точно облако.

Погрузив косматую голову в глубину ниспадающих кистей, Уитмен с медвежьим фырчанием втягивал их опьяняющее благоухание.

Замерев, Эмили холодела и горела одновременно. Это не был просто Холод — она ощущала, как Сирокко ползает по ее Плоти. Но это не был и просто Огонь — ее Мраморные Ступни могли бы охладить Алтарь.

Уитмен извлек голову из цветов: крохотные безупречные цветки облепили ему волосы и бороду, превратив его в истинного Пана. Рабочая рубаха с открытым воротом обнажала густую

шерсть на его груди — прежде увиденную Эмили в намыленном состоянии, — столь же расцвеченную.

— Когда в цвету дворовая сирень, — продекламировал Уитмен, — я радуюсь весне непреходящей.

Затем, водворив на затылок широкополую шляпу, которую держал, он нежно взял руку Эмили и сказал:

— Идемте, ma femme, погуляем немножко. Эмили беспомощно подчинилась.

Некоторое время они бродили между клумбами — детишками, которых с такой любовью баловала их госпожа, — и молчали. Потом Уитмен сказал:

— Вы дали мне не просто стихи. Не всего лишь книгу. Кто бы ни прикоснулся к ним, прикоснется к женщине.

Таких слов Эмили даже не надеялась когда-либо услышать в своей жизни. Усилием воли удерживаясь от обморока, она сотворила в ответ искусный вопрос:

— Так, значит, вы считаете, что мои стихи… живут? Уитмен сделал широкий жест, охватывая весь зеленый уголок, где они прогуливались, неправдоподобно соединив руки. Если бы какие-

нибудь горожане увидели бы ее сейчас, как могли бы они не счесть ее Красавицей Амхерста?

— Разве то, что вы сейчас видите перед своими глазами, бесспорно не живет? Разве сами вы не живете, кровь не пульсирует в вас, пар вашего дыхания не изливается наружу? Как что-либо, истинно исходящее из того, кто живет, может не быть живым? Не сомневайтесь! Они поистине живут! Божественное озарение пронизывает их точно так же, как мелодию одинокого дрозда.

Эмили почувствовала, как все ее существо преисполняется уверенностью и жизненной силой. Нескончаемая тревога, обитавшая за ее грудной костью, пошла на убыль. Но следующие слова Уитмена заставили ее споткнуться, сбросили с едва обретенной высоты.

— И все же, подобно печальному щебету этой одинокой, лишенной пары пичужки, ваши стихи являют серьезный недостаток, болезненный мотив, который угрожает обвить живой ствол ваших песен подобно плющу, чтобы в конце концов свалить все дерево.

Эмили окостенела и попыталась высвободить руку, но Уитмен не позволил, и ей пришлось говорить резко, все еще оставаясь в интимном соприкосновении с ним:

— Я не замечаю никакого столь вопиющего недостатка, вами указываемого. Но, разумеется, я жду наставлений столь знающего источника.

Холодность ее тона Уитмена не задела, он только улыбнулся.

— Я отнюдь не «знающ», мисс Дикинсон, если не считать того, что мне удалось почерпнуть на улицах Бруклина, а также на берегах и тропах моего родного Поманока. И я не любимец академий, чему свидетельства и мой кошелек, и мои статьи. Однако мои глаза достаточно остры, чтобы повсюду находить оброненные вести Бога. И вот что эти старые глаза — и мое сердце — говорят мне о вашей поэзии: она слишком по-монастырски замкнута, слишком утонченна, слишком порождение головы и домашнего очага, будто у вас нет ни тела, ни мира, в котором странствовать. Вы обладаете прекрасным даром «в одной песчинке видеть мир», как выразился мистер Блейк. Но вы словно бы не способны увидеть мир как самодостаточное чудо его самого! Для вас все должно представлять собой нечто эфирное. Закаты, пчелы, радуги — самобытные совершенства, а вы их настойчиво облекаете в свои фантазии! Ничто не может пребывать само по себе, вам обязательно надо представить его как «Истину». Если вы

будете продолжать в таком духе, то, предсказываю, в конце концов вы доведете свою поэзию и себя до такой утонченности, что перестанете существовать!

Эмили сначала ничего не ответила. Таким искренним, таким сильным был голос Уитмена, что ей пришлось взвесить обоснованность его слов.

Неужели ее ограниченная жизнь — отчасти по собственному выбору, отчасти навязанная — действительно ставит ее поэзию под угрозу своей суженностью? До этой минуты она была так убеждена, что ясно видит высшую важность. Значит, есть чудеса и дивности за пределами ее достижения? Не подобна ли она дальтонику, верящему, будто он знает, что такое цвета, но не знающему их?..

Запинаясь, Эмили попыталась найти выражение своим тревожным сомнениям:

— То, что вы так красноречиво осуждаете, мистер Уитмен, быть может, именно таково. Однако что в том, если мои недостатки именно те, которые вы перечислили? Они же неотъемлемая часть самой моей натуры, трещина во мне, как в Колоколе Свободы. И быть может, именно этой трещине я обязана своим тембром. В любом случае мне слишком поздно меняться.

Уитмен остановился, чтобы посмотреть в глаза Эмили глубоко и искренне.

— Вот тут вы абсолютно ошибаетесь, мисс Дикинсон. Я знаю, о чем говорю. Всю мою молодость я действовал в тумане ложных чувств и дешевых грез, только смутно ощущая, что делаю промах за промахом не по тем целям. Лишь на тридцать седьмом году жизни я осознал свою истинную натуру и начал творить мои песни. Никогда не поздно измениться и расти.

— Для мужчины это, возможно, и так. Ваш пол позволяет испытывать себя, бросаться в критические ситуации, которые усиливают ваш дух. Но нам, женщинам, отказано в такой свободе. Новобрачная, мать или высохшая старуха — вот ограниченные роли, которые предоставляет нам общество.

— В ваших словах есть йота общепринятой истины, столько же, сколько в утверждении, что простая проститутка — не королева.

Эмили ахнула от такой непристойности. Но Уитмен продолжал как ни в чем не бывало:

— А я говорю, что простая шлюха и есть королева! И я говорю, что любая женщина ни в чем не уступает мужчине и может вести себя как ей заблагорассудится! Послушайте меня, Эмили!

Ее попросту произнесенное имя совсем ошеломило Эмили. Аромат сирени был подобен вину в ее крови.

— Я… я не знаю, что сказать. Как я могу осмелиться выйти в мир? Я уже испытала…

— Вы думаете, темные пятна выпадали у вас одной? Бывали дни, когда лучшее, что я сделал, казалось мне пустым и сомнительным. Мои великие мысли — какими я их считал, — не скудны ли они на самом деле? И не вы одна знаете, что такое быть скверной, — если вас тревожит это? Я — тот, кто знает, что значит быть скверным! Я нес чепуху, краснел, злился, лгал, крал, затаивал зло! Во мне жили притворство, гнев, похоть, жгучие желания, заговорить о которых я не смел. Я был переменчивым, тщеславным, жадным, мелочным, коварным, трусливым, злобным! Волк, змея, кабан — их во мне хватало! Но все это вмещал я! Я не отрекаюсь от зла. Мои стихи принесут столько же зла, сколько сделают добра. Но в этом мире никогда не существовало такой вещи, как зло!

— Ваши слова, мистер Уитмен, противоречат друг другу… Лицо Уитмена побагровело.

— Я себе противоречу? Отлично, я себе противоречу! Я огромен, я вмещаю множества!

Ища успокоить его, Эмили сказала:

— Но вы не обнаружили моей Глубочайшей Раны, сэр. Это было дело Сердца…

Ее слова, казалось, достигли желаемого результата. Уитмен успокоился и задумался.

— И тут я тоже имел печальный опыт. Мисс Дикинсон… если я поделюсь с вами чем-то заветным, могу ли я попросить вас об одолжении взамен?

— Каком?

— Не откажетесь ли вы от этой нежелательной светскости между нами, называя меня Уолт? Я знаю, разница в нашем возрасте согласно этикету требует формальных обращений друг к другу, но я не признаю таких условностей.

Чувствуя, как по ее щекам разливается теплота, Эмили понурила голову.

— Это кажется достаточной малостью…

— Прекрасно. Прошу, поглядите…

Эмили подняла глаза. Она увидела, как Уитмен достает из кармана небольшую самодельную свободно сшитую записную книжку (очень похожую на ее собственные тетради). Он открыл ее на середине, а затем повернул к Эмили.

Со страницы на нее смотрело дагерротипное лицо — лицо красивой женщины с темными локонами, с руками, закинутыми на спинку кресла,

в котором она сидела боком.

Уитмен повернул книжку к себе, поцеловал изображение, закрыл ее и вновь убрал в карман драгоценную памятку.

Сердце Эмили было готово разорваться.

— Ах, Уолт! Она… она умерла?

— Гораздо хуже! Она замужем!

Эмили была шокирована, но и восторженно взволнована.

— Мы познакомились, когда я был редактором «Новоорлеанского полумесяца». Впервые я увидел ее в Theatre d'Orleans [174] во время исполнения моцартовского «Дон-Жуана». Поддавшись вольному тропическому влиянию этого южного порта, мы влюбились безумно. Ее электрическое тело излучало божественный ореол, рождавший во мне бешеное притяжение, как и мое — в ней. Многочисленными были часы нашей радости. Но она была дамой высшего света и не могла допустить, чтобы на нее легло пятно скандала или развода. Когда мы поняли, что наша любовь обречена и мы должны расстаться, разрыв стоил нам великих мук. Она — единственная женщина, кого я так лелеял в своем сердце, и останется

---

[174] Примечания: 174
«Орлеанский театр» (фр.)

единственной.

По необъяснимой причине последние слова Уитмена вызвали у Эмили легкое разочарование. Но не настолько, чтобы затенить более сильные чувства в ее груди. Сходство трагедии Уолта с собственным обреченным романом Эмили наложило последнюю печать на нежную симпатию к крепкому седеющему поэту, которая все это время полунезаметно росла в ее сердце.

Изо всех сил сжав лапищу Уолта обеими своими маленькими ручками, Эмили сказала:

— Значит, вы истинно постигли мою душу, Уолт.

— Эмили… Я думал о тебе задолго до того, как ты родилась.

Они нашли каменную скамью и некоторое время молча сидели на ней бок о бок.

Но, пока проходили минуты, тихое Мушиное Жужжание раздражающе нарастало в сознании Эмили, пока она не почувствовала, что должна высказать его вслух.

— Уолт… вы употребили слово «болезненный», когда говорили о моих стихах…

— Да, Эмили, употребил. Так как, боюсь, вас слишком уж занимает смерть.

Эмили открыла было рот в готовности указать

на верховенствующую важность Смерти в системе мироздания, но Уолт поднял ладонь, чтобы остановить ее:

— Я знаю все, что вы намерены сказать, дорогая Эмили. Не сомневайся, что и я тоже долго и упорно думал о смерти. Я знаю: насколько великолепно родиться, настолько же великолепно и умереть. Не будь смерти — большая фальшь даже говорить о них раздельно, — сама жизнь была бы бессмысленной. Да, всю свою жизнь я слышал шепоты о небесной смерти в голосе волн на берегу, в сердитых криках морских птиц, но в отличие от тебя я не томлюсь по смерти и не воздаю ей большего, чем она заслуживает. Я слишком занят тем, что живу, слишком занят своими священными чувствами и не уделяю смерти больше, чем кивка мимоходом. Ты же, дорогая Эмили, кажется, стремишься прижать к себе смерть в объятиях, будто возлюбленного!

Эмили возмутилась.

— Я обнимаю смерть? Кто участвует в идиотичном намерении моего брата проникнуть в тени загробной жизни? Вы, а не я!

Уолт встал.

— Вы не знаете всей полноты замысла нашей экспедиции в Обитель Лета, Эмили. Это не

объятие смерти, но смелый научный штурм ее территории, чтобы вырвать новые познания на благо всему живущему.

Подняв Эмили всей своей бычьей силой, Уолт сказал:

— Пойдем со мной, и ты увидишь.

5
«Микроскопы полезны на случай необходимости»

Малая гостиная «Лавров» была превращена в импровизированную классную комнату или же штабной кабинет генерала. К мольберту прислонили большую грифельную доску с мелками на бортике; перед ней стояли пюпитр и единственное вместительное кресло. К стене сзади был прикноплен большой чертеж, который Эмили видела в прошлый раз расстеленным на столе; на пюпитре красовалось одно из странных стеклянно-металлических изделий, которые тогда придавливали этот чертеж. Перед пюпитром были расставлены несколько кресел со спинками из перекладинок. Теперь в них расселись пятеро нетерпеливых слушателей, слегка раздраженных десятиминутным ожиданием: Эмили, Уолт и Ген-

ри Саттон в первом ряду указанным порядком, Остин Дикинсон и светило науки Уильям Крукс — позади них.

Все вместе взятое привело на память Эмили ее краткие школьные дни. И неизбежно эти бесценные воспоминания воскресили великолепного Леонарда Хэмфри.

Хэмфри был на четыре года старше Джорджа Гулда. Девочкой Эмили благодаря тесной связи своего отца с Колледжем жадно ловила новости о блистательной академической карьере этого талантливого представительного молодого человека. Эмили он казался воплощением самых гордых надежд нового поколения.

Так вообразите ее восторг, когда после получения диплома в 1846 году Хэмфри был назначен директором Амхеретской Академии — школы совместного обучения, которую посещали шестнадцатилетняя Эмили и тринадцатилетняя Винни.

По коридорам Академии новый директор проходил, истинно сочетая в себе Адониса и Сократа, особенно пленяя все нежные женские чувства, не исключая и чувств Эмили. (Она даже выучила наизусть хвалебную речь Хэмфри «Мораль Штатов».) По сей день Эмили все еще считала Хэмфри

своим первым Учителем, и воспоминания о тех немногих случаях, когда он стоял близко от нее, все еще хранили силу вызвать в ней восторженную дрожь.

Неожиданная и мрачная его смерть в 1850 году, когда он был еще в расцвете своей мужественности, стала Невосполнимой Утратой для Эмили и для всего города.

Она не знала, то ли присутствие другого мужественного Учителя рядом с ней, то ли Смерть как тема ожидаемой лекции сотворили перед ней почти осязаемый образ Хэмфри, словно он беззвучно напрягался, ища преодолеть мембрану, отделяющую его от живущих. Но именно так он избрал явиться ее внутреннему взору.

Я только дважды потеряла столько, подумала Эмили, но тут ее отвлек от этих мыслей голос ученого позади нее.

— Пустая трата времени — вот проклятие, когда работаешь с этими спиритами, — сказал Крукс. — Мне приходилось смиряться с той же проблемой, занимаясь с Юмом. Он демонстрировал поразительнейшие феномены — левитацию, материализации, голоса, но всегда после часов скуки, когда все мы сидели в темноте, соединив наши потные руки. Это проклятущее испытание

для того, кто привык к яркому свету и четким условиям ла-бо-ра-то-рии, можете мне поверить.

Остин попенял своему соседу:

— Не можете ли вы немножко следить за своими выражениями, Билл? С нами ведь дама…

Крукс фыркнул, не столько презрительно, сколько с восхищением.

— Чтобы я умерил свой язык! Да поглядите, с кем рядом сидит ваша сестра, прах меня побери! Если она почитала его стишки, она уже вкусила сполна. «Запертые страждущие реки, шары мужчины и корень мужчины», куда дальше! Да в нем больше бесстыдства, чем в Россетти и всей его шайке либертинов, вместе взятых!

Эмили почувствовала, что краснеет. Она ожидала, что Уолт вскинется на слова Крукса, зная, как сама она отозвалась бы на любое нападение, которому подверглись бы ее стихи. Но поэт только наклонил побуревшую от солнца шею, улыбнулся и сказал довольно загадочно:

— Меня окружают мастера подножек и вопрошений…

Стремясь переменить тему, Эмили смело обернулась к Круксу:

— Почему же вы продолжаете свои неправоверные изыскания, мистер Крукс, в таких

раздражающих условиях?

— Только потому, мисс Дикинсон, что спиритизм — наиболее волнующий и многообещающий феномен, с каким мне пока довелось столкнуться. К счастью, благодаря состоянию моего отца мне дано удовлетворять мою любознательность любым способом, какой я пожелаю, не заботясь о том, чтобы зарабатывать на жизнь. Иначе я все еще прозябал бы в проклятущем занудном Оксфорде в качестве наблюдателя метеоритов в Радклиффской обсерватории. Однако при нынешнем положении дел я могу путешествовать по земному шару — и за его пределы, если мы осуществим задуманное, — и знакомиться с такими очаровательными барышнями, как вы.

Прежде чем Эмили успела ответить, Генри Саттон сказал:

— Вот и они.

Из боковой двери появилась ожидаемая пара.

Первой вошла мадам Селяви. Ее одежда была в некотором беспорядке: одна из ее пышных юбок задралась, приоткрыв край кринолина. По пятам за ней вошел Э. Д. Дэвис. Суровый автор и издатель, знаменосец дела спиритизма выглядел довольно-таки того, сего, этого — жилет застег-

нут не на те пуговицы, очки сбились на сторону, волосы взъерошены.

Мадам Селяви плюхнулась в кресло в центре комнаты. Она поддернула корсаж повыше под своим рвущимся наружу бюстом и испустила усталый вздох, всколыхнувший, как заметила Эмили, ее усы.

Дэвис занял место за пюпитром. Видимо, только сейчас спохватившись, он пригладил волосы, поправил очки и обратился к своим слушателям:

— Мадам Селяви и я беседовали с духами касательно нашего путешествия. Аудиенция была трудной и беспорядочной из-за многих помех на линии Небесного Телеграфа. К счастью, дух-проводник мадам, принцесса наррагасетских индейцев Розовое Облачко, сумела отразить все зловредные влияния и обеспечить успех нашего предприятия.

Мадам Селяви перебила его:

— Oui, mon ami [175], предзнаменования из Обители Лета самые благоприятные. Скоро нам будет дозволено пересечь границу во владения le Moissonneur Hideux [176].

---

[175] Примечания: 175
Да, мой друг (фр.).

[176] Примечания: 176
Ужасный жнец (фр.). Образ смерти.

Эмили в третий раз услышала упоминание неведомого места, называемого Обитель Лета. Слова эти претворились для нее всего лишь в один из тех совершеннейших июльских дней, ради которых онажила, когда могла ощущать глубину, лазурь, благоухание, претворяющий экстаз. Ее возмутило, что такое название использует почти несомненный шарлатан, успешно морочащий ее брата, и она решилась его перебить:

— Вы готовитесь перепрыгнуть из нашей прекрасной весны, весны Новой Англии, прямо в летний зной, мистер Дэвис? Или вы всего лишь предполагаете путешествие в более теплые широты нашего Шара? Попокатепетль или Тенерифе, например?

Дэвис уставился на Эмили так пристально, что успел смутить ее, прежде чем ответил:

— Напротив, мисс Дикинсон. Обитель Лета — царство несравненно более фантастическое и полное опасностей и тем не менее сулящее куда большие награды, чем любой смертный угол нашего Шара. И мы достигнем ее, отплыв прямо из Амхерста, в определенном смысле даже не покинув ваш очаровательный городок.

Уолт повернулся к Эмили:

— Пожалуйста, Эмили, выслушайте его. Мы же

предпринимаем не просто плавание в Индию.

Дэвис снял очки, пополировал их и снова надел.

— Разрешите мне, мисс Дикинсон, ознакомить вас с историей нашей миссии.

Я простой сын сапожника, родившийся в смиренной семье в Покипси в штате Нью-Йорк. В 1843 году я впал в мой первый магнетический транс и начал рассуждать о предметах, о которых, не получив даже школьного образования, не мог иметь никакого понятия. Некоторые доброжелательные последователи сочли меня достойным наименования Провидец из Покипси. С тех пор я нахожусь в почти непрерывном контакте с духами земных — и даже неземных — покойников.

Обитель Лета — так они называют место своего обитания. Обитель Лета, как кажется, это не Рай, но скорее место временной остановки на пути к Царству Божьему, чтобы дух мог отдохнуть перед окончательным вознесением. Мое открытие, как вы можете ясно видеть, обеспечивает логику и объяснение контактов духов с нашим миром. Мы говорим не о преображенных ангелах, но о недавно сбросивших плоть сущностях, которые еще не вполне отринули свои человеческие заботы и обличил.

География Обители Лета (которую мне удалось не без труда нанести на карту) сходна с нашими обычными ландшафтами. — Дэвис взял бамбуковую указку, спрятанную в пюпитре, и повернулся к чертежу на стене. Взмахивая указкой, он сказал: — Здесь, например, мы видим Хризопразовые горы, тянущиеся параллельно Турмалиновому морю. За их хребтом располагаются такие примечательности, как Трясина Источаемых Гуморов, Хрустальный Лес, Берилловые Чертоги и Десять Серебряных Врат.

Эмили коротко сказала:

— Ну а Парижская выставка?

Ее кощунство вызвало смешки у Уолта, Саттона и Крукса. Остину, однако, это не показалось забавным.

— Эмили, если ты не способна усмирить свой язык, так уйди. Я не потерплю, чтобы ты высмеивала моих досточтимых гостей, а также священные поиски, которые мы намерены начать.

Почувствовав обиженность в тоне брата, вновь проникнувшись нежным сочувствием к нему и к его горю, Эмили жестом показала, что запирает губы на замок.

Удовлетворенный этим репримандом Дэвис

продолжил свою речь:

— С тех пор, как я открыл это царство, моим заветным желанием стало посетить его в телесной оболочке задолго до моей смерти. Много лет я бесплодно искал доступ в Обитель Лета. И как раз, когда намеревался оставить эти тщетные поиски, я нашел прославленную мадам Селяви.

Медиум сказала:

— Ах, mon cher [177], это я нашла вас!

— Как вам угодно, мадам. В любом случае мадам Селяви несравненно превосходила всех медиумов, с кем мне доводилось встречаться.

Видите ли, мадам способна служить физическим мостом между Обителью Лета и Землей благодаря поразительно новой эссенции, которую она источает.

Тут, я полагаю, настало время уступить мое место профессору Круксу. Прошу вас, профессор.

Крукс и Дэвис поменялись местами. С оксфордской четкостью Крукс начал объяснения:

— Мадам Селяви — портал между нашим миром и Обителью Лета. Тщательные испытания и проверки доказали, что ей дана уникальная способность служить проводником той самой

---

[177] Примечания: 177
мой милый (фр.).

материи, из которой как будто сотворены духи и их мир. Я назвал эту новую форму материи «идеоплазмой». Идеоплазма представляется многосвойственной субстанцией — частично органической, частично неорганической — и до этой поры неизвестной нашей науке. Источаясь из тела нашего медиума, она подвластна ее мысленным приказам и принимает любую форму, какую медиум пожелает.

Кисть, рука целиком или даже весь дух целиком может материализоваться. И эти идеоплазматические создания абсолютно осязаемы, как я могу подтвердить лично.

Тем не менее, каким бы интригующим этот новый феномен ни показался мне вначале, я не видел, каким образом он может открыть нам прямой доступ в Обитель Лета. Идеоплазма источалась и возвращалась по каналу нашего медиума, не допуская, чтобы ей сопутствовал какой-либо материальный предмет. И вот тут-то вдело вступила наука.

Теперь Крукс взял с пюпитра стеклянно-металлическое изделие и протянул его для лучшего рассмотрения.

— Это мое последнее изобретение, которое я скромно называю Трубкой Крукса. Через его ваку-

умное внутреннее пространство можно послать электрический ток от катода в одном конце к аноду в другом.

Когда эта трубка наполняется идеоплазмой — захваченной и отторгнутой от мадам Селяви — и активизированной, — происходит нечто поразительное. Трубка с ее содержимым, а также любые предметы на расстоянии определенного радиуса от нее исчезают! Словно под воздействием электрического тока идеоплазма насильственно выбрасывается из нашего измерения, увлекая с собой некоторое количество земного мусора.

Духи сообщили нам, что они видели, как трубки с захваченными предметами материализовались в Обители Лета.

Крукс самодовольно улыбнулся.

— Теперь я возвращаю трибуну мистеру Дэвису. Когда Дэвис вновь встал перед ними, он сказал:

— Наш мир находится в соприкосновении с Обителью Лета точка в точку. Здесь, в Амхерсте, например, такой знакомый нам травянистый Выгон сосуществует по ту сторону с Бухтой Семи Душ в Обители Лета.

Вот отсюда мы и поплывем в потустороннюю жизнь.

И пока мы сидим здесь, сюда уже с верфи

Маккея в Восточном Бостоне движется нагруженная специально сконструированная шхуна. По прибытии нашего судна сюда мы снабдим его кольцом идеоплазмированных трубок Крукса, которые медленно наполняли день за днем. Оснащенные таким образом, мы проломим барьер между мирами в путешествии более дерзком, чем плавание Ясона!

Из уважения к помешательству Остина Эмили хранила молчание на протяжении этой мешанины науки и мистики, подавляя свое растущее негодование.

Однако теперь она долее не могла сдерживаться:

— И как, прошу вас объяснить, мадам «источает» это небесное желе из айвы?

Дэвис принял смущенный вид и вновь начал полировать очки. Уолт уставился в потолок, а юный Саттон принялся небрежно насвистывать. Крукс закинул ногу за ногу и скрестил руки на груди. Полминуты в комнате царило молчание, будто на собрании «Незнаек» [178]. Затем заговорила сама медиум:

---

[178] Примечания: 178

Члены возникшей в США в 1850-х годах партии, выступавшей против иммигрантов. Прозваны так они были потому, что на вопросы посторонних о деятельности своей партии отвечали: «Я ничего не знаю».

— Из mamelles, милая сестра Остина. Из изобильных сосцов.

Для иллюстрации мадам Селяви подложила ладони под тяжелые груди.

— Своего рода спиритуальное молоко, которое с чужой помощью я могу выдавливать кап-кап-кап.

Эмили лишилась дара речи. Предельно непристойные картины теснились в ее воображении. *Мозг полон Коридоров, как ни одно Аббатство, где привидения бродят.*

Уолт кашлянул, разбив ее внутреннее сосредоточение.

— Безумные волокна, неуправляемые выросты, — сказал поэт, — играют, женский облик сотворяя, и наш ответ неуправляем столь же.

— Неуправляем, — сказала Эмили. — Как бы не так!

6
«Какой мистический швартов ее удерживает нынче»

Лавинья Дикинсон завязала ленты шляпки под подбородком, взяла большую рыночную корзинку с крышкой и нетерпеливо обернулась

к мешкающей сестре:

— Вы идете или нет, мисс Белая Ночная Бабочка? Прозвище, вдохновленное ее манерой одеваться, отвлекло Эмили от интроспекции. Она раздумывала над одним из самых первых своих стихотворений, ею записанных, которое начиналось: «Есть дома у меня сестра, другая ж за изгородью ждет».

Какой же коварной явила себя сестра через брак! Настоящая Клеопатра! Если бы только Остин мог жениться на милой Мэри Уорнер, насколько все могло бы сложиться лучше…

Эмили возблагодарила Бога за неколебимый здравый смысл своей сестры по крови. Она была не в силах вообразить жизнь без своей любимой Винни — кислой, ехидной, жадной, какой она была. Как она ей нужна! Особенно теперь, когда «Лаврами» словно бы овладела невероятная аморальность.

Миновали три дня после того, как объяснение касательно идиоплазмических poitrines [179] мадам Селяви вынудило Эмили праведно отступить под защиту «Имения». (Как ни странно, но она не почувствовала неодолимой потребности

---

[179] Примечания: 179
груди (фр.).

укрыться в безопасности своей кровати, а вместо этого коротала время за домашними обязанностями — испеченного ржаного хлеба хватило бы, чтобы накормить всех зевак, собравшихся поглазеть, как вешают Джона Брауна [180]! Если это свидетельствовало об усиливающейся ее жесто-косердности, она не знала, чем это объяснить, и не знала, нравится ли ей это…)

За это время никто из «Лавров» не искал ее ни для извинений, ни для улещиваний. Правда, Уолт постучал в парадную дверь на следующий же день и был принят Винни.

— Передай ему это, — так откликнулась Эмили на его появление, вручая сестре сложенное стихотворение.

Репей… закогтил мое Платье
Вина не Репья
Но моя…
Слишком близко я подошла
К Берлоге Репья.

---

[180] Примечания: 180

Джон Браун (1800–1859) — канзасский фермер, борец за освобождение негров. После неудавшегося восстания против рабовладельцев в Виргинии был повешен. Во время войны Севера с Югом песня, начинавшаяся словами «Тело Джона Брауна тлеет в могиле, его дух марширует вперед…», была у северян чем-то вроде военного гимна.

Прочитав, Уолт удалился без слов и больше не возвращался.

Эмили была немножко удивлена и опечалена, что океано-глубокий Бард не проявил большей настойчивости. Пламя преклонения, которое он зажег в ней — исключительно такое, какое один Поэт и Свободный Мыслитель может испытывать к другому, — напомнила она себе: разве он не признался, что его сердце навеки обручено с безымянной новоорлеанской бесстыдницей, чей дагерротип он носит с собой, — все еще пылало, как ни гасились угли.

Но какой бы ни была причина, Уолт не уговаривал, не спорил, и Эмили старалась изгнать из своих мыслей и его, и весь помешанный звериннец в «Лаврах».

Однако именно это утро принесло из города невероятную новость, вновь пробудившую в ней властное любопытство к сумасшедшей экспедиции, которую готовили Остин и остальные и которая теперь вынуждала ее вновь посетить Амхерст, хотя она повернулась к нему спиной много лет назад.

— Да, Винни, — сказала Эмили, встала, сняла с крючка свою Мериносовую Шаль и закуталась в нее. — Я готова сопровождать тебя в город. То есть

мне кажется, я смогу это сделать, если обопрусь о твою сильную руку.

Винни словно бы растрогалась, и ее ворчливость умерилась.

— Ну, Эм, ничего легче ты у меня попросить не могла бы. Я знаю, тебе это тяжело, но, думаю, очень полезно.

— Ты моя Нянюшка и Исповедник, Винни, и потому я доверюсь твоим словам.

Рука об руку сестры вышли из парадной двери «Имения», прошествовали по уходящей вниз кирпичной дорожке, пересекли периметр невысоких живых изгородей, миновал и деревянную калитку и повернули на восток по пыльному немощеному тротуару Главной улицы.

Эмили вспомнились веселые сладостные прогулки, в которые когда-то отправлялись ее близкие и друзья до того, как они все настолько постарели и ожесточились. Почему нельзя вечно оставаться юными духом?

Идти до города было близко — Амхерст не отличался обширностью, — но Эмили на каждом шагу видела что-то, ее изумлявшее. Простая сельская жизнь — играющие дети, женщины, занятые домашними обязанностями, экипажи и лошади, собаки и лоточники… Все было для нее чудесным,

как Сами Небеса.

С болью она снова услышала предостережение Уолта: порывая связи с обычной общей жизнью, она доведет свою утонченность до того, что перестанет существовать.

Проходя по Северной Приятной улице, обе сестры ностальгически посмотрели на дом, где провели часть своего детства. Из его окон Эмили тогда часто следила, как похоронные процессии движутся извилистым путем к кладбищу, — ее первая осознанная зачарованность Смертью. Об этих печальных и скудных годах, когда Сквайр из-за финансовых затруднений был вынужден временно покинуть «Усадьбу», она тем не менее сохранила несколько счастливых воспоминаний.

Эмили подумала о том, насколько ее жизнь могла бы сложиться по-другому, если бы семья осталась жить ближе к городу, не обрела бы такого благосостояния, не засела бы в своем замке, в «Усадьбе». Быть может, она бы вышла замуж? Или даже уехала отсюда? Теперь это казалось таким неосуществимым…

Впереди открылся Выгон. Эмили заметила, что почти все пешеходы нынче утром направляются в сторону этого пустыря, и заключила, что слухи,

которые поманили ее туда, действительно соответствуют истине.

Как и предсказала Винни, возобновление знакомства с городом и правда оказывало на нее бодрящее воздействие. Ласковые майские ветерки все так же веселили ее. Эмили не могла встретить Весну равнодушно. Она ощутила былое желание, торопливость с томительной примесью…

— Прибавь шагу, Винни!

— Не так быстро, Бабочка. Благовоспитанные девицы не бегают на людях.

— Я не благовоспитанная девица, я Королева! А Королевы вольны делать, что им угодно!

Увлекая за собой сестру, Эмили поспешила к собирающейся толпе.

Выгон представлял собой прямоугольное пространство площадью два-три акра, обрамленное и местами усеянное деревьями в яркой майской зелени. Несколько из шести церквей Амхерста выходили на прошнурованный тропками пустырь, как и слегка трущобные, выкрашенные желтой краской строения, известные, в частности, под названием Братский Ряд. Холмистая местность, окружавшая Амхерст, держала в сложенных ладонях места для зрителей — есте-

ственный амфитеатр. Окутанные дымкой горы, долины, завершенные ниже.

А теперь, как ясно разглядела Эмили, Выгон щеголял новинкой.

На середине травянистой площадки, закрепленная в своей колыбели на колесах толстыми швартовами, в семидесяти пяти, если не более, милях от ближайшего порта стояла двухмачтовая шхуна, выглядевшая столь же нелепо, как панталоны на туземце Сэндвичевых островов.

Окруженная шумными зрителями шхуна напоминала сбившийся с курса барк, застрявший в косяках плоти.

Подходя ближе, Эмили разглядела подтянутую фигуру профессора Уильяма Крукса, стоящего на палубе. Он наклонялся над землемерным инструментом. Поглядев по направлению трубки, Эмили увидела в некотором отдалении Эндрю Джексона Дэвиса со свинцовым отвесом в руке.

Восемь взмыленных першеронов — без сомнения, те, которые доставили шхуну сюда по дорогам из Восточного Бостона, — были все еще припряжены к колесному днищу. Перед ними с кнутом в руке стоял Генри Саттон, а рядом его подсобник Остин Дикинсон.

Ни Уолта, ни мадам Селяви вокруг не наблюда-

лось, и Эмили подавила дурную мысль.

— Надо передвинуть ее еще на пятнадцать ярдов дальше, Ген! — крикнул ученый, перекрывая восклицания и шуточки толпы.

Юный Саттон щелкнул кнутом и с помощью Остина погнал упряжку вперед.

— Но-о-о! Поднажмите, молодцы!

Шхуна медленно покатила по траве. В надлежащий момент Крукс резко махнул рукой вниз, сигналя отпрячь першеронов, и Саттон быстро это осуществил, выбив деревянную чеку, скреплявшую постромки. По инерции корабль продвинулся еще немного и остановился.

— Идеально! — крикнул Крукс. — Перо в шляпу ньютоновским законам!

Крукс отошел от своего инструмента, повернулся и обратился к толпе в своей царственной английской манере:

— Леди и джентльмены Амхерста, вам выпала честь стать сегодня свидетелями зари новой эры — эры, в которой регулярное сообщение между царством живых и царством мертвых положит начало Золотому Веку научного богословия. Более жизнь не будет затеняться смертью. А вместо — процветающая коммерция между двумя царствами позволит всем и каждому жить без тревог

и страхов, зная, что наши души переживут свои земные оболочки.

Грубый мужской голос в толпе отозвался с насмешкой:

— Может, вы и ваши призраки сумеете разгадать Берделлское убийство!

Упоминание скандала, заполнявшего нью-йоркские газеты года два назад, вызвало бурю смеха. Крукс благодушно его переждал. А когда смех затих, он закончил очень просто:

— Вы увидите очень много и вскоре. Это я вам обещаю. А тогда судите сами.

Затем Крукс повернулся, спустился по веревочной лестнице и присоединился к трем своим товарищам, которые подкладывали клинья под колеса шхуны. Толпа, убедившись, что пока новых развлечений ждать нечего, начала расходиться.

Винни обернулась к Эмили. Лицо младшей сестры пошло пятнами.

— Ах, Эмили, мне никогда в жизни не было так стыдно! Посмотри на Остина, якшающегося с этими шарлатанами! Как теперь я смогу прельстить мужа?! Не говоря уж о том, как взорвется папа, когда возвратится! Черт знает, как все это обернется!

Эмили еще ни разу в жизни не слышала, чтобы ее сестра употребляла черные слова. Это ее приятно взволновало. Речь Крукса вызвала в ней некую чудесную экзальтацию. Всю жизнь Эмили втайне считала себя бунтовщицей и даже искательницей острых ощущений, хотя у нее эти ощущения оставались исключительно мысленными. «Как я люблю опасность!» — написала она в дневнике своей девичьей юности. И теперь, глядя на этот сказочный, невероятный корабль, стоящий тут подобно пощечине по самодовольной консервативной физиономии Амхерста, она словно почувствовала, что ее настоящая жизнь только-только начинается.

Где был Уолт, чтобы разделить с ней это восторженное волнение и подбодрить ее?

Дергая Эмили за руку, Винни взмолилась:

— Пожалуйста, пожалуйста, вернемся домой… Эмили высвободила руку.

— Можешь сбежать домой, если хочешь, Винни. Но я намерена увидеть, что они затевают.

Винни как будто была шокирована.

— Но, Эмили…

И в этот момент слух Эмили восхитил знакомый звучный тенор:

— Я думаю, лишь моряки вдали от суши способ-

ны истинно понять мои стихи.

7
«Належда, оперенная»

Повсюду вокруг Эмили шепчущие Листья, как Женщины, обменивались Новостями Под Секретом.

А так как Эмили тоже была женщиной, она понимала их речи.

Он верен тебе. Он здесь, когда ты нуждаешься в нем.

С сердцем легким, как пушинка, Эмили повернулась.

Он стоял там, вдвое больше натуральной величины: Уолт Уитмен, космос, бурный, мясистый, чувственный, певец самого себя.

Различие между ним в памяти и им вживе — как Алкоголь в Кувшине и Алкоголь между Губами.

Уитмен просиял на сестер, его бородатые щеки пошли морщинами.

— Как приятно видеть вас тут, Эмили. И вас тоже, мисс Лавинья. Самые складки вашей одежды, ваш стиль, пока я смотрел, как вы идете по улице, и особенно ваши нижние контуры безумно меня

вдохновляют.

Вытаращив глаза, Винни открыла рот, закрыла его и снова открыла:

— Ну уж!.. Эмили, ты сама сумеешь найти дорогу домой!

И с этим восклицанием сестра Эмили удалилась твердым шагом, помахивая рыночной корзиной, как полицейской дубинкой.

Уолт расстроился.

— Боюсь, я обидел вашу сестру. Прошу, простите меня, Эмили. Со мной все время это случается. Я забываю, что не всякий человек так же непосредственен и свободен, как Уолт Уитмен.

— Ах, не верьте ее негодованию, Уолт. Втайне она польщена, я уверена. Просто избегает показать это на людях. Несколько дней назад и я сама могла бы удалиться в притворном негодовании, как требуют приличия.

Уолт положил смелую ладонь на плечо Эмили.

— Едва я увидел вас сегодня, как почувствовал, что изменения, давно в вас назревавшие, почти завершились. Я счастлив, что сыграл в этом роль, пусть и малую.

Против обыкновения Эмили не сочла нужным подорвать свою новую уверенность, проанализировав ее в клочки. Она чуть придвинулась к

Уолту, так что его мускулистая рука вся естественно обняла ее плечи. Под защитой его объятия она почувствовала себя еще спокойнее.

— Пойдемте посмотрим, чем занимаются мой брат и его присные.

— Именно туда я и направлялся.

Уолт и Эмили подошли к колесной шхуне. В тени ее высокого носа Остин, Саттон, Дэвис и Крукс взламывали крышку ящика, который только что доставил в своем фургоне местный торговец. Заметив приближающуюся пару, они оторвались от своих трудов. Саттон восторженно приветствовал Уолта, а Остин подозрительно посмотрел на руку, компрометирующую его сестру. Дэвис и Крукс ограничились кивками и вновь атаковали крышку.

— Что тут у нас, Ген? — спросил Уолт.

Крякнув, за него ответил Крукс:

— Идсоплазмовые трубки. Их надо закрепить в предназначенных для них местах и соединить друг с другом при помощи провода. И мы будем готовы отправиться в путь. Возможно, уже завтра.

Под треск дерева и визг гвоздей крышка внушительного ящика наконец поддалась их усилиям. Мужчины осторожно опустили ее наземь, а Эмили с любопытством заглянула внутрь ящика.

Угнездясь в соломе, ряд над рядом, располагались десятки трубок Крукса, все наполненные туманно-серой субстанцией, которая извивалась и закручивалась прихотливыми спиралями.

Горло Эмили сжалось, мешая вздохнуть, дыхание у Грудины замерло на Нуле.

— Уолт… мне нехорошо. Не можем ли мы уйти? Крукс не проявил ни малейшего сочувствия к состоянию Эмили.

— Конечно, идите. Мы вчетвером без труда установим эти электроспиритуальные фиалы. Почему бы вам и барышне не навестить страусов, Уолли? Они больше по вашей части, вы же так распинаетесь в любви к птицам и павианам.

Уолт, казалось, не обратил внимания на полузавуалированное оскорбление.

— Великолепная мысль! Идемте, Эмили, навестим наших оперенных друзей, проникнем в их крылатые предназначения.

Когда они приблизились к краю Выгона, Эмили почувствовала себя лучше. Она попыталась объяснить, что именно на нее так подействовало, не желая, чтобы Уолт счел ее типичной слабонервной старой девой.

— Зрелище этой спиритуалистической слизи подействовало на меня гнетуще, Уолт. Мысль, что

вся она источилась из грубой телесной формы мадам Селяви… боюсь, для меня это было чересчур.

— Помнится, мне тоже стало не по себе, когда я впервые присутствовал при материализации. Но это ощущение исчезает, когда понимаешь, что нет ничего неестественного в любых порождениях нашей земли. Все прекрасно на своем месте, и ничто не бывает не на месте.

Беззаботное признание Уолта, что он наблюдал истечение идеоплазмы, пробудило в Эмили все отвращение, которое она испытала, узнав о неразборчивом поведении мадам Селяви. Вся напрягшись, она остановилась, выскользнула из-под руки Уолта и повернулась лицом к нему.

— Полагаю, вы, следовательно, не видите ничего безнравственного в том, чтобы помогать доить эту непотребную женщину, словно призовую корову! Без сомнения, вы сами часто с радостью предавались такому скандальному занятию. Ведь это же… это… достойно мормонов!

Уолт вздохнул, и Эмили, хотя и сознавая свою правоту, огорчилась, что причинила ему боль. Однако затем его терпеливая улыбка несколько ее ободрила.

— Безнравственность! А я-то надеялся, что вы выше подобных мелочных понятий, Эмили.

Нравственно ли море? Или древесная лягушка? Ползучая ежевика нравственна? Нравственность — это жупел мелких умов, если перефразировать моего друга Эмерсона. Я просто ем то, что мне кладут на тарелку, не прибегая ни к хвале, ни к хуле, благодарностям или проклятиям. Жизнь при таком подходе куда приятнее. А что до наших бедных гонимых друзей на берегах Большого Соленого озера — кто может сказать, что их обычай не так хорош, как наш, если не лучше? Во всяком случае, он более естественный. Разве один жеребец не оплодотворяет многих кобыл? Но, если вас это успокоит, буду счастлив заверить вас, что сам я никогда не оказывал материализующей помощи мадам Селяви в… э… способствовании ее истечениям. Это обязанность Дэвиса и профессора.

Слова Уолта и удручили Эмили, и принесли ей облегчение, смутили и успокоили. Ее обрадовало, что Уолт интимно в материализации не участвовал; однако его пренебрежение условностями было нелегко проглотить той, которая — при всей своей независимости — всю свою жизнь провела среди мелочно-пошлых заразных умишек Амхерста.

В конце концов Эмили позволила своей склон-

ности к Уитмену взять верх. Он поэт, и потому обычные мерила к нему неприложимы. Они пошли дальше и весь путь до «Лавров» хранили молчание. Миновав пышность зелени, они оказались перед страусиным загоном. Гигантские птицы сгрудились у изгороди, приветствуя Уитмена, который отвечал им ласковыми поглаживаниями.

— Думаю, я мог бы бросить все и поселиться с этими птицами, — сказал он. — Такие они мирные и самодостаточные. Они не потеют и не скулят из-за своего положения. Они не лежат во мраке без сна, оплакивая свои грехи. А самое главное, они не доводят меня до тошноты, обсуждая свои обязанности перед Богом!

Все это так соответствовало собственным чувствам Эмили, которая часто воображала себя пчелой или пауком, что она пролила слезинку-другую безмолвной радости. Когда к ней вернулся голос, она спросила:

— Я все еще не понимаю, Уолт, какую роль эти великолепные птицы играют в их экспедиции?

— Вам известно, что движущая энергия для пролома измерений даруется чудотворной стихией, электричеством, а конкретно — системой гальванических пар, ведь так?

— Теперь я это знаю.

— Ну так каждая пара хранит только один заряд — возможно, достаточно, чтобы отправить нас в Обитель Лета, но не на возвращение оттуда. Их необходимо все время подзаряжать с помощью вращения генератора.

— Но почему такие экзотические тягловые животные? Ведь, конечно, лошадь или две вполне могли бы…

— Таковы инструкции принцессы Розовое Облачко, духа-проводника мадам. Она сообщила нам, что страусы — единственные животные с аурой, позволяющей им перенестись вместе с нами в царство духов. В них имеется что-то эфемеричное.

— Этому легко поверить, — сказала Эмили, — только посмотрите на них!

— Красавицы, верно? Я назвал их в честь певиц в моих любимых операх, так как что-то в них напоминает мне этих примадонн. — Уолт принял притворно светский вид. — Мисс Дикинсон, могу ли я представить вас моим дамам? Вот донна Анна и Церлина, Маргарита и Эльза, Лючия и Элиза, Барбарина, Виолетта, Норма, Гильда и Магдалена.

Эмили сделала реверанс.

— Я очень рада.

Тут они оба засмеялись. Хихиканье Эмили постепенно усиливалось в унисон с громовым хохотом Уолта. Им пришлось отступить к скамье, опоясавшей комель могучего развесистого вяза, пока взаимный припадок смеха не кончился.

Когда Эмили наконец обрела дар речи, она сказала:

— Уолт, дорогой, я знаю, почему мой брат и Дэвис и Крукс участвуют в этой экспедиции. Но каковы ваши побуждения? И вашего юного товарища Генри?

Уолт кашлянул, потом сказал (несколько уклончиво, подумала Эмили):

— О, Ген, отличный малый. И многого добился, если вспомнить его сиротство и грубость, среди которых он рос. Я знаю его с тех пор, как мы работали в «Орле», — десять лет назад, если не больше. Ген был подручным наборщика, а я — редактором, но мы не позволяли этому стать между нами. Мы всегда были большими друзьями. Между нами существует редкая степень ассоциированности, и здесь он просто потому, что я дорожу его обществом.

В «ассоциированности», которую упомянул Уолт, Эмили узнала френологический термин,

обозначающий мужскую связанность. Она могла без труда поверить в их отношения, памятуя взгляды, полные приязни, которыми они обменивались.

— Это объясняет присутствие Генри. Ну а ваше?

Уолт взял руки Эмили, как во время их первого тет-а-тет.

— Эмили, то, в чем я признаюсь тебе, я никому не говорил. Они полагают, будто я сопутствую им, просто чтобы набраться мудрости, которая вольет новую силу в мою поэзию. В конце-то концов, какой поэт, чего-то стоящий, откажется участвовать в путешествии в загробную жизнь?

Эмили стало больно, словно Уолт критиковал ее собственное скептическое отношение к их экспедиции. В полном неведении Уолт продолжал:

— И в каком-то смысле это не ложь. В конце-то концов, мой долг — сделать мои песни настолько правдивыми и смелыми, насколько в моих силах. Наша страна, дивная поэма, известная под названием «Америка», вступает в опаснейший период, Эмили. Я в каждом ветерке с юга чую очень много, если вы понимаете, о чем я. И мои песни должны быть сильными, чтобы помочь Америке в ее смутные времена.

Но есть еще одна, более личная причина, почему я хочу побывать в Обители Лета.

Видишь ли, мне надо поговорить с моим отцом.

Уолт умолк и глубоко вздохнул, прежде чем продолжать:

— Мой отец умер в ту самую неделю, когда впервые вышли мои «Листья травы». Он их так и не увидел, не убедился, что я не тратил жизнь понапрасну. Он был неотесанным человеком, мерил успех своим плотницким ватерпасом, и я всегда оставался для него горьким разочарованием. Но не для моей благословенной матери — нет, она всегда верила в своего любимого сына, и она все еще жива и довольна моими трудами. Но мой отец… Ну, короче говоря, между нами остался неразрешенный вопрос, и если бы мне только удалось еще раз поговорить с ним, я смог бы лучше жить дальше и петь мои песни. Ты понимаешь, Эмили?

У Эмили голова шла кругом, и все мелкие обиды были забыты. Экстатическое страдание бушевало в ее жилах. Ей следовало бы знать, что причина, по которой Уолт связал себя с Провидцем Покипси и его антуражем, не могла быть неблагородной — как и у ее брата.

Обвив руками его шею, Эмили воскликнула:

— Ах, Уолт! Я, никогда не имевшая настоящей матери или отца, которых я могла бы любить, у которых искать поддержки, способна лучше кого бы то ни было сочувствовать вам! Пожалуйста, пожалуйста, простите меня за то, что я была так назойливо любопытна.

— Не мне прощать, и никакой надобности нет, но прощаю.

В экстазе от его слов и от его неотесанной, потной, ароматной близости Эмили закрыла глаза и трепетно ждала. В тот же миг она услышала приближающиеся шаги. Они с Уолтом поспешно отпрянули друг от друга. Но это был всего лишь юный Саттон.

— Уолт, профессор говорит, чтоб ты был так любезен и разбудил цыганку. Они вечером хочут устроить Съянс!

8
«Дух смотрит вниз на прах»

Парализующая застенчивость Эмили не позволяла ей бывать на «Ноктес Амброзиана» [181],

---

[181] Примечания: 181
«Ночи амброзии» (лат.).

которые давались для увеселения сливок Амхерста и гостящих украшений бостонского бомонда. Только через статьи, вырезанные из «Бостон транскрипт» и наклеенные в ее альбомы — бок о бок с журналистскими панегириками, очерками о природе и юморесками, — приобщалась она к радостям этих fetes [182].

Но ей казалось, что эти рауты, какими бы завораживающими и великолепными они ни были, не шли ни в какое сравнение с напряжением и острым волнением, исходившими от необычайного снаряжения и атмосферы и жарких ожиданий в переоборудованной малой гостиной «Лавров».

Тяжелые кроваво-красные гардины были плотно задернуты, чтобы не пропустить ни единого луча — как и большую часть ночных природных звуков. К стенам были прикноплены вырезанные из бумаги кабалистические знаки. Конус «подлинного индусского благовония», как заверил их Дэвис перед тем, как выйти из комнаты, тлел в блюдечке, ароматизируя воздух языческими тайнами. Свет исходил только от пары толстых трупно-желтоватых свечей.

---

[182] Примечания: 182
праздники (фр.).

Казалось даже, что находятся они вовсе не в Новой Англии, а где-то еще.

В качестве главного реквизита был задействован хлипкий столик. Вокруг него тесно сдвинули семь стульев, пять из которых были заняты: у одной стороны сидела Эмили, а слева от нее Уолт; по часовой стрелке от певца Манахатты сидели Саттон, Остин и Крукс. Два пустых стула отделяли их от Эмили.

Под столиком колени сидящих прижимались друг к другу в близости, которая, не будь их цель строго научной, была бы верхом неприличия.

Эмили ощущала в воздухе некую странность, гармонировавшую с теми редкими одинокими мгновениями, когда она чувствовала, что завеса между живыми и мертвыми была заметно тоньше, чем полагает большинство людей…

Есть миг, когда Душа близка
К тому, что отнято…
И Лики тех, кто погребен,
Как прежде видим вдруг…
И будто в Склепе не истлев,
Приходит Детства Друг…
И та же куртка все на нем…

Мы давними утрами
Играли, Дети, но теперь…
Разделены мирами.

Предчувствия эти склоняли Эмили преодолеть естественную брезгливость к мадам Селяви и отнестись к французской спиритке без малейшего предубеждения до решающей проверки. Эмили терпеливо ждала появления французского медиума и ее ментора, напоминая себе, что раз ее возлюбленная Элизабет Баррет могла терпеть эти глупости, то сможет и она.

Однако не все участники были столь же покладисты.

— Чертовски глупый способ для решения научной проблемы, — взорвался профессор Крукс после нескольких секунд нетерпеливого ерзанья.

Раздор между Дэвисом и Круксом возник из-за вопроса о том, как именно располагать идеоплазменные трубки на корабле. Дэвис настаивал на ритуальной пентаграмме, тогда как Крукс предпочитал более евклидовское расположение, чтобы их сила распределялась симметрично. В конце концов спорящие договорились прибегнуть к третейскому суду мира духов — хотя Крукс,

казалось, теперь сожалел о своем согласии.

Прежде чем натуралист успел снова дать выход своему раздражению, дверь открылась, и вошли Провидец Покипси и мадам Селяви.

Дэвис был в своем обычном костюме и очках, но голову увенчал лиловым атласным тюрбаном, концы которого скрепляла огромная брошь с поддельным брильянтом. Эмили этот головной убор предательски напомнил дамский кушак, который она видела на страницах раздела моды «Круглого года». Босая, с обнаженными руками мадам Селяви облеклась в широкое ниспадающее одеяние из белого муслина. Судя по тому, как ее обильная плоть приплясывала под муслином, медиум, видимо, расшнуровалась и сбросила корсет — быть может, чтобы идеоплазме было свободнее циркулировать…

Дэвис благославляюще воздел руки.

— Медитация мадам Селяви привела ее дух в гармонию с высшими силами. Она теперь заряжена и готова к истечению. Во имя Азар-Ун-Нефера и Сехет, Аламписа и Кобаха, Велиала и Ивша-деваты пусть же распахнутся врата!

Мадам Селяви заняла свое место во главе столика, оказавшись прямо справа от Эмили. Тем временем Дэвис установил пергаментный экран

перед двумя свечами, погрузив комнату в еще более густой сумрак. Затем он занял последний пустой стул между Круксом и медиумом.

— Пожалуйста, все соедините руки и постарайтесь успокоить и открыть свой разум. Духи чрезвычайно чувствительны ко всякой негативности. И помните: вы ни в коем случае не должны разрывать кольцо до официального завершения сеанса! В противном случае я не отвечаю за последствия.

Эмили подумала, что Дэвис, упоминая «негативность», свирепо посмотрел прямо на нее. Но густота теней не позволяла быть ни в чем уверенной.

Как бы то ни было, она выполнила инструкцию: левой рукой крепко ухватила лапищу Уолта, а правую предоставила пухлому и липкому пожатию мадам Селяви.

Едва кольцо замкнулось, как ветер, взявшись словно ниоткуда, пригнул огоньки свечей. На лице мадам Селяви изобразилось мучительное напряжение. Эмили заметила, что на ее усатой верхней губе выступил пот.

Внезапно из дальнего угла гостиной донеслись громкие стуки. И одновременно без всякой видимой на то причины столик запрыгал и за-

гарцевал, будто резвый жеребенок.

Дэвис произнес приглушенным голосом:

— Дух-проводник, или эпипсихидион, проникает в самое тело мадам.

Глаза медиума закатились — видны были только белки. Затем она заговорила высоким девичьим голосом, совершенно не похожим на ее собственный низкий тембр:

— Зачем Большой Вождь Дэвис вызывай маленькую Розовое Облачко?

— Принцесса Розовое Облачко! Как благодарны мы тебе, что ты отозвалась на наш зов. Мы знаем, как тяжко тебе отрываться от великолепия Обители Лета, чтобы беседовать с нами, простыми смертными…

Вмешался Крукс:

— Хватит призрачных любезностей! Спросите ее про трубки!

Дэвис сохранил полную невозмутимость.

— Принцесса Розовое Облачко, мой друг, хотя и резок, коснулся предмета нашей встречи. Нам необходимо узнать, как следует расположить вместилища идеоплазмы на нашем корабле. Не будешь ли ты так добра, не просветишь ли нас?

Наступила пауза. Затем:

— Ах! Трудно увидеть… Погоди! Сделать свя-

щенную печать. Но также помещать трубки высоко и низко, покрывать большое каноэ, как бизонья шкура покрывать типи вождя.

— Хм! — сказал Крукс, но, видимо, был удовлетворен компромиссом.

— Благодарим тебя, принцесса. Теперь ты можешь удалиться…

— Погодите!

Голос Остина. Эмили содрогнулась, увидев, как горе исказило лицо брата.

— Прошу тебя, не могла бы ты передать мне весть от моих нерожденных детей? Они знают, что я прибуду обнять их?

— Малютки, которых плохая скво убивать, ждать отца на полях счастливой охоты.

По лицу Остина покатились слезы.

— Благодарю тебя, принцесса, благодарю тебя…

Теперь, скрепив сердце против горя Остина, заговорила Эмили в согласии со своим тайным планом, который скрывала даже от Уолта:

— У меня тоже есть вопрос к духу, если мне будет дозволено.

Дэвис чуть-чуть поколебался, затем сказал:

— Разумеется, но я ничего гарантировать не могу.

— Я понимаю. Принцесса, мой вопрос к Леонарду Хэмфри, моему старому учителю. Можете ли вы найти его?

Мадам Селяви поизгибалась и поизвивалась, прежде чем ответить:

— Да, Леонард быть со мной тут.

— Спросите его, пожалуйста, что он имел в виду, когда сказал, что мои стихи труха?

— Ах! Леонард приносить большое извинение. Он говорить, что не видеть их достоинства живыми глазами. Но теперь он видеть, они очень хорошие песни.

Эмили улыбнулась.

— Благодарю вас, принцесса.

Хэмфри никогда ничего подобного Эмили не говорил, он даже вообще не видел ни одного из ее детских излияний, робость мешала ей открыться ему.

— Если больше ни у кого нет вопросов… Отлично, мы завершаем сеанс.

Заговорила мадам Селяви:

— Принцесса Розовое Облачко хотеть помахать на прощание.

— Идеоплазмовая манифестация! Великая честь для нас, принцесса!

Как ближайшая соседка медиума Эмили первая

узрела манифестацию. Затененная часть одеяния медиума на ее коленях всколыхнулась и словно начала приподниматься, обретать форму (Эмили даже думать не хотела, откуда «идеоплазма» предположительно истекает на сей раз). Через несколько секунд над столиком, помахивая, появилась светящаяся бледная рука.

— До свидания, до свидания. Я видеть вас в Обители Лета…

Эмили вскочила, прервав контакт справа и слева, и схватила идеоплазмовую конечность.

Мадам Селяви завизжала. Столик опрокинулся — из-за толчка Дэвиса, позже заключила Эмили, хотя в тот момент столик словно бы прыгнул по своей воле, — и воцарился общий хаос.

К тому времени, когда Уолт зажег бра с ворванью, воцарился относительный порядок.

Посреди комнаты стояла Эмили, с торжеством подняв вверх свой приз.

— Посмотрите! — воскликнула она. — Легкий каркас на складывающемся пруте, обвернутый влажным муслином. Полагаю, вы найдете прорезь в ее балахоне, откуда он высунулся, пока она выдвигала его пальцами ног!

Мужчины уже отнесли словно бы бесчувственную мадам Селяви на диван, и она неподвижно

распростерлась на нем. Дэвис в позе глубокой озабоченности возле нее теперь свирепо уставился на Эмили.

— Разумеется, сейчас это выглядит так! Едва вы разорвал и звено с медиумом без надлежащего ритуала, идеоплазма преобразилась в наиболее близкий ей земной аналог! Надеюсь только, что вы не убили ее своим кощунственным неуважением!

Эмили швырнула приспособление на пол.

— С помощью подобной логики я могу превратить колибри в дракона! Если вы верите этому мошеннику, вы все ополоумели. Надеюсь только, что не упаду со смеху, когда ваша экспедиция закончится полным фиаско!

Видимо, с трудом владея собой, Остин подошел к сестре.

— Безусловно, тебя там не будет после такой безобразной выходки!

Эмили засмеялась.

— Ах, Остин, ты ошибаешься. Я буду там, и не просто как зрительница, но как член экипажа, иначе я протелеграфирую папе все подробности этого мерзкого дела. И поверь мне, земной телеграф работает не хуже небесного!

При упоминании Сквайра Остин побелел. Поч-

ва была выбита у него из-под ног.

Теперь урезонить ее попытался Крукс:

— Откуда такое настойчивое желание сопровождать нас, мисс Дикинсон, если вы не верите в наш успех?

Эмили отошла к Уолту.

— Я намерена помешать тому, чтобы тех, кого я люблю, представили дураками и больно ранили.

Не соглашаясь с Эмили и не возражая ей, Уолт сказал:

— Или наши мечты настолько зыбки, господа, что мы не можем потерпеть рядом одного скептика с ясным взором? Если наша теория верна, ее присутствие нам не помешает.

Со стороны дивана донесся стон. Все обернулись к распростертой мадам Селяви.

— Пусть petite [183] неверующая отправится с нами. Это никакого значения не имеет… Ибо она не вернется!

9
«Земля по носу! Вечность!»

Шествие страусов по улицам Амхерста при-

---

[183] Примечания: 183
маленькая (фр.).

влекло немалое внимание и людей с положением, и черни.

С Генри Саттоном во главе, ласково подгоняемые Уолтом, помахивающим хворостиной — чей вольный костюм на этот раз вполне подходил к его роли пастуха, — великолепные тропические птицы гордо шагали по пыльным мостовым, увлекая за собой толпы зевак.

Эмили пришлось бежать, чтобы не остаться позади этой процессии мужчин, женщин и шалящих детей, — нелегкая задача в ее длинном белом платье. В конце концов она дерзко подобрала юбки, открыв несколько дюймов лодыжек и икр, и сумела поравняться с Уолтом. Весной Безумье нам любезно, оно и королю полезно, напомнила себе Эмили. И Бог свидетель, это была самая безумная весна в ее жизни!

Потребовался не день, а целых три, чтобы расположить идеоплазмовые пропульсионные приспособления так, как устроило и Крукса, и Дэвиса. В чем Эмили убеждалась, посещая Выгон ежедневно. Она еле удерживалась от смеха, наблюдая эту бесполезную кипучую деятельность. Ведь, конечно, трубки окажутся таким же надувательством, как третья рука мадам Селяви…

Все это время Остин и Саттон нагружали шхуну

всякими необходимыми припасами: палатками, бутылками с водой, провизией, веревками, кормом для страусов. Эмили они напоминали тот Скот, что меньше Пчелки и кормится случайной Крошкой…

Что до Уолта, он просто исчез после сеанса. На следующее утро за завтраком Эмили нашла возле своего прибора краткую записку с отрывком из стихов самого скитальца:

> *Пешком и с легким сердцем в путь отправлюсь,*
>
> *Здоровый, вольный — мне весь мир открыт.*
>
> *Дорога бурая ведет меня, куда хочу я.*

Эмили разбила верхушку яйца всмятку как будто недрожащей рукой, хотя внутри нее забушевала буря неуверенности.

Она вовсе не собиралась объявить о своей любви к Уолту вслух, и уж меньше всего во время сеанса, обернувшегося такой сумятицей! И все-таки сделала она именно это.

Какой-то дьявольский порыв понудил ее выболтать свои истинные чувства к Уолту, чувства, в которых она избегала признаться даже самой себе.

И теперь ее слова, казалось, обратили в бегство предмет ее привязанности. В том ли причина, что он не отвечает на ее глубокую преданность? Или же его чувство к ней так сильно, что он боится оставаться с ней рядом? Скорее всего первое.

Его Достоинств, знаю,
В Сомнениях страшусь…
Ведь рядом с ним сама я
Ничтожною кажусь…
Что, если мой Возлюбленный
Найдет меня не Той…
Вот почему повергнут
В смятенье Разум мой…

Ну, взять назад те слова было невозможно, даже если бы она хотела, и ничего больше она предпринять не могла, пока Уолт не вернется… если вернется.

И потому она хладнокровно съела свое яйцо всмятку.

Но в это же самое утро, привлеченная к окну своей спальни, выходившему на Главную улицу, особым топотом пробегающего стада страусов, Эмили увидела косматую фигуру своего возлюбленного.

Она поспешно завершила свой туалет. Карло, учуяв ее волнение и поспешность, залаял и запрыгал. Эмили окатила внезапная волна чувств. Она твердо знала, что, бросившись за Уолтом, приобщится к великому приключению, которое может навеки разлучить ее с ее четвероногим другом, будь то бегство с любимым или брак, смерть или безумие.

Эмили крепко обняла большого пса, а затем заперла его в спальне.

К тому времени, когда она вышла на улицу, процессия уже намного удалилась. Вот чем объяснялась ее нескромная торопливость.

Но теперь она поравнялась с волосатым пастухом.

— Уолт! Подожди!

Уолт послушно остановился. Страусы продолжали путь без него, толпа обтекала их, мешая им метнуться в сторону. Вскоре два поэта остались в одиночестве, шум и суматоха замерли, едва процессия скрылась за поворотом.

Уолт стоял неподвижно. Эмили обогнула его, чтобы посмотреть ему в лицо. И с облегчением увидела, что его безмятежные мужественные черты при ее появлении не отразили ни отвращения, ни огорчения, чего она втайне опасалась.

Совсем напротив, он ласково улыбнулся ей и снял свою обвислую черную шляпу.

— Эмили, дорогая, рад увидеть вас еще раз до нашего отбытия.

— Так оно назначено на сегодня! Поспешим, не то они отправятся без нас.

— Неужели вы все еще намерены подвергнуться опасности в такой рискованной экспедиции? Прошу…

— Ну разумеется. Никакой опасности я не предвижу… но если и так, неужели выдумаете, что я допущу, чтобы мой Учитель кинулся ей навстречу без меня?

Уолт вздохнул и вернул шляпу на голову. Взяв Эмили под локоть, он сказал:

— Пойдемте. На ходу мне лучше думается. Вот так я провел последние дни.

Они направились к центру города. Через несколько шагов Уолт заговорил:

— Эмили, я не думаю, что вы по-настоящему меня знаете…

— Да нет же, нет, Уолт, я знаю! Ваша душа прозрачна для меня, как лед над ручьем.

— Не могу согласиться. Мы едва познакомились, а вы уже считаете меня своим Учителем. Это одно указывает на то, как неверно вы обо мне

судите. Я ничей не учитель, даже, боюсь, не свой собственный! Я все еще тайна для самого себя — после стольких-то лет. Как же я могу не быть тайной для вас?

— Но я люблю вас, Уолт! Уж конечно, это превосходит простое понимание!

— Да-да, согласен. Но, Эмили, подразумеваем ли мы одно и то же, когда говорим о любви? С тех пор как я покинул мою вечно качающуюся колыбель, я пребываю в жесточайшем недоумении о природе любви. Я постоянно болел влюбленной любовью. Разве земля не притягивает? Разве вся материя, изнывая от боли, не притягивает всю остальную материю? Вот так и мое тело для всего, с чем я встречаюсь, что знаю! Меня не удовлетворяет всего лишь большинство — я должен обладать любовью всех мужчин и всех женщин на земле!

— И у тебя есть моя, Уолт! Все мое сердце!

— Эмили, послушай. Из катящихся валов океана, из толпы, ты пришла ко мне кроткая, такая же капля, как я сам. Ты прошептала: «Я люблю тебя. Я проделала долгий путь просто поглядеть на тебя, коснуться тебя». И это хорошо. Но я отвечаю: «Теперь, когда мы встретились и посмотрели, мы спасены! Вернись в мире к океану, любовь

моя. Я тоже часть этого океана, любовь моя. Мы неразлучны. Узри великую сферу, слепление всего, какое совершенство!»

Эмили услышала только слова «любовь моя», повторенные дважды. Путешествие в Обитель Лета было излишним: она уже пребывала в Раю.

— Как тебе угодно, Уолт. Я довольна. Присоединимся же к остальным.

— Только если ты истинно понимаешь меня, ma femme…

— Да, будь уверен, понимаю.

Остальной путь до Выгона они прошли молча.

Толпа собралась колоссальная. Не только людская масса заполнила пустырь, но зрители свешивались изо всех окон окружающих домов. Молодые школяры из Братского Ряда, явно уже под хмельком, распевали какую-то хриплую песенку о теле Джона Брауна — видимо, их представление о надлежащем напутствии для такого торжественного путешествия.

Эмили удивилась, что ни светские, ни религиозные власти не вмешались, чтобы положить конец по сути богохульной экспедиции. Ей оставалось только предположить, что в ход были пущены и деньги, и дикинсоновское влияние.

Сам корабль — с еще свернутыми парусами

— преобразился в подобие рождественской елки, изукрашенной шарами. С его оснастки и надстроек свисали заряженные трубки Крукса в паутине электрических проводов. Их подозрительное содержимое, казалось, породило нимб вокруг каждой и заставляло колебаться самый воздух. Это создавало призрачный эффект, и Эмили все еще не могла понять, с помощью какого фокуса мадам Селяви удавалось его создавать.

Последняя страусиха — Норма, подумала Эмили, — как раз поднималась по длинному, очень пологому трапу. Уолт и Эмили последовали за птицей на борт.

Остальной экипаж уже ждал их там.

Остин первым увидел Эмили. Она приготовилась парировать его ожидаемые упреки и совсем растерялась от его слов:

— Хотя уже слишком поздно привести в исполнение твою угрозу телеграфировать папе и тем самым насильственно обеспечить себе участие в экспедиции, мы приглашаем тебя, сестра, сопутствовать нам. Вопреки твоей очевидной и беспочвенной неприязни к мадам Селяви она любезно ходатайствовала за тебя.

Эмили с подозрением посмотрела на медиума, получив в ответ насмешливый книксен и улыб-

ку, напоминавшую выражение на морде одной из кошек Винни, подбирающейся к пернатой добыче.

Теперь заговорил Крукс:

— Если все томагавки хотя бы временно закопаны, быть может, нам следует вернуться к науке. Наше отбытие намечено точно на полдень, а у нас еще остались кое-какие дела. Генри и Остин, пожалуйста, уберите трап. И мистер Уитмен, не соблаговолите ли вы?..

Крукс вручил Уолту бутылку шампанского. Взяв ее, Уолт ответил:

— Это большая честь, сэр, — и направился на нос.

При появлении поэта там толпа взревела, затем умолкла. С тем достоинством, которое отличало его частые публичные выступления, Уолт обратился к зрителям:

— Вот слова моего доброго убеленного сединами друга Уильяма Каллена Брайанта, и я считаю, что они отвечают нынешнему событию:

Живи же так, чтоб, услыхав призыв,
Присоединиться к каравану множеств,
Что движется к таинственному царству,

Где каждый свой приют найдет в безмолвных

Чертогах смерти, не был ты подобен

Рабу в каменоломне, кто в свою темницу

Бредет, гоним бичом, но твердый в вере.

Приблизься же к своей могиле так, как тот,

Кто полог своего задернет ложа

И ляжет, чтобы сладким снам предаться.

При последних словах Уолт могучим ударом разбил бутылку о корпус корабля с зычным криком:

— Крещу тебя «Танатопсис» [184]!

Шампанское и осколки стекла обдали ближайших зрителей. Воцарилась оглушенная тишина. Уолт повернулся было, чтобы уйти, но тут же снова повернулся лицом к толпе.

— Часы показывают момент — но что показывает вечность? — спросил он.

Никто не ответил ни в шутку, ни серьезно.

---

[184] Примечания: 184
«Размышления о смерти» (греч.).

Уолт повернулся к остальным. В глазах Эмили он будто увеличивался, как если бы сбрасывал путы цивилизации, готовясь померяться своей большой душой с самой смертью, разминая свои духовные мышцы в преддверии к некой небесной борцовской схватке.

— Ну-с, камерадос, наш корабль благородно окрещен. Остается только поднять паруса. О, капитан, мой капитан — уже пора?

Крукс сверился с карманными часами.

— Почти. Давайте ляжем на наши кушетки. Заговорил Дэвис:

— Вскоре мы поплывем по Бухте Семи Душ, принцесса Розовое Облачко встретит нас на Гранатовых обрывах, и наши заветнейшие мечты осуществятся.

Остин сказал:

— Скоро я обниму моих деток.

— И c'est vrai [185], после моего возвращения ни один медиум не сравнится со мной.

Крукс повел свой экипаж на корму к кольцу кушеток, несимметрично привинченных к палубе. Внутри кольца идеоплазмовые вместилища образовывали пентаграмму. С одной стороны в

---

[185] Примечания: 185
это правда (фр.).

сложном порядке стройно выстроились плотно закупоренные металлические канистры и большие странного вида часы. От канистр тянулись резиновые трубки, по две к каждой кушетке. Каждая пара этих трубок завершалась гуттаперчевой маской для лица.

— Мисс Дикинсон, только вы одна не осведомлены о наших мерах предосторожности, а потому слушайте внимательно. Принцесса Розовое Облачко предупредила нас, что переправа с Земли в Обитель Лета сведет с ума человека, если он будет в сознании. Посему мы сочли за благо проделать это путешествие во сне, в таком же неведении об опасностях, как окаменелости профессора Агассиса.

Одна из канистр наполнена эфиром — газом, обладающим свойством усыплять мозг. Быть может, вы слышали о нем в связи с недавними экспериментами по родовспоможению в Центральной массачусетской клинике?... Вторая канистра содержит чистый кислород. Клапаны обеих контролируются вот этими multum-in parvo [186] часами — своего рода электромеханическим прибором для засечения времени. За пять минут

---

[186] Примечания: 186
многое в малом (лат).

до полудня часы включат подачу эфира в наши маски. В полдень они же перекроют подающие трубки. Каких-то шестидесяти секунд будет достаточно, чтобы завершить переброску, и в тот же миг мы все будем разбужены ураганом свежего кислорода. Так вот: готовы ли вы доверить свою жизнь такому механизму?

Неколебимая уверенность ученого — сходная в чем-то с новой бравадой Уолта — вдохновила Эмили. Она ответила:

— Если вы ручаетесь за это приспособление, то я доверюсь ему… и вам, сэр.

Крукс улыбнулся.

— Вот и хорошо. Момент приближается. Дамы и господа, прошу на кушетки!

Бесстрашные аргонавты, готовясь к отправлению в другое измерение, улеглись на подушках, набитых конским волосом.

Эмили кончиками пальцев взяла свою маску, надела ее и завязала. Закрыв ей рот и нос, маска вызвала у Эмили клаустрофобическое ощущение, будто ее заключили в новейший Металлический Погребальный Футляр Фиска.

Она и правда почувствовала себя мертвой — старейшие ее страхи наконец осуществились.

Уолт занял кушетку прямо напротив нее. Эми-

ли перехватила его взгляд, он подмигнул, и ей сразу стало легче.

Солнце светило прямо над головой, шум толпы доносился до Эмили, будто бессловесный гремящий шум прибоя.

Зашипел газ. Эмили задерживала дыхание, хотя ее легкие готовы были лопнуть, но в конце концов не выдержала и сделала вдох.

Сон — трибуна, куда ни кинешь взгляд, по сторонам за рядом ряд Свидетелей толпы стоят.

Осушая последние капли забвения, она услышала щелчок клапана, за которым последовал Громовой Раскат Рока.

10
«Уронен в акр эфира в одеянии мужеложца»

Ее прах воссоединился и остался жив. На Атомы ее были наложены Черты, царственные, вобранные, немые.

Она была Созданием, облаченным в Чудо. Это была Мука, величественнее, чем Восторг. Это была… *Боль Воскрешения.*

Если Смерть была Тире, то сама она, несомненно, противолежащий дефис.

Все еще вытянувшись на кушетке, смутно заметив, что полуденное небо над ней каким-то образом приобрело закатные оттенки — покров из золота и алости, пурпура и опала, — Эмили поднесла дрожащую руку к лицу и попыталась снять маску.

Над ней возникла фигура озабоченного Уолта.

— Погоди, Эмили, разреши мне.

Он снял с нее маску и помог ей сесть. Эмили заставила свои глаза сосредоточиться на их спутниках, которые мало-помалу приходили в себя, приподнимались, кое-как снимали анестезирующие приспособления.

— С тобой все в порядке? — спросил ее Уолт.

— Я… мне кажется, что да. Хотя я словно боюсь признать это тело своим. Что произошло? Мы действительно миновали рубеж смерти?

— Видимо, да. Но давай поможем остальным, и тогда мы увидим то, что увидим.

Вскоре все путешественники уже стояли на ногах, хотя и подгибающихся.

Затем впервые они осмелились поднять глаза и посмотреть за пределы «Танатопсиса».

То, что они увидели, заставило их всех сомнамбулически шагнуть к перилам.

«Танатопсис» стоял на колесах посреди словно

бы безграничной абсолютно плоской равнины, окаём которой каким-то образом казался более отдаленным, чем земной горизонт.

И равнину покрывала изумрудно-зеленая, почти светящаяся трава, скошенная, или подстриженная, или благодаря природному самоограничению уподобившаяся ровной бархатистости газонов какого-нибудь Вельможного Поместья. И кроме этой травы, никаких иных примет.

Они стояли, застыв, в растерянном молчании, пока Уолт не разразился громовыми взрывами хохота, за которым последовала восторженная, почти безумная речь:

— О мой милый Боже! Я был прав с самого начала. Как прекрасно, как справедливо, как совершенно. Когда-нибудь какой-нибудь поэт получал более верное подтверждение своих видений? Прошу вас, кто-нибудь… спросите меня, что такое эта трава!

Эмили сказала послушно:

— Что… что такое эта трава, Уолт? Уолт выпятил грудь и задекламировал:

— Спросил ребенок: «Что такое — трава?» и полные ее принес мне горсти. Как мог ответить я ребенку? Я этого не знаю, как и он. Догадываюсь я: должно быть, это флаг моей природы, сотканный

иззелени надежды. Еще догадываюсь: это Господа платок, надушенный подарок и напоминание, оброненный нарочно и с именем владельца где-то в уголке, чтоб мы могли увидеть, и заметить, и спросить: «Он чей?» Еще догадываюсь я, что это — единые, иероглифические, не стриженные волосы могил!

Юный Саттон захлопал в ладоши.

— Браво, Уолт! Ты все это видел еще до того, как мы добрались сюда!

Теперь нерешительно заговорил Дэвис:

— В мои расчеты, видимо, вкралась неточность. Совершенно ясно, что это не Бухта Семи Душ.

— Более чем очевидно, — согласился Крукс.

— Мне надо свериться с моими картами в каюте. Без сомнения, такая обширная географическая примета, как эта зеленая пустыня, должна быть на них отмечена, даже если это область Обители Лета incognita [187]. В любом случае тревожиться оснований нет. Как только принцесса Розовое Облачко телепатически определит наше местонахождение, она материализуется здесь и астральными средствами перенесет пас в Замок Кошениль, где мы будем вести беседы с Аристо-

---

[187] Примечания: 187
Здесь: неизвестная (лот.).

телем и Сократом, с Чосером и Шекспиром среди прочих бесчисленных духовных светил.

Дэвис с надеждой обернулся к мадам Селяви.

— Вы не могли бы установить контакт с принцессой, дорогая Хрозе?

Мадам Селяви закатила глаза и напрягла свои лицевые мышцы, словно пытаясь выдавить не идеоплазму, а почечный камень.

— Космический телеграф полон помех. Меня подавляет близость стольких духов…

Эмили чуть было не спросила, каких это духов? Но тут заговорил ее брат:

— Кто-нибудь обратил внимание на солнце? Теперь все искоса посмотрели на раздутый оранжевый шар, почти касающийся горизонта. Целых пять минут они не спускали с него глаз, но он не опустился ни на йоту. Слеза обожгла щеку Эмили, и она прервала молчание:

— Спустился сумрак ниже… ниже. Роса не пала на Траву… лишь на моем осталась Лбу… скатилась на мое Лицо. Я знаю этот Свет. Мое настало Умиранье… но не страшусь я это знать.

— Ваше умирание позади, — возразил Крукс. — Это что-то совсем другое.

С этими словами Крукс, сделав видимое усилие, чтобы стряхнуть с себя парализующую слабость,

решительно направился к трюму, откуда доносились жалобные крики страусих.

— Остин, Генри, идите помогите мне справиться с птицами, пусть вращают генератор. Мы должны подзарядить гальванические пары на случай, если потребуется безотлагательно вернуться. Мистер Дэвис, вы и мадам, по-моему, должны сосредоточиться на установлении нашего местопребывания и любых предположительных обитателей Обители Лета. Ну а наши два барда… продолжайте сбивать ваши забавные стишки до следующих распоряжений.

Все разошлись, чтобы заняться своими обязанностями, и Уолт с Эмили остались у борта одни.

Вопреки непредвиденным и необъяснимым обстоятельствам, в которых они оказались, Эмили чувствовала, как в ней растут уверенность и спокойствие. Было ли причиной торжество Уолта, которым теперь светилась каждая унция его могучего тела, или капитанская аура Крукса, или сочетание того и другого, она не могла бы сказать. Но каким бы ни был источник, она не только не опасалась за свою судьбу в этом необычном месте, но скорее была исполнена приятных ожиданий.

Эмили уже собралась поделиться своими чувствами с Уолтом, как вдруг заметил а два осенних

ручейка слез, струящихся по его бороде.

— Уолт, что тебя тревожит? — сказала Эмили, беря его руку в свои.

— Трава. Она говорит со мной.

— И что она говорит?

— Она утверждает… она утверждает, что она — мой отец. Еще одна пауза, пока Уолт слушал то, чего Эмили не слышала. Затем, встряхнувшись, он заговорил уже не столь самоуглубленно:

— Прилив зеленый подо мной! Тебя встречаю лицом к лицу! Облака на западе! Солнце там вовек на полчаса до заката! Тебя я также встречаю лицом к лицу! — Он повернулся к Эмили полностью. — Мы завершили переправу, куда более великую, чем мои прежние на Бруклинском пароме, а их я считал несравненными! Но сейчас мы там, где не правят ни время, ни пространство, как и расстояния. Теперь мы с мужчинами и женщинами всех поколений, прошлых, нынешних и будущих. Это подтверждаю я.

В ту же секунду из трюма поднялись трое, спустившихся туда. Все трое являли разные степени обескураженности, от крайнего волнения Крукса к унылой озадаченности Остина и до сочувственного непонимания Саттона.

— Капитан, — окликнул Уолт, — что проис-

ходит? Крукс вынул из жилетного кармана шелковый носовой платок и утер лоб. Его лицо было белым, как любимый цветок Эмили — вертляница, более поэтично прозванная Индейской Трубкой.

— Гальванические пары не принимают заряда. Все в полнейшем порядке. Но ток генерировать не удается. Это выглядит… это выглядит так, словно мы действуем в системе новых естественных законов.

— Означает ли это, что мы здесь в ловушке, профессор? — сказала Эмили.

— Боюсь, что так. По крайней мере насколько нам может помочь наука. Посмотрим, на что окажутся способны наши спириты…

Крукс направился к двери, которая вела в каюты, и постучал:

— Мистер Дэвис! Мадам Селяви! Не поднимете ли вы сюда? Нам необходимо сказать вам кое-что.

Внутри слышались приглушенные шепоты. Они становились все громче и пронзительнее, пока не завершились четким «Batard!» [188], за которым последовал шлепок ладони, вошедшей

---

[188] Примечания: 188
Здесь: сукин сын (фр.).

в резкое соприкосновение с плотью.

Вскоре затем на палубу вышли лучший медиум Парижа и Провидец Покипси; последний щеголял красным отпечатком пятерни на щеке.

Заговорила мадам Селяви:

— Я вступила в контакт с Розовым Облачком, но туг мной завладела злая сущность. Гнусная тварь материализовала идеоплазмическую руку и набросилась на cher Дэвиса. Только благодаря великолепнейшим усилиям смогла я изгнать эту мерзость из себя и сохранить рассудок.

Несмотря на их беду, Крукс улыбнулся.

— Так-так. Но что успела сказать вам принцесса?

— Tout le monde [189] могут чувствовать себя спокойно. Наше появление здесь было устроено духами. Они направили наш корабль в эти зеленые пустоши не просто так. Наши земные души еще недостаточно очистились, чтобы выдержать тет-а-тет с духами в их собственных владениях. Принцесса Розовое Облачко очень сожалеет, но другого выхода не было. Она никак не могла этого предвидеть до нашего прибытия. В конце-то кон-

---

[189] Примечания: 189
Все (фр.).

цов, наша экспедиция — un premier [190]. А потому нам предписано немедля вернуться в нижние сферы и усовершенствовать наши души, прежде чем предпринять вторую поездку.

— Я бы хотел исполнить их предписание, мадам, так как полагаю, что для нас это самое разумное. Но, к несчастью, наша электрическая система вышла из строя.

— Как?! — взвизгнула мадам Селяви, обрушив свое объемистое тело на Крукса и молотя его по груди кулаками. Худощавый ученый выдержал эту внушительную атаку выше всяких похвал. — Ты лжешь, ах ты, тухлая скотина! Мы не можем застрять в этом чертовом месте! Ты нас сюда переправил, подлый алхимик! А теперь, черт тебя дери, изволь вернуть!

Град ударов оборвался, и медиум упала на палубу без чувств. Уолт и Остин помогли уложить ее на кушетку.

— Французский прононс мадам как будто стал нашей первой потерей, — сухо заметил Крукс.

— Явный случай повторной одержимости, вызванный страшным открытием, — слабо оправдывался Дэвис. — Кстати, полагаю, вы не

---

[190] Примечания: 190
Здесь: первая (фр.).

шутили…

— Вы полагаете правильно.

— Быть может, — сказал Уолт, — нам следует слегка подкрепиться и обдумать, что делать дальше.

— Превосходная мысль.

— Я накрою на стол, — предложила Эмили, обрадованная тем, что наконец-то может заняться чем-то полезным.

Вскоре общество из шестерых уже сидело за неприхотливым ужином у серванта, знакомого Эмили по «Лаврам». Ели они в мрачной тишине. Эмили вдруг заметила отсутствие гудения, стрекота и жужжания насекомых. Видимо, астральная прерия обходилась без кузнечиков и цикад, жуков и мух.

Они кончили есть, и тут к ним присоединилась мадам Селяви. Без каких-либо упоминаний о своей вспышке она с аппетитом набросилась на еду. Когда она насытилась, Крукс заговорил об их положении:

— На мой взгляд, у нас есть только два варианта: оставаться здесь на нашем бесполезном корабле, пока не кончатся наши припасы и мы не поумираем от истощения. Или мы можем отправиться по этой мирной глуши на поиски чего-то

или кого-то, кто сможет помочь нам. Кто-нибудь предложит что-то другое?

Все промолчали.

— Прекрасно. Поставим на голосование. Мистер Уитмен?

— Отвинтите замки от дверей! Отвинтите двери от петель! Если только час отделяет меня от безумия и радости, так не запирайте меня!

— Я рассматриваю это как предложение отправиться в путь. Мисс Дикинсон?

— Когда карета Смерти останавливается, в нее остается только войти.

— Еще «за». Сократим процедуру. Кто-нибудь хочет остаться на месте? Нет? Да будет так. Начнем сборы.

Это решение гальванизировало всех путешественников, и они принялись задело. Страусих подняли из трюма при помощи веревки. Двух предназначили для дам, остальных быстро нагрузили всеми имеющимися припасами. Трап был опущен, и взнузданных птиц свели по нему вниз. Вскоре к ним присоединились люди, осторожно ступившие на чуждую траву, однако тут же убедившиеся, что она, насколько они могли судить, ничем не отличалась от обычной земной.

— Остается только избрать направление, —

сказал Крукс с компасом в руке.

Уолт сказал:

— Могу ли я сослаться на девиз одного моего товарища-журналиста? «Отправляйся на запад, юноша!»

— Другие предложения? Превосходно, значит, на запад.

Усадив Эмили и мадам Селяви боком, благопристойно, хотя и скользковато — Эмили на Норму, мадам на Церлину, — экспедиция отправилась в путь.

Через несколько сотен ярдов от корабля они остановились и обернулись бросить последний прощальный взгляд на шхуну.

— Прощай, моя прелесть! — крикнул Уолт.

Его прощальные слова будто повисли в воздухе, и путешественники вновь зашагали в зеленую неведомость под балдахином заката.

11
«Дел у травы нет никаких, И я хотел бы сеном быть»

Эмили всегда любила закаты. Усердная Хозяйка, метущая многоцветной метлой, золотые Леопарды в небе, пурпурные Корабли на Море Желтых

Нарциссов, Герцогиня, рожденная в пламени, Огни Рампы дневного Спектакля… Яркая небесная пунктуация фразы дня всегда представлялась ей одним из самых вдохновенных решений Бога.

Однако теперь, после восьми часов пути под тонко варьирующимися, но, по сути, повторяющимися цирковыми номерами буйного неба Обители Лета, Эмили пришла к выводу, что нисколько не огорчится, если больше никогда в жизни не увидит еще одно расцвеченное облако-клоуна. Теперь бессмысленное зрелище небес действовало ей на нервы, как нескончаемые завывания идиота. Эмили видела, что и остальные испытывают примерно то же.

Мадам Селяви на страусихе рядом с Эмили пребывала в унылой апатии и выходила из нее на краткий миг, только когда у нее возникало желание бросить злобный взгляд в сторону Эмили. Длинношеюю и оперенную кобылицу Эмили вел Остин, уставясь в неменяющуюся траву под ногами, как и Провидец Покипси, который вел страусиху мадам. Крукс и Саттон вели каждый свою цепочку навьюченных страусих и были поглощены собственными мыслями. Вообще-то говоря, из всех членов экспедиции все еще сохранял малую толику уверенности и бодрости

один Уолт.

Певец Поманока вскоре взял на себя роль проводника остальных путников.

Шагая на несколько ярдов впереди них, он скрашивал первые часы пути декламацией некоторых своих воодушевляющих произведений.

— Невозмутим я! Вольно стою средь Природы, прямой промеж существ иррациональных, насыщенный, как они, пассивный, чуткий, безмолвный, как они. О, равновесие в себе противу всех невзгод, чтоб ночи, бури, голод, насмешки, беды, отказы мне встречать, как их встречают деревья и животные!

По завершении каждого стиха Уолт оборачивался и комично раскланивался, широко взмахивая снятой шляпой, а остальные останавливались и рукоплескали — подстегиваемые Эмили, которая хлопала громче всех, а страусихи пользовались случаем поклевать безграничное обилие корма, который, видимо, пришелся им по вкусу.

Спустя несколько часов они остановились на привал. Взобравшись на плечи Уолта, Генри Саттон с трудом различил мачты «Танатопсиса», видимо, ни в чем не изменившиеся. Они вкусили от провианта и освежились глотками воды из бутылок.

— Этот простой напиток, — заметил всегда рациональный Крукс, — о котором в Амхерсте мы никогда не задумывались, теперь отмечает предел нашего выживания. Если мы не найдем какой-либо новый источник воды, мы все в страданиях испустим дух от жажды задолго до того, как истощатся наши съестные припасы.

— Смерть почти столь же мучительная, какую претерпели мои нерожденные дети, — вставил Остин. — Если бы мы только могли обрести контакте бедными потерянными малютками, я уверен, они смогли бы помочь нам. Мадам, не могли бы вы попытаться еще раз?

Ясновидица как будто вновь обрела свой парижский прононс:

— Конечно, я готова попытаться, cher Остин. Давайте же образуем кольцо силы.

Рассевшись на мягком живом ковре, они все соединили руки. Мадам Селяви закрыла глаза и начала заклинание:

— Зелатор, Сотис, Улликумми, отверзните врага! Хотя мы недостойны, даруйте нам ваше присутствие.

Воздух отяжелел от ожиданий. Но вопреки энергичным похрюкиваниям мадам — которые знаменовали верх ее усилий — их надежды не

сбылись.

— Ну, попытка не пытка, — сказал Крукс после того, как кольцо распалось и они все вновь встали. — Но возникает впечатление, что здесь вообще нет никаких духов, могущих откликнуться на наши мольбы. Я начинаю подозревать, что это место — еще один материальный мир, быть может, обращающийся вокруг иного солнца, чем наше, куда нас занес случай, и, следовательно, не обитель духов.

Теперь юный Саттон удивил всех и каждого, внезапно нарушив обычное самодостаточное молчание, чтобы высказать свое мнение:

— Не-а, тут я с вами не соглашусь, проф. Тут самое место для загробной жизни, и это верно не меньше, чем то, что у моего папаши были баки. Но вот про что я хочу вас спросить, как мы узнаем, что и взаправду померли? Если заснем с совсем уж пересохшей глоткой и проснемся мертвыми, заметим мы какую-нибудь разницу в пейзаже?

Крукс от души рассмеялся и похлопал Саттона по спине.

— Великолепная головоломка, достойная самого Фомы Аквинского!

Уолт смахнул со штанов крошки своей трапезы. Они упали на стебли травы, совсем, подумалось

Эмили, чужие здесь, вроде булыжников в гостиной. Где хлопотливый Народец, который на Земле бережно унес бы их?

Дюжий поэт попытался смягчить сознание бессилия, почти зримо ими овладевшее.

— Вперед, мои загорелые дети! Постройтесь, мы не можем медлить тут! Марш-марш вперед, дорогие мои! Мы должны выдержать натиск опасностей, мы юная мускулистая раса. Все остальные полагаются на нас. Мы пионеры!

— Точнее сказать, «пленные», — возразил Крукс. Но и он с легкой улыбкой встал в строй.

Однако эта иллюзия надежды продержалась недолго. Вскоре они уже еле-еле передвигали ноющие ноги. Даже Уолт в конце концов перестал взывать к ним и разделил общее унылое молчание.

Для Эмили наиболее тягостный физический аспект этого дня пути проявился в натертости пониже спины, о чем невозможно было упомянуть вслух. Спина Нормы — пуховая подушка на вид — превратилась в пыточное сиденье тверже камня. Эмили было предпочла пойти пешком, но вскоре почувствовала, что устает и начинает отставать от остальных. Ее затворническое существование не подготовило ее к подобному походу,

и вопреки протестам своих ноющих ягодиц она была вынуждена вновь взобраться на страусиху.

Затем Крукс поднял ладонь, оповещая о новом привале. Он вынул карманные часы и сказал:

— По амхерстовскому времени теперь восемь часов вечера. Я предлагаю устроиться тут… гм-гм… «на ночь», с тем, чтобы вновь отправиться в путь «на заре». Согласны? Прекрасно. Мужчины, ставим палатки.

Страусихи, временно освобожденные от вьюков, были стреножены и начали пастись. Из вьюков извлекли три палатки и расстелили на траве.

— Остин, Дэвис и я, — сказал Крукс, — разделим одну палатку. Уолт и Ген займут другую. А у дам будет их собственный приют. Теперь давайте поставим их. Хотя небо как будто не угрожает дождем, эта трава должна же когда-нибудь и как-нибудь орошаться.

Ничто не могло быть более трагичным для Эмили, чем перспектива провести ночь бок о бок с противной и — как она обнаружила после долгого соседства с ней — заметно чесночной мадам Селяви. Однако альтернативы, казалось, не было — во всяком случае, она слишком устала, чтобы искать другой выход.

Эмили следила, как мужчины вбивают колышки в дерн и натягивают веревки. Несколько мшгут спустя внезапный ветерок — первый, который она ощутила в Обители Лета, — заставил се обернуться.

То, что она увидела, оставило ее Легкие Неподвижными, а их Хитроумные Клетки не способными даже на Пантомиму Дыхания.

Менее чем в шести шагах от бивака овал травы пришел в движение.

Словно почва забурлила под действием ста тысяч извивающихся земляных червей. Земля лопалась и бугрилась.

И сама трава поддалась этому феномену. Каждый стебель, казалось, обладал собственной волей, приплясывал и переплетался с соседними, будто щупальца каракатицы.

Эмили, чудилось ей, в ужасе следила за происходящим целую вечность, хотя, вероятно, прошло лишь несколько секунд. Наконец, обретя голос, она еле слышно позвала:

— Кто-нибудь… помогите!

Во мгновение ока ее окружили остальные члены экспедиции. Эмили немо указала, и они ахнули в один голос.

Потому что теперь трава слипалась! Обретала

форму и плотность, отдельные стебли утрачивали индивидуальность, вырастали и сплетались в бесшовную ткань.

И эта ткань, зеленая, как сукно бильярдного стола, облекала невидимый каркас скелета и вскоре обрела глянец зеленой плоти — и форму абсолютно нагого ребенка мужского пола!

Трансформация травы завершилась, дитя лежало на спине и дышало, его глазки были закрыты. Младенец растительности.

Никто не издал ни возгласа, не выразил изумления, пока не заговорил Уолт:

— Трава прерии разделяется, выдыхая свой особый запах. Я требую от нее духовного соответствия. Я требую, чтобы стебли вздымались в словах, в делах, в бытии и собственной походкой шли…

Когда Уолт постепенно умолк, зеленый ребенок открыл глаза и посмотрел вверх в небо с тихим удивлением. Уолт шагнул к мальчику. Эмили ухватила его за рукав.

— Нет, Уолт, не надо! Мы не знаем, что это за существо.

Тоном мягкого упрека Уолт ответил:

— Если я хочу заговорить с кем-то, кто передо мной, кто скажет мне «нет»?

Эмили неохотно выпустила его рукав, и Уолт тремя твердыми шагами покрыл расстояние, отделявшее его от мальчика.

Присев на корточки рядом с ним, Уолт сказал:

— Сынок, ты способен слышать и понимать меня? Голос ребенка был сладким, как запах клевера: — Да.

— Где ты? Что случилось с тобой?

Ребенок заморгал. Зеленые ресницы опускались и поднимались над зелеными глазами.

— Я… я был стар. Болен. Умирал. Я… я умер. Дыхание Эмили заострилось подобно колу. Так, значит, правда: они в Обители Лета, прихожей Рая… Былой религиозный трепет объял ее.

— В каком году ты умер? — спросил Уолт.

— Году? А, ты говоришь о времени. Год был тысяча девятьсот… тысяча девятьсот девяностый или вроде… Не помню.

Теперь Крукс обрел дар речи:

— Это нелепость! Как можем мы говорить с духом кого-то, кто еще не жил?

— Время — вещь непростая, — предостерег Дэвис. — Вполне возможно, что Обитель Лета сосуществует со всеми веками, прошлыми, настоящими и будущими. Такая теория объяснит прекогницию, которая отличает некоторых ду-

хов…

— Каким было твое смертное имя? — спросил Уолт.

— Имя? — повторил ребенок, будто это было иностранное слово. — По-моему, имя у меня было. Все это так быстро… Аллен. Аллен Гинсберг [191]. Это имя?

Такие земные звуки среди всей этой чужеродности рассмешили Уолта, и он положил руку на плечо мальчика.

— Да, это имя, и притом отличное древнееврейское. При прикосновении ладони Уолта черты ребенка преобразило изумление.

— Ты Уолт Уитмен! — сказал он, и, будто потрясенное таким открытием, дитя лишилось чувств.

Испуганный Уолт быстро подхватил мальчика на руки и выпрямился.

Когда мальчик только что родился в прерии, явив взглядам плодородную бурую землю, образовалась плешь, четко соответствовавшая его абрису.

Но прямо у них на глазах из почвы высунулись острия ростков новой травы и прекратили тянуться вверх, едва их верхушки сравнялись

---

[191] Примечания: 191

Гинсберг Аллен (1926–1997) — американский поэт, один из лидеров битников и контркультуры середины XX века.

высотой с родичами вокруг. И вскоре отличить это место от остальной прерии было уже невозможно.

Уолт отнес мальчика в кольцо палаток и посадил на землю, прислонив к тюку со снаряжением. Откупорил бутылку и обрызгал водой лицо ребенка.

Аллен — теперь Эмили называла ребенка мысленно именно так — открыл глаза.

— Море, — сказал мальчик. — Я должен найти море и соединиться с другими в нем.

Аллен встал на ноги и зашагал в сторону заходящего солнца.

— Погоди! — воскликнул Дэвис.

Аллен послушно остановился, но его нагое тельце все еще словно устремлялось на запад.

— Ты говоришь о Турмалиновом море?

— У него нет названия, это просто море. И я должен идти к нему.

Остин протянул руку к ребенку, словно желая прижать его к груди.

— Ты как будто каким-то образом узнал географию этого края. Не можешь ли ты помочь нам отыскать здесь наших любимых?

— Если они уже достигли моря, искать их там вы будете напрасно. И почему ты называешь

меня Алленом?

— Но… но ты сказал нам, что таким было твое имя прежде, чем ты оказался здесь.

Мальчик посмотрел на них с наивной и абсолютной искренностью:

— Я никогда нигде не бывал, кроме этого края, никогда. Я знаю только Обитель Лета.

12
«Как странно выглядит жизнь девушки за этим мягким затмением»

Костер был бы таким приятным! Костер отгонял бы страх! Костер развеял бы мрачность.

И это было бы такое веселое пламя, будто зимним вечером в «Имении», когда вся семья Дикинсонов собиралась для чтения Библии; трое детей, еще маленьких, Сквайр в благодушном настроении, мать Эмили, более здоровая, чем теперь. Быть может, это был один из тех редких случаев, когда Эмили дозволялось вскарабкаться на колени к отцу, сидевшему в массивном кресле под гравюрой «Семья лесника», где улыбались счастливые дети, такие не похожие на них. И может быть, Сквайр разнежился бы настолько, что приласкал бы дочку, погладил по волосам,

сказал бы ей, что она хорошая девочка, несмотря на то, каким разочарованием явилась: до того глупая, что в десять лет еще не умеет сказать по часам, который час…

Но здесь, в Обители Лета, гореть было нечему, если не считать их корабль. Да и найдись что-нибудь, осмелились бы они развести огонь, который бы неизбежно опалил и повредил эту чудотворную траву: сущность, видимо, способную рожать?

Да и трава *позволила бы им все это?*

Удрученные путешественники были вынуждены сидеть вокруг тускло светящейся единственной лампы с ворванью — совсем затемненной многоцветием неба — и обсуждать до отхода ко сну, что им следует предпринять на следующий «день» ввиду недавних событий.

Там, куда не достигал свет лампы, сгрудились страусихи, недовольно квохча, словно их темный мозг наконец воспринял ненормальность того, что их окружало.

А дальше за птицами стоял Аллен.

Странный непостижимый ребенок стоял лицом к западу, его длинная, не меняющаяся тень почти дотягивалась до бивака. Неподвижный, как нефритовая статуя, он, казалось, общался с

кем-то или с чем-то, недоступным для людей. Он сохранял эту неподвижность более часа и словно бы намеревался оставаться так еще много часов.

Ошеломив их своим ответом Остину, мальчик как будто собрался уйти.

— Прошу, — взмолился Крукс в последнюю минуту, — ты должен остаться и помочь нам.

— Я останусь, если этого хочет он, — сказал Аллен. И зеленый ребенок показал на Уолта.

— Меня поражает, как он зафиксировался на вас, — сказал Крукс.

— Это произошло, когда мы коснулись друг друга, — сказал Уолт. — Между нами возник поток интеллекта. Полагаю, так произошло бы, будь на моем месте кто угодно еще. — Торжественно обратившись к мальчику, Уолт сказал: — Мое сердце будет радоваться, если сможет подольше слышать твой голос, сын мой.

— Тогда я останусь, — сказал Аллен.

В ту минуту это выглядело существенной победой. Но теперь их разговоры показали, как далеки они были от разрешения своих трудностей.

Нервно накручивая на палец веревочку, Крукс сказал:

— Предположим, Аллен поможет нам добраться до берега этого безымянного моря, но что это нам

даст? «Танатопсис» уже остался далеко позади, и мы не сможем никуда поплыть, даже если это представится желательным. Безусловно, мы можем встретить и других воскресших, если верить Аллену. Но если и они так же наивны, как он…

— Может быть, — сказал Остин, — среди них окажутся старшие, способные оказать нам помощь…

— Больше всего меня, — сказал Дэвис, — разочаровывает то, что мертвые, видимо, забывают все о своей прежней жизни. А я так предвкушал беседу с Александром Великим…

— А я — с моими детьми, — отозвался Остин.

— Ба! — сказала мадам Селяви. — Этот enfant vert [192] не принадлежит к истинным духам! Он из нечеловеческих демонов и подослан сбить нас с пути! Вообразите только, он не отозвался даже, когда я сослалась на принцессу Розовое Облачко! Нет, можете не сомневаться, я распознаю истинных духов, когда мы с ними встретимся. Разве я не разговаривала с ними много лет?

Крукс отбросил свою веревочку и встал.

— Этот разговор ни к чему не ведет. Отправимся же спать, и, может быть, утром все будет выгля-

---

[192] Примечания: 192
зеленый ребенок (фр.).

деть более обнадеживающе.

И они разошлись по своим палаткам. Внутри приземистого обиталища, отведенного дамам, мадам Селяви поспешила утвердить свое главенство.

— Я не потерплю никакого храпа, никакого ворчанья, мамзель. Следите за своими локтями, оставайтесь на своей половине палатки, не тяните на себя одеяла, и мы прекрасно устроимся.

С этими словами мадам Селяви плюхнулась на их грубый тюфяк, величественно натянула на себя две трети одеяла и, повернувшись на бок так, что ее толстые ляжки нависли над долей тюфяка, доставшейся Эмили, через тридцать секунд начала издавать похрапывания, колебавшие ее усы.

Втиснувшись в оставленное ей пространство, стараясь держаться как можно дальше от пахучей ясновидицы, Эмили лежала на спине без сна.

Во время только что завершившегося обсуждения ни она, ни Уолт почти ничего не сказали. Чудо рождения Аллена исключало любой рационализм. Эмили знала, что истинное значение этой манифестации возможно постигнуть только поэтически, и томилась желанием услышать, какие великолепные словесные чащобы мог бы взрастить Уолт из этого чуда…

После получаса таких размышлений Эмили тихонько встала и покинула палатку.

В пределах бивака, где все еще горела оставленная без присмотра лампа, не было заметно никакого движения.

Эмили приблизилась к палатке Уолта и робко приподняла полотнище. Юный Саттон спал в одиночестве, его пухлое лицо херувима дышало безмятежностью.

Опустив полотнище, Эмили вышла за пределы неверного света, отбрасываемого лампой.

Уолт сидел, скрестив ноги, рядом с Алленом. Поэт был заворожен точно так же, как на «Танатопсисе», когда услышал, как заговорила трава.

Эмили бережно коснулась его плеча.

Уолт вздрогнул, потом запрокинул лицо.

— Эмили! — сказал он тоном человека, узнающего друга детства, с которым не виделся десятки лет. — Странную стражу несу я здесь в эту ночь и рад человеческому обществу. Сядь же вот тут рядом со мной.

Эмили неловко поджала ноги под юбками и опустилась на бархат травы.

Аллен не обращал внимания на поведение людей и продолжал смотреть в направлении вечно заходящего солнца.

Уолт взял руку Эмили в свои. Ее пульс был стремителен, как весенние ручьи.

— Теперь я в мире с моим отцом, — сказал он. — Хотя я не видел его души, облаченной в человеческий облик, чего я по-глупому так желал, я понял то, что знал всегда, но забыл. Мой отец повсюду вокруг меня — в струпьях мха на трухлявых изгородях, в грудах камней, в бузине, коровяке и черемице. Мне незачем искать дальше.

Эмили почувствовала, как ей щеки обожгли слезы экстаза.

— О, Уолт, я так за вас счастлива!

Уолт перенес руки на ее талию.

— Позволь мне разделить мои обновленные радость и силу с тобой, Эмили.

И тут он ее поцеловал.

Джордж Гулд поцеловал ее — один раз. Но это было много лет назад. И у него было гладенькое лицо юнца, а не зрелого, бородатого *мужчины!*

Уолт оторвался от нее и зашептал:

— Злодейское прикосновение? Что ты творишь? Мое дыханье сперто в горле! Отомкни ворота шлюза! Ты одолеваешь меня. Мои часовые покинули свои посты…

Отлив, уязвленный приливом, прилив, уязвленный отливом. Любовь — плоть во вздуваньи и

восхитительной боли. Безграничные прозрачные фонтаны любви, жаркие и огромные. Дрожащий студень любви, белый вихрь и пьянящий сок. Женихова ночь любви, проникающая верно и нежно в распростертую зарю, волнами вздымаясь в приветный и покоряющийся день!

— Да, Уолт… я день, а ты моя ночь!

— И теперь наступает заря!

Уолт испустил дикий рык и навалился на нее, заслонив небо.

Эмили не могла себе представить, что остальные не услышали кульминационный вопль Уолта. Конечно же, конечно, они выберутся из палаток узнать причину. Однако она не попыталась высвободиться из объятий Уолта. Ее не пугало их осуждение — здесь, на грани смерти, в этом чуждом краю. Пусть все увидят, какая она царственная шалунья!

Божественный титул — мой! Без знака стала Женой!

Слегка повернув голову, Эмили обнаружила, что ее ограниченное поле зрения вмещает маленькие ступни зеленого ребенка. Опознав их, она испытала странное чувство, что он — невозможный сын их только что консуммированного союза.

Наконец Уолт зашевелился, и его грузное тело исчезло с нее.

— Мы должны вернуться в наши палатки, Эмили, прежде чем пас хватятся.

— Как скажешь, Уолт.

Пока они шли к своим палаткам, Эмили понемногу овладели грусть, и тревога, и усталость, ее экзальтация угасла.

— Уолт? — Что?

— Для любимого Шмеля Колокольчик развязала пояс девичьей одежды, будет Шмель чтить Колокольчик так, как прежде?

— Я для тебя, а ты для меня, Эмили. И не только ради нас самих, но и ради других. Ты пробудилась только для моего прикосновения и ничьего другого.

— Ах, Уолт!

13
«И была на каждый холмик предназначена фигурка»

Когда Эмили проснулась, вот как она себя чувствовала:

Когда б вес горести мои

Сегодня здесь собрались,
Они от счастья моего
Со смехом бы умчались!

Затерянная в жутком пограничном крае между жизнью и смертью, без всякой надежды на спасение, она должна была бы впасть в то же уныние, что и ее злополучные спутники. Но ласки и объятия Уолта позволили ей вознестись над условностями, в тисках которых она пребывала.

Наконец-то она обрела друга души своей, выковала вместе с ним древние плотские узы, которые время бессильно разорвать. И какая завидная поимка! Нежный, но и закаленный мужчина, достаточно глубокий, чтобы отвечать ее женским нуждам, необузданный поэте корнями, уходящими в потаенную мудрость Вселенной. Наконец-то Эмили узнала, как чувствовала себя ее досточтимая Элизабет Баррет, когда обрела своего Роберта. В эту минуту Эмили поняла, что все эти годы, пожалуй, тайно ревновала к «Португальцу». Теперь она могла легко расстаться с этими детскими эмоциями.

Блаженно потягиваясь в пустой палатке, не обращая внимания на то, что ее длинные каштановые локоны были распущены и неприлично

растрепаны, Эмили восхваляла Уолта, который столько для нее сделал. И поклялась, что сделает для него не меньше. Чего бы он ни пожелал, в чем бы ни нуждался, где бы ни странствовал, что бы ни делал, она всегда будет рядом с ним, поддерживая и вдохновляя.

Велика я или мала — да какая б ни была — лишь бы я подходила Тебе.

Внезапно Эмили почувствовала, что должна немедленно, сейчас же увидеть своего возлюбленного. И поспешно покинула палатку.

Все сидели вокруг потухшей лампы, услаждаясь легким завтраком.

Уолт развалился на траве, одним локтем опираясь на скатку одеял, вытянув перед собой ноги. Его взгляд был сосредоточен на единственном сорванном стебельке, который он держал между большим и указательным пальцами.

— А, мисс Дикинсон! — окликнул ее Крукс. — Мы думали, вы тайком подышали эфиром, так крепко вы спали! Но вы проснулись как раз вовремя. Мы намерены сняться с лагеря. Уолт, не расскажете ли вы мисс Дикинсон то, что вы узнали?

Теперь Уолт поднял глаза на Эмили. Его лицо ничем не намекнуло на то, что произошло меж-

ду ними ночью, и выражало только обычную благожелательную и солнечную беспристрастность, несколько пригашенную тяготами их положения.

Какой заботливый любовник, — подумала Эмили. — *Он старается скрыть наши отношения и избавить меня от любой возможной неловкости. Мне придется сказать ему с глазу на глаз, что в этом нет нужды. Я прокричу о моей любви с крыш Амхерста…*

Уолт отбросил травинку.

— Я поговорил с Алленом. В течение «ночи» он узнал побольше о том, что ему следует делать. Он должен найти шестерых себе подобных, чтобы они сопровождали его к морю. Только как единое целое смогут они обрести свою судьбу и подняться на следующий уровень существования.

— Это, — сказал Дэвис, имеет глубокий смысл. — Семь — высшее мистическое число. Семь планет, семь дней, семь металлов и семь цветов… Магические свойства семерки должны быть в Обители Лета такими же могущественными, как на земле.

— В этом смысле, следовательно, — добавил Крукс, — наша собственная экспедиция была численно неполной и не сбалансированной до тех

пор, пока в последнюю минуту к нам, по счастью, не присоединилась мисс Дикинсон.

Мадам Селяви поспешно заглотила маринованное яйцо, чтобы освободить рот и объявить:

— Сама я предпочла бы быть un peu [193] безнравственной, чем иметь рядом такой враждующий интеллект.

Но в это утро даже мадам не могла вывести Эмили из себя. Она одарила ясновидицу любезной улыбкой, а свои слова адресовала Круксу:

— Я бы отдала весь мир за эту поездку, профессор.

Теперь мрачно заговорил Остин:

— Если Аллен и его компатриоты не смогут помочь нам вернуться домой, дорогая сестра, боюсь, мы именно эту цену и заплатили.

Лишний раз вспомнив, что времени терять нельзя, изгнанники, не мешкая, нагрузили страусих и отправились в путь. На этот раз — следом за сверхсосредоточенным и безмолвным Алленом и Уолтом, шедшим сразу позади мальчика.

Каким-то образом поводья страусихи, на которой ехала Эмили, оказались в руках Крукса, а Остин повел цепочку вьючных. Они оказались

---

[193] Примечания: 193
немного (фр.).

несколько в стороне от остальных, и профессор занял Эмили разговором:

— Мне кажется, если мы можем сделать выводы из событий нашего первого дня, то следует ожидать рождения новой души из травы каждые двадцать четыре часа или около того. Иными словами, потребуется примерно неделя, чтобы их собралось столько, сколько нужно Аллену. По-моему, на такой срок мы можем растянуть наши припасы лишь с некоторой экономией. Хотя на что мы можем надеяться далее, я предсказать не берусь.

Эмили оценила, что Крукс разговаривает с ней так откровенно и так умно. Нет, в сущности, он очень милый человек. Хотя, конечно, не такой великолепный, как Уолт. Она попыталась ответить в том же тоне:

— Меня, профессор, удивляет, что мы в буквальном смысле слова не спотыкаемся на каждом шагу на ту или другую младенческую душу.

— Как так?

— Подумайте. Сколько миллионов и миллионов умерших было в прошлом и сколько миллионов грядет в будущем? Если какая-то их доля поступает в Обитель Лета регулярно — хотя я не берусь судить о несовпадении времени между мира-

ми, — в таком случае через каждые несколько футов почва должна была бы извергать очередного призрака. Древние римляне и греки, персы и мидяне, не говоря уж о будущих пришельцах вроде Аллена.

Анализ Эмили явно ошеломил Крукса. После минутного размышления он сказал:

— Я не вижу никаких нелогичностей в ваших рассуждениях, мисс Дикинсон, и нахожу только два возможных ответа. Не исключено, что подавляющее большинство мертвецов вечности уже перенеслись в Обитель Лета. Из этого следует, что мы прибыли сюда в особое время, в уникальный момент истории загробной жизни. Однако как ученый я склонен считать любую ситуацию репрезентативной, пока не будет доказана ее уникальность. А потому я склоняюсь ко второму постулату.

— И каков он?

— Эта Обитель Лета практически бесконечна. Мертвые действительно прибывают секунда за секундой мириадами — но в разбросе на миллиарды и миллиарды гектаров.

— Значит, то, что мы встретили Аллена так быстро, было чистой случайностью? И наши шансы встретить кого-то из необходимых ему

спутников столь же маловероятны?

— По-видимому, так. Разве что…

— Да?

— Мы с вами постулируем, что мертвые возникают тут случайно, как одуванчики, вдруг вырастающие на газоне Сквайра. Но есть другая альтернатива…

И Эмили назвала ее:

— Какой-то Высший Принцип определяет, где им следует появиться. И нам было предопределено встретить Аллена. И наша судьба — в Неведомых Руках.

Крукс брезгливо поморщился.

— Как мне противно вообразить бородатого еврейского старца ростом с Монблан, который непрерывно щурится через мое плечо и толкает меня под локоть! Но, полагаю, возможно что угодно.

— Только события докажут, какая гипотеза верна. В конце-то концов, радуга убедительнее всех философий.

Крукс засмеялся.

— Мисс Дикинсон, вы редкая женщина. Позвольте мне предоставить мои услуги в полное ваше распоряжение, если они вам когда-нибудь понадобятся.

— Благодарю вас, мистер Крукс, но у меня уже есть защитник.

Крукс злокозненно улыбнулся.

— Ах вот как! Ну, желаю вам и вашему кавалеру всякой удачи. Вам обоим она может очень и очень понадобиться.

Прежде чем Эмили окончательно расшифровала намек Крукса, раздался громовый крик.

— Воскрешение прямо по носу! — ясно прозвучал голос Уолта.

Эмили многозначительно посмотрела на Крукса, который пожал плечами, будто шутливо принимая свое поражение. И вместе с остальными они поспешили туда, где стояли Уолт и Аллен.

Когда они подошли, трава уже завершала трансформацию. Слепленная из метаний и сплетений хлорофилла, перед ними лежала фигурка девочки-младенца. Под их взглядами она открыла глаза.

— Не прикасайтесь к ней, — предупредил Крукс. — Помните, как тяжело подействовал физический контакт на Аллена.

Эмили нагнулась к прелестному личику девочки.

— Как твое имя, милочка?

— Силь… Силь… Сильвия.

— И только?

— Больше я не помню.

Эмили хотелось прижать малютку к сердцу, но она воздержалась.

— Ничего, милочка. Посмотри, вот и дружок для тебя. Аллен выступил вперед и помог Сильвии встать.

— Море, — сказала она, едва они соприкоснулись.

И, не обращая внимания на людей, пара голых крошек возобновила свое неуклонное движение на запад.

— Возможно ли, — сказал Крукс, — чтобы что-то одновременно и чаровало, и внушало ужас?

— А вы никогда не видели, — спросил Уолт, — обычную проститутку в городе оргий и ее тело — склеп любви?

Остин побелел и воскликнул «Сэр!». Мадам Селяви захихикала. Дэвис стер пятнышко с очков. Юный Саттон ухмыльнулся.

Крукс повернулся к Эмили, подняв бровь, словно говоря: Да, *с таким сумасшедшим кавалером удача нужна, и очень!*

14
«Ухо может человеческое сердце разорвать быстрее, чем копье»

Медленный нескончаемый день двигался вперед, никуда не прибывая. Эмили слышала, как Оси его скрипят, будто вращаться не хотят, ненавидя движение.

И никаких Времен Года, и ни Ночь, ни Утро. Это было Лето, вложенное в Лето, столетия Июней.

Она пребывала в бесконечном путешествии по Улице Эфира.

Эмили прожила вечность в Обители Лета. Простейший факт. Никогда не было Амхерста, Лавиньи, мамы, Сквайра, Карло — все они только плоды ее воображения. А вовеки существовали только не меняющийся ландшафт, ее спутники и стайка детишек.

Теперь их было шестеро: Аллен, Сильвия, Харт, Делмор, Энн и Адриенна. Закопанные в почву Земли их невежественными горюющими близкими, они, как прилежные личинки, прокопали ходы и вышли из своего кокона, дерна, в Обители Лета в прекрасных формах детства и с разумом,

прополоснутым Летой.

Не уставая, не нуждаясь ни в еде, ни в питье, дети, несомненно, шли бы без остановки к своему дальнему мистическому морю, если бы их не задерживали люди. Однако узы, возникшие между Алленом и Уолтом, все еще были крепкими, и дети останавливались, когда останавливались люди.

Во время таких остановок — все менее регулярных по мере того, как путешественники утрачивали связь с земными ритмами, дети образовывали безмолвный круг интроспекции. Эмили вспомнился нелепый сеанс в «Лаврах» — кольцо детей походило на тот фарс не более, чем Парламент походит на стаю галдящих ворон.

Что произойдет, когда к ним прибавится седьмой ребенок, предсказать не мог никто. Даже Аллен сказал, что не знает…

Эмили не представляла, что заставляет остальных продолжать эти безумные поиски спасения из загробного мира. Ею самой двигала только любовь к Уолту и мечты о том, какой может быть их жизнь по возвращении на Землю.

Эмили и ее Поманокский Покоритель не насладились другим свиданием после первого. Эмили сама не искала Уолта для второй «полуночной»

встречи, а он не пришел к ней. И очень хорошо. Даже по ту сторону смерти следовало соблюдать декорум. Эмили было довольно знать, что их неугасимая любовь все еще пылает подобно вулкану под поверхностью их дружественности.

Как багряно Огонь бушует внизу, как ненадежна кора. Откройся я, он населил бы благоговейным страхом мою уединенность.

Она испытывала жалость к остальным, лишенным такой опоры, и пыталась делиться с ними своей силой и бодростью.

Но в этот день — возможно, седьмой после их прибытия, возможно, семисотый, — среди истомленных путешественников не отыскалось бы и искры надежды.

Когда знакомый возглас Уолта вывел их из апатии, они еле побрели к месту реинкарнации, несмотря на ее решающее значение.

— Наше последнее утомительно безупречное дитя, — протянул Крукс, когда они окружили завершающего младенца травы. — Кто-нибудь уже услышал Трубный Глас?

Уолт смотрел на заново рожденного мальчика непонятным взглядом, с выражением непривычной тревоги на лице.

— Что-то путает меня там, где я думал себя

безопасней всего! Как может самая эта земля не занемочь, переполненная мертвечиной? Где гнусные жидкости, которыми она напитана? Если я проведу борозду моим плугом, он вывернет смрадную плоть! Каждый комочек этого перегноя прежде был частью больного, поколений пьяниц и обжор!

Уолт упал на колени и погрузил пальцы в почву.

— Самый ветер должен нести заразу!

Эмили поспешила к Уолту, опустилась на траву и обняла его.

— Уолт, прошу тебя! Ты нужен нам! Не поддавайся бреду… ради меня!

Мало-помалу рыдания стихли, и Уолт пришел в себя. Он встал и вытер выпачканные землей руки о штаны.

— Ну хорошо. Я не земля и не придаток земли. Я друг и спутник людей, таких же бессмертных и неизмеримых, как сам я.

— Гораздо лучше, — одобрила Эмили.

Пока Уолт переживал свой миг устрашающего сомнения в видимостях, мадам Селяви кругами приближалась к новейшему ребенку. Теперь, опустившись рядом с ним на колени, она спросила с сахариновой сладостью:

— Скажи нам твое имя, petit be be [194].

— Мое имя Езра…

И тут мадам Селяви завизжала:

— Слушай, Езра, черт проклятый! Ты вытащишь нас из этого ада, не то я снова тебя пришибу!

Ясновидица сжала горло ребенка обеими руками… И замерла, будто парализованная Гальваническими Силами.

Изо рта Езры раздался голос мадам, звонкий, как колокол унитариев:

— Мое имя — Мод Фрикетт. Я родилась у незамужней торговки рыбой на Фултонском рынке в Нью-Йорке. В семь лет я осиротела и жила на улицах, ночуя на ист-ривсрской барже. В десять лет меня изнасиловали матросы. В тринадцать я стала проституткой. В пятнадцать лет вдобавок стала карманницей и приторговывала джином. И накопила достаточно денег, чтобы в двадцать лет открыть свой собственный бордель. Когда полиция его закрыла, я сменила занятие. Я поселилась в Олбени как медиум. Вот где меня нашел Энди. Он думает, будто использует *меня,* но все как раз наоборот. Никто не использует старушку Мод! Никому на это ума не хватит. Все они лохи,

---

[194] Примечания: 194
младенчик (фр.).

все до единого, ощипывать их и ощипывать…

С невероятным усилием мадам Селяви отдернула руки от ребенка, прервав непроизвольную речь. Секунду-две она оставалась на коленях. Затем ее глаза закатились, и она рухнула наземь в глубоком обмороке.

Дэвис бросился помочь сокрушенной ясновидице, а следом за ним и остальные. Дети тем временем спокойно занялись Езрой, который тоже потерял сознание. После того как неподвижное тело мадам было бережно уложено между стреноженными страусихами, Крукс высказал вслух их общий вывод:

— Форма передачи мыслей…

Уолт выразил то же более поэтично:

— Ребенок возник и стал тем, на что бросил первый взгляд.

Дэвис возразил:

— Но вы же не верите, будто нелепая биография, которую изрыгал ребенок, имеет отношение к мадам Селяви? Это же явный пример случайного спиритического излияния неприкаянной души, наложившей себя на соединившиеся сознания Хросы и Езры…

Остин отмел оправдания Дэвиса: — Довольно, Дэвис. Даже если вы и правда слепы к уловкам

этой женщины, не ждите того же от нас. Вы и Мод, как теперь нам следует ее называть, ошибались во всем, что касается этого места. И не забудьте, как я застиг вас, когда вы готовили свою «идеоплазму» у меня на кухне! Господи, каким дураком я был, что принял ваши жалкие потуги объяснить! Видимо, мое горе свело меня с ума и ослепило! Дэвис сломался:

— Это правда! Помилуй меня Бог, это правда. Идеоплазма — это просто вата, намоченная в растворе разных солей и минералов, которые каким-то образом светятся. Но намерений прямого обмана у нас не было. Мод, каково бы ни было ее происхождение, наделена истинным даром. Мы просто искали помочь людям в их горе. И брали деньги только-только, чтобы обеспечить себе самую малую толику комфорта…

Крукс задумчиво подпер подбородок ладонью.

— Нам следует определить составные части вашего идеоплазмического рецепта, мистер Дэвис. Это поставит нашу экспедицию через измерения на более научную основу…

— Как ни интересны эти признания, — перебил Уолт, — и как ни полезно облегчить совесть, они имеют малое отношение к нашему безвыходному положению. Видимо, пока малыш Езра не очнет-

ся, дальнейшее развитие событий не ожидается. Не использовать ли нам этот промежуток для отдыха? Кто-то из нас должен будет следить за детьми…

— Я готов, — сказал Дэвис.

— Я останусь с вами, — сказал Остин. — Не хочу, чтобы меня еще раз обманули или надули…

— Мистер Дикинсон, уверяю вас…

— Прошу вас, избавьте меня от ваших уверений. Приступим к нашему бдению.

Они отошли на расстояние нескольких шагов от терпеливо ожидающих детей, которые сгрудились вокруг своего лежащего товарища. Остальные люди быстро поставили три палатки.

— Я буду внимательно следить за Мод, — сказал Крукс, едва все еще бесчувственная женщина была по его указанию помещена в его палатку. — Я кое-что понимаю в медицине и смогу оказать ей помощь. Я уверен, мисс Дикинсон будет рада не разделять свою палатку с такой пациенткой.

На этом все разошлись по палаткам.

Эмили беспокойно ворочалась. Как она ни старалась, ей не удавалось уснуть. Что произойдет, когда Езра очнется? Каким образом мистификация Дэвиса и Мод превратилась в мрачную реальность? Увидит ли кто-нибудь из них род-

ной дом, или все они умрут здесь, прежде впав в безумие?

Измученная и этими мыслями, и еще многими, Эмили решила поискать утешения и поддержки Уолта.

Она поднялась с тюфяка и покинула палатку.

У закрытого входа в палатку, которую делили Уолт и Саттон, Эмили заколебалась.

Наружу просачивался хрипловатый шепот:

— О камерадо рядом! О ты и я наконец-то, и только двое нас. Мои руки обнимают тебя, и мне довольно? Как? Не этим ли прикосновением я в трепете обрету иную личность? Пламя и эфир устремляются в мои жилы! Предательский мой кончик тянется помочь им. Расстегивая мои одежды, обнимая нагой мой торс, ведя себя со мной распутно, нецеломудренно сметая мои чувства! Вымя сердца моего роняет сладкое млеко! Отдели рубашку от моей грудины! Положи голову свою поперек моих бедер и нежно повернись на мне!

Генри Саттон засмеялся и ответил:

— Ну и трепло же ты, старичок! Но я тебя все равно люблю.

Тут все речи стихли.

Эмили, спотыкаясь, попятилась, закрывая лицо локтем.

Нет, этого быть не может… Она, наверное, ошиблась.

Из палатки донеслись несомненные звуки наслаждения, которые Эмили хранила в памяти с той ночи, когда сдалась Уолту.

Всплыл непонятно тревожащий образ ее школьных дней: древнегреческое изваяние двух нагих олимпийских борцов, экстатически переплетших мускулистые члены. *Познать Восторг через Боль, как Солнце познают Слепые! Вот Высшая из Мук! Вот воплощенье Горя!*

Слезы помутили ее зрение, Эмили устремилась в свое последнее убежище.

Откинув полу палатки Крукса, она была уже готова излить свои страдания, как вдруг ее чувства восприняли непристойное зрелище внутри.

Лжеясновидица как будто отчасти обрела сознание, подобно любителю поспать, высвобождающемуся из объятий Морфея, или томной распутнице. Верхняя часть ее одежды была спущена до талии, обнажив пышные прелести — по виду совершенно нормальные, нигде ни капли идеоплазмы.

Эти прелести неторопливо ласкал Крукс и не встречал никакого сопротивления.

— Только вообразить — простая уличная девка.

Да, ты мне не откажешь…

Эмили поперхнулась океаном желчи. Давясь, она отпрянула.

Ей хотелось кричать, но ее лицо словно обтянула мембрана, удерживая весь ужас внутри. Она помешалась или другие? И тут донесся крик ее брата:

— Быстрей! Дитя пробуждается!

Эмили слепо побрела на голос Остина. Если бы на ее пути оказался хотя бы камешек, она не дошла бы. Но трава не таила препятствий, она кое-как добралась до брата и упала в его объятия.

— Эмили, что случилось?

«За что?» — мучительный вопль Любви, который разбивает самые гигантские сердца, — вот все, что она сумела выговорить.

Прежде чем Остин успел продолжить вопросы, к их трио присоединились остальные четверо.

Крукс поддерживал одурманенную Мод, одна из грудей которой все еще оставалась обнаженной. На Уолте и Саттоне были только их нижние рубашки, к счастью, достигавшие коленей.

— Аллен, — окликнул Уолт, — что происходит?

Дети образовали кольцо. Внутри него воздух мерцал, словно вокруг идеоплазмичных трубок

«Танатопсиса».

— Теперь, когда мы целое, мы идем к морю, — ответил ребенок.

— Возьмите нас с собой!

Наступила пауза, словно дети совещались между собой. И затем:

— Хорошо. Войдите в круг.

Аллен отпустил руку товарища слева, разорвав кольцо. Медленно, зная, что выбора у них нет, люди прошаркали в круг.

Эмили подумала было остаться на месте, чтобы умереть в одиночестве. Однако в последнюю минуту она обнаружила, что ноги несут ее рядом с остальными.

Кольцо восстановилось.

Воздух вокруг людей словно зазвенел и завибрировал. Эмили подумала:

Есть утро в дали потаенной, узнай, где дети встречают свой Ангельский Май. Танцуют, играют, и льются их песни. Бывает ли праздник на свете чудесней? Круг на зеленом-зеленом…

Послышалось жужжание, ощущаемое только костями…

Люди и дети стояли на морском берегу.

Но это не был песчаный берег.

Колоссальный язык воды нежно облизывал

пологий травянистый откос.

А сама вода была зеленой, как весеннее яблоко, и нигде не морщилась, будто шелковый саван на трупе.

Моментальная переброска оглушила Эмили, как, видимо, и всех остальных. Слишком много всего произошло, слишком быстро. Ее ноги подкосились, и она упала на траву.

Дети построились в шеренгу лицом к океану.

Аллен обернулся к Уолту:

— Прощай, отец.

Возрожденные души вошли в море. Дно, видимо, круто уходило вниз. Всего в двух шагах от кромки воды они погрузились в нее по подбородок. Еще шаг, и вода сомкнулась у них над головами. Они исчезли.

Последняя надежда людей на спасение рухнула… Эмили почувствовала, как мимо нее кто-то пробежал. Это была Мод.

Подобно сомнамбуле, возможно, влекомая остатками своей крепчайшей связи с Езрой или же просто отчаянием, ясновидица бежала к морю.

Никто не успел ее остановить, и она вступила в воду.

Только два шага — и вода дошла ей до талии,

и платье вокруг нее заколыхалось, как колокол медузы.

Дэвис было бросился спасать свою партнершу, но Крукс решительно его остановил:

— Стойте! Или вы не видите, что происходит? Она не тонет — она растворяется.

Он не ошибся. Стоя там, где под водой скрылись лишь самые маленькие дети, Мод не могла бы погрузиться так глубоко. Более того: она стояла теперь неподвижно, но вода продолжала всползать по ней вверх! Вода неумолимо поглотила ее на глазах исполненных ужаса людей. Без каких-либо признаков страдания, с выражением неземного блаженства, женщина растаяла в объятиях океана, и вскоре только ее одежда осталась на поверхности тихой воды.

Дэвис вскричал: «Мод!» и рухнул на землю.

Эмили перенесла все мыслимые потрясения. Преданная, обманутая, лишившаяся самого дорогого, мысленно она теперь словно пребывала в какой-то холодной разреженности, точно птичка, которую буря занесла в верхние слои атмосферы, а она обнаруживает, что каким-то образом еще может дышать и летать.

Эмили хихикнула про себя, подавляя бурлящую истерику.

Раз к Морю спозаранку
Пришла с друзьями я…
Русалки из Подвала
Глазели на меня…
Прилив, а не Мужчина
Туфли моей коснулся…
Потрогал Юбки, Пояс,
К Корсажу потянулся…
И поглотил бы Он меня…
Как капельки Росы…

Одновременно с вторжением Мод в жадное море с равнины позади них будто в ответ донесся громовый рокот.

Остин поддерживал Эмили, а Крукс — Дэвиса, и так вшестером они поднимались вверх по склону, пока снова не оказались на плоской равнине с травянистым покровом. Только теперь некая зеленая Гора на среднем плане нарушала ее плоскость. Ее возможную высоту пока маскировал знакомый профиль.

Затем Гора поднялась выше пояса.

Заговорить осмелился только Уолт:

— Мы как будто разбудили кого-то…

Мгновение Гора восседала посреди Равнины

на своем колоссальнейшем троне. Взгляд ее был всепоглощающ, поиски — вездесущи…

И вот она узрела людей.

Гора поднялась на ноги и пошла.

И мгновение спустя уже нависла над членами экспедиции, погружая их в холодную тень.

Гора, заметила Эмили, была гермафродитом.

Разделенная по вертикали: ее левую сторону составляла обнаженная Эмили, правую — обнаженный Уолт.

Борода и одна грудь, составные гениталии — уж не их ли возрожденная великолепная душа, каким-то образом слившаяся в вечности? Или это всего лишь удобная личина для чего-то вне их понимания?

Эмили почувствовала непостижимую мудрость, исходящую из этой Гигантской Сущности. И Сущность эта, казалось, знала, зачем они здесь, казалось, охватывала все их жизни от начала до невидимого конца, примерно так, как человек может познать и охватить весь краткий век мухи-поденки.

И от Горы исходила жалость.

Затем Колосс протянул к ним ладонь, такую же огромную и зеленую, как амхерстовский городской Выгон…

В ушах Эмили раздался рев, будто моря. Что-то налипло на ее лицо. Где она? Что произошло?

Она зацарапала то, что ее душило, и сумела его содрать.

Это была газовая маска.

Эмили с трудом поднялась на ноги.

Она находилась на борту «Танатопсиса», каковое судно все еще торчало на своих колесах посреди травянистого городского пустыря, а с его носа все еще капало шампанское. Вверху простиралось милое сердцу голубое небо, а солнце стояло в зените, как в этот час ему и полагалось. Знаковые городские здания утешительно окружали их на прежних расстояниях. Из трюма доносилось приглушенное квохтанье страусов.

Куда громче был шум толпы, собравшейся посмотреть их отбытие. Теперь приветственные крики сменялись злобными:

«Давай начинай!», «Когда отплывете-то?», «Я видел, как они вроде задрожали, а потом опять оказались на месте!», «Поднять паруса, сухопутные крысы!», «Где призрачный ураган?», «Покажите нам скелетики!», «Отчаливайте либо проваливайте!».

Корабельные спутники Эмили теперь тоже были на ногах. И казались ошеломленными и

растерянными не меньше, чем она сама.

— О мертвецах я грезил, — сказал Уолт. — Странно это было, но теперь скрывается в тумане, все дальше, дальше…

Крукс сказал:

— Я тоже помню приключение, не поддающееся описанию. Причина только в эфире, или же это было…

— Обнял ли я моих малюток? — спросил Остин. — Ответьте мне кто-нибудь! Я не смогу вернуться к Сью, не зная…

— Где мадам Селяви? — спросил Дэвис с тревожной настойчивостью.

Теперь Эмили заметила, что медиум действительно исчезла.

Дэвис кинулся к борту и обратился к толпе:

— Кто-нибудь видел, как женщина покинула корабль? Отвечайте же, Бога ради!

«Я не видел» — «Значит, спрыгнула, раз ее на корабле нет» — «Думается, я видел, как она перелезала через борт» — «Эй! Теперь и я вроде бы припоминаю…» — «Угу, я видел, как она подобрала юбки и припустила» — «Не могла снести неудачи…»

Дэвис вернулся к остальным, устало потирая лоб.

— Просто немыслимо, чтобы Хрос скрылась… Но альтернатива… Невозможно даже подумать… Наверное, я найду ее в «Лаврах»…

Остин сказал сухо:

— Боюсь, вы более нежеланный гость там, мистер Дэвис. Как и мадам. Вся эта затея свелась к дорогостоящему и тягостному фиаско. Если вы не откажете любезно собрать ваши вещи, я буду счастлив оплатить ваш билет до Покипси.

— Уеду и я, — сказал Крукс. — Эта бесплодная вылазка в сторону от пути науки продлилась слишком долго.

— Мы с Генри тоже отправимся восвояси, — сказал Уолт. — Миллиононогие улицы Манахатты зовут меня. — Дюжий поэт обвил рукой плечи своего юного товарища, который улыбался с бездумным дружелюбием, словно просто погулял по кварталу. Затем Уолт повернулся к Эмили:

— Вы бы не подумали о том, чтобы отправиться с нами в Нью-Йорк, мисс Дикинсон? Хотя я не могу гарантировать вам легкий entree [195] в литературное общество, быть может, общество пишущей братии в Салуне Пфаффа придется вам по душе. И с небольшим везением это вполне

---

[195] Примечания: 195
Здесь: доступ (фр.).

может способствовать опубликованию ваших стихов…

Наконец-то приглашение, в чаянии которого она прожила долгие годы и от человека, относившегося к ней со всяческим уважением и восхищением.

Так почему же ее захлестнула волна отвращения?

Что-то, что она узнала, что-то об Уолте и юном Саттоне…

Нет, никакого воспоминания. Причина осталась неизвестной, но обостренное ощущение брезгливости сохранилось.

Эмили сказала холодно:

— Боюсь, мои понятия помешают моему легкому приобщению к крупам, в которых вы вращаетесь, мистер Уитмен.

Уолт грустно улыбнулся.

— Как вам угодно, ma femme.

И она чуть было не смягчилась. Но ее закованная в камень новоанглийская душа не могла разбить свои железные оковы.

Мужчины спустили трап, и путешественники сошли с корабля. На полдороге вниз Эмили увидела ждущую ее Винни и помахала ей.

Едва нога Эмили коснулась травы, как внезапно

на нее снизошло видение — четкое, подробное, всеохватывающее.

Она увидела свои будущие дни во всей их совокупности. Годы проходят без мужского общества, если не считать Сквайра и Остина. Она все больше и больше времени проводит у себя в комнате. Ухаживает за своим садом, ухаживает за своими родителями по мере того, как их здоровье все больше слабеет. Пишет письма, пишет стихи. Винни каким-то образом по-прежнему с ней, становясь все более озлобленной и вздорной. Ее собственная смерть со временем, ее тело вынесут из задней двери, понесут через луга…

А возрождение, о котором она грезила?

Откуда-то возник образ зеленого моря. Странно утешительный.

Печальными и одинокими будут эти годы, тянущиеся долго и холодно, однако не лишенные некоторой ледяной славы…

Это путешествие, пусть и не состоявшееся, явилось поворотным пунктом. И возвращения назад не было.

Что, если бы она искренне отвергла Уитмена и ею улещивания, когда он устроил первую серенаду под ее окном? Решительно повернулась бы к нему спиной, вместо того чтобы бегать за ним?

Облегчило бы это ее будущее?

Нет. Иначе она поступить не могла.

Но цена за то, чтобы узнать, кто она такая, выглядела довольно высокой…

За каждый миг блаженства
Страданьем платим мы
Трепещущей пропорцией
К экстазу самому.

Лет тягостная скудость
За каждый час чудес…
С трудом добытый грошик…
И Клады горьких Слез!

Рибофанк

Посвящается всем, разделявшим со мной генофонд и вносившим в него свою лепту, прямо или косвенно, ныне или присно. А еще — Деборе, моему товарищу и соэкспериментатору во всем, что касается биологии.

Биология исключительно хорошо усваивается. Она дает ряд широких экспериментальных обобщений, а затем позволяет согласовывать или устанавливать с ними связь бесконечно многообразных феноменов. Прожилки зародыша в яйце, нервные движения нетерпеливой лошади, уловки мальчика, занятого счетом, инстинкты рыбы, поганка на корне садового цветка и слизь на сырой приморской скале — десятки тысяч подобных явлений служат доказательствами и соответствующим образом освещаются. И эти обобщения не только захватывали своими щупальцами и собирали воедино все факты естествознания и сравнительной

анатомии, они всегда как бы распространялись все дальше на мир интересов, лежащих за их законными границами.
Герберт Уэллс. «Анна-Вероника».
Биология — естественная область противоречий, точно так же, как физика — область единства.
Фримэн Дайсон. «Бесконечность во всех направлениях».
Физика — это частный случай биологии.
Джон Касти. «Комплексификация».

Однажды в Телевизионном Городе

Ну чего вы, чуваки? Чего? Я ж не рыпаюсь, я паинька, так зачем же вы лазики на меня наводите? И не денусь никуда отсюда, ноль шансов — стоит ли меня сторожить, как помесь дикую?

Извини, чувак, паршиво слышу — у твоего летика движок слишком шумный. Как я попал сюда, интересуешься? Да просто залез. Ну, твой-то вопрос — легкий. А вот у меня потруднее найдется. Вот был я типа Кинг-Конг навороченный — был, да сплыл. Так как же, черт возьми, я теперь отсюда выберусь?

А ведь еще совсем недавно, в шесть часов самого что ни на есть рядового субботнего вечера, сидел я в метамолочном кафе под названием «Лачужка-развалюшка» и пенял на судьбу, имея на то оченно даже веские основания. Эх, до чего ж я измельчал — ни на ангстрем разницы между мною и силикробом. Ни чувы у меня, ни шайки, ни капу сты. И ноль шансов обзавестись либо первой, либо второй, либо третьей. От такой беды одно спасение — залить за воротник новейший токсомозгодрай из ассортимента старушки «Лачужки».

Так вот, стало быть, потребовал я у столика карту напитков. «Багий кисель», «коктейль-молот» — все старье. Только одно незнакомое пойло — «беспроблемин-супер». Заказал порцайку, и прибыла она в виде чашки молока, охлажденного и вспененного да присыпанного молотой корицей. С напитком я в два глотка расправился — прямо скажем, не фонтан, обыкновенная смесь синтепротеинов и нейротропинов, бульончик из длинных молекул, воплощенное представление какого-то биобрухо о рае в блистерной упаковке.

Короче, никакого эффекта, кроме ощущения, будто полость за глазами наполнилась ракетным топливом. И по-прежнему личные перспективы смотрятся ничуть не привлекательнее бритой крысиной задницы.

В том-то и беда, что подаваемые в кабаках тропы и строберы — детские игрушки. Хочешь ловить ядреный кайф, закидываться настоящей крутой дурью — прибивайся к шайке, и желательно, чтобы в этой шайке был лепила, гордящийся стерильностью своего инструментария. Подходящих банд много — я бы затесался к ферментам, или к баянистам, или в шайку Созвездие Кита, или на худой конец примкнул к орто.

Но, как уже сказано, не попал я ни в одну такую

«организацию», и нет надежды когда-нибудь попасть. Да и не больно-то стремлюсь, ежели честно. Слишком токсичны, на мой вкус, все эти гоп-компании.

И вот сижу я в баре, в черепушку будто жидкого кислорода под завязку налили, точно я — не я, а готовый к аварийному старту «Челленджер». И будущее свое вижу в еще более мрачных тонах, чем до того, как обнулил башлятник бесполезного пойла ради. Слизываю со стакана коричный ободок — и тут заходит не кто иной, как Касио, мой старый чувак.

Вообще-то Касио не старый, моложе меня, ему пятнадцать. Он тощий и бледный, и прыщей на нем побольше, чем на работяге с диоксиновой фабрики. Хотя мог бы и нормальную кожу иметь — если б не забывал регулярно мазаться эпикремом. Он носит в каштановых волосах несколько привитых нитей оптоволокна, щеголяет жилеткой из имиполекса, пузырящейся, точно грязевой вулкан, и дюжиной желейных браслетов на левом запястье.

— Диз, привет! — Мы с Касио стукнулись кулаками. — Как оно, твое «ничего»?

Касио тоже ни в какой банде не числится, но он по сему поводу озабочен меньше моего. Всегда

на подъеме, всегда счастлив, рот до ушей. Может, это из-за музыки — сколько помню Касио, без нее он ни шагу. Если чего-то по жизни не хватает — он это «что-то» всегда может найти в музоне. Ни разу еще не унывал при мне. Порой даже подмывает хорошенько врезать ему по довольной физиономии…

— Да не здорово, чувак. Жизнь пуста, как брюхо у тайваньского ребенка, что кишечный зет-вирус подцепил.

Касио придвинул стул к столику.

— С Шаки-то у вас как, все нормалек?

Я застонал. Дернул же меня черт нагородить приятелю вздора про свои отношения с Шаки! Не иначе, в тот злополучный день крыша моя не на месте была.

— Сделай одолжение, выброси из головы эту чушь!

Не было между мной и Шарлоттой ничего, усек?

Касио напустил на себя недоуменный вид:

— То есть как это — ничего не было? Ты же так убедительно доказывал, что теперь она — твоя чува…

— Нет, старик, ты все не так понял. Забыл — мы ж тогда здорово вмазали? Ну, и поперло меня…

Из жилетки Касио вылез длинный качающийся стебель, разросся в шар, рассосался.

— Да ты чего, Дез? Я ж и раньше знал. Только и разговоров во всем Тиви-Сити — про тебя да про Шаки.

У меня сердце раздулось, как бицепс метастероидного уродца, и в горло прыгнуло.

— О нет! Чувак, скажи, что это неправда!..

— Прости, Дез, не хотел тебя расстроить…

Ну, я попал! В аэрорыбью пену, да по самые ноздри!

Шаки — это подружка Турбо. А Турбо — вожак боди-артистов. Боди-артисты — самая крутая банда в Телевизионном Городе. А я — просто грязь между их вечно босыми пальцами ног.

Я отодвинулся вместе со стулом от столика. Что-то в «Лачужке-развалюшке» вдруг сделалось душновато. Ведь каждому известно, что я здесь завсегдатай.

— Касио, я прогуляться не прочь. Ты как?

— Ага, конечно.

Т-стрит — длинный бульвар, проходящий с севера на юг. Шириной он с бывший Парк Ужасов, что в Тиви-Сити считался главным пугалом. Бульвар протянулся от 59-й аж до 72-й и был набит гражданами-полноправами и недо-

гражданами-неполноправами, андроморфами и гиноморфами, кибами и трансгенами, и все ожидали урочного часа, апогея субботней ночи, когда зазвучит гимн города. К одиннадцати уже повсеместно будет искрить, мерцать и полыхать, но в такие ночи Тиви-Сити, весь залитый янтарно-красно-зелено-синим неонеоном, лично мне кажется малехо старомодным. А ведь мини-городу на берегах Гудзонова залива всего-то навсего тридцать лет, ничто по сравнению с возрастом остальных районов Нуэво-Йорка, однако он уже начинает сдавать. Я попробовал себя представить вдвое старше, чем я есть, — пожалуй, к тому времени и сам начну скрипеть суставчиками.

Впрочем, каракули, которыми уличное хулиганье покрывает все доступные плоскости, не дают городу хоть чуточку уподобиться любому другому. И пускай свежее граффити посыпают багами-краскоедами, не помогает это ни шиша — мазилки спешат по следам уборщиков и все восстанавливают. Мы с Касио миновали уйму таких лозунгов, вот лишь некоторые из них:

Если хочешь быть мужчиной, заимей конец с пружиной.

Мы не мастурбируем, мы мозги стро-

бируем.

Ты беден? Ты бледен? Ты съеден!

У сына Пса нет ни синапса.

Не надо позировать — надо дозировать.

Нет преград для разума, окромя маразма.

— Дез, а куда мы с тобой чапаем? — поинтересовался Касио, отстегнув, чтобы меня угостить, браслет.

— Да никуда конкретно, — ответил я, набив рот потоусваивающим симбионтом со вкусом земляники. — Так, похиляем по улицам, может, прикольное что-нибудь попадется.

При этом я задавался вопросом: стоит ли возвращаться домой? А ну как там меня поджидает Турбо со своей гопой, чтобы осведомиться, чего это я так разболтался насчет его пассии.

Вскоре мы набрели на какого-то чувака — он приткнул к обочине тачку с убранным верхом. Парень этот тыкал отверткой в керамическую панель энергозаправки, как будто надеялся ее починить!

— Малайская модель, сто тридцать две лошадки? — спросил Касио.

— Угу, — ответил парень хмуро.

— Говорят, дрянь страшенная, дерьма багьего не стоит.

Чувак от таких слов взбесился, замахал на нас отверткой:

— А ну, брысь отсюда, шпана недоделанная!

Касио сорвал с руки браслет, запустил им в незнакомца, крикнул мне:

— Ноги!

Мы рванули. За углом остановились отдышаться.

— Что это было? — спросил я.

— Да так, пустячок. Тухлые яйца и суперлипучка.

Мы чуть животы не надорвали от хохота. Потом пошли дальше. Пристроились на хвост двум гулам из Океанлага, судя по казенной одежке, только что к нам перебрались с островов для перемещенных лиц. Хотели развести лохов на башли, но у них такая дикая феня — даже не придумали, как подойти.

— Ну чего, теперь на джипни — и в фавелу?

— Нет, мон, сначала хочу хавануть рамена.

— Где надыбаем?

— А лапшемет закоротим.

— И — в зеки? Ты чего, компанеро, прикалыва-

ешься? Под мангу косишь?

Заметили жирнягу, потащились следом — надо же разобраться, мужчина или женщина. Облачено это чудо-юдо было в такие просторные шелка, что хватило бы на целый клуб парашютистов, а походочка — ну совершенно бесполая. Оно свернуло в шлемокайфятник на 65-й — наверняка там была назначена встреча с клиентом.

— Терпеть не могу жирняг, — сказал Касио. — Зачем набирать весу больше, чем для здоровья полезно, да еще если никто тебя не заставляет?

— А зачем ходить с угрями, если можно без них обойтись?

Касио, похоже, обиделся:

— Так ведь это, Дез, совсем другое. Я просто забываю про крем. Не нарочно же.

Мне сделалось перед Касио неудобно. Это ж мой единственный кореш, и он сейчас рядом, а ведь меня разыскивает Турбо, и коли разыщет — влететь может не только мне. А я себе позволяю такие грубые приколы!

Я обнял Касио за плечи:

— Прости, чувачок. Давай будем считать, что я ничего не говорил. Стерли, ладно? У тебя башли есть?

— Есть маленько…

— Ну, так пошли потратим! С того, что тратишь, налогов не платишь, верно же? Махнули в клуб «ГаАс»!

Касио повеселел:

— Давай! Там всю ночь «Не врозь» играет. Может, Джинко даст мне полабать.

— Козырно звучит! Айда.

Над нашими головами проносились на своих летиках нейромусора — и частные, и муниципальные; даже с такой большой высоты турбореактивным выхлопом нам обдувало шеи. Чувак стоит в летучей клетке, рука в перчатке сжимает палочку-пришибалочку, на морде — «совиные зенки». Порхает этакое чучело над Тиви-Сити, высматривает, где какое безобразие или несообразие намечается, и коршуном вниз — не допустить или устранить. Если поступит команда от градонадзора, то и шокер свой паскудный в ход пустит, и даже лазерную трубку.

Клуб «ГаАс» занимал энную часть миллиона квадратных футов в здании, вмещавшем некогда старинную телевизионную сеть, от которой Тиви-Сити унаследовал название. С тех пор, как метамедиум поглотил свободные телеканалы, домина стояла необитаемой. Клуб «ГаАс» не в счет — он ведь не платил за аренду.

Мы дали в дверях на лапу хмурому анаболическому качку и прошли.

В клубе «ГаАс» имиполексные стены — они корчатся, как жилетка Касио, биоморфные рябь и усики так и пляшут.

Было еще совсем рано, около восьми, на эстраде только что разместился «Не врозь». С Джинко я встречался лишь однажды, но сейчас сразу узнал его, несмотря на зеленую кожу и листовую шевелюру. Касио поднялся к нему побазарить, а я сел у стены за столик и заказал пивчик-живчик.

Ко мне вернулся Касио:

— Прикинь, Джинко разрешил мне сесть за мегабасы!

От пива я расслабился, даже почти забыл про свои проблемы.

— Козырно, чувак. Глотни-ка живчика — бабульки-то твои.

Касио сел рядом, и мы с ним побазарили, точно в старые добрые времена, когда мы — сопляки, школьники — трескали свои порцайки мнемотропинов, как хорошие маленькие нарики.

— А помнишь, кто-то в учительской столовке подлил в компот «мартышку-шалунишку»?

— Ага. Столько преподов резвились, ну точно базобезьяны в брачный сезон — умирать буду,

вспомню. Миссис Спенсер, та вообще к потолочным балкам прыгала…

— Эх, молодость, молодость!

— Дез, а я ведь моложе, чем ты. Мне тогда было одиннадцать, тебе — двенадцать.

— Да, Касио, но те дни уже стерты. Мы теперь взрослые, и у нас большие взрослые проблемы.

И стоило изречь эту мудрую сентенцию, как все проблемы снова на меня нахлынули, словно океанские волны на измененный Лос-Анджелесом калифорнийский берег.

Касио мне сочувствовал, это было видно, но вряд ли мог чем-нибудь пособить. Поэтому встал и сказал:

— Ладно, Дез, пойду-ка я поиграю.

Он отошел на несколько шагов, а затем скакнул обратно, будто его задницу и столик соединяла резинка. Впрочем, вовсе даже и не будто.

— Постой-ка миллисекундочку, — сказал я. — Жилетка твоя со стенкой спарилась. — Я вынул карманный лазик и перерезал отросшую от стены псевдоподию.

— Спасибо, чувак, — поблагодарил Касио и отчалил.

А я остался сосать пивчик-живчик и ждать, когда подготовится «Не врозь». И вот наконец

шлейфы размотаны, проверены мегабасы и другие инструменты, все лабухи переоделись в хитовые костюмы, и грянула оригинальная композиция «Эфферентная Элли».

Через сорок пять минут и еще два пива, с похвальной чуткостью заказанного для благодарного друга оркестра, я вышел на оптимальный даунлинк с Касио и чуваками из «Не врозь». Чувствовал, как пузырится во мне музыка, точно какой-нибудь звуковой троп. Я постукивал ногой, покачивал-потряхивал головой, будто в спазмах, будто на нервах вдруг миелин растворился; до того заторчал, что даже не заметил, как меня окружила шайка Турбо.

Когда закончилась очередная тема и у меня прояснился взгляд, нарисовались все они: Турбо, его чувиха Шаки, обнимавшая его за талию, Джитер, Хек, Пабло, Мона, Вел, Зигги, Перец, Ворота, Зейн и уйма других — я даже кличек их не знал.

— Ка-ка-как ваше «ничего», чуваки? — спросил я.

А они молчат, физии каменные, как у дешевого тьюринговского робота первого уровня с барахлящими контурами мимикрии. Что до меня, то я пальцем не мог шевельнуть от страха. Мог только смотреть.

Все боди-артисты были голые, если не считать спандексовых ремней — и у пацанов, и у девчонок. Это для обеспечения требуемого экстеро— и интерорецепторногс ввода. Кожа в пятнах коричневого загара — на манер жирафьей шкуры. Тела стройные, поджарые. А мышцы до того рельефны — хоть анатомию по ним изучай.

По чью душу они сюда явились и с какой целью, не было для меня вопросом. Боди-артисты — первая банда в Тиви-Сити. Самая сильная, самая коварная, самая навороченная свора мозгостроберов из всех свор, которые когда-либо бегали по тросам или лазали по столбам. Да с кем их вообще можно сравнить? С векторами? Это жалкая кучка чмошников, тратящих свою жизнь на сон в матпространстве. (Я не верю хвастливым утверждениям будто они способны исчезать в четвертом измерении.) С хард-и-нейро? Шизанутые мясорубки, негативы своих соперников евнухов. С даонами? Ребята неплохие, но я не разделяю некоторые их взгляды. Писать в штаны и называть это сатори, гм… Со слюнявчиками? Нет, вечное детство — не перспектива. С ампутаторами? Отрубать от себя куски и снова их приращивать, чтобы убедиться в своей нечувствительности к боли? Ну-ну… Стройняшки?

Толпа ходячих скелетов. Голобезьяны? Нет уж, и так одни мартышки кругом, не подписываюсь. Юные патриутки? Еще чего, больно охота всю жизнь нырять в расовую память!

Нет, если кто и способен переплюнуть боди-артистов за те же денежки, так это лишь адонисы или сапфо, но у них в черепушках такие баги ползают, что и представить нельзя — от ужаса напрочь рецепторы заблокируются.

Ну, зато вам-то не сложно представить, как я себя чувствовал в фокусе недоброго внимания боди-артистов. Эх, если бы ребята явились сюда, чтобы зазвать меня в свою компанию!.. Но ведь у них другая затея — выпустить мне потроха…

«Не врозь» грянул новую тему. Касио увлеченно наяривал, все на свете забыв; в мою сторону он даже не косился. А если бы покосился и понял, что происходит, то ничем бы не смог помочь.

Турбо с картинной грацией сел напротив меня, усадил Шаки к себе на колени.

— Ну что, Дез, — произнес он холодным, как сверхпроводник, голосом, — ходят слухи, что ты теперь у Шаки тайный любовничек?

— Что ты, Турбо, ни в коем разе! В этой мессаге — ни единого слова правды! Клянусь!

— Да я тебе верю, чувак, — ухмыльнулся Турбо,

и они с подругой перевились туловищами, как две спирали ДНК. — Для такого ультрамачо, как ты, наша Шаки недостаточно клевая.

Посмотрел я на Шаки — и встретил взгляд, полный равнодушия. Возникло такое чувство, будто я авокадовую косточку проглотил. Шарлотта Тэч — суперклассная цыпочка камбоджийско-гавайских кровей, ее предки иммигрировали в Тиви-Сити, когда япошки создали Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сообщество и всех бывших граждан прогнали взашей из прекративших свое существование государств. У нее зеленые глаза, точно лампочки дисководов, и аппетитные грудки цвета крепкого чая.

Оглядев меня с ног до головы, она принялась любоваться собственными ногтями. А потом, не шевельнув ни единым мускулом (по крайней мере, если и шевельнула, я этого не заметил), она громко, перекрывая музыку, щелкнула каждым суставом каждого пальца.

Я проглотил скользкую косточку и проговорил:

— Нет, Турбо, она для любого клевая!

Турбо наклонил голову к Шаки.

— Так-то оно так, Дез, но есть одна проблема. Шаки с любым не ляжет. Она даже ни с кем из

боди-артистов не ляжет, кроме меня. А если ты попробуешь на нее залезть, она запросто отщипнет тебе яйца. Усек?

— Да усек, конечно, усек.

Турбо свинтился с Шаки.

— Ну что ж, с этим мы разобрались, но остался другой вопрос: что нам делать с великим умником, который вздумал трубить на весь свет, что он терся с боди-артисткой?

— Турбо, только давай без фуфла! Ничего я такого не…

— Заткнись, я думать буду.

Пока Турбо думал, все его мышцы шевелились — как будто под кожей ползали змеи.

Выгнав из меня шлаки вместе с потом, Турбо сказал:

— Полагаю, честь нашей организации будет спасена, если мы тебя затащим на мост Джорджа Вашингтона и…

— О, радиационные отходы! Турбо! Чувак, кореш, ну что ты, в самом деле?! Какая необходимость…

Турбо поднял ладонь, заставив меня умолкнуть:

— Но нас могут замести экомусора — за сбрасывание дерьма в реку.

Все боди-артисты от души поприкалывались над этой шуткой. Я пытался поржать заодно, но вышло только жалкое «хи-хи-хи».

— А с другой стороны, — кисть и предплечье поднятой руки Турбо описали дугу в двести семьдесят градусов — в той же плоскости, где находилось плечо, — если хочешь стать боди-артистом, то знай: твоя кандидатура всегда была в списке, даже когда ты разбрасывался своими дурацкими похвальбами.

— Ой, правда?! Турбо, да! Я согласен! Ты даже не представляешь, как я…

Турбо вскочил на ноги, да так резко, что Шаки кубарем покатилась через весь клубный зал.

— Джитер, Хек! Будете эскортировать кандидата. Эй, все! Возвращаемся в сеть!

Мы вылетели из клуба «ГаАс», как пробка из бутылки с шампанским. У меня кружилась голова, точно польская космическая станция. Я с боди-артистами! Просто не верится! И плевать, что я не знаю, куда лежит наш путь. Пускай даже они меня втянут в авантюру и до конца жизни придется штрафы платить! Я не рыпаюсь, я — паинька!

Город мне теперь казался воплощенной психоделической сказкой, порождением буйной фантазии голобрухо. Средиземьем, Волшебной

Страной, Небесами Обетованными. А воздух-то до чего холодный! Как робопаранейроны на моих голых руках.

Мы двигались на восток, к прибрежному парку. Я вскоре не выдержал бешеного темпа, приотстал. Но Джитер и Хек вернулись, подхватили меня под руки, и мы понеслись дальше.

Вскоре очутились среди деревьев. Бежали по безлюдным аллеям под грязными натриевыми лампами. Справа тянуло запахом Гудзонова залива. Над головами ревели турбинами полицейские, но до нас им, похоже, не было дела.

Наконец мы остановились в темном местечке, под неработающим фонарем. Последние полмили Джитеру и Хеку приходилось меня нести; я еле дышал, а никто другой даже не запыхался. И вот я снова на ногах.

Кто-то нагнулся и потянул кверху металлический люк со сломанным замком. Боди-артисты спустились один за другим. Я, волнуясь, точно ребенок, впервые в жизни закидывающийся тропом, тоже полез вниз, зажатый с боков Хеком и Джитером.

Тиви-Сити занимал сотни акров земли, которая раньше полого спускалась к Гудзонову заливу. Восточная половина Телевизионного Города бы-

ла построена на твердой почве, а западная стояла на огромной платформе, возведенной над путями для магнитолевитационных поездов транспортной компании «Конрейл».

Спустившись на пятнадцать ступенек, я увидел подбрюшье Тиви-Сити в свете нескольких заключенных в защитные клетки ламп: ржавое созвездие заклепок в чешуйчатом стальном небе. Лестница уперлась в двутавровую балку шириной с мою ладонь. Я осторожно сошел на нее, но отпустить лестницу не рискнул. Поглядел вниз.

Там, в сотне футов, бесшумно делал сто восемьдесят миль в час освещенный поезд.

Я полез назад.

— Ты куда это, чувак? — поинтересовался сверху Хек.

— Обратно… А разве мы не?..

Я возвратился на двутавр, сделал два вихляющих шажка в манере слюнявчика, осторожно лег и обвил железя-ку руками и ногами.

Хек и Джитер не уговаривали меня подняться. Как бежали бок о бок, так и дальше побежали, буксируя бедолагу Деза точно вагон по монорельсу. Мне оставалось только закрыть глаза и молиться.

Наконец я почувствовал остановку. А затем

меня подняли, словно куль. И в следующее мгновение отпустили. Я в ужасе прикинул, сколько лететь до земли или проходящего поезда, и каков будет удар в ощущениях. Если выживу — запросто можно будет в ампутаторы подаваться.

Лететь, как выяснилось, надо было считанные футы. До сети. Я врезался в нее, и меня подбросило. Несколько раз качнуло. Дождавшись неподвижности, я осмелился раскрыть глаза.

Боди-артисты находились здесь же — кто стоял, кто лежал в хитросплетении тросов из углеродного волокна. Каждый великолепно сохранял равновесие. С красивого лица Турбо не сходила улыбочка пожирателя радиационных отходов. — Добро пожаловать в сеть, кандидат. А ты не так уж и плохо держишься. Знавал я чуваков, которые в обморок падали, когда впервые оказывались на нашей лесенке. Сейчас мы двинем дальше, не отставай.

И боди-артисты помчались по сети. Им каким-то образом удавалось координировать и компенсировать сотни самых разнонаправленных импульсов; каждый шаг делался стремительно — и безошибочно. Как аэросерфингисты, они взлетали на гребни волн движения друг друга.

Что же до меня, то я ухитрялся как-то переме-

щаться, в основном на четвереньках.

Мы достигли платформы, прикрепленной к одному из гигантских столбов, подпирающих город. И там боди-артисты взялись за дело. То есть за ширяние крутой дурью.

Я и не подозревал о том, что Зигги — лепила у боди-артистов. А теперь вижу, как он шарится среди хромоварок и аминорезок, точно рыба в ухе, и ясен пузырь: не кто иной, как этот биоб-рухо, поддерживает огонь в нейротопках моих новых корешей.

Пока Зигги трудился, мне оставалось только наблюдать, как трутся Турбо и Шаки. Понятное дело, они это специально для меня устроили, захотели сыпануть песочку в мои дюзы. Но я старался давить в себе чувства. Даже когда Шаки… Ладно, не буду описывать подробно, скажу лишь одно: такая поза в человеческом исполнении — это нечто из разряда невероятного.

Наконец пришел Зигги с чашкой неразбавленного багьего киселя.

— Отведай, чувачок, — проговорил он с гордой улыбкой творца, — чтобы маленько получше представлять себе, каково это — быть боди-артистом.

Смаковать неразведенный кисель не хотелось,

поэтому я вылакал единым духом. Но даже от послевкусия едва не вытошнило.

Через полчаса я уловил перемену.

Я встал и двинулся по сети. Турбо и остальные принялись дергать тросы — кверху и книзу.

Но я удержался на ногах. Даже поднял одну. А потом встал на руки!

— Наш пацан! — саркастически произнес Турбо. — Мне и невдомек было, что ты такой козырный. Мы тебя ведь лишь самую малость подкрепили — экстеро, интеро и проприо. Ну, еще добавили миофибриллового усилителя и кой-чего для вывода токсинов усталости. И все это недолговечно, как любовь шлюхи. А сейчас — дуй за мной!

Турбо помчался по сети, я — вдогонку.

— Больше никто? — спросил я.

— Нет, Дез, только я и ты — верные кореша.

Мы спустились на землю. Я, когда без посторонней помощи чесал по двутавру, казался себе владыкой мира.

И снова мы промчались по улицам Тиви-Сити. В этот раз я без труда держался вровень с Турбо.

Впрочем, может быть, он просто не спешил, хотел, чтобы у меня создалось ложное ощущение безопасности. Я решил приглушить восторг и

вести себя осмотрительнее — если получится.

Но вот мы остановились на южной границе Тиви-Сити. Перед нами высилась самая высокая хаза Нуэво-Йорка — сто пятьдесят этажей из стали и органобетона.

— Нам предстоит небольшое восхождение, — сообщил Турбо.

— Чувак, да за кого ты меня держишь? За Кинг-Конга навороченного? Стенка — зеркало!

— И так, и не так! В этом-то и прелесть старых постмодернистских зданий. Блеск нас замаскирует, а зацепок и опор тут достаточно, полезешь — убедишься.

Он взлетел по водосточной трубе на следующий этаж. Слишком резво — мне не угнаться.

Но зато я мог просто следовать за ним! Прикиньте, чуваки, мне это удавалось. Я сбросил обувь и полез за Турбо. Врать не стану, было страшно, но я словно обезумел, в экстазе был, витал в своей собственной микрогравитации.

Первые пятьдесят этажей сдались легко. Я карабкался за Турбо, смотрел, как он выбирает опору за опорой, и делал так же. Когда он улыбался мне, я улыбался в ответ. Даже смекнув, что он просто прикалывается.

Одолев треть пути, мы остановились отдохнуть

на широком уступе. Вниз я не смотрел — хоть и приобрел великолепное чувство равновесия, все равно взгляд с такой высоты — что пригоршня песка в дюзе.

Площадка примыкала к освещенному окну, мы прилипли к стеклу и увидели робота-уборщика — он сосредоточенно пылесосил ковер. Мы постучали, но робот даже звукоулавливателем не повел. И тогда мы полезли дальше.

Достигли срединной отметки, и началось! Я подустал, торможу, а Турбо, наоборот, прибавил прыти. Я карабкаюсь, а он шастает вокруг белкой, корчит рожи да по заднице меня шлепает:

— Скоро ты сорвешься, Дез. Я тебя сюда специально затащил. Пальцем не тронешь Шаки, никогда в жизни не тронешь, усек? Так шмякнешься — ни хрена от тебя не останется, на молекулы разлетишься.

И тому подобное. Я внешне никак не реагирую, знай себе лезу. И тогда он говорит:

— Слышь, Зигги наш слабоват на голову сделался в последнее время. Мнемотропы забывает принимать.

Может, по рассеянности не рассчитал срок действия твоей дозы? Вот обидно-то будет, если ты сейчас скиснешь!

— Лажа! Ты меня разыгрываешь! — Я инстинктивно закрутил головой — а ну как Турбо тянется, чтобы схватить меня, оторвать от стенки, сбросить!

Он был ниже, висел головой вниз, зацепившись пальцами ног за край уступа.

Я увидел землю.

Подо мной раскинулся Тиви-Сити, он здорово смахивал на свою модель в одну сотую натуральной величины, такие в голостудиях можно увидеть.

Я замер. И услышал, как ломаются мои ногти.

— Что такое, Дез? Никак, скис?

Меня привел в чувство издевательский тон Турбо. Я не хочу падать! Не хочу слушать его токсичный смех, пролетая все эти десятки этажей!

— Наперегонки до самого верха, идет? — спросил я.

Тут он малость сбавил гонор:

— Незачем, чувак. Как лез, так и лезь. Только не пробуй одновременно схватиться за две зацепки.

Я и не пробовал — еще семьдесят пять этажей.

Крыша здания была украшена шпилем, окруженным узеньким помостом с перилами.

Я из последних сил пролез под перилами и сел, свесив ноги. Но мне происходили перемены, я

это уже чувствовал, потому не удивился, когда Турбо сказал:

— Теперь уже точно все выдохлось, Дез. Я бы на твоем месте и думать забыл насчет спуска этим же путем. Да и мусора скоро явятся. Малолеткам за такие дела сроки пустяковые дают, через год откинешься, главное, будь паинькой и не рыпайся. А как выйдешь на свободу, заглядывай к нам.

И нырнул вниз головой, да еще напоследок вильнул мне задницей!

Ну а теперь я еще раз свой вопросик повторю. Я уже не Кинг-Конг навороченный. Как же, черт возьми, я отсюда выберусь?

Работяжка

Только что Работяжка спала — а в следующий миг сна ни в одном глазу. Одетая лишь в простенькую бежевую безрукавку, она поднялась с красно-черного узорчатого коврика перед дверью спальни на босые ноги, потянулась. Мистер Майкл — она это чувствовала — еще спал. Мистер Майкл очень много работает, ему необходимо отсыпаться. А вот Работяжка всегда встает рано, потому что ей надо много сделать по хозяйству. Если сегодня мистер Майкл поедет в офис, то она сможет там урвать часок сна. Но по утрам Работяжка всегда просыпается раньше мистера Майкла. Потому что такова ее служба.

Однако этим утром она не спешила покидать лежку. Этим утром пахло как-то необычно. Трепещущими ноздрями она потянула воздух. Беспокоящий запах проникал в коридор из спальни мистера Майкла. Может быть, в этом нет ничего плохого, но… кто его знает. Постучать или как-нибудь иначе разбудить мистера Майкла Работяжка не имела права. Впрочем, он и сам должен скоро подняться — у него очень плотное расписание. Может быть, тогда и выяснится, что

это за запах. А может, и не выяснится.

Работяжка убрала за уши недлинные прядки бурых волос, привела в порядок шерстку на лице, вылизала под мышками — вот и весь утренний туалет. Теперь можно спуститься в кухню. Чтобы туда попасть, первым делом надо пройти длинным коридором. Там пол из мрамора с прожилками, по нему тянется длинный ковер с восточным узором. В каменных стенах — витражные окна. На востоке горит солнце, оттуда через стекла проникают лучи, рисуя на ковре разноцветные узоры. Работяжке нравятся эти узоры, потому что они напоминают мазки мармелада на поджаренном ломтике хлеба. Гренок с мармеладом — любимая еда Работяжки. Каждое утро она заказывает ее пищевому аппарату, лишь изредка берет яйцо, чтобы у меха не пропадал глянец. Сегодня она попросит гренок с мармеладом. У нее есть привилегии, и одна из них — есть то, что ей нравится. Когда она здесь поселилась, мистер Майкл так и сказал: «Работяжка, ты можешь заказывать пищевому аппарату все, что захочешь». И таким правом надо гордиться! В Училище приходилось есть, что давали тренеры. А мистер Майкл ей доверяет.

За следующей по коридору дверью находи-

лась спальня, принадлежавшая жене мистера Майкла.

Работяжка собиралась миновать эту дверь без остановки, но вдруг услышала подозрительный шум: ритмичные стоны, размеренное кряхтенье и какие-то регулярные глухие толчки. Она догадывалась, что это за звуки, но любопытство подсказывало: надо все же проверить.

Тяжелая дверная ручка из золота имела форму свернувшегося кленового листа. Над этой ручкой располагался пультик современного замка, а под — старомодная замочная скважина. К ней-то и приникла Работяжка карим оком.

Так и есть! Подложив под живот зеленую плюшевую подушку, на кровати лежит супруга мистера Майкла, сзади пристроился ее новенький андроморф, потомок бычьего племени. Пахнет смесью мужского и женского пота, а еще смазкой.

Работяжка при виде этой картины расстроилась. Нет, совсем не такая жена нужна мистеру Майклу. Оторвавшись от замочной скважины, Работяжка двинулась дальше по коридору.

Вот и конец ковровой дорожки, дальше — широкие ступеньки винтовой лестницы. Босым ступням холодно на голом мраморе — Работяжка

спустилась бегом, На первом этаже она сначала пересекла большой вестибюль с бюстами на постаментах и растениями в кадках, с картинами в позолоченных рамах. Дальше — огромный салон, здесь принимают важных гостей и устраивают собрания-заседания. Кабинет мистера Майкла — стеллажи с книгами, массивный ореховый стол, плазменный экран во всю стену. Еще несколько комнат — и она в кухне, сияющей кафелем и хромом.

Обычно по утрам кухня пустовала. Правда, в дни официальных приемов тут спозаранку кипела деятельность, приглашенные повара готовили мудреные блюда, которые пищевому аппарату не закажешь. Работяжке не нравилось бывать на кухне. В такие дни она вообще не любила отклонений от распорядка. Хорошо, что сегодня — самое обычное утро.

Она подошла к пищевому аппарату.

— Пищевой аппарат, сделай мне гренок с мармеладом.

— Закончился хлеб, — ответила машина.

Закончился хлеб? Но ведь Работяжка настроилась на гренок с мармеладом! И хлеба еще вчера было много. Куда же он подевался?

— Почему закончился хлеб? — спросила она.

— Ночью жена мистера Майкла отдала хлеб Быку. У меня было три буханки. Все три буханки съел Бык. Вот почему больше нет хлеба.

Значит, это из-за жены мистера Майкла Работяжка сегодня осталась без гренка! Ее хлеб скормлен андроморфу!

— В десять утра начнет работать доставка хлебобулочных изделий, — сочувственно подсказал пищевой аппарат.

— До десяти утра я уеду вместе с мистером Майклом.

Меня не будет в десять утра дома. Надо съесть что-нибудь другое. — Работяжка подумала и решила: — Сделай мне кашу из кукурузных хлопьев, сверху — ложка мармелада.

— Мармелада нет. Бык и его съел, вместе с ореховым маслом.

У Работяжки непроизвольно сжались кулачки. Что за утро! Сначала этот запах из комнаты мистера Майкла, а теперь… Ей не нравились сбои в распорядке дня. Ладно еще — когда в доме повара, но ведь сегодня поваров нет…

— Тогда я съем яйцо, — сообщила Работяжка.

— Заказ принят, — отозвался пищевой аппарат.

— Может, и мармелад есть? Хотя бы на одно

яйцо?

— Мармелада нет даже на одно яйцо.

— Тогда я съем яйцо без мармелада.

Работяжка села за стол с металлическими ножками и белым кафельным верхом. Пищевой аппарат выдал яйцо, Работяжка его съела и тщательно слизала с блюдца желток. У меха сохранится лоск, но ведь яйцо не такое вкусное, как мармелад.

Работяжка распорядилась, чтобы пищевой аппарат приготовил завтрак для мистера Майкла и его жены и накрыл стол в южной столовой. После этого она по коридорам и подсобкам сама прошла в южную столовую.

Там уже находился мистер Майкл, сидел за длинным полированным столом, читал газету, потягивал кофе.

— Доброе утро, — поздоровалась Работяжка.

— Доброе, — мрачновато отозвался мистер Майкл.

Работяжка содрогнулась: да что же это за день такой!

Мистер Майкл просто на себя не похож. Он слишком много трудится, подумала Работяжка. Слишком о многом ему приходится думать. Всё государственные дела — на свои просто времени

не остается. Мистеру Майклу надо бы побольше заботиться о собственном здоровье.

Работяжка свернулась клубочком в его ногах, рядом со столом — отсюда ей будет видно все происходящее.

Прибыл завтрак. Жена мистера Майкла не пришла вовремя, тем не менее он приступил к еде.

Только когда чудесный бекон по-канадски, яйца всмятку и вареная на пару рыба остыли, жена мистера Майкла появилась в дверях.

Одета она была для поездки по магазинам: цвета слоновой кости пиджак — спереди коротко, сзади фалды аж до колен; голубая шелковая блузка, светло-желтая юбка, отороченная лентой с узором из тюльпанов. Чулки цвета голубой металлик, кремовые туфли на высоком каблуке. Дорогие духи не могли укрыть от чуткого носа Работяж-ки запахи недавнего совокупления.

Жена мистера Майкла осторожно — как будто у нее что-то болело — уселась и принялась лениво ковыряться в тарелке. Некоторое время оба молчали. Потом мистер Майкл отложил газету — захрустевшую слишком громко для ушей Работяжки — и сказал:

— Сегодня из Вашингтона приедут важные люди. Захотят познакомиться с тобой.

— Какая скучища! И в котором же часу я должна их ублажать?

Мистер Майкл процедил, явно сдерживая гнев:

— В два.

— Попробую успеть.

Гнев вырвался:

— Уж попробуй! И попробуй только не успеть! Ты моя жена, и у тебя есть обязанности перед государством, точно так же, как и у меня.

— Никто меня не назначал на должность жены премьер-министра!

— Сама себя назначила, когда вышла за меня замуж!

И не спорь! Ты прекрасно знала, что я могу стать премьером, рано или поздно. Да черт побери, разве я многого от тебя требую? Изредка присутствовать на официальных мероприятиях. Думаешь, мне легко? Управлять целым континентом — по-твоему, пустячное дело?

— Ты рвался на эту работу. Я — нет.

Мистер Майкл сложил на груди руки, словно боялся, что они натворят бед. Исполненная сочувствия Работяжка сжала кулачки.

— Давай не будем ссориться. Постарайся к двум подъехать в министерство.

— Хорошо, я пронесусь по магазинам галопом.

— Вот и прекрасно. Ценю. — Мистер Майкл опустил взгляд на Работяжку: — Пора ехать. Окажи услугу, принеси мой брифкейс. Я его оставил у кровати.

— Я принесу брифкейс. Где вы будете меня ждать?

— На крыльце. Да, и машину туда подгони.

— Я подгоню машину, — пообещала Работяжка.

По пути к гаражу она обдумала услышанный в столовой спор. И утвердилась в мысли, которая в первый раз пришла наверху, у двери в спальню: эта женщина недостойна быть супругой мистера Майкла.

В гараже Работяжка подошла к роскошной машине — спортивный фасон, минимальный дорожный просвет, плавные линии корпуса.

— Мистер Майкл желает, чтобы ты его ждала у крыльца.

— Я открою ворота гаража. Проеду по дорожке до ворот ограды. Когда и они отворятся, я обогну дом и остановлюсь перед входной дверью.

— Правильно.

Машина завела керамический двигатель и открыла ворота гаража. Работяжка вышла. Вернулась в дом, поднялась по лестнице для прислуги

на второй этаж, в коридор и приблизилась к двери в спальню мистера Майкла.

Дверь была растворена нараспашку.

И комната не пустовала.

Работяжка вошла и застыла как вкопанная — на кровати, среди скомканного белья, в томной позе лежала гиноморф. Заслышав шаги Работяжки, она открыла глаза.

— Здравствуй, — сказала гиноморф. — Я гетера, модель Поэтесса. Хочешь, я тебе спою?

— Нет, — ответила потрясенная Работяжка. — Я не хочу, чтобы ты мне пела. Я хочу знать, что ты здесь делаешь.

— Я теперь собственность мистера Майкла. Он меня купил и доставил сюда. Хочешь узнать мою родословную?

— Нет.

— Все равно изложу. Я составлена из пяти биологических видов, плюс три процента человеческих генов.

Строение скелета — от приматов, этим обеспечено изящество и кажущаяся хрупкость. Вешу я всего-навсего сорок килограммов. Мускулатура — от семейства кошачьих, кожа — производная от шкуры серны. Мозг создан на основе мозга норки. Индекс вагинального сокращения — де-

вяносто. Феромоны подобраны специально для возбуждения мистера Майкла.

Гиноморф соблазняюще задвигала руками и ногами, слегка выгнула спину, приподняв лобок. Работяжка возмущенно смотрела, в голове царил сумбур.

— Я сделана из двенадцати биологических видов, — нашлась она наконец.

— У меня сто, сорок, восемьдесят, это в сантиметрах, — сообщила Поэтесса. — А у тебя какие размеры?

Работяжка опустила голову, посмотрела на свой мускулистый живот, не прикрытый безрукавкой, на крепкие, но не сказать что изящные бедра.

— Я своих размеров не знаю.

Гетера оскалила в улыбке ровные острые зубки, по губам пробежал язычок — Работяжка слышала даже его шорох.

— Мне кажется, ты вообще мало что знаешь, — предположила гетера.

— Это действительно так, — подтвердила Работяжка.

Теперь они находились в офисе. А в офисе все не так, как дома — другие звуки, другие запахи. В офисе мистера Майкла не было окон, а потому не было и пятен мармеладного цвета на желтова-

то-коричневом ковре, с которым почти сливался наряд Работяжки. Дома Работяжка могла вести себя как заблагорассудится — конечно, когда ее услуги не требовались мистеру Майклу. В офисе же, как и в других общественных местах, приходилось все время быть наготове. Здесь она служила непрерывно, и служила гораздо старательнее, чем в поместье с оградой под током и с включенными охранными датчиками.

Работяжка своим усердием гордилась, и гордилась по праву. Один человек в Училище ее даже похвалил: «Работяжка, ты самая старательная из всех, кого мне довелось тренировать». Люди в Училище были строгими, но по-своему хорошими. Однако таких хороших, как мистер Майкл, среди них не встречалось.

Но сегодня Работяжке никак было не сосредоточиться на своих обязанностях.

Явились первые посетители, записавшиеся на прием к мистеру Майклу. Работяжка лежала позади обитого бурой кожей кресла с широкими бронзовыми шляпками гвоздей, помалкивала. Мистер Майкл беседовал с людьми из Вашингтона. Работяжка уделяла им лишь самую малость внимания, она их даже не видела из своего укрытия. Да и к чему думать об этих людях, если они

проверены охраной и пахнут неопасно? Для нее они были только голосами — слегка раздражающими, потому что отвлекали от раздумий о домашних неурядицах.

По дороге сюда, в автомобиле, Работяжка ненавязчиво обнюхала мистера Майкла — не прицепился ли к нему запашок гетеры? У нее отлегло от сердца — должно быть, мистер Майкл успел вымыться. Но, когда машина разогналась на подъездной дорожке и на периферии усадьбы, у поста охраны, обросла эскортом из мотоциклистов, Работяжка поняла, что для радости причин нет. Да, мистер Майкл нормально пахнет — но зато ведет он себя ненормально. Он просто сам не свой!

Ах, если бы Работяжка могла чем-нибудь помочь мистеру Майклу! Ему, такому трудолюбивому, досталась плохая жена, и он вынужден находить утешение в объятиях противного гиноморфа!

Работяжка ничего бы не пожалела, чтобы сделать мистера Майкла счастливым.

А разговор с посетителями продолжался. Работяжка проголодалась, потому что мистер Майкл в этот раз не сделал перерыва на полдник. Она решила при первой возможности наверстать

упущенное — может быть, министерская кухня выдаст гренок с мармеладом? Глупый пищевой аппарат — почему отдал Быку-андроморфу ее утреннюю порцию?! Надо поговорить с машиной, объяснить, что больше так поступать нельзя.

Но Работяжке вдруг надоело раздумывать над своими проблемами — тем более что способов быстро с ними справиться фантазия не подсказывала. И она решила послушать.

— …А я вам говорю, что игнорировать их не следует.

Может, отсюда, из Торонто, Сыновья Дикси и кажутся заурядной группой радикалов, но у нас им сочувствуют многие, в том числе и весьма влиятельные люди…

Посетитель говорил эмоционально — Работяжке это показалось нелепым. Зато речь мистера Майкла звучала как надо — спокойная, бесстрастная. Мистер Майкл умел вести себя должным образом.

— Но я ведь и не предлагаю их игнорировать. Я лишь хочу сказать, что мы не можем позволить себе такую роскошь, как потакание экстремистам. Союз — слишком новое, слишком хрупкое образование. Естественно, первые лет десять не обойтись без великого сумбура и трудных ком-

промиссов — пока народ не привыкнет к новой власти. Но мы, жители Квебека, давно имеем дело с сепаратистами, накопили богатый опыт и знаем, что здесь необходима твердость. Вообще-то, джентльмены, я собирался задать вопрос насчет того, как ваши избирательные округа могут отнестись к запрету группировок наподобие Сыновей Дикси.

Наступила тяжелая пауза — посетители были в шоке.

— Но это же возмутительно! — наконец воскликнул один из них. — Грубейшее нарушение конституции!

— Вынужден вам напомнить, что Союз больше не живет по этому закону. Новое время требует новых мер.

И такую меру, как запрет радикалистских группировок, я намерен вынести на рассмотрение парламента, если только вы меня не убедите, что она вызовет открытый мятеж.

Никаким организациям, выступающим за свержение Союза насильственным ли, мирным ли путем, мы не позволим легально действовать на нашей территории.

Посетители бурчали, фыркали и хмыкали. Мистер Майкл дал им пороптать, а затем сказал

— как отрезал:

— Джентльмены, боюсь, что вам придется считать вопрос с Сыновьями Дикси решенным. А сейчас предлагаю перейти к более важным проблемам. В первую очередь я имею в виду переговоры с бразильцами — они на нас давят, требуют уступить север штата Чиапас. Согласимся мы на это или нет?

Работяжка перестала прислушиваться к беседе — голод снова дал о себе знать. Скорее бы добраться до кухни… Но вот мистер Майкл глянул на ручные часы:

— Ну что ж, джентльмены, мы неплохо поработали, пора и отдохнуть. Вы ведь пробудете здесь еще несколько дней, так что мы успеем обсудить оставшиеся проблемы. Помнится, вы изъявляли желание познакомиться с моей очаровательной супругой. Она должна прибыть с минуты на минуту.

Потом все ждали. Отлежавшая бок Работяжка сменила позу. Жена мистера Майкла так и не появилась. Когда посетителям была высказана уйма извинений, мистер Майкл вернулся в свое кресло. Посидел в безмолвии. Внезапно грохнул кулаком по столу:

— С этой женщиной надо что-то делать! — И,

помолчав, повторил: — Надо что-то делать!

Работяжка мысленно согласилась с ним.

Через несколько дней Работяжка осталась дома в одиночестве.

И это было необычно. Раньше мистер Майкл всюду брал ее с собой. Даже в заграничных поездках она его сопровождала. Работяжка побывала во многих местах — в основном это были города, и все они казались ей одинаковыми, разве что пахли по-разному.

Но в этот раз мистер Майкл отправился не за границу, а к доктору. Вот уже полгода он регулярно ездит на процедуры — с тех пор, как врачи научились лечить от старости. А Работяжку с собой не берет — говорит, это для ее же блага. Потому что местонахождение клиники — великая тайна, а Работяжку могут выкрасть, чтобы эту тайну выпытать. Выкрасть! Работяжке было смешно. Да кто на нее обращает внимание? Кому придет в голову, что ей могут быть известны важные сведения? Все-таки лучше бы ей сопровождать мистера Майкла… Но он не внял уговорам. Никаких свидетелей — только он и автомобиль! И у автомобиля по возвращении будет очищена кратковременная память.

Что же касается жены мистера Майкла, то

Работяжка не знала и знать не хотела, где та находится. Плохая женщина причиняет мистеру Майклу неприятности — и потому для Работяжки ее судьба не имеет никакого значения.

А значение имеет только то, что в первый раз за полгода — и во второй раз с тех пор, как Работяжка стала спутницей мистера Майкла, — она с ним рассталась.

И потому ей было не по себе.

Она бродила по огромному дому, не зная, как скоротать время до возвращения хозяина. Поднялась на второй этаж. Когда поравнялась с дверью в спальню жены мистера Майкла, остановилась — в коридор сочился запах Быка. Подчиняясь необъяснимому порыву, Работяжка нажала на золоченую ручку. Та ушла вниз без сопротивления, дверь отворилась.

Бык лежал на диванчике абсолютно голый, если не считать сбруи из резиновых лямок на гениталиях. Листал журнал с цветными картинками. Когда вошла Работяжка, положил журнал на крепкий мускулистый живот, картинками кверху. Она заметила, что на них изображены совокупляющиеся — в разных позах.

— Привет, — поздоровался Бык. — Хочешь заняться сексом?

— Нет, — ответила Работяжка. — Я Работяжка. Я не занимаюсь сексом, ни с кем. Хочу побеседовать.

— Я умею беседовать, — сообщил Бык.

— Вот и хорошо. Хочешь что-нибудь съесть, пока мы будем беседовать?

— Я люблю ореховое масло.

Работяжка подошла к коммуникатору:

— Пищевой аппарат?

— Да?

— Банку орехового масла в спальню жены мистера Майкла.

— С ложкой?

У Быка лицо сделалось смущенным:

— Без ложки.

— Без ложки, — повторила в коммуникатор Работяжка.

Когда прибыло масло, Бык торопливо свинтил крышку, запустил в банку короткие толстые пальцы и принялся увлеченно есть. При этом вид у андроморфа был такой виноватый, будто он считал свое занятие непозволительным, Работяжка наблюдала с сочувствием — она-то знала, как приятно есть то, что тебе больше всего по вкусу.

— Скажи, тебе нравится заниматься сексом с

женой мистера Майкла?

Бык, похоже, стушевался еще сильнее.

— Что ты имеешь в виду? Секс — это секс, то, для чего я предназначен. А нравится мне есть ореховое масло. Ты считаешь, что мне должен нравиться и секс?

— Может, понравился бы с кем-нибудь другим?

— Но ведь ты сказала, что не намерена заниматься со мной…

Работяжку осенила идея:

— Я в этом доме не единственная.

— Ты хочешь сказать, в доме есть другая, и она желает секса?

— Да. Пойдешь к ней?

— Мне не положено выходить из этой комнаты.

— Тебе положено обеспечивать секс, когда это нужно.

— Это факт. Но он противоречит запрету покидать комнату. Что я могу сделать?

— Послушаться меня. А я разрешаю тебе выйти из комнаты.

— Еще раз скажи, кто ты?

— Работяжка, спутница мистера Майкла.

— Видимо, это означает, что я должен тебе

подчиняться.

— Совершенно верно. Следуй за мной.

Работяжка вышла в коридор и привела Быка к спальне мистера Майкла. Та оказалась на запоре — не проблема, Работяжка знала код. Оказалось, что гиноморф моется — во вмурованной по самые бортики в пол широченной ванне среди гор мыльной пены виднелись изящное лицо и коленка.

Гетера Поэтесса заметила Быка, и у нее расширились глаза и раздулись ноздри. Андроморф ответил на это мгновенной эрекцией.

— Это ты хочешь заниматься со мной сексом?

— Такова моя природа, — ответила она.

— И моя такова. Разрешается ли нам заниматься сексом в ванне?

— Да, это допустимо.

Бык сорвал с гениталий «сбрую» и кинулся в воду. Работяжка оставила морфов наедине друг с другом.

Жена мистера Майкла вернулась домой первой, через пять часов после того, как Работяжка сыграла роль сводни. Хозяйка хватилась своего Быка, а когда выяснила его новое местонахождение, пришла в бешенство. Парочка все еще бурно совокуплялась, только из ванны перебралась на

пол, к кровати, забрызгав водой и пеной ковер. Работяжка подсматривала из коридора, как жена мистера Майкла безуспешно пытается их растащить. Даже на удары острого металлического каблука туфельки, снятой с ее ноги, сексуальные партнеры не реагировали. Были вызваны специальные дрессировщики, но и им не удалось прекратить спаривание.

— Все без толку, миссис. У них петля обратной связи получилась — а это штука серьезная, надо везти в мастерскую.

— Ну, так везите! — рявкнула жена мистера Майкла. — Я не желаю терпеть в доме эту мерзость.

Все еще брыкающую задами неразлучную парочку вынесли из здания и погрузили в кузов машины. Работяжка тайно ликовала.

Но через несколько дней жена мистера Майкла приобрела Жеребца, а сам мистер Майкл нашел утешение у Лунной Бабочки.

Среди ночи Работяжка проснулась. Ей вообще плохо спалось последнее время — с того утра, как не досталось на завтрак гренка с мармеладом. (Одно утешение — Жеребец любил овсяные хлопья.)

Мистер Майкл был все время в делах, почти не

уделял ей внимания, и она тосковала, и порой ее посещала крамольная мыслишка — так ли уж это правильно, когда ты должна быть всегда рядом со своим спутником, и без него тебе жизнь не жизнь?

От таких раздумий сразу делалось дурно — потому что они противоречили урокам, полученным в Училище. Приходилось напоминать себе, что ей положено заботиться только о мистере Майкле, о его благополучии. Она специально для него и появилась на свет, у нее нет других причин для существования.

А тут еще этот шум…

Но ведь не должно быть внизу никакого шума! Потому что сейчас глубокая ночь. Правда, однажды там уже шумели среди ночи — пришли охранники выяснять причину какого-то «прорыва периметра». Но дело тогда оказалось в испорченном датчике. Может, и в этот раз датчик сломался?

Но все равно нужно спуститься и выяснить, в чем дело.

Однако Работяжке удалось дойти только до мраморной лестницы.

Там ей путь преградили четверо мужчин в светоискажающих костюмах, с приборами ночного

видения на глазах. В руках пришельцы держали пистолеты, на поясах висело другое оружие. Это были вовсе не охранники.

— Так-так, — протянул один. — Вы только поглядите, кто у нас тут! Понаделали трансгенов, сволочи, проходу нет! Сейчас я этой твари башку отстрелю!

— Не горячись, сынок! — потребовал другой, судя по манерам, вожак. — Хоть мы и вырубили ребят по периметру, это вовсе не значит, что можно шуметь сколько душа пожелает. Без моей команды — никакой стрельбы. А тварь нам полезнее живой — время сэкономит. Ну-ка, — обратился он к Работяжке, — подскажи, где спит наш драгоценный премьер?

Работяжка смотрела на террористов, совершенно не испытывая страха. Наконец она ответила, хладнокровно обдумав каждое слово:

— Я провожу. Но вам следует забрать и жену мистера Майкла, иначе она поднимет тревогу.

— Ну и помесь пошла — ни на грош лояльности. Ладно, красотка, веди.

Работяжка проводила незнакомцев к двери в спальню жены мистера Майкла. Один из четверых вставил в паз замка противозаконную отмычку, та в три секунды перебрала все возмож-

ные комбинации, и дверь отворилась.

Жена мистера Майкла спала в объятиях Жеребца. Незнакомцы не удержались от потрясенных возгласов, чем разбудили женщину и ее партнера.

Обоих загнали в комнату мистера Майкла, где его самого обнаружили в аналогичной ситуации, в обществе гиноморфа.

Один из террористов включил верхний свет, показавшийся Работяжке в столь поздний час слишком ярким. Пришельцы сняли очки и отключили светоискажатели, чем обрадовали Работяжку — у нее уже заболели глаза.

Двое морфов и их испуганные хозяева сгрудились в центре комнаты. Морфы были нагишом, люди — в халатах. Трое террористов держались спокойно, четвертый нервозно водил стволом из стороны в сторону.

Работяжка нерешительно свилась в клубочек у ног мистера Майкла. Знала, что он ловит ее взгляд, но не поднимала глаз.

— Кто вы такие? И от кого?

— Сыновья Дикси, вот мы кто. Смекнули, что не дошло наше мнение до нужных ушей, и решили изменить ситуацию. Правильно я говорю, ребята?

— Вам всем это дорого обойдется!

— Вряд ли от таких угроз мы станем хуже стрелять.

Скорее наоборот. Так что советую слушаться нас, ежели неприятностей не хотите.

— Какие у вас намерения? — спросила жена мистера Майкла.

— Вывезем вас с премьером на пикничок. Ему давно пора отдохнуть от государственных забот. А потом отпустим целыми и невредимыми, если правительство согласится нас выслушать.

— С трансгенами-то как быть? — спросил второй террорист.

— Сексуальные игрушки пристрели, только без шума.

А тварь, которая нам помогла, не трогай — вдруг еще пригодится.

Никто и глазом моргнуть не успел, как из кобуры второго террориста вылетел пистоляп и дважды кашлянул. Пули в желатиновой оболочке ударили в морфов и лопнули, высвободив лизис-катализатор. Оба за минуту превратились в лужицу вязкой жижи, на ее поверхности еще некоторое время плавали жесткие крылья Лунной Бабочки.

— Итак, друзья мои… — заговорил вожак.

Работяжка незаметно протянула руку, выпустила острый как бритва коготь и вонзила его глубоко в лодыжку жены мистера Майкла.

Та завизжала.

Самый слабонервный из террористов выстрелил ей в глаз.

Прежде чем его палец успел расслабиться на спусковом крючке и прежде чем успели напрячься на собачках пальцы его товарищей, Работяжка бросилась в битву.

Когда тридцать процентов генов тебе достались от росомахи, ты серьезный боец. Вскоре четверо лежали с разорванными глотками, кровь замарала ковер, на котором недавно резвились Бык и Поэтесса.

Работяжка спокойно слизала кровь с губ — нет, все-таки мармелад куда вкуснее. Потом, часто смачивая слюной ладони, тщательно очистила мех на лице. И только после этого повернулась к мистеру Майклу.

Он рыдал, лежа поперек трупа жены.

Работяжка бесшумно подошла к нему, ласково тронула за плечо. Он вздрогнул.

— Мистер Майкл, все уже в порядке.

— Ах, Работяжка, — всхлипнул мистер Майкл, — осиротели мы с тобой…

Петушиный бой

Согласен, образ жизни мусорного цыгана — отнюдь не самый комфортный, и нервы для него требуются крепкие. Ну и, понятное дело, неважнецкая это карьера для человека женатого — о чем Джеральдина никогда не устанет мне напоминать.

Но я не женат. И не имею привычки прислушиваться к доводам Джеральдины.

И все же, чем сурова такая судьба? Во-первых, ты все время в пути. Вынужден обходиться самым малым — в котомке вещей не больше, чем у бхопальского нищего слепца. Во-вторых, ты всегда свободен — ну, почти всегда — и болтаешься, как у Быка ядра. Невостребованная твоя задница факсуется по свету, с одной горячей точки на другую — в зависимости от того, в какой фирме, или корпорации, или компании начальство вдруг задумывается о спасении души: а не пора ли, дескать, расчистить крошечное местечко в великом-превеликом свинарнике, каковым сделался мир за последний свинский век.

Впрочем, встречаются уголки совсем даже неплохие — в плане отдыха после трудового

дня. К примеру, когда мы в Милане прочищали водопровод (какой-то мерзавец слил туда в восемьдесят шестом двадцать тонн коктейля из ядовитых отходов и испортил весь городской запас питьевой воды), я вовсю повышал свой культурный уровень — посещал церкви, любовался «Тайной вечерей» (на мой взгляд, картина здорово выиграла после обработки реставрационными багами, хотя скептики утверждали, что теперь это смахивает на компьютерную живопись) и знакомился с архитектурой итальянских стриптиз-клубов. (Один располагался в настоящем дворце, и среди девчонок, по слухам, были настоящие принцессы. И это вполне возможно, я же помню, когда закрылось Монако, целому поколению золотой молодежи пришлось в срочном порядке искать себе заработок.)

А бывает, черти заносят тебя на такие дремучие кулички, что городишко Роберт-Ли в штате Техас (это моя родина) в воспоминаниях поднимается вровень с Новым Орлеаном, празднующим Марди-гра. То приходится стучать зубами ниже пятидесятой широты в компании одних лишь глупых жирных пингвинов, сокращая антарктический разлив нефти, то — прожаривать штаны

на стапятидесятиградусной жаре[196], демонтируя Ближневосточный завод химического и биологического оружия. И в том, и в другом случае после смены заняться больше нечем, кроме как резаться в гаш-карты, драить мозги эйфоротропами и чесать языки с ромалами.

Иногда такие разговоры приводят к тому, что парни натурально хватают друг друга за глотку — надо же как-то нагружать рецепторы. Но это не для меня, я стараюсь ладить с теми, с кем меня сводит судьба. Когда проработаешь с человеком бок о бок несколько лет, он для тебя привычен и малоинтересен, как твоя престарелая усатая тетушка или чопорная троподозировщица в начальной школе. Выяснять отношения уже просто глупо.

Поэтому чаще мы просто делимся воспоминаниями. А поскольку народ мы бывалый, то и вспомнить нам есть что. Послушать любого из нас — мороз по коже гарантирован. Случалось нам и под радиоактивным снежком ходить, и излучение шинковало нам хромосомы в капусту — двухголовой змее такое даже не снилось; и трудились, стоя по пояс в вонючем болоте, в каше

---

[196] Примечания: 196
По Фаренгейту. По Цельсию — около 66°. — Примеч. ред.

из отработанного древнего моторного масла, и промышленных растворителей, и бог знает чего еще, и тут вдруг перед тобой появляется пасть амазонского аллигатора-мутанта, и он шпарит к тебе скорее восточного экспресса, и ты едва успеваешь врубить силоумножитель и нанести единственный верный удар.

Но вот что удивительно: все эти байки, все эти ужастики, звучащие в раздевалке после смены, вовсе и не пугают нас, цыган, а совсем даже наоборот. Мы благодаря им себя чувствуем людьми особенными, нужными. Да если на то пошло, кто другой возьмется делать эту черную, но необходимую работу? По идее, для общества чистка бедной замордованной планеты — задача номер один, и еще не изобретен робот, который сравнится с нами по возможностям, который хотя бы способен вытерпеть то дерьмо, которое мы терпим. Ведь мы ежедневно проходим через круги ада, где у любого детища эвристики сгорят все ПЗС[197] и растворятся панели.

Что же до помесей, то им путь в наши ряды заказан — за этим следит профсоюз. И пока мы регулярно проходим обследование и получаем

---

[197] Примечания: 197
Прибор с зарядовой связью. — Примеч. пер.

инъекции ремонтно-восстановительных силикробов, смертельные заболевания опасны для нас не больше, чем для среднего нуэво-йоркца или невадца.

И не то чтобы я хотел славы, или там чувство долга перед человечеством играло бы какую-то роль. Ни черта подобного. Опросите тысячу цыган — вряд ли сыщете среди них хоть одного гринписа. Я свое дело делаю потому, что за него хорошую зарплату платят, да еще и премии, и через пятнадцать лет можно выйти на пенсию. «Даллас детокс инкорпорейтед» ввела у себя такую систему, как только ее придумали, — и потому я горжусь тем, что работаю в этой фирме.

А еще я горжусь оттого, что она на сто процентов американская, не так уж и много осталось фирм, способных этим похвастаться, с тех пор как десять лет назад заработал в полную силу Союз.

Я не сторонник ни Сыновей Дикси, ни других легальных или подпольных конституционалистских группировок. Но все-таки чем-то не по душе мне правление франко-канадцев. И одно дело — жить под их властью, а другое — вкалывать на них. Слава богу, хоть от этого я пока избавлен.

В общем, на жизнь мне грех жаловаться, денег и приключений хватает, пусть даже, как я уже

говорил, это не карьера для женатого человека, о чем Джеральдина никогда не устанет мне напоминать.

Но я не женат. И никогда не прислушиваюсь к мнению Джеральдины.

Когда Стэк вошел в помещение для отдыха, помахивая метамедийной распечаткой с логотипом «ДДИ» в верхнем углу (пинцет, щиплющий биспираль) и улыбаясь, мы сразу поняли, что получен хороший заказ. Но даже не догадывались, насколько он хорош, пока наш бригадир не заговорил:

— Мальчики и девочки, да будет вам известно, парламент наконец проголосовал. Все, «Сликслэк» приказал долго жить, и «ДДИ» может забрать себе тело.

Мы эту весть встретили таким восторженным ревом, что затряслись, застучали биополимерные панели в просторном модуле на берегу озера Байкал в Великой Свободной Монголии — такое громкое название носила вонючая дыра, где мы подвизались на поприще раскисления почвы, восстановления экобаланса и т. п. Мы успешно выполнили свою задачу и теперь собирались домой, в милые, родные США (я до конца своих дней буду так называть свою страну и плевать хотел

на запрещающие законы). А тут оказывается: мы не просто возвращаемся в цивилизованные края, но еще и работенку там получим — вот это пруха так пруха! Отдохнем от экзотической еды, смуглокожих женщин и смешной туземной болтовни, в которой без таблетки ни словечка не разберешь. Все-таки Боженька любит бедного цыгана!

Я опустошил шкафчик и принялся складывать разбросанные по койке вещи в ранец, и тут ко мне — воплощенная непосредственность — подошла Джеральдина. А я притворился, будто ее не замечаю.

— Лью, — проговорила она голоском сладеньким, как засахаренный батат с кукурузным сиропом, — Стэк подыскал для нас жилье в Вакасахачи. Поселимся в тамошнем мотеле, и все номера — двухместные. Вот я и подумала: как насчет того, чтобы…

Тут я посмотрел на Джеральдину. Она носила серьги, изображавшие знак биоугрозы, каштановые волосы были острижены еще короче, чем мои, поперек лба — косая челка. Никакой косметики, только силикробовые татуны — бабочки по углам губ, и округлости чуточку распирают форменный дэдэишный комбез. Она вполне сошла бы за мою сестренку, да вот только не было

у меня никогда сестры.

— Джеральдина, я ценю твою идею, или намек, или предложение, да как ни назови. Но я уже говорил однажды и готов повторить хоть миллион раз: химия тут ни при чем. Мы с тобой — неподходящие контакты. Мне может прийтись по вкусу только женщина большая, шумная и глупая, а ты — совсем другого сорта.

Татуны в миллиметре под кожей Джеральдины возмущенно затрепыхали крылышками, а из глаз вытекли слезинки — как влага израильского оросительного корня.

— Я… я для тебя смогу быть глупой. Да, Лью, смогу, если ты правда этого хочешь. Я слышала, появилось несколько новых тропов — как раз для таких случаев. «Отупин», «дебилон»… Цены кусаются, но ради тебя я на это пойду. Честное слово!

Я шлепнул себя ладонью по лбу:

— О-о, блин! Джеральдина, я тебя не прошу измениться, заруби это раз и навсегда у себя на носу. Я только пытаюсь объяснить, что мы с тобой не созданы друг для друга. Видишь ли, — я по-отечески обнял ее рукой за плечи, — ты прирожденная цыганка. Когда нужно со дна бухты грязь вычистить или опрыскать заеденный грушевой молью лес — тут тебе равных нет. Какую

бы работу нам с тобой Стэк ни поручал, мы всегда справлялись прекрасно, горжусь тем, что ты — моя напарница. Но наши отношения могут быть только профессиональными, и дальше никогда не зайдет, ты поняла?

К концу моей речуги Джеральдина перекрыла краники. Вытерла кулачками глаза, затем протянула мне ладошку. Мы обменялись рукопожатиями.

— Ладно, — проговорила она с печалью проповедника, видящего, как разбегается его паства, — пусть будет, как ты хочешь. Все лучше, чем ничего.

Мы расцепили руки.

— Увидимся в самолете, Лью.

Я вернулся к сбору вещичек. Ну и взбалмошная девчонка моя напарница! Не понимаю, почему многие люди не умеют сдерживать эмоции. Да и не пытаются, если честно. Ведь у нас, слава Богу, есть тропы и строберы — только руку протяни, и ты в порядке. Даже представить страшно, каково жилось человеку считанные десятилетия назад, пока ученые головы не разобрались досконально, из каких винтиков-болтиков состоят мозги, и не подобрали к ним все ключики-отверточки.

Правда, слишком уж полагаться на все эти

штучки вряд ли стоит. В защиту естественного образа жизни можно сказать немало слов. Взять хотя бы меня, к примеру. Если, в школе учась, я принимал все прописанные мнемотропины и многому благодаря им научился — что же, и дальше ими давиться? Черта с два, не для меня это. Мой батька так говаривал: «Сынок, если бы Господь хотел, чтобы мы получали знания в таблетках, он бы сделал так, чтобы их было легко глотать».

В тот же день, к вечеру, мы вышли на зарезервированную для ДЦИ суборбиту. В пути шутили и смеялись, мечтая, как вскоре будем гулять по улицам любимого Далласа. Не успели попривыкнуть к полету, как нам велят снова застегнуть ремни и приготовиться к посадке, то бишь принять циркадные регуляторы.

Всем хороши такие вот прыжки — за одним исключением: не успеваешь даже почувствовать толком, что ты путешествуешь. Только что твоя задница была в Монголии; часа не прошло, а ты уже дома. Неадаптированным мозгам такое не переварить.

Пару часов проторчали в таможне — дольше, чем летели. Двух наших ромал вывернули наизнанку — парни решили подзаработать, про-

везя в крови монгольских багов и толкнув их далласской диаспоре гонгонгских экспатриантов как этноэкзотику. Но таможенные датчики расшифровывают негенотипные коды быстрее, чем плевок сохнет на перегревшемся реакторе, и Стэку пришлось повертеться как угрю на сковородке, доказывая, что наши невинные овечки заразились, сами о том не подозревая, и промывка кровеносной системы будет для них достаточно серьезным наказанием.

В здании космовокзала мы прошли через атриум, и тут ввалилось отделение эмвээфовской спецполиции; вооруженные хромоварками и пистоляпами, были эти ребята суровы, как восьмидесятилетние девы с либидоблокировкой, намеренные сразиться с какой-нибудь инфекцией или инвазией из Четвертого Мира. Мы уступили им дорогу и сделали это со всем нашим уважением, ведь силовикам из МВФ достается работенка по-грязнее, чем цыганам. Да к тому же мы имеем дело с хорошо знакомыми неприятностями, а эти парни всякий раз сталкиваются с новым сверхопасным дерьмом.

Снаружи нас ждали два дэдэишных энергенетикса (модель «коровье брюхо») с водителями. Большинство ребят сразу полезли в микроавто-

бусы (я постарался очутиться не в той машине, которую облюбовала Джеральдина). Но пришлось задержаться из-за Тино и Дрифтера — тех самых, которых прихватили на таможне, — им страсть как захотелось по-маленькому. Это был побочный эффект замены крови. Будут течь до завтра, как крыша хижины хлопкоуборщика в грозу,

— Не выбрасывайте зря биомассу, парни, — крикнул им Стэк.

Тино и Дрифтер промолчали, но каждый открыл крышку бака, расстегнул комбез, прижался к фургону и чем мог пополнил запас топлива в машине. Потом оба застегнулись и вяло полезли в кузова. Сидевшая со мною рядом Тамаринд, чернокожая девчонка в весе петуха, никогда за словом в карман не лазившая, спросила:

— Что, ребята, это мало похоже на те гнезда, куда вы втыкались в прошлый раз?

Тут мы дали волю хохоту. Цыганское товарищество ржало, ревело и выло так, что даже Дрифтер с Тони не вытерпели и присоединились.

А мы на них зла за потерянное время не держали, понимая, что в следующий раз таможенники схватят за руку кого-нибудь другого. Если до этого дойдет, то мы, цыгане, будем держаться друг за

дружку, как слои ламинированной клещехватом сталефанеры.

Вот так, веселясь в отвязной цыганской манере, мы двинули к югу и выехали из скопления блестящих стеклом далласских башен. Нас ждала новая работа.

Ваксахачи расположен милях в двадцати пяти к югу от Далласа, так что примерно через сорок минут мы были на месте. «Коровье брюхо» трудно гнать быстрее шестидесяти в час, а когда оно груженое — и подавно. Кое-кто из наших задремал — это полезно, когда действуют циркадные регуляторы, но я слишком разволновался из-за возвращения домой, чтобы уснуть, поэтому открыл оконное стекло, пустив в машину знакомые пыльные запахи техасского лета, и стал разглядывать ползущий мимо пейзаж.

Мы проехали через небольшой грушевый сад. На деревьях было полно помесей, они собирали скороращенные плоды. Человек-надсмотрщик лежал в тени, пульт связи с обручами трансгенов — рядом, под рукой. Если спросите меня, что это были за помеси, я так отвечу: процентов пятьдесят — шимпанзе, процентов сорок — лемур и десять процентов — человек. Но за точность этих цифр не поручусь.

— Не люблю я трансгенов, — сказала Тамаринд. — Слава богу, у нас есть законы, чтобы их держать в узде.

— Уже не говоря про обручи и диет-поводки, — добавил я. И тут у меня возник интересный вопросик, я решил не держать его при себе: — Слышь, Там, ты вот все говоришь, что трансгенов не любишь. А как же собственная наследственность? Ведь когда-то, века назад, твои предки находились в таком же положении, что и наши помеси.

— Черта с два! Мои предки были людьми! Большая разница.

Я понял, что она имела в виду.

— Ну что ж… Спасибо трансгенам хотя бы на том, что благодаря их появлению реднек[198] вроде меня общается на равных с такой девчонкой, как ты, и редко задумывается, правильно ли это.

Там ущипнула меня за плечо:

— Ты совершенно прав, Лью.

Вскоре мы запарковались на площадке перед мотелем, о котором говорила на озере Байкал Джеральдина. Кругом стояло много машин, каждая с дэдэишными сплетенными молекулами

---

[198] Примечания: 198

Реднек — житель южных штатов США. — Примеч. пер.

на бортах. Как выяснилось чуть позже, другие цыганские бригады уже обосновались в номерах корпуса, что служил раньше персоналу ССК. Не иначе, предстоит один из самых крупных демонтажей в моей практике. Если повезет, работа затянется надолго, и я вдоволь посплю на настоящей койке, вдоволь поем доброй американской пищи и от души поугощаюсь сладким техасским пунтангом — эх, скорей бы подвергнуть эту сочную вкуснятину органолептическому экспресс-анализу!

В вестибюле мотеля Стэк устроил нам перекличку.

— Стрелок, вам с Бензиновым Биллом — триста шестнадцатый.

Я выругался. Бензиновый Билл, получивший это прозвище за татун на могучем правом бицепсе — кружащаяся формула Кекуле в виде змейки с собственным хвостом в зубах — тот еще сукин сын. Мне никогда не удавалось поладить с этой шпаной. Может, и правда лучше было бы поселиться с Джеральдиной — пусть бы и пришлось без конца отражать женские посягательства.

Я нашел в толпе Билла, и мы в напряженном молчании двинулись к нашему номеру.

Когда пришли, Билл произнес:

— Слышь, ты, башка-отстойник, если мне приспичит затащить сюда разъем-маму, лучше сваливай, как только мигну. И чтоб до утра духу твоего здесь не было.

Я положил ранец и спокойно посмотрел на Билла.

— Приятель, жаль тебя расстраивать, но факт есть факт: ты страшен, как помесь обезьяны и рогатой жабы, и ни одна «мама» не взглянет на тебя во второй раз, разве что за большие бабки или под комбинированным кайфом — «страхолюб» с «пофигином».

Билл сгреб нагрудник моего комбеза:

— Ты, козлина…

— Билл, — сказал я спокойно и вежливо, — вспомни, что было в Марселе.

Он фыркнул, но отпустил меня. Отошел к своей койке, принялся распаковывать ранец. Больше я не слышал требований «свалить», когда ему «приспичит».

Хорошее это дело, скажу я вам — с самого начала все по своим местам расставить.

В хлопотах день пролетел стремительно, но все же мы успели совершить экскурсию на ССК — познакомиться с тем, что нам предстояло стереть с лица планеты.

Но все были слегка разочарованы, прибыв на древний сверхпроводящий суперколлайдер, чья история изобиловала взлетами и падениями. ССК едва высовывался из земли, он почти целиком схоронился под прерией, вместе с ускорительно-накопительными кольцами, криогенными системами охлаждения и соленоидами детекторов заряженных частиц.

Это круглое в плане сооружение имело в диаметре около пятидесяти миль и было совершенно загажено за десятилетия «невинных» экспериментов, «практически не дающих радиации». (Мне было известно, что лунная установка, пришедшая на смену ССК, в два раза больше, и ее строительство обошлось в два раза дороже, хоть и велось в безвоздушном пространстве, с применением новых СП-кабелей.)

Впрочем, когда мы оказались внизу, у всех поприбавилось энтузиазма. Предстоящая нам работа выглядела несложной — никакой экзотики, если не считать жидкого водорода, — зато практически вечной, больно уж велик был этот ССК. Не заказ, а просто подарок судьбы!

Мы вернулись в мотель. К тому времени опустились сумерки, словно шелковые простыни в «Пари-Хелмсли». Оказалось, ДДИ в нашу честь

устроила вечеринку с грандиозным техасо-мексиканским барбекю. Я уже тысячи раз говорил (и не однажды рядом находился Стэк и слышал), что с работодателями нам сказочно повезло. Пахло жарким — бизоньи стейки и котлеты из постносвинки. Я держал в руке кружку холодного пивчика-живчика и смотрел, как одна за другой в небе проклевываются звезды — точно разрозненные пиксели на древнем монохромном мониторе Господа Бога. И слушал оживленную болтовню приятелей-цыган, и размышлял о том, какая классная работа мне предстоит. Еще никогда в жизни я не был так близок к раю, даже не допускал мысли, что он вообще может существовать на нашей скорбной земле. И эта тихая радость, столь чистая и столь противоестественная, настораживала меня. Ибо, как оказалось, она предвещала неприятности.

И вот закончилась первая рабочая неделя, и мы, цыгане, решили это событие отметить. Несколько дней вкалывали, как проклятые, рвали жилы и наживали грыжу — а после смены никаких развлечений, кроме тех, что предлагает плазменный экран, да еще игры во флэшкарты, да метаболизирования самогонки в грязном придорожном баре под названием «У Сэлли Мустанг»

(владелица носила белый конский хвост); короче говоря, нам срочно требовалась психологическая разрядка.

Собралась компания — я, Джеральдина, Там, Тино, Спад, Женева, Иг-И и еще несколько наших, в том числе и Бензиновый Билл. Мы заказали автобус до Далласа — чтобы Оттянуться с большой буквы.

Машину вел я, и получалось очень даже легко. Мы все прошли тщательный тюнинг в дэдэишной клеткомойке, и нажитые на работе хвори и болячки исчезли без следа. Кожа у меня стала упругой, как у домашнего любимца фирмы «Гедоникс плюс». За ультрапрозрачным монокристаллическим лобовым стеклом мчалась навстречу ночная декорация в потрясно высоком разрешении; все тени просматривались во фрактальную глубину. Я не сомневался, что эта ночь внесет мегацифру в файл «расходы на развлечения».

И вот мы в Далласе, и чешем прямиком в Дип-Эл-лум, первый в городе район аттракционов. Паркуем автобус, включаем его защиту и топаем по запруженным народом тротуарам, взбрыкивая попками в цыганской манере; парни идут так, как будто у них бочка между ног, девчонки

— будто скользят верхом по смазанному шесту.

Не буду скрывать правду: шагая по улицам с друзьями-чавэлами, я гордился, как десятилетний мальчишка, обрюхативший соседку-вдову. Я упивался духом товарищества, солидарности; я вполне понимал свою социальную значимость — и это было кайфово до невозможности.

В Дип-Эллуме было яблоку негде упасть — кто только не явился сюда, чтобы провести в атмосфере праздника искусственный галогенный день. Встречались помеси, выполнявшие поручения своих хозяев. Попадались малолетние пептид-попперсы (четыре или пять когорт от моей по генетической линии) — сами себе господа, они носились вместе с друзьями по шайкам и ватагам, щеголяя прикольными шмотками в стиле «потенциал действия». Мелькали в толпе геронты и гулы. За всем присматривали САС-копы с лазиками и шокерами, их задача — не допускать столкновений между различными группировками. Ну и, понятное дело, район кишел местными легашами. Но при всей своей стохастичности картинка была вполне гомеостазная.

По барам мы двинули около восьми, открыли рецепторы всяким музонам, заглушавшим фоновый звуковой спектр, — от многополярной

музыки до старомодного кантри-вестерна, исполняемого на одиноком синтезаторе. Ну и, понятное дело, мы не забывали отдавать должное всевозможным делириантам и слабым опьянителям.

Около полуночи я вроде опомнился — как будто мое сознание превратилось в клубок из ниточки длиной в световой год, и эта ниточка размоталась до конца.

— Где мы? — спросил я у Тино.

— В «Неизведанных долях».

Я припомнил: так называется бар, где мы осели. Дым, шум, народу битком. Не кабак, а пещера троглодитов. На стенах из настоящего камня горели неонеоновые надписи: «Перестрой свой белок Map2», «Какой у тебя ампераж?» и тому подобное. Бармен был из помесей, с обезьяньей доминантой. Он висел на хвосте под потолком и четырьмя человеческими кистями смешивал напитки.

И тут вдруг меня пробило на секс — точно сель хлынул по высохшему руслу или открылся спускной клапан автоутробы. Я вспомнил, как несколько дней назад мне жгуче хотелось забуриться в какую-нибудь простую техасскую розетку. Сию же секунду у меня появился рог подлиннее и покрепче, чем у домашнего карлико-

вого единорога. Я окинул взглядом танцевальную площадку, заметил, как Джеральдина трясет худенькой попкой перед каким-то местным пижоном. А затем мой взгляд сполз с Джеральдины — и остановился на девушке моей мечты.

Высотой она была все шесть футов, спасибо каблукам-шпилькам. Пятидюймовые шипы цвета слоновой кости, росшие из ее пяточных костей, венчались золотыми колпачками. Ступни были голые, если не считать специальных прыжковых подошв, — я их заметил, когда красотка подскакивала к потолку. Носила она также неопреновые колготки, а выше пояса не было ничего. Ее огромные груди благодаря имплантированным кронштейнам были тверды и энергичны, как рукопожатие топ-менеджера. Коэффициент преломления ее ореолов был изменен — они, по сути, превратились в зеркала. На щеках — пятнышки радужно переливающихся чешуй. Я бы побился об заклад на недельный заработок — у нее язык с кошачьей шершавостью. Короче, не девочка — сказка. То, что клеткомойщик прописал.

Я спрыгнул на танцевальную площадку, неудержимый, как робокоп с тяжелым вооружением и искрящейся проводкой.

Партнер ее, по всей очевидности, родился юж-

нее границы — я сразу узнал бразильца. Понаехало браззи в Техас, с тех пор как Заговор Докторов с целью ликвидации премьер-министра вызвал такой переполох в высших эшелонах САС.

Я похлопал браззи по плечу.

— Хэй, менино, не позволишь ли и мне поучаствовать?

Вот ведь башка-отстойник! Будто и не заметил меня. Зато его чувихе моя идея как будто понравилась. Она провела по нижней губе языком — я мог бы поклясться, что расслышал в грохочущей музыке наждачный скрежет. Нахальство браззи и кокетство его розетки так меня завели, что я перестал себя контролировать. Развернул бразильца личиком к себе и вырубил ударом правой в челюсть. Потом сграбастал его девочку и потащил к двери. Она ни миллисекунды не противилась.

В каком-то темном коридорчике я ее прижал к стенке и просунул язык ей в глотку, аж до середины. Затем моя пятерня нашла ее лобок. Я чуть не помер от огорчения, обнаружив полный мужской комплект. С поцелуем было покончено в тот же миг, а вот руку я не убрал — слишком растерялся.

— Милый, в чем проблема? — спросила она. —

Неужели тебе это не нравится?

В моей ладони все принялось корчиться и дергаться, как лангуста на крючке. Привело это к немедленной детумесценции и судорожной инвагинации.

О черт! Радиационные отходы! Я подцепил герма!

Когда я был в Далласе в последний раз, гермы не казали носу из своих клубов, у нормального парня вроде меня было мало шансов напороться на кого-нибудь из них. Похоже, и в самом деле мир катится к чертям.

Я отпрянул и наступил на чью-то ногу. Да это же малютка браззи! Мигом я принял защитную стойку.

Он мне что-то протягивал. Свою визитку. Я малость опешил. Дождавшись, когда я успокоюсь и расслаблюсь, он вложил мне карточку в ладонь.

— Сеньор, — заявил браззи, — вы будете иметь честь встретиться со мной, Флавиано Диасом, в здешнем петушатнике, иначе вашим трупом будет украшено окно этого импорио.

Поклонился и ушел. А я глянул на карточку: «Флавиано Диас, инструктор по капоэйре, красный пояс, первая ступень».

В пыльном дворе позади мотеля я стоял босой,

с голой грудью, обливался потом под солнцем субботнего полдня — жара была, как в фильме «Секси-сиуксы».

Ну что за паршивый способ коротать досуг — тренируясь для поединка, имеющего все шансы закончиться моей скоропостижной смертью через извлечение внутренностей! И винить в этом некого, сам свалял дурака. Мой батька часто говорил: «Сынок, мучить себя нет проку, если есть еще кого мучить». И его совет я собирался выполнить — или умереть.

Я взял из украденного на складе ящика очередной пятифунтовый куль муки. Вразвалку прошел в тень кряжистого болотного дуба — других деревьев около мотеля не было. С ветки на веревке, на высоте моей головы, свисала изодранная пластиковая сетка. Я вынул из нее распоротый мешок и вложил полный. Отступил на несколько шагов, оставив на земле цепочку мучных следов.

А затем, глядя на подвешенный мешок, я двинулся кошачьей поступью, стараясь гнать из тела и ума напряжение и сомнение в конечном успехе. Я наступал на воображаемого врага; я делал финты; я отскакивал и уворачивался. Когда решил, что паршивый мешок муки напрочь запутан и сбит с толку, развернулся на одной ноге, а второй,

параллельно земле, нанес удар.

Стеклянный полумесяц, блеснув на солнце, рассек пластик и ткань, и мука разлетелась облачком, точно строительные силикробы.

За моей спиной кто-то свистнул. Я обернулся и увидел Бензинового Билла.

— Рад, что ты их не носил, когда мы с тобой поцапались, — сказал он.

Эти слова заставили меня вспомнить Марсель — мы тогда участвовали в великой средиземноморской приборке. Он только появился в бригаде и сразу окрысился на меня, наверное, потому что других парней, равных ему по габаритам, у нас не было. Мне осточертели его бесконечные наезды, и я решил разобраться раз и навсегда. Нашел в городе школу савата, или, как говорят сами лягушатники, «ле бокс франсэ». Поддерживая нужную форму с помощью тропов, быстро научился пинком убивать муху в полете. А в скором времени хорошенько взгрел Билла. Он же, будучи парнем леноватым, тренироваться ради реванша не стал.

Позже, когда мы на тайско-кампучийской границе занимались восстановлением биома джунглей и жили в бывших лагерях беженцев, я не упустил возможности немножко поучиться

кик-боксингу в ближайшем монастыре.

Я думал, что наработал очень ловкие движения. Думал до тех пор, пока не посмотрел фильмы с выступлениями разных мастеров капоэйры.

Капоэйра — это бразильский бокс, удары наносятся и руками, и ногами. Блюдо африканское, но с приправой из багийского тропико-фанка. Порой может походить на самый невинный танец. Пока капоэйрист не влепит своему противнику пяткой снизу в челюсть.

В общем, поединок между мною и Флавиано Диасом в петушатнике обещал быть небезынтересным. И не мешало бы мне выжить, чтобы было о чем вспоминать на склоне лет. Я глянул на оцененные Биллом усовершенствования. Сразу после ссоры в «Неизведанных долях» я посетил магазин телесных принадлежностей — решил не терять времени. Хозяйничал там геронт — из тех, о ком говорят «песок сыплется». Я усердно мотал на ус лекцию — авось пригодится что-нибудь из его опыта.

— Поверь мне, я этих бразильцев знаю. По владению ножом они на равных с аргентинцами. Твой неприятель выберет пару шпор из суперсплава на основе стали, скорее всего уилкинсоновские или жиллеттовские. Это хорошие

шпоры, но они тяжеловаты. А вот эти, — он достал и открыл тонкий футляр, показывая две прозрачные сабельки на черном бархате, — как раз то, что надо. Биостекло фирмы «Корнинг». Режущая кромка ничуть не тупее, чем у лезвия из суперсплава, но сама шпора легкая как перышко. И уследить за ней трудно. Кроме того, она хорошо совместима с костным веществом. Врастим стекло прямо в твою большеберцовую кость.

Помолчав, старик добавил:

— Да, кстати, по закону я должен тебе напомнить, что эти лезвия можно носить исключительно в декоративных целях. А теперь, если ты с этим условием согласен, может, приступим к установке?

Ну, что тут скажешь? Я взял шпоры.

А еще я дал себя уговорить на покупку двух пряно-ароматических желез — они крепятся на запястье у пульсовых точек. С ними-де я буду себя чувствовать настоящим мачо, женщины начнут липнуть как мухи на мед. Я не стал ему рассказывать о том, как сам ухитрился влипнуть.

Я помахал ногами, посверкал шпорами — специально для Билла.

— Да, красиво, — признал он. — Но все-таки ставки делаются три к двум в пользу Диаса. Я

тоже решил поднаварить чуток на твоем горе, сосунок. — Билл заржал. — До вечера, увидимся в петушатнике.

Он ушел, не дожидаясь моих возражений. Впрочем, я не был уверен в том, что Билл стопроцентно заблуждается на мой счет.

Пришел черед нового мешка с мукой, и тут во дворе появилась Джеральдина. Я притворился, будто не увидел.

— Лью, умоляю тебя, не надо. Ты же знаешь, компания тебя от Диаса защитит. Не стоит зря рисковать своей жизнью, да к тому же идти против закона.

— Джеральдина, ты, кажется, что-то сказала?

— Да, я что-то сказала, упрямая ты постносвинячья задница! Я сказала, что не надо гробить себя из-за дурацкой гордыни!

— Прости, Джеральдина, но мне никогда не удается расслышать, что ты говоришь. То одно мешает, то другое.

— Да провались ты пропадом, чертов золотарь! Чтоб тебе кишки выпустили!

Моя ступня припечаталась к земле, поднялось мучное облачко.

— Джеральдина, ты меня недооцениваешь. Вот увидишь, как я надеру попку этому щенку…

Она только зыркнула на меня и пошла прочь, В дверях мотеля оглянулась и крикнула:

— А железы твои воловьим потом воняют! Тренировку я прекратил. С такими болельщиками, как Билл и Джеральдина, трудно удерживать боевой дух хотя бы на высоте дюйма от земли.

Я стоял на левой ноге, правая, согнутая в колене, была поднята. Банданой я вытер лезвие. Потом сделал то же и с другим.

Вечером я слопал большой стейк, фунт спагетти и яблочный пирог, сопроводив все это дозой пищеварина. К началу поединка желудок опустеет, а тело получит все необходимые белки и углеводы. Потом я отправился вздремнуть, и сон пришел на удивление легко. Когда сыграл будильник, я встал и принял душ. Надел ботинки устричного цвета — их пришлось разрезать, чтобы пролезли шпоры. Блестящие лезвия я прикрыл штанинами джинсов — получилось не слишком изящно, ну да сойдет.

Ни с кем не попрощавшись, я взял одноместный мобиль на батарейке и поехал в город. К общению не тянуло. Пускай ромалы добираются сами, а не захотят, так пусть в мотеле остаются. Билл и Джеральдина здорово меня разозлили.

Петушатник находился в Камспаник-барио, на

старом товарном складе. Его запущенный вид не вязался с понатыканными кругом дорогими тачками. Я оставил среди них свое транспортное средство и вошел в здание.

Там ветхие трибуны взбирались под темные стропила. И все места были заняты почтеннейшей публикой, закинувшейся возбудином в ожидании развлекухи. В центре помещения располагался круглый деревянный помост высотой по лодыжку, а шириной с домашний плавательный бассейн. Ринг был покрыт слоем песка. На нем двое парней счищали пролитую кровь — стало быть, матч только что кончился.

Я нашел рефери — блондинку с неразвитыми перьями на месте бровей — и объяснил ей, кто я и зачем пришел. Через минуту она разыскала в толпе Диаса и привела ко мне. Прав оказался продавец — бразилец носил уилкинсоновские лезвия.

— Сеньор, я рад убедиться, что имею дело с человеком чести.

— Цыпленочек, честь тут ни при чем. Я хочу только поиметь в задницу одного маленького заезжего извращенца, любителя гермов.

— Да будет вам известно, сеньор, эта леди, несмотря на особенности ее анатомии, велико-

лепная танцовщица, и я буду счастлив защитить ее репутацию, похоронив сеньора в земле, которая его взрастила.

После этого «обмена любезностями» мы разделились возле ринга. Рефери тем временем привела Ищейку.

Живот Диаса был словно из гранита вырезан. Шоколадного цвета кожа. Ростом он едва доставал мне до грудины, зато мускулатура торса моей не уступала ни в чем. Ладно, авось мое преимущество в росте чего-то стоит. Главное — не подпускать бразильца вплотную.

Мы нацепили кевларовые гульфики. Я заметил Бензинового Билла — устроился в первом ряду, злорадная улыбка от уха до уха. И держит мою одежду и обувь! Черт с ним — еще не факт, что они мне снова понадобятся. Чувствовал я себя странно, казалось, яйца раздулись, стали большими, как у Хомяка.

Рефери отдала приказ Ищейке. Та сначала подскочила ко мне, лизнула, пробуя пот, куснула за руку между большим и указательным пальцем, чтобы кровь чуть-чуть пустить.

— Ничего, — прорычала Ищейка, погоняв жидкости по ротовой полости.

Той же процедуре она подвергла и Диаса, с та-

ким же результатом.

— Ну что ж, сеньор и мистер, вы оба находитесь под воздействием разрешенных веществ, противозаконные стимуляторы не обнаружены. Давайте начинать представление!

Мы поднялись на ринг, и толпа разразилась варварским ревом, которому бы позавидовала публика древнеримского Колизея.

Рефери заговорила в пристегнутый к вороту микрофон:

— Граждане и прочие, сейчас вы увидите грандиозный матч. Слева от меня — гость Великого Далласа сеньор Флавиано Диас, из-за южной границы.

Диас получил бурные аплодисменты — ничего удивительного, кругом хватало его земляков.

— А справа от меня — коренной техасец из Роберт-Ли, мистер Лью по прозвищу Стрелок.

По части оваций я Диасу не уступил. Пока публика орала и хлопала, я искал знакомые лица — Джеральдина здесь и кое-кто из ребят. Затем снова сосредоточился на предстоящей драке.

— Итак, петухи, вам обоим известны правила. То есть вы знаете, что здесь нет никаких правил. За исключением того, что победитель решает, получит проигравший лечение или нет. Вперед,

и да победит лучший петух!

И рефери поспешно отошла. Как только ее вторая стопа оторвалась от ринга, Диас напал.

Для начала он испробовал галопанте, удар рукой в ухо — чтобы я потерял равновесие. Я уклонился, и кулак лишь вскользь прошел по виску. Какая жгучая боль!

Я в долгу не остался — ткнул двумя напряженными пальцами сеньору в солнечное сплетение. Будто в доску! А ведь я стопку в несколько листов сталефанеры пробивал. Ничего, это он только притворяется, будто не почувствовал.

Толпа не скупилась на кровожадные вопли. Диас, точно идя на поводу у почтеннейшей публики, провел бенсу, удар ногой вперед. Я смотрел, как движется его правая нижняя конечность: сначала будто в замедленном кино, но все разгоняясь; стальное лезвие целит в мое горло. В самый последний момент я ушел вниз. Упав на ладонь, лодыжкой подсек единственную опорную ногу Диаса.

Но он, вместо того чтобы шлепнуться на песок, превратил свое движение в ау, то бишь колесо, и снова очутился на ногах на другом краю ринга. Я ринулся вдогонку, рассчитывая ослабить его парой-тройкой крепких плюх. Несколько

головокружительных секунд мы обменивались прямыми ударами в. корпус и голову, и не возьмусь судить, кому досталось больше. Мы вошли в клинч, оттолкнулись друг от друга.

И вдруг Диас оказался ко мне спиной. «Вот она! — подумал я. — Твоя первая и последняя ошибка. Попался, ублюдочек!» Я вознамерился разрезать его, как только повернется.

Но он не повернулся. А сгруппировался и сиганул назад, с выходом на руки! Макаку — обезьяна! Одним прыжком одолел полринга.

И теперь я стоял к нему спиной.

Я резко повернулся.

Поздно!

Сначала почувствовал острую боль и лишь потом сообразил, что случилось. Два синхронных удара пришлись в бедра. Подлый браззи рассек мне бедренные артерии.

Я зашатался. Потом рухнул ничком. Из меня вместе с кровью вытекала сила.

— А теперь, — проговорил Диас, — я выполню свое обещание.

По голосу я определил, где он стоит. Собрав последние крохи сил, я сделал некое подобие стойки на руках и вонзил обе шпоры сеньору в брюхо. И рванул книзу, отчего у Диаса подломились ноги.

Внутренности вывалились на кровавый песок.

— Тебе любой, кто на ферме вырос, скажет: не подставляй мулу задницу, — кое-как проговорил я и вырубился. Только успел подумать напоследок: если оба проиграли, то как же быть с лечением?

Не прошло и тридцати секунд, как явились блюстители закона.

Позже я узнал, что Диас обладал дипломатической неприкосновенностью, и когда у него пошли к нулю жизненные показатели, власти испугались международного скандала. Только по этой причине они сорвали субботнюю народную забаву — малость поздновато для меня.

Короче говоря, полицейские вышибли двери и пустили «страстимордасти», «ревукорову» и «какувоняку», чтобы подавить всякое сопротивление. Зрители пукали, плакали и звали мамочку, а мы с Диасом валялись, истекая кровью. Мне повезло — я лежал у двери, потому и не слишком надышался.

Но все же отключился еще раз.

А когда очухался, понял, что моя голова лежит на коленях у Джеральдины.

Она плакала. От слезоточивого газа, предположил я.

Джеральдина проговорила сквозь рыдания:

— Лью, ты не бойся, не бойся, не бойся! У меня с собой аптечка. Специально для тебя принесла. Я тебя уже заштопала.

Я хотел потрогать бедра, но не удалось — Джеральдина перехватила мою пятерню и прижала к своему лицу. А потом — наверное, машинально — принялась тереть моим запястьем по своей шее. Как раз тем местом, где была накладная железа.

— Все обойдется, Лью. Я добьюсь твоего освобождения под залог и буду приходить к тебе в больницу. Вот увидишь!

Долго пришлось искать голос, облюбовавший себе укромный уголок где-то в глубине меня.

— Джеральдина… я тебя не слушаю, — прохрипел я.

— Да, Лью, я знаю. Ты меня никогда не слушаешь.

Большой Едок

Это откровенный рассказ о том, как я спас Чикаго от Второго Потопа, не дал сестре окончательно превратиться в багу и заработал себе продвижение по службе — из класса серволайт прямо в альфа-симбланды. И все это — за один-единственный день.

Правда, не обошлось без содействия Большого Едока.

То судьбоносное утро начиналось в точности так же, как и любое другое.

В семь пичужка-болтушка защебетала мне в ушко. Она не совсем синтетическая — старая модель, дельтаволновая, синкретическая. Сразу включилось реле просыпания, всплыли в сознании воспоминания. Я ведь общественник, я — серво-лайт, ждет меня служба, пора на арбайт. Живо вскочил — и с песней вперед! День пламенеет, труба зовет! Вот на что намекала пичуга, моя верная слуга и подруга.

— Пора вставать, Корби! Пора вставать! Семь ноль одна ноль три! А то на работу опоздаешь. Пора вставать!

Нету сна ни в одном глазу, на пол с койки уже

ползу. Только свесил с кровати чресла, как она превратилась в кресло.

— Хватит трещать, я уже не сплю! Птаха умолкла, раскрывши клюв.

По пробегающим в черепе рифмам мне стало ясно: надо срочно поправлять здоровье. Так что первой процедурой утреннего туалета стала смена липучки. Отработавшее свое изделие фирмы «Каби-Фарм» я сорвал, а свежее пришлепнул за ухом. Чуткий встроенный датчик, чтобы липучка не бросалась в глаза, изменил ее окраску на шоколадную — под цвет моей кожи.

Употребив тропы, я пожелал узнать новости. Птичкины эндопланты (производства «Тогай-Мэджик») отреагировали на мои голосовой приказ-заказ. Яркий попугай осекся на полуфразе и разразился цээнэсовским аудиопотоком; сигнал шел по шлейфу мультиплексовой передачи, который не позволял пичужке-болтушке удаляться от насеста.

«Вчера мэр Джордан начал недельное празднование своего восьмидесятилетия. Первым мероприятием послужило открытие построенной концерном «Даймлер-Крайслер аэроспейс» новой станции Жолье на чикагско-монреальской магнитолевитационной дороге. Церемонию по-

сетили североамериканский премьер-министр, директор Биорегиона Великие Озера, несколько высокопоставленных представителей Всемирного Банка и множество товарищей мэра по его прежней команде. Все побывали затем на званом вечере, где вместе с ними развлекались звезды многочисленных фабрик грез, от Болливуда до Тайконга, включая столь известных деятелей, как Ньюси Флузи, Джонни Куэсти и Вуббо Кита.

Комиссия по надзору за трансгенами выпустила демон-релиз с предупреждением о том, что знаменитая беглая помесь, известная под кличкой Чокнутый Кошак, возможно, проникла в БВО. Просьба ко всем траншам сообщать о любых подозрительных лицах своим симбиотическим баззвормам[199] или патрульным робокопам.

Сегодня во второй половине дня проходившая перед Торговой палатой демонстрация антимодов вылилась в массовые беспорядки. Традиционный лозунг «Без наворотов и хронокроя» вскоре сменился криками «Трансгенов — на мыло!». Власти объявили зоной чрезвычайного положения сферический сегмент в девятнадцать

[199] Примечания: 199

Баззворм (buzzworm) — популярная в начале восьмидесятых компьютерная игра. Длинный лупоглазый червяк ползает по лабиринту, уничтожая распределенную там пищу. — Примеч. пер.

дуговых градусов, изолировали за полчаса три квартала и пустили газы «безмятеж» и «рвотонедержин».

Новости с финансовых фронтов. Индекс Ханг-Сенг отмечает повышение активности в торговле, такова реакция на лихорадку пражской биржи. Мумбайские брокеры ответили на это…»

— Помягче, — приказал я, и попугайский голос Центральной Нервной Сети снизился до успокаивающего шепота.

Пичужка-болтушка — это связь с ЦНС, но связь примитивная, ограниченная по возможностям. Увы, никакой другой мои измененные биопараметры не допускают. Мне крепко досталось — нейросети всмятку, мысли так и норовят рифмоваться, а виртуалка или даже обычная трехмерка для меня теперь недоступны. Не репа у меня теперь, а рэпа. В том смысле, что она любую ерунду перекладывает на рэп.

Ту катастрофу мало кто помнит. Да и неудивительно, ведь столько воды утекло, и мир так быстро меняется. И эти катастрофы, одна другой круче: Хронотроповая война, вторжение Большой Серой Сикарахи… Скандалы меньших масштабов и сиюминутные диковины быстро забылись. Да и к тому же событие, о котором

речь, произошло больше десяти лет назад. Тогда пострадали три миллиона человек, плюс-минус сколько-то там. Но ведь это всего лишь четыре процента от населения, и вдобавок жертвы рассеяны по всему Североамериканскому Союзу.

А случилось вот что. Около трех миллионов перципиентов настроились на канал «Виртуально-музыкальное шоу», чтобы насладиться получасовой программой «Рэп-классика». Вот тут-то возьми да и случись диверсия. (Помнится, виновных в преступлении так и не вычислили, хотя подозревали многих — от Сыновей Дикси до Пушек Лимба.) Ни один перец даже не успел сообразить, что происходит, уже не говоря о том, чтобы отключиться. Скорость двоичной передачи ВМШ вдруг утроилась, защита не среагировала, и на невинный сигнал наложилась пиратски изготовленная копия микропрозовской «Реформы хардкора», обычно выпускаемой по государственной лицензии и предназначенной для государственных и корпоративных пенитенциарных учреждений.

Вклинившаяся программа свое дело сделала. Текст «Реформы хардкора» имел облик невинного рэпа, однако ей удалось отключить волевые центры перцев и проложить новые нервные

пути в трех миллионах мозгов, сделав полувековой давности рэп доминантной поведенческой парадигмой.

В конце концов власти прекратили работу ВМШ, но к тому моменту три миллиона человеческих мозгов уже было зомбировано.

— И один из этих мозгов принадлежал мне — в ту пору тринадцатилетнему невинному ангелочку, жившему вместе с мамочкой и сестричкой в проджексе «Турецкий модерн».

Ладно, не буду нагнетать атмосферу, пугая читателя сверх всякой меры. Курсы лечения тропами и восстановителями со временем почти восполнили урон, понесенный нервной системой. Почти — но не совсем. Внешне я стал вообще совершенно нормален, если не считать пустякового тика. Но хоть я на голову и окреп, а все равно обожаю рэп! Хотите — верьте, хотите — не верьте, любить его буду до самой смерти!

К сожалению, максимум, на что оказались способны крупнейшие лаборатории — такие как «Ново-Нордиск», «Кантаб» и «Неосефарм», — это создать троп, снимающий симптомы недуга. Дневная доза стихосомов позволяет худо-бедно контролировать квазитурет-синдром. Правда, в стрессовых ситуациях, в моменты пробуждения

или под воздействием других сильнодействующих препаратов я не очень правильно говорю и думаю.

Естественно, были судебные процессы, и со временем жертвам катастрофы выплатили компенсацию. Каждый получил десять тысяч северосоюзных долларов.

Я половину этой суммы отдал маме. Грустно вспоминать, как она все истратила за одну поездку на Вторую Месу, знаменитую своими индейскими казино. Ей не хватило денег даже на короткую экскурсию в Большой Каньон — а ведь она так давно мечтала пролететь по нему на Лед-Зеппелине. Тысячу я выделил сестре — насколько нам с мамой известно, Шарман эти деньги тоже профукала. А те, что оставил себе, я решил поберечь.

И хотя перед катастрофой я не думал всерьез о переселении из «Турецкого модерна», впоследствии надумал жить отдельно. Видел я, как опускаются живущие на инвалидное пособие — когда день-деньской валяешься на койке, а разум твой шарится по виртуалке, ничем хорошим это кончиться не может. Поэтому я дал на лапу одному мелкому муниципальному чиновнику, и в обход закона мое имя попало в список «лотерей-

ных» кандидатов в Депобщраб. На оставшиеся бабки я накупил черного ширева, оно помогло со скрипом пройти тест на профпригодность. (Я мог бы получить оценку и повыше, но волновался и выдал рифмованный ответ, что не понравилось экзаменаторам.)

Эта оценка в дополнение к моему официальному статусу нетрудоспособного лица обеспечила меня первой — и пока единственной — в моей жизни работой: кормить Едоков и выполнять распоряжения шефа нашего корпуса Ченгиза Озтюрка.

А он будет рвать и метать, если я опять опоздаю.

Поэтому я налил растительного молока «Пионер» в чашку со «Стрессген-суперхлопьями» и торопливо съел. Облачился в синюю с золотом депобщрабовскую форму-облегайку и был уже почти у двери своей стандарт-комнаты, когда через мои фильтры пришло личное сообщение с кодом высшего приоритета и громогласно прервало едва слышные новости ЦНС.

— Корби, — заорал попугай, — это мама! Я из дома звоню! Скорее приезжай! С твоей сестрой беда!

Прежде чем я успел запротестовать — мол,

опоздаю на работу, если к тебе поеду, не можешь ли сама как-нибудь справиться? — мама отключилась, не оставив мне другого выбора, кроме как смазать пятки и бежать без оглядки. На пути моем — стул, я его лягнул; на пути моем — дверь, я рычу как зверь. Дверь ушла в стенку, бегу по ступенькам. Вот я в интраметро, дух перевожу. Что случилось с сестрой? Ладно, там погляжу.

До «Турецкого модерна» я добрался в два счета.

Квартал успел состариться еще до моего рождения, а теперь он и вовсе казался древним, как ноев ковчег. Неумные дома, серые улицы, неполноправные граждане, мусорящие на площадях. Всюду карманники и попрошайки, каждый дом — логово шайки. На улицах патрулируют мутавимы и ходжи, куколке с сексовым прикидом лучше им на глаза не попадаться.

Девятым валом нахлынуло мое безрадостное прошлое. Но я, облаченный в синее с золотом, мужественно поднял голову и двинулся через толпы зевак, не удостаивая их даже взглядом. Пусть видят: ничто меня с этим местом не связывает.

Чтобы не лезли в голову рифмы, надо думать о чем-нибудь нейтральном. Я вспоминал историю квартала.

Когда я был еще мальчишкой, во времена

Последнего Джихада, вскоре после падения Стамбула, МВФ стал пускать беженцев в разные страны, города и биорегионы. В Чикаго прибыли главным образом турки — их насильственно вселили в построенный второпях проджекс.

Одним из этих поселенцев был мой папа.

Он полюбил местную девушку по имени Чита Гарвей. Она и стала моей матерью. В шестнадцать лет она была очень симпатичной кубо-гаитянкой. Родственникам папы не очень-то пришлась по вкусу перспектива межконфессионального брака, но он все же состоялся, и вскоре на свет появился сын, а затем и дочь.

Когда мне было восемь, а сестренка была новорожденной, папа и его дядя, фанатик по имени Зеки, серьезно поспорили. Зеки утверждал, что отец предал свой род. Слово за слово, и дошло до потасовки. И до крутой потасовки — Зеки выхватил из кармана нейрошунт военного образца (разработанный снеговиками и «участвовавший» в операции «Рок Касбаха»[200]) и прижал его к отцовской шее. Быстро пробурившись к позвоночнику, шунт завладел контролем над папиными моторными импульсами и буквально

[200] Примечания: 200

Намек на песню английской группы «Клэш» «Rock the Casbah». — Примеч. пер.

заставил его не дышать.

После смерти отца я был главным (и единственным) мужчиной в семье. Пока не отселился.

А теперь мама вновь заставляет меня вспомнить былую роль, хотя я давно снял с себя заботу о ней и о сестре.

Когда я поднимался по стертым ступеням знакомого до боли девятого корпуса (жильцы его в шутку прозвали Золотым Рогом), на меня упала медлительная тень дирижабля с лазерным управлением. И я с грустью вспомнил мамину стародавнюю несбывшуюся мечту о посещении Большого Каньона. Что же они с Шарман не оставят меня в покое, что же все тянут меня в проклятое прошлое? Им наплевать на то, каких бабок и хлопот мне стоило получить даже паршивую должность серво-лайта. Им наплевать, что я могу ее лишиться из-за сущего пустяка — такого, как опоздание.

«Эх, вот бы совершить что-нибудь выдающееся, — думал я, поднимаясь на вонючем лифте (стены кабины были сплошь в похабных сентенциях местных жителей), — показать, что я не просто инвалид, взятый на работу из жалости, что я — профи… Может, тогда бы мне жилось поспокойнее…»

Но я совершенно не догадывался, какой приз-сюрприз припасло для меня ближайшее будущее.

На сорок четвертом этаже я подошел к знакомой двери. Было слышно через макромолекулярные стены, как кричат друг на друга мама и Шарман, так что я даже не постучал. Просто приложил ладонь к потоанализатору генного экрана и вошел.

На меня обрушилось запоздалое дежа-вю. За год, пока я здесь отсутствовал, ничего из мебели не переставляли — а значит, не было и других перемен. На полке так и стоял мой детский набор «Юный генетик». Устаревшая филипсовская виртуола щеголяла пятнами — три года назад я ее пытался перекрасить глупокраской.

На подоконнике цеплялась за жизнь вечноумирающая орхидения.

Мама стояла ко мне спиной, заслоняла сестру. Когда повернулась и отошла, я понял, отчего она такая расстроенная и почему она вызвала меня.

Шарман обзавелась еще несколькими усиками. Да к тому же по обеим бокам и бедрам появились ряды жучиных ножек, и все эти отростки противно шевелились, дергались и корчились. Одежда была поделена на сегменты — чтобы не стеснять движения многочисленных конечностей.

— О нет! — воскликнул я. — Шарм, я думал, ты уже порвала с Тараканами…

У сестренки всегда было томно-миловидное личико, несмотря на космы и живые черные с радужным отливом протеогликановые усики, торчащие на добрый метр из лба. Но теперь это лицо, искаженное горем, страхом и слезами, казалось уродливым.

— Я никогда не порву с Тараканами! У меня просто башлей не было на все нужные навороты, а как появились, так я и…

В разговор вмешалась мама:

— Расскажи брату, как ты добыла две тысячи сас-баксов! Давай выкладывай!

Шарман возмущенно выпрямилась:

— Ладно, мамочка, расскажу. На кошках выиграла. Мама оглянулась на меня в поисках поддержки:

— Нет, ты слышал?! Родная мать во всем себе отказывает, кроме азартных игр, а она последние деньги крадет! Эта jeune fille estupida[201], не способная отличить гепарда от оцелота, все ставит на один забег!

— Это я-то не могу отличить?! Да я вернула

---

[201] Примечания: 201
глупая девица (фр., исп.)

вдвое больше, чем взяла!

— А остальное зачем растранжирила?! Во что превратила свое прекрасное тело?

— Моя грудная клетка, во что хочу, в то и превращаю. И кто бы говорил! Это ты у нас, что ли, мисс Бетти Базовая Линия?!

В суматохе я далеко не сразу обнаружил в мамином облике перемены. Шоколадная кожа в пятнышках, как шкура у ее любимых беговых кошек. Прозрачные усы, на манер кошачьих, дыбились над ртом.

— Ерунда! Моя пустяковая слабость — как старомодная тень для век моей memere[202] по сравнению с твоими безумствами. И кроме того, belle gato[203] — млекопитающее, как и мы. А тараканы…

Этот шар угодил точно в лузу. Шарман взорвалась!

— Ну, давай! — завопила она. — Договаривай! Тараканы — это насекомые! Жуки! Баги! Ничего, меня этим не оскорбишь. Жуки прекрасны! Они по развитию не ниже нас, а выше! Существовали задолго до млекопитающих и останутся, когда

---

[202] Примечания: 202
бабушка (фр.).

[203] Примечания: 203
прекрасный кот (исп.).

мы сами себя истребим. Горжусь тем, что я — Таракан! И как только денег раздобуду, панцирь куплю, целиком! Сейчас идет война цен между «Нейрокрином» и «Берлексом», хитин уже не дороже простогландина! У Долгоносика есть щитки, красивые — никакими словами не описать.

— Ай-яй-яй! — запричитала мама. — Дамбалла, Эрзули и Иисус, спасите меня от этой маленькой хамки!

И вдруг мои ноги точно в кисель превратились. В который уже раз я слушаю этот спор? В сотый, наверное. Наши жизни — будто фильмы, но мамина и сестренкина все снова и снова прокручиваются, а моя — на паузе.

Сколько ж еще терпеть эту пытку? Когда совершу я к бегству попытку? Пусть эти тетки рвут себе глотки, только меня отпустите, уродки! Надо брать ситуацию в свои руки, пока эти скандалистки не вырвали из меня сердце.

Я устало опустился на стул, мой взгляд упал на настольный аквариум. Там плавала четверка чешуйчатых трилобитов. Возня этих водяных гусениц напомнила о работе, и я вскочил, как ужаленный.

— Да прекратите же! Вы ничего не решите, если будете друг на друга орать. Разве так должны

толковать дочь и мать? Мама, вам с Шарман пора убрать пальцы с горячих клавиш. Что было, то быльем поросло, надо жить дальше. — Тут у меня возникла спасительная мысль: — Вот что, пускай Шарман при мне денек потусуется. У нас будет время обо всем поговорить, авось что-нибудь путное из этого вылупится. А вечером я ее привезу, и мы поужинаем вместе.

— Корби, ты всегда был таким славным мальчиком, — заулыбалась мама. — Не сомневаюсь, ты сумеешь вправить мозги нашей la cucaracha[204].

Шарман напряглась:

— Мама, я предупреждаю…

Я схватил Шарман под локоток, шлепнул по одной из растущих из живота ножек (та инстинктивно поджалась) и потащил к двери.

— Корби, — провожал меня в коридоре мамин крик, — я приготовлю твой любимый мамонтовый стейк!

Только в поезде, что ехал через город, Шарман заговорила со мной.

— Мамонтовый стейк! — фыркнула она. — А для меня — только котлетка из овцеволчатины, и то, если долго клянчить!

---

[204] Примечания: 204
таракан (исп.).

Я слегка успокоился, доставучие рифмы отступили в какие-то маловажные доли мозга. Слава богу, Шарман не собиралась хранить угрюмое молчание. Поглядим, вдруг да удастся выправить ситуацию.

— Зря ты так, Шарман. Знаешь же, мама — не из породы домохозяек. Да и после папиной смерти нелегко ей пришлось. А ты, вон, играть вздумала. Неужто не понимаешь, что этим блокируешь ее рецепторы? У нее и правда только одно развлечение в жизни осталось…

Шарман напряглась, отростки на животе принялись шевелиться, как ножки задавленного таракана. Видимо, она еще не научилась как следует управлять этими конечностями.

— А как насчет меня? Я для нее что, не развлечение? Почему она мной не интересуется, моей жизнью? Тебя всегда расхваливает, превозносит до небес. А мне от нее достаются только гной и слизь.

— Шарм, зачем так вульгарно? Мама меня больше любит, потому что я ей, наверное, чем-то папу напоминаю. И она мной гордится, потому что я выбрался из проджекса. И работу нашел… Правда, это не бог весть что, но все же… Ну а что она твои лейкотрины катализирует, так это…

— Знаю, знаю, из-за Тараканов. Ну, ладно. У меня для вас с мамой есть новость. Я уже не личинка. Я взрослая. И я все решила! Быть Тараканом — это здорово. Это великая честь. Сделался Тараканом — оставайся им до конца. И очень скоро я стану Тараканом полностью. Потому что со дня на день начнутся великие события, и Тараканы…

Шарман осеклась.

— О чем это ты? Что за гадкие капканы ставят нам твои Тараканы?

Она обхватила себя всеми восемью руками — две основные и шесть дополнительных, — замкнулась, и мне больше не удалось вытянуть из нее ни слова.

Когда остановился поезд, мы в очереди к выходу оказались за Человеком-Видимкой. Жуткое зрелище всех его работающих внутренностей вызвало у меня желание исторгнуть съеденные на завтрак суперхлопья.

Ну и выдался денек, хоть головкой об пенек!

Наверху мы зепто подождали на зеленом берегу озера Мич, под деревьями. Свежий ветер теребил нам волосы. На чистых водах играло солнце. Недалеко от транзитной остановки высилась штаб-квартира Корпуса Едоков, подчиненного властям БВО. Мы с Шарман двинулись в этом

направлении по утопающей в тени адамовых деревьев пешдорожки.

Штаб-квартира КЕ в прошлом веке была аквариумом Шедд. Но, как и все зоо— и аквапарки былых времен, с пришествием помесей океанариум оказался не при деле.

Когда трансгены всех мастей — в том числе и чудища, каких матушка-природа по собственной воле никогда бы не произвела на свет, — стали попадаться не в книжках и фильмах, а на улицах, в транспорте и магазинах, а то и в кроватях отдельных представителей человеческой расы (например, продукция «Гедоникс-плюс»), зевакам разонравилось смотреть на клетки с тоскующими пленниками. Все зоопарковладельцы быстро распродали экспонаты по лабораториям и занялись другими делами. Даже как хранилище видов, находящихся под угрозой исчезновения, зоопарк больше не был нужен — эту работу на себя взял Большой Генетический Банк.

Но все-таки бывший туристский аттракцион сохранил кое-какие связи с животным миром, и у меня нередко возникал повод об этом подумать.

В дверях я встретил Шарика, своего приятеля и коллегу — он тоже работал Кормильцем Едоков. И видок у него был замотанный.

— Привет тебе, Шарик, ходячий кошмарик, — чуточку нервничая, сказал я. — Как настроение у нашего Оззи?

Физиономия Шарика — сплошь вислые складки и глубокие морщины — очень подходит к собачьей кличке. Всегда-то он уныл, и свет ему не мил. А когда по уши в заботах, как сейчас, так просто олицетворение вселенской тоски до гробовой доски.

— Меня Хан напугал. Он же всегда такой апоптозный, а нынче просто на себя не похож! Представляешь, дал нам всем отгул, велел посетить в Петле[205] официальный контакт-фестиваль. Ну, это что-то вроде сенситивного тренинга — как правильно обращаться с демонстрантами-антимодами. Вот ты скажи, неужели тот Хан, которого мы знаем и ненавидим, способен уронить хотя бы йоктослезинку, если кто-нибудь из нас треснет по зубам чертова горлопана?

Действительно, для Оззи это странновато. Но все же я решил, что слышу хорошую новость — хорошую по сравнению с предыдущими. Мне даже зепто полегчало. Однако Шарик тут же меня разочаровал:

---

[205] Примечания: 205
Деловой, торговый и культурный центр Чикаго. — Примеч. пер.

— Он у всех спрашивает, где тебя носит. Сдается, для кадета Корби у него особое задание.

— Всемогущий Огун! Ну, я и влип, как базово-линейный кур в ощип!

— Вовсе даже и не обязательно. Я же говорю: наш Хан на себя не похож. Может, и не спустит с тебя шкурку. Но все-таки не стоит тебе медлить.

— Твоя правда. Спасибо за предупреждение, Шарик. С меня — ответная услуга.

— Да ладно, какие счеты между чуваками. Э, а кто эта симпотная бага? Хочешь со мной денек провести, а, божья коровка?

Пока мы с Шариком толковали, Шарман скучала и помалкивала, да шевелила новыми конечностями в запрограммированной последовательности — чтобы попривыкнуть к управлению ими. (Я надеялся, что она не забыла принимать цекропины.) Однако последние слова Шарика ее вывели из себя:

— Ты, хордовое! Жуй ромашник и помалкивай в намордник!

— Шарман, не заводись. Шарик, это моя младшая сестра, только она сегодня не в духе. Ты уж не обижайся.

— Млекопитающее не должно заступаться за Таракана.

— Шарм, инкапсулируй раздражение в вакуоль! Шарик, вот что, я тебя попозже найду. А сейчас пора получать от начальника горькие пилюли.

Я провел Шарман в офис Ченгиза Озтюрка. В приемной усадил сестру на диванчик-обниманчик фирмы «Био-сферикс».

— Здесь побудь. Мы еще не договорили насчет проблем нашей маленькой зародышевой линии. Через зептосекунду вернусь.

— Просто сидеть и ждать? Да я со скуки сдохну.

— Можешь волосы свои пересчитать. Найди себе развлечение, не сестра, а сплошное мучение. Вот, картинки порастрируй. Некогда мне с тобой нянчиться, начальник ждет, по башке надает…

Никогда еще любящий братец не позволял себе такого обращения с Шарман. Но это, похоже, открыло ей глаза на широту моей натуры, и она хмуро взяла пару ретинокрасителей, предназначенных для скучающих посетителей.

— Глазоувеличитель фирмы «Оливетти», — насмешливо проговорила она. — Ну и хлам!

Я так изменился в лице, что Шарман замолкла и надела очки.

Пройдя зигзаг световой ловушки, я очутился в рабочем кабинете Озтюрка.

Ченгиз Озтюрк — ветеран Последнего Джихада. Он занимал пост в светском правительстве Турции и едва не погиб в осажденном шахидами-убийцами Стамбуле. Оз-тюрк пережил самый мощный штурм города и пострадал от новейшего оружия.

Существовала раньше такая болезнь — ксеродерма пигментозум. Тот, кто ее цеплял, становился настолько чувствителен к солнцу, что, проведя под ним (еще до образования Великой Озоновой Дырищи) средней продолжительности день, приобретал рак кожи и другие клеточные заболевания.

Озтюрк был поражен боевым инфекционным агентом, выведенным из возбудителя этой ретроболезни. И теперь заразу не искоренить, она подстроила свою жизнедеятельность под его физиологические процессы.

Достаточно попадания на кожу нескольких фотонов с частотой видимого света, чтобы мой шеф забился в конвульсиях. И это спустя зепто времени закончится гипермучительной смертью.

Его эвакуировали в светонепроницаемой гомеокапсуле и поместили в подземную операционную, куда не проникал ни единый фотон, и там костолепы и клетковары тщательно его

обследовали. Но помочь ничем не смогли, разве что адаптировали его зрение к инфракрасному свету и подыскали кабинетную работу альфа-симбланда.

Со временем он стал шефом Корпуса Едоков, моим начальником. Есть ли нужда добавлять, что тяжелый жизненный опыт не сделал его приятным в общении старичком-бодрячком?

Я уже одолел зиг и пробирался через заг, когда наткнулся на облипучку-приставучку фирмы «Доу-Хьюз» — последний защитный барьер между Озтюрком и миром.

Лицо встретилось с податливой преградой. О черт! Меня вмиг опеленала полуорганическая пленка, с головы до ног, заклеилась сзади. А из паза в автомате пошла новая «простыня» — на тот случай, если мне удастся справиться с первой. В коконе самостоятельно проделались отверстия напротив рта и ноздрей — это чтобы я мог дышать и отвечать. Глаза остались зашорены — в них как бы нет нужды.

Никакая опасность мне не угрожала. Будь у меня оружие, я бы не смог им воспользоваться. Даже если бы держал в руке готовый к включению лазик, пленка бы его нейтрализовала, проникнув в механизм или обездвижив палец на

кнопке. Впрочем, обмануть липучку можно, на то есть разные мудреные способы, да только кому захочется подкоптить старикашку Озтюрка? Этот параноик перестраховывается абсолютно без необходимости.

Я застыл в дверном проеме.

— Капитан Озтюрк? Это я, кадет Корби… Комната была затоплена низкочастотным свечением,

И я, ничего не видя, будто кожей чувствовал на себе взгляд модифицированных глаз Озтюрка. Ну и работенку я себе подыскал! Впрочем, все лучше, чем гнить в «Турецком модерне».

Озтюрк наконец заговорил. Смешной у него был голос, почти механический. И тут я понял, что означали слова старины Шарика «на себя не похож».

— Кадет, мне требуется ваша помощь в небольшом эксперименте. Известно ли вам, что в зоне нашей ответственности замечен террорист по кличке Чокнутый Кошак?

— Так точно, сэр.

— Мне очень не хочется, чтобы Едоки пострадали от действий злоумышленника. Поэтому я перестроил их диет-поводки. Но в полном масштабе процедуру кормления не запустил — хочу сначала провести эксперимент, убедиться, что не

будет превышен установленный уровень ненаблюдаемого вредного эффекта. Возьмите вот этот образец и скормите колонии Речное Устье.

Я протянул руку — медленно, чтобы не спровоцировать приставучку на морозильную реакцию. На мою облепленную ладонь Озтюрк положил сверток.

— Если хотите, можете с помощью комп-перчатки проанализировать новую молекулярную структуру поводка, — предложил Озтюрк.

— Виноват, сэр, но комп-перчатками я не пользуюсь. У меня нейроинвалидность…

В голосе Озтюрка почему-то зазвучало удовлетворение.

— Ах да, конечно. Я должен помнить о таких вещах. Ладно, кадет. Приступайте к выполнению задачи.

Я затаил дыхание — вот сейчас речь зайдет о предстоящей выволочке! Но — не зашла. Появилось ощущение, что я остался в одиночестве. Наверное, Озтюрк скрылся в соседней, жилой, комнате. Ладно, не ждать же прощального поцелуя. Я поскакал в обратном направлении.

Пройдя половину световой ловушки, освободился от облипучки. В приемной забрал Шарман — она, ясное дело, разнылась, что я не дал до-

смотреть «Жаркую багровую равнину», фильм студии «СиМ». Заказал шкодовские реасанки и карманкомп фирмы «Талиджент». Надо было выполнять поручение.

Мы катили по улицам на север. Шарман сидела в седле позади меня, колючие насекомьи ножки впились в мои ребра.

По пути я размышлял, почему для такого задания капитан Озтюрк выбрал именно меня. Странно, как ни крути. Что это, намек на признание заслуг, на повышение? Или это просто воля случая, надо делать дело, мозги не мучая?

Естественно, ответа я так и не нашел, Потому засунул вопрос в долгий ящик.

Вскоре мы очутились на берегу, напротив колонии Речное Устье, в шести кварталах к югу от Оук-Стрит-бич, где играют на жаре в баскетбол беззаботные транши.

Мы с Шарман стояли на низком органобетонном пирсе с эмблемой КЕ — он предназначался для служебных нужд: парковка транспортных средств, кормление Едоков и тому подобное. Я показывал на жилище Едока. Оно было совсем рядом, в полуклике от берега.

Озерная рябь сильно блестела. Притеняя глаза, Шарман сказала:

— Ух ты, какой здоровенный! Между прочим, я здесь еще ни разу не была. Все равно что жить в Нуэво-Йорке — и не увидеть Тиви-Сити. Из чего сделано, из камней?

— Камни, грязь, деревья, плавник, сломанные автомобили. Что Едоки собрали в озере, то и пошло в дело. Строители они просто классные.

Сказал я это, гордясь по праву, моим подопечным пою я славу. Долго я был при Едоках радетелем, знаю цену их добродетелям. Хорошие это помеси — честные, непритязательные, ответственные. А я их вдобавок считал красивыми — что бы там ни говорили скептики.

А ведь — подумать только — не будь теракта, не было бы появления Едоков, как свершившегося факта! Так бы и жили создания эти только в лабораторном проекте.

Двадцать лет назад БВО подвергся нашествию мутировавших водорослей. Самым первым захватчиком был видоизмененный канадский рдест Elodea canadensis, интродуцированный в фарватер реки Святого Лаврентия. По части воспроизводства он легко заткнул за пояс «папашу» — ему понадобилась всего лишь неделя, чтобы удвоить свою биомассу. Применив довольно простую хемокомпьютерную технологию, егеря БВО

прекратили распространение рдеста-мутанта, но биорегион тут же был атакован еще более агрессивной водорослью — тысячелистником-аллигатором. Ее тоже прикончили, но это были только передовые части большой напасти.

Следующей проблемой стала печально известная помесь водяного гиацинта и сальвинии плавающей.

Через несколько дней весь БВО стал зоной бедствия и оказался под ЧП-колпаком.

Сегодня соплюхи вроде моей сестры, родившейся позже катастрофы, могут не верить в способность маленького неядовитого цветущего водяного растения причинить чудовищные убытки. А я не только в учебники заглядывал; в моей детской памяти запечатлелись огромные массы плавучей растительности.

Гиасальвиния (так ее назвали впоследствии) удваивала массу через каждые два дня, новые растения отделялись от своих вегетативно размножающихся родителей и уплывали колонизировать девственную территорию.

Водоросль собиралась в гигантские плоты, до двух метров толщиной, и вскоре покрыла весь БВО. Растительность мешала судоходству, опутывала трубопроводы, по которым подавалась

промышленная химия и питьевая вода, и даже способствовала наводнениям, вытесняя водяные массы. Когда начали гнить старые и коротко-живущие растения, они поглощали свободный кислород, отчего задыхались рыба и фитопланктон. Как ужасно при этом воняло тухлятиной! Да вдобавок ковры водорослей великолепно служили для размножения комаров, а те кусались будь здоров!

Чтобы ликвидировать эту угрозу, пришлось собрать войска биорегуляции со всего Союза. Прежде чем они добились успеха, массы генетически идентичных растений вошли в мировую историю.

В этой борьбе у нас было чудо-оружие — Едоки. Выращенные в спешке, но с умом, из нутрий и ламантинов, и, естественно, человеческих зародышевых линий (которые всегда так волнуют горлопанов), гиасальвиниядные Едоки (другие названия: ламантрии, нутрантины, озерные коровы) распространились по терпящей бедствие экосистеме со всей быстротой, на какую только были способны их производители: «Инвитроген», «Призм», «Биоцин» и «Каталитика».

Кризис был преодолен, но Едоки остались — защищать БВО от грядущих напастей. Великие

Озера они называли своей родиной. И, где бы они ни плавали, всегда возвращались, привязанные невидимой нитью пищевого снабжения, к своим берегам. И там их встречал Кормилец, такой как ваш покорный слуга, скромный трудяга диет-поводка.

— Как ты добиваешься, чтобы они подплывали? — спросила Шарман, как мне показалось, с неподдельным интересом.

— А вот так.

Я вынул карманкомп и набрал личный код. Опустил машинку в воду, где она принялась испускать ультразвуковой призыв.

Через несколько минут появился первый Едок.

Большой Едок. Глава колонии. Он был в полтора раза крупнее любого нутрантина и вдвое умнее. И только ему полагалась речевая приспособа.

Из воды вылетела мохнатая бурая торпеда. Большой Едок обрызгал нас с головы до ног — так он всегда здоровался, — и Шарман завизжала.

Он ухватился за пристань ловкими пальцами, но туловище осталось в воде. По морде озерной коровы сбегали ручейки. Уши и челюсти у нее были впечатляющие — генные инженеры не даром ели свой хлеб.

— Корби, — ухмыльнулся Большой Едок. — Как

поживаешь?

Я дотронулся до скользкого маслянистого меха.

— Спасибо, Большой, все у меня в порядке. Как твоя хозяйка, как детеныши?

— У нее все хоро-шо. И у мелких хоро-шо. Мы караулим. Мы спим. Мы строим. Жизнь хоро-ша.

— Рад это слышать.

Шарман опустилась рядом со мной на корточки,

— А можно… Можно его погладить?

— Конечно. Большой Едок, это моя сестра Шарман.

— Шар-ман. Здрав-ствуй.

Сестра инстинктивно нашла и почесала любимое местечко Большого Едока, за ушами. Она как будто вернулась в невинные хроногоды.

— Ах, какие мы мяконькие да пушистенькие… Я не удержался:

— А мне казалось, у вас, Тараканов, млекопитающие не в чести…

Шарман тут же взъелась:

— Мы людей ненавидим, привилегированную расу. А бедненькие помеси ни в чем не виноваты, это вы их такими сделали. Мы солидарны со всеми угнетенными существами! И наступит день, когда…

— Когда что? Шарман не ответила.

— Демагогию порешь — в точности как этот маньяк, Чокнутый Кошак. Вот погоди, кто-нибудь стуканет — попадешь в кутузку.

Шарман встала:

— А мне плевать. Мы готовы сражаться за то, во что верим.

Большой Едок оборвал наш спор:

— Кор-би, зачем ты поз-вал меня?

— Ах да. Пора новую пилюлю пробовать. — Я открыл полученный от капитана Озтюрка пакет.

Большой Едок удивился:

— Поче-му сей-час? Мало дней про-шло.

— Сам знаю, что мало. Это особенная таблетка. Защита.

— За-щита? — Большой Едок взъярился: — Кто хочет зла стае?

— Бешеная помесь. — Я пропустил мимо ушей возмущенное фырканье Шарман.

Подумав, Большой Едок решил:

— Я дру-гих приве-ду.

Он исчез под водой, а мы с Шарман остались ждать. Вскоре подвалила стая Едоков.

Большинство Кормильцев — лентяи, они просто сигналят о доставке таблеток и выкладывают их на пирсе — по одной на каждую озерную ко-

рову. И если кто-нибудь не получит свою порцию или ошибка в программе вскоре вызовет смерть от внутренних кровоизлияний и тахикардии, Кормилец переживать не будет. Да и чего переживать из-за каких-то помесей? Всегда можно новых наделать.

Но это не по мне. Я своих подопечных всегда кормлю в индивидуальном порядке. К работе отношусь ответственно.

И вот, пока Большой Едок чинно наблюдал издали (он всегда получает дозу последним, заботится о том, чтобы никто в стае не остался обделенным), я одну за другой побросал новые таблетки ламантриям. А они появлялись, проглатывали и исчезали, и казалось, этой демонстрации усатых морд не будет конца.

Я покормил уже половину стаи (двадцать минут, пятьдесят ламантрий), как вдруг заметил краешком глаза молоденькую озерную корову, она приблизилась к Большому Едоку и что-то ему пропищала. Он выслушал и подплыл к пирсу.

И тут произошло нечто немыслимое — Большой Едок ударил меня по ладони, и оставшиеся таблетки полетели в воду.

— Пло-хие таб-летки, — заявил он. — Ко-ровы будут без ума.

— Чего? — растерялся я. — Ты что имеешь в виду?

— Ко-ровы не поплы-вут домой. Поплы-вут на Восьмую ста-нцию.

Восьмая станция — один из искусственных островов, насыпанных в озере Мич в разгаре войны с гиасальвинией. Он уже много лет заброшен, там ничего интересного нет, кроме многочисленных граффити в одном местечке, где в хорошую погоду устраивают пикники.

— Ну, Большой, ты даешь! Вот уж чего не ждал от тебя…

— Боль-шой Едок дол-жен плыть. Дол-жен помочь боль-ным.

— Нет! Погоди! Можно мне с тобой?

Я запрыгнул на реактивные санки. Шарман плюхнулась в седло позади меня.

— Шарм…

— Молчи! Сам хотел, чтобы я с тобой поехала. Только-только интересное началось — неужели ты меня бросишь?

Большой Едок уже поплыл. У меня не было времени на споры.

Я ввел пароль в процессор реасанок и врубил тягу. Мы понеслись по воде, ну в точности Нептун с дочкой, и быстро обогнали Едоков.

А вскоре показалась Восьмая станция, островок в редких пятнышках обветшалых построек, заросших плющом-вощом и прочим бурьяном, чьи семена принесло сюда ветром рьяным.

Когда мы приблизились, удалось все разглядеть как следует. И вот что было обнаружено нами с расстояния нескольких метров от берега: ламантрии лежали на старом причале-пандусе, а вокруг них какие-то типы возились с лямками и пряжками.

Шарман узнала их прежде меня.

— Это же Тараканы!

Увиденное мне не понравилось. Я успел повернуть на сто восемьдесят, назад махнул, но тут — стрельба, и я струхнул.

— На берег! Живо! — заорал вооруженный Таракан. Я снова развернул реасанки и высадился. Шарман подбежала к крикливому Таракану.

— Долгоносик?..

Тот нарочито тщательно оглядел мою сестру через оптический прицел. Ствол винтовки — изделия фирмы Ортоптера» — тоже смотрел на нас. Сопротивление бесполезно. Рыпнешься — продырявит дурака, как несчастного жука.

— Вот что, Шарман, я не знаю, что ты тут делаешь, — проговорил Таракан в блистающем

крылатом панцире. — не знаю, как ты нас нашла и с какой целью — помочь или помешать. Но мы не допустим, чтобы ты расстроила наши планы. Этим трансгенам больше не быть рабами!

— Что вы собираетесь с ними сделать? — спросил я.

Долгоносик присмотрелся к моей форме.

— А, парнишка из Депобщраба. Шарман, это небось твой братец. Кажется, мы были правы, когда решили не привлекать тебя к операции.

— К какой операции?

— Здешних трансгенов обработал сам Чокнутый Кошак. Новый троп. Теперь они будут выполнять тщательно разработанные инструкции, каждую строго в назначенное время. Все до одного возьмут ранцы со взрывчаткой и отправятся в реку Чикаго. Мы взорвем все коммунальные туннели под рекой и затопим Петлю. И тогда кранты всему киберобеспечению города.

— А как же бедные Едоки?.. — пролепетала Шарман.

— Это малая жертва, чтобы освободить все племя.

— Нет! — закричал я.

— Вредить людям — это нормально, — попыталась разубедить Долгоносика Шарман. — Они

заслуживают. Но зачем губить помесей?

— Поздно. Операция начата, ничего уже не отменить. Нам придется взорвать заряды, как только они прибудут на место. Медлить рискованно — взрывчатку могут обнаружить. А значит, коровы не успеют бежать. Ну и что с того, что погибнут? Главное — мы победим. А ну-ка, оба — вон туда, к стенке.

Ох-ох, неважнецкие наши дела. Похоже, этим Тараканам не нужны свидетели…

И тут началось!

Озерная корова — это, конечно, не дельфин, но она способна плыть с чудовищной скоростью и выпрыгивать из воды на изрядную высоту. Оставшиеся в здравом уме Едоки взлетали и падали на скользкий склон, и в каждой ламантрии было не меньше ста килограммов. Они обрушились на Тараканов как девятый вал, спасая своего Кормильца. Сбили Жуков с ног, примяли к мокрому органобетону.

Я бросился к подлецу Долгонсику, пинком расколол его панцирь и ухмыльнулся: ружье у меня, теперь я здесь командую!

Подбежав к воде, я нашел знакомую голову.

— Кор-би, — проговорил Большой Едок, — это от них нам нуж-на за-щита?

— Уже не нужна, Большой. Как-нибудь обойдемся. Вы уже догадались — в темном кабинете капитана Озтюрка я разговаривал не с кем иным, как с Чокнутым Кошаком. При этом и бедняга Оззи присутствовал, вернее, его труп.

Негодяй неспроста выбрал меня. Он знал, что с перчатками я не работаю, что у меня мозги не в порядке, а значит, не хватит соображалки разгадать его коварный план. Да только не учел прохвост, что я не прост: к работе своей не отношусь формально, все делаю четко, правильно и нормально.

Немногие люди могут похвастаться тем, что побывали в одной комнате со знаменитым трансгеном-террористом и ушли живыми. Какое-то время обо мне метаме-диум трубил — мол, скромный юный герой в синем с золотом, спаситель города и все такое. И кажется вполне естественным, что начальство КЕ повысило меня в должности — мне досталась работа Хана.

Что же до Шарлотты, то она полностью разочаровалась в Тараканах, а поскольку в Корпусе Едоков появилась кадетская вакансия, да к тому же я вышел в начальники…

Ну а вы теперь знаете, каково живется инвалидам в городе Чикаго.

Шунт

Я сидел у себя в офисе и скучал, как скучает в пасмурный день сборщик урожая на нью-мексиканской солнечной ферме. Два месяца безделья — с ума можно сойти. Любой клиент бы мне сейчас сгодился, даже самый завалящий. Хотя бы разъем-папа, ищущий сбежавшую разъем-маму. Хотя бы геронт, жаждущий подключиться к полузаконному, недолицензированному суперхитовому мечтарику «Голден эйдж». (У «Вудстока» в этом году юбилей — столетие со дня основания фирмы, и в честь события выпущен ностальгический вирт-альбом, специально для еще не покинувших сей мир фанатов ретро-стиля.) Хотя бы десятилетний шкет, которому не терпится получить гражданские права, и он готов пробираться через лазейки в законодательстве. (Парламент САС только что понизил возрастной ценз до двенадцати лет, но даже этот предел уже подвергается натиску новейших тропов.) Хотя бы огорченная и разгневанная супруга, что мечтает задать взбучку мужу, подозреваемому в недельной оргии с германами. Все они побывали у меня в разное время, и когда-нибудь появятся новые

клиенты, тут не может быть никаких сомнений. И я, как встарь, буду брать деньги и выполнять заказы, не задавая лишних вопросов. При моих-то более чем скромных доходах нельзя быть слишком разборчивым.

И тут я спохватился, что сейчас нет особых причин беспокоиться об этической стороне моей профессии. Уже полдня прошло, и вторая половина вряд ли будет веселей, чем дебаты между кандидатами от зеленых и консерваторов на пост губернатора Кубы. Иначе говоря, день ничем не отличим от шестидесяти предыдущих.

За самомоющимися окнами (у домов новых серий тьма достоинств, но вот вопрос: долго ли еще я смогу платить за офис?) над рекой Чарлз сверкало солнце. На противоположном берегу высился построенный силикробами черный купол — десять лет назад власти возвели его над Массачусетским Технологическим, когда явилась Большая Серая Сикараха. На самом деле это не полушарие — стены купола уходят под землю, образуя полностью замкнутую сферу. Она была создана всего-то навсего за сутки, а вид такой, будто ее строили много месяцев. Помню, как я смотрел этот «спектакль» из своей «ложи». Все подразделения силовых структур САС, управля-

емые высшими копами и лепилами, отражали натиск бешеной жизни: против щупальцев и усиков — брандспойты и струи энзимовой взвеси. Когда ферменты растворили все, что появилось на поверхности земли, в дело вступили силикробы, они-то и создали шар-саркофаг. И теперь один Бог ведает, что происходит внутри — не было времени установить там датчики. Зато снаружи купол охраняется хорошо — круглосуточно барражируют полицейские в летающих клетках. Что ж, бывают обстоятельства, с которыми ты вынужден смириться.

Я уже подумывал насчет откупорить пивчик-живчик и растрировать какую-нибудь трехмерку (от безделья обзавелся привычкой смотреть дневные игры, особенно «Твоя жизнь он-лайн»), как вдруг услышал шаги в коридоре за дверью. Поспешно убрав ноги со стола, я попытался сделать вид, будто работы у меня побольше, чем у четырехрукого бармена в вечерний час.

Неизвестный не прошел мимо двери, как сделали многие до него. Раздался стук.

Я глянул на охранный экран и увиденным остался удовлетворен.

— Прошу.

Сработал замок, дверь распахнулась.

На посетительнице был очень стильный костюм — кислотные фиолетовый и оранжевый цвета. Пиджак с асимметричными лацканами, отороченными голубой искусственнорощенной норкой; к большему отвороту приколота орхидения — она бросилась мне в глаза с шести футов. Юбка слева доставала до лодыжки, зато правая нога была обнажена целиком. Хромовые котурны добавляли к росту четыре дюйма. Вьющиеся черные волосы были уложены в высокую прическу, а на лоб падал светлый локон. Канареечно-желтые радужки, маленький плотно сжатый рот. На щеке миниатюрный любовный рубчик в виде астрологического символа Венеры.

— Нельзя ли зашторить окна? — спросила она,

— Леди, но ведь мы на сороковом этаже…

— Откуда вам знать, что напротив нет оптики? Сейчас нанокамеры где только не попадаются. Закройте окна, пожалуйста.

Я пожал плечами и скомандовал:

— Шторы.

Полотна непрозрачного пьезопластика, свернутые в рулоны по верхним краям окон, поползли по стеклу под действием слабого электрического тока. Я прибавил света и сказал:

— Присаживайтесь. Могу я вам предложить

чего-нибудь выпить?

Она села и положила обнаженную правую ногу на левую. Я увидел татун на бедре — пантера. Раз в полминуты кошка раскрывала пасть в беззвучном рыке.

— Благодарю. Я бы предпочла шипучку-кипучку, если у вас найдется.

Я дал пинка заснувшей у меня в ногах помеси:

— Хомяк, проснись! У нас посетитель.

Хомяк открыл глаза, проморгался, расправил усы и молвил:

— Сэр, нужны ли вам мои услуги?

— Угадал, тупой трансген. Живо неси мне пивчик-живчик, а для леди — шипучку-кипучку.

Хомяк встал, надел короткую безрукавку, прошел к магнитному мини-холодильнику, принес напитки и спросил:

— Сэр, разве было так уж необходимо будить меня?

— Да, лодырь ты этакий. Спи дальше.

Хомяк не преминул воспользоваться разрешением.

— Самый дешевый трансген, — пожаловался я гостье. Она помахала ладонью:

— Не важно. Меня зовут Женева Гиппельштиль-Имхаузен. Вы позволите взглянуть на вашу

лицензию?

Я протянул карточку. Сейчас она показывала ксиву массачусетского частного детектива. Женева несколько раз сложила пополам и разогнула карточку — появились интерфейсы САС, «Еврокомм», МВФ, бразильская и орбитальная визы. Сложила в последний раз — увидела героя трехмерки «Секси-сиуксы», нагишом, в одной из его знаменитых поз. Выдержка Женевы была достойна восхищения. Ни один мускул не дрогнул на лице, лишь чуть-чуть порозовел любовный рубчик. Она мне вернула карточку со словами:

— Кажется, здесь есть все, что мне необходимо знать о вас.

— В таком случае вы можете рассчитывать на мои услуги, — проговорил я, подразумевая, что готов оказывать не только услуги частного сыщика, и еще раз полюбовался ее ножками. — Можно поинтересоваться, что вас сюда привело?

Она наклонилась ко мне:

— Я хочу, чтобы вы кое-кого шунтировали. Так-так. Ей удалось меня удивить. Чего только не случается в нашем бизнесе.

— Ведь вы это делаете иногда, не правда ли? — приподняла она аккуратно вычерченную бровь.

— Конечно делаю, но это непросто. Стоит подо-

роже, чем обычные мои услуги.

— Не имеет значения. Очень уж много поставлено на карту.

Я мысленно увеличил цену в полтора раза.

— Мне нужно узнать побольше, прежде чем я соглашусь взяться за дело. Кого вы хотите шунтировать, и чем он перед вами так провинился?

Она вздохнула:

— Речь идет о моем муже Юргене фон Бюлове. Он сбежал, похитив новейший троп в принадлежащей мне фирме. Может, вам доводилось слышать о «Гиппельштиль-Имхаузен»? Немецкое предприятие, специализируется на биоактивных веществах. Украденный препарат проходил экспериментальную проверку. Это сверхмощный нейротропин. О нем даже говорить сейчас очень опасно. Потому-то я и просила зашторить окна. Надеюсь, ваш офис проверялся недавно?

Я кивнул.

Она продолжала, но с явной неохотой:

— А препарат, украденный моим мужем, — это троп, стимулирующий осмысление стохастических явлений. Это означает, что он позволяет проникнуть в суть динамики хаоса. Мы надеялись выбросить его на рынок, опередив конкурентов. И тут — бегство моего мужа, с несколькими доза-

ми экспериментального препарата и планом его доработки. Если до Юргена раньше нас доберутся конкуренты, возьмут кровь на анализ и расшифруют молекулу тропа — прощай, наш патент.

— Почему же ваш супруг совершил кражу в собственной фирме? Вы что, не делились с ним прибылью?

На лице Женевы появилось смущение пополам с отвращением:

— Мой супруг — мот. Он умеет только тратить, а зарабатываю я. Приходилось его держать на коротком диет-поводке. Как видите, поводок оказался не слишком прочным.

— Хотелось бы получше представлять себе, что это за новинка. Для чего служит, как ею пользоваться. Откуда у вас уверенность, что Юрген уже не продал украденный троп конкурентам?

— Не продал, у него другой замысел. Видите ли, он азартный игрок. И этот троп…

— Уж не хотите ли вы сказать, что троп повысит его шансы на выигрыш?

— Совершенно верно, — кивнула она. — Юрген увидит строгую логику в кажущейся хаотичности игры.

«О, мать мутантов! — подумал я. — Вот это круто!» И мысленно удвоил свой гонорар.

— Но почему бы не обратиться к официальным структурам?

— Слишком много дырок для утечки информации.

Мне нужен один профессионал.

Я встал, подошел к ней, поднес руку к ее лицу. Она даже не моргнула. Я легонько провел загрубелым большим пальцем по любовному рубчику. Эге, да под ним побольше рецепторов удовольствия и нервных волокон, чем под эпидермисом домашнего любимца десятого поколения! Эта дамочка знает толк в оргазмах.

Когда она открыла глаза, я проговорил:

— Похоже на то.

У меня не было любовных связей с тех пор, как бросила жена. Частному сыщику приходится иметь дело в основном с ревнивцами, мошенниками, уличной шпаной и полицией. А когда я и вовсе не при делах, вынужден общаться только с Хомяком.

Сам не возьму в толк, почему я приобрел этого паршивца. И ведь модель отнюдь не навороченная. Лучшая функция — кусать хозяина: не моешься регулярно — получай инфекцию на неделю-другую. А мозгов — кот наплакал. Приходится формулировать команды с минимумом

двусмысленности, иначе Хомяк может преподнести неприятный сюрприз, как в тот раз, когда я распорядился «залить машину метаном». В игры сложнее шашек не играет, да и в шашки всегда проигрывает.

И ко всему прочему это вовсе не домашний любимец. Хомяк псевдоженообразен, но стерилен, и сексуальности в нем не больше, чем у замороженной скумбрии. Фигура — ни то ни се, а из-за своего спецрациона он пахнет мокрым сеном. Не урод, но и не секс-сиукс. Эх, если б я мог раскошелиться на Золотую Серну или на Змеиный Стан, мне бы сейчас жилось совсем по-другому…

И все-таки я привык к этой помеси. Так привыкаешь к старым тапкам или к диванчику-обниманчику, продавленному по твоей фигуре. Ну, и у Хомяка не отнять умения стряпать, прибираться в офисе и тактично кивать, когда я пытаюсь что-то втемяшить в его куцый умишко.

Вот и выходит: нет ничего странного в том, что я к нему обратился, когда ушла Женева.

Сдается мне, в первую очередь надо съездить в Логан — а ну как зацепим там ведущую к Бюлову ниточку. Он удрал три дня назад, но это не самый простывший след в моей практике.

— Да, сэр, нам нужно съездить туда. Правда, я

не помню почему. Сейчас я пытаюсь думать, а это трудная работа. Дайте мне немного времени, сэр. Одной минуты должно хватить, я уверен…

— Хомяк! — Сэр?

— Хватит чушь молоть. Неси сюда мой пистолет.

Я не любитель расхаживать вооруженным до зубов. Лазики, пистоляпы, пулевики — не для меня. В самых острых ситуациях я предпочитаю пускать в ход острый ум, спокойствие и железную логику — или быстрые ноги. Если надо кого-то вырубить, сгодится и шокер — да и ни к чему брать на душу грех смертоубийства. Все, что нужно, — квадратный дюйм обнаженной кожи противника, чтобы влепить разряд тока, который перегрузит высшие нервные функции вроде тех, что вводят во искушение прикончить безобидного частного сыщика.

Я пришлепнул к бедру принесенный Хомяком пистолет, его биополимерный ствол сам законтачил с кобурным лоскутом на штанине. Если шпалер вдруг понадобится, встроенные потоанализаторы освободят его, как только ладонь ляжет на рукоятку. Выдвинув ящик стола, я взял нейрошунт и светящиеся оранжевым липучки. Сунул их в боковой карман жилетки, чтобы лег-

ко достать в случае чего. И двинул в аэропорт в теплой компании Хомяка. В уме я уже тратил еврики, обещанные мне Женевой.

В Логане я пошел прямиком к стоянке такси. С кем угодно готов был поспорить, что разъем-папа с такими барскими замашками, как у фон Бюлова, лишний раз не станет расходовать энергию на перемещение массы.

Так и есть — третий опрошенный мною таксист вспомнил, что вез разыскиваемое лицо. Машина была тьюринговская, второго уровня, со всеми положенными прибамбасами, включая высокую степень контроля.

— Мне необходимо увидеть документ, удостоверяющий ваше право на следственную деятельность. Если у вас есть такой документ, мне необходимо его увидеть. Прошу предъявить документ.

Я сунул карточку в паз. Такси удовлетворилось считанной информацией и выплюнуло мою ксиву.

— Да, сэр, я транспортировало описанного вами человека. Вот его изображение.

Такси высветило портрет фон Бюлова, совпадавший с цифровым снимком, который мне показывала Женева. Лицо будто топором

вырубленное, светло-пегие волосы, недобрые сиреневые глаза. Но вообще — красив, как красива чистокровная базово-линейная борзая, и почти столь же невротичен и норовист. Эти чертовы европейские аристократы сумели очистить свою породу, благо, сейчас несложно устранять мелкие врожденные недостатки вроде лейкемии или гемофилии, из-за которых раньше король Англии походил на дворняжку.

Всеми своими митохондриями я чувствовал: нелегкое это будет шунтирование.

— Вот его родословная, считанная моими чипами проверки хромосом, сэр.

И побежали по экрану цифры и метаграфика — волна за волной.

— Хорошо, давай твердые копии и того, и другого. Родословная пригодится на тот случай, если у фон Бюлова изменится внешность. Но это случится едва ли. Тот, кого я ищу, — явно самовлюбленный типаж, такие всех, кроме себя, считают дураками. Ему небось и в голову не приходит, что его могут искать.

— Ну и куда ты его подкинул?

— Подкинул, сэр? Такое действие способно причинить ущерб здоровью человека, а мне строжайше…

— Где он вышел?

— У «Копли-плаза».

Чего и следовало ожидать. Он двинул напрямик в крупнейшее городское казино.

Я понесся в город с бешеной скоростью — обшивка машины едва успевала подстраиваться под аэродинамические флуктуации, по десять раз в секунду меняя свою форму. Завыл сиреной какой-то мусор в летике, но я ответил кодом приоритета, и дорожного полицейского как ветром сдуло с моего пути. При таких темпах я доведу дело до конца куда быстрее, чем самому бы хотелось.

Добравшись до «Копли», я пошел прямиком к регистрационной консоли. За ней, между прочим, торчал настоящий человек. У «Копли» такая политика: никаких помесей в штате, а тем, кого приводят посетители, лучше не маячить (естественно, к телохранителям это не относится). Пришлось оставить Хомяка в хлеву.

Портье был чернокожим — точнее, пегим, но с преобладанием черного цвета. Волосы на голове собрал в хохолок, связал золотой проволокой. Я показал ему карточку:

— Я веду расследование.

— Масса — частный сыщик? — Глаза мигнули

дважды, но на лице осталось бесстрастное выражение.

Я глянул на свою ксиву. Дурацкое такси возвратило ее с изображением секси-сиукса. Я вывел нужное удостоверение.

— Чем могу помочь, сэр?

Я сунул левую руку в карман жилетки, нащупал нейрошунт.

— У вас проживает человек по имени Юрген фон Бюлов?

Мой визави просканировал память.

— Сегодня утром съехал, сэр. Багье дерьмо!

— Догадываюсь: он сорвал куш, перевел деньги в Парагвай и махнул в теплые края на суборбе?

— Это не так, сэр. Мистер фон Бюлов очень сильно проигрался. И если бы мы не добились от него перевода страховой суммы на счет нашего отеля — а мы всегда принимаем эту меру предосторожности, имея дело с азартными игроками, — у него бы не хватило денег, чтобы оплатить проживание. В итоге мистер фон Бюлов остался ни с чем. Не будь я сейчас на работе, позволил бы себе пошутить: он остался со своим породистым носом.

Что за ерунда?! Либо игра в казино такая же непредсказуемая, как итог Четвертых Мировых выборов, либо украденный троп — фуфло. Ни

один из этих вариантов меня не устраивал.

— А он не упоминал о своих планах?

— Нет, сэр.

Тупик. Опечаленный, я отвернулся,

И тут что-то ткнулось мне в лодыжки. Я посмотрел вниз и увидел Плавника.

Плавник — челорыб. Мы с ним давно знакомы, время от времени оказывали друг другу услуги. Этот парень принадлежал к секте плавильщиков, которая стремилась хоть отчасти искупить вину человечества в истреблении дельфинов. (По утверждениям сектантов, род людской не оправдан оттого, что впоследствии поголовье дельфинов в океанах и морях было восстановлено.)

У Плавника руки были вплавлены в тело, ноги сварены друг с другом от паха и до пальцев. Носил он облегайку из серой скользкой ткани, которая обеспечивала организму нормальную жизнедеятельность и придавала Плавнику сходство с торпедой. Ездил на колесной тележке с питанием от батареек.

— Привет, Плавник. Как твой метаболизм?

— Бывает лучше. Я слышал, как ты с портье разговаривал…

— А почему бы нам с тобой не подышать све-

жим воздухом?

Я вышел, а Плавник выехал из «Копли». На улице было полно прохожих, никто не обращал на нас внимания.

— Так что ты знаешь, а, Плавник?

— Вчера я весь день пробултыхался в казино, надеялся раскрутить какого-нибудь везунчика на пожертвование для нашей церкви. И видел того типа, по чью душу ты сюда явился. Вот уж у кого не клевало! Он даже заговариваться начал, когда непруха пошла косяком. «Турбулентность, — говорит. — Это все турбулентность, шум и странные аттракторы. Никак не оседлать поток…»

Если судить по этим словам, тропы тогда еще не заработали, или фон Бюлову было очень трудно контролировать новый поток данных.

— Так-так, продолжай.

— Когда он вконец проигрался, подошел ко мне. «Челорыб, — говорит, — мне нужна черная дурь. Кто в этом городе ею торгует?»

— И ты его направил…

— К клоачным крысам. А то к кому же? Я кивнул. Хорошая наводка.

— Спасибо, Плавник. Я бы тебе руку пожал, если бы мог.

— Рукопожатия — это человеческий шовинизм!

Ты лучше позаботься, чтобы на счет церкви легли приличные башли.

— Сделаю. До встречи, приятель.

— Свободного тебе плавания.

Я вернулся и забрал из хлева Хомяка, дал чаевые девчонке-скотнице.

— Спасибо, сэр, рад видеть вас вновь, сэр, я очень терпеливо ждал, сэр…

— Хомяк, заткнись!

— Слушаюсь, сэр.

И мы пошли искать клоачных крыс.

За минувшие полвека Бостон подвергся десятку бандитских нашествий. Сначала, в восьмидесятых и девяностых, приходили «чистокровники» и «слабаки» из Лос-Анджелеса, потом явились «гонконгские клещи», когда этот свободный порт резко покраснел. Их сменяли камбоджийцы, испанцы, колумбийцы, новошотландцы, браззи, ямайцы… Период правления каждой шайки был недолог и заканчивался резней, а переходящий приз — Бостон — доставался новым победителям. Но в конце концов стереотип иноземных нашествий был сломан двумя факторами: образованием Североамериканского Союза и победой тропов и других синтетических биоактивных веществ над органическими наркотиками. САС

поставил на своих границах железный занавес, зарубежным конкурентам не было ходу на его территорию. Селевый поток легальных нейротропинов хлынул в школы и на улицы, и вскоре появилась целая армия юных биобрухо с домашними аминошинковками и хромоварками, и они создали уже незаконные тропы и строберы. Образовавшиеся специфические ниши были заполнены разными шайками, войны за передел сфер влияния были редкими и незначительными, общественный порядок не нарушался, и власти в большинстве случаев глядели на «шалости» молодежи сквозь пальцы.

В целом сеть распространения синтетиков имела хаотичную структуру, вычленить строгую иерархию было невозможно, но все же отдельные банды обладали неоспоримо высоким статусом.

И одну из первых позиций списка занимали генералисты клоачные крысы.

К-крысы жили в лабиринте заброшенных труб, по которым сливались отходы в ядовитую бухту. Когда весь город переоснастили грязекомпостирующей техникой, в старой клоаке отпала надобность. С тех пор то и дело кто-нибудь ставил вопрос о ее демонтаже, но в бюджете метроплекса не находилось средств на подобную

«косметику».

На шею пролилась холодная вода — как будто меня погладил зомби. Я стоял по щиколотку в мерзкой жиже. Хомяк дрожал, но не от холода.

Нас окружали крысы, освещенные моим фонарем. Все они подверглись стоматологическим усовершенствованиям, за что их и прозвали крысами. А в остальном — обычная разношерстная шайка, каких полно.

— Что, фраер, захотелось крысиным ядом ширнуться?

— Нет уж, спасибо. Нельзя ли повидать Цуму-Пуму?

— Пума у нас кореш деловой, с кем попало не базарит.

— Мы с ним знакомы. Агрессивности у крыс поубавилось.

— А что за дело-то у тебя? Объяснил.

— Жди здесь.

Я ждал. Крысы присматривали за мной. Один типчик грыз что-то вроде человеческого бедра. Хомяка по-прежнему трясло.

— Успокойся. Пока я рядом, никто тебя не обидит.

— Не могу справиться с собой, сэр. Это нехорошие люди.

Крысы услышали и захихикали. Вернулся тот, с кем я говорил.

— Пума тебя примет.

Из лабиринта труб мы выбрались под большой купол, помещение было завалено пожитками — гнездо крыс,

понял я. Меня подвели к двери в личные покои Пумы. Мы с Хомяком дальше шагали без сопровождения.

Цума-Пума возлежал на груде подушек, облаченный в доспехи из эластичного пьезопластика, с эффекторами, соединенными с электрохимической биосистемой организма. На шее, запястьях и лодыжках пьезопластик был покрыт рыжевато-коричневой шерстью. Лицо не было закрыто. Рядом сидела домашняя любимица — модель Зеленая Канарейка, оглаживала перышки. Когда мы вошли, она испустила пронзительную трель.

— Привет, корешок, давно не виделись, — сказал Пума. — С тех пор, как я спас твой хвост от «мозговых костей». — Пума рассмеялся. — Хотя это только моя версия.

— Которую ты всем выдаешь за стопроцентно правдивую. А я не разбиваю ее в пух и прах, и, стало быть, ты мне должен услугу.

— Смотря какой величины тебе требуется

услуга.

— У тебя сегодня был клиент. — Я описал фон Бюлова. — Что ему понадобилось?

— Прости, чувачок, но этого я тебе не скажу. Сам знаешь, все наши сделки — коммерческая тайна. Если будем, хе-хе, крысятничать, к нам перестанут ходить.

— За эти стены ничего не выйдет, ты же знаешь, — возразил я.

Но Пума оставался непреклонен:

— Извини. Может, чем другим смогу помочь? Я сдернул с бедра шокер. Пума расхохотался.

— Зачем тебе эта игрушка? Хочешь меня вырубить? Тогда я и подавно ничего не скажу.

Я прицелился ему в грудь и нажал на спуск. Стрелка впилась в доспех и сразу выпустила микрокрючки.

— Мазила! Даже не оцарапал!

— Знаю.

Я послал по проволоке ток. Пума на своей лежанке сделался твердым, как доска.

— Батареек в шокере хватит на месяц бесперебойной работы. Когда я уйду из этой вонючей норы вместе с Канарейкой, сюда попробуют ворваться твои крысы. Вряд ли получится — ты ведь хорошо позаботился о безопасности жилища. На-

верное, смерть от жажды — это просто кошмар.

— Засужу картель, продавший мне этот паршивый доспех!

— Только в том случае, если ответишь на мои вопросы.

Пума устало вздохнул — дескать, вот же привязался.

— Так и быть. Этот парень хотел, чтобы мы расшифровали его кровь. Нас такая просьба заинтересовала, да мы и сами собирались взять у него пробу. Но он был начеку и навел на нас лазик. Шутить он явно не был настроен, ну, и мы от приколов воздержались. И тогда он изложил свою проблему. Мы так поняли, что ему понадобился мощный математический сопроцессор и кой-какие нейрографические примочки. Мы их выложили, и он вроде остался доволен.

— Он не говорил, что собирается с ними делать?

— Приятель, трудновато дышать в таком костюмчике…

— А будет еще труднее. Продолжай. Куда он направился?

— Ну, в общем, заплатив нам, он остался почти ни с чем. Поинтересовался, где можно сыграть по-крупному. Я ответил, что казино в нашем

городе консервативные, в долг фишек не дадут. И это чистая правда, Бостон — это тебе не Облако Оорта. Так что я ему посоветовал ехать в Атлантик-Сити.

— Ладно. — Я выдернул стрелку и смотал проволоку. Пума обмяк.

— Трудно с тобой дружить, — сказал он. — Но и ссориться не вижу смысла. Увидимся, частный легаш.

Снова очутившись на улице, я подключился к терминалу «Бостонского банка». Решил заплатить за наводку Плавнику, прежде чем двину в Атлантик-Сити.

Стоявший передо мной парень вынул из бабкомата свою карточку. Хотел засунуть в карман, но что-то его остановило. Он посмотрел на карточку, выругался, выхватил пистолет и пальнул в бабкомат.

Аппарат отозвался электронным визгом, на четырех колесах вылетел из ниши в стене и попытался дать деру. Но налетел на зеваку-коммивояжера, сбил с ног. Выроненный чемоданчик с образцами товаров раскрылся от удара о дорожное покрытие.

Зазвучала музыка. Закричала женщина.

Обиженный автоматом парень снова выстре-

лил. И на сей раз свалил машину.

Вокруг разбитого дымящегося бабкомата собиралась толпа. От пострадавшей машины остро пахло горелыми электронными внутренностями. Взбешенный юзер подошел к ней, растолкав зевак, запустил руку в пробоину и вынул свою настоящую карточку.

— Имитаторы, мать их! В прошлый раз у меня вот так же карточку сперли — пятнадцать тысяч САС-баксов, как корова языком!

— Мир жесток, — произнес кто-то в толпе, якобы сочувственно.

— Я тоже не подарок. — И крутой юзер похлопал по пристегнутому к бедру пистолету.

Поездка из Бостона в Атлантик-Сити на «Серафиме» длилась девяносто минут. Фон Бюлов опережал меня на несколько часов, и я выбрал самый быстрый, хоть и далеко не самый дешевый вид транспорта. Впрочем, о деньгах я не жалел. Напротив, радовался возможности спокойно посидеть, подумать.

Хомяк заснул в соседнем кресле. Спросил бы меня кто, зачем взял с собой трансгена — я бы не нашелся с ответом. Может, потому что сидеть с ним рядом уютно, как дома. А рассчитывать на помощь Хомяка в серьезной переделке было

бы просто смешно. Да, наверное, дело в боязни одиночества. Мне нужна компания. Может быть, Хомяк для меня вроде талисмана.

Впрочем, провоз помеси-невелички стоил вдвое меньше моего проезда,

Я почесал Хомяка за ухом и сосредоточил все мысли на деле.

Фон Бюлов — мономаньяк, пробу ставить некуда. Псих без справки. Но в его крови — формула, и если бы он ее сумел расшифровать, то на такой товар нашлись бы десятки покупателей — от немецкого концерна ГНП до АТЭС. Но вместо того чтобы за месяц с выгодой сбыть краденое, он все тратит на несколько адреналиновых выбросов в казино. Вот это мне непонятно. Может быть, его кто-то зомбировал, и теперь он не сможет ни на секунду расслабиться, пока крупье не скажет ему «двадцать одно»? В моей практике бывали случаи и похлеще.

Через полчаса я перестал ломать голову. Нет смысла докапываться, почему психи делают то, что они делают. Будь у меня хоть крупица психиатрического таланта, я бы смог ответить на вопрос, почему я однажды пришел домой, а квартира заполнена саморазмножающейся пеной, благоверной же и след простыл. Что произошло,

то произошло, с этим и буду разбираться, а чьи-то сумбурные мотивы и внезапные порывы — не для моих скромных мозгов. Женева Гиппельштиль-Имхаузен хочет вернуть свое имущество, и я ей в этом посодействую — за очень приличный гонорар.

Я вспомнил, как гладил большим пальцем ее горячий любовный рубчик, и подумал: может, ей от меня еще что-нибудь понадобится?

Земля проносилась за монокристаллическими окнами поезда, она казалась пятном — как при ускоренной прокрутке фильма. В пути я подремал несколько минут. День выдался не из легких.

Около восьми вечера поезд прибыл в Атлантик-Сити. Мы с Хомяком покинули вагон и прошли на дощатую набережную — Бордуок.

Когда я был здесь в последний раз, Бордуок перебирался на новую дамбу, которая не давала повышающему свой уровень Атлантическому океану затопить город. Применялась супердревесина корпорации «Бехтель-Канемацу-Гошо», сооружение стало четырехъярусным, и теперь оно протягивалось мимо всех казино. Очень эффектно, вполне в крикливом стиле Атлантик-Сити.

Тротуары были заполнены гражданами и по-

месями. На уличных артистов пялились гости города, вокруг разъема-мамы в бикини, заправившейся лошадиной порцией «костомяки», собралась толпа. Она, развернув корпус на сто восемьдесят, взялась за пятки и пошла колесом — живая лента Мёбиуса. Доказывая свою односторонность, артистка легла на ковровую дорожку; многоногие мини-кибы с присосками на ножках бегали по спинно-грудной поверхности. Классный фокус.

Я задержался, чтобы купить спирулина-дог и лимонад-содовую. Если фон Бюлов здесь, он вероятнее всего торчит в казино, так что можно не спешить.

— Тебе взять чего-нибудь? — спросил я у Хомяка.

— Да, сэр, пожалуйста. Как заманчиво выглядят чили-доги! Мне один, но с двойным соусом.

Я исполнил желание Хомяка, памятуя о том, что перекармливать его нельзя — запросто протянет лапки. Впрочем, чили-доги продаются только людям, зарегистрированным владельцам трансгенов. Может, поэтому помеси и не убегают? Вернее, убегают, но немногие.

Когда мы подкрепились, я скомкал салфетку и бросил на Бордуок. Ее тут же подхватил мусо-

рохват.

— Пошли, возьмем за задницу мистера фон Бюлова, — сказал я Хомяку.

— Если вы считаете это нужным, сэр, то мы так и сделаем.

Беглеца я нашел в казино «Тайм Уорнер Сирс», возле рулетки. Карточка — удостоверение личности — лежала перед ним на столе, настроенная на показ денежного баланса. И он передвигал башлятник с красной цифры на черную, с черной на красную и так далее, и цифра на карточке росла, как на дрожжах. Я последил за фон Бюловым. Сиреневые глаза горели адским огнем, на лице — маниакальная сосредоточенность. Понятно: действие доработанного клоачными крысами экспериментального стимулятора интеллекта сейчас на пике. Фон Бюлов с головой ушел в нелинейную динамику рулетки, и хаос везения укладывается в постижимую для его разума форму.

Он не потерял ни фишки. Выигрыш поднялся до геостационарной орбиты.

Потрясающее везение одного из игроков не укрылось от остальных. Вокруг его рулетки собралась толпа жиголадок и милашек-валяшек, домашних любимцев и свободных башлеловов,

уже не говоря о менеджерах казино, с такими физиономиями, будто проглотили по горсти червей.

Вряд ли они будут возражать, подумал я, против шунтирования мистера фон Бюлова.

Я приблизился к нему сбоку. Менеджеры остановили игру, чтобы проверить рулетку и просканировать окружающих — не оказывает ли кто скрытого воздействия. Я этим воспользовался:

— Юрген, твоя жена просила кое-что передать. Он аж подпрыгнул:

— Кто ты? Откуда можешь знать мою жену? — Глаза сощурились, как будто он решил испытать на мне свою способность проникать в суть вещей. На лице дрогнул мускул. — А если и знаешь, что с того?

— Не спрашивай, кролик, по ком рычит пантера, она рычит по тебе.

Он отодвинул стул.

— Ладно, только ради бога, не здесь. Давай выйдем.

Мы вышли на безлюдный балкон. Наверху поблескивало звездное небо, как змеиная чешуя. Нас с фон Бюловым разделяло примерно четыре фута. Я чувствовал Хомяка — он был сбоку.

— Юрген, Женева требует вернуть троп. Он

фыркнул:

— Так пусть явится сюда и заберет.

— Она очень занята, вот и прислала меня. — Нейрошунт прятался в моей ладони.

Но я и глазом не успел моргнуть, как фон Бюлов направил на меня лазик — крупповскую карманную модель.

— Не усложнял бы ты, Юрген… — И я метнулся к нему.

Лазерный луч прошел рядом, даже жилетку задел — запахло горелой неразрывайкой. Второго выстрела фон Бюлов сделать не успел — я прижал свое оружие ему к шее.

Нейрошунт в миллисекунду забурился под кожу и прицепился к спинному мозгу. Фон Бюлов рухнул на пол.

Я повернулся. Хомяк бился в судорогах, на его безрукавке, напротив сердца, чернела прожженная дыра. Я подошел к нему, поднял на руки.

— Нехорошо, сэр, нехорошо… — пролепетал он и умер. Я вернулся к фон Бюлову. Для начала отвесил полдюжины крепких пинков, целясь в живот и пах. Он не издал ни звука, да он и не чувствовал ничего ниже шеи, и не видел, чем я занимаюсь. Затем я налепил оранжевый знак — пусть видят, что он шунтирован. Выкатил из казино автокрес-

ло с посаженным в него фон Бюловым и повез на вокзал. Как я и ожидал, администрация мне не мешала и не поднимала шума. Хомяка я оставил в казино — менеджеры обещали сделать все, что положено. Мой счет к Женеве увеличился на цифру, равную цене Хомяка, без учета амортизации.

На вокзале я купил дозу «вкуса мести» в павильончике фирмы «СиМ».

Полутора часов, проведенных в вагоне, вполне хватило, чтобы полностью выразить фон Бюлову мое неудовольствие.

Не забыть бы сказать Женеве, чтобы заткнула уши, когда вынет из мужа шунт…

Пеленка

Стоял погожий летний день. Окно детской комнаты на втором этаже было распахнуто. Словно приглашало: добро пожаловать, беда.

Те, кто строил этот умный и чуткий дом, позаботились о его охране. Автономный воздушный занавес окна препятствовал насекомым, крупным песчинкам и летающему органическому мусору, наподобие листьев ткач-деревьев или пены аэрорыб. Крошечные сторожа на реактивной тяге непрестанно патрулировали за окном по хаотической траектории, и если замечали приближение постороннего предмета или живого существа, кидались наперерез, отталкивали. Крупные пришельцы, весом более пятисот граммов, были уже в ведении охранной сети дома и интегрированных в нее боевых систем.

Но пташку, похожую на воробья, маленькую и проворную, вроде той, что опустилась на подоконник, ни одна система заметить не смогла.

Птица осмотрела детскую комнату. В отделке стен — силикробовые мультики: сказочные персонажи резвятся на постоянно меняющемся фоне. Гадкий Серый Волк преследует закутанную в

плащ Красную Шапочку; маленькая танцовщица в заколдованных красных башмачках пляшет до полного изнеможения.

Посреди комнаты стояла на двух ножках белая биополимерная кроватка в форме половинки разрезанного вдоль яйца. На боковой консоли мигал оранжевый логотип фирмы «Байер». В кроватке лежал кверху животиком обнаженный ребенок, мальчик пяти-шести месяцев. Над ним плавал мобайл, изображающий землю и некоторые из ее бесчисленных искусственных спутников. Большой шар вращался, а его крошечные компаньоны кружились в сложном орбитальном танце, никогда не сталкиваясь друг с другом; все это поддерживалось только направленными магнитными полями кроватки.

А под мальчиком находилась Пеленка, на уголке отчетливо виднелась эмблема «Иксис». Пеленка была величиной с большое махровое полотенце. Гликопротеин-гликолипидовая псевдокожа была раскрашена в синие пастельные тона, а текстурой напоминала древний пенополистирол, в какой упаковывали яйца. На поверхности Пеленки было много шишечек, и располагались они тесно, а дно мелких ямок имело лоск органики, как у сырой печени.

Птица вспорхнула с подоконника и опустилась на борт кроватки, коготки впились в материал байеровской ракушки.

И тут произошли два события.

Все силикробовые персонажи на стенах замерли, оцепенели, за исключением Лесника, только что явившегося на выручку к проглоченной Красной Шапочке. Он выронил двухмерный топор и завопил:

— Вторжение! Вторжение! Всем охранным кибам — в детскую!

В тот же момент описался ребенок — желтая струйка ударила на несколько сантиметров.

Когда на Пеленку упали первые капли, она отреагировала, как того требовал ее трофический инстинкт. Участок Пеленки, находившийся между ногами мальчика, вытянулся, точно псевдоподия или складка, образовал чашечку и собрал урину для своих собственных метаболических целей, одновременно очистив и осушив кожу ребенка.

Пока Пеленка была занята этим делом, птица нырнула в кроватку. И воткнула клюв в Пеленку. И в единый спастически-взрывной миг перекачала в нее содержимое своих искусственных носовых мешочков.

А как только птица избавилась от ядовитой ноши, она выпорхнула из колыбели и устремилась к окну. Но теперь окно было начеку и ловко поймало птицу в мгновенно расширяющуюся паутину из липких нитей от фирмы «Ивакс». Птица дала себе команду на самоуничтожение и взорвалась, опалив оконную раму.

А в кроватке Пеленка корчилась и колыхалась, точно раненый осьминог. Из нее стремительно вырастали фрактальные цветы и падали на младенца, а тот в страхе плакал.

Через секунду-другую цветы сплелись в синюю сеть. Один жгут упал на рот ребенка, и крики прекратились.

Распахнулась дверь в детскую, явились разнообразные кибернеты.

Но было слишком поздно. Пеленка задушила мальчика в своих объятиях, как душит жертву базово-линейная анаконда.

Растерянные, беспомощные кибы смогли только записать хруст ломающихся костей.

Я скинул с плейера серебряный считыватель данных, оборвал звуки смерти маленького Гарри Дэй-Льюиса, зафиксированные меньше суток назад. И хотя я уже раз десять проглядел трагическую сцену, но так и не привык к этому

летальному хрусту. Наверное, к такому просто невозможно привыкнуть.

Я сидел в своем офисе, в здании, где располагался бостонский филиал Департамента внутренней разведки и охраны Североамериканского Союза. И хотя я уже шестнадцать месяцев занимал угловую комнату на шестнадцатом этаже, с тех пор как получил повышение, — она для меня как была, так и осталась чужой. Я столько лет был частным сыщиком и ютился в дешевых офисах, что отвык от роскоши, такой, как самоочищающиеся ковры фирмы «Органогенезис» и ёрзаномичные кресла фирмы «Зенека». Уже не говоря о регулярном поступлении денег на мой денежный баланс. Но после того, как я выполнил заказ Женевы Гиппельштиль-Имхаузен, мне пришлось распрощаться с частным сыском, потому что на этом деле я сломался.

Я ей возвратил сбежавшего муженька, но зато потерял своего верного напарника, беспомощную дешевую помесь по кличке Хомяк. Если бы раньше спросили, что для меня значит этот бестолковый паршивец, я бы ответил: зепто. Но тогда я плохо знал самого себя, даже не подозревал о своих симпатиях к этому трансгену.

Хомяка я приобрел вскоре после ухода жены, и,

очевидно, многие мои нерастраченные чувства переадресовались к нему. По крайней мере так полагала доктор Варела из «Бихевиоральной прагматики», когда я там подвергался психоанализу. Но это случилось лишь после того, как я опустился на самое дно, докатился до клиники для нариков. Троп, аналог мелатонина, к которому я пристрастился, позволял мне спать двадцать два часа в сутки, а приятные сны обеспечивал второй троп, «траумверкс» (по иронии судьбы, это продукция фабрики «Г-И», принадлежавший моей бывшей клиентке Женеве Гиппельштиль-Имхаузен).

Отлеживая бока день-деньской и кайфуя, я нарастил тридцать фунтов дурного жира, а потом на улице угодил под рутинную полицейскую облаву и оказался в клинике у мисс Варелы. Когда вышел оттуда со справкой о восстановлении моего статуса полноценного члена общества, решил вернуться на правоохранительное поприще, чтобы не переучиваться для другой работы. Поступил на службу в ДВР, начал как простой патрульный в участке на родном Кенмор-сквере, но постепенно достиг своего нынешнего положения: детектив Отдела полипептидной классификации и контроля, более известного как Протеиновая

Полиция.

И теперь, задумчиво крутя считыватель данных между пальцами, будто надеясь ощутить неосязаемые наноцарапины, являющиеся ключом к разгадке убийства Гарри Дэй-Льюиса, я подумал: может, я слишком стар для такой работы? Ведь прежде считал себя готовым помериться силами с любой мерзостью. Но с таким чудовищным злом я имею дело впервые.

— Желает войти Касимзомарт Саундерс, — сообщила дверь кабинета.

— Впускай.

К-Март — мой нынешний напарник. Он человек. Его родители эмигрировали в САС из Казахстана в пору Последнего Джихада. Для такого коренного сасовца, как я, он выглядит уж чересчур экзотично: смуглая кожа, монгольский хохолок и длинные вислые усы. Сегодня он надел рубашку без рукавов (наша работа не требует ношения установленной формы), а на безрукавке — лозунг Самоотверженных Голубовато-Зеленых: «Дайте мне эвтаназию — или дайте мне смерть». Мой напарник — большой юморист.

Многозначительно помахав карманкомпом, он сказал:

— Получил наконец информацию о семействе

Дэй-Льюис. Их заботливые работодатели на цензуру денег не жалеют. Пропускают данные через десяток умных фильтров, чтобы ни одна коммерческая тайна не вышла наружу. Но здесь — все, что нам нужно. Просмотришь?

— Конечно. Перекачай.

Через секунду файл появился на моем экране. Я взял его со стола и запустил в стену, как непропеченную пиццу. Умный лист прилип «вверх ногами», но тут же сориентировался, и изображение перевернулось, позволив нам быстро проглядеть файл. К-Март подвел итог:

— Обычные технари-плутократы. Политические убеждения — каких и можно ожидать от членов Партии полуортодоксальных новоперонистов. Штепсель, Маршалл, работает на «Кситроникс», отвечает за полевые испытания всякой всячины. Розетка, Мелисма, возглавляет совместное предприятие, детище «Сима-лабз» и «Финикс биокомпозитс». Ничего особо подозрительного, разве что оба иногда порознь посещают «Гедоникс плюс». Она предпочитает линию Першерона, а ему больше по нраву Лунная Бабочка.

Я поспешил сделать предостерегающую мудру со всей быстротой, на какую была способна не простимулированная «гипергибкостью» рука.

— Без крайней необходимости…

Я не договорил, что совать нос в чужие грешки можно только с позволения высокого начальства. К-Март ухмыльнулся, он был еще молод:

— Беглых овцеволков бояться — в лес не ходить, Я просто решил, что исчерпывающая информация тебе не помешает. Короче говоря, в прошлом году они решили обзавестись чадом, когда общий доход достиг двухсот миллионов, и тем самым пропиарили себя как лакомую добычу для преступников. В потенциальных киднепперах недостатка нет: Сыновья Дикси, Лига Сельских Джентльменов, Радикал-Оптимисты, Плюс-Фурьеристы, да всех не перечесть. Любая из этих банд с удовольствием наложила бы лапы на их потомство.

— Но ничего явного, я правильно понял? Ни писем с предупреждениями, ни анонимных помесей-курьеров, ни посылок со взрывчаткой?

— Действительно, все было совершенно спокойно до нападения на Пеленку.

— А нельзя допустить, что сами родители тут замешаны? Может, какая-нибудь афера со страховкой? Послеродовая депрессия?

— Нет. Можешь воспроизвести запись допроса, убедишься, что их горе было очень искренним.

— Тем не менее надо проверить все версии.

К-Март покручивал усы, как древнеопереточный злодей.

— У меня появились кое-какие предположения. Хочешь поделюсь?

— Делись.

— В похищении должна была участвовать сама Пеленка — вместе с мальчиком выбраться за окно, получив от птицы зомбирующую инъекцию. Но из-за неудачного — по вине конструкторов — расположения ганглий жидкость попала не туда, куда надо, Пеленка взбесилась, и дельце не выгорело.

Я быстро обдумал версию К-Марта. Нет, маловероятно. Пеленка с младенцем — это довольно большая масса, охранная система непременно ее бы заметила. Преступники, которым хватило ума создать птицу-«невидимку», просто не могли упустить такую важную деталь. Возможно, перепрограммированная Пеленка смогла бы все-таки преодолеть охранный периметр дома. Но где бы ее тогда подобрали? Ей и дюйма незамеченной не проползти по городу. К тому же в окрестностях не было обнаружено подозрительных незнакомцев. Нет, хотя версия похищения напрашивается в первую очередь, она скорее всего ошибочная.

— Я до вчерашнего дня ничего ни о каких Пеленках не слышал. Это что, новинка?

К-Март пробежался по гиперссылкам и нашел нужную информацию:

— «Иксис» полгода назад обнародовал весь пакет документации по Пеленкам, все результаты бета-тестирования. Через месяц после этого правительство САС разрешило открытую торговлю Пеленками, Сейчас обсуждается продажа лицензии в другие страны. Правда, ВТО тянет с выдачей лицензии на всемирную торговлю.

— Какова их доля на рынке?

— Около десяти процентов. У Пеленок нет многих высших функций других «нянек». Большинство родителей предпочитает Плюшевых Мишек и Матушек-Гусынь; другие модели предназначены для детей постарше. А Пеленки дешевы и удобны для круглосуточного санитарного ухода и контроля. Им не надо спать — это тоже большой плюс. Ничего удивительного, что за полгода их доля поднялась от нуля до десяти процентов.

Я встал с имиполексного кресла, и оно тотчас приняло заданную «по умолчанию» конфигурацию.

— Закажи в хлеву детектор лжи. — Я предпочитал не иметь напрямую дела с помесями

Внутренней налоговой службы, пускай этим занимается К-Март. — Нанесем иксисовским знайкам-зазнайкам визит.

У «Иксиса», как у многих мегакартелей, нет штаб-квартиры, это рассредоточенная организация. Местное отделение располагалось в нескольких минутах езды от центра Бостона, в пригороде под названием Ньютон.

Мы с К-Мартом встретились на улице. Он заказал и патрульную машину, и детектор лжи. Машина — стандартная «Дэу-Игления» с керамическим водородным двигателем (обыкновенная вода потихоньку разлагается в биореакторе, полном одноклеточных водорослей, с помощью фотонов, улавливаемых солнечными батареями на крышах). Детектор лжи — модели Минипифон-Нейросканер. Обладая инфракрасным зрением, вомероназальным органом и акустико-латеральной системой, это змееподобное существо способно регистрировать эпидермальный и субдермальный кровоток, а также анализировать феромоны и выдыхаемые вещества. Якобы этого достаточно, чтобы определить, чиста ли совесть у подозреваемого. По моему же опыту судя, с базово-линейными людьми такой фокус проходит стопроцентно, те же, кто подвергся различным

усовершенствованиям, способны в разной степени снижать процент вероятности разоблачения. Но большинство благонадежных граждан не усматривают необходимости в обмане Змеи, а потому не приобретают специальные техсредства. Тот же, кто это делает, лишь привлекает к себе внимание (по крайней мере если не всей полиции, то мое). Значит, ему есть что скрывать.

— Я поведу, — вызвался К-Март, и мы все расположились в машине.

Змея заползла на заднее сиденье, не произнеся ни слова.

В «Иксисе» нас встретил баваб — массивная модель Султанов Евнух, 15 % человеческой родословной, остальное — смесь обезьяны и буйвола. Такого же точно трансгена я вижу каждый вечер в парадной своего дома — он служит швейцаром. Евнух навис над нами, точно каланча — косматая башка вровень с притолокой. На боку у него висел ятаган — устройство экспресс-анализа. Жидкая протеаза, залитая под давлением в рукоятку, может быть распылена через микропоры лезвия, и тогда она в пикосекунду разъест плоть нарушителя порядка.

Не обнаружив на нас знаков принадлежности к «Иксису», Евнух исторг свирепый рык. Но мы,

махнув удостоверениями ДВР, включили в нем контур рабской покорности, и он нас пропустил.

Мы не предупреждали о своем визите, чтобы не запустить процедуру экстренного прикрытия задницы. Хотя новости об убийстве Дэй-Льюиса уже попали в метамедиум и разнеслись миллионом новостных демонов, а значит, любой менеджер «Иксиса», даже самый скудоумный, не утративший мало-мальской способности оценивать ущерб, уже приготовился к нашему появлению. Так что пришлось ждать, когда секретарь организует нам встречу с кем-нибудь из випов. Я это время потратил на любование миграцией пестрых теплокровных растений в терраниумах и попытке разобраться в чертежах сигнальных путей, которыми были украшены стены,

Наконец явился представитель фирмы — молодой разъем-папа с улыбкой от уха до уха, со скромным гребнем из бронзового цвета драконьих шипов от лба до копчика; в костюме для шипов имелись соответствующие отверстия. На физиономии была написана гордость за только что полученный диплом спеца по управлению биобизнесом. Ну, ясно, перед нами — агнец на заклание, разведчик брода в речке, возможно, кишащей пираньями. Безопасность фирмы —

любой ценой! Меня затошнило.

Он протянул ладошку:

— Добро пожаловать, офицеры. Я Так Китченер, связь с общественностью и анализ потенциальных рисков. Чем могу помочь?

— Вы, конечно, слышали о вчерашнем убийстве, совершенном Пеленкой?

Китченер поцокал языком:

— Это весьма досадно, даже прискорбно. Грубейшее нарушение инструкции по использованию. Ни при каких обстоятельствах на Пеленку не должны попадать выделения птичьих желез внешней секреции. Пользователи Пеленки допустили небрежность, тут никаких сомнений. Надеюсь, вы согласны со мной? Полагаю, вопрос об ответственности нашей фирмы не стоит?

— Еще не знаю, собственно, мы для того и пришли — разобраться. Хотелось бы побывать в вашем конструкторском бюро, поговорить с теми, кто придумывал Пеленку.

— Нет ничего проще! Вам надо только проследовать за мной в стерилизационный шлюз.

Вскоре мы с К-Мартом и Змеей были вымыты, опылены и упакованы в спецовки. На выходе нас будет поджидать еще менее приятная процедура, с внутренним зондированием, чтобы мы гаран-

тированно не вынесли никаких секретов.

Мы покинули шлюз и прошли мимо автоутроб и парагенезис-камер, яслей и ума-палаток; кругом кишел деловитый персонал «Иксиса».

— Как видите, — хвастал Китченер, — у нас корабль без малейшей течи. Строжайше соблюдаются все требования и инструкции. «Будем беречь здоровье подопечных — просуществуем вечно!» Такая у нас поговорка…

К-Март резко перебил:

— Полноправ Китченер, позвольте напомнить, мы — не инспекторы санитарной службы. Мы — Протеиновая Полиция. И мы пытаемся раскрыть убийство, в котором участвовало изделие вашей фирмы.

Ума не приложу, почему люди до сих пор ловятся на прием «хороший полицейский — плохой полицейский». Не зная, кто из нас старший, Китченер вопросительно посмотрел на меня. Но я лишь «беспомощно» поднял брови в ответ. Молодой менеджер нервно провел рукой по черепным шипам — они сгибались, как плотная резина.

— Ну да, разумеется. Почему бы вам не опросить непосредственно разработчиков Пеленки?

— Верно, почему бы нам этого не сделать? И Китченер повел нас к яйцеголовым.

Хотя мне и раньше по долгу службы приходилось иметь дело с двумозгами, при виде голых сверхчерепушек меня тотчас замутило. Знайки сидят в специальных креслах — с подчелюстниками вместо подлокотников, в окружении своих спецприборов и шлейфов подключения к виртуалке; природный метаболизм усилен всевозможной пищевой и троповой экзоподпиткой, и на нас, посетителей, эти господа взирают немигающими глазами уэллсовских марсиан.

Липкие взоры восьми церебрально-усовершенствованных на К-Марта не подействовали — а может, он просто лучше, чем я, умел притворяться невозмутимым. Как бы там ни было, он сразу приступил к опросу головастиков.

— А ну-ка, скажите, умники: сколько вы оставили запасных доступов к ганглиям Пеленки?

Конструкторы обменялись друг с другом многозначительными взглядами, потом один из них заговорил:

— Я Саймон, начальник октады. На ваши вопросы буду отвечать я. Никаких тайных точек ввода информации мы не делали. Компания опубликовала исчерпывающую информацию о Пеленке.

— Допустим, что вы не лжете. — К-Март со значением посмотрел на Змею — та пока без-

молвствовала, но мне не очень верилось, что она способна тягаться с этими хитрованами. — Кого вы обокрали, чтобы сделать Пеленку? Да признавайтесь же, я ведь знаю: вы, ловкачи, вечно друг у дружки открытия тибрите. Кто мог подсунуть «Иксису» мину замедленного действия, кому нужно, чтобы вы сели в лужу?

Саймон не очень натурально изобразил оскорбленную невинность:

— Все наше вдохновение, все находки — непосредственно от сверхчувственной бесконечной шелдрейковской идеосферы. Мы, не жалея времени и сил, бороздим неизведанные дали идеопространства. Обвинять нас в краже — все равно что уничижать самое наше существование!

Дальнейший опрос ничего не дал — умники отвечали крайне неохотно, каждое слово приходилось вытягивать из них точно клещами. Наконец даже у К-Марта иссякло упорство. Когда уходили, напарник повернулся к ближайшему двумозгу и сказал:

— Пока, ребята. Увидимся у Мадам Ондатры.

Мы медленно шли к выходу; по пути я пытался обдумывать другую версию. Слащавая рожица Китченера не способствовала моему сосредоточению.

И тут я кое о чем вспомнил. О работе Дэй-Льюиса-старшего.

Я повернулся к Китченеру:

— Кто испытывал Пеленку в полевых условиях?

— Этот сотрудник только что ушел в длительный отпуск…

— Он лжет, — перебила Змея.

В яблочко! К-Март аж подпрыгнул.

— В соответствии с конституцией САС я должен зачитать вам ваши права. Вы имеете право на кибернетического защитника пятого уровня Тьюринга…

Китченер рассмеялся, как подросток, застигнутый с ладонью в штанах на организованном церковью Амиш пикнике.

— Офицеры, уж не собираетесь ли вы арестовать меня за пустяковую оговорку? Я лишь хотел сказать, что сотрудника, которым вы интересуетесь, пришлось уволить за нанесение ущерба фирме.

— Имя! Вернее, исчерпывающие сведения о нем. Что он натворил?

— Его зовут… Постойте… Дайте припомнить… Берт, кажется. Нет: Бертран Майр.

— И почему вы от него избавились?

— Грубое нарушение инструкций и кража корпоративной собственности.

— А поточнее?

Китченер снова пригладил драконий гребень:
— Небольшая сексуальная проблема. Вступал в половые сношения с продукцией.

Иногда я пытаюсь представить, каково жилось человеку в девственные времена. А ведь закончились они, между прочим, всего-то столетие назад. Правда, и сейчас хватает народу из ретрокогорты — естественно, без кое-каких первоначальных органов или нейронов. Но даже из разговоров с геронтами невозможно понять, каким был в действительности их мир.

Одна из самых больших загадок — как они ухитрялись заниматься сексом. Препятствий было хоть пруд пруди: венерические болезни, трудноизлечимые неврозы, невозможность перемены пола, социальное угнетение естественных влечений. Наконец, секс-рабами тогда были люди, и свое дело они делали «без души», терпя унижения ради куска хлеба.

Вензаболевания сейчас большая редкость. Они не исчезли совсем, и бывает, что преступник намеренно заражает жертву, — но случайно уже ничего такого не подцепить. Помню, в прошлом

году мы выследили извра, он распространял неокоро, болезнь, при которой пенис растет внутрь тела. Эскулапов-психиатров заменили троподозировщики. Пластическая анатомия — это уже покоренная вершина. Законодательство наконец учло естественные потребности (по крайней мере в САС; как в других краях — не знаю), и рынок завален тысячами и тысячами разнообразных домашних любимцев с тысячами и тысячами эротических функций. А сколько дополнительных органов — надо заметить, не всегда полезных — теперь доступно для человека!

Несмотря на все это, осталась горстка хесомагари, «крученых пупков», которых извращенность натуры или бьющий через край темперамент толкают на поиски не одобряемых обществом утех. Одним из них и был Бертран Майр.

Мы скачали все сведения о нем, прежде чем покинуть «Иксис». Майр был сыном Ровены и Бориса Майр, граждан САС, бывших переселенцев, не выдержавших тягот жизни на борту «Водолея», плавучей аркологии и станции ОТЕС у побережья Мадагаскара. Выигранные ими в лотерею койкоместа перешли к другим арконавтам, а супруги вернулись в Бостон. Вскоре после рождения Бертрана Борис скончался. Он угодил в разгар войны

за территориальный передел между Парнями Из Морга и Тайскими Ребятами в Чарльстауне. Ровена там и живет по-прежнему, она больше ни с кем не связывала надолго свою жизнь. Бертран вырос архетипическим одиночкой: ни друзей, ни партнера, ни кратких любовных связей. Очевидно, такой уединенный образ жизни он вел и после того, как стал полноправным гражданином.

Интуиция сыщика нарисовала мне маменькиного сынка, точную копию своего покойного папаши, разбалованного, изнеженного интроверта. Последние годы своей учебы в школе Майр проявлял наклонности к генной инженерии. Получив в подарок стандартную детскую помесеварку фирмы «Скайос-Нова», он вскоре прикупил на карманные деньги еще кое-какие прибамбасы и научился делать существ уровня кольчатых червей. Он полюбил нуклеотиды и аминокислоты, даже чересчур полюбил. Похоже, о нравственных и юридических границах он имел самое туманное представление. Майр чуть не вылетел из школы, когда в шутку поселил в душевой неспособных к воспроизводству анкилостом. Они были запрограммированы на тридцатидневный срок жизни — но за это время успевали выделить в кишечник своих жертв ана-

лог псилоцибина. После выпускных экзаменов обнаружилось, что скандал с анкилостомами изрядно подпортил ему репутацию. Ни одна приличная фирма не желала принимать его на работу хромоваром, вернее, желающие находились, но требовали, чтобы Майр прошел курс лечения коррективными тропами; вероятно, он всякий раз отказывался. Предпринимателей можно понять: кому нужен работник, не отвечающий за свои поступки? Наконец ему удалось устроиться испытателем в «Иксис», и долгие десять лет он проработал на этой должности, не имея взысканий.

— А потом появилась Пеленка, — сказал К-Март уже в офисе, когда мы заканчивали изучение файла.

— Должно быть, в Майре сработал какой-то скрытый механизм. Так бывает. Человек держится, держится и вдруг из-за малейшего пустяка срывается.

— Поскольку он больше всех остальных разработчиков уделял времени Пеленке, то привык относиться к ней, как к своей собственности. Даже домой брал! А что если дирекция «Иксиса» настояла, чтобы он сам попользовался Пеленкой? Как ты думаешь, это возможно?

Я пожал плечами:

— На то он и испытатель.

— Черт! Благодарение Иштар, что я работаю в администфере! Короче, он запал на Пеленку и попытался ее приспособить для сексуальных забав. А когда об этом узнало начальство и дало нашему Майру пинка под зад, он улетел суборбитальным транспортом, прихватив изделие. Затем решил позаботиться о том, чтобы никто другой не владел Пеленкой.

Согласно кивнув, я сказал:

— Похоже, нам следует нанести визит полноправу Майру.

— Опять заказывать Змею?

— Нет, Бульдога.

Бульдог — это коктейль из собаки, волка и гиены, разумеется, с толикой человечины. Мы предпочитали брать его с собой на захваты, когда ожидалось сопротивление, от слабого до среднего. А модус операнди Майра и его психологический портрет наводили на мысль, что при аресте он будет вести себя агрессивно. Имея вес в три четверти человеческого, Бульдог способен завалить полдюжины несуперменов раньше, чем вы успеете сказать ему «Цикл Креба!»

В машине, по пути к зарегистрированному по-

следним месту жительства Майра, мы получили ориентировку. Как будто мы, заинтересовавшись персоной Майра, каким-то телепатическим образом спровоцировали его. Новое преступление с участием Пеленки! На сей раз нападение совершила служебная помесь Думбинни. Ее отправили из дома с каким-то поручением, а когда она вернулась, то выглядела напрочь сбитой с толку. Получив приказ идти в свою кормушку, помесь вместо этого направилась в человеческую детскую, и вскоре хозяева обнаружили, как она грызет Пеленку испачканными в яде тупыми зубами. К счастью, ребенок был спасен прежде, чем у Пеленки начались конвульсии.

— Мы должны остановить этого парня, — сказал К-Март, — иначе наши задницы, да и задницы всего Отдела, получат на всю глубину обратной связи. Ты ведь знаешь, что собой представляет средний пеленковладелец? Это упертый плутократ с большими связями. И он не из тех, кто спускает такие вещи на тормозах.

— Согласен, но все же мне куда интереснее знать, что творится в мозгах у нашего паршивца.

— Точно! Потом напишешь статью для нашего журнала «ДВР на страже закона». Но сначала надо все-таки поймать преступника.

Последнее зарегистрированное место жительство Майра оказалось одним из старых кембриджских асимметричных ризоматических строений. Бавав представлял собой трясущегося от старости киба, расходящиеся швы корпуса были замазаны глупоцементом фирмы «Радио-Шак». Штуковина объяснила, как дойти до квартиры Майра; тамошняя дверь впустила нас, считав данные с удостоверений.

Застоявшаяся вонь и слой пыли (в таких дешевых жилищах устройство самоочистки — большая редкость) подсказали нам, что никто не живет здесь уже добрый месяц.

— Тупик! — сказал К-Март. — Проклятие.

— Спокойствие, спокойствие. Поищем, авось да найдем какую-нибудь зацепку.

Бульдога мы оставили сторожить у двери, а сами приступили к обыску помещений.

Я нашел порнозаначку Майра в хитроумнейшем тайнике. Одна часть неровной, на вид глухой стены на самом деле представляла собой укоренившийся мутант морского полипа с прекрасными способностями к мимикрии. Он доставал корнями до водопровода, но его, очевидно, давно не кормили. Когда я повел по стене пальцами, полип выдал себя — раздвинул гибкие

створки, протянул щупальца и вяло попытался заглотить мою руку.

Я вскрикнул, подбежал К-Март с лазиком в руке и укокошил тварь. Внутри еще дрожащего полипа я заметил несколько накопителей данных.

Мы их воткнули в карманкомп К-Марта — благо, совпали контакты. И тут я заметил, что кое-чего не хватает, а именно обязательной вэтэошной нашлепки: «Приобрести эту модель может только полноправный гражданин в возрасте двенадцати лет и старше». А затем я сосредоточился на картинках.

В те девственные времена, которые я недавно вспоминал, пышным цветом цвела порноторговля. Товар поступал в основном из бывшего государства Япония и был известен как бура-сера. Это живые картинки с юными школьницами, которые поднимают юбочки, показывая простенькое, строго функциональное белье. Иногда товаром служили не только картинки, но и само белье, предпочтительно замаранное. С постепенным снижением возрастного ценза на получение гражданских прав эта торговля исчезла — вернее, влилась в главный порнопоток.

Но то, что мы с К-Мартом нашли в тайнике, было несомненным потомством бура-серы.

На каждом снимке я видел наряженных в узорную одежду людей, в самом широком возрастном диапазоне — от новорожденного до старика. К-Марта затошнило.

— Ведь эта мерзость даже не противозаконна! Просто глупо! Какая может быть связь между этой манией и убийствами?

Я выключил экран.

— Может, и никакой, Кас. А может, Майр до того задвинулся на сексе, что ему достаточно было малейшего толчка. Его вышибли из «Иксиса» и попытались отобрать Пеленку — и с тех пор он способен думать только о мести.

И тут опять пришло сообщение. Испорчена третья Пеленка, на сей раз поработал пчелиный рой. К счастью, человеческих жертв нет.

— Что дальше? — спросил К-Март. — Может, поговорить с Ровеной Майр?

— А что, это идея. Надо спросить, где она взяла родительскую лицензию.

Ровена Майр жила в бесчувственном доме, в трущобах прямо под путями «Серафима». Ежечасно «Бостон-Монреаль», сверхскоростной поезд, подвешенный к монорельсу, рассекал тут воздух, как ракета, и его прохождение чувствовалось всеми внутренностями.

Ветхий спуск возле дома Майр обжили безработные, существующие на пособие, и их нелегальные чада. Взрослые пили пивчик-живчик, а детвора играла с дешевыми живыми трилобитами, этим летом они были в моде. На нас бросали недобрые взгляды, но задерживать не пытались. Бульдог двигался замыкающим — на тот случай, если кто-нибудь решит сунуться следом. Когда поднялись на третий этаж и уже приближались к квартире Ровены Майр, я заметил, как рука К-Марта потянулась к лазику.

Эту даму я не знал в лицо и был готов к любым сюрпризам… но только не к тому, что увидел, когда дверь наконец отворилась на наш стук.

Ровена Майр оказалась фразеттоидом, членом группы ультраэгоцентристов, отколовшейся от бывшего Общества Креативного Анахронизма. Очевидно, Борис тоже принадлежал к этой компании. Надо же, а я думал, фразеттоиды уже давным-давно исчезли. Стоит ли удивляться, что Майрам неуютно жилось в спартанском, утилитарном окружении «Водолея»…

Ровена перелепила свое тело, чтобы походить на потрясающих фэнтезийных див с полотен художника, чьим именем прозвалась ее группировка. Огромные сферические сиськи, талия до

того тонкая, что ясно: не обошлось без пересадки многих органов, и каллипигийский зад, Она носила крошечный лифчик из металлизированной ткани и украшения в псевдоварварском стиле. С пояска — цепочки из фальшивого золота — свисало несколько лент разноцветного шелка.

И она была такая самоуверенная, такая отстраненно-холодная, такая невероятная, что находиться с ней в одной комнате — все равно что соседствовать с древней аниматронной фигурой. Я попытался представить, что она — моя мать. Получилось, но с большой натяжкой.

— Чем могу помочь, офицеры?

— Мы по поводу Бертрана, вашего сына. Можно войти?

— Хм… Почему бы и нет?

Квартира была обставлена в стиле «Конан-супер». Мы уселись на златотканые узорчатые подушки и рассказали, в какую задницу загнал себя сын полноправы Ровены.

— Мне чертовски жаль малыша Берти. Он всегда был таким хорошим мальчиком, таким многообещающим. Рыжая Соня свидетель, я делала для него все, что было в моих силах. Но не понимаю, чем могу помочь вам.

— Вы с ним не виделись, не разговаривали в

последнее время?

— Мы с ним не виделись и не разговаривали уже несколько лет.

К-Март встал:

— Не возражаете, если мы тут немного осмотримся? Ровена вскочила с подушки:

— Боюсь, это проблема, если только у вас нет ордера на обыск.

К-Март кивнул на затворенную дверь:

— А там что?

— Моя молельня, капище Дагона. Уверяю вас, это просто невинное хобби. Но — сакральная территория, вторжение посторонних означает ее осквернение. А теперь, офицеры, если вы не против, мы попрощаемся. Мне хочется побыть одной…

К-Март принялся ходить по комнате, одновременно пуская «дымовую завесу»:

— А знаете, меня ведь тоже растили дагонитом, но давненько уже я не имел связей с единоверцами. Не по своему желанию — обстоятельства, знаете ли. Сколько лет не видел настоящего капища! Раз я верую в Дагона, значит, можно все-таки войти?

Прежде чем Ровена успела вмешаться, К-Март рывком отодвинул дверь.

Пеленка ждала. Она вскинулась перед нами на дыбы — высокая, как человек, и вдвое шире человека. Дрожащая синяя стена криптоплоти. И эта большая Пеленка в отличие от знакомых мне маленьких испускала нашатырно-фекальное зловоние.

Похоже, малыш Берти серьезно потрудился над ее параметрами.

К-Март не успел выстрелить — на него навалилась Пеленка, вмиг обтянула, как облипучка-приставучка.

Завизжала Ровена. У меня тоже был лазик, но я не мог стрелять — боялся продырявить беспомощного К-Марта.

Кто-то пронесся мимо меня, тяжелый и стремительный, и задел, да так сильно, что я развернулся кругом. Когда снова утвердился на ногах, увидел, как наш Бульдог — сплошные клыки и когти — вцепился в Пеленку. Он нацелился на главный узел, вырвал его с кровавым пучком нитевидных отростков. Пеленка опала, как проколотый надувной матрац.

Я подошел к облепленному грязью К-Марту, помог встать. Мимо меня в комнату устремилась Ровена с криком: «Берти! Берти! Я пыталась им помешать!»

К-Март был здорово напуган, но невредим.

— Богиня Тара! Ну и запашок — как у нас в Казахстане, когда я провалился в нужник.

С лазиком на изготовку я проследовал за Ровеной в комнату. Однако, чтобы справиться с малышом Берти, оружие не потребовалось. Чудовищный кукловод, злоумышленник, манипулировавший убийцами-Пеленками, лежал в огромной байеровской люльке — такие применяются обычно для лечения обширных ожогов. Берти был голым, лишь прикрыт широченным матерчатым полотенцем. В безвольной руке лежал сонический инъектор фирмы «Аллеликс». Судя по лицу Бертрана, лишенному какого бы то ни было выражения, инъектор он зарядил слоновьей дозой «новорождина» или другого тропа с ретрогрессивным, синопсоразделяющим действием.

Заливаясь слезами, Ровена упала на колени перед колыбелью. Теперь эта парочка смахивала на безвкусную модерновую версию «Пиеты».

Подошел К-Март, покачал головой:

— Богиня Тара!

Я вспомнил, как сам был чокнутым:

— У всех у нас пупки крученые, К-Март. По крайней мере у тех, кто родился человеком.

Направляясь к выходу, я наткнулся на Бульдога — он уничтожал вещественное доказательство. В пылу схватки древние инстинкты одержали верх над служебной выучкой. Я хотел дать ему пинка, но передумал.

Бешеная помесь

Казалось, моя жизнь целиком и полностью уподобилась одной из самых мудреных симплектических моделей неотомистской катастрофы. Она носилась по орбитам странных аттракторов, по спиралям и синусоидам, — и невозможно было предсказать, во что упрется эта кривая дорожка. Вряд ли во что-нибудь хорошее.

Моя жизнь даже не просто изобиловала — она кишела переменами, их было побольше, чем зрелых трипсов на ткач-дереве перед сбором урожая. И уж всяко, перемен было достаточно, чтобы я решил провести несколько внеочередных сеансов у доктора Варелы из «Бихевиоральной прагматики», у спокойной и эрудированной дамы. В прошлом, когда я, покончив с частным сыском, сорвался в штопор, она помогла мне взяться за ум. Надо же — еще совсем недавно я думал, что судьба никогда больше не сведет нас.

С тех пор как я поступил на службу в бостонское отделение Протеиновой Полиции, жизнь пошла спокойная и ненапряжная. Правда, совсем уж без неурядиц и риска не обходилось, но все же до недавних пор я не видел причины обращаться к

мозгоправу. Как вдруг все изменилось, и теперь доктору Вареле приходится выслушивать мои жалобы и кивать, и успокаивать, и копаться в своих учебниках, и прописывать курс лечения биометовским «тревогоном» и сайклоновским «нескучаем» в сочетании с сильнодействующими адренергетиками. Тропы вроде бы действовали, хотя я по-прежнему чувствовал себя разлаженным. Но все-таки я считал, что уверенно иду на поправку.

Все началось, когда умные головы, руководители Департамента внутренней разведки и охраны Североамериканского Союза (мы, Протеиновая Полиция, их отдел), скинули нам парочку новых директив.

Во-первых, больше не будет ни одной человеческой пары. У нас слишком большой недокомплект сотрудников, чтобы позволять себе такую роскошь. Причин на то уйма: гарантированное пособие по безработице, сокращение числа чистогенов и полноправных граждан, соблазны виртуальности, криминала и миллионов сект, культов, клубов по интересам и банд, представляющих самый широкий спектр гедонизма, нигилизма, пофигизма, да вообще всех «измов» на свете. Короче говоря, желающих вступить в

наши ряды находилось немного. Разумеется, это же относилось и ко всем остальным секторам сасов-ской администсферы: без кибов, демонов и помесей вся система немедленно потерпела бы апоптоз. Так что старому партнерству «человек + человек» скоро придет конец. Это означает, что я расстанусь с К-Мартом Саундерсом, самым покладистым разъем-папой из тех, с кем мне приходилось иметь дело. Вместо него мне предложат на выбор трансгена или киба. Но после смерти моего верного Хомяка я не могу испытывать душевный комфорт в обществе помесей. Значит, остаются кибы.

Только что в широкую продажу поступили кибернеты четвертого уровня Тьюринга. «Пятерки» тоже применялись, но приобретать их могли только МВФ, Всемирный Банк, ВТО и прочие звезды администсферы, предпочитавшие всегда на корпус опережать управляемые ими массы. И, разумеется, на подходе были «шестерки», им предстояло вот-вот завершить свою полуавтономную эволюцию. Штаб Протеиновой Полиции в Торонто на днях получил месячный комплект «четверок» от Бангалорского филиала Сегасофт-Тогай-Мэджик и разослал их по континенту. «Мозги» кибов выглядели одинаковыми и имели

те же габариты, что и устаревшие «тройки», что облегчало переоснащение, — непримечательные блестящие плитки толщиной с десяток древних CD-дисков. Однако новейшая схема, сокрытая в такой плитке, повышала возможности киба до уровня, который и не снился создателям их предшественников. Разнообразные же ходовые части были легкозаменяемы. Кроме тех, что уже состояли у нас на вооружении, прибыло еще несколько моделей, с новыми правоохранительными возможностями.

И вот — свершилось. Я получил в напарники синтетическое синкретическое существо в портативном виде, способное менять тела. В разгаре этой кошмарной реформы яйцеголовые настояли, чтобы все люди в штате подверглись соматическому апгрейду. Надоели, видите ли, нашим мудрецам «предотвратимые» потери офицерского состава в различных стычках с преступниками. Было признано, что базово-линейные организмы блюстителей закона давно уступают навороченным телам бандюков. Значит, мы должны срочно наверстать упущенное. Если у злодея семь пядей во лбу, то у любого из нас их должно быть двадцать семь. То же относится и ко всей прочей анатомии.

Я, как и большинство живущих на этом свете, уже получил свою долю имплантов, аддонов и апгрейдов; они неплохо помогали мне в работе, эти простенькие прибамбасы, такие как обостритель периферийного зрения, укрепитель костей, волевое шунтирование боли. Но в отличие от всяких там боди-артистов или головоломщиков я никогда не подвергался радикальным модификациям. Что хорошо для обычного геронта-ретрограда, то хорошо и для меня. А теперь мне говорят: изменись — или из полиции вылетишь.

Пришлось стиснуть зубы, проглотить свои опасения и нежелание терпеть начальственный произвол (как ни крути, я больше не свободный предприниматель) и отправиться в магазин тел и аксессуаров.

Наружу я вышел упакованный в чешую, точно доисторический ящер. Эта кожа, на ощупь мягкая, как замша, была способна выдержать удар колющего оружия или даже метательного снаряда, летящего с невысокой скоростью. Да к тому же мой новый покров от «Калипт-Биомед» умел реагировать на луч лазика, мгновенно меняя свой коэффициент преломления. Я когда-то читал,

что в природе самая быстрая базово-линейная реакция — у какого-то муравья, щелчок его че-

люстей длится треть миллисекунды. По части быстродействия наука здорово переплюнула природу.

Еще я приобрел паралимфатическую систему фирмы «Олимпус Биотекс» — это лютый враг всех микро— и нанопаразитов, Усилил артерии антихолестерином компании «Куратех», кости армировал инновировским камневолокном. Сердцу и легким достались хемациновские помощники-импланты. Пальцам — агуронова гипергибкость, усиленная осязательная и проприоцепторная чувствительность, а кроме того, кой-какие нейромодификации от «Биокрист», широкой общественности пока недоступные. И наконец, я теперь мог угостить своих недоброжелателей несколькими крайне опасными противопехотными цитокинами — их вырабатывали расположенные в нужных местах внешнесекреторные железы.

Короче говоря, силы законности и правопорядка получили в моем лице сверхэффективного бойца.

Который вдобавок ко всему прочему употребил полдюжины незнакомых тропов для интеграции своего нового облика и внутренних сенсорных устройств.

И вот, как только произошла эта метаморфоза, в моей жизни случился Последний Великий Перелом. Я повстречал Ксули Бет. И влюбился. Ксули Бет Воллбрахт родилась в Меркосуре и росла водной цыганкой. Ее родители, Рольф и Валентина, управляли секцией Гидровии. Семья кочевала по этому широкому искусственному водному пути, занимаясь торговлей, ремонтом и охраной. Получив образование и профессию ноя Глобального экологического фонда, Ксули Бет поработала за границей, обслуживая океаническо-атмосферную технику, повидала разные уголки АТЭС, Карикома и Скандибалтики, и наконец, судьба ее забросила в биорегион Нова-Англия.

Мы встретились на официальном приеме, устроенном ноями. Аквацыганам надо было проинструктировать Протеиновую Полицию насчет борьбы с бешеными микрокиборгами — стремительная эволюция водной псевдожизни делала их появление вполне вероятным. Силик-робовая технология считалась надежной, но без проблем, естественно, не обходилось.

К счастью для меня, Ксули Бет не прониклась отвращением к моему преобразованному эпидермису. Выяснилось, что одним из ее прежних любовников был гидровийский челорыб, он-то

и привил ей вкус к нестандартным кожным покровам.

С появлением Ксули Бет моя жизнь вмиг изменилась к лучшему. Впервые с тех пор, как ушла жена, у меня было полноценное спаривание. И мне было хорошо.

Настолько хорошо, что я чувствовал: добром это не кончится. Вот-вот на мою голову упадет какая-то беда — как падает с ясного неба запрограммированный Ксули Бет ливень.

Первым знаком беды стало настойчивое попискивание моего гибкого экрана. В то утро я сидел за рабочим столом. Шел пятнадцатиминутный перерыв, я расслаблялся в квазимедитации, фокусом которой служил подарок Ксули Бет, он же — символ ее профессии. В стерильном цилиндрическом контейнере величиной примерно с капсулу для пневмопочты автономный миниатюрный силикробовый смерчик осуществлял свои гомеодинамические деформации, подчиняясь только солнечному свету. Его бесконечные случайные превращения, в дополнение к повторяемым мной про себя даосским мантрам, очищали разум.

Но какие могут быть мантры, когда служебный долг велит вступить в слухоконтакт первой ка-

тегории? Я задействовал разум и дал команду экрану включиться. На нем появилось лицо моего прямого начальника.

Джо Пристли имела взволнованный вид. Что совсем не просто для женщины, чья голова обрамлена складками кожи, а рот смахивает на зубастую пасть звероящера. На моих глазах преступники теряли сознание на допросах, когда она позволяла себе добродушную улыбку.

— Наш котеночек в городе, — сообщила она.

— Цума-Пума? — вспомнил я старого знакомого, вожака мелкой шайки. — Стоит ли беспокоиться?

— Если бы Цума-Пума! Нет, я имею в виду единственного представителя семейства кошачьих, из-за которого стоит беспокоиться. Это Чокнутый Кошак.

Вот теперь понятно, почему она так нервничает.

— Чувствую, вы припасли для меня клубочек. Может, покажете конец нити? Чтобы я не терял времени даром…

— Слышал, что было в Чикаго? Там Кошак чуть было не устроил Второй Потоп.

— Слышал, конечно. Но тогда он вроде бы сам здорово сел в лужу. Разве он не наследил, не оста-

вил нам несколько своих клеток? По идее, чего проще — запрограммировать всех общественных нюхачей, чтобы стучали, когда он будет красться мимо них.

— Ты прав, мы расшифровали его геном, и это большая удача — ведь раньше об этом преступнике не было известно почти ничего. Но все же одного генома недостаточно. Кошак не светится на публике. Свои злодеяния он творит через друзей, союзников и сочувствующих, и недостатка в них нет. И помощников он вербует не только среди помесей. Хватает и чистогенов, одобряющих деятельность ФОТ, или по крайней мере ее нерадикалистские крылья, такие, как ОПЖОП, например. Кошаку легко пачкать нас дерьмом, не вылезая из своей норы. И не забывай о существовании частного транспорта — нюхачи не обратят внимания на пассажира экогерметизированной машины. Нет, мы должны как следует побегать, если хотим сорвать новые козни Кошака.

— Ну и перспективочка, — сказал я. — Уж лучше бы приказали залезть в Мешок и заняться любовью с накопительным кольцом на обратной стороне Луны.

Начальница была членом секты вырожденцев, а стало быть, убежденным врагом половых

желез. Испещренные жилами кожистые складки покраснели и возмущенно затрепетали, а в следующий миг она исчезла с экрана. Прозвучал сигнал прекращения слухоконтакта, и по невидимым каналам пошла ориентировка на Кошака. Данных было так много, что они не поместились в буферы гибкого экрана. Я выделил парочку мыслящих спецпрограммок для работы в фоновом режиме, пусть собирают все общедоступные сведения о «почерке» супертеррориста.

А потом я приступил к долгому растрированию — благо, мое новое нейро допускало двухдорожечную обработку данных.

Чокнутый Кошак появился на свет лет десять назад, и произошло это при обстоятельствах поистине драматических. Его производителем был яйцеглав, носивший забавное прозвище Доктор Радиус. Док Радиус был «свободным художником», вернее, не совсем свободным, так как выполнял заказы концерна «Вивус-Неопат» и оказался вовлечен в очень секретный проект. Минуя сеть, «ВЫ» заключил тайный контракт на создание нового грансгена с особыми возможностями. Помесь должна была унаследовать свои черты от разных представителей семейства кошачьих (50 %), человека (30 %) и виверры (10 %).

Остальные 10 % — полезные нуклеотиды, взятые у самых разных животных. Как только программа выпустит из автоутроб юные помеси, они, также без человеческого участия, будут помещены в частичный стазис и в таком виде развезены по адресам, которые, как потом выяснилось, принадлежали подставной фирме, а на самом деле — правительству Парижа.

Также стало известно, что мэр этого чудесного города решил отделиться вместе с подвластной ему территорией от Евросоюза. Ему не понравилось, когда «сверху» было аннулировано решение возобновить производственное задымление в черте города. Туризм дышал на ладан, и мэр предположил, что если вернуть «старинную атмосферу Парижа», то любознательные гости снова повалят толпами. Новые помеси от «ВН» — сплошь зубы, когти и коварство — должны были войти в корпус солдат-наемников, составить ядро будущей партизанской армии самообороны, опираясь на которую, мэр смог бы выполнить свой гениальный план.

Надо ли говорить, что и Евросоюз, и ВТО, и другие высшие структуры администферы совсем не обрадовались таким новостям и свое неудовольствие выразили весьма энергично. Отставной

мэр получил двадцать лет дестабилизации сознания. Заговор был раскрыт еще до развозки трансгенов, и власти обрушились на «ВН», как тонна антиматерии. Фирма уплатила драконовские штрафы и получила приказ ликвидировать все спецпомеси.

Но такой исход совсем не устроил Дока Радиуса. Будучи не просто художником, а художником полоумным и маниакально преданным своей работе, он относился к новым помесям не просто как к изделиям. Для него они были все равно что родные дети.

Док Радиус ухитрился вынести из лаборатории и спрятать один утробный плод. Более того, этот плод был создан не в рамках проекта по изготовлению спецтрансгенов — Док занимался им подпольно, выбирая для него черты внешности и характера на свой собственный вкус.

Вот из этого-то семени и произрос цветочек под названием Чокнутый Кошак. Произрос в изоляции, в обществе одного лишь эксцентричного Дока Радиуса, не отягощенный спецобучением, спецпитанием и татуном — клеймом владельца. И получилась в результате не простая помесь — получилось чудовище.

Как только Кошак приобрел способность рас-

суждать — а это случилось примерно через год после его рождения, год напряженной учебы и приема совершенно нелегальных тропов, — он зациклился на гибели своих неродившихся «братьев». Сначала он, единственный выживший, ломал голову над вопросом: чем была вызвана эта беспощадная расправа? Потом заинтересовался: в каких условиях живут и служат человеческому обществу трансгены всех мастей? А когда узнал — был возмущен до крайности. Что ж, я сам далеко не чистоплюй, но вынужден признать: случаются перегибы и перехлесты, да такие, что волосы дыбом встают.

В пятилетнем возрасте Чокнутый Кошак взял себе имя, под которым его вскоре узнал весь мир. А кроме того, он решил посвятить свою жизнь освобождению из рабства помесей во всем мире, развязать войну, которая будет вестись любыми средствами и которую человечество не выдержит.

Так появился Фронт Освобождения Трансгенов. А о существовании Чокнутого Кошака мир узнал вскоре после первого теракта, нежданной и поначалу совершенно загадочной расправы над советом директоров «Гедоникс плюс», собравшихся в Женеве для годового саммита.

Протеиновая Полиция организовала всемирный розыск таинственного массового убийцы, и вскоре ее тиху-анский отдел обнаружил разгромленную лабораторию Дока Радиуса, а также самого Дока, не подававшего признаков жизни. Я в то время был частным сыщиком-одиночкой и не имел доступа к столь секретной информации. Видимо, Радиус решил покритиковать планы Кошака относительно человеческого рода — за что и пострадал. И хотя Кошак тщательно растворил всю биомассу, имевшую отношение к персоне своего «родителя», он не сумел — а может, по незнанию не счел нужным — стереть любовно накопленный Доком за несколько лет аудио— и видеоматериал.

Я изучил остановленный кадр со взрослым Кошаком. Больше двух метров ростом, сто килограммов тугих мышц под темно-желтой шкурой с небазовым полосатым окрасом. Лицо уродливое, но при этом сексуально привлекательное и очень умное. Черты пантеры, циветы и человека. Рот, полный блистающих острых зубов цвета слоновой кости, приоткрыт и растянут — в постоянной злобной ухмылке, подсказала мне интуиция.

Во всю мощь заработали мои мыслящие агенты, разобрали изображение Кошака на мельчайшие

фрагменты и принялись их анализировать.

Итак, власти Бостона не знают, чего ожидать от Кошака, и не знают даже, находится ли он в городе. Этот преступник никогда не повторяется, не придерживается излюбленной тактики; он может нанести удар через кого угодно и по кому угодно.

Я отпустил этих агентов и вызвал своего напарника, зная, что он уже получил и в мгновение ока усвоил все данные по Кошаку. Ожидая появления киба, я рассматривал плененный торнадо, крутящийся в капсуле. Казалось, беспорядочный порядок микропогоды смеется над царящим во мне хаосом. Но жизнь, как известно, самым парадоксальным образом процветает на грани хаоса и стазиса…

Прибыл мой партнер.

Закон налагает на лицо, пользующееся кибом четвертого уровня Тьюринга, одну дополнительную обязанность. Точно так же, как любой полноправный индивидуум отвечает за действия своих нематериальных агентов и демонов, любой владелец КТ-4 несет полную ответственность за его слова и поступки. В основном эта ноша ложится на корпорации, но в Протеиновой Полиции сотрудник-полноправ должен следить за своим

напарником-кибом, а если не уследит, заплатит штраф из собственного кармана. Вздумает мой КТ-4 совершить что-нибудь антиобщественное — отдача придется на мою задницу. Большая это ответственность, почти как за родного отпрыска, — потому-то я и прозвал напарника Сынком.

Нынче Сынок выбрал себе ходовую от «Гексель Энфорсер»: тело с камневолокнистым скелетом, система «кровообращения» из нанотруб, мускулы из имиполекса и резилина, кожа «суперакула», дублированные ганглии. К этому серому эластичному гиганту была пристегнута, прямо к плечам, голова с псевдосенсорными устройствами — они обрушат смертоносный огонь на преступника, которому хватит безрассудства напасть на этакое чудище.

Настоящие аудиовизуальные и хемосенсоры, а также другие системы оружия прятались в разных частях туловища. «Мозги» таились в «животе» киба, под крепкой защитной пластиной.

Сынок обратился приятным тенором — звучавшим, казалось, из-под мышки:

— Судя по поступившим ко мне данным, возникла потребность в силовом превосходстве для победы над нелояльной помесью. Я не ошибаюсь, полноправ?

— Ты не ошибаешься. Разве что слегка забегаешь вперед.

Убедив Сынка, чтобы не выдавать нас раньше времени, перебраться в менее грозную на вид ходовую басфовскую механическую модель с народным названием «ванна», я с ним вышел на улицу.

У меня была цель — штаб-квартира ОПЖОП. О ней упоминала Пристли, как о вероятном гнезде соучастников Кошака. Но я был уверен, что ничего там не узнаю. Будь у меня еще хоть одна ниточка, я бы туда и не пошел.

Бредя по шумным, разгоряченным гормонами улицам Бостона, дыша чистым выхлопом туктуков, я пытался, как наказывала Пристли, пользоваться своим чутким на преступления носом.

На аллее, что вела от Арлингтона, мое внимание привлекла шайка кибов-мародеров, они пытались вломиться в синохемовский мусоросборщик, находившийся позади магазина тел. Брошенным хозяевами и беглым кибам для ремонта всегда требовалась какая-нибудь органика, и они не брезговали воровством и попрошайничеством. Должно быть, мародеры сломали или выключили устройство «беги-вопи»

мусорки, — она могла только раскачиваться на месте и жалобно ухать, а кибы беспрепятственно рылись в ее отсеках.

Я и глазом моргнуть не успел, как Сынок коршуном налетел на них, расшвырял первых попавшихся. Битый хромой автомат по продаже нутрицевтиков опрокинулся и беспомощно закрутил колесиками, его приятели бросились врассыпную.

Сынок выпустил гибкое щупальце, нашел порт на боку поверженной машины. Мощный удар тока, и паршивая овца в стаде честных и порядочных автоматов-продавцов покинула этот мир.

— Ликвидирован еще один паразит общества, — с присущей КТ-4 гордостью заявил Сынок.

— Молодец, молодец. Пошли, судья Дредд, нас ждет рыбка покрупнее.

— Это образное выражение?

Я тяжело вздохнул: все равно что с ребенком нянчишься.

— Да.

— Занесено в память.

Мы задержались на открытой толкучке — я перекусил билтонгом и плодом камю-камю, — а потом добрались до Стюарт-стрит, до офисов него-

сударственной организации, носящей название «Общества против жестокого обращения с помесями». После пикировки с человеком-секретарем на входе я был пропущен в кабинет директора, некой Джейн Грэм-Боллард.

Грэм-Боллард оказалась невеличкой, ее череп был покрыт вместо волос розовыми неразвитыми перьями. Тело обтянуто блестящей облегайкой. Глава ОПЖОП, как и 99 % ее сторонниц, была водно-углеродной шовинисткой. На меня она посмотрела, как старая помесь на живодера: со страхом, презрением и ненавистью.

— Полноправа Грэм-Боллард, — предъявив документ, обратился я к ней со всей учтивостью, — у нас есть основания предполагать, что террорист, известный под кличкой Чокнутый Кошак, перебрался в наш биорегион, после того как потерпел фиаско в Чикаго. Точнее, он укрылся на территории метроплекса. Отдел полипептидной классификации и контроля рассчитывает на содействие всех членов ОПЖОП в поимке преступника. При любой попытке этого трансгена связаться с вашей организацией вы должны немедленно сообщить нам. Более того, вы обязаны нас оповестить, даже если просто дойдет какой-нибудь слух об этом преступнике.

Пока я говорил, Грэм-Боллард медленно закипала, а когда умолк, она дала волю гневу:

— Ну, конечно! Чтобы вы тут же набросились на него и прикончили! Даже не соблюдя видимости правосудия!

— Слово «правосудие» применимо только к гражданам, имеющим права. Очевидно, я должен вам напомнить, что для помесей существует параллельная система правил, поощрений и наказаний. Над их разработкой многие годы трудились авторитетные специалисты, исходившие из соображений практичности и эффективности. Владельцам запрещено обращаться с помесями жестоко, унижать их или изнурять непосильным трудом. В то же время трансгенам гарантируется пища, жилье и нормальная работа.

— Это рабство! Самое обыкновенное рабство.

— А слово «рабство» опять же применимо только к человеку. Трансген — это имущество, самое обыкновенное имущество. Вроде базово-линейных молочных коров или овец.

— Существо, у которого до сорока процентов человеческих генов, — имущество?!

— Полноправа, законы придумываю не я. Я только слежу за их исполнением.

Она фыркнула:

— Вы говорили о жестоком обращении и унижении. Хотите, я покажу вам кое-какие видеоматериалы? Пусть у вас броня вместо кожи, пусть у вас свинцовая чушка вместо сердца — все равно, клянусь, вы будете дрожать от ужаса и возмущения!

Я на своем веку чего только не навидался.

— Это вряд ли.

— Такое положение дел — позор для всех нас! Скажите, вам когда-нибудь бывает стыдно?

— Только не при исполнении служебных обязанностей.

Грэм-Боллард надулась — должно быть, поняла, что меня не прошибешь.

— А сегодня ваша обязанность — найти и покарать благородное существо, в моральном, этическом и интеллектуальном отношениях не уступающее нам…

— Полноправа, — перебил я, теряя терпение, — видели бы вы результаты терактов, организованных этим «благородным существом». Вот я — видел.

— А кто его довел? Мы! Человечество! Я устало поднялся с кресла.

— Чокнутый Кошак — это всего-навсего бешеная помесь. Будете с ним ужинать — запаситесь

ложкой подлиннее, мой вам совет.

— Бешеных помесей не бывает, зато бывают бешеные владельцы.

— Я вас предупредил.

На улице я некоторое время молчал, потихоньку анализируя услышанное от Грэм-Боллард.

Через несколько кварталов Сынок подал голос:

— Мы теперь будем следить за полноправой Грэм-Боллард? Вы незаметно осыпали ее пылекамерами?

— С чего ты взял?

— Но ведь вы ожидаете, что она будет ужинать с Чокнутым Кошаком.

Я снова вздохнул:

— Образное сравнение.

— Спасибо.

В тот же вечер я повстречал Ксули в «Кокейне Хопкрофта».

Разумеется, в действительности я находился в ее квартире, в Бостоне, а она где-то в Арктике, имея дело с айсбергами, ледниками и другими неразумными, а потому легко предсказуемыми созданиями природы. Мы договорились, что во время ее командировок будем встречаться на разных виртуальных сайтах минимум четырежды в неделю. Решили заглянуть и в «Кокейн Хопкроф-

та», где карамелевые горы и лимонадные реки, леденцовые деревья и сахарно-ватные облака. Вряд ли это был удачный выбор, и дело не только в примитивности конструкта — здесь я с некоторых пор все чаще задумываюсь о том, во что мы, люди, превратили базово-линейную Землю.

Мы явились в своем натуральном обличье — слишком мало бывали вместе в последнее время, каждый соскучился по настоящему лицу и телу другого. Охранный фильтр позаботился о том, чтобы посторонние нам не докучали, хотя в этом же конструкте, вероятно, обретались еще тысячи посетителей.

Сидя рядом со мной на мягком, как диван, конфетном камне, Ксули Бет заканчивала рассказ о том, как провела этот день:

— Так что, если сработает последняя коррекция, и если симуляционный проект — не одна сплошная ошибка, то ежегодно средний уровень мирового океана будет понижаться на дюйм! Представляешь, через десять лет мы сможем заново заселить Бангладеш!

— Да, это здорово…

Ксули Бет откинула со лба пастельно-зеленые волосы с металлосердечниками, обнажив две одинаковые барометрические шишки. Они пре-

красно шли к сегодняшней окраске кожи — в угловатых пятнах. Стиль «милый неуклюжий жирафенок», вспомнил я.

— Я говорю, говорю, а ты все мимо ушей пропускаешь…

— Прости, Ксули-дорогуля, я и правда рассеян. Не дает мне покоя дело Кошака, зуд от него покрепче, чем от криптолишая. Это тебе не рядовой криминальный элемент, какой-нибудь хул или извр. На сей раз я имею дело с террористом, встроившимся в социоэтическую матрицу. Обычно сыщик, изучивший почерк преступника, имеет неплохое представление о том, чего он хочет и как собирается достичь желаемого. Но Кошак непредсказуем! Предсказуема лишь его цель — любыми способами нанести человечеству максимальный ущерб. Он может нанести удар в любое время и в любом месте!

— То есть ты не уверен, что это дело удастся раскрыть?

— Ну, почему же…

Лицо Ксули Бет сделалось сосредоточенным, она коснулась пальцами метеорологических рожек, как будто и правда о чем-то не на шутку задумалась. Через минуту сказала:

— Но как рассчитывает Кошак добиться своей

цели? В одиночку, пусть даже с пистолетом или бомбой, это всего лишь бандит, каких много. Чтобы нанести серьезный вред цивилизации, ему нужны сообщники. В Чикаго он привлек на свою сторону Тараканов. Значит, и здесь для масштабного теракта ему понадобятся многочисленные исполнители. Он ведь сам не крим и не лепила, насколько мне известно.

— И насколько известно мне…

— Так что если ты просто начнешь перетряхивать все «малины» подряд, то рано или поздно тебе попадется ниточка, ведущая к Кошаку.

Я который уже раз за сегодняшний день тяжело вздохнул. Впрочем, не так уж и тяжело — у меня появилась надежда,

— Ты, конечно, права. Надо было мне самому взглянуть на ситуацию под этим углом. Дело не безнадежное. Должно быть, я просто испугался его масштабности. Да к тому же допрашивал сегодня одну особу, так она заставила меня задуматься: почему я делаю то, что я делаю. Ксули Бет встала:

— Я понимаю. Бедняжка, ты плохо соображал, потому что рядом не было твоей маленькой погодной девушки. А сейчас она с тобой, и все в порядке…

Ксули Бет исчезла, вышла из конструкта, даже не воспользовавшись всплывающим меню. Через несколько секунд вернулась — мне не пришлось даже пальцем шевельнуть или чем-нибудь другим.

— Милый, я жду тебя в Мешке.

Я разорвал нейроконтакт с телекосмом и мгновенно возвратился в Бостон. Снял со стеллажа техобслуживания свой Мешок, пощекотав, заставил раскрыться и залез внутрь.

В виртуальности можно испытать хороший нейро-индуцированный оргазм, но почему-то он в подметки не годится полноценному контакту двух тел, обеспечиваемому Мешками. Может, у него полоса пропускания уже, может, дело в шелдрейковских полях. Мы с Ксули Бет снова перенеслись в «Кокейн Хопкрофта» и, оба нагие, вошли в плотнейший клинч. Два Мешка — один у меня дома, другой в Арктике — бились, как припадочные.

Если бы в Отделе полипептидной классификации и контроля кто-нибудь прознал о побочном — сексуальном — эффекте соматического апгрейда, которому я подвергся по настоянию начальства, то у меня бы вычли из жалованья его стоимость.

Итак, полицейские ждали неприятностей. И дождались, но не от преступного мира, а от организованных отшельников, добровольных изгнанников, не желавших находиться рядом с вырождающимся, идущим против законов природы большинством.

С Инкубаторами я уже сталкивался — в ходе предыдущего расследования, еще в паре с К-Мартом. Откуда ни возьмись появилась плесень, поражавшая только созданные фирмой «Гибритех» насосные деревья третьего поколения, и мы заподозрили, что Инкубаторы приложили к этому руку. Правда, до сих пор они не проявляли террористических наклонностей, но, как и другие презираемые меньшинства, входили в группу риска — а ну как однажды не выдержат и свернут на кривую дорожку.

Поскольку метроплекс сильно зависел от насосных деревьев (полые корни обеспечивали его водой), администфера принялась давить на нас с огромной силой, требуя скорейшего раскрытия преступления, и мы с К-Мартом крепко взялись за Инкубаторов. Самое досадное, что эти паршивцы оказались неповинны, источником болезни была заурядная ржавчина — мутировав, она приобрела способность питаться растительностью с

аналогами системы кровоснабжения.

Через несколько дней после того, как Ксули Бет вернула мне надежду, анонимный демон подкинул на мой экран наводку: недавно Инкубаторы проделали какую-то важную работу для какого-то таинственного заказчика. Что ж, придется снова навестить знакомых, и вряд ли они меня встретят с распростертыми объятиями.

Ну, да не привыкать.

Сынок на этот раз надел ходовую от «Бостон сайентифик» — небольшой бак с множеством щупальцев и форсунок. Я имел кое-какое представление о боевой мощи этой штуковины, но все-таки подмывало расхохотаться. Впрочем, возможно, и не облик спутника был тому причиной. Реальная перспектива выйти на след Чокнутого Кошака повысила мое настроение не хуже, чем доза эйфорогена «Поцелуй небо».

— Идем, Железный Дровосек, нанесем визит париям. Сынок заковылял вслед за мной:

— Как скажете, Доктор Что.

— Не Что, а Кто.

— Преимущество схемы четвертого уровня Тьюринга заключается в том, что интегрированное в нее устройство размытой логики выполняет и функцию творческой обработки данных.

Инкубаторов мы нашли в бесхозном древнем нефтехранилище на берегу. Чье это имущество, пока неизвестно — после краха нефтяной промышленности наступил юридический хаос, и вот уже десятилетия законники пытаются разобраться в этом бардаке. Рано или поздно появятся новые владельцы, найдут применение участку, а нелегальных поселенцев вышвырнут. Но пока это царство Инкубаторов.

Возле самодельной лепестковой двери, обращенной к бухте, мы с Сынком задержались.

— Стой здесь, прикрывай меня, — приказал я кибу.

— Инструкция с логическим противоречием. Но на этот раз мне понятен смысл.

Я устало покачал головой.

Резервуар был изнутри выдраен пеномочалкой из трансклетчатки, от нее остался запашок. А кроме чистящего средства, пахло плесенью, гнилью, грязными бинтами и гнилыми зубами.

Был и еще один «аромат» — идентифицировать его не смогли даже мои усиленные чувства. В тусклом сиянии органобиолюминисцентных шаров, понатыканных тут и там, от пола до изогнутого потолка громоздились сорнокоралловые постройки. С этих органофрактальных лесов

свисали Инкубаторы, кто в коконе, кто просто на веревке, здорово смахивая на личинок базово-линейного шелкопряда.

Я усилил зрение, но того, кто был мне нужен, не углядел. Поэтому закричал:

— Протеиновая Полиция! Оспа здесь?

Ответа не последовало, но я заметил шевеление среди кальцитовых лесов. Кто-то спускался.

Большинство Инкубаторов было парализовано своими вечными несмертельными болезнями. Потому-то я и звал Оспу, проявлявшего в последнее время относительную активность. Несмотря на свое страшноватое прозвище, он, как и все его приятели, не был заразен. Пропатогенная идеология догматична, но не выходит за те рамки, когда можно ожидать карательных мер со стороны общества.

Тот, кто спускался на мой зов, добрался наконец до пола и двинулся ко мне, хромая на обе ноги. Среди лохмотьев я разглядел обезображенное прыщами и рытвинами лицо Оспы.

— Чего тебе? — осведомился патогенист. — Оставил бы ты наконец нас в покое! Кому мы мешаем, культивируя затурканные вами короткие белковые цепочки? Разве мало того, что вы, длинноцепочечные империалисты, стерли с

лица земли столько невинных форм микроскопической жизни? Неужто решили сорвать и нашу скромнейшую спасательную миссию?

— Слушай, Оспа, мне наплевать, во что вы с Проказой, Сифилисом, Корью, Свинкой, Полиомиелитом и всеми остальными доходягами превращаете свою жизнь. Но когда вы поставляете контаминанты знаменитому террористу, я вынужден становиться у вас на пути.

— Да ничего мы никому не поставляем, — заныл Оспа.

— В самом деле? А у меня совершенно противоположные сведения.

— Да и плевать, — пробормотал Оспа и нагло повернулся ко мне спиной. — Все равно ничего не докажешь.

Я поймал коротышку за лохмотья, оторвал его от пола и приблизил уродливую рожицу к своему лицу:

— Скажи-ка, приятель, как тебе идея вылечиться? Оспа побледнел от страха:

— Не посмеешь!

— Еще как посмею.

— Убийца! — забрыкался он. — Ладно, прекрати! Отпусти меня, я все скажу!

Я выполнил просьбу, но остался начеку.

— Нам совсем без бабок не прожить, приходится иногда брать заказы, — снова заныл Оспа. — А связываться с нами желающих мало. Да к тому же в этот раз задачка была аккурат на наш вкус.

— А ну-ка, поподробнее.

— Заказчика я ни разу не видел, так что не буду гадать, тот ли это, кто тебе нужен. Мы контачили только с кибами, это они организовали сделку. Короче, этому штепселю понадобился новый прион, который, попадая в ротовую полость с водой или пищей, добирается до таламуса и расстраивает функцию Ллинаса.

Я ушам своим не поверил. Функция Ллинаса — полученная эволюционным путем способность таламуса, этих первичных часов мозга, соединять весь сенсорный ввод и все корковые реакции в логически последовательный посекундный гештальт вселенной. Даже самый отвязный крим не на шутку задумается: стоит ли копаться в такой важной функции мозга.

— Так ты говоришь, что создал прион, способный разлаживать внутренние часики человека?

— Что-то в этом роде. Но все формы жизни равны, и прионы будут благополучно существовать, не убивая своих носителей.

Должно быть, Сынок считывал показатели мо-

ей жизнедеятельности и идентифицировал гнев — он механическим спрутом устремился вперед:

— Полноправ, какие будут распроряжения?

— Упакуй их.

Заработали форсунки Сынка, и через тридцать секунд все Инкубаторы были опутаны нитями, Я вызвал транспорт и поделился новостями с Пристли.

И на этом легкая часть расследования закончилась.

Весь личный состав ДВР, а также сотни прибывших на помощь сотрудников десятков других биорегиональных и континентальных агентств, были брошены на поиски Чокнутого Кошака. Среди них оказался и я в роли рядового топтуна — уже на следующий день после того, как Пристли выдавила из себя благодарность в мой адрес и дала выход буре негодования в адрес тех, кто не додумался раньше опросить Инкубаторов.

В ту же ночь, когда мне удалось добиться от Оспы откровенности, я снова встретился в «Кокейне» с Ксули Бет. И было такое чувство, будто это мой последний визит в заведение. Никогда еще страна молочных рек и кисельных берегов не казалась мне такой фальшивой. В минуту нашего постсексуального отдыха она сказала:

— Береги себя.

— Обязательно. Да ты не волнуйся, меня опекает Сынок.

Она рассмеялась:

— Тьюринг в гробу перевернется! — и, посерьезнев, спросила: — Ты и после апгрейдов носишь карманкомп?

— Конечно. Всегда полезно иметь резервную связь с метамедиумом.

Ксули Бет потрогала рожки на лбу:

— Что ж, это хорошо.

Мои коллеги с пристрастием допросили Инкубаторов, но так и не сумели выяснить, где может прятаться Чокнутый Кошак. Мы с Сынком проверили дюжину вероятных зацепок — с тем же успехом. Но какая-то смутная мысль постоянно щекотала кровеносные сосуды затылочных долей мозга.

В Отделе я истратил драгоценный перерыв на разглядывание торнадо-мандалы.

Вот тут-то и всплыл в памяти тот странный запашок.

Я его наконец узнал.

В бывшем нефтехранилище пахло Плетенками!

— Сынок, мы выходим! — воскликнул я.

Я никому не сказал, куда направляюсь. Иначе бы все ринулись на охоту за диким прионом.

Наверное, Доктор Варелла объяснит мне потом, что я подсознательно хотел сразиться один на один с существом, столь изрядно потрепавшим мне нервы.

ДВР содержал в бухте лодочную станцию. Я заказал маленький катамаран-водоплан и вскоре на приличной скорости вышел в открытое море.

— Мы в самом начале расследования проверяли Плетенки, — запротестовал Сынок, который сегодня щеголял шасси от «Хьюс», напоминавшем многоногую галлюциногению из Берджес-Шейл.

— Помню. Но с тех пор Чокнутый Кошак где угодно мог укрыться, в том числе и у Плетенок.

— Не спорю. Но все же я бы предпочел сначала убедиться, что вы правильно идентифицировали запах.

— Некогда! Как ты этого не понимаешь? А может, нарочно тянешь время? Хочешь посмотреть, что натворят науськанные на человечество прионы?

— Если это произойдет, Бостоном будут управлять кибы.

Я вытаращился на робота. Но эта ходовая не умела принимать понятные для людей выраже-

ния лица.

— Шутка. Из тех, которыми обмениваются напарники.

— Ах шутка? Ха-ха-ха!

Понадобился час, чтобы добраться до места, — нам пришлось обогнуть Джорджес-банк. И я учуял Плетенки раньше, чем увидел.

Несколько тысяч квадратных километров моря было покрыто грандиозным скоплением цианобактерии и диатомей — этакий мягкий эктоплазмовый ковер. Плавучий бифштекс, источник разноцелевой биомассы, уютная экониша для базово-линейных и искусственно выведенных полезных организмов.

Плетенки выращивались для человечества специальными слабоумными кибами. Одного из которых (а может, и не одного) подчинил себе Кошак.

На ближнем к суше краю Плетенки была заякорена маленькая платформа, служившая редким посетителям-людям: электростанция ОТЕС, маяк, спасательный плот. Мы причалили.

Я не тихарился — Чокнотому Кошаку спрятаться тут было негде.

— Лодку сторожи, — приказал я Сынку.

— Приступаю к исполнению команды.

Я перебрался на борт слегка покачивающегося форпоста цивилизации в океане.

На севере удалось разглядеть грозовую тучу — она странным образом скапливалась посреди чистого неба. Но сейчас мне было не до размышлений о погоде. Все мое существо настроилось на обнаружение злоумышленника, но пока — ничего подозрительного.

Все же Кошаку удалось застичь меня врасплох. Когда я приблизился к другому краю платформы, его лапа вылетела из-под воды и вцепилась в мою лодыжку. Он дернул, я упал, но в воду не полетел, так как ухватился за пиллерс. Почувствовав сопротивление, Кошак отпустил меня и с тучей брызг вылетел из воды. Вот он уже на платформе, бьет ногой… Я откатился, вскочил и принял боевую стойку.

— Сынок! — заорал я.

— Иду, полноправ… — отозвался киб.

В ту же секунду раздался всплеск. На водоплан взобрались два жнеца и скинули Сынка. Мой напарник отправился к акварыбам, умея плавать не лучше топора. Значит, я остался один на один с Кошаком. Мало кто из людей смотрел ему в лицо. Мне повезло, стало быть. Но вместо того чтобы гордиться этой высокой честью, я перепугался

до смерти. Ведь секунду-другую назад он с такой легкостью меня свалил! Чтобы вернуть хладнокровие, пришлось вспомнить экстремальную мантру.

Мокрая шерсть облепила стройное тело Чокнутого Кошака, уши были прижаты к черепу. Вылитый байроновский антигерой. В нем было одновременно и нечто царственное, и нечто дикарское — стоит ли удивляться, что этот облик пленил столь многих?

— Кошак, сдавайся, — пошел я на блеф. — Обещаю, ничего плохого тебе не сделаю.

У него вздрогнули усы, из горла вырвалось мурлыканье напополам с урчанием:

— Да, только посадишь в клетку и заставишь лизать сапоги низшим по развитию!

— Лучше быть живым, чем мертвым.

— Не на таких условиях!

— Ты сделал свой выбор! — Я выставил перед ним ладонь, как перед транспортным кибом.

Из моих экзокринных желез ударил противопехотный спрей — слепяще-удушающе-нарывного действия. Струя угодила Кошаку прямо в лицо. Он взревел и, превозмогая боль, бросился на меня. Мы ударились грудная пластина в грудную пластину, я почувствовал его зубы в своей шее

— они разрывали чешую. Я вонзил пальцы в его плечи — а ему хоть бы что.

Сейчас я узнаю, сколько надежны неогоретексовые вены. Все чернело перед глазами — неужели отказывает зрение?

Нет — просто над головой собираются тучи. Я с изумлением смотрел, как разверзается ад.

Молнии, гром, ливень, а затем — главный удар: микропорыв ветра, вроде того, что оставлял за собой в лесу просеки в догэфовские времена.

Станция поднялась на дыбы, нас с Кошаком снесло в море. И под волнами мне удалось наконец вырваться — или это он меня выпустил? Не важно, главное, я был свободен.

Я устремился вверх, из последних сил вынырнул на поверхность. Огляделся — его нигде не видать. Но зато приближается целая флотилия водопланов. На один из них меня и затащили, не слишком церемонясь. Мы несколько часов искали Кошака с помощью приборов, роботов и собственных глаз, но бешеной помеси и след простыл. Кошак отправился кормить обитателей разгневанного моря, а может, и выжил. Хотя второе казалось невероятным.

Перед возвращением мы нашли на дне океана и подняли Сынка. Киб самостоятельно добрался

до якоря станции; может, он и вылез бы по тросу, если бы не отказал источник питания. Как только меня заштопали, я связался с Пристли и получил очередные порции: скупую — похвалы и щедрую — упрека.

Потом я связался с Ксули Бет.

— Глобальная регулировка климата — это просто здорово! — проговорила она со слезами радости на глазах.

— И друзей «наверху» иметь — тоже здорово! — добавил я.

— А точнее — в стратосфере, — сказала Ксули Бет.

Макгрегор

1. Сказка о кролике Питере

Кролик Питер потушил сигарету о камень, на котором сидел, щелчком короткого когтя отправил окурок кувыркаться прочь и вздохнул.

Стояла ночь. Благоухающий сельский воздух приносил явственные звуки нетрансгенной жизни: шорохи, крики, писк, оханье…

Лягушки — но не Джереми Рыболовы. Совы — но не мистеры Брауны. Барсуки — но не Томми Броки. Ежи — но не Ухти-Тухти.

Носящие эти имена его товарищи-трансгены сидят в загоне. Они не имеют прав, они не могут бродить, где им вздумается, как это делает кролик Питер.

Он взялся за кончик длинного левого уха. Два года назад, вскоре после того, как Питер сбежал из Поместья, ухо подверглось хирургической операции. Только так можно было удалить силикробовое тавро, логотип компании «Уорн». Силикробов вкололи под кожу в лаборатории биофабрики «Шеринг-Плау», и они выстроились в татун, подтверждающий право мистера Макг-

регора на владение кроликом Питером. А затем Питера отправили к покупателю.

Искалеченное ухо регенерировало, но все-таки то, что выросло, казалось чужим. У Питера вошло в привычку щупать кончик уха, когда он нервничал. Как сейчас.

Он сидел на высоком холме в Западном Биорегионе Европейского сообщества. Внизу лежала деревня Саури, освещенная нежным сиянием слабых фотонных излучателей. На юге виднелась территория Музея Беатрикс Поттер, также известная под названием Поместье Хилл-Топ.

Когда-то и он там жил. Провел в Поместье всего лишь тринадцать месяцев, а кажется, целую вечность. Дурацкие спектакли, зеваки, понаехавшие из ЕЭС, САС, Со-Про, безвкусная еда — искалеченные протеины и бросовые пептиды. Но в конце концов он понял, что совершенно непригоден для такой службы.

Прошло два года — пятая часть гарантированного жизненного срока — с тех пор, как он сбежал, и за это время скучать ему не приходилось ни разу. Когда до голодной смерти было уже рукой подать, он наткнулся на лондонскую ячейку ФОТ.

Он прошел стандартный курс обучения под

воздействием тропов и подвергся соматюнингу, после чего был готов сыграть свою роль в освобождении трансгенов.

Он участвовал в печально знаменитой Corrida de la Muerte[206] в Мадриде — помог уничтожить совет директоров «Гедоникс-плюс», алчных человечишек, собравшихся в Женеве на саммит. Он угодил в перестрелку с бразильским полицейским спецназом в «Хибаро Макси-Молле», едва ноги оттуда унес. Еще он помогал лидеру ФОТ, легендарному бешеному трансгену по прозвищу Чокнутый Кошак, в Чикаго — там они пытались зомбировать Едоков и с их помощью затопить город. Короче говоря, последние два года Питер жил полноценной жизнью. Увиденное и содеянное сделало его крутым кроликом. Однако сейчас он раздумывал о предстоящей встрече с Макгрегором, и крутизна отступала, и брала верх прежняя, заложенная на фабрике натура, делая его беспомощным, как котенок.

Он сам напросился на это задание. Но теперь — не радовался.

Питер порылся в кармане видавшего виды синего пальто с медными пуговицами в поисках

---

[206] Примечания: 206
Смертельная коррида (исп.).

дозы «воодушевина», проглотил всухую и затеребил ухо, пытаясь сосредоточиться на задаче. Внизу, возле Поместья, мигала большущая голорекламa, отъезжали последние туробусы.

В парке теперь остался только один человек (не имея пятидесяти одного процента человеческих генов, он все же получил этот статус) — Макгрегор. А он — из тех, кто умеет получать полное удовольствие от своего положения. И значит, помеси уже трепещут от страха. Питер подавил гнев, представив, что сейчас начнется в Поместье. Хорошо, что зарядился «злобогасителем» — а то нервы могли бы и не выдержать. Спуститься можно будет только после того, как Макгрегор уйдет спать. Остались считанные часы.

Питер зажег новую сигарету. Дрянная человеческая привычка. Впрочем, со здоровьем у него все в порядке. У Кролика слишком короткий век — нажить рак просто не успеваешь.

2. Сказка о двух Мышках-Шалунишках

Макгрегор опирался о клюку и махал отъезжающему туробусу. Поглядишь со стороны — старый фермер с печалью и надеждой на возвращение провожает дорогих гостей. Когда машина скрылась за поворотом, Макгрегор велел голорекламе

погаснуть. Затем он выпрямился.

Разогнувший спину Макгрегор больше не казался ветхим вредным старикашкой. Он как будто раздулся, заполнил коричневый костюм из псевдодомотканой материи конечностями и туловищем, мощными, как работавшие на окрестных полях автожатки «Дир-Голдстар». Белая бородища, спадавшая на обтянутую рубашкой грудь, теперь выглядела совершенно неуместно, как и его усы, как и клюка. И вдруг с жутким воплем Макгрегор запустил палкой в небо. Она взлетела выше колпака дымовой трубы. Взметнулись очки и борода, а заодно вся одежда, шляпа в том числе. Аниматронная борода проползла несколько дюймов по траве и замерла. Обнаженное туловище было покрыто крепкой чешуей, как у броненосца. Руки и ноги перевиты мускулами, как у Обезьяны-грузчика. На безволосом черепе под кожей пульсировали силикробовые рисунки, электромиографически синхронизованные с корковым веществом. Втягивающиеся гениталии были спрятаны. Макгрегор повернулся лицом к потемневшему хлеву:

— Мерзавцы! Провалили представление!

Хлев не ответил ни единым звуком. Казалось, подсознательная эмоциональная дрожь исходи-

ла холодными волнами из постройки.

Макгрегор зашагал к ночлегу трансгенов.

Пинком распахнул большую дверь.

Внутри старомодного строения, куда не водили туристов, было просторно. Стены и пол покрыты бесшовным пластиком, это чтобы не заморачиваться с чисткой. В углу стояли раскрытые компостировщики. Вдоль стен по-казарменному расставлены койки, при каждой — сундучок для дозволенных помесям пожитков: расческа, косметика, доставшиеся от туристов сласти из лавки «Имбирь и пикули», смена платья. Возле коек стояли по стойке «смирно» их владельцы.

Самые крошечные из обитателей Поместья — Мыши, Лягушки, Белки — даже поднявшись на генетически измененные задние ноги, едва доставали Макгрегору до пояса. Самые большие — Кролики, Собаки, Кошки — были ему по плечо.

Макгрегор дал своему имуществу попотеть от страха добрую минуту. Потом круто развернулся и ткнул пальцем в Свинулю Вежлика.

— Ты!

На глазах у Вежлика набухли слезы, побежали по обе стороны рыльца. Он их промокнул рукавом коричневого сюртука.

— Сэр, моя поросячья внешность в полном

порядке. Но Макгрегор уже повернулся к другой жертве:

— Утка!

Джемайма Кряк несколько раз в ступоре открыла и закрыла клюв, наконец кое-как выговорила:

— Шляпка привязана, шаль чиста. Шляпка привязана, шаль…

Но Макгрегор наконец добрался до тех, кого выбрал с самого начала:

— Мальчик! Ханка! Выйти на середину!

Мальчик-С-Пальчик и его подруга Ханка-Манка, дрожа от страха, подчинились. Мыши шагали, опустив головы, прекрасно зная, что сейчас произойдет. Сопротивляться — бессмысленно.

И тут в дверях появился Лис. Ростом с Макгрегора, его помощник ходил в коричневом сюртуке, жилетке и при галстуке. Он принес клюку Макгрегора. Мистер Тод, Лис, улыбнулся, показав острые зубы.

Он сразу набросился на Мышей, стоявших в футе от Макгрегора:

— Вы разбили блюдо, когда ломали кукольный домик на дневном представлении!

Мальчик-С-Пальчик взглянул на Ханку-Манку, а та посмотрела на него. Карие глазки отражали свет потолочных плафонов.

— Но ведь мы и должны были разбить блюдо, — ответил самец. — Мы показали, что ветчина гипсовая. Мы гневно пищали. Я взял щипцы. Я ударил по ветчине…

— Ты не то блюдо разбил! Ты разбил пустое блюдо!

— Нет, я ударил по ветчине…

— Хватит! Дай сюда клюку!

Лис, задрав пышный хвост, щелкая когтями по полу, приблизился к Макгрегору и подал клюку. Макгрегор повернул рукоятку, установив риску на цифру «11». И принялся бить Мышей. Малейшее прикосновение палки причиняло страшную боль. Мыши корчились и пищали, их товарищи заплакали, но это не помогло. Град ударов не прекращался.

Ханка-Манка рухнула на пол. Пряча голову, задрала хвостик. У Макгрегора полезли наружу гениталии.

3. Сказка о Макгрегоре

Мамка Макгрегора, суперврачиха,
С деторождением справилась лихо.
Сама у себя яйцеклетку взяла,
Параметры в автоутробу ввела.

Родился ребенок — мальчонка премилый,
Под стать материнским инстинктам лепилы.

Дочка опоссума и кенгуру
Нянькой была Макгрегору.
Нежный младенец ее обожал,
В сумке сидел, сиську сосал.

Но детства пора золотая прошла —
Метареальность его увлекла.
Скоро Макгрегор подсел на игрушки:
Его развлекали смешные зверушки.
В день, когда юноша жил виртуально,
Что-то в процессе пошло аномально.
Начали парня рвать на куски
Когти фрактальные, цифроклыки.
Вырвался чудом Макгрегор из них —
Жалкий урод, неврастеник и псих.
Бедный калека, форменный шиз:
Няню свою он в конструкте загрыз.
Кровь на лице, кровь на руках,
Нянина кровь на его зубах!

Был парень здоровый, стал парень больной.
Смешные зверушки всему виной.
Долго Макгрегор лечился в психушке,
Долго копались в его черепушке
Самые лучшие из докторов:
«Будем считать, что Макгрегор здоров».

И сам не заметил, как взрослым он стал,
Работу по сердцу найти пожелал.
Цифрореальность всем хороша,
Но настоящего просит душа.
Аттракционов в мире не счесть,
Там любые ролевки, конечно же, есть.
Макгрегору больше всего на свете
Хотелось снова зверушек встретить,
Чтоб поквитаться с ними сполна —
За то, что когда-то свели с ума.

4. Сказка о Крольчихе Флопси

Питер пришел на скотный двор около трех но-

чи. Поместье охранялось несерьезно, в основном от кримов-людей: редких вандов-одиночек или охочих до приключений извров из метроплекса. Не препятствие для партизана, проходившего обучение в отряде мстителей «Секвойя», в лагере, укрытом на территории компании «Каскадес». Что же до бегства трансгенов, то об этом люди не беспокоились. Биологические путы работали получше охранных систем. Редкая помесь набиралась храбрости, чтобы сбежать за ограду, где против нее мгновенно ополчится все и вся, где контролируемое жизнеобеспечение тотчас превратится в гарантированное обеспечение смерти.

Но Питер для того и явился, чтобы убедить своих сородичей: этот шаг необходимо сделать.

Дом Беатрикс Поттер утонул во мраке и тишине. На первом этаже жил мистер Тод, на втором — Макгрегор. Вспомнив об этой парочке, Питер поежился. Если повезет, он выполнит свою миссию, не побеспокоив стражей.

Он задержался у двери в хлев, принюхался: только слабеющие запахи Макгрегора, его пота и спермы. Обоняние Питера из-за курева было вдвое хуже прежнего, полагаться на него вряд ли стоило. Но он сам видел, как гасли окна коттеджа,

а значит, беспокоиться не о чем.

Появилось желание, и довольно сильное, пометить территорию, которую ему предстояло покорить. И Питер не стал бороться с соблазном, а быстренько помочился на дверь, при этом представляя себе физиономию Макгрегора. Пока Питер отодвигал засов, земля жадно впитала урину.

Дверь чуть слышно скрипнула, и вот он уже внутри. Звук разбудил Белку Щелк-Щелк.

— Тррк! Тррк! Тррк! Это прежний Питер! Это прежний Питер!

— Заткнись, грызун! О черт!

Вопли Белки перебудили в хлеву всех. Питер намеревался сначала поднять лишь несколько помесей с самыми крепкими нервами и вдобавок инициативных — рассчитывал, что они помогут обойтись без суматохи. Но теперь — слишком поздно.

Вспыхнули лампы. К счастью, в хлеву не было настоящих окон — только голоиллюзорное освещение. Свет не разбудит Макгрегора, лишь бы шум не разбудил… Глаза, сухие и влажные, видящие в темноте и на свету, смотрели на Питера. Он помолчал, давая пленникам осознать, что означает его появление. Вернулась беглая

помесь, не погибшая на воле.

Первым заговорил Колли Кеп:

— Почему ты вернулся? У нас теперь новый Питер. Ты сдался людям? Где твое клеймо?

Питер гордо выпрямился:

— Я не раб, я вольный трансген, равный любому пятидесятипроцентнику. А вернулся я для того, чтобы освободить всех вас. В миле отсюда ждет фура с водителем. Ближе подогнать было нельзя, ее бы заметили, а нам погоня ни к чему. Вам надо только пойти за мной, и к утру будете сами себе господа. В Глостере есть надежный хромопортной, он обезвредит гены-убийцы.

По хлеву пробежал нервный ропот.

— А что мы будем есть? — спросил Котенок Том.

— Кто нас будет одевать? — осведомилась Миссис Тигги-Мигги.

— Чем мы будем заниматься весь день напролет? — поинтересовался Сэм Усик.

Питер разозлился:

— Перестаньте задавать дурацкие вопросы! Доверьтесь мне! ФОТ вас всем необходимым обеспечит. Сейчас самое важное — бежать! Ни секунды не медля!

Подала голос Герцогиня, черная Собака:

— А почем мы знаем, что ФОТ сможет нас защитить?

— Мы сильны! Наш вождь смел и мудр! Сейчас он готовится нанести мощный удар по людям в Нова-Англии. У нас много друзей и союзников. Например, Принцип Ненасилия, подпольное крыло ОПЖОП. Вы что, не слыхали о Целестевилле? Правительство Анзании выделило для нас резервацию, там свободно могут селиться любые помеси. Королю Бабару нужны лояльные и добропорядочные граждане.

— Лжешь! Хочешь нас погубить! Питер повернулся. И увидел… себя!

Заменивший беглого кролика стоял рядом с его подружкой Флопси. Питер-2 в отличие от ренегата Питера был прекрасно ухожен — чистенький, пухленький, медные пуговицы надраены. Каждая пушинка на слащавой мордочке показывала, как сильно он погряз в подхалимстве, как страстно мечтает восстановить репутацию, испорченную предыдущей дефективной моделью. Все это было заложено в него производителями — Питер об этом догадывался и зла на своего преемника не держал. Да и не испытывал к нему интереса, если на то пошло. Взор был прикован к соблазнительной фигурке, стоявшей рядом с нео-Питером. Он

уже почти забыл, какая Флопси красивая. Грудка толстенькая и мягонькая, ляжки крепкие, носик сексуально влажный.

Самоотверженная борьба не оставляла Питеру времени для романтики. И вот сейчас он вспомнил ночи, проведенные вместе с Флопси — когда наслаждался единственным благом, доступным рабу. Вспомнил — и сердце заполнилось горечью утраты. Но тут же сообразил: если будет колебаться, проиграет. Второй Кролик запугает пленников, и они не согласятся покинуть хлев.

И Питер, подчиняясь голосам логики и ревности, бросился на коллаборациониста. Новый Питер, защищаясь, неуклюже вскинул передние лапы. Но где ему тягаться с тренированным бойцом! Миг — и второй Кролик, с разбитой в кровь мордочкой, падает на пол.

При виде этой свирепой расправы трансгены оцепенели. Гул вентиляционной системы, казалось, превратился в рев урагана. Питер был готов и дальше применять силу. Но вмешалась Флопси. Глядя блестящими глазами на своего бывшего — и обретенного вновь — друга, она воскликнула:

— Ничтожества умирают на коленях! Мы — ходим на двух ногах! Вся власть — ФОТу!

Сначала ее поддержали одиночки, но вскоре

уже весь хлев скандировал: «Вся власть ФОТу!» Питер был слишком счастлив, чтобы предостерегать. Да к тому же они все равно скоро уйдут отсюда.

Он обнял за плечи Флопси. Там, на воле, ей вернут способность к деторождению, и они с Питером наплодят свободных детенышей, которые заставят все человечество дрожать от страха!

5. Сказка про злого и жадного Кролика

Макгрегор спал на уютном диванчике-обниманчике на втором этаже коттеджа. Ему снилось, что он сидит в комфортном ёрзономичном кресле, на голове — кайфошлем для доступа к цифреальности. Сон во сне. Виртуальному Макгрегору было пять лет от роду. Он шел, держа за руку няню и маму, по крытым дорожкам, кругом порхали бабочки, пахло сеном. Вдруг из-за кустов выскочил гигантский зверь, хищный кролик с полной пастью клыков. А в следующий миг рядом с ним возник другой! И третий! Кролики схватили охранницу и маму, перегрызли им глотки, принялись рвать мясо. Макгрегор закричал, принялся корчиться в кресле, ворочаться на диване. Кролики бросили трупы взрослых, окровавленные морды повернулись к мальчику.

Макгрегор до крови прокусил язык. И в виртуальности, и во сне, и наяву. Наконец диванная система контроля среагировала, выдала дозу «пробудина». Макгрегор, уже чуявший запах свежего мяса из клыкастых пастей, мгновенно сел, сорвал шлем, проснулся. Ощутил во рту собственную кровь — вкус, как у контактов старинной электрической батарейки. Плюнул красным; постель мгновенно поглотила кровь со слюной. Прислушался.

Вместе с ветерком в растворенное окно влетели слабеющие звуки из хлева.

Что там вытворяют эти гребаные-перегребаные трансгены? Неужто опять передрались из-за морковки или леденца? А ведь им строго-настрого наказано: после отбоя на цыпочках чтоб ходили и дышали через раз! Ну, он им устроит! Отирачит и отпакистанит, шкурки сдерет, наизнанку вывернет и обратно напялит!

Но что, если?..

Он обратился к дому:

— Хилл Топ!

— Слушаю, хозяин.

— У нас что, посторонние?

— Датчики периметра докладывают: ни одно живое существо с массой более десяти унций не

проникало.

Ни одно существо с массой более десяти унций? Это невозможно. Окрестности кишат куда более крупной живностью, она так и шастает по ночам, так и норовит забраться в Поместье, а охранная система запрограммирована регистрировать такие нарушения, но зря шума не поднимать. А тут — ни одного проникновения! Не иначе кто-то переналадил датчики.

— Хилл Топ!

— Да.

— У нас нарушитель. Свяжись с саурийской полицией. Организуй мне лицензию на убийство.

По оптоволоконному кабелю промчался запрос, тотчас поступил ответ.

— Распоряжение выполнено.

Не тратя времени на одевание, Макгрегор снял со стены ружье с раструбом на стволе, с магазином, похожим на старинную коробку от кинопленки, с пустотелым прикладом из легкосплава.

Спустившись по лестнице, растормошил сладко похрапывающего Мистера Тода. (Многие помеси, получившие в автоутробе дар речи, приобрели и сопутствующие проблемы с дыханием.)

— А ну, брысь с кровати, разжиревшая задница!

У нас лиса в курятнике!

— Лиса?

— Глупый трансген! Не понимай так буквально, черт бы тебя побрал! Шевелись, или пожалеешь, что на свет родился.

Не дожидаясь, пока Мистер Тод оденется, Макгрегор быстро и бесшумно побежал к хлеву. Дверь была приотворена, щель — освещена.

Допнейросистемы моментально обработали открывшуюся ему сцену, точно стоп-кадр.

Макгрегор снес дверь с петель.

Она придавила несколько помесей. Остальные держались плотной толпой возле двух кроликов. Еще один кролик лежал на полу. Так вот оно что! Вернулся ренегат Питер! Паршивая овца в стаде Макгрегора!

Сцена ожила.

Лапа беглого кролика сунулась за отворот синего пальто. Макгрегор заметил краешек плечевой кобуры модели «прыг-скок», пистолет из нее сам переметнулся в кроличью ладонь.

Но Макгрегор выстрелил первым.

Маленькая капсула разбилась о щеку Питера. Макгрегор даже не успел уследить за тем, как Питер оказался с ног до головы опутан сетью «Ивакс», пистолет — прижат к туловищу. Се-

кунду-другую кролик дергался, затем рухнул. Макгрегор уверенно подошел к обездвиженному кролику, полупарализованные страхом трансгены с дрожью расступались.

— К нам пожаловал кролик-крестоносец… Ну, здравствуй, мерзавец. Что теперь будешь делать? — Не дожидаясь ответа от Питера, не обращая внимания на боль в ушибленной о дверь пятке, Макгрегор вонзил ногу в живот лежащего.

6. Сказка о Мистере Тоде

Мистер Тод похрапывал на пропахшей лисьим мехом койке на первом этаже дома. Ему снился чудесный сон.

Он на свободе. Гуляет сам по себе. Бродит по холмам и долинам древней, девственной земли его предков. Переходит вброд ручьи, пересекает луга, выслеживает по запаху друга или врага, самку или добычу. Солнце, ветер, глубокая нора, студеной зимой — вот и все, что нужно для счастья. Только это придает жизни смысл.

И вдруг сладкий сон превратился в кошмар.

Его поймали люди и привязали к кормушке. Ему гнули и выкручивали конечности, пока он не завопил от невыносимой боли. А когда наконец обликом уподобился истязателям, они

его перестали мучить, но сделали своим рабом. Заставили следить за другими изувеченными существами, сторожить, не допускать их бегства. За это его «наградили»: бесполезные тряпки, вмиг приевшаяся пища, изредка — поспешные случки с Лисицами от «Гедоникс плюс» да иллюзорная охота за бескровной дичью в его собственном разуме…

В этом аду каждый день проходил, словно вечная зима. Как же хотелось Мистеру Тоду вернуть свою настоящую жизнь!

Последняя попытка отогнать ужас разбудила его…

Разбудила — и вернула в кошмар. Его жестоко тряс вооруженный Макгрегор. Что, разве уже утро? Пора на службу? Смешить бородатыми хохмами туристов? Кто съел пирожок с моего противня? Кто попользовался моей лучшей скатертью? Наверняка этот гадкий Томми Брок. Глядите-ка, он спит на моей кровати! Сейчас я его проучу…

Однако нет, еще даже не рассвело. Макгрегор что-то сказал насчет лисы. Но разве Мистер Тод — не единственная Лиса на этой ферме? Почему человек не дает ему спать? Есть же у помеси право на ночной сон. На учебной псарне тренеры

обещали Тоду легкую жизнь. Говорили, у него будет добрый хозяин. Но Макгрегор не добрый, а совсем даже наоборот. Бьет трансгенов и даже получает от этого удовольствие. И заставляет Мистера Тода ему помогать. А Мистеру Тоду это неприятно. Он не хочет причинять другим боль без необходимости. Убивать можно только для того, чтобы прокормиться. Чтобы выжить. Охота — это не развлечение. Вот игры и случки можно назвать развлечением, а издевательство над другими — вряд ли. Но разве от Мистера Тода что-нибудь зависит? Попробуй только не подчиниться Макгрегору…

Но человек вдруг ушел. Мистер Тод заставил себя подняться. Снял с крючка пальто, надел. «На публику без костюма выходить не смей…» И вышел.

В хлеву исчезла дверь, через проем лился свет. Это ненормально. Мистер Тод насторожился, мгновенно включились рефлексы. В самом воздухе витала угроза, как будто по пятам неслась стая лающих борзых.

Мистер Тод осторожно сунул острый нос в дверной проем. Макгрегор стоял над опутанным сетью кроликом. Кролик задыхался, его рвало. Вдруг помесь по имени Флопси двинулась к Мак-

грегору, а тот взял ее на прицел.

— Тебе тоже хочется неприятностей? — спросил человек.

Флопси остановилась:

— Сегодня ты можешь нас удержать, но это — не навсегда. Грядет конец твоей власти. Есть на свете место, где трансгены живут свободными.

Мистер Тод не поверил собственным ушам. Обитатели хлева не доверяли ему, а потому не делились слухами. Что за место? Неужели это правда? И что за посторонний кролик? Э, да ведь это же прежний Питер!

Ударом тыльной стороны ладони по мордочке Макгрегор заставил умолкнуть Флопси, она сильно пошатнулась на задних лапах, но устояла.

— Кто-нибудь еще желает высказаться? — осведомился он.

Все помеси потупились. Макгрегор опустил ружье. Левое ухо Питера торчало из сетки. Макгрегор схватился за него и без усилий поставил Питера на ноги.

— Долго ж я этого ждал…

Питер уже успел восстановить дыхание. Собрав все силы, он плюнул в лицо Макгрегора:

— Жри свои катышки, урод!

Макгрегор взвыл и обеими руками вцепился

Питеру в шею. И тут что-то щелкнуло в голове Мистера Тода. Одним прыжком он преодолел расстояние, отделявшее его от Макгрегора.

Тот, застигнутый врасплох, разжал пальцы, и кролик упал на пол.

Мистер Тод вскарабкался на Макгрегора.

— Ты чего?!.. — только и успел проговорить Макгрегор. Мистер Тод вонзил зубы в твердую глотку. Хозяин взревел и инстинктивно схватил Лиса за шею. Но Мистер Тод не отпускал. В глазах все почернело, в ушах звучал голос неземного охотничьего рога, но могучие челюсти не разжимались, пока Лис не умер.

И вместе с ним умер Макгрегор.

С помощью фестонных ножниц миссис Тигги-Мигги освободила Питера. Он удивился, обнаружив, что может стоять на ногах. Но горло болело так, будто он за пять минут выкурил пачку сигарет. Стреляло в левом ухе. Когда он упал, пистолет больно врезался в ребра.

Однако еще никогда в жизни он не чувствовал себя так хорошо. Опустив взгляд на двух мертвецов, Питер почувствовал, как в голове рождаются торжественные слова:

— Мы всегда считали Тода коллаборационистом, а он оказался настоящей помесью. Человек

отнял у нас право первородства, но при этом он доказал, что мы должны быть вместе. Лис спасает Кролика, Кот помогает Мыши, Лев отдыхает рядом с Ягненком. Тод — не первая и не последняя наша потеря. Но она окажется напрасной, если мы не продолжим борьбу. Друзья, мы должны бежать!

Когда все обитатели Поместья собрались вокруг Питера во дворе, робея при мысли о том, что ожидает их впереди, дикий кролик вынул из кармана письмо-бомбу и со всех сил бросил в стену хлева. Капсула разбилась, и разумная силикробовая краска сама изобразила прощальное послание от Фронта Освобождения Трансгенов:

Сами садик мы посадим,
Сами будем поливать,
Человечьими костями
Будем садик удобрять.

Атака на мозг

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070465: 070465/1275
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Нашествие закончилось. В нашем риск-пузыре я в безопасности, как бластула в биореакторе. Чего нельзя сказать о враге. Ему от нас досталось на орехи!

Очень жаль, что я не могу растрировать Вас лицом к лицу, увидеть, как Вы улыбаетесь этой хорошей новости. Но я зато прекрасно представляю себе Ваше мигание — Вы всегда мигаете, когда счастливы. Однако, по соображениям безопасности, мы, зиготы (так к нам, рядовым, дружески обращаются офицеры), не имеем полного доступа к метамедиуму. Все карманкомпы и вирт-контактеры изъяты — с большинством из нас это случилось впервые в жизни. Я чувствую себя совершенно голым! Мы вынуждены пользоваться только этой допотопной линией «Телепорт боновокс». Вероятно, такая строгая

мера понадобилась для того, чтобы к нам или от нас не могли пробираться системные вирусы или трояны-шпики. Кроме того, все эти передающие устройства, одним из которых я сейчас пользуюсь, имеют микросхему с искусственным интеллектом КТ-1, автоматически вырезающим из послания любую секретную информацию. Вот, например, я попытаюсь сообщить, что мы дислоцируемся чуть севернее УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, или что командует нами УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, а машина ничего такого не пропустит.

Впрочем, это неплохое устройство, почту доставляет мгновенно, даром что между нами УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ часовых поясов.

Нашей миссии сопутствует успех, и это самое главное. Который раз МВФ успел вмешаться как раз вовремя, чтобы предотвратить катастрофу. Со временем я расскажу Вам об этой операции подробнее. А сейчас меня зовет моя лучшая однополчанка Пингвиниха. Похоже, нам предстоит с помощью колонии симоргов разработать и изготовить несколько новых экспертных модулей — по словам начальства, они были нужны позарез еще вчера.

Ваш любимый гость-сын УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,

сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070465/1610
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Какой скандал-мандал! На пути у наших спецов и командиров встала бригада ноев из Глобального экологического фонда, они хотят определить степень загрязнения океана и атмосферы в результате последней Короткой войны, и мы с Пингвинихой во время планового простоя не покладая рук гнули молекулы! Слава Богу, среди ноев нашлась добрая душа, Ксули Бет Воллбрахт, она с нами поделилась рекреационными тропами. Но в конце концов нас оставили в покое, и поскольку Пингвиниха захотела ненадолго уйти в оффлайн, я решил этим воспользоваться и отправить Вам весточку.

Я знаю, мы с Вами расходимся во мнениях насчет политики МВФ. Более того, иногда я от Вас слышал высказывания, более подходящие какому-нибудь ретрограду или гринпису. Помню, как вы сказали: «Никогда не проголосую за совет директоров Всемирного банка!» Но всем нам приходится голосовать за политиков. И где бы мы ни жили, в больших полипаксах вроде САС и ЕЭС или

в городках вроде нашего Мак-Мердо, — если МВФ делает что-нибудь такое, что нам не по вкусу, то мы вынуждены с этим мириться. Вспомнить хотя бы подавление беспорядков в бывшем Йонгбьоне — это событие еще назвали «Пхеньянским гангбангом» — и то, как войска МВФ справились (или не справились) с укрывшимися на Азорских островах ренегатами-кримами и беглыми помесями. Атлантика от этого удара быстрее оправится, чем репутация войск МВФ!

Но все эти досадные ошибки были допущены до того, как я встал в их ряды. Если помните, эта перемена в моей судьбе случилась вскоре после большой чистки командного состава. В моем подразделении «вычистили» всех офицеров. В результате обер-ефрейтор Озал получил офицерские звезды и носит их по сей день. Вам бы, наверное, понравился Озал, умный и симпатичный штепсель. Мы его прозвали стритбит-гаметой — и это, пожалуй, сомнительный комплимент для солдата, — но Озал не обиделся. Его главный филофикс — музыка. Как выпадет свободная минутка, обязательно потратит ее на прослушивание каввали — в основном через наушники, потому что никто из нас не в восторге от завываний ходжи Аллахакбара.

Короче говоря, я не считаю себя причастным к прежней мудистике МВФ (простите за лексикон), и с тех пор, как я подписал контракт, ничто не заставило меня пожалеть о сделанном выборе.

А сейчас я вынужден закругляться. Одному из моих товарищей срочно понадобился вокс-передатчик. Но я скоро пришлю новую весточку о себе.

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070465/1018
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка, извините за вынужденную задержку. Как только мой приятель отправил вокс-сообщение, ему пришлось получать входящую почту. «Обожающая тебя Хуана» сказала «Hasta luego»[207], причем в самом резком тоне.

Похоже, пока моего однополчанина не было дома, его розетка примкнула к антивоенному движению и теперь не желает иметь ничего общего с нами, «кровавыми убийцами-империалистами». Чтобы его успокоить, понадобилось

---

[207] Примечания: 207
До свидания (исп.).

много тропов и уговоров.

Все-таки, мама, не могу я понять этих демонстрантов-протестантов. Хоть бы узнали они, что тут творится! Тогда бы поняли: мы просто делаем то, что необходимо сделать. Я горжусь, по-настоящему горжусь этой операцией, своим первым серьезным делом. Мы одолели противника быстрее, чем рибозим раскалывает молекулу РНК. Вероятно, вы ничего не знаете об этом — метамедийные репортажи чересчур скупы на подробности. Попробую рассказать — авось машина что-нибудь да пропустит.

МВФ объявил ультиматум, требуя безоговорочной капитуляции, дав срок на обдумывание — до 23.00 второго числа сего месяца. А в 24.00 началась операция — ответ от противника к этому времени так и не пришел. Сначала атаковали ультратеактивные бомбардировщики, почти все — с киберпилотами на борту, но несколькими машинами управляли надевшие комп-перчатки люди с МГД-генераторных подводных лодок. С этих самолетов на врага посыпались противопехотные мошки, бризантные кроты, бункерные термиты, бомбы с газом-деморализатором, вирт-привидения, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ. Противник ответил самонаводящимися кротоловками, вакуумными

мухобойками, прыгающими антитермитными минами, боевым парфюмом, непроходимым для вирт-привидений фрактальным терновником, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, но все это — устаревшие образцы, не чета нашему оружию.

Не успела остыть после бомбежки земля, как МВФ высадил десант. Трансгенная пехота слаженно атаковала неприятельские позиции. При этом отличились наши Росомахи, а также УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ. Едва десантно-штурмовой штаб-компьютер сообщил об успешном выполнении поставленной трансгенам задачи, на зачистку двинулись мы — единственный отряд пятидесятипроцентников во всей нашей группировке.

Вскоре вражеский искусственный мозг покончил с собой, и это означало, что последняя Короткая война сделалась достоянием истории.

Я расскажу Вам, мама, что мы обнаружили на освобожденной территории. Все слухи, бродившие перед штурмом, подтвердились. Увидели бы Вы то, что предстало нашим глазам — точно бы получили метастазис клеток.

Эти безумцы накопили целый арсенал боевых аэрозольных нейротропов, собираясь распылить их над своими ближайшими соседями. А после — над всеми, кто окажется у них на пути. Планы,

разумеется, в корне противоречили минским конвенциям, под которыми подписывались эти гномические весельчаки, а значит, остановить их было необходимо.

Вряд ли ближайшие дни будут приятными для нас. Хотя мы только держим в узде гражданское население, а демонтажем оружейных фабрик занимаются спецы из мегакорпораций — «Текстрона», «Рейн-Дэу», «Тойобо», «Сиба-Кобе», «Имбары». Когда все кончится, я, может быть, получу отпуск. Надеюсь провести его с Вами, с папой и мамой-2, а также с папой-2 и мамой-3.

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/0325
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка, у нас только что отменили режим напряженной готовности. Похоже, еще действуют автономные вражеские недобитки. Большинство из нас спали, когда наушники разразились сигналами тревоги. Никогда бы не подумал, что слова «прорыв периметра» могут звучать так страшно. Каждый из нас облачился в миллипоровый скафандр фирмы «Аффимакс»

— молясь, чтобы нас не накачали чем-нибудь контрметаболическим. Но прежде чем мы успели активировать суперкинетики и декомпозиторы, поступила команда «отбой». Жестянки и трансгены обошлись собственными силами. Оказалось, мы были атакованы горсткой партизан из отряда «Горилла». При осмотре трупов ничего необычного не было замечено — кроме разве что одного. В телах этих трансгенов находились УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, рядом с их УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ. Однако контейнеры оказались пусты — возможно, нападавшие успели что-то распылить, прежде чем их поджарили.

Начальство объяснило нам: это «что-то» может подействовать не сразу.

Сейчас мы все лежим на госпитальных койках, нами занимаются врачи и санитары: проверяют, не закралось ли в ткани, гормоны, вирт-тромбоциты что-нибудь несоматическое. Вот я и решил воспользоваться передышкой, отправить Вам письмецо.

Не волнуйтесь за меня.

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.

Дата/час: 070565/0800
Статус передачи: ОК.
Дорогая!

Не знаю как обращаться к. Такое, будто пропало. Себя чувствую плохо. Очень плохо. Кажется странным — и близким, и далеким. Потому что нарушилось в. Надеюсь поправиться. Изучили, нашли и создают. Обнадеживает.

Но частично утрачена. Прямо берет. Через на смотреть, из стрелять? Уже не говоря о, как обходиться без.

Не надо плакать, пожалуйста. Не знаю, когда свяжусь с в следующий. Не могу передвигаться, слишком ослаб.

Но надеюсь, что у меня еще будет сообщить о себе. Ваш любящий УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1200
Статус передачи: ОК.
Дорогая мать-хозяйка, ура!

Я рад, что эти четыре часа наконец прошли! Наверное, Вы плохо поняли мое последнее сообщение. Это потому, что я не мог употреблять существительные. Дело в том, что все наше

подразделение, до единого бойца, подверглось селективной афазии, в знании языка как бы появились белые пятна.

Похоже, враги приходили не просто так — они применили новейшее оружие. Спецы его прозвали мультивекторным рекомбинантным силикробом, это похоже на нашего УДАЛЕНО. ЦЕНЗУРОЙ, только на несколько порядков сложнее. Очевидно, Гориллы распылили безвредные порознь компоненты, достаточно мелкие, чтобы проникать через миллипоровую ткань. Но, пробравшись в наши организмы, разрозненные частицы, обладающие интеллектом, соединились в более крупные агенты, каковые двинулись прямиком в мозги. Через наушники вдруг прошло бессмысленное сообщение — это было первым признаком того, что в нас залезло нечто чужеродное. Текст очень напоминает мое последнее письмо — набор глаголов и прилагательных, с трудом поддающийся дешифровке. Когда я решил обсудить это с моей койкоподругой Пингвинихой и повернулся к ней (я Вам о Пингвинихе еще почти ничего не рассказывал — она традиционалистка, меньше 20 процентов телесновшеств, Вы с ней обязательно подружитесь, если будет возможность), — обнаружилось, что такая же ерунда

творится и с нашей речью! Стоит ли говорить, что это «несварение мозга» доставило бы нам уйму хлопот, если бы мы не успели к этому времени одолеть противника. Впрочем, у нас ведь есть жестянки и трансгены, довольно устойчивые против такого оружия, они бы нас защитили. Хотя — им ведь нужны командиры…

Впрочем, афазия ненадолго задержала наших лихих биобрухо. Вскоре они сварганили мегаблокировщика из усовершенствованных микроглиальных и каталитических антител, а также из УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, который вычистил из наших мозгов заразу быстрее, чем за миллисекунду.

Все же спецы нас предупредили: есть крошечная вероятность, что микроагенты просто мутировали в соответствии с замыслом противника. Сейчас эта бага обсуждается на виртконференции, в ней участвуют головастики всего мира, в том числе нобелист этого года, спец по генинженерии доктор Сакс, тот самый, который изобрел нейротропины.

Так что, мама, не беспокойтесь, о нас прекрасно заботятся!

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,

сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1391
Статус передачи: ОК.
Другая муть-козявка!

Хохочу сказать вам пору слав о себе. Надежды на изготовленный нашими рвачами антивирус явно не сбились. Опять между нами языковый карьер, только теперь проблема не в существительных, а в нахождении слав для тучного ворожения мюслей. Это мочительный процесс, аж черепашка раскалывается. Нужное слово так и норовит уд рать и стряпаться, и мне иногда не остается ничего другого, как заманить его схожим по звучанию. Спицы велят не панировать и запустись терпением, они уварены, что сумеют нам помочь.

Ваш любящий сон-гвоздь УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1450
Статус передачи: ОК.
Дорогая мать-хозяйка!

Слава Богу, отпустило. Похоже, вражеская инфекция всегда на шаг опережает нашу вакцину.

Остается только надеяться, что бага не вклеила ничего необратимого в наши гены. Сейчас мы чувствуем себя вполне нормально, а массовые галлюцинации — пустяк. Это даже приятно. Несколько минут назад я слышал, как Вы обращались ко мне, вот только голоса настоящих командиров из наушников мешают. Я заметил, как обер-ефрейтор Озал громкость своей музыки поднял до одиннадцати. Обещаю и дальше держать Вас в курсе событий. Надеюсь, с нами все будет в порядке.

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1550
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка! Все наше подразделение сидело на прямоугольной платформе, установленной на четыре столба, и ждало приказа запустить зубы в долгожданную пищу — розовые длинчики с красными прожилками, кремовые полушарики-недожарики с аппетитной корочкой и квадратиком тающей желтой намазки, оранжевые тубы-подпоилки с нарко-колой, — как вдруг…

Похоже, забравшаяся к нам в мозги пакость организовала общую визуальную агнозию. На что ни взглянешь — все кажется незнакомым. При виде самых обыкновенных вещей в мозгу не срабатывают эмоциональные или интеллектуальные связи. Все кажется скоплением базовых форм, геометрических фигур, из которых ничего целостного построить нельзя, и в результате — полная дезориентация.

Так нам объяснили спецы из цифреальности. Сами-то мы просто не смогли бы понять, что происходит неладное.

К примеру, я гляжу на Пингвиниху — если это Пингвиниха — и вижу удлиненный тороид с неровной поверхностью, увенчанный разной длины волокнами. Наверное, и она, глядя на меня, видит нечто в этом же роде.

Нелегко вызвать в себе симпатию к тороиду, но мы изо всех сил стараемся, утешаем друг друга. Обер-ефрейтор Озал держится просто фантастически. Этот овоид с семью отверстиями по экватору настолько хладнокровен, что в нем можно хранить жидкий азот. Кажется, он черпает сверхчеловеческую силу и спокойствие из раскатов каввали — наушники превратились в раковинообразные наросты на «макушке» овои-

да. Не знаю, что бы мы делали без него.

Боюсь, микроскопическую багу не так просто уничтожить, как предполагалось вначале.

Сейчас я искривляю ротовую щель и мясистый красный орган вкуса, а плоская серая коробочка, преобразующая и передающая мои фонемы, позаботится о том, чтобы вы получили это сообщение.

Мама, сохраняйте Ваш гомеостаз на рекомендованном уровне! В июле на Мак-Мердо не так уж и плохо.

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1829
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Агнозия прошла сама по себе. На смену ей явился неострый нейродифицит. Когда переключаешь наушники на поп-режим, из них несется какая-то дребедень. Ну, это не беда, мы тут даже каламбурим, что амузыя нам по барабану. Только беднягу Озала жалко — не выдержал потери, застрелился.

Ваш любящий гость-сын, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/2105
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка, я еще не отправлял это сообщение?

Пингвиниха, подожди!

Кажется, мы заболели КГА, или кратковременной глобальной амнезией. Во всяком случае, мы надеемся, что она кратковременная. По словам спецов, симптомы те же, что и при повреждении нижних частей височных долей; то есть лепилы на этот раз знают, где искать багу, и надеются прихлопнуть ее специально выведенным багохлопом. Я еще не говорил, что мы больны КГА? Вот незадача — память отказывается принимать на хранение новую информацию. Может быть, я уже посылал Вам об этом сообщение… Не беспокойтесь, долговременная память не пострадала. Я помню, как прекрасно относились ко мне Вы и остальные мамы и папы. Надеюсь, я не забуду Вас.

Пингвиниха, подожди!

Я еще не отправлял это сообщение?

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/0105
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Похоже, КГА проходит. Нам приказано поспать, если сможем.

Все обрадовались этому распоряжению, но когда начали задремывать, пошли чудовищной силы миоклонические спазмы. С вами ведь бывает такое — когда засыпаете, то неожиданно вздрагиваете всем телом? Ну а нас так дергало, что едва с койки не сбрасывало.

Сейчас санитары раздают снотворное. Обещают, что к рассвету эта проклятая бага наконец сдохнет.

Спокойной ночи! Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070665/0800
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

От моего подразделения осталась половина.

Виной тому — синдром сладкой кончины, тайско-филиппинско-кампучийская тенденция умирать во сне.

К сожалению, снотворное повлияло на боевой дух, и спавшим расхотелось просыпаться.

Не знаю, почему я вам об этом рассказываю, так что простите за болтливость. В списке потерь — Пингвиниха. Я даже буду рад, если вернется амнезия, — очень уж мне тяжело.

Попросил нашего нового командира переслать Вам через метамедиум адоб — мы с Пингвинихой вдвоем.

Просто на тот случай, если я не смогу вернуться домой.

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070765/1200
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как недуг напоминал о себе в последний раз. Спецы уже успокоились, обещают скоро нас выписать. С нами виртуально находится доктор Сакс, у него на крайний случай припасен эксперимен-

тальный троп, по действию близкий к УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, — его пустят в ход, если опять что-нибудь не сладится.

Пожелайте мне удачи и скрестите пальцы (сращенные и все прочие)!

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070865/0300
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Нам всем сделали уколы олдисина, нового тропа от доктора Сакса, несмотря на высокую вероятность летального исхода.

Но другого выхода не было. Ведь мы все телесно ослепли.

Вы, наверное, сейчас спрашиваете: «Что такое телесная слепота?»

Это абсолютная потеря проприоцепции, сложной связи мозга с мускулами и нервами, кожей и костями, позволяющая нам судить (в основном подсознательно), что делает наше тело в данный момент.

А теперь мы изолированы в своих головах, словно кукловод, у которого запутались идущие

к куклам нити, или словно телефактор-оператор, утративший сенсорный контакт со своей аппаратурой. И при этом мы можем шевелить конечностями. Это вовсе не паралич. Мы всего лишь (всего лишь!) не способны контролировать ни одну свою клетку. В таких условиях управлять своим телом ничуть не проще, чем чужим. Грустно смотреть, как мои друзья-товарищи не держатся на ногах, как промахиваются мимо стульев, не могут отправить пищу в рот, добраться до утилизатора отходов.

Но, вероятно, ко всему можно привыкнуть. И спецы уверены, что олдисин не допустит новых нейродефицитов.

Положа руку на сердце, я даже рад, что Пингвиниха не испытывает этих мук. Раньше я не успел Вам рассказать — прежде, на гражданке, она была танцовщицей.

Наконец из Брюсселя поступил приказ на вывод нашего подразделения. Ходят разговоры, что если телесная слепота окажется неизлечимой, всем нам попробуют вживить микросхемы-стабилизаторы и наносенсоры для симуляции нормальной проприоцепции. До чего только не додумаются эти лепилы, правда, мама?

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 02-999Z.
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 071065/2400
Статус передачи: СОЛНЕЧНЫЙ ШУМ. ПОМЕХИ (*) = –10 %

Доро**я Ма*ь-хозяйка!

Как вы, наверное, уже до***ались по задержке этого вокса, у нас изменился маршрут.

Нас переводят в УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, там б***т обеспечен надлежащий медиц****** уход. Оказалось, все, кто остался жив в нашем подразд******, страдают дегенеративным нейрофибриллярным переплетением белковых молекул, вроде того, что наблюдалось у пораженных ныне почти исчезнувшей болез**** Альц*******. УДАЛЕНО Ц****РОЙ — это что-то вроде санатория, с персоналом из людей и кибов. По словам лепил, средний срок пребывания в УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ — *** месяцев, но мы там можем задержаться и на **** лет. О, бешеные гены! За это время Вы, мама, наверняка усп**** перейти в другое симбионт-семейство! Впрочем, так далеко в будущее я не заглядываю — у нашего *****зделения очень ****** прогноз. Связь работает неважно, поэтому на всякий с****й повторю: у нас **** шансов

выздороветь.

К сожалению, некоторое время я не смогу принимать входящих вокс-сообщений и отправлять вам свои. Впрочем, не беда — я сейчас плохо воспринимаю информацию. Почти ничего не соображаю. Но начальство обещает в с***** времени полн***** восстановить метамедиумный контакт.

Так что не надо вол********. Вы сможете в любой момент связаться с Брюсселем и узнать новости о Вашем мальчике, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Уличная жизнь

Хозяин Коуни — Поэт Виртуальности. Причем один из лучших. Тягаться с ним по части философской глубины, яркости образов и блеска композиции могут только Планксти и Бинго-Бантам, да и то редко. Об этом хозяин частенько рассказывал Коуни, особенно под воздействием какого-нибудь тропа вроде «самомнина» или «эго-пучина», вызывавших у него желание читать вслух отзывы прессы о его персоне, а также мелодраматически расправлять громадные складки бархатистой кожи, свисавшей, точно крылья летучей мыши, из-под мышек.

— «Последний мозговоротный опус Хопкрофта — это настоящий клеточный парализатор! «Визит на Грибную Планету» открывается сценой, в которой тенниелова Гусеница, курильщица кальяна, встречает перципиента клубом ароматного дыма. Вот развеивается бурый чад, и перец обнаруживает, что перенесся на Грибную Планету! Представители туземных форм жизни торопливо отращивают нити, чтобы опутать ими путешественника. Но тот, к счастью, обладает свободой управления конструктом,

превышающей стандартные десять процентов, и это — благодаря поистине креативному использованию умной среды от фирмы «КоСенСис». Поэт широко применяет роскошные текстуры и богатейшую палитру ложнокрасок собственного изготовления, благодаря чему достигаются прямо-таки синопсодробительные ощущения, особенно если вы, как этот счастливчик-перец, одновременно используете сопроцессор «селлсмарц». Созданием этого конструкта Хопкрофт выполнил все свои недавние обещания, и теперь не может быть никаких сомнений: поэт достоин своей когорты!»

А далее, швырнув гибкий экран через всю комнату в угол (где его вскоре подбирал аккуратный киберуборщик от фирмы «Браун»), хозяин Коуни расправлял перепонки во всю ширь и восклицал:

— Поэт достоин своей когорты! Коуни, ты слышал?

— Да, полноправ Хопкрофт, я слышал.

— Хорошо сказано! Но это не просто высокие слова, это еще и правдивые слова. В нашем поэтическом цеху я — самый совершенный. И это сомнению не подлежит, верно, Коуни?

— Не подлежит, хозяин. Все так, как сказал

полноправ критик.

Обычно после этого — особенно если троп успевал выдохнуться — хозяин падал в сверхудобное кресло «приласкай чресла» (ни разу не расстроился настолько, чтобы шлепнуться на пол), закутывал голову в складки кожи и плакал.

— Но какой мне с этого прок, а, Коуни? Наше варварское общество не уважает поэтов, не удостаивает их материальным или моральным вознаграждением. С нами никогда не обращались и не будут обращаться, как должно. У меня абсолютный вкус, и таких, как я, единицы. Мои друзья-сограждане в массе своей мещане, приземленный и примитивный народ. Их идеал поэзии — «Секси-сиуксы»! Ответь, Коуни, как с этим может мириться столь тонкая натура, как я? О, до чего же трудна моя жизнь — уж куда потруднее, чем ты, глупый трансген, можешь себе вообразить. Денег хватает только на оплату доступа к цифреальности! А ведь мое искусство суеты не терпит, вот и приходится то и дело строить из себя вирт-жиголо!

Коуни уже давно зарубил на носу: в такие минуты хозяина перебивать нельзя. И трансген со свойственной его народу терпеливостью ждал, когда слезливый поэт закончит представление.

— Да, — продолжал свой монолог хозяин Коуни, — я, РАМ-бо своей когорты, чтобы сводить концы с концами, лезу в Мешок и встречаюсь со старыми нимфоманками, которым не терпится похвастать перед своими выжившими из ума подружками телепоревом с очередным таренто, чье великое искусство они даже не в состоянии постичь!

В этом месте трансген мог позволить себе комментарий, в надежде, что это поднимет самооценку хозяина, а самого Коуни избавит от «рывка за ошейник»:

— Полноправ Хопкрофт делает только то, что он обязан делать для совершенствования своего искусства.

Если бы хозяин находился в этот момент под воздействием такого тропа, как «селявин», он бы с экстравагантным вздохом согласился. В ином случае мог последовать страшный нервный припадок с воплями «Знай свой шесток, ничтожество!» и «Не твоего ума дело, паршивая помесь!»

Нынешним же погожим июньским вечером (стохастический прогноз исключал дождь), к большому облегчению Коуни, его реплика дала желаемый результат. Сцена, давным-давно ставшая привычной, разыгрывалась по благо-

приятному для него варианту.

— Ты прав, маленький Дэу-Думбинни, каждый из нас выполняет свой долг. Искусство требует жертв — и не только человеческих.

Из последней фразы Коуни ничегошеньки не понял, но все равно согласно закивал. Хозяин Коуни встал и произнес:

— Мой верный Коуни, я хочу, чтобы в жертвоприношении поучаствовал и ты, обеспечив максимальную результативность сего неприятного виртуального свидания. Вот это — новый троп, называется он «О-о-оргазм!!!». Это подарок моего поклонника, чуткого юного штепселя, работающего в фирме «Ксомаграф». Промышленное производство тропа еще не начато, но поклонник гарантировал, что моя клиентка получит незабываемые ощущения и с радостью увеличит мой гонорар. Я рассчитываю на тебя, мой друг. Доставь препарат ей, сроку тебе — час. Зовут ее Франсес Фокс, вот ее адрес.

Хозяин вручил Коуни липучку-ползучку и силикробовую карточку-коммуникатор. На карточке появился адрес — доставить посылку надо на другой, западный, конец города. Коуни тщательно занес в память задание, проложил на ментальной карте маршрут и наконец сказал:

— Это очень далеко. Можно, я поеду на поезде?

— Не говори глупостей. Поезд — удовольствие недешевое. Ради чего вся затея? Чтобы зарабатывать экю, а не тратить. Да к тому же магнитолевитационный транспорт небезопасен для трансгенов — по трубовагонам повадились шастать Трансгеноциды со своими ужасными бритвами. Нет, дружок, изволь прогуляться. Ничего, ты у нас быстроногий, если заводская реклама не врет. Успеешь добраться, прежде чем мы с полноправом Фокс залезем в Мешок.

— Но ведь сейчас ночь!

— Ну и что?

— Чтобы успеть в данный вами срок, мне придется пересечь Софт-сектор. В темноте.

Представив себе это путешествие, Коуни покрылся мурашками. Но его хозяин, очевидно, похожих соматических неудобств не испытывал.

— Вынуждаешь меня повторять: ну и что? Успокойся, на тебя никто не обратит внимания. Ты ведь невелик и незначителен.

В этом-то и проблема.

Но хозяину не было дела до тревог Коуни:

— Ты преувеличиваешь, чтобы выманить уступку или поощрение. Так и быть, получишь награду: по выполнении этого пустякового за-

дания я тебе прочту свой сонет. Причаститься красоты и величия «Танца холодных лун» — великая честь для невежественной помеси.

— Благодарю вас, полноправ. Я бы предпочел небольшой доппаек. Но готов от всего отказаться, только бы не идти. Может быть, вы сами…

— Что-о! — заревел хозяин. — Покинуть надежный вундеркаммер и открыть свое драгоценное тело всем опасностям гигантской физической биосферы? Ах ты, дерзкий трансген, да как тебе такое могло прийти в голову?! — И рука хозяина грозно двинулась к набедренной клавиатуре.

— Наберите правильный код. Наберите правильный код. Наберите правильный код, — повторяла несообразительная дверь, когда перепуганный Коуни невпопад стучал по кнопкам замка.

Не так давно муниципалитет ввел систему «Светлячок» — на замену устаревшей осветительной технике с солнечным питанием. По ночам возле каждого здания висели маленькие рои силикробовых баг, каждая из которых состояла из множества силикробов, — чтобы загореться, дождавшись прохожего. Такой фонарь светил в радиусе двух метров. Эти светлячки, держась над головой прохожего, провожали его и затем

возвращались на свой пост.

И Коуни, запасясь собственным нимбом, менявшим интенсивность свечения, когда взаимодействовал со светлячками других граждан и помесей, пошел в Вест-Энд.

На первом этапе своего путешествия Коуни особых страхов не испытывал. В этом районе за порядком следили сторожевые Приматы от «Парк-Дэвис» и дружинники от «Шеринг-Плау», поэтому он считался спокойным. В этом скоплении магазинов, жилых домов и автофабрик он себя чувствовал вполне комфортно, несколько раз Коуни побывал с курьерскими поручениями в Вест-Энде и знал: там тоже безопасно.

Но между родным районом и Вест-Эндом лежала дикая территория. Вот ее-то он и боялся.

Софт-сектор!

Чтобы справиться с чувствами, Коуни повторял выученную в «Дэу» стимулмантру:

— Напряжение, страх, беспокойство — исчезли. Напряжение, страх, беспокойство — исчезли…

Первым откликнулся гипоталамус, затем отреагировала центральная нервная система, замедлилось сердцебиение, уменьшилось потовыделение. Успокаивающие нейропептиды прочистили мозг. Приободрясь, Коуни сунул руку

в брюшной карман, нащупал карточку с адресом полноправы Фокс. Может, на этот раз сознание, не затуманенное страхом, позволит найти менее опасный путь к цели?

Напрасная надежда — только один маршрут позволяет доставить вовремя дозу тропа. Идти придется через проклятый эпицентр уличной жизни.

Он снова поместил карточку под кожу, рядом с важнейшей липучкой-ползучкой, и прибавил шагу. На углу Девятой артерии и Оранжевого капилляра, возле тропо-бара, чьи силикробовые иконки (синаптические узлы — обмениваются молекулами) полыхали зеленым и фиолетовым, тусовался всякий сброд. Из неспешно плавающих в воздухе силикробовых динамиков лилась психопьянящая музыка. В толпе преобладали Черепусики и Пирожки-Головушки; хватало и Кротов.

— Глядите-ка! Да это же маленькая помесь! — вскричал один из них.

— Задержись-ка, дружок, закинься «крутейшим чудом», — предложил другой.

— Ага, почувствуешь себя так, будто родился чистогеном!

— Да, полноправ трансген, не отказывайтесь!

Коуни прекрасно знал: с этими типами лучше не связываться. Они не такие плохие, как Трансгеноциды с бритвами, но, уж всяко, и не хорошие. Самое меньшее — собьют фабричные настройки, и тогда он не сможет выполнять свои обязанности.

Он поспешил прочь, преследуемый хохотом, подколками и тихим сопением Кротов. Пройдя несколько кварталов Софт-сектора, снова разволновался. Так сосредоточенно повторял мантру, что не услышал шороха колес.

— Эй, гражданин, покупай освежающий «пепси-плюс»! Снежок отдыхает!

Коуни подпрыгнул от неожиданности и резко обернулся.

Следом за ним катила автолавка, вся во вмятинах, в разводах силикробового граффити. Автошофер — сущий жулик на вид.

— Я не гражданин, — осторожно проговорил Коуни. — Ну, извини. Как ширнусь, так биосенсоры барахлят. Но все остальное — в порядке, и товар у меня — свежачок! Возьми стаканчик — не пожалеешь.

Коуни гордо расправил плечи:

— Я настоящий среднелинейный трансген от фирмы «Дэу», пятнадцать процентов человече-

ских генов. Ты — всего лишь машина, киб.

— Да, твоя правда, — появился жалобный тон в голосе продавца лимонада. — Я киб, да вдобавок еще и невезучий. Если не смогу продавать напитки, не заработаю на ремонт. А чем дальше ремонт откладываешь, тем сильнее ветшаешь, тем меньше продаешь лимонада. Порочный круг.

— Такова жизнь. Я бы помог тебе, да у самого нет денег.

— Нет денег! Ты мое рабочее время потратил!

— Но ты же сам ко мне подъехал!

Чокнутая машина включила заливистую сирену:

— Караул! Обокрали! Держи вора! Рятуйте, все добропорядочные граждане! Полиция, девять-одиннадцать!

Перепугавшись, Коуни рванул со всех ног.

Через минуту за спиной стихли вопли возмущенного торговца, а впереди открылся Софт-сектор. Коуни остановился, подождал, пока успокоится сердце.

Широкая открытая кольцевая дорога отделяла центр города от запретной зоны. По полосам проскакивали машины — только в одном направлении. По ту сторону дороги красовался Софт-сектор — пышные джунгли постоянно меня-

ющихся, врастающих друг в друга искусственных экологии. Сотни и сотни акров пустырей. Арматурные скелеты сгнивших построек. Эти земли муниципалитет, чтобы не тратить деньги на снос отслуживших свое домов, просто отдал неподконтрольным ему, но эффективным как бульдозеры и взрывчатка биобомжам.

А также подпольным цеховикам и нелегальным хромо-кроильщикам — надо же им где-то производить фальшак и ставить опасные эксперименты. А также беглым помесям и одичавшим силикробовым колониям, а также странным существам автокаталитического происхождения, подобных которым не встретишь за пределами Софт-сектора.

Обычных физических барьеров, наподобие заборов или минных полей, чтобы удерживать обитателей Софт-сектора, не существовало. Зато вокруг патрулировали Макро-Фаги.

Одного из них Коуни увидел.

Макро-Фаг, студень величиной с базово-линейного слона, полз, оставляя блестящую полосу каталитического экссудата, готовый поглотить и переварить любой живой организм, который попытается сбежать из своей тюрьмы. Невдалеке продвигался другой мегамикро, еще крупнее

первого.

У Коуни обмякли ноги. Он знал, что стражники запрограммированы пропускать в Софт-сектор кого угодно. Но если Коуни повезет и он преодолеет всю зону, то как переберется через границу по ту сторону?

Мало сказать, что Коуни колебался — он всерьез был готов отказаться от самоубийственной задачи. Но вспомнил о своей невидимой привязи — специальной диете — и о замкнутом на шее обруче. Где бы он ни спрятался, убийственный сигнал, посланный со спутника глобального позиционирования, все равно найдет…

Ставя дрожащую ногу на дорожное полотно, Коуни следил за потоком машин. В нужный момент метнулся, ухитрившись спровоцировать на возмущенный вопль только один «мерседес».

Благополучно достигнув границы Софт-сектора, Коуни пошел дальше и вздрогнул от неожиданности, когда вдруг его светлячки метнулись обратно — в зону действия муниципальной системы освещения.

В следующий миг, почувствовав его приближение, заголосили живущие в тротуаре силикробы:

— Внимание! Вы находитесь в черте Софт-сектора! Проникновение на эту территорию

автоматически лишило вас всех гражданских прав и привилегий. Все трансгены, обнаруженные в Софт-секторе воздушными патрулями, подвергаются дистанционному расстройству психики и отзыву на завод-изготовитель с целью уничтожения.

Коуни закрыл глаза и побежал. Макро-Фаги хлюпали и пыхтели, продвигаясь по своему кругу. От них пахло дрожжами и спермой базово-линейного человека. Бегущий вслепую Коуни задел липкий передок одного из них.

Едкое вещество обожгло кожу через мех, боль разбежалась по нервной системе. Ой-ой-ой!

Но он проскочил! Он уже в Софт-секторе!

Коуни укрылся за кустарником, съежился в тени. Отсюда было видно, как продвигается чудовище. «До чего же мне повезло!» — подумал он, переводя дух.

Но мгновение спустя в бок вцепились зубастые жвала, Коуни взвизгнул от боли, попытался вырваться.

Ему удалось лишь частично извернуться, и это стоило ряда параллельных ссадин на талии. Но зато теперь он увидел, кто его держит. Огромный, с машину, скарабей фирмы «Сквибб» — излишек военного имущества.

Старый, со сломанными усиками, с растрескавшимся хитином. На жвале блеснул снеговиковский силикробовый номер.

У боевого мортуса явно зашел ум за разум — он принял Коуни за покойника.

Лупить руками по жвалам было бесполезно — гигантский навозник был все еще могучим, хоть и ветхим. Жук, где-то потерявший ногу, хромая, понес Коуни.

Достигнув подходящего клочка голой земли, жук принялся рыть. Когда образовалась довольно глубокая яма, бросил туда свою ношу. Коуни не смел и пошевелиться — кто знает, как инвалидное нейро навозника отреагирует на движение «трупа»?

Жук споро закопал Коуни, а потом скрипуче-рычащим голосом принялся декламировать заупокойную молитву Синкретической Церкви:

— Да примет тебя Аллах в свою нирвану, геройски павший за родину товарищ…

Было довольно приятно лежать под рыхлой землей, после того как ушел снеговиковский жук. Воздуха поступало достаточно — Коуни не боялся задохнуться. В мозгу просыпались приятные наследственные воспоминания о теплых сырых норах.

Зачем вообще созданы помеси? Их жизнь — лишь бесконечные страдания, трансгены — целиком во власти человека. Не лучше ли оставаться тупой скотиной, чем получить немножко чувств и интеллекта — ровно столько, чтобы понять, как жалок твой удел? Стоит ли удивляться, что благонадежные помеси перебегают в лагерь дикого трансгена по имени Чокнутый Кошак? Давно уже не напоминает о себе этот пламенный революционер, а жаль… Может, слух о его гибели вовсе даже и не слух? И тут в могилу Коуни проникли голоса:

— Арт, как думаешь, что тут припрятал снеговик?

— Пока не выроем, Ик, не узнаем.

Коуни вжался в стенку ямы. Была бы возможность зарыться еще глубже — он бы так и сделал.

А наверху уже отбрасывали землю.

Коуни напряг согнутые в коленях ноги, надавил плечами… И выпрямился! Разлетелись комья земли. Коуни выскочил из ямы, упал, снова оказался на ногах, пустился бегом…

В спину вонзилось что-то острое.

Мгновенно наступил паралич.

Коуни упал, точно умная бомба, сброшенная с реалета.

Он лежал на боку. В мозгу — сумятица, тело — как у мясной куклы от фирмы «Минител». Показались две пары приближающихся босых ног. Одна пара принадлежала рослому человеку, вторая — то ли ребенку, то ли карлику, и ступни едва касались земли. Чужие руки схватили и подняли Коуни.

Он увидел тех, кто его обездвижил. Большой — явно базово-линейный человек, но с придатком — длинным, гибким составным хвостом скорпиона, изогнувшимся за плечами. На кончике шипа поблескивала капля яда. Второй, маленький, имел трепещущие осиные крылья, а из копчика высовывалось жало. На обоих из одежды только липкие гульфики. Тела — в шрамах. Уличная жизнь — штука жестокая.

— Э, да нам повезло, Арт! — сказал челоос. — Отличный ужин!

Скорпион рассматривал Коуни с меньшей алчностью во взоре, чем его партнер:

— Не спеши, Ик. К нам в руки попалось неомясо с той стороны. Для него найдется другое применение. Обменяем или продадим.

— Ты что, Арт! Я же есть хочу!

— Давай отнесем тушу домой, а там решим.

— Ладно, Арт, ты — главный, будь по-твоему.

Скорпион взвалил Коуни на плечо, и ядовитая парочка зашагала по хрупким останкам движдорожки.

Коуни понял, что обречен. Он так пал духом, что даже не проклинал за скаредность полноправа Хопкрофта, обрекшего верного слугу на столь бесславную смерть. Видно, пора наигрывать в уме психозащитную предсмертную фугу.

Но тут в чуткие ноздри Коуни проник запах воды — по ходу, рядом, большое водохранилище.

— Молчок! — шепотом предупредил товарища Скорпион. — Ни к чему будить Моремана.

— Ты прав, этот гребаный Мореман нам ни к…

На всех троих посыпались брызги. В следующую секунду появился тот, о ком шла речь: чешуйчатая кожа на дряблых мышцах, каблуки с крылышками, уши ластоногого.

— Для тебя — не просто гребаный Мореман, а гребаный принц Мореман, — насмешливо проговорил подводный житель.

Коуни, сброшенный на землю, ударился спиной. Скорпион упал на четвереньки, грозно изогнул хвост.

— Ик, бей его! — крикнул он, но маленький челоос не нуждался в подобных подсказках — он уже взлетел.

Да только принц Мореман не испугался дружной атаки. Уворачиваясь и отскакивая, он избежал удара ядовитым шипом и ловко поймал Скорпиона за запястье. Раздался треск наружных конденсаторов, послышался запах горелого мяса. Великан тут же вырубился, а русал, даже не оглянувшись на него, вскинул руку и поймал за лодыжку челооса, уже готового вонзить жало. Еще сильнее запахло горелым мясом, и крылатый боец тоже упал. Русал подошел к Коуни, наклонился, положил ладони ему на виски.

Ожидающий смерти Коуни чувствовал только легкую дрожь нервных окончаний.

— Ты не просто так сюда пришел, ты думаешь, что выполняешь важное задание, — примерно через полминуты сказал Мореман. — Об этом должен узнать Ящер. Пошли.

Взяв Коуни под мышку, принц Мореман побежал в глубь Софт-сектора с быстротой, какую способны развить только крылатые ноги. Уже через несколько минут он стоял, так и держа свою ношу, на освещенной холодным пламенем площадке перед грубым подиумом, собранным из деталей ломаных машин. Вокруг — уродливые твари, как гомункулусы, так и мутанты — жертвы биореактора.

А на подиуме, на импровизированном троне, сидел Ящер.

Огромный полиморф с каскадами живых чешуи на спине и конечностях, с хромированным черепом, имел необычные клешни — три толстых когтя, один против двух других, на каждой руке вместо пальцев.

— С чем пришел, Мореман? — властно пробасил всемогущий правитель Софт-сектора.

— Принес чужака. Это курьер. Он несет что-то ценное.

— Что именно?

— Не знаю, он парализован. Мои сквиды улавливают только общий поток его мыслей.

— Ну что ж, давайте разбудим нашего гостя.

Из толпы уродов вышла Медуза. Мореман отдал ей Коуни. Проведя шипастым языком по меху Коуни, она распробовала пот и сообщила:

— Яд Скорпиона. Ничего, для меня это пустяки. На ее голове зашипела одна из змей, а потом стремительно вонзила зубы в ягодицу Коуни.

Способность двигаться он обрел так же быстро, как и потерял. Сел, подобрал под себя дрожащие ноги и попробовал читать мантру, но ни единого слова не вспомнилось.

— Помесь, ты теперь можешь говорить? — про-

ревел Ящер так страшно, что Коуни захотелось упасть в обморок.

— Да! И я все скажу.

— Что ты несешь?

— Новый троп, полноправ Ящер. Называется «О-о-оргазм!!!» Применяется для виртуального секса. В продажу еще не поступил, а больше я ничего не знаю. Клянусь своей заводской гарантией!

— Дай сюда!

— Не губите, полноправ Ящер! У меня задание…

Ящер выдвинул из ходовой поликарбоновую ногу, полез с трона.

Коуни торопливо вытащил липучку. Принц Мореман передал ее Ящеру.

— Ладно, с этим разберемся на рассвете, а завтра вечером выбросим на рынок. С меня ответная услуга, Мореман.

— Договорились. Я пойду, надо жабры промочить.

На прощание подводный житель растопырил все десять пальцев, так, что между кончиками соседних было сантиметра два. Затрещали, заискрили электрические дуги. Самые впечатлительные в толпе откликнулись на это аханьем и оханьем.

Когда русал ушел, Ящер повернулся к Коуни:

— Не бойся, маленькая помесь, я не желаю тебе зла. Хочешь, сниму ошейник? Ты сможешь жить свободным при моем дворе.

Коуни обдумал предложение. Если согласиться — больше не будет чудовищных поручений полноправа Хопкрофта. Закончится рабство, прекратятся наказания и издевательство…

И тут взгляд Коуни, скользнув по толпе, задержался на ухмыляющейся жабьей роже. Широченная пасть, а в ней — ни единого зуба…

Коуни содрогнулся:

— Нет, полноправ Ящер, спасибо. Я хочу вернуться домой.

— Ну что ж, я понимаю: наш стиль свободы — не для всех. Тебя проводят до границы.

— Но если я не доставлю троп по назначению, хозяин меня накажет!

Ящер улыбнулся:

— Ничего, я дам кое-что взамен. Медуза! Сделай-ка мне дозу «траха-без-страха».

Через несколько минут придворная биобрухо принесла готовую липучку. Ящер жестом подозвал Коуни, тот робко приблизился.

— Держу пари на несколько часов кишащего чертями ада, что твой хозяин не заметит под-

мены.

Коуни неохотно взял суррогат.

— Но это не…

— Хватит разговоров! Ступай!

Два челорыса вытолкали Коуни из помещения.

Вскоре они уже стояли на краю Софт-сектора. Коуни чувствовал запах приближающихся Макро-Фагов, слышал их хлюпанье и сопение.

— Друзья-Коты, умоляю, не дайте этим чудовищам разъесть меня до костей!

Рыси захохотали:

— Что за глупости! Нас учили не делать зла тому, кому мы зла не желаем. Смотри!

Пронзительно свистнув, челорыс прокричал:

— Йа! Йа! Текели-ли!

Стражи границы вмиг замерли, лишь подрожала немного по инерции их плоть.

Челорыс шлепнул Коуни по спине:

— Беги, пока мы не передумали. Коуни побежал.

И только оказавшись очень-очень далеко от сектора, он остановился и задумался: как теперь быть? Часовой срок превышен вдвое. Но ничего другого, кроме как доставить троп по назначению, он не придумал.

Коуни без приключений нашел квартиру пол-

ноправы Фокс. Система охраны, считав данные с карточки, пропустила его. Умная дверь отворилась перед ним без пререканий. За дверью стояла хозяйка квартиры, любовно расчесывая пышный лисий хвост. А рядом с ней — полноправ Хопкрофт!

Хозяин смотрел на слугу с крайним недовольством:

— Так ты все-таки выполнил поручение, жалкий червь! После того, как мне самому пришлось сюда добираться в грязном примитивном атмосфернике! Если бы не мое глубочайшее уважение к полноправе Фокс, я бы никогда не осмелился на такое трудное путешествие! Какой же я глупец, что доверил тебе, безмозглому чучелу, столь важное поручение! Нет, вы только посмотрите на него! Не слуга, а позор своего господина!

Коуни повернулся к зеркалу. Он был весь в могильной земле. На руке, которой он задел Макро-Фага, — кровоточащая язва. Кровь запеклась на боках и животе — следы жучиных объятий. Болела спина, напоминая о встрече со Скорпионом. Зудела распухшая ягодица, укушенная змеей Медузы.

— Да, хозяин, вы правы. Я плохо выгляжу, но это лишь потому…

— Молчать! Где троп, который я тебе дал? Коуни достал липучку-ползучку:

— Вот он. Но я думаю, вам не следует…

— Да кто ты такой, чтобы думать?! Давай сюда. Коуни вручил хозяину дозу «траха-без-страха».

— К счастью, я прихватил с собой вторую липучку. Прелестная полноправа Фокс уже приклеила ее к своей очаровательной коже. А я, стало быть, воспользуюсь этой.

Хозяин Коуни нажал помеченный на липучке выключатель и пришлепнул ее к руке. Она поползла, нашла вену и обосновалась на ней.

— Девяностосекундная задержка, моя дорогая. Вполне успеем залезть в Мешки — а встретимся уже в виртуальном раю.

Два сморщенных Мешка, в прожилках схем и шишках сквидов, лежали на мягком полу, у каждого был расстегнут верх. Хопкрофт и полноправа Фокс заползли в свои полуорганические Мешки, те самостоятельно закрылись, обволокли каждую хозяйскую конечность, проникли в каждое отверстие.

Коуни смотрел на Мешок Хопкрофта. Дождался чудовищных, совершенно неэротичных спазмов и пошел домой.

Длинным кружным путем.

А вот и не слабо!

— А мои тормознутые предки — такие уроды!

Словечко выскочило, как будто чья-то недобрая рука выдернула из меня базарофильтр. Сначала я была в шоке. А потом стало легко.

До сего дня я бы скорее завела шашни с трансгеном, чем пожаловалась на свой позор кому-нибудь кроме Сглаза. Но здесь и сейчас почему-то все казалось не таким, как раньше. Мне осточертело защищать свою родительскую симплекс-пару, особенно когда она не давала того, чего я хотела.

Мы находились в ЧАНе — конструкте, симулирующем анатомию человека. Чан применяется главным образом для обучения младшего медперсонала, ну а мы, школьники, проходим здесь практику. Наступила перемена, все мы бездельничали в селезенке. Контракт между школой и корпорацией «МикроДисней» обязывал нас ходить в фирменных личинах-образинах, отчего всех давно уже тошнило. Но троподозировщики утверждали, будто бы это для нашей же пользы. По идее, ни один избалованный мегабабками школяр не сможет в виртуалке изобразить себя лучше, чем любой из его одноклассников, каковое

обстоятельство вынуждает нас сосредоточиться на учебе, а не на задирании носов друг перед другом. Да и, кроме того, дома дети любят носить любимые идентификаты наикошмарнейших монстров из ужастиков — а кому нужно, чтобы ребята и в школе вопили от страха и срывали уроки?

Так что я была в невинном образе Дэйзи Дак, Сглаз — в образе Гуфи, а прочие носили личины жеманных птичек и рыбок, гномиков и Пиноккио, белоснежек и гиппопотамов-балерин. И все было окутано вирт-суррогатом лимфоидной ткани, «важным компонентом ретикуло-эндотелиевой системы», как вещала училка-черепаха, да только кто ее слушал.

То и дело кто-нибудь протягивал конечность и ловил проплывающее красное кровяное тело и давил у себя под носом. Лопаясь, клетка испускала запашок, от которого крыша ползла, как от лучшего *самогона* или *компота*[208].

Мы, как и положено детям, наперебой хвастались своими предками, и тут я возьми да и выдай! Наверное, раньше и не понимала, до чего достало меня родительское ханжество.

---

[208] Примечания: 208

Курсивом выделены транслитерированные русские слова. — Примеч. пер.

Как по сигналу, подал голос мой лучший чувак Сглаз.

Я уже упоминала, что Сглаз был в образе Гуфи, но надо бы добавить: научившись щипать волокна, из которых состоял его костюм, он нарастил бесчисленное множество чернокожих яиц и пенисов. Грустно было думать, что настоящими причиндалами ему не разжиться, пока не повзрослеет, но иметь виртуальные половые органы нее же лучше, чем не иметь никаких. И вот Сглаз спрашивает:

— Ну, Эрни, и какие же они уроды?

— А такие они уроды, — выдала я в ответ, — по сравнению с ними богд гэгээн — просто сексисиукс!

Все над этим посмеялись, вообразив вечного бого-мальчика Великой Свободной Монголии в аксессуарах нашего любимого телетрахаля.

Когда прекратились взревывание и чириканье, заговорила Жимолость.

Я всегда терпеть не могла эту стерву. Два года назад, когда моя грудь еще даже не начала оформляться естественным образом, предки разрешили Жимолости обзавестись крутейшими буферами от «Ксомы». Чтобы мои родители позволили мне иметь любую грудь, кроме естественной — да о

таком и мечтать бесполезно до двенадцатилетия, когда я получу гражданские права.

Скорее по этой причине, чем по какой-либо другой, я взорвалась и назвала своих косных родителей уродами.

Жимолость всегда была верна своему любимому образу Русалочки. Просто до идиотизма верна — теперь у большеглазой мультяшечной трансфекции такие невероятные макротитьки, что на них чашечки — морские раковины — кажутся колпачками для сосков.

И вот Жимолость заговорила, и одноклассники — включая моего чувака — жадно ловили каждое ее слово.

— Это потому что твои предки — трансвозы! — прикалывалась Жимолость.

А я только кривилась от злости. Что тут возразишь? Всем известно, что мои папаши принадлежали к трансвековым воздержанцам. У них даже было собственное часовое шоу в метамедиуме: «Будем проще — с Альвином и Кальвином Арнесонами».

Все ржут-заливаются-покатываются, а мне бы заступиться за отцов, но это ужасно трудно, поскольку совсем даже не хочется, и чувствую я себя оттого полной лицемеркой.

— Может, и правда мои предки — ретрограды и мудаки, — сказала я, — но в отличие от твоих не бориокуданы, черной дурью не торгуют!

Все долго молчали, как отмершие клетки. Мой намек на подпольное происхождение богатства напольно уважаемых предков Жимолости — это просто верх неосмотрительности. Но не могу же я сидеть сиднем и бить фагоцитов, пока она критикует моих папок. Это я вправе их критиковать, а ей — нельзя.

Мультяшечные глазенки Жимолости превратились в злые щелочки, она на меня таращилась, как Пантерина из Сикрет Сервис на подозрительного типа, выдающего себя за директора Всемирного банка. Ну, теперь-то я точно попала в ее черный список. Пожалуй, задирать такую дрянную девчонку — это не слишком умно.

— Так-так, — проговорила она сочащимся лизоцимами голосом, — а наша уточка, оказывается, крякать умеет. Ты, наверное, думаешь, что ежели у меня такие крутые предки, то моя жизнь — это просто паучий шелк и гормон-сода. А ты хоть представляешь, каково это — каждую ночь ждать, что явятся кримоловы, или Протеиновая Полиция, или МВФ, снесут двери и всех нас шунтируют?

Пожалеть Жимолость, сидящую на губчатой массе лимфы, машущую плавниками и выпячивающую грудь, было трудно. Я даже и не пыталась.

— Зато ты получаешь все, о чем ни попросишь…

— Да какое отношение это имеет к счастью? Прикинь: вот ты тоже имеешь все, что душа пожелает. И что, всегда счастлива?

— А то!

— Ну-ну, — растянула рот в ядовитой улыбочке Жимолость. — Так о чем ты больше всего мечтаешь? Скажи нам, не стесняйся. А я позабочусь, чтобы самая буйная твоя фантазия сделалась явью.

Тут у меня из-под ног ушло поле битвы. Разговор от скромных достоинств моих родителей перешел к теме реализации самых сокровенных желаний, и перешел не по моей инициативе, и это мне совсем не понравилось. Как и то, что я вынуждена перейти к обороне.

Что я могла сказать Жимолости и всем моим друзьям? По-настоящему мне хотелось всего лишь пару скромных… ну, средней скромности буферов и, может, базово-линейные гениталии для Сглаза. Но признаться в этом я не могла — че-

ресчур смутилась. Поэтому ляпнула первое, что на ум пришло:

— Ну, я бы не отказалась от этого… от шипа!

— И это все? — рассмеялась Жимолость. — Перед тобой такой огромный выбор — а ты просишь дурацкий шип?

Тут вмешался Сглаз, и я послала ему молчаливое «спасибо».

— А чем плох шип? Это же так пикантно. Да к тому же редкость — почти ни у кого больше нет!

Жимолость фыркнула:

— Небось и ты от шипа не отказался бы?

— Да уж, не отказался бы. Но он стоит подороже ведра мозгов. Сама-то не носишь, небось, подойти с такой просьбой к предкам страшно…

Тут Жимолость взяла любимый тон — мол, не учи того, кто все тропы на свете перепробовал. Ее противный голос мне прямо-таки под кожу забирался, как швейбага.

— Объясняю. По мне, так шип — это просто вопиющая безвкусица, вроде блескожи. Да я бы скорей хитин согласилась носить! Но если для вас, несчастных личинок, на рогах свет клином сошелся, то будь по-вашему.

Больше ни Жимолость, ни Сглаз, ни я ничего сказать не успели. Переменка закончилась, Чере-

паха начала новый урок.

Но мне больше не удавалось сосредоточиться на учебе. Все шарики в моей голове крутились с удвоенной скоростью, пытаясь разгадать, какую каверзу затеяла Жимолость.

Наконец черепаха разрешила нам выйти из виртуальности, и вот я снова очнулась в Мешке, уже спрятавшем липкие ниточки-усики.

Пощекотав, я его заставила раскрыться и выбралась наружу.

Все остальные ребята тоже вылезали из Мешков, приятно было видеть знакомые лица и фигуры после столь долгого купания в микродиснеевской патоке. Большинство из них… да все, кроме меня, любимой, щеголяли разными детскими прибамбасами: хвостами, чешуей, острыми когтями, гривами, экстровенами и накладными мозгами. Только мне предки не позволили купить даже простенькую жаберную щель или шестой палец, уже не говоря о сиськах, — они, видите ли, блюдут какой-то дикий принцип «соматической целостности».

Жимолость пригладила идеальную пегую шевелюру и глянула на меня со своего насеста — уголка умнопарты — с хищным выражением страж-птицы. Мне сразу захотелось, чтобы рядом

оказался Сглаз, прежде чем она скажет хоть слово, но мой друг все еще выбирался из Мешка, он у нас в классе первый тормоз. Я решила помочь.

Мешок Сглаза претерпевал какую-то нетипичную перистальтическую реакцию, и мне пришлось ласкать ганглии управления, пока он не успокоился. Вечно у Сглаза проблемы с Мешком — потому что параметры этого интерфейса не настроены на специфику моего друга-товарища.

Сглаз мне помогал, и в конце концов ему удалось выбраться наружу.

У Сглаза ниже живота ничего не было. Просто-напросто в нескольких сантиметрах от пупка заканчивалось тело. Как будто его распилил надвое очумевший фокусник.

Низ Сглаза — или брюшная часть, или как угодно назовите — был запечатан пленкой «Иммунолоджик», прочной, как акулья кожа, и сращенной с его «родной» эпидермой. Пленка эта справлялась с отходами жизнедеятельности Сглаза, какать-писать ему не приходилось.

А ходил Сглаз на кулаках. У него могучие руки, с массивными супермиофибрильными бицепсами, с твердыми мозолями на костяшках пальцев. Передвигался он, либо бросая вперед туловище, а потом обе опоры разом, либо переваливаясь с

одной руки на другую.

Таким Сглаз и родился. Его предки были космиками в третьем поколении, живя при нулевой гравитации, совершенно не нуждались в ногах. Они обратились к хромопортным, и те перекроили гены, и в результате получился мой приятель Сглаз.

Родители — асгардская *номенклатура* — отправили Сглаза на Землю, в нашу школу, — как они сказали, для прохождения высшей образовательной практики.

Но я не понимаю, каких таких выгод они для него искали, ведь сейчас практически везде легкодоступны, да и применяются вовсю, и тропо-, и виртобучение. Наверное, дело в сомнительной гейской социальной жизни — предки решили приобщить к нему отпрыска. Или космикам захотелось бабки потратить с шиком.

Когда мы со Сглазом подружились, я ему задала два вопроса.

— Почему ты не ездишь на протезлежке, как ребята-дельфинята, например?

— Потому что я не инвалид. Я совершенно нормальный. Нормальный для космика, разумеется.

Спорить я не стала, хотя только базово-линейные пережитки вроде меня понимают полуу-

ничижительный смысл слова «нормальный». Может, на Асгарде у него другое значение. Я задала второй вопрос:

— Небось у вас в колонии новеньких в баках каких-нибудь стряпают?

— Угу. Реплигеновские утробы с эндометриумом от «И-Стат» и плацентами от «Арес-Серано».

— Но как же вы… В смысле, что вы делаете, когда…

— Как мы тремся, тебя интересует?

— Ну да!

— Это все виртуальное. Кстати, мне только это у нас и не нравится. Хочется… хочется иметь ноги и письку! Даже снится иногда, как хожу…

— Может, это обратная связь с андроморфологическим полем Земли? Его и в космосе чувствуешь, а тут оно еще сильнее. Ведь не зря говорят: «Не сбежать на волю от андроморфологического поля, потому что оно — в лобной доле».

— Может быть.

И вот я помогла Сглазу принять «сидячую» позу, а затем Жимолость бесцеремонно вывела меня из задумчивости — подошла, виляя задом и тряся дойками, остановилась в метре и заговорила. На Сглаза она не обращала внимания — разве что

если хотела оскорбить.

— Долго ты еще будешь нянчиться с этим мослоходцем? Когда мы сможем закончить наше дело?

Жимолость провела экраногтем большого пальца по шву, пересекающему ее голую талию, и открыла «карман опоссума». Из него ловко извлекла и вручила мне флэш-карту.

Я мельком заметила, что по экраногтю Жимолости бежит мандельбротов видеоряд, и вдруг мне все происходящее показалось странным и нереальным, как эти фрактальные картинки.

Я нервными пальцами согнула еще теплую карточку, и на ней высветилось силикробовое сообщение:

> Пещера Г-Гнома,
> Площадь Багдом, 1040.
> (Добираться: до Узла № 10 по Красной артерии, или движдорожкой № 7.)
> Любые соматические и гномические изменения.
> Удаления, вставки и инверсии.
> Государственная лицензия и полная гарантия качества.

Я снова перегнула карточку, и показался лого-

тип тотально могущего семейства Жимолости, полулегальная иконка Рэнсайферов.

Жимолость злорадно ухмыльнулась:

— Теперь вы с приятелем получите от Г-Гнома все, о чем ни попросите, включая сиськи — ты ведь давно мечтаешь о них, признайся.

Я напряглась, но в лице вроде ни один мускул не дрогнул. Понимала: весь класс смотрит и слушает.

— Нет, я хочу шип.

— И я, — присоединился ко мне верный Сглаз, хоть и чувствовалось, что он, как и я, думает совсем о другом.

— Вот ведь болваны! Спорим, вы не отличаете в себе самих эфферентное от афферентного. Ну, да черт с вами: если завтра оба явитесь в шипах, я буду вынуждена признать, что у вас есть тестостерон в тестостеронницах и эстроген в эстрогенницах.

И Жимолость повернулась к нам спиной, как будто нас более не существовало.

Училка велела вернуться к занятиям, и я не смогла перетереть тему со Сглазом.

Надо ли говорить, что остаток четырехчасового учебного дня тащился, как липучка-ползучка? В моем кармане лежал башлятник Жимолости,

и я не могла сосредоточиться ни на плектике, ни на кладистике, ни на кундалини, ни на бихевиоральной прагматике. Ни даже на ленче! А ведь давали сегодня мое любимое: прожаренный крокштекс из выросшего на воле крокодила с бескалорийным мороженым «Бен и Джерри» на десерт!

Я мечтала только об одном: поскорее бы закончились уроки, и тогда мы со Сглазом наконец решим, как быть с волшебной флэш-картой. И стоит ли вообще с Жимолостью связываться.

Но вот мы свободны! По крайней мере, насколько может быть свободен одиннадцатилетний ребенок в этом обществе, которое попрание прав юного поколения ввело в систему.

Мы со Сглазом встретились под могучим сорокафутовым адамовым деревом на краю школьного двора. Два года назад, во Всемирный День Весны, мы помогали сажать это растение, оно тогда было крошечным, и с тех пор обычно встречались тут после уроков. Были бы у Сглаза ноги, он бы, наверное, сейчас рыл ими землю. А ему приходилось давать выход нервозности, ковыряя пальцем кору.

— Не знаю, как у тебя, — сказал мой верный космик, когда я подошла, — а у меня просто голова

кругом. Как насчет потратить минутку-другую на сатори, нервы успокоить, с мыслями собраться?

— Классная идея! Я слышала, в кафе «Хроматин» появились новые тропы от «Арчер-Дэниэлз-Мидленд»…

— Так чего же мы ждем? Пошли!

И вот мы со Сглазом двинули, кто как мог, в кафе «Хроматин».

Вообще-то после школы нам полагалась практика. Сглаз должен был отправиться к своему мастеру в Меркосур-маркет (он учился управлять складом, чтобы потом заняться этим же на Асгарде), а меня ждали в местном отделении института Неганка, где я постигала секреты модулирования морфологических полей.

Но если мы и правда обзаведемся шипами, то неявка на рабочее место будет самым пустяковым из наших грехов.

Кафе «Хроматин» находилось совсем рядом, в полуклике от школы, так что мы не стали заморачиваться с движдорожками. Я долго пробыла в виртуальности, а после такого приятно размять мускулы. Сглазу — тоже, я это знала.

И вот мы внутри лимонадной, среди старомодных декораций, примитивных снимков, сделанных позитрон-ным томографом, и ЯМР-спектров

поглощения мозгом глюкозы, мерцающих на стареньких мониторах с низким разрешением.

— Два «Дзесю-джуса», — сказала я кибармену, стоявшему за стойкой, и показала флэш-карту Жимолости. Хоть за напитки стервоза заплатит, на худой конец.

— А мне — «Потальский пунш», — выбрал Сглаз.

— Заказ — два «Дзесю-джуса» и один «Потальский пунш», — подытожил киб.

— Нет. По одному каждому.

— Заказ — один «Дзесю-джус» и один «Потальский пунш».

— Шевели железными трусами!

— Это подтверждение заказа?

— Протри микрухи в соображалке!

Секунд десять кибармен напрягал свою эвристику, а затем принялся готовить нам выпивку.

— Хочешь, у пруда посидим? — спросил Сглаз, когда заказ был готов.

— А то!

Я взяла напитки. Мы нашли пустую скамью на травянистом бережку декоративного прудка. Среди водорослей копались две-три базово-линейные утки, что напомнило о моем первобытном идентификате и о сексово-современном

— Жимолости.

Я плюхнулась на сиалоновое сиденье, а Сглаз с помощью могучих рук уместил туловище рядом со мной. Теперь наши головы были почти вровень — несложно забыть об отсутствии у него ног.

Мы звякнули стаканами, и я начала медитатост:

— Да обретет разум покой…

— …За САС-доллар девяносто девять! — закончил Сглаз.

Мы выпили до дна и стали ждать результата.

Тропы были оригинальные — близкие по составу к веществу, которое вырабатывает мозг медитирующего монаха. Сглаз выпил нечто на основе вытяжки из тыквы самого далай-ламы. Через минуту-другую мир сделался мерцающе прозрачным, и я законтачила со вселенной.

Ничто не имеет значения, но все учтено — потрясающее состояние. И все проблемы — как рукой сняло.

Глядя на совершенный круг пруда, я увидела, как посередке возникла рябь, а затем вода раздалась и выпу-стила плавник аэрорыбы, совершавшей метаморфозу, чтобы вступить во вторую половину жизни. Мы только что про-

ходили на уроке эти помеси, и теперь сведения стройными рядами прошли через мою память.

Наполнив плавательный пузырь водородом, полученным из воды, и обновив свою физиологию, аэрорыба получила возможность жить в атмосфере. Несколько месяцев она будет питаться витающими микроорганизмами, спорами и пыльцой, при этом всасывая разреженный озон и накапливая его в другом пузыре. Этот пузырь будет все время раздуваться и наконец лопнет, когда рыба окажется на высоте пятнадцати километров, на нижней поверхности озонового слоя, и реактивные молекулы разлетятся там, где они смогут принести только пользу.

Очень даже не слабо придумано. Не понимаю ребят, которые с лазиками охотятся на озонососок, чтобы только полюбоваться водородными микровзрывами.

— Аэрорыба рождается, взрослеет, делает свое дело и умирает, — глубокомысленнейше изрек Сглаз.

Если б я не залила мозги сатори-тропом, мне бы слова Сглаза показались не слишком умными или даже ультрапримитивными. Но сейчас они как будто инкапсулировали всю нашу ситуацию в ореховую скорлупу.

— Мы — те же рыбы, — ответила я. — Но и больше, чем рыбы.

— Девочка, твой ум ярок, как солнечная вспышка мощностью икс-три!

Вот тут-то я и поняла, что люблю Сглаза и хочу быть с ним всегда.

И в этот самый момент, словно в подтверждение моему открытию, подошла другая парочка и уселась рядом с нами на скамью.

Женщина носила плоть от «Системикс», соматип Великая Мать, с двумя вертикальными рядами маленьких грудей, с бедрами, широкими, как водохранилище за плотиной на Хуанхэ. Из одежды на ней была только травяная юбка.

Силикробовый ярлык мне подсказал, что ее спутник — продукция «Селпро». Ну и круть! Ястребоглавый Гор с благородным оперением на плечах.

Мы со Сглазом несколько минут таращились на вновь прибывших в немом восторге. В разгаре нашего тропового улета парочка смахивала на ангелов, сошедших с небес. Даже после того, как с наших глаз спала пелена, эти двое смотрелись мегакозырно, хоть и мало смахивали на людей.

Взрослые, не обращая на нас внимания, залпом выпили напитки. Острый птичий язык Гора был

сексовым на все сто! Они, наверное, вмазали какие-то афродразниаки, потому что тут же принялись увлеченно мацаться. Горова набедренная повязка мигом превратилась в ширмочку, и на меня накатила жуткая зависть пополам с печалью.

— Сглаз, — иррационально взмолилась я, — давай мы на карточку Жимолости купим себе прибамбасы, о которых всегда мечтали. А потом вместе — куда глаза глядят!

Сглаз взял меня за руку.

— Эрни, подумай хорошенько. Ноги мне приделать — не такая простая задача. На много дней придется лечь. А потом? Даже если в частной тачке выберемся из города, все равно останется след, по которому нас даже маразматичная Ищейка найдет. У Жимолости все простагландины с мочой выйдут, если мы стибрим карточку. Это во-первых. Во-вторых, наши предки, по крайней мере твои, захотят тебя вернуть, — чего доброго, будем носить смирительные ошейники, как некоторые помеси. Нет, нам только одно остается — продержаться год. Не так уж и долго…

Сглаз говорил спокойно и твердо, и я понимала, что он предлагает единственно разумный вариант. Но сердце мое было против: как же так,

еще год жизни в черном теле — неужели ничего сделать нельзя? А ведь завтра нам предстоит встретиться со всем нашим классом…

Я встала:

— Видно, больше ничего не остается, как обзавестись шипами. Ладно, хоть покажем предкам, что у нас свои головы на плечах. Да и Жимолость заткнется. Ты как, в настроении идти?

Сглаз с глухим стуком соскочил на задернованный пол.

— Чем раньше это кончится — тем лучше. Я со смехом воскликнула:

— Держись, Г-Гном, мы уже идем!

Седьмая движдорожка находилась всего-то в квартале к северу от нас, и мы решили добираться до артерий этим транспортным средством.

Если вы из себя достанете какую-нибудь кишку и разрежете ее вдоль, вашим глазам предстанет бархатистая микроволосковая подбивка, миллиарды крошечных пальчиков, которые продвигают пищу по кишечнику. А движдорожка — это то же самое, только вместо пищи — вы.

Крепкие силикробовые микроволоски движдорожки перемещают все, что на них оказывается, со скоростью пять километров в час. (Можно континент пересечь всего лишь за месяц, только

отпуск получится очень скучным. Это развлечение в основном для старикашек.) Каждый невидимый пальчик имеет корень и достаточно гибок, чтобы передавать свою ношу соседу. Находясь в непрестанном движении, дорожка вызывает иллюзию ряби, вроде колебаний воздуха, нагретого сиалоновым тротуаром. И если ехать босиком, она щекочет — на почти подсознательном уровне. Движение на всех линиях двухстороннее. На дорожных полотнах с регулярными промежутками читается амгеновский девиз — «Не такси, а таксис». Помню, как отцы объясняли мне его суть, когда я была маленькая и не видела разницы не то что между таксисом и такси, но даже между таксой-собакой и таксой, по которой платят.

Сглаз ловко перекинулся на дорожку, где уже хватало пассажиров: трансгенов, кибов, граждан. Я немного замешкалась, пришлось прыгать. Чуть не упала, хотя я не такая уж и неловкая. Просто нервничала, наверное, хоть и убедила себя, что по-другому мы со Сглазом поступить не можем.

Он будто почувствовал мое беспокойство, попытался рассмешить.

— Ты когда-нибудь загружалась редукционистским парадигмальным чтивом? Мне как-то

попалась древняя книжка, ее автор пытался вообразить движдорожку — прикинь, получился длиннющий резиновый ремень на валиках!

Я захохотала, точно помесь на основе гиены:

— Неправда! Сам придумал! Сглаз поднял ладонь.

— Перекину тебе файл — сама почитаешь.

Я еще посмеялась. Ох уж эти древние, о чем только они думали!

А вскоре мы спешились у Багдома.

Площадь была всегда запружена народом, мне это напоминало старинное карнавальное шествие, какие показывают по некоторым историческим каналам метамедиума: ряды пестрых киосков и павильонов, торговцы живые и автоматические под кричащими силикробовыми вывесками. У центрального сооружения на площади, в оригинале — Хиронова Багдома, вид откровенно постмодернистский, это из-за новомодных экзотических веяний мясного рынка.

Здесь можно найти хромокроильщика или генокрутильщика, или простого троподозировщика, и он за долю малую как угодно перехреначит ваш соматип или генотип. За бабки с вами сделают все что угодно, хоть наизнанку вывернут.

Минуту или две я простояла в ирреально-со-

блазнительной суете амфитеатра, наконец Сглаз подергал за полу моего камзола.

— Пошли, найдем сорок второй номер, пока не передумали.

Мы обогнули площадь, миновали ТАТА-бокс и Примиордий, магазинчики органоидов и магазинчик биочипов «Радио-Шак» и вскоре подошли к Пещере Г-Гнома.

Ее фасад был сплошь во фрактальных органобетонных сталактитах и сталагмитах, среди них — неправильной формы вход, занавешенный живыми камуфлентами.

Я посмотрела на Сглаза, а он посмотрел на меня. Стараясь быть храброй, как мой милый обрубленный космик, я взяла его за руку.

— Пойдем разживемся шипами.

И мы прошли через ленточный полог.

Папики мне говорили, что лет десять-двадцать назад в моде были фэнтезийные соматипы. Брались персонажи из ретрочтива, новая виртуальность добавляла им сверхъестественности, причудливости. И на улицах всегда можно было увидеть боббита, снорка или смогра, которые выглядели под стать своим дурацким названиям.

Я решила, что Г-Гном себя заточил под тролля или гоблина, или еще какую-нибудь тварь

из древних сказок. Его большие синие глаза под мохнатыми бровями были почти вровень с глазами моего друга, а ведь Г-Гном стоял на собственных кривых ножках! Из-за ушей торчали кусты снеговиковского пухогрея; больше никакая растительность не украшала череп. Носил он костюм из облегайки, поверх — кожаный фартук с нагрудником. Руки были даже крупнее, чем у Сглаза.

Наверное, Г-Гном — консерватор и тормоз, если столько лет хранил верность устаревшему идентификату. Но это, может, и неплохо. Мне вдруг захотелось отдать себя в мускулистые руки этого чувака, столь похожие на надежные руки Сглаза.

— Дети, — проворчал Г-Гном, — что я могу для вас сделать?

— Нам бы… — начала я и осеклась.

При нашем появлении включилась трехмерка, и теперь, получив нейросигнал от Г-Гнома, экран стал показывать дойки.

Какие они были красивые! Конические и дыневидные, коричневые и кремовые, девственно-остроконечные или зрело-тяжеловесные! Точно манящие миражи моей пустыни.

У меня едва хватило сил повернуться к Г-Гному и взмолиться:

— Выключите, пожалуйста.

А то, чего доброго, сейчас будет продемонстрирована коллекция суперписек для Сглаза.

Хозяин выполнил просьбу. Я перевела дух.

— Спасибо. Мы хотим приобрести шипы.

На лице Г-Гнома не дрогнула профессиональная улыбочка, но я почувствовала, как он напрягся.

— А родители у вас есть?

— У нас вот что есть. — Я протянула карточку Жимолости.

Г-Гном ее взял, посгибал-поразгибал. Лицо оставалось совершенно равнодушным, но я видела в его глазах знак САС-долларра.

— И что, владелица башлятника разрешила пользоваться им безо всяких ограничений?

Я попробовала высокомерно фыркнуть на манер Жимолости:

— Естественно. Рэнсайфер — моя лучшая чува.

— Ну, тогда проблем не будет.

— Надеюсь, — снова фыркнула я, хотя у самой тряслись поджилки.

— Присаживайтесь.

Мы со Сглазом расположились бок о бок, Г-Гном снова включил экран. На сей раз — чтобы показать различные фасоны шипов.

Во время повторного просмотра мы решились.

— Мне — «Единорог», — сказал Сглаз.

— А я беру «Коралловую клетку».

— Прекрасный выбор. Разница — в расположении, но она невелика. «Единорог» имплантируется спереди, а «клетка» затрагивает и височные кости.

С этими словами Г-Гном натянул перчатки, а затем выдавил пасту из тюбика. Подошел к Сглазу, втер кашицу ему в лоб и темя.

Потом и я подверглась такой же процедуре.

Аккуратно сняв перчатки и бросив в универсальный деградатор, Г-Гном сказал:

— Смесь лучшего анестетика и самого козырного костоплава. На все уйдет несколько минут. Я пока сниму оплату с карточки, если вы не против.

Сделав это дело, Г-Гном подошел к шкафу и достал шипы.

Раньше я их видела только по метамедиуму, и там они всегда выглядели суперсексово. А въяве оказались совершенно непрезентабельными, обыкновенная пара продолговатых, остроконечных, квадратных в сечении калабашек. В общем, шипы как шипы, вроде костылей, которыми крепились допотопные железнодорожные рельсы.

Затем из шкафа появился блестящий резино-

вый, с хромированной ручкой молоток.

Им-то Г-Гном и забил шипы нам в головы.

Я ничего не чувствовала, даже когда «Коралловая клетка» добралась до мозга. А Г-Гном демонстрировал нулевую возмутимость! Свою работу он выполнил быстро и четко. Хотя, чему тут удивляться — Жимолость и ее семейство пользовались услугами только козырных мастеров.

Наконец Г-Гном нашлепнул нам на руки липучки-ползучки и проинструктировал:

— Это запас нутрицевтиков, они вам сейчас очень нужны — шипы в процессе роста отбирают энергию у организма. Липучек мало, вам еще надо будет потом подкрепляться чем-нибудь вроде гензимуглеводопротеина, восстанавливать потерю.

Я уже начала ощущать вторжение в свой череп. Словно угадав, Г-Гном сказал:

— Шипы отращивают остеокорни, а также создают паранейроны, которые связываются с вашими нервными клетками. Благодаря чему шипы меняют цвет и узор, подстраиваясь под настроение владельца. Когда эндорост закончится, начнется экзорост. Поглядите-ка на себя в зеркало.

Г-Гном подкатил и развернул компзеркало, и

как раз вовремя.

Начался экзорост, видимая часть процесса.

На единственном шипе, имплантированном в середину Сглазова лба, появились два отростка — красивые одинаковые веточки.

От моего шипа пошел грубый коралловый волчок. Когда достиг длины восемь сантиметров, стал ветвиться, разрастаться в роскошный ажурный зонтик.

Мы со Сглазом любовались в зеркале на себя и друг на друга, а Г-Гном снисходительно улыбался.

К тому моменту, когда закончился рост, мы успели привыкнуть к тяжести своих новых аксессуаров. Вес Сглаза практически удвоился. Мой куст доставал до носа, точно вуаль.

— Ну и как я смотрюсь? — спросил Сглаз. Его рог приобрел малиновую окраску, я по метамедийным передачам знала, что это означает волнение.

— Очень фаллично и метагенично! А я?

— Богиня коралловых мозгов!

Г-Гном хлопнул в ладоши — ему не терпелось нас выпроводить.

— Рад, что вам понравилось. Только учтите, что снятие шипов — процесс более бабко— и

времяемкий.

— Чтобы я со своей клеточкой расстаться захотела? Никогда!

На выходе у Сглаза возникла небольшая проблема — его вешалка запуталась в дверных лентах. Но в остальном все было суперништяк.

Пока мы не добрались до дому.

Мы со Сглазом сначала поехали ко мне.

Никогда не забуду, как в тот день выглядели мои папики. Не только Сглаза перепугались, но и меня, свою родную дочь.

Мои отцы — биологические братья, во время последней Короткой войны они служили в составе одного штурмового подразделения МВФ. Вместе оказались под неприятельским огнем, и в их окоп попал снаряд.

Он содержал какой-то мерзкий парафермент, до сих пор, кстати, никем не расшифрованный. Мои отцы лежали бок о бок, и их сплавило друг с другом; мало того, была тьма сопутствующих повреждений и изменений, вплоть до митохондриевого уровня.

Военные костоправы их подремонтировали, как могли. Но с тех пор мои отцы, Альвин и Кальвин, вынуждены пользоваться двумя шлейфами симбиотической связи, потому что без обмена

цитокинами им не выжить.

Комиссовавшись, они примкнули к воздержен-цам и мгновенно сделались популярными ораторами.

И тут являюсь я — как тератома!

У моих отцов идет неконтролируемый рост костной ткани, и лепилы регулярно удаляют все лишнее. Однажды они заметили отросток, по составу особенно близкий человеческой базовой линии. И папикам взбрело в головы вырастить из него дочку.

Стоило это немало — и в бабках, и в принципах биоконсерватизма. Но Альвину и Кальвину наедине друг с другом было скучно, и, я полагаю, они не слишком долго колебались, прежде чем пошли на компромисс со своими догматами.

Понятное дело, я рада, что они решились обзавестись чадом.

И вот мои отцы-сиамцы стоят и таращатся, и связующие их ткани и провода чуть не рвутся от напряжения, и две глотки исторгают адский рев, и наши со Сглазом рога зеленеют от раскаяния и багровеют от возмущения — разве можно невинных младенцев осыпать отборной казарменной бранью?

Чтобы не затягивать эту историю, скажу, что

нам пришлось избавиться от шипов (но перед этим вся наша когорта увидела их), и за удаление заплатили папики Жимолости, и ей запретили на месяц выделять эстроген, и Сглаза, моего дорогого Сглаза, его родители увезли обратно на Асгард.

Но я не ропщу. Сглаз прав: год — не такой уж большой срок.

Мы скоро получим гражданские права.

Да к тому же предки многое поняли, увидев меня в личине рогоносицы. И через месяц уже не противились, когда я намекнула, что хочу получить груди.

Вот так-то! Мои сиськи будут покозырней, чем у этой задаваки!

По больной реке

Глава 1. Мышечная усталость

Нородом Дос-Сантос летел на северо-запад параллельно интерфейсу берега Седьмой реки — берега, покрытого лесом и ухоженной саванной, где мирно бродили стада помесей с нулевым Ай-Кью. Летел — и горевал.

Обычно глядевшему сверху Седьмая река казалась толстой двухцветной ползущей змеей; управляемые встречные течения создавали иллюзию слабой пульсации. Заключенная в почти стопроцентно базовое геоморфологическое русло, на две трети грязно-ртутная и на одну треть матово-черная, она еще напоминала гелиевую зубную пасту, выдавленную из допотопного тюбика.

Но сегодня Седьмой реке недоставало обычного глянца, она казалась безжизненной и бездуховной — жертва необъяснимых перемен, для изучения которых и прибыл сюда Дос-Сантос.

«Снова ты персонифицируешь реку, — мягко попенял себе Дос-Сантос. — Что бы сказал на это мастер Трекслер? Он ведь сердится, когда его ученики позволяют себе неточные формулировки».

Трекслер умер, но остались все те свойства его личности, которые смогла сэмулировать матрица восьмого уровня Тьюринга, и огорчать его не следует.

Препоручив свой багалет, выращенный фирмой «Синерген», кибу-автопилоту (простому КТ-4), Дос-Сантос решил: сейчас не до сантиментов. Надо работать. Погрузив в микросон высшие центры головного мозга, он освободившимся паранейронам поставил задачу провести детальную вероятностную симуляцию аварии. Когда уже строилась третья компьютерная модель аварии, произошла авария настоящая.

Сорвало двигательные миофибриллы с левого крыла. Грозный звук — с таким мясницкий нож врубается в тушу овцеволка — мгновенно разбудил хозяина реки.

Ощущение невесомости подсказало Дос-Сантосу: его багалет падает.

Внезапная угроза жизни вызвала экстренное включение критического режима, оно каскадами прошло по ней-ропримочкам, изготовленным фирмой «Сфинкско».

Дос-Сантос прекрасно понимал, что не стоит отбирать управление у киба в аварийной ситуации — хотя руки инстинктивно рванулись к

ганглиям багалета. Но кое-что предпринять он все-таки мог. Например, быстро натянуть подвешенные к запястьям перчатки миллипорового спас-скафандра, полностью отключить дигифейс «КамНейро».

Как только перчатки герметично пристыковались, заговорил киб, и теперь уже поздно вмешиваться в его работу, даже если бы Дос-Сантос знал, что делать.

— Прошу извинить, полноправ Дос-Сантос, но ситуация требует незамедлительно иммобилизировать вас.

Узелковые утолщения на поручнях ёрзаномичного кресла полопались, словно споровые коробочки. Выстрелили хранившиеся там под давлением соматропические лианы, опутали его, сплетясь в липкую биоластичную сеть.

За стеклом кабины слева Дос-Сантос видел полоску джунглей — они росли, поднимались стеной. Дос-Сантос едва успел пробормотать начало молитвы к богине его камбоджийско-испанских предков: «Святая Мария Каннон, святейшая из Дакини», как под кожу впрыснулась доза дремотина.

Помаленьку птицы снова распелись, но громкий треск сломанной ветви опять заставил их

умолкнуть. Прошло немного времени, и вновь зазвучали разнообразнейшие голоса. Одна квазипичуга снова и снова хрипела: «Покупайте у нас! Покупайте у нас! Покупайте у нас!..» Сбежавшая из города пташка-зазывашка.

На стекле кабины лежали крупные бахромчатые оранжевые листья, усеянные орхидениями. Монокристаллическое стекло было невредимо, но Дос-Сантос все равно ничего не видел вокруг. Едва он начал освобождаться от ремней безопасности, заговорил киб:

— Полноправ Дос-Сантос, прошу следовать за мной.

Из крыши багалета ударил, растворяя лианы, аэрозоль — продукция фирмы «Каталитика Камбам», — и тотчас же Дос-Сантос ощутил, как исчезает боль в помятом при падении теле: значит, туман опознан и пропущен в умный скафандр.

Он выбрался из кресла и осторожно ступил на наклоненный пол. Летательный аппарат не качнулся. Волосы у Дос-Сантоса были мокры от пота, по телу бежали струйки.

— Что случилось?

— В левом крыле внезапно прекратилась циркуляция гемоцианина, началась дегенерация

ткани, немедленно достигнув критической степени. Вероятность аварии по вине конструкторов — одна десятая процента. Вероятность аварии по вине техобслуживания — тридцать процентов. Вероятность аварии в результате намеренного повреждения — шестьдесят восемь процентов. Прошу подождать… Регистрируются следы чужих протеаз… Вероятность диверсии пересчитана. Девяносто девять и шесть десятых процента.

— Диверсия… — пробормотал Дос-Сантос. — Но кому это может быть выгодно?

— Полноправ Дос-Сантос, у меня нет ответа на ваш вопрос. И все же, несмотря на исчерпывающие доказательства моей невиновности, закон требует, чтобы я предоставил вам метамедийный адрес моего производителя на тот случай, если вы захотите подать на него в суд. Довожу до вашего сведения, что фирма «Синерген» является дочерним предприятием «Примордиум чебол» и полностью подконтрольна ему.

— К черту! — Дос-Сантос уже вынимал аварийное снаряжение и припасы из яйцевидного шкафчика под крышей кабины. — Далеко отсюда до места?

— Связь с нависпутниками глобального позиционирования не нарушена, наше местонахожде-

ние установлено со стандартным трехметровым отклонением. Машинное озеро находится приблизительно в пятидесяти кликах к северу. Мне удалось совершить посадку всего лишь в ста ярдах от Седьмой реки.

— И мы на берегу верхнего течения?

— Да.

— Отличная работа.

— Благодарю, полноправ Дос-Сантос. Надеюсь, вы учтете правильность моих действий в чрезвычайной ситуации, если подадите в суд на фирму-производителя.

— Успокойся, не будет никакого суда. Ясно же: тот, кто остановил реку, не желает допускать сюда дознавателей. Когда вернусь на базу, пропущу через мелкое сито все помеси из техобслуги.

— Осмелюсь заметить: органика заведомо менее надежна и более уязвима морально, чем кибернетика.

Дос-Сантос раскрыл люк багалета, через занавеску из бамбуна хлынул теплый, влажный воздух.

— Полноправ Дос-Сантос, что вы намерены делать? Я отправил сигнал бедствия, он принят. Не разумнее ли подождать помощи здесь?

— А что, если и остальные наши багалеты

подпорчены? Сколько тогда ждать придется? Неделю? Нет, я сюда прилетел, чтобы дело делать. Времени в обрез. И нельзя, чтоб река и дальше простаивала.

Похлопав по левому нагрудному карману, где лежал флакон со способным починить реку реминструктом, и поправив пояс с интратековским пистоляпом, запасными патронами с лизис-катализатором и прочей амуницией, Дос-Сантос перенес обутую в ботинок ногу через комингс.

— Пункт два-десять свода инструкций для администрации береговой полосы требует…

— Вот что, — перебил Дос-Сантос, — кто тут речной мастер? Я или ты?

— Вы, полноправ Дос-Сантос. — Кибу четвертого уровня Тьюринга удалось это выговорить тоном оскорбленного достоинства.

— Вот именно.

— Но могу я хотя бы сделать предложение?

— Разумеется.

— Позвольте вас сопровождать. У меня больше возможностей, чем у слабоинтеллектуальных помощников, встроенных в ваш скафандр. Если вы будете выведены из строя, а я смогу добраться до базы, то начальство получит подробный отчет.

— Ну, спасибо, утешил!

— Извините, полноправ, но я всего лишь стараюсь выполнить заложенные в меня на конвейере обязанности…

— Ладно, ладно.

Дос-Сантос шагнул к пульту и вынул киба — невзрачную серебристую пластинку диаметром с хоккейную шайбу, но вдвое тоньше. Воткнув ее в подходящий слот на скафандре, он повернулся к выходу из убитого багалета.

— Полноправ, теперь я надлежащим образом подключен к датчикам вашего скафандра. Они протестированы — полная исправность.

— У меня такое предчувствие, что они нам понадобятся. — сказал Дос-Сантос. — А ну-ка, включи мои сетчаточные дисплеи.

— Команда выполнена.

На периферии зрения Доса-Сантоса возникли просвечивающие панели датчиков. Он осторожно двинулся в джунгли.

Глава 2. Информудар

Первые донесения, указывающие на серьезные неполадки в работе Седьмой реки, поступили каких-то двенадцать часов назад. Докладывал киб-блок, капитан одного из многочисленных плавмагазинов, которые поставляли товары ту-

земному населению побережья. Находившийся в сотнях кликов от Машинного озера киб сообщил, что скорость нижнего течения реки катастрофически падает, приближаясь к древнебазовой. В то время как зонды, запущенные в «верхнюю» сторону, регистрируют нормальные скорости. Продолжительное наблюдение выявило дальнейшую потерю силы искусственного потока. Когда посыпались донесения с других участков «нижнего» берега — с туристского судна, с пассажирского парома, с многочисленных спортивных водопланов и водоходов, — Дос-Сантос понял, что Седьмая река — его река — умирает.

Естественно, это случилось в самое неподходящее время — он вылетел по делам в Лагос. Если бы весть о беде застала его на обычном посту — в штабе или на берегах Машинного озера, — он бы успел что-то предпринять. А так — пришлось сначала проделать длинное путешествие.

Теперь он знал, что его багалет поврежден неизвестными злоумышленниками, и подозревал, что покушение на Седьмую реку не случайно произошло в его отсутствие. Разве сложно было выяснить заранее, когда он отправится в Лагос?

Незадолго до авиакатастрофы Дос-Сантос узнал, что нижнее течение Седьмой реки практически

полностью остановлено. Еще в Лагосе он открыл: известие о смерти течения движется быстрее самого течения. Пораженный силикроб бьется в конвульсиях, и его хаотические импульсы передаются соседям, а от соседей — дальше, и эта информационная волна опережает материальный поток.

Верхнее течение Седьмой реки продолжало действовать, что объяснялось просто: два потока не имели связи друг с другом, об этом позаботились их создатели. Только вдоль интерфейса течений длиной почти две тысячи кликов, где тончайшие реснички «верхних» силикробов контактировали с «конечностями» силикробов аналогичного «нижнего» слоя и где они обменивались энергией в погашающем взаимное трение танце, происходило незначительное смешение. И эта «несовместимость характеров», предназначенная специально для того, чтобы избежать путаницы в управлении, отсрочила гибель верхнего потока. Но единственный источник силикробов для него — нижний поток, а значит, смерть пока еще действующей части Седьмой реки неизбежна.

В сырьевом запаснике — Машинном озере — рождались все силикробы, составлявшие 50 %

объема нижнего канала седьмой реки. Вторая половина — обыкновенная H*2* O из обыкновенных источников: дождей, притоков, подземных водоносных слоев. Высвобождаемый объем воды издавна расходовался на нужды человеческого общества. Силикробы поступали из Машинного озера, смешивались с доступной водой, и получался синтетический бульон цвета вороненого металла. Поодиночке наномелкие силикробы, естественно, были невидимы, но их скопления представляли собой однородную массу. Заложенная программа вынуждала их двигаться «вниз по течению» с заданной скоростью, причем каждый сохранял постоянную дистанцию от берега и от соседей. Силикробы несли водяные молекулы быстрее, чем это когда-либо удавалось гравитации.

В устье Седьмой реки, в пальцеобразной дельте вокруг Порт-Харкорта, они, реагируя на повышенное содержание соли и команды с нависпутников глобального позиционирования, разлучались с водяными молекулами, продолжавшими двигаться в море, как в былые времена, по подковообразному каналу разворачивались и пускались в обратный путь уже «налегке». Им требовался канал вдвое уже «нижнего», чтобы

вернуться в Машинное озеро для ресорбции. «Верхняя» скорость составляла 80 % «нижней». До сего дня.

Глава 3. Большая грязюка

Последний коренастый древопапоротник упал под ударом лазерного мачете Дос-Сантоса с треском дыни, слетевшей на пол со стола, и липкий сок, выброшенный тургорным давлением, обрызгал лицо и миллипоровый костюм. А затем речной мастер вышел из джунглей и зашагал по не нуждающемуся в стрижке ветиверу верхнего берега Седьмой реки.

— Полноправ Дос-Сантос, докладываю: пузыри скафандра заполнены очищенной водой, в дальнейшем любое загрязнение костюма потовыделениями будет устраняться методом экзосонической сушки.

— Отлично, отлично, — рассеянно отозвался Дос-Сантос. Все его внимание, и базовое, и дополнительное, было отдано хворой реке.

И действительно, двусторонняя гиперводная артерия была тяжело больна. Две трети нижнего потока превратились в сизую неподвижную ленту. Осталась взвесь из воды и дезактивированных силикробов, но они уже не участвовали

в движении потока, напротив, не давали молекулам воды вернуть хотя бы прежнюю, базовую скорость. Нижний поток, до недавнего времени — надежный водный путь, обеспечивавший всем необходимым миллионы жителей окрестных территорий, превратился в стоячее болото.

Дос-Сантос посмотрел влево, «вниз по течению», но. взгляд сфокусировал на ближней трети реки, на «верхнем» канале. Эта часть Седьмой реки пока еще действовала. Она состояла из чистых силикробов, была матово-черной и резко выделялась по цвету; ее граница была еще крепка, не пропускала соседний хаос. Но Дос-Сантос знал: видимость обманчива…

Он не удержался от возгласа, когда обнаружил то, что искал — волновой фронт аварии. Беспомощно смотрел, как вверх по реке движется убийственная дезинформация. Вот омертвение поравнялось с Дос-Сантосом и безнаказанно двинулось дальше. Позади него сотнями миллионов выключались силикробы. Черная полоса хищно запустила уродливые пальцы мглы в «нижнюю» часть реки, силикробы поплыли «назад», быстро редея, — река, имевшая первый уровень Тьюринга, перестала думать, она теперь пыталась гомогенизироваться по законам простейшей

физики.

— О черт! Проклятие!

Дос-Сантоса охватило отчаяние. Сколько себя помнил, он служил в Речном министерстве. Он любил реки, эти огромные полуразумные транспортные артерии. Уже пятьдесят лет самоотверженно обслуживал номерные мировые реки, большие и маленькие. Побывал на Восьмой реке (бывшей Волге), на Третьей (в прошлом — Миссисипи), на Четырнадцатой (Ганг), на Двадцать Девятой (Нил) и даже на Первой (Амазонке). Сначала — учеником, потом — подмастерьем, наконец, мастером. Он любовно опекал эти творения природы и человечества, что змеились по окультуренному земному шару, неся грузовые и пассажирские суда, служа экологическими нишами своим обитателям, купая курортников. И никогда на своем веку он не испытывал такого ужаса, как сейчас — перед лицом смерти одной из своих подопечных. Как будто он потерял друга-супруга, а вместе с ним погибли и зиготы, отданные для рождения ребенка. Но ведь не было у Дос-Сантоса никогда друга-супруга, и о потомстве он раньше не задумывался… И все равно такое чувство — будто в душе пробита дыра.

Но отчаяние уступило гневу и твердому же-

ланию отомстить. Преступник будет найден и ответит за свое злодеяние.

Дос-Сантос поклялся, что Седьмая река воскреснет. Он приблизился к обрыву. Дальше под углом сорок пять градусов простиралась отвердевшая красная глина, до самой воды. Дос-Сантос полез вниз. Глиняное крошево скатывалось по склону на поверхность реки, но не тонуло в силикробовом студне; каждый камешек гнездился в собственной ямке поверхностного натяжения.

— Полноправ Дос-Сантос, — встревоженно обратился киб, — вам не следует…

Дос-Сантос подобрался к воде и опустился на корточки. Глина медленно дрейфовала вниз по течению.

— Молчать! Хочешь мне помочь, готовься анализировать телеметрические данные.

Сняв обе перчатки, речной мастер окунул руки в густой силикробовый суп.

По краям поля зрения заиграли метаграфические диаграммы — информация поступала с кончиков пальцев, от подкожных микотронных компдатчиков. Робот от себя добавил устную интерпретацию.

— Есть основания считать, что река загрязнена дозой сверхбыстрых рибозим-инструкторов, их

действие — стандартные ступенчатые процессы, но с некоторыми изменениями, не поддающимися расшифровке. Силикробы, очевидно, невредимы, они всего лишь отключены. Если удастся денатурировать агрессора, то восстановить реку будет несложно. Дос-Сантос встал:

— И это надо сделать быстро, а значит, наш путь лежит к Машинному озеру. Мало того, что новые нападения не исключены, но и вся система разбалансирована, работает с перегрузками. Рано или поздно силикробы начнут выпадать в осадок и накапливаться на дне. В таких условиях возобновление функционирования реки может иметь непредсказуемые последствия. Мы выбросим столько частиц, что замутим всю дельту, возможно, погубим все живое. А если продолжится смешение верхних и нижних силикробов, образуются водовороты на порядки крупнее предельно допустимых…

— Полноправ, раз уж речь зашла о водоворотах, — перебил киб, — к нам приближается ловец водоворыб.

Глава 4. Старик и река

Коракл — раковина с фиолетовой каймой на зубчатом борту — перламутрово бликовал под

африканским солнцем. Его предком и правда была раковина — камерный моллюск наутилус. Плавсредство было достаточно велико, чтобы вместить двух базово-линейных людей, но сейчас на его борту находился только один софонт, киноцефал в набедренной повязке из шотландки.

Первых киноцефалов, или анубийцев, вывели специально для расселения по берегам Двадцать Девятой реки, бывшего Нила. Эти двуногие псоглавые софонты служили для привлечения туристов; их создатели позаботились о том, чтобы киноцефалы заняли новую верхнюю ступень пищевой пирамиды. И собакоголовые трансгены оправдали эти надежды. Эксперимент оказался настолько удачным, что сейчас, десять анубийских поколений спустя, ни одна река без них не обходится.

Мохнатая гуманоидная помесь стояла в корме суденышка, сжимая в лапе румпель струйного движка. Коракл находился на середине «верхнего» канала, чей черный сироп сейчас бесполезно тек «вниз».

Никаких сомнений — челнок направлялся к Дос-Сантосу. Вот коракл приблизился, и удалось различить уложенные поперек его носа цельнорощенные костяные гарпуны. А когда одинокий

лодочник умело пристал к берегу, Дос-Сантос узнал татун, подкожную иконку на собачьем ухе — эмблему племени Гиен, или ловцов водоворотных рыб.

— Полноправ человек, — пролаяла помесь и показала капающие слюной острые зубы, — наша река умирает!

И в эту же секунду киб заявил:

— Для речного мастера поступило сообщение по глобальной телесистеме.

В правом ухе Дос-Сантоса зазвучал приятный женский голос его помощницы Исоке, оставшейся в Лагосе:

— Нородом! Диверсанты разоблачены и задержаны. Это гринписы, они себя называют «Лигой Айзека Уолтона». В организации всего лишь десяток членов, но им удалось убить несколько рек и вдвое сократить объем крупнотоннажных перевозок на планете! «Дайичи канго» только что оценил ущерб: приблизительно пять миллиардов долларов в час. Но кримоловы и полиция МВФ уверены, что выловили всех! Новых диверсий можно не опасаться.

Как всегда, когда Дос-Сантос слушал страстный голос Исоке — с недавних пор ему подчиненной, — он пытался представить, как бы ответил

на его месте Трекслер.

— Исоке, это замечательно, но у нас остается проблема — Седьмая река. Надо ее починить и запустить.

— А вы разве не можете ввести в реку рем-инструкт с того места, где находитесь?

Мастер терпеливо объяснил подмастерью, почему сначала необходимо денатурировать рибозим-загрязнитель в Машинном озере. Если просто смешать загрязнитель с рем-инструктом, то получится невообразимая каша.

— Как же нам быть? Вы оказались правы насчет остальных багалетов — их тоже вывели из строя. У нас больше нет исправных летательных аппаратов. Можно нанять частное или заказать государственное транспортное средство, но ждать придется в лучшем случае несколько часов. Ведь вы находитесь в самом центре низкотехнологичного заповедника…

Дос-Сантос вспомнил о стоящем перед ним рыбаке. Помесь, раскрыв пасть и свесив язык, нервно дышала. Под пятнистой шкурой подергивались мышцы.

— Кажется, транспортное средство у меня уже есть. Не бог весть что, но попробовать стоит. А жука все-таки пришлите при первой возможно-

сти. Пускай ищет меня на реке.

Сказав Исоке «до связи», Дос-Сантос обратился к Гиене:

— Можно на твоей лодке добраться до Машинного озера?

Гиена улыбнулась:

— Хорошая лодка. Ее сделали люди. Так быстро бегает! И мотор еще ни разу не глох.

— Быстро — это как?

Вопрос заставил трансгена поломать голову, на собачьей морде пролегли глубокие складки. Но через минуту псоглав ответил:

— Видишь вон тот древодом? Отсюда — десять вздохов.

— Двадцать узлов, — пересчитал киб. Дос-Сантос застонал:

— Два часа до озера, а то и больше! Но ничего другого не остается. Поплыли.

Дос-Сантос и помесь оттолкнули коракл от берега и запрыгнули в него. Гиена ткнула пальцем в ганглий на румпеле, заработал органический мотор. Через отверстие в носу лодки поступали силикробы — отключенные, «живые» — не важно, — и движок, расщепляя их, получал энергию АТФ. Толстые, как кнуты, макрореснички в кормовой части коракла вскоре развили макси-

мальную скорость.

— Мы остановимся у моей деревни и скажем стае, куда я плыву.

Дос-Сантос хотел было возразить, но передумал. Зубы трансгена, уже не говоря о гарпунах, выглядели грозно, и даже надежный интратековский пистоляп не прибавлял речному мастеру куража, Анубиец, хоть и был создан людьми, не носил ошейника и к числу домашних помесей не принадлежал. Рядом с Дос-Сантосом в лодке находился дикий полузверь, обладающий правом заботиться о себе. И пускай псоглав сейчас дружелюбен, пускай ему нужно, чтобы человек починил реку, его поведение может с легкостью измениться. Значит, надо пойти на компромисс с этим существом — если не хочешь пойти на убийство.

— Хорошо. Но у нас мало времени.

— Очень быстро поплывем. Детеныши и самка знать должны, а то волноваться будут.

Ох уж эти помеси с их претензией на равенство с людьми во всем!

Банок в лодке не было, пришлось сесть на корточки. Руку мастер опустил за борт, она скользила по поверхности реки, а киб, не теряя времени, искал формулу денатурата, способного разрушить

яд. Вроде все ясно, кроме одного: для чего предназначены таинственные органические молекулы, присутствующие в загрязнителе.

Через некоторое время на верхнем берегу, на поляне, появилась деревня рыболовов.

Средняя часть верхнего канала, состоявшая из одних силикробов, не содержала в себе никакой жизни, зато другие две трети, содержавшие, кроме силикробов, воду, представляли собой целую экосистему, приют для искусственно выведенных форм жизни. Почти на самом верху пищевой пирамиды находились водоворыбы — те самые, что поддерживали существование Гиен.

Граница между верхним и нижним каналами до катастрофы представляла собой вертикальную плоскость, невидимый рубеж между силикробами двух типов, разгоняющихся и тормозящих, как того требовали их программы. Однако исключить фактор хаоса оказалось невозможно: накопление ошибок приводило к возникновению разной величины водоворотов и прочих аномальных явлений. С ними справлялись водоворыбы, крупные, сильные широкоротые организмы, которые питались «глючными» силикробами, как киты — планктоном, и тем самым разрушали аномалии.

Непросто было Гиенам плавать на лодчонках

по самому краю водоворота и гарпунить добычу, требовались ловкость, смелость и везение, но киноцефалы превосходно справлялись со своей работой.

Дос-Сантос перефокусировал зрение с сетчаточных диаграмм на рыбацкую деревню. На берегу уже столпились высыпавшие из хижин — стручков древодома — Гиены: рыбаки — с гарпунами, матери — с детенышами в специальных обвязках.

Внезапно поднялся крик, жители деревни неистово жестикулировали, на лицах — ужас. Рулевой подвел лодку к берегу, остановил. Дос-Сантос повернулся, глянул на середину реки. Там создавался огромный водоворот.

— Полноправ, это невероятно! Силикробы сами по себе не могли включиться!..

Дос-Сантос расстегнул кобуру, чтобы в случае чего легче было выхватить пистоляп:

— Однако это происходит.

Над водоворотом что-то поднималось. Нечто похожее на статую. Снизу его кусали рыбы — но безрезультатно.

Матово-черная глыба, несомненно, состояла из силикробов. Но так, как сейчас, силикробы еще никогда не соединялись. Они и созданы-то

были совсем не для этого. Колышась, сужаясь и утолщаясь, выросла колонна втрое выше и шире человека. Вне всяких сомнений, силикробы пытались создать некую форму — этого от них требовала чужая программа.

Наконец им это удалось.

Над рекой возвышался эбеновый Нептун. Волосы — донная трава, призрачный лик сирены, борода — раковина моллюска, могучие руки, бочкообразная грудь, вместо ног — рыбий хвост.

Река материализовала своего монохромного бога.

— Это автокаталитический инструкт, — прошептал потрясенный Дос-Сантос. Он знал, что подобное уже происходило, но само по себе и давно, когда реки еще только создавались. Но тут — совсем другое. Тут поработала «Лига Уолтона», и то, что она создала, наверняка гораздо опаснее прежних речных миражей — результатов спонтанного катализа.

Дос-Сантос отправил сигнал бедствия Исоке, выхватил пистоляп и выпустил всю обойму.

Умные пули, наполненные растворителями мгновенного действия, попали в цель. Дос-Сантос знал, что разлагающие вещества не могут причинить вреда небелковым микроботам,

но надеялся, что пули простым физическим давлением сместят силикробов и разрушат установившиеся между ними связи. Однако они прошли насквозь, не причинив вреда.

И тут автокат целеустремленно двинулся к кораклу. Хоть и создавалось впечатление, что он скользит по поверхности реки на хвостовом плавнике, словно конькобежец на коньках, на самом деле его несли силикробы. Так несет пассажиров движдорожка. Тварь определенно имела какие-то намерения, а значит, обладала разумом, пусть и низким по шкале Тьюринга, может быть, как у самой реки…

Дос-Сантоса отвлек плеск за бортом — это спрыгнул за борт рулевой. Мастер хотел последовать его примеру…

Опоздал.

Его схватили руки Нептуна. Лицо Дос-Сантоса вдавилось в маслянистую грудь автоката, он ослеп, он задыхался…

И вдруг начал погружаться в тварь. Мастера убивала его собственная река!

Да тут еще, ко всему прочему, скафандр забарахлил. От давления на систему подачи жидкости и биоэластиковые резервуары, заключенные между слоями ткани, вода собиралась в одном

месте, на левой стороне груди.

Эта водяная опухоль разрослась, вдавилась в мышечную ткань, в кости. Он хотел закричать — не получилось. Что, если водяной кулак пробьет до сердца?..

Под чудовищным нажимом резервуар лопнул. Но взрыв оказался обращен не внутрь, а наружу, десятки микроструй толщиной с иголку вышли через молниеносно расширившиеся миллипоры.

И вдруг автокат выпустил Дос-Сантоса. Он упал на дно коракла, и тот неистово закачался, но не перевернулся. С речного мастера бежали неактивные силикробовые струи. Он кашлял — похоже, легкие наполнены такими же силикробами. Откашлялся, высморкался. Наконец-то можно дышать.

Дрожащей рукой речной мастер протер глаза. Нептун исчез, растворился в реке. От него осталось только несколько бессильно шевелящихся псевдоподий, но и они вскоре растеклись. Дос-Сантос посмотрел на дыру в скафандре. Переполнившийся и лопнувший резервуар находился как раз за пузырьком с ремонтным инструктом. И этот пузырек исчез. Скорее всего раскололся, и его содержимое дестабилизировало автоката.

— Полноправ Дос-Сантос, не забавно ли, что

созданное водой чудовище от воды же и погибло? — В голосе киба безошибочно угадывалось самодовольство.

— Да уж, обхохочешься…

— Я сообщу о происшествии мастерам других поврежденных рек, предупрежу, чтобы со своими автокатами обращались поосторожнее. Вот видите, полноправ, я не зря напросился к вам в попутчики.

Дос-Сантос поднял голову. Какие убытки! И сколько работы впереди! Ладно, по крайней мере он жив, а все остальное поправимо.

— Да, киб, ты просто молодчина.

— Полноправ, осмелюсь напомнить…

Дос-Сантос расхохотался:

— Да успокойся ты! Не будет никакого суда.

Любимый компонент

Гринло всю жизнь чувствовал себя обманутым. В чем обман, он и сам не смог бы себе объяснить. Но чувствовал странный зуд в душе и теле, словно он подцепил какой-то вирт-вирус. И этот зуд иногда локализовывался в груди, иногда — в голове, а порой даже нарушал гиперчувствительность длинных, тонких мультифаланговых пальцев, У Гринло украли нечто бесценное, незаменимое, он в этом не сомневался, хоть и не смог бы назвать цену украденного или имя вора. Но были подозреваемые, они чередовались в зависимости от того, как менялись его жизненные обстоятельства.

В своей когорте Гринло был одним из немногих, кого зачали и родили старомодным, базоволинейным способом. Его родители, упертые голубовато-зеленые, не могли воспользоваться услугами помеси-роженицы или хотя бы автоутробы, не говоря уже о том, чтобы допустить вмешательство хромопортных в развитие плода. Даже именем своим он был обязан вере, которую исповедовали родители. Грин ло — зеленый закон. И потому Гринло появился на свет, не имея никаких преимуществ, не имея даже самого

необходимого. Ему только оставалось завидовать нейро— и морфонавороченным сверстникам. Он даже свои первые слова произнес лишь после полугодичного курса приема неогомеопатических тропов. Естественно, потому-то он и был временами склонен винить своих родителей — Почву и Подсолнуха — во всех неприятностях, которых натерпелся при учебе и в общении с ровесниками. Один адвокат, некий Энди Панда, даже перевел жалобы Гринло на юридический язык и предложил обратиться в суд, но Гринло решил, что делать этого не стоит.

Как бы то ни было, злость на родителей прошла без следа, когда Гринло достиг совершеннолетия, и Почва с Подсолнухом, подчиняясь жестким голубовато-зеленым догмам, добровольно подверглись эвтаназии, завещав свои нерастраченные ресурсы не баловавшему их симпатиями обществу.

К сожалению, они почти не оставили двенадцатилетнему Гринло финансовых ресурсов. Чтобы вырваться из касты серволайтов, в которую его угораздило попасть при рождении, и оплатить дальнейшее троподозирование, которое позволит получить достойную работу и перескочить в категорию символ-аналитиков, пришлось сда-

вать внаем свое нейро — ценный ресурс, самые тонкие структуры которого до сих пор яйцеголовые не научились дублировать. Каждый день в определенное время толика вычислительных циклов мозга становилась доступна любому, кто имел на то желание и деньги. Гринло терял драгоценное время, пока его разум обрабатывал данные в параллельной мировой компьютерной сети, и потому злился на всех, кому больше повезло в жизни. Эта злость и толкнула его в объятия Плюс-Фурьеристов.

Но неизбежное разочарование не заставило себя ждать. Более того, когда Плюс-Фурьеристы спонсировали убийство всего совета директоров Всемирной Торговой Организации, Гринло проникся отвращением к политике вообще. И в это же время он впервые устроился на работу — в «Молекулар тулз». Фирма оплатила ему кое-какой соматический и клеточный апгрейд. И тогда же он влюбился.

Ее звали Анемона. Поначалу Гринло боялся, что она тоже голубовато-зеленая, хотя с такими убеждениями как бы она смогла получить в «Молекулар тулз» должность шефа проекта «Санта Клаус»? Но вскоре выяснилось: ее растительное имя — всего лишь дань фамильной традиции.

Обрадовавшись, он в первый раз в жизни отдал свое сердце женщине.

Нетерпеливый по молодости лет, Гринло не понимал, почему у них все никак не доходит до секса. Но в конце концов узнал: Анемона — герм, абсолютный гермафродит, и у нее есть любовница, от которой еще надо добиться включения Гринло в семейный союз.

Однажды вечером он вернулся домой и застал их в постели. При виде мужских гениталий, появившихся над базово-линейным женским половым органом, в нем проснулись генетические голубовато-зеленые предрассудки. И Гринло сбежал.

Лишь через несколько лет ему стало проще общаться с женщинами, которых он теперь сознательно и подсознательно обвинял в своих жизненных неурядицах. Он с головой ушел в работу, быстро делал карьеру, переходил из фирмы в фирму: «Инновир», «Хемацин», «Биокогент». В конце концов подвернулась хорошая должность в «Просепте», там-то он и встретил свою спутницу жизни. У Стромы была грубая пестрая шкура, соблазнительные хваткие губы, острые жесткие соски; она умела остроумно шутить и заливисто смеяться. А главное, она, со всеми

своими наворотами, принадлежала только ему одному — впрочем, анатомически и он теперь был далеко не так прост, как в первые годы жизни. Злополучного ребенка, рожденного Почвой и Подсолнухом, почти целиком заменил самодельный конструкт.

И на работе, и дома все было в порядке, и душевное беспокойство отпустило, хоть и не исчезло полностью.

Десятилетия прошли вполне благополучно, он рос в должностях, набирался опыта, помогал миру меняться. За эти легкие, приятные годы он почти забыл свое тяжелое детство.

А потом разыгралась трагедия, к которой, как казалось Гринло, он интуитивно готовился всю жизнь. Зловредная дикая жизнь опустошила его родной биорегион.

В общем и целом урон от бедствия был таков:

Разрушена обширная инфраструктура — одна целая и две десятых на десять в пятой степени единиц ущерба (по обновленной шкале Санта-Фе).

Погибли десять миллионов человек, имевших статусы полноправных и неполноправных граждан.

Уничтожено неисчислимое множество кон-

тролируемых трансгенов разных пород, уже не говоря о бесчисленных диких помесях, всяких зайцеволках и кураястребах.

И наконец, без следа исчез органический запас биорегиона — многие тератонны массы, как базово-линейный, так и измененный.

И все это Гринло оплакивал — субъективно и селективно. Всю свою хромокогорту, хоть и дразнившую его в детстве. Коллег и слуг-трансгенов. Бездомных полуразумных мутантов, не успевших перебраться в другой, безопасный уголок телекосма. И Строму, единственную женщину, которую он полюбил без комплексов, как сказали бы его друзья-снеговики.

Все погибло, все пропало. А он, по злой иронии судьбы, остался — влачить тяжкий жребий сироты и вдовца. Его судьба разрушена ордой тератоморфов, состоящих из бешеных силикробов — или, как сказал один умник, у которого осталась энергия на придумывание неологизмов, панплазмодемониумом.

А самая горькая ирония в том, что не кто иной, как Гринло, должен был предотвращать такие катастрофы. Но в тот момент, когда биорегион подвергся нападению и опустошению, он находился в противоположной точке земного шара,

инспектировал оборону другого проблемного метроплекса.

Гринло свое дело знал туго. Его усилия не пропали даром. Натиск на Новозеландский метроплекс был отражен, население спасено.

Но это теперь не играло никакой роли. Вокруг зараженного биорегиона был оборудован санитарный кордон, обслуживали его в основном коллеги Гринло, сотрудники ЧП-отдела «Просепта»; руководил дежурной сменой неполноправ Бамбанг; в прошлом Гринло нередко работал с ним.

Гринло вышел из органилета, посаженного на окраине лагеря. Ослабленный силикробами солнечный свет красил округу в пастельные тона. Вновь прибывший зашагал к командному узлу обороны. Один из его личных кибов, несший большой бип-контейнер, не отставал ни на шаг.

В гуще организованного столпотворения, среди просептовских кибов, трансгенов и симбионтов стоял Бамбанг; его взгляд, казавшийся рассеянным, означал, что неполноправ внимательно считывает с сетчаточных шкал показания датчиков. «Волнения и надежда здесь почти осязаемы», — подумал Гринло.

Когда Гринло подошел, Бамбанг переклю-

чил внимание на реальность. Оглядел вновь прибывшего, затем широкое, коричного цвета индоазиатское лицо покрылось морщинами. Это означало целую смесь чувств: уважение, радость и чуточку тревоги.

— Здравствуйте, полноправ Гринло, — почтительно сказал Бамбанг. Они обменялись жестами — гиперартикулированными знаками уважения к родословной друг друга и надежды на плодотворное сотрудничество.

— Счастлив вас видеть. Я полагаю, вы прибыли, чтобы взять на себя руководство?

Гринло вздохнул. Долг, профессиональное соперничество… все это теперь казалось таким несущественным.

— Вы ошибаетесь, — ответил он. — Уверен, вы прекрасно справляетесь со своими обязанностями, хотя после объявления о нашествии я не получал докладов об изменении обстановки. Нет, я явился по сугубо личному делу.

У индоазиата был характерный жест облегчения — Бамбанг щупал просептовский татун, вращавшийся на щеке, в считанных миллиметрах под эпидермисом. Это невинное движение превратило линейные мыслительные процессы Гринло в хаотический вихрь. Он вдруг впервые

на своем долгом веку увидел вездесущие верные силикробы, вроде тех, из которых состоял татун Бамбанга и его собственный татун — в роли безжалостных несоматических убийц.

Может быть, Урбластема — всего лишь татун на поверхности Земли?

Нет. Она в отличие от послушных скоплений силикробов стремится пожрать своих хозяев.

«А ведь мы ее для себя сделали, — грустно подумал Гринло. — И я помогал. На каждом этапе. Кроме как себя, обвинять некого».

Внутренняя нейросистема фирмы «Ксаос тулз», находящаяся в выпуклости мозговой грыжи, включилась, и нелинейный круговорот эмоций и мыслей постепенно затух. Если бы не помощь этого замечательного психодемпфера, то Гринло, наверное, давно бы нашел пристанище в какомнибудь доме убитых горем.

— По личному? — повторил Бамбанг и считал с сетчатки поступившие данные. — А, понятно… Примите мои соболезнования, полноправ Гринло. Может быть, принципы первой самоорганизации помогут вам в сей горький час найти утешение?

Гринло отмахнулся, понимая, что советы Бамбанга для него так же бесполезны, как и заповеди

голубовато-зеленых родителей.

— Извините, неполноправ, но я всегда был маловером. Да и глупо было бы хранить верность идеалу, из-за которого, можно сказать, я потерял все, что имел.

— Полноправ, нельзя же отвергать священные каноны лишь по той причине, что их извратила Урбластема.

Бамбанг не договорил — почувствовал, что у Гринло неподходящее настроение для философских диспутов. И сменил тему:

— Не желаете ли осмотреть оборонительные сооружения? У нас сплошная линия Макро-Фагов, они патрулируют весь периметр и готовы отразить поверхностный штурм на макроуровне. Весь атмосферный столб над зоной поражения наполнен силикробами-убийца-ми величиной в микрон, а также воздушными акулами и пираньями. Кроме того, мы с помощью Глобал-Метео установили надежную ветрозащиту с возможностью создания встречных воздушных фронтов. Ниже поверхности земли нами проделано следующее…

Гринло перебил:

— Урбластема атаковала именно из-под земли, не так ли?

Бамбанг вроде смутился:

— Да, полноправ, действительно. Очевидно, после ликвидации Урбластемы под Чикаго какая-то уцелевшая часть укрылась глубоко под землей. Мы не знаем, как ей удалось инкапсулироваться и выжить в условиях сверхвысоких температур и давлений. Наша геодезическая разведка, к сожалению, не прошла далее поверхности нижней мантии. Впоследствии Урбластеме удалось добраться до каналов, по которым движется магма, и выйти на поверхность вовсе не там, где мы ожидали ее появления.

— В какой степени загрязнена литосфера?

— Мы еще не получили моделей катастрофы, хотя они, конечно же, выращиваются во многих сферах органосимуляции. Но уже есть основания считать, что инфекция не слишком широко распространилась по земной коре. Урбсиликробы малы и слабы, и размножаются они не сказать чтобы очень быстро. Но отчего-то они стремятся как можно быстрее выбраться на поверхность. Может, хотят первым делом расправиться с нами, как с самой непредсказуемой формой жизни? Или условия существования под землей далеки от оптимальных?

Гринло сам удивился, почувствовав, как в нем

пробуждается любопытство:

— Все это кажется совершенно бессмысленным. Урбластема могла бы благополучно прятаться много лет, накапливая массу, разрастаясь по всему земному шару. И сделавшись заведомо непобедимой, она бы потом вырвалась наружу и застала нас врасплох. А вместо этого — слабый неподготовленный штурм. Если честно, я не знаю, что и думать.

— А может быть, нам просто повезло? Гринло невесело улыбнулся:

— Везение — это тоже предрассудок.

Бамбанг принял холодно-деловой вид; обычно он так поступал только в присутствии инспекторов и начальства. И сказал, будто намекая, что у Гринло небогатый выбор:

— Так что же, приступим к осмотру нашей обороны?

— Пожалуй, нет. У меня другие планы.

— Я могу узнать какие?

— Разумеется. Могу сформулировать в трех словах.

— В каких именно?

— Пойду к ней.

Глаза Бамбанга полезли на лоб. Целых пять секунд отсчитали внутренние часы Гринло, прежде

чем к индоазиату вернулся дар речи.

— Но это безумие! Пускай вы от горя решили покончить с собой — зачем отдавать Урбластеме ваше тело и дарования?

— Не надо мелодрамы. Умирать я не собираюсь. Надену новую псевдокожу, инфекции она не по зубам. По крайней мере яйцеголовые меня в этом уверяли.

Подумав, Бамбанг сказал:

— Но все равно, разве положено специалисту высшего звена рисковать жизнью?

— Я уже говорил: это дело личное. Хочу вернуть часть своей жены.

Бамбанг сразу понял:

— Так вот оно что! Ее ткани нет в генном банке? И с нее никогда не снимали психокопию? Даже потомства нет? Очень плохо…

Гринло кивнул. Он много раз пытался убедить Строму, чтобы сделала свою нейрокарту, но она всякий раз отказывалась со смехом: мол, такие меры — только для параноиков и для тех, кому время и деньги некуда девать.

— Так что ее психоматрица может быть только у Урбластемы. И вы решили сделать копию… Но вы же должны понимать: мы не можем допустить, чтобы сюда, к нам, попали урбласемена.

Слишком велика опасность.

— Копия будет храниться в носителе из того же непроницаемого материала, что и внешний покров. Это абсолютно безопасно. Кроме того, «Просепт» дал мне «добро». Нашим ученым нужен для экспериментов материал Урбластемы.

— Полноправ, вы не будете возражать, если я получу подтверждение от начальства?

Взгляд Бамбанга снова сделался рассеянным. Когда закончилась проверка, кислая мина на его лице сменилась уважением на грани благоговения:

— Вы позволите сопровождать вас до границы зоны?

— С удовольствием, неполноправ. — Гринло был тронут бескорыстием и человечностью спасателя. Он даже, подчиняясь необъяснимому побуждению, протянул длиннопалую руку — для старомодного рукопожатия. Когда Бамбанг схватился за протянутую кисть, на Гринло нахлынула растерянность пополам с дежа-вю. Несколько долгих секунд ему казалось, что повторяется сцена, в которой он побывал стократ. Как будто земля качнулась под его ногами, как будто закружился мир. И он в замешательстве отнял руку.

— Как вы себя чувствуете? — с искренней забо-

той спросил Бамбанг.

У Гринло включились внутренние конденсаторы, стабилизировалось восприятие реальности.

— Я уже неделю на микроснах, — объяснил он. — Но еще несколько часов продержусь.

Бамбанг сделал жест признания соматопсихической независимости, а затем они, сопровождаемые единственным кибом Гринло и целой толпой верных помощников Бамбанга, направились к гряде холмов, вернее, к тому, что издали казалось грядой белых, странно колышущихся холмов.

Они прошли мимо отделения синохемовских штурмовых жуков и жирафов-разведчиков, выпущенных компанией «ДарМол». Бригада специалистов из «Бехтель-Канемацу-Гошо» присматривала за кибами, которые укладывали термостойкую трубу для подачи сверхгорячей плазмы. Это на самый крайний случай: если выпустить такую плазму, погибнет не только нападающий, но и обороняющийся.

По мере их приближения к гряде она все росла, делилась на отдельные возвышенности. И наконец холмы возвысились над пришедшими. Холмы были живыми. Они двигались.

Каждый был высотой двадцать метров, весом с двух базово-линейных китов, широченный, бе-

лый, как тесто, а наверху сидел обычный человек, наездник, но выглядел он карликом. Макро-Фагов друг от друга отделяла дистанция в четверть длины тела. Пахло от них сырой землей — этот запах характерен для микотронных существ. Время от времени из туловища всеяда произвольно выстреливало щупальце или псевдоподия — чтобы прозондировать ближайшее окружение.

— Да, впечатляет, — кисло похвалил Гринло. — По крайней мере — меня. Насчет Урбластемы — можно только догадываться.

— Полноправ, это попахивает пораженчеством, — надулся Бамбанг. — Я понимаю, вам тяжело, но у нас долг перед «Просептом» и человечеством, мы обязаны действовать, как положено профессионалам. И между прочим, Урбластема не так уж и неуязвима. Она, да будет вам известно, при нападении больше полагается на быстроту и массу. И пока мы можем бить ее тем же оружием, у нас есть шанс на победу. Вот мы с вами тут стоим, разговариваем, а в эту самую минуту огромное количество новых петагерцовых микродезинтеграторов закачивается в резервуары пушек-распылителей, и скоро мы отразим нападение, как отразили все предыдущие.

— Да, получив океан безжизненной грязи. Бога-

тый запас органики. Но — не то, что мы потеряли. Людей, деревья, дома вы не вернете.

— Что ж, полноправ, это так, и это печально. Но мы все восстановим. В том числе и население. Хотя, конечно, вряд ли это послужит вам утешением.

Гринло вздохнул:

— Чему быть, того не миновать. Но хватит разговоров. Я хочу сейчас же войти в зону. Эй, киб! Открой контейнер, пожалуйста.

Послушный механизм поднял крышку принесенного им биополимерного контейнера. Под ней оказалась тяжелая полужидкость вроде ртути с серебристой поверхностью, бликующей на солнце.

— Неполноправ Бамбанг, вы говорили о быстроте как о средстве обороны. Сейчас вы увидите, что такое абсолютная быстрота. Это вещество не имеет стабильной молекулярной структуры, под которую может подстроиться Урбластема. Псевдокожа состоит из клеток, но строение каждой клетки за секунду изменяется тысячекратно. Поверхность псевдокожи — это калейдоскоп антигенов. Притом на макроуровне сохраняется морфологическая целостность. Урбластема, не имея возможности прилипнуть к ней, а значит,

идентифицировать, не сможет и пожрать ее вместе с содержимым.

Гринло повернулся к контейнеру и опустил в него руки. Жидкость побежала по кистям и запястьям — казалось, их проглатывают две одинаковые змеи, В считанные секунды весь Гринло покрылся серебром, глаза и рот превратились в ямки, нос сплюснулся, уши прижались к черепу. Киб закрыл крышку опустевшего контейнера. Бамбанг оторопело смотрел на серебристую статую. Через секунду индоазиат спохватился и заглянул в малопосещаемые сетевые архивы.

— Последняя четверть двадцатого века, — проговорил Бамбанг. — Персонаж так называемого блокбастера…

Гринло, полностью переключивший обмен веществ на внутренние резервы, а органы чувств связав с сенсорами псевдокожи, посмотрел на опешившего Бамбанга с улыбкой:

— Верно, Терминатор-два возвращается. — Голос звучал нормально, передаваясь через вибрации псевдокожи. — Нельзя ли чуть-чуть притормозить этих тварей?

— Разумеется, их можно остановить. Но лишь на несколько секунд.

По цепочке Макро-Фагов пробежала волна

торможения — они получили команду двигаться вспять.

Гринло напряг мышцы ног, псевдокожа отреагировала, прибавив ему сил. В шеренге стражей открылся проход.

Не попрощавшись, Гринло с безумной скоростью ринулся в брешь. И проскочил. Царство человека и верных ему существ осталось позади. А впереди не было ничего, кроме Урбластемы.

И что самое ужасное, здесь все казалось совершенно нормальным. Гринло стоял в саду искусственных деревьев. Шеренга Макро-Фагов осталась в добром полуклике позади.

Его глазам открылась сцена абсолютного покоя. Широкие черные листья искусственных ткач-деревьев мирно покачивались под непрестанным ветерком. Длинные полотна, свисавшие с секреторных узлов-ветвей, имели пеструю расцветку, вроде шотландки и пейсли. До земли они не доставали — значит, только что был собран урожай.

Через мембраны псевдокожи до ушей добрался хор насекомых. Из подлеска выскочил базово-линейный кролик, за ним выползла грозная базово-линейная змея. Все, как положено. Но все — фальшиво.

Гринло вдруг почувствовал, как под его ногами зашевелилась земля. Он замер. Суррогатная почва проводила разведку. Он даже не заметил, как весь напрягся, ожидая нападения. Но шевеление под ногами прекратилось.

Пустив по телу каскад расслабления, Гринло двинулся к ближнему дереву. Остановился рядом, ударил ногой по стволу.

— Урбластема, проснись!

Полотна пришли в движение. Со сверхъестественной быстротой окутали его на манер облипучки-приставучки, пытаясь анализировать и трансформировать. Он не сопротивлялся. Через несколько секунд ткани неохотно отпустили его. Кора «дерева» образовала пару губ.

— Что ты есть? — безобидным тенорком спросила Урбластема.

Было страшно, но Гринло заговорил таким тоном, будто сам черт ему не брат. Подумать только, он беседует с чудовищной Урбластемой! Эта мысль просто не укладывалась в его рациональном сознании.

— Я — твой рок, Урбластема. Я — твоя смерть. Ты — болезнь, а я — лекарство.

— Ты маленький, одинокий, не имеющий поддержки организм. Такая мелкая система не

может долго просуществовать в изоляции. Скоро ты будешь вынужден освободиться от покрова, и тогда я стану тобой, а ты станешь мной.

Губы стерлись — Урбластема давала понять, что разговор окончен.

Но все же в ее голосе не было уверенности. Понимает ли она такие абстракции, как чувства, угроза, блеф? Что осталось в ней от миллионов человеческих личностей, от памяти тех, кого она поглотила? Что отсеялось, а что вошло в мыслящее ядро этой твари?

Гринло знал, что базовые биологические программы обитателей региона — животных, трансгенов, людей, растений и вирусов — как таковые перестали существовать. Протеины, нуклеиновые кислоты и углеводы пошли на изготовление коварных диких силикробов, наподобие тех мятежных мутантов, что появились пять страшных лет назад. То же случилось и со всей злополучной неорганикой региона, от поверхности земли и до неведомых глубин. Воцарилась изотропия. Абсолютная монокультура.

Плодовые деревья, кролик, змея, почва — все это теперь состояло из диких силикробов, все было лишь формой того, что поглотила Урбластема. Сходство полнейшее — если не изучать на моле-

кулярном уровне. Пожелай, к примеру, Гринло сломать ветку у своего недавнего собеседника, она бы убедительно хрустнула, он бы увидел самый обычный излом и самый обычный сок.

Как удалось выяснить, Урбластема в целях маскировки сохраняла в морфических полях Шелдрейка сверхплотно упакованную информацию обо всем, что она поглотила. Если надо, воспроизведет любую свою жертву по имеющейся матрице. О таких способностях человек пока еще мог только мечтать.

Возможно, Гринло сумеет захватить кусок Урбластемы. Но позволит ли это воссоздать его подругу Стро-му — неизвестно. Пока он располагал только осторожными обещаниями кое-кого из своих высокопоставленных коллег по цеху. Одни утверждали, что будет достаточно заполучить здесь, в саду, любую частицу урбвещества. Другие полагали, что более подходящий для Гринло вариант — если Урбластема сформирует подобие его жены. Кому верить? Умнее всего, наверное, отломать, что под руку подвернется, и кинуться назад, под охрану Макро-Фагов.

Но защитный покров пока действовал нормально. Чем больше сведений соберет Гринло, тем больше пользы принесет обороняющимся. И

к тому же ему так хочется увидеть Строму! Пусть даже не ее саму, а ее призрак.

Впрочем, в одном Урбластема была права. У Гринло ограниченные резервы. А значит, у него не так уж и много времени.

Гринло пошел быстрым шагом, и вскоре сад остался далеко позади. Его глазам открылось оживленное шоссе. Ползли, скакали, скользили транспортные средства, и все — в одном направлении, к окраине плекса, к резиденции Гринло, стоящей в окружении шикарных древобашен и ажурных конструкций.

Все — обман, все — подделка, на каждом шагу напоминал себе Гринло. Он поймал себя на неоэмоции под названием ВДНГ — влечение к недостижимому с примесью ностальгии и грусти — и резко погасил ее.

Вступив на дорогу, Гринло остановил двухместный багомобиль. Симпатяга водитель носил татун фирмы по обслуживанию телекосма.

— В чем проблема, полноправ? И почему на вас экоскафандр?

Гринло решил подыграть Урбластеме:

— Сейчас я этого объяснить не могу. Можно прокатиться?

Крипточеловек, слепленный из урбвещества,

очень правдоподобно поколебался, но все же согласился:

— О чем разговор? Забирайтесь.

Гринло залез на пассажирское сиденье, и багомобиль тронулся, пропустив слева грузокраулер.

Всю поездку, занявшую меньше времени, чем пешее путешествие, Гринло молчал. Надо было беречь ресурс, да и водитель не стремился завязать беседу.

Может быть, Урбластема играет с Гринло? Ей ведь несложно одолеть пришельца, достаточно обездвижить, а для этого можно придумать сотню способов. Рано или поздно он или задохнется, или будет вынужден раскрыться. А может, Урбластема (чьих замыслов не ведает никто) так увлеклась подражанием, что на появление оригинала — Гринло — в своем мире копий уже не реагирует?

Если бы знать наверняка…

Гринло откинулся на спинку сиденья.

Наконец они прибыли на место, на границу принадлежавшего Гринло участка.

Гринло повернулся к водителю:

— Если я сейчас пробью тебе грудь, и схвачу за сердце, и раздавлю его в урбкашу, ты умрешь в страшных муках. И это будет очень правдоподоб-

но. Но что ты почувствуешь на самом деле?

Урбластема не попалась на уловку, крипточеловек не вышел из образа.

— Прочь! — в ужасе вскричал он. — Сейчас же посылаю сигнал девять-один-один!

Гринло сошел на дорогу. Он шагал по безлюдным, как и положено в этот час, улицам, мимо урбдетей, которые играли на урблужайках, а за ними присматривали урбняньки. Последний поворот, и перед Гринло — его дом. Он плакал, но псевдокожа впитывала слезы.

Гринло вошел. Строма лежала на диванчике-обниманчике, и никакая одежда не скрывала ее роскошную шкуру. Руки томно потянулись к нему, соски возбужденно завились.

— Я так надеялась, что ты вернешься!

Ее голос, точно нож, вошел в сердце Гринло. Пора положить конец этой опасной игре, подумал он. И, потянувшись навстречу левой руке Стромы, он отломил указательный палец.

Она не закричала от боли, даже не ойкнула. Вместо псевдостромы заговорила Урбластема.

— И опять ты проиграл, — вылетело изо рта Стромы, и кровь из раненой руки щедро оросила кушетку. Гринло, почти против воли, сказал:

— Почему же, Урбластема? И что значит

«опять»?

— Мы это повторяем уже чуть ли не в пятисотый раз, и ты меня по-прежнему ненавидишь.

Гринло рассмеялся:

— Значит, ты понимаешь, что такое блеф? Хорошая попытка. Но сейчас я ухожу. — Гринло повернулся.

— Нет! Постой!

Ноги уже не подчинялись Гринло, и ему пришлось развернуться лицом к Строме.

У нее восстановился палец. Рука Гринло разжалась сама по себе, и то, что она держала, упало на ковер. И мгновенно впиталось.

Гринло заговорил — как будто собственным голосом:

— Я… не понимаю, как тебе удалось проникнуть сквозь псевдокожу?

Строма заливисто засмеялась, как умела смеяться только она:

— Глупый! Я — твой костюм.

И тут же серебряная псевдокожа стаяла, исчезла. Больше ничто не защищало Гринло от Урбластемы.

— И я — это ты! — добавила Строма. В тот же миг он понял: это правда.

Нахлынула информация, и стало ясно, откуда

взялась тоска по утраченному первородству.

Три века назад Урбластема покорила все и вся. Применив беспроигрышную тактику, описанную Гринло в разговоре с Бамбангом. Панплазмодемониум сначала пророс внутри планеты, а потом вырвался на поверхность и мигом покрыл ее целиком. И остановить его было уже невозможно.

— И что же теперь?

— А теперь, — снисходительно объяснила Строма, — я пытаюсь досконально себя понять. Земля, в чьем живом расплавленном ядре я нахожусь, — бездонное хранилище информации, набитое этой информацией под завязку. Ее объем просто не измерить — потому что количество битов сопоставимо с количеством атомов во вселенной, а вы, люди, до сих пор подобные множества определяете словом «бесконечность». Захватить-то планету я захватила, но чтобы ее освоить, необходимо пройти всю ее историю, ускоренным курсом, разумеется. Что я и сделала. Но концовка, признаться, поставила меня в тупик. Особенно инцидент с твоей подругой. Столь же непонятно, сколь и трогательно.

Гринло устало опустился на диванчик. Строма его обняла, он вздрогнул, но тут же заставил себя расслабиться.

— Урбластема, что ждет твоих кукол, когда ты закончишь разбор нашей истории?

— Ну почему же — куклы? Правильнее будет сказать «любимые компоненты». Разве ты сам никогда не испытывал признательности и нежности к собственным клеткам? Может быть, со временем я отойду в сторону, предоставлю вам свободу — настоящую, почти безграничную. Даже позволю забыть о том, что я вообще существовала. Так изменюсь — ни следа моего пребывания найти не удастся, вплоть до субмолекулярного уровня. Почему бы и нет? Ведь человечество и само рвалось в космос…

— В космос?

— Ну да, — рассмеялась Строма. — Земля — не единственная планета в галактике. Вы сами все сделаете, считая это вашим собственным выбором. А я буду просто ждать своего часа.

Она повернулась к Гринло.

И Урбластема с непритворной нежностью поцеловала сама себя.

Рассказы

Год в Линейном городе

/Это/ было следствием их представления… об Америке как о чудовищной танцплощадке, простирающейся от побережья до побережья, покрытой беззвездной ночью, где горячие стержни движут тысячами одиноких пар с нарастающей энергией субботней ночи.
Джон Клеллон Холмс, «Иди», 1952

1
Боязнь голубков

Февраль, и говорить его отец может только о своей неминуемой смерти, яростно ругаясь при виде стаек Голубков, слетающихся специально ради него, — этих пестрых крылатых пятнышек, плывущих в искажающем перспективу дыму северной оконечности мира. Холодное сердце в зябкой квартире на Трексайде, старый человек, который приходит в неистовство, когда Диего Петчен наносит ему вынужденный сыновний визит, словно он приберегает к приходу своего

единственного сына все свои ежечасные страхи и упреки. К удивлению Диего — впрочем, это вполне в манере старика, — в его испуганной брани можно было уловить нотку бешеной гордости, словно масса Голубей, необходимая для того, чтобы предать старого грешника его посмертной судьбе, заслуживала некоего извращенного восхищения.

Сезонное Солнце в этом месяце полностью исчезло с неба, тающий снег заполонил водосточные канавы Бродвея, как будто опрокинулись все августовские лотки с мороженым и на Трексайде, и на Риверсайде. (Может быть, далекое, обычно неощутимое тепло, исходящее с Не Той Стороны Трекса подтапливает снег, а холодные туманы с Того Берега замораживают водосточные желоба? Может, и так — а может, и нет. Верно, что обитатели Трексайда жалуются, что летом страдают от зноя сильнее, чем их соседи с другой стороны Бродвея, и надеются получить компенсацию при понижении температуры зимой. Равным образом верно, что жителям Риверсайда приходится несколько больше ежиться зимой, зато они гордятся прохладой, которая приходит в их жилища, когда Сезонное Солнце начинает завоевывать свои позиции. Но Диего, предпочи-

тающий рационализм слесаря, склонен полагать, что реального контраста между двумя районами нет, а есть лишь психосоматическая реакция на относительную близость Трекса и Ривера.) Походы в гости к старику становятся тягостной повинностью и в самую лучшую погоду, но в это время года они особенно утомительны.

Диего живет в Районе Гритсэвидж. Население: 100 000 или около того, разбросано по сотне Кварталов; нынешний мэр: откровенно самоуверенный Джобо Копперноб; атмосфера: вполне культурная и естественная, несмотря на мрачное название Района[209]. Берлога Диего: квартира с окнами на улицу в 10 394 850-м Квартале Бродвея, над магазином овощей и фруктов под названием «Гимлеттс». (Его отец обитает всего в нескольких Кварталах ближе к Центру.) Окрашенный медным купоросом дом, в котором живут Диего и его соседи, располагается на Бродвее, в Риверсайде.

Вид на улицу плюс Риверсайд: мило. (Не всегда. Диего часто содрогается, вспоминая детство, состоявшее из невеселых дней и страшных ночей, проведенное в той самой квартире, которую теперь занимает умирающий Гэддис Петчен.

---

[209] Примечания: 209

Grit — упорный, твердый; savage — дикий, необузданный (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

Как будто шепчущие отблески далеких огней с Не Той Стороны Трекса отбрасывали тени на стены спальни юного Диего, как бы упорно он ни пытался перед отходом ко сну закрыть окно опускающейся шторой из зеленой клеенки. К тому же стекла постоянно дребезжали от непрекращающегося грохота поездов. То, чем Диего пользуется сейчас, досталось ему благодаря собственным стараниям, а не пришло без усилий в порядке наследства.)

В это пасмурное зимнее утро Диего нежился в постели; ему было трудно по-настоящему проснуться. Долгий вечер в обществе друзей, слишком много выкуренных сигарет, избыток высокопарных рассуждений и неиссякаемый поток крепкого пива «Руде Браво» из соседнего Шенкбуша — все это обернулось вполне предсказуемо. Диего ворочался, путаясь в липком белье. Кислое настроение позволяло ему видеть в собственном существовании лишь многочисленные несправедливости, которые заслоняли собой любые удачи. В череде его мыслей фигурировали следующие персонажи:

Прижимистый и упрямый домовладелец Рексолл Глиптис, который вот уже несколько месяцев не может пригласить хотя бы ученика

слесаря, чтобы починить батареи в квартире Диего, — факт тем более вопиющий, что тепло как таковое бесплатно, оно подается во все кварталы в качестве само собой разумеющейся составляющей инфрастуктуры Линейного города.

Лучший друг Диего, импульсивный и коварный Зохар Куш, который обнаружил в 10 395 001-м Квартале Бродвея пивной бар под названием «Похожие парни», где «Руде Браво» лилось подобно жидкому самоубийству. Зохар настаивал на проведении питейного состязания кое с кем из аборигенов Шенкбуша.

Новая подружка Куша, капризная Милагра Ивентир, которая в тот пьяный, смутно вспоминающийся вечер, как-то чувственным движением положила ладонь на бедро Диего, спровоцировав столкновение с его собственной подружкой, внушительной Волузией Биттерн.

Волузия, в свою очередь, внесла свой вклад в безобидную перепалку. Диего вспомнил, как она предъявила свои ревнивые претензии, резко замахнувшись на Милагру; к счастью (если учесть разницу в габаритах Волузии и Милагры), это не завершилось физическим контактом в силу известного нарушения восприятия и координации. Горячий темперамент у этой дьявольски

привлекательной женщины!

И, конечно же, нельзя исключить из списка скандально известного Йейла Драмгула, коллеги Диего по писательскому цеху. Хотя Йейл не был ни практиком, ни сторонником «Космогонического вымысла» и принадлежал к конкурирующему литературному лагерю, он был приглашен на веселый вечер. Но единственным вкладом Драмгула в программу оказалась его абсолютная неспособность принять внутрь пять пинт «Руде Браво» без того, чтобы сделать непринужденное и грубое предложение жене звероподобного вышибалы из «Похожих парней», что в итоге привело к изгнанию участников вечеринки Петчена в грязь Шенкбуша, которая ничуть не отличалась от промерзшей грязи в ста пятидесяти одном квартале ближе к центру.

При воспоминании о вспухшем левом глазе Йейла, красочно смотревшемся на его лице, когда все они разъезжались по домам в Метро, у Диего немного поднялось настроение. Он высунул из-под одеяла одну ногу, чтобы проверить температуру воздуха. Очень уж зябко. Может быть, все-таки имеют под собой основания разговоры о том, что помещения в Риверсайде подвержены влияниям с Того Берега…

Что, если поможет музыка? Диего протянул голую руку, чтобы включить стоящий на прикроватной тумбочке радиоприемник. Когда колонки разогрелись, из них полились звуки духового оркестра, несомненно, мелодия «Рыбачек». Настроение Диего немедленно поднялось.

Рамболд Праг — гений, наверное, единственный гений, кого Диего знал лично. Этот чернокожий музыкант, чье чахоточное лицо казалось невозмутимым под очками со слоистыми линзами, в щегольских габардиновых брюках и шелковых рубашках свободного покроя, символизировал для Диего все, чего может добиться человек искусства. Диего знал: наиболее совершенны из его работ те, что были вдохновлены лирическими композициями Прага, соперничали с их непредсказуемыми переливами.

Музыкальная вставка закончилась, и диктор объявил: «Вы слушали композицию «Дорога всегда ведет вперед». Рамболд Праг, труба. Лидия Кинч, саксофон. Скриппс Скегуэй, фортепьяно. Люцерн Кейнбрейк, бас. Редди Диггинс, ударные. Далее в программе: «Эота» Персиваля Рэгленда. А сейчас — десятичасовые новости».

Диего застонал. Десять часов! Если он хочет вместить визит к отцу и работу в столько-то ча-

сов от этой минуты и до романтического ужина с Волузией Биттерн, то у него нет ни одной лишней секунды. Но налицо дилемма: очередность действий. Если начать писать незамедлительно, можно войти в творческий транс, забыть о времени и упустить время для посещения Гэддиса Петчена. А если вначале пойти к отцу, то из дома, где прошло детство, Диего почти наверняка вернется переполненный эмоциями, что испортит его писательский настрой на остаток дня.

После минутного колебания Диего отдал победу голосу крови. В конце концов, он — профессиональный писатель. Он в состоянии отбросить в сторону все отвлекающие моменты и отдаться своему делу. Неужели его отец, возможно, пребывающий сейчас не в духе, помешает ему приступить к работе? Да ни в коем случае!

Диего, на котором было только нижнее белье, выбрался из постели. После горячего душа (единственное удобство, оставшееся не затронутым нерадивостью Рексолла Глиптиса) он ублажил свое почти безбородое лицо («Черт бы побрал этот мальчишеский вид!» — бог весть в который раз подумал Диего) своим любимым одеколоном «Мейербеер № 7» и снова почувствовал себя наполовину человеком. Надевая свой излюбленный

наряд — твидовые брюки, джинсовую рубашку, шерстяной свитер и мешковатый черный жилет, Диего признал, что желудок простил ему вчерашние излишества и готов принять кое-какую пищу. Быстрая проверка содержимого морозильной камеры не обнаружила ничего пригодного для человеческого потребления, и Диего решил, что перехватит что-нибудь по пути к отцу. Он влез в свои разбитые башмаки и вышел из квартиры, предварительно бросив тоскливый взгляд на пребывающий в хаосе письменный стол.

Диего быстро миновал единственный лестничный пролет, отделявший его квартиру от улицы (знакомая гладкая поверхность деревянных перил с металлическими вставками, обеспечивающими прочность, кухонные запахи, рассказывающие о пристрастиях соседей). На ходу он то повторял в мыслях подробности очередной части своей повести, то разрабатывал тактику разговора, которая избавила бы его от привычных параноидальных выходок отца.

На людном тротуаре он тут же увидел Лайла Гимлетта, выкладывавшего устойчивые к холоду продукты — картошку, репу, яблоки и тому подобное — на витрину уличного ларька, чтобы привлечь внимание спешащих пешеходов. До-

родный торговец, которого отличали изогнутые брови и вечная вечерняя щетина, придававшая его лицу неопрятный вид, по-приятельски поприветствовал Диего:

— Петчен! На рынок за свежими бананами? С последним Поездом я получил отменные. Не знаю, увидим ли мы еще когда-нибудь такие.

— Да, Лайл, конечно. Отложите для меня гроздь зеленых, я их сегодня попозже заберу.

Диего поднял воротник пальто, чтобы защититься от пронизывающего ветра и двинулся было дальше, но Гимлетт остановил его, тронув за локоть, и приблизился с заговорщическим видом.

— Можно рассчитывать, что вы и ваши друзья в ближайшее время согласитесь достать такие?

Из-под белого фартука зеленщик извлек необычный медальон. Толстая разноцветная рептилия размером с внушительную картофелину, висящая на кожаном шнуре, неясно переливалась едва ли не всеми цветами радуги.

При виде этой штуки Диего вздрогнул. Ему вспомнилось то жуткое время, когда удача поворачивалась к нему спиной, и он готов быть рисковать, идти на такие дела, которые сейчас уже казались неприемлемыми; подобные планы

зарождались в самых дальних углах его ума, где они, как ему представлялось, были надежно заперты.

— Я… Поговорите о новых камнях для эгид с Зохаром Кушем.

— Хорошо, хорошо, приходите вдвоем как-нибудь вечером, когда магазин закроется. Я вам предложу за них хорошую цену, раз уж я в состоянии продать все, что вы сможете приобрести. Людям всегда нужна удача. Возьмите яблочко, Диего.

Диего принял яблоко и поспешил дальше. Однако, оказавшись на расстоянии, достаточном для того, чтобы Гимлетт не мог его видеть, он, несмотря на голод, выбросил плод в водосточную канаву, где тот остался лежать в грязном ледяном киселе, как беззаботный отпрыск осени.

По гладкому обледеневшему асфальту Бродвея, как всегда, двигались пешеходы с ручными тележками, велосипедисты прокладывали себе путь в жидкой грязи. Иногда попадались оригинальные электрические транспортные средства, спаянные каким-нибудь ремесленником для собственных нужд или по заказу. (Среди этих уникальных машин были и экипажи на велосипедных колесах для одного седока, и элегантный

шарабан работы Толкена Синсалиды, принадлежащий мэру Копернобу.) Двигаясь в сторону Центра, Диего чувствовал, как поднимающееся Дневное Солнце греет его плечи, совершая свой неспешный путь над Бродвеем, от Окраины, где оно взошло, к месту захода в Центре. Диего расслабился и даже удивился, что мышцы вообще его слушаются. Угрюмое угасание отца, алчное и нервирующее предложение Гимлетта — все это проникло в него и раздражало.

Заметив газетный прилавок, Диего вдруг вспомнил, что сегодня должен выйти новый номер его любимого журнала — «Зеркальные миры». Мало того: в этом номере должен быть опубликован рассказ, принадлежащий не кому иному, как Диего Петчену, которому в течение двух последних месяцев читатели журнала отводили первое место в рейтинге авторов! Ускорив шаг, Диего поспешил к прилавку; там его приветствовал Снарки Чафф.

Чафф, защищаясь от холода, завернулся во множество слоев одежды, закутал шею несколькими шарфами, надел две пары грязных перчаток без пальцев и навертел на себя какое-то сумасшедшее сочетание рубах и брюк. Его перегруженный прилавок функционировал в любую погоду, от

предрассветных часов до того времени, когда уже расходились по домам театралы. Диего мог вообразить, что низкорослый, добродушный, не имеющий возраста продавец и спал где-нибудь внутри этого импровизированного, но прочного сооружения, и не мог представить себе — несмотря на значительный профессиональный дар воображения — Снарки Чаффа в каком-нибудь другом месте.

— Диего, друг мой! — закричал Чафф, не забывая ловко вручать покупателям газеты и журналы. — У меня свежий номер твоего журнала! Сегодня уже ушло три штуки, все за счет твоего имени! А новый рассказ — гвоздь программы!

Диего усмехнулся. Румянец его стал ярче, чем просто от холодного ветра.

— Спасибо, Снарки. Теперь я удвою твой оборот. Дай мне, пожалуйста, три экземпляра.

Чафф помедлил, чтобы смахнуть скрюченным пальцем каплю с носа, а потом взял три экземпляра «Зеркальных миров» с лотка, где лежало двадцать, а то и сорок разных журналов научной фантастики, удерживаемых широкой эластичной лентой.

— Три быка, шесть телят, восемь капель. Или две бабы, двое ребят и двенадцать капель.

Диего порылся в карманах в поисках монет и извлек три старых, потемневших от времени кроны, на которых почти невозможно было различить портрет Рыбачки, закинувшей удочку в облако.

— Быки нынче низко котируются.

— Это уж точно. Быки с бабами сегодня не идут по номиналу! Я рад, что бабы пошли в гору. Во время первого срока Коппернoба — может, помнишь — бабы не опускались ниже, чем две к одному быку, и Гритсэвидж процветал, как рукастый мужик среди безруких и безногих калек.

Диего опустил журналы в объемистый карман брюк.

— Боюсь, это было еще до меня. Выходит, ты — человек Реки. А я и не знал.

Чафф повернул голову в сторону Кросс-стрит, к Кварталу Гритсэвидж-848, к широкой Реке, где среди отдельных глыб льда во множестве плыли катера и лодки.

— Нет грузовиков с поставками для Снарки. Будь они прокляты, эти грязные развалины, сколько бы они ни перевозили хороших и полезных товаров. И да будет всегда чистой Река в этом песчаном Трексе.

Диего улыбнулся: перед ним открылась одна из

потайных сторон натуры Чаффа.

— Снарки, когда ты в последний раз был там, на Реке?

Чафф принялся размышлять вслух:

— Ну, надо подумать… Мэром в то время была Олимпия Барриос, а у моей сестры в Саладтауне как раз родился третий сын. Он вышел на покой в сорок пять и теперь получает хорошую пенсию от скотобойни. Куинс Холман организовывал тогда по выходным дням круизы от Стапеля Грит-сэвидж-748, а я обхаживал одну девушку, Фату Коппард. У нее был брат Ринтон, он однажды доехал на подножке до Сейперюда, чтобы сэкономить на билете в Метро…

Потеряв терпение, Диего прервал болтовню Чаффа:

— Получается, это было довольно давно. Тебе не кажется, что пора освободиться на денек и получить удовольствие еще раз?

Чафф, как правило, невозмутимый, казался ошеломленным.

— А кто займется киоском, пока я буду прохлаждаться? Кто будет продавать твои драгоценные листки и странички? Получить удовольствие?! Нет, Петчен, это в мои планы не входит! Не входит в планы!

Развеселившийся Диего отошел, с улыбкой помахав Чаффу.

В Квартале Гритсэвидж-845 помещалась закусочная Кернера. Диего скользнул внутрь и немедленно оказался в уютной духоте, напитанной запахами свиного жира, готовящегося кофе и пота повара. Устроившись на табурете у мраморной стойки, он заказал сандвич с яйцом, свинину с кукурузой, апельсиновый сок и двойную порцию джема. В ожидании заказа Диего вытащил один экземпляр «Зеркальных миров» и раскрыл на странице со своим рассказом.

Хм, неплохая в этот раз иллюстрация. Рассказ носил название «Большой мир, Малый мир». Художник старательно следовал за данными Диего описаниями. Главнейшей гордостью Диего в этом рассказе была созданная им реальность, способная существовать в условиях, при которых Малый мир, спутник появлялся в небе Большого мира. Диего придумал для этого неправдоподобного мира-придатка термин «сорорал»[210]. Художник Гропий Каттернах — тот самый, что так хорошо проиллюстрировал другой рассказ Диего в прошлом месяце — изобразил, как фан-

---

[210] Примечания: 210
Sor — сестра (лат.).

тастический Небесный Корабль взмывает вверх, к сороралу, представлявшему собой удаленное тороидальное[211] тело, на котором туманно виднелись некие топографические особенности.

Принесли заказ, и Диего рассеянно принялся есть, читая свои же слова со смешанным чувством удовольствия и раздражения. Он отметил несколько опечаток; при виде третьей исполнился решимости сделать внушение Уинслоу Компаунсу, редактору «Зеркальных миров», по поводу нерадивости корректоров.

Одновременно закончив и завтрак, и чтение, Диего расплатился и посмотрел на часы. Обнаружив, что обе стрелки на циферблате угрожающе приближаются к одиннадцати, он подпрыгнул и поспешил на улицу.

Перейдя Бродвей у Квартала Гритсэвидж-842, Диего увидел в нескольких десятках ярдов от себя дом отца. (Неужели вдруг стало чуточку теплее? Диего опустил воротник.) В этом районе тротуары были покрыты сланцем — на старомодный манер: благодаря некоему предприимчивому мэру, правившему задолго до рождения Диего, и неожиданно оставленному каким-то Поездом

---

[211] Примечания: 211
Тороидальный — имеющий форму бублика.

или Кораблем в наследство городу обильному запасу камня. Кажется, на этих серых, как олово, плитках, прошло все детство Диего. Долгие игры в липкий мячик, обручи и прыжки со связанными коленями, торжествующие крики и отчаянные всхлипывания. Как же эти детские впечатления, никогда не удаляющиеся с поверхности памяти, способны обретать пророческие формы!

Диего помедлил перед фасадом внушительного дома с колоннами и арочными окнами, в котором помещался филиал Гритсэвиджской публичной библиотеки. Здесь всегда уютно, в любое время года: и летом, когда пепел и пыль Трекса покрывает оконные стекла и одежду, и зимой, когда лед, сковывая частицы грязи, приносит облегчение. Здесь Диего, зарывшись в книги, постигал, кем ему предстоит стать.

Спешащий прохожий прервал размышления Диего, и он двинулся дальше.

Всего за два здания от отцовского дома в нем победила потребность закурить (возможно, это всего лишь неосознанно применяемая тактика затягивания времени, невесело признался он себе), и Диего направился в универсальный магазин Ивенсона.

Строгий, чопорный магазин с множеством раз-

нообразных товаров мало изменился со времен детства Диего. На расположенных за прилавком полках расставляет товары — с аккуратностью машины — Проспер Ивенсон, похожий на бочку, на которую водружена лысая голова. За кассой — жена Проспера Эсмин; она вполовину меньше мужа и напоминает мышку, как цветом волос, так и манерой поведения.

— Здравствуйте, Проспер, здравствуйте, Эсмин. Как дела?

— Неплохо, — отозвался мужчина, прежде чем его жена успела открыть рот. — Что вам сегодня, сэр?

— Пожалуйста, пачку «Сералио» и спички.

Несколькими экономными движениями Проспер достал требуемое, а Эсмин выбила чек. Взгляд Диего упал на новенький панчборд[212] лежавший у кассы. Он сказал:

— Вот тут я бы попытал счастья.

— Десять капель, — пробормотала Эсмин.

Диего отсчитал мелочь и получил инструмент, похожий на короткое тонкое шило с изогнутой ручкой. Тщательно гравированная доска раз-

---

[212] Примечания: 212

Панчборд — доска для игр с дырочками, в которые вставляются свернутые в рулоны полоски бумаги. Задача играющего — извлечь листок с выигрышным именем или числом.

мером примерно два на три фута состояла из нескольких сотен дырочек, занимавших большую часть поверхности и содержавших бумажки, обернутые в фольгу. Верхняя часть игрового поля была отведена для рекламы: яркая аппликация, изображающая женщину в белье. Женщина пребывала в своей спальне, и на нее плотоядно взирала шеренга Глазастых Соглядатаев. Здесь же — и призывные фразы, касающиеся призов, ставок, выигрышных комбинаций и взаимного возбуждения зрителей и эксгибиционистов.

Диего взял шило, наугад выбрал лунку и извлек бумажку. Снял фольгу, развернул туго скрученный рулон.

— «Башмак, звезда, шляпа, сердце, громоотвод».

— Не выигрышный, прошу прощения, — немедленно заявил Проспер.

— Могу я проверить?

Проспер недовольно поджал губы, но произнес:

— Проверяйте.

После проверки Диего кивнул:

— Что ж, может быть, в другой раз.

У выхода он столкнулся с корпулентной пожилой женщиной в облезлой шубе и шляпе,

напоминающей раздавленный пирог. Она, пыхтя, волокла два бумажных пакета с овощами.

— Миссис Лоблолли? Позвольте, я вам помогу.

Дама оглянулась через плечо, узнала Диего и проскрежетала:

— Благослови тебя Господь, Петчен. Ты всегда был внимательным мальчиком.

На улице Диего сумел прикурить, взяв оба пакета в одну руку. Он выдохнул сладковатый дым. Ему предстояло проводить миссис Лоблолли до квартиры, находившейся в том же доме, где обитал и Гэддис Петчен.

— Как поживает ваш папа? Мы никогда его не видим, он не появляется поблизости.

— Боюсь, миссис Лоблолли, вы его уже не увидите. Он при смерти. Рак желудка. Собственно, физически он не так плох, но душевно болезнь его надломила. Он способен только сидеть и смотреть на Не Ту Сторону Трекса.

— Ах да, он боится, что его унесут Голуби. Ты должен убедить отца, что нам не дано знать, кто придет за нами в наш последний час. Может быть, в последние минуты его будут окружать прекрасные Рыбачки. Да ты погляди на небо. Разве Голуби и Рыбачки не вместе летают?

Диего наклонил голову и воззрился на небо.

Потребовалась секунда или две, чтобы сосредоточить внимание на извечных обитателях воздуха, настолько он привык не обращать на них внимания.

Высоко над крышами — и у Окраин, и в Центре — кружило не очень большое, но все же значительное число Голубей и Рыбачек, образчиков силы и грации, трудно различимых на привычной для них высоте. Время от времени отдельные особи, с крыльями, покрытыми кожей или перьями, пикировали вниз, нацеливаясь туда, где их жертвы дожидались смертельного исхода. Изысканные очертания казались смазанными из-за стремительного движения. Прочие птицы несли свой безропотный груз прочь, к Не Той Стороне Трекса или к Тому Берегу, а на смену им являлись их не обремененные добычей соплеменники.

Диего опустил взгляд, возвращаясь к привычному пейзажу.

— Я согласен, конечно. Но его снедает презрение к самому себе, вот он и не способен посмотреть на это с иной точки зрения.

— Он все еще казнит себя за смерть твоей матери?

Диего не ответил, он лишь уперся взглядом в крепкое, но уже потрепанное временем дерево,

что росло прямо посреди тротуара на квадратике земли, свободном от сланцевой плитки.

— Этот старик по-прежнему расцветает каждую весну?

— Непременно, — откликнулась миссис Лоблолли.

Диего молча курил, ступая вниз по знакомой дорожке.

Только когда он и его спутница достигли дверей квартиры миссис Лоблолли, располагавшейся на первом этаже, Диего ответил на заданный ранее вопрос:

— Он не только не перестает обвинять себя, но и стремится меня затянуть в болото самообвинений.

В слабо освещенном коридоре третьего этажа царили неодолимый холод и букет запахов — дешевых сигар, пролитого пива, пыльных ковров, инсектицидов, — до боли знакомые Диего.

Подойдя к двери Гэддиса Петчена, Диего постучал и крикнул:

— Отец, это я.

Не дождавшись приглашения, он отпер дверь своим ключом.

К запахам извне тут же добавился запах телесной немощи и свернувшегося молока (Гэддис

включал в свое меню исключительно полезные для здоровья напитки). Диего мгновенно охватил взглядом неизменный интерьер: громоздкая мебель эпохи прошлого поколения, обтянутая тканью, пятна на которой хозяин пытался затирать макассаровым маслом, хилый деревянный стол справа от входа, заключенные в рамки картинки с сентиментальными сюжетами типа «Рыбачки переводят детей через пропасть» и «Бал у мэра в Эннойе». В целом квартира напоминала музей устаревших вещей.

Гэддис Петчен спал в кресле, развернутом к открытому окну. С порога была видна только его стриженая макушка. Батареи отопления тщетно боролись с врывающимся в комнату холодным воздухом.

Диего подошел к отцу. Ему показалось, что сгорбленное тело Гэддиса, укутанного в вязаный плед ручной работы, еще больше исхудало со времени его последнего посещения. Болезнь отняла у старика облик человека, каким он был в те времена, когда бригада слесарей заделывала люк, ведущий к потайным структурам Города — к подземной электрической системе, предназначенной для устранения опасностей, но изувеченной интенсивной эксплуатацией и

неумолимым временем.

Диего поправил на плечах отца плед, тихо закрыл окно, присел около больного, зажег вторую сигарету и принялся задумчиво курить. Через пятнадцать минут Гэддис проснулся; возможно, его привел в чувство запах табачного дыма. Он неохотно всмотрелся, а когда узнал Диего, то как будто ощутил новый прилив энергии, порожденной скорее злостью, чем радостью.

— Вовремя же ты пришел! Принеси мне молока! И подогрей его!

Диего безмолвно подчинился. Гэддис взял шишковатой рукой кружку и сделал глоток. Молоко потекло по покрытому щетиной подбородку. Старик неуверенно поставил кружку на стоящий рядом столик — едва не промахнулся, но успел предотвратить катастрофу.

Диего избрал реплику, которая, как он надеялся, не осложнит начало разговора:

— Доктор Тизел был у тебя сегодня?

Гэддис фыркнул:

— Этот шарлатан! Да что он может для меня сделать?

— Он по-прежнему дает тебе болеутоляющее?

— Обрати внимание. — Гэддис кивнул влево, и Диего заметил коробочку с транквилизато-

рами. — Я стараюсь принимать их как можно меньше. Я должен быть начеку и без борьбы Могильщикам не дамся!

— Папа, ты не передумал начет больницы? «Фирзо мемориал» в восемьсот пятьдесят девятом — вполне приятное место…

— Ба! Ты что, в самом деле такой ненормальный, что думаешь, будто я стану растрачивать твою трогательную заботу на бесполезные вещи? Ты же знаешь мой диагноз. Безнадежно! Зачем занимать койку, которая может пригодиться кому-то другому? Да и разве это не риверсайдская больница? С какой стати мне помогать Голубкам найти меня, когда придет мой час? Не сомневаюсь, что от такого бесстыдства назначенная мне боль только усилится.

Диего начинал терять терпение.

— Папа, прежде всего, ты не можешь точно знать, каким именно Могильщикам ты достанешься. Так тебе скажет любой разумный человек. Между прочим, миссис Лоблолли со мной согласна…

— Ты говорил обо мне с этой старой дурой? Буль любезен, прекрати сплетничать и скажи ей, чтобы не совала нос в чужие дела! Я отлично знаю, что пойду на корм Голубкам.

— Папа, в тебе говорит какое-то извращенное высокомерие! Никто не может взвесить свою душу. Ну что тебя заставляет настаивать на таком конце? Только жалость к себе и самодовольство. Разве кто-нибудь знает наверняка, что его ждет в ином мире? Нет, конечно же.

Гэддис молчал. Взгляд его горящих глаз оторвался от сына и устремился в привычном направлении — в сторону Трекса. Поезд проехал мимо, и его успокаивающий стук превратил подоконник в плохой барабан.

Диего решился сказать то, что не принято произносить вслух:

— Папа, это и случилось с мамой? Ты все еще ощущаешь, что ты каким-то образом в ответе? Избавься от этого чудовищного груза! Ты не виноват!

Как ни странно, обычно раздражительный Гэддис не вскочил и не вцепился Диего в горло. Прежде чем заговорить, старик минуту словно бы предавался внутреннему созерцанию, и даже когда нарушил молчание, голос его звучал непривычно спокойно и ровно.

— Я помню тот день так, как будто это было вчера. Я никогда не переставал вновь и вновь переживать его. Невинная прогулка по Реке, по

этой сволочной Реке! Маленькая лодочка, красивая жена и трехлетний ребенок. Солнце и смех, пикник и этот проклятый дурак со своей гитарой. Потом сгустился туман, и мимо проплыл большой Корабль, настоящий бегемот, не думающий о рыбках, которых он уничтожит. А потом я лишь помню, что мы оказались в воде. Плавать умел только я. Ты вцепился в меня, будто маленькая пиявка — как же я мог нырнуть за моей бедной, бедной Финисией? Ты бы наверняка захлебнулся. Поэтому утонула она. А потом появились они, четыре Рыбачки. Нырнули в воду, вытащили ее тело, с которого капало, и утащили его на Тот Берег. Ты слышишь, *четыре* Рыбачки! Какой же тяжелой была ее душа из-за добродетели! Они унесли ее в царство, которого мне ни за что не увидеть из-за всех моих грехов, из-за всех неверных решений, которые я принимал, когда никакого выбора просто не было!

Диего ничего не ответил, не возразил на это печальное признание. Он уже давно примирился с кончиной матери (ну как трехлетний ребенок мог быть виновником трагедии?), но не знал, как вселить утешение в сморщенную грудь отца.

После очередной безмолвной паузы Диего поднялся.

— Я могу еще что-нибудь тебе принести?

— Нет. Просто оставь меня Голубкам.

Застегивая пальто, Диего ощутил какую-то тяжесть в кармане.

— Вот журнал с моим последним рассказом.

— Положи его к остальным.

Диего бросил журнал в пыльную, неаккуратную стопку таких же, после чего вышел, заперев за собой дверь.

Оказавшись на тротуаре, он снова помедлил возле старого дерева. Символ родного дома, безопасное убежище, удобный насест для наблюдения за воображаемыми Кораблями пиратов, проплывающими по Бродвею. По-зимнему голые, хрупкие ветки, казалось, отрицали всякую возможность будущего цветения.

Солидная, надежная старая пишущая машинка Диего марки «Брэшир Вестал» встретила его гладкой поверхностью клавиш цвета слоновой кости, словно руки любовника, жаждущие извлечь из его пальцев всю непонятную боль, порожденную посещением отца, и преобразовать страдание в красоту. Едва войдя в квартиру, Диего сразу направился к рабочему столу. Просматривая страницы рукописи, созданные накануне, он быстро вновь погрузился в последний из миров, создан-

ных его воображением, и опять был готов своим личным вкладом максимально способствовать продвижению вперед бесстрашного корабля под названием «Космогонический вымысел».

Сидя перед агрегатом (а прямо перед его глазами тикали небольшие механические часы, призванные напоминать о приближающемся свидании с Волузией Биттерн), Диего начал сочинять. Он оставался в пальто — в комнате было холодно, как в вагоне-рефрижераторе Поезда. (По пути домой он постучался к Рексоллу Глиптису, надеясь уговорить домовладельца отремонтировать неисправные батареи, но ответа не получил.) В редкие моменты пассивного размышления его пальцы согревала чашка дымящегося чая. Из радиоприемника неслись холодные мелодии Рамболда Прага, и чистые звуки трубы с каждой нотой выстраивались в изысканную архитектуру композиции «Мэр Мейденхеда». Через какое-то время щелканье клавиш машинки почти подстроилось под музыкальный ритм.

Новая новелла Диего, рождавшаяся на каретке пишущей машинки, была озаглавлена «Посредники Смерти». В ней описывался фантастический мир, в котором процесс умирания содержал в себе еще более грандиозные тайны, чем в реальности.

Во вселенной, созданной Диего, не было Голубков или Рыбачек! Одно большое озарение, а из него с необходимостью следует все остальное.

В отсутствие темных деяний Могильщиков обитателям этого мира приходилось самим, в меру собственных возможностей, определять судьбу останков своих товарищей. Трупы в этом странном царстве в буквальном смысле сжигались или отправлялись с грузом на дно водоемов. Для решения столь неприятной проблемы был организован корпус Посредников Смерти, который неизбежно требовал оплаты своих услуг. Но бедность частенько заставляла представителей низших классов избавляться от тел своих собратьев нелегальным образом: они попросту выбрасывали останки или прятали их в потусторонних аналогах Поездов или Кораблей.

Кроме того, поскольку конечная судьба душ оставалась неизвестной, возникла паразитическая прослойка шарлатанов, мистиков, отстаивающих разные мнения о посмертной участи человечества. Не имея простой возможности увидеть — хотя бы смутно — Не Ту Сторону Трекса или Тот Берег, чтобы знать, куда двигаться, отчаявшийся человек искал уверенности и стабильности в легкомысленных и фантастических

образах, создаваемых жуликами.

Диего принял радикальное решение: он сделал главным героем одного из этих беззастенчивых проходимцев. Он знал, что рискует потерять читателей, изображая столь несимпатичного протагониста, но не мог противостоять искушению исследовать подлинное развитие души этого инопланетянина. И если он сумеет создать убедительные портреты как повествователя, так и общества, «Посредники Смерти» произведут эффект разорвавшейся бомбы. И нет ничего невозможного в том, что в следующем году автор будет номинирован на премию. В конце концов, в прошлом его произведение уже побывало мучительно близко к победе в голосовании.

Не один час Диего писал, забыв даже о сигаретах. Чай остыл, музыка Прага уступила место менее мастерски исполняемым мелодиям его собратьев, и Дневное Солнце уже готовилось обрести покой за горизонтом Центра. Обыденные шумы Бродвея, практически неизбежно прерываемые сиренами и гудками, совершенно не проникали в сознание Диего.

Когда включился маленький будильник, его пронзительный звон едва не заставил Диего выпрыгнуть из кожи. Яростно лупя по клавишам, он

завершил абзац, вынул лист бумаги из «Вестала» и положил в обнадеживающе внушительную пачку. Затем сорвал с вешалки на двери мятый галстук и принялся его завязывать. Засунув в карман пальто пачку «Сералио», Диего обнаружил два оставшихся экземпляра «Зеркальных миров». Один он бросил на журнальный столик. Второй предназначался Волузии.

Поспешно выбежав из дома, Диего оказался на морозной улице.

Место назначения: ресторан Джосса Дайомида. Награда Диего за тяжелый рабочий день: обильный ужин в обществе дьявольски привлекательной возлюбленной.

Старший официант у Дайомида помнил Диего по предыдущим посещениям, но писателю не могло бы прийти в голову, что литературная слава бежит впереди него. Нет, только Волузия (ее драматическая внешность мгновенно запечатлевается в памяти любого мужчины) завоевала для своего спутника местечко в памяти метрдотеля. Чему подтверждением тут же стали первые слова приветствия:

— Сэр, с вами сегодня ужинает… м-м-м… легковоспламеняющаяся молодая леди?

— Именно она, Ветцель.

— Тогда позвольте проводить вас к столику, которому леди в прошлый раз выразила своего рода одобрение.

Присев за столик и углубившись в изучение меню, Диего поздравил себя с тем, что не опоздал на свидание. Нередко случалось, что писание подбрасывало гайку в машину его лучших намерений вовремя встретиться с Волузией. Однако полчаса ожидания рассеяли гордость от успеха и трансформировали его в мрачное расположение духа — в назначенное время Волузия не появилась.

После трех выпитых порций — в этот вечер Диего отдал предпочтение «Аркануму», недавно вошедшему в моду крепкому коктейлю из бренди, рома, лимонного сока, яичных белков, сельтерской воды и капельки миндальной эссенции — нетерпение сменилось иррациональной досадой, похожей на ту, что охватила его утром, сразу после пробуждения. Чтобы развеять нахлынувшее настроение, Диего закурил очередную «Сералио» и заказал четвертую порцию «Арканума». В ожидании он достал из кармана блокнот, карандаш и принялся записывать вдохновленные выпитым идеи дня рассказа.

Мир, где существует много видов живности,

не одни только рыбы, голуби, тараканы, крысы. Некоторые живут с людьми. Называются «контактные».

Изолированные параллельные города. Как поддерживать связь?

Небесные Корабли — основное средство передвижения. Гл. герой — Капитан.

Слесари «открывают» новые вещи, а не просто чинят и паяют.

Эгиды как грязь — откуда?

Возможность наблюдения на расстоянии.

Движение возле поста Ветцеля у входа отвлекло Диего от заметок. Кучка служителей в белых фартуках окружила женщину, которая ростом была выше их всех. Персонал прилагал усилия, чтобы не пустить ее в ресторан, но она не вступала в пререкания — просто развела неумелых официантов и уборщиков широким движением рук и направилась в главный обеденный зал, прямиком к Диего. Все посетители провожали ее потрясенными взглядами, как будто она неодета.

Но Волузия отнюдь не допустила такой оплошности. Она была все еще в рабочей одежде, состояние которой служило свидетельством последних трудностей, с коими она встретилась на своем многотрудном посту.

Волузия Биттерн служила брандмейстером и была заместителем руководителя «Эсмонд кастерлайн иррегуларз», одной из десяти пожарных компаний Гритсэвиджа. Ее наряд выглядел следующим образом: напоминающая формой ведерко малиновая шляпа с золотыми кокардами; вулканизированный плащ до щиколоток, укрепленный огромными пряжками; двубортный ярко-синий шерстяной жакет с бронзовыми пуговицами; высокие сапоги, поддерживаемые эластичными подтяжками, по всей длине которых наколоты различные значки. Респиратор свисал на ленте на грудь.

Смелыми шагами пересекая зал, Волузия сбросила плащ и швырнула его ошарашенному официанту. Униформа, находившаяся под плащом, являла собой прискорбное свидетельство недавнего сражения. Кожа сапог блестела от воды, а сами сапоги при ходьбе заметно скрипели. На шляпе отчетливо виднелась вмятина. Плечо жакета было подпалено. Даже на расстоянии ярда или двух Диего уловил густой запах, напоминающий мускус.

Такое состояние одежды менее храброй женщины могло бы вызвать жалость. Но Волузия не была типичной представительницей своего

пола. Ее рост составлял более шести футов, вес на пятьдесят фунтов превышал вес Диего, и при этом ни единая клеточка ее привлекательного широкого торса не была склонна накапливать жир. Внушительная грудь в пропорциях соответствовала цветущим бедрам, а сильные ладони мало в чем уступили бы размерами лезвию топора. На фоне большинства женщин — да и многих мужчин — Волузия смотрелась как мощный борец на собрании карликов. Наконец подруга Диего добралась до его столика и заметила экземпляр «Зеркальных миров», который он положил на ее стул, желая устроить ей сюрприз.

— Новый рассказ! Лучшее, что я увидела за сегодняшний день! Дай я тебя поцелую!

Волузия немедленно перешла от слов к делу, склонилась к Диего, чтобы стиснуть его руки, и запечатлела на его губах и части подбородка влажный поцелуй. В его ноздри проник запах дыма, пропитавшего ее волосы. Затем она выпрямилась и сказала:

— Вот так. Теперь ты меня поцелуй и докажи, что не сердишься за то, что я так опоздала!

И, не дожидаясь, пока Диего исполнит ее просьбу, Волузия повторила свой звонкий поцелуй.

Диего покачнулся, зная, что ужинающие зри-

тели готовы разразиться аплодисментами и сдерживаются лишь из приличия.

Волузия рассмеялась и сняла шляпу. Волнистые темно-рыжие волосы длиной примерно в ярд водопадом рассыпались по плечам. Она небрежно бросила шляпу на стол — пустой стакан для воды полетел на пол и разбился. Затем Волузия тяжело опустилась на стул, прямо на журнал, только что вызвавший у нее столько восклицаний, но о котором она тут же забыла в приливе чувственного удовольствия.

— Ко всем чертям, я голодна! Официант! Меню нам!

Пока официант спешил к ним, Диего изучал возбужденное лицо Волузии: густые брови над темными глазами; нос, скорее плебейский, нежели изысканный, и не оставляющий поводов сомневаться в его доминировании на лице; широкие, полные губы, за которыми скрываются зубы поразительной белизны — зубы, особенно выделяющиеся на ее лице при вечернем свете.

Если смотреть на лицо Волузии как на единое целое, то можно увидеть, что оно отмечено такой красотой, какой Диего в женских лицах никогда прежде не наблюдал. Он в очередной раз подивился тому, что Волузия его полюбила.

— Я возьму гору креветок, салат из зелени и шестнадцать унций отборного филе. Только шестнадцать унций в готовом виде![213] Ах да, еще две печеные картофелины с колечками лука. А ты, Ди, что будешь пить? «Арканум»? Упс! А мне, пожалуйста, большой бокал процеженного «Тэтвига».

Вслед за Волузией Диего тоже сделал заказ:

— М-м, свиные отбивные с рисом, пожалуйста. Хорошо прожаренные.

Волузия прищелкнула языком.

— Голубиная порция! Хотя, наверное, ты в час тратишь не больше полудюжины калорий за своей дурацкой машинкой. Нет, результаты, конечно, прекрасные. Но, конечно, то, чем ты занимаешься, сложно назвать настоящей работой.

Алкоголь в крови подсказал Диего немедленный ответ: он часто подвергался таким вот шутливым нападкам.

— Ну да, я полагаю, только вечный подросток и может считать стоящей работой твою сумасшедшую возню с лестницами и шлангами.

Громкий смех Волузии разнесся по залу.

— Запомни, Ди: спасать людей и не давать Грит-

---

[213] Примечания: 213
Это составляет около 0,5 кг.

сэвиджу превратиться в Кварталы Гетто — вот единственная настоящая работа! Но я готова признать, что у моей благородной профессии есть и приятная сторона. Между прочим, знаешь, чем я была так занята, что пришла только несколько минут назад? Возгорание у Столлера!

При этом известии лицо Диего посветлело.

— Судя по твоему тону, неплохое. Надеюсь, никто не пострадал? Но скажи мне, кого ты там видела?

Официант принес Волузии пиво, и она одним глотком опустошила половину бокала. На ее губах появились усы из пены.

— Кого же, как не нашего блистательного мэра? Он был там, когда я поднялась на второй этаж, толстый и голый, как рыба, а три самые дорогостоящие девицы Столлера цеплялись за него и вопили как резаные. Ну да, я видела медную башку Коппернобa![214] — Смех Волузии снова зазвучал счастливым мелодичным звоном. — В общем, я спустила их всех по черной лестнице и запихнула в шарабан мэра так, что фотожурналюги не успели сделать ни единого снимка. Среди тех, кто остался с носом, был Мейсон Джин-

---

[214] Примечания: 214
Игра слов: Copperknob — медная голова (англ.).

джерпейн, а ты же знаешь, насколько часто он упускает съемку! Да никогда! Мне представляется, что мэр будет здорово признателен мисс Биттерн. Короче, я считаю, что мое повышение, которое так долго откладывалось, теперь произойдет гораздо раньше.

— Прекрасно, — без выражения произнес Диего. — Ты этого заслуживаешь.

— Сколько энтузиазма! А в чем дело? Ах да, твой рассказ! — Она приподняла бедро и извлекла журнал. Обложка была теперь мокрой и грязной. — Дорогой, пожалуйста, прости! Послушай, ты же можешь оторвать обложку, а то, что под ней — превосходно! И иллюстрация Каттернаха! Как здорово! Я тебе обещаю, что прочту сегодня же.

— А я думал, мы пойдем танцевать. В Винтурианском зале играет Праг…

— Ни за что! Ты, возможно, успел заметить: на мне не бальные туфли. Кроме того, в этом публичном доме я видела кое-какие картинки, они навели меня на некоторые мысли для романа, и мы должны их немедленно воплотить.

— Волузия, пожалуйста…

Волузия наклонилась над столом, шепотом подробно описала Диего увиденное и высказа-

ла ряд предположений, которые он, при всем его писательском даровании, затруднился бы оценить чисто лингвистическими средствами, настолько мощно они на него подействовали в плане гормональном.

По пути из ресторана Волузия остановилась у панчборда, оплатила попытку и выиграла.

— Шесть быков! Это пойдет в Фонд вдов и сирот! А может, я куплю Коппернобу тыщу презервативов!

2
Охотники за эгидами

Май приближает Сезонное Солнце на много Кварталов к обитателям Гритсэвиджа, и наконец это могучее, небольшое, низко расположенное светило в разгар дня оказывается почти точно над Районом. В самые ласковые часы оно вызывает к жизни легкую одежду и новые виды отдыха.

Подобно Дневному Солнцу по утрам, Сезонное Солнце при своем первом в году явлении можно увидеть очень низко над жилыми Кварталами. Но в отличие от его более постоянного собрата оно восходит не для того, чтобы пройти путь вдоль всей длины Бродвея в один день. Нет, Сезон-

ное Солнце движется под определенным углом к своему небесному собрату, поднимаясь над Тем Берегом, и опускается за Не Той Стороной Трекса за тот же период, что и дневное светило. Следовательно, в конце зимы Сезонное Солнце часто бывает скрыто за рассветным Дневным Солнцем и показывается, когда Дневное Солнце оставляет его позади, лишь в виде туманной, едва движущейся высоко над Бродвеем точки; свое тепло оно отправляет в другие, отдаленные Районы. По мере того, как весна входит в более поздние стадии, дуги, описываемые Сезонным Солнцем, становятся яснее, выше, местоположение диска увидеть легче. Наконец Сезонное Солнце превращается в неотъемлемую часть неба Гритсэвиджа; точка его восхода с каждым днем сдвигается все дальше вдоль по течению Реки.

Официально лето начинается в тот день, когда Сезонное Солнце поднимается в точности над центральными Кварталами Района и оно и Дневное Солнце на несколько минут накладываются в небе друг на друга.

Спуск во вторую половину года повторяет этот процесс в обратном порядке — Сезонное Солнце скользит все дальше и дальше к центру, пока не исчезает в декабре.

Так извечно повторяется небесное крестовое представление.

Май принес множество новшеств в жизнь Диего Петчена — как приятных и радостных, так и горьких и тягостных.

Наверное, самыми тяжелыми из последних стали тревожные перемены в жизни Зохара Куша, лучшего друга Диего.

Диего и Зохар выросли в одном Квартале, вместе учились в Мемориальной начальной школе имени Хейвуда Строппера, в должное время поступили в частную среднюю школу номер 5, где Диего впервые испытал свои дарования, став сотрудником редакции школьной газеты. В то время Зохар вовсю лелеял свой идиосинкразический, аморальный характер. Буйный гуляка, кому любой вызов, любая выходка не казались чрезмерно скандальными, он обладал тонким умом, который отказывался применять для достижения каких-либо приемлемых для общества целей. (Родители Зохара мало принимали участия в его воспитании. Папа Куш был добродушным пьяницей; он оставался помощником слесаря до самого ухода на пенсию и умер до срока. Мама Куш проводила долгие, изнурительные часы на работе в прачечной, вечно среди пара, и каждый

день приходила такой же поблекшей и помятой, как те мешки с грязной одеждой, которые приносила с собой.)

С трудом закончив учебу, Зохар отдался жизни, от которой был намерен взять все, что возможно. Он приобретал деньги и женщин, необходимых для существования в его необузданном, зато свободном мире, разнообразными способами, из которых лишь о немногих можно было говорить вслух. (При этом, когда Зохару сопутствовал успех, от его щедрости выигрывали все — от Диего до случайных собеседников в барах.) Друг детства Диего был хорошо знаком с полицией Гритсэвиджа, так как несколько раз проводил сколько-то времени в тюрьме, но исключительно по незначительным обвинениям, и не задерживался там надолго.

Все прекрасно и изумительно — по большей части. Полная впечатлений, даже обладающая неким постыдным очарованием жизнь, которая вполне соответствовала натуре Зохара Куша и от которой, в сущности, никому не было вреда. Диего никогда не тревожился за благополучие своего друга.

А вот теперь Диего почувствовал, что больше не может быть столь же благодушным, думая о

возможной судьбе Зохара. Несколько недель он не появлялся в их любимых заведениях, а потом появился, но, как подозревал Диего, Зохар угодил в скверную передрягу, и не исключено, что ему грозит неминуемый нервный срыв. Вход Зохара в такое состояние по времени точно совпадал с началом его любовной связи с Милагрой Ивентир.

Когда в это майское утро в дверь квартиры Диего постучали, он интуитивно пришел к выводу, что назойливый стук исходит от Зохара Куша, и что тот находится не в лучшей форме. Открыв дверь, Диего убедился в справедливости своего провидческого заключения.

На Зохаре была белая рубашка, некогда дорогая и модная, а теперь заляпанная чем-то и протершаяся у открытого воротника. Его хлопчатобумажные брюки могли бы поведать историю о жестоком обращении: на колене дыра, один задний карман наполовину оторван. Шлепанцы на грязных, без носков, ступнях.

Вершиной внешнего достоинства Зохара всегда были волосы — всклокоченная курчавая грива волос, блестевших от природы, как масло, пролитое на Бродвее. Не одна девушка в школе номер 5 охотно позволяла в отношении себя всякие вольности только ради того, чтобы взъерошить

эту сексуальную копну. В последнее время Зохар решил дополнить сей венец растительностью на лице — усами и эспаньолкой. Его телосложение напоминало о гибкости и выносливости, которыми он некогда отличался. Но десять с лишним лет напряженной и бесцельной жизни превратили его лицо в жалкий портрет испарившихся надежд юности.

Зохар сжал локти Диего прямо у порога и устремил на друга умоляющий взгляд голубых глаз.

— Ди, мне нужна твоя помощь. Отчаянно нужна. Не ради меня. Ради Милагры.

Не резко, но твердо Диего высвободился из тисков Зохара.

— Это же бред, Зох, козел! Где ты шатался столько времени? Я тебя не видел с того самого вечера в феврале.

Зохар вымученно улыбнулся.

— О, какой был вечер! Я до сих пор ощущаю вкус пены первого «Руде Браво», слышу, как этот самодовольный Драмгул предлагает «наладить отношения» совсем не подходящей женщине, помню, какое у него было лицо, когда он зализывал раны в туалете на станции Метро! Хорошее для нас было время, правда, Ди? А раз нам было так хорошо вместе, ты же придешь на помощь

старому другу? А помощь ему так нужна!

— Конечно, конечно, нет вопросов, я тебе помогу. Но, насколько я вижу, тебе особенно нужно провести денек в парилке у Диггори, пройти курс у косметолога, прибарахлиться у Кобека, а потом подзаработать в конторе у Коппернобa. Я-то сомневаюсь, что смогу обеспечить тебе больше, чем прокат полотенца у Диггори.

— Черт тебя возьми, не смотри на меня! Я же сказал, я беспокою тебя только потому, что Милагра в хреновой ситуации.

— И что у нее случилось? Неужели ты не удовлетворяешь ее в постели? Помнится, в тот вечер она по полной программе искала утешения у меня…

— Смейся, если хочешь. Только твои шутки не изменят того, что Милагра подсела на героин и не слезает уже много дней.

Диего бессильно опустился на стул.

— Нет… Как это произошло?

Зохар обреченно пожал плечами:

— А как это происходит со всеми? Попробовала, понравилось. А скоро обнаружила, что не может без этого жить.

— Не знаю… Не знаю, что сказать. Я еще никогда не встречал никого, кто пробовал бы героин.

— Теперь встретил. И, кстати, не могу тебя с

этим поздравить.

— А ты тоже… подсел?

— Нет, слава Рыбачкам. Но мне кажется, ты не прав, если говоришь, что не знаком ни с кем из героинщиков. Ты ведь дружишь с этим музыкантом, Прагом, так?

— Да. Так ты хочешь сказать?..

— Меня так сориентировал мой знакомый. Я рассчитывал, что ты сведешь меня с ним, и он сможет мне продать дозу, которой хватит, чтобы на несколько дней успокоить Милагру.

Диего склонил голову набок и стукнул себя по лбу, словно эти действия могли помочь ему освоить новую информацию.

— А твой знакомый… Он больше не снабжает тебя?

— Отрава прибывает на Поезде или на Корабле, а поставок не было уже несколько недель.

— А ты не можешь съездить на Метро к источнику, не знаю уж, где он?

Зохар невесело рассмеялся:

— Источник! И в самом деле, где он? В каком Районе? Сколько миллионов Кварталов отсюда? Я знаю об источнике не больше того, что ты знаешь о том, откуда поступает твоя писчая бумага! Кто производит нашу одежду, в каком Квартале

водятся коровы, куры и овцы, какой Район поставляет овощи или вино, обувь, губную помаду? К нам все товары привозят Поезда или Корабли, и мы с радостью их принимаем, охотно компенсируем этой возможностью — приобретать то, чего нам недостает — нашу неспособность производить все у себя. Вот только подобная система оставляет нас заложниками наших неведомых поставщиков. А сейчас по их прихоти моя девушка умирает.

Диего поднялся на ноги.

— Ладно, ладно, избавь меня от лекций по макроэкономике. Я — профессиональный Космогонический Выдумщик! Я знаю, насколько наш мир безумен, насколько непостижимы его основы. Я порождаю десяток чужих миров перед завтраком! Так что давай нанесем визит Рамболду Прагу.

Розыски музыканта во всех местах, где тот имел обыкновение зависать, затянулись за полдень. В студии, где зачастую рождались импровизации Прага, их захватил в силки серьезный молодой технарь, которому захотелось посветить их в детали некоторых усовершенствований оборудования, призванных преодолеть эфирные ограничения неясного происхождения и рас-

ширить сферу вещания станции до более сотни Кварталов. Диего и Зохар не без труда высвободились из пут этого зануды и принялись за исследования других точек: плавательный бассейн Роклиффа, где Праг часто демонстрировал свое спортивное мастерство; бар «Коркорвадо», где собиралась экзотическая публика; квартира трубача в Гритсэвидж-875, над «Деликатесами» Мокко Бозефуса. И нигде ни следа.

Во время последней остановки они зашли к Бозефусу, где заказали солонину с кислой капустой — весьма необходимый им обед, за который заплатил Диего. Не будучи в силах связаться с неуловимым Прагом, друзья могли только догадываться, что он, страдая от того же кризиса, что и Милагра, либо залег на дно где-то в Гритсэвидже, либо воспользовался своим преимуществом в знаниях и отправился в другой Район, сколь угодно отдаленный, где запасы героина побогаче.

И Сезонное Солнце, и Дневное Солнце совершали свой путь по нижнему квадранту своего невидимого круга, когда друзья наконец признали поражение.

Нервы Зохара были напряжены до крайности, чего Диего никогда раньше не замечал за своим обычно беззаботным другом.

— Что нам делать, ну что нам делать? Говорю тебе, она скоро умрет. У нее не хватит сил, чтобы забросить это зелье. У нее уже руки плохо действуют…

— Успокойся, да успокойся же!

Диего подхлестнул свою сообразительность и был вознагражден появлением последней отчаянной надежды. Он содрогнулся при мысли о том, что собирался предложить, ему было почти нехорошо от стыда, но в споре двух противоположных полюсов понятия о долге решающую роль сыграло жалобное выражение лица Зохара.

— Идем со мной. Нанесем светский визит моему отцу. Не спрашивай зачем, просто иди со мной.

Далеко от жилища Гэддиса Петчена Зохар и Диего вошли в ближайшую станцию Метро (входы на станции чернели через каждые пять Кварталов), на платформу в сторону Центра — длинную, вымощенную кафелем эмблему пыльной скуки. Сначала Зохар и Диего стояли молча в ожидании одного из часто проходивших экспрессов, затем Зохар заговорил:

— Помнишь, как я пытался выяснить длину города?

— Да, помню.

— Я пришел сюда в три часа ночи с банкой

краски и кистью. Тайком от машиниста я пометил последний вагон своим именем, буквами в фут высотой. А потом устроился на скамейке и принялся ждать. Раз за разом прибывали новые цепочки вагонов. Я проверял, есть ли на последнем вагоне моя надпись. Я питался шоколадом и содовой из торговых автоматов. Через несколько дней ты принес мне сандвичи. Я дремал в промежутках между поездами, но всякий раз просыпался, когда они подъезжали. Я уверен, что не пропустил ни одного экспресса. Ты помнишь, как долго я продержался?

— Две недели.

— Правильно. И я так и не увидел свою пометку.

— Рабочий смыл твою надпись. Или вагон вывели из эксплуатации. Или в каком-нибудь депо его перевели на противоположную линию, так что надпись оказалась с другой стороны.

Зохар утомленно улыбнулся.

— Двенадцать лет назад ты уже предлагал мне эти объяснения, и тогда я их не принял. Нет, эти вагоны все еще ехали через наш неизмеримый Город через целых две недели. В этом я убежден. И тогда я по-настоящему испугался. Огромность нашего существования ошеломила меня. С тех

пор я уже не был прежним. Я умел хорошо держаться, но в то время что-то вторглось в меня.

В этот момент подъехал экспресс, Диего и Зохар вошли в вагон, сделавшись частичками разнородной смеси таких же, как они, пассажиров — рабочих, бизнесменов, домохозяек, детей. Все они были похожи на вишни в пироге.

Зохар заговорил снова:

— Знаешь, бывает, я просыпаюсь с чувством, что мое имя все еще движется по этим рельсам, и я не увижу его до самой смерти.

Дерево перед домом, в котором прошло детство Диего, пышно зеленело, но на нем не было ни намека на весеннее цветение. Диего, воздерживавшийся от визитов к отцу уже целый месяц, испытывал и вину, и облегчение. Он не застал цветы, если таковые были.

Остановившись возле двери Петчена, Диего сказал:

— Постарайся занять старика разговором, пока я буду доставать то, что нам нужно. Мы сможем уйти достаточно скоро.

Зохар как будто утратил самообладание в преддверии встречи с Петченом-старшим.

— Я так ясно вижу твоего отца в расцвете сил. Он такой стройный, энергичный. Да, злоязыч-

ный. Но он представлял резкий контраст с моим отцом — рыхлым, пропитанным алкоголем. Он действительно настолько сдал сейчас?

— Когда я видел его в последний раз, он выглядел несколько лучше. Возможно, болезнь вступила в стадию ремиссии.

Разумеется, в глубине души Диего в это не верил. Он знал, что намек на силу, проявившуюся в его отце, — не более чем плато на пути вниз, в долину смерти. Но он готов был продать Зохару это заблуждение; продает же он другие свои фантазии.

Дверь заскрипела, открывая мрачный интерьер.

— Кто там? — твердым голосом выкрикнул Гэддис Петчен. — Если это вы, миссис Лоблолли, я выпил до хрена куриного бульона!

— Папа, это я. С другом.

Гэддис Петчен сделал усилие, чтобы слегка приподняться с привычного кресла, расположенного у окна, служившего приглашением для смерти, и оглянулся.

— А, так это твой скандально знаменитый приятель Куш? Что угодно готов поставить! Зохар, где ты торчал? Был с женщинами разного рода, надо полагать.

Зохар наткнулся на стул с железной спинкой, подтащил его поближе к Гэддису и грохнулся на сиденье.

— О, мистер Петчен, все мы не те, чем были раньше. Сегодня я связан только с одной женщиной. Замечательная девочка, но она... гм... несколько нарушает мою безмятежную жизнь.

— Зохар, расскажи-ка мне о ней все.

Диего испытал удивление (с примесью досады) — так легко началась беседа Зохара с Гэддисом, столь приветливый и непринужденный тон избрал его отец. Но Диего хватило мужества воздержаться от упреков, тем более, если учесть, что он намеревался сделать.

Рядом со стопкой непрочитанных журналов, которую Диего пополнял в течение последних месяцев, громоздилось столь же внушительное собрание: с десяток коробочек из искусственной кожи с запасами неиспользованных болеутоляющих средств. Доктор Тизел оказался щедр на лекарства; а может быть, Гэддис намеренно создавал склад орудий самоубийства.

Диего взял две коробочки, проверил содержимое и опустил их во вместительные карманы брюк.

Вернувшись к Зохару, он включился в разговор.

Ему нравилась необычная веселость отца, а еще — то, что Зохар, очевидно, отвлекся от собственных бед. Диего прошел в кухню, отыскал бутылку вина, которое можно было назвать приятным, не кривя душой, и вынес в комнату стаканы.

Полчаса спустя Диего заметил, что им пора уходить. Зохар пришел в себя, к нему вернулось чувство долга, и он присоединился к другу.

— На будущее, Куш: не будь таким непоседой!

— Не буду, сэр. А вы сейчас берегите себя.

— Не бойся, Куш. Борьба еще не кончена, я продержусь долго.

Уже на улице Диего показал Зохару похищенное.

— Нет слов, Ди! Для моей Милагры это спасение почти на две недели. Эта штука намного чище, чем то, что было у нее до сих пор, и я послежу за тем, чтобы она принимала разумные дозы. Друг мой, да ты в самом деле спасаешь жизнь!

Повинуясь импульсу, Зохар порывисто обнял Диего, потом отстранил его на расстояние вытянутой руки, посмотрел восхищенно — и снова заключил в объятия.

Пристыженный Диего только и мог сказать:

— Похоже, я неотразим и для тебя, и для Милагры.

— Давай услышим это от нее самой. За мной!

Они миновали в Метро пятнадцать Кварталов центральной части города и почти достигли невидимой, но реальной границы между Грицсэвиджем и его соседом со стороны Центра, Перголой. Вновь поднявшись на свежий воздух Бродвея, пройдя мимо парикмахерской, цветочного магазина и табачной лавки, на Поперечной улице, возле таблички «Гритсэвидж-835», свернули к Треку.

Каждое здание в Линейном городе выходило фасадом на Бродвей, они тянулись по всей его длине по окраинам Трекса и Ривера. Вторых линий домов на Поперечных улицах не было, не было и пешеходных аллей или проходов, разделявших соседние здания, были только узкие вентиляционные шахты. Но на каждой из Поперечных улиц, определявших Кварталы, внешние стены угловых домов, естественно, были видны. Эти стены, оклеенные афишами и рекламными листками, служили основным коммуникационным форумом Города. Каждая Поперечная улица казалась потоком слов и картинок, палимпсестом[215] манящих образов и призывов.

---

[215] Примечания: 215

Палимпсест — древняя рукопись, написанная на месте счищенного прежнего текста.

В Гритсэвидж-835 соединенные дома имеют среднюю высоту, в основном четыре этажа. Стены первых этажей и частично вторых изобиловали старыми избирательными листовками, рекламами патентованных лекарств, театральных представлений, мебели, журнальными и книжными объявлениями. Хотя заходящее Дневное Солнце и не заглядывало сюда в ту минуту, клонящееся к закату Сезонное Солнце находилось прямо над головой Диего и Зохара и дарило каждому из них единственную, отдельную тень — в отличие от двойной тени, которая сопровождала их в другое время дня.

На этой Поперечной улице, как и на многих в Трексайде, копошились с полдюжины мусорщиков. Они толкали перед собой тележки с большими колесами, наполненные отбросами и отходами жизнедеятельности Города. Мусорщики носили длинные фартуки из серовато-коричневой материи и высокие, до колена, резиновые боты. (При виде их обуви Диего вспомнил Волузию в униформе.) В их тележках можно было увидеть все мыслимые разновидности отходов, от кухонных объедков до разбитых лампочек, скомканных газет, мертвых голубей, осколков посуды и крыс с переломанными хребтами. Все

уборщики, как один, тянулись в сторону Трекса.

Оказавшись в арьергарде этой молчаливой процессии, оставляющей после себя характерный запах, Диего почувствовал, что не может разговаривать. Он как будто оказался участником похоронной церемонии, причем кем был покойник, ему неизвестно. Тем не менее на Зохара такое соседство, по всей видимости, не произвело впечатления.

— Мы скоро придем, Ди. Тут уже недалеко.

Поперечная улица, как и все в Трексайде, заканчилась у пропитанной маслом полосы гравия, золы и раздробленных камней. В нескольких футах отсюда проходил сам Трекс. Тыльные стены многих служебных зданий представляли собой доки, и их широкие ворота предназначались для обеспечения беспрепятственного получения груза из товарных вагонов.

На этом участке Трекса были созданы условия для того, чтобы тележки могли двигаться свободно: пологий деревянный скат поднимался на уровень путей, впрочем, не затрагивая их. Этот скат, состоявший из трех частей, продолжался над путями и за ними. Поглядев в сторону центра, чтобы убедиться, не приближается ли Поезд, мусорщики начали толкать свои тележки поперек

путей, и колеса громыхали на выступах.

Таким образом, друзья оказались, строго говоря, на Не Той Стороне Трекса. Но царство Голубков, непостижимое обиталище Могильщиков, лежало далеко за бесплодной пустошью, отделенное от Города не только физическим расстоянием.

Зохар поспешно обогнал медлительных мусорщиков и ступил на обширную территорию свалки, отмеченную тлеющими кучами мусора сколько хватал глаз. Диего торопливо шагал за ним; сгущались грозные сумерки.

Они пробирались через мутный лабиринт, пока за очередным поворотом не показалась хижина, выстроенная из невероятно разнообразных материалов и напоминавшая сон пьяницы.

В робости Зохара чувствовалась покорность.

— Не самая лучшая дыра из тех, где мне доводилось жить, зато арендная плата нормальная. Ты же понимаешь, привычки Милагры съедают добрую часть наших доходов. Большую часть, короче говоря.

Цельнометаллическая дверь держалась на кожаных петлях. Распахнув ее, Зохар скользнул внутрь. Диего проследовал за ним, наклонив голову.

Их встретил янтарный свет керосиновой лам-

пы. Диего одним взглядом окинул обстановку: две низкие табуретки, ящик, заменяющий столик (с набором атрибутов наркомана), полка с разрозненными книгами и журналами (а есть ли среди них экземпляр «Зеркальных миров»?), раковина и кувшин, пахнущий чем-то кислым тюфяк, расстеленный на других ящиках. И на этом тюфяке — Милагра Ивентир.

Эта болезненно исхудавшая женщина походила на хорошенькую кокетливую девушку, которую Диего видел в феврале, не более чем кочерга на гитару. Впалая грудь, распухшие суставы, ввалившиеся щеки, следы уколов на руках. Только длинные, почти черные волосы Милагры, напоминали о ее былой красоте.

Когда зажглась лампа, Милагра зашевелилась и застонала. Глаза ее открылись, но оставались безучастными к увиденному.

— Ой, Мопси, мне больно, мне больно! А эти разу! Они везде! По-моему, одна забралась ко мне в желудок! Пожалуйста, Мопси, мне нужно лекарство! Хоть психического супу!

— Это она в отходняке бредит? — поинтересовался Диего.

Зохар опустился на утоптанный земляной пол возле убогого ложа подруги и принялся развора-

чивать лекарство.

— Она не бредит. Милагра родилась и выросла в Милквилле, это Район в десяти тысячах Кварталов отсюда. Там употребляют много слов, которые у нас не в ходу. «Разу» — это крыса. «Психический суп» — выпивка.

Зохар перетянул бицепс на левой руке Милагры, нашел вздувшуюся вену и вколол половину содержимого шприца. Милагра испустила глубокий вздох и почти тут же обмякла, провалившись в забытье.

Мимо прогромыхал Поезд, заставив задрожать хлопья ржавчины на потолке. Шумно, с облегчением вздохнув, Зохар выпрямился и торжествующе улыбнулся.

— Ди, я бы предложил тебе чего-нибудь освежающего, но, как ты сам видишь, в наших закромах нет ни икры, ни шампанского.

— Зох, тебе нельзя дальше так жить! Это же кошмарные условия!

— Ну конечно, Ди, я-то не хочу существовать в такой гнусной обстановке. Но разве у меня есть выбор? Дурь требует облегчающих средств, так что денег не остается больше ни на что.

В течение полуминуты Диего разрывали противоположные порывы, самосохранение боролось

в нем с чувством милосердия. Наконец он выговорил:

— Гимлетт хочет еще эгид.

— Ох, Диего, да, и еще раз да! Это решает все!

В задней кладовой в магазине Гимлетта пахло луком **и** капустой, бананами и петрушкой. И еще там было холодно, как в квартирах Глиптиса. В этот час, далеко за полночь, за тяжелую дверь не проникали сплетничающие голоса рвущихся к продуктам хозяек. Окна магазина были закрыты ставнями, и в помещении было темно. Гимлетт хлопотал вокруг дорогих гостей, как будто они были двумя экзотическими фруктами, на которые он старался установить цену. Помахав перед ними своим медальоном, он в последний раз изложил им, в чем состоят его потребности.

— Если вы полностью возвратите камни такого же размера и качества, мои надежды будут исполнены в максимальной степени. Могу вам предложить десять быков или семь рыбачек за штуку. Камни похуже, соответственно, будут стоить дешевле.

Зохар задумчиво переложил массивный фонарик из одной руки в другую.

— А ваша наценка для покупателей составит…

Гимлетт улыбнулся улыбкой скупца.

— Вот это уже не ваша забота, Куш. Я вам предлагаю честную цену.

— А если мы выведем вас из игры и попытаемся самостоятельно сбыть эгиды?

Теперь самодовольная улыбка Гимлетта уже начинала действовать на нервы.

— Может быть, у вас имеются связи с нашей любезной, но злопамятной полицией, подобные тем, которые я так усердно налаживал все эти годы? Помните, что полагается за сбор камней для эгид? От пяти до десяти лет. Если я узнаю, что вы пытаетесь действовать за моей спиной, то выдать вас властям — мой элементарный гражданский долг.

Диего хотел было тут же убедить Гимлетта в том, что они не имеют подобных намерений, но Зохар опередил его:

— Честно говоря, мы презираем мелочную коммерцию. Мы оба — искренние художники и авантюристы, и прибегаем время от времени к этому заманчивому ритуалу из эстетических побуждений. Деньги, которые вы нам заплатите, пойдут на обновление верхнего этажа Музея изобразительных искусств Вансайкла. Я только хотел узнать… м-м… в какой мере розничная цена эгид повлияет на здоровье экономики Гритсэвиджа.

— Пока что мы понимаем друг друга. Так вы получили все, что вам было нужно?

— Благодаря вашей щедрости, сэр, в нашей экипировке пробелов нет. — Зохар пнул валявшийся у его ног рюкзак. — Веревки, кирки, ломы, лопаты, ядовитые приманки — все это у нас имеется.

— Отлично. Тогда позвольте мне увидеть ваши спины — до того времени, когда вы вернете товары. Тележка ждет вас за дверью.

Выставив таким образом двоих друзей, Гимлетт проводил их к выходу. На Бродвее Диего и Зохар уложили свою поклажу в тележку и надежно укрыли, а потом вместе взялись за ручки и направились в сторону Окраины. Диего улавливал запахи Ривера — запахи жареного мяса и дешевых сигар. Уборщик вылил ведро мыльной воды в сточную канаву Бродвея. Уличный торговец, который, как это ни невероятно, надеялся продать в этот час кому-то чулки, разложенные на лотке, висящем у него на шее, казалось, спал стоя. Рыжеволосая проститутка утомленно прислонилась к стене дешевой гостиницы.

В небе мерцающие по-ночному Голубки и Рыбачки вычерчивали траектории смертности перекрестными штрихами. Диего и Зохар катили перед собой тележку, маскируясь под мусорщи-

ков, за которыми они следовали двумя днями ранее.

— Он сказал — восемьсот шестьдесят пять, так? — спросил Зохар.

— Да. Похоже, власти прикрыли нашу старую дыру в восемьсот сороковом.

— Значит, другой сегмент Зверя Города. Хорошие свежие внешние камни и никакой кипящей крови. Но и незнакомые хитросплетения инфраструктуры.

Диего ничего не ответил; он старался умерить сердцебиение, не допустить, чтобы пульс вышел из-под контроля.

У входа в Риверсайдское Метро в Гритсэвидж-865, охотники за добычей оставили тележку и взяли свои рюкзаки, бросив влево и вправо быстрые взгляды. В этот час в Метро должно быть совсем малолюдно, и экспрессы ходят не так часто. Опасаться можно только случайного полицейского, патрулирующего платформу в Жилой части.

Спустившись под землю, друзья смогли облегченно перевести дух: платформа была пуста, если не считать кучки пассажиров. И только один из них, бородатый мужчина, обратил внимание на их громоздкую поклажу. Когда Диего и Зохар

поравнялись с ним, он проговорил:

— Удашной ношной добыши, мальшики.

Диего ответил ему улыбкой и приветливым кивком. Когда они отошли на достаточное расстояние, он спросил:

— Ты когда-нибудь слышал такой выговор или такую речь?

— Никогда. Знаешь, я думаю, Милагра в Милктауне получила хорошую закалку. Она успешно поправляется и, кстати, передает тебе, Ди, всю свою любовь.

— Отлично, я рад за вас обоих. Но ты должен запомнить, что сегодня точно моя последняя вылазка. Эта работа чересчур страшна для меня. Не говоря о юридических последствиях и о том, чтобы вязаться с Гимлеттом, у которого вместо головы арбуз. Сейчас мои рассказы расходятся лучше, и я не так остро нуждаюсь в деньгах, как несколько лет назад.

Лицо Зохара оживила хитрая усмешка.

— Понятное дело. Мне нужно только, чтобы мы с Милагрой встали на ноги. Когда у меня будет респектабельный адрес и я исправлю свое поведение, мои занятия, уверяю тебя, будут достойными и законными. Возможно, в следующий раз ты встретишь меня за прилавком «Лучших

вин Ламмергейера», где я со знанием дела буду рассказывать покупателям о последнем урожае винограда в Стинчкоме или в Уинкелриде.

Они дошли до конца платформы, сбросили рюкзаки, и Зохар спустился в тоннель. Диего передал ему рюкзаки и спустился вслед за другом.

— Должен я прошептать «третий рельс» в твое не очень-то девственное ухо?

— Вот что еще я категорически ненавижу в этой работе!

При неверном свете фонариков пара стремительно двигалась по тоннелю, чутко прислушиваясь к шуму приближающегося экспресса. Но удача не изменила им, и они достигли цели, избежав встречи с электрическим Джаггернаутом[216].

На ржавой двери в тоннеле виднелся начерченный мелом косой крест. Огромный висячий замок и цепь, казалось, надежно охраняли вход, но механизм был испорчен, и засов открылся без труда.

За дверью обнаружился ход среди запотевших труб и свернутых кабелей, высотой в рост чело-

---

[216] Примечания: 216

Джаггернаут — в индуистской мифологии безрукий и безногий бог, чей культ включал в себя ритуальные самоубийства верующих под колесницей, на которой возили его статую.

века, где можно было идти только по-одному. В спертом воздухе пахло озоном и паром.

Диего положил руку на пучок каких-то проводов.

— Знаешь, мне пришла в голову идея рассказа. Предположим, по таким сетям можно передавать голоса, но не электричество.

— Что-то вроде проволочного радио?

— Не совсем так. Я имею в виду режим «от одного к одному». Я с инструментом у себя дома говорю с тобой, а у тебя в руках тоже инструмент. Тогда люди, живущие в отдаленных частях Города, смогут общаться. Разве это не станет революцией в нашей жизни?

— Да, наверное. Но что я, в сущности, могу сказать своему собеседнику? «Какая погода в твоем Квартале?» «Сколько у вас стоит новая пара обуви?»

Диего разочарованно убрал руку с проводов.

— Да, пожалуй, это все-таки дурацкая идея. Но при моих играх приходится много витать в облаках…

Они прошли полмили по служебному ходу. Фонарики высветили люк. При помощи ломов друзья подняли крышку, закрепили якорем канат и спустились.

Коллекторы в Гритсэвидже казались более старыми, чем в какой-либо другой части Города, хотя они, безусловно, сооружались одновременно с подавляющим большинством зданий, протянувшихся вдоль Бродвея. (Только пожар мог положить конец существованию дома. Строительство новых домов осуществлялось по мере спорадических поставок необходимых материалов, и место сгоревшего нередко оставалось пустым годами, как щербинка в бесконечной улыбке Города.) Массивные глыбы добытого в карьерах камня, покрытые липкой патокой, нависали над головой и лежали под ногами, и только узкие выступы по обе стороны вогнутой поверхности предоставляли защиту от потоков воды, жидкой грязи, отходов и экскрементов, направлявшихся неизвестно куда на переработку.

Мимо проплыла внушительных размеров крыса, жадно нюхая зловонный воздух. Зохар сказал:

— Надо нам выбираться отсюда, пока мы не разворошили змеиное гнездо.

На некотором расстоянии от свисающих веревок, в направлении, противоположному тому, в котором друзья намеревались двигаться, проходил кровавый банкет подземных крыс. Оставалось надеяться, что им удастся удержать

отвратительных тварей подальше от того места, где будет проходить их работа.

— От души едят, разу! Сейчас узнаете, почем тут бесплатный обед!

После короткого отрезка нелегкого пути Диего и Зохар обнаружили следующий многообещающий ориентир: сегмент стены, подточенной потоками воды, рухнул, и три или четыре внушительных блока лежали в грязной воде. При помощи ломов и лопат они расширили дыру и получили доступ к тому, что находилось дальше.

В затхлом, гниющем пространстве за стеной коллектора не было никаких признаков деятельности человека. Ощущение удаленности и замкнутости служило единственным намеком на безбрежность пространства, заключенного здесь — жалкие фонарики не могли высветить границ стен или крыши, пусть и самых дальних, равно как, конечно же, неба или звезд.

«Где же Река? — думал Диего, уже не в первый раз за свою карьеру охотника за камнями для эгид. — Можем мы находиться под ее руслом?» Вряд ли — ведь они с Зохаром спустились не более чем на десять футов от уровня путей Метро, тогда как Река гораздо глубже. Внезапно Диего представился образ лежащего на его письменном столе

карандаша. Может быть, весь их Город — Река, Трекс и все прочее — суть некое единство, лежащее на непостижимо более обширной плоскости? Даже разум профессионального творца «Космогонического вымысла» испугался этой идеи.

Основание этого нового царства начинается слишком глубоко под ногами, чтобы именно в нем могла пролегать инфраструктура водостоков. Под выступами, по которым двигались путники, протянулось ложе из мертвых, тусклых камней, лишенных потусторонних качеств — качеств, стоивших по десять быков или семь рыбачек за штуку.

— Как ты думаешь, где начнутся живые?

— Узнать можно только одним способом.

Они спрыгнули вниз (почва отреагировала на тяжесть их тел с неожиданной упругостью) и отправились дальше.

После бесчисленных шагов фонарик Диего высветил свежие камни: радужные, перекрывающие друг друга кубики, которые не укладывала рука человека.

— Отлично. Займемся делом.

Зохар наклонился, поддел ломом один из крайних камней и нажал так, словно выдергивал лепесток из венчика цветка. Камень подался

легко, но на его месте набухла капля ализариновой[217] крови, которая при соприкосновении с воздухом тут же закипела и стала пузыриться, не теряя при этом ни частицы составлявшего ее вещества. За первой каплей последовали вторая, третья, четвертая — и Зохар отошел на несколько шагов от поганой жидкости, чтобы совершить дальнейшее святотатство.

Тем временем Диего, держа фонарик в левой руке, добывал свои камни и бросал их к себе в рюкзак. При этом он тщательно избегал прикосновения к едким, сладко пахнущим кровавым лужам, которые накапливались на полу по мере того, как он продолжал свои воровские действия.

Диего и Зохар трудились решительно. Волей-неволей они расходились все дальше в поисках нового поля деятельности. Диего все время старался держать в памяти, где находится выход. Мысль о блужданиях по этим смутным, лишенным ориентиров пространствам до тех пор, пока не придет смерть от жажды, не тешила даже ту каплю романтической меланхолии, что в нем оставалась.

А если он умрет здесь, найдут Могильщики его

[217] Примечания: 217

Ализарин — органический краситель, промежуточный продукт для получения красителей.

душу? Одной этой мысли было достаточно, чтобы испугаться до потери рассудка.

Наконец рюкзаки оказались наполнены, и друзья воссоединились. Озеро шипящей крови теперь простиралось на Квартал или около того — бурлящее малиновое болото у основания мира, символ совершенного ими ограбления. Неудивительно, что власти с неизменным неодобрением смотрят на эту хищническую практику.

Зохара, как и Диего, несмотря на его лихорадочную активность, наверняка одолевали такие же мрачные мысли, потому что он спросил:

— Ди, тебе приходилось слышать об охотнике за камнями для эгид, который усерднее других вгрызся в эту живую почву? Не знаю уж, по какой причине, а то и вовсе без причины, но он глубоко вгрызся мотыгой в этот кровавый дерн. Говорят, конвульсии Зверя Города за несколько секунд превратили в булыжник миллион Кварталов.

Диего вздрогнул, но счел своим долгом поставить под сомнение страшную легенду.

— Где же и когда произошла эта катастрофа? И почему в анналах Гритсэвиджа не зафиксированы хотя бы легкие потрясения после этого катаклизма?

— Где и когда — этого я не скажу. А почему

— ответить нетрудно.

Зохар помолчал, и Диего выдавил из себя:

— Вот как?

— Вот так. Пойми, это случилось так далеко и так недавно, что волна все еще движется к нам вдоль неизмеримой линии Города. Я ожидаю, что она накроет нас в любой день.

Перед лицом этого предположения обычный рационализм отказал Диего.

— Откуда ты узнал о катастрофе еще до того, как подобралась волна? Как может информация распространяться быстрее, чем само событие?

— Как, разве я забыл тебе сказать? Придуманная тобой система проволочных коммуникаций — она уже существует. Но только для избранных.

Диего вгляделся в лицо Зохара. Но даже при том, что он знал Зохара всю жизнь, Диего не смог определить, шутит тот или нет.

3
Вечеринка и самоубийство

К августу в судьбе Зохара Куша и Милагры Ивентир можно было отметить ряд определенных изменений к лучшему. Воспользовавшись деньгами, которые Зохар получил от Гимлетта

за свою долю камней для эгид (что составило приблизительно трехмесячный доход среднего гражданина), они перебрались в более пристойное жилье, в небольшую квартиру над прачечной Берма в Гритсэвидж-841, состоящую из трех последовательно расположенных комнат, где вечно пахло мылом и крахмалом. Любовники, словно вдохновленные соседством с прачечной, стали одеваться значительно щеголеватее. Что касается Зохара, то его трансформация свелась к регулярному принятию ванн и обзаведению новым гардеробом, что ему и рекомендовал Диего. А вот состояние Милагры требовало помощи в установлении режима питания и медицинского вмешательства. Зохар добросовестно и заботливо прибегал к этим средствам. И в последующие дни Милагра, хотя и выглядела несколько изможденной, уже не производила впечатления человека, стоящего на пороге смерти. К ней даже в известной мере вернулась былая привлекательность.

А когда недостаток в героине остался в прошлом, когда Поезда снова доставили запрещенное вещество, когда рабочие втайне распространили его среди местных торговцев в процессе обмена менее опасных грузов, Милагра перешла к относительно умеренным дозам; инъекции поз-

воляли ей поддерживать свое существование вне крайностей очевидной зависимости или саморазрушения.

— Конечно, ей хотелось бы больше, — признался Зохар в доверительном разговоре с Диего, — но я ей не позволю. Я твердо держу в руках ключи от старых закромов, а поскольку работаю я один, то она и не имеет права голоса.

Диего воздержался от предположений относительно того, где Милагра могла добывать деньги втайне от Зохара.

Зохар вопреки его прежним фантазиям, работал не в «Лучших винах Ламмергейера», а в Аркаде — кегельбане Тигардена. В своем полосатом фартуке, в карманах которого было полно тяжелых мелких монет, он разменивал бумажные деньги, принимал жетоны в обмен на безвкусные призы, подметал пол, следил за исправностью автоматов, торгующих сладостями и попкорном, и обеспечивал функционирование панчборда.

— Можешь считать меня импресарио незрелости, Ди, штатным распорядителем дешевых удовольствий.

Зохар и Милагра сделались столь респектабельными по сравнению с тем, что являли собой в

прошлом, что Волузия Биттерн даже не стала возражать, когда Диего предложил, чтобы обе пары вместе отметили повышение Волузии по службе. Она, недавно назначенная главой «Эсмонд кастерлайн иррегуларз», пребывала в столь приподнятом настроении, ее настолько переполняло возбуждение, вызванное новым назначением, что Диего мог бы пригласить полк тунеядцев из ночлежки и не услышать ни слова упрека.

В пятницу вечером они встретились в «Лобстерхаусе» Фамагусты, довольно дорогом заведении, где Диего никогда раньше не бывал. Диего и Волузия появились первыми; писатель вел себя отменно галантно по отношению к брандмейстеру. Ему казалось, что его дама еще никогда не выглядела такой сексуальной. Густые волосы, все еще влажные после душа, последовавшего за актом любви, были убраны в пучок и подвязаны шелковой лентой. Шифоновое платье с цветочным узором облегало мускулистое тело, словно штукатурка кирпичную стену, а внушительная грудь смотрелась как украшение, изобретенное модным архитектором. На голых ногах были легкие туфли, каблуки которых увеличивали на два дюйма превосходство Волузии в росте. Губная помада словно призывала, чтобы ее слизали. За

появлением Волузии в ресторане следили глаза всех присутствовавших.

— Макс! Где этот рак-бездельник? Он что, не знает, как управляться с собственным кабачком? У него сегодня важные гости, и они желают лучший стол в заведении!

На призыв из кухни явился Максвелл Фамагуста. Лысеющий коротышка с вытатуированными на обоих предплечьях изображениями якорей излучал жизнерадостность под стать Волузии и был, казалось, рад получить столь дерзкий прилюдный вызов.

— О, наша ужасная поливалка! Я тебя и не узнал, с чистым-то лицом! Где же твоя обычная сажа? А что это за щенок с молочными щеками? Как насчет нашего с тобой жаркого свидания?

— Ты думаешь, я способна справиться с двумя мужчинами сразу? Боюсь, Макс, ты в мою картину никак не вписываешься. Сейчас я предпочитаю только художественные натуры, в постели они куда изобретательнее. Диего в этом не хуже, чем в своих писаниях. А это значит, что он дело знает блестяще!

Сгорая от стыда, Диего принял чистосердечное рукопожатие Фамагусты и стерпел похлопывание по спине, после которого у него едва не

оказались сломаны ребра.

— Желаю удачи, парень! Эта всегда должна быть довольна!

Ресторан Фамагусты помещался на ривер-сайдской стороне Поперечной улицы в Грит-сэвидж-905. В этом здании, тыльной стороной обращенном к воде, размещались кухня и обеденный зал. Но продолжением ресторанного зала служил и прилегающий Стапель — длинный бетонный мол, ранее служивший для вспомогательных работ, но затем с помощью таких новшеств, как деревянный настил и бархатные ограждения, протянутые от одной стойки к другой, приспособленный для изысканного обслуживания. В чудесный летний вечер спрос на места за столиками под тентами на открытом воздухе был колоссальным. Макс Фамагуста провел Диего и Волузию мимо ожидающих обслуживания посетителей и устроил их за почетным столиком в конце Стапеля.

— Макс, мы ждем еще двоих.

— Я оперативно их к вам доставлю.

Получив меню, Диего помедлил, отдавшись созерцанию роскошного пейзажа. Река, на несколько порядков превосходящая шириной Бродвей, безгранично простиралась вправо и влево. Суда

разных размеров, сверкающие зелеными и красными, синими, белыми и янтарными огнями, курсировали по безмятежным водам, возвещая о своем приближении гудками и свистками. Но все они оставались в границах канала, проходившего посредине Реки; за пределами этих невидимых границ курился туман, обозначающий близость Того Берега.

— Солнышко мое, как по-твоему, сколько омаров я смогу съесть?

— Весь вопрос в том, сколько мы сможем себе позволить.

— Жмот! Ты так-таки и не поможешь своей голодной подружке? Послушай, это же всего только ужин. А если бы я увлекалась шубами и бриллиантами? Да как бы то ни было, сегодня плачу я. Мне как раз пришел первый чек на жалованье капитана. Я даже позабочусь о твоих страждущих друзьях.

— Ладно — если ты настаиваешь. Но вообще-то Зохар уже отнюдь не страждущий.

— Только не в душе. Так, мы вовремя определили его статус — вот и он!

По Стапелю легкой походкой шагали Зохар Куш и Милагра Ивентир. На Зохаре был легкий летний костюм, его артистическая шевелюра

развевалась на ветру. А Милагра в этот вечер надела черную хлопчатобумажную рубашку с длинными рукавами, чернильного цвета джинсы и массивные ботинки железнодорожника. Такой наряд, да еще в сочетании с угольно-черными волосами, делал ее в каком-то смысле похожей на невесту гробовщика. Глаза ее закрывали темные очки.

Диего встал, Волузия — вслед за ним. Наступил черед поцелуев и объятий. Когда все четверо уселись, Зохар заслужил молчаливую благодарность Диего словами:

— Волузия, вы, без сомнения, самый очаровательный капитан пожарной команды во всей истории Гритсэвиджа. Мои поздравления!

Милагра теребила в руках оторванный уголок меню и, не поднимая головы, сказала:

— Да, неплохой ход, детка.

— Всем этим я обязана нашему блистательному мэру! Как-то раз я застукала его за чувственными удовольствиями, и все остальное приложилось! Но я не стану принимать добрых пожеланий, пока в руках у нас не будут бокалы. Официант! Официант! Пожалуйста, бутылку вашего лучшего «Мокамбо»!

Официант быстро принес шампанское, и вско-

ре они уже произносили тосты не только в честь повышения Волузии, но и за каждое сколько-нибудь заметное достижение, пусть и маленькое.

— А теперь за того сопляка, чей палец я сегодня успешно вызволила из щели для монет!

— Excelsior![218]

Когда заказы были уже сделаны и выполнены — блюда с дымящимися моллюсками, миски с густой наваристой похлебкой, горы золотых хрустящих луковых колец — друзья приступили к третьей бутылке. Хохот, обычно несвойственный Волузии, мог соперничать со звоном корабельного колокола.

— Кстати, — сказала Волузия, замерев с клешней омара в руке, — мы с Диего приглашены на шикарный прием в особняке мэра.

Диего облизал испачканные маслом пальцы.

— Да?

— Именно. Я сегодня получила приглашение. Бал в честь приезда мэра Палмердейла. Через неделю.

— Вол, это действительно замечательно. Вы оба семимильными шагами поднимаетесь по социальной лестнице.

---

[218] Примечания: 218
Выше (лат.).

Хотя Милагра пила шампанское наравне со всеми, ела она очень мало. Сейчас она с раздражением швырнула тарелку с едва тронутым омаром в Реку.

— Даже если ты мне заплатишь, то не заставишь торчать со всякими лживыми фанфаронами и претенциозными хлыщами.

Прежде чем Волузия успела отреагировать на оскорбление, Диего преподнес новость, которую приберегал до сих пор:

— Завтра у меня встреча с моим редактором и издателем. Они намерены составить сборник моих рассказов.

Бомба произвела требуемый эффект. Волузия издала серию громких триумфальных возгласов и крепко обняла Диего. Зохар заключил в объятия обоих. Только Милагра осталась сидеть, не замечая общей радости.

Остаток вечера прошел в полном шампанского буйном веселье, к которому осталась невосприимчивой одна Милагра. С каждым бокалом она все глубже погружалась в некую меланхолию, связанную с испугом, который напомнил Диего — без всяких причин — о пенящемся озере крови, что возле корней Города.

Неказистые, но любовно лелеемые помещения

редакции «Зеркальных миров» занимают часть второго этажа здания головного предприятия — издательства «Пинни». На нижнем этаже — цеха, в которых печатается любимый журнал Диего и другие издания «Пинни». Входя в раблезианских размеров здание, занимающее целый квадратный Квартал, посетитель оказывается во власти шумных, вибрирующих слоноподобных прессов. Статус подразделений внутри «Пинни» легко определить по степени отдаленности от шума. Положение кабинета Уинслоу Компаунса — непосредственно над относительно тихим линотипным цехом — меньшее из зол. А в довершение всего, как часто и жизнерадостно заявлял Компаунс, «Зеркальные миры» приносят больше дохода, чем большинство журналов, издаваемых «Пинни».

Дородный, помятый, сверкающий очками редактор, когда его спрашивали, не злит ли его такое противоречие, неизменно восклицал:

— Ничуть! — Ну как такие банальные привилегии — или их отсутствие — могут принизить значимость литературной работы, которой мы занимаемся? «Космогонический вымысел» — главнейший под нашими солнцами писательский жанр. Да если понадобится, я буду продолжать

свое дело хоть с Не Той Стороны Трекса.

Входя в приемную редакции «Зеркальных миров», Диего улыбнулся, вспомнив о своих прежних беседах с самоуверенным Компаунсом и предвкушая сегодняшний разговор. Каждый визит к этому несравненному редактору предвещал непредсказуемые радости и новые заказы.

Верная секретарша Компаунса — восседающая за столом в приемной чопорная, но ехидная старая дева по имени Виззи Лонгстрет, чьи волосы неизменно забраны в тугой пучок, — вроде бы не обращает внимания на вибрацию пола. Она помахала Диего карандашом жестом усталого стражника, благосклонно приветствующего гостя шпагой, и сказала:

— Там у него Фишль, но вы можете пройти. Я знаю, старик Пинни хочет видеть вас обоих как можно скорее, а если Уинни не прервать, то он будет отчитывать несчастного Фишля до обеда.

Лонгстрет была единственным существом во Вселенной, которое могло назвать Компаунса «Уинни» и не навлечь на себя пламя его гнева. Диего с улыбкой поблагодарил ее и прошел в кабинет.

Куфи Фишль примостился на краешке стула напротив демократично заваленного бумагами

стола Компаунса. Озабоченный вид молодого писателя контрастировал с самоуверенным выражением багрового лица Компаунса. Одетый, несмотря на царившую в лишенном окон помещении августовскую жару, в свою фирменную куртку из клетчатой ткани-шотландки, Компаунс, распаляемый шумом станков внизу, вовсю распекал Фишля, выкладывая ему аргументы, логическая взаимосвязь которых не всегда была очевидной.

— Послушайте, Фишль, сейчас уже недостаточно принимать как данность тороидальные миры. В свое время это было новаторской находкой, но теперь мы должны выйти за рамки общепринятого здравого смысла. Вы никогда не задумывались над тем, что будет, если какой-то из миров примет форму листа Мёбиуса?

— Я, собственно говоря, не вижу…

— Черт возьми, да поймите, это же очевидно! — Компаунс оторвал полоску от листа рукописи какого-то незадачливого автора. — Если мы соединим концы этой ленточки — будем считать, что она представляет наш мир или какой-нибудь ему подобный, — то получим простой тор. Вполне возможно, это наиболее экономная энергетическая конфигурация нашего мира. Зверь Города

кусает собственный хвост! Но для того, чтобы попасть в какую-либо точку на его поверхности, нам придется двигаться в двух пространственных измерениях. А если мы, прежде чем соединить концы, перекрутим ленту?

Компаунс действием проиллюстрировал свои слова и продемонстрировал готовый лист Мёбиуса.

— Поверхность планеты имеет одну сторону, нет ни наружной, ни внутренней составляющих. Представьте, что мы при передвижении здесь прибегнем к третьему измерению, спустимся в глубины этого мира, пройдем его насквозь и окажемся на другой, обитаемой стороне! Конечно, строго говоря, на той же самой стороне, но максимально удаленной от точки, из которой мы вышли! В сущности, мы получаем сжатие времени и пространства.

Какая-то искра засияла в воображении Фишля.

— Теперь до меня дошло! Сумасшедшая идея! И вы, конечно, удваиваете пригодное для обитания пространство, поскольку у вас не остается бесполезной внутренней поверхности цилиндра.

— Браво! Теперь идите домой, садитесь к пишущей машинке и перерабатывайте ваш «Город, ограниченный в пространстве». И приносите мне

новый вариант, от которого в следующем месяце читатели слетят с катушек!

Фишль вышел из кабинета, окутанный облаками зарождающейся славы. Но еще до того, как он ушел, Компаунс выключил его из сферы своего внимания; он уже сердечно тискал руку Диего.

— Великий день, Петчен, великий день! Я подготовил состав «Миров для вопрошающих»; давайте сейчас его посмотрим, а потом пойдем к Пинни. Полагаю, вы согласитесь, что я подобрал лучшие ваши рассказы.

Диего просмотрел список. На мгновение он прикусил язык, а потом сказал:

— В основном я сделал бы такой же выбор. Есть только одно исключение — «Этические инженеры».

Компаунс вырвал у него лист.

— Что? Изволите морочить мне голову, сынок? Это один из лучших ваших рассказов.

— Всего лишь третий рассказ, который я опубликовал. С тех пор я создал куда лучшие, более зрелые вещи.

Компаунс намеренно долго прикуривал сигарету, с тем, чтобы Диего попотел в ожидании. Затем пристально посмотрел на своего протеже сверлящим взглядом сквозь роговые очки.

— Зрелые — в каком смысле? В «Этических инженерах» есть масштабная, солидная, революционная концепция, как во всех вещах, которые мы публикуем. Или вы, Петчен, зацикливаетесь на таких никчемных моментах, как стиль? Вы, надеюсь, не собираетесь кормить меня банальностями? А теперь вы мне скажете, что поставляете виньетки, посвященные любовным похождениям вашего зубного врача, для «Музы Гритсэвиджа».

— Нет, нет, конечно же, нет. Но в самом деле, Уинслоу, нельзя же совершено игнорировать вопросы стиля.

— Нет, конечно. Согласитесь, я все-таки не такой тупой чурбан, как Маллика Пранг из «Подобий». Я предоставляю вам возможности для самовыражения, в том смысле, как вы это понимаете. Я признаю, что ваши сочинения постепенно обретают изысканность. Но когда налицо конфликт стиля и чувства отстранения, поэзии и идеи, я всегда буду безоговорочно стоять за отстраненность и за идею. Если в рассказе достаточно того и другого, стиль просто не имеет значения.

Диего показалось, что он сходит с ума. Компаунс приводил его в такое состояние уже по меньшей

мере месяц, но еще ни разу речь не заходила об этом конкретном, животрепещущем предмете. Диего начал сердиться.

— Уинслоу, вы не должны разделять эти компоненты! Они взаимно порождают друг друга!

Компаунс оборвал дискуссию знакомой фразой:

— Петчен, полагаю, редакционная коллегия обсудит этот вопрос. А пока обозначим суть разговора. Итак: мы можем включить в сборник обсуждаемый рассказ? Имейте в виду, это только один из общего числа победивших.

Диего покорно капитулировал.

— Да, конечно. Почему бы и нет?

— Прекрасно! Тогда давайте потревожим Пинни в его роскошном логове, а?

Верхний этаж здания издательства мог бы составить отдельную часть Города, настолько здешняя обстановка отличалась от сумятицы, царившей во владениях Компаунса. Миновав батарею помощников, Диего и Компаунс наконец оказались в кабинете, размерами не уступающем станции Метро, устланном коврами и обставленном как демонстрационный зал агентства по дизайну интерьеров. Диего нервничал, обливался потом и старался избавиться от ощущения

собственной незначительности, внушенной ему этой роскошью. Компаунса, как всегда самоуверенного, обстановка отнюдь не впечатляла.

Тиг Пинни скорчился за своим столом. Издатель, сморщенный, отягощенный годами человечек, одетый в костюм, который стоил больше месячного дохода Диего, походил на воскового гомункулуса[219] со скелетом из нержавеющей стали. В эту минуту Пинни заканчивал препирательства с другим автором, в котором Диего с удивлением узнал Йейла Драмгула.

Драмгул уже поднялся и наклонился над столом, чтобы пожать руку издателю.

— Превосходно, Тиг, пятьдесят тысяч — это вполне годится. Увидимся вечером в клубе? Замечательно!

Повернувшись, Драмгул заметил Диего и поспешил к нему с выражением неподдельной радости на лице. Стройный, рафинированный блондин, безукоризненно одетый, с загаром, полученным благодаря многим часам, проведенным в соляриях и в лодочных прогулках по Реке, он излучал жизненную силу и уверенность в себе.

---

[219] Примечания: 219

Гомункулус — согласно представлениям средневековых алхимиков, существо, подобное человеку, которое можно получить искусственным путем.

— Диего! Вот так сюрприз! Я тебя так и не видел после нашего маленького дебоша зимой. Слишком, слишком долго. Я уже все знаю про твою будущую книжку. Достойный и честный дебют. Куда ты отсюда направишься?

— В Центр.

— Блестяще! Я пока подышу свежим воздухом на улице, а потом мы с тобой пройдемся несколько Кварталов.

Драмгул вышел, сияя; Диего и Компаунс приблизились к Пинни.

Вблизи престарелый издатель, неморгающий и невозмутимый, производил впечатление не столько живого существа, сколько автомата для игры в шахматы. Только крошки в уголках рта и полоска пота возле высокого воротника рубашки свидетельствовали о ложности такого восприятия.

— Здравствуйте, мистер Петчен. Мой коллега, мистер Компаунс, настоял на том, чтобы вы высказались до заседания редакционного совета.

Диего пожал и отпустил руку, твердую и сухую, как доска. Словоохотливость Пинни привела его в замешательство, и он не сразу нашел, что сказать.

— М-м, благодарю вас, сэр. Моя книга… А, ну

да, моя книга… Что ж, я очень благодарен за то, что издательство «Пинни» так последовательно поддерживает «Космогонический вымысел».

— Да, да, конечно. Мы — издательство широкого профиля, выпускаем и качественную художественную литературу для элиты, и разного рода развлекательную массовую продукцию. Похоже, этот жанр «иных миров» хорошо продается, поэтому мы, естественно, считаем себя обязанными развивать его. Нельзя же уступать прибыль конкурентам, ведь верно? Мы не позволим какой-нибудь второсортной фирме, скажем, такой как «Чугай и Мансон», бросать нам вызов. Нет, ваша книга, безусловно, заполнит определенную нишу в наших планах.

Компаунс протянул хозяину кабинета лист бумаги.

— Это составленный нами проект содержания, сэр.

Пинни аккуратно извлек из нагрудного кармана свои очки для чтения с захватанными стеклами, развернул их, нацепил на нос. Следующие десять секунд у него ушли на изучение списка названий.

— Не сомневаюсь, Компаунс, все это — достойные образчики жанра. Вы же знаете, я полагаюсь

на ваше мнение в трудных областях.

Диего почувствовал, что ему пора проявить практичность — во всяком случае, хотя бы минимальную заинтересованность в материальной стороне вопроса.

— Мистер Пинни, могу я поинтересоваться условиями?

— Ну, я думаю, будет достаточно стандартного контракта на такого рода произведения. Тысяча быков аванса и потиражные десять процентов. В бухгалтерии вам все наверняка разъяснят подробно.

Желая поспорить относительно чересчур скромного аванса, Диего в ожидании поддержки взглянул на Компаунса, но редактор дал ему понять, что оспаривать предложение не следует.

— И когда моя книга выйдет?

— Какой у нас сейчас месяц? Август? Ну, если говорить откровенно, когда рукопись будет набрана, когда мы сварганим сколько-нибудь приемлемое оформление, тираж уйдет в печать сразу, как только типография окажется свободна от других заказов. Пять тысяч экземпляров — предельный тираж для всех «иных миров». Так что ваша книга может выйти уже в декабре. Или, самое позднее, весной.

В Диего боролись противоречивые чувства. Гордость за перспективу подержать в руках экземпляр своей первой книги в течение ближайших месяцев столкнулась с досадой на далеко не идеальное отношение к детищу его ума. Ему хотелось задать множество вопросов, касающихся разных аспектов проекта — рекламы, обозрений, спонсорской поддержки, — но он видел, что терпение Пинни на исходе. Поэтому в конце концов просто сказал:

— Для меня честь внести вклад в издательскую политику «Пинни», сэр.

— Разумеется, так оно и есть, молодой человек. Так что держитесь уровня ваших последних достижений, и вы непременно найдете достойную нишу в рамках вашего жанра.

В приемной Диего увидел поджидавшего его Драмгула; тот болтал с хорошенькой рыжеволосой секретаршей, которая раскраснелась от его речей.

Компаунс на прощание пожал Диего руку, еще раз отметил достоинства его творчества, упомянул о радужных перспективах, спросил, не готово ли что-нибудь для октябрьского номера «Зеркальных миров», и они расстались.

В августе жизнь на Бродвее бьет ключом. Дети

в маечках и трусиках играют возле ревущего пожарного гидранта. Уличные продавцы неподвижно стоят под тентами своих передвижных киосков. Размягчившийся асфальт превращается в мусоросборник: крышки от бутылок, обгорелые спички, нитки, обрывки газет. Диего снял галстук. Драмгул даже не ослабил узел своего, но тем не менее сохранял непоколебимое хладнокровие.

— Ну, как у тебя сладилось со стариком Тигом? Сумел поджарить ему пятки, чтобы он согласился на твои условия?

— Я бы не сказал. Просто принял его предложение.

— Выше нос, Ди! Жаловаться не на что. Да что там, помню я мою первую книгу, «Венки для влюбленных». Всего-то десять тысяч аванса, а за второй тираж я даже не требовал повысить процент! Да уж, я тогда был цыпленком! Но ты быстро сориентируешься.

На эту тираду Диего буквально выпалил:

— Йейл, как ты можешь писать одну только рутину? Ты же парень неординарный. Неужели тебя не интересуют крупные сюжеты?

Драмгул широким жестом обвел открывающийся перед ними городской пейзаж.

— Что может быть интереснее, чем пестрота у

тебя перед глазами? Бесконечная вереница угасших мечтаний и испарившихся вожделений. Ох, Диего, я исследую глубины человеческого сердца. Вот что хочет получить читатель. Повседневные заботы. Как люди зарабатывают на жизнь, приобретают друзей, женятся, умирают. Посмотри правде в глаза: большинству твой абсурд, твои полеты фантазии не нужны. Открой им то, что находится у них под носом, только предоставь новаторское, мощное освещение. Вот где ключ к успеху.

— Да оглянись ты вокруг! Ведь весь наш мир — одна гигантская загадка! Как он образовался, как мы попали сюда, что мы найдем в других областях Вселенной? Разве может иметь какое-то значение что-нибудь вне этих космических таинств?

— Все это, Диего, — вопросы для первокурсников философских факультетов. А со временем человек обретает зрелый взгляд, который сводится к по-настоящему жизненно важным вопросам. Ты до сих пор не хочешь признать, что ты и прочие Полоумные Космогоники застряли в области юношеских грез. Впрочем, для людей твоего темперамента и извращенных способностей это самое место, так я считаю. Ты потеряешься, если

попробуешь справиться с прозой обыденности.

От таких оскорблений Диего сжал кулаки и вспомнил синяк под глазом Драмгула, появившийся у того при их последней встрече. Но все-таки он заставил себя расслабиться.

— Йейл, здесь я спускаюсь в Метро. Как-нибудь увидимся.

— Конечно. Передавай горячий привет твоей мускулистой и не обделенной характером подруге. Как поживает Куш?

— У них все нормально, у обоих. Счастливо.

Диего вышел из Метро на станции, расположенной рядом с лотком Снарки Чаффа. Стоявший за прилавком Чафф был в футболке, под которой угадывались очертания впалой груди, и в холщовых шортах, открывающих худые ноги.

— Снарки, расскажи-ка мне, что за народ покупает «Зеркальные миры».

— Чудаки. Замечательные личности. Двух одинаковых не встретишь, и каждый из них — самый свободомыслящий. Ну, понятно, многие собирают последние гроши, чтобы купить последний номер. Но мои разговоры с покупателями такого рода заставили бы покраснеть любых профессоров.

Диего взял в руки экземпляр «Музы Гритсэ-

виджа».

— А кто покупает вот это?

— Да снобы по большей части. У многих словно метла в заднице. Не сказал бы, что хорошо их знаю, ведь они редко снисходят до болтовни с такими, как я.

Диего просиял.

— Ты, Снарки, наставил меня на путь истинный. Ты напомнил, что существует разница между семьей и кланом.

— Рад быть полезным, Диего. А теперь скажика: у тебя в последнем рассказе герой одевает труп родной сестры, которая умерла от чумы, насланной злым колдуном. Как ты проник в его мысли?

— Как я выгляжу?

У дверей особняка мэра, где в свете неоновых огней прогуливались приглашенные, Диего взирал на Волузию с благоговением и самым искренним восхищением. В своем черном бархатном платье, в открытых туфлях на высоких каблуках, с забранными назад и украшенными драгоценными заколками волосами, она как будто сошла с картины, например, с большой фрески, изображающей празднество добродушных гигантов.

— Если красоту оформлять как стиральный

порошок, ты бы получила категория «Суперэкономно — плюс сногсшибательная сила».

— Романтический эффект, коего я и добивалась. Вау! Обещай, что будешь и дальше заниматься своей космогонией и не попытаешься написать роман.

— Такое же обещание из меня недавно пытался выудить Йейл Драмгул.

— Надеюсь, ты к Йейлу прислушался. Умный парень, хоть и ядовитый, надо заметить. А теперь — пошли в дом. Не могу устоять перед соблазном!

Огромный, освещенный хрустальными люстрами, богато украшенный танцевальный зал занимал весь третий этаж дома в Гритсэвидже-851, протянувшегося вдоль Бродвея в сторону Трекса. Окна, за которыми открывался знакомый тревожный пейзаж Не Той Стороны Трекса, были скрыты шторами от потолка до пола, служившими драпировкой для невысокой эстрады. В этот вечер на эстраде за столами с льняными скатертями восседали: мэр Джобо Копперноб, его почетный гость, мэр Палмердейла Моасир Куин, и ассорта из привилегированных чиновников, домочадцев, друзей и финансистов с обеих сторон. Слева от эстрады, на более скромной по размерам

площадке, размещался оркестр из пяти человек. Музыканты уже собрались и пробовали ноты. Диего обрадовался, увидев коллектив Рамболда Прага в полном составе: Лидия Кинч, Скриппс Скегуэй, Люсерн Кейнбрейк и Редди Диггинс. Сам трубач еще не появлялся.

Стену, примыкающую к Центру, закрывал колоссальный буфет: замороженные креветки, нарезка говядины, тонкие ломтики ветчины и поджаренные куриные крылышки, разнообразные салаты и пунши. Умелые и общительные бармены орудовали за стойкой открытого бара, смешивая «Арканум», «Баззер», «Космополитен» и другие коктейли. Вдоль двух стен выстроились складные стулья, но гости по большей части оставались на ногах. Они манипулировали тарелками и бокалами и сновали от одного беседующего сборища к другому. Центр танцевального зала оставался пустым, от публики его отгораживали бархатные тросы, укрепленные на бронзовых подставках.

— Я умираю с голоду! — объявила на весь зал Волузия. — Диего, ты понимаешь, что сегодня мой обед был прерван пожаром на складах на Стапеле-833? Мне едва хватило времени принять душ и привести себя в божеский вид перед встре-

чей с тобой. Давай есть!

Диего позволил утянуть себя к столу с едой. Ему было неуютно во взятом напрокат смокинге, он сомневался, что сумеет удержать тарелку и стакан одновременно, а потому ограничился кружкой терпкого пунша, хотя и был не менее голоден, чем Волузия. В то время как она до краев наполняла свою тарелку мясом и рулетами, он пристроился к подносу с канапе и съедал их одно за другим, когда никто не смотрел. Между тем особо важные гости ужинали на возвышении в более элегантной манере. Их обслуживали сновавшие непрекращающимся потоком официанты.

Волузия возвратилась к нему и впилась в сандвич, состоявший из трех пластов мяса и стольких же слоев хлеба.

— Вол, я же ни с кем здесь не знаком! Ты обязана свести меня с некоторыми персонажами.

Шумно глотнув, Волузия указала в сторону рукой, в которой держала оставшуюся половину сандвича.

— Это Толкен Синсалида, Генеральный инженер мэра. Левее — Муццио Кловз, король панчбордов. Само собой, этот парень с фотоаппаратом — Мейсон Джинджерпейн. А вот этот, с мелкими глазками, в белом костюме — его босс,

издатель «Ятагана» Людик Рукенхайм. Кого тебе еще назвать?

— Пока достаточно. Откуда ты знаешь столько народа?

— Я же тебе говорила. С тех пор, как я спасла эту дряблую тушу, я превратилась в любимую собачку Коппернобa, его «связью с рядовым избирателем». Сейчас он водит меня на все официальные мероприятия. Там я и познакомилась с большинством этих крахмальных воротничков.

Диего в изумлении покачал головой. Способность Волузии весело принимать все, что бы ни подбрасывала ей жизнь, не переставала поражать его.

Ему показалось, что в дальнем конце зала мелькнуло знакомое черное лицо — резкие черты и пресыщенное выражение Рамболда Прага. При виде музыканта настроение Диего сразу же поднялось.

— Вол, я там увидел Рамболда Прага. Хочу обсудить один вопрос, который меня сейчас тревожит.

— Развлекайся. А я думаю подплыть вон туда и подразнить Кегни Пассуотера, заместителя Коппернобa. Между прочим, он в меня почти влюблен.

Но Диего уже удалился.

Пробираясь по лабиринту среди непринужденно беседующих гостей со всей светской ловкостью, на какую был способен, он потерял Прага из виду. Остановился, чтобы достать записную книжку, и внезапно оказался рядом со своим издателем.

Хилый и все же властный Тиг Пинни слегка опирался на руку роскошной брюнетки, своей партнерши на этот вечер (а может быть, и жены). Продолжая распространяться об искусстве и политике, Пинни не сразу заметил Диего. Последний, обрадовавшись, попытался было ускользнуть, но его окликнул не кто иной, как Йейл Драмгул, и Диего вынужден был присоединиться к кружку.

Пинни радушно приветствовал его.

— Приятно удивлен тем, что вижу вас на этом вечере, мистер Петчен. Дамы и господа, это Диего Петчен, один из наших авторов. Он специализируется на фантастических историях.

— Писанина об «иных мирах», — добавил Драмгул.

За этим сообщением последовали едва скрываемые смешки и хихиканье, и Диего почувствовал, что горячо и неудержимо краснеет.

— Совершенно верно. Думаю, я и мои коллеги по жанру приносят мистеру Пинни большую часть его доходов. А теперь, если вы меня извините, я постараюсь поискать моего отравленного наркотиками, ошивающегося среди отбросов общества друга-музыканта, любителя игры в пул[220].

Диего оставил ошарашенных весельчаков с чувством великого удовлетворения, в котором ощущалась примесь жалости. К счастью, он уже получил свой аванс.

Как бы то ни было, Рамболда Прага нигде не было видно. Диего представил себе, как тот в санитарной комнате делает себе укол перед выступлением, и это напоминало ему о Зохаре Куше и Милагре Ивентир.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Волузия присоединилась к Диего. На ее соблазнительном платье красовалось маленькое пятнышко горчицы.

— Диего, быстрее! Скоро начнутся танцы! Или ты хочешь предоставить меня в распоряжение Пассуотера и его дружков?

— Ни в коем случае. — Диего предложил Волу-

---

[220] Примечания: 220
Пул — разновидность игры на бильярде.

зии руку. — Идем?

Они подошли к ограждающим канатам как раз тогда, когда последние были торжественно опущены. Выплыв в центр танцевальной площадки, Волузия и Диего оказались лицом к оркестру. Музыканты, настраивая свои инструменты, поджидали руководителя. Вскоре Рамболд Праг выбрался на эстраду; его облик выражал презрительное, дерзкое безразличие. Собравшиеся приветствовали его стихийными аплодисментами. Он же поднес мундштук трубы, снабженный золотой сурдинкой, к губам (цвет яркого красноватого металла напоминал о крови Зверя Города), и немедленно наступила тишина.

Первые извлеченные Прагом ноты пробили путь к сердцу каждого слушателя. Тяжелые, как смерть, сладкие, как первая любовь, скоротечные, как то и другое, они растекались по залу подобно переплетающимся гирляндам. Они то поднимались до невозможных крещендо, то опускались до почти неслышного шепота. Тот факт, что музыка рождалась на фоне неизменного выражения болезненного презрения, лишь усиливал ее воздействие. После нескольких тактов музыканты вошли в резонанс с руководителем группы: они мягко прикасались к барабанам, щипали басовые

струны, ласкали свои саксофоны, уныло стучали по клавишам фортепьяно.

Волузия прижала Диего к себе, словно боясь потерять его навсегда, и они вступили в танец.

По окончании этой композиции и двух следующих, столь же печальных и волнующих, Диего почувствовал, как на его плечо легла чья-то рука.

Мэр Джобо Копперноб походил на покидающего спорт атлета; его бритая голова все еще выглядела внушительно. Прежде чем заняться политикой, он был профессиональным баскетболистом, играл за «Кочегаров Гритсэвиджа», но с того времени былая стройность уступила место полноте.

— Волузия, солнце мое! Как я понимаю, это ваш счастливый избранник. Познакомьте же нас!

— Господин мэр, это Диего Петчен, лучший писатель Гритсэвиджа. В самые ближайшие дни должна выйти его первая книга, которая прославит его!

— Волузия, вряд ли стоит…

Копперноб выглядел разочарованным — словно бы ремесло Диего делало его недостойным привязанности Волузии.

— Вы, надо полагать, пишете о всякой жиз-

ненной рутине. Женская неверность, нищета, рекламный бизнес…

— Вовсе нет! Моя тематика — «космогонический вымысел».

— Подождите-ка. Вы написали «Тени инквизитора». Мне очень понравился этот рассказ!

— Так вы читаете «космогонический вымысел»?

— Да только его и читаю! Но ведь это превосходно! Это прекрасно вписывается в мой план, который я собираюсь сегодня огласить. Однако прежде всего я настаиваю на том, чтобы пройти танец-другой с лучшим представителем моих гражданских служб. Так что, если, вы, Диего, не возражаете…

— Что вы, конечно, нет. Прошу вас.

Диего отступил за пределы танцевальной площадки. В его душе ревность мешалась с гордостью. Копперноб и Волузия являли собой впечатляющее зрелище. Но вот Волузия снова оказалась с ним, а мэр обратил свой интерес к другим женщинам.

Наконец Волузия решила, что с нее достаточно.

— Мои ноги больше не выдержат! Давай посидим, пока Праг там выделывается.

Диего был рад перерыву. Они направились к свободным стульям.

Когда музыканты взяли первый перерыв (Праг соизволил пробормотать отрывистое «Спасибо»), Копперноб поднялся на центральную эстраду и потребовал микрофон.

— Прошу внимания! У меня для вас важное сообщение. — Он сделал знак мэру Палмердейла, тихому, худощавому и исполненному чувства собственного достоинства господину, чтобы тот встал рядом с ним. — В ответ на любезный визит моего доброго друга мэра Куина город Гритсэвидж организует культурное посольство в Палмердейл. Наши лучшие, наиболее одаренные граждане, представляющие все ремесла и общественные слои, во главе с вашим покорным слугой, возьмут на себя миссию, которая укрепит связи между нашими славными Районами. Мы отправимся в самое ближайшее время. А пока наши посланцы успеют устроить свои дела с учетом своего отсутствия в течение пары месяцев. Мы поплывем на «Днях на Янне» — пароход не самого низкого класса. Многие участники миссии сегодня здесь, среди нас, и я хотел бы пригласить их поименно на сцену, чтобы они поклонились вам и услышали ваши аплодисменты.

— Рамболд Праг.
— Мейсон Джинджерпейн.
— Кегни Пассуотер.
— Юпл Бабаян.
— Волузия Биттерн.
— Диего Петчен.

Совершенно ошарашенный Диего не зафиксировал ни одного имени, произнесенного вслед за его собственным. Оказавшись на сцене рядом с сияющей Волузией, он был в состоянии только таращиться, словно в удивительном сне, на поднятые головы, на лица, приветствующие его и его новых товарищей.

Однако, несмотря на потрясение, ему польстило выражение зависти и недоверия на красивом мрачном лице Йейла Драмгула.

— Не может быть, Ди, это же потрясающе!

Зохар Куш на мгновение отвернулся от Диего, чтобы отсчитать сдачу юному посетителю Аркады. Звон колокольчиков, звуки гонга, стук металлических шаров о лопатки и стук деревянных шаров, сшибающих кегли — все это вынуждало говорить громче. Диего пришел в Аркаду на следующий день после приема у мэра, и у него все еще кружилась голова от непредвиденных последствий этого мероприятия.

— Так это же колоссальная раскрутка для твоей книги! Репортажи в «Ятагане»! Фото Джинджерпейна! Да твое имя будет у всех на устах!

— Мэр сказал, что только автор «космогонического вымысла» сможет передать подлинную прелесть нашей поездки.

— Вот это уважение, вот это покровительство, которого ты, Ди, всегда заслуживал. Кстати, как далеко от нас Палмердейл?

— Почти в двухстах пятидесяти тысячах Кварталов. Две с половиной тысячи Районов! Скорость «Янна» — примерно сто Кварталов в час, так что путь в сторону Центра займет около двух недель. Обратный путь против течения — немного дольше. Понятно, в Метро мы доехали бы гораздо быстрее, но Копперноб просто не в состоянии умерить амбиции. Ты можешь себе представить, как мы будем вымотаны после такой долгой дороги? Нет, мы путешествуем с размахом!

— Тебе придется многое сделать до отъезда.

— Да не так уж много. Вещей у меня минимум. У Компаунса в запасе есть парочка моих рассказов, их хватит на время моего отсутствия — на один или два номера. У меня, естественно, нет протекции, чтобы продвигать свою книгу, поэтому Тиг Пинни не станет требовать моего участия в

раскрутке. Нас не будет в общей сложности два месяца. В общем-то, мне нужно только навестить отца и убедиться, что миссис Лоблолли и доктор Тизел за ним присмотрят. Надеюсь, ты тоже будешь заглядывать к нему время от времени.

— Без вопросов. — Зохар помолчал, но затем все-таки решился сказать: — А ты не боишься, что он умрет, пока ты будешь в отъезде?

— Доктор Тизел считает, что он проживет дольше. А лично я думаю, что он меня дождется хотя бы для того, чтобы устроить очередную эмоциональную взбучку. Кроме того, для меня эта поездка — уникальный шанс всей жизни. Было бы непростительно его упустить.

— Да, несомненно. Что ж, выходит, у тебя хватит времени, чтобы с размахом отпраздновать это событие с друзьями. Сегодня же и начнем! Моя смена заканчивается через полчаса. Вот тебе жетоны, пойди сыграй пару ставок. Потом заедем за Милагрой и Волузией и отправимся по барам. У Уитстэнли сегодня женский вечер, играет Блекуэлдер.

— А ударные — Мьюборн?

— Кто же еще?

— Принято!

Когда друзья вышли на Бродвей, два Солнца

стояли еще относительно высоко. Направляясь к дому Зохара, они болтали обо всем на свете. Диего чувствовал себя так, словно грядущая дорога перед ним и Зохаром вымощена золотом.

Наконец Зохар повернул ключ, и они вошли в квартиру.

— Милагра! Ты должна об этом узнать! Потрясающая новость!

Диего остался в передней. Зохар устремился в жилые комнаты, выкрикивая имя своей подруги. Потом повисла тишина. Наконец всклокоченный человек с лицом, напоминающим череп, появился в передней.

— Ее нет. Она все-таки добралась до всех наших сбережений. Я хранил деньги в пустом переплете — между прочим, от книги Драмгула. — Зохар попытался изобразить улыбку. — Я подумал, что его писания можно и вырвать. А она все равно ничего не читает…

— Как, Зохар? Почему ты не положил деньги в банк?

— Видишь ли, Ди, я не очень-то желанный гость в банках Гритсэвиджа. Было как-то одно маленькое недоразумение.

— Куда она могла пойти?

— Да куда же еще? К своему поставщику. Теперь

быстро! Может быть, мы еще успеем…

Бешеная гонка в Метро казалась бесконечной — и мгновенной. Диего лихорадочно размышлял, оценивая варианты, возможности, способы помочь Зохару, бедняжке Милагре. Но в конце концов он был вынужден признать собственную беспомощность.

К стальной двери, вмонтированной в заднюю часть дома в центре Квартала, можно было пройти только по засыпанному углем желобу, протянувшемуся параллельно Трексу. Полоски ржавчины тянулись по бетонной стене. Пока Зохар колотил в дверь, мимо промчался окутанный горячим и грязным облаком Поезд. Заходящее Сезонное Солнце отбрасывало на серую стену бурый отблеск. Наконец в окошке показалась пара налитых кровью глаз.

— Лайонел! Милагра здесь?

— Не знаю, брат…

— Значит, открывай, я сам посмотрю.

Медлительность наркомана превратила отодвигание засовов и отпирание двери в нескончаемое мучение, но наконец Диего и Зохар оказались в доме.

Притон, который скудно освещали несколько тусклых лампочек, был обставлен на манер

ночлежки: пара коек, матрасы и нары. Шприцы валялись везде, где не лежали люди, а еще — на крышках ящиков и на табуретках. Повернуться было практически негде. Зохар тут же стал переходить от одного дремлющего к другому, пребывающему в коматозном сне, в поисках дорогого ему лица. Диего двигался с большей осторожностью, стараясь нечаянно не уколоться.

Они обнаружили Милагру в цокольном этаже, в пропитанном кислым запахом углу. Рядом валялись три пустых шприца. По ее щеке и подбородку стекала слюна, и она вдыхала воздух через долгие промежутки времени.

Зохар приподнял ее за плечи.

— Три порции дури! Да она несколько месяцев не употребляла три порции! Диего, пожалуйста, помоги. Нам нужно увезти ее в больницу…

Диего наклонился, чтобы подхватить ноги Милагры.

И тут явились Могильщики.

Пять светящихся Рыбачек проникли сквозь стену цокольного этажа так легко, как будто на ее месте был просто воздух, и наполнили помещение своим соленым запахом. Невысокие — в половину человеческого роста — перламутровые одноцветные Рыбачки были облачены в колышу-

щуюся ткань, которая казалась продолжением их самих. Большие, неправильной формы крылья, похожие на матерчатую оболочку омаров, развернулись за их спинами, проходя сквозь любое неодушевленное препятствие — стены, потолок, мебель. Тонкое мелодичное жужжание, почти членораздельное, полилось в уши людей. Могильщики излучали тающий блеск в виде снежинок холодного света. Их сестринские лица, все разные, все подобные, не выражали никаких эмоций.

— Нет! — закричал Зохар.

Но всякое возражение, всякое противодействие было бесполезным.

Рыбачки вполне осязаемо обхватили Милагру и забрали ее из исступленных объятий Зохара так же легко, как мать отнимает у ребенка острый предмет. Затем они поднялись по балкам, и мертвое тело Милагры просочилось сквозь невидимые просветы в материи так же легко, как и ее проводницы на Другой Берег.

Зохар рухнул, рыдая. Диего опустился рядом с ним. Одеяла, на которых лежала Милагра, были еще теплыми. Постепенно характерный морской запах Рыбачек рассеялся.

Всхлипывания Зохара затихли нескоро. Они

с Диего помогли друг другу подняться на ноги. Заметив сумочку Милагры, Диего взял ее, и друзья вышли.

Сумерки уже сгустились. Когда Зохар и Диего достигли Бродвея, ночную темноту пронизывал свет фонарей. Они прошли с десяток Кварталов. Наконец Зохар заговорил:

— Да, Диего, теперь в этом унылом, одиноком, бессердечном Районе у меня не осталось ничего. Я уезжаю.

Усталым движением он забрал у Диего сумочку, достал оттуда деньги, которые небрежно положил в карман, и выбросил то, что осталось от Милагры, в сточный желоб.

— Куда? Куда ты поедешь?

— Как можно дальше отсюда. На Окраину и еще дальше.

4
Миры для вопрошающих

Прощание с Гэддисом Петченом за несколько дней до отправления «Янна» принесло и отцу, и сыну как ожидаемые, так и неожиданные эмоции.

Как всегда, Диего убивал время в магазине

Ивенсона. Он попросил у хозяйки, вечно занятой Эсмин, бутылочку сельдереевого настоя, а потом подошел к новому панчборду. К своему удивлению, он выиграл несколько монет, которые Проспер Ивенсон ему выплатил. Диего присвистнул, обрадовавшись доброму знаку, и вышел из магазина.

Был конец сентября, и листья на знакомом дереве под окнами отцовской квартиры уже по-осеннему засыхали, а шелуха от семян усыпала тротуар. Интересно, зацветет ли это дерево в следующем году, подумал Диего.

Оказавшись в сыром, темном логове отца, Диего объявил о своих планах. К его удивлению, отец не стал эгоистически протестовать и настаивать на отмене поездки в Палмердейл. Он от души поддержал намерения Диего и протянул ему руку. Слегка смутившись, Диего отвел взгляд и сжал сухую, морщинистую руку отца. Еще больше он удивился, когда увидел, что на столике лежит раскрытый экземпляр «Зеркальных миров», словно Гэддис читал рассказ своего сына.

— Скажи мне, — спросил Гэддис, — как дела у твоего друга Зохара Куша?

Диего моргнул.

— Не блестяще.

Он рассказал отцу о смерти Милагры Ивентир и о безумном, отчаянном бегстве Зохара из Грит-сэвиджа.

— В ее передозировке сыграло роль то лекарство, что ты у меня украл?

Диего почувствовал, что краснеет. Ему пришлось проглотить убийственный комок стыда, прежде чем он ответил:

— Нет, сэр. Оно было использовано только для того, чтобы спасти ей жизнь. У нее был доступ к другим, более жестким наркотикам перед тем, как она умерла.

Гэддис Петчен равнодушно махнул рукой.

— Конечно, конечно. Я не совсем наивен. В свое время, сынок, я исходил Город. Но если возникнет новая критическая ситуация, попроси, пожалуйста, меня о помощи. Договорились?

— Договорились.

Попрощавшись с отцом и пообещав зайти к нему первым делом после приезда, Диего почувствовал, что в них обоих что-то изменилось.

В свежий ветреный день отъезда никто не разбивал бутылку шампанского: этого предмета роскоши на Поездах и Кораблях не было уже много недель, и все доступные запасы иссякли. Веселые провожающие на берегу и охваченные

нетерпением пассажиры на палубе оказались свидетелями того, как заместитель мэра, Арчер Торнхилл, по-мужски уверенно разбил о нос «Янна» бутылку с яблочным соком. Через несколько минут после церемонии капитан Виго Дассо вывел судно на середину Реки и развернул в сторону Центра. Солнечный свет плясал на серебристой ряби.

Диего казалось, что первые дни путешествия протекали идиллически. Круиз дал ему то, что он любил: свободу от хлопот и обязанностей, хорошую еду, напитки по душе, интересные разговоры и оживленные ночи наедине с несравненной Волузией Биттерн, они проводили в их небольшой каюте, как два влюбленных голубка в гнезде. Его единственная обязанность: регулярно писать репортажи из пары тысяч слов, отправлявшиеся на Метро с курьерами каждый раз, когда «Янн» подходил к Стапелю в незнакомом Районе, чтобы взять на борт уголь и другие припасы.

Постоянно меняющийся, но в целом однородный пейзаж Города проплывал мимо судна подобно бесконечной вращающейся диораме. Раз в час или около того, регулярно, как хронометр, капитан Дассо объявлял название Района, у границ которого оказывался корабль: «Пергола…

Киндерли… Маустериан-пойнт… Шилох… Кловисфорд… Меркосур… Оудвилл… Бриджуотер… Фрументиос… Кэндлмас… Смиттаун… Гавранка-петановикборо…» Постепенно тягучая литания стала вызывать гипнотическое чувство отчуждения. Это путешествие вместит две с половиной тысячи разнообразных названий! Уже после первых нескольких десятков родной дом стал казаться невообразимо далеким.

Монотонность ландшафта нарушилась у 10 224 001-го Квартала, но перемена не была приятной. Перед путешественниками предстал худший тип Кварталов Гетто: пожар превратил целый Район в нагромождение обгоревших обломков — безлюдных, зловещих, предостерегающих. Пассажирам была видна Не Та Сторона Трекса. Прямо за их спинами находилась граница между этим миром и Другим Берегом, и это ощущалось как тревожная аномалия. Капитан Дассо произнес название Района «Кресспандит» с особой торжественностью. Запустение вскоре осталось позади, но пугающее зрелище надолго осталось в душах пассажиров.

Погода дарила более здоровые впечатления. Бури бушевали на Другом Берегу и время от времени начинали боковое движение, прежде чем

пересечь Город. Когда кипящие, сопровождаемые треском вихри накрывали «Янн», экипаж лихорадочно работал, а пассажиры укрывались в подпалубных помещениях, где наслаждались закусками и освежающими напитками.

Диего счел, что его спутники представляют собой любопытное общество. Их предводитель, мэр Джобо Копперноб, оказался не совсем тем хвастливым и самодовольным жизнелюбом, каким представлялся на публике. Проявляя искреннюю самоотверженность на службе своему Району, бывший спортсмен подробно разъяснял, каких выгод ждет от этой поездки: новых произведений искусства, новых товаров, новых взглядов. Будучи знатоком «космогонического вымысла», он вел с Диего долгие беседы в таком роде, который писатель больше всего любил: о творениях воображения. По несколько часов в день они могли обсуждать достоинства разных писателей и произведений.

Толкен Синсалида, Генеральный инженер мэра, также привлекал внимание Диего. Этот человек, невысокий и худощавый, с умными глазами и забавной седой каймой вокруг лысой макушки, обладал умом, равно восприимчивым как к практическим, так и к теоретическим аспек-

там своей деятельности. Диего он заинтересовал долгими разговорами о плачевном состоянии технологий в Городе и перспектив перемен и совершенствования.

— Не мы создавали ту искусственную среду, в которой пребываем, мы только унаследовали ее (во всяком случае, об этом как будто свидетельствуют архивы), и потому находимся в положении ребенка, которому дали изучить радиоприемник, а потом поручили воссоздать его из кучи разрозненных безымянных деталей. Теоретических представлений о большей части Города не существует. У нас нет инструментов, чтобы изготовить инструменты для изготовления других нужных нам инструментов!

Диего чувствовал, что его кругозор расширяется после каждой лекции Синсалиды, и уже представлял себе, как по возвращении домой использует в своих произведениях полученные запасы знаний.

Мейсон Джинджерпейн, знаменитый фоторепортер из «Ятагана», возглавлял коллектив любителей незамысловатых, но забавных игр, связанных с картами, пением и потреблением алкоголя.

Юпл Бабаян пугала Диего. Казалось, что эта

каменная, бесполая женщина, профессор философии из Колледжа Гритсэвиджа, полностью лишена эмоций, что она — не более чем мыслящая машина, которую не трогают никакие внешние обстоятельства. К тому же она умела задавать такие вопросы, которые заставляли активно работать даже профессионально натренированный мозг Диего.

— Петчен, вы верите в Нулевой Квартал?

— Как? Что вы имеете в виду?

— Номера кварталов в Гритсэвидже относятся к одиннадцатому миллиону, и их отсчет начинается от некоего исходного пункта. Чтобы попасть в Палмердейл, нам предстоит миновать около двух процентов от числа этих Кварталов. А если бы мы продолжали двигаться дальше? Существует ли Нулевой Квартал? Или принятая у нас нумерация — только камуфляж? А если Нулевой Квартал существует, то что бы мы увидели с его дальней границы?

Диего показалось, что его разум и язык парализовало. Он ретировался под каким-то предлогом и с тех по возможности избегал общения с Бабаян.

Даже прилипчивому Кегни Пассуотеру, вопреки его попыткам завязать легкий флирт с заманчиво непринужденной Волузией, удава-

лось развлечь Диего огромным запасом сальных анекдотов.

Все эти люди, равно как и еще ряд соотечественников (все они были яркими представителями своего круга), способствовали тому, что время текло незаметно.

Но самой привлекательной стороной путешествия была возможность общаться с Рамболдом Прагом.

Невозмутимо приветливый музыкант подолгу сидел в своей отдельной каюте, и Диего подозревал, что эти долгие часы он проводит в объятиях героина. Но, с другой стороны, находилось немало женщин, которые приходили к Прагу и развлекали его. Когда же он появлялся и присоединялся к остальным, то неизменно являл собой воплощение любезности. Праг не рисовался излишне, не был особенно разговорчив, и все-таки играл жизненно важную роль во многих беседах. Как-то Диего представилась возможность в открытую схлестнуться с Прагом в дискуссии о некоторых направлениях художественного творчества; а началось все с раздражавшего Диего редактора Уинслоу Компаунса.

Праг терпеливо выслушал тревоги Диего, после чего наклонил голову — и Диего увидел над его

темными очками два налитых кровью полукруга глаз. Музыкант пророкотал своим хорошо поставленным басом:

— Если это сидит в тебе, брат, то оно должно выйти наружу. И выходит оно в виде стиля. Но стиль рождается всем, что ты видел, делал или думал. Ты не сможешь отойти от своего стиля или покончить с ним по желанию. Самое большее, что ты сможешь сделать, это несколько сгладить кой-какие острые углы. Отделать марку своей фирмы.

Диего почувствовал, как безмерный груз, который он невольно тащил на своих плечах, испарился. Слушая в тот же вечер, как Праг в одиночестве репетирует на палубе (его самозванные слушатели собрались в темноте, на почтительном расстоянии от трубача, тем самым обеспечив ему желанное одиночество и в то же время не позволяя себе пропустить ни единой изысканной ноты из тех, что разносились во влажном воздухе), Диего нашел это подкрепление ранее изложенной теории музыканта даже более убедительным, чем его рассуждения.

Единственными, кто составлял противовес этому гармоничному сообществу, были мэр Моасир Куин и его небольшая команда. Четверо

или пятеро выходцев из Палмердейла, одетые в свои причудливые наряды, предпочитали не смешиваться с гостями из Гритсэвиджа. Обедали и ужинали они отдельно. Они вежливо разговаривали, произнося слова на свой странный манер и используя местный жаргон, но сами никогда не начинали бесед. И естественно, они никогда не принимали участия в игре в покер, шарады или «двадцать ответов».

На вопрос об их обособленности Джобо Копперноб только пожал плечами.

— У них в Палмердейле все по-другому. Другие привычки, другие взгляды, другие ценности. Только поверите, беседы с Куином убедили меня в том, что они очень даже хотят иметь с нами дело. В конце концов, какой смысл проделывать такой путь, чтобы встретить людей, во всем похожих на нас?

К середине октября уровень воодушевления на борту теплохода возрос. До Палмердейла оставалось лишь две тысячи Кварталов. Вскоре гостям предстояло высадиться на берегу, не похожем ни на какую землю, на которую ступала их нога.

Засыпая на узкой кровати, Волузия так крепко обнимала погрузившегося в задумчивость Диего, что он почувствовал, что готов к взрыву и в то же

время защищен ее любовью.

Первая неделя в Палмердейле прошла без происшествий. Сразу после отмеченного изобилием вина октябрьского утра и высадки на берег на Стапеле Палмердейл-35 гостей приветствовала музыкой и почти беспрерывными радостными возгласами большая толпа пребывающих в приподнятом настроении горожан и чиновников. Не были забыты никакие почести, а каждое слово вновь прибывших воспринималось как проникающее до глубин души.

По прибытии в трехзвездочный отель «Паво армз» группе гостей из Гритсэвиджа был предложен краткий отдых перед вечерним приемом. Волузия и Диего с радостью рухнули на удобную кровать. Их смешила невероятность того, что они оказались здесь, в такой дали от дома.

— Пожарный и писака! Честное слово, мы надули весь мир!

— Говори за себя, Ди. Мои природные таланты сейчас получают достойное признание.

Довольные тем, что могут побыть вдали от товарищей по путешествию — тесные пространства «Янна» под конец стали терять свое очарование, — они вдвоем насладились длительным душем и заказали в номер обильный обед. После

этого они заснули, а около пяти часов их разбудил звонок управляющего, напомнившего о вечерних обязанностях. Они оделись подобающим образом и присоединились к своим в фойе. Диего нашел шифоновое платье Волузии очаровательным; по-видимому, так же считал и Пассуотер, судя по его плотоядному взгляду. Их провели к автомобильному кортежу, и они направились в Центр, к особняку мэра.

Оказавшись в обширном, шумном, многолюдном зале приемов, Диего испытал мощное, хотя и странное ощущение deja vu[221]. Вся сцена живо имитировала, пусть и с большими отклонениями, событие, имевшее место дома, когда Диего был назначен участником этого вот визита. Ощущение было столь ярким, что Диего почувствовал, будто его сознание раздваивается. Точнее, ему казалось, что его воспоминания исказились, и настоящее вторглось в прошлое, чтобы его изменить.

В Палмердейле многое отличалось, пускай даже совсем чуть-чуть от аналогичных деталей в Гритсэвидже. Благодаря новейшим архитектурным изыскам здание снаружи и изнутри казалось

---

[221] Примечания: 221
Deja vu — уже виденное (фр.).

сверхъестественно чуждым. Девиз Района, помещенный на фронтоне, содержал некоторые непонятные символы. Необычные фасоны платьев также вносили свою лепту в ощущение диссонанса. Но более всего Диего коробила речь обитателей Палмердейла. Те немногие разговоры, которые он уже успел провести с местными жителями, начинались довольно гладко, но через каждые пять или десять слов проявлялись признаки непривычного словоупотребления. Порой эти препятствия удавалось обойти, но в иных случаях они складывались в барьер непонимания.

Сейчас же, когда мэр Палмердейла поднялся, чтобы произнести речь, этот эффект уже невозможно было игнорировать.

Диего понимал в лучшем случае половину сказанного.

— Квинты и насмешники, я так блискую, потому что передо мной столько славных бочонков и могу предложить нашим новым летучникам тянучий приезд. Я ожидаю долгого и мошоночного словолепия между нашими здоровскими Районами, что принесет нам рост товарооборота, новые глупышные продукты и отлив умностей…

Некоторое время Диего пытался следить за речью, но в конце концов сдался. Он наклонял

голову и улыбался, надеясь, что это во всех культурах будет воспринято как знаки признательности и дружелюбия, и он не покажется просто счастливым идиотом. Его товарищи прибегли к той же тактике — все, кроме Юпл Бабаян, которая делала какие-то записи на льняной салфетке.

Пока Моасир Куин продолжал разглагольствовать, Диего прокручивал в голове сюжет нового рассказа: герой просыпается утром и обнаруживает, что не понимает речь окружающих.

Последующие дни прошли в непрекращающемся вихре деятельности. Вместе и по отдельности, жители Гритсэвиджа знакомились со своими двойниками из Палмердейла. Диего обнаружил, что его литературный цех имеет продолжение в четверти миллиона Кварталов от его родного. Он общался с десятками мастеров «космогонического вымысла», впитывал новые интригующие сюжеты и, хотелось бы верить, сам чем-то поделился с собратьями. И чем больше было разговоров, тем понятнее становилось ему наречие, принятое в Палмердейле.

Волузия черпала вдохновение во встречах с пожарными Палмердейла.

— Ди, ты не поверишь! Они применяют замечательное шарнирное соединение, которое

предотвращает перекручивание шлангов!

По всей вероятности, профессиональный энтузиазм стал законом и для других гостей. Если судить по таким достижениям, как передача Прагом квартету музыкантов Палмердейла лучших старых ритмов, культурная миссия приносила сладкие и сочные плоды.

Да, эти обмены мыслями были приятно стимулирующими, но все-таки они отнимали у Диего энергию и вкус к дискуссиям. Поэтому, когда как-то вечером Джобо Копперноб подошел к нему и шепотом предложил взять краткую паузу в активной деятельности, он согласился без колебаний, только сказал Волузии пару виноватых слов.

Шагая по ярко освещенному Бродвею в центре кучки мужчин из Гритсэвиджа, Диего ощущал неприятное возбуждение. Его беспокоило, как отреагирует Волузия, если ей станет известна правда об этой вечерней вылазке. (Легенда заключалась в том, что предпринимался поход в парную, куда женщинам доступ закрыт.) Может, ему все-таки удастся ускользнуть…

Но тут большая ладонь баскетболиста Джобо Коппернoба опустилась на его плечо, прочно приковывая к компании гуляк.

— Эй, Петчен, экстравагантное завершение нам всем не повредит! Нисколько не хочу обидеть вашу даму, она красива и, уверен, любвеобильна, но даже совершенство приедается.

— Не всем нам выпало взять с собой наших подруг, — вставил Мейсон Джинджерпейн. — Я так изголодался, что стал даже подумывать о Бабаян. Это единственная женщина, которую не приватизировал Праг.

Музыкант, чьих глаз не было видно, хмыкнул и отозвался:

— Дамам нравятся мужчины, которые меньше болтают.

Кегни Пассуотер провел рукой по приглаженным волосам.

— Это мне напомнило анекдот. Однажды сия ледяная изобретательница осталась наедине со своими загибами…

— Прошу вас, — весело вмешался Синсалида, — не надо беспричинных намеков на мою профессию.

Все авантюристы (их было человек двенадцать) беззаботно рассмеялись. На протяжении еще нескольких Кварталов в группе царило шутливо-добродушное настроение. Уроженцы Палмердейла, шедшие навстречу, смотрели на

шумную компанию незнакомцев с удивлением, но без осуждения.

— Вот! — воскликнул Копперноб. — Вот этот адрес мне назвали. Я командую парадом!

Перепрыгивая через две ступеньки, он взбежал на крыльцо и принялся звонить в дверь. Шторы раздвинулись, и дверь отворилась.

Полногрудая женщина, с улыбкой приветствовавшая гостей, несомненно, была самой «мадам». Диего подумал, что она похожа на длинноногую танцовщицу кордебалета, которая, набрав лишний вес, переквалифицировалась в шеф-повара изысканного ресторана.

— А-а, гости дорогие! Прошу вас, бражники, добро пожаловать в лучший веселый дом Палмердейла! Заходите, и мы обеспечим вам развлечения по первому разряду!

Копперноб и его спутники вошли внутрь.

Сердце Диего бешено заколотилось при виде сцены, открывшейся его глазам.

Просторная гостиная с малиновыми обоями, заполненная командой девиц, роскошно смотревшихся в свете газовых ламп; на каждой — минимум одежды. Пианист вяло щекотал клавиши инструмента. (Праг, в котором настоящий музыкант на время взял верх над бонвиваном,

присел рядом с криво улыбающимся парнем и завел с ним профессиональный разговор.) Прежде чем к Диего вернулось самообладание, Копперноб отобрал для себя двух женщин, устроился на кушетке среди горячих девочек и принялся заказывать напитки.

Получилось так, что Диего положил глаз на одну миниатюрную блондинку. В его руке оказался фужер. Он запинался в ходе разговора, смысл которого едва понимал, поскольку акцент девушки и ее словарь были еще более причудливыми.

— А вы… Вы из Палмердейла?

— Не-а, эту развеселую мусульманку подкинул Аснатц.

Когда Диего осушил свой фужер, старомодное освещение покрывало золотистым блеском каждую поверхность, имевшуюся в помещении. Диего уже целовался со своей блондинкой, когда раздался крик.

Диего вскочил на ноги. Две клиентки Копперноба впились ему в щеки, тем самым заставив его выпустить их из жарких объятий. Рубашка мэра была наполовину расстегнута, и было видно, что его грудь покрывает многоцветная чешуйчатая эгида. На окровавленном лице читалось полнейшее изумление.

— Девочки, девочки, что произошло?

— Эгидник! Эгидник! Он эгидник!

Необъяснимое обвинение было подхвачено по всему дому терпимости. Клиенты и проститутки выбегали из всех углов в гостиную, выкрикивая ругательства и отдавая распоряжения.

Диего и его товарищи не успели вмешаться, а двое дородных, полураздетых мужчин уже схватили мэра. Другие гости из Гритсэвиджа также были стреножены и не могли прийти на помощь своему спутнику.

Копперноб вырывался, его растерянное лицо выражало боль и непонимание.

— Друзья, друзья, чем я вас обидел? Объясните, и я…

Тщетные протесты мэра были прерваны, когда кудрявая проститутка с горящими глазами вонзила в грудь Коппернoба нож для бумаги по самую рукоятку.

Хлынула кровь. Копперноб издал гортанный хрип и свалился на пол.

Вездесущие пришельцы исполнили свой безмолвный обряд. В одно мгновение толстокожие Могильщики проникли сквозь стены. Морщинистые крылья команды Голубков были чуть краснее, чем их лишенные мускулов тела. Зверо-

головые служители смерти наполнили комнату запахом, напоминающим запах раскаленного шифера, который вдруг ожил и стал источать горький пот.

Оцепеневший Диего мог лишь беспомощно вспоминать более сладкий запах Рыбачек, явившихся за мертвой Милагрой.

Обхватив труп мэра с нежностью матери, обнимающей младенца, Голубки ринулись вверх и просочились сквозь стену вместе с преображенным мертвецом.

Появление и исчезновение Могильщиков охладило пылкую кровь обитателей Палмердейла. Но Диего и его товарищи отнюдь не были забыты. Все клиенты и обслуживавшие их девушки крепко держали их и позволили покинуть дом только в наручниках и не иначе как в полицейском фургоне.

По дороге в кутузку Диего подумал, что Волузия, возможно, когда-нибудь простит его.

Вот только простит ли он себя?

Диего мог бы поклясться, что эгида Коппернoба была сделана из образцов, добытых им самим, Диего, на принадлежавшем им участке.

Официальные представители властей обращались с пришельцами из Гритсэвиджа так, как

если бы те были разносчиками некоей инфекции. Всех их — и мужчин, и женщин — заперли в огромном накопителе для арестантов, расположенном на территории изолятора в Палмердейле-40. Условия содержания — двухэтажные нары, общие для мужчин и женщин туалет и умывальная комната, освещение круглые сутки — были малоприятными, но не жестокими. И все же после первой недели все заключенные начали выражать недовольство.

Кегни Пассуотер и капитан Виго Дассо, как влиятельные представители культурной миссии, были избраны для выступления в качестве представителей нанесшей оскорбление стороны. Но они мало что могли сделать. За неприятными событиями в публичном доме не последовало ни допросов, ни предъявления обвинений, ни судебных слушаний. «Преступление» гостей было просто расценено как бесспорное, самоочевидное и не требующее объяснений.

Оставалось лишь узнать, какого наказания они заслуживали.

Эгиды были не у всех выходцев из Гритсэвиджа. Но те, у кого они имелись, носили приносящие удачу знаки на шее.

Естественно, бесплодные разговоры узников

вращались вокруг недавних событий. Были выдвинуты различные предположения относительно причин, по которым пригласившие их люди столь фанатично почитают камни с чешуи Зверя Города. Жителям Гритсэвиджа было нелегко найти объяснение истокам такого «поклонения». Оставалось только склониться к версии, предложенной Юпл Бабаян: «Эти наши соседи — несомненные, неисправимые провинциалы. Но таковы же и мы, о чем свидетельствует неумышленно нанесенная нами обида. Психический ландшафт Города не просто шире, чем мы предполагали. Он шире, чем мы можем вообразить».

Диего хотел было — из профессиональной гордости — оспорить это заключение, но был вынужден признать собственную неспособность предвидеть случившееся.

Дни текли томительной чередой, как вода в канализационной трубе. Две недели, три недели… Характеры стали проявляться ярче: одни арестанты погрузились в уныние, другие сделались агрессивными. Их разделили барьерами из одеял, что создавало иллюзию уединения, частного характера жизни. Диего беспокоился о Волузии: ее натура была неотделима от ощущения свободы,

и заключение изнуряло ее больше, чем многих других.

На пятой неделе пленникам объявили, что они могут быть свободны. Первым носителем этого известия оказался сам мэр Моасир Куин. Стоя перед решетками, за которыми содержались пришельцы из Гритсэвиджа, он разглядывал их лица так, словно перед ним была рассаженная по клеткам стая крыс-людоедов.

— Ваш заместитель мэра согласился удовлетворить требования о компенсации за ваши преступления. Сегодня Метро доставило сюда деньги и официальные письменные извинения. С вас сняты обвинения, и вы на вольных ногах.

Теперь вы пройдете на Стапель, сядете на ваш корабль и больше не вернетесь к нам.

— А наше имущество? — поинтересовался Пассуотер.

— Все ваши вещи сожжены в ходе ритуала примирения.

Мейсон Джинджерпейн обмяк и пробормотал что-то о своих негативах. Рамболд Праг пошатнулся, как будто получил удар в солнечное сплетение, и Диего мысленно увидел языки пламени, лижущие его покрасневшую трубу. Но против такой наглости просто нельзя было найти

аргументов.

Теплоход «Дни на Янне» отплыл от берега Палмердейла и — из соображений осторожности — вновь пристал к берегу только на следующий день, миновав несколько Районов. Там пассажиры обратились в Межрайонную благотворительную организацию «Помощь путешествующим», где получили кое-какую одежду и провизию — этого им должно было хватить на обратный путь, а также документы, чтобы приобрести новые запасы в других Районах.

Рамболд Праг поднялся на борт с триумфом: в руках у него была разбитая труба, отыскавшаяся в запасниках «Помощи путешествующим». В тот вечер он исполнил светлый реквием в память о Коппернобе, и каким-то образом ему удалось добиться того, что дух погибшего возник среди слушателей столь же явственно, как если бы это был мэр собственной персоной.

Ежась от раннедекабрьского холода в своем шерстяном пальто с накладными карманами, Диего стоял на носу «Дней на Янне», наблюдая за тем, как приближается родной Район, еще отделенный темнеющей водной поверхностью, освещенной лишь склоняющимся к Центру Дневным Солнцем. Сезонное Солнце давно скрылось

из вида; теперь оно согревало другие части Города, и эти знакомые рассеченные Бродвеем дома, которые Диего называл своими, приняли вид расставленных перед боем шахматных фигур.

Стоявшая рядом с ним Волузия куталась в корабельное одеяло, желая защититься от суровой погоды. После безрадостных дней, проведенных в Палмердейле, она пребывала не в духе, и злилась, когда не могла согреться. Диего не хотел обвинять ее за то, что она так близко к сердцу приняла случившуюся трагедию. И его самого терзали печальные итоги их «культурной миссии».

— Как я буду рада, когда сойду на берег в нашем милом, милом Гритсэвидже, — проговорила Волузия. — И плевать, если мне больше никогда не доведется путешествовать.

— Мне тоже. Я не хочу.

— Плохо все-таки, что наши большие надежды на эту вылазку завершились таким вот итогом.

— Лично я считаю, что нам повезло, раз мы остались живы.

Возле закрытого магазина Гимлетта Диего стиснул руку Волузии. Облик, шумы, запахи Гритсэвиджа порождали в нем острую ностальгию. Сердце замирало от благодарности. У него резко поднялось настроение; он уже представлял себе,

как тошнотворные остатки прошедшего кошмара улетучиваются из его сознания.

— Диего, я сегодня не хочу оставаться одна.

— Что ты, конечно, нет. Мы остаемся у меня. А утром зайдем к моему папе.

— Отлично. Тогда пошли.

Воздух в квартире показался затхлым, и Диего открыл окно. Затем он кинулся к щитку термостата, чтобы включить батареи. Но и через полчаса радиаторы оставались холодными, как всегда. Выдыхая пар, Диего спустился и постучался в дверь домовладельца. Но Рексолл Глиптис не подавал признаков жизни, и Диего вернулся несолоно хлебавши.

— Пойдем лучше к тебе, Вол. Здесь какая-то морозильная камера. Я завтра же съезжаю из этой конуры.

— Нет, я слишком устала. Просто достань парочку одеял, и все будет хорошо.

Диего последовал совету Волузии, и вскоре они скользнули под груду одеял. Не успели они почувствовать приближение забвения, как сон сковал их.

Около трех часов ночи Диего внезапно проснулся.

В комнате был еще кто-то. Кто-то шептал:

— Ди, ты меня слышишь, Ди?

Диего осторожно прошептал в ответ:

— Кто здесь? Что вам нужно?

— А-а-а, это чудо! Наконец я тебя нашел! А ведь сколько раз пытался! Ди, это я, Зохар!

Волузия продолжала невозмутимо храпеть. Диего встал и подошел к радиоприемнику. Приемник был выключен, лампочка не светилась, но, как бы то ни было, голос Зохара доносился оттуда.

— Ди, я не могу долго говорить. Сегодня интенсивное движение. Так что ты просто слушай. Я в стороне Окраины, в десятках миллионов Кварталов от тебя. Грандиозное путешествие! Потрясающе! Я нашел вагон с моим именем, — помнишь? После стольких лет! А пиво! Рядом с этим пивом «Руде Браво» — моча! Я счастлив, Ди. И уверяю тебя, наш Город страшнее, чем мы думали. Верь, дружище. Все к лучшему.

— Зох, расскажи подробнее! Зох!

Но чудодейственный приемник не отвечал, и Диего оставалось только вернуться в кровать.

Рассвет выдался ослепительно ярким. Диего открыл глаза около девяти и выскользнул из кровати, не будя Волузию.

Это странное происшествие нынешней ночью…

Сон — и только? Сомнамбулическое видение? Порождение стремления выдать желаемое за действительное?

Что бы это ни было, Диего сознавал: немыслимый сеанс связи облегчил его душу, избавил от тревоги.

Он продолжал осматриваться в своей квартире. На столе обнаружилась груда почты, накопившейся более чем за два месяца; значит, в этом Глиптис проявил-таки заботу о своем жильце. Диего просмотрел то, что лежало сверху, и обнаружил выцветший конверт с обратным адресом: «Издательство «Пинни»».

Диего сорвал печати и вскрыл конверт. Экземпляр «Миров для вопрошающих».

На суперобложке книги внушительного объема помешалась одна из лучших художественных работ Гропия Каттернаха. Кроме того, с десяток хвалебных цитат возвещали о появлении на небосклоне «космогонического вымысла» новой звезды по имени Диего Петчен.

В книге обнаружился бланк «Зеркальных миров» с запиской от Уинслоу Компаунса: «Думаете почивать на лаврах, Петчен? Не выйдет! Занимайтесь делом!»

Разбудив Волузию, Диего получил адекватный

ответ на свою широкую улыбку. По-видимому, ночь, проведенная в знакомой постели, в значительной мере восстановила ее настроение. При виде книги Волузия вскрикнула, вырвала ее у Диего и прижала к груди.

— Ты юный гений, ты! Тебя зовет твоя самая большая поклонница!

Несколько позднее Диего уже следовал в закусочную Кернера, держа в одной руке книгу, а в другой — руку Волузии. Их путь лежал мимо киоска Снарки Чаффа, который находился на своем неизменном посту.

— Диего, у меня скопилась куча книг, на которых покупатели хотят видеть твой автограф!

— Потом, Снарки. Сейчас я должен навестить отца и показать книжку ему!

Волузия замедлила шаг возле по-декабрьски голого дерева, стерегущего вход в дом, где проживал Гэддис Петчен.

— Ди, глянь, какие огромные почки! Сколько цветов весной будет!

В холле, в нескольких футах от квартиры, где прошло детство Диего, он и Волузия услышали хриплый, гнусавый вопль и треск, как будто весьма полный человек рухнул на пол.

Диего возился с ключом от двери до тех пор,

пока Волузия не приняла решения вышибить запор из прогнившей древесины.

Шаткий трон Гэддиса Петчена был пуст. Диего бросился к открытому окну. Могильщики, как всегда, кружили повсюду в небе. Некоторые были обременены ношей, некоторые — нет, и их знаки пребывали вне понятий человечества.

А в квартире стоял лишь запах морской воды.

И сбежала вилка с тарелкой вослед

В тот злополучный день, оказавшись лицом к лицу со своим соперником, я наконец понял, что дело серьезное и я могу потерять свою Коди. Было очевидно, что моей подругой хочет завладеть случайное нагромождение электроники.

Электронику представлял Аэрон — кресло, с которым состыковалось несколько других агрегатов: Кулинарт, пылесос-автомат с набором многочисленных сменных насадок, плеер уЗвук, и лечебно-диагностическое бытовое приспособление, известное как ЖизнеГрей. Соперник, надо сказать, не отличался привлекательной внешностью — это была самопроизвольная спайка, или нарост, как большинство людей называют такие вот случайные сращения запрограммированных приборов и бытовых агрегатов. Само слово напоминает о нездоровом вздутии на коже или древесной коре. Нечто корявое и омерзительное на вид. Но, судя по всему, этот нарост целиком посвятил себя Коди с момента своего зарождения, а, насколько я понимаю, женщинам такое самопожертвование льстит. Должен признаться, что я, к своему стыду, совсем не уделял Коди внимания

в тот отрезок времени, когда нарост, возглавляемый Аэроном, обретал форму и начинал свои ухаживания, так что особо мне некого винить, но все же мало приятного. Я о том, что разве не обидно уступить девушку какому-то наросту? Что-то из ряда вон выходящее!

Особенно если вспомнить, какую роль сыграли наросты в моей прошлой жизни…

Я опасался чего-нибудь подобного — с того момента, как Коди стала давить на меня, уговаривая съехаться. Выслушать мои разумные доводы против совместного ведения хозяйства она не пожелала.

— Ты совсем не любишь меня, — расстроенно заявила Коди. Ее голубые глаза увлажнились, и она посмотрела на меня жалобно с видом щенка, которому отдавили хвост. Каждый раз от таких сцен у меня все переворачивалось внутри.

— Коди, не говори глупостей. Конечно, люблю!

— Тогда почему мы не можем жить вместе? Мы сэкономим кучу денег на квартплате. Ты боишься, что у меня обнаружатся какие-то дурные привычки? Мы встречались с тобой сто тысяч миллионов раз — и в твоей квартире, и у меня. Уже можно понять, что у меня нет мерзких наклонностей. Я не глотаю еду прямо из пищевого

раздатчика и не забываю запустить нужную программу, сходив в туалет.

— Все это верно. Мне легко с тобой. Ты совсем не безалаберная и человек ответственный.

Коди, сменив тактику, подвинулась на диване и сомкнула на мне свои гибкие руки и ноги, и с этим было просто невозможно не считаться.

— И разве плохо, если каждую ночь у тебя есть кто-то в кровати? И не надо расставаться на три дня, а то и больше? А? Разве это плохо, Котик?

— Коди, подожди, прекрати! Ты знаешь, что я не могу сосредоточиться, когда ты делаешь так. — Я высвободил из объятий Коди особо чувствительные участки своего тела. — Все, что ты говорить, верно. Но только…

— И еще, смотри: если отделаться от моей квартиры и жить в твоей, мне будет ближе ездить на работу!

Коди работала в том казино, что в здании Сената, где она сдавала карты игрокам в очко, а домой возвращалась аж в Серебряный Родник, в штат Мэриленд. Пока туда добираешься, можно свихнуться, даже если едешь на скоростном «Метеоре», я знал это: ведь когда я оставался на ночь у Коди, мне самому приходилось проделывать весь этот путь. А у меня, в отличие от Коди, была пре-

красная одноквартирка в Джорджтауне, я снял ее в разгар экономического кризиса, разразившегося в связи с эпидемией, известной как «Свиная чумка». Арендная плата упала тогда до нижнего предела. Оказалось, что я принадлежу к тем счастливцам, у кого имеется иммунитет к поросячьему брюшному гриппу, свирепствовавшему в округе Колумбия, и мог спокойно существовать в окружении других одноквартирок, пораженных вирусом. Предложения на тот момент превышали спрос. Но за последние год-полтора, по мере того как внедрили новую программу по борьбе с этим вирусом, цены на жилье снова стали расти. Коди рассуждала здраво, и нам имело смысл объединить свои финансы.

— Коди, я понимаю, тебе трудно ездить в такую даль, но только…

Коди вспыхнула:

— У тебя еще кто-то есть? Не хочешь связывать руки, что бы еще порезвиться? Это правда?

— Нет! Совсем не то. Что меня беспокоит…

Коди перешла на ласковый тон, погладив меня по руке:

— Так что тебя беспокоит, Котик? Не надо ничего скрывать от мамочки.

— Я о наростах. У тебя и у меня столько этих

штучек, и если мы сдвинем их все в одно место, у нас обязательно что-нибудь случится.

Коди откинулась на диване и засмеялась:

— И это все? Бог мой, волноваться из-за такой ерунды! Котик, нарост может возникнуть в любой момент и в любом месте. С этим ничего не поделать. И большинство из них неопасны, ты сам знаешь прекрасно. Просто разъединяешь его и убираешь каждую штуковину куда-нибудь подальше.

Коди фыркнула — довольно грубо и, я бы сказал, бесчувственно.

— Наросты! Ты бы еще озаботился, что крысы на тебя нападут, летучие мыши загрызут или вода в кране кончится.

Наросты стали частью нашей жизни, здесь Коди права. Только не всегда они такие домашние и безобидные. Один нарост убил моих родителей.

Наросты окружают нас уже лет двадцать, почти столько, сколько я живу на этом свете. Возникли они благодаря некоторым действиям производителей, которые, сами по себе, были абсолютно разумными, перспективными и хорошо продуманными, однако, сочетаясь с другими явлениями, привели к непредвиденным последствиям, помноженным на коварную деятельность одного

компьютерного хулигана.

Первым шагом было то, что во все приспособления, изделия и предметы потребления, имеющиеся в продаже, производители стали помещать силиконовые микросхемы-бирки. Первые микросхемы — размером с кристаллик соли — были обыкновенными приемопередатчиками, которые просто помогали следить за наличием и продажей товаров в розничной сети, сообщая в соответствующую инстанцию данные и местонахождение того или иного изделия. Затем, когда новые поколения микропроцессоров на базе адаптивных схем стали более доступными и дешевыми, было решено заменить ими устаревшие «бирки».

На том этапе миллионы обыкновенных, привычных вещей — ваша зубная щетка, ваша кофеварка, ваши туфли, пакет с кукурузными хлопьями на кухонной полке — начали демонстрировать удивительную мощь по обработке данных и взаимодействию с другими предметами. Наручные часы следили за вашим потоотделением и давали команду холодильнику сварганить вам укрепляюще-стимулирующий коктейль. Простыни на вашей постели сообщали стиральной машине, какую следует задать

программу, чтобы выстирать их наилучшим способом. Схемы новейших микропроцессоров изготавливались из противоударных, гибких элементов. До поры до времени все шло отлично. Техника облегчила всем жизнь.

Затем появился вирус «Желание».

Неустановленная личность запустила этот вирус со своего компьютера где-то в Центральной Азии. «Желание» распространилось по спутниковой связи среди всех изделий, имеющих встроенные микропроцессоры, загружая в их крошечные мозги новые установки — установки, которые работали скрытно, параллельно тем стандартным командам, что задаются при сборке. Теперь зараженные изделия стремились соединить свои компьютерные возможности с себе подобными из ближайшего окружения, подчас достигая поразительного уровня совместимости, и затем устроить что-то вроде самостоятельного совместного проживания. Конечно, как только «Желание» было обнаружено, против него пытались выстроить антивирусную защиту — как в процессорах, так и в программном обеспечении. Но вирус бурно видоизменялся, к чему прикладывали руку новые компьютерные хулиганы.

Если бы этот «Бунт машин» случился в про-

шлом, в эпоху запрограммированных материалов, наросты бы попросту никто не заметил. На что были способны допотопные механизмы, прикованные фактически каждый к своему месту? Но теперь все изменилось.

В наши дни чуть ли не каждое изделие имело процессоры в своей оболочке. Его пленчатая поверхность, взаимодействующая с окружающей средой, была практически живой тканью. Во все вещи производители пихали несчетное количество микростимуляторов, чтобы они лучше оценивали обстановку и приспосабливались к потребностям и пожеланиям своего владельца, чье прикосновение вызывало нужную реакцию. Словно лапка ящерицы, пленка-оболочка могла прилепляться благодаря межмолекулярному притяжению к любому неживому предмету, к оболочке другого изделия — все как у ящерицы, которая легко и стремительно проскальзывает по потолку.

Изделия, пораженные «Желанием», начинали извиваться и вибрировать, они сползались, словно змеи, и состыковывались, образуя новые удивительные агрегаты, цельные и автономные, преследующие какие-то свои непостижимые цели.

Почему бы изготовителям было просто не прекратить набивать свою продукцию компьютерной начинкой? Тогда «Желанию» пришел бы конец. Но оказалось, что вернуться назад невозможно. Вся наша экономика — от огромных заводов до самых мелких торговых точек — находилась в зависимости от разумных товаров, которые практически могли сами себя продавать. И на любом рабочем месте, и у каждого дома, за исключением разве что нищих, все держалось на тесном взаимодействии приспособлений и приборов.

Постепенно все свыклись с мыслью, что время от времени появится какой-нибудь нарост, точно так, как раньше пользователи мирились с атакой вирусов на свои допотопные компьютеры.

Но поначалу, когда «Желание» еще только появилось на свет, люди еще не представляли, в чем кроется опасность.

Именно из-за этого погибли мои родители.

Мне было тогда шесть лет. Какой-то странный шум вывел меня из глубокого сна: что-то царапалось и позвякивало в коридоре. Не совсем проснувшись, я доплелся до двери и слегка приоткрыл ее.

Мои родители незадолго до этого сделали

несколько новых приобретений. Во-первых, они купили передвижную стойку, которая выглядела как старинная напольная вешалка для шляп и зонтов. Стойка была аккумуляторным устройством для подзарядки одежды с ее встроенными процессорами. Но теперь на стойке ничего не висело: сбросив всю одежду, она перемешалась по коридору, неярко освещенному ночной подсветку, на своих четырех кряжистых ножках, обвешиваясь по пути совсем другим нарядом — полным набором самозатачивающихся кухонных ножей. Ножи пристегнулись к стойке на разных уровнях по всей высоте. Они нервно подергивались, словно усики у таракана.

Я словно прирос к полу при виде этого чудища, которое грузно продвигалось по коридору. На память пришли танцующие швабры, которые я видел за месяц до этого, прокручивая на экране старый диснеевский мультик. Не проявляя никаких агрессивных намерений, стойка, увешанная ножами, прошествовала мимо меня на своих коротеньких ножках. Если разбираться, этот нарост вряд ли ставил перед собой кровожадные цели. Теперь я думаю, что он, подчиняясь установкам ВВ, просто искал выход из квартиры, чтобы покончить с рабской участью домашней прислуги.

И вдруг из комнаты, где была спальня родителей, выскочил мой отец. Судя по всему, он, как и я, тоже не до конца еще проснулся.

— Какого черта…

Он попытался перехватить стойку, остановить ее, чуть не попав под несколько лезвий. Он боролся с этим несуразно облепленным агрегатом и просмотрел длинное узкое лезвие разделочного ножа, которое вонзилось прямо ему под сердце.

Отец дико вскрикнул, рухнул на пол, а из спальни выбежала моя мать.

Она умерла почти мгновенно.

И после этого, как мне подумалось, я должен был стать следующей жертвой. Но верный Медпом — браслет на запястье отца, — реагируя на его критическое состояние, уже послал сигнал о помощи. Менее чем через три минуты — так быстро, что ощетинившаяся стойка не успела бы прорубиться в спальню сквозь дверь, за которой я спрятался, — прибыли спасатели.

Гибель моих родителей стала главной темой для журналистов по крайней мере на несколько дней, и она впервые заставила многих задуматься об опасности, которую представляют наросты.

Пришлось провести несколько лет под наблюдением специалистов-медиков, прежде чем

воспоминания о смерти родителей перестали мучить меня. Насколько я мог оценивать себя теперь, наросты в целом уже не вызывали у меня отторжения.

Но все же, хоть ты тресни, я не считал их милыми и безобидными, как это представлялось Коди.

В итоге Коди все-таки переехала ко мне. Я боялся, что она примет меня за идиота или неврастеника, если я и дальше буду возражать против такой, в общем-то, приятной перспективы только потому, что меня беспокоили наросты. Я подавил все сомнения, улыбнулся, обнял ее и назначил день переезда.

У Коди было не так уж много вещей. Ее квартирка в Серебряном Ключе состояла из двух комнат над гаражом, в котором приютился небольшой цех по производству искусственного шелка, и у нее всегда пахло аминокислотами. Коробки с одеждой, кое-какая мебель и несколько кухонных электроприборов. Десять тысяч мелодий на уЗвуке и где-то с тысячу книг на ВидоФоне. Один рейс мебельного фургона, немного мышечных усилий, потом передышка, и вот Коди — полноправный жилец моей городской квартиры.

Я наблюдал с долей тревоги, как она раскладывает свои вещи.

— Э, Коди, поставь Кулинарт в шкаф, так лучше. Вон в тот, который с задвижкой. А то он будет слишком близко к жаровне.

— Но, Котик, я пользуюсь им практически каждый день! Он готовит мне пюре на завтрак. Не очень удобно, если каждое утро придется то доставать его из шкафа, то убирать.

Я не стал спорить, но вместо этого убрал в шкаф с задвижкой свою жаровню.

— Насчет твоего пылесоса, Коди… Можно оставить его в прихожей? — Я с особым подозрением относился к приборам на колесиках. Они могли передвигаться намного быстрее, чем те устройства, которые перемещались, как пресмыкающиеся, используя свои стимуляторы в биосиликоновой оболочке.

— В прихожей? Почему? Там, где раньше была твоя рабочая комната, места невпроворот. Я задвину его в угол, ты даже не заметишь, что он там стоит.

Я смотрел с беспокойством, как она выбирает место для пылесоса. Компактный бачок, опоясанный шлангами и насадками, напоминал мне яйцо в гнезде под охраной змей. Второй замысловатой машиной в кабинете было мое кресло Аэрон — изящная эргономичная конструкция

из ремней, распорок и подушек, наполненных гелем, пьезополимерных батарей и приводов для придания нужной формы. Я откатил кресло как можно дальше от пылесоса.

Коди не могла не заметить мои манипуляции.

— Котик, тебе не кажется, что ты ведешь себя, как шизик? Пылесос даже не включен.

— А вот тут ты не права, Коди, все новейшие приборы находятся в постоянной готовности. Ты думаешь, что отключила ту или иную штуковину, а она на самом деле остается в дежурном режиме подзарядки. Потихоньку подкачивает себя током от элементов питания, от батарей, от розетки в стене, и как только поступит сигнал, сразу заработает. Поэтому тебе потом не надо долго ждать: всего пара секунд — и машина делает все, что тебе надо. Но это означает, что и нарост может возникнуть, когда, по твоему разумению, это исключено.

— Ну а чего именно мы должны бояться? Что мой пылесос и твое кресло сговорятся и затопчут нас, когда мы уснем? У них общий вес не больше десяти килограммов.

Я никогда не рассказывал Коди о своих родителях, и теперь тоже момент был не самый подходящий.

— Да, верно, ты права. Я преувеличиваю опасность.

Я подкатил кресло обратно к его законному месту у письменного стола.

Теперь я понимаю, что это была самая большая ошибка в моей жизни. Это пример того, как часто мы забываем о принципах, когда боимся выглядеть глупо в чужих глазах, и к чему это потом приводит.

В тот вечер мы с Коди впервые поужинали вместе перед тем, как ей ехать на работу. Свечи, непринужденный разговор, нежная семга на блюде, отличное белое вино с Аляски (правда, после десерта Коди проглотила пару таблеток Алкогона, чтобы вывести из организма алкоголь и обмануть датчики на служебном входе в казино). Пока я прибирал со стола, она приняла душ и переоделась. Коди вышла из спальни в форме, которую им выдали в «Сенате»: синяя блузка, брюки в красную и белую полоску, галстук-бабочка, усыпанный звездами. Я не мог оторвать от своей девушки глаз — точно как в тот день, когда, занимаясь слежкой, я впервые увидел ее.

— Здорово! Удивляюсь, что наши законодатели вообще помнят о государственных делах, когда видят вас там каждый день.

— Ты издеваешься? Все наши клиенты — это туристы и кое-кто из местных. Большие шишки только иногда мелькают, когда им нужно пройти через казино в свою столовую.

Я обнял и поцеловал Коди и только собирался предупредить, чтобы она была поосторожней в метро, как вдруг заметил краем глаза какое-то движение на уровне пола.

В одно мгновение ока в стенах нашего совместного жилища появился первый нарост! Его породили наши зубные щетки и стакан с полочки в ванной комнате. Щетки пристыковались к нижней части стакана, щетиной вверх и в стороны, так что у этого сосуда как будто выросли ноги. Их тупые концы выполняли роль ступней. Быстро перебирая этими щетками-ножками, стакан направился, словно на ходулях, к наполовину открытой двери, явно стремясь выскользнуть из квартиры.

Я взвизгнул, как кролик, и вырвался из объятий Коди.

— Котенок, в чем дело… — Ее взгляд упал на наросты, и она засмеялась.

Коди наклонилась и подхватила это существо с пола. Без всяких колебаний она оторвала ему ножки; биосиликоновые оболочки разъеди-

нились, при этом отчетливый звук сообщил о разрыве межмолекулярных связей.

— Я вот что думаю: будем теперь держать все стаканы на кухне. Но ведь забавно, согласись: зубные щетки быстро сообразили, как им лучше действовать вместе.

Я выдавил из себя подобие смешка:

— М-м-да… Забавно…

Я работал в «Анти», в их главной конторе, что недалеко от Пентагона. После шести лет службы я занимал довольно ответственный пост. Если конкретно, имея в подчинении несколько десятков внештатных сотрудников, я руководил их действиями. Эти внештатники сидели у себя дома и, в свою очередь, курировали целую команду запрограммированных полуавтоматов. Эти агенты-роботы занимались сбором и первичной обработкой информации. Они трудились круглые сутки, следя за миллионами аудио- и видеоканалов по всей стране, отслеживая все, что могло угрожать национальной безопасности. Когда робот фиксировал что-либо подозрительное, он обращал на это внимание своего оператора-надомника. А надомник уже принимал решение: считать тревогу ложной; провести дополнительное расследование; связаться с соответствующей

службой безопасности или переслать вопрос на мой уровень для более детального анализа с привлечением психологии и логики.

Роботы и операторы-надомники, работая в связке, справлялись с делами очень даже эффективно, обрабатывая девяносто девять процентов всей поступающей информации. Я имел дело с тем одним процентом, который пересылали мне подчиненные, что соответствовало примерно сотне дел за шестичасовую смену. Нагрузка была значительно меньше, чем у тех работяг, кто корпел над этим дома, а зарплата выше.

Единственный недостаток заключался в том, что нужно было присутствовать постоянно на своем рабочем месте, вместо того чтобы, устроившись с комфортом, вести слежку из своей квартиры. Въезжая четыре раза в неделю под большую вывеску с названием «Анти», ты как будто продаешь часть себя этой фирме, чего не происходит, когда ты работаешь на дому.

Существуя уже больше двадцати лет, «Анти» присутствовала неназойливо, но ощутимо в жизни многих граждан, хотя они и не всегда знали, что обозначает это название. И я сам не знал точно. Агентство, которое начинало как «Служба информационной безопасности», затем

стало «Службой по предотвращению компьютерного терроризма», а лет семь назад, после того как с угрозой мирового терроризма было покончено раз и навсегда, было переименовано в «Тактическую информационную службу». Но, насколько я помню, с тех пор название меняли еще не раз. И что бы там оно ни значило сегодня, фирма продолжала собирать массу сведений о деятельности граждан этой страны, вроде бы и не нарушая законов о свободном распространении информации. Как и раньше, в качестве добровольца-надомника, так и теперь, занимая полную ставку в правительственном учреждении, я не мучился угрызениями совести по поводу сотрудничества с «Анти». Столько я помню себя, «Анти» всегда присутствовала где-то рядом.

Я хорошо знал, как дается заработок оператору-надомнику, потому что всего лишь год назад я сам был таким добровольцем. Именно в то время я раскошелился на дорогостоящий Аэрон: это необходимость, а не роскошь, когда ты на шесть часов в день прирастаешь задом к креслу перед ВидоФоном. Я и с Коди познакомился, когда был внештатным оператором.

Один из электронных информаторов привлек мое внимание к ситуации у служебного входа в

казино, что в здании Сената, которая показалась ему подозрительной. Какой-то парень слонялся у входа дольше, чем это допускали статистические выкладки в отношении людей, прохаживающихся без определенных целей. «Колибри», бесшумный и едва различимый воздушный разведчик, притаился над объектом, но не обнаружил каких-либо признаков оружия, так что я решил продолжить наблюдение. Оказалось, что этот парень — муж одной из работниц казино. Он решил порадовать свою жену — встретить после трудового дня и сводить в ресторан. Я наблюдал за счастливой встречей супругов, но потом мое внимание привлекла другая женщина, которая как раз пришла на ночную смену. Ее отличали не столько соблазнительные формы, сколько обаятельное лицо. Походка соответствовала типу АЛС-605, я нахожу его особенно привлекательным. Опознавание по портрету высветило на дисплее имя и основные параметры: Коди Шекли, такой-то объем груди, талии и бедер.

До этого я никогда не использовал возможности «Анти» в личных целях, и, делая это сейчас, чувствовал свою вину. Но я попытался оправдать свой проступок, рассуждая так: если бы я заметил Коди на улице и просто подошел бы познакомить-

ся с ней, никто не увидел бы в этом ничего особо предосудительного. В данном случае я сделал первый шаг не сам, а через своего электронного посредника.

Через несколько дней, явившись в «Сенат», я направился к столам, где играли в очко. Пропустив один за другим два крепких коктейля, я набрался смелости, чтобы лично завязать знакомство с Коди.

Все остальное принадлежит истории. Все стадии моего ухаживания за Коди, вне сомнения, зафиксированы в архивах «Анти».

Совместная жизнь с Коди принесла много приятного. Все преимущества, которые она перечислила в тот вечер, обнаружили себя с самого первого дня. Даже то, что мы в разное время ходили на работу, не создавало каких-либо проблем. У Коди рабочий график был с девяти вечера до трех утра. Я находился на службе в «Анти» с девяти утра до трех часов. Когда Коди возвращалась ранним утром домой, в нашем распоряжении оставалось еще несколько часов, уже до моего ухода, чтобы насладиться тем счастьем, которое дает тебе в постели близость любимого человека. А когда я приходил обратно во второй половине дня, Коди была уже на ногах и бодро занималась

делами, пока не наступало ее время заступать на ночную смену в «Сенате». Могу добавить, что любовью мы зачастую занимались днем. Жизнь казалась прекрасной.

Вспоминаю один случай: Коди надо было уже скоро выходить и я делал ей массаж ног. Коди нравилось это особенно перед тем, как заступить на свою утомительную вахту за карточными столами.

— Котик, теперь ты доволен тем, что мы живем вместе?

— Должен признаться, теперь я никогда не скучаю по выходным!

— Только по выходным? — спросила Коди, соблазнительно потягиваясь.

За то опоздание у Коди удержали деньги из зарплаты, но она потом уверяла, что ничуть не жалеет об этом.

Дни протекали в приятных занятиях, но частенько я ловил себя на том, что не перестаю думать о наростах. После случая с зубными щетками и стаканом я всегда был начеку, опасаясь новых фокусов со стороны бытовых автоматов. У меня вошло в привычку перетаскивать приборы из комнаты в комнату, чтобы те не сумели сговориться. Я понимал, что это глупо,

поскольку каждый запрограммированный автомат способен устанавливать связь на довольно больших расстояниях, передавая свои сообщения через другие машины. Но все же я чувствовал интуитивно, что близкое расположение этих штучек друг к другу играет при возникновении наростов не последнюю роль. Коди то и дело жаловалась, что не может найти нужную вещь на своем месте, но я только отшучивался в ответ на ее добродушные упреки и продолжал свои предупредительные действия. Больше месяца прошло без единого происшествия, и я начал успокаиваться.

Затем я имел столкновение с дорожным будильником. Как-то в доме накопилось много стирки. У меня с Коди было столько приятных занятий, что не хотелось отвлекаться на уборку и стирку, а когда кто-то из нас оставался дома один, он, как правило, проводил много времени с теми записями на уЗвуке и фильмами на ВидоФоне, которые нравились лично ему и не обязательно нравились другому.

Однажды вечером, когда Коди уже ушла и я находился дома один, будильник и дал знать о себе.

Сначала мое внимание привлекло какое-то

глухое постукивание в закрытую дверь спальни. Сразу насторожившись, я отложил книгу и встал, чтобы узнать, в чем дело.

Я приоткрыл с опаской дверь, и тут что-то проскочило в эту узкую щель, шлепнув меня по лодыжке.

Я отпрянул от двери, запрыгав на одной ноге. Разноцветный тряпичный мячик размером с крокетный шар понесся стремительно к выходной двери.

Мне удалось поймать мячик, прихлопнув его мусорной корзиной и придавив двухлитровой бутылкой мангового напитка. Он бился внутри корзины с невероятно диким шумом, словно исполняя безумную сольную партию на ударных. Только вооружившись кухонными прихватками, я рискнул засунуть руку под корзину и схватить мячик.

Он состоял из носков, моих и Коди. Они плотно скрутились вокруг дорожного будильничка, который служил сердцевиной этого нароста. Носки Коди имели биосиликоновые массажные ступни, что очень важно при ее работе, когда ты простаиваешь часами на ногах. Мои носки были обычного образца, но и у них имелось достаточное количество электронного потенциала.

Раскрутив этот тряпичный мяч, я устроил стирку, а потом проследил, чтобы наши носки оказались на разных полках платяного шкафа.

Это происшествие полностью выбило меня из колеи. Я был уверен, что вот-вот в доме возникнут другие наросты, возможно более крупные и опасные.

Начиная с того дня, эта навязчивая мысль все сильнее укоренялась в моей голове.

Прослеживая за смену до сотни ситуаций, представляющих потенциальную опасность, я делал это уже автоматически. Мне не нужно было перенапрягаться, чтобы соответствовать тем высоким требованиям, которые предъявляла работа. В те короткие промежутки времени, когда на компьютеры не поступало никакой информации, я читал детективные романы со своего ВидоФона. (Мне нравилась серия Гиффорда Джейна о турчанке Янике Запсу, которая, занимаясь частным сыском, выполняет задания в Палестине.) Но это раньше, а теперь, когда моим умом владела мысль о наростах, которые могли появиться дома в любой момент, я стал тайно эксплуатировать компьютерную сеть «Анти», установив слежку за своей квартирой и всем своим районом.

Заступая на службу в девять утра, если не было

чего-либо неотложного, я первым делом засылал «Красотку», электронного мотылька, чтобы тот следил за Коди. Стояло лето, конец июня, кондиционеры заняли свое место на окнах моей квартиры, противоборствуя более чем тридцатиградусной жаре, характерной для округа Колумбия. Но стыки вокруг этих установок имели дефекты, и не представляло большого труда внедрить в квартиру это крошечное насекомое с электронной начинкой. Имея внутри дома «Красотку», я направлял ее на облет всех комнат, проверяя, не замышляет ли мое имущество заговор против меня и нет ли угрозы для женщины, которую я люблю.

Как правило, наблюдение показывало, что Коди мирно спит примерно до полудня. Вид этого спокойного, безмятежного лица заставлял сильнее биться мое сердце и в то же время настраивал на еще большую бдительность. Ни за что на свете я не позволю, чтобы с ней повторилась история, случившаяся с моими родителями. С полудня до конца своей смены я наблюдал урывками, как Коди, проснувшись, занималась обычными домашними делами. Накрашивала ногти, ела бутерброд, смотрела сериал, писала письмо матери, которая в тот момент находилась в Италии.

Там она работала в сфере услуг, заключив договор, восполняя тем самым постоянную и острую нехватку рабочей силы в этой стране.

Но время от времени я замечал то, что беспокоило меня. Однажды утром я увидел, что Коди слегка прихрамывает, передвигаясь по дому. Я знал, что у нее на пятке появилась шпора и она никак не соберется удалить ее. Я наблюдал через «Красотку», которая прилипла к потолку (компьютерная программа переводила в нормальный вид перевернутую картинку), как Коди проковыляла к стенному шкафу и достала ЖизнеГрей, который я купил, когда у меня была травма поясницы. Не снимая наушники своего уЗвука, засунутого в карман, она отнесла это лечебное приспособление в мой бывший кабинет, где и устроилась в кресле Аэрон.

Кресло мгновенно отреагировало на ее присутствие, подлаживая себя для поддержки всех участков ее тела, словно люлька космонавта, искусно устраняя в самом зачатке любое мускульное напряжение. Коди набросила ЖизнеГрей на ноги, и сообразительное одеяло сразу же укутало ее до пояса. Отослав команду через уЗвук, Коди заставила его выполнять функции массажера. Она вздохнула блаженно и откинулась в кресле,

которое подстроилось под ее лежачее положение. Коди включила свою музыку и закрыла глаза.

В углу комнаты зашевелился пылесос. Его шланг приподнялся на несколько сантиметров и кончиком насадки втянул в себя воздух.

У меня все поплыло перед глазами. Но что я мог сделать? «Красотка» не может издавать звуковых сигналов, но даже если бы и могла, я, подняв тревогу, выдам себя, и Коди узнает, что я шпионю за ней. Я чуть было не заставил мотылька спикировать на Коди, чтобы она по крайней мере открыла глаза и увидела, что прямо у нее под носом формируется зловещий нарост. Но в эту секунду шланг снова скрутился вокруг барабана и пылесос вернулся в неподвижное состояние.

Еще минут пятнадцать я наблюдал, ожидая со страхом, что кресло, плеер, одеяло и пылесос состыкуются в одно мгновение, порождая нарост. Но ничего не произошло, и вскоре Коди отключила ЖизнеГрей, встала и занялась своими делами.

Тем временем уже сразу пять окон служебной связи на моем ВидоФоне пульсировали и подвывали, настойчиво привлекая мое внимание. Я нехотя приступил к своей работе.

Вернувшись домой, я еще не знал, как уговаривать Коди, чтобы она больше никогда не собирала

в одном месте такую мощную армию машин с искусственным интеллектом. Только я заведу об этом разговор, она насторожится и спросит, с чего это я забеспокоился. Нельзя, чтобы ей в голову пришла мысль о том, будто я веду за ней наблюдение по каналам «Анти». Хотя на самом деле я именно этим и занимался.

В конце концов я намекнул осторожно, что надо выбросить или продать Аэрон, поскольку я больше не пользуюсь им. Но Коди не согласилась:

— Ни в коем случае. Это такая полезная вещь, что после нее ты как будто с курорта вернулся.

Я не решился привести доводы, в которых с нормальной точки зрения отсутствовала логика. Как ни преподноси это дело, все равно будет выглядеть так, как будто я страдаю психозом и страстью к подглядыванию.

Мне ничего не оставалось, как успокаивать себя мыслью, что блок из четырех аппаратов, которые Коди собрала в одном месте, не обладал критической массой, необходимой для возникновения нароста.

И все бы верно, и с Коди ничего бы не случилось, если бы не этот чертов Кулинарт.

Теперь, когда не нужно было сидеть в конторе или следить за Коди, я шел бродить по городу:

я начал выискивать наросты, чтобы понять их природу и узнать, можно ли предупредить их появление. Это бессмысленное занятие утомляло меня и сильно действовало на нервы, и я уже не мог быть так ласков и внимателен с Коди, когда мы оказывались наедине в свободное время.

— Что это значит, Котик, ты опять куда-то собрался? У меня остается всего час до работы. Я думала, мы посмотрим вместе тот сериал, о котором я тебе говорила. Там о разных приключениях — «Зона недолговечной свободы».

— Потом как-нибудь. Сейчас мне… нужно пройтись.

— Можно, и я с тобой?

— Нет, в другой раз…

Коди ничего не могла понять, упрашивала, иногда плакала, но я был как будто одержимый.

Теперь я то и дело наталкивался на какой-нибудь нарост, но не успокаивался на этом, меня гнало дальше то, что, как я понимаю сейчас, было своего рода помешательством.

И при этом помешательством одиночки! Похоже, всем остальным нет никакого дела до случайно возникающих роботов. Никакой службы по борьбе с наростами, никаких охотников-добровольцев, которые только и ждут, чтобы

прижучить телефонный аппарат, ударившийся в бега под руководством конторского принтера. (Однажды мне встретился такой тандем.) Похоже, что все, включая Коди, испытывали благодушное безразличие к этим сбежавшим штуковинам. Все, кроме меня.

Иногда я наблюдал, как соприкосновение товаров, выставленных в витрине, вело к случайному появлению нароста. Электробритва спаивалась с цифровой камерой и массажной щеткой, превращаясь в нечто похожее на фантастическую пушку. Десяток кухонных щипцов становились многочисленными ножками для пароварки, внутри которой восседала кофемолка. Игрушечный грузовик в универмаге Шварца едва виднелся сквозь панцирь из плотно сросшихся деталей детского конструктора и выглядел неуклюжим ящером на колесах.

В других витринах владельцы магазинов намеренно создавали наросты в погоне за экстравагантностью и ничуть не заботились о последствиях, рискуя поплатиться всем выставленным товаром. В универмаге Нордстрома в одной из рекламных композиций несколько манекенов были увешаны таким количеством запрограммированных костюмов и аксессуаров

— ожерельями, галстуками и шарфами от ведущих модельеров, — что вся витрина шевелилась от бесчисленных движений, напоминая колыхание подводных водорослей.

Иногда прямо на улице на моем пути оказывался сбежавший откуда-то нарост. Однажды вечером на 15-й улице, около Министерства финансов, я увидел дамскую сумочку, которая катилась на ролике. Нарост, развив приличную скорость, гнал к площади Лафайета, и я поспешил следом за ним. В парке он ушел от меня, нырнув в кусты. Опустившись на колени, я заглянул в лиственную темень. С десяток наростов буравило меня оттуда враждебно разноцветными глазками-индикаторами; я ойкнул и отскочил назад.

И как раз перед тем, как в нашем доме все перевернулось вверх дном, я узнал, что есть боевые наросты.

Я бродил по улицам в юго-западной части города; эти кварталы имели дурную репутацию, и попытки «Анти» установить надзор за этим районом зачастую наталкивались на противодействие, иногда увенчивающееся успехом: кто-то маскировался, другой наводил на ложный след, третий выводил из строя наши датчики. На углу мальчишка раздавал билетики, и я взял

один такой квадратик бумаги. На нем имелись адрес и следующий текст:

«Рубка на Ринге!!!

В этой схватке твой нарост может оказаться самым стойким!!!

Победителю тысяча долларов. Ждем в полночь!!!»

Ринг находился на заброшенном заводе, за вход брали по десять долларов. В цехе, где повсюду валялись ржавые биореакторы, были сооружены на скорую руку трибуны, забитые теперь зрителями. Кого там только не было — пижонов в дорогих костюмах и бродяг в обносках, дамочек в брюках и юбках, молодых и старых.

Пластмассовые продуктовые ящики, составленные по кругу штабелем — по пять штук и больше, были скреплены стержнями, которые уходили в отверстия, просверленные в цементном полу; в центре образовалась арена, освещенная переносными прожекторами на треногах. Запах пота выдавал напряженное ожидание. В тени, у выхода на арену, участники со своими машинами дожидались начала схватки.

Двое мальчишек рядом со мной обсуждали достоинства разных моделей.

— Чтобы нарост всех затоптал, надо вставить

в него хотя бы один блок, который действует как центральный сервер.

— Чушь собачья! Лучше, если все узлы замкнуты между собой.

Прозвучал сигнал, и двое участников выпустили свои агрегаты на арену. Первая конструкция состояла из ленточно-шлифовального станочка, утыканного тисками и плоскогубцами, его противником выступала автоматическая газонокосилка, которую вела в бой кофеварка. Бойцы кружили около минуты по арене, выжидая, потом сошлись — один вращая бешено лезвиями, второй лязгая челюстями. Казалось, что шлифовальник вот-вот победит, но затем кофеварка выпустила в него струю кипятка: у соперника случилось короткое замыкание, а зрители пришли в бурный восторг.

Я не остался смотреть следующие схватки. Наблюдая за ожесточенно дерущимися наростами, я почувствовал, как подступает тошнота. Брызги и жидкие кофейные лужицы на арене напоминали кровь моих родителей в прихожей нашего дома. Я не испытывал ни капли добрых чувств по отношению к грозным аппаратам, наделенным искусственным интеллектом, но меня куда сильнее беспокоили дикие страсти моих

собратьев-людей.

Я вернулся домой чуть раньше Коди и притворился, что сплю, когда она забралась в постель, и даже когда она попыталась растормошить меня, чтобы заняться любовью.

На следующий день все пошло прахом. Или, наоборот, восстало из пепла — с точки зрения наростов.

Утром в штаб-квартире «Анти» царила нервозная атмосфера. Пришло сообщение, что в порту Бостона взорвался танкер, и никто не знал, была ли это диверсия или просто авария. Операторам всех уровней было приказано вести прямое наблюдение через электронных жучков-разведчиков, тогда как обычно делалась автоматическая запись; требовалось установить причину взрыва и проследить, чтобы не произошло что-либо подобное.

К тому моменту, когда напряжение слегка спало (экспертиза «Анти» показала, что вероятность теракта составляла не более пятнадцати процентов), часы перевалили за полдень. Я использовал передышку, чтобы проверить состояние дел у Коди, используя рой электронных мушек.

Оказалось, что Коди хлопочет на кухне, а вся ее одежда состоит из трусиков и лифчика — обыч-

ный для нее наряд в домашней обстановке. Она снимала пылесосом паутину с потолка, потом решила передохнуть. Она вкатила на кухню кресло Аэрон. На сиденье лежали ЖизнеГрей и уЗвук. Коди привела в действие Кулинарт, чтобы тот приготовил ей молочный коктейль. Когда напиток был готов, она перелила его в пластиковый стаканчик, сквозь крышку которого была продета соломинка, затем устроилась на Аэроне. Коди обернула ноги одеялом, откинулась в кресле и, закрыв глаза, стала слушать музыку.

И вот тогда нарост явил себя в завершенном виде.

Миксер дернулся, словно игривый щенок, и оказался на самом краю кухонного стола. Пылесос продвинулся бочком под Аэрон, поднял свой толстый, гибкий и цепкий шланг, ощетинившийся щеткой-насадкой, и дотянулся до коленей Коди. В ту же секунду одеяло-массажер перекинулось выше, придавив ей грудь.

Сначала Коди не особо встревожилась. Но если она и собиралась соскочить с кресла, то было уже поздно, так как Аэрон затянул вокруг нее свои эластичные завязки.

А пылесос уже добрался до ее паха и присосался кончиком шланга к трусикам; ЖизнеГрей тем

временем тискал ей грудь.

Я вылетел пулей из своего кабинета и из здания, даже не предупредив начальство.

К тому времени, как я примчался домой, Коди, похоже, несколько раз испытала оргазм, ублажаемая наростом. Об этом недвусмысленно говорил ее затуманенный взгляд, разгорячившееся лицо и широко, безвольно раскинутые ноги.

Я остановился в нерешительности в дверях кухни. Я собирался спасать Коди, но не хотел стать жертвой нароста. Каким-то образом отключив аварийный блокиратор, Кулинарт угрожал мне, бешено вращая обнаженными лезвиями, и я прекрасно понимал, что произойдет, если, предположим, пылесос скрутит меня и скормит мою руку этому смертоносному измельчителю. И вот я, неисправимый трус, застрял в дверях и оттуда окликнул Коди.

Она только теперь открыла глаза и посмотрела на меня невидящим взглядом.

— Котик? Что случилось? Тебе дали отгул? Уже полчетвертого? Похоже, я как-то не заметила время…

Аэрон, судя по всему, уже не стискивал ее так крепко, поэтому я осторожно спросил:

— Коди, с тобой все в порядке? Ты можешь

встать?

Начиная осознавать, в каком виде она предстала передо мной, Коди покраснела.

— Я не знаю, мне не очень хочется…

— Коди, что ты говоришь? Это я, твой Котик, твой парень.

— Я вижу. Но знаешь… в последнее время от тебя мало толку как от парня! Даже не помню, когда в последний раз ты доставлял мне такое вот удовольствие.

У меня с губ чуть было не сорвалось язвительное замечание, которое стало бы признанием моего позора и унижения, но тут какое-то недоверчивое удивление появилось на лице Коди, и это заставило меня промолчать.

— А он… он хочет поговорить с тобой.

Когда она подняла руки к голове, я понял, что наушники все еще находятся у нее в ушах. Коди закрутила проводок вокруг уЗвука и бросила плеер мне.

Как только я подсоединил наушники, нарост заговорил со мной. Голос имел неопределенную тональность, как будто нарост нарезал и заново составлял кусочки всевозможных фраз, имевшихся в его памяти. Все слова произносилась голосами разных эстрадных кумиров.

— Парень, уходи! Теперь она наша, — прощебетало в наушниках.

— Нет! — крикнул я. — Я люблю ее. И не допущу, чтобы она осталась с вами!

— Решать ни тебе, ни мне. Женщина должна выбрать.

Я умоляюще посмотрел на Коди.

— Нарост говорит, что ты должна выбрать между нами. Коди, прошу тебя, не оставляй меня. Я обещаю тебе, что стану другим. Сколько попросишь, столько и буду массировать тебе ноги.

Коди сузила глаза, нахмурила брови, еще влажные от пота.

— Больше не будешь трястись от страха? И будем в рестораны ходить? И перестанешь болтаться по городу, как какой-то бродяга?

— Больше ничего такого. Клянусь!

— Тогда ладно. Я выбираю тебя…

— Коди, я так рад…

— И нарост!

У меня челюсть отвисла. Я собрался было возражать, рвать и метать, но закрыл рот.

Могу ли я проследить, чтобы Коди не предавалась удовольствиям в мое отсутствие? Нет. Ничего не поделаешь. Остается или делить ее с наростом, или потерять навсегда.

— Ладно. Как скажешь. Если никак по-другому не получается.

— Отлично! — Коди опустила ноги и соскользнула на пол — в чем ей изящно и заботливо помог Аэрон. — Итак, в какой ресторан ты поведешь меня сегодня вечером?

Я забыл, что наушники так и остались у меня в ушах, и нарост снова обратился ко мне через уЗвук.

— Мудрое решение, парень. Радуйся жизни. Мы готовы полюбить и тебя тоже.

Настороженно, но с невыразимым телесным облегчением в одной из запущенных и даже несколько пугающих уборных на Пснн-стейшн. Корсо Фэйрфилд блаженно направляет в обширную фарфоровую чашу золотистую струю. Дистиллированную из нескольких чашек безвкусного «амтраковского» кофе. Пытаясь не пялить глаза на разыгрывающийся вокруг спектакль. Это мотивировано отнюдь не антигомосексуальной обеспокоенностью Корсо. И разумеется, не предубеждениями, поднимающимися в его либеральной душе. Скорее это маневр по непривлечению к себе внимания бомжей. Толпящихся в помещении уборной, среди разбросанных по кафельному полу мокрых испачканных обрывков бумажных полотенец. Моющих в раковине свои ноги. И другие, еще более неаппетитные части тела.

Корсо заканчивает собственное шумное опорожнение. И упаковывает обратно свой пенис. Не представляющий, конечно, собой ничего особенного, и никоим образом не превосходящий размерами члены окружающих его нищих.

Однако бесспорно являющийся его личной собственностью. Которая, к сожалению, вряд ли в ближайшее время будет разделена с особой женского пола. Поскольку его жена, Дженни, ушла от него. Сбежала с его исключительно одаренным автомехаником, Джеком Спаннером. Двойная утрата. И сложно оценить соотношение ущерба, нанесенного ему в спальне и в гараже.

Однако его одинокий пенис теперь в безопасности. За крепкой молнией его лучших брюк. Которые он надел дома сегодня утром, в нескольких сотнях миль к северу отсюда. Вместе с белой рубашкой и пахнущим камфарой шерстяным жилетом, уместным при встречах с издателями. И агентами. И его закадычным другом Малахи Стилтджеком. Этим богатым ублюдком. Костюм, наделяющий к тому же правом посещать хорошие рестораны. С целью деловых трапез. И наконец, самое главное — увеличивающий чувство гордости при столкновениях с выражениями неподдельного ликования со стороны публики. Восхищенной публики. Способной рискнуть опознать автора по фотографиям на суперобложках. Как бы они ни были непохожи. И это учитывая небольшой и скупой на выражения чувств круг его читателей. Постоянно находящийся, как

всегда необходимо верить, на самой грани экспоненциального роста.

Проблема в том, чтобы вымыть руки. При том, что эти бездельники забаррикадировали собой все раковины. Корсо колеблется, перекладывая свой новенький мягкий портфель из одной руки в другую, еще социально не санкционированную после мочеиспускания. И тут один из попрошаек покидает свое место. Оставив краны включенными. Так что нет необходимости даже прикасаться к ним. Рискуя контактом с многочисленными нью-йоркскими микробами-мутантами, слишком мерзкими, чтобы о них говорить.

Возле раковины. С надежно зажатым между сведенными вместе коленями портфелем. Накачав в ладонь некоторое количество опалесцирующего мыла цвета дешевого розового вина. Намыливая руки. В то время как колтунобородый, многослойнорубашечный сосед справа балансирует, стоя на одной босой ноге. И погрузив в резервуар вторую необутую конечность. Совершенно черную от въевшейся уличной грязи. При виде которой Корсо внутренне вздрагивает. Но эту первоначальную реакцию можно назвать еще довольно мягкой. По сравнению с эмоциями, затапливающими его, когда нога покидает

раковину отмытой. Поскольку эта нога не может принадлежать человеку. Ни в каком полете воображения — даже столь натренированного, как у Корсо.

Вонючая вода ручейками стекает в слив. Лишая оттертую ногу, словно обнажившуюся из-под обертки рыбную палочку, ее маскирующей оболочки. И открывая нечто похожее скорее на конечность страуса. Жесткие желтые кольчатые костистые пальцы. Заканчивающиеся когтями. Способными с одного удара выпустить кишки. И шпора на лодыжке. Также потенциально смертоносная.

Отпрянув от раковины. Капая мыльной водой на свои лучшие брюки. Двигаясь словно колченогий в героической попытке предотвратить падение портфеля на кишащий заразой пол. А тут еще и этот ханыга с птичьей ногой принялся обижаться. При виде столь откровенного отвращения. Столь не по-джентльменски выраженного.

— Эй, приятель, в чем проблема.

Корсо ищет подходящих слов для вежливого ответа. Но в замешательстве не способен связать воедино даже двух умиротворяющих слогов. Так что в конце концов лишь неловко бормочет:

— Ваша нога.

Бродяга рассматривает свою поднятую ногу, по-прежнему погруженную в резервуар, но находящуюся теперь ниже изменившегося угла зрения Корсо. Свежеотмытую от своей грязевой маскировки. Благодаря чему обнажилась ее скрытая инаковость.

— Ну да, с виду, конечно, не очень-то. Но, боже мой, как ты подпрыгнул, можно подумать, будто я какой-нибудь пришелец.

Что, разумеется, и является собственно проблемой. Вот только теперь больше не является. Проблемой.

Поскольку бродяга-бомж вынимает ногу из ее ванны. И обнаружившийся предмет замешательства Корсо оказывается полностью антропоморфным. Покрытым струпьями, потрескавшимся, с ороговевшими ногтями, все верно. Но более ничем не замечательным.

Корсо приходит в себя. Насколько это возможно.

— Приношу свои глубочайшие извинения. Прошу вас, примите это пожертвование на будущее лечение и восстановление вашей ноги.

Корсо предлагает ему пятидолларовую банкноту. Извлеченную из кармана брюк. В процессе

извлечения отчасти вытерев по крайней мере одну руку. Способом, более чем не подобающим его лучшим брюкам. На которых теперь красуется мокрое пятно. Гораздо ближе к паху, чем хотелось бы.

— Ого. Спасибо, приятель.

— Не стоит благодарности.

Бумажные полотенца из раздаточного лотка завершают водные процедуры Корсо. Хотя некоторая липкость от мыла остается, не отполосканная до конца из-за неловкой ситуации. Он поворачивается, чтобы уходить. Но не может побороть искушение кинуть один прощальный взгляд назад. И видит, как бродяга заново надевает изодранный носок. Каковой предмет туалета имеет на себе стратегически расположенную дыру. Позволяющую шпоре без помех выпирать наружу.

Корсо качает головой. Ему следовало ожидать каких-нибудь испытаний подобного рода. Поскольку это не первый раз, когда реальность играет с ним шутку. Словно лживая шлюха.

И если бы его еще раз спросили в чем его проблема он обвинил бы во всем открыто, хотя, возможно, и несправедливо, свой род занятий: научную фантастику.

Минуло уже двадцать лет. Два десятилетия, как он пишет научную фантастику. А до этого, разумеется. На протяжении двух предыдущих десятилетий. Он ее читал. С юных лет посадив себя на эксклюзивную диету. Бульварные приключенческие романы. Изощренные экстраполяции. Космические оперы, антиутопии и технологическая фэнтези. Миллионы слов, определивших его взгляд на мир. Неотвратимо. Словно множество рук, мнущих сырую глину, придавая ей грубые формы. И затем обжегших. В гончарной печи, топливом для которой служила паралитература. Так что даже впоследствии никакой другой род литературы уже не мог оставить внятного отпечатка. На керамике его мозга.

Затем явилась юношеская мечта. Обстоятельства рождения которой позабыты. Затеряны в туманах его одурманенной научной фантастикой юности. Но быстро превратившаяся в вездесущий позыв. Писать то, что он любил. Несмотря на то, что никто не приглашал его делать это. Фактически, скорее перегораживая ворота. С винтовками, взятыми наперевес стражами жанра. Тяжелые годы ученичества. Сотни тысяч слов. Тщательно скомпонованных. И затем прочитанных и отвергнутых. Жестокосердными редакторами.

Сочащимися горчичным газом своей ужасающей проницательности. Перефразируя Гинзберга. И попутно доказывая, что Корсо Фэйрфилд способен цитировать. И других авторов, кроме Азимова, Брэдбери или Кларка. А-В-С жанра. Разумеется, давно вытесненные более молодыми именами. Однако до сих пор являющиеся волшебными талисманами для невежественных и непосвященных.

Продвигаясь вперед микроскопическими шажками. Понемногу начиная лучше понимать себя. А также из чего слагается рассказ. Отлаживая инструменты. И вот наконец — первая публикация. Экстаз, вскорости сменившийся отчаянием. От осознания того, насколько тяжелым обещает быть этот путь. И однако не сдаваясь. Дальнейшие публикации. На более выгодных условиях. Затем контракт на книгу. Роман под названием «Космокопия». Позволивший ему оставить постоянную работу. Управляющим в книжном магазинчике, совмещенном с баварской пивной. Названном с беспредельной фантазией. «ЧАПТЕР И ВЮРСТ».

И Дженин всю дорогу так помогала ему. Вышла замуж еще в колледже. Всегда верила в него. Радовалась тому, что он наконец-то начинает

добиваться успеха. Даже посещала различные собрания. В отличие от большинства научно-фантастических супруг. Которые скорее позволят сделать себе трахеотомию столовой ложкой. Чем встречаться со странного вида и причудливого образа мыслей читателями, на чьей необходимой и даже зачастую приятной поддержке основывается выход книг. Не говоря уже о встречах с раздраженными и измученными соратниками. Глубоко погруженными в свои стаканы. И выглядывающими из-под поверхности жидкости с несчастным видом утопающих жертв.

И будущее, которое, как казалось, простиралось вперед, будучи вполне светлым, несмотря на интенсивный труд. Вплоть до недавно случившегося у Корсо запора. В результате совершенной неспособности справиться с авторским отсутствием веры. В собственные представления. И видение. И даже избранные средства. И аванс за просроченный проект уже давно истрачен. На замену отстойника, поездку на Бермуды и новую трансмиссию. А последнее направило часть еще не заработанного будущего гонорара Корсо за «Дуло Черной Дыры» прямиком в карманы вероломного Джека Снайпера. Который с готовностью оказался рядом, чтобы спасти Дженни, когда

она покидала борт Космического Корабля Корсо Фэйрфилда. Осаждаемого паразитами сознания с Деменции-VII.

Первая галлюцинация случилась с ним в супермаркете. Из арбуза проступило лицо. Лицо веселое, но все же лишающее присутствия духа. И заговорило с Корсо. Не сумевшего уследить за сущностью арбузовой речи. Настолько зафиксировано было его внимание на двух параллельных рядах черных семечек, образовывавших зубы в сочном мясистом рте. Без сомнения, арбуз имел много что сказать ему. Его слова, возможно, как-то направили бы Корсо. В дальнейших подобных же прорывах.

Незачем говорить, что Корсо не стал делиться этим видением с Дженни. Но последующие проявления оказалось уже не так легко скрыть. Поскольку Дженни присутствовала при них. Потрясенно наблюдая. Как Корсо пытается открыть дверь, которой там не было. На тротуаре. Перед зданием местного кинокомплекса. Многолюдным субботним вечером. А также иные специфические галлюцинации в других случаях. Пока она не достигла критической точки. И не сбежала.

Как ни странно, Корсо не чувствовал страха

перед этими выбросами. Сюрреализма. И зловещей фантазии. Разумеется, временами они могли на мгновение оказаться шокирующими. Когда он был застигнут врасплох. Думал о чем-то другом. Как в случае человека с птичьей ногой. Но каждый раз, оказавшись лицом к лицу с новым случаем расстройства, на то время, пока оно продолжалось, Корсо охватывало несомненное чувство освобождения. От обязанностей и ожиданий. От своей собственной личности. От этой реальности консенсуса.

А чего же еще
в конце концов
любой читатель
научной фантастики
может требовать?

Контора научно-фантастического журнала «Руслан». Дешевые помещения в конце Бродвея, с бережливостью арендованные головной корпорацией. «Клакто-Пресс». И разделенные с собратьями по издательской цепочке. «Ежемесячник рыбовода». «В помощь любителям акростихов». «Кружевное плетение». Одна секретарша на все эти дико несовместимые журналы. Утомленная молодая женщина с россыпью веснушек. Поверх нескольких акров открытого выреза.

Каковое зрелище возбуждает пенис Корсо в его уединенном убежище. Но, подобно порыву любого отшельника, этот момент неизбежно минует, не получив облегчения.

— Э-э. Я Корсо Фэйрфилд, к Шэрон Уолпол. Она ожидает меня.

— Пожалуйста, подождите минуточку. Мне надо тут допечатать.

Корсо волей-неволей садится. Кладя свой портфель поверх сырого пятна в паху. На случай возобновления сладострастной атаки. В то время как лакированные ногти секретарши со стрекотом летают по клавиатуре. В конце концов пробуждая некоторую активность в стоящем сбоку от нее принтере. Отчего Корсо с болью вспоминаются его недавние тщетные попытки неким магическим образом выжать продукцию из собственного принтера. В валиках которого не обнаружилось нерожденных глав «Дула Черной Дыры». Только одна боль.

Поднимает трубку. Связывается с Шэрон Уолпол. Оскорбительно: «Как, вы сказали, ваше имя?». Имя вновь доносится до секретарши, и затем — до Уолпол. Недовольное разрешение на вход достигнуто.

Через жужжащий предбанник, набитый млад-

шими сотрудниками, помощниками редакторов и художниками-оформителями. Фотографии девушек на столах. Бесплатные пончики возле кофеварки. Беззаботная болтовня. Все работники регулярно получают свои чеки. С регулярными вычетами на страхование здоровья, бездумно ругаемыми. Однако насколько охотно были бы они приняты Корсо. В обмен на некоторую стабильность.

Вид из окна заставленного мебелью углового кабинета Уолпол. Резервуар для воды на соседней крыше. Призрачно светящаяся реклама «Нихи-Соды». Кусочек одной из могучих башен Бруклинского моста. Уолпол за своим столом. Статуэтки «Хьюго» на полке позади. Светлые, коротко стриженные волосы. Горчичного цвета брючный костюм. Толстая золотая цепочка на шее, серьги, браслеты. Приковывает Корсо к месту лучащейся ясноглазой приветственной улыбкой. За которой читается послание. «Не трать зря мое время».

— Корсо, всегда рада вас видеть. — Воздушные поцелуи. Цветочно-ванильный аромат духов. — Что привело вас в наш город.

— О, главным образом встреча с моим редактором в «Книжном Холме».

— Вы имеете в виду Роджера Ванкеля.

— Да, Ванкеля.

Корсо внутренне вздрагивает. При воспоминании. О недавней выволочке, устроенной ему по телефону. О голосе Ванкеля, вопящем насчет пропущенных сроков. И вытекающих отсюда взысканий из типографии. Которые будут прибавлены к счету Корсо. Если не буквально, то по крайней мере кармически.

— Ну и, разумеется, я должен связаться со своим агентом.

— Клайвом Малтремом.

— Да, по-прежнему. Ну и скорее всего меня ждет обед с Малахи.

Нет нужды произносить фамилию. Поскольку в научной фантастике любой знает Малахи Стилтджека. Постоянно фигурирующего в списке бестселлеров. Также появляющегося на многих конвентах. Состоящего в нескольких комитетах. Американских писателей-фантастов. А также в ПЕН-клубе. Не говоря уже о множестве присужденных ему премий. И его выступлениях в СМИ. В качестве неофициального посла Научной Фантастики на грешной земле. С высказываниями относительно клонирования. Или Интернета. Или виртуального секса. И только бог знает, от-

куда он берет время, чтобы еще и писать…

Уолпол чуть ли не подпрыгивает при упоминании Стилтджека. В ее голосе появляется смущенные девчоночьи интонации.

— О, прошу вас, передайте Малахи мои наилучшие пожелания. Спросите у него, когда у него появится для нас что-нибудь новенькое. Мы не видели от него ровным счетом ничего с тех пор, как он делал для нас эту статью два месяца назад.

— Ну разумеется, Шэрон. Целых два месяца. Подумать только. — Последнее появление Корсо в «Руслане» было так давно, что с тех пор успело смениться тысячелетие. — Всегда рад послужить сватом, ха-ха-ха. Что, кстати, подводит нас к цели моего визита. Я надеялся, что может быть, вы возьмете у меня что-нибудь.

Уолпол принимается теребить браслет на своем левом запястье.

— Что ж, мы, конечно же, всегда рады любому вашему рассказу, Корсо. В конце концов, наши читатели до сих пор говорят о «Кембрийском Исходе». Но мне казалось, что вы в настоящее время не работаете над малыми формами. У вас есть при себе рукопись?

— Эх, так в этом-то и загвоздка. Рукописи нет.

Проклятая оплошность. Бегом убегал из дома, чтобы успеть на поезд. Собственно говоря, рассказ еще только начат. Но это будет сенсация. Я уверен в этом. — Из текучего ума Корсо совершенно выскользнуло впечатляющее название, заранее придуманное им, чтобы подкатиться к Уолпол. Теперь придется изобретать его на пустом месте. В отчаянии он кидает взгляд в окно. — «Башни… Башни Нихилин».

Уолпол поворачивает браслет вокруг левого запястья. Очевидный признак нетерпения. Корсо обнаруживает, что ему сложно фокусировать взгляд. На ее неприветливом лице. Золотой движущийся поток вокруг ее запястья действует притягивающе. Браслет превращается в расплывчатое пятно сверхъестественной энергии. Он чувствует начало фуги. Приближение еще одной из его научно-фантастических галлюцинаций. Однако перспектива посещения нереального мира кажется ему привлекательной. Более соблазнительной, нежели этот унизительный ритуал попрошайничества.

Уолпол говорит сухим учительским тоном.

— Но вы же знаете, что мы очень редко заказываем что-либо заранее или покупаем по конспекту. По крайней мере конспект ведь вы

можете мне показать, не правда ли?

— Конспект. Его тоже со мной нет, увы. Как глупо. Забыл все это, убегая из дома. Но если бы вы могли как-то обозначить свое доверие — в виде, э-э, контракта, или, может быть, даже чека — я бы в понедельник переслал вам по электронной почте всю пайку с проектом. Наброски очень обширные. Фактически, речь идет об альтернативном мире. Как у Андерсона или Клемента.

Шэрон Уолпол поднимается с места. И уже совершенно открыто начинает отвинчивать кисть своей руки. Корсо с готовностью принимает это откровение. Нечеловеческой природы Уолпол. Браслет оказывается вовсе не украшением, а ободком некоего протеза на резьбе. Который теперь отсоединяется. Открывая блестящий металл. Вызывающий в памяти привычные термины — такие, как «метапласт» и «дюрасталь». А также соответствующую снабженную резьбой дыру в ее предплечье. Корсо не может отвести глаз от этого разоблачения. Более чем интимного разоблачения. Его рот открывается еще больше. Поскольку теперь рука отсоединена полностью. И редакторша кладет ее на свой стол. Словно пресс-папье. И лезет в ящик. Доставая оттуда сменную насадку. Гигантскую рачью клешню. Ярко-красного цвета.

Которую принимается привинчивать на место отсоединенной.

При этом не переставая говорить:

— Боюсь, Корсо, я ничем не могу помочь вам. Из-за вашего опоздания с романом для «Холма» и так уже разразился скандал. А подобный послужной список не внушает доверия. Я попросту не могу выдавать авансы из денег «Клакто-Пресс» на такие ненадежные проекты.

Рачья клешня уже прочно привинчена. И колышется в воздухе. На конце неуместно выглядящей женской руки. Иллюстрируя собой редакторское жестокосердие. И деловой опыт. Который Корсо не может не признать. Если не считать того, что он вряд ли может уважать в других образцы здравого смысла, которым сам во всей своей жизни никогда не обладал.

Голос Уолпол. Снижается до монотонного инопланетного жужжания. И спокойствие Корсо начинает рассеиваться. Поскольку фантазия больше не является привлекательной альтернативой его житейских проблем. Но кажется скорее угрожающей.

— Пришлите мне рассказ. Пришлите мне рассказ. Тогда посмотрим. Тогда посмотрим.

Клешня маячит перед ним, разбухая все больше

и больше. И громко щелкая. Прямо перед расширенными глазами Корсо на обескровленном лице.

И он поспешно удирает
прочь из кабинета,
из здания,
на улицу,
думая лишь о том,
насколько гигантской должна быть кастрюля,
чтобы сварить ракообразное подобных размеров.

Ряды конторских служащих возле лотков с хот-догами, фалафелем и шаурмой. Их земные мозги не заняты ничем. Кроме выплат за аренду, любовных интрижек, телевизионных шоу, беготни по магазинам и таскания сонмищ пресыщенных чад от развлечения к развлечению. Они не одержимы межгалактическими посланцами. Или угрозой вторжения существ из пятого измерения. Или парадоксами путешествий во времени. Их занимают лишь основательные, здравомысленные повседневные дела. Непреходящие ценности. Дом и семья. Секс и социальный статус. Не затронутые бредовыми домыслами, основанными на технологическом беспокойстве.

И чувстве чудесного. Они не знают ничего. Они щелкают выключателем на стене, чтобы зажечь в комнате свет. И никогда не задумываются. Об инфраструктуре, скрытой за этим актом. Да и зачем им. Для этого существуют электрики.

У Корсо бурчит в животе. Однако он делает усилие, поворачивая прочь от лотков со съестным. Зачем тратиться на дешевые закуски. Если Клайв Малтрем сможет накормить его обедом. И разве его агент не задолжал ему это. Учитывая, какие деньги были выручены за «Космокопию». Отмеченную призом. Клуба Научно-Фантастической Книги. Права на экранизацию которой были куплены голливудской киностудией. Под названием «Физз-Бойз Продакшенс». Которая впоследствии оказалась состоящей из двух бывших служащих с лос-анджелесской автозаправки. Временно затопленных доходами от продажи особенно крупной партии экстази. И имевших не больше реальных шансов когда-либо действительно отснять фильм. Чем двое орангутангов, только что прибывших из джунглей Калимантана. И к тому времени, когда иссяк срок их лицензии. Интерес к «Космокопии» уже угас. И все сходили с ума по какой-то другой новинке сезона. Возможно, вышедшей из-под пера Стилтджека.

Обиталище Малтрема в южной части Парк-Авеню. Гораздо более высокого класса, чем контора «Руслана». Консьерж в опереточном мундире. Ваше имя, сэр. Разрешите осмотреть ваш портфель, сэр. Очевидно, Малтрем и его соратники, живущие здесь, представляют собой соблазнительную цель. Для разъяренных террористов. Возможно, горящих желанием отомстить за несправедливости, причиненные лишенным гражданских прав авторам. Одним из которых, несомненно, является Корсо. Однако ему удастся скрыть свою истинную социальную принадлежность от бдительного стража. Полного шестидесятилетнего мужчины с обсыпанной перхотью гладкой прической. Который невозмутимо направляет Корсо к лифту.

Одиннадцатый этаж. Коридор, множество дверей. Дверь 1103-й квартиры предупредительно приоткрыта по предупреждению адмирала из холла внизу. Безупречная меблировка. Ковры из Аравии и Персии. Картины художников, пока еще не известных за пределами Нью-Йорка. Но которым неизбежно суждены слава и богатство. Таков безошибочный вкус Малтрема. Кожаный диван. Бар с напитками. Книжные шкафы, набитые сотнями произведений малтремовских

клиентов. Выглядящие так, словно их расставлял какой-нибудь голливудский дизайнер. «Космокопия» на самой нижней полке, частично закрытая соседней книгой.

Из глубины номера появляется личная секретарша Малтрема. Хорошо знакомая Корсо. И другим таким же, как он. Невозмутимая кореянка. Строгое черное платье. Плоское лицо, волосы черные как смоль, так что кажется, что они должны быть усеяны звездами. С совершенно невероятным именем — Кичи Ку. Корсо всегда хотелось спросить ее. Сознательно ли она выбрала себе такое имя. В каком-нибудь сумасбродном приступе цыганщины в стиле Гринвич-Виллидж. Или это результат жизнерадостной жестокости ее родителей. Но он до сих пор так и не спросил, и не спросит никогда. Поскольку пока что Кичи Ку ни разу даже не улыбнулась в его присутствии.

— Здравствуйте, мистер Фэйрфилд. Мистер Малтрем в данный момент разговаривает по телефону. Но скоро он выйдет к вам.

— Благодарю вас, мисс, э-э, Ку. Пожалуй, я тогда налью себе чего-нибудь выпить. Чтобы сгладить ожидание.

Плоское, как стена, лицо Ку становится еще более строгим.

— Как вам угодно.

Корсо наливает себе лучшего солодового виски из запасов Малтрема. О котором часто мечтают, но редко пробуют. Писатели. Уровня Корсо. С наслаждением прихлебывает. Скользит глазами по полкам. Где они натыкаются на длинный ряд книг Малахи Стилтджека. Поскольку именно Стилтджек послужил Корсо пропуском под крыло Малтрема. Далеко не единственное, чем Корсо ему обязан. В правом конце ряда незнакомый заголовок. «Боги на горизонте событий». Снимает с полки. Опубликовано в прошлом месяце. И возможно, уже готовится второе издание. Бегло просматривает текст. Да, да, прозрачный стиль, оживленное действие, великие идеи. Вот формула победы. Которую он применит в «Дуле Черной Дыры». Как только вернется домой. С сохраняющим лицо чеком в кармане. Чтобы было чем отбояриться от собирателей долгов. И загрузить холодильник. Пивом и копченой селедкой.

— Корсо, мерзавец, ты что, решил вылакать весь мой бар.

Малтрем жизнерадостно хлопает Корсо по спине. Отчего драгоценная жидкость выплескивается. На рубашку Корсо.

— Да что ты, ничего подобного, Клайв. Только

самую капельку. Чтобы оживить соки в организме. И запустить пищеварительную систему. Для обеда.

Малтрем берет Корсо за локоть. Изо рта у него торчит большая ароматная сигара. Агент уводит Корсо прочь от бара. Сребровласый человек среднего роста. Чисто выбритый и пахнущий, кроме кубинского табака, еще и дорогим лосьоном. Доступным лишь литературным агентам, доход которых превышает определенный уровень. Можете не сомневаться. Его лицо изборождено морщинами, странным образом запечатлевшими одновременно привычную улыбку и столь же привычную надменную гримасу. Не пухлое, но покрытое щедрым слоем самодовольной плоти. Словно бы говорящее: «Я утеплено своими успехами».

— Так ты еще не обедал? Вот это сюрприз. Что ж, и я тоже. Пойдем в «Папун Склутс». У меня к тебе серьезный разговор.

— А в этом, э-э, «Склутсе», наверное, дорого.

Еще один шлепок, сотрясающий кости Корсо. Эй, приятель, брось. Мы все здесь взрослые люди. Забудь даже думать о своей проклятой бедности. Кореш.

— Не пыли, дружище, я плачу!

— Как это мило с твоей стороны, Клайв.

— Давай завязывай с этим дерьмом и двинулись.

Такси переправляет их в «Папун Склутс». На протяжении поездки Корсо не способен думать ни о чем, кроме загадочных слов Малтрема. Серьезный разговор. Человек чувствует топор, готовый упасть. Задница предчувствует жесткий тротуар. Кредиторы глодают твои кости. Судьба несправедлива к простодушному. Который никогда не просил много. Но с самой юности мечтал лишь о том, чтобы путешествовать по звездным тропинкам в прозе. И который заслуживает некоторого послабления. Сейчас, когда у него творческий кризис. Из-за недостатка веры в собственный вымысел. И в то же время осаждаемый. Этими же самыми научно-фантастическими концепциями, ставшими действительностью.

К концу поездки Корсо уже почти готов дать волю слезам от жалости к себе. Но мужественно подавляет их. Напуская на себя вместо этого жизнерадостно-энергичный вид. Соответствующий атмосфере, царящей внутри шикарного ресторана. Где разномастные литераторы-элитераторы звенят фужерами с шампанским. Среди дорогих тканей, изысканных канделябров и подобо-

страстных служителей. И поглощают крошечные порции искусно испорченных пищевых продуктов. На тарелках, огромных, как щиты великих воинов. В плохой фэнтезийной трилогии.

Выше голову. Перед лицом высокомерной элиты. Умирать надо со вкусом. Вот девиз Корсо. Невзирая на залитую спиртным рубашку, испачканные мылом брюки и портфель, где лежит лишь обратный билет на «Амтрак», зубная щетка и последний выпуск «Фэнтесайенс Джорнал». С фотографией Хьюго Гернсбека на обложке.

— Что ты будешь есть, Корсо. Не можешь решить, э? Привык заказывать через окно машины, ха-ха? Ну ладно, давай-ка я закажу для начала.

Малтрем выдает длинную трескучую литанию блюд. Обслуга приносит им напитки. Корсо позволяет себе один глоток. Прежде чем Малтрем приступает к делу.

— Теперь послушай меня, Корсо. Мы с тобой оба знаем, в какое дерьмо ты угодил с Ванкелем и «Книжным Холмом». Я выторговал тебе одну последнюю отсрочку. Однако реальные сроки завязаны на то, чтобы ты пришел туда лично полизать некоторую задницу.

— В точности моя собственная стратегия, Клайв. Земные поклоны и расшаркивания. Я не слиш-

ком горд, чтобы просить. Да-да, разумеется. У меня уже назначена встреча с Роджером сегодня вечером, попозже.

— Великолепно. А потом возвращайся домой — и немедленно за «Нейтронную пушку».

— Э-э, «Дуло Черной Дыры».

— Конечно, конечно. Но сначала ты сделаешь нам обоим большое одолжение. Тебе придется выдать еще один роман в нагрузку. Мне звонила Вестин Опдайк из «Шумана и Шайстера», им отчаянно нужно срочно кем-то заменить Джерома Аризону. Аризона запорол им проект, а он был им нужен еще вчера.

Вторая порция спиртного за сегодняшний день взвинчивает мозг Корсо. Склонный к галлюцинаторным состояниям. Но никаких неблагоприятных инцидентов не следует. Никаких там смернов или тотов[222], громящих ресторан. Как это случилось однажды в универсаме «Вэл-Март». Когда эти животные не дождались радостного приветствия. От забывчивого представителя администрации.

Позволяя наплыву расслабления поглотить этот изглоданный беспокойством день:

---

[222] Примечания: 222
Персонажи марсианской эпопеи Э. Р. Берроуза. — Примеч. пер.

— Но Аризона обычно такой надежный. Он никогда не затягивал сроки.

— Верно. Но это было до того, как местные копы поймали его в постели с двумя шестнадцатилетками.

— Ого!

— Так что ты на борту.

— Но что это за проект?

— Роман по фильму «Создатель звезд».

Корсо не верит своим ушам.

— Но это же Стэплдон, классика…

— Да, кажется, так звали того парня.

— Но ведь книга уже есть. Несколько сотен страниц, великолепный авторский текст. Должно быть, его и использовали в качестве источника для сценария. Разве они не могут просто переиздать оригинал?

— Фильм сейчас уже не совсем соответствует первоначальному тексту. Одни только новые любовные интриги и космические битвы сами по себе требуют другой версии. Давай, это легкие деньги. Хотя, впрочем, никаких гонораров. Строго работа по найму.

Корсо поставлен в тупик. Опускает взгляд к непорочной белизны салфетке у себя на коленях. Как тут ответить? Испоганить кумира своей мо-

лодости. Однако быстрые деньги. И шаг в калитку к Шуману и Шайстеру. И возможно, средство, чтобы справиться с собственным застоем. Списать у мастера. Ну и выбор.

Корсо поднимает взгляд к лицу Малтрема.

Лоб агента мутирует в нависший уступ. Черты огрубевают. На лице вырастает шерсть. Изо рта выступают мутно-желтые лошадиные зубы. Малтрем деэволюционирует. К состоянию неандертальца. А вместе с ним и другие обедающие. И персонал. Неуклюже шаркающий между столиками с согнутыми спинами и скрюченными ногами. С галстуками, врезавшимися в разбухшие шеи. Словно колючая проволока, вросшая в дерево.

Малтрем начинает проявлять нетерпение. Его голос остается неизменившимся. Слава богу. Нет опасности неверно понять какое-нибудь первобытное звукосочетание.

— Итак Корсо, что ты скажешь?

И в то самое время, как Корсо пытается откопать свой собственный голос, Малтрем продолжает видоизменяться. Чешуя. Клыки. Рога. Шипастый хвост. Малтрем превращается в человекоподобного ящера. Динозавра в костюме от «Хьюго Босс». И остальные посетители. Имеют столь же

допотопный вид. Одна динозавриха. Опознаваемая по платью. Подхватывает свой бифштекс непропорционально маленькими передними конечностями. И целиком кидает его в сочащийся слюной, бритвеннозубый рот.

Рубашку Корсо пропитывает пот. От его сотрапезника несет земноводным зловонием. Необходимо подобрать самые благонамеренные слова, чтобы выразить свое согласие на это отвратительное задание. Не то агент примет это за обиду. И одним небрежным пинком выпустит ему кишки.

Ибо Корсо искренне сомневается
что Малтрем захочет остановиться
когда лишь пятнадцать процентов
его клиента
будет съедено.

Третий привратник женского пола за этот день. Секретарша в «Книжном Холме». Щеки до сих пор по-подростковому круглые, как у хомяка. Лиловый лак на ногтях. Рыжеватые волосы туго завязаны в две косички, торчащие по бокам лица. Одновременно слишком понимающего и совершенно наивного. Наверняка недавняя выпускница. Какого-нибудь престижного колледжа. Которому должно было бы быть стыдно. Взращи-

вать и скармливать бессчетное число таких вот ясноглазых злополучных романтиков. Издательской ненасытной и скупо платящей утробе.

— Э-э, моя фамилия Фэйрфилд, я к мистеру Ванкелю.

— Да, проходите, пожалуйста.

Корсо полагал, что придется ждать. Легко открывшийся доступ смущает его. Поскольку ему нужно в туалет.

— Простите, не могу ли я сперва, э-э, воспользоваться уборной.

— Конечно. Вот ключ. По этому коридору налево.

Зажав в руке священный ключ. Почти так, словно он работает здесь. В этой фирме, игнорировавшей все его предложения. Относительно обложки «Космокопии». Когда вместо Уэлана или Эгглтона. Он получил откровенно пастельную работу Мюррелла Пьюрифоя. Чьи *oeuvre*[223] состоят почти исключительно из обложек юмористических фэнтезийных романов. Не считая образа, предложенного Пьюрифоем для одноименного устройства в книге Корсо. Которое вышло у него похожим на гибрид соковыжималки, постмо-

---

[223] Примечания: 223
Творения, труды (фр.).

дернистского фольксвагена и пенисоподобного насоса.

Через дверь для посвященных. В самую дальнюю кабинку. Вешая портфель на крюк для одежды. Благодарно спуская брюки и боксерские трусы. Садясь на стульчак. Благословенное перистальтическое облегчение. По-прежнему легкодоступно. В отличие от своей ментальной разновидности.

С шумом входят новые посетители. Один голос знакомый, другой нет. Первый — Ванкель собственной персоной. Добродушный грегот на фоне энергичного плеска мочи.

— Так значит, ты встречаешься с Корсо Фаст-Фудом. Как у него нынче дела.

— Безнадежный случай. Таланта хоть отбавляй. Но он по уши увяз в этом, так сказать, мифе жанра. Он думает, что НФ — это чуть ли не мистическое призвание. А ведь это просто работа, как и любая другая. Он воображает, что пишет для какого-то содружества суперменов. А не для кучки придурочных, обчитавшихся книжек тинэйджеров.

Смех со стороны неопознанного собеседника.

— Господи боже! Неужели он не видит, что это все взаимозаменяемо. Мистика, технотриллеры, вестерны. Одна куча дерьма стоит другой. Ну да

ладно, я-то знаю одно. Я не сделаю этой ошибки. Я не стану залезать в этот тупик. Еще годик-другой, и я смоюсь отсюда. У меня уже запущено несколько щупальцев в «Максиме».

Треск застегиваемых «молний».

— «Максим», хм-м… Что ж, там полно красивых женщин.

— Еще бы.

Моют руки. Уходят. Из дальней кабинки доносится всхлип, исторгнутый черным отчаянием.

Корсо Фаст-Фуд. Его кличка среди собратьев. Известная всем, кроме него. Его страсть, его преданность избранному полю деятельности. Высмеяна и отброшена прочь. Любая мотивация считается смешной. Если она не основана на прямой выгоде. Не говоря уже об изначальном отрицании всякого художественного стремления. Работать, основываясь на трудах героев прошлого. Гигантов жанра. Встречавших, без сомнения, подобное же отношение. Со стороны собственных вероломных редакторов.

И когда он встретится с Ванкелем лицом к лицу. У него будет большое искушение. Плюнуть ему в глаза. Или врезать кулаком туда же. Но это, разумеется, невозможно. Ибо тогда Малтрем разорвет своего необузданного и вспыльчивого

клиента на кусочки. Размером как раз на один укус каждый. Чтобы можно было разделить его с другими хищниками. У Корсо нет выбора. Кроме как проглотить свою обиду. И двигаться дальше.

Обратно к секретарше. Вернуть ключ. И в ванкелевскую святая святых.

Роджер Ванкель, стоящий возле стола перед окном. Вид на каньоны из стекла и металла. Буйный, небрежный взлет фасадов. Птицы режут воздух. Мальчишеская копна каштановых волос, ложащаяся углом на широкий редакторский лоб. Близко посаженные глаза. Нос и губы, выбранные из каталога детских черт лица и затем ошибочно помещенные на взрослую матрицу. Роется в стопке оригинал-макетов обложек. Возможно, с Пьюрифоем уже договорились о работе над «Дулом Черной Дыры». Если это так, то остается только два вопроса. Непробиваемое ли здесь стекло. И насколько далеко до земли.

— Корсо! Очень рад вас видеть! Как поживает Джинни?

— Вы, наверное, имеете в виду Дженни. У нее все хорошо.

Разумеется, остается невысказанным. Что у нее все хорошо с его механиком.

— Ну и замечательно. Полагаю, вы пришли

поговорить о продлении срока. Никогда бы не подумал, что это удастся протолкнуть. Но Малтрем отличный посредник. Вам повезло, что вы у него в команде.

— Да. У него толстая шкура.

— Верно, верно. Итак, что вы можете мне предъявить, чтобы убедить меня, что вы действительно включились в этот проект.

С трудом воздерживаясь от того, чтобы предъявить ему горькие обвинения. В продажности и двурушничестве. Лепеча вместо этого что-то бессвязное. Насчет вероятного развития событий. У главного героя Корсо. Русса Радиканса. Обладателя Дула Черной Дыры. Артефакта, оставшегося от древней вымершей расы. Ахеропитеков. И возлюбленной Русса. Зульмы Науч. Пилота космического корабля. Под названием «Граулер». И ее злобной сестры-клона. Зинзы, безжалостной убийцы. И так далее. И Ванкель, внимающий всему этому. Глубокомысленно кивающий. Лицемерный подонок.

В дверь кабинета стучат. Ванкель не обращает внимания. Но рабочий входит без приглашения. Усы, грязный коричневый комбинезон, из петли свисает молоток, рабочие рукавицы заткнуты в задний карман. И без единого слова. Рабочий

принимается разбирать одну из стен кабинета. При помощи шпателя. Отслаивая тонкие листы. Не штукатурки или ДСП, а чего-то наподобие эластичной фанеры. И обнажая под ней не балки и перекладины. А открытое голубое небо в дюжине этажей над землей. Щеки Корсо касается легкий ветерок.

Корсо запинается и замолкает. Ванкель в недоумении. Но лишь по причине замешательства своего автора.

— Говорите дальше, я слушаю.

И тут Корсо осознает. Что это еще одна галлюцинация. Он пытается продолжать. Пытается принять непредсказуемую нереальность своих ощущений.

Подходят еще несколько рабочих. Как две капли воды похожих на первого. Деловитая толпа демонтажников. И принимаются помогать первому в разборке стен. Пока вскорости Корсо с Ванкелем не остаются сидеть на вершине взмывающей ввысь голой колонны. На нескольких квадратных футах застланного ковром пола. Открытого со всех сторон. Жесткому испытующему взгляду Манхэттена. Поскольку остальная часть кабинета необъяснимым путем исчезла. Декорации убраны. Скрытыми Кукловодами.

Решившимися окончательно изничтожить. Его солипсическое «я».

Ветер шевелит волосы Корсо. Он не может продолжать. Поскольку глядит на одного из рабочих. Который уверенно сходит с колонны. И теперь взбирается прямо по небу. Словно это не воздух, а просто пологий голубой склон. Направляясь к солнцу. И приблизившись к его шару, рабочий не уменьшается в размере. Наоборот, когда он становится рядом с солнцем, обнаруживается истинный масштаб светила. Это диск размером с колпак от колеса автомобиля. Рабочий натягивает свои рукавицы. И принимается его вывинчивать.

Другие рабочие тем временем выключают Ванкеля. С помощью рубильника у него на затылке. Подтверждая стойкие подозрения Корсо относительно существования такого рубильника. Затем рабочие поднимают редакторское кресло вместе с редактором. И переворачивают вверх ногами. Но Ванкель остается прикрепленным к нему. С дурацкой ухмылкой на губах.

И затем, когда солнце наконец оказывается полностью вытащено из своего гнезда, спускается абсолютная тьма.

Как если бы

Русс Радиканс
применил Дуло Черной Дыры
к своему собственному Создателю.

— Корсо, мой мальчик. Вставай!

Этот сочный голос. Пропитанный всей роскошью уютной жизни. Такой знакомый. По коммерческим телепередачам, посвященным кредитным карточкам. И одной — об автомобилях «Сатурн». И дискуссиям на многих собраниях. Не считая случавшихся порой телефонных разговоров. В полночные часы. Когда отчаяние подступало к горлу. Несчастного протеже. И он набирал домашний номер своего ментора. Номер, за который убили бы, не колеблясь, миллионы фанатов. Каковым был когда-то и сам ныне исчезнувший молодой Корсо. И даже теперь, когда он достиг собственной небольшой профессиональной высоты. Он по-прежнему едва осмеливается верить. Что ему пожалована столь высокая привилегия.

Корсо разлепляет глаза. Он распростерт на спине. Полуобнаженный. На больничной каталке. Защищенный грязной занавеской на колечках. От жалобных и жалостливых взоров соседей-страдальцев. Очевидно, он в больничной палате скорой помощи. И возле него сидит Мала-

хи Стилтджек.

На Стилтджеке дорогой угольно-черный костюм. Бесчисленные ярды итальянской материи, опоясывающие его обширный метраж. Лучшего покроя, чем даже у Малтрема. Жилет. Часовая цепочка. Прочие щегольские аксессуары. Серебряные волосы коротко острижены и доведены до совершенства. Нестарое, лучащееся архиерейской улыбкой лицо сияет. Видимо, оттого, что Корсо вновь пришел в сознание.

— Что… что со мной было?

— Ты потерял сознание в кабинете своего редактора. Гнилой номер, мой мальчик. Многие из нас не отказались бы от подобного выхода, но это откровенная трусость — устраивать такую мелодраму при уходе со сцены. Это создаст плохое впечатление о твоей выдержке и жизненной энергии. Как ты сможешь справиться с литературным туром по нескольким городам, если из-за какого-то приступа утомления съеживаешься, как пустой пакетик из-под чипсов. Так об этом будут говорить. Ну, как бы то ни было, тебя привезли сюда на скорой. А я разыскал тебя, когда ты пропустил нашу встречу.

— О боже, теперь Ванкель наверняка запишет меня в черный список. На самую первую пози-

цию.

Кислое выражение на лице Стилтджека.

— Будто бы ты уже там не был.

Корсо огорчен.

— Так значит, вы уже знаете, что я пропустил срок.

— Кто же не знает. В «Локусе» была даже боковая колонка, посвященная твоим затруднениям — в декабрьском номере. Неужели ты не видел?

— Я не стал больше подписываться. С деньгами туго. А читая «Локус», я только нервничаю. Все эти крупные сделки, все эти блистательные, довольные жизнью, пожимающие всем руки *профессионалы.* Какое это все имеет отношение к настоящей мечте…

— Брось, Корсо, уж кому-кому, а тебе-то не стоило бы верить всем этим печатным басням. Никто из нас по-настоящему не чувствует себя в безопасности. Большинство писателей просто сохраняют хорошую мину.

Недостойное чувство гнева и зависти к другу.

— Вам-то хорошо говорить, Малахи, с вашим поместьем, и контрактами, и… и сожительницами!

Патрон не оскорбляется выходкой своего пеона. Великодушно и заботливо взирая со своих высот.

— Ну-ну, Корсо, тебе не к лицу такие обиды.

Но я, разумеется, понимаю, что в тебе говорит творческий кризис. Вот корень твоей проблемы. А вовсе не материальные затруднения. Или уход твоей жены.

Вопль отчаяния.

— Боже милосердный, в «Локусе» и об этом была колонка?!

— Нет-нет, что ты. Однако слухи…

— Эти мои чертовы собратья могут хоть на минуту перестать сплетничать — хотя бы для того, чтобы пересчитать свои премии?!

— Давай пока оставим все эти слишком человеческие недостатки наших коллег, Корсо, и рассмотрим мой диагноз. Подумай минутку. Если бы *у меня* был застой, неужели все мои деньги и имущество сделали бы меня хоть капельку счастливее. Разумеется, нет. То же относится и к физическому здоровью. Для легкого и естественного функционирования, будь оно психологическим или соматическим, необходимым условием является спокойствие сознания. Разберись со своим творческим тупиком, и ты снова окажешься на вершине мира.

— Простой рецепт. Но с трудом применимый к самому себе.

— Давай поработаем над этим вместе еще ка-

кое-то время. Сейчас не так уж поздно. Мы еще успеем пообедать. Но прежде всего надо, чтобы тебя выписали.

Доктор вызван. Корсо неохотно выдается чистый санитарный лист. Возможно, имело место легкое отравление пищевыми продуктами. В «Папун Склутс». Протухший целакант с доисторической кухни. Достойная трапеза для всех этих вызывающе богатых посетителей. От угрюмой, но привлекательной рыжеволосой сестры получено приглашение одеваться. Сестра не задерживается, чтобы бросить взгляд на непривлекательное мужское достоинство Корсо. Словно бы наполовину выдуманное. Одиноким и в-последнее-время-слишком-мало-ласкаемым профессиональным мечтателем. Вскоре они выходят на сумеречную улицу.

Стилтджек помахивает тростью с золотым набалдашником. Окидывая лучезарным одобрительным взглядом весь мир вокруг. Суетящихся трутней-бизнесменов. Потных посыльных. Скучающих тинэйджеров. Выбирая себе вишенку на зубок. Или на пинок. Буде им овладеет соответствующая порочно-державная прихоть. *Droit du*

seigneur[224]. Мои верноподданные. Корсо молча шагает рядом. Уверенный, что если какой-нибудь голубь вздумает опорожниться. Экскременты падут на голову того из них, кто представляет собой наиболее жалкую цель.

— Ну что ж, а теперь расскажи мне о своих проблемах, парень.

Корсо повинуется. Описывает свое разочарование в работе.

Перемещение тропов в реальную жизнь. И состояния фуги. И в то самое время, когда он рассказывает о своем недуге. Корсо нервно ожидает нового приступа. Однако ничего не происходит. Но облегченный вздох замирает на его губах. При следующих словах Стилтджека.

— Так это у тебя диковы припадки! Я полагал, что они не доберутся до тебя еще несколько лет. Однако они случаются в прямой пропорции к таланту. Так что тут нечему удивляться.

Корсо одновременно польщен и испуган.

— Диковы припадки?

— Названные, разумеется, в честь сам-знаешь-

---

[224] Примечания: 224
Право сеньора (фр.).

кого. Нашего святого покровителя.[225]

— То есть вы что же, хотите сказать…

— Что у меня они тоже бывают. Ну как же! Любой, даже самый твердокаменный писатель-фантаст рано или поздно проходит через это. Большинство выходят с другой стороны. Но некоторые, само собой, остаются посередине. Если тебе повезет, ты не попадешь в число последних.

— То есть это профессиональная болезнь?

— О, это не болезнь! Это дарованный нам взгляд на реальность.

Корсо останавливается.

— Что вы такое говорите, Малахи…

— Ты что, не слушаешь меня? Ты удостоился видения. Пластичной, нестабильной природы реальности. Иллюзорного характера мироздания. Это взгляд в перспективе богов. Прорыв в познании.

Голос Корсо звучит насмешливо:

— И я полагаю, вы безмерно выиграли от подобных видений. Может быть, даже научились сами становиться божеством. Возможно, я просто персонаж в одном из ваших вымыслов.

— Э-э, собственно говоря, я действительно стал

---

[225] Примечания: 225

Считается, что Филип К. Дик страдал галлюцинациями, что нашло отражение во многих его произведениях. — Примеч. ред.

чем-то вроде полубога. Что же до того, кто из нас кого создал, или же мы оба являемся вымыслом какого-то существа более высокого порядка — ну, этот вопрос по-прежнему открыт.

— Я был бы благодарен, если бы получил какое-то подтверждение того, что вы попросту не сумасшедший.

— Естественно. Вот, смотри.

Поток пешеходов замирает на месте. Равно как и уличное движение. На тротуаре возникают Шэрон Уолпол, Клайв Малтрем и Роджер Ванкель. В стандартной конфигурации. Но затем каждый из них мутирует в свое паранормальное состояние. Рачья клешня-протез Уолпол. Ящероподобный облик Малтрема. Андроидная неподвижность Ванкеля. Корсо приближается к обращенным в мрамор фигурам. Тыкает их пальцем. Поворачивается к Стилтджеку.

— Ну что, ты удовлетворен? — спрашивает тот. — Или показать тебе еще и Дженни с ее новым дружком. Насколько я понимаю, в настоящий момент они находятся на автогонках в Далате. Я мог бы вывести на сцену и этого беднягу с Пеннстейшн. Кстати, его зовут Артур Пирти. Очаровательный парень, если с ним по-настоящему познакомиться.

— Нет. Это не обязательно. Только отошлите прочь этих… этих фантомов.

Редакторы и литературный агент исчезают. Жизнь возобновляется. Стилтджек весело движется вперед. Корсо оцепенело следует за ним. Лукавая непрочность мира подтверждена. Хлипкие развалины. Картина, нарисованная на рисовой бумаге. Корсо чувствует тошноту.

— Вообще-то лучше не вызывать таких широкомасштабных разрывов. Вселенная, чем бы она ни была, не наша игрушка. Мы не создавали ее. Мы не правим этим непрекращающимся театром теней. Мы не знаем конечной подоплеки его существования. Но мы позволяем себе немного отщипнуть то здесь, то там. В целях личного благополучия. Такие небольшие побочные доходы позволены тем из нас, кто вышел по другую сторону диковых припадков.

— Но, но… но если даже вы решили продолжать жить, как вы можете продолжать писать научную фантастику! Перед лицом подобного знания.

Малахи приостанавливается. Чтобы подчеркнуть важность своих слов.

— Ну, что до мотивации, то здесь, Корсо, весь вопрос в том, чье воображение главенствует, не так ли? Насколько бы странной ни показалась

тебе Вселенная, когда ты окончательно познаешь ее, тренированный мозг, такой, как у тебя или у меня, провозглашает, что наше собственное воображение в своих концепциях может быть даже еще более могучим. Во всяком случае, если ты настоящий писатель-фантаст. Ну, а теперь почему бы нам не пойти насладиться хорошей трапезой? Могу гарантировать, что нам никто не помешает.

И Корсо смеется
достаточно громко, чтобы заставить прохожих
посмотреть на него с изумлением,
ибо его аппетит
внезапно становится огромным,
и не только к пище.

— Толстому Лошаднику, Джонатану Херовиту и, разумеется, Рыжеволосому.

Сизиф и Посторонний

Альбер Камю был утомлен. Утомлен работой. Утомлен жизнью. Утомлен обширной империей, в процветание которой вносил каждодневный, пусть и крошечный вклад. Впрочем, выбора у него не было, и порой он казался себе Сизифом, закатывающим на гору камень. Будущее предопределено, рассчитывать на бегство или перерождение не приходится.

В своем кабинете в алжирском императорском дворце Альбер Камю устало уронил голову на руки. Вторые сутки он не смыкал глаз, готовясь к торжествам по случаю двойного юбилея. В 1954 году исполнялось пятьдесят лет с открытия N-лучей и сорок лет с рождения Французской империи из пепла слабосильной Третьей республики. По всей империи, от карибских островов до берегов Южной Америки, от знойных джунглей Индокитая до безмятежных лагун Полинезии, от песчаных африканских равнин до островков посреди Индийского океана, во всех колониях и протекторатах, над которыми гордо реял французский флаг, шли похожие приготовления.

Повсюду следовало развесить полотнища

триколора и портреты — сурово хмурящегося императора и гениального изобретателя Рене Блондло, лысого и с бородкой клинышком. Фасады общественных зданий требовалось отдраить слабой дозой N-лучей. Также нужно было украсить бальные залы, заказать провизию для банкетов, наметить маршруты парадов, подписать разрешения на торговлю лоточникам, разослать приглашения. Всех бездомных надлежало выслать в провинцию. Узкие, ступенчатые улочки касбы — заблокировать во избежание любых демонстраций, сколь угодно мирных и малочисленных, против французов и их празднеств. (Лучше уж выслушивать жалобы торговцев, которые потерпят убытки из-за своевременных шагов по предотвращению незаконных собраний, чем отвечать циничным репортерам о трупах демонстрантов, обугленных N-лучами из полицейских ружей.) И самое важное, следовало проверить и перепроверить меры безопасности в связи с визитом императора.

Разумеется, от начальника Альбера, генерал-губернатора Мерсо, помощи не было никакой. Эта надутая самодовольная жаба умела лишь вдохновенно читать по бумажке не им написанные речи да трясти руки местных деловых воротил

и собирать с них мзду. Но в любых практических вопросах невежда Мерсо (получивший пост благодаря высокопоставленным родственникам в метрополии) всецело полагался на своего подчиненного, Камю, прошедшего суровую дипломатическую выучку в Национальной школе управления.

Камю поднял голову от сложенных рук и, тряхнув угольно-черной напомаженной шевелюрой, скривился в усмешке; его мужественное, с резкими чертами лицо прорезали морщины. «Эх, мама и папа, — подумал он, — если бы только вы могли видеть сегодня своего маленького мальчика, ради которого едва сводили концы с концами, лишь бы он получил самое лучшее образование на земле предков. И вот на сорок втором году жизни он стал серым кардиналом при каком-никаком дворе, однако чувствует себя совершенно несчастным».

Но конечно же родители Камю никак не могли сегодня увидеть, до чего он дошел. Оба они погибли в 1935-м, когда на двадцатом году империи по Алжиру прокатилась волна выступлений против «черноногих»; сам же Камю находился тогда в безопасности в Париже. Катастрофа унесла множество жизней, и европейцев, и арабов,

прежде чем солдаты империи с их грозным лучевым оружием и броневыми лучеходами сумели восстановить порядок. Впрочем, после этого решительного применения силы мир и согласие воцарились в Алжире, да и по всей империи, в отдельных уголках которой также было устроено показательное кровопролитие.

Саркастическая усмешка сошла с лица Камю, когда он задумался о кровавом фундаменте нынешней эпохи всеобщего мира и благоденствия с Парижем в ее центре. Он потянулся за пачкой сигарет, лежавшей рядом с переполненной пепельницей, достал одну и закурил. Отвратительная, необходимая привычка, но извинительная в эти дни, когда рак легких можно вылечить строго отмеренной, целебной дозой N-лучей (так же, как сам Камю избавился от туберкулеза, которым страдал с детства), — если, конечно, принадлежишь к элите. Откинувшись к спинке кресла на колесиках и попыхивая сигаретой, Камю позволил себе несколько минут блаженного бездействия. Под высоким потолком его тесного, по-спартански пустоватого кабинета жужжали две мухи. Ослепительное летнее солнце Алжира, подкрепленное отраженным блеском так любимого Альбером Средиземного моря, лило сквозь

щели деревянных жалюзи плавленое золото, расчерчивая кабинет в контрастную клетку. Но воздух оставался прохладным — исправно гудели лучевые кондиционеры.

Камю погрузился в полудрему, из которой его вырвал гудок телеинтеркома; N-лучи высветили на экране лицо его помощницы Симоны Гиэ — строгой женщины одних лет с Альбером.

— Мсье Камю, вас хочет видеть американский посол.

Камю выпрямился и затушил сигарету:

— Пусть войдет.

Когда дверь отворилась, он уже поднялся из-за стола и двигался навстречу послу.

— А, господин Райнбек! — с акцентом произнес Камю по-английски, радушно пожимая ему руку. — Очень рад вас видеть. Полагаю, ваш секретариат получил билеты на все праздничные мероприятия. Без надлежащим образом оформленных приглашений пускать не будут никого, абсолютно никого. Сами понимаете, меры безопасности…

Седовласый, с выступающей челюстью, американец отмел вопрос взмахом руки. Его грубоватая непринужденность восхитила и в то же время ужаснула Камю.

— Да-да, — ответил Райнбек, — мои помощники разберутся со всеми этими бумажками. Сейчас у меня дело поважней. Я должен немедленно увидеть генерал-губернатора, чтобы заявить официальный протест.

Среди прочего в обязанности Камю входило по возможности пресекать подобные поползновения напрячь Мерсо сверх его скромных способностей.

— Официальный протест? По какому же поводу? Едва ли столь драматичный шаг необходим при тех дружеских отношениях, которые сложились между нашими державами. Наверняка речь идет о каком-нибудь пустячном недоразумении, и я буду только рад его разрешить.

Голубые глаза на загорелом лице Райнбека блеснули сталью. Несмотря на кондиционеры, Камю бросило в пот. Две мухи, прежде кружившие под потолком, снизились и теперь мельтешили перед самым его лицом. Их жужжание действовало на нервы, но отогнать их Камю не решался, опасаясь показаться смешным.

— Недоразумение вовсе не пустячное, — сказал Райнбек. — Ваши солдаты задержали на южной границе с Нигером группу ни в чем не повинных американских туристов и отказыва-

ются отпустить, пока тех не допросит имперская спецслужба. Поговаривают даже о том, чтобы отправить их в Париж. Это противоречит всем договорам и международным нормам. Я должен немедленно увидеться с Мерсо и потребовать их освобождения.

Камю принялся обдумывать услышанную новость. На границе с Нигером располагался крупный армейский полигон, где велись испытания N-лучей, слишком опасные для того, чтобы проводить их в метрополии. Вдруг эти «ни в чем не повинные американские туристы» на самом деле шпионы, которым поручено выкрасть новейшие достижения той технологии, что обеспечила Франции безусловное мировое лидерство? Вполне вероятно. А коли так, уступки, на которые пойдет простак Мерсо, поддавшись нажиму Райнбека, могут нанести империи серьезный ущерб. Нет, это совершенно недопустимо. Пускай военные и вездесущее Главное управление внешней разведки разбираются сами.

Да, империя утомила Камю. Но в конечном счете выбора у него не было. Он решил, как ему поступить, сомнения исчезли.

Снова пора закатывать в гору камень.

— Прошу прощения, господин Райнбек, но я

никак не могу передать генерал-губернатору вашу просьбу о встрече. Однако будьте уверены, я проконтролирую ситуацию лично и незамедлительно сообщу вам любые новости о судьбе ваших соотечественников.

Перед лицом такой безапелляционности Райнбек тут же утратил былую браваду. Казалось, он постарел на несколько лет.

— Итак, опять сплошная секретность. Ну черт возьми, Альбер, от тебя-то я ожидал большего, думал, что мы друзья. Впрочем, ничего странного, с вашей-то позиции силы. Вы прекрасно понимаете, что Америке нечего противопоставить империи. Мы ничего не можем предложить взамен, ничем не можем пригрозить, вообще ничего не можем сделать, чтобы заставить вас прислушаться.

— Да ладно тебе, Генри, не преувеличивай.

— А разве я преувеличиваю? Или ты знаешь о международном положении Америки что-то, чего не знаю я? Куда ни ткнись — со всех сторон французские базы, не дают нам продохнуть, перекрывают пути естественной экспансии. Квебек и Куба, Мексика и Сандвичевы острова — повсюду французы с их лучевыми пушками. Дефицит нашего торгового баланса с Францией и ее коло-

ниями растет год от года. И у наших союзников положение ничуть не лучше. Испания, Германия, даже бывшая владычица морей Британия теперь бессильны перед вами. Ваша империя — это что-то совершенно беспрецедентное в человеческой истории. Вы не просто держава, а сверхдержава. Нет — гипердержава. Не осталось такой страны, которая решится сказать вам слово поперек. Вы поступаете, как вам заблагорассудится, в любой ситуации, а на мнение всего остального мира вам наплевать. И ладно бы с политикой — в конце концов, мы могли бы пережить честное соперничество на международной арене. Но что нас действительно убивает — это ваша культурная гегемония. Наша молодежь подражает французской моде, смотрит французское кино, читает французские книжки. А свое, американское, искусство буквально вымирает. Духовная колонизация — вот что это такое. Самая опасная угроза с вашей стороны.

Камю хотел было оспорить столь циничный анализ международного положения, но осознал, что посол прав от первого до последнего слова, и решил не опускаться до лицемерия.

— Прости, Генри, но так устроен мир, — сказал он. — Мы оба должны примириться с реально-

стью.

— Тебе-то легко говорить, с твоего высокого шестка, — бросил Райнбек, развернулся и вышел.

Разговор с послом не на шутку расстроил Камю. Он ощутил, как на него давят стены собственного кабинета, и бросил взгляд на часы. Уже начало второго. Сходит-ка он пообедает у Селеста.

Он нажал кнопку телеинтеркома:

— Я уйду на час.

— Хорошо, мсье.

На улице июльское пекло и само давление солнечных лучей буквально расплющили Альбера — со знакомой, едва ли не приятной бесцеремонностью. Камю родился здесь и вырос, и душой впитал североафриканский климат. Все годы в Париже он чувствовал себя посторонним, и неизвестно, что отвращало его сильней — непривычная погода или высокомерие столичных жителей перед выскочкой из колоний. Окончив учебу и получив первое назначение на службу, он был только рад узнать, что отправляется назад, в Алжир. И больше его не покидал. Он ни с кем не делился тайной любовью к родной земле, распахнутой небу, словно рот или рана, но без этой любви он просто сломался бы.

Непринужденно вышагивая широкой улицей д'Ильи, по обеим сторонам которой высились величественные, в европейском стиле, здания почти вековой давности, Камю воспрянул душой. Сходить бы еще поплавать — его любимый досуг, — и жизнь совсем наладится. Но позволить себе такую роскошь он никак не мог — разве что уже после визита императора. Посередине обсаженного платанами бульвара трамвайные колеи раздавались в стороны, огибая постамент, на котором гранитный профессор Блондло потрясал опытной моделью генератора N-лучей.

Камю с увлечением разглядывал проходящих женщин, радовался морю, что проглядывало в створе пересекающих бульвар улиц. У торговца-араба (лицензия — на видном месте за стеклом лотка) он купил стакан лимонада, приправленного настоем апельсинового цвета. Потягивая ледяную жидкость, он присоединился к зевакам, толпившимся у ограждения стройплощадки, за которым мерцали ослепительные отблески. Камю знал, что там светится. Лучевые строительные машины вгрызались в землю, прокладывая первую в Алжире ветку метрополитена, от Айн-Аллаха до Айн-Нааджи. Оглядев мельтешение строителей через прокопченное смотровое ок-

но, Камю продолжил путь. Он надеялся, что с появлением метро старые добрые трамваи не исчезнут, и сделал мысленную зарубку организовать какие-нибудь субсидии для этого памятника ностальгии.

Еще несколько кварталов — и Камю прибыл к месту назначения.

В дверях ресторанчика, на своем обычном месте, стоял Селест, выпятив обтянутое передником брюшко и топорща седые усы. Он поприветствовал Камю с максимумом обходительности и препроводил того к традиционному Альберову столику. Камю заказал простое блюдо из рыбы с кускусом и охлажденного белого вина. Когда обед принесли, Камю проглотил его быстро и с аппетитом, рассеянно думая обо всем и ни о чем. В мыслях его крутился расплывчатый калейдоскоп из недавних проблем, вплоть до визита Райнбека. Но в конце концов, после второго бокала вина, Камю обнаружил, что все больше думает о своих покойных родителях. С особенной яркостью ему вспоминались вечные отцовские анекдоты о том, как старший Камю лично присутствовал при рождении империи.

Дело было в 1914 году, Европу только-только начала раздирать Великая война. Люсьен Камю

служил в армии, защищая Францию далеко от своей тропической родины. Его часть вместе с множеством других стояла на Марне, готовясь к титанической битве, и Люсьен с товарищами не надеялись выйти из этой переделки живыми, когда произошло спасительное чудо. Из тыла на специально переоборудованных конных тягачах к линии фронта вывезли несколько странных орудий, без стволов как таковых, — сплошная мешанина призм, аккумуляторных батарей и гиперболических рефлекторов. Их выстроили дугой напротив германских позиций, и по команде самого маршала Жоффра установки извергли фиолетовые лучи небывалой разрушительной мощи, с шипением испарявшие все вещество на своем пути. Немецкая армия на Марне была полностью уничтожена, с французской же стороны не погиб ни один солдат.

После этих испытаний нового оружия Великая война — или, как большинство предпочитало в шутку звать ее потом, «Великий пшик», — продолжалась всего несколько месяцев. Футуристическое оружие применялось на всех фронтах во всевозрастающих количествах, испепеляя любые силы, которые осмеливались противостоять Франции. Еще до конца года был подписан Вер-

сальский договор, и войска Тройственного союза заняли Германию; несмотря на протесты Англии и России, французские силы в зоне оккупации доминировали. (Четыре года назад в разгромленной стране наконец позволили провести первые послевоенные выборы, и Камю с любопытством наблюдал за их результатами. Не исключено, что теперь французских гражданских наблюдателей можно будет перевести из Германии в другие жизненно важные уголки империи.) Вскоре был официально закреплен переход от Третьей республики к империи: на трон взошел император — недалекий, подверженный влиянию отпрыск древнего рода.

Разумеется, всех — и Люсьена с его товарищами в том числе — тогда в первую очередь волновал вопрос, откуда взялось это загадочное чудо-оружие. Вскоре публику просветили, во всех достохвальных подробностях.

За десять лет до битвы на Марне, когда Рене Блондло был простым преподавателем физики в университете Нанси, профессора заинтересовал недавно открытый феномен рентгеновских, или Х-лучей. В попытке поляризовать это невидимое излучение Блондло собрал целый ряд установок, вроде бы генерировавших новую трудноулови-

мую разновидность лучей, тут же окрещенных N-лучами в честь профессорской родины — города Нанси. Ядром генератора N-лучей служило замысловатое сочетание призм и линз.

Американский физик Роберт Вуд попытался повторить опыты Блондло, но ничего не добился. Он отправился в Нанси и вскоре заключил, совершенно ошибочно, что Блондло фальсификатор. Решив, как говорится, вывести француза на чистую воду, во время ключевого эксперимента Вуд незаметно подменил центральную призму Блондло собственной призмой из кварцевого рубина.

Когда Блондло стал бы вновь настаивать на результатах, которые никто больше не мог воспроизвести, Вуд заявил бы, что в сердце установки француза находится инородный элемент, несовместимый с исходным замыслом.

И смех и грех в том, что по щелчку рубильника модифицированный излучатель выдал ослепительный импульс фиолетовой энергии распада, испепеливший дотла Вуда и половину лаборатории.

Благодарно учтя незапланированную модификацию, опаленный, но невредимый Блондло сумел добиться заметных успехов. В следующие

несколько лет он открыл десятки разновидностей N-лучей — от сверхразрушительных до гиперцелебных. В конце концов его труды привлекли внимание французского правительства. Когда в июне 1914 года начались боевые действия, французская армия уже вела тайную программу разработки лучевого оружия. Война послужила действенным стимулом, и опытные образцы первых N-пушек были доставлены на Марну уже к сентябрю.

Сорок лет спустя N-технология — чрезвычайно развившаяся и безотказно служащая грозным военно-морским, сухопутным и военно-воздушным силам Франции — по-прежнему оставалась французской монополией, фундаментом, на котором зиждилась беспредельно расширяющаяся империя, и предметом зависти всех прочих государств, неустанно тщившихся выведать главный французский секрет, однако до сих пор все до единой попытки шпионажа эффективно пресекались Главным управлением внешней разведки. Ни русской царице, ни британскому политбюро, ни китайскому императору, ни османским пашам, ни американскому президенту так и не удалось обзавестись аналогом французского чудо-оружия. А по мере расширения владений Франции

сферы влияния этих держав съеживались.

Все это знал в империи каждый школьник. Но немногие могли, подобно Камю, похвастаться, что их отцы лично наблюдали первое явление устройств, изменивших мир.

Размышления Камю прервал незаметно подошедший к его столику Селест. Деликатно кашлянув, пухлый ресторатор вручил Камю записку.

— Мсье, это вам оставил некий господин. Нижайше прошу прощения, что чуть не забыл передать.

Камю взял сложенный лист бумаги и развернул. Послание было кратким:

> Дорогой Сизиф,
> давайте встретимся сегодня вечером в дансинге Падовани. У меня есть предложение, которое изменит вашу жизнь, а возможно, и весь мир.

Камю будто громом поразило. Откуда мог какой-то посторонний знать язвительное прозвище, которым он именовал себя лишь в потаенных мыслях? Что за немыслимое предложение могло заставить Камю ввязаться в события, от которых зависит судьба мира?

— Как он выглядел, этот тип? — спросил Камю, вновь подозвав к своему столику Селеста.

— Странная птица, — закивал ресторатор, поглаживая усы. — Совершенно лысый, очень тощий, с какими-то закопченными линзами на глазах. Но самое дикое — это его одежда. Если на вашу встречу он явится в таком же наряде, не узнать его будет невозможно. На нем что-то вроде гимнастического трико, скроенного из некоего блестящего материала и закрывающего даже ступни, поверх же — дырявая арабская накидка, такую могли бросить за непригодностью местные бомжи. Сперва я принял его за циркового акробата. Но потом вспомнил, что цирк в город не приезжал.

Камю покрутил в голове услышанное. Нет, это не мог быть никто из его знакомых.

Поблагодарив Селеста, он сложил записку, спрятал ее в карман, расплатился по счету и вернулся в свой кабинет.

Остаток дня прошел в коматозном тумане. Камю осушил бессчетное количество чашек кофе, на автопилоте разбираясь с бумагами, текшими через его стол непрерывным потоком. Но даже слоновья доза кофеина не могла развеять ступора, охватившего Камю после получения

записки от незнакомца. Один раз по телеинтеркому прорезался Мерсо. Генерал-губернатор желал удостовериться в том, что его коллега из Французского Конго доставит на праздник всех обещанных туземок в полном составе. Мерсо питал слабость к нубийкам. Камю обещал проверить.

В восемь часов Камю распрощался со своей верной секретаршей (трудоголичка ему под стать) и покинул дворец. Несколько остановок на трамвае, пересадка, еще несколько остановок — и вот перед ним знаменитый Падовани.

Огромный деревянный дансинг на взморье стоял у опушки тамарисковой рощи. Своей открытой, с множеством навесов стороной постройка выходила к морю, и свежий бриз продувал ее из конца в конец. Когда сгущались сумерки, танцзал заливало фиолетовое сияние лучевых светильников с круглыми стеклянными абажурами. (Определенным образом модулированные N-лучи можно было передавать по медным проводам, в точности как электричество.) К Падовани беззаботной рекой стекались парочки и одинокие мужчины и женщины всех сословий. Изнутри доносилась музыка — цыганские напевы, популярные с недавних пор во Франции. Камю

подивился было, почему любопытный «джаз», слышанный им на приеме в американском посольстве, так и не прижился нигде в мире за пределами США, но тут же вспомнил райнбековскую тираду о культурной гегемонии Франции; это все объясняло.

Внутри Камю подошел к стойке бара и заказал пастис, а к нему — блюдечко оливок и турецкого гороха. Рассеянно выпивая и закусывая, он размышлял, как ему найти автора записки. Если незнакомец останется в прежнем наряде, он будет резко выделяться из толпы и сразу привлечет внимание. Но едва ли, подозревал Камю, встреча произойдет столь публично.

В течение часа Камю развлекался тем, что изучал танцоров. Их профили опять и опять проплывали мимо с упорством бумажных силуэтов на патефонной пластинке. Вид любой женщины, даже самой что ни на есть дурнушки, кружащейся в объятиях партнера, отдавался в сердце Камю болезненным уколом. На романтическом фронте он не мог похвастать ничем. Его мужские нужды удовлетворяли визиты к безликим портовым шлюхам да недолгие романчики с сослуживицами из департамента.

Наконец терпение Камю истощилось. Он допил

третий пастис и вышел пофланировать на веранду, зажатую, будто створками раковины, между небом и морем.

Там его и дожидался посторонний — точно такой, каким его описывал Селест, на скамейке в темном углу для влюбленных парочек.

Голос незнакомца звучал расслабленно и вместе с тем будоражаще. Полуприкрытые глаза его не позволяли судить об эмоциях, однако морщинки в углах губ намекали на ироническую усмешку.

— Ах, друг мой Альбер, а я все гадал, как скоро вы пресытитесь этим парадом тщеславия и почтите меня своим визитом.

Камю подошел к незнакомцу, но садиться рядом не стал.

— Вы меня знаете. Откуда?

— О Альбер, в моих краях вы изрядная знаменитость. Я бы даже сказал — международного масштаба.

— Не издевайтесь надо мной, мсье. Я обычный госслужащий, а не центрфорвард премьер-лиги или кинозвезда.

— А разве я говорил именно об этих занятиях? Сомневаюсь. Нет, ваша известность несколько иного рода.

Камю предпочел не углубляться в этот явно безнадежный вопрос.

— «Ваши края» — это где именно?

— Очень близко и в то же время очень далеко.

— Если не желаете удостоить меня разумным ответом, — раздраженно сказал Камю, — соблаговолите хотя бы держать ваши абсурдные парадоксы при себе. Вы призвали меня сюда, пообещав изменить всю мою жизнь. Признаюсь, ваши слова нашли во мне отклик, поскольку я ощущаю себя в безнадежнейшем тупике. Поэтому будьте так добры озвучить ваше предложение, дабы я мог рассмотреть его.

— Вот это прямота! Вижу, ваша репутация человека, зрящего в самую суть вещей, ничуть не преувеличена. Хорошо, друг мой, слушайте. Если вы спуститесь на пляж и пройдете к северу примерно полкилометра, то обнаружите спящего в дюнах человека. Выглядит он как обычный оборванец-араб, однако на самом деле это испанец и опытный убийца. Он долго добирался сюда из Альхесираса через Марокко и планирует убить вашего императора, когда тот прибудет с визитом. У него хорошие шансы на успех: в своем деле он настоящий талант и к тому же имеет высокопоставленных французских покровителей.

Будто длинное тонкое лезвие пронизало Альберов лоб, разливая в мозгу оцепенение.

— Допустим, все так, как вы говорите. И что же мне, по-вашему, делать? Сообщить в надлежащие органы? А почему бы вам не обратиться к ним самому?

— Да нет, это было бы совершенно неинтересно, — брезгливо махнул элегантной тонкопалой ладонью незнакомец. — Чересчур прямолинейно и откровенно заурядно, на мой вкус. Видите ли, я ценитель случайности, выбора и характера. Тем ближним, которые, на мой взгляд, этого заслуживают, я предоставляю возможность экзистенциальным поведением изменить их собственный мир. Вот и вы такой человек, в переломное время и в переломном месте. Можете гордиться, это редкая привилегия.

Камю попытался мыслить спокойно и рационально. Однако следующие его слова отдавали полным безумием:

— Значит, вы из будущего.

Незнакомец от души расхохотался:

— Почти угадали! Но все же не совсем. Скажем так: я живу в одном с вами арондисмане мультиверсума.

Камю задумался над услышанным, вынуж-

денный переосмыслить само представление об устройстве вселенной. Наконец он решился на вопрос, да и тот вышел оборванным:

— И в этом мультиверсуме правит?..

— Никто. Мультиверсум ко всем нам благосклонно безразличен. Что делает наши собственные поступки еще более весомыми и восхитительными, не правда ли?

— Именно так я всегда и думал, — кивнул Камю, — но понял это лишь сейчас.

— Ну разумеется.

— Но не могли бы вы хоть намекнуть на возможные последствия? Мол, если я поступлю так-то, мой мир процветет, а если наоборот — провалится в тартарары?

Незнакомец издал раскатистый смешок:

— Я что, похож на пророка? Могу сказать одно, Альбер: в обоих случаях перемены неизбежны.

Камю с минуту поразмышлял над этим неудовлетворительным ответом, прежде чем поинтересоваться:

— У вас найдется для меня что-нибудь, если я решусь принять этот вызов?

— Естественно.

Из-под своей дырявой накидки незнакомец извлек странный пистолет, какого Камю никогда

не приходилось видеть.

— Действует он очень просто. Надо нажать на этот рычажок, и всё.

— Теперь я должен побыть один, — произнес Камю, взяв пистолет.

— Отлично вас понимаю. Такие поступки подготавливаются в безмолвии сердца, подобно произведениям искусства.

Незнакомец поднялся, будто собираясь уходить. Но в последнее мгновение помедлил, обернулся и достал откуда-то книгу:

— Возьмите еще и это. Удачи вам.

В рассеянном фиолетовом свете, проникавшем на веранду из танцзала, Камю разобрал отпечатанное крупными буквами название: «Миф о Сизифе».

Имя автора он как-то уже угадал.

Когда незнакомец ушел, Камю посидел некоторое время в одиночестве на скамейке. Потом спустился на пляж и зашагал по песку на север с книгой и пистолетом.

В точном соответствии с указаниями он обнаружил среди дюн спящего. Тот лежал на боку, ладони под голову. С грохотом набегавшие на берег волны буравили череп Камю, словно безумная колыбельная. Погруженный в тень иберийский

профиль спящего напомнил Альберу о его матери Катерине, хвалившейся испанскими предками; сын унаследовал ее кровь.

Камю пришло в голову, что он спокойно может развернуться и уйти и больше не думать обо всей этой сумасшедшей ночи. Его жизнь потечет по-прежнему, а любые события в окружающем мире произойдут без его, Альбера, вмешательства. Но не будет ли такое бездействие тоже своего рода выбором? У него промелькнула мысль, что выстрелить или не выстрелить — в данном случае по сути одно и то же.

Убийца пошевелился — но не проснулся. Камю крепче стиснул рукоятку пистолета. Каждый нерв в его теле гудел стальной пружиной.

Прошла секунда. Потом другая. И еще секунда. И не было способа их остановить.

Жизнь в Антропоцене

1. Авария на Гелиопоясе

Ауробиндо Банджаланг все еще находился в своей весьма обширной холостяцкой берлоге, когда утром 8 августа 2121 года получил по вибу[226] твинг об аварии. В 1ГСК[227] его жилая площадь была раза в три больше, нежели у большинства безбрачных, однако высокопоставленная должность энергетика в Нью-Пертпатне предоставляла ему определенные привилегии.

Пока недолговечная и микроскопическая стая брадобреев паслась на его лице, А. Б. принимал душ и свибывал прогноз погоды в двенадцатом Перезагруженном городе, как более формально именовалась Нью-Пертпатна.

Разделяя с ним душевую кабинку, но оставаясь при этом нетронутой водой, прекрасная богиня

---

[226] Примечания: 226

Виб — неологизм автора, произведенный от аббревиатуры «виртуализация в теле» (virtualization in body). (Здесь и далее прим. перев.)

[227] Примечания: 227

1ГСК — квартира с одной гостиной, столовой и кухней; аббревиатура (I Living, Dining, Kitchen) получила распространение из японского рынка недвижимости.

погоды Мидори Мимоза вещала:

— Солнце сегодня взошло в три часа две минуты. Максимальная температура, ожидаемая в полдень, составит приятные тридцать градусов и позволит обойтись без защитных костюмов. Закат — в десять двадцать девять вечера. Уровень содержания углекислоты — четыреста пятьдесят миллионных, значительное снижение по сравнению с прошлогодним уровнем в это же время. Приятной работы, перезагруженцы!

Новый чик-чирик / укол / гул прервал и сводку, и омовение А. Б. На несколько миллисекунд у него потемнело в глазах, словно перед его МЭМС-контактами[228] вставили закопченное стекло, а левая ладонь и левая ступня одновременно ответили зудом: срочный запрос пятого приоритета.

Под редкими струями воды Мидори Мимозу сменил босс А. Б. Джиту Киссун — перемена весьма пугающая и удручающая. Однако виртуально-телесная операционная система А. Б. не позволяла подавлять твинги, помеченные С34 и выше. Политика департамента.

Киссун оскалился и произнес:

— Вытирайся живее, А. Б. Ты нам нужен здесь

---

[228] Примечания: 228
МЭМС — микроэлектромеханические системы.

уже вчера. У меня новость, надо переговорить наедине.

— В чем суть-то?

— Передача энергии с французских ферм упала на один процент. Фотографии со спутников показывают какое-то непонятное скопление пыли на ряде гелиоприемников. Кибы на местах справиться с ней не могут. Откуда эта пыль взялась, почему именно сейчас и как нам ее остановить? Мы вынуждены послать туда человеческую бригаду, и возглавишь ее ты.

Отвлекшись на плохую новость, А. Б. не ополоснулся как следует. А низкорасходный душ, отработав положенное по закону время, отключился. Из этого крана до вечера ему не получить ни капли. Хихикнув, Киссун исчез из расширенной реальности А. Б.

А. Б. сдержанно чертыхнулся и вышел из душевой. Для завершения мытья ему пришлось воспользоваться губкой из раковины, но вот для того, чтобы почистить зубы, воды там уже не осталось. Вообще-то, благодаря самовосстанавливающимся колониям антиинфекционных микробов ротовой полости подобная гигиеническая процедура уже давно себя изжила, однако А. Б. нравились вкус свежести после зубной

пасты и ощущение праведного физического самосовершенствования. «Воссоздание атмосферы двадцатого столетия, Ауробиндо. Увы, не этим утром».

За пределами 1ГСК А. Б.: коридор, часть хорошо спланированного, просторного и радующего глаз лабиринта с несколькими местами общего пользования, составляющего сто пятидесятый этаж его урбмона[229]. Нежно именуемый Большой Вонючкой, он представлял собой один из более чем сотни скученных исполинских высотных жилищных отсеков, объединенных в Нью-Перт-патну — безликий Перезагруженный город, неотличимый от других, расположенных от края до края обитаемой зоны Земли, занимающих около четверти суши планеты и являющихся коллективным домом для девяти миллиардов душ.

А. Б. тут же столкнулся с одной из полумиллиона душ Большой Вонючки — Зюлькамайном Сафрански.

Зюлькамайн Сафрански был последним человеком, которого А. Б. хотел бы видеть.

Шесть месяцев назад А. Б. накатал на этого типа

---

[229] Примечания: 229

Урбмон — наименование гигантских небоскребов (Urban Monad, «урбанистическая монада») обязано роману Роберта Сильверберга «Мир изнутри».

жалобу за нарушение общественного порядка.

Сафрански был паркурщиком. Увлечение само по себе довольно безобидное — если предаваться ему на отведенных спортивных площадках урбмона. Но Сафрански пар-курил свою задницу по всем общественным местам, то и дело налетая или же просто пугая людей во время своих отскоков с карнизов на скамейки. После столкновения с этим агрессивным городским хамом, обернувшегося для него легким телесным повреждением, А. Б. подал протест, присовокупив к нему аналогово-цифровые метки к уже зарегистрированным, но еще не выявленным видеосъемкам его правонарушений. Заява А. Б. перевесила чашу весов против Сафрански, тем самым отправив его в карательно-образовательных целях на полицейском роле до ближайшей каталажки.

Но теперь, и сомнений в этом не возникало, Сафрански вернулся в Нью-Пертпатну и тут же случайно (?) нос к носу столкнулся с А. Б.

Мускулистый, нервный, но смехотворно маленький тип уставился на А. Б. и выпалил, брызгая слюной:

— Присматривай за своей задницей днем и ночью, стукач, а то слетишь вдруг с крыши, сам того не желая.

А. Б. хлопнул себя по уху, подразумевая имплантированный виб-аудиодатчик.

— Угрозы с твоих уст достигают ушей разгневанной Матери-дакини[230] также полицейского отделения.

Сафрански испепелил его взглядом и двинулся прочь: упругие мышцы его задницы, очерченные плотной тканью контакт-костюма цвета манго, своими естественными сокращениями непостижимым образом выражали неизлитый гнев.

А. Б. усмехнулся. Удивительно, как все-таки часто люди забывают о поднадзорной сущности современной жизни, даже после века все большего погружения в нее и сведения уединенности практически на нет. Привычка порождает забывчивость. Но никогда не лишне, по крайней мере подсознательно, помнить о том, что нынче все всё видят и слышат и это всего лишь часть Перезагруженческой хартии, обеспечивающей функционирование общества, члены которого ощущают и всеобъемлющее вторжение, и всеобъемлющую поддержку.

А. Б. дошел до ближайших к дому лифтов и взмыл на двести первый этаж, отведенный под

[230] Примечания: 230

Мать-дакини — божественный титул жены Богдо-хана (1870–1924), первого и последнего хана независимой Монголии.

администрацию Энергетической службы урбмона. Затем проследовал мимо большущей анимационной фрески, изображавшей затонувший Перт: вокруг небоскреба BHP[231] плавают рыбки. Висящие в воздухе указатели довели его до рабочего модуля, который на время занял Джиту Киссун.

Для своих девяноста семи лет Киссун выглядел весьма неплохо — мог бы сойти за старшего брата А. Б., но уж никак не за отца. Кожа кофейного цвета, убеленные сединой виски, глубоко прорезанные морщины-смешинки в уголках глаз, чему несколько противоречило их хмурое выражение.

Когда родился Киссун, старые города еще существовали, а помимо нынешних коз да кур плодилось и размножалось еще много-много других животных. Киссун воочию видел и заброшенные теперь города, и Большой крах флоры и фауны, равно как и саму Перезагрузку. Молодому А. Б. подобное представлялось почти непостижимым. Этот человек представлял собой ходячий урок истории. И А. Б. старался относиться к сему

[231] Примечания: 231

Перт — крупный город на юго-западе Австралии, офисный небоскреб горнодобывающей компании «BHP Billiton» и самое высокое (244 м) здание города.

факту с почтением.

Однако следующие же действия Киссуна вызвали у Ауробиндо отнюдь не почтительный возглас возмущения.

— Вот два других техника, которых я выделил тебе в сопровождение.

Перед взором А. Б. повисли два интерактивных досье. Он наскоро прокрутил их, с каждым мигом приходя во все большее замешательство. Наконец он вспыхнул:

— Вы даете мне в помощники меховушку и права?

— Тигришка и Гершон Талес. Лучших сейчас нет. Отправляйся с ними и уладь эту проблему.

Киссун вперил в А. Б. пронизывающий взгляд, и до А. Б. дошло, что эта личная встреча потребовалась только для того, чтобы донести всю глубину следующих слов Киссуна:

— Без энергии мы обречены.

2. Тоска 45-й параллели

Реактивные полеты были повсеместно запрещены. Для поддержания профессиональной коммерческой или туристической авиации попросту не хватало средств. Не было и армий, нуждавшихся в собственных военно-воздушных

силах. Реактивные двигатели слишком вредны для и без того угнетенной атмосферы.

И потом, зачем путешествовать?

Везде одно и то же. С большинством потребностей прекрасно справлялся виб.

Обитаемая зона Земли состояла из двух областей: как исторически привычных земель, так и вновь появившихся из-под исчезнувших полярных шапок — над 45-й параллелью к северу и под 45-й параллелью к югу. Остальная часть суши превратилась в пустыню или была затоплена: песок да буруны.

Древние экосистемы оставшихся климатически приемлемыми территорий были истреблены Парниковым изменением, а затем окончательно и намеренно ликвидированы начисто. В разработанной же экосфере вымирание, миграция и ускоренное смешение видов достигли апогея. В новых условиях могли выжить лишь животные не больше мыши да монокультура генетически модифицированных растений.

А вот огромным злобным шипящим тараканам, конечно же, все было нипочем.

Некоторую часть изрядно сократившейся территории человечества заняли леса, специально выведенные для максимального поглощения

и связывания углерода. Быстрорастущие и долгоживущие гибридные деревья сочетали в себе геномы эвкалипта, ладанной сосны и тополя — их окрестили эвсостопами.

Большая же часть остальных земель была отведена под зерновые, необходимые и достаточные для пропитания девяти миллиардов человек: в основном киноа, капусту и сою, удобряемые человеческими отходами. Плантации сахарной свеклы обеспечивали сырьем биополимерную промышленность.

И наконец, более сотки Перезагруженных городов на компактных опорах, окруженных небольшими, но весьма продуктивными козьими и куриными фермами.

Отнюдь не тот мир, в котором возможно процветание туризма.

На каждом континенте Перезагруженные города (за исключением каталажек, в гигиенических целях лишенных свободного доступа) связывала довольно простая сеть поездов на магнитной подвеске, намеренно сведенная к редкому графику. Чиновников и бизнесменов обслуживали медлительные, но роскошные аэростаты. Сношение же между континентами осуществлялось посредством кораблей, оснащенных энергетическими

ветряками. И все путешествия ограничивались лишь государственными нуждами.

Когда же возникала необходимость отклониться от стандартных маршрутов — как, например, у трио энергетиков, задача которых состояла в отслеживании на юге Франции линии сверхпроводящей передачи, — то в этом случае пользовались ролами.

Первый рол — «Озон» — был разработан «Пежо» еще более века назад. Представьте себе катящийся огромный барабан из электрохромного биополимера, с тонкими подвесками в обводах корпуса от одного конца к другому. Бочкообразный отсек подвешен между двумя исполинскими колесами, по размерам равными самой кабине. Два отдельных электромотора снабжаются энергией из твердотельных батарей. Кабину по всей ширине охватывает изогнутая дверь, открывающаяся плавным скольжением вверх[232].

Внутри — три сиденья в ряд, центральное снабжено отказоустойчивым ручным управлением. За ними расположен багажник.

А на этих сиденьях — да!

Ауробиндо Банджаланг, который в первобыт-

[232] Примечания: 232

Автор описывает концепт автомобиля «пежо», созданный турецким дизайнером Озканом Коралом в 2008 г.

ном ликовании предпочел орудовать джойстиком, а не вести рол посредством виба.

Справа от него — Тигришка, слева — Гершон Талес.

Царила напряженная тишина.

Тигришка источала скучающий профессионализм, с которым, впрочем, немного не вязались подергивание кончика хвоста да настороженно взъерошенные уши. Из-под краев контакт-костюма торчал тигровый мех; покрытые мехом же привлекательное лицо и грациозная шея были выставлены на всеобщее обозрение.

А. Б. подумал, что она пахнет, как плюшевая секс-кукла. И это выводило его из равновесия.

На некоторое время она отвела глаза с кошачьими зрачками от монотонно бегущего пейзажа и принялась не без изящества грызть острыми зубами шелушащуюся кожицу у когтя.

Меховушки считали необходимым отображать ненаследуемые части генома различных вымерших видов в собственных телах, таким образом одновременно искупая вину и прославляя утраченное многообразие. Хотя в Хранилищах двадцать девятого Перезагруженного города (бывшего норвежского Шпицбергена) и содержались в безопасности образцы всех исчезнувших

видов, оказавшихся недостаточно смышлеными, дабы не ввязываться в конкуренцию с человечеством в антропоценовый период[233] (их геномы ожидали некоего отдаленного дня воссоздания), подобная бесплодная забота о сохранности животных устраивала не всех. Меховушки хотели, чтобы эти виды вновь начали ходить по земле, пускай даже в подобном, частично измененном виде.

В противоположность флегматичной скуке Тигришки Гершон Талес исступленно выказывал намерение максимально увеличить спрос на свою персону. Судя по хватательным движениям его рук, у него было открыто не менее полудесятка виртуальных окон (на какие именно поля информации, А. Б. оставалось только гадать). Он попытался было вибнуть в глаза Гершона, однако наткнулся на пиратскую перегородку. С подобным барьером навряд ли можно было привнести в их бригаду дух товарищества, но А. Б. все же предпочел пока не ставить это ему в вину.

Без всяких сомнений, Гершон зависал на фо-

[233] Примечания: 233

Антропоцен — по аналогии с антропогеном; предложенный голландским химиком, лауреатом Нобелевской премии за исследования озоновых дыр в атмосфере Паулем Крутцем термин для описания современной геологической эпохи.

руме правов. Правы обожали бесконечную болтовню. Изначально самоназывавшиеся *прерывисто-равновесники*,[234] последователи этого культа довольно скоро сократили свое неуклюжее наименование до пре-равов, а затем и просто правое.

Правы были убеждены, что после продолжительного периода застоя человеческий вид достиг одной из тех важнейших дарвиновских критических точек, которая направит человечество в захватывающем, пускай и непредсказуемом, новом направлении. То, что для всех остальных было величайшей трагедией, — безжалостная и убийственная перемена климата, приведшая к Большому краху флоры и фауны, — они воспринимали как полезный пинок под коллективный зад человечества. Правы обсуждали тысячи программ для содействия этому скачку, большинство из которых так и оставалось лишь безумными планами.

А. Б. вел рол да тихонечко цокал языком. Ну и помощничков ему выделили — для разрешения

---

[234] Примечания: 234

Прерывистое равновесие — теория, согласно которой эволюция размножающихся половым путем существ происходит скачками, чередующимися с продолжительными периодами относительного постоянства.

кризиса неизвестного пока размаха.

— А ты не мог бы ехать чуть побыстрее? В кабине уже начинает вонять обезьянами, — внезапно разразилась бархатистым рыком Тигришка.

Нью-Пертпатна стояла на том месте, где некогда располагался русский город Архангельск — во время Перезагрузки его снесли. До ближайших неисправных гелиоприемников на территории, когда-то являвшейся Францией, оставалось 2800 километров. С ночевкой дорога заняла бы тридцать шесть часов.

— Нет, не могу. Нам и без того придется делать остановку для зарядки аккумуляторов по меньшей мере на восемь часов. Чем быстрее мы едем, тем больше тратим энергии и тем дольше нам придется сидеть без дела. Это оптимальный компромисс. Посмотри на выкладки.

А. Б. вибнул Тигришке расчеты. Та взглянула и издала разочарованный рык:

— Мне нужно побегать! Я не могу сидеть в этой вонючей консервной банке целых четыре часа! Дома я занимаюсь на дорожке каждый час.

А. Б. хотел было рявкнуть: «Это ведь не я засунул в тебя тигровые кодоны[235], так что потише!»

---

[235] Примечания: 235

Кодон — единица генетического кода, состоящая из трех последовательных нуклеотидных остатков в ДНК или РНК.

— но предпочел переключить кондиционер кабины на усиленный режим и вежливо ответить:

— В данный момент я могу лишь несколько оградить твой нос от неприятностей. Побегать ты сможешь, когда мы остановимся на обед. А сейчас почему бы тебе не повибить, как старина Гершон?

Гершон Талес перестал размахивать руками и воззрился на А. Б. Его скорбный глас звучал подобно жидкому цементу, с хлюпом вытекающему из кюветы:

— На что это ты намекаешь? Что я зазря трачу свое время? А вот и нет. У меня тут постчеловеческая дискуссия на «Главном скачке». Весьма возбуждающе. Вам обоим не помешало бы расширить сознание подобным образом.

Тигришка зашипела. А. Б. запустил приложение, мягкими волнами постепенно приводившее к полному успокоению, — этакий аналог счета до десяти.

— Как руководителя группы, меня совершенно не волнует ваше времяпрепровождение. У вас еще будет повод проявить себя. А теперь: как насчет того, чтобы дать мне спокойно вести рол?

В действительности же «дорога» не особенного и требовала внимания водителя. Обширная

полоса утрамбованной земли, очищаемая от травы родственниками брадобреев А. Б., шла параллельно на удивление элегантной линии сверхпроводящей передачи, снабжавшей энергией целый город. Она прямолинейно, словно современное правосудие, бежала к питавшим ее гелиоприемникам. Тень от рядов высаженных вдоль дороги эвсостопов смягчала сияние солнца и давала хоть какую-то прохладу.

А прохлады недоставало. Чем дальше на юг они углублялись, тем жарче становилось. Вскоре температура достигнет пятидесяти градусов. И работать снаружи в подобных условиях энергетики смогут лишь благодаря своим контакт-костюмам.

А. Б. пытался получить удовольствие от ощущения вождения — формы развлечения из прошлого, не отказать себе в которой ему удавалось лишь изредка. Его повседневная работа в основном ограничивалась помещениями и заключалась в текущем ремонте, контроле, оптимизации спроса и предложения да порой в высокоуровневой доработке. Человек все-таки обладает высокой интуицией, тягаться с которой не в силах ни один киб. Полевая экспедиция — желанная передышка от всей этой надомной

работы. Или была бы таковой, окажись коллеги поприятнее.

А. Б. вздохнул и прибавил скорость, самую малость.

Проведя в пути почти пять часов, они остановились на обед немного севернее места, где некогда располагалась Москва. Вместо нее так и не возвели Перезагруженного города — предпочтение отдавали районам севернее.

Стоило широкой двери скользнуть вверх, как Тигришка пулей вылетела из кабины. Она кинулась в сторону бесконечного леса эвсостопов, причем много быстрее обычного человека. Спустя полминуты А. Б. и Гершон Талес подскочили от зычного и победного рева.

— Наверное, поймала мышку, — сухо предположил Талес.

А. Б. рассмеялся. Может, Талес не такой уж и зануда.

А. Б. подключил рол к ближайшему понижающему узлу зарядки на передающем кабеле, предназначенному как раз для подобных случаев. Даже час заправки будет нелишним. Затем он достал бутерброды с козлятиной и салатом, приправленные карри. Обед с Талесом вышел вполне компанейским. Вернулась Тигришка:

уголок ее рта был испачкан мышиной кровью. От человеческой пищи она отказалась.

Забравшись в транспорт, Талес и Тигришка откинули спинки сидений и устроились на послеобеденный сон; вскоре их дремота заразила А. Б. Он поставил рол на автопилот, откинул спинку и быстро заснул.

Проснувшись через несколько часов, А. Б. обнаружил, что они почти достигли 54-й параллели — район бывшего Минска.

Температура за пределами их комфортной кабины достигала обжигающих тридцати пяти градусов, и это несмотря на закат.

— Докатим до Старой Варшавы и устроим там ночлег. Тогда на завтра останется чуть более тысячи ста километров.

— Мы доберемся до ферм поздно вечером — слишком поздно, чтобы имело смысл проводить какое-то обследование, — возразил Талес. — Почему бы не ехать всю ночь на автопилоте?

— Я хочу, чтобы мы хорошенько выспались, без этой тряски. И потом, все равно нам попадется или упавшее поперек дороги дерево, или свежий провал грунта. А автопилот отнюдь не безгрешен. — От страстного мурлыканья Тигришки у А. Б. заныла мошонка. — Кое с какими помехами

мне надо разбираться самому.

С наступлением ночи рол остановился. Дверь открылась, и троицу окатило жаром. Их контакт-костюмы автоматически включились в режим защиты. Несчастная, охваченная зноем старушка планета… Они натянули капюшоны и только тогда почувствовали облегчение.

Извлекли три персональные гомеостатические палатки, которые по виб-команде с хлопаньем раскрылись за дорогой. Энергетики забрались внутрь, где по отдельности поели и быстро заснули.

А. Б. разбудила возбуждающая ласка. Теряясь в догадках относительно того, нанесла ли Тигришка предварительно визит Талесу, он все же без всяких сомнений смог бы указать утром в отчете — будь таковой затребован Джиту Киссуном и администрацией Энергетической службы, — что она сохранила еще достаточно энергии, чтобы его истощить.

3. Пески Парижа

Безбрежная и грозная пустыня, охватывающая весь мир южнее 45-й параллели, навеяла тоску на каждого пассажира рола. А. Б. провел языком по губам, истрескавшимся и иссохшимся до

невозможности, сколько бы он ни пил воды из заплечного бурдюка контакт-костюма.

Зелень исчезла совершенно, и под безжалостным солнцем пеклась однообразная нетореная и безмолвная пустыня, напоминавшая некий чуждый мир, никогда не знавший поступи человека. Не осталось следа ни от огромных городов, некогда гордо вздымавших свои башни, ни от раскинувшихся пригородов, ни от вьющихся шоссе. Все, что не разобрали для вторичного использования, было погребено под песками.

Рол катился все дальше и дальше вдоль сверхпроводящей линии, его огромные колеса функционировали на рыхлом песке так же безупречно, как и на утрамбованной земле.

А. Б. заново ощутил всю тяжесть удара человеческого безрассудства, нанесенного из прошлого по планете, и подобные переживания удовольствия ему не доставили. Обычно он мало думал на эту скорбную тему.

Всецело современный продукт своей эпохи, перезагруженец до мозга костей, Ауробиндо Банджаланг большей частью был вполне доволен новой цивилизацией. Ее искаженные черты, ее ограничения и принуждения, шаткость и стандартную обстановку он воспринимал без-

оговорочно — точно так же, как детеныш-тролль убежден, что его мама самая красивая на свете.

Он испытывал гордость за то, что человеческая раса сумела отстроить с нуля сотню новых городов и переместить миллиарды людей на север и юг всего лишь за полстолетия, обгоняя разрушительную и смертоносную погоду. Ему нравился тот гибридный мультикультурный меланж, что пришел на смену старым противоречиям и соперничеству, нравилось это новое смешанное человечество. Все эти ностальгические россказни от Джиту Киссуна и других из его поколения были лишь занимательными сказочками, но никак не хрониками какого-то там утраченного золотого века. Он не мог оплакивать того, чего не знал. И он был слишком занят поддержанием в должном порядке утонченных построений сегодняшнего дня, занят своей работой и счастлив в этой своей занятости.

Попытавшись выразить сии настроения и поднять дух своих товарищей, А. Б. обнаружил, что его собственная оценка Перезагруженной цивилизации отнюдь не всеобща.

— Каждого человека нашего падшего антропоценового периода тенью преследуют мириады духов всех остальных созданий, которых они

довели до вымирания, — заявила Тигришка в неожиданно поэтической и угрюмой манере, вопреки своей обычной грубоватой и отнюдь не сентиментальной практичности. — Киты и дельфины, кошки и собаки, коровы и лошади — все они вглядываются в наши грешные души, и все они смотрят из них. Единственная надежда на искупление состоит в том, что однажды, когда планета будет восстановлена, наши товарищи по эволюции вновь обретут свое телесное воплощение.

Талес издевательски хрюкнул:

— Скатертью дорожка всему этому неразумному генетическому мусору! Homo sapiens — единственный желанный конечный пункт всех линий эволюции. Однако в данный момент диктаторская Перезагрузка завела наш вид в тупик. Мы не сможем сделать завершающий скачок к следующему уровню, пока не избавимся от прочего хлама.

Тигришка фыркнула и сделала резкий ложный выпад в сторону своего коллеги-права над грудью А. Б., из-за чего последний на миг потерял управление ролом. Когда же Талес, поначалу отпрянув, осознал, что никакого вреда ему не причинили, он расплылся в высокомерной и

мерзкой ухмылке.

— Ну-ка подожди, — подключился А. Б. — Не значит ли это, что ты и другие правы хотите еще одного Краха?

— Все гораздо сложнее. Понимаешь ли…

Однако А. Б. уже отвлекся от разъяснений права, ибо вмешался виб с запросом четвертого приоритета из его квартиры.

Энергопередающую сеть усеивали виб-узлы, благодаря чему можно было оставаться в постоянном включении, как бы не покидая дома. Конечно же, существовало множество зон молчания, но не здесь, рядом с линией.

А. Б. вполне хватило времени перевести рол на автопилот, прежде чем его взор перекрыл сигнал из дома.

Система безопасности его квартиры зарегистрировала несанкционированный доступ.

Внутри 1ГСК перемещалась какая-то оптическая искаженность размером с невысокого человека и разбрызгивала по мебели нечто, подобное отработанному кулинарному жиру. Руки, державшие распылитель, исчезли в завитке искаженности. А. Б. вибнул своего аватара в домашнюю систему:

— Эй ты! Какого хрена ты делаешь?

Некто в плаще-невидимке ответил смехом, и А. Б. тут же распознал характерное гаденькое фырканье Зюлькамайна Сафрански.

— Сафрански, тебе конец! Копы уже в пути!

Не в силах вынести зрелище поругания своей любимой квартиры, А. Б. отключился.

Тигришка и Талес выразили сочувствие товарищу. Однако оставшаяся часть поездки для А. Б. была безнадежно испорчена, и он молча предавался своему горю, пока путешественники наконец не достигли первого из гигантских сооружений, которым Перезагруженные города вверяли само свое существование.

В целях надежности снабжения структура Гелиопояса была сделана тройственной.

Сначала появились обширные фермы башен с вертикальной тягой нагретого солнцем воздуха — гигантские трубы, направлявшие поток снизу вверх, который приводил во вращение турбины.

Затем шли параболические зеркальные лотки, отслеживавшие ход солнца и нагнетавшие тепло в специальные котловины, озера из расплавленных солей, которые, в свою очередь, вращали другие турбины после заката.

Наконец, сомкнутые ряды фотогальванических секций, вырабатывавших непосредственно

электричество. Именно эти устройства, принципиально самые простые, самые надежные, как раз и испытывали проблемы из-за наноса какой-то пыли.

Вибнув GPS-координаты места поломки, А. Б. довел рол до пораженных фотогальванических панелей. Парадоксально, но он обратил внимание на равномерное и всепроницающее завывание двигателей транспорта лишь после их отключения.

За пределами корпуса рола садящееся солнце сверкало, словно зловещее око циклопа, устремленное на гибнущее человечество.

Дверь скользнула вверх, и энергетиков обдало дыханием дракона. Контакт-костюмы включились на полную мощность, дабы оградить команду от враждебной среды.

К удивлению мужчин, подавленная и задумчивая Тигришка вызвалась разбить лагерь. Стоило опуститься сумеркам, как она поставила интеллектуальные палатки и приготовила ужин — цыплячьи крокеты с жареными бобами.

А. Б. и Талес прошли с десяток метров по песку до ближайшей пораженной платформы с солнечными элементами. В защищенной перчаткой руке прав держал портативную лабораторию.

Маленький ремонтный киб, потертый и опаленный, располагался на верхней части решетки и героически, но безуспешно откалывал своим многофункциональным инструментом твердую кремнистую корку, местами покрывавшую фотогальваническую панель.

Талес взял несколько упавших хлопьев неизвестного вещества и поместил их в анализ-камеру лаборатории.

— Мы получим полные данные о составе этой дряни к утру.

— Не раньше?

— Ну, вообще-то, к полуночи. Но к тому времени я намерен уже видеть седьмой сон. Хоть я два дня только и делал, что отсиживал задницу, я все равно совершенно измотан. Это место так угнетает…

— Ладно, — согласился А. Б. В небе начали появляться первые звезды. — На сегодня хватит.

Они поужинали в роле — в безмолвной атмосфере вынужденного товарищества — и разошлись по палаткам.

А. Б. надеялся на повторный ночной визит крадущейся Тигришки, но не особо разочаровался, когда она так и не появилась, чтобы вывести его из прерывистой дремы. По правде сказать,

бесплодные пески Парижа иссушили всю его обычную joie de vivre[236].

Наконец он заснул, и ему снились призрачные воды исчезнувшей Сены, невозможным образом текущие глубоко под его палаткой. И Зюлька-майн Сафрански как-то умудрился отвести их, чтобы затопить его квартиру…

4. Триатлон Красной королевы

Утром, после завтрака, А. Б. подошел к Талесу, стоявшему чуть поодаль рола. Солнце уже метало свой тиранический заряд фотонов, столь необходимый для выживания Перезагруженных городов, но, с другой стороны, столь обременяющий и без того перенапряженную парниковую экосферу. Переполняемый раздражением и нетерпением, только и мечтающий оказаться дома, А. Б. обошелся без любезностей:

— Я попытался вибнуть в твою лабораторию за результатами, но ты закрыл ее для доступа этой своей пиратской программой. Давай открывай.

Прав уставился на А. Б. с угрюмой невозмутимостью:

— Подожди минутку, мне нужно кое-что до-

---

[236] Примечания: 236
Радость жизни (фр.).

стать из палатки, — и с этими словами нырнул внутрь.

А. Б. повернулся к Тигришке:

— Что ты делаешь…

Ослепляющий свет мучительной вспышки сверхновой на миллисекунду взорвал его зрение, прежде чем среагировала защита МЭМС-контактов и затемнила видимость. Судя по сдавленному взвизгу Тигришки, в котором отразились удивление и боль, она получила такой же лучевой удар по глазам.

В первую очередь А. Б. подумал о сбое в вибсистеме — например, был неверно направлен сигнал из солнечной обсерватории. Но стоило его линзам восстановить проницаемость, и он понял, что воздействие, несомненно, было внешним.

Когда же зрение восстановилось полностью, прямо перед ним стоял Гершон Талес, и в руке у него был болеизлучатель, а в зоне его действия находились оба коллеги. У ног его валялась разорвавшаяся спазер-граната[237].

А. Б. попытался вибнуть, однако никуда не попал.

— Да, — подтвердил Талес. — Теперь мы в мерт-

[237] Примечания: 237

Спазер — недавно разработанный вид лазера, излучение в котором генерируется поверхностными плазмонами.

вой зоне. Гранатой я сжег все оптические цепи виб-узлов.

Вспышке поверхностных плазмонов хватило мощности для этого? Надо же…

— Но зачем?

Даже не дрогнув болеизлучателгем, Талес засунул свободную руку в карман контакт-костюма и достал лабораторию:

— Из-за этих результатов. Это как раз тот знак свыше, которого мы так ждали. Отныне Перезагруженная цивилизация обречена. И я не допущу, чтобы кто-либо из администрации Энергетической служ: бы узнал об этом. Чем дольше они будут оставаться в неведении, тем более необратимые изменения произойдут.

— Ты хочешь сказать, что эта расползающаяся фигня так опасна?

— Слышал когда-нибудь о ВСКЛВЭ?

А. Б. по привычке попытался вибнуть информацию, но, к величайшему разочарованию, натолкнулся на сплошную стену воцарившейся зоны молчания. Оказаться запертым в двадцатом веке! Всю его увлеченность прошлым сняло как по мановению руки. Ну и где эта тотальная поднадзорность, когда она так нужна?!

— Воздушная система контроля лесовозобнов-

ления и эрозии, — продолжал Талес. — Пакет геоинженерных программ для стабилизации распространения пустынь. От него отказались несколько десятилетий назад. Но, судя по всему, одна программа все-таки самостоятельно ожила. Полагаю, из-за смещения мутировавшей команды. Или же незримой руки Дарвина.

— И что же это?

— Нанопесок. Предназначенный для активизации формирования макростен, которые должны преграждать распространение обычного песка.

— Он-то и поразил солнечные панели?

— Совершенно верно. Он обладает свойством связываться с поверхностью панелей, и его нельзя удалить, не разрушив их. Самовоспроизводящийся. По наилучшим оценкам, нанопесок уничтожит тридцать процентов производства всего лишь за месяц, если с ним не начнут бороться. Он начнет поражать и турбины.

— Но что тебе даст отключение от сети? Когда администрация не сможет связаться с нами, они всего лишь вышлют еще одну бригаду, — произнесла Тигришка с таким искренним интересом, что А. Б. пришел в замешательство.

— Я подожду их здесь и тоже выведу из строя. Мне надо-то продержаться всего месяц.

— А как же еда? — продолжала Тигришка. — У нас не хватит запасов на месяц, даже для одного.

— Буду совершать набеги на рыбные фермы побережья. И опреснять воду для питья. На роле это довольно быстро.

— Ты псих, Талес, — не смог сдержать своего отвращения А. Б. — Падение поставки энергии на тридцать процентов не убьет города.

— О, мы об этом позаботимся. Видишь ли, Перезагруженная цивилизация — всего лишь шаткий стул о трех ногах, сколоченный в безумной спешке. У нас тут не бег Красной королевы, а триатлон Красной королевы[238]. Энергия, пища и социальные сети. Выбей одну ножку — и все рухнет. И мы подтачиваем остальные две ножки. Вспомни того парня, который изуродовал твою квартиру. Подобное поведение встречается все чаще. Урбмоны сводят людей с ума. Люди не созданы для того, чтобы жить в ульях.

Тигришка шагнула вперед. Талес незамедлительно направил болеизлучатель в ее незащищенное лицо. Разряд высокоинтенсивных

---

[238] Примечания: 238

Бег Красной королевы — отсылка к эпизоду «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, в котором Красная королева объясняет Алисе, что в Зазеркалье «приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте» (перевод И. М. Демуровой).

микроволн — и она бы орала, блевала да корчилась на песке.

— Я хочу присоединиться, — объявила она, и душа А. Б. ушла в пятки. — Единственная возможность для других видов разделить с нами планету появится лишь тогда, когда исчезнет большая часть человечества.

— Ты мне можешь пригодиться, — согласился Талес, критически осмотрев меховушку. — Но тебе придется доказать свою верность. Для начала свяжи Банджаланга.

— Прости, обезьянка, — коварно ухмыльнулась та.

Тигришка быстро связала А. Б. биополимерными проводами из рола — да так туго, что нарушилось кровообращение, — и бросила в гомеостатическую палатку.

Чем они там занимаются?! А. Б. принялся извиваться в тщетных попытках освободиться. Он долго дергался, пока не начал опасаться, что наносит повреждения средствам жизнеобеспечения палатки, и прекратил возню. Совершенно уничтоженный после часов борьбы, он впал в ступор, изнывая от жары, внезапно установившейся в палатке, чьи нарушенные системы отчаянно пытались совладать с условиями пустыни. У

него вновь начались галлюцинации о подземной Сене, и он осознал, насколько мучительна его жажда. Бурдюк оказался пустым, когда он потянул из трубки.

В какой-то миг появилась Тигришка и дала ему воды. Или нет? Может, это тоже было всего лишь видение.

За пределами интеллектуальной палатки опустилась ночь. До слуха А. Б. донесся волчий вой — точь-в-точь как в сохранившихся документальных фильмах. Волки? Волков уже нет. Но кто-то все же выл…

Тигришка занимается сексом с Талесом. Вот ублюдок. Плохой парень не только выиграл схватку, но еще и заполучил девушку…

А. Б. проснулся от тысячи уколов восстанавливающегося кровообращения: невыносимая мука, каковую никто более не испытывал до и после пленения Гулливера лилипутами.

Над ним склонилась Тигришка, освобождая от пут:

— Прости еще раз, обезьянка, это отняло гораздо больше времени, чем я предполагала. Он не сводил с меня болеизлучателя до самого оргазма.

Что-то теплое закапало на лицо А. Б. Его освободительница плачет? По ее голосу было непохоже.

А. Б. поднял руку (на лицо ему словно лег деревянный чурбан) и неловко размазывал какую-то жидкость, пока часть ее не угодила в рот.

Он пришел к заключению, что этот запретный вкус Тигришке столь же приятен, как и мышиная кровь.

Направлявшийся на север рол с двумя пассажирами на борту казался гораздо более просторным. Труп Гершона Талеса покоился в багажнике — возможно, специалисты смогут его оживить. Обезвоживание и прожаривание на солнце превратили бы его в превосходную мумию.

Лишь только выйдя из мертвой зоны, А. Б. вибнул обо всем произошедшем Джиту Киссуну, который похвалил их обоих, отчего Тигришка даже замурлыкала. А затем А. Б. все свое внимание сосредоточил на личных сообщениях.

Ребята из подразделения по борьбе с нарушениями общественного порядка повязали Сафрански. Однако они извинялись за некоторую задержку в слушании его дела: сейчас у них очень много работы.

Одним из последних сообщений была сельскохозяйственная новость: посевы капусты на фермах, снабжавших двенадцатый Перезагруженный город, подверглись нашествию ранее не

встречавшегося вида черной плесени.

Доза калорий в Нью-Пертпатне будет ограничена, но лишь на некоторое время.

Во всяком случае, власти выражали надежду.

Интервью
Фантазии в стиле «Рок»

Автор рассказа, который вы только что прочли, один из самых молодых писателей Америки, заслуживших авторитет у читательской аудитории. Естественно, редакции захотелось представить новейшую американскую прозу от имени ее апологета. Сегодня мы публикуем интервью П. Ди Филиппо журналу «Если», которое подготовил по нашей просьбе редактор «Интеркома» Андрей Чертков. Беседа состоялась с помощью электронной почты.
Журнал «ЕСЛИ» № 6, 1995 год

Пол, русские читатели вас почти не знают. Не могли бы вы рассказать немного о себе?

— Я родился в 1954 году и последние двадцать лет живу в грехе (если можно так выразиться) со своей подругой и помощницей Деборой Ньютон. Читать «твердую» НФ я начал в 1965 году, когда мне а руки попала книга Рэймонда Джоунса,

которая называлась «Год, когда упала звездная пыль»[239]. С тех пор фантастика навсегда стала моим любимым чтением, хотя в колледже мои вкусы существенно расширились. Сейчас мы снимаем себе жилье, имеем машину, сделанную двенадцать лет назад, да и вообще живем скромно.

— Почему из всех направлений НФ вы выбрали киберпанк?

— Свой первый рассказ я продал в 1977 году в малотиражный журнал «Un-Earth» («Внеземелье») — в нем, кстати, были опубликованы дебютные рассказы таких авторов, как Гибсон, Рюкер и Блэйлок[240]! Весьма неплохой рекорд для маленького журнала, а заодно и напоминание всем, какими ценными могут быть для литературы подобные издания. Однако я не

---

[239] Примечания: 239

Российскому читателю этот автор известен лишь по нескольким рассказам, из которых самый знаменитый — «Уровень шума». Упомянутый роман вышел в 1958 году и предназначен был в первую очередь для детской аудитории. (Здесь и далее прим. А. Черткова).

[240] Примечания: 240

Уильям Гибсон и Руди Рюкер — отцы-основатели киберпанка (см. рубрику «Информариум» в 1-м выпуске «Интеркома» в журнале «Если» № 1, 1995 г.). Джеймс П. Блэйлок — один из наиболее интересных современных фантастов, сумевший скрестить жанр фэнтези с психоделическими мотивами Филипа Дика, с которым был очень дружен в последние годы его жизни и даже может быть назван — вместе с К. У. Джетером и Тимом Пауэрсом — прямым учеником этого мастера.

делал каких-либо целенаправленных попыток стать профессиональным писателем вплоть до 1982 года. Лишь сейчас, двенадцать лет спустя, я только-только начинаю выбираться на твердую почву. Научную фантастику я начал писать просто потому, что это был мой самый любимый вид литературы, наиболее соответствующий моему мировоззрению. Что до киберпанка, то я вступил на этот путь независимо от других писателей. Например, мой рассказ «Детство Карла Великого», номинированный на «Небьюлу», был написан и напечатан еще до того, как я прочел хоть что-то из вещей Гибсона или Стерлинга. Но раз уж я связал свое творчество с творчеством этих двух (и некоторых других) писателей, то мне теперь совершенно ясно, что киберпанк — это самое волнующее, самое жизнеспособное направление в современном НФ-андерграунде, а следовательно, я тоже хочу вложить в него свои скромные два цента!

— Насчет «двух центов» вы, наверное, слишком скромничаете. И все же — какое место вы отводите в этом направлении себе?

— Я последний киберпанк «с членским билетом», у которого нет до сих пор собственной книги. По различным причинам я не смог отдать-

ся полностью литературной деятельности, когда это движение достигло наивысшего расцвета. Однако теперь, возможно, я стал более зрелым как автор и могу извлечь пользу из того, что наработали другие, и таким образом сотворить нечто такое, что продвинет литературу киберпанка еще на один шаг по пути, по которому он когда-то отправился.

— Какое значение, на ваш взгляд, имел киберпанк для развития фантастики?

— Киберпанк выполнил два больших дела: он заставил мирок научной фантастики, замкнутый, изолированный, варящийся в собственном соку, обратить хоть какое-то внимание на то, что происходит во внешнем мире. С другой стороны, он заставил внешний мир признать существование НФ! Думаю, это пошло на пользу им обоим.

— А что представляет из себя киберпанк сейчас? И существуют ли какие-то новые и важные направления в американской НФ, которые могут оказать влияние на ее дальнейшее развитие?

— Думаю, что лучше всех в ситуации разобрался фантаст и критик Альгис Будрис, когда сказал, что киберпанк неминуемо разделится на сотни течений и направлений, которые будут соот-

ветствовать тому, что делают отдельно взятые писатели. Мы можем видеть сейчас множество дурных имитаций под киберпанк, однако те, кто первым отметился на этом поприще, уже перешли к чему-то другому, привлекшему их внимание: Марк Лэйдлоу, например, недавно написал книгу в жанре «саспенса», а Майкл Суэнвик — роман в жанре «твердой фэнтези». Так что я полагаю, что сейчас, пока не наступил какой-то очередной волшебный момент времени, когда сольются воедино различные литературные силы, — увы, я не настолько волшебник, чтобы предсказать, когда он наступит, — киберпанк мертв. Да здравствует?..

— Как вообще появляются новые направления в фантастике? Они возникают спонтанно или этому способствуют какие-то внутренние причины?

— Я думаю, что здесь, по-видимому, действует смесь бессознательных причин и осознанных планов. Динамика социального, политического и культурного развития приводит к тому, что начинает вызревать новая форма искусства, ну а затем отдельные художники намеренно «поднимают волну», чтобы самим оказаться на ее гребне. Отсюда все эти манифесты, статьи и тому

подобное. Однако вы на можете искусственно создать направление, чье время еще не пришло. Вот, скажем, такое направление, как «техноготика» — как мне кажется, оно сейчас умирает а зародыше.

— Техноготика? Любопытный термин…

— Насколько я понимаю, техноготика — это такая небольшая мания, которая существует главным образом а Великобритании как попытка искусственно привнести причудливые порождения фантазии а наш реальный мир. Мне думается, что самыми знаменитыми образцами «техноготической» фантастики можно назвать романы Сторм Константайн[241], хотя я и не уверен, согласится ли она с этим утверждением. Впрочем, с моей точки зрения, эта попытка провалилась а самом начале.

— Каковы ваши планы насчет собственного первого романа? Над чем вы сейчас работаете? Когда ждать прорыва?

— Я написал уже четыре романа, и два, надеюсь, вскоре будут опубликованы. Энди Уотсон,

---

[241] Примечания: 241

Английская писательница, начавшая публиковаться во 2-й половине 80-х годов, автор целого ряда романов на грани НФ, фэнтези и панка, в которых, как правило, рассматриваются проблемы нетрадиционных сексуальных отношений.

который создал издательство «WCS Books» и уже выпустил книги Дика и Рюкере, планирует издать мой роман о заговоре, который называется «Шифры». Далее, Стив Браун, редактор журнала «Science Fiction Eye», вознамерился издавать книги (его первым релизом будет старый роман Джона Ширли), и вот он планирует выпустить мой роман в жанре современной сатиры, который называется «Печенка Джо». Ну и, кроме того, нью-йоркское издательство «Four Weils, Eight Windows» («Четыре стены, восемь окон») выпустит в апреле 95-го мой сборник из трех повестей, озаглавленный «Трилогия в жанре парового панка». Надеюсь, что эта последняя книге будет доступна куда более широкой аудитории, нежели мои журнальные публикации.

— Кстати, знаете ли вы, что ваша дебютная книга вышла как раз-таки не в США, а в России? Ее издал маленьким тиражом за свой счет Борис Завгородний. Это сборник «Киберпанки на Волге», где напечатано четыре рассказа Ди Филиппо и четыре рассказа Брюса Стерлинга.

— Честно говоря, я впервые об этом слышу! И я очень рад за себя, Брюса и Борисе! Надеюсь, эта книге станет раритетом, за которым будут охотиться коллекционеры, что принесет нам

всем троим финансы, необходимые для нашего плутократического уединения!

— Не собираетесь ли вы как-нибудь приехать в Россию?

— Мой родной штат, Род-Айленд, был основан колонистами, бежавшими от религиозных преследований, которым они подвергались не территории только зарождавшихся тогда Соединенных Штатов, и это был некий своеобразный «эксперимент» по насаждению терпимости и демократии. Таким образом, мы имеем традиции диссидентстве, неприятия условностей, но также и злостного индивидуализма, поскольку живущие здесь люди не испытывают особой любви к власть предержащим. И я чувствую некое душевное расположение к России, которая сейчас вступает в подобный, но куда более грандиозный эксперимент, и мне очень хотелось бы приехать к вам просто для того, чтобы разделить с вами и ваши радости, и неизбежные горести. Не говоря уже о том, что мы с Деб никогда не упустим случая отведать новую кухню.

— Между прочим, у нас есть направление, несколько схожее с вашим киберпанком. Его представители называют себя «турбореалистами».

— «Турбореализм» — отличное название! В одном своем рассказе, который назывался «Одна ночь в телевизионном городе» и был напечатан в антологии «Universe 1» («Вселенная 1»), составленной Робертом Силвербергом, я вывел героя по имени «Турбо». Я всегда думал, что это одно из самых ключевых слов, являющихся в некотором смысле квинтэссенцией конце XX веке. И все же боюсь, что, несмотря не все усилия Борис Завгороднего, присылавшего мне образцы русской НФ на английском языке, я прискорбно мало знаю о современных русских писателях-фантастах. Но антология новой русской фантастики, мне кажется, может найти хороший сбыт в США.

— В ваших рассказах много говорится о рок-музыке и рок-музыкантах.

— По мне, уже нет никакого смысла спорить о том, имеется ли сходство между НФ и поп-музыкой как двумя формами искусства XX века — это сходство, разумеется, есть, и оно очень притягательно и плодотворно. Слушание рока может научить писателя многим полезным трюкам и приемам, которые могут быть перенесены в НФ. (Все мы знаем о том, сколь многим Гибсон обязан

Лу Риду[242].) Моя самая, по-видимому, любимая — и, увы, уже не существующая — группа всех времен — это «Steely Den»[243], которая получила свое название благодаря одному из романов Уильяме Берроуза. Когда я пишу, я обычно слушаю программы радиостанции, которую финансирует местный колледж, и мне, как правило, нравится большая честь вещей. А вообще-то мои вкусы довольно эклектичны, хотя я не большой поклонник шумной и громкой музыки. Вчера, например, я слушал новые записи «Soundgerten» и «Everything But the Girl», е после этого — старые вещи «The Style Council», Джо Стреммера, Дэвида Бирна и Морриси.

— Как вы относитесь к фантастике в кинематографе и на телевидении? Какие фильмы и сериалы вам особенно нравятся, а какие нет?

— С течением времени я все более и более начинаю разочаровываться в НФ-кинематографе. Спецэффекты становятся асе более зрелищными,

---

[242] Примечания: 242

Один из наиболее известных экспериментаторов и «хулиганов» в мировой рок- музыке. В 60-х годах выступал в составе знаменитой группы «Velvet Underground»; в настоящее время работает сольно.

[243] Примечания: 243

Американская группа «интеллектуальной» направленности, много экспериментировала с джаз-роком и арт-роком. Прекратила свое существование в 1980 году.

а сценарии все тупее и тупее. Я предпочитаю классические итальянские картины (Феллини, Роселлини и т. д.) и малобюджетные фильмы вроде тех, что снимает Джим Джармуш. Что до телевидения, то я смотрю только новости и передачи о природе; меня привлекают такие дисциплины, как биология и зоология, что, кстати, объясняет мою склонность к стилю «рибофанк». Возможно, что мне и понравились бы какие-то телефильмы, однако я нахожу, что музыке и книги забирают у меня все свободное время.

— Вы упомянули стиль «рибофанк». Не могли бы вы пояснить, что это такое?

— «Рибофанк» — это термин, который я придумал несколько лет назад. Корень «рибо» — от «рибосомы», важного элементе органической клетки. А «фенк» — так называется музыкальный стиль, пионером которого были Джеймс Браун и другие исполнители. Иными словами, подразумевается, что это такой вид прозы, где биология играет более важную роль, чем кибернетике, в стиль ее скорее джазовый и заводной, нежели расслабленный, томный и угрюмый. Позже я написал несколько вещей в этом ключе, в затем, добавив к ним «Манифест рибофанка», напечатал в паре мест. Короче, это направление, которое в

нестоящий момент представляю я один.

— А как вы относитесь к повальному увлечению компьютерными играми?

— Компьютерные игры — это еще одна неисследованная область. После первоначального азарта, который они вызвали у меня еще где-то в начале 80-х, я более никогда не играл в них у себя дома. Мне куда больше по душе «аркады»[244], происходящие в нашем таком реальном и таком нездоровом мире! А вообще-то, если бы у меня было время, я с удовольствием покопался бы в имитационных пакетах типе «SimCity»[245].

— Каким, на ваш взгляд, будет наш мир в начале XXI века?

— Если мы прежде не убьем самих себя и всю планету, то мы накануне чертовски увлекательных событий!

— Спасибо за интервью.

Также хочу поблагодарить за помощь в организации интервью Бориса Завгороднего, Сергея

---

[244] Примечания: 244

Устоявшееся название для самого, пожалуй, распространенного класса компьютерных игр. Вкратце их суть можно выразить тремя словами: беги, бей, стреляй.

[245] Примечания: 245

Компьютерная игра стратегического типа, в которой моделируются процессы развития городской инфраструктуры.

Бережного, Леонида Рыжика и Брюса Стерлинга.

Пол Ди

ФИЛИППО

